

Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and Social educational ideas

ТОМ 7 № 6 часть 1

2015

Электронная версия: <http://www.hist-edu.ru>
<http://www.akademus07.ru>

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» является членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г. присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-37035
от 4.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)

ISSN 2219-6048 (Online)

Главный редактор

В.А. Штурба
д. и. н., профессор

Ответственный научный редактор

Е.В. Штурба
д. и. н., профессор

Научный редактор

Т.А. Халилов

Заведующий редакцией

Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии

А.М. Литвинов

Редакторы англоязычных текстов

Э.Х. Бакирова
Г.Г. Петунина

Корректор

А.Ф. Мишина

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Тел/факс: 8 861 237-62-19

E-mail: akademus07@rambler.ru

Учредители:

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт

Historical and Social educational ideas

TOM 7 № 6 part 1

2015

Web version address: <http://www.hist-edu.ru>
<http://www.akademus07.ru>

The Academic Journal «Historical and Social-Educational Ideas» has entered into the list of academic periodicals under review (those intended to publish the summaries on the study' outcomes, upon the theses nominated for Doctoral Degrees or the Candidate' standing), with the Resolution No 26/15 by the Supreme Attesting Commission Panel under the Russian Federation' Ministry of Education and Science, issued on June 17th, 2011.

The journal «*Historical and Social-Educational Ideas*» is member of the International Association PILA (Publishers International Linking Association). Unique alphabetic-digital identifiers DOI (*Digital Object Identifier*) are assigned to the articles of the journal *Historical and Social-Educational Ideas*, starting from its issue N 6, 2014.

Certificate of Incorporation:

ПИ No ФС77 - 37035
of August 4th, 2009

ISSN 2075-9908 (Hard Copies)

ISSN 2219-6048 (Web Online Version)

Editor-in-Chief:

V.A. SHTURBA,
Ph.D. in History, Professor.

Executive Scientific Editor

E.V. SHTURBA,
Ph.D. in History, Professor.

Research Supervisor:

T. Khalilov

Head of Editorial Board:

N.V. VAVILKINA

Web layout Designer:

A.M. Litvinov

***Editors for the
English wording:***

E. Bakirova
G. Petounina

Proofreader:

A.F.MISHINA

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Federation Academic Citation Index operated by the Russian Research E-Library.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

The Journal is issued 6 times a year.

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the Publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

OFFICE ADDRESS:

32 Zavodskaya Str., Apt.301, Pashkovsky micro-distr.,
Krasnodar city, 350080 RUSSIA
Journal «Historical and Social educational idea's»
Editorial Office
Phone/fax: 8 861 237-62-19
E-mail: akademus07@rambler.ru

Incorporators:

Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
Northern Kuban Region Institute for the Humanities and Technologies

Редакционная коллегия

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан факультета педагогики, психологии и коммуникативистики КубГУ.
Краснодар.Россия

Звягольский Андрей Юрьевич доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарской академии МВД России
Краснодар. Россия

Кононенко Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Директор Армавирского института социального образования (филиала) ФГБОУ ВПО РГСУ (Российский государственный социальный университет), Армавир. Россия.

Меликян Александр Максимович кандидат юридических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Армавирского института социального образования (филиала) ФГБОУ ВПО РГСУ (Российский государственный социальный университет), Член-корреспондент Российской академии естественных наук, Член Российской академии юридических наук, заслуженный юрист Кубани,
Армавир. Россия.

Микерова Галина Жоршовна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и методики начального образования Кубанского государственного университета. Заслуженный учитель РФ, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, Краснодар. Россия

Рассказов Леонид Павлович, доктор юридических наук, доктор исторических наук., профессор, Заведующий кафедрой Кубанского государственного аграрного университета, председатель объединенного диссертационного совета по присуждению ученой степени доктора юридических наук при Кубанском государственном аграрном университете. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки Кубани, Краснодар. Россия

Сычев Евгений Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности и организации деятельности ГИБДД Краснодарского университета МВД России, Краснодар. Россия

Турицын Игорь Викторович, доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Московского педагогического университета им. В.И. Ленина, президент НИИ истории, экономики и права. Главный редактор научного журнала «Современная научная мысль», Москва, Россия

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор Кафедры педагогики и психологии Кубанского государственного университета, Краснодар. Россия

Editorial board

Grebennikova Veronika Mikhailovna, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of Department of pedagogy and psychology, Dean of the faculty of pedagogy, psychology and communication, Kuban state University
Krasnodar. Russia

Zvyagolskiy Andrey Yurievich, Doctor of History, Professor., Professor of Department of constitutional and administrative law of the Krasnodar Academy of the MIA of Russia, Krasnodar. Russia

Kononenko Viktor Mikhailovich, Doctor of History, Professor , Director Armavir Institute of Social Education (affiliated branch) of Russian State Social University, Armavir. Russia.

Melikyan Alexander Maksimovich, Doctor of History, Professor of Armavir State Pedagogical University, Member-correspondent of the Russian Academy of natural Sciences, Member of the Russian Academy of legal Sciences, Honored Lawyer of the Kuban,
Armavir. Russia.

Mikeroval Galina Zhorshevna, Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Primary School of Kuban State University. Honored teacher of the Russian Federation, corresponding member of Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar. Russia

Rasskazov Leonid Pavlovich, Doctor of legal Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department, Kuban state agrarian University, Chairman of the joint of the dissertation Council for the award of degree of doctor of legal Sciences at the Kuban state agrarian University. Honored scientist of Russian Federation, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, honored worker of science of the Kuban. Krasnodar. Russia

Sychev Evgeniy Anatolievich. Candidate of legal Sciences, associate Professor - associate Professor of the Department of administration and organization of the activities of traffic police Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia. Krasnodar. Russia

Turitsyn, Igor Viktorovich, Doctor of History, Doctor of economic Sciences , Professor, Professor of chair of Russian history at Moscow pedagogical University. V.I. Lenin , President, History, Economics and Law Research Institute (HELRI). Chief editor of the scientific journal «Современная научная мысль» , Moscow, Russia

Faktorovich Alexander Lvovich, doctor of philological Sciences, Professor of the Department of history and legal regulation mass communications, Kuban state University, Krasnodar, Russia

Sturba Evgeny Viktorovich, Doctor of History, Professor, Professor of the Department of pedagogy and psychology, Kuban state University,
Krasnodar. Russia

Редакционный Совет**Председатель Редакционного Совета**

Волков Юрий Григорьевич, заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, действительный член академии социальных наук России, директор Института по переподготовке и повышению квалификации Южного федерального университета, заведующий кафедрой социологии, политологии и права (ИППК ЮФУ)

Ростов на Дону. Россия

Абрамов Валерий Петрович, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Российской академии естественных наук, член правления президиума РОПРЯЛ, декан филологического факультета заведующий кафедрой русского языка как иностранного Кубанского государственного университета (КубГУ)

Краснодар.Россия

Астанина Лариса Викторовна, доктор исторических наук, профессор, Ректор, Московский Институт Современного Академического Образования (МИСАО)

Москва. Россия

Бедерханова Вера Петровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета (КубГУ).

Краснодар. Россия

Бирюков Павел Николаевич, доктор юридических наук профессор, заведующий кафедрой. международного и европейского права Воронежского государственного университета

Воронеж. Россия

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса.

Москва. Россия

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философских наук, доктор математика - биологических наук, профессор кафедры «Компьютерные науки и Математика». Ариэльский Университет.

Тель - Авив. Израиль.

Ващенко Александр Николаевич, доктор экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления Волгоградского института бизнеса, главной редактор журнала «Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса»

Волгоград. Россия

Гардабхадзе Ирина Анатольевна, доцент, профессор кафедры дизайна одежды Киевского Национального Университета Культуры и Искусств (КНУКИМ)

Киев. Украина

Editorial Board**Chairman Of The Editorial Board**

Volkov Yuriy Grigorievich, honored scientist of RF, doctor of philosophical Sciences, Professor, full member of the Academy of social Sciences, Director of the Institute for retraining and professional development of the southern Federal University, head of Department of sociology, political science and law (Institute SFU)

Rostov-on-Don. Russia

Abramov Valeriy Petrovich, honored worker of science of the Russian Federation, Doctor of philological Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Academician of the Russian Academy of natural Sciences, member of the Board of the Presidium of the РОПРЯЛ. Dean of philological faculty, Head of the Department of Russian as a foreign language Kuban state University.

Krasnodar. Russia

Astanina Larisa Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of Moscow Institute of Modern Academic Education

Moscow. Russia

Bederkhanova Vera Petrovna, Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogics of Kuban State University.

Krasnodar. Russia

Biryukov Pavel Nikolaevich, Doctor of law, Professor, Head of the Department International and European law of the Voronezh state University

Voronezh. Russia

Bugai Nikolai Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief researcher at the Institute of Russian history RAS, full state counselor of the Russian Federation, class III.

Moscow. Russia

Bunimovich-Mendrazitsky Svetlana, Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Mathematics of Biological Sciences, Professor of the Department of Computer Science and Mathematics, Ariel University,

Tel-Aviv. Israel

Vashchenko Aleksandr Nikolaevich, Doctor of Economics. Sciences, Professor, Professor, Department of Economics and Management, Volgograd Institute of Business, editor in chief of «Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business»

Volgograd. Russia

Gardabkhadze Iryna Anatolievna, Associate Professor, Professor of fashion design department, Kiev National University of Culture and Arts

Kiev. Ukraine

Гомулка Кристина, профессор, доктор наук, факультет Менеджмента и экономики Гданьского политехнического университета,
Гданьск, Польша

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий Кубанского государственного университета (КубГУ).
Краснодар. Россия

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культурологии Кубанского государственного университета (КубГУ).
Краснодар. Россия

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России
Москва. Россия

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России.
Краснодар. Россия

Пусько Виталий Станиславович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана
Москва. Россия

Ратушняк Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член Академии социальных наук, член-корреспондент Международной Академии высшей школы, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета (КубГУ)
Краснодар. Россия

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, профессор Восточного университета им. Махмуда Кашгари, консультант-эксперт Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС) от Кыргызской Республики.
Бишкек. Кыргызстан

Чепель Татьяна Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики Новосибирского государственного педагогического университета, действительный член Академии прогнозирования (Российское отделение Международной академии исследования будущего)
Новосибирск. Россия

Шалюгина Татьяна Александровна, доктор философских наук, доцент, директор Кореновского политехнического колледжа.
Краснодар. Россия

Gomyika Krystyna, Doctor of science, Professor, Department of Economics and Management, Gdansk Polytechnic University
Gdansk, Poland

Grushevsky Sergei Pavlovich, Doctor of Pedagogics, Professor, Dean of Faculty of Mathematics and Computer Sciences, Head of the Department of information technology in the sphere of education of Kuban State University.
Krasnodar. Russia

Kasyanov Valeriy Vasilevich Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and Cultural Studies of Kuban State University,
Krasnodar. Russia

Nevskiy Sergei Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of operational and technical activities of the internal affairs of Russian Institute of Advanced Police Academy Russia
Moscow. Russia

Popov Mikhail Yurievich, Doctor of Sociology, Professor, Professor of Department of Philosophy and sociology of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Krasnodar. Russia

Pusko Vitaly Stanislavovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, head of the department of political science MGU of AD Bauman
Moscow. Russia

Ratushnyak Valery Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored science worker of the Kuban, the Honored worker of a science of the Russian Federation, Member of the Academy of Social Sciences, Member-correspondent of the International Academy of higher school, Head of the Department of pre-revolutionary Russian history of the Kuban state University,
Krasnodar. Russia

Toktosunova Adash Iskanderovna, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Eastern University Mahmud Kashgari, Expert consultant of the Interstate Fund for humanitarian cooperation of CIS member States (MFGS) from the Kyrgyz Republic.
Bishkek. Kyrgyzstan

Chepel Tatyana Leonidovna, candidate of psychological Sciences, associate Professor, Professor of the pedagogics and psychology of the Novosibirsk state pedagogical University, member of the Academy of forecasting (The Russian branch of the International Academy of research for the future)
Novosibirsk. Russia

Shalyugina Tatyana Aleksandrovna, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Director of Korenovsky polytechnical school
Krasnodar. Russia

СОДЕРЖАНИЕ	CONTENTS
<i>Исторические науки</i>	<i>Historical Sciences</i>
АЛЕКСЕЕНКО О. И., Краснодар, Россия ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КУБАНИ И СТАВРОПОЛЯ ПО РАЗВИТИЮ ПРОИЗВОДСТВА ХИМИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В 1966-1980 гг.	17 ALEKSEENKO O. I., Krasnodar, Russia, ACTIONS TAKEN BY THE LOCAL AUTHORITIES OF THE KUBAN AND STAVROPOL REGIONS FOR DEVELOPING PRODUCTION OF CHEMICAL AGENTS FOR FARMING, OVER THE PERIOD FROM 1966 TO THE 1980-IES
АНТОНОВА А. В., Краснодар, Россия ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСТАВЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ 1864 ГОДА	25 ANTONOVA A. V., Krasnodar city, Russia HISTORICAL ANALYSIS OF THE FORMATION OF MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURE FOR JUVENILE PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CHARTER OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA IN 1864
БОБРОВ Л. А., Новосибирск, Россия САЛЬНИКОВ А. В., Армавир, Россия ШИРОКОЛЕЗВИЙНЫЕ ТОПОРЫ «БАЛТА» ИЗ ФОНДОВ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ	29 BOBROV L. A., Novosibirsk city, Russia SALNIKOV A. V., Armavir city, Russian WIDE-BLAD AXES «BALTA» FROM THE COLLECTION OF THE OMSK STATE HISTORY MUSEUM
БОГДАНОВА П. Б., Москва, Россия РЕЖИССЕР ОЛЕГ ЕФРЕМОВ, КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА ТЕАТРА «СОВРЕМЕННОК»	36 BOGDANOVA P. B., Moscow city, Russia OLEG EFREMOV, STAGE DIRECTOR OPENING A BRAND-NEW PERIOD IN THE STORY OF THE SOVREMENNIIK THEATER
ВАРТАНЬЯН Э. Г., Краснодар, Россия ПРЕЗИДЕНТ СУКАРНО: СВЕРШЕНИЯ И ОШИБКИ	40 VARTANYAN E. G., Krasnodar city, Russia PRESIDENT SUKARNO: ACHIEVEMENTS AND FAULTS
ГЕДГАФОВА К. А., Нальчик, (Кабардино-Балкария), Россия ФЕНОМЕН КЛАНОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД АКТИВНОЙ ФАЗЫ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ	45 GEDGAFOVA K. A., Nalchik city, (Kabardino-Balkarian), Russia THE CLAN RELATIONS PHENOMENON IN THE PERIOD OF SOVIET MODERNIZATION ACTIVE PHASE IN KABARDINO-BALKARIA
ИСТЯГИНА-ЕЛИСЕЕВА Е. А., Москва, Россия ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ СРЕДСТВАМИ СПОРТА И КОМПЛЕКСА ГТО В ПЕРИОД 1917-1940 гг.	49 ISTIAGINA-ELISEEVA E. A., Moscow city, Russia BRINGING YOUTH UP IN BRAVE AND PATRIOTIC SPIRIT BY MEANS OF SPORTS WITH THE SET OF STANDARDS «BE READY TO WORK AND DEFEND YOUR HOMELAND» (GTO STANDARDS) SINCE 1917 TO THE 1940-IES.
ЛАВРЕНТЬЕВ А. В., Владивосток, Россия ТРАНСПОРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В 1990-е – 2000-е гг.	52 LAVRENTIEV A. V., Vladivostok city, Russia TRANSPORT SUPPORT FOR THE FAR EAST OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE 1990S–2000- IES
МАГОМЕДОВ И. О., Махачкала, (Республика Дагестан), Россия К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И СКОВОДСТВА У ОБЩЕСТВА ТИНДАЛ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	56 MAGOMEDOV I. O., Makhachkala city (Dagestan), Russia AN APPROACH TO FARMING AND CATTLE BREEDING PRACTICES EMERGED IN THE TYNDALL COMMUNITY: AN OVERVIEW BACK TO THE PAST
МАГОМЕДОВ М.-Г. Г., Махачкала, (Республика Дагестан), Россия ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДА ДАГЕСТАНСКИЕ ОГНИ	59 MAGOMEDOV M.-G. G., Makhachkala city, (Republic of Dagestan), Russia DAGESTAN(SKIYE) OGNI TOWN: A STORY IN THE MAKING
МАХАЛКИНА М. А., Краснодар, Россия АБХАЗИЯ, ПРИДНЕСТРОВЬЕ И ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В 1991–2008 гг.	62 MAKHALKINA M.A., Krasnodar city, Russia ABKHAZIA, TRANSNISTRIA AND SOUTH OSSETIA IN THE FOREIGN POLICY OF RUSSIA IN 1991- 2008

РУСИНОВ А. А., Ярославль, Россия «ЕДА КАК ОРУЖИЕ»: ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ И СУЖДЕНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПОМОЩИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ	69	RUSINOV A. A., Yaroslavl city, Russian «FOOD AS A WEAPON»: ASSUMPTIONS AND OPINIONS OF THE AMERICAN PRESS ON THE POLITICAL PURPOSES OF THE AMERICAN RELIEF ADMINISTRATION IN SOVIET RUSSIA
СТРАХОВА И. А., Белгород, Россия, ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В 1918-1922 гг. (НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)	75	STRAKHOVA I. A., Belgorod city, Russia INTERRELATION OF STATE POWER AND ORTHODOX CLERGY IN THE PERIOD 1917-1920 (ON TERRITORY OF THE MODERN BELGOROD AREA)
ХУДЯКОВА М. И., Москва, Россия ТРАДИЦИИ АВАНГАРДА В СПЕКТАКЛЯХ КРИСТОФА МАРТАЛЕРА	79	KHUDIAKOVA M. I., Moscow city, Russia TRADITIONS OF AVANT-GARDE SHOWN IN THE PERFORMANCES BY CHRISTOPH MARTHALER
ЧЕРНИКОВ С. Н., Славянск-на-Кубани, Россия РАЗВИТИЕ МЕЖХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ И АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ КУБАНИ В 1970-х гг.	87	CHERNIKOV S. N., Slavyansk-on-Kuban city, Russian RAISING COOPERATION AMONG FARM HOLDINGS AND AGROINDUSTRIAL INTEGRATION IN FARM PRODUCTION OF THE KUBAN REGION IN THE 1970-IES.
ШЕБЗУХОВА Т. А., СОСНИНА Е. Л., БОНДАРЕНКО Н. Г., г. Пятигорск, Россия ФРАНКОЯЗЫЧНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XVIII–XIX ВВ. О ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ (К ПРОБЛЕМЕ ДРЕВНИХ КОНТАКТОВ МЕЖДУ НАРОДАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА, АЗИИ И ЕВРОПЫ)	91	SHEBZUHOVA T. A., SOSNINA E. L., BONDARENKO N. G., Pyatigorsk city, Russia FRENCH-SPEAKING EXPLORERS OF THE NORTHERN CAUCASUS IN THE XVIII AND XIX CENTURIES REPORTING ON THE LARGEST SILK ROUTE (AN APPROACH TO THE ANCIENT CONTACTS BETWEEN THE COMMUNITIES INHABITING THE NORTHERN CAUCASUS, ASIA AND EUROPE)
ЭФРИКЯН Р. А., БУШКОВ Д. В., Краснодар, Россия ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ БЮДЖЕТНЫХ (ВНЕБЮДЖЕТНЫХ) ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX в.	96	EFRIKYAN, R. A., BUSHKOV D. V., Krasnodar city, Russian FEATURES OF DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF CRIMES IN THE SPHERE OF THE BUDGET (EXTRA-BUDGETARY RELATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE OF THE SECOND HALF OF XIX - EARLY XX CENTURIES)
ЯКОВЛЕВА Л. В., Краснодар, Россия ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ	100	YAKOVLEVA L. V., Krasnodar city, Russian HISTORY OF THE FORMATION OF THE CRIMINAL PROCEDURAL LAW IN RUSSIA
Социологические науки		Sociological Sciences
АМИРБЕГОВ Ю. М., Москва, Россия О СМЫСЛЕ БЫТИЯ - Я ВЕРЮ И ПРИОБЩАЮСЬ	107	AMIRBEGOV Y. M., Moscow city, Russia ON THE MEANING OF LIFE - I BELIEVE AND RECEIVE
АРИПШЕВ . М. А., Нальчик (Кабардино-Балкария), Россия НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА	111	ARIPSHEV M. A., Nalchik city, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia SOME FEATURES OF STATE REGULATION OF ECONOMIC SECURITY OF THE REGION
ВОЙНИЛОВ Ю. Л., Москва, Россия КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ БИХЕВИОРИЗМА В РАБОТАХ ДЖОРДЖА ГЕРБЕРТА МИДА	114	VOYNILOV Y. L., Moscow city, Russia CRITICAL RECEPTION OF BEHAVIORISM IN THE WORKS OF GEORGE HERBERT MEAD
ГАЙНЦЕВ Е. Г., Уфа, (Республика Башкортостан), Россия СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИНТЕРНЕТ- ЗАВИСИМОСТИ	116	GAYNZEV E. G., Ufa (Republic Of Bashkortostan), Russia SOCIAL IMPLICATIONS OF THE INTERNET ADDICTION

ГОНТАРЬ С. М., Тамбов, Россия ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ Организации Договора о коллективной безопасности	119	GONTAR . M., Tambov city, Russia THE ACTIVITIES OF THE STATE APPARATUS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SPHERE OF DEVELOPMENT OF MILITARY COOPERATION WITHIN THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION
ГООВ И. М., Нальчик (Кабардино-Балкария), Россия ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ КАК РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	125	GOOV I. M., Nalchik city, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia URGENT CHALLENGES IN FIGHTING AGAINST RELIGIOUS EXTREMISM
ДЫЛКОВ А. С., Москва, Россия ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ	128	DYLKOV A. S., Moscow, Russia THE MAIN PROBLEM OF COUNTERACTION AGAINST CORRUPTION
ИЛЬИН А. А., Москва, Россия МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНО- ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАКТИК И ТИПОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ.	131	ILIN A. A., Moscow city, Russia MODEL OF SOCIAL AND INFORMATION PRACTICES SYSTEM AND TYPOLOGY OF INTERNET ADDICTION.
КАКАЛИЯ И. М., Москва, Россия ХАРАКТЕРИСТИКА НАИБОЛЕЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ТУРИСТСКИХ РАЙОНОВ АБХАЗИИ	137	KAKALIYA I. M., Moscow city, Russia CHARACTERISTICS OF THE MOST PROMISING TOURIST REGIONS OF ABKHAZIA
КИСЕЛЕВА М. Г., Москва, Россия ТИПЫ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У МАТЕРЕЙ ДЕТЕЙ С ВПС В ВОЗРАСТЕ ОТ 1 ДО 12 МЕСЯЦЕВ ВО ВРЕМЯ ХИРУРГИЧЕСКОГО ЛЕЧЕНИЯ	141	KISELEVA M. G., Moscow city, Russia THE TYPES OF COPING BEHAVIOUR OF MOTHERS OF INFANTS (1-12 MONTHS OLD) WITH CHD HOSPITALIZED FOR SURGICAL TREATMENT
КОДЗОКОВ А. Х., Нальчик (Кабардино-Балкария), Россия МОДЕЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ СРЕДСТВ ФИЗИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ	144	KODZOKOV A. H. Nalchik city, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia MODEL OF POLICE OFFICERS' ACTION ON USING THE MEANS OF PHYSICAL IMPACT ON OFFENDERS
КОНЦЕВАЯ Н. А., Москва, Россия ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ И ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ С АУДИТОРИЕЙ	149	KONTSEVAYA N. A., Moscow city, Russia TRANSFORMATION OF THE INTERACTION OF PUBLIC RELATIONS AND PUBLIC DIPLOMACY WITH AN AUDIENCE
КУРМАЗ Ю. В., Тюмень, Россия ВОЗМОЖНОСТЬ ВЛИЯНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ	153	KURMAZ J.V., Tyumen city, Russia THE POSSIBLE INFLUENCE OF RELIGIOUS IDEOLOGY ON THE FORMATION OF RELIGIOUS ARCHITECTURE
ЛАШОВА С. Н., КЛОЧКО К. А., Пермь, Россия ОСНОВНЫЕ КАНАЛЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РЕГИОНА В ИНТЕРНЕТЕ	157	LASHOVA S.N., KLOCHKO K.A. Perm city, Russia MAJOR CHANNELS OF FORMING THE IMAGE OF A REGION ON THE INTERNET
МАСШЕКУАШЕВА М. Х., Нальчик (Кабардино-Балкария), Россия СЛУЖЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	160	MASHEKUASHEVA M. H., Nalchik city, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia OFFICIAL DISCIPLINE IN THE INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION: WAYS OF IMPROVING
МОУРАВОВ А. Л., г. Ардон, (Республика Северная Осетия-Алания), Россия СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ВРЕМЕНИ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ	163	MOWRAVOV A. L., Ardon town, (Republic of Northern Osetya-Alanya), Russia CONTEMPORARY CONCEPTS OF TIME SPAN IN NATURAL DEVELOPMENTS
ПЕТРИКИНА А. А., Краснодар, Россия СОЦИАЛЬНАЯ И ПРАВОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЦИФРОВЫХ СРЕДСТВ ФИКСАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	170	PETRIKINA A. A., Krasnodar city, Russian SOCIAL AND LEGAL SIGNIFICANCE OF DIGITAL MEANS FOR RECORDING INFORMATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

PODGÓRECKI J., ROPSKI J., Opole, Polska, КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ	173	PODGÓRECKI J., ROPSKI J., Opole, Polska, COMMUNICATIVE COMPETENCE
ПОДРОЙКИНА И. А., Ростов на Дону, Россия К ВОПРОСУ О ПОСЛЕДСТВИЯХ УКЛОНЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ	179	PODROYKINA I. A., Rostov na Donu city, Russian TO THE QUESTION ON THE CONSEQUENCES OF EVASION FROM SERVING THE CRIMINAL PUNISHMENT
ПУСТОЗЕРОВА О. В., Москва, Россия ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ МИНЕРАЛОВ В ИНТЕРЬЕРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	184	PUSTOZEROVA O. V., Moscow city, Russia PICTURESQUE EXPRESSIVENESS OF MINERALS APPLIED FOR THE INTERIOR' DESIGN
РАЗОВ П. В., Россия РИСКИ В СФЕРЕ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЗАПАСА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ	188	RAZOV P. V. Russia RISKS FOR FAMILY LIFE OF RUSSIAN RESERVE MILITARY SERVANTS IN THE CONTEXT OF SOCIAL ADAPTATION TO CIVILIAN LIFE
РЯБИНСКАЯ Т. С., г. Шахты, Россия НЕОПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА ЛЖИ И ОБМАНА	194	RYABINSKAYA T. S., Shakhty city, Russian NEO PAREMIOLOGICAL REPRESENTATION OF SOCIOCULTURAL PHENOMENON LIES AND DECEIT
СЕРЕБРЯКОВА Т. А., ФАЗЛЫ Е. П., Нижний Новгород, Россия ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К СЕМЬЕ И БРАКУ У СТУДЕНТОВ ВУЗА	199	SEREBRYAKOVA T. A., FAZLY E. P., Nizhny Novgorod city, Russia EMPIRICAL STUDY OF THE VALUE-LADEN ATTITUDE TO FAMILY AND MARRIAGE IN THE COURSE OF MATURING IN STUDENTS OF GRADUATE SCHOOLS
СКВОРЦОВ Д. Е., Волгоград, Россия РОЛЬ ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССАХ ОСМЫСЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ	204	SKVORTSOV D. E., Volgograd city, Russia PART TAKEN BY THE IMAGINATIVE THINKING IN CULTURE PERCEIVING' PROCEDURES
СУЛИНА В., Санкт-Петербург, Россия СУБЪЕКТЫ МЕДИАДИСКУРСА БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА	207	SULINA O. V., Saint-Petersburg city, Russia THE SUBJECTS OF MEDIADISOURSE OF BUDGET PROCESS
ТАРЧОКОВ Б. А., Нальчик (Кабардино-Балкария), Россия МОТИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	211	TARCHOKOV B. A., Nalchik city, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia MOTIVATION SPECIFIC FOR YOUNGSTERS INVOLVED INTO TERRORIST OPERATION
ЧЕЧЕНОВ А. М., Нальчик (Кабардино-Балкария), Россия ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЙСТВИЙ ОВД ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ ЗАЛОЖНИКОВ	214	CHECHENOV A. M., Nalchik city, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia ASPECTS OF ARRANGEMENT AND TACTICS IN THE OPERATION OF ANTI-TERRORIST FORCES UNDER THE MINISTRY OF INTERIOR TO FREE HOSTAGES
ЭМИРБЕКОВА Э. Э., г. Махачкала, Дагестан, ПРАКТИКИ ВЛАСТИ В ЯЗЫКОВОМ ПОЛЕ ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ	217	EMIRBEKOVA E. E., Makhachkala city, (Dagestan), Russia PRACTICES OF AUTHORITY IN THE FIELD OF LANGUAGE SPACE OF THE INDIVIDUAL
Образование и педагогические науки		Education and Pedagogical Sciences
АВДЕЕВА Т. И., ВЫСОКОС М. И., ЗЫКОВА С. И., Орехово-Зуево, (Московская область), Россия КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ	223	AVDEEVA T. I., VYSOKOS M. I., ZYKOVA S. I., Orekhovo-Zuyevo city, (Moscow Region), Russia THE FORMATION OF SPIRITUAL-AESTHETIC VALUES IN THE CLASSES ON «CONCEPTS OF MODERN NATURAL SCIENCE»

БОЛОКОВА Н. К., Майкоп, Россия	227	BOLOKOVA N. K., Maykop city, Russia.
ПРЕОБРАЗОВАНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ КОНЦЕПТА «ВРАЧ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ		TRANSFORMATION OF AXIOLOGICAL OPTIONS OF THE CONCEPT 'DOCTOR' IN MODERN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE
БУКРЕЕВА О. М., Курск, Россия	232	BUKREEVA O. M., Kursk city, Russia
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ОВЛАДЕНИЯ ИНТОНАЦИОННОЙ СЕМАНТИКОЙ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ		PEDAGOGICAL CONDITIONS OF EFFECTIVE INTONATION SEMANTICS ACQUISITION AS A COMPONENT OF PROFESSIONAL COMMUNICATION OF FUTURE BACHELORS OF PEDAGOGICAL EDUCATION
ВАСИЛЕЦ Н. В., Абакан (Хакасия), Россия	236	VASILETS N. V., Abakan city, (Khakassia), Russia
ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ОТЦА И МАТЕРИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНО-ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ		THE IMPACT OF FATHER'S AND MOTHER'S VALUES ON THE FORMATION OF VALUES OF ADOLESCENTS
ВАСИЛЬЕВА Т. В., ГРЕБЕННИКОВ О. В., НИКИШИНА И. Н., г. Краснодар, Россия	239	VASILIEVA T., GREBENNIKOV O., NIKISHINA I., Krasnodar, Russia
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СИСТЕМЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ В ССУЗЕ ЮРИСТОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА		CULTUROLOGICAL APPROACH IN THE SYSTEM OF METHODOLOGICAL APPROACHES TO TRAINING IN COLLEGES OF MID-LEVEL LAWYERS
ВОДЕНИЦКАЯ Ж. В., ГЫЧЕВ А. В., ГРИЦКЕВИЧ Н. К., Томск, Россия	248	VODENITSKAYA Z. V., GYCHEV A. V., GRICKEVICH N. K., Tomsk city, Russia
СНИЖЕННАЯ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ КАК ФАКТОР ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГОВ ДОО		REDUCED EFFICIENCY AS A FACTOR MANIFESTING THE EMOTIONAL BURNOUT OF TEACHERS OF PRE-SCHOOL INSTITUTIONS
ГАСАНОВА Р. Р., РОМАНОВ А. М., Москва, Россия	252	GASANOVA R. R., ROMANOV A. M., Moscow city, Russia
МЫСЛИ О МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА, СРЕДЫ ВУЗА И ВРЕМЕНИ		THOUGHTS ABOUT MODERNIZATION OF EDUCATIONAL SPACE, UNIVERSITY ENVIRONMENT AND THE TIME
ГЕРЦИЙ В. М., Москва, Россия	255	GERCIY V. M., Moscow city, Russia
ВИНА И СТРАДАНИЕ В СТРУКТУРЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО		THE GUILT AND SUFFERING IN THE STRUCTURE OF "CRIME AND PUNISHMENT" BY F. DOSTOEVSKY
ГОРБОВСКАЯ С. Г., Санкт-Петербург,	260	GORBOVSKAYA S. G., Saint-Petersburg city, Russian
АНАЛИЗ ФЛОРООБРАЗА «ЛИЛИЯ» В ПОЭМЕ А. РЕМБО «ЧТО ГОВОРЯТ ПОЭТУ О ЦВЕТАХ»		THE ANALYSIS OF «LILY-IMAGE» IN A. RIMBAUD'S POEM «TO THE POET ON THE SUBJECT OF FLOWERS»
ГРЕБЕННИКОВА В.М. НИКИТИНА Н. И., г. Москва, Россия АГРОНИНА Н. И., г. Курск, Россия	263	GREBENNIKOVA V., Krasnodar, Russia NIKITINA N., Moscow, Russia AGRONINA N. Kursk Russia
СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТИВНОСТЬ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С МЕНТАЛЬНОЙ ИНВАЛИДНОСТЬЮ К САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ В СОЦИУМЕ: СУЩНОСТЬ, СПЕЦИФИКА, УРОВНИ ПРОЯВЛЕНИЯ, КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ ИХ ОЦЕНКИ		SOCIAL ADAPTABILITY OF YOUNG PEOPLE WITH MENTAL DISABILITIES FOR INDEPENDENT LIFE IN SOCIETY: ESSENCE, SPECIFICITY, LEVELS OF EXISTENCE, CRITERIA AND INDICATORS FOR THEIR EVALUATION
ДАЛГАТОВ И. Х., Махачкала (Республика Дагестан) Россия	273	DALGATOV I. Kh., Makhachkala city, (Republic of Dagestan), Russia
СИВУХСКИЙ ГОВОР В СИСТЕМЕ ДИАЛЕКТОВ АВАРО-АНДО-ЦЕЗСКОЙ ГРУППЫ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ		SIVUKH VERNACULAR WITHIN THE SETUP OF DIALECTS OF THE AVAR-ANDI – TSEZ GROUP OF DAGESTAN LANGUAGES

ДОНДОКОВА Р. Б., ПОСХОДИЕВА Д. В., Улан-Удэ, (Бурятия), Россия	277	DONDOKOVA R., POGODAEVA D. Ulan-Ude city, (Buryatia) Russia
РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ		DEVELOPMENT OF CREATIVE POTENTIAL OF STUDENTS IN THE STUDYING PROCESS IN A PEDAGOGICAL UNIVERSITY
ЕРОХИНА А. Ми., Москва, Россия	281	EROKHINA A. M., Moscow city, Russia
ЛЕКСИЯ – ТЕКСТОВАЯ ЕДИНИЦА РИТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ		LEXIE AS A TEXTUAL UNIT OF RHETORICAL POETICS
ЕФИМОВА В. Л., Санкт-Петербург, Россия	288	EFIMOVA V. L., Saint-Petersburg, Russia
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДИКИ «ЛОГО-БАТУТ» В ПРОЦЕССЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С УЧЕБНЫМИ ЗАТРУДНЕНИЯМИ		USING THE METHODOLOGY OF "LOGO- TRAMPOLINE" IN PEDAGOGICAL SUPPORT OF CHILDREN WITH LEARNING DIFFICULTIES
ЗОЛОТУХИН С. А., Курск, Россия	292	ZOLOTUKHIN S. A., Kursk city, Russia
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПИСАНИЮ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ		THEORETICAL APPROACHES TO THE DESCRIPTION OF PERSONAL LEARNING ENVIRONMENT
ЗОТОВ С.Н., Таганрог, Россия	296	ZOTOV S. N., Taganrog city, Russian
ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (К ЭПИСТЕМОЛОГИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК)		THE PROBLEM OF STUDYING BELLETRISTIC LITERATURE (HUMANITIES EPISTEMOLOGY)
КАНИНА С. Ю., ЕРМОЛАЕВА Е. В., Ульяновск, Россия	300	KANINA S. Y., YERMOLAYEVA E. V., Ulyanovsk city, Russia
МНОГООБРАЗИЕ СТИЛЕВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖЕРОМА ДЭВИДА СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»		THE DIVERSITY OF THE ENGLISH LANGUAGE STYLE IN THE BOOK BY JEROME DAVID SALINGER "THE CATCHER IN THE RYE"
КАРМАНОВА М. В., Краснодар, Россия	304	KARMANOVA M.V., Krasnodar city, Russian
ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СУГГЕСТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СКАЗОК НА СЦЕНАРИЙ ЖИЗНИ РЕБЕНКА		THE PSYCHO-LINGUISTIC ASPECT OF FAIRY TAILS' SUGGESTIVE INFLUENCE ON THE CHILD'S LIFE SCENARIO
КОВАЛЕВСКАЯ Н. В., ТИМЧЕНКО Н. М., ТАГВОРЯН М. П., Санкт-Петербург, Россия	307	KOVALEVSKAIA N. V., TIMCHENKO N. M., TAGVORYAN M. P., Saint-Petersburg city, Russia
МНОГОГРАННОСТЬ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К РОЛИ ЯЗЫКА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ		THE MULTI-SIDEDNESS OF LINGUA-ACADEMIC APPROACHES TOWARDS THE ROLE OF LANGUAGE IN WORLD POLITICS
КОДОЛА Н. В., КОДОЛА В. Г., Москва, Россия	311	KODOLA N. V., KODOLA V. G., Moscow city, Russia
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ СУТЬ ПРЕДМЕТА ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ		TRANSCENDENTAL ESSENCE OF THE SUBJECT OF THE THEORY OF JOURNALISM
КОРЛЯКОВА А. Ф., ШУСТОВА С. В., Пермь, Россия	319	KORLYAKOVA A. F., SHUSTOVA S. V., Perm city, Russia
К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ ОЦЕНКИ («ГОРДОСТЬ» В АНГЛИЙСКОМ СОЦИУМЕ)		AN APPROACH TO THE ISSUE OF NATIONALLY (ETHNOCULTURALLY) SPECIFIC VALUATION (‘PRIDE’ IN ENGLISH SOCIETY)
КОТЛЯРОВА Т. С., Омска, Россия	322	KOTLYAROVA T. S.a, Omsk city, Russia
ТЕХНОЛОГИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЕМ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ И КРИТЕРИИ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ		PROCEDURES (TECHNIQUES) OF EDUCATIONAL GUIDANCE IN SHAPING THE GENERAL-PURPOSE LEARNING OPERATIONS PERFORMED BY PRIMARY SCHOOL PUPILS, AND PERFORMANCE CRITERIA FOR THESE PROCEDURES (TECHNIQUES)

КРУЗЕ И. И., Москва, Россия К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛЕТНИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ЯЗЫКОВЫХ ШКОЛ В КОНТЕКСТЕ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКОГО ВУЗА	327	KRUZE I., Moscow city, Russia THE ROLE OF PROFESSIONAL LANGUAGE SUMMER SCHOOLS IN THE CONTEXT OF INFORMAL EDUCATION OF RUSSIAN UNIVERSITY STUDENTS
КРУПЕНИНА М. И., Москва, Россия ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА «РОМАН СТАНОВЛЕНИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ Ч. ДИККЕНСА	331	KRUPENINA M. I., Moscow city, Russia TRANSFORMATION OF THE NOVEL DEVELOPMENT GENRE (ENTWICKLUNGSROMAN) IN THE NOVELS BY CHARLES DICKENS
КУЛИЕВ Балоглан Сары оглу, Баку Азербайджан ПРОБЛЕМЫ ОПТИМАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ УРОКОВ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ	335	GULIYEV Baloglan Sari oglu, Baku, Azerbaijan PROBLEMS OF OPTIMUM PHYSICAL EDUCATION CLASSES IN ELEMENTARY SCHOOL
КУЧЕРЯВЫХ В. С., Москва, Россия СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ЕСРАÑA» В ПРОГРАММЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ «PODEMOS	339	KUCHERYAVYKH V. S., Moscow city, Russia LINGUISTIC MEANS OF VERBALIZATION OF THE CONCEPT "SPAIN" IN THE PROGRAMME OF THE SPANISH POLITICAL PARTY "PODEMOS"
КУШУ С. А., БОЛОКОВА Н. К., Майкоп, Россия КОНЦЕПТ «ВРАЧ/МЕДИК» В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ	343	KUSHU S. A., BOLOKOVA N. K., Maykop, Russia MANIFESTATION OF THE CONCEPT "DOCTOR/PHYSICIAN" IN CULTURAL AND INTERCULTURAL ASPECTS
ЛАПИЦКАЯ Е. В., Минск, Беларусь СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА СУБЪЕКТНОГО ОПЫТА СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	348	LAPITSKAYA E. V., Minsk city, Belarus CONTENT AND STRUCTURE OF SUBJECTIVE EXPERIENCE OF STUDENTS IN EDUCATIONAL ACTIVITY
ЛАРИН О. С., ГАВРИЛОВ А. Н., Москва, Россия АНАЛИЗ ПРИРОСТА СИЛОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ У ПАУЭРЛИФТЕРОВ В УПРАЖНЕНИИ «ЖИМ ШТАНГИ ЛЕЖА» С УЧЕТОМ ОСОБЕННОСТЕЙ БЛОКОВОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ НАГРУЗОК	352	LARIN O. S., GAVRILOV A. N., Moscow city, Russia EXPLORING INCREMENT TO WEIGHTLIFTING PERFORMANCE IN POWER LIFTERS SHOWN IN EXERCIZING «BENCH PRESS» WITH REGARD TO SPECIFICS OF BLOCK-PERIODIZATION' IN EXERTION
ЛИТВИНОВ К. А., РУДАКОВА И. А., Краснодар, Россия РАЗРАБОТКА ТЕХНОЛОГИЙ СМЫСЛОИНИЦИИРУЮЩЕГО ТИПА НА ОСНОВЕ ЦВЕТООБРАЗОВ	355	LITVINOV K. A., RUDAKOVA, I. A., Krasnodar, Russia. DEVELOPMENT OF TECHNOLOGIES OF SENSE- CREATING TYPE ON THE BASIS OF COLOR IMAGES
ЛООВ Р. А., Краснодар, Россия ЭПИЗОДЫ ЖУРНАЛЬНОГО ПРОЦЕССА ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: ИДЕЙНО- ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЖУРНАЛОВ «КОНТИНЕНТ» И «СИНТАКСИС»	360	LOOV R. A., Krasnodar city, Russian EPISODES OF JOURNALISTIC PROCESS OF THE THIRD WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION: IDEOLOGICAL AND AESTHETIC OPPOSITION OF JOURNALS «CONTINENT» AND «SYNTAX»
ЛОРЕНЦ В. В., Омск, Россия МОДЕЛИРОВАНИЕ АКМЕОГРАММЫ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ПЕДАГОГОМ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА	364	LORENZ V. V., Omsk city, Russia MODELING OF ACMEOGRAMME AS A WAY FOR TEACHERS TO ACHIEVE THE HIGHTS OF PROFESSIONALISM
МЕШЕВ И. Х., Армавир, Россия МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ В ПРОЦЕССЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ	367	MESHEV I. H., Armavir city, Russia MODELLING OF THE PROCESSES FORMING SCIENTIFIC-METHODICAL COMPETENCIES OF UNIVERSITY TEACHERS IN THE COURSE OF UPGRADING THEIR QUALIFICATION

МИКЕРОВА Г. Г., Краснодар, Россия ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЧНОСТНО-СОЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА В ВОСПИТАНИИ	371	MIKEROVA G. G., Krasnodar city, Russia BASIC CONCEPTS OF PERSONAL-SOCIAL APPROACHES IN EDUCATION
МИХАЛЬСКИЙ А. В., Москва, Россия ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ ПСИХОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО	376	MIKHALSKI A. V., Moscow city, Russia PSYCHOLOGY OF CONSTRUCTING THE FUTURE: HISTORICAL LANDMARKS
НИКОЛАЕВА А. Ю., Новомосковск, Россия СУБЪЕКТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ ВЗРОСЛОСТИ В ДИСКУРСЕ ЭГО-СОСТОЯНИЙ	379	NIKOLAEVA A. Y., Novomoskovsk city, Russia THE SUBJECTIVE STATE OF ADULTHOOD IN THE DISCOURSE OF EGO-STATES
ОСКОЛОК К. В., Москва, Россия ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА НА ХИМИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ УНИВЕРСИТЕТОВ СССР	383	OSKOLOK K. V., Moscow, Russia. IMPROVEMENT OF QUALITY OF EDUCATIONAL PROCESSES AT THE FACULTIES OF CHEMISTRY OF THE UNIVERSITIES IN THE USSR
ОШЕВА Е. А., Москва, Россия КОНЦЕПТ «ДЕНЬГИ» В АНГЛО- АМЕРИКАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ	390	OSHEVA E. A., Moscow city, Russia CONCEPT 'MONEY' IN THE ENGLISH AMERICAN PROVERBS
ПОПОВА Т. П., Нижний Новгород, Россия ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ИНТЕРАКТИВНОСТИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ	393	POPOVA T. P., Nizhny Novgorod city, Russia USE OF VARIOUS INTERACTIVE FORMS IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES AT UNIVERSITIES
ПОПОВИЧ А. П., МЕХОВИЧ Г. И., Екатеринбург, Россия ВЕЛИКОЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СПОРТЕ - ГАРАНТ УСПЕШНОГО БУДУЩЕГО	402	POPOVICH A. P., МЕHOVICH G. I., Yekaterinburg city, Russia GREAT THEORETICAL LEGACY IN THE SPORT - THE GUARANTEE OF A SUCCESSFUL FUTURE
РОЗОВА И. Н., Череповец, Россия ОСОБЕННОСТИ ОТБОРА СОДЕРЖАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ 5-7 ЛЕТ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ «ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ШЕДЕВРЫ»)	405	ROZOVA I. N., Cherepovets city, Russia FEATURES OF SELECTION OF THE CONTENT OF 5-7 YEAR OLD CHILDREN'S EMOTIONAL DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF CONTEMPORARY PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTION (ON THE EXAMPLE OF THE PROGRAM «EMOTIONAL MASTERPIECES»)
СОПКИН П. Т., Краснодар, Россия ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ БАЛАНСА ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ	409	SOPKIN P. T., Krasnodar city, Russia THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE BALANCE OF INFORMATIONAL SOURCES
СОСНИН А. В., Нижний Новгород, Россия АПОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО КАНОНА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ	412	SOSNIN A. V., Nizhny Novgorod city, Russia AN APOLOGY OF THE LITERARY CANON IN A LINGUISTIC STUDY
СУХОРУКИХ А. В., Воронеж, Россия СВОБОДА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА КАК КРИТЕРИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ	420	SUHORUKHIN A. V., Voronezh city, Russia FREEDOM OF EDUCATIONALIST CREATIVITY BEING A CRITERION FOR UPDATING THE LEARNING PARADIGM
ТИХАНОВА О. В., Москва, Россия О НУЛЕВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ	423	TIKHANOVA O. V., Moscow, Russia AN APPROACH TO ZERO CATEGORIES IN SYNTAX
ФЕДОСЮК Я. В., Белгород, Россия ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТРЕНИНГА И СПОСОБЫ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ЕГО ПРОВЕДЕНИЯ	427	FEDOSYUK Y. V., Belgorod city, Russia FACTORS EXERTING IMPACT ON LEARNING EFFICIENCY, AND TRAINING PERFORMANCE' EVALUATION TECHNIQUES

ХАРАЕВА Л. Х., ХАМУРЗОВА А. Г., ОРДОКОВА М. А., Нальчик (Кабардино-Балкария), Россия АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА	430	KHARAEVA L. Kh., KHAMURZOVA A. G., ORDOKOVA M. A., Nalchik city, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia THE ANALYSIS OF NATIONAL-CULTURAL SEMANTICS OF LATIN SET EXPRESSIONS IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE UNDER THE CONDITIONS OF BILINGUALISM
ХЛЕБОДАРОВА О. Б., Москва, Россия ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМПАТИИ У ПСИХОЛОГОВ И СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ	436	KHLEBODAROVA O. B., Moscow city, Russia CHARACTERISTIC FEATURES OF THE MANIFESTATION OF EMPATHY OF PSYCHOLOGISTS AND PSYCHOLOGY STUDENTS
ХУСИХАНОВ А.М., г. Магас (Республика Ингушетия), Россия ТЕМАЕВА Х.Н. Грозный. (Чеченская республика), Россия ПОЭТИКА АБСУРДА В РАССКАЗАХ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ	439	KHUSIKHANOV A. M., Magas city, (Ingushetia), Russian TEMAEVA Kh. N., Grozny city. the Chechen Republic, Russia POETIC STYLE OF THE ABSURD SHOWN IN THE SHORT STORIES BY TATYANA TOLSTAYA
ШИРЯЕВА Е. В., Иваново, Россия ИДЕЯ БЕССМЕРТИЯ В ТЕОЦЕНТРИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ И В РЕЛИГИОЗНОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ	443	SHIRYAEVA E. V., Ivanovo city, Russia THE IDEA OF IMMORTALITY IN THE THEOCENTRIC IDEOLOGICAL SYSTEMS AND IN A RELIGIOUS WORLDVIEW
ЯКУНЧЕВ М. А., МАМАЕВ А. Р., Саранск, Республика Мордовия, Россия К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДВИГАТЕЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ПОДРОСТКОВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ	449	YAKUNCHEV M. A., MAMAEV A. R., Saransk city, (Mordovia Republic), Russia THE PROBLEM OF FORMATION OF MOTOR SKILLS OF ADOLESCENTS IN INSTITUTIONS OF SUPPLEMENTARY EDUCATION OF CHILDREN
Хроника, события, факты	453	Chronicle, events, facts
Информация	456	Information

Исторические науки

Historical Sciences

УДК 94.(470.62) (470.63):661.152;63"1966/1980"

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-17-24

АЛЕКСЕЕНКО Ольга Ивановна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
гуманитарных дисциплин

ALEKSEENKO Olga Ivanovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Chair of Humanitarian Disciplines

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КУБАНИ
И СТАВРОПОЛЯ ПО РАЗВИТИЮ
ПРОИЗВОДСТВА ХИМИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ
ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В 1966-1980 гг.**

**ACTIONS TAKEN BY THE LOCAL
AUTHORITIES OF THE KUBAN AND
STAVROPOL REGIONS FOR DEVELOPING
PRODUCTION OF CHEMICAL AGENTS FOR
FARMING, OVER THE PERIOD FROM 1966
TO THE 1980-ies**

В статье проанализирована деятельность органов власти Кубани и Ставрополя по развитию производства химических веществ для сельского хозяйства в 1966-1980 гг. Автор изучила меры, предпринятые центральными и местными органами власти, для строительства предприятий химической промышленности и увеличения производства минеральных удобрений. В статье рассмотрен опыт производственной деятельности Невинномысского химического комбината, Краснодарского химического завода, комбината витаминных и биохимических препаратов им. К. Маркса, химического завода в г. Кропоткине. Отмечено, что эти предприятия сыграли заметную роль в снабжении сельского хозяйства высококачественными химическими веществами. Автор пришла к выводу о том, что благодаря разнообразным формам и методам мобилизации трудовой и социальной активности работников химического производства, примененным партийно-государственными структурами, произошел значительный рост производства минеральных удобрений.

The paper considered the actions taken by the local authorities of the Kuban and Stavropol Regions for developing production of chemical agents for farming over the period from 1966 to the 1980-ies. The author examined the measures undertaken by both the central authority and local power bodies, for construction of enterprises for the chemical industry, to expand the output of mineral fertilizers. The paper examined the practices of industrial operation of the Nevinnomyssk chemical complex, the Krasnodar chemical plant, the complex of vitamin and biochemical reagents named after K. Marx, and the chemical plant located in the Kropotkin town. The review has pointed out that these enterprises have taken an appreciable part in supplying the farming sector with the high-quality chemical agents. The author has drawn a conclusion that owing to various patterns and techniques the CPSU and State bodies applied in raising labour and social activity in workers involved into the chemical production, the significant growth in production of mineral fertilizers has been achieved.

Ключевые слова: СССР, Кубань, Ставрополье, партийно-государственное руководство, агропромышленный комплекс, химическая промышленность, минеральные удобрения.

Key words: USSR, Kuban Region, Stavropol Region, CPSU-and-State governing bodies, industrial farming sector, chemical industry, mineral fertilizers.

Введение в 2014 г. антироссийских санкций со стороны США и ЕС напомнило о важности поддержания продовольственной безопасности страны и об упущениях в данном направлении за последние десятилетия. По официальным данным, в России 34,1 млн га пахотных земель выведено из хозяйственного оборота. Вынос питательных веществ из задействованных в сельскохозяйственном обороте почв сегодня в четыре раза превышает их внесение с удобрениями. Пришли в упадок мелиоративные системы. В силу низкой рентабельности в сельском хозяйстве произошло резкое снижение производственно-технической базы. Имеющаяся в наличии, но во многом устаревшая техника на 70-80% выработала свой ресурс [1, с. 53].

Названные обстоятельства еще раз подчеркивают актуальность изучения советского опыта развития агропромышленного комплекса (АПК), особенно периода с середины 1960-х по 1980-е гг. Именно в эти годы партийно-государственное руководство СССР взяло курс на ускоренную индустриализацию сельского хозяйства, постоянно заботилось о развитии химической промышленности, увеличении производства минеральных удобрений и других химических средств для сельскохозяйственного производства. Наряду с техническим оснащением, мелиорацией сельского хозяйства, химизация стала одним из приоритетов в аграрной политике советского руководства.

В изучаемый период структуры КПСС выполняли не только функции политико-идеологического руководства, но и выступали в качестве органов власти и управления. Так, на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС был поставлен вопрос о наращивании производства и поставок высококачественных минеральных удобрений, гербицидов, ядохимикатов. В 1968 г. была разработана программа строительства промышленных предприятий по выпуску минеральных удобрений, предусматривалось расширить мощности этих предприятий в течение 1968-1972 гг. с 47 до 95 млн тонн, то есть в 2 раза [2, с. 721].

Октябрьский (1968 г.) и Июльский (1970 г.) Пленумы ЦК КПСС выдвинули задачи не только наращивания производства минеральных удобрений, но и улучшения их качества. Для обеспечения роста производства минеральных удобрений, гербицидов, средств защиты растений министерствам химической промышленности, химического и нефтяного машиностроения, стро-

ительных материалов было поручено своевременно обеспечивать стройки технической документацией, оборудованием, сконцентрировать на них необходимые материальные ресурсы, улучшить организацию строительных и монтажных работ. Кроме того, обращалось внимание и на то, что в села почти не поступали комплексные высококонцентрированные удобрения, которых производилось только 6% при имевшейся потребности примерно в 50% [3, с. 392, 531-538]. Политика советского руководства, направленная на химизацию сельскохозяйственного производства, усиление вклада работников отрасли в развитие аграрной сферы нашли отражение в ряде постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Важную роль в этом плане сыграло постановление ЦК КПСС «О работе парткома Невинномысского химического комбината по мобилизации коллектива трудящихся на увеличение выпуска минеральных удобрений», имевшее общегосударственное значение [3, с. 403-405].

К этому времени коллектив комбината уже приобрел богатый опыт организации производства и соревнования за увеличение выпуска продукции. Начало Восьмой пятилетки для персонала предприятия характеризовалось быстрыми темпами строительства новых объектов и одновременным налаживанием выпуска первых десятков тысяч тонн минеральных удобрений. Наряду со строительством и вводом новых мощностей, важным направлением участия коллектива предприятия в повышении урожайности полей и одновременно крупной проблемой стали поиски резервов производства, обеспечение сверхпланового выпуска удобрений.

Трудовой коллектив Невинномысского химкомбината выступил с инициативой: за счет интенсификации использования оборудования, совершенствования технологических процессов, устранения «узких мест», лучшего использования производственных площадей увеличить мощности по производству азотных удобрений на 200 тыс. тонн в год. Эту инициативу одобрил Ставропольский крайком КПСС, взявший на себя контроль за выполнением ответственных задач и помогавший в этом персоналу комбината. Активную деятельность по реализации обязательств развернул партком химкомбината. К решению вопроса привлекались наиболее квалифицированные инженеры и новаторы производства, был сформирован штаб содействия выполнению обязательств, который осуществлял оперативное руководство строительством на двух строительно-монтажных участках, образованных на объектах расширения. Газеты «Химик» и «Невинномысский рабочий» регулярно публиковали на своих страницах материалы о ходе выполнения взятых обязательств, рассматривали ход строительства, анализировали нерешенные проблемы. Партком расставил коммунистов на решающих участках производства: 80% их работали у аппаратов, в цехах. Также были созданы более 100 общественных творческих подразделений, широкое распространение получили школы экономических знаний и передовых методов труда [4, л. 19, 20; 5, л. 2, 3; 6, л. 2; 7, л. 14].

Указанные меры позволили коллективу химкомбината успешно справиться с принятыми обязательствами досрочно. Так, 14 декабря 1967 г. был выполнен годовой план по выпуску минеральных удобрений, а мощности по их производству увеличились на 200 тыс. тонн в год. Министром химической промышленности и ЦК профсоюза отрасли присудили коллективу Невинномысского химкомбината первое место среди предприятий азотной промышленности. Успеху содействовало распространение на комбинате почина «Экономии на каждое рабочее место» старшего аппаратчика В.Н. Лысенко. Его почин подхватили десятки передовиков, что в конечном счете способствовало росту выпуска удобрений. Задействовав резервы, коллектив сумел удвоить мощности своего предприятия и пятилетний план по выпуску всей номенклатуры продукции завершил 18 декабря, а по минеральным удобрениям – 2 декабря 1970 г. Комбинат удвоил выпуск минеральных удобрений за пятилетку, улучшилось внедрение и использование новой техники, усовершенствовалось соревнование, а в коллективе сформировалась атмосфера творческого труда и энтузиазма. Эти качества коллектива позволили ему и в Девятой пятилетке оставаться в числе передовых предприятий со всесоюзной известностью. Определенных успехов добился коллектив Невинномысского химкомбината и в повышении качества выпускаемой продукции. В 1970 г. из 29 видов выпускаемой продукции 4 вида шло на экспорт, 7 – передано на самоконтроль цехам, несколько видов продукции было представлено к аттестации на Государственный Знак качества [8, л. 139; 9; 10].

Сознавая большое значение минеральных удобрений для сельского хозяйства, ЦК КПСС и Совет Министров СССР усилили внимание к нуждам этой отрасли промышленности, одновременно повысив требовательность к ней. С 1968 г. они приняли пять крупных постановлений о мерах по обеспечению развития промышленности минеральных удобрений. Следует особо выделить постановление от 23 мая 1968 г., рассчитанное на обеспечение производства минеральных удобрений в течение 5 лет (1968-1972 гг.), с установленным заданием по увеличению мощностей по выработке удобрений на 48 млн тонн. Заметную роль сыграло и специальное постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 28 августа 1970 г. «О мерах по развитию промышлен-

ности минеральных удобрений и химических средств защиты растений в 1971-1975 гг.» [2, с. 720-724].

Названные выше успехи коллектива химкомбината стали возможны благодаря удачной системе соревнования, разработанной Невинномысским горкомом КПСС с учетом предложений партийных и общественных организаций, администрации предприятий. Важной особенностью условий соревнования стала конкретность задач для каждого коллектива и подразделения, меры морального и материального поощрения его победителей. Интересной и поучительной формой морального стимулирования в Невинномыске стало соревнование за право называться «Лучшим рабочим города». Уже во втором году пятилетки это звание стали носить десятки знатных производителей, в том числе и Невинномысского химкомбината. Здесь в условия соревнования включили не только экономические, но и социальные факторы, до деталей определялись, учитывались и видоизменялись формы морального стимулирования, сроки подведения итогов, эффективно осуществлялось материальное стимулирование победителей. Поэтому на комбинате ширились ряды передовиков производства, ударников коммунистического труда. Это почетное звание в 1972 г. носили свыше 3 тыс. химиков. А 61 цеху, участку, отделу, смене и бригаде было присвоено звание «Коллектив коммунистического труда». Коллектив химкомбината постоянно находился среди передовых и добился досрочного наращивания мощностей, что позволило ему взяться за решение задачи увеличения выпуска минеральных удобрений на 40% [11, с. 1, 2; 12, с. 31].

Постоянное руководство со стороны Ставропольского крайкома и Невинномысского горкома КПСС способствовало успешному решению проблем. В целях контроля хода выполнения постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 28 августа 1970 г., данный вопрос рассматривался на заседаниях Ставропольского краевого и Невинномысского городского комитетов КПСС. При этом было отмечено, что коллективы строительных и монтажных организаций проделали значительную работу по вводу объектов производства химических удобрений суммарной мощностью 1 280 тыс. тонн в год. Объем строительно-монтажных работ за 7 месяцев 1972 г. был перевыполнен. Ход строительства обсуждался на совместных заседаниях парткомов, партийно-хозяйственного актива коллективов комбината и строителей. При парткоме комбината функционировал штаб содействия строительству. Наряду с успехами, бюро Невинномысского горкома КПСС вскрыло следующие недостатки: невыполнение плана по вводу производства аммиака мощностью 400 тыс. тонн в год; несмотря на большой объем строительно-монтажных работ, было допущено сокращение контингента строителей, что привело к срыву части работ. На строительстве не обращали должного внимания на организацию и дисциплину труда, допускали потери рабочего времени. В постановлении бюро горкома КПСС ставилась задача закрепить и развить достигнутые успехи, устранить перечисленные недостатки, развернуть в коллективе действенное соревнование с целью улучшения всех показателей [12, с. 10; 13, с. 4; 14; 15, л. 156, 160].

Партком комбината, выполняя постановление бюро ГК КПСС, усилил работу по повышению трудовой и общественной активности персонала. Наряду с постоянно действующими производственными совещаниями, в которых участвовало 350 чел., в 22 подразделениях, насчитывавших 270 чел., создали бюро экономического анализа, разрабатывавшее предложения, сулившие значительный экономический эффект. Многие рабочие состояли членами отделений Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева, насчитывавших 460 чел. В отделениях Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов состояла 1 300 сотрудников комбината, в том числе 800 рабочих. Члены Химического общества провели промышленные опыты получения селитры с фосфатно-сульфатной добавкой, а рационализаторы и изобретатели внедрили в течение 1971 г. 544 предложения и 3 изобретения, давших экономический эффект в сумме 2 350 тыс. руб. Успешно развивалось соревнование за звание «Лучший по профессии», в котором боролось 2 214 чел., по личным планам и обязательствам трудилось более 4 тыс. рабочих и инженерно-технических работников (ИТР). Весь коллектив комбината боролся за звание «Коллектива коммунистического труда». За присвоение этого звания боролись коллективы 174 подразделений и индивидуально 2 542 чел., из них 280 коммунистов и 485 комсомольцев. 86 коллективов и 3 174 рабочих сумели завоевать звание «Ударников коммунистического труда». Традиционной стала на комбинате такая форма трудового соперничества, как конкурсы «Мастер – золотые руки». С 1970 по 1975 г. это почетное звание присвоили 30 рабочим. Лучшим среди таких мастеров признали токаря Александра Дуляна. Проявлялось внимание и к научно-техническому прогрессу (НТП), план внедрения новой техники и организационно-технических мероприятий был разработан на весь период Девятой пятилетки. В итоге внедрения элементов этого плана в 1971 г. была получена экономия в размере 500 тыс. руб., а за 9 месяцев 1972 г. внедрено 17 мероприятий с эффектом в размере 300 тыс. руб. Таким образом, коллектив комбината стремился поддерживать все новое и прогрессивное. Это отметил состо-

явшийся 15 октября 1972 г. IX пленум Невинномысского горкома КПСС. Он указал и на недостатки в деятельности парткома, администрации и профсоюзной организации комбината. Главным недостатком являлась текучесть кадров. В 1971 г., например, было принято на работу 2 711 чел., а уволено – 2 272 чел. Отчасти это было связано с трудными условиями производства, а также с несовершенством системы материального и морального стимулирования работников [15, л. 160; 16, л. 5, 13].

В ходе выполнения плана социального развития коллектива в 1972 г. удалось снизить текучесть кадров. Партком и администрация добились улучшения условий труда, оказали помощь многим рабочим в овладении профессией, разработали положение о поощрении отдельных групп работников бесплатным питанием, выдачей бесплатных путевок в профилакторий, постановкой на очередь для получения жилья тех, кто проработал на комбинате более двух лет. Масштабы строительства и производства на комбинате расширялись, он получил новый статус и название «Производственное объединение «Азот»». Вторая половина Девятой пятилетки ознаменовалась дальнейшими усилиями по интенсификации производства и повышению производительности труда. По инициативе парткома объединения в цехах и на производствах активизировалась деятельность комиссий содействия НТП, бюро экономического анализа, университета технических знаний и Совета новаторов. План Девятой пятилетки по производству и реализации продукции объединения «Азот» выполнил 19 декабря 1975 г., то есть досрочно. За пятилетку объем выпущенной продукции увеличился в 1,8 раза, минеральных удобрений – в 2 раза, производительность труда к уровню 1970 г. возросла почти в 1,7 раза, при этом весь прирост объема производства достигнут за счет роста производительности труда. Введены в строй новые мощности по производству аммиака, аммиачной селитры, слабой азотной кислоты. Впервые в стране была освоена уникальная крупнотоннажная установка по производству аммиака, позволившая увеличить производительность труда в 8 раз. Сверх плана выпустили продукции на 7,8 млн руб., в том числе более 200 тыс. тонн минеральных удобрений [16, л. 5-13; 17; 18].

Растущие потребности в минеральных удобрениях диктовали необходимость не только расширения и технического переоснащения действующих производств, но и строительства новых предприятий «большой химии». С этим связано создание Краснодарского химического завода по выпуску комплексных удобрений в г. Белореченске, решение о строительстве которого приняли в 1974 г. В его строительстве участвовали 50 различных субподрядных организаций, трестов и производственных участков союзных и республиканских министерств из Москвы, Ленинграда, Тулы, Ростова-на-Дону, Таганрога, Минска, Киева и других городов, а также зарубежных стран. Возводили предприятие 5 тыс. строителей из разных союзных республик и областей. В 1978 г. на заводе трудилось 1 700 работников 20 национальностей. Партийную организацию Краснодарского химического завода создали в декабре 1976 г. и к концу 1979 г. в ее рядах уже насчитывалось 274 члена и кандидата в члены КПСС, объединенных в 17 цеховых парторганизаций. Для повышения ее роли в делах коллектива большое значение сыграло постановление бюро Краснодарского крайкома КПСС от 8 августа 1978 г. «О работе партийной организации Краснодарского химического завода по выполнению решений XXV съезда КПСС». В своей практической деятельности партийная организация химзавода с момента его пуска решала вопросы подбора, расстановки и воспитания кадров, капитального строительства, технического оснащения вводимых мощностей, повышения эффективности производства и качества продукции [19, с. 103; 20; 21; 22; 23].

Первая продукция завода была получена в июле 1977 г. Коллектив за три месяца сумел вывести сернокислотный комплекс на проектную мощность, и уже в 1978 г. сверх плана произвели более 2 тыс. тонн серной кислоты. В 1979 г. введен в строй цех по производству жидких комплексных удобрений, и сельское хозяйство Кубани получило первые партии этих ценных химических веществ. Такие высокие показатели были достигнуты благодаря активной работе администрации и парторганизации завода по развитию социалистического соревнования, рационализации, изобретательства, вовлечению персонала в активную производственную жизнь. Освоение всех мощностей этого крупного предприятия дало стране и, в первую очередь, Северному Кавказу сотни тысяч тонн необходимых сельскому хозяйству комплексных удобрений [24; 25].

В исследуемый период возникли новые отрасли АПК – комбикормовая и микробиологическая промышленность, развитию которых партийно-государственное руководство уделяло большое внимание. На Кубани микробиологическая промышленность была представлена несколькими предприятиями: комбинатом витаминных и биохимических препаратов им. К. Маркса, химическим комбинатом в Краснодаре, химическим заводом в г. Кропоткине. Эти предприятия были расширены, реконструированы и стали играть заметную роль в снабжении животноводства Северо-Кавказского экономического района кормовыми дрожжами, белково-витаминными

добавками, различными биостимуляторами. Они развернули работу по получению высококачественных биохимических веществ для сельского хозяйства. В частности, на Краснодарском химкомбинате начались испытания различных систем аппаратов для получения высококачественных белков – витаминных добавок к кормам, с целью налаживания дальнейшего массового выпуска, совершенствования технологии их производства. Коллектив Краснодарского витаминного комбината первым в СССР освоил технологию производства сантохина (стабилизатора каротина в сенной муке), смонтировал установку по его производству мощностью 5,4 тонны в год. Здесь была создана полузаводская установка получения бета-каротина емкостью 2 тыс. литров, заводская установка емкостью 15 тыс. литров. Однако этих мощностей было недостаточно для удовлетворения потребностей сельского хозяйства [26, л. 31, 32; 27, л. 6; 28, л. 78; 29, л. 95-98].

Большое значение для повышения эффективности производства приобретало умелое руководство внедрением достижений НТП. На партсобраниях, заседаниях партбюро и собраниях трудовых коллективов регулярно рассматривались вопросы рационализаторства и изобретательства на предприятиях, постановки работы по осуществлению научной организации труда и управления. Краевая парторганизация большое значение придавала укреплению связи науки с производством. В 1969 г. под руководством крайкома КПСС, крайисполкома, общественных организаций города в Краснодаре была проведена научно-техническая конференция по производству и применению биохимических и химических препаратов в сельском хозяйстве. На ней получила высокую оценку продукция краснодарских комбината и завода, наметили пути совершенствования технологии производства препаратов [29, л. 112; 30, л. 65; 31, л. 151, 152].

В декабре 1969 г. бюро Краснодарского горкома КПСС проанализировало использование внутренних резервов производства на комбинате. Вскрытые недостатки в работе были рассмотрены на партийном собрании, расширенном заседании парткома, которые наметили меры по их преодолению. 28 мая 1969 г. на заседании бюро Краснодарского горкома КПСС заслушали вопрос «О внедрении в производство прогрессивных технологических процессов и новейших научно-технических достижений на химкомбинате г. Краснодара». На открытом партийном собрании химкомбината этот вопрос всесторонне обсуждался. В частности, отмечалось, что цеховые парторганизации проделали определенную работу по выполнению постановления бюро горкома. За счет внедрения новых процессов получения кормовых дрожжей и фурфурола из подсолнечной и рисовой лузги коллектив освоил производство семи видов новой продукции. Выполнив пятилетний план к 28 октября 1970 г., персонал комбината увеличил за пятилетку объем производства на 73,7%, производительность труда – на 54,8% [32, л. 4, 27, 28; 33, с. 37].

В 1970-е гг. на Краснодарском химкомбинате улучшилась рационализаторская и изобретательская работа. Исправляя такие недостатки, как затягивание сроков рассмотрения внесенных предложений, отсутствие должного контроля рационализаторской работы, недооценка материального стимулирования, коллектив предприятия добился заметных результатов. За 1971-1974 гг. на комбинате осуществили 25 мероприятий по внедрению новой техники и прогрессивной технологии. На заводе было налажено производство обогащенных лизинном кормовых дрожжей в промышленном масштабе. Эффект от внедрения этого технологического процесса составил 206,4 тыс. руб. В течение 1973-1974 гг. на заводе была осуществлена реконструкция оборудования, что позволило повысить в 2 раза производительность и увеличить производство дрожжей из парафина нефти на 50-70% [34, л. 114, 139; 35, л. 102].

Коллектив комбината витаминных и биохимических препаратов им. К. Маркса, благодаря четкой организации производственной деятельности и социалистического соревнования, сумел к 18 ноября 1970 г. выполнить пятилетний план. Он дал сверх плана продукции, большая часть которой пошла на нужды сельского хозяйства, на сумму, превысившую 2,6 млн руб. За годы Восьмой пятилетки объем производства на этом предприятии возрос в 3,5 раза по сравнению с предыдущими пятью годами. На период Девятой пятилетки персонал комбината взял обязательство при тесном содружестве с учеными увеличить производственные мощности комбината в 2,4 раза. На предприятии развернулось интенсивное соревнование, вошли в практику регулярные аттестации ИТР, организовалась экономическая и техническая учеба. В результате уже по итогам 1973 г. коллектив комбината выпустил продукции на сумму 18 828 тыс. руб., что на 3 258 тыс. руб. превысило плановое задание на 1975 г. В 1973 г. была выполнена пятилетка по производству сантохина, по выпуску остальных биохимических веществ опережение шло почти на год. На собрании партактива Ленинской районной парторганизации г. Краснодара получила положительную оценку работа коллектива предприятия по укреплению связи науки с производством. Благодаря совместным усилиям производственников и группы ученых под руководством члена-корреспондента АН СССР Г.К. Скрябина, на комбинате освоили технологию производства микробиологического каротина. Этому способствовал творческий настрой коллектива, стремление к совершенствованию технологии производства. Только за три года пятилетки ра-

бочие и ИТР внесли 418 рацпредложений и 19 изобретений с экономической эффективностью в размере 500 тыс. руб. [36, л. 6; 37, л. 17, 18].

Таким образом, персонал промышленности минеральных удобрений и химических веществ, а также микробиологической и комбикормовой промышленности все больше выступал партнером сельских тружеников в развитии земледелия и животноводства.

Осуществляя руководство развитием данной отрасли промышленности, партийно-государственные структуры применяли разнообразные формы и методы мобилизации трудовой и социальной активности рабочего класса и всего производственного персонала. Учитывая возрастающее значение указанных отраслей для развития сельского хозяйства, партийные комитеты уделяли особое внимание укреплению связей науки с производством, внедрению достижений НТП. Эти проблемы систематически рассматривались на заседаниях бюро, пленумах краевых, областной, городских и районных комитетов КПСС, научно-технических конференциях. Партийные организации добились заметной активизации деятельности научно-технических обществ, рационализаторов и изобретателей, осуществляли широкую поддержку передовых починов работников данных отраслей, заботились о развитии в коллективах социалистического соревнования, проведении различных смотров и конкурсов. Указанные меры способствовали росту трудовой активности рабочего класса, ИТР и управленцев в осуществлении химизации сельского хозяйства.

Разумеется, необходимо учитывать, что описанный в данной статье опыт советского прошлого может найти относительно ограниченное применение в современной России, поскольку формировался и использовался в ином социально-экономическом и политическом контексте.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кулик Г.В. Выход из тупика есть. Социально-экономический анализ состояния агропромышленного комплекса России. – М.: МАКС-пресс, 2003. – 55 с.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док.: В 16 т. – Т. 6 / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков; Под общ. ред. К.М. Боголюбова, М.С. Смиртюкова. – М.: Политиздат, 1968. – 816 с.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988): В 16 т. – Т. 11: 1966-1970 / Под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1986. – 573 с.
4. Центр документации новейшей истории Ставропольского края (ЦДНИСК). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 21.
5. ЦДНИСК. – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 91.
6. ЦДНИСК. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 110.
7. ЦДНИСК. – Ф. 1. – Оп. 32. – Д. 13.
8. ЦДНИСК. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 1.
9. Материалы XVIII Ставропольской краевой партийной конференции. Дневник конференции // Ставропольская правда. – 1971. – 20 февр.
10. Химик. Многотир. газета Невинномыск. химкомб. – 1971. – 19 марта.
11. Блокнот агитатора. – Ставрополь. – 1972. – № 7.
12. Блокнот агитатора. – Ставрополь. – 1972. – № 20.
13. Блокнот агитатора. – Ставрополь. – 1973. – № 13.
14. ЦДНИСК. – Ф. 1. – Оп. 35. – Д. 39.
15. ЦДНИСК. – Ф. 5317. – Оп. 8. – Д. 10.
16. ЦДНИСК. – Ф. 5317. – Оп. 8. – Д. 6.
17. Химик. – 1976. – 20 февр.
18. Химик. – 1976. – 11 июня.
19. Кубань: Альманах. – 1978. – № 2.
20. Огни Кавказа. Орган Белореченск. райкома КПСС и райисп. – 1977. – 11 июля.
21. Огни Кавказа. – 1977. – 22 окт.
22. Огни Кавказа. – 1979. – 1 янв.
23. Огни Кавказа. – 1979. – 3 марта.
24. Огни Кавказа. – 1978. – 3 марта.
25. Текущий архив Краснодарского краевого комитета КПСС. Отдел строит. информ. о работе парт. орг. Краснодар. хим. з-да по вып. решений XXV съезда КПСС. 27 дек. 1979 г.
26. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). – Ф. 12428. – Оп. 1. – Д. 17.
27. ЦДНИКК. – Ф. 12428. – Оп. 1. – Д. 19.
28. ЦДНИКК. – Ф. 12428. – Оп. 1. – Д. 29.

29. ЦДНИКК. – Ф. 2692. – Оп. 1. – Д. 24.
30. ЦДНИКК. – Ф. 2692. – Оп. 1. – Д. 25.
31. ЦДНИКК. – Ф. 2692. – Оп. 1. – Д. 36.
32. ЦДНИКК. – Ф. 2692. – Оп. 1. – Д. 26.
33. Кубань. Итоги Восьмой пятилетки. Первый год Девятой пятилетки // Блокнот агитатора. Журнал отд. пропаг. и агит. Краснодар. крайкома КПСС: Спец. вып. – Краснодар, 1971.
34. ЦДНИКК. – Ф. 12428. – Оп. 1. – Д. 38.
35. ЦДНИКК. – Ф. 12428. – Оп. 1. – Д. 41.
36. ЦДНИКК. – Ф. 2692. – Оп. 1. – Д. 27.
37. ЦДНИКК. – Ф. 1472. – Оп. 13. – Д. 51.

REFERENCES

1. Kulik G.V. Output from deadlock is. The social and economic analysis of a condition of agriculture of Russia [Vihod iz tupika est. Sochialno-ekonomicheskii analiz sostoyaniya agropromishlennogo kompleksa Rossii]. Moscow: MAX-press, 2003, 55 p. (in Russ.)
2. Decisions of a party and the government on economic questions [Resheniya partii i pravitelstva po hozaystvennim voprosam], Col. of doc.: In 16 Vol., Vol. 6 / Comp. K.U. Chernenko, M.S. Smirtjukov; Under the gen. edit. K.M. Bogolyubov, M.S. Smirtjukova. Moscow: Politizdat, 1968, 816 p. (in Russ.)
3. Communist party of Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee [Kommunisticheskay partiy sovetskogo Soyuza v rezoluyziyakh i recheniyah syezdov, konferenzy i plenymov ZK] (1898-1988): In 16 Vol., Vol. 11: 1966-1970 / Under the gen. edit. A.G. Egorov, K.M. Bogolyubov. 9 edit., add. and correct. Moscow: Politizdat, 1986, 573 p. (in Russ.)
4. Center of the documentation of the newest history of Stavropol Territory [Zentr dokumentazii noveyhey istorii Stavropolskogo kraya] (CDNHST), F. 1, Inv. 25, Doc. 21. (in Russ.)
5. CDNHST, F. 1, Inv. 25, Doc. 91. (in Russ.)
6. CDNHST, F. 1, Inv. 27, Doc. 110. (in Russ.)
7. CDNHST, F. 1, Inv. 32, Doc. 13. (in Russ.)
8. CDNHST, F. 1, Inv. 27, Doc. 1. (in Russ.)
9. Materials of XVIII Stavropol regional party conference. A diary of conference [Materiali XVIII Stavropolskoy kraevoy partiynoy konferenzy. Dnevnik konferenzy]. Stavropol truth [Stavropolskay pravda], 1971, 20 Febr. (in Russ.)
10. Chemist. A multishooting gallery. Newspaper of Nevinomisk. Chemcombine [Chimik. Mnogotirashnay gazeta Nevinomisk. himkombinata], 1971, March, 19th. (in Russ.)
11. Notebook of the propagandist [Bloknot agitatora], Stavropol, 1972, № 7. (in Russ.)
12. Notebook of the propagandist [Bloknot agitatora], Stavropol, 1972, № 20. (in Russ.)
13. Notebook of the propagandist [Bloknot agitatora]. Stavropol, 1973, № 13. (in Russ.)
14. CDNHST, F. 1, Inv. 35, Doc. 39. (in Russ.)
15. CDNHST, F. 5317, Inv. 8, Doc. 10. (in Russ.)
16. CDNHST, F. 5317, Inv. 8, Doc. 6. (in Russ.)
17. Chemist [Chimik], 1976, Febr., 20th. (in Russ.)
18. Chemist [Chimik], 1976, June, 11th. (in Russ.)
19. Kuban: Almanac [Kuban: Almanah]. 1978, №2. (in Russ.)
20. Fires of Caucasus. The publication of Belorechensk. district committee of the CPSU and Regional executive committee [Ogni Kavkaza. Organ Berorechensk. Raykoma KPSS i rayisp.], 1977, July, 11th. (in Russ.)
21. Fires of Caucasus [Ogni Kavkaza], 1977, Oct, 22th. (in Russ.)
22. Fires of Caucasus [Ogni Kavkaza], 1979, January, 1st. (in Russ.)
23. Fires of Caucasus [Ogni Kavkaza], 1979, March, 3th. (in Russ.)
24. Fires of Caucasus [Ogni Kavkaza], 1978, March, 3th. (in Russ.)
25. Current archive of Krasnodar regional committee of the CPSU. Department of construction. The inform. on work of the party organiz. of Krasnodar chem. plant on performance of decis. of XXV congress of CPSU [Tekuchi arhiv Krasnodarskogo kraevogo komiteta KPSS. Otdel stroit. Inform. O rabote part. Org. Krasnodar. him. z-da po vip. reheniy XXV syezda KPSS], 1979, 27 Dec. (in Russ.)
26. Center of documentation of the newest history of Krasnodar territory [Zentr dokumentazii noveyhey istorii Krasnodarskogo kraya] (CDNHT), F. 12428, Inv. 1, Doc. 17. (in Russ.)
27. CDNHT, F. 12428, Inv. 1, Doc. 19. (in Russ.)
28. CDNHT, F. 12428, Inv. 1, Doc. 29. (in Russ.)
29. CDNHT, F. 2692, Inv. 1, Doc. 24. (in Russ.)
30. CDNHT, F. 2692, Inv. 1, Doc. 25. (in Russ.)
31. CDNHT, F. 2692, Inv. 1, Doc. 36. (in Russ.)

32. CDNHT, F. 2692, Inv. 1, Doc. 26. (in Russ.)
33. Kuban. Results of the Eighth five-years period. The first year of the Ninth five-years period [Kuban. Itogi Vosmoy paytiletki. Perviy god Devaytoy paytiletki]. Notebook of the propagandist. Magazine of a department of propagation and propaganda of the Krasnodar regional committee of the CPSU: Special release [Bloknot agitator. Churnal otd. propag. i agit. Krasnodar. kraykoma KPSS: Spez. vip.]. *Krasnodar*, 1971. (in Russ.)
34. CDNHT, F. 12428, Inv. 1, Doc. 38. (in Russ.)
35. CDNHT, F. 12428, Inv. 1, Doc. 41. (in Russ.)
36. CDNHT, F. 2692, Inv. 1, Doc. 27. (in Russ.)
37. CDNHT, F. 1472, Inv. 13, Doc. 51. (in Russ.)

Информация об авторе

Алексеевко Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Краснодарского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Краснодар, Россия,

alexeeenko.olga2016@yandex.ru

Получена: 20.07.2015

Information about the author

Alekseenko Olga Ivanovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of faculties of humanitarian disciplines of the Krasnodar branch of the Russian economic university it. G.V. Plehanov, Krasnodar, Russia,

alexeeenko.olga2016@yandex.ru

Received: 20.07.2015

УДК 343

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-25-28

АНТОНОВА Анна Владимировна,
старший инспектор отдела по делам несовершеннолетних
отдела полиции, майор полиции

ANTONOVA Anna Vladimirovna,
Senior Inspector, Police Major

**ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ МЕР
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ПРИНУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В
УСТАВЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
РОССИИ 1864 ГОДА**

**HISTORICAL ANALYSIS OF THE
FORMATION OF MEASURES OF CRIMINAL
PROCEDURE FOR JUVENILE
PARTICIPANTS OF CRIMINAL
PROCEEDINGS IN THE CHARTER OF
CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA
IN 1864**

В данной статье освещается генезис становления института мер уголовно-процессуального принуждения, в частности, применяемых в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, а также рассматриваются исторические нормативно-правовые акты, такие как Устав уголовного судопроизводства, которые легли в основу современного уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, в статье освещаются моменты формирования самого понятия «несовершеннолетний» в уголовно-процессуальном праве России, а также этапы становления дополнительных гарантий прав юных правонарушителей, как субъектов уголовного процесса. Автором проводится сравнительный анализ мер пресечения, регламентированных в Уставе уголовного судопроизводства с их действующими аналогами, освещается их перечень, основания применения и круг лиц, уполномоченных к их применению. В статье резюмируется схожесть и преемственность норм современного уголовно-процессуального кодекса РФ с ранее существовавшими источниками уголовно-процессуального права.

The article highlights the genesis of the formation of the institution of measures of criminal procedural coercion, in particular, applicable to persons under the age of majority, and examines the historical normative legal acts, such as the Charter of criminal proceedings, which formed the basis of modern criminal procedure law. In addition, the article highlights the moments of formation of the concept of "juvenile" in the criminal procedure law of Russia, and the stages of formation of additional guarantees of the rights of young offenders, as subjects of the criminal process. The author makes the comparative analyses of measures of restraint, regulated in the Charter of the criminal proceedings and their current counterparts, presents their list, reasons for the use and persons authorized for their use. The article summarizes the continuity and similarity of the norms of modern criminal procedural code of the Russian Federation with the previous sources of criminal procedural law.

Ключевые слова: меры процессуального принуждения, несовершеннолетний, Устав уголовного судопроизводства, меры пресечения, гарантии прав несовершеннолетних участников уголовного процесса.

Key words: measures of procedural compulsion, minor, the Charter of criminal proceedings, preventive measures, guarantees of the rights of minors involved in criminal proceedings.

Институт мер процессуального принуждения, существующий в действующем УПК РФ, во многом обусловлен преемственностью из ранее существовавшего уголовно-процессуального законодательства. Произошедшая в России в 1864 г. судебная реформа положила начало отдельной ветви государственной власти, учредив суды. «Появились судебные следователи, которые вместе с судьями получили сравнительно широкую возможность контролировать законность действий полиции, осуществлявшей функции дознания и полицейского уголовного сыска» [1, с. 271]. Появился и кодифицированный акт, который содержал не только перечень мер принуждения, но и порядок их применения. Таким законом стал Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС).

Следует заметить, что памятники отечественного законодательства молчат о возрасте, с которого могло наступить уголовное вменение (вплоть до 2-й половины XVII в.). В частности, М.Ф. Владимирский-Буданов указывает, что в эпоху Русской Правды (от начала X до конца XII вв.) преступником являлось лицо, обладающее свободной волей и сознанием, однако упоминания о возрасте нет. Тем не менее, малолетство являлось смягчающим обстоятельством при применении уголовных взысканий [2, с. 311-312].

В уголовном праве Русского государства середины XVII в. появляется определение статуса малолетнего (до 7 лет), но по-прежнему нет границ у понятия «несовершеннолетний». Поэтому в этот период никаких особых гарантий защиты прав несовершеннолетних в законодательстве Русского государства нет.

К началу XVIII в. одной из гарантий защиты прав несовершеннолетних был запрет на применение пыток в их отношении (ч. 10 гл. 6 «Краткого изображения процессов и судебных тяжб» 1715 г. [3, с. 304-322]), но возрастные границы по-прежнему не указываются.

Определенные изменения в законодательстве происходят с конца XVI и в XVII в., в эпоху уложения XVII в. Ввиду того, что в обязанность государства стало входить преследование и оценка преступных деяний, возникла необходимость определения в законе условий вменения, что и было сделано в уложении и новоуказных статьях. В указанных актах имеется ссылка на постановление кормчей, по которому от уголовной ответственности освобождаются отроки до 7

лет и «бесные», то есть сумасшедшие (новоуказ. ст. 1669г., ст. 108). Несовершеннолетние старше 7 лет подлежали уголовному преследованию, но за преступления, за которые полагалась смертная казнь, подвергались другим, смягченным наказаниям [2, с. 336]. Однако возраст преступника при уголовном преследовании еще долго оставался неопределенным и в XVIII в. Лишь указ 2 мая 1765 г. дал более точные определения: «По криминальным делам мужскому и женскому полу совершенный возраст считать в 17 лет». Однако вопрос о несовершеннолетии и малолетстве оставался неясным для практики и в XIX в.: «По Учреждению о губ. 1775г. дела по преступлениям малолетних предоставлены совестному суду; в 1818 г. смоленский совестный суд отказался рассматривать дело о поджоге, в котором обвинялся имеющий уже 15 лет от роду, ссылаясь на мнение консистории, что с 15 лет начинается уже возраст юношеский, тогда как, по мнению губернатора, пределом малолетства следует считать 17 лет, с чем согласился сенат и выразил в особом указе» [2, с. 361-362]. Подробнее о происшедшей в 1775 г. судебной реформе пишет И.А. Исаев: «В губерниях учреждались совестные суды, состоявшие из сословных представителей (председателя и двух заместителей): дворян – по дворянским делам, горожан – по делам горожан, крестьян – по крестьянским делам. Суд носил характер примирительного суда, рассматривал гражданские иски, а также характер специального суда – по делам о преступлениях малолетних, умалишенных и делах о колдовстве» [4, с. 121]. Как мы видим, малолетние преступники выделялись в особую группу, но возраст совершеннолетия долго изменялся (например, в 1785г. Екатерина II установила возраст совершеннолетия в 21 год).

В период Российской империи среди несовершеннолетних выделялись три возрастные группы: первая – от рождения до 14 лет, вторая – от 14 до 17 лет, третья – от 17 до 21 года. Позднее, в 1845 г., было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, по которому устранялось вменение, ввиду случайности, малолетства (до 10 лет) и ряду других оснований.

До принятия Устава уголовного судопроизводства меры пресечения были предусмотрены в Своде законов (1832 и 1857 гг.), ими являлись: содержание в тюрьме и при полиции; домашний арест; полицейский надзор; отдача на поруки. Избрание той или иной меры зависело от тяжести обвинения, силы улик и звания обвиняемого [5, с. 131]. Причем, основной мерой пресечения в этот период было содержание под стражей, а сроки содержания оговорены в законах не были.

Правила производства по делам в отношении несовершеннолетних не содержались и в Уставе уголовного судопроизводства России 1864 г., однако в статье 421 об избрании меры пресечения имеется упоминание о возрасте обвиняемого: «При избрании меры пресечения к обвиняемому принимаются в соображение не только строгость угрожающего ему наказания, но также сила представляющих против него улик, возможность скрыть следы преступления, состояние здоровья, пол, возраст, положение обвиняемого в обществе» [6, с. 370-379]. Как отмечает О.Х. Галимов, судебная реформа 1864г., явившаяся образцом гармоничного сочетания публичного и индивидуального начала в уголовном процессе, открыла эру законодательной защиты и узаконения гарантий процессуальных привилегий малолетних и несовершеннолетних лиц. Законом 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних» впервые был введен ряд отступлений от общего порядка производства, связанный с закреплением гарантий прав юных правонарушителей как субъектов уголовного процесса (выделение дел в отношении несовершеннолетнего, учинившего преступление в соучастии со взрослым, обязательное назначение защитника, особое производство о разумении несовершеннолетнего) [7, с. 52].

Анализируя нынешнее уголовно-процессуальное законодательство, можно сделать вывод о том, что именно УУС 1864 г. послужил правовой базой и источником для формирования и развития системы мер принуждения в современном уголовно-процессуальном законодательстве. Исследование именно этого документа необходимо для понимания генезиса становления и развития института мер уголовно-процессуального принуждения в России. Статья 416 УУС 1864 г. содержала перечень мер, применяемых к обвиняемому, с целью воспрепятствования его уклонения от следствия, причем эти меры были расположены в порядке усиления ответственности. Ими являлись: 1) отобрание вида на жительство или обяжание подпиской о явке к следствию и неотлучке с места жительства; 2) отдача под особый надзор полиции; 3) отдача на поруки; 4) взятие залога; 5) домашний арест; 6) взятие под стражу; 7) отдача несовершеннолетних под присмотр (помещение в исправительные приюты и колонии, присмотр благонадежных лиц и заключение в монастыри).

Таким образом, УУС устанавливал семь видов мер пресечения, одна из которых, предполагалась исключительно для подозреваемых или обвиняемых несовершеннолетних. Следует заметить, что в законе четко регламентированы способы «отдачи несовершеннолетнего под

присмотр», а именно – помещение в исправительные приюты и колонии, присмотр благонадежных лиц и заключение в монастыри.

В 1906 г. в Уставе уголовного судопроизводства России появляются дополнения в виде главы 5 – «Производство по делам несовершеннолетних от 10 до 17 лет для разрешения вопроса о том, действовал ли обвиняемый во время совершения преступного деяния с разумением». Таким образом, появляется определенная системность при расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних и их некоторое обособление от совершеннолетних участников процесса. Так, по делам общих установлений о несовершеннолетних от 10 до 17 лет выделялось производство о разумении и судебное производство о виновности. Окончив следствие, следователь передавал дело прокурору, который вносил его на рассмотрение окружного суда. Последний рассматривал дело в распорядительном заседании, вызвав несовершеннолетнего обвиняемого и известив его родителей либо заменяющих их лиц о дне рассмотрения дела. По делам, наказанием по которым выступало тюремное заключение, суд мог потребовать в обязательном порядке присутствия родителей или лиц, их заменяющих. Обвиняемый несовершеннолетний вызывался лишь для дачи объяснений, но в зале суда он не присутствовал. Родители или заменяющие их лица также допускались к суду для представления объяснений. В случае необходимости разрешения вопроса о разумении суд в качестве сведущих людей мог вызвать врачей, воспитателей, учителей и других лиц, занимавшихся воспитанием несовершеннолетних, а также иных свидетелей. Если в ходе рассмотрения дела, суд признавал обвиняемого несовершеннолетнего действовавшим без разумения (либо не учинившим преступления), то он выносил определение о прекращении судебного преследования или о возвращении дела прокурору для дальнейшего направления. В случае прекращения судебного преследования суд мог вынести решение об отдаче несовершеннолетнего под ответственный надзор родителям либо лицам, их заменяющим, или благонадежным людям, изъявившим согласие на это, или поместить его в исправительные приюты либо в особые помещения при тюрьмах и арестных домах на какой-либо срок (не более чем до достижения ими 18-летнего возраста).

Глава шестая УУС 1864 г. регламентировала виды мер пресечения и порядок их применения к обвиняемым. Следует отметить, что не все суды были наделены равными правами при применении мер пресечения. Например, отобрание вида на жительство, отдача под надзор полиции или домашний арест не могли применяться в мировых установлениях.

Основанием для применения мер пресечения являлся максимум наказания, предусмотренного за преступление, которое совершил обвиняемый. Следовательно, являясь процессуально независимым лицом, мог выбрать меру пресечения для обвиняемого, руководствуясь своим внутренним убеждением, принимая во внимание не только строгость угрожающего ему наказания, но и силу имеющихся против него улик, наличие возможности скрыть следы преступления, состояние его здоровья, пол, возраст и положение обвиняемого в обществе (ст. 421 УУС).

УУС предусматривал общие правила для исполнения мер пресечения: никто из обвиняемых не должен был отлучаться без разрешения следователя или суда из города или участка, где осуществлялось производство по уголовному делу. В мировых судебных установлениях обвиняемые также обязаны были уведомить мирового судью, в производстве которого находилось уголовное дело, о перемене места жительства.

Таким образом, первый кодифицированный акт все же предусматривал некоторое обособление несовершеннолетних участников процесса, выделение «специальной» меры пресечения для лиц, не достигших совершеннолетия на момент совершения общественно опасного деяния. В целом УУС 1864 г. стал основой всего последующего уголовно-процессуального законодательства России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Уголовный процесс: учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. Изд. 5-е, перераб. и доп. – М., 2004.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.
3. Отечественное законодательство XI–XIX веков. Часть 1. / Под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрист, 1999.
4. Исаев И.А. История государства и права России: учебное пособие. – М.: ТК Велби; Проспект, 2008.
5. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. – М.: Наука, 1989.
6. Устав уголовного судопроизводства. – СПб, 1903.
7. Галимов О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве. – СПб: Питер, 2001.

REFERENCES

8. Criminal proceedings: proc. for students of the faculty of law. universities and faculty [Ugolovnyj process: uchebnik]. Ed. by K. F. Guzenko. Ed. 5th, Rev. and add., Moscow, 2004. (in Russ.)

9. *Vladimirsky-Budanov M.F.* A review of the history of Russian law [Obzor istorii russkogo prava]. *Rostov-na-Donu: Phoenix*, 1995. (in Russ.)
10. The domestic law of XI-XIX centuries. Part 1 [Otechestvennoe zakonodatel'stvo XI-XIX vekov. Chast'1]. Under the editorship of O.I. *Chistyakov*: *Moscow: Lawyer*, 1999. (in Russ.)
11. *Isaev I.A.* History of state and law of Russia: textbook [Istoriya gosudarstva i prava Rossii: uchebnoe posobie]. *Moscow: TK Valby; Prospectus*. 2008. (in Russ.)
12. *Petrukhin I.L.* Inviolability of the person and coercion in the criminal process [Neprikosновенность личности i prinuzhdenie v уголовном процессе. *Moscow: Nauka*, 1989. (in Russ.)
13. The Charter of criminal proceedings [Ustav уголовного судопроизводства]. *Sankt-Peterburg*, 1903.
14. *Galimov O.K.* Minors in criminal proceedings [Maloletnie licia v уголовном судопроизводстве]. *Sankt-Peterburg: Piter*, 2001. (in Russ.)

Информация об авторе

Антонова Анна Владимировна, старший инспектор отдела по делам несовершеннолетних отдела полиции (Центральный округ) УМВД РФ по г. Краснодару, майор полиции, Краснодар, Россия

Получена: 7.09.2015

Information about the author

Antonova Anna Vladimirovna, Senior Inspector, Department for Juveniles (Central district), Ministry of Internal Affairs of Russia in Krasnodar, Police Major, Krasnodar city, Russia

Received: 7.09.2015

УДК 903.22

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-29-35

БОБРОВ Леонид Александрович,
доктор исторических наук, доцент кафедры археологии
и этнографии

BOBROV Leonid Aleksandrovich,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chair
of Archaeology and Ethnography

САЛЬНИКОВ Алексей Викторович,
кандидат исторических наук

SALNIKOV Alexey Viktorovich,
Candidate of Historical Sciences

ШИРОКОЛЕЗВИЙНЫЕ ТОПОРЫ «БАЛТА» ИЗ ФОНДОВ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

WIDE-BLAD AXES «BALTA» FROM THE COLLECTION OF THE OMSK STATE HISTORY MUSEUM

В статье рассмотрены боевые топоры, хранящиеся в Омском государственном историко-краеведческом музее (ОГИКМ). Первый из них снабжен клинком удлиненно-треугольной, а второй – удлиненно-трапециевидной формы. Поверхность бойков украшена растительно-геометрическим орнаментом, выполненным в технике серебряной насечки по металлу. Топорища усилены железными «отрезами», планками и «пожилинами».

Сотрудники ОГИКМ определили данные экземпляры ударно-рубящего оружия как казахские «топоры боевые айбалта» и предложили две возможные датировки: конец XVIII – начало XIX в. или XIX в. Анализ конструкции и системы декоративного оформления позволил уточнить датировку и атрибуцию оружия. Установлено, что топоры были действительно изготовлены казахскими оружейниками, однако форма клинка и слабоизогнутого лезвия позволяет определить их не как секиры «айбалта» (отличительной особенностью которых было месяцевидное, С-образное лезвие), а как боевые топоры «балта».

Время их изготовления может быть локализовано XVIII – серединой XIX в. В комплексе ударно-рубящего оружия казахских номадов боевые топоры «балта» занимали промежуточное положение между «бронбойными» узколезвийными топорами «шакан» и секирами «айбалта». Проведенные экспериментальные испытания показали, что удары топора типа «балта» обладали мощным ударно-дробящим эффектом. Они представляли значительную угрозу для воинов противника, не имеющих защитного вооружения или облаченных в стеганный на вате панцирь.

Удар «балта» мог не пробить металлический доспех, но травмировал тело и дробил кости вражеского воина. Наряду с высокими функциональными характеристиками топоры из ОГИКМ отличаются ярким декоративным оформлением. Так, например, топор № 3659 по насыщенности и технике выполнения узора сопоставим с лучшими образцами казахского ударно-рубящего оружия, хранящимися в столичных музейных собраниях Российской Федерации и Республики Казахстан.

The article describes battle axes, stored in the Omsk State Museum of Regional History. One of them has a blade of oblong-triangular shape, and the other has oblong-trapezoidal shape. The surface of the strikers is decorated with floral and geometric ornament made in the technique of silver notches on metal. Axe handles are reinforced with iron «cuts» and straps.

Experts of the Museum identified these types of shock-slashing weapons as Kazakh «battle axes *aibalta*» and suggested possible dates: late XVIII– early XIX century, or the XIX century. The analysis of the structure and system of the decoration helps to clarify the dating and attribution of the weapons. It is stated that the axes were indeed made by Kazakh gunsmiths, however, the shape of the blade and slightly curved blade allows to define them as axes not «*aibalta*» (the distinctive feature of which was a lunar C-shaped blade), but as battle axes «*balta*».

Their production may be dated back to the XVIII– XIX centuries. In the complex of shock-chopping weapons of Kazakh nomads, battle axes «*balta*» had an intermediate position between narrow-bladed axes «*shakan*» and axes «*aibalta*». Experimental tests show that strikes of the «*balta*» type axe had a powerful shock-crushing effect. They presented a significant threat for enemy soldiers who did not have protective arms or were dressed in quilted cotton suit armour.

Strikes of «*balta*» could not break metal armor, but could injure a body and crush bones of an enemy warrior. Along with the high functional characteristics of the axes of the Museum, they have bright decorative design. For example, the axe No. 3659 with its decorative patterns can be compared with the best samples of Kazakh shock-chopping weapons stored in the Museum collections of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, ударно-рубящее оружие, боевые топоры, секиры.

Key words: Central Asia, Kazakhstan, shock-slashing weapons, battle axes, axes.

*Исследование проведено
за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 14-50-00036)*

*The study
was conducted with a grant from the Russian science Foundation
(project No. 14-50-00036)*

В залах Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИКМ), посвященных вхождению Казахстана в состав Российской империи, экспонируются два богато орнаментированных боевых топора, определенных сотрудниками музея как казахские топоры «айбалта» XIX в. (рис. 1; 2).

Рис. 1. Боек боевого топора № 1 из ОГИКМ (№ 3659) – вид справа (рис. Боброва Л.А.; без масштаба)

Fig. 1. The striker battle ax number 1 of OGIKM (number 3659) - right side view (Fig. Bobrov LA .; without scale)

Данные образцы ударно-рубящего оружия отличаются оригинальными элементами конструкции, а также нестандартной системой декоративного оформления и представляют значительный интерес для отечественных и зарубежных историков, этнографов и оружейников. Рассматриваемые предметы вооружения ранее не становились объектом специального научного исследования, основанного на комплексном анализе вещественных, изобразительных и письменных источников. Краткое описание первого топора (ОГИКМ, № 3659) было выполнено авторами каталога «Культура казахов в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея» [7, с. 33].

Второй топор ранее не публиковался. В настоящее время представляется возможным провести детальный типологический анализ данных образцов ударно-рубящего оружия. Целью настоящей статьи является введение боевых топоров из ОГИКМ в научный оборот, описание их конструкции, системы оформления, а также уточнение датировки и атрибуции.

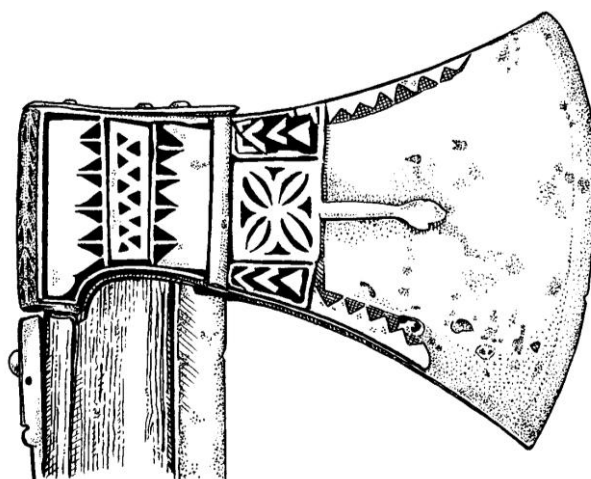

Рис. 2. Боек боевого топора № 2 из ОГИКМ – вид справа (рис. Боброва Л.А.; без масштаба)

Fig. 2. The striker battle ax number 2 of OGIKM - right side view (Fig. Bobrov LA .; without scale)

По материалу изготовления бойки обоих топоров относятся к классу железных, по способу насада на топорище – к отделу проушных, по форме сечения – к группе плоскообушных. Бойки различаются формой клинка и особенностями декоративного оформления.

Вариант 1. Плоскообушный боевой топор с орнаментированным удлинённо-треугольным клинком с широким слабоизогнутым лезвием (ОГИКМ, № 3659).

Отличительной особенностью конструкции бойка рассматриваемого боевого топора является клинок удлинённо-треугольной формы, снабжённый слабоизогнутым лезвием с остроугольными концами (рис. 1). Длина клинка – 11,5 см, ширина лезвия – 12,0 см. Полотно клинка плавно сужается от лезвия к уплощённой шейке и переходит в насад с оттянутым вниз обухом (толщина – 2,5 см) и «щечками» подтрапецевидной формы (рис. 1).

Массивный плоский обух бойка снабжён вертикальным ребром жесткости. Проух подтреугольной формы заклепан с верхней стороны специальной железной пластиной, в которую вбиты металлический штырь и гвоздь с полусферической шляпкой, соединяющие боек с деревянным топорищем. Штырь снабжён петлей, в которую вставлено железное кольцо. В кольцо мог продеваться кожаный темляк, металлический крюк или скоба, с помощью которой топор крепился к поясу воина. Подобный способ ношения боевого топора казахским воином зафиксирован на рисунке М.С. Знаменского 1865 г. (2, с. 10, рис. 2).

Значительный интерес представляет декоративное оформление бойка. Большая его часть (за исключением полосы вдоль лезвия) покрыта густым растительным и геометрическим орнаментом, выполненным в технике набивной серебряной насечки с чернением (фон проработан штриховой насечкой). Лопасть бойка окантована зубчатой лентой, образованной двумя рядами симметрично расположенных треугольных вырезов. Основу композиции формирует распускающийся цветочный бутон, замкнутый в сердцевидный «картуш», образованный вьющимися цветочными побегами. «Картуш» обрамляют два больших цветка (у лезвия) и шесть нераспустившихся бутонов, украшающих шейку и «щечки» бойка. Пространство между бутонами заполнено изображениями листьев с резным краем, с округлыми «почками» и закрученной в кольцо лозой (рис. 1).

Данный рисунок с некоторыми вариациями повторяется и на левой стороне бойка. Декоративный эффект достигается за счёт контрастного цветового решения (светлый серебряный рисунок на темном фоне железного бойка), а также сложного комбинированного (растительно-геометрического) орнамента на поверхности клинка и насада.

В тексте каталога «Культура казахов в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея» отмечается, что боек топора №3659 насажен на деревянное топорище в виде «...длинной, слегка изогнутой палки, круглой в сечении и с равномерным диаметром по всей длине. Один конец срезан прямо, к нему прибит гвоздь для подвешивания топора. Другой конец немного стесан с боков и вставлен в обойму. Конец его обрезан прямо, в него вбит железный гвоздь с широкой круглой шляпкой». Длина топорища, по данным составителей каталога, составляет 198,0 см, при диаметре 2,5 см. [7, с. 33].

По всей видимости, описание содержит ряд неточностей, так как в настоящее время рукоять топора № 3659 имеет иные размеры, конструкцию и систему оформления.

Рукоять топора (длина – 52 см, диаметр – 2,3 см) выполнена из дерева и обтянута медной фольгой, украшенной трафаретным рисунком в виде растительных побегов и мелких «жемчужин». Передняя часть топорища (под клинком) усилена металлическим «отрезом», представляющим собой плоскую железную пластину, прибитую встык к поверхности рукояти. Край «отреза» оформлен полукруглыми фестонами. Поверхность пластины украшена зубчатым орнаментом и парой серебряных «лент» по краю.

Задняя часть топорища (под обухом бойка) защищена железной планкой, поверхность которой покрыта геометрическим и растительным орнаментом, выполненным в технике серебряной насечки по металлу. Край планки в ее верхней части оформлен полукруглыми фестонами. Пластина крепится к рукояти топора с помощью специальных заклепок с массивными полусферическими шляпками. Нижняя часть топорища перехвачена парой выпуклых колец, препятствующих соскальзыванию руки при ударе.

Согласно данным сотрудников ОГИКМ, рассматриваемый образец ударно-рубящего оружия поступил в музейное собрание до 1917 г. [7, с. 33]. Авторы каталога ОГИКМ отнесли его к комплексу вооружения казахов, определив как «топор боевой «айбалта» конца XVIII – начала XIX в. Составители экспозиции предложили иную датировку и предложили локализовать время изготовления топора XIX в. Анализ конструкции и системы оформления боевого топора позволяет уточнить его датировку и атрибуцию.

Боевые топоры с широким (более 10 см) удлинённо-треугольным клинком были в целом не характерны для комплекса ударно-рубящего оружия тюркских и монгольских кочевников раннего и развитого Средневековья [5, с. 66; 6, с. 63–74, 161–166]. Резкий рост популярности

подобных боевых топоров среди кочевников Центральной Азии пришелся на период позднего Средневековья и раннего Нового времени.

По своей конструкции топоры рассматриваемого типа занимают промежуточное положение между узколезвийными («бронбойными») топорами с удлинённо-треугольным клинком (казахск. «шакан») и широколезвийными топорами с удлинённо-трапециевидным клинком (казахск. «балта»). От первых они отличаются большей шириной лезвия, а от вторых – формой клинка.

Ближайшие аналоги топора № 3659 из ОГИКМ происходят из российских и казахстанских музейных собраний. Все они имеют клинок удлинённо-треугольной формы со слабоизогнутым лезвием, плоский, оттянутый вниз обух, а также рукоять, усиленную железными «отрезами» и планками. Многие из данных топоров имеют схожее декоративное оформление. Так, например, боек топора из Музея антропологии и этнографии (МАЭ) (№313-119) украшен комбинированным растительно-геометрическим орнаментом, выполненным в технике серебряной насечки по металлу.

Основу композиции (как и на топоре из ОГИКМ) составляет цветочный бутон в сердцевидном «картуше», а лопасть топора по периметру окантована все тем же зубчатым орнаментом. Рукоять топора из МАЭ обтянута фольгой и снабжена орнаментированным железным «отрезом» и планкой на обухе [10, с. 175].

Данный топор, а также другие образцы серии (более 20 экз.) соотносятся с комплексом вооружения казахских воинов позднего Средневековья и раннего Нового времени. Особенности конструкции и декоративного оформления позволяют атрибутировать топор из ОГИКМ как изделие казахских мастеров. При этом определение топора из ОГИКМ, как «айбалта» представляется не совсем точным, так как концы лезвия его бойка не загнуты в стороны рукояти (как на секирах «айбалта»), а направлены от топорика. Данный факт позволяет отнести рассматриваемый образец из ОГИКМ к категории боевых топоров, получивших среди казахов известность под названием «балта» [2, с. 112–117].

Что касается датировки боевого топора, то в настоящее время не представляется возможным локализовать время его изготовления концом XVIII – началом XIX вв., как это сделали составители каталога «Культура казахов в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея» [7, с. 33].

Оружие подобной конструкции применялось кочевниками Центральной Азии еще в первой половине – середине XVIII в., что подтверждается как вещественными, так и изобразительными материалами (рис. 3). Позднейшие образцы датированы второй половиной XIX в.

Рис. 3. Изображение воинов-кочевников, вооруженных боевыми топорами с цинской гравюры «Битва при Курмане», начало второй половины XVIII в. (Императорский дворец-музей, Тайбэй)

Fig. 3. Image-nomadic warriors, armed with battle-axes Qing engraving "The Battle of Kurmanov", the beginning of the second half of the XVIII century. (Imperial Palace Museum, Taipei)

Конструкция и система оформления бойка из ОГИКМ (форма клинка и насада, орнаментальный узор и способ его передачи) позволяют определить время его изготовления XVIII – серединой XIX в. Не исключено, что первоначально топор имел рукоять иной конструкции. Топорище, на которое насажен боек в настоящее время, могло быть изготовлено во второй половине XVIII – середине XIX в. По мере изучения казахского ударно-рубящего оружия может быть предложена и более узкая датировка предмета внутри данного исторического периода.

Вариант 2. Плоскообушный боевой топор с орнаментированным удлинненно-трапециевидным клинком со слабоизогнутым лезвием (рис. 2).

В отличие от рассмотренного выше экземпляра, данный образец имеет более широкую шейку, что придает клинку характерную трапециевидную форму. Широкое лезвие топора имеет незначительный изгиб. Полотно клинка плавно сужается от лезвия к шейке и переходит в насад с плоским оттянутым вниз обухом. Проух заклепан с верхней стороны железной пластиной, в которую вбиты железные гвозди, соединяющие боек с деревянным топорищем.

Особенностью декоративного оформления бойка являются накладки из медного сплава. Так, узкий медный бортик, приклепанный вертикально к шейке бойка, визуально делит его на насад и клинок. Поверхность последнего украшена горизонтальной накладкой из медного сплава. Орнамент на поверхности бойка выполнен в технике набивной серебряной насечки с чернением (фон проработан штриховой насечкой). Основой орнаментальной композиции на клинке топора являются три «картуша» подпрямоугольной формы, расположенных один над другим вдоль шейки бойка. В центральный «картуш» вписано изображение распустившегося четырехлепесткового цветка. В узкие боковые «картуши» помещены серебряные фигуры треугольной и V-образной формы. Лопасть клинка снабжена окантовкой в виде серебряных полос с остроугольными фестонами, однако большая часть самого железного полотна не орнаментирована. Щечки бойка украшены широкими серебряными пластинами. Зубчатый орнамент на их поверхности образован несколькими рядами симметрично расположенных треугольных вырезов (рис. 2).

Боек насажен на очень длинную изогнутую рукоять, выполненную из дерева. Передняя часть топорища (под клинком) усилена железным «отрезом» с ровным краем. Тыльная сторона рукояти прикрыта железной планкой, переходящей в длинную плоскую «пожилину».

Как и в предыдущем случае, форма клинка позволяет определить оружие как топор «балта» (при этом, атрибуцию оружия как секиры «айбалта» следует признать ошибочной). Рассматриваемый топор не был включен в каталог казахских материалов ОГИКМ, однако сотрудники музея совершенно справедливо поместили его именно в «казахскую» витрину. Действительно, бойки с удлинненно-трапециевидным клинком, украшенным медными накладками и зубчатым орнаментом, выполненным в технике серебряной насечки, а также длинные («кавалерийские») топорища, усиленные «отрезом» и «пожилыми», типичны для изделий казахских оружейников. На основании особенностей конструкции и системы оформления топор может быть датирован XVIII – серединой XIX в.

В завершение отметим, что широколезвийные топоры «балта» из ОГИКМ представляют собой великолепные образцы казахского ударно-рубящего оружия периода раннего Нового времени. Форма бойка хорошо продумана и качественно исполнена. Широкое лезвие топоров «балта» позволяло наносить бездоспешным воинам противника глубокие рубленые раны. При определенных обстоятельствах «балта» могла быть весьма эффективна и против вражеских панцирников. Даже если клинок не прорубал железный доспех, он сминал и деформировал панцирное покрытие, травмировал тело и дробил кости. Данные сведения, почерпнутые из сообщений современников, подтверждаются и результатами научных экспериментов.

Так, в частности, А.Л. Петренко и Ю.А. Петренко были проведены экспериментальные испытания широколезвийных боевых топоров, которые показали, что данное оружие «...легко пробивает органический доспех и наносит серьезные повреждения панцирным покрытиям. Хотя металл пластин и в этом случае не пробивается, ударный эффект близок к эффекту тяжелого копья», то есть к «ударно-дробящему эффекту» [11, с. 110].

Повторные эксперименты, организованные и проведенные при участии авторов настоящей публикации, подтвердили эффективность топоров «балта» с удлинненно-треугольным и удлинненно-трапециевидным клинком в качестве оружия, ориентированного против противника, не имеющего защитного вооружения или облаченного в стеганный на вате панцирь. Кроме того, удачный удар топора «балта» способен прорубить классические клепаные и сварные кольца кольчужного доспеха, а в отдельных случаях и железные пластины «куяка» центральноазиатского образца. Подобная универсальность топоров «балта» предопределила их популярность в казахском комплексе вооружения XVIII – первой половины XIX в., когда традиционный панцирный комплекс постепенно выходил из широкого военного обихода у большинства народов Центральноазиатского региона.

Наряду с высокими боевыми характеристиками топоры из ОГИКМ отличаются ярким декоративным оформлением. Так, в частности, растительно-геометрический узор бойка № 3659 по мастерству исполнения, насыщенности и изяществу может на равных конкурировать с лучшими орнаментами на казахском ударно-рубящем оружии, хранящемся в столичных музейных собраниях Российской Федерации и Республики Казахстан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. – СПб.: Атлант, 2013. – 527 с.
2. Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. – Алматы: Алматыкитап, 2007. – 216 с.
3. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 770 с.
4. Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). – М.: Наука, 1993. – 349 с.
5. Горелик М.В. Армии монголо-татар X – XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. – М.: ООО Восточный горизонт, 2002. – 84 с.
6. Кочкаров У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). – М.: ТАУС, 2008. – 176 с.
7. Культура казахов в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. – 187 с.
8. Курьлев В.П. Оружие казахов. Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. 34. – Ленинград, 1978. – С. 4–22.
9. Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII – XVIII веках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 172 с.
10. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. – Алматы: Онер, 1986. Т. 1. – 256 с.
11. Петренко А.Л., Петренко Ю.А. Защитные свойства средневековых панцирей Юга Сибири и Центральной Азии (по материалам эксперимента). Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 1. – С. 102–112.
12. LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. – New York: Yale University Press, 2006. – 307 p.

REFERENCES

1. Anisimov M.A. Weapons of the East XV– first half of XX century: from the collection of the Military historical Museum of artillery, engineer and signal corps [Oruzhie Vostoka XV– pervoy poloviny XX veka: iz sobraniya VoЕННО-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi]. *St. Petersburg: Atlanta, GA*, 2013. 527 p. (in Russ.)
2. Akhmetzhan K.S. Ethnography, traditional weapons of the Kazakhs [Etnografiya traditsionnogo vooruzheniya kazakhov]. *Almaty: Elasticity*, 2007. 216 p. (in Russ.)
3. Bobrov L.A., Khudiyakov Yu.S. Weapons and tactics of the nomads of Central Asia and southern Siberia in the late middle Ages and the modern age (XV – first half of XVIII centuries) [Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII vv.)]. *St. Petersburg: Faculty of Philology and arts, St. Petersburg state University*, 2008. 770 p. (in Russ.)
4. Gorelik M.V. Weapons of the ancient East (IV Millennium – IV century BC) [Oruzhie drevnego Vostoka (IV tysyachelietie- IV v. do n.e.)]. *Moscow: Nauka*, 1993. 349 p. (in Russ.)
5. Gorelik M.V. Army of the Mongol-Tatars X – XIV centuries, martial arts, gear, weapons [Armii mongolo-tatar X – XIV vv. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie]. *Moscow: LLC Eastern horizon*, 2002. 84 p. (in Russ.)
6. Kochkarov W.Y. Arms warriors of the North-Western Caucasus VIII – XIV centuries (melee weapon) [Vooruzhenie voinov Severo-Zapadnogo Predkavkaz'ya VIII – XIV vv. (oruzhie blizhnego boya)]. *Moscow: TAUS*, 2008. 176 p. (in Russ.)
7. Culture of Kazakhs in the collections of Omsk state history Museum [Kul'tura kazakhov v kollektsiyakh Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya]. *Tomsk: Publishing house of Tomsk University*, 1995. 187 p. (in Russ.)
8. Kurylev V.P. Weapons of Kazakhs. The collection of the Museum of anthropology and Ethnography [Oruzhie kazakhov. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii]. Vol. 34. *Leningrad*, 1978. P. 4-22. (in Russ.)
9. Kushkumbaev A.K. Military Kazakhs in XVII – XVIII centuries [Voennoe delo kazakhov v XVII – XVIII vekakh]. *Almaty: Dyke-Press*, 2001. 172 p. (in Russ.)
10. Margulan A.H. Kazakh national applied art [Kazakhskoe narodnoe prikladnoe iskusstvo]. *Almaty: Oner*, 1986. Vol. 1. 256 p. (in Russ.)
11. Petrenko A.L., Petrenko Yu.A. Protective properties medieval armour South Siberia and Central Asia (according to the materials of the experiment). The military of the peoples of Siberia and Central Asia [Zashchitnye svoystva srednevekovykh pantsirey Yuga Sibiri i Tsentral'noy Azii (po materialam eksperimenta). Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii]. *Novosibirsk: Novosibirsk state University*, 2004. Vol. 1. P. 102-112. (in Russ.)
12. LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. *New York: Yale University Press*, 2006. 307 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, старший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия
spsml@mail.ru

Сальников Алексей Викторович, кандидат исторических наук, заместитель проректора по науке и инновациям Северо-Кавказского института бизнеса, инженерных и информационных технологий, Армавир, Россия
alexkat_salnikov@mail.ru

Получена: 07.09.2015

Information about the author

Bobrov Leonid Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Archaeology and Ethnography, Novosibirsk State University, Senior researcher, Laboratory of humanitarian research, Research division of Novosibirsk State University,
Novosibirsk city, Russia
spsml@mail.ru

Salnikov Alexey Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, Vice-Rector for Science and Innovations, North Caucasian Institute of Business, Engineering and Information Technology,
Armavir city, Russian
alexkat_salnikov@mail.ru

Received: 07.09.2015

УДК 792.03

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-36-39

БОГДАНОВА Полина Борисовна,
кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории
театра и кино

BOGDANOVA Polina Borisovna,
Candidate for Doctorate in Arts, Associate Professor at
the Chair of History of Dramatic Art and Cinema

**РЕЖИССЕР ОЛЕГ ЕФРЕМОВ, КАК
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА ТЕАТРА
«СОВРЕМЕННОК» [1]**

**OLEG EFREMOV, STAGE DIRECTOR
OPENING A BRAND-NEW PERIOD IN THE
STORY OF THE SOVREMENNİK THEATER**

Секрет успеха Олега Ефремова крылся, прежде всего, в его личности, которую отличало невероятное актерское и человеческое обаяние. Это обаяние окрашивало собой и общественную деятельность Ефремова как создателя и лидера театра. У Олега Ефремова не было качеств, которые бы отдаляли его от других людей. Напротив, это был «свой парень», близкий и доступный в общении, широкая натура, компанейский человек. Его исключительно мужские черты лидера и заводилы внушали уважение и безоговорочно принимались окружающими. Это был человек игры, человек азарта и наступательной тактики.

Он не был фигурой авторитарной, которую бы не только уважали, но и побаивались. Он был яркий демократический лидер. Поэтому в молодом «Современнике» все решалось сообща, на собрании всей труппы, сюда выносились вопросы и творческие, и личные. Ефремов никогда не боялся потерять свою власть. Он, как натура бесстрашная, абсолютно уверенная в себе и широкая, очень любил компанейское дружеское взаимодействие.

The paper considered the winning chemistry in Oleg Yefremov's life laid, above all, behind his personality that an incredible charm of an actor and a human singled out. That charm tinged either the public actions that Yefremov held as a founder and leader of the Theater. Oleg Yefremov did not have any trait of character that would have alienated him from other people. On the contrary, he was «one of the lads», an intimate fellow accessible for communication, an expansive nature, a companionable individual. His exceptionally male features of the leader and «live wire» commanded respect, and other people have unconditionally accepted that as their due. He was a man of gambling, a man of ardor persistent in his tactics.

He did not behave like an authoritarian personality not only to inspire respect but either to arouse dread. He was a bright democratic leader. That is why the young "Sovremennik" settled everything in brainstorming, at meetings of the troupe, and both creative and personal issues were to submit there. Efremov never worried about losing authority. Like a fearless and self-reliant person, an expansive nature, he enjoyed a convivial and friendly interaction.

Ключевые слова: Олег Ефремов, режиссер, театр, театр «Современник».

Key words: Oleg Efremov, stage director, theater/ dramatic art, "Sovremennik" Theater.

Вообще понятие «компания», наверное, ключевое для самого Ефремова и его труппы. Хотя это понятие не относилось только к одному «Современнику». Время было такое – компанейское. Эфрос тоже собирал компанию, начав ее создавать с периода ЦДТ, потом многие актеры пошли за ним дальше в другие театры. Но это была другая компания. Эфрос всегда считался безусловным авторитетом для своих актеров, он возвышался над ними по праву старшинства и профессионального опыта.

Современниковский лидер Олег Ефремов существовал почти на равных со своими товарищами, хотя тоже, конечно, обладал в их глазах безусловным авторитетом и весом. В «Современнике» при всем при этом общекомпанейское оказывалось на первом месте, в компанию надо было войти, влиться, раствориться в ней и жить в едином с ней ритме. Так, во всяком случае, было в самый ранний период «Современника», когда труппа по любому поводу собирала общие собрания и все решения выносила на открытые публичные обсуждения. Вот характерное для Ефремова высказывание: «Для меня театр – это содружество людей, живущих как бы на одном дыхании, исповедующих одни и те же идеи. Это несколько десятков сердец, бьющихся в унисон, несколько десятков умов, ищущих ответы на жизненные вопросы, которые волнуют каждого в отдельности, это коллектив, который целиком – художник» [10].

Обладая коллективистским мышлением, Олег Ефремов тем не менее никогда не замыкался рамками своей собственной компании. Что в меньшей степени было характерно для того же Эфроса: для последнего интимность связей внутри его компании единомышленников всегда, особенно в более поздние периоды, как будто служила целям противодействия грубой окружающей реальности. У Эфроса вообще был этот несколько романтический стиль существования – уединенно-конфликтный, то есть направленный на то, чтобы сберечь свою художническую отдельность и противостоять миру. «Эфрос, – писала И. Соловьева, – был еще и человеком замкнутым. Скорее с полем отталкивания, чем с полем притяжения. К нему тянуло, но <...> подойти к нему» [11] было непросто.

Ефремову же не было свойственно желание противостоять миру. У него другая натура, не склонная к романтическому уединению. Для Ефремова компанией могло стать и становилось все общество. Противостоял он только отдельным личностям, которых заносил в разряд врагов, – тех, с кем не мог разделить нравственных и политических убеждений.

Для Ефремова понятие общего было с самого начала важнее, чем частного. Принадлежностью к общему измерялась для него нравственность человека, его надежность. Поэтому он всегда ставил спектакли и играл роли, в которых необходимость соответствовать общему стояла на первом месте.

Общее он мог переживать как свое личное, индивидуальное. В этом секрет его гражданственности, его неуспокоенности, неугомонности, желания делать общее дело, руководствуясь чувством личной ответственности.

Поэтому он с самого начала был ярко социальным художником. Н. Крымова видела одно из отличий его творческой природы именно «в неприкрытой, наглядной, неуступчивой социальности. Редко и менее удачно он играет роли, где социальное начало – момент общественной, гражданской оценки – выражено невнятно. Нет возможности опереться на эту почву – Ефремов тускнеет, теряет напористость; появляется такая возможность – он расцветает, становится уверенным и энергичным» [3].

Анатолий Эфрос тоже был социальным художником, как, в сущности, все шестидесятники. Потому что они решали проблемы своего дома, своей страны, своего общества. Особенно пристально шестидесятники сосредоточивались на этих проблемах в период «оттепели». Но и в дальнейшем социальное чувство, социальный пафос не покинет их, он просто претворится в иных формах.

Еще о некоторых отличиях Эфроса и Ефремова, представителей одного поколения и художников родственной школы. Эфрос в большей степени занимался вопросами художественными, эстетическими, вопросами формы. Ефремова более интересовали проблемы этического свойства, вопросы формы носили для него подчиненный характер.

Но все же режиссуру Ефремова не случайно называли актерской, он никогда не задавался проблемами, которые решал тот же Эфрос, когда говорил о соединении условного пространства и безусловной игры. Ефремов в «Современнике» тоже работал в условном пространстве, но он работал так потому, что так было принято в то время, это была дань хорошему театральному тону. И позже, уже во МХАТе, когда он приглашал первого сценографа, художника-концептуалиста, Д. Боровского, (а сам ограничивался «разработкой» все той же «внутренней психологии своих героев»), тоже шел на поводу у хорошего театрального тона.

Но зато по части «живой фантазии», способности к созданию интересных современных характеров у Ефремова почти не было соперников. Им владела удивительно чуткая актерская интуиция, которая и вела его всегда в нужном направлении. Плюс невероятное актерское обаяние. Плюс яркое глубокое личностное начало. Все вместе и выводило Ефремова в разряд первых художников эпохи.

С ярко выраженным общественным пафосом была поставлена в «Современнике» пьеса В. Розова «Вечно живые». В первой редакции 1956 г. сам Ефремов играл Бороздина – сына, отправлявшегося добровольцем на фронт. Ему принадлежала знаменитая фраза, которая потом повторялась в десятках рецензий и очерков об этом спектакле: «если я честный, я должен...».

Борис О. Ефремова пошел на войну, чтобы принять участие в общей судьбе народа. «Как все, так и мы» – с такой психологией и жило военное и послевоенное советское общество. Такая психология и рождала чувство единства и коллективизма. Индивидуалистом по тогдашним понятиям было быть плохо. Индивидуалистом в пьесе В. Розова был Марк (М. Козаков), который всеми правдами и неправдами сделал себе бронь, остался в тылу. Спектакль Ефремова осуждал Марка.

Прямой противоположностью Марку был Борис: «В поступке Бориса – Ефремова была сила и ответственность личного решения. Сила и ответственность личного поведения все в той же общенародной ситуации» [8].

В 1961 г. «Современник» выпустит вторую редакцию спектакля «Вечно живые». Ефремов будет играть уже не сына, а отца, доктора Бороздина. В главном пафос спектакля не изменится.

«В общеисторической, общенародной ситуации оказываются и семья Бороздиных, и люди, живущие напротив, – писали в своей знаменитой рецензии на вторую редакцию «Вечно живых» И. Соловьева и В. Шитова. – Бороздины переживают ее как ситуацию именно общенародную – не выгораживаются из нее, принимают ее вместе со всеми. Только вместе со всеми, потому что все провожают, все ждут, потому что в каждую минуту войны кому-то хуже, горше, чем им. <...> Людьми, живущими напротив, эта общая ситуация, так сказать, присваивается как их личное несчастье. Возникает эгоизм страдания и радости, возникает почти самодовольное чувство отдельности» [8].

«Чувство отдельности» было чуждо режиссеру спектакля и исполнителю одной из центральных ролей Олегу Ефремову. По его, Ефремова, меркам и представлениям о жизни это

чувство было сродни трусости – сам Ефремов стоял на прочных мужских позициях мужественности.

Ефремовская позиция мужественности – это, если угодно, и ненависть ко всякого рода «хлюпикам», как привычно называли интеллигентов (и для кого-то это было отрицательное понятие), это неприятие «нытья», это строгий кодекс чести, основанный на долге. Лучшие стороны такого типа мужественного человека Ефремов отразил в образе доктора Бороздина, ставшего одной из его наиболее значительных актерских созданий. «Долг человеческий, не выражающий себя в громких словах, противостоящий всяческому беспорядку, составляет в характере Бороздина некую нерушимую нравственную основу поступков и мыслей. Усталый, старый человек, в котором никогда не заживет боль потери, но никогда и не выплеснется наружу (разве что в горькую минуту он выпьет лишнюю рюмку), этот старик никогда не сорвется в поступок, марающий память о сыне или нарушающий то, что для него обозначается все тем же святым словом – долг» [3], – писала Н. Крымова.

В спектакле было два полюса. На одном – те нравственно прекрасные герои, которые в ситуации войны готовы разделить всеобщую, всенародную участь. На другом – типы, эгоистически строящие свое благополучие на горе и лишениях других. В таком противостоянии, на котором строился спектакль, хорошо читалось нравственное кредо театра. И как точно сказал критик А. Свободин: «Секрет («Современника» – П.Б.) был не в какой-то новой, неслыханной эстетике, эстетика его <...> была скорее традиционной. Новой была этика» [12].

Этическая заостренность спектаклей «Современника» отличала его от других театров. Ефремов видел задачу своего театра в том, чтобы «раскрыть человека на сцене во всем многообразии его жизненных связей», наметить «системы зависимости отдельного человека от жизни общества, от судеб всего народа» [10].

«Система зависимости отдельного человека от жизни общества» и определялась тем этическим кодексом, который был провозглашен Борисом Бороздиным, ушедшим добровольцем на фронт: «если я честный, я должен».

Этическая тема в «Современнике» наиболее остро решалась в знаменитой трилогии, посвященной этапам революционного движения в России: в «Декабристах» Л. Зорина, «Народовольцах» А. Свободина и «Большевиках» М. Шатрова (1967).

Самым главным козырем в трилогии был последний спектакль – «Большевики». История, разворачивающаяся в пьесе, была задумана автором таким образом, что главный большевик – Ленин – так и не появлялся на сцене. Действие происходило в зале заседаний, рядом с той комнатой, где он лежал после ранения.

Главный вопрос, то, ради чего вообще затевался этот спектакль, касался вопроса террора. Как могут большевики ответить на все усиливающееся сопротивление своих врагов, на гибель Урицкого и других своих товарищей? Это был вопрос методов власти, методов управления после того, как революция победила. Эти вопросы затрагивались и в двух предыдущих спектаклях трилогии, но там обсуждение методов управления носило только гипотетический характер. В «Большевиках» вопрос встал во всей своей жизненной конкретности.

Среди заседавших были и ярые защитники террора, как М. Покровский – А. Мягков. Были и противники, такие как Луначарский – Е. Евстигнеев.

Луначарский Е. Евстигнеева вообще был здесь главной фигурой, носителем революционной нравственности. Он рассуждал о том, что после революции, которую делают безупречные в моральном отношении люди, приходит слой людей далеко не бескорыстных, ищущих для себя выгоды и желания примазаться к новой власти. Вот этот слой, по мнению Луначарского, и представляет основную опасность.

Этим рассуждением Луначарского театр словно бы намекал на дальнейший ход советской истории, который был связан вовсе не с безупречными революционерами, а с такой фигурой, как Сталин и его приспешники, методы управления которых были весьма далеки от идеальных. Вообще надо сказать, что именно Сталин был дальним прицелом всей этой трилогии. Все намеки на кровавый режим, на террор, на попрание демократических свобод и прочее, конечно, относились к эпохе культа 1930–1940-х гг.

Именно Сталин, по мнению М. Шатрова и О. Ефремова, был средоточием зла всей советской истории. Если бы у власти оставались первые ленинские наркомы типа Луначарского, советская история получила бы совершенно другое развитие. Вот в чем заключалось зерно веры шестидесятников! В утверждении того, что благодаря Сталину и его окружению история была искажена, идея социализма извращена, идеалы государства трудящихся растоптаны. Шестидесятники в связи с этим брали на себя миссию очистить историю от ненужных напластований, вернуться к идеалам Ленина и первых наркомов, образцов чести, достоинства и гуманизма.

В 1967 г., в год пятидесятилетия советской власти, вопрос о нравственности революции был весьма острым и актуальным.

Трилогия – самое крупное и значительное достижение режиссера Олега Ефремова. После «Декабристов», «Народовольцев», «Большевиков» Ефремов не создал ничего, что могло бы сравниться со всем этим по масштабу проблемы и злободневности звучания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Богданова П.Б. Режиссеры-шестидесятники. – М., НЛО. 2010. – 249 с.
2. Кардин В. Дети пятьдесят шестого // Кардин В. Достоинство искусства. Размышления о театре и кинематографе наших дней. – М., 1967. – С. 11-93.
3. Крымова Н.А. Имена. Избранное. 1987–1990. – М.: Трилистник, 2005. – 451 с.
4. Лакшин В. Посев и жатва // Новый мир. – 1968. – № 9. – С. 191-198.
5. Олег Ефремов. Пространство для одинокого человека. – М.: Эксмо, 2007. – 813 с.
6. Рудницкий К.Л. Спектакли разных лет. – М.: Искусство, 1974. – 342 с.
7. Свободин А.П. Зримое время. – М.: Знание, 1975. – 56 с.
8. Соловьева И.Н. Спектакль идет сегодня. – М.: Искусство, 1966. 183 с.
9. Театр «Современник». – М.: Искусство, 1973. – 127 с.
10. Режиссерское искусство сегодня. – М., 1962. – С. 337.
11. Соловьева И. В поисках радости / Театр Анатолия Эфроса. – С. 331.
12. Свободин А. Время «Современника» / Свободин А. Театральная площадь. – М., 1981. – С. 228.

REFERENCES

1. Bogdanova P.B. Directors – sixties. [Rezhissery-shestidesjatniki]. Moscow. NLR. 2010. 249 p. (in Russ.)
2. Cardin V. Children fifty-sixth. Cardin V. Dignity Art. Reflections on theater and cinema nowadays. [Deti pjat'desjat shestogo // Kardin V. Dostoinstvo iskusstva. Razmyshlenija o teatre i kinematografe nashih dnei.]. Moscow. 1967. P. 11-93. (in Russ.)
3. Krymova N.A. Names. Favorites. 1987-1990. [Imena. Izbrannoe. 1987-1990.]. Moscow. Trilistnik. 2005. 451 p. (in Russ.)
4. Lakshin V. Sowing and reaping. [Posev i zhatva. Novyj mir]. New World. 1968. No. 9. P. 191-198. (in Russ.)
5. Oleg Efremov. The space for a single person. [Prostranstvo dlja odinokogo cheloveka]. Moscow. Eksmo. 2007. 813 p. (in Russ.)
6. Rudnicki K.L. The performances of different years. [Spektakli raznyh let]. Moscow. Art. 1974. 342 p. (in Russ.)
7. Svobodin A.P. Visible time. [Zrimoe vremja.]. Moscow. Knowledge. 1975. 56 p. (in Russ.)
8. Soloveva I.N. Presented today. [Spektakl' idet segodnja]. Moscow. Art. 1966. 183 p. (in Russ.)
9. Theater "Sovremennik". Moscow. Art. 1973. 127 p. (in Russ.)
10. Directing art today. Moscow. 1962. P. 337. (in Russ.)
11. Solovyova I.V. Finding Joy. Theatre Anatoly Efros. P. 331. (in Russ.)
12. Svobodin A. Time of "Sovremennik". Svobodin A. Theatre Square. Moscow. 1981. P. 228. (in Russ.)

Информация об авторе

Богданова Полина Борисовна, кандидат искусств, доцент кафедры истории театра и кино института филологии и истории РГГУ,

Москва, Россия
polina11@mail.ru

Получена: 14.09.2015

Information about the author

Bogdanova Polina Borisovna, Candidate for Doctorate in Arts, Associate Professor at the Chair of History of Dramatic Art and Cinema under the Institute of Philology and History, Russian State University for Humanities, Moscow city, Russia
polina11@mail.ru

Received: 14.09.2015

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-40-44

ВАРТАНЬЯН Эгнара Гайковна,
профессор, доктор исторических наук, профессор

VARTANYAN Egnara Gaikovna,
Doctor in History, Professor

ПРЕЗИДЕНТ СУКАРНО: СВЕРШЕНИЯ И ОШИБКИ

PRESIDENT SUKARNO: ACHIEVEMENTS AND FAULTS

Статья посвящена деятельности первого президента независимой Индонезии Сукарно после Второй мировой войны. Роль Сукарно неоценима для огромного архипелага, поскольку она в немалой степени способствовала росту освободительного движения Индонезии, формированию новой идеологии государства, самостоятельной экономики, политической системы, участию в Движении неприсоединения, провозглашенном на Бандунгской конференции в 1955 г. В статье анализируется деятельность Сукарно в деле сохранения суверенитета Индонезии, рассматриваются идейные установки первого президента, его знаменитые принципы (Панча сила), феномен «индонезийского социализма». Автор статьи затрагивает провозглашенную Сукарно политику «направляемой демократии», ее особенности, заложенные в ней элементы субъективизма и авторитаризма. Вместо буржуазной демократии западного образца Сукарно предлагал новый вид демократии, найденный им якобы в недрах индонезийской истории. Политика «направляемой демократии» была вызвана ограничением полномочий президента в соответствии с новой конституцией и сомнениями Сукарно в пригодности для Индонезии западных форм демократии.

The article highlights the activities of the first President of independent Indonesia Sukarno in the period after the Second World War. Sukarno played an important role for the immense archipelago, because he contributed to the growth of the liberation movement of Indonesia, to the formation of the state new ideology, independent economy, political system, participation in the Non-Aligned Movement, proclaimed at the Bandung Conference in 1955. The article analyzes the activities of Sukarno in safeguarding the sovereignty of Indonesia, considers the ideological settings of the first President and his famous principles (Pancasila), the phenomenon of «Indonesian socialism». The author touches upon the policy of «guided democracy» proclaimed by president Sukarno, its basic features, elements of subjectivism and authoritarianism. Sukarno offered a new kind of democracy instead of the Western-style bourgeois democracy, the roots of which he found in the depths of Indonesian history. The policy of «guided democracy» was caused by the limited powers of the president under the new constitution and Sukarno's doubts about the suitability for Indonesia of the Western forms of democracy.

Ключевые слова: независимость, неприсоединение, постколониальный период, мархаэрнизм, Панча сила, «индонезийский социализм», «направляемая демократия».

Key words: independence, non-alignment, post-colonial period, marhaernizam, Pancasila, «Indonesian socialism», «guided democracy».

В истории каждого народа есть личности, которые сыграли судьбоносную роль в развитии своей страны. Для народа Индонезии таковой личностью является Сукарно. Автор данной статьи считает необходимым обратиться к этой харизматичной и противоречивой фигуре новейшей истории Востока, которая выдвинулась в период национально-освободительного движения индонезийского народа против голландских колонизаторов и в немалой степени определила пути развития своего государства. Сукарно можно поставить в один ряд с такими выдающимися деятелями Азии и Африки периода освободительной борьбы и в первые десятилетия постколониального периода, как Джавахарлал Неру в Индии, Гамаль Абдель Насер в Египте, Хо Ши Мин во Вьетнаме и др. Личности такого масштаба заслуживают того, чтобы их деятельность изучалась, положительный опыт управления страной заимствовался, а из недостатков выносились уроки. Индонезийцы помнят своего вождя. Не случайно в начале XXI в. президентом Индонезии стала дочь президента Сукарно Мегавати Сукарнопутри.

В результате Второй мировой войны в 1945 г. в Индонезии была провозглашена независимость, утверждена конституция Индонезийской Республики. Первым президентом независимой Индонезии стал Сукарно (1945–1965). В Политическом манифесте правительства Республики Индонезия от 1 ноября 1945 г. говорилось: «Сегодня мы вступаем в новую фазу нашей освободительной борьбы, и мы сознаем, что на нас обращены взоры всего человечества <...> Провозглашение 17 августа 1945 г. Республики Индонезия представляло собой кульминационный пункт стремления индонезийского народа к независимости <...> Как только Республика Индонезия будет формально признана, мы примем необходимые меры по разрешению ряда важнейших вопросов. Без колебаний будут уплачены все долги правительства Нидерландской Ост-Индии, ... долги, которые в какой-то мере имеют отношение к Индонезии. <...> Вся собственность, принадлежащая иностранцам, будет им возвращена при том исключении, что мы сохраним за собой право приобретать по справедливой цене собственность, необходимую для повышения благосостояния страны ... мы намереваемся занять подобающее нам место в Организации Объединенных Наций...» [1]. В основу государственной идеологии были положены теория мархаэрнизма (сочетание требования свержения колониализма с планами преобразования общественных отношений) [2] и выработанные Сукарно накануне провозглашения независимости принципы «Панча сила» (пять принципов) – философская основа независимости: 1) индоне-

зийский национализм; 2) интернационализм, или гуманизм; 3) дискуссия, или демократия; 4) социальное благосостояние; 5) религиозность (вера в бога) [3]. Кстати, первые четыре принципа Панча сила являлись развитием теории мархаэрнизма, а последний был сформулирован Сукарно впервые [4]. В речи, по случаю 10-й годовщины провозглашения независимости Республики Индонезия 17 августа 1955 г., говоря о достижениях индонезийского народа, Сукарно отметил: «Друзья мои, чего достигли мы в настоящее время? ... Во-первых, мы создали наше ... единое государство. ... Во-вторых, мы создали нацию, индонезийскую нацию, которая в этот современный век хочет и может бороться за осуществление своих национальных идеалов. ... В-третьих, мы создали государственный аппарат, который совершенствуется из года в год. ... В-четвертых, мы установили отношения с зарубежным миром и особого рода отношения с государствами и народами Азии и Африки [5].

В ответ на провозглашение независимости Англия и Голландия начали военные действия против Индонезии. Борьба индонезийского народа против военной интервенции стран Запада завершилась 27 декабря 1949 г. Состоялась официальная церемония передачи суверенитета Соединенным Штатам Индонезии (предложение Голландии дабы «растворить» республику в Соединенных Штатах Индонезии). В соглашении между Голландией и Индонезией от 27 марта 1947 г. говорилось: «1) Голландское правительство признает де-факто власть правительства Республики Индонезия на Яве, Мадуре и Суматре, тогда как другие районы страны, оккупированные армиями голландцев или союзников, постепенно и при сотрудничестве обеих сторон будут включаться в состав территории республики; 2) Голландское правительство совместно с правительством Индонезии содействует скорейшему созданию суверенного демократического государства на федеральной основе, называемого "Соединенные Штаты Индонезии"» [6]. Согласно конституции, вся территория страны разделилась на 16 автономных единиц. США вошли в так называемый Голландско-Индонезийский союз, во главе которого стояла королева Нидерландов, также устанавливался фактический контроль Голландии над внешней торговлей Индонезии [7]. Только в 1954 г. Голландия была вынуждена подписать Протокол о расторжении Голландско-Индонезийского союза и аннулировании соглашений с Индонезией в области внешних сношений, обороны и культуры.

В определенной степени годы борьбы за независимость побудили Сукарно выбрать политику позитивного нейтралитета при складывающейся ориентации на дальнейшее укрепление союза с социалистическими странами и молодыми независимыми государствами Азии и Африки, политику, основанную на принципах мирного сосуществования. При активном участии Сукарно в Индонезии в апреле 1955 г. была проведена историческая Бандунгская конференция, которая ознаменовала начало Движения неприсоединения и явилась важной вехой в процессе сплочения молодых афро-азиатских государств на борьбу против империализма. Большое впечатление на конференции произвела эмоциональная речь Сукарно: «Нас объединяет ... общая ненависть к колониализму, в какой бы форме он ни проявлялся. Нас объединяет общая ненависть к расизму. Нас объединяет, наконец, общая решимость сохранить и укрепить мир во всем мире» [8]. Вместе с тем Сукарно предлагал афро-азиатским странам разного рода концепции. Так, осенью 1961 г. он провозгласил лозунг борьбы «новых нарождающихся сил» против «старых установившихся сил». Эта концепция не затрагивала различий в политической ориентации и путях социального развития молодых стран Азии, Африки и Латинской Америки и фактически ограничивалась геополитическим подходом к проблеме единства. Эта теория была холодно встречена неприсоединившимися государствами, не видевшими в ней реальной основы для сотрудничества [9].

Советский Союз протянул молодой Республике руку помощи. Уже в 1956 г. Сукарно посетил СССР с государственным визитом. Стороны заявили, что базируют свои отношения на принципах взаимного уважения, территориальной целостности, суверенитета, мирного сосуществования [10]. Между двумя странами были заключены соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве [11]. Индонезия активно сотрудничала с СССР и социалистическими странами. Сукарно романтически мечтал быстро решить многие вопросы при помощи государственных планов (1956–1960, 1961–1969 гг.). Но отсутствие капиталов, блокада Запада, падение производства из-за национализации иностранной собственности для создания госсектора, ошибки, мятежи – все это привело к невыполнению этих планов и гиперинфляции в стране в 1960-е гг. Помощь СССР не могла решить поставленных задач. Созданный за счет национализации предприятий иностранного капитала государственный сектор и курс на «направляемую экономику» обанкротился. В стране росла безработица. Реформы Сукарно не состоялись. В начале 1960-х гг. в забастовках участвовало до полумиллиона человек [12]. Возможно, несмотря на ошибки и неудачи Сукарно, именно в первые постколониальные годы были заложены экономические основы государства, что способствовало Индонезии (с учетом экономических

мероприятий правительства Сухарто) впоследствии успешно участвовать в региональном сотрудничестве в АТР, в АСЕАН [13].

В ответ на нежелание западных государств в ООН принять ряд решений в интересах стран третьего мира, Сукарно стал готовить условия для создания ООН освободившихся стран (взамен ООН). Но в этом его левые силы в мире не поддержали, считая разрушение ООН опасным и вредным.

Окончание войны с Голландией ознаменовало новый этап политической истории Индонезии. Значительно возрос авторитет армии, ее верхушка стала претендовать на роль самостоятельной политической силы. Парламентские выборы 1955 г. проявили новую расстановку политических сил: 8,5 млн голосов получила Национальная партия Сукарно, 8 млн – правая мусульманская партия Машуми, Коммунистическая партия набрала 6 млн голосов [14]. В связи с полевением курса правительства и укреплением единства страны в середине 1950-х гг. при поддержке части реакционных военных, сепаратистов и внешних врагов в Индонезии произошла серия военных мятежей. В ответ на это Сукарно ввел военное положение, создав беспартийное правительство. Произошло сплочение патриотических, военных и левых сил страны. В условиях мятежей в 1957 г. Сукарно провозгласил новый политический курс: страна перешла к «направляемой демократии», заменившей парламентаризм. Вместо буржуазной демократии западного образца Сукарно предложил новый вид демократии, найденный им якобы в недрах индонезийской истории: «Индонезийцам нет необходимости копировать иностранные концепции демократии, они имеют свою собственную» [15]. В своей кампании за введение «направляемой демократии» Сукарно умело пользовался и тем, что парламентская демократия последовательно и в полной мере не осуществлялась в Индонезии. Реорганизации и смены кабинетов проходили в Индонезии не по требованию парламента, а под давлением внепарламентских сил и обстоятельств. Были запрещены оппозиционные партии (Машуми, Социалистическая партия), Сукарно объявил о возврате к Конституции 1945 г., дававшей президенту чрезвычайные пожизненные полномочия. Захлестнувшие промышленные центры забастовки рабочих были запрещены. Призывы Сукарно отказаться от «буржуазной демократии», дабы ликвидировать межпартийную борьбу, соответствовали его старым планам ликвидации многопартийной системы во имя национального единства. Политику «направляемой демократии» поддерживало руководство Коммунистической партии во главе с Д. Айдитом, на деле не заботясь о защите насущных интересах трудящихся. Это подрывало связи компартии с народом.

Личная власть в качестве теоретической базы требовала своего рода и личной идеологии. Со временем мархаэрнизм стали все чаще именовать сукарноизмом. Огромное значение имел также тот факт, что лишь президент мог разрабатывать и интерпретировать государственную идеологию. Это постепенно все больше лишало ее творческого развития, порождало формализм и идеологический нигилизм. О большинстве расхождений умалчивалось, оппозицию заставляли молчать. Сукарно утверждал: «Я –Индонезия, я революция!» [16]. Балансирование для сохранения власти становилось более важным, чем проведение реформ. Одновременно с этим Сукарно объявил себя сторонником «социализма»: «Наш социализм – это смесь: идею политического равенства мы заимствовали из Декларации независимости США; идею духовного равенства – из ислама и христианства; научную идею равенства – из марксизма. К этому мы добавили свою национальную самобытность – мархаэрнизм. Затем мы внесли сюда принципы "готонг-ройонг", что означает жить вместе, работать вместе и помогать друг другу во всем. Смешайте все это, и вы получите "индонезийский социализм"». [17]. Сукарно рассматривал «индонезийский социализм» как общественный строй, обеспечивающий национальное возрождение, экономическое развитие и социальную справедливость, оставляя в тени пути перехода к нему.

Таким образом, «направляемая демократия» должна была способствовать созданию стабильного, экономически развитого демократического государства. Она имела своей целью сохранение статус-кво, при котором, как пишет исследователь А.Ф. Коробков, «слабые социальные группы берутся под защиту, сильные ограничиваются» (18). Однако «направляемая демократия» была нацелена на консервацию достигнутого уровня развития индонезийской революции, была порочной, и ее осуществление фактически вело к стагнации антиимпериалистического и антифеодального движения Индонезии, его топтанию на месте.

Сукарно, как мелкобуржуазному революционеру, на трудном этапе истории государства не хватило ни твердости, ни целеустремленности, ни последовательности, чтобы перешагнуть рубеж, отделяющий период антиколониальной борьбы от борьбы за социально-экономические преобразования. Нельзя не согласиться с мнением М.С. Капицы и Н.П. Малетина о разительном контрасте между сукарновскими речами и делами, огромная дистанция разделяла его «социалистические» планы реформ и их реализацию [19]. И если бы темпы реализации идеалов «направляемой демократии» зависели от частоты повторения самого термина «индонезийский

социализм», а не от действительных результатов социально-экономических преобразований, то правительство, несомненно, справилось бы со своей задачей.

Подводя итог, следует отметить, что Сукарно – один из виднейших деятелей освободительного движения Индонезии, несмотря на ошибки, идейно-политические противоречия, эволюцию взглядов в сторону авторитаризма, внес большой вклад в развитие освободительного движения и национального самосознания своего народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Политический манифест правительства Республики Индонезии: Хрестоматия по новейшей истории.* - М., 1961. - С. 631-632.
2. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. - М., 1956. - С. 211.
3. Там же. - С. 269.
4. Там же. - С. 313.
5. Там же. - С. 317-318.
6. Линггаджатское соглашение между Голландией и Индонезией: Хрестоматия по новейшей истории. - М., 1961. - С. 633.
7. Капица М.С., Малетин Н.П. Сукарно. Политическая биография. - М., 1980. - С. 116.
8. Сукарно. Указ. соч. - С. 287.
9. Другов А.Ю., Резников А.Б. Индонезия в период «направляемой демократии». - М., 1969. - С. 59.
10. Из советско-индонезийского совместного заявления: Хрестоматия по новейшей истории. - М., 1961. - С. 637.
11. Из второго Генерального соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и Республикой Индонезией. 1960: Хрестоматия по новейшей истории. - М., 1961. - С. 639-640.
Песчаный Д.Г. Очерки новейшей истории стран Востока после Второй мировой войны 1945–1990. - Краснодар, 1998. - С. 157.
12. Вартаньян Э.Г., Деружинский Г.В. Страны АСЕАН: из истории экономических отношений: Экономика устойчивого развития. Региональный научный журнал. - 2012. - № 10. - С.43-47.
13. Песчаный Д.Г. Указ. соч. - С. 155.
14. Капица М.С., Малетин Н.П. Указ. соч. - С. 142.
15. Там же. - С. 212.
16. Там же. - С. 176.
17. Коробков А.Ф. Буржуазная общественно-политическая и философская мысль Индонезии. - М., 1972. - С. 47.
18. Капица М.С., Малетин Н.П. Указ. соч. - С. 213.

REFERENCES

1. The political manifesto of the Government of the Republic of Indonesia: Readings on recent history. [Politicheskii manifest pravitel'stva Respubliki Indonezii: Hrestomatija po noveishei istorii]. Moskva, 1961. P. 631-632. (in Russ).
2. Sukarno. Indonesia accuses. The collection of the articles and speeches. [Sukarno. Indonezija obvinjaet. Sbornik statei i rechei]. Moskva, 1956. P. 211. (in Russ)
3. Ibid. [Tam zhe]. P. 269. (in Russ).
4. Ibid. [Tam zhe]. P. 313. (in Russ).
5. Ibid. [Tam zhe]. P. 317-318. (in Russ).
6. Linggadjati agreement between the Netherlands and Indonesia: Readings on recent history. [Linggadjzhatskoe soglashenie mezhdz Gollandiei i Indoneziei: Hrestomatija po noveishei istorii]. Moskva, 1961. P. 633. (in Russ).
7. Kapitsa M.S, Maletin N.P Sukarno. Political Biography. [Sukarno. Politicheskaja biografija]. M., 1980. P. 116. (in Russ).
8. Sukarno. Indonesia accuses. The collection of the articles and speeches. [Indonezija obvinjaet. Sbornik statei i rechei]. Moskva, 1956. P. 287. (in Russ).
9. Drugov A.Y, Reznikov A.B Indonesia in the period of "guided democracy". [Indonezija v period «napravljajemoi demokratii»]. Moskva, 1969. P. 59. (in Russ).
10. From the Soviet-Indonesian joint statement: Readings on recent history. [Iz sovetsko-indoneziiskogo sovmestnogo zajavlenija: Hrestomatija po noveishei istorii]. Moskva, 1961. P. 637. (in Russ).
11. From the second of the General Agreement on Economic and Technical Cooperation between the USSR and the Republic of Indonesia. 1960: Readings on recent history. [Iz vtorogo General'nogo soglashenija ob yekonomicheskom i tehničeskom sotrudničestve mezhdz SSSR i Respublikoi Indoneziei. 1960: Hrestomatija po noveishei istorii]. Moskva, 1961. P. 639-640. (in Russ).
12. Peschanniy D.G Essays on the modern history of the East after the Second World War, 1945-1990. [Ocherki noveishei istorii stran Vostoka posle Vtoroi mirovoi voiny 1945–1990]. Krasnodar, 1998. P. 157. (in Russ).
13. Vartanyan E.G, Deruzhinsky G.V. ASEAN countries: from the history of economic relations: Economics of sustainable development. Regional scientific journal. [Strany ASEAN: iz istorii yekonomicheskikh otnoshenii: Yekonomika ustoichivogo razvitiya]. Regional'nyi nauchnyi zhurnal. 2012. №10. P. 43-47. (in Russ).
14. Peschanniy D.G. Op. c. [Ukaz. soch]. P. 155. (in Russ).
15. Kapitsa M.S, Maletin N.P. Op .c. [Ukaz. Soch]. P. 142. (in Russ).
16. Ibid. [Tam zhe]. P. 212. (in Russ).
17. Ibid. [Tam zhe]. P.176. (in Russ).

18. Korobkov A.F. The bourgeois socio-political and philosophical thought in Indonesia. (Burzhuaznaja obshestvenno-politicheskaja i filosofskaja mysl' Indonezii). *Moskva*, 1972. P. 47. (in Russ).
19. Kapitsa M.S., Maletin N.P. Op. s. [Ukaz. soch]. P. 213. (in Russ).

Информация об авторе

Вартаньян Эгнара Гайковна, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета,
Краснодар, Россия
vartaneg@yandex.ru

Получена: 28.07.2015

Information about the author

Vartanian Egnara Gaikovna, Doctor in History, Professor, Chair of Modern, Contemporary History and International Relations, Kuban State University,

Krasnodar city, Russia
vartaneg@yandex.ru

Received: 28.07.2015

УДК 94 (470.64)

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-45-48

ГЕДГАФОВА Карина Анатольевна,
соискатель степени кандидата исторических наук

GEDGAFOVA Karina Anatolyevna,
Applicant for a Candidate Degree in History

**ФЕНОМЕН КЛАНОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В
ПЕРИОД АКТИВНОЙ ФАЗЫ СОВЕТСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ**

**THE CLAN RELATIONS PHENOMENON IN
THE PERIOD OF SOVIET MODERNIZATION
ACTIVE PHASE IN KABARDINO-BALKARIA**

В данной статье на основе конкретных фактов раскрывается история развития неформальных социальных (клановых) связей в кабардинском и балкарском обществах в 1920–1930-е гг. как следствие несправедливой социальной политики советской власти по отношению к так называемым «классово-чуждым».

Опыт кланообразования, который был приобретен кабардинцами и балкарцами в этот период советской модернизации, когда их социальная структура подверглась значительной трансформации, негативно сказывается на общественно-экономическом развитии региона и в современный период.

Советская модернизация 1920–1930-х гг. подчинялась в первую очередь интересам власти, поэтому способствовала созданию в кабардинском и балкарском обществах, где традиционно сильны родственные и земляческие отношения, предпосылок для развития неформальных социальных связей. А избирательная социальная (классовая) политика советской власти этого периода вынудила кабардинцев и балкарцев использовать неформальные социальные связи в качестве главных механизмов адаптации к новому общественному устройству. В статье выявляются факторы, способствовавшие развитию различных форм клановых отношений в кабардинском и балкарском обществах.

This article reveals the history of informal social relations (clan) development in Kabardian and Balkarian communities in the period from 1920 to 1930 based on the specific facts, as a result of unjust social policy of the Soviet authorities towards the so-called "class-alien".

Clan-forming experience gained by Kabardians and Balkars in the period of Soviet modernization, when their social structure was undergone a significant transformation, has a negative impact on the socio-economic development of the region till nowadays.

Soviet modernization of the 1920-1930 subjected primarily to the interests of the authorities, helping formation of prerequisites for the informal social relations development in Kabardian and Balkar communities where family and kin relationships were traditionally strong. The selective social (class) policy of the Soviet government in this period forced the Kabardians and the Balkars to use informal social relations as the main mechanisms of adaptation to a new social order.

The article identifies the factors that contributed to the development of various forms of clan relations in the Kabardian and Balkar communities.

Ключевые слова: клан, родственные отношения, земляческие отношения, этнические отношения, советская модернизация.

Key words: clan, kinship relations, compatriotic relations, ethnic relations, the Soviet modernization.

Особенности процесса трансформации социальной структуры народов Северного Кавказа, в частности кабардинцев и балкарцев, в период активной фазы советской модернизации [1] способствовали развитию неформальных социальных связей, то есть клановых отношений. Практика неформальных социальных связей была перенесена и расширена в постсоветский период, что до сих пор негативно влияет на социально-экономическое и общественно-политическое развитие Северного Кавказа.

Создание в 2010 г. Северо-Кавказского федерального округа было призвано разрядить ситуацию в регионе. Поэтому крайне важно и актуально понять истоки клановых отношений на Северном Кавказе для минимизации их издержек и последствий при разработке региональной политики.

В классическом понимании «клан» подразумевает род или родоплеменную группу, связанную хозяйственными и общественными узами, схожими религиозными верованиями, экономическими обязательствами друг перед другом, и живущую в одной местности (социальная, территориальная и этническая идентификация).

Следует отметить, что традиционные кабардинское и балкарское общества, их иерархическая структура, господство адатов, традиции кровной мести и выбора старейшин свидетельствуют о наличии в них признаков кланового общества, выделенные Э. Гидденс [2].

В условиях перехода от традиционного к индустриальному обществу антрополого-этнографический подход в определении «клана» подвергся изменению. Клановые отношения стали рассматриваться как система с рядом особенностей и устойчивой социальной формой взаимопомощи людей, позволяющей им выжить в неблагоприятных социальных условиях. В таком случае к клану могут примыкать и лица, не состоящие в прямом родстве с лидером, и на основе традиции общего происхождения, землячества, а также взаимных интересов и обязательств [3].

Революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии (1917–1920-е гг.) актуализировали наиболее сложные социально-политические проблемы: сохранение и развитие национальной идентичности, конфессиональной политики, взаимоотношения с властью.

В 1921 – начале 1930-х гг., в период активной фазы советской модернизации, социальная структура кабардинского и балкарского обществ существенно трансформировалась. А клано-

вые отношения, как наследие предыдущей эпохи, не только были не изжиты, но и обрели новые формы.

Большевики, приступив к реализации жесткой социальной (классовой) политики в регионе с 1922 г. [4], сразу же обозначили своих противников, «антисоветских» – «чуждых» – «неблагонадежных элементов», лишив их всех шансов на «реабилитацию». Одно только название «князь» (пши), «дворянин» (уорк, таубий), «мулла» способствовало к их автоматическому причислению к «антинародным элементам». Власть умышленно превращала их в классовых изгоев, демонстрируя остальной части общества ее социальное преимущество перед бывшими «поработителями».

Доступ к образованию детям «чуждых» был ограничен. Чтобы влиться в «советское общество», они использовали все возможные связи (родственные, соседские, земляческие, этнические и т.п.). Типичный пример имел место в Урванской сельскохозяйственной школе, в которую удалось попасть «сынкам» бывшего охранника и торговца благодаря содействию родственника – председателя сельсовета, который выдал им справки о социальном положении, и они были приняты в школу как дети «бедняков» [5].

Выходцы из бывших привилегированных сословий, используя различные связи, меняли фамилии, чтобы скрыть свое «неблагонадежное» социальное происхождение или положение. Так власть, ставя их в безвыходное положение, толкала на использование внеправовых, неформальных методов адаптации к условиям нового времени.

Молодая национальная советская бюрократия, пытаясь использовать традиционные клановые отношения для достижения своих политических интересов, организует сговоры на основе родства членов партии. Так, в 1927 г. облисполком, информируя обком партии о результатах выборов в сельсовет, рапортовал, что задание «...выполнили на 100% то, что провели старого большевика-партизана, выдвинули заместителя, который нам нужен, и, несмотря на то, что у него меньше голосов, он прошел» [6].

Подобным фальсификациям недовольная часть населения противопоставляла родственные и земляческие отношения (понятия «жители одного аула», «воду пили из одной реки», «выросли на одной земле») и побратимство как инструмент адаптации к меняющимся условиям.

В ходе реализации политики «по выявлению и ограничению кулачества» власть вынуждена была признать, что «во всех советских учреждениях существует кулацкое родство, и беднота боится вскрывать недочеты и кулацкие проделки» [7]. Члены партий, советов, пользуясь своим служебным положением, давали односельчанам документы, скрывающие их реальное социальное положение. Даже председатели сельсоветов, которым доверяли большевики, выдавали справки своим так называемым «классовым врагам» («кулакам») о том, что «они не являются кулаками и не лишены избирательных прав» [8].

Противоречия классовых отношений в Кабарде и Балкарии, обострившиеся в период насильственной коллективизации, кампании гонения мусульманского духовенства и закрытия мечетей дали противоположный эффект, объединив антагонистические классы и группы населения. В партийном лексиконе появляется термин «кулацко-мулльские элементы», который подразумевал клановое объединение членов, преследующих свои классовые и гражданские интересы.

Поэтому партийные органы обеспокоены распространением антисоветской «кулацко-мулльской идеологии», «сращиванием чуждых элементов с кулачеством», также тем, что «кулацко-мулльские элементы развернули работу против политики партии и советской власти» [9].

Особой «головной болью» обкома партии являлось проникновение «классовых врагов» в советский аппарат. Показательными стали партийные чистки, выявлявшие, что «враг не дремлет». Так, в докладах членов партии сообщалось, что председатель Псынадахского сельсовета «является сыном дворянина – племянником кулака-лишенца и бывшего белогвардейца. А его отец – пособник белогвардейских отрядов, во главе с местными князьями... он поддерживается родственниками из районного руководства» [10]. Отмечалось, что «в с. Хабаз кулачество выступало организовано и старалось провести своих людей. Список нового состава был составлен кулачеством, и брат муллы предъявил его президиуму» [11]. В другом документе читаем: «Баксанский ОКРИК (ОКРИК - *окружной исполнительный комитет* - К.Г.) принял секретарем сельсовета в с. Кызбурун сына кулака...он всегда будет поддерживать кулаков, наших классовых врагов» [12].

Благодаря родственным, земляческим связям некоторые представители бывшей знати сумели сохранить принадлежавшие им до революции имущество, земли вплоть до 1930-х гг.

В 1929 г. в секретном донесении в Крайисполком указывалось: «Бывшие князья с. Кахун [...] до сих пор пользовались землей наравне с беднотой», а «в с. В. Балкария конфискованные

у бывших князей [...] дома находятся в бесхозном состоянии, а бывшие их владельцы продолжают жить, не платя арендной платы» [13]. Еще более разительным является то, что в начале 1930-х гг. «князя [...] в с. В. Куркужин владели садом площадью в 4,5 га» [14].

Объяснить это можно тем, что «многие окружные исполкомы не создали комиссий по лишению бывших помещиков прав на землепользование и проживание в принадлежавших им до революции поместьях, ссылаясь на то, что в округе помещики не проживают» [15].

Даже партийная верхушка из числа кабардинцев и балкарцев порой подозревалась в сотрудничестве с бывшими привилегированными сословиями, обвинялась в бюрократизме и злоупотреблениях в использовании родственных отношений [16].

Жесткая, бескомпромиссная политика в отношении «антисоветских» социальных слоев кабардинского и балкарского обществ толкала «чуждых» на создание прототипов современных кланов с единственной целью, вжиться в «новое общество» наперекор всему. Игнорирование властью роли кровнородственных отношений и авторитет рода в северокавказском социуме оказались чреваты негативными социальными последствиями.

Методы реализации советской модернизации способствовали формированию в обществе неформальных социальных связей, то есть кланов в неклассическом их понимании, как ответ на вызов, грозящий разрушить традиционные формы социальных связей, отношения социальных групп и населения в целом, как способ их выживания, самосохранения и форма адаптации в переходный период, в ситуации нестабильности.

Таким образом, сохранение и развитие клановых отношений в советской Кабардино-Балкарии было обусловлено рядом факторов. К ним относятся: отсутствие равноправия всех граждан в стране вне зависимости от социального происхождения, вероисповедания и т.д.; отсутствие единого гражданского общества (действовала система «свои-чужие»); отсутствие равенства социального и правового статуса одноименных социальных слоев, способствующее маргинализации общества; политика двойных стандартов («советский народ» и «антисоветские элементы»); бюрократизация (монополия власти).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гедгафова К.А., Мамсиров Х.Б. Особенности трансформации социальной структуры кабардино-балкарского общества в 1920–1930-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 5. Часть 1. – С.116–120.
2. Гидденс Э. Социология. – М., 1999. – С. 370.
3. См.: Ламажаа Ч.К. «Клан»: понятие в социальных науках // Гуманитарные науки: теория и методология. – 2008. – № 2. – С.121–130.
4. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее УЦГА АС КБР). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 14. Л. 24.
5. Там же. Д. 62. Л. 23.
6. Там же. Ф. 237. Оп.1 Д. 12. Л. 320.
7. Там же. Ф. Р-2. Оп.1. Д. 628. Л.17.
8. Там же. Ф. Р-183. Оп. 4. Д. 90. Л. 245.
9. Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 108. Л. 29, 161.
10. УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 4. Д. 90. Л. 242.
11. Там же. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 12. Л. 308.
12. Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 628. Л. 15.
13. Там же. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 16. Л. 52, 92.
14. Там же. Ф. 237. Оп. 1. Д. 30. Л. 38.
15. Там же. Л. 31.
16. Там же. Ф. Р-288. Оп.1. Д. 12. Л. 334; Там же. Ф. Р. 5. Оп. 2. Д. 8. Л. 4–5.

REFERENCES

1. Gedgafova K.A., Mamsirov H.B. Particulars of the making of the societal framework in the kabardianand-balkar communities within the period of the 1920-ies to 1930-ies [Osobennosti transformatsii sotsial'noy struktury kabardino-balkarskogo obshchestva v 1920–1930-e gg] Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2015. No. 5. Part 1. Pp. 116–120 [in Russ].
2. Giddens A. Sociology [Sotsiologiya]. Moscow, 1999. Pp. 370 [in Russ].
3. See: Lamazhaa Ch.K. "Clan": the concept in the social Sciences [«Klan»: ponyatie v sotsial'nykh naukakh]. Gumanitarnye nauki: teoriya i metodologiya = Humanities: theory and methodology. 2008. No. 2. Pp. 121–130 [in Russ].
4. Central State Archive Office of Kabardino-Balkar Archive Service [Upravlenie tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoy sluzhby Kabardino-Balkarskoy Respubliki (dalee UTsGA AS KBR)]. F. R-2. Op. 1. D. 14. L. 24.
5. Ibid [Tam zhe]. D. 62. L. 23.
6. Ibid [Tam zhe]. F. 237. Op.1 D. 12. L. 320.

7. Ibid [Tam zhe]. F. R-2. Op.1. D. 628. L. 17.
8. Ibid [Tam zhe]. F. R-183. Op. 4. D. 90. L. 245.
9. Modern History Documentation Center Office of Kabardino-Balkar Archive Service [Upravlenie tsentra dokumentatsii noveyshey istorii Arkhivnoy sluzhby Kabardino-Balkarskoy Respubliki (UTSDNI AS KBR)]. F. 1. Op. 1. D. 108. L. 29, 161.
10. UTsGA AS KBR. F. R-183. Op. 4. D. 90. L. 242.
11. Ibid [Tam zhe]. F. R-288. Op. 1. D. 12. L. 308.
12. Ibid [Tam zhe]. F. R-2. Op. 1. D. 628. L. 15.
13. Ibid [Tam zhe]. F. R-195. Op. 1. D. 16. L. 52, 92.
14. Ibid [Tam zhe]. F. 237. Op. 1. D. 30. L. 38.
15. Ibid [Tam zhe]. L. 31.
16. Ibid [Tam zhe]. F. R-288. Op.1. D. 12. L. 334; ibid [tam zhe]. F. R. 5. Op. 2. 8. L. 4–5.

Информация об авторе

Гедгафова Карина Анатольевна, соискатель степени кандидата исторических наук, магистр истории, выпускница аспирантуры («Отечественная история») Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, (Кабардино-Балкария), Россия
karged@mail.ru

Получена: 02.09.2015

Information about the author

Gedgafova Karina Anatolyevna, Applicant for a Candidate Degree in History, Master of History, Graduating Senior of the Postgraduate Course (branch of study: Russian History), Kabardian-Balkar State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik city, (Kabardino-Balkarian), Russian Federation karged@mail.ru

Received: 02.09.2015

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-49-51

ИСТЯГИНА-ЕЛИСЕЕВА Елена Алексан-
дровна,
кандидат исторических наук, доцент

ISTIAGINA-ELISEEVA Elena Aleksandrovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

**ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ
ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ СРЕДСТВАМИ
СПОРТА И КОМПЛЕКСА ГТО В ПЕРИОД
1917-1940 гг.**

**BRINGING YOUTH UP IN BRAVE AND
PATRIOTIC SPIRIT BY MEANS OF SPORTS WITH
THE SET OF STANDARDS «BE READY TO
WORK AND DEFEND YOUR HOMELAND» (GTO
STANDARDS) SINCE 1917 TO THE 1940-ies.**

Физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» сыграл исключительную роль в физкультурном движении СССР в период 1917–1940 гг. В довоенное время государству нужны были миллионы сильных и смелых граждан, и возникла необходимость в создании единой методики физического воспитания, отвечающей новым условиям развития физкультурного движения. Популярность комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) у населения советской страны была огромной. В 1931 г. значки ГТО получили 24 тыс. физкультурников, в 1932 г. – 465 тыс., в 1933 – 835 тыс. К середине 30-х гг. количество значкистов ГТО достигло 1,2 млн человек. К началу 1941 г. в стране насчитывалось более 62 тыс. коллективов физкультуры, объединяющих более 5 млн. физкультурников, число сдавших нормативы комплекса «Готов к труду и обороне I» составило более 6 млн человек, ГТО II – более 100 тыс. человек. Миллионы советских спортсменов, инструкторов, преподавателей институтов физической культуры пополнили ряды Красной Армии, из них формировались лыжные, разведывательные батальоны, партизанские отряды, снайперы, десантники. Как показала практика, военизация массового спорта в 20–30-е гг., его оборонно-прикладной характер и в особенности введение норм ГТО были ненеправильным делом.

The paper considered the Set of Standards for sportive and physical training curricula called « Ready to Work and Defend my Homeland (the USSR)» (GTO standards) has played the crucial part in the Soviet physical training movement since 1917 to the 1940-ies. In the period prior to the Great Patriotic War the nation had required millions of strong and brave citizens that entailed necessity to set up an integrated physical training strategy meeting new requirements for physical training movement' advancement. The Set «Ready to Work and Defend my Homeland» (GTO standards) enjoyed widespread popularity among the population of the Soviet country. In 1931, 24 thousand athletes were awarded with the GTO badges, while 465 thousand people in 1932, and 835 thousand people in 1933. By the mid-1930-ies, the number of GTO badge-holders had reached 1.2 million people. At the beginning of 1941, the country totaled more than 62 thousand physical training groups (amateur sports teams), including more than 5 million non-professional athletes; and the number of those having passed the '1st level GTO' contest had exceeded 6 million people, as for the '2nd level GTO' requirements, more than 100 thousand people had met them. Millions of Soviet athletes, their coaches and instructors at the physical training institutes completed the Red Army ranks; skier or reconnaissance battalions or guerrilla bands were raised out of these people, they became good snipers or paratroopers. Experience has shown that militarizing mass sports in the 1920-to-1930-ies have not been useless measure, and the defence-applicable purpose of the latter (especially introducing the GTO standards curricula) as well.

Ключевые слова: воспитание, молодежь, ГТО, патриотизм, массовый спорт.

Key words: upbringing, youth, «Ready to Work and Defend the USSR/ my Homeland» (GTO standards), patriotic mind, mass sports.

Актуальность.

Физическая культура и спорт являются эффективным средством физического развития молодежи, а также важным фактором воспитания патриотизма и усиления социальной активности молодого поколения. При этом занятия физической культурой позитивно влияют на самые разные стороны человеческой жизни: авторитет и положение в обществе, трудовую деятельность, структуру нравственно-интеллектуальных характеристик, эстетических идеалов и ценностных ориентаций.

Обсуждения результатов исследования.

История комплекса «Готов к труду и обороне», сыгравшего исключительную роль в физкультурном движении СССР, началась в 20-е гг. XX в., когда наша страна крепла и мужала. Государству нужны были миллионы сильных и смелых граждан, и возникла необходимость в создании единой методики физического воспитания, отвечающей новым условиям развития физкультурного движения.

Еще в октябре 1919 г. на II Всероссийском съезде Российский коммунистический союз молодежи в специальной резолюции «О физкультуре» постановил: «В спорткружках РКСМ нужно предпринять опыт построения ряда морально-нравственных правил в форме заповедей или законов, соблюдение которых обязательно для членов команды» [1]. Необходимость оградить СССР от вторжения извне, повысив обороноспособность страны привела к тому, что в первый же год советской власти ВЦИК РСФСР принял декрет «Об обязательном обучении военному искусству», согласно которому все мужчины и женщины от 18 до 40 лет были обязаны обучаться военному делу по месту работы. В 1920 г. при академии Рабоче-крестьянской Красной Ар-

мии появилось военно-научное общество (ВНО), а в 1923–1924 гг. – Общество друзей воздушного флота (ОДВФ) и Общество друзей химической обороны и химической промышленности (ДОБРОХИМ). В 1927 г. из военно-спортивных объединений было создано Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ), которое через год насчитывало в своих рядах около 2 млн человек. Под эгидой ОСОАВИАХИМа по всей стране начали строиться тир и стрельбища, организовываться аэроклубы и военно-спортивные кружки, где обучались таким специальностям, как телеграфист, парашютист, радист, моторист, медсестра, санитар, пилот и др. Перед всеми вышеперечисленными обществами стояла, по сути, одна и та же задача, сформулированная народным комиссаром по военным и морским делам М.В. Фрунзе на I Всесоюзном совещании ВНО в мае 1925 г.: «Нам нужно покрепче внедрить в сознание всего населения нашего Союза представление о том, что современные войны ведутся не одной армией, а всей страной в целом, что война потребует напряжения всех народных сил и средств, что война будет смертельной, войной не на жизнь, а на смерть, и что поэтому к ней нужна всесторонняя тщательная подготовка еще в мирное время» [2]. Однако постижение военного искусства требовало определенной физической подготовки. И в 1925 г. ЦК РКП(б) принял важное постановление «О задачах партии в области физической культуры», в котором были определены основы развития физкультуры и спорта в молодом советском государстве. В частности, в документе указывалось, что необходимо рассматривать физкультуру не только с позиций оздоровления нации, физического и нравственного воспитания людей, но и как один из способов производственной и военной подготовки молодежи. Это постановление стало значимой вехой в истории ГТО. При сельских и фабрично-заводских клубах профсоюзов начали открываться кружки физической культуры, создаваться секции по отдельным видам спорта. 24 мая 1930 г., в день своего 15-летнего юбилея, «Комсомольская правда» опубликовала подборку статей под заголовком «Крепкие мышцы, зоркий глаз нужны каждому трудящемуся!». В материале озвучивалось предложение ВЛКСМ ввести нормы готовности советских граждан к труду и обороне.

11 марта 1931 г. Всесоюзный совет физической культуры при ЦИК СССР утвердил комплекс «Готов к труду и обороне СССР». Целью вводимого комплекса было «дальнейшее повышение уровня физического воспитания и мобилизационной готовности советского народа, в первую очередь молодого поколения» [1].

На тот момент комплекс ГТО состоял из одной ступени. А 7 декабря 1932 г. была введена вторая, более сложная ступень ГТО. Комплекс ГТО II включал такие виды испытаний, как пробежка с винтовкой в военной одежде, кросс по среднепересеченной местности, преодоление препятствий с винтовкой и в военном обмундировании, пеший поход с прохождением части пути в противогазе, прыжок в высоту, метание гранаты, плавание и ныряние, гребля с нагрузкой, велокросс, ходьба на лыжах и прыжки на лыжах с трамплина, освоение одного из видов самообороны, участие в спортивной игре, стрельба, гимнастика, вождение автомобиля или мотоцикла.

В мае 1934 г. газета «Красный спорт» сообщила, что значки ГТО II под номерами с первого по десятый вручены командирам Рабоче-крестьянской Красной Армии, слушателям Военной академии имени М.В. Фрунзе. На торжественной церемонии нарком обороны К.Е. Ворошилов произнес: «Посмотреть на вас, так вы внешне как будто самые обыкновенные люди, обыкновенные наши командиры. А между тем именно вы сумели первыми не только в Красной Армии, но и во всей стране, обладающей тысячами отличных физкультурников, добиться почетного значка ГТО II – своего рода ордена». Популярность комплекса ГТО у населения советской страны была огромной. Так в 1931 г. значки ГТО получили 24 тыс. физкультурников, в 1932 г. – 465 тыс., в 1933 – 835 тыс. К середине 30-х гг. количество значкистов ГТО достигло 1,2 млн человек! Важным элементом в системе физкультурной пропаганды являлась работа среди детей и юношества. Издавались специальные листовки с призывами: «Каждый комсомолец должен быть значкистом. Должен выполнить решения ЦК комсомола. Сдача норм ГТО I, II ступени как основа советской культуры».

Шефство коллективов физкультуры над школой, помощь школьным физкультурникам стала повсеместной практикой. Детские коллективы организовывались по возрастам: 8–10 лет, 11–13, 14–16. Пристальное внимание обращалось на организацию детей-одиночек [6]. Работа с детьми строилась с использованием естественных факторов оздоровления (солнце, воздух, вода) и с установкой на привитие санитарно-гигиенических и физкультурно-организационных навыков.

В 1934 г. в СССР начали создаваться детские спортивные школы, первыми из них были «Юный спартаковец» и «Юный динамовец», (сформированный на базе пионеротряда ОГПУ). Согласно новой школьной программе по физической культуре от 1937 г. учебный материал в

школах классифицировался по видам спорта, а не по основным видам движений, как это практиковалось ранее.

Перед рабочим также четко была поставлена задача: «Каждый третий член профсоюза – физкультурник!». До 1929 г. руководство физкультурой было сосредоточено в культотделах профсоюзов, имевших одного или нескольких инструкторов. Начиная с 1929 г., при ВЦСПС и Совпрофах были организованы так называемые бюро физкультуры для руководства всей физкультурной и спортивной работой, такие же бюро создавались и на предприятиях. В цехах с наличием трех и более физкультурников организовывалась ячейка физкультуры, работавшая под общим руководством заводского Бюро физической культуры.

Выводы.

Предполагалось, что сдавший нормативы на значок ГТО, должен «вести активную агит-работу, подготовить на сдачу комплекса не менее 20 человек, участвовать в организации коллектива (кружка), выполняя одну из общих обязанностей (например, член бюро физкультуры, руководитель секции, судья и т.п.)». Вот так выглядели итоги «месячника по значку ГТО» в г. Баку: «Проведено по всем фабрикам и заводам 24 митинга, 77 бесед, 20 докладов и 2 вечера физической культуры, посвященных комплексу ГТО, проведен радио-митинг; выпущено совместно с Азербайджанским ВСФК 150 000 листовок, развешены и расклеены по городу плакаты и лозунги, проведена общегородская эстафета с участием 18 коллективов крупных заводов и фабрик; выпущено 5 номеров газеты «ГТО».

К началу 1941 г. физкультурная работа в СССР достигла немалых успехов: в стране насчитывалось более 62 тыс. коллективов физкультуры, объединявших более 5 млн физкультурников, число сдавших нормативы ГТО I составило более 6 млн человек, ГТО II – более 100 тыс. человек.

Миллионы советских спортсменов, инструкторов, преподавателей институтов физической культуры пополнили ряды Красной Армии. Из них формировались лыжные, разведывательные батальоны, партизанские отряды, снайперы, десантники. Как показала практика, военизация массового спорта в 20–30-е гг., его оборонно-прикладной характер и в особенности введение норм ГТО были ненеправильным делом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. История ГТО. – М., 2015. – С. 11.
2. ГАРФ. Ф. 7710. Оп. 6. Д. 1. Л. 32.

REFERENCES

1. The history of the TRP. [Istoriya GTO]. Moscow, 2015. P. 11.
2. SARF. [GARF]. F. 7710. Op. 6. D. 1. L. 32.

Информация об авторе

Истягина-Елисеева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Истории и управления инновационным развитием молодежи, «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма» (ГЦОЛИФК) Москва, Россия

eaie@rambler.ru

Получена: 18.07.2015

Information about the author

Istiagina-Eliseeva Elena Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Chair of History and Management of Innovative Youth Development, Federal STATE Budgetary Educational Institution of higher professional education "Russian state University of Physical Culture, Sport, Youth and Tourism Moscow city, Russian Federation

eaie@rambler.ru

Received: 18.07.2015

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-52-55

ЛАВРЕНТЬЕВ Александр Валентинович,
кандидат исторических наук, доцент

LAVRENTIEV Alexander Valentinovich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

**ТРАНСПОРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ
В 1990-е – 2000-е гг.**

**TRANSPORT SUPPORT FOR THE FAR EAST
POPULATION OF RUSSIA IN THE
1990s – 2000 s**

Проанализированы изменения транспортной системы Дальнего Востока и их влияние на социальные процессы в период экономической нестабильности и возобновления централизованной политики в отношении стратегических российских территорий. Исследовано кризисное положение транспортных коммуникаций и техники Дальнего Востока после распада СССР и попытки их восстановления со второй половины 1990-х гг. Рассмотрены государственные мероприятия, направленные на усиление транспортного потенциала Дальнего Востока в начале XXI в. Дана оценка федеральным целевым программам развития транспорта. Показаны условия возведения коммуникаций и осуществления транспортных сообщений, выявлены проблемы их реализации. Проанализированы изменения инфраструктурных объектов дальневосточных субъектов, их возможности и перспективы для полноценного транспортного обеспечения жителей региона. Выявлены качественные диспропорции транспортных коммуникаций Дальнего Востока, которые значительно уступали по состоянию общероссийским показателям и имели историческую основу происхождения. Показан преимущественно односторонний магистральный характер развития транспортных связей, ориентированный на потребности добывающих производств, при меньшем внимании к совершенствованию местных сообщений. Раскрыты основные противоречия новой организационной модели ресурсно-финансового обеспечения транспортных социальных коммуникаций, которая сопровождалась старыми отрицательными явлениями.

The article analyzes the changes in the transport system of the Far East and their influence on social processes in the period of economic instability and renewal of centralized regional policy with regard to the strategic territories of Russia, investigates the crisis of transport communications and technologies of the Far East after the collapse of the USSR and the attempts of their recovery from the second half of the 1990s. The article also outlines the government's activities aimed at strengthening the transport capacity of the Far East in the early 21st century, estimates the Federal target programs of developing transport, describes the conditions for building communication systems and developing transport communications, states the problems in their implementation. The author analyzes the changes in infrastructural units of the Far East areas, their opportunities and prospects to provide full-fledged transport for the population of the region, identifies the qualitative imbalances of transport communications in the Russian Far East, which were quite inferior to the all-Russia indicators and had historical roots of origin. The article also highlights basically one-sided mainstream character of the development of transport communications, oriented to the needs of the extractive industries paying less attention to the improvement of local communication and identifies the basic contradictions of the new organizational model of the resource-financial support to the social transport communications, which was accompanied by old negative phenomena.

Ключевые слова: транспорт, история, регион, социальная сфера, население.

Key words: transport, history, region, social sphere, populace.

1. Введение

В современных научных исследованиях транспорт и его роль в различных практиках социума имеют широкий междисциплинарный характер, выйдя далеко за границы механистического познания. Активная экспансия гуманитарных направлений в транспортную тематику объясняется особым местом коммуникаций в системе жизнеобеспечения, связанной с насущными процессами миграции, урбанизации, глобализации.

Принимая во внимание огромную протяженность России, качественные отличия в расположении и условиях досягаемости ее местностей, особую актуальность сохраняют проблемы коммуникационной интеграции регионов. Внутренняя и внешняя обособленность в сочетании с низким уровнем системы транспортного обслуживания, не отвечающей общественным запросам, остаются присущи российскому Дальнему Востоку.

2. Постановка задачи

Основной целью данной научной статьи является анализ обстоятельств и итогов реформирования системы транспортных сообщений на Дальнем Востоке в период социально-экономических трансформаций конца XX – нач. XXI вв., которые позволяют расширить обсуждаемый спектр причин ее несоответствия современным вызовам и впоследствии учитывать их при корректировке планов регионального развития. В качестве источников использованы архивные документы, материалы печатных средств массовой информации и электронные ресурсы. Для реализации поставленной цели применялись дескриптивные, сравнительно-исторические, историко-генетические и ретроспективные методы научного познания.

3. Кризис транспортной сферы Дальнего Востока и попытки его преодоления в 1990-е гг.

В советский период освоение восточных территорий страны осуществлялось исключительно за счет выделения централизованных ассигнований, которые в основном направлялись в сферу разработки полезных ископаемых и оборонных объектов. Несмотря на отдельные позитивные перемены реализовать планы создания разветвленной социально-ориентированной транспортной конфигурации дальневосточных пространств в годы проведения политики «перестройки» не удалось вследствие деструктивных колебаний общегосударственного курса. После распада СССР и потери централизованных инвестиций ситуация осложнилась резким ослаблением материально-технической базы дальневосточного пассажирского транспорта, который и ранее обновлялся по остаточному принципу. К 1992 г. самолетно-вертолетный парк Амурской области был изношен на 80%. В течение 1993 г. аэропорт Благовещенска пять раз приостанавливал все полеты [1, Л. 10]. Непомерное увеличение стоимости проезда и несвоевременная выдача заработной платы привели к общему снижению транспортной мобильности населения. Пассажирооборот по БАМу за 1994 г. сократился на 20% [2, Л. 2, 3]. Возникшие избыточные мощности на железных дорогах приводили к консервации станций.

По мере частичного преодоления инфляции и приостановки центробежных тенденций в экономике страны постепенно восстанавливались прямые инструменты транспортной поддержки дальневосточников. Улучшение местных сообщений значилось в новых федеральных программах, направленных на модернизацию транспорта и путей сообщения. К таковым, в частности, относились: «Программа возрождения торгового флота России» (1993–2000 гг.); «Дороги России» (1995–2000 гг.); «Программа развития сети автомобильных дорог общего пользования Приморского края» (1995–2005 гг.) и др. В июне 1996 г. вышел президентский указ «Об установлении льгот на проезд железнодорожным и авиационным транспортом жителям Дальневосточного региона». В соответствии с ним гарантировалась оплата проезда в центральные районы страны в размере 50% один раз в два года.

Положительные коррективы вносились в организацию внутренних железнодорожных перевозок на Дальнем Востоке. За 2000 г. было получено 16 новых пассажирских вагонов на Сахалине. Из них сформировали два состава первого фирменного поезда сообщением Южно-Сахалинск – Ноглики, связавшего северную и южную части острова [3, с. 2].

Благодаря покрытию затрат транспортников стали возникать прецеденты восстановления утраченных речных сообщений. Предприятие ОАО «Амур-Порт» совместно с автомобилистами организовало несколько смешанных пассажирских маршрутов. Они позволили соединить регулярными сообщениями Хабаровск с отдаленными Николаевским и Ульчским районами [4, с. 404].

Вместе с тем проблема дотирования транспортного обслуживания населения даже при сбавившей темпы инфляции и начавшемся выравнивании межбюджетных диспропорций наряду с технической модернизацией оставалась наиболее острой. Федеральным законодательством предусматривалось большое количество категорий лиц, имеющих право бесплатного проезда в общественном городском и пригородном транспорте. Выделенная на 2000 г. сумма из государственного бюджета на возмещение затрат только приморских перевозчиков, по информации краевого комитета судоходства, портов, связи и транспорта, составляла лишь шестую часть от их реальных издержек [5, с. 5].

4. Условия и результаты развития пассажирских сообщений на Дальнем Востоке в 2000-е гг.

Решение поставленной властью задачи, направленной на стимулирование притока населения в восточные районы, в связи с программами интенсификации экономики и углубления международной интеграции со странами Азиатско-Тихоокеанского региона предполагало с начала 2000-х гг. создание комфортных условий для проживания людей. Одной из стратегических целей являлось обеспечение единого транспортного пространства Дальнего Востока, его стабильной связи с центральными регионами. Прежние федеральные узкоотраслевые программы были объединены в одну – «Модернизация транспортной системы России (2002–2010 гг.)» для сбалансированного характера развития транспортного комплекса и более централизованного контроля выполнения поставленных задач. Ее продолжением стала принятая в декабре 2012 г. федеральная целевая программа «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)».

Более разнообразными и последовательными становились взаимодействия ключевых транспортных организаций с региональными администрациями. Между Министерством путей сообщения (МПС), Дальневосточным федеральным округом (ДФО) и тремя управлениями железных дорог 12 сентября 2003 г. состоялось заключение соглашения «О совершенствовании системы транспортного обслуживания регионов ДФО в условиях реформы железнодорожного транспорта» до 2011 г.

Модернизации подверглась пассажирская инфраструктура: был введен в эксплуатацию новый вокзальный комплекс на станции Бира, отреставрированы вокзалы на станциях Биробиджан и Красная Речка. Для повышения качества обслуживания жителей Приморского и Хабаровского краев, Еврейской автономной области вступили в эксплуатацию электропоезда повышенной комфортности «Приморочка», «Ерофей Хабаров», «Уссуричка» [6, с. 28-29].

На федеральном уровне принимались меры по обеспечению доступности воздушных перевозок с Дальнего Востока в европейскую часть страны и в обратном направлении. С 2009 г. увеличились бюджетные ассигнования для субсидирования данной категории авиалиний. За счет них было перевезено более 160 тыс. чел. Перечень социальных маршрутов в 2010 г. расширился с 18 до 26. Усилилось государственное внимание к развитию малой авиации. В районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях стали создаваться федеральные казенные предприятия на базе аэропортов. Они образовывались там, где перевозки носили исключительно социальный характер, не являясь перспективными для бизнеса. Министерство транспорта России осуществляло программу поддержки малой авиации. Ежегодные расходы на эти цели в течение 2008–2011 гг. составляли более 2 млрд руб. [7].

Однако сырьевой акцент регионального развития и соответствующая модернизация транспорта для обеспечения потребностей промышленного комплекса при отсутствии достаточных частных вложений превалировали при распределении прямых целевых инвестиций государства. Проблемам внутренней сети сообщений, несмотря на отдельные улучшения преимущественно организационного характера (за исключением, пожалуй, программ по льготным авиационным перевозкам), уделялось значительно меньше внимания.

Эксплуатационная длина железнодорожных линий ДФО общего пользования в период 2000–2012 гг. выросла лишь на 198 км. К 2014 г. только 65,8% автомобильных дорог ДФО имели твердое покрытие [8, с. 40, 41]. Строительство и содержание дорог передавались в структуру региональных и федерального бюджетов. Деньги, выделяемые на проведение дорожных работ субъектами и центром, сокращались. Целевые программы стали утверждаться с большим опозданием, после определения бюджетных возможностей для их реализации.

Несоответствующими запросам оставались темпы обновления общественного транспорта. Особенно тяжелое положение складывалось в системе муниципальных предприятий, которые удалось сохранить не во всех дальневосточных поселениях. Несмотря на ряд отмеченных позитивных изменений в отношениях транспортников и администраций, по-прежнему сохранялись сложности своевременной компенсации пассажирских перевозок. На 1 июля 2007 г. 76% автобусов, 59% трамваев и 62% хабаровского троллейбусного парка подлежали списанию. Бюджетная задолженность различных уровней перед городскими транспортными службами превышала 4 млрд руб. [9, с. 5].

Речные маршруты субсидировались с задержками или вовсе прекращались. В 2011 г. ущерб только по пригородным линиям Хабаровска составил 31,5 млн руб. Средний возраст пассажирских судов, занятых в Амурском бассейне, достигал 23–30 лет [10]. Из всех субъектов Дальнего Востока, где осуществлялись пригородные железнодорожные перевозки, в 2013 г. только в Сахалинской области планировалось полностью компенсировать потери. Прогноз компенсаций в других субъектах был намного скромней: в Хабаровском крае – 75%; Еврейской автономной области – 51%, Амурской – 34%, Приморском крае – 26% [11].

5. Заключение

Усилия, предпринятые центральным и местным руководством, позволили к началу XXI в. обозначить в целом новую траекторию управления развитием пассажирской транспортной инфраструктуры в условиях перехода к рыночной экономике, пытаясь сочетать инструменты прямой и косвенной поддержки. Однако непоследовательный характер мероприятий, направленных на ее совершенствование и аналогичное их ресурсное обеспечение не позволили сформировать полноценной системы местных сообщений на Дальнем Востоке, продолжив традиции приоритета магистральных коммуникаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф.2286. Оп.1. Д.217. Л.10.
2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-2021. Оп.2. Д.862. Л. 2, 3.
3. *Лустовалова Л.* Железная дорога тоже не без ухабов // Советский Сахалин. – 26 апр. – 2001.
4. *Берсенев В.Г.* 150 лет русского судоходства на Амуре. – Комсомольск-на-Амуре, 2005.
5. *Терехова А.* Колесами вверх // Утро России. – 2000. – 8 дек.
6. Дальневосточная железная дорога. Вчера, сегодня, завтра. – Хабаровск, 2005.

7. Развитие региональной и малой авиации: диалог общественности и бизнеса с властью [Электронный ресурс]. URL: http://dvmtu-favt.ru/news/141/?sphrase_id=1461. (дата обращения: 12.04.2015 г.).
8. Бардаль А.Б. Транспортная инфраструктура Дальнего Востока: изменение условий для предприятий // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. – 2015. – № 7.
9. Волкова Е. Банкрот от льгот // Хабаровские вести. – 12 июля. – 2007.
10. Меренкова Е., Матвеева В. Транспортные заботы транзитной территории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.n-dv.ru/?page=3&article=710> (дата обращения: 08.04.2013 г.).
11. Остаться без электричек рискуют пассажиры Дальнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://primamedia.ru/news/economics/30.11.2013/319007/ostatsya-bez-elektrichek-riskuyut-passazhiri-dalnego-vostoka.html>. (дата обращения: 12.07.2014 г.).

REFERENCES

1. State archive of the Amur region (SAAA). F. 2286. Op.1. D. 217. L. 10.
2. State archive of Khabarovsk Krai (sakhr). F. P-2021. Op.2. D. 862. L. 2, 3.
3. Pustovalova L. Railroad, too, is not without potholes. [Zheleznaja doroga tozhe ne bez uhabov], *Soviet Sakhalin*, 26 April 2001. (in Russ.)
4. Bersenev V.G. 150 years of Russian navigation on the Amur river [150 let russkogo sudohodstva na Amure], *Komsomolsk - on - Amur*. 2005 (in Russ.)
5. Terekhova A. Wheels up [Kolesami vverh], *Morning Of Russia*, 2000, 8 Dec. (in Russ.)
6. Far Eastern railway. Yesterday, today and tomorrow [Dal'nevostochnaja zheleznaja doroga. Vchera, segodnja, zavtra], *Khabarovsk*. 2005. (in Russ.)
7. The development of regional and small aircraft: the dialogue of the public and businesses with power [Razvitie regional'noj i maloj aviicii: dialog obshhestvennosti i biznesa s vlast'ju], Available at: http://dvmtu-favt.ru/news/141/?sphrase_id=1461, (accessed: 12.04.2015). (in Russ.)
8. Bardal A.B. Transport infrastructure of the Far East: changing conditions for enterprises, [Transportnaja infrastruktura Dal'nego Vostoka: izmenenie uslovij dlja predpriyatij], *EKO. All-Russian economic journal*. 2015. No. 7. (in Russ.)
9. Volkova E. Bankrupt from benefits [Bankrot ot l'got], *Khabarovskie vesti*. July 12. 2007. (in Russ.)
10. Merenkova E., Matveeva V. Transport and care transit areas. [Transportnye zaboty tranzitnoj territorii], Available at: <http://www.n-dv.ru/?page=3&article=710> (accessed: 08.04.2013). (in Russ.)
11. To be without trains run the risk of passengers in the Far East [Ostat'sja bez jelektrichek riskujut passazhiry Dal'nego Vostoka]. Available at: <http://primamedia.ru/news/economics/30.11.2013/319007/ostatsya-bez-elektrichek-riskuyut-passazhiri-dalnego-vostoka.html>. (accessed: 12.07.2014). (in Russ.)

Информация об авторе

Лаврентьев Александр Валентинович, кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса»,

Владивосток, Россия
lavrist@list.ru

Получена: 03.09.2015

Information about the author

Lavrentiev Alexander Valentinovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budget Organization of Higher Professional Education, "Vladivostok State University of Economics and Service", Vladivostok city, Russia
lavrist@list.ru

Received: 03.09.2015

УДК 902.7

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-56-58

МАГОМЕДОВ Идрис Омарович,
аспирант 3-го года обучения

MAGOMEDOV Idris Omarovich,
Post-graduate at the 3 year of study

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И СКОТОВОДСТВА У ОБЩЕСТВА ТИНДАЛ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

AN APPROACH TO FARMING AND CATTLE BREEDING PRACTICES EMERGED IN THE TYNDALL COMMUNITY: AN OVERVIEW BACK TO THE PAST

Статья посвящена хозяйственной деятельности одного из народов Дагестана – тиндал. В статье говорится о развитии земледелия в обществе, в частности о сборе урожая тиндинцев, орудиях труда, природных условиях и т.д.

Одним из направлений статьи является развитие скотоводства у горного народа. В статью введено огромное количество полевого материала и значительное количество исторических источников.

Не остается без внимания автора террасное земледелие Тиндал, которое являлось основополагающим для всех горских народов Дагестана. В основном тиндалы выращивали ячмень, пшеницу, рожь, овес, просо, бобы, с XIX в. – кукурузу и картофель,

Огромное внимание тиндалы уделяли садоводству, в основном выращивая яблоки, абрикосы, груши, сливы, орехи и т.д. Садоводство хоть и не занимало ключевого значения в хозяйственной жизни тиндал, но имело колоссальное значение для всей хозяйственной деятельности горного народа.

Тиндалы обрабатывали землю, преимущественно вручную. Орудиями труда являлись: мотыга, соха, деревянный плуг с железным наконечником (бецци), деревянный плуг (рукья).

The paper written by the author considered the economic performance of one of the communities of Dagestan, – the Tindal people. The survey examined advancement of farming in the local community. In particular, harvesting practiced by the Tindin people, their instruments of labour, natural environment specifics, etc.

One of the lines that the paper observed was advancement of cattle breeding by local peasants. The paper presented the huge bulk of field data and a significant selection of historical sources.

The author did due diligence to examination of the terrace-land cultivation by the Tindal people, which was the core occupation for all highlander inhabitants of Dagestan. The Tindal people grow mainly barley, wheat, rye, oat, millet, beans; since the XIX century the local inhabitants have introduced corn and potatoes.

The Tindal people paid a specific attention to the gardening. Basically, the Tindal cultivated apples, apricots, pears, plums, nuts, etc., The gardening, although having not taken a key position in the economic life of the Tindal people, had been of enormous significance for the overall business operations of the highlanders.

The Tindal people mostly used to cultivate land manually. They used the following instruments of labour: mattock, plough, wooden plough with an iron ploughshare (bezz), entirely wooden plough (Rukia).

Ключевые слова: тиндалы, скотоводство, овцеводство, террасное земледелие, аварцы.

Key words: Tindal people, cattle breeding, sheep breeding, terrace-land cultivation, Avar people.

Основными занятиями жителей Тиндала, как и у других аварцев, с древнейших времен являлись земледелие и скотоводство с преобладающей ролью одного из этих видов хозяйства в зависимости от природных условий и связанной с этим местной специализацией хозяйства.

Территория Тиндала была расположена в основном в горной зоне, где археологически земледелие фиксируется еще с периода позднего неолита.

В развитии земледелия в предгорной и горной частях существовали свои отдельные особенности. В горной части было развито террасное земледелие, являющееся одним из показателей высокой земледельческой культуры народов Дагестана. Возникновение террас предположительно относится к железному веку, «но подлинный расцвет террасового земледелия приходится на эпоху существования родственных соседствующих поселков, т.е. на 1 тысячелетие н.э.» [2, с. 279].

Террасные поля были небольших размеров и располагались в горах в виде широких ступеней. Они являлись результатом упорной борьбы с природой и гигантского труда многих поколений горцев, показателем их огромного усердия и трудолюбия в области земледелия. Поэтому не удивительно, что террасы дагестанских горцев привлекали внимание и вызывали удивление и восхищение у многих русских и иностранных наблюдателей XVIII–XIX вв.

В условиях постоянного земельного голода в горах развитие террас по восходящей линии происходило вплоть до XIX в., то есть до окончательного прекращения нашествий кочевников и их разорительных походов, являющихся постоянным препятствием для развития земледелия в плоскостном Дагестане.

Система земледелия в Тиндале была паровая. Величина оставляемой под пар земли находилась в прямой зависимости от величины земельной собственности в целом. Поэтому земли под пар в основном могли оставлять те хозяйства, которые имели в собственности достаточное количество земли. Из-за нехватки земли малоземелье вообще не оставляли под пар или же применяли занятой пар, то есть чередование на одном и том же участке различных злаковых культур.

Многократное вспахивание применялось «для того, – писал М.О. Османов, – чтобы солнце выжгло землю с дерном. Считалось, что выжженная вместе с органическими остатками почва становится более плодородной и чем сильнее выжжешь, тем мягче и жирнее земля, тем больше влаги она удержит» [3, с. 8].

Основными зерновыми культурами, которые возделывались на территории Тиндала, являлись ячмень, пшеница, рожь, овес, просо, бобы, с XIX в. – кукуруза и картофель.

Сельскохозяйственные работы, связанные с земледелием, начинались в конце зимы и в самом начале весны. В начале марта начинали вывозить на поля навоз и золу, которые накапливались за зиму. Хранили навоз или около своих домов, или же в специальных местах поквартально. Каждое хозяйство в этих местах имело свой определенный участок, куда и вывозили навоз.

Рассыпав удобрение на маленькие кучки и дав ему возможность перепреть, земледельцы перед вспашкой разбрасывали его по всему полю.

Сев зерновых культур у тиндал носил своеобразный характер. Если у других народов Дагестана сначала вспахивали поле, а потом разбрасывали по нему семена, то тиндалы на неспаханное поле разбрасывали семена, а затем производили вспашку. Преимуществом такого способа сева являлось, во-первых, то, что семена, разбросанные до вспашки, непосредственно попадали в унавоженный культурный слой, во-вторых, семена предохранялись от возможных заморозков, ибо после вспашки вместе с культурным слоем они переворачивались и попадали вниз. В то же время такой способ сева в условиях неглубокого вспахивания способствовал быстрому появлению всходов.

Вспахивали поле деревянной сохой с железным лемехом, в которую впрягали одну пару волов.

Как и другие горцы, жители Тиндала поля не бороновали, что объяснялось не только преобладанием в горах неглубоких почв, после вспашки которых, как правило, не оставалось больших комков земли. Объяснялось это и указанным выше своеобразным севом зерновых, в результате чего после вспашки семена вместе с унавоженным культурным слоем переворачивались, попадали вниз и накрывались землей.

Большое значение в сельском хозяйстве в Аварии имело садоводство и виноградарство. Наиболее благоприятными почвенно-климатическими условиями для разведения садов и виноградников обладают речные долины Аварского и Андийского Койсу. На раннем этапе развития садоводства фруктовые деревья здесь росли не сплошными насаждениями, а по краям пахотных полей и виноградников. Путешественники отмечали, что рядом с бесплодными скалами в ущельях и долинах Аварии росли лучшие южные фрукты. Садоводческие насаждения вплоть до середины XIX в. в целом по Аварии были бессистемны, незначительны и носили преимущественно потребительский характер [3, с. 33].

В связи с хозяйственной специализацией, относящейся ко времени образования крупных территориальных сел и складывания устойчивых крупных политических объединений, происходят определенные изменения в животноводстве. Для ряда общин, расположенных в горах, где природные условия были менее благоприятны для земледелия, характерным становится преобладание овцеводства. Преимущественно разводили аварских и андийских овец, коз, лошадей дагестанской породы, ослов [5, с. 135].

В среднем на одно хозяйство приходилось от двух до девяти овец. Если учесть, что овцы в основном были у немногих, то можно утверждать, что животноводство в Тиндале являлось смешанным, хотя основную роль в экономической жизни играл крупный рогатый скот,

Поэтому многие уздени-общинники и даже общества, не имевшие своих зимних пастбищ, скот свой вынуждены были не отгонять, держать на пригревах – солнечных склонах окрестных гор.

За неимением скота и земли многие общинники вынуждены были продавать свою рабочую силу. Труд чабана считался униженным. Старший, или главный, чабан – более или менее зажиточный чабан, опытный овцевод. Нанимался он скотовладельцем на договорных условиях. В его обязанности входили наем и руководство чабанами, аренда зимних пастбищ. На каждую отару (1 500 овец) главный чабан нанимал 5–6 чабанов, то есть в среднем на каждые 300 голов овец нанимался один чабан. В массе своей чабаны не имели собственного скота, жили в нужде, труд их оплачивался низко. Чабан получал в месяц от 300 голов одного барана, еду, одежду. Эксплуатация труда чабанов приносила скотовладельцам большой доход. Прежде чем стать квалифицированным чабаном, необходимо было пасти несколько лет ослов, телят и т.д. [1, с. 143-146].

Хотя овцы и не давали больших доходов, они кормили и одевали семью горца круглый год кроме того, что давали сырье для домашнего производства разнообразных шерстяных и кожаных вещей и различных хозяйственных нужд.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гусейнов Ю.М. Исторические этапы присоединения Крыма к России в XVIII веке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – № 12. – Краснодар. – 2014. – С. 143-146.
2. Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. Ученые записки ИИЯЛ. – Махачкала, 1961. Т. 9.
3. Османов М.О. Поселения Дагестана в первой половине XIX в. (вопросы типологии). Материальная культура народов Дагестана в XIX – начале XX в. – Махачкала, 1988.
4. См. подр.: Магомедов И.О. Социальная структура общества Тиндал в первой половине XIX века // Известия Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2013. – № 1. – С. 12-18.
5. Хашаев Х.М. Занятия населения Дагестана. – Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1959. – С. 135.

REFERENCES

1. Huseynov Y.M. Historical stages of the accession of Crimea to Russia in the XVIII century.[Istoricheskie jetapy prisoedinenija Kryma k Rossii v XVIII veke]. *Humanitarian, socio-economic and social Sciences. Krasnodar* No. 12, 2014. P. 143-146. (in Russ.)
2. Kotovich V.G. on ancient agriculture and animal husbandry in the mountainous Dagestan. [K voprosu o drevnem zemledelii i skotovodstve v gornom Dagestane.]. *Uchennye zapiski IJaL. Makhachkala*, 1961. Vol. 9. (in Russ.)
3. Osmanov M.O. Settlements of Dagestan in the first half of the 19 century (typology). Material culture parodos of Dagestan in the NINETEENTH - machaneh.[Poselenija Dagestana v pervoj polovine XIX v. (voprosy tipologii). Material'naja kul'tura narodov Dagestana v XIX – nachale XX v.], *Makhachkala*, 1988. (in Russ.)
4. См. gir: Magomedov I.O. the Social structure of Society Tyndall in the first half of the 19 century.[Social'naja struktura obshhestva Tindal v pervoj polovine XIX veka]. *Proceedings of the Dagestan state University. Makhachkala*, 2013. No. 1. P. 12-18. (in Russ.)
5. Kashaev H.M. Classes of the population of Dagestan.[Zanjatija naselenija Dagestana.]. *Makhachkala: Type. Doug. FAN OF THE USSR*, 1959. P. 135. (in Russ.)

Информация об авторе

Магомедов Идрис Омарович, аспирант 3 года обучения, Дагестанский государственный педагогический институт» (ДГПУ), г. Махачкала, (Республика Дагестан), Россия g.usup@mail.ru

Получена: 30.08.2015

Information about the author

Magomedov Idris Omarovich, Post-graduate at the 3 year of study, Dagestan State University of Pedagogics (DGPU) Makhachkala city (Dagestan), Russian g.usup@mail.ru

Received: 30.08.2015

УДК 94(470.67)

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-59-61

МАГОМЕДОВ Магомед-Ганипа Гамидович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин

MAGOMEDOV Magomed-Ganipa Gamidovich,
Candidate for Doctorate in History, Associate Professor
at the Chair of Humanities

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДА ДАГЕСТАНСКИЕ ОГНИ

DAGESTAN(SKIYE) OGNI TOWN: A STORY IN THE MAKING

В статье на основе анализа материалов рассматривается, как в современный период на голом месте, на основе маленького рабочего поселка закладывается город Дагестанские Огни. Автор показывает, как под руководством органов власти строились промышленные предприятия, жилые дома и вся инфраструктура города. Становлению города способствовало обнаружение еще 100 лет назад на этом месте залежей газа, что дало толчок строительству стекольного завода. Основали его русские предприниматели братья Малышевы, в дальнейшем сюда приезжали люди из различных регионов страны. Статус города Дагестанские Огни получил в 1991г., а мы знаем, что это было время развала великой страны. В статье также говорится о роли государственных органов власти в решении проблем Дагестанских Огней, показаны и недостатки, и ошибки местных властей в решении экономических и социальных проблем зарождавшегося города.

Taking for the grounds a review of archive records the paper considered the town Dagestanskiye Ogn (Dagestani Lights) that emerged from scratch at the contemporary stage of the country' history, starting from a small industrial community settlement. The author has shown development of industrial enterprises, apartment houses and the whole infrastructure of the city under the guidance of government authorities. The fact that 100 years ago gas deposits were discovered at this place had contributed to the making of cities that gave impetus to construction of a glass-manufacturing plant. It was established by the Russian brethren entrepreneurs, the Malyshev, and further people from various regions of the country came to this place. The town Dagestanskiye Ogn was incorporated as a metropolitan area in 1991, at the time of the collapse of the great country, as everybody knows. The paper also specified the part taken by the public authorities in solving the issues at the town of Dagestanskiye Ogn, both weak points and errors committed by the local authorities in solving economic and social challenges of the nascent city.

Ключевые слова: фонд, горожане, инфраструктура, статус, газ, завод, промышленность, структура, обслуживание поселка, производство.

Key words: Fund, Citizens, infrastructure, position/standing, gas, plant, industry, framework, public services rendered to the settlement, production.

Одна из специфических черт развития общества в XX веке – возрастающая доля городского населения. В общем его количестве лишь в середине 1961 г. численность городского и сельского населения сравнялась [1]. Особую роль в развитии городов Дагестана сыграло строительство промышленных предприятий на местном сырье. Дагестанские Огни – это город-спутник двухтысячелетнего Дербента. Дагестанским Огням исполнилось 20 лет. Город расположен у северо-восточного подножия Большого Кавказского хребта на берегу Каспийского моря, в 118 км к юго-востоку от Махачкалы. До 1991г. это рабочий поселок. Он занимает площадь в 617 га, с юго-запада граничит с г. Дербентом, с северо-запада с с.Чинар. Западная часть города окаймлена горной системой. По городу проходит федеральная автодорога «Кавказ» и железнодорожная магистраль Баку-Москва. Природных ресурсов в Дагестанских Огнях сравнительно мало. Есть природный газ и горячие источники, ранее использовавшиеся в качестве целебных ванн, в настоящее же время законсервированные. Население города в отдельные периоды превышало 30 тысяч человек. Здесь проживают представители десятков народностей Дагестана и России. Это объясняется тем, что возникновение поселка было связано с организацией в 1914 г. стекольного производства. За время своего существования этот маленький рабочий поселок превратился в город.

4 марта 1991 г. Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет: утвердить произведенное Верховным Советом ДАССР отнесение рабочего поселка Дагестанские Огни, административно подчиненного Дербентскому городскому совету народных депутатов, к категории городов Дагестанские республиканского (АССР) подчинения и сохранение за городом прежнего наименования [2]. В настоящее время здесь функционирует шесть средних и две музыкальные школы, школа циркового искусства и ряд других объектов соцкультбыта. После этого были годы общеизвестного экономического кризиса 1990-х гг. Здесь и кроется главная проблема города. Все эти проблемы обрушились на горожан, которые остались с ними один на один. Стекольный завод «Дагогни» в числе других предприятий страны попал в водоворот хаоса. За считанные годы он потерял своего потребителя, оборвались все экономические и хозяйственные связи. Более тысячи работников стекольного завода оказались за воротами предприятия. Росли долги по зарплате, газу, электроэнергии, появились проблемы с кредиторами, наконец заводы остановились. Экономический кризис основательно потряс едва основавшийся на карте город Дагогни, как и другие большие и малые города страны. Но в целом удалось противостоять разрушительной силе кризису.

К счастью, в последние годы после реконструкции производство начало возрождаться. Начались восстановление и модернизация цехов, отправленные в бессрочные отпуска и уволенные по сокращению рабочие десятками, сотнями возвращались в цеха. Отрадно, что завод, который славился в прошлом, сегодня наращивает свою былую мощь [3].

В основном людей выручает малый и средний бизнес, в котором заняты четыре из пяти горожан. Для них администрация старается создавать комфортные условия. Предприниматели производят плитку, шлакоблоки, двери и окна, шифер, возят лес. На проходящей через город трассе работают автомастерские. На железной дороге были обновлены старые и проложены вторые пути на участке Махачкала-Дербент. Значительно увеличился парк локомотивов и вагонов.

Благодаря усилиям государственных органов власти и местной администрации удалось добиться определенных результатов в области экономики, социальной сферы, здравоохранения, образования, культуры и спорта. Приведем некоторые показатели социально-экономического развития города за 2010 г.:

- население выросло до 30 500 чел., из них трудоспособного – 16 083 чел., естественный прирост населения составил 458 чел.;
- объектов промышленного производства – 265 млн руб.;
- число малых предприятий и индивидуальных предпринимателей – 928;
- объем налоговых поступлений от малых предприятий – 19,4 млн руб.;
- неналоговые и налоговые доходы – 45,5 млн руб.;
- число объектов розничной торговли – 3,4 млрд руб.;
- число зарегистрированных безработных – 1 481 чел., общее число безработных – 3 500 чел. (на том же уровне);
- денежные доходы населения – 1,25 млрд руб.;
- социальные выплаты – 605 тыс. руб.

Все эти индикаторы социально-экономического развития города будут подвержены глубокому анализу и использованы при корректировке планов работы [4].

Администрации города удалось наладить бесперебойное обеспечение жителей города электроэнергией, газом, теплом, продовольствием.

Жилищное строительство в городе почти полностью ведется в индивидуальной форме. Но и в этом направлении имеются некоторые трудности: из-за отсутствия своего земельного фонда около 1 500 человек не могут получить участки под индивидуальное строительство домов, гаражей, магазинов и др.

Администрация постаралась решить ряд других бытовых и социальных проблем города. Впервые за последние годы все дети до одного года обеспечены бесплатным детским питанием. Выделена машина скорой помощи, идет полная замена отопительной системы, все льготники обеспечены медикаментами, улучшена материальная база ТМО. Восстановлены три парка, отремонтирован Дворец культуры на 800 мест, дворец спорта, введены в действие два учреждения культуры, народный цирк и филиал дагестанской ДСШОР. Полностью закончен ремонт линии электропередачи и трансформаторных станций внутри города. Завершен ремонт узла связи, и намечается в ближайшее время монтаж нового оборудования фирмы «Самсунг» на 2-3 тыс. абонентов. Полным ходом идет асфальтирование дорог, замена и прокладка нового канализационного коллектора. Город стал чистым и уютным, открылись две новые школы. Люди стали вовремя получать заработную плату, пенсии и пособия. Развитие города во многом обусловлено тем, что законодательная и исполнительная власть всемерно способствуют реализации реформ с учетом местных особенностей [5]. В городе существенное место занял частный сектор экономики, чему способствовала приватизация предприятий, прежде всего торговли и сферы обслуживания, а также системное поощрение малого бизнеса. что благотворно сказывается на занятости населения в таком городе, как Дагестанские огни, где уровень безработицы в первые годы достигал 50–60 %.

Город Дагестанские Огни является одним из центров ручного ковроткачества Дагестана. Огнинская ковровая фабрика как Огнинский ковровый цех при Дербентском КПО существовала с 1977 г. Самостоятельным государственным унитарным предприятием она стала в 1999 г. За все годы существования огнинские цеха, а ныне фабрики, произвели десятки тысяч высокоплотных ворсовых ковров и ковровых изделий.

Работы огнинских ковровщиц также были представлены на выставке «Дни Дагестана в Санкт-Петербурге». География реализации ковров Огнинской ковровой фабрики очень широка и охватывает станы ближнего и дальнего зарубежья (Турции, Германии, Франции, Англии, и др.) [6].

В городе функционирует восемь дневных средних общеобразовательных школ и одна начальная школа, а также четыре детско-юношеские спортивные школы. Обучением детей заняты высококвалифицированные педагоги, среди которых заслуженные учителя РД, отличники народного образования РФ, почетные работники образования РФ.

Редакцию городской газеты-ежедневника «Дагестанские Огни» ныне возглавляет опытная журналистка Наида Касимова. В городе также имеется местная телестудия, которая оперативно освещает жизнь горожан [7].

Администрация города уделяет должное внимание развитию физической культуры и спорта, возрождаются традиции массового участия в спортивных мероприятиях. Под руководством городской администрации в 2000 г. был построен спорткомплекс. В настоящее время спортивные достижения в городе очевидны: работают 10 секций по борьбе, боксу, тяжелой атлетике, футболу, тхэквондо, силовому троеборью и т.д. За последние годы боксеры занимали призовые места, в том числе на чемпионате России («серебро»), более 20 спортсменов по разным видам спорта также становились призерами на республиканских и других соревнованиях регионального уровня.

Руководство городского округа и администрации, депутаты городского округа рассматривают возможности сконцентрировать усилия городских властей и всей общественности на обновлении города Дагестанские Огни, на возрождении добрых традиций, воспитании у дагестинцев чувство гордости за свой молодой, еще не окрепший город.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Магомедов М.-Г.Г. Города Дагестана 1941–1960. – Махачкала, 2012.
2. Дагестанские Огни: история и современность. – Махачкала, 2011. – С. 3.
3. Дагестанская правда. – 2004 г. – 7 сентября.
4. Дагестанские Огни: история и современность. – Махачкала, 2011. – С. 10.
5. Махачкалинские известия. – 2004 г. – 27 февраля.
6. Народы Дагестана. – 2011. № 4.
7. Черновик. – 2010 г. – 24 августа.

REFERENCES

1. Magomedov M.-G.G. Dagestan, Makhachkala. 1941-1960, *Makhachkala*. 2012.
2. Dagestan Lights: Past and Present. *Makhachkala*. 2011. С. 3.
3. Dagestan Pravda 2004, September 7.
4. Dagestan Lights: Past and Present. *Makhachkala*, 2011. С. 10.
5. Makhachkala News. February 27, 2004.
6. Peoples of Dagestan. 2011. № 4.
7. Draft. August 24, 2010.

Информация об авторе

Магомедов Магомед-Ганипа Гамидович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства, г. Махачкала, (Республика Дагестан), Россия
Magomed-ganipa@mail.ru

Получена: 06.07.2015

Information about the author

Magomedov Magomed-Ganipa Gamidovich, Candidate for Doctorate in History, Associate Professor at the Chair of Humanities of the Dagestan State Institute of National Economy. Makhachkala city, Republic of Dagestan, Russia

Magomed-ganipa@mail.ru

Received: 06.07.2015

УДК 327.82

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-62-68

МАХАЛКИНА Мария Александровна,
аспирант кафедры новой, новейшей истории и между-
народных отношений

MAKHALKINA Mariya Aleksandrovna,
Postgraduate student, Chair for New and Newest History
and International Relations

**АБХАЗИЯ, ПРИДНЕСТРОВЬЕ И ЮЖНАЯ
ОСЕТИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ
В 1991–2008 гг.**

**ABKHAZIA, TRANSNISTRIA AND SOUTH
OSSETIA IN THE FOREIGN POLICY OF
RUSSIA IN 1991–2008**

В статье рассматривается проблема взаимодействия России с Абхазией, Южной Осетией и Приднестровьем с 1991 по 2008 г. Автор характеризует формирование основ нового внешнеполитического курса России. Выделены три этапа развития внешней политики России, каждый из которых охарактеризован. Указываются внутриполитические аспекты развития России, повлиявшие на становление внешней политики. Анализируются политико-дипломатические усилия в направлении разрешения этнонациональных конфликтов в указанных республиках. Доказываются и обосновываются причины ухудшения отношений России с Грузией и Молдавией, выявляются аргументы, подтверждающие линию России во внешней политике. На основе проведенного исследования сделаны выводы, обосновывающие российскую позицию в грузино-югоосетинском конфликте 2008 г., а также обозначена российская линия в вопросах международно-правового признания непризнанных государств.

The article considers the problem of interaction of Russia with Abkhazia, South Ossetia and Transnistria from 1991 to 2008. The author characterizes the formation of the foundations of the new foreign policy of Russia. The author highlights three stages in the development of Russian foreign policy, specifies the internal political aspects in Russia's development, which influenced the formation of foreign policy and analyzes the political and diplomatic efforts for the resolution of ethnic-national conflicts in these republics. The author describes the reasons for the deterioration of relations of Russia with Georgia and Moldova, identifies the arguments to prove the line of Russia's foreign policy. Based on the study, the author makes the conclusions substantiating the position of Russia in the Georgian-South Ossetian conflict of 2008 and marks the Russian policy in the issues related to international legal recognition of unrecognized States. Ключевые слова: Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, непризнанные государства, внешняя политика России; право народов на самоопределение

Ключевые слова: Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, непризнанные государства, внешняя политика России, право народов на самоопределение.

Key words: Abkhazia, South Ossetia, Transnistria, unrecognized states, foreign policy of Russia; the right of peoples to self-determination

После распада Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений большую актуальность приобрела тема формирования на политической карте мира новых государств, а также территорий, которые в силу политических обстоятельств выразили стремление самоопределиваться и провозгласили свою государственность. В ряде бывших республик СССР, таких как Грузия и Молдавия, процессы становления государственности были связаны с параллельной эскалацией этнонациональных конфликтов.

В сложившихся условиях Россия, полностью пересмотревшая внешнеполитический курс в начале 1990-х гг. в новых международных отношениях, оказалась перед сложным выбором. С одной стороны, руководство страны заявило о приверженности нормам международного права и, в частности, территориальной целостности, что означало невмешательство во внутренние дела Грузии и Молдавии. С другой стороны, были обстоятельства, исключающие дистанцирование российских властей от участия в конфликтных регионах.

Целью данной статьи является анализ взаимодействия самопровозглашенных территорий Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье с Россией в 1991–2008 гг.

Для достижения цели предполагается реализация следующих задач:

- во-первых, изучение особенностей становления и развития внешнеполитического курса России в указанный хронологический период;
- во-вторых, выявление и анализ основных этапов и направлений внешней политики России в отношении Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья с 1991 по 2008 г.;
- в-третьих, характеристика позиции России в отношении непризнанных государств с учетом соответствия нормам международного права после грузино-югоосетинской войны 2008 г.

После распада СССР и биполярной системы международных отношений начался активный поиск новой концепции внешнеполитического развития России. Базовые идеи принципов российской внешней политики были сформулированы президентом Б. Ельциными и включали в себя главенство демократии, прав и свобод человека, законности и нравственности [1].

А. Козырев, сменивший на посту министра иностранных дел Э. Шеварднадзе, главной задачей внешней политики России видел «формирование открытого миру демократического российского государства и превращение неустойчивого постконфронтационного мира в стабильный и демократический» [2]. Что касается взаимодействия с бывшими союзными республиками, то отношения с ними «целесообразно основывать на принципах, оправдавших себя в общев-

ропейском процессе, нерушимость и открытость границ, права человека и национальных меньшинств, взаимовыгодное сотрудничество» [3].

17 марта 1991 г. прошел Всесоюзный референдум по вопросу сохранения СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик с гарантией прав и свобод человеку любой национальности. Так же, как и в Грузии, объявившей ранее о своей независимости, в Молдавии референдум практически не проводился. Однако власти Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии смогли организовать участки и округа для проведения всенародного голосования, по итогам которого большинство жителей высказались за сохранение Союзного государства. Это показало стремление национальных автономий мирным путем решить сложившуюся проблемную ситуацию, связанную с усилением процессов национального строительства в Грузии и Молдавии.

Разногласия между новыми независимыми государствами Грузией и Молдавией с их автономиями вызвали в начале 1990-х гг. вооруженные конфликты.

В ситуации с Грузией и ее автономными областями Южной Осетией в 1991–1992 гг. и Абхазией в 1992–1993 гг. Россия поддержала территориальную целостность Грузии и не признала провозглашенную абхазскими и югоосетинскими властями независимость автономий. Это происходило в условиях конституционного кризиса в России, одним из следствий которого явилась двойственность позиций по ключевым международным проблемам. Неудивительной в этом контексте стала реакция некоторых слоев населения России (казачества, военнослужащих) на события вокруг абхазской и югоосетинской проблем, выраженная в поддержке волеизъявления абхазов и жителей Южной Осетии отделиться от Грузии и существовать самостоятельно.

О желании самоопределиваться и существовать независимо в начале 1990-х гг. заявила Приднестровская Молдавская Республика. После дискриминационных молдавских законов о русском языке русскоязычные жители Приднестровья провозгласили свою независимость на основе референдума и руководствуясь правом на самоопределение. Российский вооруженный контингент под руководством генерала А. Лебеда, а также значительное количество добровольцев из числа российских граждан поддержали приднестровцев. Однако, как и в случае с грузинскими автономиями, официального признания независимости от России не последовало. В 1992 г. Съезд народных депутатов России принял постановление, в котором отмечалось, что депутаты «с пониманием относятся к стремлению народа Приднестровья к самоопределению в составе Молдовы и заявляют о готовности использовать армию для разъединения конфликтующих сторон» [4]. Это шло вразрез с действующей позицией законодательной власти.

Разработка основ российского внешнеполитического курса в начале 1990-х гг. стала одной из главных задач для законодательной власти России. В концепции, которую представил Р. Хасбулатов, особый акцент делался на развитие отношений России со странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Приоритетными признавались связи со странами СНГ и государствами, с ним граничащими.

В русле базовых принципов внешней политики страны парламентарии Государственного комитета РФ по делам федераций и национальностей высказывались в пользу предоставления прав широкой автономии и закрепления федеративных отношений для Абхазии и Южной Осетии. Это позволило бы снизить конфликтность и напряженность в кавказском регионе и повысило уровень национальной безопасности РФ [5].

Первый год существования СНГ как альтернативы СССР заложил основу для выработки договорно-правовой базы между государствами-участниками с целью преодолеть негативные последствия распада СССР. Однако, несмотря на ряд достижений, существовали проблемы двусторонних отношений России с закавказскими государствами. Линия поведения России в грузино-югоосетинском, грузино-абхазском и нагорно-карабахском конфликтах в начале 1990-х гг. определялась задачами оказания всемерного содействия конфликтующим сторонам на основе принципа территориальной целостности. Такую же позицию заняла Россия и в приднестровском конфликте.

К концу апреля 1993 г. президентом РФ был утвержден документ «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации» [6]. В новой системе внешнеполитических приоритетов страны на первый план были вынесены отношения России со странами СНГ и Балтии. Документ, однако, повторял практически все основные положения советской внешнеполитической доктрины: стремление сохранить ядерный статус, сохранение постоянного членства в СБ ООН, построение единой Европы [7].

В сентябре 1995 г. президент России утвердил «Стратегический курс России с государствами – участниками Содружества Независимых Государств» [8].

После того, как российская внешняя политика была институционально и документально оформлена, появились первые успехи в этом направлении: «вдоль всей южной периферии СНГ, охваченной в период 1992–1995 гг. гражданскими войнами (Молдавия, Грузия, Таджики-

стан) и вооруженными конфликтами (между Арменией и Азербайджаном), Россия сумела утвердиться в качестве "привилегированного посредника" между ними» [9]. Это подтверждалось заключенными при активном содействии России «Заявлением о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта», «Четырехсторонним соглашением о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц», «Соглашением о прекращении огня и разъединении сил» и другими не менее значимыми политико-дипломатическими договоренностями.

В 1996 г. МИД России возглавил Е. Примаков, имевший репутацию прагматичного и умеренного политика. Новые внешнеполитические приоритеты включили в себя: освобождение от менталитета «ведущих и ведомых», демократизация международных экономических отношений, скоординированность действий международного сообщества при решении сложных проблем [10].

В феврале 1996 г. Россия присоединилась к Совету Европы, что означало дипломатическую победу в вопросах установления стабильных отношений в Европе на фоне потери авторитета в связи с чеченским кризисом. В качестве рекомендаций для нового государства-партнера европейские парламентарии включили пункт о скорейшем выводе 14-й армии с территории Приднестровья.

Изменение внешнеполитического курса России, связанное с новыми международными событиями, полноценно отразилось в Послании президента Федеральному Собранию в 1997 г. [11]. В разделе «К активной внешней политике и эффективной реформе» появились две новые внешнеполитические цели. Первая заключалась в отстаивании национальных интересов России, не сползая к конфронтации, а укрепляя основы стабильности и сотрудничества в международных отношениях. Суть второй заключалась в построении такой системы международных отношений, которая исходила бы из многополярности мира и отсутствия доминирования какого-то одного центра силы.

К октябрю 1997 г. наметилось охлаждение в российско-молдавских отношениях, а следовательно, и торможение переговоров по Приднестровской проблеме по причине создания блока ГУАМ.

С 11 сентября 1998 г. министром иностранных дел России стал И. Иванов. Его приход во внешнеполитическое ведомство совпал со сложным для российской внешней политики временем: необходимостью преодолеть тяжелый финансовый кризис лета 1998 г. Неблагоприятная экономическая ситуация в стране привела к непопулярности политического курса президента Б. Ельцина, причем как внутри- так и внешнеполитического. На международной арене российский кризис был воспринят крупнейшими игроками как проявление слабости государства, что в свою очередь привело к нарастанию конфликта интересов вокруг Косова. По сути, нападение НАТО на Югославию стало пробным вариантом западной «доктрины смены режимов» [12].

Тема урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве и сокращения российского военного присутствия в бывших республиках СССР и странах Восточной Европы стала предметом широких дискуссий на Стамбульском саммите ОБСЕ 18-19 ноября 1999 г. Так, по Молдавии была достигнута договоренность о выводе российских войск до конца 2002 г. [13]. Согласована российско-грузинская позиция по Южной Осетии и Абхазии. Стамбульский саммит впервые показал необходимость для России вести более активную политику в области информационной безопасности.

Обязательства России относительно вооружений в Молдавии начали приводиться в исполнение уже в ноябре 1999 г. Так, по сообщению российского МИД, в течение месяца «утилизировано всего 56 единиц боевой техники (в том числе 12 танков), подпадающей под параметры адаптируемого ДОВСЕ. Ликвидировано свыше 40 тыс. штук (72 вагона) таких боеприпасов, опасных в хранении и обращении» [14].

Приход к власти В. Путина снизил контакты России со странами Запада. Новый этап в формировании международной идентичности России полноценно отразился в Концепции внешней политики, принятой в 2000 г. В основных положениях документа подчеркивалось, что Россия является крупнейшей евразийской державой, имеющей собственные жизненные интересы не только по периметру границ, но и в отдаленных регионах мира [15].

Созвучной внешнеполитической стратегией стала и Концепция национальной безопасности РФ, утвержденная 10 января 2000 г. президентом. Среди традиционных и новых угроз в международной сфере была обозначена эскалация конфликтов вблизи государственных границ России и внешних границ государств-участников СНГ. Кроме того, негативным явлением были названы стремление ряда государств противодействовать укреплению России как одного из центров влияния в многополярном мире и деятельность по ослаблению российских позиций в Европе и Закавказье [16].

С марта 2002 г. началось охлаждение российско-грузинских отношений. Иллюстрацией этому послужило заявление Госдумы РФ о ситуации в Грузии в связи с военным присутствием США на ее территории. В документе была выражена озабоченность тем, что российская сторона не была своевременно проинформирована грузинской о планах направления в Грузию большой группы военных советников США, а также крупной партии легких вооружений, армейских средств связи и транспорта [17]. В случае если мирные инициативы будут исчерпаны, Государственная Дума готова обсудить иной путь дальнейшего становления государственности Абхазии и Южной Осетии на основе демократического волеизъявления их народов и в соответствии с практикой применения в последнее время мировым сообществом норм международного права. В Южной Осетии этот документ имел широкий общественный резонанс, особенно в той части, где речь шла о возможности реализации права народов на самоопределение.

Переломным моментом российской внешней политики по отношению к Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья стал 2003 г. С этого времени Россия утратила привлекательность для Грузии и Молдавии как посредник в урегулировании конфликтов. Одним из свидетельств данной ситуации стал провал инициативы «Меморандума Козака» по созданию конфедеративного молдавского государства.

С 2004 г. ухудшились российско-грузинские отношения. Негативным фоном этого процесса стала волна цветных революций и протестных движений. В Грузии в результате «революции роз» к власти пришел М. Саакашвили. В основу его политической платформы были положены идеи единой и неделимой Грузии, ориентированной на интеграцию в НАТО и ЕС.

Демонстрируя стремление взять под контроль мятежные регионы, М. Саакашвили инициировал ввод в Южную Осетию подразделений внутренних войск, и в течение лета 2004 г. в республике происходили локальные столкновения и перестрелки. Эта ситуация прямым образом сказалась на российско-грузинских отношениях: между странами началась дипломатическая война.

Осенью 2004 г. в связи с президентскими выборами в Абхазии ухудшились российско-абхазские отношения. Причиной этого стала победа кандидата от оппозиции С. Багапша, а не Р. Хаджимбы, на которого делала ставку Москва. К концу года кризис разрешился при посреднических консультациях российских дипломатов. Москва использовала экономическое давление на абхазские власти, прекратив железнодорожное сообщение между Россией и Абхазией и запретив импорт сельхозпродукции из Абхазии в разгар сезона торговли цитрусовыми.

Российская заинтересованность в укреплении отношений с грузинскими автономиями реализовывалась через назначения на ключевые руководящие должности в этих республиках.

В Молдавии в феврале 2005 г. президент В. Воронин отошел от лозунгов Коммунистической партии, с которыми был избран на президентский пост, и заявил об интеграции Молдавии в Европейский союз и НАТО. Это вызвало со стороны России торговые санкции, подчеркивающие несогласие с молдавским курсом.

Отсутствие динамики в решении конфликтных ситуаций на постсоветском пространстве и ухудшение отношений с Молдавией и Грузией объяснялось отчасти чрезвычайной персонификацией российской внешней политики: практически все решения принимал президент либо «подвернувшиеся под руку комиссары» [18].

В январе 2006 г. российский президент, понимая необходимость более тесного взаимодействия с Абхазией, Южной Осетией и Приднестровьем, поставил перед МИД задачу, суть которой заключалась в выработке универсальных механизмов признания независимости непризнанных государств постсоветского пространства.

В 2006 г. Э. Кокойты обратился к Конституционному суду РФ с просьбой о присоединении Южной Осетии к России. За этим последовал запрет на ввоз грузинских вин, прекращение транспортного и почтового сообщения между Россией и Грузией: дипломатические отношения между государствами были сведены к минимуму.

Методами экономической блокады воспользовались и Украина с Молдавией в отношении Приднестровья. Это повлекло пересмотр российской политики в вопросах предоставления гражданства РФ. С этого момента принять гражданство РФ по упрощенной схеме мог любой гражданин ПМР, не имеющий гражданства других государств.

В 2006 г. Госдума РФ приняла постановление «Об антироссийской и антидемократической позиции грузинских властей» [19], где предусматривалась возможность введения экономических санкций против грузинского государства. Это стало ответом на усиление антироссийской риторики в Грузии: США внесли на рассмотрение законопроект об ускоренном вступлении Грузии в НАТО, что также не являлось для России желательным.

Выступление президента В. Путина в Мюнхене в феврале 2007 г. стало для российской внешней политики поворотным моментом и источником «переоценки ценностей» в международных отношениях. Это прозвучало как необходимость признать право России проводить не-

зависимую внешнюю политику в рамках международного права и уважения суверенных прав других государств.

2008 г. стал испытанием для международного сообщества в связи с признанием независимости Косово, что нашло живой отклик и в российских политических кругах. Правительству РФ было поручено разработать комплекс мер по оказанию предметной помощи населению Абхазии и Южной Осетии. Грузия же увидела в этих мерах угрозу грузинской государственности и ее суверенитету и начало процесса полномасштабной аннексии этих территорий Грузии.

4 марта парламент Южной Осетии обратился к России и мировому сообществу с просьбой признать независимость государства. Очередной призыв о возможности развивать независимое от Грузии государство стал поводом для широких парламентских дискуссий в Госдуме. Общая тенденция, которую отметило большинство депутатов, заключалась в реализации двойных стандартов ряда западных стран в ситуации с признанием Косово и отказом признать независимость самопровозглашенных территорий на пространстве бывшего СССР. И если ранее в подобных дискуссиях звучала приверженность принципу территориальной целостности, то после «казуса Косово» высказывания трансформировались в формулировку соблюдения основополагающих прав российских граждан, проживающих на территории Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья.

Реакция России на грузинскую агрессию в Южной Осетии и последующее признание независимости грузинских автономий стала поворотным событием в международных отношениях. Такое поведение России было продиктовано рядом причин. Во-первых, на территории Южной Осетии в момент нападения Грузии на легальной основе находились российские миротворцы, что в международном праве расценивается как агрессия против России, а не Южной Осетии. Во-вторых, большая часть жителей Южной Осетии в 2008 г. являлись гражданами России, и, поскольку мирные жители стали объектом грузинской атаки, российские войска были введены в зону конфликта для их защиты. В-третьих, конфликт разгорелся в приграничной области с Северной Осетией, которая рассчитывала на помощь России в этом вопросе, и отказ спровоцировал бы ухудшение обстановки в республиках Северного Кавказа и дестабилизацию региона.

Своим ответом на грузинскую агрессию Россия продемонстрировала стандарт реагирования, который соответствовал действующему международному праву, включая право на самооборону по статье 51 Устава ООН и конкретные обязательства применительно к урегулированию данного конфликта, на основе принципов умеренности и соразмерности.

Однако признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии не является прецедентом для Приднестровья и Нагорного Карабаха. По словам министра, Россия всегда руководствовалась нормами международного права при решении всех конфликтов на пространстве СНГ. Это объяснялось стремлением руководства страны показать международному сообществу, что в арсенале внешнеполитических механизмов России присутствовали и дипломатические методы решения сложных многолетних проблем.

Таким образом, в эволюции внешней политики России с 1991 по 2008 г. можно выделить три основных этапа.

На первом, с 1991 по 1996 г., происходил процесс институционального и концептуального становления внешнеполитической линии новой России. В период конституционного кризиса 1992–1993 гг. политика России в отношении Грузии и Молдавии выстраивалась с учетом признания территориальной целостности этих государств. Вместе с этим Россия на первом этапе внешнеполитической деятельности успешно справилась с ролью дипломатического посредника при урегулировании грузино-абхазского, югоосетинского и приднестровского конфликтов.

Второй этап развития внешней политики России приходится на 1996–1999 г. В этот период наблюдались как успехи, так и сложные моменты в дипломатических переговорах по решению статусов Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья. С другой стороны, произошло охлаждение в российско-грузинских отношениях, связанное со сближением Грузии и Чеченской республики, с которой Россия на тот момент находилась в состоянии вооруженного противостояния.

На третьем этапе, с 2000 по 2007 г., внешняя политика приобретает персонифицированный характер и напрямую зависит от деятельности и взглядов президента В. Путина. Активность России в ряде стран ближнего зарубежья в 2000-е гг. пошла на убыль, что было связано с деятельностью параллельных интеграционных структур внутри СНГ и цветными революциями.

После непродолжительной грузино-югоосетинской войны 08.08.2008 г. Россия признала независимость бывших грузинских автономий Абхазии и Южной Осетии. Данное решение хоть и повлекло критику со стороны партнеров по ЕС и СНГ, но не привело к полной международной изоляции России, как это прогнозировали некоторые скептики. Это было связано с тем, что международное право не содержит норм, которые ограничивали бы суверенное право любого государства признавать другое государство, возникшее в результате самоопределения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Пляйс Я.А. Теория и практика внешней политики современной России // URL: http://old.nasledie.ru/oboz/N11_97/11_4.html. (дата обращения: 02.02.2013.)
2. Внешняя политика Российской Федерации 1992–1999. – М.: МГИМО (У) – 328 с. – С. 44.
3. Пляйс Я.А. Эволюция внешней политики России // URL: http://www.rau.su/observer/N05_96/5_05.HTM (дата обращения: 20.02.2013).
4. Российские власти занялись Приднестровьем. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/4128?isSearch=True> (дата обращения: 14.05.2014).
5. ГАКК. Ф. Р-1843. Оп.1. Д. № 292. Л.122,123.
6. Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в 4 тт. / сост. Т.А. Шаклеина. Т. IV. Документы. – М., 2002. – С. 21.
7. Кременюк В.А. Внешней политике России нужны ориентиры // Независимая газета. – 17 августа 1993. – С.3.
8. Стратегический курс России с государствами – участниками Содружества Независимых Государств URL: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/%200e9272bfa34209743256c630042d1aa/4e3d23b880479224c325707a00310fad> (дата обращения 15.06.2015).
9. Линч А. Реализм российской внешней политики // Pro et Contra. – 2001. – Т. 6. – № 4. – С. 141.
10. Примаков Е.М. На горизонте многополюсный мир // Независимая газета. – 22 окт. 1996 г. – С. 3-4.
11. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 6 марта 1997 г. // Российская газета. – 7 марта 1997.
12. Богатуров А.Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России // URL: <http://www.intertrends.ru/thirteen/005.htm>. (дата обращения: 02.02.2013).
13. Стамбульский документ 1999 г. URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39573?download=true> (дата обращения 14.06.2015).
14. Сообщение МИД РФ от 12 ноября 1999 г. //Дипломатический вестник. – Декабрь 1999 г.
15. Концепция внешней политики РФ 2000 г. // URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/25.html> (дата обращения 13.06.2015).
16. Концепция национальной безопасности 2000 г. // URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html> (дата обращения 13.06.2015).
17. Заявление Государственной Думы РФ «О ситуации в Грузии в связи с военным присутствием США на ее территории» // URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_32292.html (дата обращения 10.06.2015).
18. Караганов С.А. Внешняя политика: итоги и задачи // URL: <http://www.rg.ru/2005/01/12/karaganov.html> (дата обращения 25.05.2014).
19. Стенограмма заседания Госдумы РФ 04 октября 2006 г., № 183(897) <http://transcript.duma.gov.ru/node/840> (дата обращения 20.03.2015).

REFERENCES

1. Pljajs Ja.A. Theory and practice of foreign policy of modern Russia. [Teorija i praktika vneshnej politiki sovremennoj Rossii]. Available at: http://old.nasledie.ru/oboz/N11_97/11_4.html. (accessed 2 February 2013).
2. Foreign policy of the Russian Federation from 1992 to 1999. [Vneshnjaja politika Rossijskoj Federacii 1992-1999]. Moscow. Izd. MGIMO (U). 2000. 44 p. (in Russ.)
3. Pljajs Ja.A. The evolution of Russian foreign policy. [Jevoljucija vneshnej politiki Rossii]. Available at: http://www.rau.su/observer/N05_96/5_05.HTM (accessed 20 February).
4. The Russian authorities have engaged in Transnistria. [Rossijskie vlasti zanjalis' Pridnestrov'em]. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/4128?isSearch=True> (accessed 14 May 2014).
5. State archive of the Krasnodar region. [Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja]. Fond R-1843. *Inventory 1. Business* № 292. List. 122, 123. (in Russ.)
6. The main provisions of the concept of Russian foreign policy. [Osnovnye polozhenija koncepcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii]. Foreign policy and security of contemporary Russia. 1991-2002. Anthology in four volumes. compiled by T.A. Shakleina. T. IV. *Documents*. Moscow. 2002, p. 21. (in Russ.)
7. Kremenjuk V.A. The Foreign policy of Russia needs guidelines. [Vneshnej politike Rossii nuzhny orientiry]. *Nezavisimaja gazeta – Independent Newspaper*, 17 August 1993, p.3. (in Russ.)
8. Strategic course of Russia with the States – participants of the Commonwealth of Independent States. [Strategicheskij kurs Rossii s gosudarstvami – uchastnikami Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv]. Available at: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/%200e9272bfa34209743256c630042d1aa/4e3d23b880479224c325707a00310fad> (accessed 15 June 2015).
9. Linch A. The realism of Russia's foreign policy. [Realizm rossijskoj vneshnej politiki]. *Pro et Contra*. 2001. Vol. 6. № 4, p. 141. (in Russ.)
10. Primakov E.M. A multipolar world is on the horizon. [Na gorizonte mnogopoljusnyj mir]. *Nezavisimaya Gazeta - Independent Newspaper*, 22 October 1996, pp.3-4. (in Russ.)
11. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation from March 6, 1997. [Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii ot 6 marta 1997 g.]. *Rossijskaja gazeta – Russian Newspaper*. 7 March 1997, pp.5-6. (in Russ.)

12. Bogaturov A.D. Three generations of the foreign policy doctrine's of Russia. [Tri pokolenija vneshnepoliticheskikh doktrin Rossii]. Available at: <http://www.intertrends.ru/thirteen/005.htm>. (accessed 2 February 2013).
13. Istanbul document 1999. [Stambul'skij dokument 1999 g.]. Available at: <http://www.osce.org/ru/mc/39573?download=true> (accessed 14 June 2015).
14. The message of the Foreign Ministry of the Russian Federation of November 12, 1999. [Soobshhenie MID RF ot 12 nojabrja 1999 g.]. *Diplomaticheskij vestnik – Diplomatic Bulletin, December 1999*. (in Russ.)
15. The foreign policy concept of the Russian Federation 2000. [Konceptija vneshnej politiki RF 2000 g.]. Available at: <http://www.scrf.gov.ru/documents/25.html> (accessed 13 June 2015).
16. National security concept of 2000. [Konceptija nacional'noj bezopasnosti 2000 g.]. Available at: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html> (accessed 13 June 2015).
17. The statement of the State Duma of the Russian Federation "About the situation in Georgia in connection with the military presence of the USA in its territory". [Zajavlenie Gosudarstvennoj Dumy RF «O situacii v Gruzii v svjazi s voennym prisutstviem SShA na ee territorii»]. Available at: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_32292.html (accessed 10 June 2015).
18. Karaganov S.A. Foreign policy: results and problems. [Vneshnjaja politika: itogi i zadachi]. Available at: <http://www.rg.ru/2005/01/12/karaganov.html> (accessed 25 May 2014).
19. Transcript of the meeting of the State Duma on October 04, 2006, No. 183(897). [Stenogramma zasedanija Gosdumy RF 04 oktjabrja 2006 g.], N 183(897) Available at: <http://transcript.duma.gov.ru/node/840> (accessed 20.03.2015).

Информация об авторе

Махалкина Мария Александровна, Аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия

Получена: 28.07.2015

Information about the author

Makhalkina Mariya Aleksandrovna, Postgraduate student, Chair for New and Newest History and International Relations, Kuban State University, Krasnodar city, Russia

Received: 28.07.2015

УДК 94(73)

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-69-74

РУСИНОВ Александр Алексеевич,
аспирант кафедры всеобщей истории

RUSINOV Alexander Alekseyevich
Postgraduate student, Chair of General History

**«ЕДА КАК ОРУЖИЕ»: ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ И
СУЖДЕНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ О
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ АМЕРИКАНСКОЙ
АДМИНИСТРАЦИИ ПОМОЩИ В СОВЕТСКОЙ
РОССИИ**

**«FOOD AS A WEAPON»: ASSUMPTIONS AND
OPINIONS OF THE AMERICAN PRESS ON
THE POLITICAL PURPOSES OF THE
AMERICAN RELIEF ADMINISTRATION IN
SOVIET RUSSIA**

В данной статье рассматриваются взгляды различных американских изданий на русскую миссию Американской администрации помощи (1921–1923). В результате изучения материалов американской прессы был сделан вывод, что в некоторых изданиях высказывались мысли о том, что Американская администрация помощи могла организовать в России антисоветскую деятельность. Отношение к этому во многом зависело от политической направленности того или иного издания. Согласно данной статье, в американской прессе можно выделить три условные точки зрения на этот вопрос. По мнению коммунистов, Американская администрация помощи была намерена под прикрытием гуманитарной миссии организовать в Советской России прямую антисоветскую деятельность. Либеральные издания, как правило, предпочитали прежде всего ретранслировать страхи коммунистов, пытаясь тем самым выразить понимание их подозрительности по отношению к Американской администрации помощи. Антибольшевистские издания, если они рассматривали данный вопрос, в основном относились к возможной «антисоветской деятельности» положительно. Но, как правило, их интерпретация «антисоветской деятельности» Американской администрации помощи отличалась от интерпретации коммунистов. По мнению антибольшевистских публицистов, продовольственную помощь можно было либо использовать как орудие давления, либо она могла быть своеобразной непрямой агитацией против советской системы.

This article considers opinions of the various American newspapers about Russian mission of the American Relief Administration (1921 – 1923). Analysis of the materials of the American press enables to conclude that some of the American newspapers assumed that the American Relief Administration might organize anti-soviet activity in Russia. Attitude to this depended on political position of certain newspaper.

According to this article three points of view were represented in the American press. Communists were convinced that the American Relief Administration intended to organize anti-soviet activity in Russia. Most of the liberals preferred to show understanding of communists' suspicion to motives of the American Relief Administration. Most of the anti-bolshevik authors regarded positively to possible «anti-soviet activity». But their interpretation of «anti-soviet activity» distinguished from communists' interpretation. In their opinion food relief could be used by two ways. Some of anti-bolshevik authors considered food relief as instrument of pressure. Others supposed that food relief could be peculiar agitation against soviet system.

Ключевые слова: Американская администрация помощи, американская пресса, Герберт Гувер, голод 1921–1922 гг., США, Советская Россия.

Key words: American Relief Administration; American press; Herbert Hoover; the Russian famine of 1921-1922; USA; Soviet Russia

В 1921 г. Россия столкнулась с гуманитарной катастрофой, одним из главных элементов которой стал голод, принявший ужасающие масштабы. Активное участие в борьбе с голодом принимали и иностранные организации. Из них наиболее крупной, влиятельной и внесшей наибольший вклад в дело помощи голодающим являлась Американская администрация помощи (далее – АРА). Ее вклад был огромен: на пике активности американскую помощь ежедневно получало около 10,5 млн человек [1, р. 556–557]. Возглавлял эту организацию министр торговли США Герберт Гувер¹.

Тем не менее, данное сотрудничество вызывало в то время немало вопросов и спекуляций – отношения между Советской Россией и США были достаточно напряженными, что оказывало соответствующее влияние. Это проявлялось уже во время переговоров в Риге (август 1921 г.), где решалось, на каких условиях АРА предстоит работать в России. Как отмечал в разговоре с иностранными журналистами представитель советской стороны М.М. Литвинов², для переговоров были характерны «подозрительность с одной стороны и недостаток доверия с другой» [2; 3]. Подозрительность советской стороны к АРА сохранялась и после начала работы ор-

¹ Герберт Кларк Гувер – американский промышленник и государственный деятель, 31-й президент США (1929–1933). Возглавлял созданную в 1919 г. Американскую администрацию помощи, которая после Первой мировой войны оказывала продовольственную помощь европейским странам, а также принимала активное участие в борьбе с голодом в России в 1921–1923 гг.

² Максим Максимович Литвинов – советский дипломат. На тот момент – заместитель наркома по иностранным делам РСФСР.

ганизации в России – над ней был установлен надзор советских органов государственной безопасности [подробнее об этом: 4; 5]. В.И. Ленин указывал: «что касается "гуверовцев"¹, надо следить изо всех сил <...>; а худших из них <...> "ловить" и изловить, чтобы устроить скандал им. Тут нужна война жестокая, упорная» [6, с. 177–178]. Причина подобного отношения была высказана М.М. Литвиновым во время переговоров в Риге: «Еда – это оружие» [7, с. 41]. То есть, большевистское руководство опасалось того, что АРА могла организовать антисоветскую деятельность. Наличие этих опасений признавал и сам Г. Гувер, когда писал: «Собственно говоря, никто из коммунистов не испытывал ни малейших сомнений в том, что в нашей деятельности мы руководствовались злыми намерениями» [8, с. 26].

В этом контексте интересно проанализировать, как сами американцы того времени рассматривали русскую миссию Американской администрации помощи. Придавалось ли деятельности АРА большее значение, чем просто спасение голодающих от смерти? Рассматривалась ли гуманитарная помощь АРА как своеобразное оружие против большевиков?

Однозначно можно сказать, что утверждение об антисоветском характере АРА высказывалось в изданиях, сочувствовавших большевикам. Они открыто опасались, что АРА руководствовалась корыстными мотивами. Правящие круги США проявляли враждебность к Советской России, а руководитель АРА Г. Гувер являлся убежденным антикоммунистом – поэтому сочувствовавшие большевикам издания не могли без подозрений относиться к АРА. Естественно, они старались доказать обоснованность своих подозрений. И у них в рукаве был припрятан свой «козырь», который они активно использовали.

Весной 1921 г. в журнале «Уорлдс Уорк» была опубликована серия статей под общим названием «Останавливая красную волну». Ее автором был сотрудник АРА Т. Грегори. По утверждениям Т. Грегори, действия АРА сыграли важную роль в крушении Венгерской Советской Республики в 1919 г., а он сам был непосредственным участником этого предприятия [9; 10; 11]. В результате статьи Т. Грегори стали одним из важнейших элементов в риторике изданий, критиковавших Г. Гувера – для них это была настоящая находка. Когда высказывалось опасение, что АРА намерена организовать в России антисоветскую деятельность, неизбежно всплывала эта серия статей.

Так, на данный цикл статей обратило внимание социалистическое издание «Нью-Йорк Колл». Хотя в «Нью-Йорк Колл» и допускалось, что Грегори мог преувеличивать свою роль, издание все же полагало, что в общих чертах написанное было правдой. В связи с этим ставился вопрос – планировал ли Гувер реализовать венгерский сценарий в Советской России? Автор статьи склонялся к ответу «да». Тем не менее, в статье подчеркивалось, что Россия не Венгрия, и попытки организовать там контрреволюцию будут безуспешными благодаря работе ВЧК и сознательности рабочего класса России [12].

Издание Коммунистической партии Америки «Коммунист» также считало, что Г. Гувер планировал организовать в России контрреволюцию. Обосновывая это, издание ссылалось на Т. Грегори. Соответственно, оно призывало предпринять меры для того, чтобы воспрепятствовать этому. Во-первых, необходимо было вести просветительскую работу об истинных мотивах АРА. Во-вторых – вынудить Г. Гувера выступить с призывом к общественности за помощью для Советской России (расчет делался на отклик американского рабочего класса и, соответственно, усиление его внимания к работе АРА). Таким образом предполагалось усилить давление на Г. Гувера, благодаря чему ему было бы сложнее использовать гуманитарную миссию для организации антисоветской деятельности [13, с. 2–3].

Ряд либеральных изданий также ссылались на статьи Т. Грегори. Но, как правило, это использовалось ими, в первую очередь, для того, чтобы выразить понимание подозрительности советской стороны по отношению к Г. Гуверу и АРА. К примеру, журнал «Нэйшн» писал следующее: «Прискорбно, что даже к проектам по оказанию помощи приходится относиться с подозрением, но факты <...> делают эту осторожность необходимой. Недавно опубликованная статья бывшего представителя мистера Гувера в Венгрии (речь идет о Т. Грегори, прим.) фактически кичилась тем, что именно он подготовил заговор, в результате которого там был свергнут революционный режим. В таком случае, неудивительно, что американские рабочие организации формируют независимые комитеты по оказанию помощи» [14].

Журнал «Нью Рипаблик» также делал акцент на понимании мотивов советской стороны. Издание утверждало, что для большевиков сотрудничество с АРА «означает шаг, ради совершения которого пришлось переступить через себя и идти на риск» [15, с. 284]. Обосновывая это, «Нью Рипаблик» указывал: «Общеизвестно, что ранее мистер Гувер использовал силу еды для того, чтобы контролировать революции и свергать правительства советского типа, и все это

¹ Так В.И. Ленин условно обозначал сотрудников Американской администрации помощи.

происходило при одобрении американской общественности» [15, с. 284]. Впрочем, «Нью Рипаблик» не считал, что Г. Гувер был намерен организовывать в России антибольшевистскую деятельность. Вопрос о действиях АРА в Венгрии рассматривался не столько как доказательство ее недобрых намерений, сколько как препятствие для Г. Гувера на пути договоренности с советской стороной [16, с. 342].

Тем не менее, образу «еды как оружия против большевизма» придавался не только негативный смысл. Сторонники Г. Гувера так же иногда высказывали подобные идеи, придавая им уже положительное значение. Но и тут были различные варианты.

С одной стороны, продовольственную помощь можно было использовать как инструмент давления. Сторонники этого варианта указывали, что голод в России был результатом политики большевиков. Соответственно, они задавали вопрос: даже если помочь голодающим, где гарантии, что советское правительство не допустит еще одного подобного голода? В связи с этим существовало мнение, что лучшей помощью для России было бы отстранение большевиков от власти.

В качестве яркого примера можно привести журнал «Норт Американ Ревью». Данное издание считало, что поскольку главной причиной голода был коммунистический эксперимент, то самым лучшим вариантом была бы замена большевиков на «разумное, эффективное и честное правительство» [17]. По мнению «Норт Американ Ревью», США имели бы полное право отказывать Советской России в помощи до тех пор, пока там не сменится власть [17].

В принадлежащей Генри Форду¹ газете «Дирборн Индепендент» высказывалось неодобрение намерению АРА оказать Советской России продовольственную помощь: «Помощь будет использована для того, чтобы еще немного продлить правление большевиков, которые находятся на грани краха хотя бы потому, что они не могут посеять зерно, из которого будет сделан хлеб. Почему Соединенные Штаты должны быть заинтересованы в сохранении династии тьмы, умирающей из-за своей неспособности вырастить свой же хлеб, умирающей из-за своей собственной некомпетентности – понять не может никто» [18].

Также в качестве аналогичного примера можно привести письмо в редакцию «Нью-Йорк Трибьюн» за авторством человека по имени Джон Спарго. Автор письма соглашался с мнением о необходимости ликвидации советского режима. Впрочем, он не выступал против оказания помощи Советской России. Но, по его мнению, в ответ на призывы о помощи со стороны представителей Советской России можно было потребовать отставки большевиков и созыва Учредительного собрания, на котором будет определена будущая форма правления в России [19].

В свою очередь, был и другой вариант, согласно которому ослабить позиции советского режима должны были победа над голодом и улучшение жизни населения России. Кроме того, образцовая работа АРА должна была показать эффективность американского способа ведения дел, на фоне которой советская система была бы дискредитирована. В результате произошла бы либо ликвидация большевистского режима, либо его радикальная трансформация.

Фактически подобная идея принадлежала Г. Гуверу. Хотя и являясь убежденным антикоммунистом, он выступал против интервенции в Россию: по его мнению, военное вмешательство не соответствовало американским идеалам и означало большие риски, а также могло усугубить ситуацию и продлить агонию России. Он считал, что войну стоило начинать лишь в том случае, если большевики начнут военный поход на Запад с целью «экспорта революции» [1, с. 12–13]. Альтернатива заключалась в широком предоставлении гуманитарной помощи европейским государствам. Г. Гувер считал, что большевизм достигал успеха в тех странах, где царила нищета, вызванная несовершенством господствовавших там ранее политических и экономических систем и усугубленная Первой мировой войной. Соответственно, чтобы победить большевизм, нужно победить нищету и голод.

Таким образом, можно сказать, что Г. Гувер действительно преследовал определенные политические цели. Но они должны были быть достигнуты не под прикрытием, а посредством гуманитарной помощи. Как отмечал американский историк Бертран Патенауд: «При осмыслении мотивов Гувера ошибочно настаивать на противопоставлении гуманизма и антибольшевизма. Для Гувера, как и для Вильсона и большинства западных лидеров, большевизм был симптомом обрушившегося на людей бедствия; соответственно, борьба с большевизмом и была актом гуманизма» [7, с. 34].

¹ Генри Форд – видный американский промышленник и изобретатель. Основатель и владелец автомобилестроительной компании «Ford Motor Company».

Аналогичные идеи иногда высказывались и публично, в прессе. В качестве яркого примера можно привести газету «Нью-Йорк Трибьюн». В одной из статей газета вступала в полемику с изданиями, критиковавшими действия Г. Гувера. Правые критики утверждали, что помощь России позволит большевикам удержать власть, а поэтому необходимо включить в список условий предоставления помощи пункт о ликвидации советского режима. В ответ «Нью-Йорк Трибьюн» заявляла, что американская помощь может и ослабить позиции советского правительства: «Мы допускаем, что на данный момент только один или два процента русского народа поддерживает большевиков. Быть может, русские народные массы, если их жизнь станет менее тяжелой, смогут набраться сил для того, чтобы сбросить угнетающую их тиранию» [20]. Данное издание указывало, что миссия АРА все равно приведет к определенным политическим последствиям, вне зависимости от того, ставилась ли такая цель или нет: «Гуманитарные работники могут зашить себе рты, но сам их вид будет говорить: "Мы приехали из страны, политика которой отличается от вашей – и у нас изобилие"» [21, с. 14].

Газета «Вашингтон Геральд» также полагала, что победить большевизм можно с помощью благотворительности. Издание не считало, что на первом месте должно стоять уничтожение большевизма любыми средствами: «Есть мнение, что поскольку причиной голода является большевизм, то самый лучший способ лечения – устранение этой причины. Даже будучи логичным, это не заслуживает похвалы. Еда, которая бы пошла оккупационной армии, посланной, чтобы уничтожать жизнь, спасет от гибели многие тысячи жизней» [22]. «Вашингтон Геральд» утверждала, что помощь принесет больше плодов, чем попытка свержения большевиков путем военной интервенции или поддержки антисоветских сил. Более того, по мнению издания, «использование в политических делах духа христианского милосердия уничтожит философию силы» [23].

О надежде на пропагандистский эффект гуманитарной миссии АРА в России отмечала газета «Уикли Джорнал-Майнер»: «Существует много высказываний о том, что деятельность гуманитарных работников в России дала бы людям возможность сравнить результаты, которых достигли коммунистическое правительство и эти так называемые капиталистические правительства» [24].

Также подобное отмечала газета «Ивнинг Стар». Как указывало издание, хотя в прессе в основном отрицалось наличие у АРА политических целей в России, все же в ряде газет и журналов высказывались утверждения о том, что вместе с пайками людям могут быть предоставлены и «полезные идеи». Впрочем, «Ивнинг Стар» отмечала, что в основном этот аспект игнорировался, а акцент делался в первую очередь на том, что долг Америки – помочь людям и смягчить их страдания, за которые ответственна политика большевиков [25].

Приведенные выше материалы позволяют сказать, что в американских газетах и журналах действительно высказывались идеи об использовании гуманитарной помощи как оружия против большевиков. Этот образ принимал разные формы – причем можно отметить, что его форма во многом зависела от политической направленности издания. Социалисты и коммунисты считали, что АРА будет заниматься антисоветской деятельностью в прямом смысле, а именно – налаживать контакты с контрреволюционерами, снабжать их и т.д. Либералы в первую очередь ретранслировали соответствующие опасения большевиков и им сочувствующих. Что касается антибольшевистски настроенных изданий, то для них была характерна своя специфика. Обычно там подчеркивалось, что деятельность АРА не носит политический характер, но, как показывают источники, идея достижения политических целей посредством гуманитарной помощи там все же высказывалась. Методы достижения этих целей варьировались: продовольственная помощь могла быть орудием давления; либо же поставленные цели были бы достигнуты посредством позитивного опыта контакта России и Америки. Второй вариант представляет больший интерес, поскольку он предполагал использование неополитических и ненасильственных методов. По своей сути, данная идея во многом перекликается с существующей в современной политологии концепцией «мягкой силы»¹, что демонстрируют слова руководителя самарского отдела АРА Уильяма Шафрота: «В России до голода Америка была синонимом эффективности, скорости и качества. Когда в России хотят, чтобы что-то было сделано быстро и аккуратно, то говорят, что это должно быть сделано "по-американски". Теперь в серд-

¹ «Мягкая сила» – форма политической власти, при которой поставленные цели достигаются посредством культурных, политических и идеологических ценностей, основана на симпатии и привлекательности. Термин ввел американский политолог Джозеф Най.

цах русских людей Америка также значит бескорыстную помощь и щедрость. Можно ли найти лучшую основу для крепкой дружбы?» [26].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Fisher H.H. The Famine in Soviet Russia. The Operations of the American Relief Administration. – New York, 1927. – 609 p.
2. Hoover Rejects Red Control of U.S. Supplies // New York Tribune. – August 17. – 1921. – P. 2.
3. Litvinoff Says Distrust Delays Relief of Famine // The Washington Herald. – August 18. – 1921. – P. 1.
4. Макаров В.Г., Христофоров В.С. Новые данные о деятельности Американской администрации помощи (АРА) в России // Новая и новейшая история. – 2006. – № 5. – С. 230-243.
5. Макаров В.Г., Христофоров В.С. Гангстеры и филантропы. АРА под зорким наблюдением чекистов // Родина. – 2006. – № 8. – С. 79-85.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1970. – 546 с.
7. Patenaude B.M. The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. – Stanford, 2002. – 817 p.
8. Hoover H.C. The Memoirs of Herbert Hoover: The Cabinet and the Presidency, 1920–1933. The Macmillan Company. – New York, 1952. – 405 p.
9. Gregory T.T.C. Stemming the Red Tide // World's Work. Vol. XLI. – No. 6. – April 1921. – P. 608–613.
10. Gregory T.T.C. Stemming the Red Tide // World's Work. Vol. XLII. – No. 1. – May 1921. – P. 95–100.
11. Gregory T.T.C. Overthrowing a Red Regime // World's Work. Vol. XLII. – No. 2. – June 1921. – P. 153–164.
12. Freeman A.C. Is Hoover Bringing Russia Food or Reaction? // New York Call Magazine. – August 7. – 1921. – P. 1, 11.
13. Nelson R.B. Russia's Hour of Need // The Communist. Vol. 1. – No. 3. – September 1921. – P. 1-4.
14. The Nation. Vol. CXIII. – No. 2929. – August 24. – 1921. – P. 187.
15. The Russian Famine // The New Republic. Vol. XXVII. – No. 349. – August 10. – 1921. – P. 283-284.
16. America and Russia // The New Republic. Vol. XXVII. – No. 351. – August 24. – 1921. – P. 341-343.
17. The North American Review. Vol. CCXIV. – September 1921. – P. 421.
18. Is Mr. Hoover Being Fooled // Dearborn Independent. – August 13. – 1921. – P. 4.
19. Russia's Way Out // New York Tribune. – December 13. – 1921. – P. 14.
20. The Russian Relief // New York Tribune. – July 28. – 1921. – P. 10.
21. What Will Hoover Do to Russia? // The Literary Digest. Vol. LXX. – No. 10. – September 3. – 1921. – P. 14-16.
22. Russian Famine // The Washington Herald. – August 20. – 1921. – P. 4.
23. Demobilize Russians // The Washington Herald. Weekly Review. – August 07. – 1921. – P. 10.
24. Feeding the Russians // Weekly Journal-Miner. – August 24. – 1921. – P. 4.
25. Bread and Bolshevism // Evening Star. – August 13. – 1921. – P. 4.
26. Shafroth W. The Fact-Story of the Russian Famine // The Evening World. – July 25. – 1922. – P. 24.

REFERENCES

1. Fisher H.H. The Famine in Soviet Russia. The Operations of the American Relief Administration. New York, 1927. 609 p.
2. Hoover Rejects Red Control of U.S. Supplies. New York Tribune, August 17, 1921, p. 2.
3. Litvinoff Says Distrust Delays Relief of Famine. The Washington Herald, August 18, 1921, p. 1.
4. Makarov V.G., Khristoforov V.S. New facts on the activity of the American Relief Administration (ARA) in Russia [Novye dannye o deyatelnosti Amerikanskoy administratsii pomoshchi (ARA) v Rossii]. Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History, 2006, no. 5, pp. 230-243. (in Russ.)
5. Makarov V.G., Khristoforov V.S. Gangsters and Philanthropists. ARA under observant supervision of Chekists [Gangstery i filantropy. ARA pod zorkim nablyudeniem chekistov]. Rodina – Homeland, 2006, no. 8, pp. 79-85. (in Russ.)
6. Lenin V.I. Full collection of works [Polnoe sobranie sochineniy]. Moscow, 1970. T. 53. 546 p. (in Russ.)
7. Patenaude B.M. The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford, 2002. 817 p.
8. Hoover H.C. The Memoirs of Herbert Hoover: The Cabinet and the Presidency, 1920–1933. The Macmillan Company. New York, 1952. 405 p.
9. Gregory T.T.C. Stemming the Red Tide. World's Work, vol. 41, no. 6, April 1921, pp. 608-613.
10. Gregory T.T.C. Stemming the Red Tide. World's Work, vol. 42, no. 1, May 1921, pp. 95-100.
11. Gregory T.T.C. Overthrowing a Red Regime. World's Work, vol. 42, no. 2, June 1921, pp. 153-164.
12. Freeman A.C. Is Hoover Bringing Russia Food or Reaction? New York Call Magazine, August 7, 1921, p. 1, 11.
13. Nelson R.B. Russia's Hour of Need. The Communist, vol. 1, no. 3, September 1921, pp. 1-4.
14. The Nation, vol. 113, no. 2929, August 24, 1921, p. 187.
15. The Russian Famine. The New Republic, vol. 27, no. 349, August 10, 1921, pp. 283-284.
16. America and Russia. The New Republic, vol. 27, no. 351, August 24, 1921, pp. 341-343.
17. The North American Review. vol. 214, September 1921, p. 421.
18. Is Mr. Hoover Being Fooled. Dearborn Independent, August 13, 1921, p. 4.
19. Russia's Way Out. New York Tribune, December 13, 1921, p. 14.
20. The Russian Relief. New York Tribune, July 28, 1921, p. 10.
21. What Will Hoover Do to Russia? The Literary Digest, vol. 70, no. 10, September 3, 1921, pp. 14-16.

22. Russian Famine. The Washington Herald, August 20, 1921, p. 4.
23. Demobilize Russians. The Washington Herald. Weekly Review. August 07, 1921, p. 10.
24. Feeding the Russians. Weekly Journal-Miner, August 24, 1921, p. 4.
25. Bread and Bolshevism. Evening Star, August 13, 1921, p. 4.
26. *Shafroth W.* The Fact-Story of the Russian Famine. The Evening World, July 25, 1922, p. 24.

Информация об авторе

Русинов Александр Алексеевич, аспирант кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия
aleksand-rusinov@yandex.ru

Получена: 18.04.2015

Information about the author

Rusinov Alexander Alekseyevich, Postgraduate student, Chair of General History, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl city, Russian
aleksand-rusinov@yandex.ru

Received: 18.04.2015

УДК 261.7

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-75-78

СТРАХОВА Ирина Александровна,
кандидат исторических наук

STRAKHOVA Irina Aleksandrovna,
candidate of historical Sciences

**ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ И ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА
В 1918-1922 ГГ. (НА ТЕРРИТОРИИ
СОВРЕМЕННОЙ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**INTERRELATION OF STATE POWER AND
ORTHODOX CLERGY IN THE PERIOD 1917-
1920 (ON TERRITORY OF THE MODERN
BELGOROD AREA)**

В статье рассматривается положение православного духовенства на территории Белгородчины в 1917–1920 гг., когда в условиях новой социально-политической и экономической ситуации советская власть контролировала деятельность духовенства, ограничивала его в правах, ликвидировались дореволюционные привилегии для духовенства и церковные земли передавались в общественное пользование, чем подрывалась экономическая основа церкви и ухудшалось материальное положение священников. Также в данной статье показаны кризисные тенденции в жизни духовенства, возникшие в ходе реализации советской властью Декретов СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (1918 г.), «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918 г.), «Положения о создании общин» (1919 г.), а также в период изъятия церковных ценностей в 1922 г. Исследование этой проблемы показало, что советское правительство ограничивало права духовенства, его гражданские свободы, а также ослабляло экономическую основу русской православной церкви и материальное положение священнослужителей. Но, несмотря на это, православное духовенство старалось найти компромисс при создании новой модели государственно-церковных отношений после октября 1917 г.

The article discusses the position of the Orthodox clergy in the territory of Belgorod in 1917–1920, when in the new socio-political and economic situation, the Soviet authorities monitor the activities of the clergy, has limited his rights when liquidated prerevolutionary privilege for the clergy, and church lands transferred to public use than undermined the economic foundation of the church and the deteriorating financial situation of the priests. Also the article highlights recessionary trends in the life of priesthood arose when the Soviet power implemented decrees «On Freedom of Worship, church and religious societies» (1918), "On the separation of church and state and school from church" (1918), «Enactment of establishment of communities» (1919) as well as in the period of expropriation of church valuables in 1922. The analysis of this issue showed that the Soviet government restricted rights of priesthood, its civil rights and weakened the economic base of the Russian orthodox church and its priesthood financial status. But despite of everything, the orthodox priesthood sought a compromise in creating a new model of relationships between and government and the church after 1917.

Ключевые слова: духовенство, государство, Церковь, советская власть, государственно-церковные отношения, Белгородская область.

Key words: priesthood, state, the Church, soviet power, state-church relations, Belgorod region

Сегодня духовенство на территории современной Белгородской области активно и открыто способствует приобщению верующих к богатому религиозно-культурному наследию православия, а местная власть тесно сотрудничает с представителями церковной иерархии. Рассмотрим период 1917–1920 гг., когда на Белгородской земле сформировалась новая модель государственно-церковных отношений.

20 января (2 февраля) 1918 г. был издан Декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» [6, с. 4], который вступил в силу в 1920 г. Многие документы периода 1917–1920 гг. были утрачены, причиной чего являлась безнадзорность архивов в период революции, преднамеренное уничтожение документов во время гражданской войны при смене властей.

Советская власть на территории современной Белгородской области проводила активную агитацию среди крестьянского населения по реализации Декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Для результативности реализации декрета представителям власти в этот период необходимо было быть осмотрительными и не оскорблять религиозные чувства верующих. В 1919 г. отделом Управления НКВД было детально разработано «Положение о создании общин» (1919 г.) [1, Л. 202]. Из него следует, что советская власть создавала строгие рамки для существования православных приходов и существенно ограничивала права духовенства, их влияние на население. Фактически духовенство стало подчиняться советским структурам и существовать в определенных законодательством условиях.

Благочинным округов Белгородского уезда рассылались Декрет и Положение о создании общин с предложением немедленно распорядиться о снабжении причтов церковей округа Декретом для беспрекословного исполнения и проведения его в жизнь в необходимые сроки.

В Отдел Управления НКВД необходимо было предоставить такие документы, как: заявление о регистрации, устав, договор, списки служителей культа, опись имущества, переданного по договору, список исполнительного органа и список членов религиозного общества для того, чтобы зарегистрировать общину. При этом устав должен быть составлен общиной с указанием лишения ее прав юридического лица и отдельно утвержден Отделом Управления НКВД. Многие уставы были отклонены в связи с неточными формулировками. Отдел Управления НКВД разъ-

яснял, что ввиду отделения церкви от государства все документы, выдаваемые служителями религиозных культов, считаются документами частного характера, не имеющими законной силы; взимание православным духовенством каких-либо сборов категорически запрещается; епархиальные советы должны были быть закрыты как незаконно действующие, а имущество их поступало в распоряжение реквизиционной Губкомиссии; причем отмечалось, что в случае невыполнения виновные привлекались к строжайшей ответственности [1, Л. 56].

Архивные документы дают свидетельства о том, что каждый договор должны были подписать не менее 50 членов религиозной общины. Если какие-либо граждане отказывались подписывать договоры, к подписям привлекалось духовенство, и в случае отказа последних сообщалось о них Курской Губчека как об антисоветских агитаторах [1, Л. 76].

Отдел Управления предлагал всем религиозным общинам в краткий срок составить подробные инвентарные описи церковного имущества, которые должны были быть подписаны церковно-приходским советом и проверены на местах председателями сельсоветов. В том случае, если приходские советы отказывались предоставлять старые церковные описи, виновные привлекались к судебной ответственности в уголовном порядке [1, Л. 170].

В «Положении о создании общин» указывалось, что религиозная община могла существовать на положении частных обществ и союзов, поскольку деятельность их ограничивалась узкими рамками церковности и выражалась в установлении внутреннего порядка церковной жизни, в устройстве хозяйственной части, в добровольных складчинах на создание причта и церкви и обсуждении вопросов веры и церковной жизни.

Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918 г.) [1, Л. 32.] отделял землю, церковные здания, землю и лишал духовенство денежного жалования от государства. Некоторые из церквей испытывали крайнюю нужду не только в богослужебной утвари, но и в обеспечении клира, в качестве примера можно привести Клировую ведомость Космо-Домианской Церкви села Нижних-Апочек Старо-Оскольского уезда Курской епархии за 1922 г. [2, Л. 9-11].

В первых числах мая 1921 г. проведение в жизнь декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», регистрация и отсылка документов по всему Белгородскому уезду была закончена. Этим Декретом советское правительство на законодательном уровне лишило Русскую Православную церковь прав юридического лица и большей части материального имущества.

Еще одной проблемой в жизни духовенства являлось изъятие церковных ценностей. В Курске была создана губернская комиссия по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим (Губпомгол). В Белгороде соответственно действовала уездная подкомиссия Помгола [6, с. 216]. 17 марта 1922 г. Л.Д. Троцкий внес предложение об активизации работ по изъятию церковных ценностей в центре и губерниях. «...1) в центре и губерниях создать секретные руководящие комиссии по изъятию ценностей по типу московской комиссии Сапронова-Уншлихта. Во все эти комиссии должен непременно входить либо секретарь Губкома, либо заведующий агитпроп. отделом....» [8, с. 85].

Советская власть возлагала большие надежды на изъятие ценности из церквей, предполагая ими исправить свои финансовые проблемы. Как показывают архивные данные, реально объем ценностей оказался намного меньше ожидаемого. Для большевиков казалось очевидным укрывательство священнослужителями наиболее ценных предметов, находящихся в храмах. Появился ряд доносов, в которых говорилось: «Фракции УИК необходимо выяснить всех попов и председателей общин у которых в описи не было указано золотых и серебряных вещей... и предать виновных суду за укрывательство, настоять на немедленном разборе» [3, Л. 47]. Для того чтобы не возникало подобных недоразумений, составлялись заявления в белгородскую уездную Подкомиссию по изъятию церковных ценностей от Церковных Советов: «Сим заявлением, что инвентарной описи при нашей церкви имущества и предметов до 1919 г., когда была составлена особая опись, раньше не велась и вновь избранный Церковный Совет принимал все имущество с натуры» [3, Л. 62].

Отсутствие описей объяснялось и другими причинами. Один из священников писал: «Довожу до сведения Комиссии, что книга описи церковного имущества Николаевской церкви Д. Игумновой Белгородского уезда взята у меня при ограблении вместе с деньгами каким то отрядом, при отступлении Красной Армии вступившим отрядом белых в 1919 г., а потому опись церковного имущества была составлена по имеющимся на лицо предметам» [3, Л. 79].

Рассмотрев вышеизложенные документы, можно сделать вывод, что духовенство Православной Церкви на местах оказалось в непростой ситуации: с одной стороны, правительство требовало выдачу ценностей и тут же обвиняло их в укрывательстве, с другой – доносы и ограбления. Необходимо было для сохранения жизни храма находить правильный выход из

сложившейся ситуации. Одни священники видели его в мученической кончине, другие – в обновленческом движении, третьи – в предательстве.

Параллельно с указом об изъятии церковных ценностей советским правительством намечалось «строго секретно» подготовить неделю агитации в Москве [7, с. 86]. Отголоски данной операции были слышны и в Белгородском уезде. Пресса стала активным участником недели агитации. Но самым главным для советской власти были слова, произнесенные самими священнослужителями в проповедях к своей пастве. Под нажимом пришедшей власти священники находили подобные аналогии: «...христианские общины в первобытное время за церковные ценности выкупали из рабства своих братьев ... это необходимо сделать и теперь», проповедь была произнесена 7 марта 1922 г. священником Преображенской церкви Малогриловым А. [3, Л. 114]. Полностью доверяя своему духовному руководителю и веря в то, что средства пойдут на помощь голодающим в Поволжье, прихожане храма не видели смысла в сопротивлении и с полной покорностью подчинялись декретам советского государства. Следуя указаниям ЦК Помгола, каждая церковь должна была избрать своих представителей в количестве пяти человек, которые присутствовали при изъятии ценностей [3, Л. 108].

С началом процесса изъятия церковных ценностей на белгородской земле возрастает бандитизм, начинаются многократные нападения на храмы. При пропаже имущества власть видела виновником главу прихода – священника, с которого спрашивалось со всей строгостью как допустившего подобное противозаконное действие [3, Л. 82].

В данной ситуации церковной общине непросто было сохранить имущество от незаконного изъятия и священнослужителей от несправедливого обвинения. Чиновники, имея в своих руках неограниченную власть, могли осуществлять различные наказания для верующих. Очень часто ложные обвинения принимались за правду, и тогда приходил конец существованию прихода. Уничтожались не только материальные ценности, но и духовенство, несправедливо обвиняемое в укрывательстве ценностей и неподчинении существующей власти.

Другой особенностью этого процесса являлось то, что выданные самим правительством большевиков охранные грамоты, в которых говорилось, что «...имущество, принадлежащее Белгородскому Рождество-Богородицкому женскому монастырю и состоящее на учете и в ведении Главмузея, согласно декрета, от 23 января 1918 г. инструкции Народного Комиссариата Юстиции от 30-го августа 1918 г. ...реквизиции не подлежат и никаких изъятий и использования не могут быть проведены без разрешения на то Главмузея или его Губернского органа» [3, Л. 89], не действовали. Чтобы сохранить предметы, имеющие искусствоведческую ценность, от безжалостного истребления, духовенство ссылалось на охранные грамоты, но процесс изъятия ценностей продолжался.

Важно отметить, что в Белгородском уезде не обошлось без сопротивления изъятию ценностей из церквей: «Мы граждане слободы Стрелицы собравшись на сход 11 мая 1922 года, заслушав Доклад тов. Островской и Шевцова о голоде Поволжья и изъятии церковных ценностей. Считаем себя глубоко виновными перед умирающим с голоду Поволжанскими крестьянами и рабочими тем, что допустили сопротивление по изъятию ценностей этим замедлили спасение человеческих жизней считаем на своей совести десятки безвинно погибших от голодной смерти спасение которых от нас зависело, а также признаем свою вину пред всей Советской властью за то, что воспротивились такому справедливому и человеколюбивому постановлению Центральной власти...» [5, Л. 5].

Советская власть пыталась в полной мере использовать духовенство в своих целях: «...Комиссия начала свою работу в первых числах апреля месяца. Первоначальная подготовительная работа Комиссии выразилась в планомерном дипломатическом подходе к каждому отдельному религиозному культу, дабы не затронуть религиозные чувства несознательных групп верующих своей работой и безболезненно изъять излишние ценности их культов» [4, Л. 9].

Применялись такие формы, как групповые совещания священнослужителей и церковных старост с их инвентарными книгами, судя по которым было предложено добровольно сдать излишние ценности. Группой священнослужителей был организован выпуск воззвания к верующему населению о необходимости беспрепятственной сдачи излишних ценностей в комиссию. Все поступившие ценности были сданы в УФИНОТДЕЛ для направления в ЦК для помощи голодающим, а сдавшим ценности представителям духовенства были выданы копии актов с описями принятых ценностей. «Работа по изъятию ценностей прошла удовлетворительно и открытого волнения среди верующего населения не наблюдалось. Хищений изъятых ценностей не было» [4, Л. 9].

Данный документ представляет собой типичную картину процесса изъятия церковных ценностей на территории Белгородской области. Многие священнослужители отдавали ценности без сопротивления, другие, несмотря ни на что, игнорировали действия власти. В сельских храмах большую часть изъятых составляло серебро и серебряные монеты.

Многие исследователи сходятся во мнении, что голод в Поволжье был удобным способом расколоть и впоследствии уничтожить православную церковь. Это мнение подтверждается архивными документами – запиской Л.Д. Троцкого: «...Вся стратегия наша в данный период должна быть рассчитана на раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятие ценностей из церквей» [8, с. 83].

В заключение следует отметить, что духовенство старалось найти компромисс в решении проблем с государством. Несмотря на то, что советское руководство стремилось ослабить экономическую основу церкви, уничтожить ее как социальный институт, духовенство пыталось сохранить веру, церковь, традиционную православную культуру.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Белгородской области (далее ГАБО), ф. Р-426, оп. 1, д. 1.
2. ГАБО, ф. Ф-132 Клировые ведомости, оп. 1, д. 4.
3. ГАБО, ф. Р-379, оп. 1, д. 56.
4. ГАБО, ф. Р-428, оп. 1, д. 46.
5. ГАБО, ф. Р-429, оп. 1, д. 74.
6. *Протоиерей Владислав Цыпин*. История Русской Православной церкви 1917–1990 / Протоиерей Владислав Цыпин. – М.: Хроника, 1994.
7. *Протоиерей Олег Кобец, А.Н. Крупенков, Н.Ф. Крупенков*. История Белгородской епархии. Белгородская и Старооскольская епархия, 2006.
8. Русская Православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Издательство Библийско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996.

REFERENCES

1. State Archive of the Belgorod region, Fund P-426, Inventory 1, File 1, farther SABR, F. P-426, Inv. 1, F. 1.
2. SABR, F. Ф-132 Kirovye Gazette, Inv. 1, F. 4.
3. SABR, F. P-379, Inv. 1, F. 56.
4. SABR, F. P-428, Inv. 1, F. 46.
5. SABR, F. P-429, Inv. 1, F. 74.
6. *Archpriest Vladislav Tsypin*. The history of the Russian Orthodox Church 1917-1990 [Istoriya Russkoy Pravoslavnoy tserkvi 1917-1990]. Archpriest Vladislav Tsypin. Moscow: Publishing House «Chronicle», 1994. (in Russ.)
7. *Archpriest Oleg Kobets, A.N. Krupenkov, N.F. Krupenkov*. History of the Diocese of Belgorod [Istoriya Belgorodskoy eparkhii]. Diocese of Belgorod and Sary Oskol, 2006. (in Russ.)
8. Russian Orthodox Church and the communist state. 1917–1941. Documents and photographs. Moscow: Publisher's Biblical Theological Institute of St. Apostle Andrew, 1996. (in Russ.)

Информация об авторе

Страхова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»), кафедра философии и теологии НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия,

Получена: 07.09.2015

Information about the author

Strakhova Irina Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University (NRU «Bel-SU»), the Chair of Philosophy and of Theology of BSU, Belgorod city, Russia

Received: 07.09.2015

УДК 17.00.01

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-79-86

ХУДЯКОВА Марина Ивановна
Российский университет театрального искусства –
ГИТИС

KHUDIAKOVA Maryna. Ivanovna,
Russian University of Dramatic Art – GITIS

ТРАДИЦИИ АВАНГАРДА В СПЕКТАКЛЯХ КРИСТОФА МАРТАЛЕРА

TRADITIONS OF AVANT-GARDE SHOWN IN THE PERFORMANCES BY CHRISTOPH MARTHALER

Цель данной статьи – проанализировать, как в творчестве современного швейцарского режиссера Кристофа Марталера проявляются традиции и формы театрального авангарда, в частности экспрессионизма и дадаизма, а также элементы театра абсурда.

В статье проведен театроведческий анализ таких спектаклей Кристофа Марталера швейцарского периода, как «Пики вверх, пики вниз, вперед!», «Действительно», «Фауст. Субъективная трагедия», «Блюз XX века», которые позволяют судить о его творческой индивидуальности, взглядах на мир и отражении различных проблем времени. Также эти спектакли считаются одними из успешных швейцарских театральных постановок Марталера, в которых в полной мере прослеживается уникальность его режиссерского почерка. Выявлена центральная тема каждого спектакля, которая заключается в размышлениях режиссера об одиночестве современного человека, а обращение к формам авангарда трансформирует эти размышления в сценическую игру.

The purpose of this paper was examining the way traditions and forms of avant-garde in dramatic art, in particular Expressionism and Dada, as well as elements typical of the Theater of the Absurd, have manifested themselves in the work pieces by the contemporary stage director from Switzerland Christoph Marthaler.

The paper carried out a theater expert review of Christoph Marthaler's performances of the Swiss period, as «Stägeli uf, Stägeli ab, juhee!», «Indeed», «Faust. Ein subjektive Tragödie», «XX Century' Blues», that enabled the spectator's judging from the creative personality of Marthaler, his outlook on the world and reflection of various issues of time. These performances were also considered to be of the most successful Marthaler' performances in Switzerland having fully traced his unique stage director' style. The study revealed the mainstream topic of each performance, which consisted of director's reflections about loneliness of a contemporary human being, and reference to avant-garde' forms converted these reflections into the stage play.

Ключевые слова: театральный авангард, экспрессионизм, театр абсурда, дадаизм, Кристоф Марталер.

Key words: avant-garde in stage performance, Expressionism, Theater of the Absurd, Dada, Christoph Marthaler.

Статья посвящена швейцарскому режиссеру Кристофу Марталеру, который в течение более двух десятилетий не только продемонстрировал особенности национального театрального искусства, но и занял видное место в европейском театре этого периода. Режиссерский почерк Марталера отличается соединением различных традиций и принципов театрального искусства XX в., широким спектром выбора текстов для постановки, используя приемы смежных искусств.

Целью данной статьи является рассмотрение тех режиссерских работ Марталера, которые наиболее ярко и последовательно характеризуют его режиссерский метод и принципы обращения к различным традициям, в первую очередь, к практике и программам театрального авангарда. Для достижения заявленной цели приводятся описание и анализ тех спектаклей, в которых режиссер, стремясь донести до зрителя свой взгляд на проблемы современности, обращается к радикальным художественным направлениям, сочетая авангардные приемы с традиционными, предлагая собственную концепцию театрального времени и сценического пространства.

Марталер родился в 1951 г. в городе Эрленбах, кантон Цюрих. Его детство прошло в Швейцарии, среди дикой горной природы, в подростковом возрасте он переехал в Цюрих. Здесь родители Кристофа Марталера управляли студенческим общежитием, живя в котором будущий режиссер познакомился с людьми, ставшими впоследствии его соратниками на театральном поприще.

У Кристофа Марталера с раннего возраста проявилась любовь к музыке. Он учился играть на гобое, флейте и оригинальных инструментах XIV–XVIII вв. Благодаря своим музыкальным способностям он много подрабатывал в студенческих клубах, прежде чем в конце 60-х гг. уехал учиться в Париж к Жаку Лекоку.

В Париже будущий режиссер осознал свою принадлежность к швейцарской истории, государству и национальной культуре. Как утверждает ведущий швейцарский германист, ученый и литературный критик Петер фон Матт, «дистанция по отношению к отечеству, похоже, для многих авторов играет роль некоего оптического инструмента, который позволяет отчетливее увидеть пространство, где они родились» [4, с. 94]. Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что Кристоф Марталер относится к такому типу творческих личностей: ведь только за границей режиссер понял, что он до мозга костей швейцарец. Также этот факт существенно повлиял на европейское признание Марталера, как режиссера из Швейцарии, ибо его постановки в немецких театрах и участие в Зальцбургском фестивале обозначили его принадлежность к наиболее радикальным тенденциям в современном европейском театре, что не исключало присутствия в его спектаклях примет гелльветического взгляда на жизнь.

В Париже Марталер расширил круг своих знакомств, в частности познакомился со спектаклями Роберта Уилсона (в дальнейшем некоторые принципы уилсоновского театра повлияли на марталеровскую сценическую идею «медлительности» – «Langsamkeit»).

После возвращения в Швейцарию Марталер работал в передвижном цирке «Балаган» Петера Брогеля, а затем зарабатывал на жизнь в качестве театрального музыканта в цюрихском Ноймаркт-театре (Theater am Neumarkt) под руководством Хорста Цанкля, одновременно проходя актерскую практику на свободных экспериментальных площадках.

В середине 70-х гг. Кристоф Марталер с друзьями организовал музыкальную группу «Таро», которая пародировала французские и итальянские народные песни, а гавайские песни исполнялись в купальных шапочках и очках. Это были концерты, выдержанные в лучших традициях музыкальных кабаре и мюзик-холла. В эти представления включались пантомимические эпизоды, сопровождавшиеся самой разнообразной музыкой – от Эрика Сати до Джона Милтона Кейджа.

В 80-х гг. Марталер начал создавать самостоятельные театрально-музыкальные постановки, среди которых его первым театральным проектом стал перформанс «Действительно» («Indeed»), поставленный в 1980 г. на сцене альтернативного культурного центра г. Цюриха «Красная Фабрика» («Rote Fabrik»). В 1988 г. Марталер был приглашен Франком Баумбауэром в театр Базеля, в котором окончательно выработался его собственный режиссерский стиль. В этом театре Кристоф Марталер познакомился со своими будущими соратниками – сценографом Анной Фиброк и драматургом Стефанией Карп, с которыми он образовал настоящую творческую команду.

Первой работой Марталера в театре Базеля стало театральное обозрение под труднопереводимым названием «Stägeli uf, Stägeli ab, juhee!» («Пики вверх, пики вниз, вперед!») (1990), сыгранное в буфете на Базель-Бадишен-Банхоф и посвященное 700-летию образования Швейцарской Конфедерации, ведущей свою историю от «Клятвы на Рютли» 1 августа 1290 г.

Уже в этом представлении проявились особенности режиссерской манеры Марталера: выбор нетрадиционного помещения, монтаж различных текстов и дробление на эпизоды, а также использование приемов авангарда 20-х гг., прежде всего дадаистских, что вполне объяснимо, так как именно в Швейцарии возникли первые манифесты и первые опыты дадаистов, которые на современном языке можно обозначить как перформансы с элементами алогизма и абсурда.

Спектакль, посвященный национальному юбилею, подтвердил приверженность Марталера приемам театрального авангарда, наследование формам и традициям цюрихского «Кабаре Вольтер». Дадаистская программа достаточно эклектична, но в период Первой мировой войны театрализованный цинизм и ставшее основой представлений разрушение всех норм во всех видах искусства оказались своевременными и уместными, несмотря на эпатаж и расшатывание традиционного понимания границ художественности. Характерно, что подобное явление возникло именно в нейтральной Швейцарии, деятели искусства которой имели возможность оценить происходящее на европейском континенте со стороны, не стремясь заметить трагизм событий, а считая все, что случилось, злым и глупой игрой, над которой можно посмеяться. Этот циничный смех дадаистов был и своеобразным способом бегства, ухода от отчаянных жалоб, свойственных другому направлению, возникшему в тот же период, – экспрессионизму. Дадаисты на свой лад иллюстрировали недавний лозунг известного кабаре Берлина «Пропади все пропадом». Участники дадаистских эскапад в своих перформансах сумели показать всю бессмысленность современных им событий: Гуго Балль, Тристан Тцара, Гастон Арп, Марсель Янко и Рихард Гюльзенбек, читая отрывки стихов, как своих, так и принадлежащих классикам (которые они вызывающе коверкали), забрасывая зрителей кусочками бумаги с буквами, не складывающимися в слова, поливая пол краской, выстукивая синкопированную мелодию на пустом ведре, предлагали соотечественникам забыть о страданиях европейцев, жить сегодняшним днем, придумывая и демонстрируя новые нелепости и издевательства над здравым смыслом. Дадаисты имели собственную программу, хотя последовательно их идеи не были зафиксированы. Однако очевидно, что все положения поэтики и эстетики прошлого (от Аристотеля до Гумбольдта) темпераментно опровергались. Естественно не признавались никакие каноны и нормы, и в дадаистских опытах царили цинизм, разочарованность и вызов какой-либо логике и рациональности. Как показало дальнейшее развитие подобных идей, в подтексте всех этих циничных и просто хулиганских действий присутствовало жестокое разочарование и вывернутое наизнанку отчаяние. Именно этот подтекст, выраженный в столь необычной форме, и привлек впоследствии многих художников XX в. – не все они разделяли взгляды дадаистов, но форму их выступлений восприняли и развили, в частности Кристоф Марталер, посвятивший одно из своих интервью проблемам дадаизма: «Интересно, как зародился в Швейцарии дадаизм? Дадаизм просто не мог выжить в Швейцарии. Как инкубатор исключительных явлений и странностей,

Швейцария оказалась благоприятной почвой. Я вижу это по себе» [5, с. 20]. Действительно, век дадаизма оказался кратким: одна из групп дадаистов переехала в Берлин и присоединилась к сторонникам политического искусства, а другая – перебралась в Париж и включилась в движение сюрреалистов. Берлинская группа широко использовала приемы дадаизма, коллажа и монтажа, но теперь это не было демонстрацией бессмыслицы бытия, а служило утверждением левых политических идей в плакатах Джона Хартфилда и в некоторых эпизодах спектаклей Эрвина Пискатора, то ли воспринявшего от дадаистов жанр театрального обозрения, то ли посчитавшего подобный жанр наиболее подходящим для демонстрации собственных политических взглядов.

Нельзя с уверенностью утверждать, что Марталер использовал приемы, возникшие в политических обозрениях Пискатора, скорее всего, швейцарский режиссер обращался к национальному опыту, и характерные для его работ принципы монтажа ведут свое начало от дадаистских опытов.

Как и дадаисты, Марталер стремится к созданию особой театральной структуры, противопоставляя и в то же время сочетая формы и приемы оперного и драматического театра, балета, пантомимы, обращаясь к опыту не только театральному, но и музыкальному. Его спектакли становятся театрально-музыкальными обозрениями, напоминающими структуру симфонии, но не Моцарта либо Бетховена, а современных авторов, таких как, например, Лигети. Этот музыкант, подобно Марталеру, часто обращался к опытам дадаистов, создавая музыкальные коллажи и стремясь к новому синтезу.

Создавая свои спектакли, в частности упомянутое выше обозрение, Марталер так строит сюжет своего действия, чтобы зритель воспринимал происходящее, как монтаж эпизодов, каждый из которых не вытекает из предыдущего, а имеет свой самостоятельный смысл. Именно так действовали дадаисты, стремясь заставить публику испытывать разные ощущения, именно так поступают композиторы-авангардисты, отказываясь от кантилены, а часто предлагая публике не последовательность звуков, формирующих мелодию, а отдельные фрагменты.

Кристоф Марталер является тем режиссером, который не имеет завершенной программы собственного театрального творчества, что свойственно не только ему одному. К режиссуре Марталера можно применить высказывание одного из апологетов дадаизма Тристана Тцара: «Я против всякой системы. Наиболее приемлемая система – не иметь никакой системы» [1, с. 83]. Тем не менее, при знакомстве с творчеством Марталера от первых режиссерских опытов до работ, появившихся недавно, в том числе постановок оперы, можно сформулировать те художественные принципы и пристрастия, те традиции, которые для постановщика наиболее важны. Современная режиссура, используя иногда прямопротивоположные традиции, приемы и формы различных эпох, сформировала особую театральную лексику – ее можно описать, но затруднительно определить какие-то главные особенности. Затруднительно еще и потому, что концепция и картина мира у режиссеров нового тысячелетия сходны и зачастую не лишены цинизма, разочарования и пессимистического взгляда на жизнь. Опору предлагает само творчество, очень разнообразное, богатое интересными мыслями, позволяющее «считывать» различные знаки, характеризующие отношения к современным событиям.

В 90-е гг. Марталер начинает ставить спектакли на сценах Германии. Одновременно работает в Фольксбюне на площади Розы Люксембург в Берлине и в немецком Шаушпильхаузе в Гамбурге. Продолжая ощущать себя швейцарцем, режиссер в эти годы поставил те спектакли, которые сделали его имя известным не только немецкой, но и европейской публике. В этом контексте очень важны такие работы, как постановка чеховских «Трех сестер» (1997) и «Убей европейца!» («Murx den Europäer!») (1993). В этих спектаклях Марталер проявил себя как режиссер-интеллектуал, что не отменило фрагменты пародийные, эпатирующие, идущие вразрез с традициями театра Германии, несмотря на то, что немецкая публика знала и свой авангард, принципы монтажа и пародии. Работая в Германии, Марталер, естественно, оказался в среде малознакомой и предполагающей конкуренцию с немецкими режиссерами. Для того чтобы эту конкуренцию выдержать и занять свое место в ином, чем ранее, театральном пространстве, Кристоф Марталер должен был продемонстрировать собственный стиль, отличный от стиля руководителей театра Фольксбюне Франка Кастрофа, своего соотечественника Люка Бонди, часто работавшего в Германии, Клауса Паймана, переехавшего из Вены в Берлин – список можно продолжить. Каждый из конкурентов Марталера имел собственные программы функционирования обновления современного искусства и, в отличие от швейцарского режиссера, с этими программами выступал, публикуя свои размышления о театре в прессе. Разумеется, в немецких спектаклях пристрастия Марталера проявлялись в полной мере, и фрагменты, напоминающие о дадаистских предпочтениях, были представлены публике немецких городов. Но немецкого зрителя мало интересовали швейцарские комплексы и ментальность нейтральной страны. Они воспринимали Марталера как «режиссера европейской национальности», что под-

твердили дальнейшие факты марталеровской биографии: его работы были оценены в театральных сообществах разных стран, разных национальных и культурных традиций.

За активную театральную деятельность в 1996 г. Кристоф Марталер получил Народную премию Конрада Вольфа Академии искусств Берлина; в 1997 г. вместе со сценографом Анной Фиброк – Баварскую театральную премию и Премию Фритца Кортнера; в 1998 г. – Европейскую театральную премию «Новые театральные реальности»; в 1999 г. Марталеру заслуженно достались одновременно премия имени Фридриха Люфта и итальянская премия Убю; в 2004 г. режиссер был удостоен Берлинской театральной премии, а в 2007 г. – Международной премии имени Константина Станиславского. Кроме того, Кристоф Марталер дважды признавался «Режиссером года», правда не в Швейцарии, а в Германии, (1994 и 1997). В 1997 г. Кристоф Марталер был назначен художественным руководителем театра Шаушпильхауз Цюриха, и дважды этот театр был признан Театром года (2001 и 2002).

Начиная со своих первых театральных опытов, Марталер не только предпочитал обращение к различным традициям, но использовал опыт тех направлений, что были свойственны разным театральным культурам. В театроведении закрепилось мнение, что театр абсурда возник во Франции в 50-е гг. XX в., однако опыты по воссозданию абсурдной вселенной на сценических подмостках имели место и раньше: в 30-е и даже 20-е гг. в театре и драме восточно-европейских стран и в России. Ставя свои спектакли, Марталер априорно воспринимает современный мир как вселенную тотального абсурда, но это его индивидуальная философия, а существуют еще выработанные режиссерами и драматургами особые приемы, позволяющие создать такую вселенную на сцене. К тому моменту, когда Марталер наряду с дадаистскими приемами стал использовать принципы европейского театра абсурда, подобного типа театр распространился повсеместно, и оказалось трудным сохранить при усвоенных абсурдистских приемах собственную индивидуальность.

Как в театре абсурда, так и в спектаклях Кристофа Марталера все действия и поведение персонажей бессмысленны, алогичны, не имеют цели и не приносят удовлетворения. Для того чтобы воссоздать такую картину мира, столь же повсеместно используются приемы клоунады и цирка, а также имеет место обращение к формам фарса и буффонады. Безумный мир населяется безумными персонажами. Все это можно трактовать как одно общее место, но спектакли Марталера волей этого режиссера не утрачивают индивидуальности, и элементы абсурда в его постановочных решениях оказываются уникальными: помогают продемонстрировать собственный режиссерский почерк, фантазию, особую иронию, парадоксальное сочетание отстраненно объективного и крайне субъективного взгляда на мир. И тогда характерные для современной режиссуры принципы и мотивы обретают своеобразие и самобытность: пародийные фрагменты и политическая сатира, сочетание несочетаемого оказываются не просто распространенными приемами, а именно его, марталеровскими.

В европейском театральном искусстве в некоторые периоды снова и снова возникает интерес к так называемым зонам молчания, той самой медлительности, о которой уже упоминалось. Уникальность режиссерского почерка Кристофа Марталера связана еще и с тем, что он умеет создавать «зоны молчания» внутри сценического действия, демонстрировать неподвижность как метафору остановившегося времени. В конечном итоге такие эпизоды могут приобретать как трагическую, так и комическую направленность. При этом спектакли Марталера не лишены динамики, а, напротив, иногда ускорение действия, чего режиссер успешно добивается, лишь подчеркивает пустоту и бесперспективность современной жизни. Абсурд по-марталеровски призван утвердить представление о многократной повторяемости событий в существовании различных персонажей, и повторяемость превращается даже в своеобразный ритуал – режиссер окрашивает подобные эпизоды отчасти индифферентной иронией.

Все перечисленные особенности абсурдизма по-марталеровски нашли отражение в спектакле «Действительно» («Indeed») (1980). Эта работа, что свойственна намерениям режиссера, ознаменовала вызов современному традиционному театральному искусству Швейцарии, представленному, в первую очередь, Оскаром Вельтерлином. В это время у Марталера был заключен контракт с Норбертом Швинтеком, который был заинтересован в нем как в музыканте. Однако Швинтек дал возможность Кристофу Марталеру попробовать себя в качестве театрального режиссера.

Спектакль «Действительно» был сыгран на сцене «Красной Фабрики» («Rote Fabrik»), бывшего кирпичного завода на берегу озера в Цюрихе. В постановке приняли участие молодые начинающие музыканты и актеры, некоторые из них по сей день являются сподвижниками Марталера.

При анализе этого спектакля следует вернуться к дадаистским пристрастиям Марталера, заметным в его творчестве на всех этапах, но именно «Действительно» стал утверждением дадаистских приемов на швейцарской сцене. До этой работы казалось, что краткое существова-

ние дадаистов в «Кабаре Вольтер» и их эпатажные выходы давно забыты. При работе над спектаклем Марталер напрямую обратился к творчеству дадаиста Курта Швиттерса, заинтересовавшись идеей мерц-театра [1, с. 365-368] и его поэтическим творчеством, в частности стихотворением «К Анне Блюме».

Очевидно, что в этом спектакле Кристоф Марталер воспринял призывы послания «Ко всем театрам мира» Курта Швиттерса: «Я требую создания мерц-театра. Я требую объединения всех художественных сил с целью создания совокупного художественного продукта. Я требую принципиального равноправия между людьми полноценными, идиотом, свистящей проволоочной сеткой и насосом для перекачивания мыслей. Я требую полного освоения всех материалов от двухрельсового сварочного аппарата до скрипки в три четверти. Я требую добросовестнейшего насилования техники до полного проведения объединяющего объединения».

Я требую абстрактного применения критиков и неделимости всех их сочинений об изменчивости декорации и недостаточности накопленного человеком опыта вообще» [1, с. 365-366].

Эта экспериментальная постановка Марталера неожиданно стала возвращением дадаистского мерц-театра в современный театральный обиход. Режиссер представил публике уже забытые стихотворения Швиттерса с характерным для дадаистских опытов сочетанием гласных и согласных, при сохранении заданного ритма, а также следуя дадаистским требованиям апологии случайности и преодоления существующих границ. Однако главную роль в этой работе сыграла музыка.

Музыкальное оформление спектакля создал одаренный клавесинист Петя Кауфманн, стилизуя старинную музыку эпохи барокко. В спектакле были использованы фрагменты из музыкальных произведений Баха, Гайдна, Генделя, а также композитора XX в. Эрика Сати. Текстовую основу составило стихотворение Курта Швиттерса «К Анне Блюме», которое актер Норберт Швинтек читал на немецком языке, Жан Шлегель – на французском, а Грэм Ф. Валентин – на английском. Подобное сочетание классики и авангарда будет характерным принципом режиссуры Марталера и окажется неизбежным и программным практически во всех спектаклях.

В целом спектакль стал настоящей музыкально-театральной импровизацией, которая была придумана за одну ночь. Помимо стихотворения «К Анне Блюме», в сценическое действие были включены национальные швейцарские песни, в том числе и уже упоминавшаяся песня «Stägeli uf, Stägeli ab, juhee!».

Актеры, одетые в черные смокинги и котелки, в спектакле держались группой, сидя вокруг журнального стола. Зрители также сидели за столами и могли себе заказывать напитки. В зале играла музыка, а три главных героя, они же три докладчика, сидели за разными столами и время от времени выходили из зала. Для зрителей было в новинку, что Марталер позволил себе прибегнуть к еще одному приему мерц-театра, не столь привычному для публики 80-х гг. XX в., – включение в действие зрителей.

Для публики оказался неожиданным монтаж различных текстов: фольклора, лирики, фрагментов из энциклопедии и постоянного повторения названия спектакля.

По воспоминаниям актеров, участвовавших в этой постановке, в спектакле было много эпизодов, где действие балансировало на грани дозволенного. В этих фрагментах участвовал сам постановщик. С непривычки к подобным шалостям актеры стыдились появляться на улице, сам же Марталер считал, что цель создания эпатажного действия достигнута и дадаистские хулиганства вернулись на сцену, предлагая свободный взгляд на мироустройство, пренебрегая общепринятыми устоями. Фактически Марталер повторил и воспроизвел на сцене основные требования всех авангардистов и мог считать себя включенным в длинный список создателей антитрадиционной культуры.

В 1992 г. на малой сцене театра Базеля Кристоф Марталер продолжил свои режиссерские эксперименты, обратившись на этот раз к вечному и едва ли не центральному сюжету европейской культуры – к «Фаусту». Что было предсказуемо – основой для постановки стала совсем не трагедия Гёте, а одноименная драма в стихах португальского поэта и драматурга XX в. Фернандо Пессоа (у Марталера спектакль назывался «Фауст. Субъективная трагедия»).

Судя по всему, Марталера заинтересовал не сам фаустовский сюжет, а факты биографии Пессоа, которые были связаны с интересом поэта к мистике, масонству, астрологии, нумерологии, каббале, розенкрейцерам и гетеронимам. Постановщику захотелось углубиться в тему гетеронимов и попытаться понять, что такое подлинное «Я» не только португальского поэта, но и каждого человека. Известно, что на протяжении всей своей жизни Пессоа искал свое настоящее «Я» посредством мистификации и своих наиболее известных гетеронимов – Рикардо Рейса, Альваро де Кампоса и Альберто Кайеро.

В своем спектакле Кристоф Марталер Фауста представил в облике Фернандо Пессоа, а сценические двойники Фауста-Пессоа – воплощение трех гетеронимов поэта, выглядевших в точности так, как португальский писатель на одной из своих известных фотографий в темном

костюме, белой рубашке, демисезонном пальто, шляпе, круглых очках, черной бабочке и с коротко подстриженными усами. По сути это отдельные индивидуумы, у каждого из которых собственная драма, но при этом Марталер показал, что они составляют некое единство, ибо это деперсонализация человека, пребывающего в состоянии экзистенциальной растерянности или глубокой тоски.

Действие спектакля разыгрывалось в сверкающем винном баре Лиссабона со стойками, мужскими писсуарами слева и маленькими раковинами справа. О Фаусте напоминали имена участников действия: на авансцене стояли четыре стола, за которыми работали Фаусты-поэты, позади находилась табачная лавка и лотерейный киоск Гретхен. По периметру сценического пространства были расположены триста семьдесят бутылок, которые стали основой для воссоздания пивного паба, но в то же время вызвали ассоциации с общепринятым представлением об образе жизни современного художника, что, естественно, выглядело иронично.

С большой точностью режиссер воспроизводил детали повседневной жизни, всегда связанной с мелкими неудачами и нелепостями. К примеру, кончик карандаша у одного из поэтов постоянно ломается, а водопроводный кран время от времени начинает брызгать водой. Но невзирая на то, что четыре персонажа (Фаусты-поэты) Пессоа сосредоточены на своем творчестве. Любое намерение изменить окружающий мир приводит к тому, как считает Пессоа, что одинокие люди решают отказаться от своей принадлежности миру реальному. Станным оказывается тот факт, что персонажей выбивают из колеи не великие бедствия и вечные вопросы о смысле жизни, а мелкие бытовые неурядицы, часто непредсказуемые.

В этом спектакле прямого использования форм театра абсурда было не столь много, однако сама ситуация, связанная с деперсонализацией, и обращение к такому «культурному герою», как Фауст, придавали действию иррациональный характер. Создание иррациональных миров с применением различных театральных и внетеатральных приемов постепенно превратилось в одно из главных составляющих индивидуального стиля постановщика.

В 2000 г. Марталер поставил спектакль в театре Базеля «Блюз XX века», что стало своеобразным подведением итогов уходящего столетия.

Работа над этим спектаклем проходила в сотрудничестве с художником-сценографом Анной Фиброк, благодаря которой режиссер достигал единства постановочного и оформительского решения в каждом спектакле, и «Блюз XX века» не исключение. Этот творческий союз оказался длительным и продуктивным.

Действие в спектакле «Блюз XX века» происходило в пустом пространстве, окруженном высокими стенами. Когда-то на стенах висели картины и предметы искусства, от которых сейчас остались лишь светлые прямоугольные островки. На выступе стены лежал заметный слой пыли. На стене были заметны мелкие трещины. Эти трещины будут расти, и однажды из-за них голые стены рухнут. К финалу спектакля пространство перестанет быть пустым, будет заполнено обломками и окончательно превратится в нежилое, смутно напоминающее один из залов исторического музея в Базеле с черными пятнами на стенах. Старый грузовой лифт, который транспортировал персонажей вверх-вниз, был единственным пока еще действующим элементом строения.

«Блюз XX века» – название песни, написанной английским драматургом, актером, композитором и режиссером Нозлем Пирсом Кауардом (1899–1973) для спектакля «Кавалькада». Кристоф Марталер использовал текст песни в качестве литературного материала для постановки, а ее автор стал главным героем спектакля.

Любимый актер Кристофа Марталера Грэм Ф. Валентин, родом из Великобритании, сыграл Кауарда. Он медленно передвигался в пустом пространстве и рассматривал место, в котором отсутствовала жизнь. Затем он отходил немного назад, чтобы снять верхнюю одежду, прятал руки в карманы брюк и начинал петь свою песню низким голосом.

Герой Валентина пел песню, наполненную тоской, свойственной XX веку. Песня стала поводом для воспоминаний одинокого человека о давно минувшей эпохе, поэтому она звучала в спектакле шесть раз, в том числе и в исполнении оркестра, возникая то между «Застольной песней о горести Земли» Густава Малера, то «Поэмой для ми» Оливье Мессяно, то «Японским романсом» Дмитрия Шостаковича, то «Тремя поэзиями японской лирики» и «Двумя поэмами» Игоря Стравинского.

Основной акцент был сделан на актерские работы вокалистов Розмари Харди (сопрано) и Кристофа Хомберга (тенор), танцоров Альтеа Гарридо и Томаса Сташе, а также драматических актеров Грэма Ф. Валентина и Маркуса Вольфа.

Шесть персонажей, которые ходили в пространстве музея, были родом из 20-х или 30-х гг. XX в. Первая мировая война оставила заметный след в душах людей, а страх перед началом Второй мировой войны действовал на них, как опасный яд. Восприятие этих лет нашло отражение в музыке, исполненной Базельским симфоническим оркестром под руководством Юрга

Хенненберга, а также в сценографии, созданной Кристофом Марталером совместно с Анной Фиброк. Симфонические композиции (выбраны те, которые включают песни) и песни мюзик-холла начала XX в. не могли вселить в души этих людей радость и гармонию. Персонажи спектакля слишком опустошены, поэтому актеры у Марталера становились похожими на статуи или на плохо управляемых марионеток, что усиливало общее впечатление разрухи.

В центре спектакля «Блюз XX века» – две женщины и четверо мужчин. В то время как героиня Розмари Харди стояла в стороне от всех с баяном в руках, героиня Альтеа Гаддио, помня об извечной борьбе полов, издевалась над мужчинами, дергала их за галстуки, пыталась вступить с ними в половую связь против их воли. Никто из мужчин не сопротивлялся, но корчились, извиваясь, как черви на земле. Как и Розмари Харди, персонаж Кристофа Хомберга одинок. Уже в самом начале спектакля он стоял, облокотившись на стенку, и напевал «Застольную песню о горести Земли». Хомберг не мог допеть до конца песню. Его лицо искажалось гримасой, тело актера снова и снова теряло равновесие, и он, стараясь держаться за стену, просто падал.

В постановке «Блюз XX века» тела актеров подвергались многочисленным деформациям. Так, например, Маркус Вольфф привязывал свою ногу так, будто он ее ампутировал. В другой сцене руки персонажа Альтеа Гарридо буквально приросли к плечам. Подобные эпизоды указывают на связь Марталера уже не с дадаизмом, а сюрреализмом. Достаточно вспомнить полотно Дали.

В этом спектакле Кристоф Марталер попытался показать жизнь как остановившуюся, используя падение как фиксацию движения. Актеры, лежавшие на полу, словно мертвые на поле боя, создавали образ войны, смерти и разрушения, о которых режиссер напомнил на пороге нового тысячелетия. Тела застыли еще до смерти, спины изогнуты, рты открыты, словно после последнего вздоха.

Сам Кауард в исполнении актера Грэма Ф. Валентина постоянно оглядывался на гору мусора и сваленные доски, из-за которых он вначале повредил спину во время своего появления из-под сцены. Из этих досок он сделал себе небольшое убежище и стал жить, как бродяга. Другой персонаж остался один среди руин и, сложив руки в молитве, напоминал богобоязненного еврея. Остальные персонажи лежали в светлых островках паркета, как мертвые в невидимом стеклянном гробу.

Используя тело актера, Марталер пародировал культ тела нацистов: персонаж Грэма Ф. Валентина был одет только в черные чулки и ботинки, а также в белые трусы и протягивал руку в нацистском приветствии. Другие персонажи носили только белые трусы, сгибали верхнюю часть туловища и победно поднимали вверх кулаки. Альтеа Гарридо замыкал эту композицию из людей, стоя на голове. Персонаж Гарридо носил черный маскировочный костюм, протягивал от себя руки и ноги, как при замысловатых гимнастических упражнениях. Руки были сжаты в кулаки, глаза смотрели бесстрашным взглядом в будущее. Кристоф Марталер представил картину из оголенных тел, чтобы доказать, насколько тоталитарная идеология национал-социализма XX века деформировала не только души и разум, но и человеческие тела. Так, режиссер показал, что человеческое тело в XX веке – это тело искаженное.

В конце спектакля ритм ускорялся, увеличивалось количество выходов участников спектакля на сцену. Молодая посетительница музея в туфлях на платформе стояла перед голой стеной. Она шла дальше, но и там не на что было смотреть. Затем она сосредоточенно созерцала пустоту перед тем как исчезнуть в лифте. Но как только молодая женщина покидала зал, она снова входила, уже через дверь. В драматическое действие были включены трюки, что становилось очевидным постепенно. Трюк заключался в использовании близнецов, благодаря которым Кристоф Марталер ускорил выходы на сцену. Но из-за такого стремительного темпа различия между участниками действия исчезали. Таким образом, режиссер подчеркивал, что на пороге третьего тысячелетия люди оказались похожими друг на друга. Руководствуясь собственными жизненными наблюдениями, Марталер заявил, что современная эпоха отмечена противоположными тенденциями: с одной стороны, современники режиссера не отличаются яркой индивидуальностью, а с другой – оказываются сосредоточенными на собственном «Я», не замечая того, что это «Я» воспроизводится в геометрической прогрессии.

Под конец спектакля на первый план вышел персонаж Розмари Харди, как грустный клоун, который в течение всего спектакля комментировал эпизоды и образы насилия и разрушения. В конце действия Харди разбирала на сцене аккордеон, снимая кнопки и клавиши. Отдельные части музыкального инструмента она складывала друг с другом, продолжая иллюстрировать мотив разрушения. Действие шло к безысходному финалу, мрачная картина XX века не предвещала ничего хорошего и в XXI веке.

В итоге можно утверждать, что центральной темой каждой постановки Марталера становятся размышления об одиночестве современного человека. Несмотря на повторяемость моти-

вов спектаклей, режиссерские приемы не повторяются, каждый раз художественный пессимизм рождает новые образы и метафоры.

Вопреки грустным и драматичным выводам в спектаклях Марталера присутствует эстетическая завершенность. Пессимистическим взглядам на современное бытие противостоит режиссерский профессионализм и стремление создать зрелище, не лишенное красоты. Темный мир с повторяющимися персонажами, забывшими о движении времени, погруженные в однообразие повседневности, неожиданно обретает качество художественного совершенства, чему во многом способствует использование музыки, в том числе классической. Отсутствие катарсиса сюжетного компенсируется катарсисом эстетическим – в результате зритель погружается в ситуации хаоса, изображенного средствами, от хаоса далекими. В этом Марталер наследует большим традициям искусства: изображение безобразного и мрачного не должно лишаться эстетического качества. Конечно, сценические картины режиссера отличаются от произведений прошлых эпох, воссоздающих драматические события, но признаков искусства и художественности при этом не теряют. А обращение к формам авангарда у швейцарского режиссера часто превращается в своеобразную игру, что всегда было свойственно истинному художественному творчеству.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дадаизм в Цюрихе, Берлине, Ганновере и Кёльне: Тексты, иллюстрации, документы под ред. К. Шуман. – Пер. с нем. С.К. Дмитриева. – М.: Республика, 2001. – 599 с.
2. Ключковский Г. Фернандо Пессоа [Электронный ресурс]: статья. URL: <http://pessoa.ru/> (дата обращения: 21.09.2014 г.)
3. Мартин Эсслин Театр абсурда. Пер. с английского Г. Коваленко – СПб.: Балтийские сезоны, 2010. – 528 с.
4. Петер фон Матт Литературная память Швейцарии. Прошлое и настоящее. Пер. с немецкого Т.А. Басковой – М.: Центр книги Рудомино, 2013. – 464 с.
5. Klaus Dermutz Christoph Marthaler. Die einsamen Menschen sind die besonderen Menschen. Residenz Verlag – Salzburg und Wien, 2001. – P. 222.

REFERENCES

1. Dada in Zurich, Berlin, Hannover and Cologne: Texts, images, documents [Dadaism v Zurich, Berline, Gannovere i Kiolne: Texti, ilustrazii, documenti] edited by K. Schumann. Russian translation by S. K. Dmitrieva. *Moskva: Republic*, 2001. 599 p. (in Russ.).
2. Klochkovsky G. Fernando Pessoa Available at: <http://pessoa.ru/> (accessed: 21.09.2014). (in Russ.).
3. Martin Esslin The theatre of the Absurd [Theatr absurda] Russian translation by G. Kovalnko . *Sankt-Peterburg: Baltic seasons*, 2010. 528 p. (in Russ.).
4. Peter von Matt Literary memory of Switzerland. Past and present [Literaturnaya pamiat Shveizarii. Proshloe i nastoyashee] Russian translation by T.A. Bascova , *Moskva: Book center Rudomino*, 2013. 464 p. (in Russ.).
5. Klaus Dermutz Christoph Marthaler. Die einsamen Menschen sind die besonderen Menschen. Residenz Verlag – Salzburg und Wien, 2001. P. 222.

Информация об авторе

Худякова Марина Ивановна Российский университет театрального искусства – ГИТИС, Малый Кисловский переулок, д. 6, 125009, г. Москва, Россия
mkhoudiakova@gmail.com

Получена: 27.05.2015

Information about the author

Khudiakova Maryna. Ivanovna, Russian University of Dramatic Art – GITIS, 6, Maly Kislovsky pereulok, 125009, Moscow, Russia
mkhoudiakova@gmail.com

Received: 27.05.2015

УДК 94(470.620):631.1

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-87-90

ЧЕРНИКОВ Сергей Николаевич,
аспирант 2 года обучения кафедры истории и методики
ее преподавания

CHERNIKOV Sergei Nikolaevich,
Graduate student, 2nd year of learning, Chair of History
and Subject-Specific Learning Techniques,

**РАЗВИТИЕ МЕЖХОЗЯЙСТВЕННОЙ
КООПЕРАЦИИ И АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ
ИНТЕГРАЦИИ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ
ПРОИЗВОДСТВЕ КУБАНИ
В 1970-Х гг.**

**RAISING COOPERATION AMONG FARM
HOLDINGS AND AGROINDUSTRIAL
INTEGRATION IN FARM PRODUCTION OF
THE KUBAN REGION IN THE 1970-IES.**

В современной России развитию сельского хозяйства придается приоритетное значение, что связано с необходимостью обеспечения продовольственной безопасности. Накоплен большой опыт в агропромышленном комплексе. Опыт как положительный, так и отрицательный. Этот опыт во многих отношениях поучителен. С одной стороны, он наглядно продемонстрировал пагубность тотального контроля, мелочной регламентации, огосударствления в области сельского хозяйства. С другой стороны, в использовании механизмов государственного регулирования аграрного сектора отразилась одна из ведущих тенденций развития аграрной экономики современного мира, а именно: усиление роли государства в развитии АПК. В связи с этим исторический опыт аграрной политики Советского государства представляет теоретическую и практическую значимость при выборе наиболее эффективных путей развития АПК. В статье рассматривается развитие межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции в сельском хозяйстве Кубани в 1970-е гг. с целью увеличения производства и переработки сельскохозяйственной продукции.

The paper stated that in Russia nowadays high priority is attached to farming' advancement, due to the necessity to ensure food security nationwide. The country accumulated an extensive experience in the sector of industrial farming; that experience may be qualified as both positive and negative, being instructive in many respects. On the one part, this experience evidently demonstrated that the total control being highly destructive, as well as petty regulation, and practicing transfer of private farm holdings into State ownership. On the other part, using the State regulation machinery in the farming sector reflected one of the leading trends in the farming sector advancement round the world nowadays, namely: strengthening the part taken by the State in advancement of the industrial farming sector. In this regard, experience accumulated in the policy of farming sector over the period of Soviet State being both conceptually and pragmatically significant for determining the most efficient ways of industrial farming sector' advancement. The paper reviewed raising cooperation among the farm holdings and agro-industrial integration in farm production of the Kuban Region in the 1970-ies with the purpose of increasing production and processing of farm products.

Ключевые слова: агропромышленная интеграция, агропромышленный комплекс, животноводство, сельское хозяйство, специализация, совхоз, колхоз, концентрация, межхозяйственная кооперация, механизация, электрификация.

Key words: integration of the industrial sector with the farming; industrial farming sector; livestock breeding; farming; target production reference; state farm; collective farm; concentration (hubbing); cooperation among farm holdings; machinery driven production; electrification.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФГФ, проект №15-11-23004 а(р)
«Развитие сельского хозяйства на Кубани в XIX – начале XXI вв.»*

The paper has been drawn up with the funding by the Russian Foundation for Humanities, project №15-11-23004 а(p) "Advancement of agriculture in the Kuban region over the XIX and early XXI centuries."

Вопросы агропромышленной интеграции являются актуальными для сельского хозяйства современной России, поэтому очень важно использовать опыт, накопленный в этой сфере в предшествующий период. Различные аспекты межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции в стране получили освещение в ряде научных публикаций, однако развитие межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции в сельском хозяйстве Кубани в 1970-е гг. практически не исследовано. Поэтому целью данной статьи является их изучение.

Межколхозная кооперация как одна из форм социалистической интеграции стала развиваться в сельском хозяйстве Краснодарского края в конце 1960-х гг. путем создания межколхозных баз по откорму крупного рогатого скота.

В 1970 г. на Кубани для руководства работой откормочных баз было создано краевое объединение «Межколхозскотооткорм».

Откормочным базам были выделены собственные земельные угодья, что позволило укрепить их кормовую базу, перевести их на круглогодичную работу, вести не только заключительный откорм скота на жоме, но и доращивание молодняка на дешевых зеленых кормах.

Это способствовало увеличению производства мяса и росту прибыли, получаемой колхозами-пайщиками от их деятельности. Откормочные базы привлекли к себе внимание не только широкого круга колхозов, но и совхозов, многие из которых пожелали быть их пайщиками наравне с колхозами [1, Л. 320].

С середины 1970-х гг. начинается новый этап развития межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, связанный с принятием в мае 1976 г. постановления ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции». В нем отмечалось, что эти процессы открывают надежный путь рационального использования земли, труда, техники, других факторов интенсификации, ускорения на этой основе роста продукции и повышения эффективности сельскохозяйственного производства. Ставилась задача более эффективного использования капитальных вложений, всех материально-технических ресурсов, выделяемых сельскому хозяйству, недопущения каких-либо проявлений бесхозяйственности, значительного усиления работы по их выявлению, активному включению в производство всех ресурсов. В постановлении подчеркивалось, что «многоотраслевой характер, слабая концентрация производства в колхозах и совхозах сдерживают развитие индустриализации земледелия и животноводства, снижают эффективность затрат, по существу становятся тормозом экономического, а следовательно, и научно-технического прогресса в этой области. В этих условиях специализация и концентрация сельскохозяйственного производства на базе широкого кооперирования, перевод его на современную индустриальную основу – это магистральное направление дальнейшего развития социалистического сельского хозяйства...» [3, с. 485].

Если на первом этапе межхозяйственная кооперация охватывала только отдельные виды деятельности (строительство, животноводство), позже начали создаваться межхозяйственные предприятия по всем отраслям сельскохозяйственного производства, включая сферу его обслуживания.

В этой сфере, наряду с традиционными формами объединений, действовавшими на начальном этапе, появились новые виды межхозяйственных предприятий: по использованию машинно-тракторного парка, мелиорации земель, внесению удобрений и защите растений, сельхозэнерго, транспортному обслуживанию, искусственному осеменению животных и др. [4, Л. 14.].

Уровень концентрации поголовья крупного рогатого скота в колхозах и совхозах края на тот момент оставался еще низким. Почти половина всех колхозов и совхозов, занимающихся производством молока и говядины, имели поголовье крупного рогатого скота менее 3 тыс. голов, в том числе коров – менее 1 тыс. голов. В 80 колхозах и совхозах поголовье крупного рогатого скота не превышало 1 тыс. голов, а коров – 500 голов.

За годы девятой пятилетки межхозяйственные комплексы объединения «Межколхозско-откорм» от реализации говядины получили 103 млн руб. прибыли, из которых 76,2 млн руб. перечислено хозяйствам-участникам кооперации, а остальная сумма направлена на расширение производства и увеличение суммы паевых взносов.

За эти же годы сумма капитальных вложений в откормочные комплексы составила 92,0 млн руб., в том числе было выполнено строительно-монтажных работ на 65,0 млн руб. Было сдано в эксплуатацию 67 корпусов для доращивания и откорма крупного рогатого скота на 34 тыс. скотомест, реконструированы многие помещения, построенные ранее [1, Л. 109].

Таким образом, созданные первоначально мелкие и недостаточно устойчивые межколхозные откормочные базы начали превращаться в крупные, механизированные комплексы.

С каждым годом межхозяйственная кооперация в крае охватывала все большую сферу не только производственной деятельности колхозов и совхозов, но и различные виды их обслуживания, а также социальные вопросы. С этой целью было образовано 10 краевых производственных объединений [3, Л. 6].

На Кубани агропромышленные интеграционные процессы развивались в основном по трем направлениям: во-первых, по пути создания промышленных производств, непосредственно в колхозах и совхозах и на основе межхозяйственной кооперации; во-вторых, в крае шел процесс объединения узкоспециализированных совхозов с промышленными предприятиями других министерств (межведомственная кооперация привела к образованию в крае трех трестов: «Таманьвино», «Кубаньвино», «Севкавказфирмасло»); и, в-третьих, в крае с каждым годом усиливался переход на прямые связи колхозов и совхозов с заготовительными организациями по первичной переработке и приемке сельскохозяйственной продукции в местах ее производства [5, с. 203-207].

Наиболее динамично развивалась специализация и концентрация производства в птицеводстве. В 1977 г. в хозяйствах треста «Птицепром» производилось 83% яиц и 50% мяса птицы от общего объема производства этих продуктов в крае. Этому способствовала передача тресту 48 колхозных и совхозных птицеферм, на базе которых организовано 28 птицефабрик [3, Л. 9].

Как известно, одним из узких мест в животноводстве края многие годы было доращивание и откорм молодняка КРС. Но благодаря созданию крупных межхозяйственных предприятия по доращиванию и откорму скота положение дел в этой отрасли значительно улучшилось.

В Тимашевском, Абинском, Новопокровском, Павловском и в ряде других районов на межхозяйственных комплексах откармливалось более 90% имеющегося в колхозах и совхозах скота. Однако в ходе специализации и кооперации в сельскохозяйственном производстве проявились и негативные моменты. В ряде хозяйств были неоправданно упразднены мелкие свиноводческие и птицеводческие фермы, что оказалось в корне ошибочным решением. И хотя на крупных комплексах привесы скота были выше, чем в хозяйствах, однако главным недостатком такой кооперации была экономическая невыгодность участия в ней хозяйств-партнеров, поэтому большинство плановых показателей не были достигнуты. Непродуманная специализация также негативно сказывалась и на структуре посевных площадей. Так, например, в Белоглинском районе Краснодарского края за годы десятой пятилетки было создано три специализированных совхоза, межхозяйственный комплекс по откорму КРС. Это в значительной мере повлияло на структуру посевных площадей, привело к нарушению в севообороте культур и отрицательно сказалось на урожайности и плодородии земли [5, с. 203-207].

Концентрация животноводства и перевод этой отрасли на промышленную основу потребовала безотлагательно решать проблему кормопроизводства и кормоприготовления. В целях наиболее рационального использования кормов и, в первую очередь, концентратов в крае осуществлялась программа строительства межколхозных комбикормовых заводов. В 1976 г. действовало уже 10 таких заводов общей мощностью 450 тыс. т комбикормов в год [3, Л. 16]. В Тимашевском районе был создан межколхозный агропромышленный комплекс, включавший в себя технику для выращивания ранних овощей, овощефруктохранилища на 2 тыс. т и консервный завод [3, Л. 20].

Высокая степень электрификации сельскохозяйственного производства потребовала улучшения энергетической службы на селе. С этой целью в крае было создано межколхозное объединение «Раймежколхозэнерго». Услугами объединения в 1977 г. пользовались все колхозы края, 193 совхоза, 26 межхозяйственных предприятий, 234 прочие сельскохозяйственные организации. На полном оперативно-эксплуатационном обслуживании находились 53 колхоза, 6 совхозов, 10 хозяйственных предприятий и 14 других сельхозпредприятий. За четыре года объединение выполнило работ по договорам с хозяйствами на 36 млн руб. [3, Л. 15].

Организация межхозяйственных предприятий механизации и электрификации сельскохозяйственного производства позволила создать мощную инженерно-техническую службу, способную внедрять прогрессивные формы организации, использования техники, передовые технологии и осуществлять специализированное техническое обслуживание машин.

В Краснодарском крае руководство хозяйственной деятельностью межхозяйственных предприятий (организаций), как это и предусмотрено Постановлением Совета Министров СССР, осуществлялось сельскохозяйственными органами. В производственном управлении сельского хозяйства райисполкома вопросы межхозяйственного кооперирования были возложены на заместителя начальника управления, был создан отдел по межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, для непосредственного руководства межхозяйственными предприятиями по отдельным видам их деятельности, в крае созданы краевые межхозяйственные объединения [3, Л. 17].

По мере дальнейшего развития межхозяйственной кооперации количество различных межхозяйственных предприятий на Кубани возрастало. Уже в 1978 г. все колхозы края являлись участниками 6-8 и более различных межхозяйственных предприятий и организаций. В каждом из них собрания уполномоченных избирали советы предприятия. Как правило, в совет избирались председатели всех хозяйств-участников. Это отвлекало их от основной своей деятельности. Поэтому в большинстве районов края собрания уполномоченных представителей хозяйств-участников межхозяйственных предприятий принимали решение – собственный совет не избирать, а попросили районный совет колхозов исполнять его функции.

Так, районный совет колхозов, являясь совещательным, рекомендательным органом для колхозов района, одновременно являлся и хозяйственно-распорядительным органом для межколхозных предприятий и организаций. Аналогично было сделано и в паевых межхозяйственных объединениях, за исключением Крайколхозстроя, объединения «Кубаньмясопром» и объединения «Плодопром». Краевой совет колхозов являлся хозяйственно-распорядительным органом для таких межхозяйственных объединений, как «Межколхозэнерго», «Межколхозкомбикорм», «Межколхозлес», объединение по выращиванию нетелей. Практика показала, что этот эксперимент – довольно удачная форма управления межхозяйственными предприятиями и организациями [3, Л. 18].

Каждое краевое межколхозное объединение имело самостоятельный баланс, печать, являлось юридическим лицом. За счет колхозов содержался управленческий аппарат, строилось жилье, административные здания, организовывалась служба материально-технического снабжения со своими складами и т.д. [3, Л. 19].

Таким образом, курс на специализацию и концентрацию сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции способствовал росту объемов продукции сельского хозяйства. Вместе с тем практика показала, что без заинтересованности всех участников в развитии процессов специализации и кооперации большого эффекта достичь нельзя. Значительные государственные средства и средства колхозов были потрачены неэффективно и не дали серьезной прибавки продукции сельского хозяйства, что в конечном итоге снижало фондотдачу и повышало себестоимость продукции. В результате к началу 1980-х гг. производство продукции животноводства было нерентабельно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1480. Оп. 9. Д. 1020.
2. ГАКК. Ф. Р. – 1480. Оп. 10. Д. 86.
3. Ленинская аграрная политика КПСС. – М., 1978. – 680 с.
4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 7486. ОП. 40. Д. 8358.
5. Серогодский Н.А. Курс на развитие межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции и его реализация на Северном Кавказе в 1970–1980-е гг. // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания. Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 6. – Саратов, 2012.

REFERENCES

1. GAKK, State archives, Funds of the State archive of Krasnodar kray [Fondy Gosudarstvennogo arkhiva Krasnodarskogo kraya]. F. P-1480, op. 9, d. 1020. (in Russian).
2. GAKK, State archives, Funds of the State archive of Krasnodar kray [Fondy Gosudarstvennogo arkhiva Krasnodarskogo kraya]. F. P-1480, op. 10, d. 86. (in Russian).
3. Lenin's agrarian policy of the CPSU. [Leninskaya agrarnaya politika KPSS.] Moscow, 1978. 680 p. (in Russian).
4. RGAE, Russian state archive of economy [Fondy Rossiyskogo Gosudarstvennogo arkhiva ekonomiki]. F. 7486, op. 40, d. 8358. (in Russian).
5. Serogodskiy N.A. The development of interfarm cooperation and agroindustrial integration and its implementation in the North Caucasus in 1970-1980 [Kurs na razvitie mezhkhozaystvennoy kooperatsii i agropromishlennoy integratsii i ego realizatsiya na Severnom Kavkaze v 1970-1980]. *Aktualnye problemy sovremennogo gumanitarnogo znaniya. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov – Actual problems of modern humanitarian knowledge. Interuniversity collection of scientific papers*. Vol. 6. Saratov, 2012. (in Russian).

Информация об авторе

Черников Сергей Николаевич, Аспирант 2 года обучения, кафедра истории и методики ее преподавания, филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Кубанский государственный университет в г. Славянск-на-Кубани, Славянск-на-Кубани. Россия
serji1976@mail.ru

Получена: 20.05.2015

Information about the author

Chernikov Sergey Nikolaevich, Graduate student, 2nd year of learning, Chair of History and Subject-Specific Learning Techniques, Branch of the Federal State-Funded Education Institution of Advanced Vocational Training the Kuban State University in the town Slavyansk-on-Kuban River.
Slavyansk-on-Kuban city, Russian
serji1976@mail.ru

Received: 20.05.2015

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-91-95

ШЕБЗУХОВА Татьяна Александровна,
доктор исторических наук, профессор

SHEBZUHOVA Tatiana Alexandrovna,
Doctor of Historical Sciences, Professor

СОСНИНА Екатерина Леонидовна,
кандидат исторических наук, доцент

SOSNINA Ekaterina Leonidovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

БОНДАРЕНКО Наталья Григорьевна,
доктор философских наук, профессор

BONDARENKO Natalia Grigorievna,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

**ФРАНКОЯЗЫЧНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XVIII–XIX ВВ. О
ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ (К ПРОБЛЕМЕ
ДРЕВНИХ КОНТАКТОВ МЕЖДУ НАРОДАМИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА, АЗИИ И ЕВРОПЫ)**

**FRENCH-SPEAKING EXPLORERS OF THE
NORTHERN CAUCASUS IN THE XVIII AND XIX
CENTURIES REPORTING ON THE LARGEST
SILK ROUTE (AN APPROACH TO THE ANCIENT
CONTACTS BETWEEN THE COMMUNITIES
INHABITING THE NORTHERN CAUCASUS,
ASIA AND EUROPE)**

В данной публикации речь идет о сведениях франкоязычных исследователей Кавказа XVIII–XIX вв. о Великом шелковом пути. Данные сведения рассматриваются в контексте древних контактов между народами Северного Кавказа, Азии и Европы. Вклад франкоязычных авторов заключается в разработке данной проблемы, в частности в рассмотрении культурных взаимодействий, которые существовали с IV в. до н.э. по XI в. н.э. благодаря существованию древних путей через Северный Кавказ. Термин «Шелковый путь» вошел в научный оборот после выхода в свет в 1877 г. книги Карла фон Рихтгофена, в которой автор назвал так пути, связавшие два мира - Восток и Запад. Факт существования древнего торгового пути подтверждается свидетельствами античных авторов (Геродотом, Страбоном, Плинием). Проблема существования в южнорусских и северокавказских степях древних торговых дорог живо интересовала франкоязычных исследователей XVIII–XIX вв. В статье рассмотрены точки зрения на проблему таких франкоязычных авторов, как Я. Потоцкий, Ф. Дюбуа де Монтере. Благодаря сведениям Ф. Жилия, автор вносит существенную поправку к вопросу о локализации древней кавказской крепости Боргустан.

The paper presented a review of the records made by the French-speaking explorers of the Caucasus (of the period from the XVIII to XIX centuries) reporting the facts on the Largest Silk Route. The notes mentioned the ancient contacts between the Northern Caucasian ethnic communities and the communities of Asia and Europe. The contribution the French-speaking researchers have made had shaped the headway elaborating the issue, in particular, exploring cultural interactions established from the IV century B.C. to XI century A.D. owing to the ancient tracks beaten across the Northern Caucasus. Carl von Richthofen was the first to launch the expression the «Largest Silk Route» into the academic turnover once having published the book in 1877 where the writer called by this term the tracks having linked two worlds, - the Orient and the West. The ancient writers Herodotus, Strabo, Pliny had evidenced for existence of the ancient merchant track since the IV century B.C. Some French-speaking explorers over the XVIII and XIX centuries had taken a keen interest in discovering the ancient merchant routes in the steppes of the Southern Russia and the Northern Caucasus. The paper reviewed different standpoints on the issue of the Silk Route that such French-speaking authors produced as J. Potocki et F. Dubois de Montereux. Owing to details reported by F. Gilles, the author made the substantial amendment to the issue of positioning for the ancient Caucasian fortress Borgoustan.

Ключевые слова: Кавказ, франкоязычные исследователи, Великий шелковый путь, проблема взаимодействия между народами Северного Кавказа, Азии и Европы, письменные свидетельства.

Key words: Caucasus, French-speaking researchers, Silk Route, (issue of) interactions between the communities of the Northern Caucasus, Asia and Europe, written archive records.

Для франкоязычных исследователей XVIII–XIX вв. был характерен стабильный интерес к проблемам взаимодействия Запада и Востока. Разработка этого вопроса заставляла обратиться к далекому прошлому, к проблемам древних культур, к тому времени, когда зарождались первые контакты между народами Северного Кавказа, Азии и Европы. В XIX в. было введено в обиход такое понятие, как «Великий шелковый путь», для того чтобы обозначить большую торговую дорогу, а вернее, несколько дорог, которые связали родину шелка Китай с Ближним Востоком и с Западом на рубеже новой и старой эры.

Великий шелковый путь начал функционировать с конца II в. до н. э. В это время два гигантских мира – экономики соприкоснулись своими границами. По Фернану Броделю, «...границы мира – экономики располагаются там, где начинается другая экономика того же типа, вдоль некоей линии или, вернее, некоей зоны, пересекающей которую как с той, так и с другой стороны бывало выгодно в исключительных случаях» [1, с. 19]. Таким исключительным случаем стала транзитная торговля шелком.

Понятие «Шелковый путь» появилось в XIX в. для обозначения грандиозной по масштабам древнего мира торговой магистрали, а точнее, целой сети дорог, связавших Китай с Ближним Востоком и с «Западом», то есть со странами Восточного Средиземноморья (Римом, Византией, Египтом, Сирией). Термин «Шелковый путь» вошел в научный оборот после выхода в

свет в 1877 г. книги Карла фон Рихтгофена, в которой автор назвал так пути, связавшие два мира – Восток и Запад [2, с. 5]. Само понятие отчасти условно: шелк не был единственным объектом международной торговли на трассах Шелкового пути. Множество других товаров двигалось здесь: стекло, «золотоподобная латунь», драгоценные камни и кораллы. И все же именно шелк был главным стержнем экономики и политики стран на протяжении почти тысячелетия.

Стоимость шелка была неимоверно высока: 1 кг шелка равнялся 1 кг золота. (Такая цена была принята в Византии по тарифам так называемого «Морского закона», действовавшего в VIII в.). В начале же IV в. шелк ценился еще дороже: в это время в Риме была установлена цена 1 кг некрашеного шелка в размере 4 000 денариев (то есть по весовым единицам шелк ценился в несколько раз выше золота). Шелком откупались от врагов, благодаря ему, вербовали наемников и приобретали союзников.

Громадное пространство отделяло от Запада Дальний Восток (поставщик шелковых тканей). Нужно было преодолеть 38 000 км по суше, где караванные тропы шли через пустыни и горные переходы. Не менее трудным было путешествие по морю без элементарных навигационных приборов, при постоянной угрозе пиратского нападения. Только в Красном море во время одной экспедиции против пиратов Помпей потопил и захватил 400 пиратских судов. Факт существования древнего торгового пути подтверждается свидетельствами античных авторов (Эсхилом [3], Геродотом [4]). Античная литература свидетельствует об имевшейся в руках древних авторов информации о Каспийском море. Описание Геродота касается как западных - гористых, так и восточных - равнинных его берегов, при этом упоминаются каспийские морские маршруты [5, с. 287]. Во время похода римского полководца Помпея в 66 г. до н.э. стало известно о существовании Албанского царства, в состав которого входил Дербент [6, с. 538]. Римляне прилагали все усилия, чтобы установить контроль над кавказскими проходами. Император Нерон готовил грандиозный поход в Закавказье. Подчеркивалась цель этого мероприятия: утвердить римское господство на Западном побережье Каспийского моря и осуществить мечту Александра Великого о новых торговых путях через Прикаспий на Восток [7, с. 18].

Проблема существования в южнорусских и северокавказских степях древних торговых дорог интересовала и франкоязычных исследователей XVIII–XIX вв. Так, например, Ян Потоцкий [8] отмечает большое значение для развития связей между народами юго-восточной Европы, Закавказья и Передней Азии Дарьяльского прохода, но при этом путает его с Даринским путем, помещаемым современными исследователями на северо-западном Кавказе [9]. Путешествующий в начале XIX в. (1807–1808) Генрих Юлиус Клапрот, кроме изучения быта и нравов горцев, интересовался и сведениями о древних караванных дорогах. Впоследствии он писал о существовании в древности пути от Каспийского моря к Азову [10, с. 271].

В середине XIX в., в связи с раскопками античных древностей в Причерноморье, некоторыми исследователями был отмечен торговый характер греческих городов Фанагории и Танаиса. Так, А. Ашик писал о Фанагории как о «складочном месте торговли боспорцев в Азии» [11, с. 10]. В дальнейшем эту тему развил С.А. Берже. По его мнению, греки еще в древние времена завязали торговые отношения с Кавказом. Важнейшим центром торговли с жителями Северного Кавказа была Фанагория. С.А. Берже выделил и другое торговое направление – уральское. Он отметил, что с Урала к берегам Понта доставляли золото и медь [12, с. 14-15].

О путях попадания предметов материальной культуры импортного производства (бус, фибул, амулетов) в предгорья Северного Кавказа размышляли многие российские и зарубежные исследователи. Особо следует выделить гипотезу В.Ф. Миллера, который на основе анализа мест, где были найдены предметы, пришел к выводу о том, что самой удобной дорогой, по которой они поступали, был путь от Фанагории по берегу Кубани [13, с. 113]. Заслуга В.Ф. Миллера заключается и в том, что им были аргументированно опровергнуты концепция де-Линаса о попадании на Северный Кавказ эмалированных фибул из Индии через посредство кочевых цыган и выводы Э. Шантра о том, что северокавказские фибулы являются более древними, чем европейские [13, с. 110].

Другого франкоязычного исследователя – по национальности швейцарского француза, по специальности геолога, натуралиста, археолога – Фредерика Дюбуа де Монпере интересовал путь через Клухорский перевал. Исследователь отождествлял Даринский путь с путем через Цебельду и далее – по долине Подкумка и Бештау. Дюбуа де Монпере чрезвычайно высоко оценивал значение данного пути: «Если Россия желает когда-либо повелевать Кавказом..., она должна, прежде всего, позаботиться о восстановлении этого великого пути», - писал он [14, с. 152].

Говоря о древнем Великом шелковом пути, Дюбуа де Монпере, побывавший на Северном Кавказе в 1833 г., указывает, что разветвление этого большого торгового пути шло к долине Подкумка, достигая его выше Боргустана. «Крепость этого города, - сообщает он, - расположенная на уединенной скалистой горе, имела около одной версты в длину; к ней вели две или

три лестницы, высеченные в скале; вход на главную из них закрывался дверью, укрепленной в расселине» [15, с. 36].

По свидетельству Дюбуа де Монпере, на вершине скалы, покрытой щебнем, в его время еще сохранялись развалины жилищ, и здесь были произведены небольшие раскопки, во время которых нашли различные предметы, в том числе и маленькие медные кресты. Согласно преданию местных жителей времен Палласа, эта уединенная крепость служила убежищем для франков или европейцев [16, с. 375]. В ходе раскопок, произведенных в данном районе в конце XIX в., были обнаружены и фрагменты византийских шелковых тканей. Другое название древнего городища-крепости – Рим-гора.

Это городище хорошо известно в специальной археологической литературе. Отметим версию В.А. Кузнецова о возможном отождествлении этого археологического комплекса с аланским городом VII-IX вв. Фуст, упомянутым константинопольским монахом Епифанием, и его приуроченности к трассе Великого шелкового пути через Северный Кавказ [17, с. 149-150]. Необходимо также подчеркнуть, что археологически Рим-гора изучена все еще слабо: цитадель и открытое поселение, ныне застроенное аулом Джага, раскопкам не подвергались, состояние комплекса в настоящее время катастрофическое. Между тем упоминание города Боргустан франкоязычными авторами говорит о популярности и широкой известности городища-крепости Рим-гора не только в регионе Кавказских Минеральных Вод и восточного Карачая, но и на всем Северном Кавказе наряду с Маджарами. Оно располагалось в непосредственной близости к Великому Шелковому пути.

Городище Боргустан описано Я. Потоцким. В X главе сочинения, посвященного описанию его поездки по Северному Кавказу, «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи» (Париж, 1829): «Путешествие из Кизляра в Моздок» Я. Потоцкий свидетельствует о том, что узнал о существовании еще одного разрушенного города в степи, кроме Маджар. Это город «Боргусан» (по Потоцкому), которого автор не посетил и сведения о котором получил от каких-то информаторов. Насколько реальны эти сведения? Первое письменное упоминание крепости Боргустан восходит к середине XVII в. и принадлежит турецкому путешественнику Эвлия Челеби, писавшему: «Она подвластна Кабарде... эта крепость - могущество силы... эта бесподобная крепость с четырех сторон (окружена) неприступными горами и, подобными колодцам, глубочайшими ущельями.... У входа в эти ущелья Искандер Зулкарнейн (Александр Македонский - Е.С.) поставил в три ряда небольшие арки с воротами, через которые рядом могли пройти лишь два человека. Вначале это были железные ворота, ныне же ворот нет, остались лишь арки... Тимуршах, увидев крепость Боргустан и это ущелье, сказал: «Как жаль, что в наших владениях нет столь укрепленной крепости и такого ущелья, иначе я был бы властелином вселенной...» [18, с. 90-91].

Эта цитата из Челеби позволяет внести существенную поправку в информацию, полученную Я. Потоцким: город и древняя крепость Боргустан находилась не в степи, подобно Маджарам, а в горной или предгорной зоне и сравнительно недалеко (в пяти часах езды) от горы Бештау, к западу. Более определенные сведения мы находим в сочинении Ф. Жилья «Lettres sur le Caucase et la Crimée» [19, с. 9-76]. Он указывает, что Боргустан расположен в 17 верстах от Кисловодска на берегу Подкумка. Заметим, кстати, что Жилью уже было известно другое название древнего городища-крепости: Рим-гора. В XIX в. здесь была образована по приказу генерала А.П. Ермолова от 14 марта 1825 г. станица Боргустанская, она располагалась в 18 км от Кисловодска между реками Подкумок и Эшакон, близ Рим-горы. В 1847-1849 гг. станица была переведена на новое место на р. Бургунту.

Таким образом, древний город Боргустан, известный франкоязычным путешественникам, - это крупнейшее средневековое городище района Кавказских Минеральных Вод (административно сейчас это территория Карачая) «Рим-гора», связанное с историей Великого шелкового пути.

Современные исследователи отмечают: «Менее изучен, на наш взгляд, вопрос о роли Великого шелкового пути в культурном взаимодействии народов Евразии. И практически неосвещенной является проблема его значения в установлении и функционировании структуры глобального взаимодействия в эпоху поздней древности и на протяжении всего средневековья» [20, с. 53-61]. Свидетельства франкоязычных авторов могут быть рассмотрены как ценный источник для изучения данного вопроса. Сегодня огромный интерес к проблеме существования Великого шелкового пути не случаен. Речь идет не только об экономических связях древних народов, но, скорее, о его роли в процессе духовного обмена между различными мирами – Западом и Востоком, будь то сфера материальной культуры, религии или искусства. Особую значимость изучения данного уникального явления подчеркивает факт включения Великого шелкового пути в специальную программу исследований ЮНЕСКО (годы 1989-1991 были объявлены ЮНЕСКО годами Шелкового пути). Именно на трассах Шелкового пути люди, принадлежавшие

к совершенно различным этносам, со своими традициями и религиями, разделенные естественными преградами, впервые соприкоснулись друг с другом, положив начало процессам взаимного культурного обогащения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бродель Фернан. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм.- М.: Прогресс, 1992. Т. II.
2. Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути.- М., 1994.
3. Латышев В.В. Эсхил. Прикованный Прометей. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.- СПб.: Фан, 1992. Вып. 1,2.
4. Латышев В.В. Геродот. История. Указ. соч. 1992.
5. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии.- М., 1996.
6. История Востока.- М., 1997. Том 1.
7. Дербенту - 5000 лет.- М., 1989.
8. Potocki J. Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. Т. I-II.- Paris, 1829.
9. Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э.- XI в. н.э.- Ставрополь, 1999.
10. Klaproth J. Voyage au mont Caucase et en Géorgie.- Paris, 1823.
11. Ашик А. Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами.- Одесса, 1848. Ч.1.
12. Берге С.А. Кавказ в археологическом отношении.- Тифлис, 1874.
13. Миллер В.Ф. Терская область. Материалы по археологии Кавказа.- М., 1888. Вып. 1.
14. Дюбуа де Монпьер Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа.- Сухуми, 1937. Т.1.
15. Соснина Е.Л. Край этот причудлив.- Пятигорск, 2000.
16. Pallas P.S. Voyage dans les gouv. méridionaux de Russie.- Paris, 1805.
17. Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв.- Орджоникидзе, 1971.
18. Челеби Э. Книга путешествия.- М., 1979. Вып.2.
19. Gilles F. Lettres sur le Caucase et la Crimée.- Paris, 1859.
20. Мамлеева Л.А. Становление Великого шелкового пути в системе трансквиализационного взаимодействия народов Евразии. Vita Antiqua, 2-1999.

REFERENCES

1. Braudel Fernand. The time in the world. Material civilization, economy and capitalism. [Vremja mira. Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm]. Moscow: Progress. Т. II., 1992.
2. Lobo-Lesnichenko E.I. China on the Silk road. [Kitaj na Shjolkovom puti]. Moscow, 1994.
3. Latyshev V.V. Aeschylus. Prometheus Chained. Records of the ancient writers about Scythia and Caucasus. [Jeshil. Prikovannyj Prometej. Izvestija drevnih pisatelej o Skifii i Kavkaze]. St. Petersburg: Farn, 1992. Vol. 1,2.
4. Latyshev V.V. Herodotus. History. [Gerodot. Istoriya]. The decree. CIT., 1992.
5. Zakhoder B.N. Caspian collection of information about Eastern Europe. Gumilev L. N. The Opening Of The Khazars. [Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope. Gumilev L.N. Otkrytie Hazarii]. Moscow, 1996.
6. The History Of The East. [Istoriya Vostoka]. Moscow, 1997. Volume 1.
7. Derbent – 5 000 years. [Derbentu - 5000 let]. Moscow, 1989.
8. Potocki J. Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. Т. I-II. Paris, 1829.
9. Prokopenko Yu.A. History of the North Caucasus trade routes of the IV century BC the XI century A. D. [Istoriya severo-kavkazskih torgovyh putej IV v. do n. je.- XI v. n. je.]. Stavropol, 1999.
10. Klaproth J. Voyage au mont Caucase et en Géorgie. Paris, 1823.
11. Ashik A. Bosphorus with its paleographic and tombstones, painted vases, plans, maps and views. [Bosporskoe carstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnyimi pamjatnikami, raspisnymi vazami, planami, kartami i vidami]. Odessa, 1848. Part 1.
12. Berger S.A. The Caucasus in archaeological terms. [Kavkaz v arheologicheskom otnoshenii]. Tiflis, 1874.
13. Miller V.F. The Terek region. Materials on archeology of the Caucasus. [Terskaja oblast'. Materialy po arheologii Kavkaza]. Moscow. Vol. 1, 1888.
14. Dubois de Monpierre Frederick. Journey around the Caucasus. [Puteshestvie vokrug Kavkaza]. Sukhumi. Vol. 1, 1937.
15. Sosnina E.L. Edge this fancy. [Kraj jetot prichudliv]. Pyatigorsk, 2000.
16. Pallas P.S. Voyage dans les gouv. méridionaux de Russie. Paris, 1805.
17. Kuznetsov V.A. Alania in X-XIII centuries. [Alaniya v X-XIII vv]. Ordzhonikidze, 1971.
18. Calabi E. Travel Book. [Kniga puteshestvija]. Moscow, 1979. Vol.2.
19. Gilles F. Lettres sur le Caucase et la Crimée. Paris, 1859.
20. Mamleeva L.A. Formation of the Great silk road in the system transrepression interaction of the peoples of Eurasia. [Stanovlenie Velikogo shelkovogo puti v sisteme transcivilizacionnogo vzaimodejstvija narodov Evrazii]. Vita Antiqua, 2-1999.

Информация об авторе

Шебзухова Татьяна Александровна, доктор исторических наук, профессор, директор Института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского Федерального университета (филиал в г. Пятигорске). Пятигорск, Россия
425257@mail.ru

Соснина Екатерина Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент Пятигорского государственного лингвистического университета, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в Пятигорске, член Московского межрегионального Лермонтовского общества, постдокторант высшей школы социальных наук по изучению русского мира советского и постсоветского периода Национального Центра научных исследований при Парижском университете Сорбонна.
Пятигорск, Россия

Бондаренко Наталья Григорьевна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой истории и философии права Института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского Федерального университета (филиал в г. Пятигорске), Пятигорск, Россия
425257@mail.ru

Получена: 21.07.2015

Information about the author

Shebzukhova Tatyana Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of Institute of Service, Tourism and Design, North-Caucasus Federal University (branch in Pyatigorsk city). Pyatigorsk city, Russia
425257@mail.ru

Sosnina Ekaterina Leonidovna, Candidate for Doctorate in History, Associate Professor, Chair of History of the Pyatigorsk State University of Linguistics, Senior Research Fellow at the Lermontov State Reserve Museum in Pyatigorsk, Member of the Moscow Interregional Lermontov Society,
Postgraduate at the Advanced School of Social Studies Majoring in the Russian World Issues of the Soviet and Post-Soviet Period at the Centre National de la Recherche Scientifique at Sorbonne, Paris.
Pyatigorsk city, Russian Federation

Bondarenko Natalia Grigorievna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Chair for History and Philosophy of Law, Institute of Service, Tourism and Design, North-Caucasian Federal University (branch in Pyatigorsk), Pyatigorsk city, Russia
425257@mail.ru

Received: 21.07.2015

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-96-99

ЭФРИКЯН Рубен Альбертович,
кандидат юридических наук, доцент

EFRIKYAN, Ruben Alibertovich,
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,

БУШКОВ Денис Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент

BUSHKOV Denis Valeryevich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ БЮДЖЕТНЫХ
(ВНЕБЮДЖЕТНЫХ) ОТНОШЕНИЙ В
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX В.**

**FEATURES OF DEVELOPMENT OF THE
INSTITUTE OF CRIMES IN THE SPHERE OF
BUDGETARY (EXTRA-BUDGETARY)
RELATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE OF
THE SECOND HALF OF XIX - EARLY
XX CENTURIES**

В статье проводится историко-правовой анализ преступлений за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов в России. Формирование системы органов финансового управления происходило в XV–XVII вв. Дворцовыми делами стал заниматься Большой дворец, а практически все функции государственного управления сосредоточивались в Большом приходе. Его компетенция распространялась на всю территорию России, что вызывало осложнения в работе. Поэтому Большой приход был разделен на четыре четверти, во главе каждой стоял дьяк. К четвертям приписывались главные русские города – Владимир, Галич, Новгород, Устюг. Главное назначение четвертей состояло во взимании налогов. Вся их организация имела финансовый характер, поэтому можно говорить о них как об органах финансового управления. На высшем уровне финансовые вопросы решались Земским собором, Боярской думой, коллегиальными органами, имевшими совещательный характер. В XVII в. сформировалась система приказов, и все они так или иначе занимались финансовыми вопросами. Лишь только с принятием в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных появились нормы об ответственности за деяния против службы, то есть должностные преступления.

The article presents a historical-legal analysis of the crimes for improper use of budgetary funds and extra-budgetary funds in Russia. The formation of the system of financial administration took place in the XV–XVII centuries. Bolshoi Dvorets (Great Palace) was involved in affairs of the Dvorets (Palace), almost all functions of government were concentrated in Bolshoi Prihod. Its jurisdiction extended to the whole territory of Russia, what caused complications in the work. Therefore, the Bolshoi Prihod was divided into four quarters at the head of each was a clerk. The quarters were attributed to major Russian cities – Vladimir, Galich, Novgorod, Ustyug. The main purpose of the quarters consisted in levying taxes. Their whole organization had a financial nature, so they can be considered as financial management bodies. At the highest level, financial issues were resolved by the Zemsky Sobor, the Boyar Duma collegial bodies, which had a consultative character. In the seventeenth century, was formed the system of the Prikazes; all of them were somehow engaged in financial matters. Only in 1845 was adopted the Code of criminal and correctional penalties which contained provisions regarding the liability for acts against the service, i.e. malfeasance.

Ключевые слова: уголовная ответственность, государственная казна, налоги, бюджетные средства, правовые основы, уголовное наказание.

Key words: criminal responsibility, the state Treasury, taxes, budget, legal framework, criminal penalties.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных содержало нормы об ответственности за деяния против службы, то есть должностные преступления (следует заметить, что рассматриваемые составы после издания Уложения в 1845 г., в редакциях практически не менялись, нижеследующий анализ проводится по редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. [1]. Так, Раздел пятый («О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной») содержал главу первую – «О неисполнении указов, предписаний и законных по службе требований». Здесь в ст. 329 указывалось, например: «За неисполнение Именных или объявляемых в установленном на сие порядке Высочайших указов и повелений, по легкомыслию и недостатку внимания к столь важной обязанности службы, виновное в том должностное лицо, – отрешается от должности; или вовсе исключается из службы. Но когда сие лицо не исполнило Высочайшего указа или повеления с намерением, для каких-либо корыстных или иных видов, то оное подвергается: лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на время от десяти до двенадцати лет» [1]. Совершенно очевидно, что эта и подобные ей нормы (далее в Уложении следуют статьи об ответственности за невыполнение актов нижестоящих по отношению к императору органов власти и управления – Сената, министерств и др.) являются аналогом действующей в настоящее время ст. 285 УК РФ, по которой до декабря 2003 г. квалифицировалось нецелевое расходование бюджетных средств. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодатель устанавливал довольно жесткое наказание за данное преступление, то есть охрана государственных интересов осуществлялась в приоритетном порядке.

Помимо этого, нецелевое расходование государственных средств могло квалифицироваться как присвоение чужого имущества. В этой связи заметим, что в Уложении о наказаниях

уголовных и исправительных нормы, регулирующие составы рассматриваемого преступления и ответственности за его совершение, расположены в специальной главе «О присвоении и утайке чужой собственности», которая, в свою очередь, разделена на три отделения: 1) отделение первое – «О присвоении, чрез подлог или иного рода обманы, чужого недвижимого имущества» (ст. 1677–1680); 2) отделение второе – «О присвоении и растрате чужого движимого имущества» (ст. 1681–1682); 3) отделение третье – «О присвоении ученой или художественной собственности» (ст. 1683–1685).

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных содержало ряд преступных деяний, которые также включали в объективную сторону признаки присвоения и растраты средств, некоторым образом связанных с государственными средствами. Так, согласно ст. 1199 Уложения «члены основанных с дозволения правительства обществ, товариществ или компаний, за умышленное истребление, повреждение или утайку вверенных им от общества, а равно за присвоение или самовольную растрату такого имущества, – приговариваются к наказаниям, в статье 1711 сего Уложения за преступления сего рода, учиненными поверенными».

Обращение к указанной статье показывает, что речь идет о преступлениях, которые совершают лица, действующие по доверенности, а точнее, наказание следует за «злонамеренное истребление или повреждение вверенных актов или имущества, а равно и за присвоение, злонамеренную утайку или самовольную растрату такого имущества». Наказание – «высшая мера, определенная за сии преступные действия». Среди всех санкций, предусмотренных в части 4 Отделения второго («О преступлениях и проступках по некоторым обязательствам в особенности») Главы пятой («О преступлениях и проступках по договорам и другим обязательствам»), максимальная составляет наказание в виде лишения всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдача в арестантские исправительные отделения по пятой степени ст. 31 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, то есть на время от одного до полутора лет (помимо компенсации причиненного ущерба в гражданско-правовом порядке).

В ст. 354 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, которая была включена в главу «О противозаконных поступках должностных лиц при хранении и управлении вверенного им по службе имущества», указывалось: «Кто из чиновников и вообще состоящих на службе, имея в руках своих какие-либо, казенные или частные, по службе вверенные ему, вещи, денежные суммы, банковские билеты, облигации и т.п., или же управляя, по распоряжению правительства, казенным или частным имением, будет оным пользоваться и употреблять что-либо из вверенного ему имущества или доходов с оного на свои собственные расходы, или же ссужать оными других, без ясного на то разрешения начальства, или же присвоит себе или растратит что-либо из сего имущества или доходов, то в случае, если он прежде открытия сего злоупотребления возвратит сам вполне все самовольно им взятое, присвоенное или растраченное, подвергается: денежному взысканию не свыше цены взятого им, растраченного или присвоенного, и отрешается от должности».

Более жесткое наказание следовало в случае, если виновный все добровольно возвратил после открытия злоупотребления, – в этом случае чиновник помимо определенного выше денежного взыскания вообще исключался от службы (ч. 2 ст. 354 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных).

Если же виновный не возвращал присвоенного или растраченного, то он подвергался:

«когда цена взятого, присвоенного или растраченного не превышает трехсот рублей, –

заключению по первой степени статьи 38 сего Уложения (от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев – авт.), с присовокуплением для дворян, священнослужителей, монашествующих и почетных граждан – лишения всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ;

когда цена взятого, присвоенного или растраченного выше трехсот рублей, –

лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения по первой, второй, третьей или четвертой степени статьи 31 сего Уложения; а в случаях, особенно важных – лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения на время от пяти до шести лет или же на время от четырех до пяти лет.

Присвоенное или растраченное виновным взыскивается с его имени на основании общих постановлений статьи 59 сего Уложения».

При определенных обстоятельствах рассматриваемое в настоящей работе деяние могло квалифицироваться и как мошенничество. Согласно ст. 1665 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, «мошенничеством признается всякое, посредством какого-либо обмана учиненное, похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества». Здесь выделяется основной признак мошенничества – обман. Далее в ст. 1666–1676 Уложения закрепляются ква-

лифицирующие признаки мошенничества, а также уточняются некоторые вопросы назначения наказания за совершение этого общественно опасного деяния.

Следует далее отметить, что финансовое право России второй половины XIX – начала XX в. представляло собой развитую отрасль права. В этот период сложились уже устойчивые понятия налогов, принципов налогообложения, его субъектов и объектов. Налогообложение имело достаточную правовую базу, позволявшую избегать произвола и взыскивать налоги в соответствии с законом. Государственные расходы также получили правовое закрепление. В тот период власть не могла бесконтрольно расходовать государственные средства. Получило развитие учение о бюджете. За ним была закреплена законодательная сила, он основывался на научных принципах, что придавало ему вес и большую юридическую силу [2, с. 42-56]. А с учреждением Государственной Думы у представительного органа появилось больше возможностей воздействовать на бюджетную политику правительства. Однако центральная власть предпринимала максимум усилий, чтобы ограничить роль Думы в принятии бюджета. При обсуждении проекта бюджета Дума не могла изменить те доходы, которые вносились в проект бюджета на основании действующих законов, а также указов (повелений) Императора. Дума имела право изменить законы и положения, но это должно было происходить в порядке, предусмотренном для изменения нормативного акта, и грозило сильно затянуть процесс принятия бюджета, тем более что если Дума не утверждала бюджет, то автоматически получал юридическую силу бюджет прошлого года. Петр Струве отмечал, что «существо этих статей сильно ограничивает участие народного представительства в установлении бюджета» [3, с. 309]. Как писал депутат Государственной Думы экономист И.В. Петрункевич, «не подлежало сомнению, что Дума встретит немало препятствий не только в недостатках своего бюджетного права, но и в противодействии бюрократии, не желающей отказаться от неисчерпаемого источника своей силы и власти, но нельзя сомневаться, что окончательная победа останется за народным представительством, на стороне которого и общественное мнение страны» [4].

Одновременно более совершенным стало и уголовное право – речь идет о принятии в 1903 г. Уголовного уложения [5]. Однако и здесь законодатель не выделял специальной нормы об ответственности за нецелевое расходование государственных бюджетных средств, равно как за нецелевое расходование средств местного самоуправления, органы которого (земские учреждения и городские управы) в соответствии с российским законодательством также имели свою бюджеты. Как и ранее, нарушения бюджетной дисциплины каралось по нормам, предусматривающим уголовную ответственность за преступления против государственной службы. В Уголовном уложении в главе 37 («О преступных деяниях по службе государственной и общественной») содержался ряд составов должностных преступлений. Однако ввиду того, что Уголовное уложение в полной мере так и не было введено в силу (из-за сложной общественно-политической ситуации, возникшей в результате активизации революционных настроений), то действовали в своей основе составы должностных преступлений Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. А в числе действующих составов должностных преступлений, предусмотренных Уголовным уложением, были составы лишь о недонесении о преступлениях и непресечении таковых со стороны служащих, обязанных это делать по долгу службы. Так, в соответствии со ст. 643 «служащий, обязанный по свойству его службы предупреждать или пресекать преступные деяния, виновный в непринятии, несмотря на заведомую наличность доказательств существования замышленных или предпринятых тяжкого преступления или преступления, надлежащих мер к предупреждению или пресечению оных, если непринятие мер повлекло учинение преступления или тяжкого преступления, наказывается: в случае учинения преступления – заключением в тюрьме на срок не ниже трех месяцев; в случае учинения тяжкого преступления – заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет». Предусматривались также квалифицированные составы.

Что касается присвоения вверенного имущества, а такие действия также могли сопровождать нецелевое расходование бюджетных средств, то состав присвоения, аналогичный современному пониманию, закреплён в ст. 574 Уголовного уложения, которая в ч. 1 имеет следующий вид: «Виновный в присвоении вверенного ему чужого движимого имущества наказывается: заключением в тюрьме на срок не ниже трех месяцев». Далее следуют квалифицированные и привилегированные составы присвоения. Следует заметить, что состав присвоения в Уголовном уложении 1903 г. определен таким, каким он по своей сути будет затем воспроизводиться как советским, так и современным российским законодателем. Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что речь идет только о присвоении вверенного имущества, в то время как растрата такого имущества не выделяется в качестве самостоятельного общественно опасного посягательства против собственности в данном составе, а формулируется в отдельных составах и в иных формулировках.

Таким образом, бюджетные отношения в России в масштабе всего государства начали

развиваться начиная с Московского государства, однако на системном уровне стали регулироваться только с конца XVIII в. Ответственность за нарушения в этой сфере могла наступать по нормам об ответственности за должностные преступления, а также за преступления против собственности, что наиболее подробно находило отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Специальных составов о нецелевом расходовании бюджетных средств уголовное законодательство Российской империи не содержало. Равным образом это касается и уголовного законодательства советского государства; вместе с тем в силу социально-экономических особенностей развития СССР преступлений в виде нецелевого расходования бюджетных средств не могло быть. После распада СССР и перехода экономики России на рыночные отношения значимость бюджетных институтов резко возросла, соответственно для усиления охраны государственных (общественных) средств последовательно и довольно быстро стали развиваться финансовая, административная и, наконец, уголовная ответственность, однако в последнем случае вплоть до 2003 г. нецелевое расходование бюджетных средств квалифицировалось как злоупотребление должностными полномочиями или превышение таковых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Свод законов Российской империи. Т. XVI. – СПб., 1912.
2. Озеров И.Х. Программа по финансовому праву (для переходящих на IV курс). – М., 1901; Ялбулганов А.А. Очерки истории финансового права дореволюционной России. – М., 1998. – С. 42-56.
3. Струве П. К характеристике нашего бюджетного права // Вопросы хозяйства и бюджетного права. Вып. I. – СПб., 1907. – С. 309.
4. Петрункевич И.В. Предисловие к статье Фридмана М.И. Наше законодательство о бюджете // Вопросы хозяйства и бюджетного права. Вып. I. – СПб., 1907. – С. VIII.
5. Уголовное уложение 1903 года. – СПб., 1910.

REFERENCES

1. The code of laws of the Russian Empire. [Svod zakonov Rossiyskoj imperii] // T. XVI. St. Petersburg, 1912. (inRuss.).
2. Ozerov I.H. Program on financial law (for passing on IV course). [Programma po finansovomu pravu (dlya perehodyachih na IV kurs)] // Moscow, 1901; Yalbulganov A. Essays on the history of financial law of pre-revolutionary Russia. [Ocherki istorii finansovogo prava dorevolucionnoy Rossii] // Moscow, 1998. P. 42-56. (inRuss.).
3. Struve P. To the characterization of our budget law [O harakteristike budzetnogo prava] // Voprosy hozyastva i budzetnogo prava - Problems of economy and budget law. Vol. I. St. Petersburg, 1907. P. 309. (inRuss.).
4. Petrunkevich I.V. Preface to the article, Friedman M. I., Our legislation on the budget [Predislovie k statie Fridmana M.I. Nashe zakonodatelstvo o budzete] // Voprosy hozyastva i budzetnogo prava - Problems of economy and budget law. Vol. I. St. Petersburg, 1907. P. VIII. (inRuss.).
5. Of the Criminal code of 1903. [Ugolovnoe ulozenie 1903 g.]. St. Petersburg, 1910. (inRuss.).

Информация об авторе

Эфрикян Рубен Альбертович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Краснодар, Россия
rubenefrikyan@yandex.ru

Бушков Денис Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Краснодар, Россия

Получена: 16.09.2015

Information about the author

Efrikyan Ruben Alibertovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate professor, Chair for Criminal Law, Russian State University of Justice (Krasnodar), Krasnodar city, Russia.
rubenefrikyan@yandex.ru

Bushkov Denis Valeryevich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Chair of Criminal Law, Russian State University of Justice, (Krasnodar), Krasnodar city, Russia

Received: 16.09.2015

УДК 343

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-100-103

ЯКОВЛЕВА Людмила Валериевна,
кандидат юридических наук, доцент

YAKOVLEVA Ludmila Valerievna,
Candidate in Juridical Sciences, Associate Professor

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

HISTORY OF THE FORMATION OF THE CRIMINAL PROCEDURAL LAW IN RUSSIA

В статье освещаются правовые акты, регламентирующие уголовное судопроизводство в России в процессе его становления по мере развития российской государственности. В работе рассматриваются нормативные акты, применяемые для разрешения уголовно-правовых конфликтов с древних времен и до начала судебно-правовой реформы 1993 г. Начиная с Русской Правды последовательно освещаются все правовые источники, разработанные в разные исторические периоды в России, для регламентации уголовно-процессуальной деятельности. Помимо описания содержания отдельных правовых актов, в статье также рассматриваются исторические и политические события, сопровождавшие их принятие, уделяется внимание лицам, находившимся в эти периоды в руководстве страны.

Представленный материал позволяет проследить историю становления уголовно-процессуального законодательства по мере развития российского государства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, правосудие, источник права, судебно-правовая реформа, преступление, суд, расследование.

The article highlights the legal acts regulating the formation of criminal procedure in Russia in the process of the development of Russian statehood. The paper examines the regulations which were applied to resolve criminal law conflicts from ancient times till the start of judicial reform in 1993. Starting from the "Russkaya Pravda" (Russian Truth), the article consistently covers all legal sources that accompanied their adoption and pays attention to the leaders who headed the country in those periods.

The presented material allows to trace the history of the formation of the criminal procedural law with the development of the Russian state.

Key words: criminal procedural law, criminal procedure, justice, source of law, judicial reform, crime, court, investigation.

В науке уголовного процесса принято, что Российское уголовно-процессуальное законодательство берет свое начало с первого письменного источника – Русской Правды, имевшей две редакции (краткая и пространственная) – наиболее древний из которых датирован 1016 г. Она представляет собой светский судебник (называют ее также Правдой Ярослава), который регулировал общественные отношения в Киевской Руси и в Новгороде, но не вторгался в церковную юрисдикцию [1, с. 27]. Русская правда ограничивала применение кровной мести, ее могли применять только близкие родственники: сын мстил за отца, отец за сына, брат за брата – и только с разрешения суда.

В правовой системе средневековой Руси, особенно в ходе формирования правового порядка, важнейшим органом разрешения конфликтов было «вече». Анализ сохранившихся источников права позволяет сделать вывод, что обычное право и воля князя или другого феодала оставались долгое время единственным источником [2, с. 376-377].

Основной целью правосудия было поддержание социального равновесия, поэтому судебный процесс воспринимался как примирительная процедура, связанная с реституцией, то есть восстановлением нарушенного права [3, с. 6]. Первоначально решение по судебному процессу было устным, а уже в более позднее время оно стало облекаться в письменную форму. Если суд состоялся, то выдавалась «правая грамота». Если же сторона не являлась, то выдавалась бессудная грамота [4, с. 377].

Губные грамоты более подробно определили появившуюся в конце XV в. новую форму процесса – розыск, применявшуюся по тяжким преступлениям, по делам «ведомых лихих людей».

5 ноября 1723 г. был издан именной указ «О форме суда» [5, с. 250], в соответствии которым розыск был отменен, а суд стал единственной формой процесса.

26 июня 1765 г. был принят указ Правительствующего Сената «О производстве дел уголовных, учиненных несовершеннолетними, и о различии наказания по степени возраста преступников», согласно которому «мужескому, так и женскому полу совершенный возраст считать в 17 лет». Недостижение указанного возраста смягчало наказание и устранило применение пыток [6]. Указ от 31 августа 1765 г. «О собирании справок о летах преступников, выдающих себя за малолетних» предписывал всем присутственным местам, осуществлявшим производство по уголовным делам, тщательно устанавливать возраст преступников [6].

8 апреля 1782 г. Екатериной II был подписан «Устав Благочиния, или Полицейский» [6]. Управу благочиния возглавлял обер-полицмейстер, в иных городах – городничий. В ее состав

входили два пристава (уголовных и гражданских дел) и два ратмана. Управа благочиния в соответствии с «Уставом благочиния» возбуждала уголовные дела, проводила первоначальное устное разбирательство и передавала дело в суд (ст. 70). По мелким уголовным делам Управа самостоятельно принимала меры, а дела ценой более 20 рублей или дела о краже и мошенничестве, совершенных в четвертый раз, передавались в суд (ст. 72). В «Уставе благочиния» достаточно подробно определялись уголовно-процессуальные функции частного пристава, который должен был произвести первоначальные следственные действия и принять соответствующие меры вплоть до заключения обвиняемого под стражу [8, с. 573-575].

Время царствования императора Павла I характеризуется принятием специальных мер по совершенствованию деятельности по расследованию преступлений.

Указом императора Александра II от 8 июня 1860 г., которым утверждено «Учреждение судебных следователей», был образован институт судебных следователей в Российской Империи.

Уголовный процесс в соответствии с преобразованиями, проведенными в ходе Судебной реформы, характеризовался следующими основными положениями: судопроизводство по общеуголовным делам было окончательно разделено на предварительное следствие и судебное разбирательство; обвинение было отделено от суда и передано прокуратуре; значительно расширились права обвиняемых и потерпевших; создана адвокатура; по делам о тяжких преступлениях к их рассмотрению привлекались присяжные заседатели для определения виновности в совершении данных преступлений; отменена система формальных доказательств и введена свободная оценка доказательств по совести и внутреннему убеждению судей; установлены гласность, непосредственность и состязательность в судебном разбирательстве и др. [8, с. 394-395].

Судебные уставы открыли совершенно новую эпоху в истории отечественного судебного права. В области судостроительства провозглашалась самостоятельность судебной власти, упразднялись пытка, теория формальных доказательств, вводилась оценка доказательств на основе внутреннего убеждения судей [9, с. 24].

В их основу были положены демократические принципы, которые внесли существенные изменения в правовое положение участников уголовного судопроизводства и их взаимоотношения. Изменения коснулись многих институтов, но в большей мере дознания, предварительного расследования, регламентирующих производство в судах. Несмотря на прогрессивность судебной реформы для рассматриваемого исторического периода, она сохранила серьезные пережитки дореформенного времени. В частности, отделение суда от администрации было непоследовательным. Сенат, высший судебный орган страны, одновременно оставался административным учреждением. Местные суды фактически контролировались губернаторами. Правительство игнорировало принцип несменяемости судей. Мировые и общие суды в основном состояли из дворян. Полиция и жандармерия отрицательно относились к поручениям следователей, что наносило существенный вред раскрытию и расследованию преступлений.

Революционные преобразования новой власти в 1917 г. породили хаос в системе уголовного судопроизводства, отказавшись от ранее устоявшегося порядка, определенного Уставами.

Декрет «О суде» № 1 от 22 ноября 1917 г. [10] стал первым правовым актом, направленным на создание советской судебной системы. Он упразднил дореволюционную судебную систему и установил, что правосудие в стране осуществляют созданные в соответствии с ним судебные органы – местные суды и революционные трибуналы. В частности, местные суды рассматривали основную массу уголовных дел. Они состояли из постоянного судьи и двух сменяющихся народных заседателей.

В последующем порядок уголовного судопроизводства был детализирован другими Декретами и рядом правовых актов, в частности Положением о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. [11], Положением о народном суде от 21 октября 1920 г. [12], Положением о революционных трибуналах от 20 апреля 1919 г. [13], Положением о революционных трибуналах от 20 ноября 1919 г. [14], Положением о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г. [15].

Период с середины 20-х до середины 30-х гг. – наиболее сложный в нашей истории. Вместо суда приоритетным органом становится централизованное и неконтролируемое следствие. В этот период были созданы внесудебные органы (Особые тройки, Особые двойки и Особое совещание при НКВД СССР), деятельность которых противоречила Конституции СССР 1936 года, но вынесенные ими решения имели силу приговора суда.

Время правления Сталина характеризуется принятием ряда правовых актов, регламентирующих упрощенное производство. В условиях военного времени наиболее серьезные изменения произошли в деятельности военно-судебных органов. В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. уголовное судопроизводство приняло военизированный характер. 22 июня 1941 г. Президиумом Верховного Совета СССР был издан Указ «О военном поло-

жении» и утверждено Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий [16]. В соответствии с ними дела о преступлениях против обороны, государственной безопасности и общественного порядка рассматривались военными трибуналами. Приговоры кассационному обжалованию не подлежали, вступали в законную силу и исполнялись немедленно, отменяться могли только в порядке надзора.

В 1958 г. были приняты Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, определившие концептуальные положения уголовного процесса: сформулированы задачи и принципы уголовного судопроизводства, основные положения доказательственного права, внесены изменения в порядок судопроизводства на различных стадиях уголовного процесса. В соответствии с основами Уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. были приняты УПК союзных республик.

27 октября 1960 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, вступивший в законную силу в 1961 г., действовавший на протяжении более чем 40 лет, регулярно подвергаясь изменениям и дополнениям.

Стремление к охране прав личности, совершенствование ее правового статуса в уголовном процессе нашло свое отражение в тех изменениях, которые были внесены в Основы уголовного судопроизводства в августе 1981 г. [17]. В статьях Основ, где закреплены принципы уголовного процесса, значительно расширен объем правомочий участников процесса, введены дополнительные гарантии их практического осуществления.

Изменение в начале 90-х гг. XX в. в стране государственного строя обусловило необходимость изменения уголовно-процессуального законодательства. Первоначально это осуществлялось путем внесения изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и УПК РСФСР. Принятие Конституции Российской Федерации 1993 г. наглядно показало необходимость разработки принципиально нового уголовно-процессуального закона, соответствующего концепции современного российского общества.

Судебно-правовая реформа, начавшаяся после принятия Конституции 1993 г., коренным образом начала преобразование всей организации государственных органов, ведущих уголовный процесс. Основные изменения коснулись принципов и порядка судопроизводства, положение личности в уголовном процессе. Идеи радикальных изменений уголовного процесса, его принципов, форм в сторону демократизации и гуманизации выражены в концепции судебной реформы в Российской Федерации.

Рассмотрение исторического опыта развития уголовно-процессуального законодательства начиная со времен Русской Правды показывает, что каждый новый нормативный акт, появившийся взамен или в дополнение ранее действующего, по сути, ознаменовывал определенные реформаторские изменения в политической жизни и уголовно-процессуальной системе страны.

Исследование современных процессов по осуществлению правовой реформы и одного из ее направлений, реформы уголовного судопроизводства, позволяет констатировать, что уголовно-процессуальное законодательство продолжает развиваться и совершенствоваться на основе норм ранее действовавшего законодательства, основой которому послужили Уставы уголовного судопроизводства. Следовательно, изучение исторического опыта развития уголовно-процессуального законодательства позволит избежать прошлых ошибок и сохранить в уголовном судопроизводстве положительно зарекомендовавшие себя процедуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Филиппов А.Н. Учебник истории Русского права. – Юрьев, 1907. Ч. 1. – С. 99-123; Российское законодательство X–XX вв. Т.1. Законодательство Древней Руси. – М., 1984.
2. Чистяков О.И. Труды выдающихся юристов. – М.: Юрид. лит.
3. Алиев Т.Т., Громов Н.А., Зейналова Л.М., Лукичев Н.А. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве: Уч. пособие. – М., 1989.
4. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв.: Монография. – М.: Зерцало-М., 2003.
5. Энциклопедический словарь / Под ред. А.В. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2001.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. I. Т. XVII. № 12424.
7. Законодательство Екатерины II. Т. 1.
8. Курс советского уголовного процесса. Общая часть. – М.: Юрид. лит., 1989.
9. Судебные уставы издания Государственной Канцелярии. – СПб., 1987.
10. СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
11. СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.
12. СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.
13. СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.
14. СУ РСФСР. 1919. № 58. Ст. 549.

15. СУ РСФСР. 1920. № 22-23. Ст. 115.
16. Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.
17. Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 33. Ст. 966.

REFERENCES

1. *Filippov A.N.* Textbook the history of Russian law [Uchebnik istorii russkogo prava]. Yuriev, 1907. Part 1. P. 99-123; Russian legislation X–XX centuries. Vol. 1. *The Laws of Ancient Russia. Moscow, 1984.*
2. *Chistyakov O.I.* The works of prominent lawyers [Trudy vydayushhihsya uchenykh]. *Moscow: Legal literature.*
3. *Aliyev T.T., Gromov N.I., Zeynalov L.M., Lukichev N.A.* Adversarial nature and equality of parties in criminal proceedings [Sostyazatel'nost' i ravnopravie storon v уголовном sydoproizvodstve]. *Training manual. Moscow, 1989.*
4. *Momotov V.V.* Formation of medieval Russian law in IX–XIV [Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX–XIV veke]: Monograph. *Moscow: Mirror-M., 2003.*
5. Encyclopedic dictionary [Jenciiklopedicheskij slovar]. Ed. by A.V. Krutskikh. *Moscow: INFRA-M, 2001.*
6. Complete collection of laws of the Russian Empire [Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii]. SOBR. I. T. XVII. No. 12424.
7. Legislation of Catherine II [Zakonodatel'stvo Ekateriny]. Vol.1.
8. The course of the Soviet criminal process. The General part [Kurs sovetskogo ugovnogo prociessa. Obshhaya chast']. *Moscow: Legal. lit., 1989.*
9. Court regulations publication of the State Chancellery [Sudebnye ustavy Gosudarstvennoj Kanciel'yarii]. *Sankt-Peterburg, 1987.*
10. SU RSFSR [SU RSFSR]. 1917. No. 4. PT. 50.
11. SU RSFSR [SU RSFSR]. 1918. No. 85. PT. 889.
12. SU RSFSR [SU RSFSR]. 1920. No. 83. PT. 407.
13. SU RSFSR [SU RSFSR]. 1919. No. 13. PT. 132.
14. SU RSFSR [SU RSFSR]. 1919. No. 58. PT. 549.
15. SU RSFSR [SU RSFSR]. 1920. No. 22-23. PT. 115.
16. Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR [Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR]. 1941. No. 29.
17. Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR [Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR]. 1981. No. 33. PT. 966.

Информация об авторе

Яковлева Людмила Валериевна, кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия
yalv777@mail.ru; 8(918)4420577

Получена: 16.09.2015-

Information about the author

Yakovleva Ludmila Valerievna, Candidate in Juridical Sciences, Associate Professor, Doctoral student, Chair of Criminal Proceedings, Krasnodar University, Russian Interior Ministry, Krasnodar city, Russian

Received: 16.09.2015-

Социологические науки

Sociological Sciences

УДК - 159,9

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-107-110

АМИРБЕГОВ Юрий Михайлович,
аспирант кафедры философии

AMIRBEGOV Yuri Mikhailovich,
Postgraduate student, Chair of Philosophy

О СМЫСЛЕ БЫТИЯ - Я ВЕРЮ И ПРИБОЩАЮСЬ

ON THE MEANING OF LIFE - I BELIEVE AND RECEIVE

Нам не известен смысл бытия смертной природы, но когда перед нами стоит задача, требующая решения, и мы всеми природными средствами пытаемся достичь этой цели, тогда мы постигаем смысл нашего бытия в этом творческом отрезке времени.

Но что толкает нас к творческому марафону, когда мы знаем, что наша жизнь конечна, а без надежды на будущее вся наша творческая деятельность теряет смысл? И, тем не менее, мы продолжаем творить – пишем теории, любим, создаем семейный очаг, строим будущее там, где не могло устоять старое, и даже погибаем за место «под луной» в борьбе за существование. Почему? Неужели потому, что такова наша природа, ведущая нас к бессознательной форме существования?.. Но когда мы осознаем мир материальных форм бытия и себя в этом мире, то какие факторы могут толкать нас на созидание, кроме природных инстинктов, свойственных любому биологическому виду?

О факторах, толкающих человека на созидание, и о тайной надежде человека о вечном бытии его «Я» и пойдет речь в данной статье.

We do not know the meaning of life of mortal nature, but when we face the task to be solved and we try to achieve this goal using all natural means, we comprehend the meaning of our existence in this creative time period.

But what pushes us to the creative marathon, when we know that our lives are finite and without hope for the future all our creative work is meaningless. And yet, we continue to create – we write theories, fall in love, create families and build a future where and even die for a place «under the moon» in the struggle for existence. Why? Is it because this is our nature, leading us to the unconscious form of existence... But when we realize the world of material forms of existence and ourselves in this world, what factors can push us to be creative besides the natural instincts inherent in any biological species?

The article is about the factors pushing the man to the creation and about the secret hopes of the person for eternal existence of his «I».

Ключевые слова: религия, мудрость, истина, смысл, знание, созидание, надежда, вера, любовь, ответственность.

Key words: religion, wisdom, truth, meaning, knowledge, creation, hope, faith, love, responsibility.

Со времен «Адама и Евы» проблема выживания всегда являлась одной из основных стимуляторов деятельности человека, направленной как на созидание, так и на разрушение. В поисках способа выживания человек обращается к своей природе, чтобы найти свои неуязвимые стороны, обращаясь и к природе окружающего мира, чтобы найти лазейки для своего благополучного существования.

Изучая мир и себя в этом мире методом проб и ошибок, человек не только ради любопытства, но и ради решения проблем выживания становится источником знаний, толкающих его к новым проблемам в мире конкурентных мировоззрений.

Что толкало Жордано Бруно к этой новой проблеме, подвергшей его экзекуции? Какое имеет значение, что вокруг чего вращается – Солнце вокруг Земли или Земля вокруг Солнца? Стоили ли эти знания жизни?

Ученого-философа толкало не простое любопытство и не проблема выживания, его толкали знания, любовь к мудрости, ответственность за будущее, Вера в истину и его религия. Многие философы теряли не только свою свободу, но и жизнь за свое мировоззрение, отличающееся от устоявшихся мировоззрений (кто мог в СССР поставить под сомнение марксистско-ленинскую философию?!).

И тем не менее, философы, даже в СССР, творили будущее науки, оставаясь отвергнутыми своими коллегами. С распадом Великой Империи и с крахом марксистско-ленинской философии волна идей захлестнула создавшийся в философии вакуум мировоззрений, отвергнутых когда-то философов. Среди отвергнутых творцов будущей науки были и такие, которые отрицали в реальности не только материю, пространство и время, но и само движение, принимая реальность за статическое постоянство или «Ничто» [1, 2, 3, 10], не требующее элементарных причин своего существования – создателя, вместилища и пространственных участков, что вызвало среди их современников отрицательные эмоции. С крахом марксистско-ленинской философии философия материалистического толка, прочно утвердившаяся в сознании ученых, не смогла ужиться с философией нематериалистического толка, отрицающей материю и разум в реальности. Более устойчивыми к догмам прошлого оказались идеалисты материалистического толка и материалисты идеалистического толка, считающие, что реальная материя творит себя и свои реальные живые и неживые формы бытия своей способностью двигаться, изменяться и осмысливать свое бытие в материи [7, 12] или потому, что так было задумано реальным Творцом.

Среди философов-дуалистов, не отрицающих ни материалистическую точку зрения о мире из всего, ни идеалистическую и творящий этот мир разум, подобно Отцу и демиургам, ле-

пившим из материи смертную телесность человека [8], или допускающих, как Аристотель [4], бессознательные противоположности – реальную материю и реальное «божественное начало» с реальным общим субстратом, были и такие, которые считали, что «Ничто» не реальность, а продукт нашего сознания [5, 6, 9, 11]. И тем не менее, спор между материалистами и идеалистами продолжается и по сей день. Но в споре между материалистами и идеалистами рождалась и рождается истина...

Неужели «Ничто» сложнее понять, чем то, что называем мы материей, которая почему-то не только есть, но и творит и творится в живые и неживые формы бытия, изменяется и изменяется, отражается и отражает, кусками осмысливая свое бытие в другом, недоразвитом куске материи, движущемся в самом себе, как в пространстве и времени, и борющимся с самим собой как с противоположностью, – сплошная фантастика? Что вытворяет безбожная материя, не сможет осмыслить даже Бог, по замыслу которого была сотворена материя и наши души, – так считали идеалисты, верующие в разум Творца, как Платон в своих диалогах верил в отца с демиургами, творящими душу и телесность человека из материи Гераклита Эфесского. Тогда как с другой стороны – ну кому нужно было порождать вечную бесконечность с совмещенными одно в другом движущимися и изменяющимися смертными формами бытия, исключаящими в этой бесконечности самого создателя. Сплошные безответные вопросы. Даже Аристотель со своим божественным началом не смог ответить на вопрос: откуда взялись противоположности – божественное начало и материя с их общим субстратом и что породило движение, почему и как.

Осмысливая все вышеизложенное, невольно начинаешь понимать философа, отождествляющего реальность со статическим постоянством, исключаяющим собой материю, пространство, время и движение, сводящего реальность к «Ничто» – к абсолютно беспричинной простоте, не требующей создателя, вместилища и кирпичиков мироздания.

Поверив в истину философа, невольно и сам начинаешь на все смотреть просто, понимая, что именно сохранение реальности в наипростейшем, как «Ничто», статическом состоянии в непрерывности своего постоянства – это и есть движение, не требующее никаких приложенных сил.

Вспоминая школьные годы, невольно возвращаешься к учебнику по физике – к закону Ньютона об инерции и приходишь к заключению, что беспричинное состояние статики в непрерывности своего постоянства – это и есть инерция, или статическая форма движения, что образно можно представить сдвигом статики в непрерывности своего постоянства с прошлой непрерывности в будущую непрерывность [2, 3, с. 39-40].

И становится понятным, почему и как «Ничто» принимает значение вечной первопричины движения... Потому что ничто беспричинно – оно не может ни возникнуть, ни уничтожиться, ни измениться, при этом порождая движение, реализующееся и нашим сознанием, и в нашем сознании в виде движущейся и изменяющейся материи.

Вроде все просто... но оказалось, что не все, так как «Ничто» отнимает смысл нашего бытия, стирая грань между жизнью и смертью. Если с божеством не исчезала надежда вечного существования нашей души, то с «Ничто» эта надежда исчезает (но это ошибочное мнение, так как именно «ничто» дарует нам вечность).

Человек не может смириться с концом своего существования, он хочет верить в свое бессмертие и не теряет надежду на будущее; без надежды на будущее вся творческая деятельность человека теряет свой смысл. И человек начинает веровать в бессмертие того, что Платон назвал душой человека.

Но кто или что может подтвердить, что наша душа смертна или бессмертна, предполагая, что душа – это чувственная сторона субъект-объекта (человека), отождествляющая его «Я»?

Если реальность бессмертна, а объективная материальность, в том числе наша телесность, смертна, куда же денется наша душа после смерти нашей телесности и какую телесность она приобретет? Вот в чем вопрос, который ставил когда-то устами Гамлета великий Шекспир.

Когда мы хороним человека, мы хороним его материальную телесность, но не реальность и не его душу, которой никогда не было в его объективной телесности. Душа была в наличии сохраняющейся реальности, которая бессмертна. И если в одном временном измерении душа человека получала информацию о мире из всего через материальную телесность этого человека, то со смертью этой телесности душа получает информацию в другом временном измерении, где рождается информирующая ее телесность, не тождественная и не равная умершей. И душа человека, отождествляющая его «Я», не прерывается в непрерывности постоянства. Она продолжает существовать в другом временном измерении. Иначе, если душа прервется и не будет

в непрерывности постоянства продолжений «Я» человека в наличии реальности, то не будет и тождества между прерванной и вновь воспроизведенной душой.

Утверждать или опровергать мнение, что в другом временном измерении наше «Я» находит свое продолжения, никто не сможет, так как нет прямых доказательств, кроме косвенных, таких как:

1. Наша телесность постоянно обновляется – клетки чередуются в поколениях, и телесность с прошлым поколением не является телесностью с порожденной взамен, тогда как «Я» индивида находит свое продолжение в телесности с новым поколением носителей генной информации. «Я» человека не прерывается с момента его зачатия до самой его смерти;

2. За нами – прошлая вечность; перед нами – будущая вечность. Неужели у меня такое счастье в этой вечности родиться в текущий ее момент?

Если первый случай можно объяснить сохраняющейся генной информацией, то второй вариант, исключающий сохранность генной информации, объяснению не подлежит, кроме закономерной вечной реальности, которая была в потенциале субъект-объекта в одном временном измерении и нашла свое продолжение в потенциале субъект-объекта в другом временном измерении.

В бессмертие нашего «Я» можно только верить или не верить. То, что недоказуемо и мы принимаем на веру, – это наша религия. Но вера в продолжение своего «Я» и вера в реинкарнацию – это разные вероисповедания, так как продолжение «Я» человека в другом временном измерении не есть реинкарнация, подразумевающая душу и телесность человека сходящимися и расходящимися реальностями в одном временном измерении.

И как ни странно, приняв теорию того философа, исповедующего «Ничто» как первопричину движения, многие сегодня стали верующими в истину – в единство реальности и приобщились к его религии потому, что любят мудрость. Так что же толкало на созидание того философа, которого не понимали его коллеги? Он ведь знал, что обречен влачить оставшуюся жизнь в изгнании, вдали от большой науки. Он философ и этого не мог не предвидеть.

Среди прочих причин им двигали знания, любовь к мудрости и религия, которые дали мне возможность смоделировать мыслящий аппарат человека [3] и разобраться в причинах, толкающих его на созидание: это проблема выживания, любопытство, вера в истину, религия, любовь к мудрости, надежда и ответственность перед будущим поколением.

Я верую и приобщаюсь ко всему тому, что толкает меня на созидание. Я верую в истину – в первопричину движения, дарующую вечность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Амирбеков М.Р.* Теория времени, или принцип становления форм материи. – М.: Щербинская типография, 2002. – 80 с.
2. *Амирбеков М.Р., Амирбеков Ю.М.* Первопричина движения и время бытия. – М.: Щербинская типография, 2010. – 272 с.
3. *Амирбеков Ю.М.* Механика мышления (онтологическое основание субъекта). – М.: Щербинская типография, 2014. – 112 с.
4. *Аристотель.* Соч. в 4-х тт. – М., 1975.
5. *Воробьев Д.В.* Виртуальная реальность: бытие и ничто. Монография. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2007. – 217 с.
6. *Гегель.* Полн. собр. соч. – М., 1976.
7. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм. – М.: Изд-во полит. литературы, 1977.
8. *Платон.* Избранные диалоги. – М., 2002.
9. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Jean-Paul Sartre, 1943.
10. *Солодухо Н.М.* Философия небытия. Монография. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2002. – 146 с.
11. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? Время и бытие: Статьи и выступления, 1993. – С. 18-265.
12. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. – М.: Изд-во полит. литературы, 1973.

REFERENCES

1. *Amirbekov M.R.* Time theory or principle of formation of forms of matter [Teoriya vremeni ili printsip stanovleniya form materii]. Moscow: dialogues of a printing house, 2002. 80 p.
2. *Amirbekov M.R., Amirbekov Y.M.* The root cause of the movement and time of existence [Pervoprishina dvizheniya i vremya bytiya]. Moscow: dialogues of a printing house, 2010. 272 p.
3. *Amirbekov J.M.* Mechanics of the mind (ontological basis of the subject) [Mekhanika myshleniya (ontologicheskoe osnovanie sub"ekta)]. Moscow: dialogues of a printing house, 2014. 112 p.
4. *Aristotle.* The compositions in four volumes [Sochineniya v chetyrekh tomakh]. Moscow, 1975.
5. *Vorob'ev D.V.* Virtual reality: being and nothingness [Virtual'naya real'nost': bytie i nichto]. Monograph. N. Novgorod: NNGASU, 2007. 217 p.
6. *Hegel.* Complete collection of works [Polnoe sobranie sochineniya]. Moscow, 1976.

7. *Lenin V.I.* Materialism and empiric [Materializm i empiriokrititsizm]. Moscow: Publishing house of political literature, 1977.
8. *Plato*. Selected dialogues [Izbrannye dialogi]. Moscow, 2002
9. *Sartre J.-P.* Being and nothingness [Bytie i nichto]. Jean-Paul Sartre, 1943.
10. *Soloduhov H.M.* the Philosophy of nothingness [Filosofiya nebytiya]. Monograph. Kazan: Publishing house of Kazan state technical. University press, 2002. 146 p.
11. *Heidegger M.* What is metaphysics? [Chto takoe metafizika?], *Time and life: Articles and speeches*, 1993. P. 18-265.
12. *Engels F.* Anti-Dyuring [Anti Dyuring]. Moscow: Publishing house of political literature, 1973.

Информация об авторе

Амирбеков Юрий Михайлович, аспирант кафедры философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

amirbegov@list.ru

Получена: 15.09.2015

Information about the author

Amirbegov Yuri Mikhailovich, Postgraduate student, Chair of Philosophy of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow city, Russia
amirbegov@list.ru

Received: 15.09.2015

УДК 343

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-111-113

АРИПШЕВ Ахмед Мухамедович,
кандидат экономических наук,

ARIPSHEV Muhamedovich Ahmed,
Candidate of Economic Sciences

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА**

**SOME FEATURES OF STATE REGULATION
OF ECONOMIC SECURITY OF THE REGION**

Предметом исследования в данной статье являются основные направления угроз экономической и политической безопасности регионов России, связанные с коррупциогенностью силовых структур. Сущность и стратегия национальной безопасности не исчерпываются проблемами экономического роста на основе новой структурной политики, расширения потребительского и инвестиционного спроса, создания конкурентной среды, оптимизации отношений собственности, создания эластичной системы государственного регулирования рыночного типа. Одним из важнейших прав человека и гражданина в любом правовом государстве мира является право на доступ к информации. Доступность информации о деятельности органов власти направлена как на обеспечение личных интересов индивидуума, связанных с возможностью реализовать свои права и свободы, так и на его участие в делах общества и государства.

Основой осуществления контроля над деятельностью государства в лице его органов является доступ физических и юридических лиц к информации о соответствующей деятельности. Именно поэтому среди всех разновидностей информации особым интересом по критерию высокой социальной значимости и востребованности пользуется информация о деятельности органов власти.

Ключевые слова: антикоррупционный механизм, экономическая независимость, стабильность и устойчивость национальной экономики, угрозы экономической и политической безопасности, коррупциогенность силовых структур.

The subject of the study in this article is the main economic and political threats for the security of Russian regions related to the corruption of security structures. The essence and the strategy of the national security are not limited to problems of economic growth based on the new structural policy, the expansion of consumer and investment demands, creation of a competitive environment, optimization of property relations, and creation of a flexible system of national regulation of the market type. One of the most important human and civil rights in jural states in the world is a legal right of access to information. Availability of information on the activities of the authorities is aimed both at ensuring the personal interests of individuals associated with the ability to realize their rights and freedoms, and their participation in the affairs of society and state.

The basis for exercising control over the activities of the state through its agencies is the access of individuals and entities to the information on relevant activities. That is why amongst all kinds of information, the information on the activities of the authorities is of special interest and high social importance and relevance.

Key words: anti-corruption mechanisms, economic independence, stability and sustainability of national economy, threats for economic and political security, corruption potential of security forces

Любая ошибка в управлении государственных органов в сфере экономики или нормотворческой деятельности, явные отрицательные изменения в окружающем нас экономическом пространстве приводят к всплеску одного-двух из разобранных нами явлений: «теневая экономика», «коррупция», «организованная экономическая преступность».

Стратегия не станет действенным инструментом политики, если не будут конкретизированы приоритетные задачи борьбы с коррупцией в отдельных сферах и, прежде всего, в силовых структурах, составляющих базис любого государства [4].

- По нашему мнению, основой государственной стратегии экономической, политической и в целом национальной безопасности должна быть идеология развития, которая учитывает национальные интересы, стратегические приоритеты с целью сведения угроз безопасности к минимуму [3].

С введением в Российской Федерации в силу Федерального закона от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» проблемы доступа граждан и организаций к информации начинают находить свое решение практически. Положения указанного нормативно-правового акта регламентируют условия и методы предоставления гражданам и организациям информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации, в связи с чем данный закон призван реализовать конституционное право гражданина на информацию.

- Без обеспечения государственными способами право на доступ к информации не может быть реализовано в полной мере. То есть без активного участия государственных органов, а также органов местного самоуправления невозможно реализовать желание гражданина в получении информации о деятельности указанных субъектов. В связи с этим Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» закрепляет в общем виде механизм реализации рассматриваемого права [5].

- Закон устанавливает, что пользователями информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления являются граждане (физические лица), организации (юридические лица), в том числе и сами государственные и муниципальные органы, а также общественные объединения. Таким образом, правом на доступ к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления обладают не только граждане Российской Федерации, но и иные лица [2].

При этом возможности доступа различных категорий пользователей к указанной информации различаются. Граждане Российской Федерации могут обратиться в органы государственной власти, на предприятия, в учреждения, организации, государственные архивы с заявлением о рассекречивании сведений, отнесенных к государственной тайне. В зависимости от гражданского статуса различен и порядок доступа к подобным сведениям.

Закон выделяет следующие способы реализации рассматриваемого права:

- обнародование (опубликование) государственными органами и органами местного самоуправления информации о своей деятельности в средствах массовой информации;
- размещение государственными органами и органами местного самоуправления информации о своей деятельности в сети Интернет;
- размещение государственными органами и органами местного самоуправления информации о своей деятельности в помещениях, занимаемых указанными органами, и в иных отведенных для этих целей местах;
- ознакомление пользователей информацией с информацией о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в помещениях, занимаемых указанными органами, а также через библиотечные и архивные фонды;
- присутствие граждан (физических лиц), в том числе представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, государственных органов и органов местного самоуправления, на заседаниях коллегиальных государственных органов и коллегиальных органов местного самоуправления, а также на заседаниях коллегиальных органов государственных органов и коллегиальных органов местного самоуправления;
- предоставление пользователям информацией по их запросу информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;
- другими способами, предусмотренными законами и (или) иными нормативными правовыми актами, а в отношении доступа к информации о деятельности органов местного самоуправления – также муниципальными правовыми актами.

В соответствии со ст. 21 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» пользователю информацией предоставляется на бесплатной основе информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления:

- передаваемая в устной форме;
- размещаемая государственным органом, органом местного самоуправления в сети Интернет, а также в отведенных для размещения информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления местах;
- затрагивающая права и установленные законодательством Российской Федерации обязанности заинтересованного пользователя информацией;
- иная установленная законом информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также иная установленная муниципальными правовыми актами информация о деятельности органов местного самоуправления [1].

Информация в рамках реализации рассматриваемого закона различается по категориям доступа как информация с ограниченным доступом и свободная для предоставления информация.

Представляется целесообразным выделить еще одну категорию – информацию, временно ограниченную в доступе. К такому виду можно отнести, например, информацию, преждевременное раскрытие которой может повлечь неблагоприятные последствия для определенной категории процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кочесокова З.Х. Актуальные вопросы предупреждения экономической преступности и борьбы с коррупцией // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2014. – № 1. – С. 135-138.

2. Арипшев А.М. Экономическая безопасность предприятий строительной индустрии и роль правоохранительных органов в ее обеспечении.
3. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук / Ставропольский гос. ун-т.
4. Власков А.С., Арипшев А.М. Формирование экономической безопасности предприятия // Общество и право. – 2006. – № 2. – С. 151.
5. Кочесокова З.Х., Машекуашева М.Х. Некоторые особенности мониторинга инновационного потенциала сотрудников полиции // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2014. – № 2. – С. 307-308.
6. Машекуашева М.Х., Бозиев А.Т. Об идеологии (историко-философский очерк) // Общество: философия, история, культура. – 2014. – № 4. – С. 12-15.

REFERENCES

1. Kochesokova ZH Topical issues of prevention of economic crime and the fight against corruption. [Aktual'nye voprosy preduprezhdenija jekonomicheskoy prestupnosti i bor'by s korrupciej]. *Business Law. Economics and Law Journal*. 2014. No. 1. pp. 135-138. (in Russ.)
2. Aripshv AM Economic security of the building industry and the role of law enforcement agencies in its maintenance. (in Russ.)
3. Author. diss. ... Cand. ehkon. Science. [Jekonomicheskaja bezopasnost' predpriyatij stroitel'noj industrii i rol' pravoohranitel'nyh organov v ee obespechenii].
4. Avtoref. diss. ... kand. jekon. nauk]. *Stavropol State. Univ.* (in Russ.)
5. Vlaskov AS, AM Aripshv Formation of economic security of enterprise. [Formirovanie jekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatija]. *Society and Law*. – 2006no 2. p. 151. (in Russ.)
6. Kochesokova ZH, Mashekuasheva MH Some features of the innovative capacity of monitoring officers. [Mashekuasheva M.H. Nekotorye osobennosti monitoringa innovacionnogo potenciala sotrudnikov policii]. *Business Law. Economics and Law Journal*. 2014. no 2. Pp. 307-308. (in Russ.)
7. Mashekuasheva MH, AT Boziev On ideology (historical and philosophical essay). [Mashekuasheva M.H. Nekotorye osobennosti monitoringa innovacionnogo potenciala sotrudnikov policii]. *Society: philosophy, history, culture*. 2014. no 4. pp. 12-15. (in Russ.)

Информация об авторе

Арипшев Ахмед Мухамедович, кандидат экономических наук, заместитель начальника кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД, полковник полиции, Нальчик (Кабардино-Балкарской Республики), Россия

Получена: 16.09.2015

Information about the author

Aripshv Ahmed Muhamedovich, Candidate of Economic Sciences, Deputy Head of the Chair of fire preparation of the North Kavkaskogo Training Institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia, police colonel, Nalchik city, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia

Received: 16.09.2015

УДК 301

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-114-115

ВОЙНИЛОВ Юрий Леонидович,
аспирант Центра фундаментальной социологии

VOYNILOV Yury Leonidovich,
Postgraduate student, Centre for Fundamental Sociology

КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ БИХЕВИОРИЗМА В РАБОТАХ ДЖОРДЖА ГЕРБЕРТА МИДА

CRITICAL RECEPTION OF BEHAVIORISM IN THE WORKS OF GEORGE HERBERT MEAD

В статье рассматривается специфика интеллектуально-го наследия американского философа и социолога Джорджа Герберта Мида, проявляющаяся во фрагментарности написанных им текстов и принципиальной незавершенности его социологической концепции как таковой. Привычный ярлык «символический интеракционизм» не вполне адекватно отражает своеобразие идей Мида. Этот термин, изобретенный Гербертом Блумером, в своем первоначальном значении не имел прямого отношения к концепции Джорджа Герберта Мида. Однако позднее произошла подмена понятий, из-за которой Мида стали также причислять к символическим интеракционистам, что соответствует реальному положению дел лишь отчасти. Для прояснения этого вопроса в настоящей статье описываются ключевые идеи социологической концепции Мида, касающиеся его критической позиции по отношению к радикальному бихевиоризму Джона Уотсона. Собственная теоретико-методологическая позиция Мида, обозначенная им как социальный бихевиоризм, находится в контрарных отношениях с радикальным бихевиоризмом. Среди основных направлений критики можно обозначить следующие: предельная фокусировка на поведении при игнорировании более широкого контекста его реализации, неспособность бихевиористов объяснить мыслительные процессы, упрощенная модель человеческого поведения, в которой индивид играет роль марионетки, механически реагирующей на различные внешние стимулы.

The article highlights the specifics of the intellectual heritage of the American philosopher and sociologist George Herbert Mead, reflected in the fragmentary character of texts written by him and the principal incompleteness of his sociological concept. The habitual label of "symbolic interactionism" does not adequately reflect the originality of the ideas of Mead. This term, invented by Herbert Blumer, in its original meaning was not directly related to the concept of George Herbert Mead. But later there was a substitution of concepts and Mead was referred to symbolic interactionists, what corresponds to the real situation only partially. To clarify this issue, the article describes the key ideas of the sociological concept of Mead regarding his critical position on the radical behaviorism of John Watson. The theoretical-methodological position of Mead defined by him as social behaviorism is in contrary relations with radical behaviorism. The main areas of criticism can be described as follows: maximum focus on the behavior and ignoring the wider context of its implementation, failure of behaviorists to explain the thinking processes, a simplified model of human behavior in which the individual plays the role of a puppet reacting mechanically to external stimuli.

Ключевые слова: прагматизм, символический интеракционизм, социальный бихевиоризм.

Key words: pragmatism, symbolic interactionism, social behaviorism.

Джордж Герберт Мид (27 февраля 1863 – 26 апреля 1931) – американский философ, социальный психолог и социолог, работавший на рубеже XIX и XX вв. Его работы были посвящены изучению природы человеческого «Я» как социального образования, процессов межличностного взаимодействия. Мид за свою жизнь успел опубликовать достаточно небольшое количество работ, преимущественно в виде журнальных статей и конспектов лекций, записанных учениками Мида и опубликованных лишь после его смерти. Именно на эти работы чаще всего ссылаются социологи, описывая идеи Джорджа Герберта Мида. Отсюда возникает достаточно специфическая рецепция социологии Мида, основанная в большей степени на трудах его учеников, чем на его собственных текстах. Это ведет к тому, что некоторые важные части его концепции оказываются малоизвестными для многих социологов. К таковым частям можно отнести критику радикального бихевиоризма, которая четко прослеживается в ряде работ Мида. В данной статье будет представлен обзор ключевых направлений этой критики.

В качестве стартовой точки выберем само понятие «символический интеракционизм». Любопытно, что к Миду достаточно плотно приклеился ярлык одного из основателей символического интеракционизма, в то время как он сам ни разу этот термин не использовал. Термин «символический интеракционизм» впервые был употреблен Гербертом Блумером, учеником Мида и правопреемником мидовского курса по социальной психологии, в статье «Социальная психология» [2], которая была опубликована в 1937 г. В.Г. Николаев отмечает, что корректнее было бы использовать этот термин для описания концепции самого Блумера и не пытаться давать термину расширенное применение [1, с. 111]. Однако в действительности почти в любом словаре по социальным наукам сейчас можно обнаружить, что к символическому интеракционизму относят не только Блумера и Мида, но некоторых других исследователей.

Здесь возникает резонный вопрос: можно ли по отношению к концепции Мида применить какое-то иное наименование? В действительности такое наименование существует – в формулировке самого Мида его подход может быть охарактеризован как «социальный бихевиоризм». Напрашивается очевидная параллель с радикальным бихевиоризмом, который развивал со-

временник Мида, американский психолог Джон Уотсон. Однако сходство здесь имеется лишь в названиях. Для Мида Уотсон является прямым оппонентом. В самом начале работы «Разум, Я и общество» Мид отводит почти два параграфа для того, чтобы объяснить, чем социальный бихевиоризм отличается от радикального бихевиоризма. А также вполне очевидно обозначает свое отношение к подходу Уотсона: «Бихевиоризм, который мы будем использовать, более адекватен, чем используемый Уотсоном» [3, с. 2]. Напрашивается вопрос: каковы же основные пункты расхождения между подходом Мида и подходом Уотсона?

Во-первых, Мид критикует радикальный бихевиоризм за предельную фокусировку на поведении. Понятие «поведение» у Уотсона оказывается словно выхваченным из контекста. Мид же, напротив, рассматривает поведение исключительно как элемент более широкого социального мира.

Во-вторых, под критику Мида попадает неспособность радикального бихевиоризма объяснять мыслительные процессы. Иными словами, ненаблюдаемые непосредственно элементы действия для радикального бихевиоризма не существуют вовсе. По этому поводу Мид замечает, что его собственная позиция также бихевиористична, но «в отличие от уотсоновского бихевиоризма, учитывает элементы действия, не обнаруживаемые внешним наблюдением» [3, с. 8].

В-третьих, сама схема «стимул-реакция», применяемая Уотсоном для описания поведения человека, вызывает у Мида недоумение. Он справедливо замечает, что в терминах радикального бихевиоризма человека уместнее всего будет описывать как марионетку, которая полностью зависит от внешних побудительных причин. В концепции самого Мида актер обладает творческим началом, что делает мидовскую модель человеческого поведения более гибкой и адекватной.

Именно такая расстановка акцентов делает концепцию Мида интересной и значимой для теоретической социологии. Эвристический потенциал интеллектуального наследия Мида в настоящее время раскрыт далеко не полностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Николаев В.Г.* Герберт Блумер и символический интеракционизм (I): предисловие к коллекции статей Герберта Блумера // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ. – 2008. – № 1.
2. *Blumer H.* Social Psychology / H. Blumer // Man and Society / Schmidt E.P. (ed.). – NY: Prentice-Hall, 1937.
3. *Mead H.* Mind, Self and Society / H. Mead. – Chicago: The University of Chicago Press, 1934.

REFERENCES

1. *Nikolaev V.G.* Gerbert Blumer i simvolicheskij interakcionizm (I): predislovie k kollekcii statej Gerberta Blumera . Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 11, Sociologija: RZh. 2008. № 1.
2. *Blumer H.* Social Psychology. H. Blumer. Man and Society. Schmidt E.P. (ed.). NY: Prentice-Hall, 1937.
3. *Mead H.* Mind, Self and Society. H. Mead. Chicago: The University of Chicago Press, 1934.

Информация об авторе

Войнилов Юрий Леонидович, аспирант Центра фундаментальной социологии ИГИТИ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
voynilov@gmail.com;

Получена: 15.09.2015

Information about the author

Voynilov Yury Leonidovich, Postgraduate student, Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics, Moscow city, Russia
voynilov@gmail.com;

Received: 15.09.2015

УДК 316.6

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-116-118

ГАЙНЦЕВ Егор Григорьевич,
аспирант кафедры философии, социологии и
педагогики

GAYNZEV Egor Grigoryevich
Postgraduate Student, Chair of Philosophy, Sociology and
Pedagogy

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ

SOCIAL IMPLICATIONS OF THE INTERNET ADDICTION

Интернет стал основным средством связи и передачи информации в мире. С каждым годом растет количество пользователей Интернетом, многие из которых подвержены интернет-зависимости, вызывающей такие социальные проблемы, как проблемы в семье, с работой, конфликтность, безразличие к повседневным делам и многие другие. За последние 10 лет количество пользователей Интернетом увеличилось с 10 до 40 млн пользователей, и с каждым годом количество подключенных к сети Интернет растет, вследствие чего растет и угроза интернет-зависимости. Актуальным вопросом становится изучение интернет-зависимости, ее последствий, причин возникновения. Ученые всего мира отмечают, что данная проблема стремительно развивается и в зоне риска находится практически каждый пятый пользователь Интернета. Одной из главных проблем является ухудшение социальных отношений, социальной адаптации молодежи, личностные и другие проблемы, связанные с социализацией индивида в обществе. Изучение интернет-зависимости является одной из главных задач социологии, поскольку ее последствия напрямую влияют на современное общество.

The paper examined the Internet that turned to be the main communication gear and information transfer tool round the world. Every year a growing number of Internet users appear, many people thereof are prone to Internet addiction. The Internet addiction involves multiple social challenges namely the family issues, workplace constraints, proneness to conflict, negligence in daily pursuits and many other issues. The number of Internet users over the past 10 years grew from 10 million users to 40 million, and every year the quantity of people connected to the Internet increases. In consideration of that, threat of Internet addiction increases along with the raising number of Internet users. Exploring the Internet addiction gets more pressing, and its after-effects and origins as well. The scientists round the world have noted that the challenge grows at a fast pace, and virtually one in five Internet users being unlikely to escape exposure to risk. The major issues are as follows: deterioration of interpersonal relations, failure of young people to adapt to social requirements, personal challenges and other issues on whatsoever relations referred to social adaptation of an individual to the community. Therefore, the studies in Internet addiction phenomenon being one of the main tasks in sociology/ social studies, because the effects of the Internet addiction exert a direct impact on the contemporary society.

Ключевые слова: интернет-зависимость, социальные последствия, аддикция, социальная адаптация, общество, социальные проблемы, социализация общества, интернет-пользователь.

Key words: internet addiction, social implications, addiction, social adaptation, community, social challenges, social adaptation within the community, internet user.

Интернет имеет огромное значение в повседневной жизни любого из нас. Уже невозможно встретить человека, который не пользуется данным видом связи для получения информации, общения или работы. Интернет – один из самых удобных видов связи в современном мире. Но с его распространением стал развиваться феномен интернет-зависимости.

Отличительной чертой интернет-зависимости от других зависимостей является отсутствие признания реальности, как и признания самой зависимости. Интернет-зависимые стараются проводить как можно больше времени в Интернете и к тому же считают это вполне обычным делом, которое никоим образом не является зависимостью. В действительности же дело обстоит иным образом: интернет-зависимость, как и любая другая зависимость (наркотическая, алкогольная, никотиновая), выражается в уходе от реального мира, от повседневности. Обычно интернет-зависимые не контролируют свое время в Интернете и прекращают связь с внешним миром, уйдя в виртуальный [1, с. 54], в связи с чем и возникают многие социальные проблемы любого интернет-зависимого. Американские ученые считают, что за последние 35 лет заметно сократились общественные отношения людей. Они стали меньше проявлять социальную и политическую активность, заметно сократились походы в гости, членство в группах на добровольной основе, стали меньше общаться вживую [2, с. 248]. Проблема интернет-зависимости имеет тяжелые последствия как для общества, так и для человека, так как утрачивается социальная адаптация и социализация общества.

Одной из главных социальных проблем интернет-зависимости является ее влияние на семейные и супружеские отношения. Появилось выражение «интернет-вдова/вдовец», которое можно применить к одному из супругов, подвергшихся интернет-зависимости. В настоящее время одной из причин развода и распада семей зачастую становится Интернет или же пристрастие к Интернету одного из супругов. Трудно поверить, но одной из причин распада семей может оказаться появление виртуальных отношений одного из супругов в Интернете или онлайн играх. Статистика показывает, что это не единичные случаи, а проблема, которая развивается с каждым днем. Помимо этого, ухудшаются отношения между родителями и детьми, которые проводят за компьютером большую часть своего времени. Происходят ссоры и недопо-

нимание в семье, которые, как свидетельствует статистика, могут привести к трагическим последствиям. Нередки случаи насилия, причем исходящего от детей, которые страдают интернет-зависимостью. На таких этапах социальное отклонение перетекает в психическое [1, с. 251].

Чрезмерная трата времени в Интернете влечет за собой спад в общественных, политических, профессиональных и других занятиях, что однозначно ведет к потере таких важных общественных отношений, как работа, учеба, дружба и др. Человек, который сидит в Интернете, перестает уделять внимание обыденным вещам и общественным связям, утрачивает интерес к реальности, в связи с чем возникает ряд социальных проблем, спад трудовой деятельности, уменьшение рабочих специальностей и многие другие.

Интернет-зависимость ведет и к экономическим проблемам, к появлению огромных долгов. Особенно это стало заметно с неукротимым развитием системы онлайн-казино, в которых пользователи стремятся найти быстрый заработок, но в итоге тратят все деньги, что влечет как семейные проблемы, так и личностные. На данный момент количество пользователей онлайн-казино составляет 100 млн, в процентном показателе это число выросло с 2,7 до 6,2%, и с каждым годом количество игроков растет на 1,7%. К тому же отметим, что количество пользователей онлайн-казино среди молодежи в возрасте до 17 лет выросло на 9%. Данный рост особенно быстр во времена экономических кризисов: пользователи стремятся обрести экономическую независимость, но в итоге онлайн игры затягивают настолько, что игрок уже не может остановиться, теряет всяческий контроль и проводит в онлайн-казино все больше и больше времени.

Интернет-зависимость – это отклонение, которому подвержен практически каждый человек на планете. Однако более всего – дети от 6 до 16 лет, и причины этому следующие:

- 1) неокрепшая психика;
- 2) отсутствие контроля;
- 3) отсутствие культуры пользования Интернетом;
- 4) легкодоступность Интернета;
- 5) отсутствие возрастного ценза к входу в Интернет;
- 6) плохое представление последствий пользования Интернетом;
- 7) отсутствие временного контроля пребывания в Интернете и мн. др.

Для профилактики и предотвращения возникновения интернет-зависимости среди детей следует уделить внимание не только количеству времени, потраченному в Интернете, но также и качеству тех сайтов, на которые заходит ребенок. Для этого в помощь родителям создали различные приложения, которые помогают контролировать использование Интернета, а также блокировать или давать доступ к тем или иным веб-ресурсам.

В детстве формируются все самые важные социальные институты, такие как семья и дружба, развивается общественная социализация, и именно Интернет способствует замедлению развития этих социально значимых функций. Следует отметить, что существует категория риска, которая особенно сильно подвержена не только интернет-зависимости, но и другим девиациям. К ним относятся те, у кого нет взаимопонимания с близкими, есть проблемы в семье, сложности в общении с людьми и др. Именно эта категория людей стремится уйти от реальности, и самый простой для этого способ – скрыться в Интернете [2, с. 249].

Следует отметить, что к интернет-зависимости следует отнести и пристрастие к онлайн и компьютерным играм. Ученые отмечают, что пристрастие к компьютерным играм развивает эгоизм. Данные выводы они сделали исходя из того, что игровой мир ориентирован на игрока, влияет на его «эго». Мир компьютерных игр с каждым годом развивается, и игроков становится все больше. Игровой мир довольно быстро может развить у игроков чувство апатии, уныние, что является следствием того, что реальный мир в корне отличается от игрового, в котором за различные достижения полагаются всяческие награды. У многих интернет-зависимых развиваются злоба, раздражительность, вспыльчивость, нервозность и другие негативные эмоции. Особенно они проявляются в моменты, когда пользователя отвлекают от его любимого дела – пребывания в Интернете. Они считают, что их отрывают и мешают им заниматься любимым делом, вследствие чего страдают близкие люди. Это разрушает социальные связи, теряются дружеские отношения, интерес к обыденной жизни. Нередко интернет-зависимые считают, что Интернет для них – все: дружба, отношения, развлечения, работа и т.д., что Интернета им достаточно для жизни, чем обрекают себя на одиночество, лишают себя общения с близкими и родственниками, способствуют накоплению обыденных проблем, с которыми не могут справиться.

Социальные последствия весьма печальны для интернет-зависимых: они не способны справляться с повседневными проблемами, не способны поддерживать личностные отношения, общаться с друзьями и близкими.

Для предотвращения этих и других социальных последствий следует проводить профилактику. К мерам профилактики можно отнести следующие:

- 1) ограничение пользования Интернетом;
- 2) больше общения с близкими;
- 3) занятия спортом;
- 4) прогулки на свежем воздухе;
- 5) походы.

В настоящее время еще не налажено должным образом медицинское лечение интернет-зависимости, так как не установлены медицинские показатели. Следует учитывать, что интернет-зависимость – это социальное и психическое отклонение, и необходимо исследовать и изучать не только последствия, но и возникновение данного вида зависимости.

Нельзя не отметить, что развитие технологий не только обеспечивает улучшение качества жизни, но и ведет к таким социальным проблемам, как интернет-зависимость. Поэтому исследование ее феномена в будущем поможет уже на техническом уровне отслеживать, прогнозировать и предотвращать интернет-зависимость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гуманитарные исследования в Интернете. Под ред. А.Е. Войскунского. – Москва, 2000. – 431 с.
2. *Griffiths M.* Internet addiction: Fact or fiction? *Psychologist*. 1999. V.12. N.5. P.246-250.

REFERENCE

1. Humanities research on the Internet. [Gumanitarnye issledovaniya v Internete]. Edited by A.E. Voiskounsky. *Moscow*, 2000. 431 p.
2. *Griffiths M.* Internet addiction: Fact or fiction? *Psychologist*. 1999. V. 12. N. 5. P. 246-250.

Информация об авторе

Гайнцев Егор Григорьевич, аспирант кафедры философии, социологии и педагогики, Башкирский Государственный Аграрный Университет, Уфа, (Республика Башкортостан), Россия
f-sprint@mail.ru

Получена: 19.07.2015

Information about the author

Gaynzev Egor Grigoryevich ,Postgraduate Student, Chair of Philosophy, Sociology and Pedagogy, Bashkir State Agrarian University, Ufa (Republic Of Bashkortostan), Russia
f-sprint@mail.ru

Received: 19.07.2015

УДК 327.7+94, ББК 63,3

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-119-124

ГОНТАРЬ Сергей Михайлович,
соискатель ученой степени кандидата наук

GONTAR Sergey Mikhailovich,
Applicant for Candidate degree

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
АППАРАТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В
ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИИ
ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

**THE ACTIVITIES OF THE STATE
APPARATUS OF THE RUSSIAN
FEDERATION IN THE SPHERE OF
DEVELOPMENT OF MILITARY
COOPERATION WITHIN THE COLLECTIVE
SECURITY TREATY ORGANIZATION**

В условиях существующих на территории постсоветского пространства реалий выполнение задачи по обеспечению независимости, территориальной целостности и суверенитета невозможно без существования у государства адекватной силовой составляющей. Подписанный 15 мая 1992 г. в рамках СНГ Договор о коллективной безопасности был призван объединить вооруженные силы государств-участников, которые являлись неотъемлемыми частями военного потенциала СССР. Унаследовав основную часть соединений, воинских частей и военной инфраструктуры бывшего Союза, российская сторона оказала существенное влияние на развитие военного сотрудничества Организации Договора о коллективной безопасности.

Автором дано определение военного сотрудничества ОДКБ, перечислены его основные составляющие и обоснована необходимость их развития. Приведен порядок развития основных направлений военного сотрудничества, указана роль российского руководства в их формировании. В исследовании дана характеристика работы государственного аппарата РФ, проведенной в рамках развития военного сотрудничества ОДКБ. Указаны основные трудности, возникшие в процессе формирования и совершенствования основных направлений военного сотрудничества.

В исследовании указано влияние внешнеполитической позиции отдельных государств-членов ОДКБ на интенсивность военного сотрудничества. В сформулированных выводах определена роль и место военного сотрудничества как одного из направлений взаимодействия стран-членов ОДКБ, необходимость работы государственного аппарата РФ по его развитию, а также обозначены основные направления дальнейшего развития.

Ключевые слова: Организация Договора о коллективной безопасности, Совет министров обороны, военное сотрудничество, военно-техническое сотрудничество, военно-экономическое сотрудничество, коллективные силы быстрого развертывания Центральноазиатского региона, Коллективные силы оперативного реагирования, Коллективные миротворческие силы.

In the conditions existing on the territory of post-Soviet realities, solution of the task of ensuring independence, territorial integrity and sovereignty is impossible without the adequate security component. The Collective Security Treaty was signed on May 15, 1992 within the frame of the CIS to join the armed forces of the State parties, which were integral parts of the military potential of the Soviet Union. Having inherited the major part of military units and military infrastructure of the former Soviet Union, Russia had a significant impact on the development of military cooperation of the Collective Security Treaty Organization (CSTO).

The author gives the definition of military cooperation of the CSTO, highlights its main components and the necessity of their development, the order of the development of the main directions in military cooperation, the role of the Russian leadership in their formation. The study characterizes the work of the State apparatus of the Russian Federation carried out for the development of military cooperation of the CSTO, notes the main difficulties arising in the process of formation and development of the main directions of military cooperation.

The study indicates the influence of the foreign policies of the CSTO member-states on the intensity of military cooperation. The conclusion highlights the role and place of military cooperation as one of the directions in interaction between the CSTO member-countries, the work of the State apparatus of the Russian Federation on its development, and outlines the main directions of further development.

Key words: Collective Security Treaty Organization, Council of Defense Ministers, military cooperation, military-technical cooperation, military-economic cooperation, Collective forces of rapid deployment of the Central Asian region, Collective forces of rapid response, collective peacekeeping forces.

После распада СССР государства постсоветского пространства не могли самостоятельно обеспечить собственную безопасность. С целью объединения усилий в деле защиты суверенитета и территориальной целостности в рамках СНГ был подписан Договор о коллективной безопасности. В ДКБ были изложены намерения в обеспечении безопасности государств-участников за счет использования дипломатических средств, а также оказания помощи, в том числе военной, в случае если одна из сторон станет жертвой агрессии [2]. Отражение агрессии предполагалось за счет использования национальных вооруженных сил участников Договора. Однако довести совместный военный потенциал до уровня бывшего Союза не удалось, так как руководство Украины, Молдовы и Туркмении отказалось от сотрудничества. Находясь в составе ДКБ (ОДКБ), российская сторона внесла значительный вклад в развитие военного сотрудничества.

В дальнейшем под военным сотрудничеством РФ в рамках ДКБ (ОДКБ) автор будет понимать деятельность военных и государственных органов по развитию военно-

политического, военно-технического, военно-экономического сотрудничества и взаимодействие в области военного строительства.

После расформирования ГК ОВС СНГ руководство государств-участников ДКБ 24 декабря 1993 г. приняло решение о создании собственного консультативного органа по вопросам военной политики и военного строительства – Совета министров обороны [16, с. 11].

Активная работа представителей МО РФ при разработке нормативно-правовой базы в рамках ДКБ способствовала утверждению 10 февраля 1995 г. проектов Концепции коллективной безопасности и Основных направлений углубления военного сотрудничества государств-участников Договора. В концепции были отражены основные этапы создания системы коллективной безопасности [6, с. 6].

В ходе первого планировалось завершить создание вооруженных сил государств-участников, разработать программу военно-технического сотрудничества и приступить к ее реализации, а также разработать и принять правовые акты, регламентирующие функционирование системы коллективной безопасности. На втором этапе планировалось создание коалиционных группировок, совместной системы противовоздушной обороны и рассмотрение вопроса о создании объединенных вооруженных сил. Завершение процесса создания системы коллективной безопасности государств-участников Договора планировалось в ходе третьего этапа [13, с. 23].

В качестве основных областей военного сотрудничества были определены:

- военно-политическая область;
- военно-техническая область;
- область строительства, подготовки и применения вооруженных сил [10, с. 14].

2 апреля 1997 г. российской и белорусской сторонами был подписан Договор о Союзе Беларуси и России, который лег в основу создания Союзного государства. Это позволило утвердить Военную доктрину, на основании которой функционирует Восточная региональная группировка войск ОДКБ. Помимо этого были восстановлены кооперационные связи между оборонными предприятиями РФ и республики Беларусь, что создавало условия, необходимые для развития военно-технического сотрудничества в рамках ДКБ.

Параллельно с налаживанием отношений с белорусской стороной руководством Российской Федерации были достигнуты успехи по развитию военно-политического сотрудничества на Кавказском направлении. 29 августа 1997 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Армения и РФ. Принятие документа было вызвано стремлением сторон к стабилизации военно-политической обстановки в Кавказском регионе [19, с. 14].

В дальнейшем между Россией и Арменией было достигнуто Соглашение по вопросам совместного планирования применения войск в интересах совместной безопасности, подписанное 27 сентября 2000 г. в г. Сочи. В результате расположенная в г. Гюмри 102-я Российская военная база стала составной частью коалиционной группировки в Кавказском регионе коллективной безопасности.

В то же время в запланированный период не удалось реализовать основные мероприятия в области военно-технического сотрудничества. Разработка Программы ВТС затянулась более чем на три года, а сформированная в рамках СНГ Межгосударственная комиссия по военно-экономическому сотрудничеству практически бездействовала. Также не были утверждены правовые акты, определяющие порядок применения силовой составляющей ДКБ и регламентирующие деятельность Совета министров обороны [18, с. 5].

Основной причиной спада интеграционных процессов в рамках Договора стали неразрешенные конфликты на территории государств-участников. Этнополитический конфликт в Нагорном Карабахе не был разрешен, несмотря на совместное участие в ДКБ Армении и Азербайджана, а военные действия российских войск в Чечне трактовались грузинской стороной как агрессия против суверенного народа.

На фоне сложившихся между участниками ДКБ разногласий осложнилась обстановка в Центральноазиатском регионе в связи с обострением ситуации в Афганистане осенью 1996 и летом 1998 г. и ходом гражданской войны в Таджикистане с 1992 по 1997 г.

В ходе обсуждения вопроса пролонгации ДКБ из его состава вышли Азербайджан, Грузия и Узбекистан, что, с одной стороны, понизило потенциал Договора, с другой – позволило государствам-участникам ускорить темпы развития сотрудничества.

Подтверждением выхода военного сотрудничества в рамках ДКБ на новый уровень стали результаты Минской сессии СКБ, прошедшей 24 мая 2000 г., в ходе которой удалось утвердить Положения о порядке принятия и реализации коллективных решений на применение сил и средств коллективной безопасности и о Совете министров обороны [12, с. 27].

Активная позиция российской стороны способствовала подписанию 20 июня 2000 г. Соглашения об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами-участниками ДКБ. В ходе реализации Соглашения планировалось повышение эффективности региональных группировок за счет унификации вооружения и военной техники [17, с. 2].

Разрешение основного перечня проблем, определенного перед пролонгацией ДКБ, позволило приступить к реализации второго этапа формирования системы коллективной безопасности.

Переход ко второму этапу был осуществлен в ходе очередной сессии СКБ, проходившей 11 октября 2000 г. в Бишкеке.

В ходе встречи высшего руководства государств-участников был подписан проект Соглашения о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности. Данный документ определял порядок пребывания воинских формирований государств-участников в составе коалиционных группировок на территории сторон Договора и позволил приступить к созданию коллективных сил.

С целью противодействия угрозе, сложившейся в Центральноазиатском регионе, в ходе сессии СКБ, проходившей 25 мая 2001 г. в Ереване, было принято Решение о создании Коллективных сил быстрого развертывания.

В ходе формирования КСБР Министерство обороны РФ выделило в ее состав усиленный мотострелковый батальон 201-й мотострелковой дивизии, дислоцирующейся в Таджикистане, а также авиационную группировку, расположенную на аэродроме в г. Кант. Позже, 9 декабря 2003 г., был дополнительно выделен усиленный мотострелковый батальон 27 мотострелковой дивизии, расположенной в г. Тоцкое [3, с. 33].

Работа представителей ГШ МО РФ в составе Постоянной оперативной группы Штаба КСБР обеспечивала своевременную разработку планов совместных мероприятий оперативно-тактической и боевой подготовки КСБР.

Последовательное наращивание в Центральноазиатском регионе военной составляющей и проведение с августа 2004 г. полномасштабных учений КСБР «Рубеж» привели к сокращению вторжений террористических групп со стороны Афганистана. Однако до сих пор в стадии проработки находится вопрос о создании в регионе коалиционной группировки войск.

Параллельно с формированием КСБР велась работа по развитию в рамках ДКБ военно-технического сотрудничества.

В ходе реализации российской стороной Соглашения об основных принципах ВТС были выявлены существенные недоработки данного документа. Стороны отказывались приводить перечень средств, необходимых для оснащения национальных воинских формирований, выделенных в состав многосторонних сил, ввиду содержания в нем конфиденциальной информации.

С целью решения возникшей проблемы главами государств-членов ОДКБ был подписан Протокол от 28 апреля 2003 г. о внесении изменений и дополнений в Соглашение об основных принципах ВТС [14, с. 17].

Содержание и основы механизма формирования и реализации программы ВТС были определены после подписания главами государств-членов 23 июня 2005 г. Концепции Программы ВТС на период 2006–2010 гг. [7, с. 11].

Очевидно, что для развития ВТС необходим эффективный военный научно-производственный потенциал. В этой связи 23 июня 2005 г. СКБ было принято решение о создании Межгосударственной комиссии по военно-экономическому сотрудничеству.

Активное участие российской стороны в заседаниях комиссии способствовало подписанию 6 октября 2007 г. проектов Соглашений о взаимной охране прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные в ходе военно-экономического сотрудничества и о взаимодействии в области рекламно-выставочной деятельности.

Работа в области развития военно-экономического и военно-технического сотрудничества позволила РФ увеличить объем экспорта продукции военного назначения к концу 2012 г. до 14 млрд долл. США [5]. Это благоприятно сказалось на позиции РФ на рынке вооружений в странах постсоветского пространства, а также способствовало сохранению ряда предприятий оборонно-промышленного комплекса.

В процессе развития военной составляющей ОДКБ российская сторона играла ведущую роль в сфере совместной подготовки военных кадров, что в дальнейшем позволило создать основу для оперативной совместимости войск [1, с. 3].

Соответствующее Соглашение удалось подписать во время проведения Московской сессии СКБ 23 июня 2005 г. В перечень учебных заведений совместной подготовки военных

кадров вошли: 45 военных вузов от Российской Федерации, шесть – от Белоруссии, три – от Казахстана и по одному от Армении, Киргизии и Таджикистана [11, с. 19].

Реализация Соглашения ежегодно обходилась российскому бюджету свыше 1 млрд руб. в год ввиду того, что часть военнослужащих государств-членов ОДКБ проходила обучение в военных вузах РФ на безвозмездной основе [9, с. 2].

Началом работы в сфере создания объединенных военных систем стало утверждение решением СМО ОДКБ от 22 июня 2005 г. соответствующей Концепции.

Активная позиция руководства России в ходе очередного заседания Совета глав государств СНГ, прошедшего 28 ноября 2006 г., позволила привлечь Координационный Комитет по вопросам противовоздушной обороны СНГ к развитию ПВО ОДКБ.

В ходе заседания Высшего Госсовета 3 февраля 2009 г. российской и белорусской сторонам удалось достичь договоренности о создании Единой региональной системы противовоздушной обороны, функционирование которой было налажено к началу стратегического учения «Запад–2009», проходившего в конце сентября 2009 г.

В рамках формирования единой системы ПВО в Центральноазиатском регионе 30 января 2012 г. между РФ и Республикой Казахстан было подписано Соглашение о создании Единой системы ПВО. Низкая интенсивность работы в Центральноазиатском регионе связана со стремлением руководства Узбекистана и Таджикистана к проведению интеграции систем противовоздушной обороны исключительно в рамках СНГ. В режиме согласования остается соглашение о создании ОС ПВО в Кавказском регионе.

Ввиду необходимости формирования в рамках ОДКБ объединенных систем и дальнейшего развития военно-экономического сотрудничества, ОДКБ и Концерн ПВО «Алмаз-Антей» 14 февраля 2014 г. подписали меморандум о сотрудничестве в интересах совершенствования систем ПВО и поддержания боеготовности техники противовоздушной обороны [4].

В ходе реализации Соглашения о Коллективных силах оперативного реагирования, подписанного 14 июня 2009 г. на очередной сессии СКБ, российская сторона выделила в состав группировки 98-ю воздушно-десантную дивизию, 31-ю десантно-штурмовую бригаду, отряд милиции «Рысь», МЧС «Лидер», а также отряд ФСКН. Решительные действия по укреплению потенциала Организации не на словах, а на деле подкрепились проведенным осенью 2010 г. на территории военного полигона Чебаркуль оперативно-тактическим учением «Взаимодействие-2010», ставшим впоследствии ежегодным. С 20 декабря 2011 г. в качестве базового учебно-методического полигона формирования сил специального назначения КСОР ОДКБ был определен российский Научно-исследовательский институт «Геодезия».

Активная работа руководства Российской Федерации способствовала созданию на постоянной основе Коллективных миротворческих сил ОДКБ. В октябре 2012 г. были проведены первые совместные учения миротворцев ОДКБ «Нерушимое братство–2012». Вторая тренировка коллективных миротворческих сил состоялась в октябре 2013 г. на территории межвидового полигона Центрального военного округа Российской Федерации, что позволило придать подобным учениям статус регулярных.

Незавершенность строительства военной составляющей системы коллективной безопасности ОДКБ требовала от руководства Министерства обороны РФ подготовки проектов дальнейшего развития военного сотрудничества с государствами-членами. Итогом работы, проведенной российской стороны совместно с уставными органами и военным руководством государств-членов, стал проект Решения «Об Основных направлениях развития военного сотрудничества государств-членов ОДКБ на период до 2020 г.». Документ был подписан 19 декабря 2012 г. и положил начало созданию в рамках Организации Коллективных авиационных сил, предназначенных для транспортного обеспечения деятельности воинских формирований, а также Сил специальных операций. Помимо этого в рамках Основных направлений было предусмотрено завершение в течение 2014 г. работы по созданию Единой системы управления Коллективными силами ОДКБ [8, с. 4].

Запланированный на 2014 г. вывод Международных сил содействия безопасности с территории Афганистана поставил вопрос о необходимости принятия российским руководством ряда мер по подготовке к возможному осложнению ситуации в Центральноазиатском регионе.

В этой связи 23 сентября 2013 г. в ходе очередной сессии СКБ ОДКБ главами государств-членов было принято Решение об оказании помощи Республике Таджикистан по укреплению таджикско-афганской границы. Его реализация предусматривала два этапа: на первом – планировалось оснащение пограничных войск Таджикистана современными видами оружия, спецтехникой и спецсредствами; на втором – предусмотрена разработка межгосударственной целевой программы по обустройству таджикско-афганской границы [15, с. 4].

Успехи, достигнутые в рамках развития военного сотрудничества, требовали регулярного совершенствования структуры ОДКБ.

К 25 марта 2004 г. удалось сформировать Объединенный штаб ОДКБ и утвердить нормативно-правовые акты, регламентирующие его деятельность. Создание в рамках Организации нового органа позволило оптимизировать работу Секретариата и обеспечить непрерывность подготовки предложений по развитию военного сотрудничества.

19 декабря 2012 г. Решением о создании Военного комитета и утверждении соответствующего Положения был определен порядок взаимодействия генеральных (Главного) штабов государств-членов ОДКБ в рамках планирования и применения сил и средств системы коллективной безопасности.

Обобщив данный параграф, автор сформулировал ряд выводов:

1. Военное сотрудничество – механизм развития на коллективной основе силового потенциала ОДКБ, а также вооруженных сил и военной инфраструктуры государств-членов. Активное развитие руководством РФ данного направления сотрудничества определено территориальной близостью основных источников военной опасности, возникших в исследуемый период.

2. Развитое в рамках ОДКБ военно-техническое сотрудничество позволило обеспечить взаимовыгодные поставки продукции военного и двойного назначения. Значительный вклад РФ в области совместной подготовки военных кадров позволил повысить уровень взаимодействия руководителей военных ведомств Организации.

3. Военно-экономическое сотрудничество оказало благоприятное воздействие на развитие предприятий отечественного ОПК, являющихся неотъемлемой частью российской экономики. За прошедший период потенциал данной сферы сотрудничества окончательно не раскрыт и требует дальнейшего совершенствования кооперации между предприятиями оборонной отрасли государств-членов ОДКБ.

4. Создаваемые в рамках ОДКБ объединенные военные системы в значительной степени определяют боевые возможности коллективных сил, сформированных государствами-членами Организации. Работа в данном направлении ведется с низкой интенсивностью ввиду слабого уровня экономического развития ряда стран-членов ОДКБ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Александров А.Н.* Есть ли сегодня перспективы у ОДКБ // Независимая газета. – 2007. – № 40. – С. 3.
2. Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992. Статья 4.
3. Дополнение в Протокол о составе и дислокации национальных формирований КСБР Центральноазиатского региона коллективной безопасности от 25 мая 2001 г. Архив Секретариата ОДКБ., 2003. Д. 22. Л. 33.
4. Информационный Бюллетень Секретариата ОДКБ 17.02.2014. URL: http://www.odkb-csto.org/obzorpressy/detail.php?ELEMENT_ID=3251. (дата обращения: 27.03.2014)
5. Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <http://www.soyuz.by/ru/?guid=135792>. (дата обращения: 15.03.2013)
6. Концепция коллективной безопасности государств-участников ДКБ. Архив Секретариата ОДКБ., 1995. Д. 9. Л. 6.
7. Концепция программы ВТС государств-членов ОДКБ на период 2006–2010. Архив Секретариата ОДКБ., 2005. Д. 38. Л. 11.
8. *Куртов А.А.* Крылья ОДКБ // Независимая газета. – 2013. – № 89. – С. 4.
9. *Михайлов В.А.* На безвозмездной основе // Независимое военное обозрение. – 2008. – № 37. – С. 2.
10. Основные направления углубления военного сотрудничества государств-участников ДКБ. Архив Секретариата ОДКБ., 1995. Д. 9. Л. 14.
11. Перечень учебных заведений совместной подготовки военных кадров для вооруженных сил государств-членов ОДКБ. Архив Секретариата ОДКБ., 2005. Д. 38., Л. 19.
12. Положение о Совете министров обороны государств-участников ДКБ. Секретариат ОДКБ., 2000. Д. 23. Л. 27.
13. Приложение к Решению Совета коллективной безопасности о Концепции коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности от 10 февраля 1995 года. Архив Секретариата ОДКБ., 1995. Д. 4. Л. 23.
14. Протокол о внесении изменений и дополнений в Соглашение об основных принципах ВТС между государствами-участниками ДКБ от 15 мая 1992 г. Архив Секретариата ОДКБ., 2003. Д. 22. Л. 17.
15. Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ об оказании помощи Республике Таджикистан по укреплению таджикско-афганской границы. Архив Секретариата ОДКБ., 2014. Д. 37. Л. 4.
16. Решение Совета коллективной безопасности о первоочередных мерах по реализации ДКБ от 15 мая 1992 г. Архив Секретариата ОДКБ., 1993. Д. 6. Л. 11.
17. Соглашение об основных принципах ВТС между государствами-участниками ДКБ от 15 мая 1992 г. – М.: Секретариат СКБ., 2000. – С. 2.

18. Тезисы к докладу Генерального секретаря СКБ. Архив Секретариата ОДКБ., 1999, Д. 16. Л. 5.
19. Экспертные оценки и заключения по Договору между РФ и Республикой Армения // Информационный бюллетень № 3. – М.: Славянский мир, 1998. – С. 14.

REFERENCES

1. Aleksandrov A.N. Are there any prospects in the CSTO// Nezavisimaya Gazeta. 2007. No. 40. N 3.
2. The Treaty on collective security of 15 may 1992. Article 4.
3. In addition, the Protocol on the composition and deployment of national forces rapid deployment forces of the Central Asian region of collective security on may 25, 2001, Archive of the Secretariat of the collective security Treaty organization., 2003. D. 22. L. 33.
4. Newsletter of the Secretariat of the CSTO 17.02.2014. Available at: http://www.odkb-csto.org/obzorpressy/detail.php?ELEMENT_ID=3251. (accessed: 27.03.2014)
5. Information-analytical portal of the Union state. Available at: <http://www.soyuz.by/ru/?guid=135792>. (accessed: 15.03.2013)
6. The concept of collective security of States parties to the CST. The archive of the Secretariat of the collective security Treaty organization., 1995. D. 9. L.
7. The concept of the program of military-technical cooperation of the States of the CSTO member States for the period 2006-2010. The archive of the Secretariat of the collective security Treaty organization. D. 38. L. 11.
8. Kurtov A.A. Wings CSTO. Nezavisimaya Gazeta. 2013. No. 89. P. 4.
9. Mikhailov V.A. Gratis. Independent military review. 2008. No. 37. P. 2.
10. The main directions of deepening military cooperation of States-participants of the CST. The archive of the Secretariat of the collective security Treaty organization., 1995. D. 9. HP 14.
11. the list of schools joint training voennih personnel for the armed forces of member States of the CSTO. The archive of the Secretariat of the collective security Treaty organization., 2005. D. 38. L. 19.
12. the Statute of the Council of defense Ministers of the States parties to the CST. The Secretariat of the collective security Treaty organization., 2000. D. 23. L. 27.
13. Annex to Decision of the collective security Council on the concept of collective security of the member States of the collective security Treaty of 10 February 1995. The archive of the Secretariat of the collective security Treaty organization., 1995. D. 4. L. 23
14. The Protocol on amendments and additions to the Agreement on the main principles of military-technical cooperation between the member States of the collective security Treaty of may 15, 1992. The archive of the Secretariat of the collective security Treaty organization., 2003. D. 22. L. 17.
15. The decision of the Council of the collective security Treaty organization on assistance to the Republic of Tajikistan in strengthening the Tajik-Afghan border. The archive of the Secretariat of the collective security Treaty organization., 2014. D. 37. L. 4.
16. The decision of the collective security Council on priority measures for implementation of the collective security Treaty of may 15, 1992, and the archives of the Secretariat of the collective security Treaty organization., 1993. D. 6. L. 11.
17. Agreement on the main principles of military-technical cooperation between the member States of the collective security Treaty of may 15, 1992. Moscow: the Secretariat of the CSC., 2000. 2 p.
18. Abstracts to the Secretary-General's report SKB. The archive of the Secretariat of the collective security Treaty organization., 1999. D. 16. L. 5.
19. Expert assessments and opinion on the Treaty between the Russian Federation and the Republic of Armenia. Information Bulletin no.3. Moscow: Information Agency "Slavic world", 1998. P. 14.

Информация об авторе

Гонтарь Сергей Михайлович, соискатель
ученой степени кандидат наук,
г. Тамбов, Россия
adrawil@yandex.ru

Получена: 23.08.2015

Information about the author

Gontar Sergey Mikhailovich, Applicant for
Candidate degree,
Tambov city, Russia
adrawil@yandex.ru

Received: 23.08.2015

ГООВ Ислам Мачраилович,
преподаватель кафедры общеправовых дисциплин

GOOV Islam,
Lecturer at the Chair of General Legal Subjects

ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ КАК РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

URGENT CHALLENGES IN FIGHTING AGAINST RELIGIOUS EXTREMISM

В данной статье автор рассматривает классификацию экстремизма и терроризма, раскрывает сущность каждого их вида. Особое внимание уделяется методам противодействия экстремизму и терроризму, в любых формах своего проявления обратившимся в одну из самых серьезных проблем, с которыми общество вошло в новое тысячелетие. В России проблема терроризма и борьба с ним резко усилилась в 90-е гг. и представляет настоящую угрозу национальной безопасности страны: это похищение людей, захват заложников, угон самолетов, взрывы, акты насилия и т.д. Не случайно в Концепции национальной безопасности России указано на необходимость подготовки общества к противостоянию с этой проблемой международного масштаба. Эскалация терроризма, смена мотиваций, расширение диапазона методов, приемов и применяемых средств являются угрозой будущему.

The author explored in the present paper the factors giving rise to religious extremism in society and its spreading round the community. The study revealed the intention of the concept of religious extremism. The paper has given special attention to the issues of countering religious extremism on the part of law enforcement bodies.

Multiple factors have concurred with the main reasons and circumstances that gave birth to religious extremism in our country, as follows: social and economic crises, high rate of unemployment, a relaxed functioning of State authorities and law enforcement bodies urged to prevent social extremism in educational institutions, a drastic decline in the living standards for the majority of the population, cultural decline and decrease of the attainment' standards of learning in youngsters. The law enforcement bodies have recently established multiple units in their framework, in order to counter religious extremism and prevent spreading of religious extremist ideas. In addition to, active advocacy for spiritual and moral values and traditions of our ethnic cultural communities may be one of the efficient practices in countering the spreading of religious extremism.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, терроризм, сущность религиозного экстремизма, факторы, приводящие к экстремизму; пути противодействия религиозному экстремизму.

Key words: religious extremism, terrorism, intention of religious extremism, factors involving extremism, ways to combat religious extremism.

Значимость терроризма и экстремизма как факторов стратегических угроз национальной безопасности Российской Федерации существенно выросла и, обладая довольно сложным содержанием, непосредственно затрагивает национальную безопасность на всех ее уровнях – государственном, межгосударственном, национальном, межнациональном, классовом и групповом. Помимо этого, внутренний и международный терроризм разрушают способность общества к самосохранению, самовоспроизводству и саморазвитию [7].

Внутригосударственный и международный терроризм несут в себе угрозу схожего характера. В целом отличие между этими видами терроризма настолько неустойчивое (по мнению большинства исследователей и ученых, совершаемые в России террористические акты – это проявление именно международного терроризма), что непосредственное разделение угроз от них весьма затруднительно. Можно выделить две группы объектов национальной безопасности России, на которые в основном направлена террористическая активность:

- общие объекты посягательства, в отношении которых выдвигаются цели их ослабления и уничтожения. Это внутренняя и внешняя защищенность страны, ее международные связи, положение и интересы, независимость и суверенитет государства, основы общественного строя, политическая организация общества, государственная власть и ее институты, безопасность граждан [6];

- защищенность людей и всевозможных материальных объектов: жизнь, здоровье, свобода конкретных лиц и групп; физическая целостность предметов и сооружений. Это объекты непосредственного террористического воздействия. Применяя различным образом насилие по отношению к лицам или конкретным материальным объектам, террористические объединения рассчитывают на достижение поставленных целей и задач [4].

Также терроризм и экстремизм несут угрозу государству в экономической сфере. Осуществление национальных интересов страны возможно только при условии стабильного развития экономики, следовательно, национальные интересы России в этой сфере являются главными.

Терроризм же ударяет по экономике, не только принося людские и материальные потери, но и снижая интерес к инвестированию (инвестиционную привлекательность), ухудшая имидж страны, ослабляя развитие туристической индустрии и пр.

Отсутствие соответствующих гарантий неприкосновенности личности и риски долгосрочных инвестиций резко ухудшают качество инвестиционного климата. В итоге каждая из стран, переживших волну терроризма и военных кампаний «борьбы с терроризмом», в том числе и Северокавказский регион Российской Федерации, оказывается отброшенным назад в своем развитии, что в свою очередь обеспечивает социальную базу для потенциального воспроизводства экстремистов [3].

Законодательство Российской Федерации трактует терроризм и экстремизм как попытку нарушения стабильности конституционного строя и государственной власти, угрозу территориальной целостности.

Анализируя это, делаем вывод, что это прямая угроза национальной безопасности России в сфере внутриполитических интересов [5]. Терракты громко заявляют о том, что власть не в состоянии гарантировать жизнь, здоровье, спокойствие граждан и, следовательно, несет ответственность за это. В зоне теракта реализуется альтернативная власть. Именно в возникновении такой ситуации раскрывается сущность устройства политического шантажа, который используют террористы. Важно затронуть такой вопрос, как заинтересованность других государств в ослаблении России [2].

Терроризм все более явно становится фактором геополитического влияния мировых центров силы на остальные страны, поэтому терроризм в данном случае можно трактовать как один из практических примеров социального управления – противоправный, но весьма эффективный [1].

Информационная война, которую ведут террористические группы, затрудняет реализацию принципа недопущения пропаганды и агитации, способствует разжиганию социальной, расовой, национальной и религиозной ненависти и вражды, а также подразумевает использование информации как оружия в экономической и политической борьбе.

Таким образом, национальная безопасность представляет собой совокупность таких объектов, как безопасность личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности, в которой содержится важный для политики момент: ослабление безопасности одного из объектов, одного из уровней, одной из сфер безопасности незамедлительно отражается на безопасности всего государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Карданов Р.Р. Роль судебно-криминалистических экспертиз в антитеррористической деятельности // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. – 2014. Т. 16. – № 1. – С. 92-96.
2. Тарчоков Б.А. Технологии манипуляционного воздействия, используемые террористическими организациями в вербовочной деятельности / Б.А. Тарчоков, З.Л. Шхагапсоев // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 14. – С. 100–102.
3. Карданов Р.Р. Указ. соч. – С. 92-96.
4. Шхагапсоев З.Л. Современные контуры системы противодействия различным проявлениям терроризма: учеб. пособие / З.Л. Шхагапсоев, Б.А. Тарчоков. – Нальчик: СКИ(ф) КрУ МВД России, 2012. – 136 с.
5. Машекуашева М.Х. Молодежный экстремизм и молодежная субкультура. Материалы международной конференции «Феномен экстремизма и ксенофобии в современной России». – Краснодар: Краснодарский университет МВД России. 2010. – 159 с.
6. Машекуашева М.Х. Особенности психологического обеспечения ведения переговоров в ситуациях захвата заложников. «Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии» / Сб. статей по мат-лам XXXIX международной научно-практической конференции. № 4 (39). Часть II. – Новосибирск: СибАК, 2014. – 180 с.
7. Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х., Геляхова Л.А. Вопросы правомерного психологического воздействия в профессиональной деятельности сотрудников ОВД // Теория и практика общественного развития. – Краснодар: ХОРС. – 2014. – № 12. – 208 с.

REFERENCES

1. Kardan R.R. Role of Forensic Expertise in anti-terrorist activities. [Rol' sudebno-kriminalisticheskikh jekspertiz v antiteroristicheskoy dejatel'nosti]. *Reports of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences*. 2014. T. 16. No. 1. Pp. 92-96.
2. Tarchokov B.A. Technology manipulation effects used by terrorist organizations in recruiting activities. BA Tarchokov, ZL Shhagapsoev. [Tehnologii manipuljacionnogo vozdejstvija, ispol'zuemye terroristicheskimi organizacijami v verbovochnoj dejatel'nosti. B.A. Tarchokov, Z.L. Shhagapsoev]. *Theory and Practice of Community Development*. 2014. No. 14. Pp. 100-102.
3. Kardan R.R. Ibid. Pp. 92-96.

4. *Shhagapsoev Z.L.* The modern contours of countering the various manifestations of terrorism: Proc. Benefit. Z.L. Shhagapsoev, B.A. Tarchokov. [Sovremennye kontury sistemy protivodejstvija razlichnym projavlenijam terrorizma: ucheb. posobie]. Nalchik: SRS (f) Crewe Russian Interior Ministry, 2012. 136 p. (in Russ.)
5. *Mashekuasheva M.H.* Youth extremism and youth subculture. Proceedings of the International Conference "The phenomenon of extremism and xenophobia in today's Russia." [Molodezhnyj jekstremizm i molodezhnaja subkul'tura. Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Fenomen jekstremizma i ksenofobii v sovremennoj Rossii»]. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia. 2010. 159 p. (in Russ.)
6. *Mashekuasheva M.H.* Features of psychological support negotiation in situations of hostage taking. "Personality, the family and society: issues of pedagogy and psychology" / Collection of articles on materials XXXIX international scientific - practical conference №4 (39) Part II. [Osobennosti psihologicheskogo obespechenija vedenija peregovorov v situacijah zahvata zalozhnikov. «Lichnost', sem'ja i obshhestvo: voprosy pedagogiki i psihologii»]. Novosibirsk: Publishing House "Seebach", 2014. 180 p. (in Russ.)
7. *Mashekuasheva M.H., Kochesokova Z.H., Gelyahova L.A.* Questions legitimate psychological impact in the professional activity of employees of ATS / Scientific journal. [Voprosy pravomernogo psihologicheskogo vozdejstvija v professional'noj dejatel'nosti sotrudnikov OVD]. *Theory and practice of social development. Krasnodar, HORSE.* No. 12. 2014. 208 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Гоов Ислам Мачраилович, младший лейтенант полиции, преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, Нальчик (Кабардино-Балкарской Республики), Россия

i_21@mail.ru.

Получена: 16.09.2015

Information about the author

Goov Islam Michailovich (Machrailovich), Junior Lieutenant at the Police Dept., Lecturer at the Chair of General Legal Subjects at the Northern-Caucasian Institute of Advanced Vocational Training (branch) of Krasnodar University under the Russian Ministry of Interior, Nalchik city, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia

i_21@mail.ru.

Received: 16.09.2015

УДК 12.00.14

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-128-130

ДЫЛЬКОВ Александр Сергеевич,
соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин

DYLKOV Alexander Sergeevich,
Postgraduate student, Chair for State-Legal Disciplines

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

THE MAIN PROBLEM OF COUNTERACTION AGAINST CORRUPTION

В данной статье рассмотрена проблема противодействия коррупции. Опыт антикоррупционной деятельности разных стран убедительно показывает, что полностью изжить коррупцию неосуществимо, как и любое иное социальное зло, обладающее весьма прочными основами в экономическом, социальном и политическом устройстве общества. Можно ставить актуальный вопрос только о том, чтобы уменьшить масштабы коррупции до социально приемлемого уровня.

Коррупция ущемляет интересы и конституционные права рядовых граждан, подрывает правопорядок и демократические устои, предполагает дискредитацию деятельности государственного аппарата, искажает принцип законности, препятствует проведению экономических реформ и непосредственно именно поэтому нуждается в самом детальном исследовании с научной точки зрения для нахождения наиболее эффективных механизмов противодействия этому негативному явлению. Противодействие коррупции может осуществляться самыми различными способами и методами.

Сделан вывод, что коррупция – это не только форма криминального обогащения бюрократического государственного аппарата. Она всегда была основным источником криминализации общественной жизни, ее деградации. Коррупция является как условием, так и следствием функционирования теневой экономики, усиления имущественной дифференциации общества, падения нравов и деградации общественно-политической жизни.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное законодательство, контроль, обогащение, противодействие, реформы, государственный аппарат, дискредитация, правопорядок, демократические устои.

The article considers the problem of corruption. The experience of anti-corruption activities in various countries shows convincingly that to completely get rid of corruption is impossible, as any other social evil, with solid foundations in economic, social and political system of society. You can put a question only about how to reduce the scale of corruption to the socially acceptable level. Corruption infringes upon interests and constitutional rights of citizens, undermines the rule of law and democratic principles, suggests discrediting the activities of the state apparatus, distorts the principle of legality, hinders economic reforms and therefore requires detailed investigation with the scientific side to find the most effective ways of countering this phenomenon. Corruption can be done in different ways and methods. The conclusion that corruption is not only a form of criminal enrichment bureaucratic state apparatus, it has always been the main source of criminalization of social life, its degradation.

Corruption is both a prerequisite and a consequence of the functioning of the shadow economy, strengthening property differentiation of the society, the fall of morals and degradation of the socio-political life.

Key words: corruption, anti-corruption legislation, monitoring, enrichment, opposition, reform, state machine, discredit, the rule of law, democratic foundations.

Проблема коррупции не является специфической ни для одной страны мира. При всех известных формах политического и экономического устройства данное явление не поддается полной ликвидации, но может иметь тенденцию к сокращению своего массового проявления. Опыт антикоррупционной деятельности разных стран убедительно показывает, что полностью изжить коррупцию неосуществимо, как и любое иное социальное зло, обладающее прочными основами в экономическом, социальном и политическом устройстве общества. Можно ставить вопрос только о том, чтобы уменьшить масштабы коррупции до социально приемлемого уровня.

Коррупция ущемляет интересы и конституционные права рядовых граждан, подрывает правопорядок и демократические устои, предполагает дискредитацию деятельности государственного аппарата, искажает принцип законности, препятствует проведению экономических реформ и именно поэтому нуждается в детальном исследовании с научной стороны для нахождения наиболее эффективных механизмов противодействия этому явлению.

По словам главы российского отделения Transparency International Елены Панфиловой, «75% населения страны считают уровень коррупции высоким или очень высоким; 30% говорят, что за последний год как минимум один раз были вынуждены давать взятку» [2].

Коррупция в органах государственной власти России достигла таких размеров, что вышла на уровень общенациональной угрозы, борьба с которой должна являться консолидированной, как это определено в Концепции национальной безопасности Российской Федерации [3]. В Послании Федеральному Собранию Президент России озвучил количество случаев привлечения к уголовной ответственности по делам о коррупции. Так, только за шесть месяцев прошлого года рассмотрено свыше 4,5 тыс. дел коррупционной направленности. Среди осужденных – 532 представителя органов государственной власти и органов местного самоуправления, более 700 работников правоохранительных органов [1].

Противодействие коррупции может осуществляться различными способами и методами. Очевидно, что наиболее эффективному противодействию коррупции должен сопутствовать комплексный (системный) подход, под которым мы понимаем не только совокупность государственных методов, но и сочетание их с гражданскими (общественными) методами. Как известно, в настоящий момент в нашей стране противодействию коррупции уделяется значительное внимание, вступил в силу целый комплекс правовых антикоррупционных норм, среди которых основополагающее значение имеет Национальный план противодействия коррупции.

В частности, наибольший интерес в рамках данной статьи вызывает именно гражданская или общественная составляющая общего механизма противодействия коррупции, ввиду чего хотелось бы остановиться на участии в сложном процессе противодействия коррупции субъектов гражданского контроля.

Для этого необходимо разобраться, что следует понимать под гражданским контролем и его субъектами, какое место среди антикоррупционных нормативных правовых актов Российской Федерации занимают нормы, регулирующие участие гражданского контроля в противодействии коррупции, и как этот процесс осуществляется на практике. С целью определенности в понимании этого понятия отметим, что в данной статье понятия «гражданский контроль» и «общественный контроль», а также «форма гражданского контроля» и «форма общественного контроля» рассматриваются нами как синонимичные.

Известно, что одними усилиями государственных и местных органов власти, их должностных лиц уровень коррупции в этих же органах существенно снизить невозможно, для этого необходима самая активная деятельность каждого гражданина страны. На первое место в данном аспекте выдвигается проблема объединения граждан для осуществления контроля над противодействием коррупции.

Коррупция в обществе проявляется в особом образе поведения людей. Суть ее лежит в социально-психологических особенностях личности конкретного человека и общества в целом.

Рассмотрим такой пример. В России в ноябре 2012 г. стало известно, что полиция выявила хищение 6,5 млрд руб. в ОАО «Российские космические системы» при разработке навигационной системы ГЛОНАСС. В январе 2013 г. был арестован замглавы Минрегиона РФ Роман Панов, обвиняемый в мошенничестве в особо крупном размере по делу о хищении средств (уголовное дело о хищении 93,3 млн руб.), выделенных на саммит АТЭС во Владивостоке, который прошел 2–9 сентября.

Как известно, оценка уровня коррупции в стране со стороны населения является довольно субъективной. Она обусловлена особенностями индивидуального опыта (или отсутствием такового), представлениями о данном явлении, в том числе довольно мифологизированными информационным фоном. Следовательно, необходимо критически подходить к оценкам уровня коррупции, даваемым гражданами и различными общественными организациями. Приходится констатировать, что данный феномен присутствует повсеместно: в органах государственной власти и органах местного самоуправления, в силовых и правоохранительных структурах. Именно поэтому представление о должности на государственной службе как о возможности личного обогащения остается, к сожалению, весьма распространенным в общественном сознании.

Последствия коррупции выражаются в снижении экономического роста путем уменьшения стимулов для осуществления инвестиций (как от местных, так и от зарубежных предпринимателей), понижении качества государственной инфраструктуры служб, сокращения налоговых поступлений, отвлечения одаренных людей на поиск незаконных доходов вместо продуктивной деятельности и искажения структуры государственных расходов.

Таким образом, коррупция – это не только форма криминального обогащения бюрократического государственного аппарата, она всегда была основным источником криминализации общественной жизни, ее деградации. Коррупция является как условием, так и следствием функционирования теневой экономики, усиления имущественной дифференциации общества, падения нравов и деградации общественно-политической жизни. Остается надеяться, что поправки в некоторые пункты статей законов смогут помочь в улучшении коррупционной ситуации в России.

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что, несмотря на закрепление в законодательстве Российской Федерации по противодействию коррупции участия общественного контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства, конкретный механизм этого участия остается неясным, как и понятие самого гражданского контроля.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Указ Президента РФ от 11.04.2014 N 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы»
2. Transparency International. URL: <http://www.transparency.org.ru>
3. *Петраков С.В.* Проблемы противодействия коррупции в органах законодательной власти. Закон: стабильность и динамика / Отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: Юридическая фирма «Контракт», 2007. – С. 313.

REFERENCES

1. The decree of the President of the Russian Federation dated 11.04.2014 N 226 «On the National anticorruption plan for 2014–2015 years»
2. Transparency International. Available at: <http://www.transparency.org.ru>
3. *Petrakov S.V.* Problems of fighting corruption in the legislature. The law: stability and dynamics [Problemy protivodeystviya korruptsii v organakh zakonodatel'noy vlasti. Zakon: stabil'nost' i dinamika]. Resp. edited by T. Y. overall mechanism. *Moscow: faculty of journalism*, 2007. P. 313.

Информация об авторе

Дыльков Александр Сергеевич, соискатель, кафедра государственно-правовых дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Москва, Россия
alia00@list.ru

Получена: 21.08.2015

Information about the author

Dilkov Alexander Sergeevich, Postgraduate student, Chair for State-Legal Disciplines, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow city, Russia
alia00@list.ru

Received: 21.08.2015

УДК 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-131-136

ИЛЬИН Алексей Александрович,
аспирант кафедры социологии

ILIN Alexey, Postgraduate student,
Chair of Sociology

МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАКТИК И ТИПОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ

MODEL OF SOCIAL AND INFORMATION PRACTICES SYSTEM AND TYPOLOGY OF INTERNET ADDICTION.

В данной статье отмечены проблемы в изучении интернет-зависимости – отсутствие единого диагностического инструмента и необходимость классификации зависимого от Интернета поведения. Предложена типология, сформированная с помощью модели системы социально-информационных практик, которая сконструирована на основе системного анализа с рассмотрением трехкомпонентной системы. Устойчивое равновесие в системе характеризует норму как независимое от Интернета поведение. Смещение равновесия в виртуальную реальность является показателем девиации – зависимого от Интернета поведения, в котором выделяется два варианта: поведение с обратимым и необратимым характером зависимости. Приведены результаты пилотажного исследования, проведенного с целью разделения интернет-зависимых на две группы. Актуальность рассмотрения девиаций в сети Интернет, связанная с проникновением информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) практически во все сферы жизни современного общества и ростом вовлеченности в информационные практики все большего числа россиян, особенно молодежной аудитории, вызвала интерес к данной проблеме со стороны психологии, медицины, педагогики, социологии, придав ей характер междисциплинарного феномена.

The article addresses the problems in the study of Internet addiction: absence of a single diagnostic tool and the need for classification of Internet-dependent behavior. The article suggests the typology formed by the model of system of social-informational practices, constructed on the basis of systems analysis with consideration of a 3-component system. Sustainable balance in the system characterizes the norm as behavior independent from Internet. The shift of the balance towards virtual reality indicates to the deviation – Internet dependent behavior, which has two types - behavior with reversible dependence and irreversible dependence. The author presents the results of the pilot study conducted with the aim to divide Internet-dependents into two groups. Relevance of consideration deviations in the Internet related to the penetration of information and communication technologies (ICT) in virtually all areas of modern life and increasing involvement in the information practices of an increasing number of Russians, especially young audiences, has caused interest in this issue on the part of psychology, medicine, pedagogy, sociology, giving it a multi-disciplinary nature of the phenomenon.

Ключевые слова: интернет-зависимость, типология, модель системы социально-информационных практик, системный анализ, интернет-пользователь, социальная реальность, виртуальная реальность, устойчивость системы, норма и девиация, обратимый характер зависимости, необратимый характер зависимости.

Key words: Internet addiction, typology, model of the system of social-informational practices, systems analysis, Internet user, social reality, virtual reality, system sustainability, norm and deviation, reversible dependence, irreversible dependence.

Данная статья посвящена одной из форм девиаций, которая относится к избыточному применению Интернета и которую, как правило, называют интернет-зависимостью. Изучение этого феномена, начатого зарубежными исследователями в середине 90-х [Egger, Rauterberg, 1996, Griffiths, 1999, Young, 1998], а отечественными специалистами – с начала 2000-х гг. [Войскунский, 2004, Лоскутова, 2009, Цой, 2011], дало ответы на многие вопросы, связанные с возникновением, формированием и последствиями интернет-зависимости. Особое внимание было уделено определению признаков, причин, критериев интернет-зависимости, а также методам ее коррекции и профилактики.

Среди основных сложностей, с которыми столкнулись исследователи, можно выделить отсутствие единого диагностического инструмента. Один из наиболее известных специалистов по интернет-зависимости в нашей стране психолог А.Е. Войскунский, возглавляющий лабораторию «Психологические проблемы информатизации» МГУ им. М.В. Ломоносова, отмечает, что каждый из достаточно крупных центров по изучению интернет-зависимости использует свои методики. Это, безусловно, создает трудности в сравнении результатов и в планировании дальнейшей работы. Следует отметить, что для определения интернет-зависимости российскими учеными чаще всего применяются тест Кимберли Янг в адаптации В.А. Лоскутовой и шкала Анастасии Жичкиной. В последнее время серьезной альтернативой этим методикам стал тест интернет-зависимости Чена в адаптации В.Л. Малыгина и К.А. Феклисова, который позволяет комплексно подойти к изучаемой проблеме, оценивая поведение интернет-пользователей с разных точек зрения. В последних диссертациях по теме интернет-зависимости используется именно этот диагностический инструмент [Антоненко, 2014, Шилу, 2013].

Другой проблемой, требующей решения, является необходимость в разработке типологии интернет-зависимости. Предложенные ранее классификации основаны на разных вариантах мотивации в интернет-пространстве. Одна из первых типологий, в которой выделяются: киберсексуальная зависимость; пристрастие к виртуальным знакомствам; навязчивая потребность в сети – игра в онлайн-азартные игры, постоянные покупки или участия в аукционах;

информационная перегрузка (навязчивый web-серфинг); компьютерная зависимость – навязчивая игра в компьютерные игры – принадлежит профессору психологии Питсбургского университета К. Янг. Заведующий кафедрой медицинской психологии КГМУ профессор В.Д. Менделевич разделяет интернет-зависимых на интернет-гемблеров, трудоголиков, сексоголиков, эротоголиков, покупателей, аддиктов отношений. Также известны типологии Ф.А. Саглам и О.В. Завалишиной, Н.А. Загуменных, Е.С. Постоевой, акцентирующих свое внимание на подростковом возрасте.

Но возможны и другие подходы, не противоречащие предыдущим, а обогащающие общее видение проблемы. Подчеркивая разные уровни интернет-зависимости, российские социологи [Варламова, Гончарова, Соколова, 2015] выделяют слабую, среднюю, сильную и абсолютную степени, для определения которых использован критерий, сформированный из шести показателей и представляющий новый диагностический инструмент. Три показателя связаны с временными характеристиками: ежедневное время пребывания в сети в развлекательных целях, время комфортного обхождения без Интернета, время еженедельных встреч с друзьями в реальной жизни. Остальные показатели относятся к мотивам пребывания в сети, основному типу информации, получаемой из Интернета и основному варианту досуга (в Интернете или вне его).

Продолжая анализ вариантов типологии, отметим еще два мнения известных исследователей интернет-зависимости. Так профессор МГМСУ В.Л. Малыгин с коллективом предлагает рассматривать зависимость от Интернета следующим образом:

-во-первых, как девиантное поведение, характеризующее патологической увлеченностью Интернетом (этот вариант рассматривается как доболезненное расстройство);

-второй и третий варианты связаны с нозологической характеристикой зависимости и являются либо самостоятельным расстройством, либо проявлением множества других личностных и/или психических расстройств [Малыгин, Хомерики, Смирнова, Антоненко, 2011].

А профессор Ноттингемского университета психиатр Марк Гриффитс среди интернет-зависимых выделяет аддиктов первого и второго порядков. Для первых характерна групповая игра, сопровождаемая приподнятым настроением, стремлением к победе, получению позитивного подкрепления и социальному вознаграждению. Признаком аддиктов второго порядка является наличие разного рода проблем, приводящих к варианту эскапизма (бегства от жизненных трудностей) в поведении [Griffiths, 1995].

Оба исследователя выделяют среди интернет-зависимых пользователей две группы, принципиально различающиеся по характеристикам. Очевидно, что эти группы характеризуются разной степенью интернет-зависимости, но этого явно недостаточно для понимания их существования. Мы предлагаем еще один вариант типологии, основанный на характере зависимости (обратимый и необратимый). Методологическое обоснование этой типологии базируется на анализе модели системы социально-информационных практик, под которой будем понимать формализованное представление сочетания социальных и информационных практик в жизни интернет-пользователя и, соответственно, двух сред для их реализации – социальной и виртуальной реальностей.

Для конструирования данной модели системы социально-информационных практик необходимо проведение *системного анализа* с рассмотрением *системы*, имеющей субъектно-средовой характер и состоящей из следующих компонентов:

-субъекта, которого обозначим как интернет-пользователь, подчеркивая тем самым значение ИКТ в его поведенческих практиках;

-среды, в качестве которой выступают социальная реальность (СР) и виртуальная реальность (ВР).

Данная трехкомпонентная система социально-информационных практик (интернет-пользователь, СР, ВР) может находиться в одном из двух дискретных состояний:

1. Функционирование интернет-пользователя в социальной реальности, в которой он реализует социальные практики;

2. Функционирование интернет-пользователя в виртуальной реальности (интернет-пространстве), в которой он реализует информационные практики.

Целостность системы социально-информационных практик, рассматриваемая как один из наиболее важных признаков систем, обеспечивается субъектом, который неизбежно в своих поведенческих практиках соединяет в единое целое другие компоненты системы – СР и ВР.

Особенностью выбранной системы является дискретность возможных состояний, компонентность системы, изменяющаяся в зависимости от состояния (для первого компонентами системы являются интернет-пользователь и СР, для второго – интернет-пользователь и ВР), а также определение внешней среды, которая является в то же время компонентом системы. Для первого состояния внешней средой по отношению к предложенной системе является виртуаль-

ная реальность, для второго – социальная реальность. *Функционирование* системы социально-информационных практик выражается в ее динамике, то есть в постоянно осуществляемых переходах интернет-пользователя в двух противоположных направлениях:

- социальная реальность → виртуальная реальность;
- виртуальная реальность → социальная реальность.

Объединяя эти записи, приходим к следующей модели системы социально-информационных практик:

интернет-пользователь в СР $\rightleftharpoons$ интернет-пользователь в ВР,

которая позволяет идентифицировать систему как ***равновесную с обратимым характером равновесия***.

Устойчивость как один из системных признаков заключается в *сохранении равновесия*, а следовательно – в постоянной реализации двух вышеприведенных переходов, осуществляемых интернет-пользователем (СР → ВР; ВР → СР).

Неустойчивое состояние системы заключается в разрушении равновесия, которое проявляется в *смещении равновесия* и, соответственно, в преобладающем функционировании интернет-пользователя в социальной реальности или в виртуальной реальности.

Именно устойчивость и неустойчивость системы социально-информационных практик применим для определения *нормы и девиации в использовании Интернета* в информационных практиках интернет-пользователя.

Нормативное поведение определяем как устойчивое состояние равновесной системы, при котором наблюдается гармоничное сочетание социальных практик в СР и информационных практик в ВР. Нормативным является независимое от Интернета поведение, а также поведение, исключающее недостаточное применение Интернета.

Девиантное поведение определяем как неустойчивое состояние равновесной системы, заключающееся в смещении равновесия. Смещение равновесия в ВР выражается в избыточном применении Интернета (интернет-зависимости). Смещение равновесия в СР выражается в преобладающем функционировании в СР, в пренебрежении информационными практиками и определяется как недостаточное использование Интернета. Оба варианта девиантного поведения являются нежелательными и требуют приведения к нормативному поведению. Далее в статье будут рассматриваться вопросы, связанные только с избыточным применением Интернета – изучение именно этого варианта девиантного поведения является целью данной работы.

Используя сконструированную модель системы социально-информационных практик, рассмотрим *типологию интернет-зависимости*, основываясь на связи зависимого от Интернета поведения с разрушением равновесия в системе социально-информационных практик, характеризуемое его смещением в ВР. Мы считаем, что целесообразно рассматривать два варианта – частичное и полное смещение равновесия, которым соответствуют разные степени интернет-зависимости.

При *полном смещении равновесия* модель системы социально-информационных практик приобретает форму, в которой остается только один переход:

интернет-пользователь в СР → интернет-пользователь в ВР

Происходит уход в виртуальную реальность – именно ВР определяет образ жизни зависимого интернет-пользователя, сфера интересов которого резко сужается, а в самом крайнем случае – сводится только к Интернету, который настолько встраивается в сознание, что человек не мыслит вне интернет-пространства. Он в каких-то случаях не может, но в большинстве случаев просто не хочет менять ситуацию, что свидетельствует о высокой степени аддикции и о малой вероятности ее коррекции.

При *частичном смещении равновесия* не происходит полного его разрушения – в значительно деформированном виде, но все же остается второй переход. Это позволяет представить модель социально-информационных практик с преобладающей векторностью СР → ВР:

интернет-пользователь в СР $\rightleftharpoons$ интернет-пользователь в ВР

Образ жизни зависимого интернет-пользователя приобретает смешанную форму, в которой сочетаются элементы нормативного и девиантного поведения, но при этом определяющей является девиантная составляющая.

В соответствии с приведенными рассуждениями, интернет-зависимость можно типизировать следующим образом:

1. Зависимое от Интернета поведение с *обратимым* характером зависимости. Эта форма интернет-зависимости соответствует частичному смещению равновесия в модели си-

стемы социально-информационных практик. Обратимость означает, что уход в ВР не является абсолютным, а сопровождается пусть трудным, но все-таки осуществляемым выходом из нее; наличием интересов, смыслов, ценностей не только в ВР, но и в СР; сочетание в образе жизни нормы и девиации; возможность коррекции – приведения к нормативному поведению, используя не только специализированную помощь, но и собственные волевые усилия.

2. Зависимое от Интернета поведение с *необратимым* характером зависимости. Эта форма интернет-зависимости соответствует разрушению равновесия, связанного с полным его смещением в ВР в модели системы социально-информационных практик. Необратимость свидетельствует об уходе в ВР (то есть выборе интернет-пользователем только одного варианта поведения, связанного с информационными практиками в интернет-пространстве); отказе от социальной активности; сверхценности Интернета, а также о невозможности или очень большой сложности коррекции интернет-зависимости – для приведения поведения к нормативному требуются большие усилия, связанные с оказанием психотерапевтической помощи.

В заключение приведем результаты пилотажного исследования, которое было проведено с целью подтверждения предложенной типологии интернет-зависимости. Основная задача заключалась в выделении среди зависимых от Интернета пользователей двух групп – с обратимым и необратимым характером зависимости. В онлайн опросе, проведенном на сайтах pikabu.ru и uaplakal.com, приняло участие 116 молодых респондентов в возрасте от 16 до 30 лет. Для диагностики зависимого от Интернета поведения использовался тест интернет-зависимости Чена в адаптации В.Л. Малыгина и К.А. Феклисова. Интернет-зависимость была выявлена у 20 респондентов, что составило 17%.

В качестве индикатора для разделения интернет-зависимых на две группы с разным вариантом зависимости был выбран характер реакции интернет-пользователя на необходимость завершения пребывания в Интернете в связи с различного рода обязательствами и неотложными делами, возникающими в реальности. Те респонденты, которые, несмотря на трудность, постоянное откладывание выхода из Интернета, все же могут завершить сеанс работы или легко выходят из Интернета, были отнесены к зависимым с обратимым характером зависимости. Респонденты, которые не хотят или не могут выйти из Интернета, составили группу зависимых с необратимым характером зависимости. Правильность выбора индикатора и, соответственно, разделения интернет-зависимых на две группы подтвердил анализ ответов на вопросы теста Чена. У зависимых с необратимым характером зависимости общий балл, а также практически все показатели шкал теста Чена оказались выше, чем у зависимых с обратимым характером зависимости, что подтверждает наличие более сильной аддикции у данной группы. Ниже (табл.1) приведена сравнительная характеристика двух групп зависимых от Интернета пользователей по различным шкалам теста интернет-зависимости Чена с указанием средних, минимальных и максимальных значений: Com – компульсивные симптомы; Wit – симптомы отмены; Tol – симптомы толерантности; IH – внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем; TM – проблемы с управлением временем. Сумма значений всех шкал дает общий CIAS балл = (Com+Wit+Tol+IH+TM), при величине которого от 65 и выше можно сделать вывод о выраженном и устойчивом паттерне интернет-зависимого поведения. Также производится вычисление значения ключевых симптомов интернет-зависимости (IA-Sym= Com+Wit+Tol) и показателя проблем, связанных с интернет-зависимостью (IA-RP=IH+TM).

Таблица 1. Сравнение двух групп интернет-зависимых

Характер зависимости	Число %	Общий CIAS балл	Com	Wit	Tol	IH	TM	IA-Sym	IA-RP
Обратимый	12	mean	mean	mean	mean	mean	mean	mean	mean
		76,166667	14,50000	16,00000	11,75000	20,08333	13,83333	42,25000	33,91667
	60%	min max 65 101	min max 11 20	min max 11 19	min max 8 15	min max 10 28	min max 11 20	min max 34 53	min max 28 48
Необратимый	8	mean	mean	mean	mean	mean	mean	mean	mean
		90,00000	17,00000	18,25000	14,37500	22,87500	17,50000	49,62500	40,37500
	40%	min max 79 104	min max 12 20	min max 13 20	min max 11 16	min max 18 28	min max 14 20	min max 42 56	min max 34 48

Таким образом, в результате проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Предложенная модель системы социально-информационных практик позволила обосновать норму и девиацию поведения в сети Интернет, основанных на рассмотрении равновесия в системе. Устойчивость системы, заключающаяся в сохранении равновесия, то есть в гармоничном сочетании социальных и информационных практик, означает норму. Неустойчивость системы, заключающаяся в разрушении равновесия – в его смещении, то есть в значительном преобладании социальных или информационных практик, означает девиацию.

2. Кроме девиации, связанной с избыточным использованием Интернета, анализ модели выявил другую форму девиации – недостаточное использование Интернета, являющееся нежелательной тенденцией современной действительности, характеризующейся движением России к информационному обществу.

3. Типология интернет-зависимости основана на разной степени смещения равновесия в ВР. Частичное смещение определяет обратимый характер зависимости, а полное смещение равновесия – необратимый ее характер.

4. Проведенный онлайн опрос подтвердил актуальность изучения феномена интернет-зависимости: среди 116 респондентов оказалось 20 зависимых от Интернета пользователей, что составило 17% от числа всех опрошенных.

5. Выделение двух групп среди интернет-зависимых было осуществлено на основе их возможности выхода из ВР. Интернет-зависимые, которые с трудом, но все же могут выйти из Интернета при возникновении необходимости или делают это достаточно легко, составили группу зависимых с обратимым характером зависимости. Данная группа представляет большинство: среди 20 зависимых к ней были отнесены 12 респондентов (60%). Во вторую группу вошли зависимые, которые не хотят или не могут выйти из Интернета. Зависимых с необратимым характером зависимости оказалось 8 респондентов, что составило 40%.

6. Значение выделения зависимых с обратимым и необратимым характером зависимости связано со значительным различием поведенческих характеристик, а также с необходимостью реализации разных подходов в коррекции аддикции. Следует подчеркнуть, что необратимый характер зависимости обязательно требует оказания специализированной помощи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Egger O., Rauterberg M. Internet Behavior and Addiction. 1996.
2. Griffiths M. Internet addiction: Fact or fiction? // Psychologist. – 1999. – V. 12(5). – P. 246-245.
3. Griffiths M. Technological addictions. 1995.
4. Young K.S. Caught in the Net. How to Recognize the Signs of Internet Addiction and a Winning Strategy for Recovery. New York: John Wiley & Sons Inc. 1998.
5. Антоненко А.А. Интернет-зависимость подростков от компьютерных игр и онлайн-общения: клинико-психологические особенности и профилактика. Дисс... канд. псих. наук. – М., 2014.
6. Варламова С.Н., Гончарова Е.Р., Соколова И.В. Интернет-зависимость молодежи мегаполисов: критерии и типология // Мониторинг общественного мнения. – 2015. – № 2. – С. 165-182.
7. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы зависимости от Интернета // Психологический журнал. – 2004. – №1.
8. Лоскутова В.А. Интернет-зависимость в медицинской парадигме // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Ред.-сост. А.Е. Войскунский. – М.: Акрополь, 2009. – С. 152-164.
9. Малыгин В.Л., Хомерики Н.С., Смирнова Е.А., Антоненко А.А. Интернет-зависимое поведение // Журнал неврологии и психиатрии. – 2011. – № 8. – С. 86-92.
10. Цой Н.А. Феномен интернет-зависимости и одиночества // Социологические исследования. – 2011. – № 12. – С. 98-107.
11. Шилу В. Интернет-зависимость у участников компьютерных игр. Дисс... канд. псих. наук. – Москва, 2013.

REFERENCES

1. Egger O., Rauterberg M. Internet Behavior and Addiction. 1996.
2. Griffiths M. Internet addiction: Fact or fiction? Psychologist. 1999. V. 12 (5). P. 246-245.
3. Griffiths M. Technological addictions. 1995.
4. Young K.S. Caught in the Net. How to Recognize the Signs of Internet Addiction and a Winning Strategy for Recovery. New York: John Wiley & Sons Inc. 1998.
5. Antonenko A.A. Internet addiction of adolescents from computer games and online communication: clinical and psychological characteristics and prevention. Diss. a. ps. Sciences. Moscow. 2014. (in Russ.)
6. Varlamova S.N., Goncharova E.R., Sokolova I.V. Internet addiction young people megacities: criteria and typology. Monitoring of public opinion. 2015. № 2. P. 165-182. (in Russ.)
7. Voiskunskiy A.E. Actual problems of dependence on the Internet. Psychological Journal. 2004. № 1.

8. Loskutova V.A. Internet addiction in the medical paradigm. Internet addiction: psychological nature and dynamics development. Ed. by Voiskunsky. A. E. Moscow: Acropolis. 2009. P. 152-164. (in Russ.)
9. Malign V.L., Homeriki N.S., Smirnova E.A., Antonenko A.A. Internet-dependent behavior. Journal of Neurology and Psychiatry. 2011. № 8. P. 86-92. (in Russ.)
10. Coi N.A. The phenomenon of Internet addiction and loneliness. Sociological researches. 2011. № 12. P. 98-107.
11. Shilu V. Internet addiction among the participants of computer games. Diss. a. ps. sciences. Moscow. 2013. (in Russ.)

Информация об авторе

Ильин Алексей Александрович, аспирант,
кафедра социологии, Российский химико-
технологический университет имени
Д.И. Менделеева, Москва, Россия
ilinalexey90@yandex.ru

Получена: 17.09.2015

Information about the author

Ilin Alexey, Postgraduate student, Chair of So-
ciology, D.I. Mendeleyev University of Chemical
Technology of Russia, Moscow city, Russia

ilinalexey90@yandex.ru

Received: 17.09.2015

УДК 910

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-137-140

КАКАЛИЯ Инар Мурманович,
аспирант кафедры рекреационной географии и туризма

KAKALIYA Inar Murmanovich,
Postgraduate student, Chair for Recreational
Geography and Tourism

ХАРАКТЕРИСТИКА НАИБОЛЕЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ТУРИСТСКИХ РАЙОНОВ АБХАЗИИ

CHARACTERISTICS OF THE MOST PROMISING TOURIST REGIONS OF ABKHAZIA

В статье представлены характеристики наиболее перспективных туристских районов Абхазии. Предлагается при одновременной модернизации имеющейся туристской инфраструктуры проводить разработку новых направлений в сфере туризма – экологического, гастрономического, сельского, этнического, археологического, что эффективно при вовлечении юго-восточного региона. Это позволит осуществлять более равномерное насыщение туристскими потоками территории Абхазии. Юго-восточный район Абхазии является малонаселенным в связи со смещением всей инфраструктуры в ее северо-западной части и перспективным для развития таких набирающих популярность альтернативных видов туризма, как экстремальный, экологический, birdwatching. Целесообразно развитие бальнеологического и горноклиматического курорта Ауадхара (как представительского проекта республики в этом секторе). Инфраструктура бальнеологического и горноклиматического курорта – курортная поликлиника, бальнеолечебницы, питьевые галереи, бюветы отдельных источников, многочисленные отели, пансионаты и санатории. Природно-климатическая база по многим аспектам соответствует, а в ряде объектов превышает крупнейшие мировые курорты. К наиболее сильным сторонам Республики Абхазия относятся природно-туристско-рекреационный, сельскохозяйственный, ресурсный потенциалы. Зона Причерноморья и Колхидская низменность признаны наиболее благоприятными территориями для развития растениеводства. Абхазия обладает возможностями для развития различных видов туризма: как традиционного санаторного лечения, так и экстремальных видов – спелеологии и альпинизма. Компактное размещение на малой территории многих исторических артефактов позволяет сочетать разные виды туризма и осмотреть за короткий промежуток времени большое число достопримечательностей.

The article presents characteristics of the most promising tourist regions of Abkhazia. Along with the modernization of the existing tourist infrastructure, it is proposed to develop new trends in tourism – ecotourism, gastronomic, rural, ethnic, archeological, that are effective in the south-eastern region. It will increase tourist flow in Abkhazia. The southeast region of Abkhazia is sparsely populated due to the displacement of the entire infrastructure into the north-western part and it is promising for the development of such increasingly popular alternative types of tourism as extreme, ecological, birdwatching.

It is advisable to develop a balneal mountain-climate resort Auadhar (as a representative project in this sector of the republic). The infrastructure of the balneological and mountain climatic resort is: resort polyclinic, balneary, drinking gallery, pump-room of the springs, numerous hotels, rest-houses and sanatoriums.

The natural and climatic base in many aspects corresponds to, and in a number of objects even exceeds the world's largest resorts. The strengths of the Republic of Abkhazia are in its natural-touristic-recreational, agricultural, and resource potential. The Black Sea zone and the Colchis lowland areas are considered as the most favorable areas for crop development. Abkhazia has the potential to develop different types of tourism: traditional spa treatment, extreme tourism - caving and mountaineering. Compact location of many historical artifacts allows to combine different types of tourism and to see many places of interest within a short period of time.

Ключевые слова: Абхазия, туристско-рекреационный комплекс, Колхидская низменность, природно-климатическая база Абхазии, Сухум, Беслетка, Кындыг, курорт Ауадхара, Абжуа, Самурзакан, Кодорское ущелье.

Key words: Abkhazia, tourist and recreational complex, Colchis lowland, natural and climatic base of Abkhazia, Sukhumi, Besletka, Kyndyg, resort Auadhar, Abzhua, Samurzakan, the Kodor Gorge.

Республика Абхазия занимает северо-западную часть Кавказа. В восточной части граничит с Грузией, с Россией – в северо-западной. Территориальная протяженность Абхазии составляет 8 600 км². Протяженность территории Абхазии с запада на восток составляет 160 км и 54 км – с севера на юг. В Абхазии семь административных районов, отличающихся по своей туристской привлекательности. Это объясняется исторически сложившимся развитием туристской инфраструктуры.

При выявлении наиболее перспективных районов необходимо обратить внимание на ряд следующих факторов: туристско-рекреационные условия, наличие населения (что является для различных видов туризма неоднозначным показателем), наличие культурно-исторических объектов, степень удаленности от центральных дорог, уровень инфраструктурного развития [1].

Абхазия обладает значительным потенциалом для развития рекреационного комплекса. На компактной территории сконцентрирован широкий диапазон географо-климатических ресурсов: Черное море, Кавказские горы, субтропики, вечные снега, субтропические культуры, реликтовые растения и высокогорные альпийские луга, минеральные воды, озера, водопады, реки, ледники, пещеры вертикального и горизонтального направления, горные перевалы, разнообразие исторических памятников, дольмены, храмы и церкви, Великая Абхазская стена.

Структурные особенности имеющейся на сегодня системы расселения и экономической специализации районов Абхазии определяются природно-ландшафтными характеристиками, в

первую очередь, особенностями рельефа. В первом приближении выделяются равнинные, предгорные и горные ландшафты, пересекаемые сетью речных долин [2].

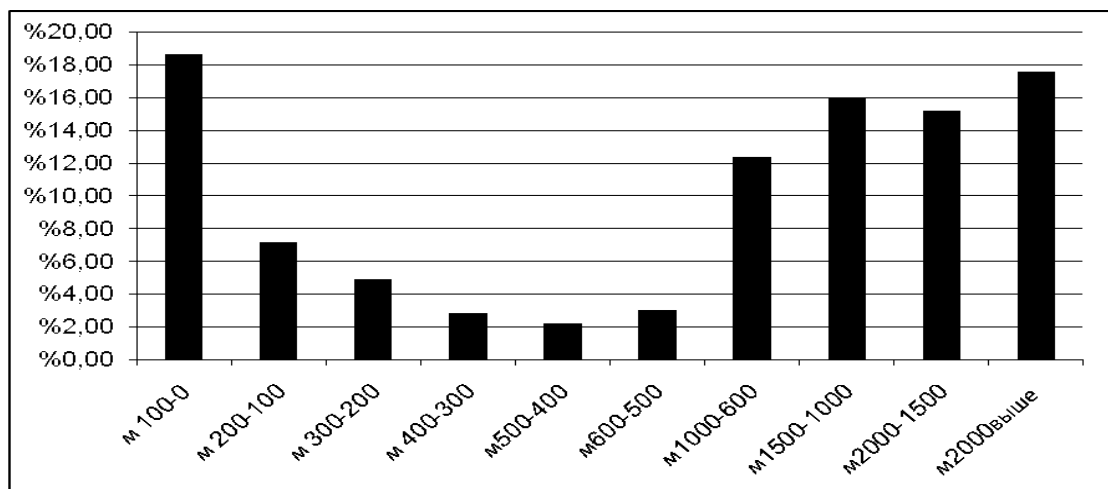

Рисунок 1. Процентное распределение высот территории Абхазии

Figure 1. The percentage distribution of the heights of the territory of Abkhazia

Основная часть населения Абхазии проживает около главного транспортного узла Сочи–Сухум, к нему примыкают основные населенные пункты Абхазии (Гудаута, Сухум, Гагра, Пицунда, Гал, Очамчыра, Цандрыпш, Бзыбта).

В Абхазии максимальная плотность населения присуща окрестностям г. Сухума. В восточном направлении от Сухума, на Колхидской низменности, расселение сельских районов компактно сконцентрировано по крупным населенным пунктам. Для предгорий характерен хуторской вариант расселения сельских районов – застройка вытягивается длинными узкими цепочками вдоль дорог, приуроченных, как правило, к долинам рек и ручьев. Горные районы практически не заселены [3]. Наличие сероводородных и термальных минеральных вод в Сухуме, Гагре, Ауадхаре, Очамчыре делает эти районы актуальными для восстановления и развития туризма.

Длительность зимнего туристского сезона составляет порядка четырех месяцев. Выпадение первого снега датируется обычно серединой ноября, а схождение образованного за зиму устойчивого снежного покрова происходит в апреле. В высокогорье снег сохраняется до июня-июля. Толщина снежного покрова от 50 см до 2,5 м. Зимы в высокогорье Абхазии характеризует большое количество солнечных дней, общая продолжительность солнечного сияния в зимний сезон с ноября по апрель составляет 813 часов [4].

Перспективные горные объекты природы практически не вовлечены в рекреационный комплекс (водопады, дольмены, перевалы, тропы, горные вершины и др.). Развитие горнолыжного, водного видов туризма поможет создать дополнительный туристский поток для зимнего сезона и вовлечь в туристский кластер республики ранее не использованные для туризма территории, создать тем самым новые рабочие места, способствовать возвращению местного населения, уехавшего в поисках заработка в другие районы [1].

Видится, что необходимо разрабатывать инфраструктуру горнолыжных курортов, которую во время летнего периода целесообразно применять для формирования разнообразных форматов экологического туризма (конные, велосипедные, пешие, водные, смешанные туры) в сочетании с таким видом, как экстремальный туризм, и насыщенными оздоровительными программами. Предлагается осуществление целенаправленного комплексного применения факторов природно-лечебного профиля, который стимулирует развитие оздоровительных видов туризма, характеризующихся отсутствием сезонных ограничений [6].

Исходя из вышеизложенного, сегодня представляется актуальным и высокоэффективным развитие в юго-восточной части Абхазии сразу нескольких направлений туризма. В первую очередь видится весьма прибыльным и перспективным развитие горных маршрутов, продвижение практически неосвоенной туристской зоны на юго-восток.

В таблице 1 приведены основные виды туризма, которые могут быть успешно развиты на юго-востоке Абхазии.

Таблица 1

№	Вид туризма	Способы реализации
1	экскурсионно-познавательный	Благодаря богатому культурно-историческому наследию этот вид туризма в Абхазии наиболее важен
2	экологический	Флора и фауна продолжают оставаться предметом повышенного интереса туристов и ученых. Из более чем 6 000 видов существующей в мире флоры на Кавказе обнаружены 4 100 видов, распространенных на отдаленных и неосвоенных пастбищах
3	спортивный	Наличие горных, водных районов предоставляет ресурсы для развития горнолыжного, водного видов спорта
4	лечебно-оздоровительный	Имеется свыше 100 неосвоенных курортов различного типа: на Черноморском побережье, в горах, высокогорьях, на источниках минеральных вод
5	гастрономический туризм	Потребляемая пища имеет органическое происхождение, вкусна и экологически чиста. Гостеприимство является основой абхазской культуры, которая всесторонне влияет на жизнь людей. Прием гостей – это не только большая честь, но и удовольствие. Это многовековая традиция, местная кулинария, мед, выпечка, виноделие, домашние заготовки, варенья и джемы с возможностью приготовления их при непосредственном участии туристов с последующей дегустацией и приобретением
6	деловой туризм	Инвестиционная деятельность, заключение торговых контрактов
7	этнический	В традициях и культуре Абхазии самобытным образом одновременно сочетаются восточная и западная культуры, т.е. являются своеобразным сочетанием Европы и Азии.
8	паломнический туризм	Христианские святыни, капища древних народов Кавказа
9	этнографический туризм	Народные промыслы местного населения, культурное наследие, праздники, традиционный быт, демонстрирующий первозданный жизненный уклад местного населения

Восточная Абхазия включает 3 исторические области: Абжуа, Самурзакан, Кодорское ущелье, в прошлом являвшиеся самостоятельными горскими обществами, которым удалось сохранять свою идентичность до начала XX в. Данная часть Абхазии незаслуженно мало посещается туристами, в то время как в лесных холмах скрываются средневековые монастыри, бывшие центры общественно-политической и религиозной жизни. Регион насыщен пещерами, что подходит для развития спелеологии, целебные воды термальных источников (бальнеология) [7].

Среди основных приоритетов развития – туристская индустрия, которая подразумевает следующие направления: развитие туристско-рекреационного кластера, включающего такие сектора, как пляжный, оздоровительный и санаторно-медицинский, экскурсионный, горнолыжный в сочетании с пешеходным горным туризмом в летний период; спортивный (подготовка и восстановление для профессиональных спортсменов); экологический (различные форматы, включая агротуризм); паломнический; этнографический; гастрономический туризм. Также должны получить развитие научно-исследовательские образования в сфере устойчивых перспектив природных территорий и медицины (курортология и бальнеотерапия).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Атаев З.В. Ландшафты Северо-Восточного Кавказа: пространственная дифференциация и антропогенная трансформация // Молодой ученый. – 2012. – №8. – С. 65-68.
2. Баанба Т.С., Заркуа Т.Р. Повышение роли рекреационной инфраструктуры в обеспечении качества и конкурентоспособности туристских предложений Республики Абхазия // Транспортное дело России. – 2013. – № 2.
3. Виноградова М.В., Солдатов П.И. Инфраструктура туристского комплекса // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 324. – С. 264-270.
4. Восточная Абхазия. Сельский тур по Абхазии. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://caucasus-explorer.com/vostochnaya-abkhazia-ekskursia-po-abhazii/>.
5. Миненкова В.В. Туризм как фактор социально-экономического развития горных регионов. На примере Республики Центрального Кавказа. Дисс ... канд. геогр. наук: 25.00.24. – Краснодар, 2003. – 224 с.
6. Преображенский В.С., Веденин Ю.А., Зорин И.В., Мухина Л.И. Территориальная рекреационная система как объект изучения географических наук // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. – 1974. – № 2. – С. 34-42.
7. Цулая И.В. Рекреационный комплекс Республики Абхазия, проблемы развития. Дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. – Краснодар, 2005. – 159 с.

REFERENCES

1. Ataev Z.V. Landscapes of North-Eastern Caucasus: spatial differentiation and anthropogenic transformation [Landshafty Severo-Vostochnogo Kavkaza: prostranstvennaya differentsiatsiya i antropogennaya transformatsiya]. *Young scientist*. 2012. No. 8. P. 65-68. (in Russ.)
2. Banba T.S., Zarkua T.R. Enhancing the role of recreational infrastructure in ensuring the quality and competitiveness of tourism of the Republic of Abkhazia [Povyshenie roli rekreatsionnoy infrastruktury v obespechenii kachestva i konkurentosposobnosti turistskikh predlozheniy Respubliki Abkhaziya]. *Transport business of Russia*. 2013. No. 2. (in Russ.)
3. Vinogradova M.V., Soldatov P.I. Infrastructure tourist complex [Infrastruktura turistskogo kompleksa]. *Vestnik of Tomsk state University*, 2009. No. 324. P. 264-270. (in Russ.)
4. Eastern Abkhazia. Rural tour of Abkhazia. Electronic resource. Available at: <http://caucasus-explorer.com/vostochnaya-abkhazia-ekskursia-po-abhazii/>.
5. Minenkova V.V. Tourism as a factor of socio-economic development of mountain regions. For example, the Central Caucasus [Turizm kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya gornyykh regionov. Na primere Respublik Tsentral'nogo Kavkaza]. Diss. ... kand. geogr. Sciences: 25.00.24. *Krasnodar*, 2003. 224 p. (in Russ.)
6. Preobrazhensky B.C., Vedenin J.A., Zorin I.V., Mukhin L.I. Territorial recreational system as an object of study in geography [Territorial'naya rekreatsionnaya sistema kak ob'ekt izucheniya geograficheskikh nauk]. *Izv. THE USSR ACADEMY OF SCIENCES. Ser. of geography*, 1974. No. 2. P. 34-42.
7. Tsulaia V.I. Recreational complex of the Republic of Abkhazia, the problems of development [Rekreatsionnyy kompleks Respubliki Abkhaziya, problemy razvitiya]. Diss. ... candidate. geogr. Sciences: 25.00.24. *Krasnodar*. 2005. 159 p.

Информация об авторе

Какалия Инар Мурманович, аспирант кафедры рекреационной географии и туризма Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
inarkakaliya@mail.ru

Получена: 15.09.2015

Information about the author

Kakaliya Inar Murmanovich, Postgraduate student, Chair for Recreational Geography and Tourism, Lomonosov Moscow State University, Moscow city, Russia
inarkakaliya@mail.ru

Received: 15.09.2015

УДК: 159.99

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-141-143

КИСЕЛЕВА Мария Георгиевна,
кандидат психологических наук

KISELEVA Maria Georgievna,
Candidate of Psychological Sciences

ТИПЫ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У МАТЕРЕЙ ДЕТЕЙ С ВПС В ВОЗРАСТЕ ОТ 1 ДО 12 МЕСЯЦЕВ ВО ВРЕМЯ ХИРУРГИЧЕСКОГО ЛЕЧЕНИЯ

THE TYPES OF COPING BEHAVIOUR OF MOTHERS OF INFANTS (1-12 MONTHS OLD) WITH CHD HOSPITALIZED FOR SURGICAL TREATMENT

Возрастающая роль психосоциальной реабилитации в мировой и отечественной медицине обуславливает усиление интереса к психологической адаптации и проблеме совладающего поведения в ситуации сложной болезни. Развитие хирургических способов лечения ВПС и совершенствование послеоперационного ведения привели к снижению смертности от ВПС, однако поставили задачу изучения роли психологических факторов в характере течения периоперационного периода у ребенка с ВПС и адаптации его родителей к сложной, связанной с риском смерти, ситуации хирургического лечения. В первый год жизни ребенка влияние эмоционального состояния матери на психическое благополучие ребенка особенно велико. Многочисленные исследования обнаружили, что депрессия матери оказывает неблагоприятное воздействие на когнитивное и эмоциональное развитие младенца [1]. Целью нашего исследования стало изучение эмоционального состояния, типов совладающего поведения родителя ребенка с ВПС в возрасте от 1 до 12 мес. в период хирургического лечения. Нами показано, что депрессия матери негативно влияет на ее взаимодействие с ребенком, усугубляет его отставание в физическом и психомоторном развитии. Нами были определены ведущие способы совладания родителя ребенка с ВПС в возрасте от 1 до 12 мес. с ситуацией хирургического лечения, к которым относятся: принятие, планирование, активное совладание.

Ключевые слова: депрессия, врожденный порок сердца, совладание со стрессом, психомоторное развитие, реабилитация, развитие младенца, эмоциональное состояние, хирургическое лечение, депрессия матери, отставание.

The increasing role of psycho-social rehabilitation in the world and domestic medicine enhances the interest to the problems of psychological adaptation and coping with the situation of hard disease. The advanced methods of surgical treatment of congenital heart defects (CHD) and improved post-operation care have reduced significantly the death-rate from CHD, but have raised the necessity to study the role of psychological factors in the perioperative period of children with CHD and adaptation of their parents to the hard situation of surgical treatment because of the death-related risk. The influence of mother's emotional state on psychological well-being of the child is especially great during the first year of the child's life. Many researches show that mother's depression has a negative impact on the cognitive and emotional development of the infant. [1]. The aim of our research is to study the emotional state (level of depression and anxiety, attitude towards the CHD etc.) and the types of coping behavior of mothers of hospitalized infants with CHD in the period of surgical treatment. We have shown that mother's depression has negative impact on mother-infant interaction and aggravates the retardation in physical and mental development of infants. We have identified the main types of coping strategies of mothers of infants with CHD having surgical treatment: acceptance, planning, and active coping.

Key words: depression, congenital heart disease, coping with stress, psychomotor development, rehabilitation, baby development, emotional status, surgical treatment, depression of the mother, retardation.

Врожденный порок сердца (ВПС) встречается у 0,8–1% новорожденных. У более трети детей ВПС угрожает жизни и требует немедленного хирургического вмешательства [2]. Развитие хирургических способов лечения ВПС и совершенствование послеоперационного ведения привели к снижению смертности от ВПС, однако поставили задачу изучения психологической адаптации ребенка с ВПС и его родителей к сложной, связанной с риском смерти, ситуации хирургического лечения. Закономерно предположить, что ситуация тяжелой болезни и сложного лечения оказывает негативное влияние на все сферы психической жизни: эмоциональную, поведенческую, когнитивную и социальную, как ребенка с ВПС, так и его родителей. В первый год жизни ребенка влияние эмоционального состояния матери на психическое благополучие ребенка особенно велико. Многочисленные исследования обнаружили, что депрессия матери оказывает неблагоприятное воздействие на когнитивное и эмоциональное развитие младенца. Депрессия делает мать менее чувствительной к нуждам младенца, менее ответственной, менее способной поддерживать эмоциональный контакт с младенцем, столь необходимый для психологического развития. Целью нашего исследования стало изучение эмоционального состояния, стратегий совладающего поведения у родителей детей с ВПС в возрасте от 1 до 12 мес. в период хирургического лечения.

Материалы и методы. В исследование включено 50 детей с ВПС в возрасте от 1 до 11 мес. (средний возраст $7,75 \pm 3,85$) и их родителей, проходивших кардиохирургическое лечение в Отделении экстренной хирургии новорожденных (ОЭХН) НЦССХ им. Бакулева в 2014–2015 гг. Изучение эмоционального состояния родителей происходило через определение уровня депрессии и тревоги (Госпитальная шкала уровня тревоги и депрессии (HADS), уровня эмоционального комфорта (по шкале самооценки Дембо-Рубинштейн), Опросник совладания со стрессом версии Рассказовой-Гордеевой-Гаранян (Cope). Психомоторное развитие детей с ВПС оце-

нивалось по шкале А. Гезелла, взаимодействие между матерью и ребенком определялось через наблюдение интраакций и их анализа. Для анализа полученных данных применялся частотный, корреляционный анализ (r-Пирсона).

Результаты и обсуждение. В результате исследования было выявлено, что 31,3% матерей детей с ВПС в период хирургического лечения имели выраженную депрессивную симптоматику, а 18,8% – признаки клинической депрессии. При этом 43,8% имели повышенный уровень тревоги, а 37,5% – высокий. Средние уровни депрессии и тревоги у родителей детей с ВПС возраста от 1 до 12 мес., пребывающих в стационаре, составили $7,75 \pm 3,83$ и $9,43 \pm 3,56$ баллов соответственно. Уровень самооценки эмоционального комфорта у родителей детей с ВПС возраста от 1 до 12 мес., пребывающих в стационаре, составил $53,75 \pm 23,3$. Стратегии совладания со стрессом родителей, связанные с ситуацией хирургического лечения младенцев с ВПС, получили следующее распределение. Средний балл по шкале «активное совладание» составил $14,11 \pm 3,88$; «позитивное переформулирование и личностный рост» – $12,66 \pm 2,68$; «мысленный уход от проблемы» – $7,33 \pm 2,82$; «концентрация на эмоциях и их активное выражение» – $8,33 \pm 2,95$; «использование инструментальной социальной поддержки» – $10,11 \pm 3,29$; «отрицание» – $6,44 \pm 2,12$; «обращение к религии» – $13,2 \pm 3,79$; «юмор» – $4,90 \pm 1,66$; «поведенческий уход от проблемы» – $5,33 \pm 1,41$; «сдерживание» – $9,20 \pm 2,20$; «использование эмоциональной социальной поддержки» – $10,77 \pm 4,08$; «использование успокоительных» – $4,33 \pm 0,70$; «принятие» – $13,9 \pm 2,60$; «подавление конкурирующей деятельности» – $11,66 \pm 3,08$; «планирование» – $13,33 \pm 2,91$.

Таким образом, наиболее распространенными типами совладающего поведения ухаживающего родителя в ситуации хирургического лечения ребенка с ВПС в возрасте от 1 до 12 мес. являются: «активное совладание» (активные шаги или действия, направленные на преодоление проблемы); «принятие» (принятие реальности произошедшего); «планирование» (обдумывание того, как действовать); «обращение к религии» (обращение к помощи Бога). Наименее распространенными типами совладающего поведения ухаживающего родителя в ситуации хирургического лечения ребенка с ВПС в возрасте от 1 до 12 мес. являются: «применение успокоительных» (использование алкоголя, лекарственных средств); «юмор» (шутки и смех по поводу ситуации); «поведенческий уход от проблемы» (отказ от действий, направленных на решение проблемы). Корреляционный анализ взаимовлияния параметров эмоционального состояния и типов совладающего поведения выявил статистически значимую отрицательную корреляцию между высоким уровнем депрессии и более низкими баллами по шкалам «планирование», «подавление конкурирующей деятельности» ($p < 0,000$). Влияния сложности ВПС ребенка на уровень депрессии и тревоги не было обнаружено. Физическое и психомоторное развитие всех обследованных младенцев с ВПС не соответствовало возрастной норме.

Наше исследование обнаружило, что матери с наличием депрессивной симптоматики «психологически отсутствуют» во время взаимодействия с ребенком, выполняя свои обязанности механически: они вяло реагируют на призывы малыша к общению, часто ложно интерпретируют его нужды, редко берут малыша на руки, особенно после операции, хотя медицинских противопоказаний к этому нет. Игра с малышом нередко сводится к механической, лишенной эмоций тряске погремушки. Малыши таких матерей издают меньшее количество звуков, делают меньше спонтанных и целенаправленных движений, а часто единственным призывом к взаимодействию является плач. Защитой от депрессии часто служит маниакальное состояние матери (около 15% матерей): они гиперактивны, много шутят и могут показаться адаптивными. Однако это не так. Такие матери через гиперстимуляцию младенца снижают собственную тревогу и бегут от непереносимой депрессии. Им сложно распознать истинные нужды малыша, их движения хаотичны и непредсказуемы. Малыши таких матерей вынуждены уходить в свой внутренний мир, чтобы спастись от такой гиперстимуляции, они с трудом вступают в контакт с психологом, мало интересуются внешним миром, игрушками, у них большой дефицит веса. Основными направлениями психологической поддержки матерей являются снижение эмоционального накала, помощь в планировании, информирование об этапах развития младенца и его психологических нуждах, обучение способам релаксации, тренинг развивающего детско-родительского взаимодействия, формирование адекватного отношения к болезни ребенка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Солберг О. Отдаленные симптомы депрессии и тревоги у матерей младенцев с ВПС // Психология в педиатрии. – 2011. – №36(2). – С. 179-187.
2. Латал Б. Психологическая адаптация и качество жизни детей с оперированным врожденным пороком сердца // Педиатрия. – 2009. – № 9Б. – С. 6.

REFERENCES

1. *Solberg O.* Long-term symptoms of depression and anxiety in mothers of children with CHD [Otdalennyye simptomsy depressii i trevogi u materey mladentsev s VPS]. *Psychology in Pediatrics*. 2011. No. 36(2). P. 179-187. (in Russ.)
2. *Latal B.* Psychological adaptation and quality of life of children with operated congenital heart disease [Psikhologicheskaya adaptatsiya i kachestvo zhizni detey s operirovannym vrozhdenным porokom serdtsa]. *Pediatrics*. 2009. No. 9B. P. 6. (in Russ.)

Информация об авторе

Киселева Мария Георгиевна, кандидат психологических наук, мл. научный сотрудник, клинический психолог Отделения хирургического лечения интерактивной патологии Научного Центра Сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева, Москва, Россия
only4masha@rambler.ru

Получена: 21.08.2015

Information about the author

Kiseleva Maria Georgievna, Candidate of Psychological Sciences, Junior researcher, clinical psychologist, Department for surgical treatment of interactive pathology, Bakulev Scientific Center for Cardiovascular Surgery. Moscow city, Russian
only4masha@rambler.ru

Received: 21.08.2015

УДК 343

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-144-148

КОДЗОКОВ Азнаур Хасанович
преподаватель кафедры физической подготовки

KODZOKOV Aznaur Hasanovich,
Teacher, Chair for Physical Education

**МОДЕЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ
ПОЛИЦИИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ СРЕДСТВ
ФИЗИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА
ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ**

**MODEL OF POLICE OFFICERS'
ACTION ON USING THE MEANS OF
PHYSICAL IMPACT ON OFFENDERS**

С целью формирования модели оперативно-служебной деятельности сотрудников полиции по применению средств физического принуждения правонарушителей было выполнено специальное исследование.

В качестве методов исследования использовались контент-анализ литературных источников, интервьюирование 164 и пилотажное анкетирование 72 специалистов огневой и физической подготовки всех регионов России, очное анкетирование 100 сотрудников ОВД. Респондентами являлись сотрудники полиции, имеющие многолетний опыт деятельности (более 10 лет), непосредственно связанной с единоборством и задержанием правонарушителей.

Высокая значимость неповиновения правонарушителей предполагает целенаправленное обучение сотрудников полиции адекватным действиям в данных ситуациях. Однако ни одна из программ по физической подготовке не предусматривает соответствующего учебного материала. Практика инспекторских проверок свидетельствует, что курсанты и слушатели образовательных учреждений и сотрудники ОВД не представляют, как законными средствами добиться выполнения своих требований от правонарушителя, который не оказывает никакого сопротивления, а просто не повинует.

Остается высокой значимость опасных ситуаций в служебной деятельности сотрудников полиции. Полученные данные указывают, что практически в каждой второй ситуации сотрудника полиции активно атакуют, а в каждой пятой применяют против него холодное или огнестрельное оружие.

Ключевые слова: модель деятельности, сотрудники полиции, применение средств физического воздействия, правонарушители, служебная деятельность.

A special study was carried out with the aim to form a model of operational service of police officers for use of means of physical impact on offenders.

The study used such methods of research as: content analysis of literary sources, interview of 164 and a pilot survey of 72 specialists of fire and physical training in all regions of Russia, a survey of 100 staff-members of District Departments of Internal Affairs. Respondents were police officers with multiyear experience (over 10 years) in activities, directly related to single combat and detention of offenders.

The high importance of disobedience of offenders implies purposeful training of police officers on adequate actions in such situations. However, none of the programs on physical training provide appropriate educational material. The experience of inspections shows that cadets and students of educational institutions and employees of the Police have no idea how the legal means can be used to enforce their claims against the offender, who offers no resistance but simply does not obey.

Dangerous situations in professional activities of police officers remain of high importance. The study shows that in almost every second case police officers are actively attacked and in every fifth case they are exposed to cold steel or firearms used by offenders.

Key words: action model, the police, the use of means of coercion, offenders, service activity.

Обработка результатов анкетирования проводилась с использованием метода анализа иерархий (Т. Саати, К. Керис, 1991). Данный математический метод позволяет количественно определить взаимовлияние всех изучаемых признаков с помощью критерия «интегральный приоритет» (ИП). В итоге удалось представить модель оперативно-служебной деятельности сотрудников полиции в виде:

- иерархии способов сопротивления правонарушителей (табл. 1);
- иерархии задач оперативно-служебной деятельности (табл. 2);
- иерархии средств физического принуждения правонарушителей (табл. 3).

Иерархия ситуаций преодоления физического сопротивления правонарушителей (табл. 1) свидетельствует о приоритете пассивного неповиновения правонарушителей (30,5% всех ситуаций). Такого рода ситуации характеризуются нежесточенным, неквалифицированным уклонением правонарушителя от физического принуждения со стороны сотрудника полиции. При этом правонарушитель не выполняет устные распоряжения и требования сотрудника полиции; уклоняется от воздействий сотрудника полиции только в ответ; темп его действий и прикладываемые усилия не превосходят темпа и усилий, прикладываемых сотрудником полиции; не атакует его (ударами, захватами и т.д.); не переходит произвольно в положения сидя или лежа; не предпринимает попыток к бегству.

Таблица 1

Сопrotивление правонарушителей сотрудникам полиции

Table 1

Resistance offenders police

Способы сопротивления правонарушителей	ИП (в %)
1. Пассивное неповиновение	30,5
2. Активное неповиновение	26,3
3. Активное сопротивление без применения оружия и подручных средств	21,6
4. Активное сопротивление группы правонарушителей без применения или с применением оружия и подручных средств	11,0
5. Активное сопротивление с применением оружия и подручных средств	10,6

Далее следуют ситуации активного неповиновения (26,3%), что заключается в ожесточенном уклонении правонарушителя от физического принуждения со стороны сотрудника полиции.

Правонарушитель не выполняет устные распоряжения и требования сотрудника полиции; не атакует его (ударами, захватами и др.), но активно противодействует физическому принуждению (срывает захваты, освобождается от сковывания, произвольно переходит в положение сидя, лежа и др.); стремится убежать [6].

Ситуации активного сопротивления (21,6%) характеризуются ожесточенным физическим противодействием сотруднику полиции с применением атакующих боевых действий. При этом правонарушитель использует против сотрудника полиции захваты, удары, броски, болевые и удушающие приемы, сковывания, в том числе с применением всех видов оружия, подручных средств и др. В данном исследовании активное сопротивление правонарушителей декомпозировано по степени его опасности: без применения оружия и подручных средств; с применением оружия и подручных средств; сопротивление группы правонарушителей.

На следующем этапе исследования выявлена иерархия содержания действий правонарушителей и соответствующая иерархия тактических задач по пресечению этих действий (табл. 2). Комплекс данных задач может рассматриваться как ориентировочная основа будущей профессиональной деятельности и определять содержание физической подготовки сотрудников полиции.

Иерархия тактических задач служебной деятельности имеет большое практическое значение, поскольку соотношение частных объемов обучения умению решать выявленные задачи в большой степени определяется значимостью этих задач в служебной деятельности [5].

Установлено, что среди всех задач приоритет имеет преследование убегающего правонарушителя (пп. 1 и 6, ИП_{1 и 6} = 22,5%). В программах физической подготовки сотрудников полиции данная задача вообще не выделена.

В то же время рукопашный бой правонарушителя с сотрудником полиции без применения оружия, подготовка к которому является основой всех программ физической подготовки, в практике ОВД встречается редко (ИП=3,0%). В этой связи рукопашный бой без оружия может рассматриваться как эффективное средство боевой подготовки, но не как системообразующий фактор обучения.

Приоритет в служебной деятельности имеют тактические задачи, связанные с проявлениями пассивного и активного неповиновения правонарушителей (пп. 1 и 5).

Таблица 2 Иерархия задач служебной деятельности на основе содержания действий правонарушителей

Table 2 The hierarchy of objectives of service actions based on the content of actions of offenders

Содержание действий правонарушителей	ИП (в %)
1. Убегает	14,4
2. Не предъявляет документов	12,4
3. Оказывает силовое сопротивление, срывает захваты, сопротивляется передвижению, переноске, участвует в групповом захвате – "цепь", "круг" и т.п.	11,9
4. Не выполняет требований при наружном осмотре	9,5
5. Не двигается по указанию (стоит, сидит, лежит, не идет, не садится в транспорт, не выходит из него)	8,6
6. Контратакует – убегает	8,1

7. Неожиданно атакует одиночным ударом, пытается выполнить болевой захват, удушение и т.п.	6,7
8. Неожиданно атакует с целью обезоружить	3,8
9. Активное сопротивление задержанию: на улице; в подъезде многоквартирного дома; в ресторане; на вокзале (в аэропорту); в легковой автомашине; в общественном транспорте; в грузовом автомобиле	3,2
10. Пытается достать оружие или подручный предмет	3,1
11. Ведет рукопашный бой без оружия на поражение	3,0
12. Массовые беспорядки	2,9
13. Активное сопротивление плановому задержанию (захвату)	2,6
14. Угрожает в упор (пистолет, ружье, нож)	2,4
15. Неожиданно атакует холодным оружием или подручным средством (удар, сковывание, удушение)	2,4
16. Нападение группы правонарушителей на сотрудника полиции	2,3
17. Ведет рукопашный бой на поражение (с палкой, ножом, ружьем, цепью и др.)	1,8
18. Нападает с применением огнестрельного оружия	0,9

Полученные данные дают объективные основания для пересмотра традиционных целевых установок построения программ подготовки сотрудников полиции к пресечению противодействия правонарушителей посредством законных средств физического принуждения.

В ходе третьего этапа исследования определены локальные приоритеты средств физического принуждения и построена их иерархия по продуктивности в типичных задачах служебной деятельности (табл. 3).

Таблица 3 Иерархия средств физического принуждения правонарушителя
Table 3 Hierarchy of physical coercion offender

Средства физического принуждения	ИП (в %)
1. Ограниченное болевое воздействие с помощью БПБ	17,6
2. Преследование	14,5
3. Переноска людей специальными способами	12,9
4. Применение ПР, наручников, наружный осмотр, сопровождение	12,5
5. Применение БПБ, наружный осмотр под воздействием болевого приема, связывание, сопровождение	7,1
6. Задержание под угрозой применения оружия	3,9
7. Использование ПМ, АКМ, наручников	3,7
8. Применение оружия на поражение	3,6
9. Защита с помощью ПМ, АКМ при нападении (рукопашный бой)	3,4
10. Защита с помощью ПР при нападении (рукопашный бой)	3,3
11. Уход из опасного положения в рукопашном бое и применение ПР	3,1
12. Рукопашный бой (контратака на поражение правонарушителя)	3,0
13. Специальные средства индивидуальной бронезащиты и активной обороны (ПР, бронежилет, ЩИТ, каска и др.)	2,1
14. Уход из опасного положения в рукопашном бое и задержание БПБ	1,9
15. Рукопашный бой 2-3 милиционеров с 1 правонарушителем	1,8
16. Применение при массовых беспорядках специальных средств	1,7
17. Задержание в ситуации рукопашного боя с правонарушителем	1,4
18. Уход из опасного положения в рукопашном бое и задержание	1,4
19. Захват правонарушителя группой поиска (поиск – преследование – рукопашный бой – огневое поражение)	1,2

Обнаружена закономерность применения более жестких средств принуждения с ростом степени противодействия правонарушителей. При оказании правонарушителями активного неповиновения и сопротивления приоритет переходит к действиям с применением специальных средств [3].

Принципиально важно, что при любых формах активного сопротивления правонарушителей установлен безусловный приоритет в использовании и применении табельного оружия (пп. 7-14, 16-18). В тактических задачах такого класса вторым в иерархии средств физического принуждения правонарушителей является применение ПР и других специальных средств (пп. 6-9, 16-18).

Последнее место по продуктивности пресечения активного сопротивления правонарушителей отведено боевым приемам борьбы, даже при условии численного превосходства сотрудников полиции (пп. 6-9, 11-14). Полученные данные указывают, что при активном сопротивлении правонарушителей ни одна из тактических задач не может быть эффективно решена при-

менением только боевых приемов борьбы [4].

Метод анализа иерархий позволил определить интегральные приоритеты применения сотрудниками полиции средств физического принуждения правонарушителей [7]. Полученные данные являются объективным основанием для ранжирования по приоритетам действий сотрудников полиции [8] и представления этих действий как самостоятельных разделов программы по физической подготовке:

- преследование правонарушителей;
- пресечение пассивного и активного неповиновения правонарушителей с использованием БПБ и специальных средств;
- пресечение активного сопротивления правонарушителей с применением комбинаций действий с использованием БПБ, табельного оружия, специальных и подручных средств;
- пресечение активного сопротивления правонарушителей без применения оружия и специальных средств;
- комплексные боевые действия в специальных операциях.

Таким образом, разработана адекватная современной практике модель деятельности сотрудников полиции по применению ими средств физического принуждения правонарушителей [2]. На основе данной модели целесообразно пересмотреть требования к программам по физической подготовке личного состава ОВД и курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России [1].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Карданов А.К. Морально-волевая подготовка сотрудников полиции // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 3. – С. 262-263, 154.
2. Карданов А.К. Значение физической подготовки в профессиональной деятельности современного полицейского // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 14. – С. 118-120.
3. Скрипкина А.В., Мешев И.Х. Формирование индивидуального педагогического стиля преподавателя вуза в процессе повышения квалификации // Культурная жизнь Юга России. – 2014. Т. 55. – № 4. – С. 46-48.
4. Мешев И.Х. Научно-методическая компетентность преподавателей вузов МВД России как проблема педагогического исследования // Общество и право. – 2014. – № 4 (50). – С. 305-308.
5. Кагермазова Л.Ц., Абакумова И.В., Кодзоков А.Х. Акмеологический подход к профессиональной подготовке будущих педагогов в высшей школе // Акмеология. – 2014. – № 3-4. – С. 76-77.
6. Кодзоков А.Х., Кагермазова Л.Ц. Формирование коммуникативной компетентности у студентов в поликультурной образовательной среде // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 5 (27). – С. 151.
7. Машекуашева М.Х. Актуальные проблемы профессионально-психологической подготовки в органах внутренних дел российской федерации // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 9. – С. 136-137.
8. Машекуашева М.Х. Коммуникативная компетентность сотрудника ОВД: Теоретико-методологические проекции. В сб.: Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции. Сб. научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Инновационный центр развития образования и науки. – Волгоград, 2014. – С. 41-43.

REFERENCES

1. Kardanov A.K.. Moral standing police training. [Moral'no-volevaja podgotovka sotrudnikov policii]. *Probely v rossijskom zakonodate'stve*. 2014. No. 3. Pp.. 262-263, 154. (in Russ.)
2. Kardanov A.K. PROFESSIONAL READINESS, POLICE OFFICERS, PROFESSIONAL ACTIVITY, PHYSICAL TRAINING. [Znachenie fizicheskoy podgotovki v professional'noj dejatel'nosti sovremennogo policejskogo] *THEORY AND PRACTICE OF SOCIAL DEVELOPMENT*. 2014. no 14. Pp.118-120. (in Russ.)
3. Skripkina A.V., Meshev I.H. Formation of individual style of pedagogical high school in the teacher training [Formirovanie individual'nogo pedagogicheskogo stila prepodavatelja vuza v processe povyshenija kvalifikacii]. *Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii*. 2014. T. 55. no 4.pp. 46-48. (in Russ.)
4. Meshev I.H. Scientific and methodical competence of teachers of higher education institutions of the Ministry of the Interior of Russia as pedagogical research problem. [Nauchno-metodicheskaja kompetentnost' prepodavatelej vuzov MVD Rossii kak problema pedagogicheskogo issledovanija]. *Obshhestvo i pravo*. 2014. No. 4 (50). pp. 305-308. (in Russ.)
5. Kagermazova L.C., Abakumova I.V., Kodzokov A.H. Acmeological approach to training future teachers in high school. [Akmeologicheskij podhod k professional'noj podgotovke budushhih pedagogov v vysshej shkole]. *Akmeologija*. 2014. No. 3-4. Pp.. 76-77. (in Russ.)
6. KODZOKOV A. H., KAGERMAZOVA L.T. ESTABLISHING A COMMUNICATIVE COMPETENCE IN STUDENTS WITHIN THE MULTICULTURAL LEARNING ENVIRONMENT. [Formirovanie kommunikativnoj kompetentnosti u studentov v polikul'turnoj obrazovatel'noj srede], *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l' = Historical and Social Educational Ideas*. 2014. No. 5 (27). P.. 151. (in Russ.)
7. Mashekuasheva M.H. URGENT ISSUES OF PROFESSIONAL PSYCHOLOGICAL TRAINING IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION [Aktual'nye problemy professional'no-psihologicheskoy podgotovki

v organah vnutrennih del rossijskoj federacii]. *THEORY AND PRACTICE OF SOCIAL DEVELOPMENT* 2015. NO. 9. PP 136-137. (in Russ.)

8. Mashekuasheva M.H. Communicative competence of law enforcement officers: Theoretical and methodological projection [Kommunikativnaja kompetentnost' sotrudnika OVD: Teoretiko-metodologicheskie proekcii. V sb.: Osnovnye problemy i tendencii razvitija v sovremennoj jurisprudencii.] Sb. nauchnyh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Innovacionnyj centr razvitija obrazovanija i nauki. *Volgograd*, 2014. pp. 41-43. (in Russ.)

Информация об авторе

Кодзоков Азнаур Хасанович, преподаватель кафедры физической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант полиции, Нальчик (Кабардино-Балкарской Республики), Россия

Получена: 17.09.2015

Information about the author

Kodzokov Aznaur Hasanovich, Teacher, Chair for Physical Education, North Caucasian Institute of Upgrading Qualification, branch of the Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia, Police Senior Lieutenant, Nalchik city, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia

Received: 17.09.2015

УДК: 80

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-149-152

КОНЦЕВАЯ Наталья Александровна,
аспирант кафедры рекламы и связей с
общественностью

KONTSEVAYA Natalia Aleksandrovna,
Postgraduate student, Chair of Advertising and Public
Relations

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ И ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ С АУДИТОРИЕЙ

TRANSFORMATION OF THE INTERACTION OF PUBLIC RELATIONS AND PUBLIC DIPLOMACY WITH AN AUDIENCE

В статье рассмотрено явление трансформации взаимодействия паблик рилейшнз и публичной дипломатии с аудиторией. С 1980-х гг. экспертами отмечалось усиление роли общественности в коммуникационном процессе как PR, так и их специфической сферы публичной дипломатии. Анализ работ по данному направлению позволил выявить изменение коммуникационного миропорядка, связанного с несколькими факторами, которые и послужили причиной указанной трансформации. Данными факторами являются: глобализация общества (активный туризм, развивающийся с конца XX в., а также общение без географических границ позволили людям передавать и получать информацию за пределами своей страны), технологическое развитие (проникновение Интернета и в особенности социальных сетей в коммуникационный процесс) и изменение отношения аудитории к информации (также связано с повсеместным использованием социальных сетей, позволяющих открыть доступ к личной информации для малознакомых или незнакомых людей). Эксперты позитивно оценивают изменения паблик рилейшнз и публичной дипломатии, произошедшие с ними под влиянием трансформации их взаимодействия с аудиторией. Анализ, приведенный в статье, основан на работах признанных специалистов в данной области.

The article considers the phenomenon of transformation of the interaction of public relations and public diplomacy with an audience. Since 1980-s, experts have noted strengthening of the role of public in the communication process of PR and Public Diplomacy. Analysis of the work in this direction has revealed changes in the communication world order, due to several factors, which caused the transformation. These factors are: globalization of society (active tourism, developing from the end of the XX century, communication without geographical boundaries allowing people to send and receive information outside the country), technological development (penetration of Internet, in particular social networks, in the communication process) and changed attitude of the audience to information (also due to the widespread use of social networks, allowing open access to personal information for strangers). Experts evaluate positively the changes in public relations and public diplomacy that have occurred under the influence of transformation of their interaction with the audience. The analysis made in the article is based on the works of renowned experts in this field.

Ключевые слова: паблик рилейшнз, публичная дипломатия, взаимодействие с аудиторией, глобализация.

Key words: public relations, public diplomacy, cooperation with the audience, globalization.

В 1980-х гг. взаимодействие паблик рилейшнз и публичной дипломатии с аудиторией начало меняться, в результате чего стало возможно наблюдать усиление роли аудитории в коммуникационном процессе. Для доказательства данного предположения рассмотрим причины такой трансформации.

Коммуникация строится на взаимодействии коммуникатора, передающего информацию, и воспринимающей ее аудитории. Существуют различные модели коммуникации с изменяющимися условиями взаимодействия, но неизменными остаются участники коммуникации: коммуникатор и аудитория [1, с. 29-31]. Учитывая, что процесс коммуникации и основные элементы системы паблик рилейшнз (и публичной дипломатии, как ее специфической сферы) зародились одновременно с человечеством [3, с. 4], можно сказать, что отношения коммуникатора и аудитории находятся в постоянном развитии.

Первые четыре модели паблик рилейшнз, сформулированные американскими исследователями Джеймсом Грюнигом (James Grunig) и Тоддом Хантом (Todd Hunt), подтверждают этот факт, демонстрируя постепенное увеличение значимости аудитории для эффективной коммуникации [6, с. 18]. Процесс развивается от односторонней коммуникации, прямолинейной в подаче информации, к двусторонней коммуникации, учитывающей обратную связь от получателя информации для корректировки PR-кампании.

Факт усиление роли аудитории в коммуникационном процессе паблик рилейшнз был отмечен экспертами еще в начале 1980-х гг. Согласно данным исследователей, самая очевидная тенденция, которая прослеживается на протяжении последних 30 лет, – это продвижение к диалогу, когда публика воспринимается как равноправный соучастник коммуникации [4, с. 487].

В 1984 г. Мэри Энн Фергюсон (Mary Anne Ferguson) из США предложила рассмотреть подробнее взаимоотношения коммуникатора и аудитории в рамках паблик рилейшнз. Ее идея заключалась в «перемещении от коммуникативного аспекта паблик рилейшнз к личностному, персонализированному» [6, с. 18]. «Призыв Фергюсон к тому, что отношения должны быть основным направлением изучения паблик рилейшнз, стал стимулом к формированию новой теории паблик рилейшнз и определил на годы вперед основное направление ее развития» [6, с. 18].

Возросшая значимость аудитории в процессе коммуникации обуславливает необходимость выстраивать с индивидуумами, из которых она состоит, партнерские взаимоотношения, а не оказывать на них одностороннее воздействие. Теория управления отношениями базируется на эффективной двусторонней коммуникации с аудиторией, а такая коммуникация, в свою очередь, основана на доверии и создана для того, чтобы учитывать интересы обеих сторон [8, с. 48-52].

Одной из основных причин возрастающей значимости аудитории в коммуникационной структуре публичных релейшнз можно считать стремительное проникновение в современную жизнь новых технологий обмена информацией и, в первую очередь, социальных сетей.

Активный обмен мнениями и информацией между знакомыми и незнакомыми людьми, выстраивание отношений между ними, отсутствие боязни продемонстрировать ту или иную личную информацию либо высказать свою точку зрения на обсуждаемую проблему и сделать свое мнение доступным широкому кругу лиц – все то, что называют «информационной открытостью» [2, 7], – является особенностью коммуникации последних трех десятилетий.

Интенсивное использование в системе публичных релейшнз тех возможностей, которые предоставляют социальные сети, способствует тому, что взаимоотношения с аудиторией становятся одним из определяющих факторов эффективности взаимодействия.

Таким образом, трансформация взаимодействия с аудиторией – это реакция PR на глобализацию, на изменение общества с точки зрения его отношения к личной информации, ее передаче и общению без барьеров. Будучи саморазвивающейся коммуникационной системой, публичных релейшнз постепенно адаптировались под новый формат взаимодействия, позволяющий реализовывать кампании нового образца.

В те же годы – в середине 1980-х гг. – эксперты в сфере публичной дипломатии – в своих исследованиях также начали декларировать трансформации формы взаимодействия публичной дипломатии и внешней аудитории. Согласно их данным, такие изменения позволили публичной дипломатии стать более действенным актором внешнеполитических отношений.

Публичная дипломатия новейшего времени получила название новой публичной дипломатии. Чтобы раскрыть понимание этого термина западными экспертами, приведем несколько цитат, подчеркивающих двусторонность и симметричность коммуникации публичной дипломатии.

«Повышенная гибкость неправительственных организаций при помощи сетей породило то, что некоторые называют "новой общественной дипломатией", которая больше не ограничивается сообщениями, акциями, или даже прямыми государственными контактами с зарубежной аудиторией, служащими целями внешней политики. Речь идет также о выстраивании отношений с субъектами гражданского общества в других странах и содействии налаживанию сетевого взаимодействия между неправительственными организациями в своей стране и за рубежом», – пишет Джозеф Най в статье «Новая публичная дипломатия» [10].

Профессор дипломатии Университета в Антверпене Ян Мелиссен (Jan Melissen) пишет, что движение современной публичной дипломатии к пониманию поведения аудитории, ее ценностей, желание прислушаться к ее нуждам, попытки построения и поддержания отношений с ней – все это можно назвать некой демократизацией публичной дипломатии. Тенденция к одностороннему информированию сменилась желанием выстраивать долгосрочные отношения [9, с. 11].

Трансформация как таковая есть результат перемен в окружающем мире. В случае с публичной дипломатией причиной изменений, согласно версии американского исследователя Ронды Захарна (Rhonda Zaharna), стало смещение баланса сил между государственными институтами и общественностью. Оно, в свою очередь, усилило влияние прочих, помимо собственно государств, участников международных отношений [11, с. 225-228].

Таким образом, западные эксперты позитивно оценивают изменения публичной дипломатии. Она стала, во-первых, более эффективной, одним из подтверждений чего является значительный объем выделяемых на ее развитие средств [5, с. 25], во-вторых, еще более легитимной, что позволяет экспертам говорить о преимуществах демократизации западного общества, чье политическое влияние, по их мнению, оказывается исключительно с помощью транспарентных PR-кампаний [6, с. 11-15].

Важно отметить, что эксперты описывают преимущества новой публичной дипломатии в таких терминах, как «улица с односторонним движением и улица с двусторонним движением», «движение к диалогу», «равноправные отношения с аудиторией». Это наглядно демонстрирует переход публичной дипломатии от односторонних, несимметричных форм коммуникации с аудиторией (первая и вторая модели публичных релейшнз) к более сложному взаимодействию (третья и четвертая модели публичных релейшнз).

Эксперты выделяют три основных фактора, послуживших причиной трансформации публичной дипломатии. Во-первых, произошла глобализация общества. Во-вторых, новые информационные технологии трансформировали процесс коммуникации, разрушили барьеры и создали новые каналы взаимодействия, что, в свою очередь, дало возможность создавать глобальные сети единомышленников в поисках общих интересов. В-третьих, новые медиа расширили доступ к информации и сформировали новостной цикл, транслирующийся в круглосуточном режиме и предназначенный для восприятия аудиториями как внутри государства, так и за его пределами [6, с. 12].

Таким образом, причиной начала трансформации коммуникации с аудиторией (увеличение значимости мнения представителей общественности для построения эффективного взаимодействия) для публичной дипломатии и ее специфической сферы – публичной дипломатии – послужили факторы внешней среды: глобализация общества, технологическое развитие и изменение отношения аудитории к информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бориснёв С.В.* Социология коммуникации: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
2. *Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г.* Модели влияния в социальных сетях. Mtas.ru: веб-сайт по теории управления организационными системами при ИПУ РАН. 2015. URL: http://www.mtas.ru/bitrix/components/bitrix/forum.interface/show_file.php?fid=1709 (дата обращения: 05.05.2015).
3. *Bates D.* Mini-Me History. Public Relations from the Dawn of Civilization. Gainesville: Institute for Public Relations, 2006.
4. *Botan C., Taylor M.* Public Relations state of the field. Journal of Communication. 2004. Vol. 54, № 2.
5. Changing minds winning peace. Report of the Advisory Group on Public Diplomacy for the Arab and Muslim World. Ed. E. Djerejian. Washington, 2003.
6. *Fitzpatrick K.* Advancing the New Public Diplomacy: A public Relations Perspective. 1st The Hague Diplomacy conference: crossroads of diplomacy: heads of a report. 21–22 June 2007. The Netherlands, 2007.
7. *Gordhamer S.* 5 Ways Social Media Changing Our Daily Lives. Mashable.com: новостной веб-сайт. 2009. URL: <http://mashable.com/2009/10/16/social-media-changing-lives/> (дата обращения: 12.11.2014).
8. *Hung C.F.* Toward a Normative Theory of Relationship Management: Ph.D. Candidate, University of Maryland, 2001. Pp. 48 – 52. URL: http://www.instituteforpr.org/wp-content/uploads/2001_Hung.pdf (дата обращения: 10.11.2013).
9. New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. Ed. J. Mellisen. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2005.
10. *Nye J.* The New Public Diplomacy. Project-syndicate.org: веб-сайт – обозреватель международной прессы по темам политика, экономика, наука и культура. 2010. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-new-public-diplomacy> (дата обращения: 22.02.2013).
11. *Zaharna R.S.* The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy. The Hague Journal of Diplomacy. 2007. № 2.

REFERENCES

1. *Beresnev S.V.* Sociology of communication [Sotsiologiya kommunikatsii]. Textbook for high schools. Moscow: UNITY-DANA, 2003. (in Russ.)
2. *Gubanov D.A., Novikov D.A., Chkhartishvili A.G.* Models of influence in social networks [Modeli vliyaniya v sotsial'nykh setyakh]. Mtas.ru: the website according to the theory of control of organizational systems, Institute of control Sciences RAS. 2015. URL: http://www.mtas.ru/bitrix/components/bitrix/forum.interface/show_file.php?fid=1709 (reference date: 05.05.2015). (in Russ.)
3. *Bates D.* Mini-Me History. Public Relations from the Dawn of Civilization. Gainesville: Institute for Public Relations, 2006.
4. *Botan C., Taylor M.* Public Relations state of the field. Journal of Communication. 2004. Vol. 54, No. 2.
5. Changing minds winning peace. Report of the Advisory Group on Public Diplomacy for the Arab and Muslim World. Ed. E. Djerejian. Washington, 2003.
6. *Fitzpatrick K.* Advancing the New Public Diplomacy: A public Relations Perspective. 1st The Hague Diplomacy conference: crossroads of diplomacy: heads of a report. 21 – 22 June 2007. The Netherlands, 2007.
7. *Gordhamer S.* 5 Ways Social Media Is Changing Our Daily Lives. Mashable.com: the news web site. 2009. URL: <http://mashable.com/2009/10/16/social-media-changing-lives/> (accessed: 12.11.2014).
8. *Hung C. F.* Toward a May Theory of Relationship Management: Ph.D. Candidate, University of Maryland, 2001. Pp. 48 – 52. URL: http://www.instituteforpr.org/wp-content/uploads/2001_Hung.pdf (accessed 10.11.2013).
9. New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. Ed. J. Mellisen. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2005.
10. *Nye J.* The New Public Diplomacy. Project-syndicate.org: website browser international press on the topics of politics, economy, science and culture. 2010. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-new-public-diplomacy> (accessed on 22.02.2013).
11. *Zaharna R. S.* The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy. The Hague Journal of Diplomacy. 2007. No. 2.

Информация об авторе

Концевая Наталья Александровна, аспирант кафедры рекламы и связей с общественностью факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
natakont@mail.ru

Получена: 07.09.2015

Information about the author

Kontsevaya Natalia Aleksandrovna, Postgraduate student, Chair of Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow city, Russia
natakont@mail.ru

Received: 07.09.2015

УДК 008

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-153-156

КУРМАЗ Юлия Валерьевна,
аспирант Русской христианской гуманитарной академии,

KURMAZ Julia,
Postgraduate student, Russian Christian Humanitarian Academy

ВОЗМОЖНОСТЬ ВЛИЯНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ

THE POSSIBLE INFLUENCE OF RELIGIOUS IDEOLOGY ON THE FORMATION OF RELIGIOUS ARCHITECTURE

В статье представлены результаты анализа возможности влияния религиозной мысли на образное, семиотическое решение культового пространства. Для этого рассмотрен процесс создания культового пространства. Основные создающие его стороны – это архитектор, мировоззрение религии, физическая возможность строительства. Чтобы создать культовое пространство, архитектор должен передать в строении суть данной религии, ее мышления, идей. Религиозное мировоззрение через канонические предписания создает модель культового пространства в виде схемы. Оно выходит из мира идей в образный мир, оказывает действие с целью передачи информации и учения. Все это не влияет на свободу творчества архитектора, поскольку внутри канонов он может свободно решать оформление пространства поклонения в соответствии со своим мастерством. Модель пространства, заданная канонами, дает возможность строительства как простых, так и сложных по конструкции зданий. Вышеуказанная ситуация доказывает главенствующую роль и влияние религиозного мировоззрения на формирование культовой архитектуры. Оно закладывает идейные основы модели пространства поклонения, закрепляя их в символике форм и их взаимном расположении. Такие выводы важны для теории культуры и архитектуры, потому что не только архитектор и созданная им форма могут определять жизнь и значение архитектуры, но и мировоззрение.

The article presents an analysis of the influence of religious thought on imaginative, semiotic cult decision space. This describes the process of creating the iconic space. The main part that creates it is the architect, philosophy of religion, physical ability construction. To create an iconic space, the architect should pass in the structure of the essence of religion, its thinking and ideas. Religious worldview through the canonical regulations creates a model of religious space in the form of schemes. It comes out of the world of ideas in the figurative world, has an effect for the purpose of transmitting information and teaching. All this does not affect the freedom of creativity of the architect, because the inside of the canons he is free to decide the design space of worship in accordance with his skills. The model space is specified by Canon gives the possibility of building both simple and complex design of buildings. The above situation demonstrates the dominant role and influence of religious ideology on the formation of religious architecture. It provides the ideological basis for the model space of worship, fixing them in the symbolism of forms and their mutual arrangement. Such findings are important for the theory of culture and architecture, because not only the architect and its shape can determine the life and importance of architecture, but also a worldview.

Ключевые слова: архитектурное пространство, религиозное мировоззрение, культовая архитектура, влияние, культура, смысл, идея, творчество, символ.

Key words: Architectural space, religious worldview, religious architecture, influence, culture, meaning, concept, creativity, character.

Культовая архитектура и религиозное мировоззрение – на первый взгляд два разных явления мира культуры, каждое из которых занимает свое место в истории и имеет четкое определение и значение для человека. Однако, рассмотрев процесс создания пространства поклонения, заметим ряд ситуаций, когда оба этих явления включаются в процесс взаимного диалога, рождая символическое поле со смысловым наполнением. Независимость их существования перестает быть таковой. Встает вопрос: может ли религиозное мировоззрение влиять или, лучше сказать, определять закономерности построения культового пространства, преодолевая границы своего существования в самых общих представлениях о мире, становясь активной стороной, а не являясь только хранилищем информации?

Как можно представить процесс влияния? Словари дают нам простое описание: это действие, производимое на кого-нибудь или что-нибудь [3]. Под влиянием меняется ход определенных событий или формируется. Человек в своем мастерстве может следовать примеру или авторитету. Иногда это следование происходит без интерпретации автора, подсознательно зависимо от чего-то. Итак, сторона влияния оказывает действия с целью получения результата.

Помимо влияния можно оказывать и другие действия или просто быть примером, аналогом, по образцу которого создают образ. В таком случае сторона, которая является прообразом, оказывается пассивной, не проявляя активности.

В творческой деятельности может оказаться уместным содействие, когда обе стороны с одинаковым участием, без воздействия друг на друга, участвуют в созидании.

Чтобы определить характер отношений между религиозным мировоззрением и культовой архитектурой, нужно четко представить все стороны формирования такого пространства, для чего обозначим основных участников. Во-первых, это зодчий, часто существующий в лице коллектива людей. Во-вторых, мировоззрение, присущее этим людям и данной культуре. В-третьих, некоторая физическая способность выразить идею в каменном строении.

Архитектор обычно принимает окончательное решение, формализации идеи решения пространства и обозначает его в виде чертежей для возможности реализации. Значение архитектуры тем больше, чем больше воли проявляет архитектор, указывает средневековый историк Ролан Рехт [4, с. 152]. Но каждый человек (архитектор) принадлежит определенному миру культуры, интуитивно подчиняясь ее законам, рождая в лице гениев новые смысловые парадигмы. Последние настолько способны к жизни и существованию, насколько закрепятся в символическом поле и будут приняты в мировоззрении данного общества. А именно, человек соотносит с собой происходящие процессы и наделяет их смыслом, определяя свое положение в мире и свое миропонимание, в совокупности оценок дает общее представление, которое определяет программы жизни и поведения людей. Иными словами, можно сказать, что каждому миру культуры соответствует свое мировоззрение. Творчество в разных своих проявлениях, будь то художественное или любое другое, есть самое первое выражение авторского мировоззрения, рожденного в данной культуре, а архитектор является носителем ее идей. Меняется мировоззрение эпохи, меняются смыслы, закрепленные за новой символикой форм, умирает или становится непонятной архитектура. Примерно о таком символическом теле без души говорил Освальд Шпенглер [5, с. 329].

Культовое пространство возникает по определенно заданной схеме, архитектором, поддерживающим данный вид мировоззрения или являющийся его приверженцем, для того чтобы перевести основные константы вероучения в образные и формальные, иначе говоря, видимо воспринимаемые строения. Религиозное мировоззрение имеет свою картину мира, где определены порядок существования вселенной и иерархия построения общества. Ввиду этого возникает идеальная схема мироустройства, которая также фиксирует отношения между творцом и человеком, его познавательную деятельность. Эта схема носит обязательную трактовку в виде модели храма на земле, как отражения идеального мира, поэтому она имеет описательный характер в религиозных трактатах как задание для проектирования культового строения.

Именно пройдя такой путь, религиозное мировоззрение выходит в активную сторону формирования архитектуры. В пример, отображающий вышеуказанный процесс, приведем наиболее значимые культовые постройки: храм Соломона, последующую за ним церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, мечеть халифа Омара («Купол скалы»). Они выбрали для своего расположения библейскую гору Мориа, которая описана в канонах трех религий и отмечена особым местом богооткровения.

Постройка храма Соломона осуществлялась по библейским канонам книги Иезекииль и Царств. Его модель представляет собой несколько пространств, одновременно соединенных и разъединенных между собой. Движение вдоль них мог осуществлять только священник, чтобы осуществить диалог между Богом и человеком на основании жертвы. Сначала двор жертвоприношения, далее помещение «Святое», где хранилась утварь священническая, и пространство пребывания Бога, «Святое Святых». Их форма прямоугольная с возвышением объемов от двора жертвоприношений к «Святое Святых». Наполнение этих помещений предметами культа четко регламентировано и закреплено символически.

Христианский храм, в нашем случае для примера мы взяли церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, имеет модельное построение по канонам, где идеальное построение небесного дома Божьего перенесено как образ на землю.

«Храм – это здание, где происходит богослужение. В христианском храме прославляется триединый Бог Иисус Христос, открывший и указавший путь верующим в Царство Небесное. Назначение храма – показывать истинное, праведное состояние мира и направлять христиан по пути Христа к достижению спасения каждого отдельно и всего мира в целом. Внешний облик храма, согласно толкованию апостолов, должен выражать две идеи: храм знаменует собой дом Божий (мир как творение Бога) и одновременно храм символизирует корабль, спасающий человечество» [1, с. 4].

Канон мусульманской мечети сформировался позднее и под впечатлением канонов христианства и иудаизма. Основной догмат раскрывает суть мечети в подобии неба, под которым звучит молитва, поэтому главное для этого культового пространства – большой купол и зал, а первоначально – двор, вмещающий молящихся. Поскольку изображения человека в мусульманской религии неприемлемы, то украшения мечетей служат орнаментальные и специальные сплетения, которые также имеют законы построения по канонам, а также выписки из Корана. Может, поэтому так привлекательна мечеть «Купол скалы», особенно в отражении взглядов верующих.

Последнее, что можно рассмотреть в процессе создания архитектурного пространства – это возможность построить, реализовать в материале сложную композиционную структуру. Исторически сложилось так, что ни одна модельная схема, продиктованная догматом, не регламентирует жесткого оформления, давая свободу для авторского развития архитектуры внутри канона. Может, по этой причине мы имеем сегодня культовые строения с совершенно разными и оригинальными решениями, которые развились от самых ранних по времени постройки, простых по объему, к самым сложным и по объему, и по изобразительным средствам.

Надо заметить, что никогда правила, установленные для постройки культового пространства, не делали невозможным таковое строительство, хотя зодчие в каждое время стремились превзойти себя и создать уникальную архитектуру, наиболее ярко отражающую дух религии.

Таким образом, отвечая на вопрос начала этой статьи, скажем, что религиозное мировоззрение оставляет за собой право определять основы культового пространства; давая зодчему поле для творчества и выражения личного отношения к предмету изображения, оно использует творческий процесс и само меняется в ходе него. Оно делает это, потому что его внутренние константы формируют общественные взгляды, обуславливают процесс передачи информации, обучения и ориентации в мире смыслов. Невозможно представить, чтобы религиозные каноны стали просто советом или пожеланием, рекомендацией, они несут обязательный, повелительный характер. По этой причине невозможно быть аналогом или «подручным» в построении культового пространства для его мировоззрения отсутствует. Можно сказать, что религиозное мировоззрение из мира общих понятий, словесных догматов переходит в уровень образного языка. «Развитие познания на всех стадиях этого долгого исторического процесса было (и остается) зависимо от исключительно важной процедуры мышления, которую лучше всего обозначает слово визуализация – придание видимой формы тому, что ее не имеет, придание наглядного образа отвлеченной мысли» [2, с. 73]. Изображение кроме информации несет в себе эмоциональное воздействие на прочитывающего его, захватывая в свой круг даже непосвященного человека.

Итак, религиозное мировоззрение оказывает влияние на формирование культового пространства, оказывая действие предписания для его построения с целью образной реализации в культурном мире человека, при этом оставляя архитектору свободу для его авторского творчества. Оно является активной стороной в формировании архитектуры. Это имеет значение для теории культуры и архитектуры, поскольку религиозное мировоззрение является как бы матрицей, через которую проходит процесс создания архитектуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Возняк Е.Р., Горюнов В.С., Семенцов С.В.* Архитектура православных храмов на примере храмов Санкт-Петербурга: Учебное пособие СПбГАСУ. – СПб., 2010. – 80 с.
2. *Глазычев В.Л.* Гемма Коперника. Мир науки в изобразительном искусстве. – М.: Советский художник, 1989. – 416 с.
3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов. Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. – М.: Оникс, Мир и Образование, 2007. – 1200 с.
4. *Ролан Рехт.* Искусство соборов XII–XV веков. Пер.с фр. и науч. ред. О.С. Воскобойникова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 352 с.
5. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 1: Образ и действительность. Перевод с нем. и прим. И.И. Маханькова – М.: Академический проект, 2009. – 648 с.

REFERENCES

1. *Wozniak E.R., Goryunov V.S., Semevtsov S.V.* *Sementsov* Architecture of Orthodox churches on the example of the churches of St. Petersburg [Arkhitektura pravoslavnykh khramov na primere khramov Sankt-Peterburga]. Tutorial SPSUACE. St. Petersburg, 2010. 80 p. (in Russ.)
2. *Glazyshev V.L.* Gemma Copernicus. The world of science in fine arts [Gemma Kopernika. Mir nauki v izobrazitel'nom iskusstve]. Moscow: Soviet artist, 1989. 416 p. (in Russ.)
3. *Ozhegov S.I.* Dictionary of Russian language: OK. 53 000 words [Slovar' russkogo yazyka: Ok. 53 000 slov]. Under the General editorship of Professor L. I. Skvortsova. 24th ed., Rev. Moscow: Onyx, Peace and Education, 2007. 1200 p.
4. *Roland Recht.* The art of the cathedrals of the XII-XV centuries [Iskusstvo soborov XII-XV vekov]. TRANS.with FR. and scientific. edited by O. S. Voskoboynikov; NAT.issled. University «Higher school of Economics». Moscow: Izd. The house of the Higher school of Economics, 2014. 352 p. (in Russ.)
5. *Spengler O.* The decline of the West. Essays on the morphology of world history [Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii]. Volume 1: Image and reality. Translation from German and notes I.I. Makhankov. Moscow: Academic project, 2009. 648 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Курмаз Юлия Валерьевна, аспирант, Русская Христианская Гуманитарная Академия, старший преподаватель кафедры архитектуры и дизайна, Тюменский Государственный Архитектурно-Строительный Университет, Тюмень, Россия
Julias1973@mail.ru

Получена: 07.09.2015

Information about the author

Kurmaz Julia, Postgraduate student, Russian Christian Humanitarian Academy, Senior Lecturer at the Chair of Architecture and Design, Tyumen State University of Architecture and Construction, Tyumen city, Russia
Julias1973@mail.ru

Received: 07.09.2015

УДК 070

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-157-159

ЛАШОВА Светлана Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и гуманитарных дисциплин

LASHOVA Svetlana,
Candidate of Philology, Associate Professor, Chair for Advertising, Public Relations, and Humanities

КЛОЧКО Константин Александрович,
кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и гуманитарных дисциплин

KLOCHKO Konstantin,
Candidate of Philology, Associate Professor, Chair for Advertising, Public Relations and Humanities

ОСНОВНЫЕ КАНАЛЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РЕГИОНА В ИНТЕРНЕТЕ

MAJOR CHANNELS OF FORMING THE IMAGE OF A REGION ON THE INTERNET

В статье рассматриваются основные каналы формирования имиджа региона в Интернете. Авторы работы считают, что в настоящее время имидж региона формируется как некий коммуникативный поток, в котором участвуют как официальные, так и неофициальные субъекты коммуникации. В статье анализируются такие основные каналы формирования имиджа региона в Интернете, как сетевые дневники и социальные сети. По мнению авторов работы, именно в силу своей интерактивности эти каналы формирования имиджа образуют, во-первых, тот имидж региона, который наиболее затребован его жителями; во-вторых, в сети происходит формирование реального, а не идеального (официального) имиджа территории. В конце работы делается вывод о том, что необходимо выстраивать официальный имидж с учетом того, как позиционируется регион в стихийных коммуникативных потоках.

The article highlights the major channels of forming the image of a region on the Internet. The authors suppose that today the image of a region is formed as a certain communicative stream, with participation of both official and unofficial subjects of communication. The article analyzes such major channels of forming the image of a region on the Internet as blogs and social network. As stated by the authors, the abovementioned channels shape, firstly, the image which is expected by the people; secondly, the Internet forms the real but not the ideal (official) image of the territory. In conclusion it is pointed out that the official image should be formed considering the positioning of a region in spontaneous communicative streams.

Ключевые слова: региональный имидж, интернет-технологии, каналы формирования имиджа, сетевой характер имиджа.

Key words: regional image, Internet-technologies, channels of image-forming, network character of the image.

Одним из инструментов развития территорий является успешное позиционирование региона. Эффективная имиджевая политика региона позволяет успешно реализовывать многие цели, направленные на развитие региона как такового: привлечение инвестиций, расширение рынков сбыта региональной продукции, распределение средств федерального бюджета и др.

Безусловно, на формирование имиджа региона, прежде всего на его позиционирование оказывает влияние широкий спектр различных факторов. К числу объективных факторов можно отнести следующие: географическое положение региона, обеспеченность природными ресурсами, развитость инфраструктуры и коммуникаций, интеллектуальный и инновационный потенциал территории, уровень развития социальной сферы. К числу субъективных факторов, на наш взгляд, относятся коммуникативные потоки в интернет-пространстве, опирающиеся на оценку территории отечественными и иностранными политиками, предпринимателями, туристами и, безусловно, оценку территории жителями этого региона.

По словам Д.П. Гавры, сегодня творец и убийца региональных имиджей – поисковые системы, которые питаются отзывами. Как отмечает исследователь, на новом этапе развития общества «имидж из ригидной структуры превращается в поток, и смысл этого превращения связан с принципиальным изменением информационной среды» [1, с. 24]. И если до появления и распространения блогов, социальных сетей, форумов имидж регионов формировался вследствие восприятия информации из СМИ (медиа-имидж), то в настоящее время огромную актуальность приобретает так называемый сетевой имидж территории.

В связи с этим цель нашего исследования – анализ основных каналов формирования имиджа региона в Интернете.

К одному из основных каналов формирования имиджа региона в Интернете относятся широко распространенные сетевые дневники – блоги. Благодаря такому качеству новых медиа, как интерактивность, пользователи сетевых дневников свободно высказывают свое мнение в режиме онлайн, комментируют все потенциально интересные события, происходящие в регионе, тем самым активно влияя на формирование его имиджа. В свою очередь при формировании официального имиджа региона, как мы считаем, крайне важно учитывать то, как позиционируется регион в сетевых дневниках, так как недопустимо недооценивать их роль в формировании реального, а не идеального (официального) имиджа территории. Как показывают данные проведенного ВЦИОМ социологического исследования «Блоги – или традиционные СМИ: чему

больше доверяет интернет-аудитория?» (2013 г.), 25% опрошенных в равной степени доверяют традиционным СМИ и блогам [2]. Весьма справедливым в этом плане представляется нам замечание Т.С. Яковлевой: «Блогеры становятся активными участниками информационных потоков, включаясь в те из них, которые им интересны, и дополняя их собственной информацией и комментариями» [3, с. 208].

На наш взгляд, большую роль в формировании имиджа регионов призваны сыграть блоги губернаторов. По данным Медиалогии [4], занимающейся мониторингом СМИ, на январь 2015 г. 20 губернаторов России вели собственные блоги. Необходимо отметить, что зачастую количество подписчиков измеряется десятками и сотнями тысяч человек (так у блога Р. Кадырова 600 тыс. подписчиков). Таким образом, учитывая широкий охват аудитории и высокий индекс цитирования, блог губернатора может стать эффективным инструментом позиционирования имиджа территории. По итогам 2014 г. наиболее цитируемыми блогерами среди глав регионов РФ являлись Рамзан Кадыров с индексом цитирования 3.213.36 (Чечня), Сергей Аксенов, индекс цитирования – 443.55, Александр Ткачев (Краснодарский край), индекс цитирования 249.01. Стоит подчеркнуть, что далеко не всегда блоги губернаторов работают именно на формирование имиджа региона: как показывает анализ записей наиболее «политизированных» губернаторов, большая часть контента направлена на формирование их самоимиджей как политиков и государственных деятелей. Но, несмотря на отмеченное свойство блогов губернаторов, необходимо учитывать то обстоятельство, что имидж региона представляет собой совокупность представлений о регионе, при этом имидж губернатора является одной из важнейших составляющих данной совокупности. В данном случае важно, чтобы позиционируемый губернатором образ не вступал в противоречие с позиционируемым образом территории.

Огромный потенциал для формирования имиджа региона представляет еще одна технология – социальные сети. Социальные сети позволяют оперативно информировать о событиях, находить или создавать группы по интересам, аккумулировать информацию. Социальная сеть регионального субъекта может предоставить возможности для общения жителей региона друг с другом и с жителями других регионов (обмен информацией, установление и поддержание контактов, поиск работы), а также для сотрудничества участников сети в достижении целей региона, организации социальной взаимопомощи участников сети, формирования имиджа региона. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что страницы в социальных сетях в силу своей интерактивности формируют тот имидж региона, который наиболее затребован его жителями.

Так, в социальной сети «ВКонтакте» существует множество страниц, посвященных территориальным субъектам, все они позиционируют определенный имидж регионов. Например, Пермскому краю посвящены такие страницы, как «Пермь активная», у которой более 86 тыс. подписчиков, «Мой город Пермь» – более 196 тыс. подписчиков, «Пермь красивая» – более 28 тыс. подписчиков, «История Перми» – 25 тыс. подписчиков (по данным на 11.03.2015). Весьма показательно, что многие из этих страниц имеют постоянные темы для обсуждения. Так в рамках публичной страницы «Мой город Пермь» есть теги: «Приезжие о Перми», «Чистый город», «Медицина Пермского края», «Отдых в Перми», «Благотворительность» и т.д. В обсуждении этих тем участвует огромное количество подписчиков. И, безусловно, высказывания подписчиков оказывают большое влияние на формирование определенного имиджа территории.

Таким образом, необходимо отметить, что в условиях информационного общества, когда практически каждый представитель региональной общественности способен в той или иной степени оказывать влияние на формирование имиджа региона, все большее значение, наряду с абсолютными факторами объективной реальности, приобретают существующие коммуникативные потоки, в которые оказываются включенными самые разные субъекты.

На наш взгляд, крайне важно весьма внимательно относиться к тому, каким позиционируется регион в этих стихийных изданиях, и выстраивать официальный имидж с учетом этих корректировок и мнений. В противном случае несоответствие стихийного и официального имиджа приведет к нежизнеспособности позиционируемого властями имиджа региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гавра Д.П., Савицкая А.С. Структурная модель имиджа государства/региона. Петербургская школа PR и рекламы: от теории к практике. Вып. 4: Сб. статей / Отв. ред. А.Д. Кривоносов. – СПб.: Роза мира, 2006. – С. 24–43.
2. Блоги – или традиционные СМИ : чему больше доверяет интернет-аудитория? Пресс-выпуск № 2345. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114305>.
3. Яковлева Т.С. Блоги и комьюнити в российском интернете. К мобильному обществу: утопии и реальность / Под ред. Я.Н. Засурского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – С. 207–214.
4. Рейтинг губернаторов-блогеров. Информационно-аналитическая система Медиалогия. – URL : <http://www.mlg.ru/company/pr/3322/>

REFERENCES

1. Gavra D.P., Savickaja A.S. *Structural model of state. region image [Strukturnaja model' imidzha gosudarstva. regiona Peterburgskaja shkola PR i reklamy: ot teorii k praktike. Vyp. 4: Sb. Statej. Otv. red. A.D. Krivonosov. Sankt-Peterburg: Roza mira, 2006. p. 24–43 (in Russ).*
2. Blogs – or traditional media: which the web-audience trusts more? [Blogi – ili tradicionnye SMI: chemu bol'she doverjaet internet-auditorija? Press-vypusk № 2345]. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114305>. (accessed 9.09.2015) (in Russ).
3. Jakovleva T.S. Blogs and communities in Russian Internet [Blogi i kom'juniti v rossijskom internete] K mobil'nomu obshhestvu: utopii i real'nost' / Pod red. Ja.N. Zasurskogo. Moscva.: Izdatelstvo Moskovskogo universitetata, 2009. p. 207–214. (in Russ).
4. The rating of governors-bloggers [Rejting gubernatorov-bloggerov]. Informacionno-analiticheskaja sistema Medialogija. Available at: <http://www.mlg.ru/company/pr/3322/> (accessed 9.09.2015) (in Russ).

Информация об авторе

Лашова Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и гуманитарных дисциплин Пермского института экономики и финансов, Пермь, Россия
tatsvetlana@gmail.com

Клочко Константин Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и гуманитарных дисциплин Пермского института экономики и финансов, Пермь, Россия
cklotchko@pief.ru

Получена: 24.08.2015

Information about the author

Lashova Svetlana, Candidate of Philology, Associate Professor, Chair for Advertising, Public Relations, and Humanities, the Perm Institute of Economics and Finance, Perm city, Russia.
tatsvetlana@gmail.com

Klochko Konstantin, Candidate of Philology, Associate Professor, Chair for Advertising, Public Relations and Humanities, Perm Institute of Economics and Finance, Perm city, Russia
cklotchko@pief.ru

Received: 24.08.2015

УДК 316.6

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-160-162

МАСHEКУАШЕВА Маргарита Хасанбиевна,
кандидат психологических наук

MASHEKUASHEVA Margarita Hasanbievna,
Candidate of Psychology Sciences

**СЛУЖЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА В ОРГАНАХ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

**OFFICIAL DISCIPLINE IN THE INTERNAL
AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION:
WAYS OF IMPROVING**

Психологическая подготовленность является совокупностью сформированных и развитых психологических характеристик, отвечающих психологическим особенностям оперативно-служебной (боевой) деятельности и выступающих необходимым внутренним условием ее успешного осуществления. Именно этот вид подготовки играет важную роль в преодолении психологических трудностей профессиональной деятельности и, тем самым, в обеспечении успешного решения стоящих задач. Девиации, профессиональные деформации личности сотрудников, сама цель существования которых заключается в предупреждении и пресечении опасных социальных отклонений, не только заметны, но и опасны как для общества, так и для самой системы МВД России. «Европейский Кодекс полицейской этики», принятый Комитетом министров Совета Европы 19 сентября 2001 г., раскрывает основное направление осуществления задач психологической службы МВД России.

Psychological preparedness is a set of formed and developed psychological characteristics that are relevant to the specific psychological character of the operational (combat) field service and are the necessary internal precondition for its successful implementation. It is this kind of training that plays an important role for overcoming the psychological difficulties of professional activities, ensuring the successful solution of the tasks. Deviations and professional personal deformations of officers, whose duty is to prevent and stop dangerous social deviations, are not only visible, but also dangerous both for society and for the Interior Ministry system itself. The European Code of Police Ethics, adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 19 September, 2001 declares the main direction in implementation of the basic tasks of psychological service of the Russian Interior Ministry.

Ключевые слова: сотрудники полиции, профессионально-психологическая подготовка, деформация сотрудников полиции, психологическая саморегуляция.

Key words: police, professional and psychological training, deformation of police servants, psychological self-regulation.

В последнее время происходят существенные реформы в Министерстве внутренних дел Российской Федерации (МВД России). Особенно указанные изменения коснулись воспитательной работы. Возросли требования к профессиональному развитию и качествам личности как руководителей в целом, так и сотрудников полиции в частности. Определяющий основные направления реформирования органов внутренних дел Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3 - ФЗ «О полиции» требует наличия высоких и конкретных требований к повседневной работе российских полицейских, их профессиональным и личностным качествам, специальной и психологической подготовленности к службе, сопряженной с риском, высокими физическими и психическими перегрузками, обусловленными ситуациями экстремальности и напряженности, негативно влияющими на поведенческие реакции сотрудников и их эмоциональное состояние.

Об актуальности исследования особенностей индивидуально-воспитательной работы с личным составом ОВД свидетельствует ряд существенных происшествий среди личного состава, которые имели место в последние годы. Данные факты произошли в связи с психической неустойчивостью отдельных сотрудников органов внутренних дел. Реалии настоящей обстановки свидетельствуют о сложной ситуации, возникшей при реализации полицейскими своих задач [2]. При приеме на полицейскую службу ежегодно проходят соответствующее обследование свыше 100 тыс. кандидатов. В результате чего на этапе психологического отбора более 20 тыс. сотрудников включаются в группу повышенного психолого-педагогического внимания.

Данный факт непосредственно влияет на дифференциацию видов, форм, методов и периодичность необходимой психологической помощи этим сотрудникам, организацию целенаправленной психопрофилактической и психокоррекционной работы. В связи с этим для совершенствования методического обеспечения профессионального психологического отбора в полиции внедряются новые психотехнологии, которые обеспечивают выявление лиц, поступающих на службу с корыстной мотивацией, склонных к нарушению законности и дисциплины. К сожалению, следует признать тот факт, что существенное влияние на возникновение и развитие у потенциальных полицейских состояний психической дезадаптации, неблагоприятных изменений личности оказывает воздействие на них неблагоприятных факторов оперативно-служебной деятельности, боевой обстановки. Так, например, выявлено, что у 25% сотрудников, принимавших участие в проведении контртеррористических операций в экстремальных условиях, определены дезадаптивные состояния, признаки острых и посттравматических стрессовых расстройств. С целью снижения указанных негативных последствий в МВД России разработана

целевая комплексная программа психологического обеспечения деятельности сотрудников, выполняющих задачи на территории Северо-Кавказского региона. Указанная программа регулирует порядок осуществления организационных, психологических, социально-психологических мероприятий, определяет формы и методы психологической работы с сотрудниками, со служебными коллективами, членами семей погибших. Ежегодно мероприятия по психологической реабилитации и восстановлению работоспособности проводятся более чем с 200 тыс. сотрудников. Необходимо отметить, что профессиональное становление сотрудника полиции осуществляется в условиях непосредственного социального взаимодействия. В связи с этим предупреждение и разрешение межличностных конфликтов, формирование благоприятного социально-психологического климата в служебных коллективах, обеспечение эффективной межличностной и межгрупповой коммуникации, совместимости сотрудников, адаптация молодых специалистов к службе обуславливают необходимость проведения социально-психологической работы.

Вышеуказанное положение обуславливает цели, задачи, функции и взаимоотношения психологической службы МВД России с организациями и ведомствами, участвующими в ликвидации чрезвычайных обстоятельств. Кроме того, положение включает в себя также организационные аспекты работы психологов, программу их специальной подготовки и материально-техническое обеспечение. Практика показывает, что некоторые сотрудники испытывают психологические трудности перед служебными командировками.

Таким образом, следует констатировать, что психологическая подготовка сотрудников является сложным многогранным процессом, включающим в себя реализацию специальных профессиональных знаний, умений, навыков и наработок, связанную с личностными качествами сотрудника, которые призваны обеспечивать надежность выполнения необходимых задач и функций, стоящих перед системой МВД в целом, а также способностью взаимодействовать с социумом [4]. Исходя из вышесказанного, систему психологической подготовки сотрудников к несению службы в органах внутренних дел можно раскрыть в три этапа. Подготовительный этап является начальным. Он состоит из первоочередного отбора сотрудников по психологическому типу. Следующий этап включает непосредственную психологическую подготовку сотрудника к работе в органах внутренних дел. Мероприятия, осуществляемые на этом этапе, включают комплектование отряда, убывающего в служебную командировку с учетом социально-психологических закономерностей и индивидуально-личностных особенностей бойцов, профессиональную подготовку [5]. Третий этап представляет собой психологическое сопровождение личного состава, убывшего в служебную командировку, и их родственников. Как известно, человек воспитывается всей жизнью, его сознание определяется реальностями бытия [8], в связи с чем службу в органах МВД необходимо организовывать так, чтобы элементы работы формировали у полицейского нужные навыки, а не наносили ему вред [6].

Таким образом, можно определить главный метод проведения занятий по морально-психологической подготовке сотрудников полиции – метод ситуационного морального выбора («моральных дилемм»), моральных казусов [7]. Сущность указанного метода заключается в том, что сотруднику полиции предлагается заранее разработанная ситуация, имеющая место при реализации сотрудником своих функций. Данная ситуация должна содержать моральный аспект. Кроме того, предлагаемая задача должна иметь отношение к профессиональной службе, отвечать требованиям морально-психологической подготовки. И еще в ней не может быть верных оценок действиям участвующих лиц.

В заключение необходимо отметить, что методическое обеспечение МПП включает в себя соответствующую учебную литературу, факты реальной профессиональной деятельности и прочее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Tutukov A.U., Kochesokova Z.H., Mashekuasheva M.H. Some problems in relationships verbal and nonverbal communication in professional activities police. / В сб.: Applied and fundamental studies proceedings of the 3rd international academic conference. Publishing house science and innovation center, ltd. 2013. – С. 478-481.
2. Кочесокоева З.Х., Машекуашева М.Х. Актуальные вопросы использования социально-психологических тренингов в деятельности сотрудников правоохранительных органов // Вопросы современной юриспруденции. – 2013. – № 28. – С. 115-120.
3. Машекуашева М.Х. Терроризм как угроза национальной безопасности / В сб.: Современные проблемы уголовной политики. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. А.Н. Ильяшенко. МВД РФ, Краснодарский университет МВД России, 2012. – С. 107-112.
4. Машекуашева М.Х. Психологическое обеспечение деятельности сотрудников спецподразделений в условиях массовых беспорядков // Пробелы в Российском законодательстве. – 2014. – № 3. – С. 258-261.

5. Арипшев А.М., Машекуашева М.Х. Спекулятивный экстремизм или ложный патриотизм // Черные дыры в Российском законодательстве. – № 5. – Москва: Юр-ВАК, 2014.
6. Машекуашева М.Х. Терроризм как угроза национальной безопасности / В сб.: Современные проблемы уголовной политики. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. А.Н. Ильяшенко. МВД РФ, Краснодарский университет МВД России, 2012. – С. 107-112.
7. Карданов Р.Р., Шхагапсоев З.Л. Меры безопасности сотрудников ОВД при осмотре мест скрытного пребывания членов незаконных вооруженных формирований в горно-лесистой местности // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 1 (28). – С. 169-172.
8. Тарчоков Б.А., Кочесоква З.Х. О некоторых закономерностях экстремальных факторов особенностями оперативных действий правоохранительных органов в ситуациях захвата заложников // Пробелы в Российском законодательстве. – 2014. – № 4. – С. 243-244.
9. Карданов А.К. Морально-волевая подготовка сотрудников полиции // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 3. – С. 262-263.

REFERENCES

1. Tutukov A.U., Kochesokova Z.H., Mashekuasheva M.H. Some problems in relationships verbal and nonverbal communication in professional activities police. In: Applied and fundamental studies proceedings of the 3rd international academic conference. Publishing house science and innovation center, ltd. 2013. Pp. 478-481.
2. Kochesokova Z.H., Mashekuasheva M.H. Topical issues of using socio-psychological training in the activity of law enforcement bodies. [Aktual'nye voprosy ispol'zovaniya social'no-psihologicheskikh treningov v dejatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov] Questions of modern jurisprudence. 2013. № 28. Pp. 115-120. (in Russ.)
3. Mashekuasheva M.H. Terrorism as a threat to national security. In: Modern problems of the materials of the criminal policy of the international scientific-practical conference. [Terrorizm kak ugroza nacional'noj bezopasnosti / V sb.: Sovremennye problemy ugolovnoj politiki. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii]. Edited by A.N. Ilyashenko; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia. 2012. Pp. 107-112. (in Russ.)
4. Mashekuasheva M.H. Psychological support of the special forces in the face of massive riots. [Psihologicheskoe obespechenie dejatel'nosti sotrudnikov specpodrazdelenij v usloviyah massovyh besporjadkov]. Gaps in Russian legislation. 2014. № 3. Pp. 258-261. (in Russ.)
5. Ariphev A.M., Mashekuasheva M.H. Speculative extremism or false patriotism. In: Black Holes in the Russian legislation. [Spekulativnyj jekstremizm ili lozhnyj patriotizm . Chernye dyry v Rossijskom zakonodatel'stve]. № 5. Moscow: Publishing House "IOP-WAC", 2014. (in Russ.)
6. Mashekuasheva M.H. Terrorism is a threat to national security. In: Modern problems of the materials of the criminal policy of the international scientific-practical conference. [Terrorizm kak ugroza nacional'noj bezopasnosti. V sb.: Sovremennye problemy ugolovnoj politiki. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii]. Edited by A.N. Ilyashenko; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia. 2012. Pp. 107-112. (in Russ.)
7. Kardanov R.R., Shhagapsoev Z.L. Safety of Police Officers at the scene examination secretive visit of members of illegal armed groups in forested mountainous terrain. [Mery bezopasnosti sotrudnikov OVD pri osmotre mest skrytnogo prebyvaniya chlenov nezakonnyh vooruzhennyh formirovaniy v gorno-lesistoj mestnosti]. Bulletin of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry. 2014. № 1 (28). Pp. 169-172. (in Russ.)
8. Tarchokov B.A., Kochesokova Z.H. Some regularities of extreme factors features operational law enforcement actions in situations of hostage taking. [O nekotoryh zakonomernostyah jekstremal'nyh faktorov osobennostjami operativnyh dejstvij pravoohranitel'nyh organov v situacijah zahvata zalozhnikov]. Gaps in Russian legislation. 2014. № 4. Pp. 243-244. (in Russ.)
9. Kardanov A.K. Moral standing police training. [Moral'no-volevaja podgotovka sotrudnikov policij]. Gaps in Russian legislation. 2014. № 3. Pp. 262-263. (in Russ.)

Информация об авторе

Машекуашева Маргарита Хасанбиевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры ОПД Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД РФ, г. Нальчик (Кабардино-Балкарская Республика), Россия
mashekuasheva@mail.ru

Получена: 23.06.2015 -

Information about the author

Mashekuasheva Margarita Hasanbievna, Candidate of Psychology Sciences, Senior Lecturer, Chair for General Professional Disciplines, North Caucasus CPD Training Institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Nalchik city, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia
mashekuasheva@mail.ru

Received: 23.06.2015 -

УДК 125

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-163-169

МОУРАВОВ Алан Лазаревич,
соискатель

MOWRAVOV Alan Lazarevich,
Candidate for an Academic Degree

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ВРЕМЕНИ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

CONTEMPORARY CONCEPTS OF TIME SPAN IN NATURAL DEVELOPMENTS

В статье рассматриваются эмпирические модели времени, создаваемые в разных естественных науках, их методологическая несовместимость с физико-теоретическими моделями, а также концепция «функционального» времени, снимающая это противоречие.

В ней автор констатирует, что в работе по созданию указанных моделей участвуют биологи, физиологи, психологи, социологи, экономисты и т.д., желающие решать свои научно-профессиональные проблемы не по критериям, предлагаемым физикой, а по собственным критериям, вытекающим из их понимания научной и практической целесообразности своей работы. Много внимания автор уделяет работе функциональной концепции времени, которая снимает методологическую несовместимость между эмпирическими и физико-теоретическими моделями времени. Эта концепция позволяет существенно изменить представление о месте и роли в науке понятия познающего субъекта (представленного в физике как «наблюдатель»), расширив его, за счет его самоопределения, через понятие «познавательной позиции». Это понятие, в свою очередь, задается совокупностью факторов самого разного рода – от индивидуально-психологических до социально-идеологических – побуждающих того или иного исследователя выделять в качестве «существенных» из совокупности наблюдаемых свойств исследуемого объекта именно одни свойства, а не другие.

Ключевые слова: эмпирические и теоретические модели времени, концептуальные времена, собственное время, функциональное время, свойства функционального времени, несубстанциональное время.

The paper explored some empirical patterns of time span being set up in various natural branches of science for their being conceptually incompatible with the patterns in the theoretic (academic) physics, and considered the concept of "functional" time span as well that relieved the above contradiction.

The author stated in the paper that biologists, physiologists, psychologists, sociologists, economists, etc. have been involved into the efforts to set up the above patterns, to solve their research-and-occupation-related issues upon their own criteria derived from their understanding of academic and practical appropriateness of their work rather than with the criteria the physics suggested. The author has paid much attention to the way the functional concept of timespan operated, which relieved conceptual incompatibility existing between the empirical patterns of time span and the pattern set up in the theoretic (academic) physics. This concept enables significant alteration to a perception of a position and part taken by the cognisant self (represented in the physics as "an observer") in the academic concept, in order to extend it, by means of self-determination, with the conception of a "perceiver position/ standing". This conception, in its turn, shall be defined by the set of factors of various origin, ranging from those produced by an individual mind to those shaped with societal ideology, all of them encouraging a researcher to select out of the series of properties observed of an entity explored exactly the features "substantial" for study, and not the other.

Key words: empirical and conceptual patterns of time span, conceptual timespan, one's own time span, functional (purpose-framed ?) timespan, properties of the functional (purpose-framed ?) timespan, timespan irrelevant to substance.

Концепции времени естественных процессов разрабатываются давно, имея своим источником именно идеи о геологическом и биологическом времени В.И. Вернадского. В этой работе участвуют биологи, физиологи, психологи, социологи, экономисты и т.д., желающие решать свои научно-профессиональные проблемы не по критериям, предлагаемым физикой, а по собственным критериям, вытекающим из их понимания научной и практической целесообразности своей работы. В этом деле есть свои успехи и достижения, однако необходимо признать, что общая концепция «нефизического» времени – не в категориальном, а в научно-теоретическом смысле – все еще не построена, хотя уже поименована как «несубстанциональная», противопоставляемая классической, «субстанциональной». Аргументы в пользу «собственного времени» в химии (под которым подразумеваются темпоральные характеристики химических процессов и преобразований) и против аргументов Р.А. Аронова и В.В. Терентьева [2, с. 71] заключаются в следующем: 1) чисто формально – если физики отстаивают свое, «физическое», время, то чем в этом смысле хуже любая другая наука, имеющая собственный, динамический предмет исследования; что же касается «сведений» химических процессов к физическим, то при этом сам предмет химии сводится к предмету физики, и химия теряет статус самостоятельной науки, что абсурдно; 2) «Утверждается, что существует общая для процессов различной природы форма времени, поскольку все они равным образом измеряются в единицах физического времени. Действительно, фиксируемая в эксперименте и теории длительность геологических, химических, биологических, социальных процессов ничем не отличается от длительности физических процессов. Но при чем здесь физическое время? Желая установить длительность процесса и используя при этом определенные измерительные процедуры, можно получить только один результат – измерить длительность. Выявить при этом специфичность временных отношений тех или иных конкретных процессов невозможно» [3].

Вследствие этого на теоретическом уровне рассматриваемых концептуальных систем сложилась своеобразная трактовка процесса как изменения одной или нескольких переменных в зависимости от изменения некоторой контролируемой величины, например давления, температуры и т.п. Особенность такой трактовки состояла в том, что время исключалось из рассмотрения в явной форме, а ход явления представлялся в виде уравнений, «отражающих "очищенные" от времени зависимости между исследуемыми переменными величинами. Таким образом, в первых концептуальных химических системах время выступает в форме "скрытого" параметра, как бы маскируясь под другими переменными, то есть остается теоретически неосвоенным» [18, с. 197].

Такие соображения породили идеи, позволяющие определить специфику именно «химического» времени и его положения в структуре «прошлое-настоящее-будущее» как «настоящего», через понятие «переходное состояние»: «Переходное состояние – это другое наименование центрального звена механизма химической реакции – "активированного комплекса", возникающего в момент превращения» [18, с. 204]. Еще Ю.А. Жданов называл понятие «переходное состояние» «узловым понятием современной теоретической химии»: «Открытие и познание переходного состояния ввело в химию реальное время превращения веществ» [7, с. 61]. Из этого следует, что «настоящее» можно рассматривать не только как «момент», определяемый в физике некоей «наименьшей» длительностью: «В действительности настоящее имеет продолжительность. Ведь время связано не только с изменчивостью, но и с бытием устойчивых, качественно определенных форм реальности. Как отмечает Уайтхед, "временной отрезок, на протяжении которого сохраняется устойчивая структура того или иного события, конституирует его существование в настоящем". Такой устойчивой структурой, внутренне присущей процессу, выступает в химическом процессе переходное состояние, которое фиксирует реальную продолжительность настоящего... Настоящее химического процесса есть то относительно устойчивое в процессе, которое выступает как "длание"» [7, с. 62].

Все эти соображения имеют значение для отвержения так называемой «редукционной парадигмы»: «Поскольку очевидно, что современные тенденции "подведения общего фундамента" еще не доказывают однозначным образом сводимости химии к физике, мы позволим себе перейти к аргументам в пользу доказательства существования "таинственного нечего" – химизма, не выражаемого на языке чистой физики... Наиболее убедительное и яркое свидетельство существования химических процессов высокого порядка сложности, не сводящихся к элементарным физическим закономерностям, – это факт существования в природе химической эволюции (специфических, целесообразных процессов усложнения химических структур вплоть до возникновения сложнейших пред-биологических образований)... Этот факт указывает нам на непреодолимую качественную ступень, определяющую "органическую" несводимости химии к физике в ряду ее важнейших разделов. Другими словами, процессы химической эволюции материи выступают как пример оригинального предмета химической науки, требующего развития специфических подходов химии и недоступного во всех частях подходам "чистой" физики» [16, с. 76-77].

Со времени В.И. Вернадского, уделявшего большое внимание проблеме «биологического» времени, было сделано многое – именно в плане практико-эмпирического, а не «физического», обоснования его специфики.

Так, в работах Т.А. Детлаф, занимавшаяся изучением развития животных (в онтогенезе, от зародыша до взрослой особи), исходя из идеи «длания» В.И. Вернадского, пишет: «Задача определения времени в единицах, доступных количественному учету и отражающих качественную специфику изучаемого явления, а также позволяющих выяснить с их помощью временные закономерности, остается актуальной и трудно решаемой для многих наук и сегодня. Среди многочисленных определений времени имеется определение, принятое В.И. Вернадским, которое гласит, что время – это длание. Это определение, как мне представляется, вполне достаточно для наук, изучающих развитие животных. Оно передает основные свойства времени – его непрерывность, необратимость, длительность. Гораздо труднее найти ответ на вопрос о способах измерения времени или о мере времени. Широко используемые с этой целью единицы астрономического времени (сутки, часы, минуты, секунды) дают очень ограниченную информацию, справедливую в каждом случае только для данного вида организмов и данных конкретных условий» [6]. Она пишет о необходимости использовать такой термин, как «биологическая мера времени», поскольку «время развития животных зависит от температуры и у каждого вида имеется своя наследственно обусловленная зависимость скорости развития от температуры» [6].

«Используемая сейчас конструкция времени – это абсолютное время Ньютона, для измерения которого существуют разнообразные часы. С другой стороны, общепризнанной является точ-

ка зрения на функционирование живых организмов, как на последовательность событий – функциональных квантов, таких как кванты элементарных физиологических процессов, кванты гомеостаза, кванты поведения. Любой из этих квантов, заканчиваясь определенным результатом и являясь функционально одним и тем же, может иметь разную длительность в обычно используемой шкале времени. Следовательно, естественные элементы физиологических и поведенческих процессов не эквивалентны общепринятым метрическим единицам времени, а задают разнородный поток событий, определяющих собственное время того или иного процесса» [4]. Здесь и далее отчетливо выражена тенденция к возврату событийно-процессуальных схем, вместо схем линейно-количественного изменения состояний.

«Постановка вопроса о "природе времени и сущности жизни" с реляционной точки зрения требует разграничения участвующих здесь категорий, которые отражают разные уровни сложности в едином методологическом подходе. В такой реляционной методологии нет специальных субстанций, отвечающих за течение времени или проявление жизни. Здесь делается попытка построить единую статистическую модель, где в иерархической последовательности воспроизводились бы важнейшие природные проявления, в частности, времени и биологических объектов. Но понятие "время" находится здесь на гораздо более высоком и общем уровне описания (и в силу этого более универсальном и простом), чем понятие "жизнь". Построение моделей времени, в том числе "необратимого" и "неравновесного", само по себе не исчерпывает биологических свойств, хотя и является, быть может, необходимым условием для адекватного описания»; «время старения» [1]. Очевидность этого аргумента – что жизнь не может быть сведена к формулам – недействительна только для завязанных теоретиков. Автор, приводя формулу обратимости времени в классической механике, отмечает, что в ней «очень большая информация о состоянии системы сведена к одному временному параметру» [1].

С.Л. Загускин, исходя из опыта нарушения/восстановления синхронности режимов работы органов в человеческом организме, пишет: «Устойчивость биосистемы при избытке энергии сохраняется за счет поддержания устойчивости элементов, но при недостатке – за счет избирательной элиминации части элементов. Следствием последней стратегии является временный иерархический десинхроноз – рассогласование соотношения скоростей процессов разных уровней... Устранение десинхронозов в месте патологии с помощью аппаратов для биоуправляемой хронофизиотерапии серии "Гармония" происходила за счет коррекции периодов ритмов и, следовательно, собственного времени биосистемы на соответствующих уровнях» [8, с. 20]. В этом можно видеть практическое применение темпорологических моделей сложных, живых систем и бессмысленность сведения их к чисто теоретическим представлениям о времени.

А.У. Игамбердиев, рассматривая соотношение понятий становления (т.е. процессуальности) и времени в биологии, пишет: «В биологических системах макромолекулярные комплексы образуют операциональные структуры, устойчивые относительно перестроек топологии. Элементарные логические конструкции, описывающие включение биологических систем в физический мир, являются топосами, обладающими неклассическими свойствами... Единство мира может быть восстановлено, только если рассматривать совокупность, включающую в себя физический мир, теоретический конструкт, его описывающий, и познающего субъекта» [9]. Здесь отчетливо выражена мысль, что пора переходить от чисто механических, линейных, геометризованных схем выражения времени к моделям структурно-динамическим (топологическим), и предлагается новая познавательная парадигма, отличающаяся не отождествлением познающего субъекта и его метода (что ведет к его абсолютизации), а к их разделению и установлению функционального между ними отношения, которое прямо определяется целенаправленностью деятельности субъекта. При этом, в качестве теоретических, предлагаются нелинейные базовые схемы, предполагающие системное качество единства пространства и времени: так, И.А. Аршавский, опираясь на идеи А.А. Ухтомского, связывает такие схемы с циклическими динамическими структурами, которые только и могут обеспечить свое сохранение в условиях неравновесности: «Сохранение гомеостазиса в циклических процессах – хронотоп» [3].

Как можно видеть, все исследователи «несубстанциональных» форм времени вводят свои собственные термины, так или иначе выражающие эту онтологию «несубстанциональности», то есть качество конкретности, связи с эмпирикой и практикой: Т.А. Детлаф предлагает термин «биологическая мера времени»; Б.М. Владимирский, вспоминая хронотоп А.А. Ухтомского, вводит понятие «квант времени»; С.Л. Загускин – «собственное время биосистемы»; А.У. Игамбердиев – понятие «топоса»; И.А. Аршавский выходит на связку понятий – «гомеостазис» и «хронотоп» как организационных пространственно-временных характеристик процессов; А.П. Левич – «метаболические часы».

Поэтому делаются попытки объединить разнородные попытки ввести новые представления о времени путем выхода в более широкие, философские контексты видения ситуации; так, А.Б. Гуларян запоздало пишет: «Со школьной скамьи мы знаем, что формой существования

материи является движение. Точнее было бы сказать, что формой существования материи является системная организация, структура, ибо движение в философском смысле – это любые изменения, происходящие в структуре этого мира. Аналогично можно охарактеризовать логику развития нашего познания. Она состоит в том, что любая решенная задача дает возможность решать новые задачи. Эти новые задачи связаны с предыдущими, то есть материнская задача ограничивает пространство решений для дочерних. Одновременно, будучи превращены в технологии, новые задачи расширяют пространство решений для человечества. В результате начинается структуризация научного познания, при которой новые результаты не столько открывают новые возможности, сколько перечеркивают возможности альтернативные» [5].

Высказываются мнения о том, что усилия разных наук и парадигм – «субстанциональной» и «несубстанциональной» – в исследовании проблемы времени сами собой, в силу их «синергетической конвергенции», приведут к «нарративному» их объединению – за счет отказа от анализа смысла используемых терминов и понятий и метафорическому их слиянию [10]. Но такие призывы нереальны; многолетняя практика показывает, что независимо от сознательных действий ученых этого быть не может, а на самом деле «целью ученых на всех этапах научного познания было "разрешить" конкуренцию между различными теоретическими концепциями, достигнуть монологичности. До сих пор не известно ни одного случая, когда ученые согласились бы с ситуацией плюрализма концепций и отказались от поисков единственно верной точки зрения» [15, с. 225]. Такая ситуация в исследованиях времени расценивается как реализация «реляционной» парадигмы.

Попытки хоть как-то продвинуться на пути создания «теории времени» – путем комбинирования терминов, концепций, парадигм, философий и т.п., чтобы «помирить» противников и сгладить разногласия, – ничего не дают: «отказ от противопоставления концепций» А.П. Левича [11, с. 6-23] – на словах – не решает никаких проблем. Попытки их «примирить», указывая, что за каждой «несубстанциональной», эмпирико-ориентированной концепцией и парадигмой есть «своя правда», а за субстанционально-теоретической – своя, не дают ничего нового [12], как и попытки построить новую теорию времени на частных моделях процессов (например, на метаболизмах или на абсолютизации количественного подхода) [13]. В таком анализе рассматриваются явно не все мотивы того или иного отношения к проблеме времени; в результате сама проблема повисает в воздухе.

Такая ситуация вызывает у «субстанциалистов» иронию, побуждающую их высмеивать попытки «субстанциалистов» построить новую «реляционную» теорию времени. Так, Л.С. Шихобалов, со всей непредвзятостью анализируя соотношение субстанциональной и реляционной философских концепций времени, пишет: «Первая концепция предполагает, что время есть самостоятельное явление природы, существующее наряду с пространством, веществом и физическими полями. Реляционная концепция, наоборот, отрицает существование времени как самостоятельного явления и трактует его как специфическое проявление свойств самих физических тел и происходящих с ними изменений... Вопреки распространенному мнению о том, что теория относительности доказала справедливость реляционной концепции времени, в действительности современная физика не дает оснований для предпочтения ни одной из этих концепций», поскольку «ни одна не описывает всех свойств времени» [19, с. 369]. Но с какой же точки зрения, из какой позиции делается такой вывод? Нет ответа.

Из этого делаются неутешительные выводы: «Таким образом, в современной физике проблема времени по-настоящему не решена. Можно даже сказать, что она фактически и не поставлена. Между тем, решать эту проблему необходимо, потому что, несмотря на значительные успехи физики в описании устройства мироздания, до сих пор не прояснен целый ряд существенных аспектов явления, называемого временем. Так, нет пока еще окончательных, строго доказательных ответов на такие принципиальные вопросы, как: "Что есть течение времени?", "Существует или нет направленность времени?", "Что поддерживает согласованность темпов течения времени в разных точках пространства?" и другие» [19, с. 374].

Но эти вопросы сформулированы в рамках теории, которая не может на них ответить. Постановка этих вопросов предельно парадоксальна: проблема не решена, даже не поставлена, но требует срочного решения, – но что же можно сделать, если базовые понятия о времени еще не определены? Но где надо искать способы определения, если в имеющейся теории их нет? Неужели вне теории?

Но в этом случае «само понятие процесса должно быть определено до введения представления о времени и независимо от него. Однако, трудно представить себе, как можно сформулировать определение процесса без обращения к времени, в частности, без использования таких характеристик процесса, как его продолжительность или скорость его протекания. Отметим, что аналогичная ситуация возникла бы и при разработке реляционной концепции про-

странства. Тут потребовалось бы сформулировать определение физической системы до введения представления о пространстве, то есть без упоминания даже такой простейшей характеристики системы, как ее пространственный размер. Совершенно не ясно, как это можно сделать» [19, с. 375].

Идеалом теоретического построения для автора является следующее: «Наша модель, даже простое употребление термина "субстанция" в качестве названия изучаемого объекта, открывает ясную перспективу для развития теории. Здесь сразу видно, что нужно делать дальше: формулировать определяющее уравнение для субстанции, устанавливать для нее законы типа законов сохранения и движения, ставить краевую задачу и т.п.» [19, с. 376].

И можно прекрасно обойтись без понятия системы. Одна неразрешимая проблема: никак не удастся найти материальный прообраз субстанционального времени. Но кто ищет, тот, наверное, найдет, хотя бы на это понадобилась тысяча лет.

От всех этих разрозненных взглядов выгодно отличается своей определенностью, общностью и связью с идеей «реального времени» В.И. Вернадского концепция «функционального времени» Т.П. Лолаева, в которой сделана попытка выйти за пределы идеи существования особых форм времени для каждой науки. Ее автор не спорит с другими исследователями времени – кто прав, а кто не прав, – а, заранее отвергая позицию теоретического абсолютизма и претензию на единственно возможную истину, анализирует проблему времени не на теоретическом, а на философско-методологическом уровне, исходя из принципа, что *любое понятие, в своей определенности, опирается на то или иное методологическое основание*. В механике время – это линейно упорядоченное отношение моментов – состояний физического объекта, – именуемого «материальная точка» и выражаемого с помощью математических формул. В указанной концепции «объективно-реальное, функциональное время образуется в результате последовательной смены качественно новых состояний конкретных, конечных материальных объектов, процессов (каждый объект – процесс). Процесс и время неотделимы друг от друга. Они вместе возникают, существуют и заканчиваются (поскольку существует многообразие трактовок понятия процесса, следует подчеркнуть, что речь идет о последовательных изменениях конкретного объекта или явления (как единого целого), в которых выражаются определенные объективные закономерности)» [14].

Смысл «словосочетания "процесс образует время" обусловлен также тем обстоятельством, что, во-первых, время специфически отражает свойства процесса, а не наоборот. Во-вторых, через процесс можно воздействовать на характер течения времени, а через время на процесс воздействовать нет возможности. Функциональное время, образуемое реальным процессом, адекватно отражает объективно-реальное время и, как уже было сказано, не зависит от воли человека, его сознания» [14]. Кроме того, «объективно-реальное время называется нами функциональным в связи с тем, что как существование времени, так и все его свойства всецело зависят от изменений, происходящих в конкретных материальных объектах, в результате реализации содержащихся в них потенциальных возможностей и их взаимодействия с окружающей средой» [14] или, другими словами, «в объективной реальности время является функцией процесса, а не процесс – функцией времени, как принято считать в науке. Это дает возможность выхода к системно-функциональным концепциям в физиологии [17]. Таким образом, время не всеобщая форма бытия материи, а функция конкретных материальных объектов, процессов» [14].

Это значит, что если «теория оперирует понятием постулированного, придуманного человеком времени» [14], не отражающего особенности конкретных процессов, то не может быть никаких препятствий для создания другого понятия времени, содержанием которого являются именно *общие свойства конкретных процессов* (геологических, биологических, исторических и т.д.), – те самые, которые в свое время выделял В.И. Вернадский как несводимые к механическим и линейным формам времени и которые являются предметом изучения современных исследователей. И тот факт, что эти свойства, как и само понятие функционального времени, плохо увязываются со временем теоретической физики, не имеет с точки зрения философии и научной методологии никакого значения, если это понятие отражает и обобщает эмпирические результаты практических исследований соответствующих процессов.

Эта концепция позволяет существенно изменить представление о месте и роли в науке понятия познающего субъекта (представленного в физике как «наблюдатель»), расширив его, за счет его самоопределения, через понятие «познавательной позиции».

Вывод. Современный кризис науки, прежде всего – физики, потеря ею привилегированного положения в обществе, создают условия и для пересмотра ее монополии на научную истину и методологические нормы исследования. Это касается и представлений о времени: каждая наука сотни лет вырабатывала специфическую идею предмета своего исследования, но

последние сто лет возникла тенденция теоретической редукции этой специфики к абстрактным формам представления, то есть – к ее уничтожению. Современная ситуация требует ее восстановления; синтез наук должен идти не через теорию, а через практику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аристов В.В. «Время» и «жизнь»: особенности реляционного статистического подхода к описанию и кинетическая модель для рассмотрения свойств биологических систем / *temporology.bio.msu.ru/journal/articles/aristov/aristov.html*.
2. Аронов Р.А., Терентьев В.В. Существуют ли нефизические формы пространства и времени? // Вопросы философии. – 1988. – № 1.
3. Аршавский И.А. Проблема времени живого и связанные с нею проблемы развития – индивидуального и филогенетического / *www.chronos.msu.ru/journal/files/archive/2004/01/article_02.pdf*.
4. Владимирский Б.М. Собственное время и информационные процессы в нервной системе / *www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/.../vladimirsky_sobstvennoe.pdf*.
5. Гулярян А.Б. Информационная природа времени / *www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS / gulyar-yan_informatsionnaya.htm*.
6. Детлаф Т.А. Часы для изучения временных закономерностей развития животных / *pskgu.ru/ebooks/albio/albio_01_04.pdf*.
7. Жданов Ю.А. Узловое понятие теоретической химии / Жданов Ю.А. Избранное. В 3 т. Т. 1. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.
8. Загускин С.Л. Управление собственным временем биосистем // Феномен и ноумен времени. Том 1 (1), 2004.
9. Игамбердиев А.У. О логическом анализе становления и времени в биологии / *www.chronos.msu.ru/old/journal/archive/2004/01/article_07.html*.
10. Клеопов Д.А. Изучение феномена времени как основа междисциплинарного диалога / *www.chronos.msu.ru/old/journal/files/.../02/4_kleopov_izuchenie.pdf*
11. Левич А.П. Время – субстанция или реляция?.. Отказ от противопоставления концепций / Философские исследования. – 1998. – № 1.
12. Левич А.П. Мотивы и задачи изучения времени / Конструкции времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени. – М., 1996.
13. Левич А.П. Чего мы ждем от изучения времени / *http://bibl.nashauche-ba.ru/*; Левич А.П. Природные референты течения времени. Становление как изменение количества субстанции / *http://bibl.nashaucheba.ru/v5584/левич_а.п._природные_референты_течения_времени._становление_как_изменение_количества_субстанции*.
14. Лолаев Т.П. Время функциональной концепции – адекватное отражение времени объективной реальности / *http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/vremya_i_kultura/lolayev_vremya_funk.htm*.
15. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм. (К дискуссиям в современной эпистемологии). – М.: ИФРАН, 2004.
16. Соловьев Ю.И., Курашов В.И. Химия на перекрестке наук. Исторический процесс развития взаимодействия естественнонаучных знаний. – М.: Наука, 1989.
17. Субботин А.И. Генезис функционального подхода в науках о сознании / Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Материалы международной научно-практической конференции (15-16 октября 2009 г.). – Иваново: Иваново, 2010.
18. Черемных Н.М. Философские проблемы современной химии / Философия естественных наук / Под ред. С.А. Лебедева. – М.: Академический проект, 2006.
19. Шихобалов Л.С. Время: субстанция или реляция?.. Нет ответа // Вестник Санкт-Петербургского отделения Российской Академии естественных наук. – 1997. – № 1 (4).

REFERENCES

1. Aristov V.V. «Vremya» i «zhizn'»: osobennosti relyacionnogo statisticheskogo podhoda k opisaniyu i kineticheskaya model' dlya rassmotreniya svojstv biologicheskikh sistem, Available at :temporology.bio.msu.ru/journal/articles/aristov/aristov.html.
2. Aronov R.A., Terent'ev V.V. Sushchestvuyut li nefizicheskie formy pro-stranstva i vremeni? *Voprosy filosofii*, 1988, № 1
3. Arshavskij I.A. Problema vremeni zhivogo i svyazannye s neyu problemy razvitiya - individual'nogo i filogeneticheskogo. Available at: *www.chronos.msu.ru/journal/files/archive/2004/01/article_02.pdf*.
4. Vladimirskij B.M. Sobstvennoe vremya i informacionnye processy v nervnoj sisteme Available at : *www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/.../vladimirsky_sobstvennoe.pdf*.
5. Gulyar-yan A.B. Informacionnaya priroda vremeni Available at: *www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS / gulyar-yan_informatsionnaya.htm*.
6. Detlaf T.A. CHasy dlya izucheniya vremennyh zakonemernostej razvitiya zhivotnyh / *pskgu.ru/ebooks/albio/albio_01_04.pdf*.
7. Zhdanov Y.A. Uzlovoe ponyatie teoreticheskoy himii/ Zhdanov YU.A. Iz-brannoe. V 3 t. T. 1. Rostov n/D: Izd-vo SKNC VSH YUFU, 2009.. (in Russ.)
8. Zaguskin S.L. Upravlenie sobstvennym vremenem biosistem. Fenomen i noumen vremeni. Tom 1 (1), 2004.

9. *Igamberdiev A.U.* O logicheskom analize stanovleniya i vremeni v biologii. Available at :www.chronos.msu.ru/old/journal/archive/2004/01/article_07.html.
10. *Kleopov D.A.* Izuchenie fenomena vremeni kak osnova mezhdisciplinarnogo dialoga. Available at : www.chronos.msu.ru/old/journal/files/.../02/4_kleopov_izuchenie.pdf
11. *Levich A.P.* Vremya – substanciya ili relyaciya?.. Otkaz ot protivopostavleniya koncepcij. *Filosofskie issledovaniya*, 1998, №1. (in Russ.)
12. *Levich A.P.* Motivy i zadachi izucheniya vremeni. Konstrukcii vremeni v estestvoznanii: na puti k ponimaniyu fenomena vremeni. *Moskva*, 1996. (in Russ.)
13. *Levich A.P.* CHego my zhdem ot izucheniya vremeni. Available at :<http://bibl.nashauche-ba.ru/>; *Levich A.P.* Prirodnye referenty techeniya vremeni. Stanovlenie kak izmenenie kolichestva substancii. Available at: :[/http://bibl.nashaucheba.ru/v5584/levich_a.p._prirodnye_referenty_techeniya_vremeni._stanovlenie_kak_izmenenie_kolichestva_substancii](http://bibl.nashaucheba.ru/v5584/levich_a.p._prirodnye_referenty_techeniya_vremeni._stanovlenie_kak_izmenenie_kolichestva_substancii).
14. *Lolaev T.P.* Vremya funkcional'noj koncepcii – adekvatnoe otrazhenie vremeni ob"ektivnoj real'nosti, Available at: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/vremya_i_kultura/lolayev_vremya_funk.htm.
15. *Mamchur E.A.* Ob"ektivnost' nauki i relyativizm. (K diskussiyam v sovremennoj ehpiistemologii). *Moskva, IFRAN*, 2004.
16. *Solov'ev Y.I., Kurashov V.I.* Himiya na perekrestke nauk. Istoricheskij process razvitiya vzaimodejstviya estestvennonauchnyh znanij. *Moskva: Nauka*, 1989. (in Russ.)
17. *Subbotin A.I.* Genezis funkcional'nogo podhoda v naukah o soznanii. Aktual'nye problemy sovremennoj kognitivnoj nauki. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (15-16 oktyabrya 2009 goda). *Ivanovo: OAO «Izdvo «Ivanovo»*, 2010. (in Russ.)
18. *Cheremnyh N.M.* Filosofskie problemy sovremennoj himii. Filosofiya estestvennyh nauk. Pod red. S. A. Lebedeva. *Moskva: Akademicheskij proekt*, 2006. (in Russ.)
19. *Shihobalov L.S.* Vremya: substanciya ili relyaciya?.. Net otveta. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Rossijskoj Akademii estestvennyh nauk*. 1997. no 1 (4). (in Russ.)

Информация об авторе

Моуравов Алан Лазаревич, соискатель, директор государственного автономного профессионального образовательного учреждения "Северо-Кавказский аграрно-технологический колледж", Республика Северная Осетия-Алания, г.Ардон, ул. Хоранова, 2, Россия
mouravi-alan@mail.ru

Получена: 15.08.2015

Information about the author

Mowravov Alan Lazarevich, Candidate for an Academic Degree, Director of the State-funded Independent Vocational Training Institution Northern Caucasian College of Farming Technologies, 2 Khoranov Str., Ardon town,(Republic of Northern Osetya-Alanya), Russia
mouravi-alan@mail.ru

Received: 15.08.2015

УДК 343.132

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-170-172

ПЕТРИКИНА Анна Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и процесса

PETRIKINA Anna Aleksandrovna,
Candidate of Juridical Sciences, Associate Pro-
fessor, Chair of Criminal law and Procedure

СОЦИАЛЬНАЯ И ПРАВОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЦИФРОВЫХ СРЕДСТВ ФИКСАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

SOCIAL AND LEGAL SIGNIFICANCE OF DIGITAL MEANS FOR RECORDING INFORMATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Работа посвящена одной из актуальных тем – социальной и правовой значимости цифровых средств фиксации информации в уголовном процессе. Современное общество невозможно представить без цифровых носителей информации. О пользе и вреде данного способа фиксации в СМИ и научном сообществе идут ожесточенные дискуссии. Подавляющее большинство приемов использования фото- и видеосъемки в российском судопроизводстве закреплены в законодательстве и применяются в следственной практике, экспертной и оперативно-розыскной деятельности. Применение технических средств фиксации при производстве следственных действий служит доказательством. Они признаются допустимыми при условии соблюдения установленной законом процедуры производства следственных действий, для фиксации хода и результатов которых применяются технические средства. В последнее время динамичное развитие этой сферы сталкивается с проблемами правового регулирования.

The article is devoted to the actual topic – social and legal significance of digital media for recording information in criminal proceedings. Modern society is impossible without digital media. There are strong debates in mass media and scientific community regarding the benefits and dangers of this method of fixation. The majority of methods using photo- and video-shooting in legal proceedings in Russia is stipulated in legislation and applied in investigative practices, expertise and operational investigations. The use of technical means of fixation during the investigative actions serves as evidence. It is recognized as admissible in case of its compliance with the statutory procedures of investigation actions for fixation of which are used technical means. In recent times, the dynamic development of this sector is facing problems of legal regulation.

Ключевые слова: общественная значимость, средства фиксации, следственные действия, допустимость доказательств, цифровая видеозапись, специалист, эксперт.

Key words: social significance, fixation means, investigations, admissibility of evidence, digital video, specialist, expert.

Современное общество невозможно представить без цифровых носителей информации. О пользе и вреде данного способа фиксации в СМИ и научном сообществе идут ожесточенные дискуссии.

Сегодня уже никого не удивит тот факт, что информация о фиксируемых объектах получает отражение и хранится в электронно-цифровой форме, в форме электронного документа. Социальная значимость цифровых средств фиксации информации состоит:

- в доступности;
- мобильности;
- эффективности.

Для первого аспекта ключевыми моментами будут выступать недорогая стоимость и достаточные объемы производства средств фиксации информации. Причем технические возможности улучшаются из года в год.

Второй аспект радует небольшими размерами цифровой и компьютерной техники, бесперебойностью работы даже в отдаленных и труднодоступных местах.

Третий аспект неизменно выражается в скорости выполнения различных трудовых, производственных, бытовых функций, улучшении качества жизни (доступность медицины, образования, обращения в различные органы власти).

Электронный документ, подписанный усиленной электронной подписью, признается равнозначным документу на бумажном носителе [1], подписанному собственноручной подписью, а также документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью и заверенному печатью. Все это напрямую предусмотрено Федеральным законом от 06.04.2011 №63-ФЗ «Об электронной подписи» [2].

В следственной практике используются различные виды цифровой фото-, видео- и аудиоаппаратуры и компьютерной техники, как правило, импортного производства, обеспечивающие высокое качество фиксации и достоверность полученных с их применением результатов [3].

В соответствии со ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Допустимость доказательств, полученных при производстве следственных действий с применением технических средств, обеспечивается соблюдением процедуры производства данных следственных действий [4, с. 13-14].

Итог применения технических средств фиксации при производстве следственных действий – доказательства. Они признаются допустимыми при условии соблюдения установленной

законом процедуры производства следственных действий, для фиксации хода и результатов которых применяются технические средства.

Положения ч. 6 ст. 164 УПК РФ закрепляют возможность применения в ходе следственных действий цифровых средств фиксации аудиовизуальной информации. Применение одноразовых дисков формата CD-R, CD-RW, DVD-R, являющихся носителями компьютерной информации, регламентировано в ч. 8 ст. 166 УПК РФ, где устанавливается, что к протоколу следственного действия могут прилагаться носители компьютерной информации. Об эффективности с точки зрения процессуальной экономии применения таких технических средств спорить не приходится [5, с. 8]. Это во многом способствует и развитию ведения криминалистических учетов.

При фотографировании традиционными фотокамерами к протоколу следственного действия в обязательном порядке прилагаются негативы (фото пленки), с которых печатались фотографии.

В большинстве моделей цифровых фотокамер информация записывается на флэш-карты, карты памяти, использование которых в качестве исходного носителя информации невозможно в силу ряда причин, а именно: файлы фотоизображений, находящихся на карте памяти, можно перезаписать, удалить, в них можно внести изменения путем редактирования в компьютерных программах-редакторах.

Использование цифровых фотокамер с флэш-картами допустимо, если речь идет о портативных многофункциональных рекордерах (например, DVD-рекордер Sony DVDirect), укомплектованных как устройством для чтения флэш-карт, так и устройством для записи дисков формата CD-R, CD-RW, DVD-R. Данные портативные устройства позволяют копировать содержимое карт памяти цифровых фотоаппаратов на одноразовые диски CD-R без компьютера, поэтому изменение или искажение файлов фотоизображений в процессе копирования технически невозможно.

Правовые особенности использования результатов видеозаписи в состязательном процессе доказывания (вероятность выдвижения версий о монтаже фильма, отдельной записи изображения и звука и т.п.) диктуют выбор видеокамер с цифровой записью аудио- и видеoinформации на одноразовые 8 см диски формата DVD-R. В настоящее время такие DVD- видеокамеры имеются в продаже (цифровые видеокамеры фирм Hitachi, Sony, Panasonic и т.д.).

Видеозапись на одноразовый 8 см диск DVD-R, после его удостоверения участниками следственного действия, производится по обычному алгоритму с приложением по завершении съемки диска к протоколу.

Видеофильм, записанный на одноразовый диск DVD-R, не поддается монтажу и изменениям, что позволяет рассматривать информацию, зафиксированную на таком носителе, как доказательство и упрощает последующее ее использование в процессе доказывания по уголовному делу. Использование подобного рода возможностей актуально в случае производства следственного действия в соответствии ч. 3 ст. 170 УПК РФ без участия понятых. На сохранность записанной информации не влияют магнитные и электромагнитные поля.

Для решения специальных вопросов, связанных с применением дисковых носителей цифровой видеoinформации по конкретным делам, назначается судебная видеофонографическая и компьютерная экспертизы.

Особенности использования компьютерных технологий при фиксации информации на цифровых носителях учитывают с помощью эксперта компьютерной экспертизы в рамках его компетенции.

На разрешение обычно выносят следующие вопросы:

- Является ли представленное изображение рисованным, фотографическим или видеозаписью?
- Содержит ли фотоизображение (видеозапись) следы монтажа?
- Каковы обстоятельства создания файлов, содержащих данные изображения, и самих изображений?

Компьютерная экспертиза проводится в целях получения доказательств по уголовным делам, устанавливаемых на основе изучения закономерностей функционирования информации в средствах вычислительной техники. В качестве объектов, представляемых на экспертизу, выступают как отдельные технические средства и функциональные устройства систем обработки информации, так и различные системы обработки информации в целом. Причем перечень таких объектов постоянно расширяется.

Доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Допустимость доказательств, полученных при производстве следственных действий с при-

менением технических средств, обеспечивается соблюдением процедуры производства следственных действий.

В целях признания результатов фиксации следственных действий фото-, видео- и аудиоаппаратуры и компьютерной техники допустимыми и достоверными доказательствами необходимо создать межведомственную инструкцию, закрепляющую характеристики технических средств и условия их использования.

Рассмотренный способ фиксации информации имеет не последнее значение – дает возможность людям беспрепятственно обращаться в различные органы государственной и муниципальной власти, позволяет фиксировать информацию, которая в последующем может иметь доказательственное значение. Однако нельзя не отметить слабую правовую регламентацию использования цифровых средств фиксации информации в нормативных правовых актах РФ. Разрешить во многом проблему помогла бы законодательная регламентация цифровых средств фиксации информации в отраслевых законодательных актах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. (Ч. 1) – С. 4921.
2. «Об электронной цифровой подписи» Федеральный закон от 10 января 2002 г. N 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 2. – С. 127.
3. Реализация процессуального статуса специалиста на стадии предварительного расследования / Бородин Т.Н. – М.: Юрлитинформ, 2009.
4. Галимханов А.Б. Отдельные аспекты назначения и производства экспертизы в уголовном процессе // Эксперт-криминалист. – 2011. – № 3. – С. 13-14.
5. Петрухина А.Н. Достоверность результатов экспертного исследования в уголовном процессе // Адвокатская практика. – 2012. – № 2. – С. 8.

REFERENCES

1. Criminal procedure code of the Russian Federation of 18 December 2001, № 174-FZ (as amended. and DOP.) [Ugolovno processualniy kodex Rossiyskoy Federacii] // Sbornie zakonodatelstva Rossiyskoy Federacii – Collected legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52. (Part 1) P. 4921. (inRuss.).
2. "On electronic digital signature" [Ob elektronnoy cifrovoy podpisii] Federal law of 10 January 2002 N 1-FZ // Sbornie zakonodatelstva Rossiyskoy Federacii – Collected legislation of the Russian Federation. 2002. No. 2. P. 127. (inRuss.).
3. The implementation of the procedural status of a specialist at the stage of preliminary investigation [Realizatsiya processualnogo statusa specialist na stadii predvaritelnogo rassledovaniya] / Borodkin T.N. Moscow: Writeport, 2009. (inRuss.).
4. Galimkhanov A.B. Some aspects of the appointment and manufacturing expertise in the criminal process [Dostovernost rezultatov ekspertnogo issledovaniya v ugovnom processe] // Ekspert-kriminalist – Expert-criminalist. 2011. No. 3. P. 13-14. (inRuss.).
5. Petrukina A.N. The reliability of the results of expert research in the criminal process [Otdelnye aspekty naznacheniya i proizvodstva ekspertizi v ugovnom processe] // Advokatskaya praktika – Law practice. 2012. No. 2. P. 8. (inRuss.).

Информация об авторе

Петрикина Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления им. К.В. Россинского», Краснодар, Россия
annapetrikina@yandex.ru

Получена: 16.09.2016

Information about the author

Petrikina Anna Aleksandrovna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Chair of Criminal law and Procedure, Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Rossinsky, Krasnodar city, Russian
annapetrikina@yandex.ru

Received: 16.09.2016

УДК 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-173-178

PODGÓRECKI Józef.

Full professor in Opole University, Social Communication
Cathedra.

PODGÓRECKI Józef

профессор, Кафедра Социальных Коммуникаций
Опольского университета, Польша;

ROPSKI Janusz

ROPSKI Janusz

COMMUNICATIVE COMPETENCE

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

The paper presents the most significant factors that influence interpersonal and group communication in multicultural environment in education. It highlights main theories of intercultural communication and its effectiveness as well as ones which deal with coping with conflicts in the intercultural environment. In contemporary times, which require working in multicultural environment, communicative skills become more and more important. In teachers' work cultural awareness and being open-minded about differences between nations and cultures are essential. These skills are especially important while there is a need to avoid or overcome problems, conflicts which may occur. The author shows the significance of these factors. The article closes with the recommendations and clues concerning effective intercultural communication.

В статье представлены наиболее значимые факторы, влияющие на межличностную и групповую коммуникации в мультикультурной среде в области образования. Это выдвигает на первый план основные теории межкультурной коммуникации и их эффективность, а также те, которые имеют дело с преодолением конфликтов в межкультурной среде. В наше время, которое требует активной работы в мультикультурной среде, коммуникативные навыки становятся все более и более важными. В учительской работе культурное осознание и открытое мышления бытия по поводу различий между народами и культурами имеют важное значение. Эти навыки особенно важны в то время, когда существует необходимость избежать или преодолеть проблемы, конфликты, которые могут возникнуть. Автор демонстрирует значение этих факторов. Статья завершается рекомендациями и некими подсказками, затрагивающими эффективность межкультурной коммуникации.

Key words: intercultural communication, education, conflict, culture, communication competence

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, образование, конфликт, культура, коммуникативная компетентность.

Communication is the basis of teacher's work – not only as a means of transferring information, but also as a way to cooperate with students, mutual understanding and positive influence when it comes to the upbringing. It is not easy to communicate effectively within environment set in one culture and even harder in the environment which is multicultural. However, there are many ways in which we can lower our fear triggered by this challenging situation and learn how to avoid conflicts and overcome problems that might occur. Not only can we expand our knowledge about the other cultures, but also develop our communication competence.

According to E. Hall – the father of the intercultural communication science – there is a direct relation between communication and culture. One of the main functions of discourse is to create meaning. People obtain meanings from culture and the meanings are created through discourse. The production and reception of meaning between members of society or group is one of the main objectives of culture. People learn meanings while participating in discourse. "By saying that two people belong to the same culture we mean that they interpret the world in more or less the same way and are able to express their feelings and emotions intelligibly for themselves".¹ [1. Hall E.T., *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*, Sage, London 1997, p. 6; after: Griffin E., *Podstawy komunikacji społecznej*, GWP, Gdańsk 2003, p. 370] Different cultures use different meanings and symbols. According to researchers E. Sapir and B. Whorf the world is perceived through the language structures that serve to express it. In consequence, there are differences in perceiving the world by users of different languages.² [2. Szopski M., *Komunikowanie międzykulturowe*, WSiP, Warszawa 2005, p. 88.] Considering the fact that culture influence our way of perceiving world, cultural context of communication may be a source of barriers in communication.³ [3. Nęcki Z. *Komunikacja międzyludzka*, Wyd. Antykwa, Kraków 2000, p. 97.] In order to communicate effectively with members of other cultures we have to increase our cultural awareness and open to new meanings and symbols.

Meaning is conveyed not only through words and verbal communication, but first and foremost by non-verbal communication. Hall points out that full communication act comprises verbal input and

¹ Hall E.T., *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*, Sage, London 1997, p. 6; after: Griffin E., *Podstawy komunikacji społecznej*, GWP, Gdańsk 2003, p. 370

² Szopski M., *Komunikowanie międzykulturowe*, WSiP, Warszawa 2005, p. 88.

³ Nęcki Z. *Komunikacja międzyludzka*, Wyd. Antykwa, Kraków 2000, p. 97.

such non-verbal communication elements as: kinesics (body language), proxemics (distances and spatial relations between people), chronemics (aspect of time), haptics (the sense of touch), eye contact or paralanguage (vocal aspect). This non-verbal aspect of communication is deeply set in culture. It is culturally determined and should be decoded against the background of particular culture. The chance of congruent decoding non-verbal cues decrease with the increase of intercultural distance.¹ [4. Hall E.T., *Poza kultura*, PWN, Warszawa 2001, p. 78-80.] Consequently, it is necessary to know and understand culture of our interlocutor to be able to decode his message accurately and correctly.

According to Hall, there are two categories of cultures in terms of touch: contact and non-contact cultures. People from contact cultures tend to exchange the touch more often, keep proximate distance and eye contact, use relatively loud tone of voice. They are: Arabs, Southern Americans, Southern Europeans (e.g. Spain, Italy). Non-contact cultures are characterized by rare touching, remote distance, rare eye contact, lower voice. These are Northern Europeans, inhabitants of Indian Peninsula and East Asia.² [5. Hall E.T., *Ukryty wymiar*, PIW, Warszawa 1976, p. 99-100.]

Taking these factors into consideration would surely help teachers to avoid possible misunderstandings and conflicts during their work with students. Cultural science, anthropology and other social sciences provide many interesting clues for us in order to increase our cultural awareness and open-mindedness in the intercultural communication. There are several dimensions of cultures, presented by some researchers and practitioners specialized in international and intercultural relations.

Firstly, in order to communicate intelligibly with representatives of other cultures the aspect of context should be taken into consideration. The distinction between culture of high context and low context cultures is widely known and quoted in the intercultural communication science. The code, the context and the meaning are all aspects of communication act. Some cultures are more dependable on context than others. High context communication is characterized by the fact that most of the information is present in the physical context or is initialized in the person whereas low context one is when the most information is included in the explicit code.³ [6. Ibidem, p. 95.] The characteristics are presented in table no 1.

[Table 1.Characteristics of high context and low context cultures]

High context cultures are: Far East countries, Arab countries, Southern Europe, while low context cultures are: Northern Europe and Northern America. Central and Eastern Europe could be placed in the middle of high-low context continuum.⁴ [7 Szopski M., *op. cit.*, p. 90-91.]

The integral and crucial part of every culture are values. The main values of culture integrate society and set the most significant and desirable objectives and rules of behaviour. Consequently, they strongly influence the process of communication as well. Based on certain values, researchers give descriptions of cultures referring to some cultural aspects or factors.

Geert Hofstede distinguished five dimensions of culture which help to classify national cultures.

1. **Power Distance** – the extent to which less powerful members expect and accept unequal distribution of power. High Power Distance cultures usually have centralized control. Low power distance means greater equality and empowerment. Malaysia, Panama, and Guatemala are placed the highest in this dimension. The USA was 38th on the list of the countries.

2. **Individualism and Collectivism** – Individualism is an environment where the individual person and its rights are more significant than groups that they belong to. In a collective environment people belong to strong extended family or tribes. There are strong group loyalties. The USA was first in respect of the individualism; Australia and Great Britain followed USA.

3. **Masculinity and Femininity** – focuses on the degree to which traditional gender roles are set in culture; e.g., men are expected to be aggressive, competitive, whereas women are considered to be gentle, affectionate and home and family oriented. Femininity means that social roles of genders merge with each other. Japan was the first on the list, followed by Austria and Venezuela as the most masculine countries. The USA was 15th.

¹ Hall E.T., *Poza kultura*, PWN, Warszawa 2001, p. 78-80.

² Hall E.T., *Ukryty wymiar*, PIW, Warszawa 1976, p. 99-100.

³ Ibidem, p. 95.

⁴ Szopski M., *op. cit.*, p. 90-91.

4. **Uncertainty Avoidance** – defines how much a culture appreciate predictability. Cultures of high uncertainty avoidance have strong traditions and value formal, bureaucratic structures and rules. Greece was the first, followed by Portugal and Guatemala. The USA was 43rd.

5. **Long-term and Short-term Orientation** – the trait which focuses on extent to which the group invests for the future, is persevering and wait patiently for results. China was on the top of the list, Hong Kong and Taiwan followed. The USA was 17th.¹ [8. Hofstede G., Hofstede G. J., *Kultury i organizacje*, PWE, Warszawa 2007; Hofstede's study was based on the research conducted on managers working in IBM corporation departments in forty countries around the world.]

Florence Kluckhohn and Fred Strodtbeck distinguished six dimensions of cultures:

1. **The attitude to nature** – what people think about nature and what is their relationship with nature. Some people live in harmony with nature, fight for preserving it. However some people treat nature as their supplier.

2. **Mode of activity** – the primary mode of activity in a society. In some societies, who you are is more important than what you do. Other are action-oriented and what has been achieved accounts, not an ascribed status.

3. **Temporal orientation** – the importance of past, present or future. Some societies focus on the past and tradition, others concentrate on today, whereas others plan for the future.

4. **The nature of people** – the basic nature and beliefs about other people. Other people may be considered to be good, bad or be a mix of the two ideas. 'Good' means in the traditional way, being socially oriented. A 'bad' person is considered to be selfish. The perception of others have significant effect on how you respond to them as well as a person think about him- or herself.

5. **Duty towards others** – the obligation towards other people. To put it simply, some people support others, some just focus only on themselves.

6. **Privacy of space** – one approach claims that space is owned by individuals and privacy is very important. Meetings are held behind closed doors and are by invitation only. The other approach means open ownership, where people can go where they want, meetings are open to all eager to attend.² [9. Robbins S.P., *Zachowania w organizacji*, PWE, Warszawa 1998, p. 47-51.]

Identification of these dimensions is very useful as it enables us to perceive the culture not as a homogenous object but as a miscellaneous set of factors that influence people's behaviour, including communication. Owing to this way of perceiving culture, we avoid simplified and stereotypical attitude to people from other cultures. Consequently, the communication is more effective.

Furthermore, conscious interlocutor should take into consideration non-verbal aspect of communication as well. The most basic division is the one that distinguish two styles of communication: expressive and reserved. The style of non-verbal communication is also culture-dependent. The main characteristics are presented in table no 2.

[Table 2. Styles of non-verbal communication]

Extended experience leads to better communication not only in case of people from other cultures, but generally with people who are "strangers" to us, also from our culture. If we communicate with someone we do not know, we are uncertain about his/her behaviour, we cannot predict easily his/her actions, which leads to anxiety. According to the Gudykunst theory, this characteristic of meeting a stranger is valid in a multicultural and one-cultural environment alike. He distinguished the concepts of uncertainty and anxiety as two important factors influencing effective communication.

Anxiety and uncertainty depends on three factors: motivation, knowledge and skills of an individual. People tend to reduce their uncertainty and anxiety in contacts with strangers by using stereotypes and categorial thinking. However, it does not lead us to effective communication and can often end in misunderstandings. Better way to reduce our uncertainty and anxiety is to learn the interlocutor's values, customs etc. We can communicate in more mindful way as well. It can be characterised by openness to new perspectives, values, opinions, and willingness to create new

¹ Hofstede G., Hofstede G. J., *Kultury i organizacje*, PWE, Warszawa 2007; Hofstede's study was based on the research conducted on managers working in IBM corporation departments in forty countries around the world.

² Robbins S.P., *Zachowania w organizacji*, PWE, Warszawa 1998, p. 47-51.

concepts and categories.¹ [10. Gudykunst W. B., Kim. Y.Y., *Communicating with strangers: An approach to International Communication* [in:] *Mosty zamiast murów. O komunikowaniu się między ludźmi*, (red.) Stewart J., Wyd. PWN, Warszawa 2000, p. 526-537.] The more people communicate with strangers the more confident and self-assured they become.

According to William Howell we can distinguish four types of communication competence:

1. Unconscious incompetence,
2. Conscious incompetence,
3. Unconscious competence,
4. Conscious competence.

As the author points out, effective communication means minimizing misunderstandings, which is more likely to happen when we take a position of conscious competence. In our daily life, in our native culture we can use our unconscious competence and we usually cope with most of the communication challenges, because we know what to expect and we don't necessarily have to be very cautious.² [11. Howell W.S., *The emphatic communicator*, Wadsworth, Belmont 1982, p. 29-33, [after:] Griffin E., *op.cit.* p. 432.] However, in multicultural environment, we shouldn't expect that rules of our culture operate in other circumstances. Our competence, without proper awareness and open-mindedness may mislead us and cause a conflict.

Considering the fact that it is not possible to know and understand all possible diversity of cultures, it is advisable to practise some general communicative skills and qualities in order to avoid possible misunderstanding or conflicts. With certain attitude to the act of communication people are able to understand each other without prejudices and resentments.

First and foremost, a desirable quality is openness towards others. It includes being attentive to the state of our interlocutor and conscious of the context of communication. Moreover, we should have high ambiguity tolerance. In intercultural communication we cannot expect that every aspect of conversation is predictable and well known. People with low ambiguity tolerance may be insensitive to information which is contrary to his/her expectations and initial established convictions. Another important trait is empathy. Although it is an inborn ability, we can enhance it by trying to empathize and understand other people's situation and thoughts. Next characteristic is adaptation, which means adjusting to a new situation, conditions and people with whom we communicate. It excludes ethnocentric attitude, prejudices or conviction that own culture is better or superior. Respect and confidence is the best way to cooperative communication.³ [12. Szopski M., *op.cit.*, p. 138-139.]

Apart from competence mentioned above, there are also some useful rules in terms of perception. We can minimize mistakes in perceiving, interpreting and evaluating received information. Firstly, assume that there are differences till the moment that similarities occur. If we assume that other people differ from us, the possibility of making a mistake or misunderstanding decrease. Secondly, emphasise the describing rather than interpreting or evaluating when you communicate. The latter is strongly culture-dependent. Thirdly, use empathy. Make an attempt to recognize the values, experiences and attitude of your interlocutor. Finally, treat your interpretation as a working hypothesis. When you start to realize what is the meaning of the situation or a message in context, treat your impression not as a certainty, but as a hypothesis requiring confirmation.⁴ [13. Robbins S.P., *op.cit.*, p. 231.]

Considering reflections mentioned above, the conclusion is that communicative competence is not a simple, one-sided skill. It consists of cognitive, emotional as well as behavioural aspect. In order to communicate intelligibly and effectively teachers should extend and practise all elements of the communication competence. To avoid misunderstandings and possible conflicts, hurting students' feelings teachers are advised not only to extend their knowledge of other cultures and their values, norms or customs, but also how to increase and exercise their own communication awareness and conscious communication competence. In any case, *repetitio est mater studiorum*.

¹ Gudykunst W. B., Kim. Y.Y., *Communicating with strangers: An approach to International Communication* [in:] *Mosty zamiast murów. O komunikowaniu się między ludźmi*, (red.) Stewart J., Wyd. PWN, Warszawa 2000, p. 526-537.

² Howell W.S., *The emphatic communicator*, Wadsworth, Belmont 1982, p. 29-33, [after:] Griffin E., *op.cit.* p. 432.

³ Szopski M., *op.cit.*, p. 138-139.

⁴ Robbins S.P., *op.cit.*, p. 231.

HIGH CONTEXT CULTURE	LOW CONTEXT CULTURE
Less is verbally explicit, written or formally expressed, covert messages	Rule oriented, people act according to external rules, overt messages
More internalized understandings of what is communicated	More knowledge is public, external, and accessible
Knowledge is situational, relational	Knowledge is more often transferable
High commitment to long-term relationships	Low commitment to relationship.
High use of non-verbal elements; voice tone, facial expression, gestures, and eye movement	Message is carried more by words than by non-verbal means.
Decisions and activities focus around personal face-to-face relationships, often around an authoritative and competent person	Task-centered; activities focus around what needs to be done
One's identity is rooted in groups	One's identity is rooted in oneself and own achievements

Table 1. Characteristics of high context and low context cultures

Source: own study based on Hall E.T., *Poza kulturą*, PWN, Warszawa 2001, Hall E.T. *Bezgłośny język*, PIW, Warszawa 1987

NON-VERBAL SIGNS	EXPRESSIVE STYLE OF COMMUNICATION	RESERVED STYLE OF COMMUNICATION
Paralinguistic acts	Talking a lot Talking loudly Interrupting others Not accepting the silence	Talking little Talking quieter Interrupting regarded as a sign of bad manners Silence as a natural part of conversation
Proxemics	Small (20-30 cm)	Large (40-60 cm)
Gestures	Intensive A lot of gestures	Limited Not many gestures
Facial expression	Intensive	Limited
Haptics	Frequent, accepted	Rare, less accepted
Eye contact	Frequent, direct	Rare, avoiding looking in the eyes
Examples of countries	Roman European countries Other Mediterranean countries Latin-American countries	East Asian and South-East Asian countries Nordic and other European countries

Table 2. Styles of non-verbal communication

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Podgórecki J., Problemy socjalno i profesjonalno komunikacji. Komunikacyjna kultura predprynimatelia, Wydawnictwo: Izdatielstwo Rausch mbh, Tomsk 2009, ss. 214, ISBN 5-87307-082-2

Podgórecki J., Rerum Socialum Disquisitiones Russicae – Polonicae. VI [w:] Jerusalem and World, Wyd. American Concert Alliance, The South-Russian Culturological Society, The Humanities Center of the Krasnodar State, University of Culture and Arts, New York – Jerusalem – Krasnodar 2009, s. 72-85.

REFERENCES

- Hall E.T., *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*, Sage, London 1997, p. 6; after: Griffin E., *Podstawy komunikacji społecznej*, GWP, Gdańsk 2003, p. 370
- Szopski M., *Komunikowanie międzykulturowe*, WSiP, Warszawa 2005, p. 88.
- Nęcki Z. *Komunikacja międzyludzka*, Wyd. Antykwa, Kraków 2000, p. 97.
- Hall E.T., *Poza kulturą*, PWN, Warszawa 2001, p. 78-80.

5. Hall E.T., Ukryty wymiar, PIW, Warszawa 1976, p. 99-100.
6. Ibidem, p. 95.
7. Szopski M., op. cit., p. 90-91.
8. Hofstede G., Hofstede G. J., Kultury i organizacje, PWE, Warszawa 2007; Hofstede's study was based on the research conducted on managers working in IBM corporation departments in forty countries around the world.
9. Robbins S.P., Zachowania w organizacji, PWE, Warszawa 1998, p. 47-51.
10. Gudykunst W. B., Kim. Y.Y., Communicating with strangers: An approach to International Communication [in:] Mosty zamiast murów. O komunikowaniu się między ludźmi, (red.) Stewart J., Wyd. PWN, Warszawa 2000, p. 526-537.
11. Howell W.S., The emphatic communicator, Wadsworth, Belmont 1982, p. 29-33, [after:] Griffin E., op.cit.p. 432.
12. Szopski M., op.cit., p. 138-139.

Информация об авторе

Podgórecki Józef, профессор, Руководитель
Кафедры Социальных Коммуникаций
Опольского университета, Польша;
действительный член Академии
Педагогических и Социальных наук, Лауреат
международной премии ЮНЕСКО – Qol (Гали)
Ополе. Польша.
podgorecki@uni.opole.pl

Ropski Janusz,
Opole. Polska

Получено: 27.03.2015

Information about the author

Podgórecki Józef, Full Professor, Head of the
Chair of Social Communication at Opole
University, Poland; real member of the Academy
of Pedagogical and Social Sciences,
Laureat of international prize of UNESCO – Qol
Ghali,
Opole. Polska,
podgorecki@uni.opole.pl

Ropski Janusz,
Opole. Polska

Received: 27.03.2015

УДК 343.24

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-179-183

ПОДРОЙКИНА Инна Андреевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права

PODROYKINA Inna Andreevna,
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Chair of Criminal Law

К ВОПРОСУ О ПОСЛЕДСТВИЯХ УКЛОНЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

TO THE QUESTION ON THE CONSEQUENCES OF EVASION FROM SERVING THE CRIMINAL PUNISHMENT

В статье автором рассматриваются последствия уклонения от отбывания различных видов уголовных наказаний, входящих в перечень, предусмотренный ст. 44 УК РФ. При этом обращается внимание на непоследовательность законодателя при определении таких последствий, поскольку в одних случаях они вообще не предусматриваются, в других – говорится о замене более строгим видом наказания, а в третьих – устанавливается самостоятельная уголовная ответственность. В статье изучаются различные точки зрения относительно возможного решения обозначенной проблемы, дается их критический анализ. В заключении автор приводит аргументы, подтверждающие его вывод о необходимости установления самостоятельной уголовной ответственности за уклонение от отбывания любого наказания, причем независимо от того, назначено оно в качестве основного или дополнительного.

In the article the author considers the consequences of evasion from serving various kinds of criminal penalties included in the list referred to in article 44 of the criminal code of the Russian Federation. Attention is paid to the inconsistency of the legislator in determining such consequences, as in some cases they are not envisaged at all, in other cases it is said about the substitution with a more severe form of punishment, and third cases set independent criminal liability. The article considers different points of view related to possible solutions of these problems and gives their critical analysis. In conclusion, the author states arguments, confirming her conclusion about the necessity to establish an independent criminal liability for evasion of serving any penalty, regardless of whether it is scheduled as a primary or a supplemental penalty.

Ключевые слова: уголовное наказание, система наказаний, уклонение от отбывания наказания, последствия уклонения, уголовное законодательство, принцип справедливости, исполнение наказания, замена наказания, неисполнение приговора суда, уголовная ответственность, унификация уголовно-правовых норм.

Key words: criminal punishment, the penal system, evasion from serving the punishment, consequences of evasion, criminal law, principle of justice, execution of punishment, substitution of the punishment, the failure judgment of the court, criminal responsibility, harmonization of criminal law.

Современная система уголовных наказаний насчитывает 13 их видов. И даже с учетом того, что сегодня три вида наказаний (принудительные работы, арест и смертная казнь) не применяются, тем не менее, правоприменителю предоставлены достаточно широкие возможности для назначения справедливого наказания, которое соответствовало бы характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Вместе с тем более детальное изучение норм уголовного законодательства, а также судебной практики показало, что реализация принципа справедливости затруднена в связи с несовершенством правового регулирования последствий уклонения от отбывания уголовного наказания, что требует, по нашему мнению, определенной реакции как со стороны теоретиков, так и законодателя.

С учетом изложенного целью исследования является изучение норм уголовного законодательства в части регламентации последствий уклонения от отбывания наказания, различных точек зрения относительно возможных путей решения названной проблемы и выработка рекомендаций по совершенствованию уголовного закона.

Одним из наиболее важных этапов уголовно-правовой борьбы с преступностью является этап исполнения назначенного осужденному уголовного наказания. Без реального исполнения уголовного наказания невозможна не только реализация принципов уголовного права, в первую очередь принципа справедливости, но и целей, стоящих перед наказанием.

Как справедливо отмечает С.И. Иванова, надлежащая реализация назначенного приговором суда наказания – важнейшее условие обеспечения эффективной работы правоохранительного механизма. Наряду с процессуальными и организационными средствами, призванными гарантировать в точном соответствии с действующим законодательством своевременное исполнение наказания, немаловажное значение имеет четкое и логически последовательное уголовно-правовое регламентирование ответственности за уклонение, в том числе за злостное уклонение от отбывания назначенного наказания, поскольку в противном случае выносимые судами обвинительные приговоры могут превратиться в «пустое сотрясение воздуха» [1, с. 36].

Вместе с тем анализ уголовного законодательства свидетельствует об отсутствии единообразия при определении правовых последствий уклонения от отбывания уголовных наказаний. Так, в первую очередь, обращает на себя внимание тот факт, что по некоторым наказаниям такие последствия вообще не предусмотрены. Речь идет, в частности, об ограничении по военной службе, лишении права занимать определенные должности или заниматься опреде-

ленной деятельностью (об этом мы также писали ранее в своих работах [2, с. 246]; [3, с. 87]), лишении специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, аресте, содержании в дисциплинарной воинской части. Безусловно, такой вид наказания как лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград не предполагает уклонения от его отбывания, поскольку в соответствии со ст. 61 УИК суд, вынесший приговор о лишении осужденного специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, после вступления его в законную силу направляет копию приговора должностному лицу, присвоившему осужденному звание, классный чин или наградившему его государственной наградой. Должностное лицо в установленном порядке вносит в соответствующие документы запись о лишении осужденного специального, воинского или почетного звания, классного чина или государственных наград, а также принимает меры по лишению его прав и льгот, предусмотренных для лиц, имеющих соответствующие звание, чин или награды. То есть фактически осужденный не может уклониться от отбывания данного вида наказания, поэтому и последствия такого уклонения в уголовном законе не прописаны. Однако мы не можем сказать то же самое относительно иных перечисленных выше наказаний.

По некоторым наказаниям регламентация последствий уклонения такова, что осужденным более выгодно уклониться от отбывания наказания, чем его исполнить. На это, в частности, обращает внимание Р.Ф. Галиева: «Теоретически даже в случае, если исправительные работы будут определены на максимальный срок в два года, в соответствии с ч. 4 ст. 50 УК исправительные работы могут быть заменены на 8 месяцев лишения свободы Отбывать лишение свободы они будут в колонии-поселении, на них будет распространяться закон об условно-досрочном освобождении. Это значит, что они могут через четыре месяца быть освобождены в соответствии со ст. 79 УК» [4, с. 25]. Аналогичный вывод можно сделать и относительно обязательных работ, злостное уклонение от которых, с учетом требований ч. 3 ст. 49 УК, может повлечь максимум два месяца лишения свободы.

Регламентация последствий злостного уклонения от уплаты штрафа как уголовного наказания также вызывает множество вопросов. Например, правовые последствия злостного уклонения от уплаты штрафа разнятся в зависимости от способа исчисления штрафа.

Так, в соответствии с ч. 5 ст. 46 УК в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, за исключением случаев назначения штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, штраф заменяется иным наказанием, за исключением лишения свободы. В случае злостного уклонения от уплаты штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, назначенного в качестве основного наказания, штраф заменяется наказанием в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК. При этом назначенное наказание не может быть условным.

То есть в современной редакции ч. 5 ст. 46 УК при назначении штрафа в абсолютном денежном выражении или в размере заработной платы или иного дохода осужденного при злостном уклонении не допускается замена штрафа лишением свободы. Однако подобное решение законодателя вызывает обоснованную критику в литературе [5, с. 399]; [6, с. 25]; [7, с. 9]. Нам также неясна позиция законодателя в этом случае. Во-первых, допущение замены штрафа лишением свободы в случае злостного уклонения согласуется с зарубежным опытом (например, Германии, Франции, Швеции и др. стран, которые допускают замену штрафа лишением свободы в случае его неуплаты). Во-вторых, штраф – это единое наказание. Разные способы исчисления установлены лишь для того, чтобы обеспечить более дифференцированный подход к осужденному, в целях реализации принципа справедливости, для достижения максимальной эффективности штрафа как уголовного наказания. Как правило, одно наказание влечет одно последствие в случае злостного уклонения от его исполнения, поэтому разные правовые последствия при злостном уклонении в зависимости от способа исчисления штрафа нарушают правила законодательной техники. В-третьих, как показал анализ санкций статей Особенной части УК, штраф предусматривается, в том числе, и за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в то время как иные наказания, включенные в ст. 44 УК, либо не предусматриваются, либо предусматриваются в исключительных случаях (например, обязательные работы, исправительные работы). Соответственно, замена по таким категориям преступлений штрафа обязательными или исправительными работами будет нарушать принцип справедливости.

В ч. 5 ст. 46 УК определены только правовые последствия злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания. Вопрос относительно последствий злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания,

регламентируется уголовно-исполнительным законодательством. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 32 УИК в отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, судебный пристав-исполнитель производит взыскание штрафа в принудительном порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

Еще большее недоумение вызывает регламентация последствий злостного уклонения от ограничения свободы. Так, во-первых, это единственное наказание из перечня (кроме лишения свободы), которое влечет самостоятельную уголовную ответственность за злостное уклонение. Во-вторых, вопреки логике, самостоятельную уголовную ответственность, то есть более строгие последствия, влечет уклонение от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, – наказания, которое носит вспомогательный характер, в то время как злостное уклонение от ограничения свободы, назначенного в качестве основного наказания, влечет замену его лишением свободы из расчета 2:1.

Такое положение дел, по нашему мнению, не может быть оценено положительно и требует внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство. В литературе предлагаются разные пути решения обозначенной проблемы. Так, В. Филимонов считает, что в случае уклонения осужденного от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, имеются достаточные основания для замены неотбытого срока этого наказания на весь оставшийся срок более строгим видом наказания. Тем видом, который в настоящее время носит название «принудительные работы» [8, с. 46]. Ю.В. Бочкарева обосновывает целесообразность криминализации деяний по злостному уклонению от уплаты штрафа и от отбывания исправительных работ, как самостоятельных преступлений против правосудия, и введения в главу 31 УК двух новых статей соответствующего содержания (ст. 314.1, ст. 314.2 УК), предусматривающих уголовную ответственность за такого рода деяния [9, с. 10]. Однако ни с первой, ни со второй позицией мы не можем согласиться по двум причинам. Во-первых, это не ведет к единообразию при решении вопроса о последствиях злостного уклонения от отбывания уголовных наказаний, а, во-вторых, приводит к еще большему дроблению законодательного материала.

Некоторые авторы подходят более глобально к решению этой проблемы. Так, Д.С. Дядкин считает необходимым отменить правила замены наказания в случае злостного уклонения от его отбывания и установить уголовную ответственность за данное поведение, что, по его мнению, решит и проблему реагирования на факты злостного уклонения от наказаний в виде права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничения по военной службе, ареста, содержания в дисциплинарной воинской части, лишения свободы [10, с. 49]. Аналогичной позиции придерживаются и некоторые другие исследователи и предлагают расширить круг лиц, которые могут быть субъектами преступления, предусмотренного ст. 315 УК «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта». Соответственно, если в ст. 315 УК речь будет идти об общем субъекте, то лица, уклоняющиеся от исполнения наказания, также будут подпадать под действие названной статьи, а положения статей Общей части УК о порядке замены тех или иных наказаний в случае злостного уклонения можно будет исключить [11, с. 27]; [12, с. 98-99].

Безусловно, позиция названных авторов представляется нам заслуживающей внимания и поддержки. Применительно к исследуемой проблеме следует признать, что законодатель излишне дифференцирует возможные последствия злостного уклонения от отбывания наказания в зависимости от вида наказания, при этом, как было показано выше, нет четкой, единой, выдержанной концепции определения этих последствий. Нет единства и в подходе законодателя относительно признания (непризнания) преступным поведения лиц, не исполняющих приговор суда. Думается, что в данном случае позиция законодателя должна быть однозначной: неисполнение приговора суда является преступным, независимо от субъектного состава и независимо от вида наказания, поскольку в противном случае ставится под сомнение авторитет судебной власти.

Кроме того, мы считаем, что сегодня приоритетным направлением уголовной политики должна стать унификация уголовно-правовых норм и дальнейшее совершенствование уголовного закона соответственно должно осуществляться с целью обеспечения единообразия в правовом регулировании сходных либо совпадающих общественных отношений. И поэтому с учетом того, что в УК уже выделена статья 314, устанавливающая ответственность за уклонение от отбывания отдельных видов наказаний, в частности ограничения свободы и лишения свободы, думается, что именно она и может быть подвергнута редакционным изменениям. При этом мы считаем, что уголовная ответственность должна наступать именно за злостное уклонение от отбывания наказания, а также независимо от того, назначено оно в качестве основного либо в качестве дополнительного. Дифференцировать же ответственность в зависимости от вида

наказания можно в пределах санкции статьи. С учетом изложенного считаем возможным предложить законодателю название и ч. 1 ст. 314 УК изложить в следующей редакции:

«Статья 314. Злостное уклонение от отбывания наказания, а также от применения принудительных мер медицинского характера

1. Злостное уклонение лица от отбывания наказания (за исключением лишения свободы)».

И в заключение следует отметить, что поскольку привлечение к уголовной ответственности не предполагает отказ от исполнения первоначального наказания, то это может оказывать большее стимулирующее воздействие на осужденного по отбытию первоначально назначенного наказания. Окончательное же наказание может назначаться по правилам ст. 70 УК.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Иванова С.И.* Уклонение от отбывания уголовного наказания как преступление против правосудия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2005. – № 2. – С. 36-39.
2. *Подройкина И.А.* К вопросу о наказании в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2012. – № 4 (21). – С. 244-246.
3. *Подройкина И.А.* Ограничение по военной службе и принудительные работы: проблемы и перспективы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 9 (28). – С. 86-91.
4. *Галиева Р.Ф.* Правовое регулирование труда лиц, осужденных к исправительным работам // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2011. – № 2. – С. 20-25.
5. *Чернов А.Д.* Актуальные проблемы уголовного наказания. Дисс... д-ра юр. наук. – М., 2001. – 339 с.
6. *Дзигарь А.Л.* Уголовные наказания: эволюция и перспективы. Дисс... канд. юр. наук. – Краснодар, 2001. – 198 с.
7. *Скиба А.П.* Некоторые коллизии норм УК РФ, УИК РФ и УПК РФ при исполнении уголовного наказания в виде штрафа // Исполнительное право. – 2008. – № 4. – С. 8-10.
8. *Филимонов В.* Проблемы дифференциации видов наказаний, не связанных с лишением свободы и ответственности за уклонение от их отбывания // Уголовное право. – 2013. – № 2. – С. 42-46.
9. *Бочкарева Ю.В.* Проблемы совершенствования системы наказаний в уголовном законодательстве Российской Федерации. Дисс... канд. юр. наук. – Саратов, 2009. – 234 с.
10. *Дядькин Д.С.* К проблеме формализации системы наказаний // Российский следователь. – 2006. – № 8. – С. 46-49.
11. *Гонтарь Д.И., Гребенкин Ф.Б.* Уголовная ответственность за неисполнение приговора, решения суда или иного судебного акта // Уголовное право. – 2005. – № 3. – С. 24-27.
12. *Чередниченко Е.Е.* Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 192 с.

REFERENCES

1. *Ivanova S.I.* Evasion from serving of criminal punishment as a crime against justis [Uklonenie ot otbyvaniya ugovnogo nakazaniya kak prestuplenie protiv pravosudija] // *Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie*, 2005, no. 2, pp. 36-39. (in Russ.).
2. *Podroykina I.A.* To the question of the punishment of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities [K voprosu o nakazanii v vide lisheniya prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sja opredelenoj dejatel'nost'ju] // *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa*, 2012, no. 4 (21), pp. 244-246. (in Russ.).
3. *Podroykina I.A.* Restriction on military service and forced labour: problems and prospects [Ogranichenie po voennoj sluzhbe i prinuditel'nye raboty: problemy i perspektivy] // *Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 2012, no. 9 (28), pp. 86-91. (in Russ.).
4. *Galieva R.F.* Legal regulation of work of persons sentenced to correctional labor [Pravovoe regulirovanie truda lic, osuzhdennyh k ispravitel'nyh rabotam] // *Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie*, 2011, № 2, pp. 20-25. (in Russ.).
5. *Chernov A.D.* Actual problems of criminal punishment [Aktual'nye problemy ugovnogo nakazaniya]. *Diss... d.ju.n.*, Moskva, 2001, 339 p. (in Russ.).
6. *Dzigar' A.L.* Criminal penalties: evolution and prospects [Ugolovnye nakazaniya: jevoljucija i perspektivy]. *Diss... k.ju.n.*, Krasnodar, 2001, 198 p. (in Russ.).
7. *Skiba A.P.* Some conflicts of norms of the criminal code, the penal enforcement code and the criminal procedure code of the Russian Federation in the execution of criminal punishment in the form of a fine [Nekotorye kollizii norm UK RF, UIK RF i UPK RF pri ispolnenii ugovnogo nakazaniya v vide shtrafa] // *Ispolnitel'noe pravo*, 2008, no. 4, pp. 8-10. (in Russ.).
8. *Fillimonov V.* Problems of differentiation of types of punishment not involving deprivation of liberty, and responsibility for evasion from serving them [Problemy differenciacii vidov nakazaniy, ne svjazannyh s lisheniem svobody, i otvetstvennosti za uklonenie ot ih otbyvaniya] // *Ugolovnoe pravo*, 2013, no. 2, pp. 42-46. (in Russ.).

9. *Bochkareva Ju.V.* The problems of improving the system of punishments in the criminal legislation of the Russian Federation [Problemy sovershenstvovaniya sistemy nakazaniy v ugovnom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii]. *Diss... k.ju.n.*, Saratov, 2009. 234 p.
10. *Djad'kin D.S.* The problem of formalization of the system of penalties [K probleme formalizacii sistemy nakazaniy] // *Rossijskij sledovatel'*, 2006, no. 8. pp. 46-49.
11. *Gontar' D.I., Grebenkin F.B.* Criminal liability for non-execution of the sentence of a court decision or other judicial act [Ugolovnaja otvetstvennost' za neispolnenie prigovora, reshenija suda ili inogo sudebnogo akta] // *Ugolovnoe pravo*, 2005, no. 3. pp. 24-27. (in Russ.).
12. *Cherednichenko E.E.* Principles of criminal law: concept, system, problems of legislative regulation [Principy ugovnogo zakonodatel'stva: ponjatie, sistema, problemy zakonodatel'noj reglamentacii]. *Moskva: Volters Kluver*, 2007, 192 p.

Информация об авторе

Подройкина Инна Андреевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала Российской таможенной академии,
Ростов на Дону, Россия

Получена: 23.08.2015

Information about the author

Podroykina Inna Andreevna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Chair of Criminal Law, Rostov branch of the Russian Customs Academy,
Rostov na Donu city, Russian

Received: 23.08.2015

УДК 747

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-184-187

ПУСТОЗЕРОВА Олеся Владимировна,
доцент кафедры «Дизайн среды»

PUSTOZEROVA Olesya Vladimirovna,
Associate Professor, at the Chair of Environmental Design,

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ МИНЕРАЛОВ В ИНТЕРЬЕРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

PICTURESQUE EXPRESSIVENESS OF MINERALS APPLIED FOR THE INTERIOR' DESIGN

Во все времена интерьер был культурным кодом, в котором заключено, в той или иной степени, желание индивидуальности – вот главный стимул его развития. Вряд ли в будущем он изменит своему главному принципу – делать человека более индивидуальной личностью. Нашему времени ближе использование естественных материалов, выявление их красоты. Поэтому мода на Природный камень в интерьере никогда не исчезнет, всегда будет добавлять интерес к неординарному применению этого материала. И будет это мрамор или метеорит – зависит только от личной индивидуальности человека. Природный камень имеет уникальный рисунок, который получается при распиливании. Каждый камень является оригинальным продуктом природы, так как состоит из слишком большого числа слагаемых: природа, ветер, географическое положение, климат, следовательно, происхождение камня тоже играет важную роль. В каждом уникальном натуральном камне много линий, и все они тоже должны находиться в единственно возможном для них месте, создавать определенный ритм. Поэтому дизайнеру необходимо уметь чувствовать камень, его энергию, то есть дополнять интерьер правильным подбором материала.

The paper considered the interior that represented at all times a symbolic encoding of culture including, in a varying degree, desire for expressing one's self that stimulated development of that encoding. The interior is unlikely further to fail its guideline to enhance personal expression of an individual. Our time prefers using natural building materials with their beauty exposed to public. Therefore, such a vogue for placing natural stone in the interior will never be outdated, and unusual application of this material will always excite interest to. Be it marble or meteorite, depends only on one's personal option. Natural stone has a unique pattern revealed while splitting. Each stone is an original product of nature, as the pattern being composed by many factors of nature, namely wind, geographic location, climate, therefore, origins of any stone also play an important part in. Each natural stone is unique by a lot of lines/ layers; - they may be located in the only probable place for them, to create a certain figurative rhythm/ pace. Therefore, the designer should be able to be sensitive to the stone, to some energy it emanates, that means to supplement the interior with an appropriate selection of materials.

Ключевые слова: натуральный камень, уникальный, индивидуальность, применение, декоративный элемент, цвет.

Key words: natural stone, unique, one's self, application, picturesque element, colour.

Присутствие природного камня в интерьере трудно переоценить. Стеновая облицовка, напольные покрытия, лестницы из натурального камня, витражи и мозаика из декоративных пород камня наполняют интерьер глубоким смыслом, делают его неповторимым. Использование мозаичных картин и витражных композиций придает дизайну интерьера большую оригинальность и цветовой контраст.

Несмотря на сложность и трудоемкость работы с натуральным камнем, он остается неотъемлемой частью современного дизайна. Камень, как самый долговечный, прочный и эстетически привлекательный материал, будет популярен во все времена.

Сложно представить классический итальянский или восточный интерьер без применения натурального камня. Он идеально дополняет как классические сдержанные апартаменты, так и причудливое пространство, выполненное в современном стиле.

В природном камне, который используется для отделки помещений, важны такие показатели, как предел прочности, объемная масса, водопоглощение, пористость, твердость, истираемость, размягчаемость, растворимость, щелочестойкость.

Основными показателями декоративности камня является фактура его лицевой поверхности, цвет, рисунок, структура горной породы. Облицовочный камень в интерьере классифицируют по четырем основным признакам: обрабатываемость, происхождение, срок службы и декоративность.

По степени декоративности облицовочный камень можно разделить на высокодекоративный, декоративный, малодекоративный и недекоративный. Следует отметить, что до недавнего времени отделку пола чаще всего производили каменной плиткой со шлифованной или полированной поверхностью. В последнее время все большее распространение получают другие виды обработки. Фактурированные облицовочные элементы, препятствующие соскальзыванию обуви, могут быть успешно использованы при отделке входных групп, лестничных ступеней, аппарелей. Облицовка пола плиткой с заданным рельефом в зонах с наибольшей проходимостью позволяет скрывать дефекты, неизбежно возникающие в процессе длительной эксплуатации покрытия. Такие элементы облицовки в сочетании с полированной плиткой из природного камня позволяют организовывать необходимые функциональные зоны.

Современный интерьер кухни и ванной комнаты сложно представить без мозаичного покрытия полов или стен. Современная мозаика из натурального камня практически ничем не отличается от древней флорентийской или греческой. Сегодня мозаичные панно приобретают более причудливые формы, абстрактные сюжеты и ряд элементов современного оформления, таких как встроенная подсветка, затирка цементных швов различными цветами.

Художественный образ камней в современном интерьере можно трактовать следующими критериями:

- гармонией пространственно-планировочной композиции;
- колористическими решениями;
- композиционно-стилевыми контрастами;
- художественными элементами (мозаичными панно);
- скульптурными и декоративными предметами интерьера.

Камень, как твердый природный материал, обладает декоративностью и другими свойствами художественной выразительности. Академик А.Е. Ферсман справедливо называл камень незаменимым и вечным материалом [2], в котором воплощались достижения человеческого вдохновения.

В большинстве своем камень является поли- и мономинеральным элементом, обладающим различной твердостью, физическими свойствами и химическим составом. Природный камень редко бывает идеальным, поэтому, при создании декора его изъяны нередко используются в качестве средства выразительности.

Декоративный природный камень охватывает около 500 наименований натуральных камней, обладает целым рядом художественно-выразительных особенностей, в том числе цветом, блеском, рисунком, радужной игрой и различными оптическими эффектами, привлекающими взгляды. Для нашего исследования характерно, что при оценке природного камня как материала для создания современного дизайна на первый план выходят его декоративные особенности. Декоративность природного камня, благодаря профессиональному использованию его внутренних свойств, способствует созданию целостного гармоничного интерьерного образа. Камень берет на себя основную часть художественных и эстетических функций, а их восприятие проходит через осознание всего произведения в целом.

Взаимодействие натурального камня с окружающей средой – пространством, объемом, плоскостью, массой, форматом, цветом, текстурой – как материала для создания произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства в интерьерных пространствах имеет богатую традицию с классическими канонами. Художественно-выразительные особенности произведений и декора из природного камня включают такие понятия, как фактура, цвет и рисунок камня, способ его обработки и полученный от этого максимальный эффект, а также, композиционное и образное построение среды, включающее ее декоративное оформление. Важнейшим структурообразующим элементом, связанным с процессом создания и восприятия средового пространства в дизайне, является художественный образ. Представляя собой определенную знаковую систему, он передает мироощущение дизайнера и его восприятие окружающего мира.

Произведения и отделка интерьеров из натурального камня привлекают внимание, в первую очередь, благодаря уникальным природным свойствам материала, его красоте, цвету, рисунку, блеску. Материал в данном случае выполняет функцию эстетического удовлетворения зрителя [1] и в значительной мере определяет художественную образность в целом.

Свойства природного декоративного камня являются одним из важнейших компонентов художественного языка мастера [2]. Будучи одним из свойств художественного образа, форма предмета, как и интерьерного решения, в разные периоды истории под влиянием различных художественных стилей и национального своеобразия той или иной культуры обрела черты, свойственные конкретной эпохе. Так, благодаря резьбе и позолоте барокко, форма становилась более изысканной и причудливой, а в период классицизма – четкой и строгой.

Значительную роль в сложении художественного образа играет выразительность самого материала, в том числе наличие контрастных цветовых пятен на его поверхности, создающих необычный рисунок и особые эффекты.

Особенности природной окраски натурального камня использовали в своих произведениях высокопрофессиональные камнерезы рубежа XIX–XX вв. Уникальный природный рисунок образуется из сочетания примесей, зерен и включений различных минералов. Использование этого материала позволяет мастеру обогащать предмет целым рядом изобразительных и декоративных элементов, иногда довольно конкретных, но чаще – абстрактных. Так, наличие собственного неповторимого природного рисунка характерно для родонита и пестроцветных яшм.

Гармония цвета – основополагающее средство художественной выразительности, имеющее особое значение в произведениях, использующих сочетание различных видов декоратив-

ного камня. Такой прием применяется, когда необходимо выделить композиционный центр произведения. Как показало проведенное исследование, работа с природным декоративным камнем основана на точном знании художником индивидуальных свойств каждого камня – его фактуры, структуры, рисунка и окраски [3].

Один и тот же камень способен значительно изменить свой цвет в зависимости от выбранных мастером технических приемов обработки его поверхности. Наименее яркий и насыщенный цвет природный декоративный камень имеет в сколе, что характерно, прежде всего, для горных пород. Необычный пурпурный цвет, подобно знаменитому египетскому сургучному порфиру, обретает в полировке шокшинский кварцито-песчаник, или порфир. Отметим, что благородный темно-пурпурный цвет этот камень обретает лишь в полированном виде. В природном же сколе он имеет светлый, бежево-коричневый ненасыщенный цвет. Обусловлено это особенностями распределения света на разных фактурах поверхности камня. Интенсивность окраски полированной поверхности больше, поскольку луч света, падающий на нее, не рассеивается так, как на шлифованной поверхности, а равномерно отражается, в результате чего создается видимость равномерного темного коричнево-пурпурного цвета.

Считается, что фактура стенового покрытия имеет первостатейное значение по отношению к цвету. Металлический холод, гладь стекла, природный камень или шероховатость штукатурки бывают уместны и в классических, и в экстравагантных интерьерах. Описать все варианты фактур и цветовых решений натурального камня практически невозможно – технологически сегодня реализуется любая дизайнерская фантазия в камне.

Натуральный камень в отделке наиболее часто используется в помещениях большой площади. Если интерьер имеет единый объем – камень превосходно подойдет для выделения отдельных зон. Насыщенный рисунок натурального мрамора или гранита притягивает к себе внимание, создавая сложное колоритное пространство.

Сегодня очень популярны изделия из вулканического стекла – обсидиана. Комбинации каменных форм с различными металлами образуют уникальные произведения искусства.

Большую привлекательность в художественно-декоративных мозаичных и отделочных работах придает оникс, который визуальнo расширяет помещения ванных комнат, коридоров. Его часто используют в облицовке каминов, теплый глянцевый оттенок этого камня создает ощущение уюта и комфорта. Широкое применение в стеновых облицовочных работах имеет травертин. Он выигрышно смотрится с металлом, натуральным деревом и даже керамикой.

Большие декоративные возможности природного камня, разнообразие зрительных эффектов позволяют сделать его богатство цвета и фактур более привлекательными. Единственный недостаток – это вес натурального камня, что значительно увеличивает нагрузку на несущие конструкции. Используя камень в отделке, необходимо учитывать этот показатель.

Малахит, оникс и другие полудрагоценные камни – широко применяются в декоре отделочных помещений. Декоративные качества любого из них достойны отдельного описания. К примеру, оникс имеет светопроводящие качества, что позволяет сделать оригинальную подсветку. Ванны, изготовленные из оникса, имеют лечебные свойства. Камень обязывает к размеренному образу жизни, где нет тревог, суеты и переживаний, задавая стиль общей атрибутике всего дома. Очень хорошо гармонируют с ним металлические изделия, дерево и кованые элементы. Также великолепно его дополняют цветы и вода. Присутствие гранита или мрамора говорит о достатке и умеренном консерватизме хозяина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Базыма Б.А.* Психология цвета: теория и практика. – СПб.: Речь, 2005.
2. *Григорovich М.Б.* Декоративные камни и их применение в архитектуре и искусстве / Драгоценные и цветные камни. – М.: Наука, 1980.
3. *Разина Т.М.* О выразительных средствах в декоративно-прикладном искусстве / Система художественных выразительных средств в искусстве современных художественных промыслов / отв. ред. Н.В. Черкасова. – М.: Тип. ВНИИТЭМР, 1988.

REFERENCES

1. *Basima B.A.* The psychology of colour: theory and practice. *Sankt-Peterburg: Rech*, 2005.
2. *Grigorovich M.B.* Decorative stones and their application in architecture and art. *Precious and coloured stones. Moscow: Nauka*, 1980.
3. *Razina T.M.* About expressive means in the decorative and applied art. The system of artistic expressive means in the art of modern arts and crafts. *otv. red. N.V. Cherkasova. Moscow: VNIITEMR*, 1988.

Информация об авторе

Пустозерова Олеся Владимировна, доцент
кафедры «Дизайн среды» Московского Худо-
жественно-промышленного Института,
Москва, Россия
7446377@list.ru

Получена: 15.08.2015

Information about the author

Pustozeroval Olesya Vladimirovna, Associate
Professor, at the Chair of Environmental Design,
Moscow Arts & Crafts Institute,
Moscow city, Russia
7446377@list.ru

Received: 15.08.2015

УДК 316.45

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-188-193

РАЗОВ Павел Викторович,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, рекламы и связей с общественностью

RAZOV Pavel Viktorovich,
Candidate in Sociology, Associate Professor, Chair of Sociology, Advertising and Public Relations

**РИСКИ В СФЕРЕ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ
РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЗАПАСА В
КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ К
УСЛОВИЯМ ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ**

**RISKS FOR FAMILY LIFE OF RUSSIAN
RESERVE MILITARY SERVANTS IN THE
CONTEXT OF SOCIAL ADAPTATION TO
CIVILIAN LIFE**

В данной статье с позиций социологического анализа рассматриваются риски в семейной жизни военнослужащего, уволенного в запас, которые формируются под влиянием ряда факторов, имеющих как общие для российской семьи, находящейся в состоянии функциональной трансформации, основания, так и специфические, производные от характера ее становления и развития в условиях закрытой социально-профессиональной системы. В этой связи первостепенное значение приобретает социальная и психологическая поддержка семьи уволенного в запас военнослужащего, для которого сохранение семьи и стабильных семейных отношений становится такой же актуальной проблемой, как и профессиональная адаптация в новых социальных условиях. Специфика семьи военнослужащего заключается также в том, что она находится в прямой зависимости от государства и государственной политики, что определяет высокую важность государственного регулирования в сфере социальной адаптации военнослужащих и членов их семей. Автор показывает, что специфика семьи военнослужащего во многом обусловлена особенностями ее становления и развития, которые связаны с влиянием условий закрытой социальной системы, определяющей безальтернативное принятие ценностей и норм данной системы (военной среды) всеми членами семьи.

The article analyzes the risks for family life of military servants transferred into the reserve. The risks are influenced by a number of factors that have common foundations for Russian families in the context of their functional transformation as well as specific foundations depending on the nature of their formation and development within a close socio-professional system. In this regard, it is necessary to provide social and psychological support to the families of transferred to reserve servicemen, for whom preservation of the family and stable family relationships becomes a pressing problem, as well as professional adaptation to the new social conditions. Specificity of military servants' families is in the fact that they are directly dependent on the state and public policy, what determines the high importance of state regulation in the field of social adaptation of servicemen and their families. The author shows that the specificity of military families is largely due to the conditions of their formation and development, influenced by the close social system, which determines the uncontested acceptance of the values and norms of the system (the military environment) by all members of the family.

Ключевые слова: социальная адаптация, военнослужащий запаса, военная служба, семья, семья военнослужащего, гражданская жизнь.

Key words: social adaptation, reserve servicemen, military service, family, family of a military servicemen, civilian life.

Семья в жизни любого человека, независимо от его социального статуса и сферы профессиональной деятельности, играет значительную роль, но для военнослужащего семья имеет свое особое значение, да и сама семья военнослужащего имеет специфику, которая так же, как и специфика военнослужащих как социально-профессиональной группы, формируется под влиянием условий военной службы, накладывающих отпечаток на все стороны семейной жизни, на ее ролевую и функциональную специфику, уровень стабильности и т.д.

Заметим, что проблема социальной адаптации военнослужащих, уволенных в запас, традиционно исследуется с приставкой «и членов их семей», и это далеко не случайно, так как с увольнением военнослужащего с военной службы меняется не только его жизнь, но и жизнь всей семьи, до этого момента подчиненная условиям военной службы, а потому важно понимать, что адаптируется к гражданским условиям не только уволенный военнослужащий, но и члены его семьи, так же, как и он, проживавшие в условиях военной службы все то время, пока продолжалась военно-профессиональная деятельность военнослужащего. Именно поэтому и в законодательных актах, проектах, указах о социальной адаптации военнослужащих, уволенных с военной службы, всегда речь идет и о членах их семей, то есть военнослужащий и его семья – единое целое, подпадающее под действие закона о социальной защите и поддержке в процессе социальной адаптации в условиях гражданской жизни.

Успешность социальной адаптации определяется тем, насколько эффективно удалось интегрироваться в гражданские условия жизни всем членам семьи, а не ее отдельным представителям, хотя очевидно, что в наибольшей степени адаптированность семьи бывшего военнослужащего зависит от него самого, то есть от того, насколько удачно им реализованы его адаптационные ресурсы. Итак, от того, насколько успешно адаптируются в новых социальных условиях члены семьи военнослужащего, зависит уровень социальной адаптации всей семьи военнослужащего, уровень ее устойчивости, стабильности, комфортности отношений и т.д.

Ответив на два вопроса: почему семья играет особую роль для военнослужащего и в чем специфика семьи военнослужащего, мы сможем выйти на риски, которые формируются в семейной жизни уволенного в запас военнослужащего в процессе адаптации к условиям гражданской жизни.

Очевидно, что семья играет особую роль в жизни военнослужащего, для которого она в условиях повышенных нагрузок, стрессовых ситуаций выступает в роли среды, в которой военнослужащий «получает эмоциональную и моральную поддержку, компенсируя этим все трудности воинской службы» [1] и обеспечивая своего рода надежный тыл, укрепляющий обороноспособность государства [2, с. 128-130]. Однако этот «тыл» зачастую оказывается неустойчивым, и под тяжестью проблем, с которыми приходится сталкиваться семье военнослужащего, особенно в период активной воинской службы, зачастую сопровождающейся частой сменой жительства, материальной и жилищной неустроенностью, семьи военнослужащих распадаются. И.А. Козлова отмечает, что за последние десятилетия, связанные с реформированием армии и общероссийскими тенденциями изменения семейных ценностей и норм, в семейно-брачной сфере военнослужащих получили развитие негативные тенденции: увеличилось число разводов, растет число неполных семей военнослужащих, конфликтных семей, а также семей «гражданского» (официально незарегистрированного или сожительства) типа и в целом происходит падение престижа военной семьи [3, с. 3, 10], переживающей немалые трудности, а потому становящейся весьма хрупкой структурой.

Е.Е. Лаврова также замечает, что общие тенденции изменения семейных отношений и семейного строя в России в течение последних десятилетий повлияли на функционирование семьи военнослужащего [4, с. 34-36], и мы с этим полностью согласны. Что же происходит с современной семьей в России? Стоит обратиться к работам российских специалистов в области социологии семьи, которые, изучая на институциональном уровне процессы, происходящие в сфере семейно-брачных отношений российского общества, пришли к выводу о том, что институт семьи в современном российском обществе значительно изменил свой облик и характеризуется проявлением кризисных факторов в своем функционировании, связанных с трансформацией его функциональных оснований и форм организации семейной жизни, самым непосредственным образом сказавшихся на духовном и демографическом состоянии современного, в том числе российского, общества [5]. Речь идет о том, что в современной России активно разрушается традиционная семья, ценностно-нормативное пространство которой уже не соответствует современным общественным отношениям, характеризующимся либерализацией общественных и гендерных отношений, в результате чего на пути к демократизации общества модернизационным изменениям подвергается и сфера семейных ценностей и отношений.

Семья военнослужащего в течение всего своего жизненного цикла проходит испытание на прочность. Частые переезды делают сложным процесс профессиональной самореализации жены военнослужащего даже при ее большом желании, формируют бытовой дискомфорт, проблемы с воспитанием, обучением детей, также вынужденных менять круг общения, образовательные учреждения, и со всеми этими проблемами жена военнослужащего остается, как правило, один на один в силу сверхзанятости на военной службе мужа, который не может пожертвовать карьерой ради семьи, а потому, как пишет Е.А. Туринцева, в жертву приносится семья [6, с. 130].

По причине того, что семья военнослужащего функционирует в закрытой социальной системе, которой является военная организация, характеризующаяся жесткой иерархической структурой, режимом времени, работы, строгим нормативным набором элементов и их регламентацией, символическим пространством идентификации элементов системы, режимом самовоспроизводства за счет внутреннего функционирования и др. [7, с. 6], она сама становится элементом этой закрытой системы, через которую формируются преемственность поколений и передача ценностей воинской службы, а также ее традиций и ритуалов [8].

Несмотря на то, что семейно-брачные отношения в военной среде носят зачастую проблемный характер, семья военнослужащего была и остается одним из важнейших составных элементов, стабилизирующим институт Вооруженных Сил и делающим армейский организм крепким. В этом заключается сущность института семьи вообще, поскольку он обеспечивает воспроизводство человечества с его социокультурным и человеческим потенциалом, однако он, как остальные социальные институты, подвержен изменениям, которые в современных условиях отражают тенденции к дестабилизации социальных отношений, росту социальной неопределенности, рискогенности. Семья в современном обществе стремительно меняется, появляются и распространяются новые формы семейных отношений и типов семей, меняются функции семьи, содержание семейных ролей, выбор семейных стратегий. Все эти изменения коснулись и семьи военнослужащего, которая отличается от семьи в гражданском обществе тем, что ее интересы являются вторичными по отношению к интересам службы.

Более того, специфика семьи военнослужащего заключается также в том, что она находится в прямой зависимости от государства и государственной политики, что определяет высокую важность государственного регулирования в сфере социальной адаптации военнослужащих и членов их семей, особенно с учетом того, что эти семьи, по мнению исследователей, обладают большим конфликтным потенциалом в силу большого количества конфликтогенных ситуаций, с которыми они сталкиваются, и среди этих ситуаций Е.А. Туринцева выделяет следующие [9, с. 16]: ограниченный спектр возможностей для личностной и профессиональной самореализации каждого из членов семьи военнослужащего; проблемы жилищного характера и невысокий уровень материального благополучия; проблемы в области решения социально-бытовых проблем, связанные с низким уровнем кооперации и взаимопомощи в такой семье; дефицит взаимодействий семьи военнослужащего, по своей сути нуклеарной, с родственниками; ограниченность возможностей для проведения семейного досуга и разногласия по поводу оптимального режима проведения досуга между супругами; дистантный характер семьи как результат специфики военной службы; ревность, супружеская измена; высокая территориальная подвижность семьи, частая смена жительства и некоторые другие.

Конечно, в современном российском обществе с трудностями и конфликтными ситуациями сталкиваются не только семьи военнослужащих. Неустойчивость и конфликтность семейных отношений, заканчивающихся зачастую разводом, стали своеобразной характеристикой российской семьи, которая, по мнению российских исследователей, утратила свой потенциал солидарности и ей угрожают многочисленные риски, производные от материального неблагополучия российской семьи и экономической зависимости женщин, на которых, как и прежде, лежит двойная, а порой и тройная нагрузка (ведение домашнего хозяйства, воспитание детей и профессиональная деятельность) [10, с. 97-102].

Каждая семья, как отмечает Ж.Н. Дюльдина, формирует свой образ жизни, отличается своей уникальной семейной культурой, но тем не менее можно выделить ряд общих для развития семьи в России тенденций [11, с. 98-99]: особая роль родительства; основанием для создания и функционирования супружеского союза является любовь; открытость семейной системы, ее динамичность и неустойчивость – браки легко создаются и с такой же легкостью разрушаются; доминирующим типом семьи стал нуклеарный тип, то есть осуществился переход от расширенной модели семьи как доминантной к нуклеарной. Мы бы к этому обязательно добавили, что, несмотря на эти изменения в облике российской семьи, характерной для нее остается ситуация двойных стандартов как сохранение прежних традиционных устоев семейной жизни и специфики гендерных отношений, когда то, что позволено мужчинам и не порицается обществом, совершенно иначе, негативно оценивается в отношении женщин.

Иными словами, модернизация российской семьи идет как-то односторонне, как-то выборочно. Равенство полов также не принесло женщинам освобождения и не облегчило их участи, а в ряде случаев и усложнило положение женщин, для которых к домашним заботам добавились и производственные. Равноправного же распределения домашних функций для многих семей так и не произошло, и особенно это касается семей военнослужащих, в которых мужчина принимает минимальное участие в семейных делах, посвящая себя полностью службе Отечеству, что чрезвычайно важно для страны и соответствует должностным и этическим обязанностям военнослужащего, но мало утешает тех женщин, которые, не выдерживая тяжести семейного быта в условиях военной службы, принимают решение о разводе. И таких, увы, немало: около 26% семей военнослужащих балансируют на грани развода, то есть между супругами уже состоялся разговор по поводу таких перспектив дальнейшей семейной жизни, хотя большинство (около 60%) убеждены в том, что их семейные взаимоотношения имеют будущее [12]. При этом причины разводов в семьях военнослужащих ничем не отличаются от таковых в семьях гражданских членов общества: «желание создать другую семью, плохое обращение, насильственные действия со стороны мужа, супружеская измена, склонность к пьянству одного из партнеров, отсутствие детей» [13].

В исследовании И.А. Козловой, по результатам проведенного ею социологического опроса, отмечается, что семейную напряженность определяют преимущественно факторы внешнего характера, которые самым непосредственным образом сказываются на семейной жизни и удовлетворенности ею. Речь идет о том, что служба в армии, организация сферы досуга, медицинского обслуживания в регионе службы военнослужащего становятся источником семейной напряженности и противоречий [14, с. 19].

Если попытаться составить социальный портрет семьи военнослужащего, то можно сказать, что эта семья, как правило, не многодетная, а точнее – малодетная (преимущественно двое детей [15]), нуклеарная, зачастую дистантная, характеризующаяся наличием материаль-

ных, жилищных проблем, конфликтным потенциалом семейных отношений, а также проблем, связанных со здоровьем как военнослужащего, так и других членов семьи.

О.М. Луговая указывает на некий парадокс, связанный с тем, что семья военнослужащего по роду его деятельности и лет, отданных службе Отечеству, не должна относиться к уязвимым слоям населения, но именно так и происходит в современной России, и особенно тяжело приходится семьям увольняющихся со службы военнослужащих [16], перед которыми в один момент возникает масса проблем, начиная от трудоустройства, психологической адаптации к новой реальности и заканчивая жилищной проблемой, которая стоит перед многими семьями военнослужащих.

Надо заметить, что проблема трудоустройства в гражданских условиях стоит перед всеми членами российского общества [17], но перед членами семьи военнослужащего – наиболее остро, и, как показывают результаты социологического исследования, проведенного в Московской области среди уволенных военнослужащих, 33% (из 180 опрошенных) на момент опроса не работали вообще, 33% работали не по специальности и 34% – по специальности [18].

Нам представляется вполне здравой и целесообразной мысль Е.А. Туринцевой о том, что специализированными армейскими службами надо разрабатывать и реализовывать программы, направленные на повышение адаптивной способности и жен военнослужащих [19, с. 18], что поможет решить проблемы материального, психоэмоционального, профессионального и иного характера в процессе нахождения семьи в военной среде, а также облегчить процесс их социально-профессиональной адаптации в гражданских условиях, что также немаловажно и для адаптированности семьи военнослужащего и ее устойчивости.

Стоит обратиться к проблеме жилищного характера, которая, как полагает А.И. Смирнов [20, с. 30], берет на себя львиную долю трудностей, приходящихся на семьи бывших военных. Ситуация с обеспечением военнослужащих запаса жильем, как пишет В. Никонов [21], изменилась к лучшему за последние несколько лет, и количество нуждающихся в улучшении жилищных условий среди семей бывших военнослужащих уменьшилось почти в три раза. Думается, что Федеральный закон Российской Федерации от 20 апреля 2015 г. N 97-ФЗ «О внесении изменений в статью 23 Федерального закона "О статусе военнослужащих" и статью 15 Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации"» также сыграет свою положительную роль в области улучшения обеспечения жильем уволенных в запас военнослужащих, так как, согласно данному закону, военнослужащие, отслужившие 10 лет и более в российской армии и состоящие на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях в федеральном органе исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений или жилищной субсидии. Однако на данный момент жилищная проблема остается по-прежнему не решенной до конца и весьма болезненной для российских военнослужащих, уволенных в запас.

Итак, специфика семьи военнослужащего во многом обусловлена особенностями ее становления и развития, которые связаны с влиянием условий закрытой социальной системы, определяющей безальтернативное принятие ценностей и норм данной системы (военной среды) всеми членами семьи, находящимися в ситуации ограниченного выбора жизненных стратегий, а также тенденций трансформации института семьи и семейных отношений, что порождает двойственный процесс, при котором происходит сочетание ценностей традиционной модели семейных отношений с воспроизводством соответствующей статусно-ролевой структуры и современной модели семьи с ее акцентом на эгалитарных ценностях.

Очевидно, что семья военнослужащего после его увольнения в запас оказывается в зоне повышенного риска в силу указанных причин, свойственных для российской семьи в целом, а также трудностей, которые сопровождают процесс социальной адаптации этой семьи к условиям гражданской жизни. Соответственно, от того, насколько эффективно удастся ей пройти этапы социальной, в частности постпрофессиональной, адаптации и интегрироваться в гражданское сообщество, зависит стабильность и устойчивость семьи уволенного в запас военнослужащего, которая, как показывают многочисленные социологические исследования, в наибольшей степени подвержена риску распада на ранних этапах своего существования в условиях военной службы и на этапе ее трансформации из семьи военнослужащего в семью уволенного в запас военнослужащего.

Именно поэтому первостепенное значение приобретает социальная и психологическая поддержка семьи уволенного в запас военнослужащего, для которого сохранение семьи и ста-

бильных семейных отношений становится такой же актуальной проблемой, как и профессиональная адаптация в новых социальных условиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кабакова М. Особенности функционирования семьи военнослужащего в республике Казахстан: социально-психологический анализ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gisap.eu/ru/node/6205>.
2. Туринцева Е.А. Особенности семьи военнослужащего и проблема обеспечения боеготовности Вооруженных Сил // Власть. – 2011. – № 5. – С. 128-130.
3. Козлова И.А. Семья военнослужащего в условиях реформирования армии. Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. – Улан-Удэ, 2004. – С. 3; 10.
4. Лаврова Е.Е. Особенности личности подростков, воспитывающихся в семьях военнослужащих [Текст] / Е.Е. Лаврова // Актуальные вопросы современной психологии: материалы III междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2015. – С. 34-36.
5. Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. – 2013. – № 2; Брыкова Т.Ю. Возможно ли счастливое супружество в эпоху сексуальной революции? // Социологические исследования. – 2011. – № 11; Голод С.И. Социально-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. – 2008. – № 1; Vereshchagina A., Samygin S. & Stanislavsky P. (2015). Family in the context of ensuring demographic security of Russian society: methodological research directions. European Journal of Science and Theology, August 2015, Vol.11, No.4, pp. 53-63. Retrieved from http://www.ejst.tuiasi.ro/Files/53/Contents%2011_4_2015.pdf.
6. Туринцева Е.А. Указ. соч. – С. 130.
7. Там же. – С. 6.
8. Разов П., Апальков Ю. Семья – моя «крепость»? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.redstar.ru/2007/06/20_06/2_03.html
9. Туринцева Е.А. Особенности становления и развития семьи военнослужащего в условиях закрытой социальной системы. Автореферат дисс. ... канд. соц. наук. – М., 2011. – С. 16.
10. Егорова Н.Ю., Сизова И.Л. Имеет ли российская семья шанс стать солидарной? // Социологические исследования. – 2014. – № 4. – С. 97-102.
11. Дюльдина Ж.Н. Семейные ценности и традиции как основа основ российского общества и государства // Власть. – 2013. – № 11. – С. 98-99.
12. Разов П., Апальков Ю. Указ. соч.
13. Там же.
14. Козлова И.А. Указ. соч. – С. 19.
15. Луговая О.М. Военнослужащие и их семьи как особая социальная группа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=4111
16. Там же.
17. Посухова О.Ю. Профессиональная мобильность в контексте общероссийских трансформаций. – Москва-Саарбрюкен, 2010.
18. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Социально-экономические проблемы военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, проживающих в мкр. «Авиаторов» г.о. Балашиха, мкр. «Кузнечики» г.о. Подольск и Щелковском муниципальном районе Московской области». – Ногинск, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nog.ranepa.ru/info/9.10.14.pdf>
19. Туринцева Е.А. Указ. соч. – С. 18.
20. Смирнов А.И. Взаимодействие общества и армии как социального института в современной России. Автореферат дисс. ... канд. соц. наук. – М., 2010. – С. 30.
21. Никонов В. Время возвращать долги / По материалам газеты «Независимое военное обозрение» от 11 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oblvoin.ru/press/nikonov.html>

REFERENCES

1. Kabakova M. Features of functioning of military families in the Republic of Kazakhstan: the socio-psychological analysis. Available at: <http://gisap.eu/ru/node/6205>.
2. Turintseva E.A. Features of military families and the problem of ensuring the combat readiness of the Armed Forces [Osobennosti sem'i voyennosluzhashchego i problema obespecheniya boyegotovnosti Vooruzhennykh Sil]. *Vlast'*. 2011. no 5. P. 128-130. (in Russ.)
3. Kozlova I.A. Family of a serviceman in terms of reforming the army. Abstract of diss. ... Cand. soc. Sciences. *Ulan-Ude*, 2004, P. 3; 10. (in Russ.)
4. Lavrova E.E. Features of the personality of teenagers brought up in families of military personnel [Osobennosti lichnosti podrostkov, vospityvayushchikhsya v sem'yakh voyennosluzhashchikh]. Actual problems of modern psychology: Materials III International. scientific. Conf. (Chelyabinsk, February 2015). *Chelyabinsk: Two Komsomolets*, 2015. P. 34-36. (in Russ.)
5. Archangelsky V.N. Reproductive and mating behavior [reproduktivnoye i brachnoye povedeniye]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2013. № 2; Brykova T.Y. Is it possible to have a happy marriage in the era of the sexual revolution? [Vozmozhno li schastlivoye supruzhestvo v epokhu seksual'noy revolyutsii?]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2011.

- No. 11. (in Russ.); Golod S.I. Socio-demographic analysis of the state and evolution of the family [Sotsial'no-demograficheskiy analiz sostoyaniya i evolyutsii sem'i]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2008. No. 1(in Russ.); Vereshchagina A., Samygin S., Stanislavsky P. (2015). Family in the context of ensuring demographic security of Russian society: methodological research directions. *European Journal of Science and Theology*, August 2015, Vol.11, No.4, pp. 53-63. Retrieved from Available at:http://www.ejst.tuiasi.ro/Files/53/Contents%2011_4_2015.pdf.
6. Turintseva E.A. Features of military families and the problem of ensuring the combat readiness of the Armed Forces [Osobennosti sem'i voyennosluzhashchego i problema obespecheniya boyegotovnosti Vooruzhennykh Sil]. *Vlast'*. 2011. No. 5. P. 130.
7. Ibid. P. 6.
8. Razov P., Apalkov Y. My family - my "fortress"? Available at:http://old.redstar.ru/2007/06/20_06/2_03.html
9. Turintseva E.A. Features of formation and development of military families in a closed social system. Abstract of diss. ... Cand. soc. Sciences. Moskva 2011. P. 16. (in Russ.)
10. Yegorova N.Y., Sizova I.L. Does the Russian family have a chance to become solidarity? [Imeyet li rossiyskaya sem'ya shans stat' solidarnoy?]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2014. No. 4. P. 97-102. (in Russ.)
11. Dyuldina J.N. Family values and traditions as the very foundation of the Russian state and society [Semeynyye tsennosti i traditsii kak osnova osnov rossiyskogo obshchestva i gosudarstva]. *Vlast'*. 2013. No. 11. P. 98-99. (in Russ.)
12. Razov P., Apalkov Y. Ibid.
13. Ibid.
14. Kozlova I.A. Ibid. P. 19.
15. Lugovaya O.M. Military personnel and their families as a special social group. Available at:http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=4111
16. Ibid.
17. Posukhova O.Y. Professional mobility in the context of nationwide transformation. Moskva - Saarbruecken, 2010. (in Russ.)
18. Report on the research work on the topic "Social and economic problems of servicemen, citizens discharged from military service and members of their families residing in Aviatorov, Balashikha, Kuznechiki, Podolsk and Shchelkovo municipal district of Moscow region. Noginsk, 2014, Available at:<http://www.nog.ranepa.ru/info/9.10.14.pdf1>
19. Turintseva E.A. Ibid. P. 18.
20. Smirnov A.I. The interaction of society and the army as a social institution in modern Russia. Abstract of diss. ... Cand. soc. Sciences. Moskva. 2010. P. 30. (in Russ.)
21. Nikonov V. Time to repay debts [Vremya vozvrashchat' dolg] According to the newspaper "Nezavisimoye voyennoye obozreniye". Available at:<http://www.oblvoin.ru/press/nikonov.html> (accessed: April 11, 2014)

Информация об авторе

Разов Павел Викторович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, рекламы и связей с общественностью, «Международная академия бизнеса и управления», Россия
Rapavi21@mail.ru

Получена: 20.08.2015

Information about the author

Razov Pavel Viktorovich, Candidate in Sociology, Associate Professor, Chair of Sociology, Advertising and Public Relations, International Academy of Business and Management. Russia
Rapavi21@mail.ru

Received: 20.08.2015

РЯБИНСКАЯ Татьяна Сергеевна,
аспирант кафедры «Социальные технологии»

RYABINSKAYA Tatiana Sergeevna,
Postgraduate student at the Chair of "Social
Technologies"

НЕОПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА ЛЖИ И ОБМАНА

NEO PAREMIOLOGICAL REPRESENTATION OF SOCIOCULTURAL PHENOMENON LIES AND DECEIT

В данной работе социокультурный феномен лжи и обмана представлен в его проекции на неопаремиологическую плоскость. В качестве таковой выступает бытующий в современном русском языке массив шуточных афоризмов, рассматриваемых в качестве сигнальных индикаторов актуальных социальных проблем. На основании анализа их тематической подборки определены сферы общественных отношений, в которых прослеживается наибольшая укорененность исследуемого феномена.

В рамках современного подхода языковая коммуникация рассматривается в качестве проводника ценностных установок, посредника в манифестации человеческих взаимоотношений. Особую роль в конвенциональной и концептуальной ориентации человека в обществе играют устойчивые активные единицы коммуникации, представленные в паремиологических фондах языка, в качестве каковых традиционно рассматриваются народные пословицы и поговорки.

Однако же открытая, подвижная, диффузная коммуникативно-языковая среда живо отражает изменения, происходящие в жизни общества, перемены, обусловленные его переходом на новый исторический этап и современными социально-бытовыми условиями. Паремиологические фонды пополняются новыми языковыми единицами – в речевой практике активно используются новые паремии, своеобразие которых позволяет говорить о наступлении неопаремиологической эры в современных языках, в том числе русском.

Ключевые слова: общество, коммуникация, паремиологический фонд, шутка, постфольклор, шуточные афоризмы, обман, смех, мировоззрение.

In this paper, a sociocultural phenomenon lies and deceit presented in its projection on the neoparemiological plane. As such acts in modern Russian array of humorous aphorisms considered as signaling indicators actual governmental social problems. Based on their analysis of a collection defined sphere of social relations, which can be traced largest rootedness investigated phenomenon

As part of the modern approach-language communication referring as a conductor set of values, a mediator in the manifesto, of human relationships. A special role in conventional and conceptual orientation of the individual in society play a stable activity communication unit presented in the language paremiological funds in which there are traditionally regarded as a folk proverbs and sayings.

However, as an open, mobile, diffuse communicative language environment vividly reflects the changes occurring in society, the changes caused by its transition to a new historical stage, and modern social conditions. Paremiological funds are replenished with new language units – in speech practice widely used new paremias, the originality of which suggests the occurrence of neoparemiological era in modern languages including Russian.

Key words: society, communication, paremiological fund, joke, postfolklor, humorous sayings, deception, laughter outlook.

Массив новых паремических единиц – так называемых «приколов», – определяемый Б.Ю. Норманном как постфольклор, зарубежные лингвисты Л. Рёрих и С. Винкер-Пифо называют "joke-lure" – «шутливое знание». Современной культуре как таковой присущ феномен высмеивания, пародирования, вышучивания, потому и новые паремические единицы в своем большинстве представлены комическими – шутливыми – афоризмами и антипословицами. По мнению Л. Рёриха, чью позицию поддерживает отечественный исследователь А. А. Константинова, это объясняется тем, что шутка – единственный из фольклорных жанров, которому не грозит исчезновение, так как за шуткой всегда стоит определенная социальная проблема. Шутка выступает своего рода «индикатором» социокультурной структуры общества, отражая его развитие [1].

Паремия может быть адаптирована к любому социокультурному контексту, и в рамках данной работы таковым стал контекст изучения феномена лжи и обмана. Целью предпринятого исследования стал поиск ответов на следующие вопросы: каким образом на современной российской неопаремиологической карте обозначена проблема вечного морально-этического выбора между правдой и ложью? Можно ли проследить направление векторов общественного одобрения-неодобрения? Каких сфер общественных отношений касаются шутки-индикаторы названной проблемы?

Материалом для исследования социокультурных особенностей мироощущения и миропонимания современного российского общества в заданном направлении послужила картотека комических афоризмов и пословичных трансформов, представленных в «Прикольном словаре» антипословиц и антиафоризмов В.М. Мокиенко и Х. Вальтера [2], дополненная некоторыми высказываниями, найденными в сети Интернет и на страницах общественно-политической газеты «Аргументы и факты».

Существующий дефинитивный аппарат, разработанный Т.И. Дамм, М.Л. Гаспаровым, З.К. Тарлановым и другими специалистами в области паремииологии, позволяет выделить в тематической подборке следующие разновидности шутильных афоризмов: **шутливые пословицы** (антипословицы), образующиеся путем резкого сдвига в структуре и семантике протопословицы (*"В рогах правды нет"*); **шутливые сентенции** – краткие обобщенные изречения, преимущественно морального содержания, в изъявительной или повелительной форме (*"Женщина всегда верит в то, во что она захочет верить"*); **шутливые советы (максимы)**, для которых характерны сказуемые со значением побуждения, чаще всего выраженные глаголами в форме повелительного наклонения (*"Перед тем, как втоптать кого-то в грязь, убедитесь, что она не лечебная"*); **шутливые определения (дефиниции)**, имитирующие форму «нормальных» определений (*"Бизнес – это искусство извлекать деньги из чужого кармана, не прибегая к насилию"*); **шутливые парадоксы** – изречения, построенные на логической несовместимости сочетаемых в нем понятий и суждений (*"В честной борьбе всегда побеждает жулик"*); **шутливые апофегмы** – остроумные афористические высказывания, приписываемые определенному автору (*"Никогда столько не лгут, как во время войны, после охоты и перед выборами"* (О. фон Бисмарк) [3, 4].

Для формирования первичной тематической выборки был применен семантический (смысловой) метод; в качестве основы последующей структуризации отобранных изречений и их логико-тематической разбивки на две группы использован принцип бинарной оппозиции («правда–ложь»). Интерпретационный анализ пословиц каждой из групп на завершающем этапе классификации позволил распределить в их соответствующие подгруппы по признаку принадлежности к той или иной сфере общественных отношений.

В ходе исследования было сформировано пять тематических групп, в первую из которых собраны высказывания о правде: *"Все подумали, что всплыла правда, но по запаху поняли, что ошиблись"*; *"В ногах правды нет. Но правды нет и выше"*; *"В рогах правды нет"*; *"То правда победит ложь, то ложь правду. Боевая ничья!"* (А. Трушкин); *"Одним правда открывает глаза, другим закрывает"* (О. Ковач); *"До сих пор о правде известно только то, что в ногах ее нет"*; *"Правду иногда приходится доказывать всеми правдами и неправдами"* (В. Георгиев); *"Говори, что думаешь, однако старайся убежать прежде, чем тебя поймут"* и др.

Состав данных высказываний неоднороден по своей лингвистической структуре. Шуточные апофегмы и сентенции соседствуют с антипословицами, представляющими собой переделку протопословицы *"В ногах правды нет – в рогах правды нет"* и ее контаминацию с пушкинским крылатым выражением

"Нет правды на земле. Но правды нет и выше". Что касается эмотивного фона, то данные высказывания носят подчеркнуто саркастический характер, выражая сомнение в ценности правды и факте ее существования как таковой. Несмотря на современную комическую форму подачи, приведенные высказывания семантически очень близки к традиционным русским народным пословицам той же тематики: *"За правдивую погудку смычком по лыку бьют"*; *"Правду говорить – себе досадить"*; *"Правде нигде нет места"*; *"Правду говорить – никому не угодить"*.

В состав прочих групп вошли высказывания об обмане. В первую, наиболее обширную, включены афоризмы, характеризующие общий коммуникативный формат взаимоотношений между людьми: *"Люби ближнего, но и дальнего не забывай объегорить по-родственному"*; *"Надо врать только чистую правду"* (Яцевич); *"Если вам вешают лапшу на уши, убедитесь, чтобы она была высокого качества"* (А. Трушкин); *"Вежливость – самая приемлемая форма лицемерия"* (Амброз Бирс); *"Если бы комплимент был правдой, то это была бы просто информация"*; *"Лживые обещания раздражают больше, чем откровенные отказы"*; *"Любой обман всегда совершается с честным лицом"* (С. Павлов, АиФоризм); *"Объяснять важному начальству научную проблему нужно не правильно, а так, как ему будет понятно. Это ложь во благо"*; (Г.Н. Флеров) и др.

Данная группа объединяет иронические рекомендации, касающиеся поведения в тех или иных коммуникативных ситуациях. В их числе шутливые советы, шутливые определения, парадоксы, апофегмы. Представленные комические афоризмы иронично затрагивают этикетные нормы, остроумно преподносят «правила» офисного делового общения. С семантической точки зрения высказывания данной группы тоже близки по своему содержанию к пословицам классического паремииологического русского фонда, представленным, например, в словаре В.И. Даля: *"В море глубины, а в людях правды не изведать"*; *"Как себя не поведешь, от напраслины не уйдешь"*; *"На поклев денег не наготовишься"* [5]. Однако же приведенные современные высказывания, отражая нынешние социокультурные реалии, включают элемент языковой игры, несут

ярко выраженный иронический эмотивный посыл и в современном коммуникативном контексте призваны выполнять развлекательную функцию.

Во второй группе собраны высказывания, касающиеся экономической стороны взаимоотношений между людьми, многие из которых семантически близки к традиционной русской пословицной фабуле *"Не обманешь – не продашь"*: *"Самое верное средство остаться бедным – быть честным"*; *"В честной борьбе всегда побеждает жулик"*; *"У нас всё могут: и голодранца раздеть, и босяка обуть"*; *"Лучше всех зарабатывают те, кто продает иллюзии"* и др. Наряду с шутивными сентенциями и определениями, среди высказываний данной группы встречаются и шутивные парадоксы. Отдельного внимания заслуживают комические афоризмы, в которых употребляется слово «лох»: *"Вся жизнь игра... А мы в ней кто? Мы лохи"*; *"На ловца и лох бежит"*; *"Не поминайте лохом"*; *"Скупой платит дважды. Тупой платит трижды. Лох платит постоянно"*.

Жаргонное определение наивного, простодушного человека – лох – иммигрировало из уголовно-криминального речевого оборота в предпринимательскую среду в 90-х гг. минувшего века и обрело дополнительное значение – «человек, обманутый мошенниками». Из уголовной среды в широкий коммуникативный обиход попало и слово «лохотрон», используемое для обозначения игровых схем-розыгрышей, используемых жуликами для обмана азартных и доверчивых «клиентов». У жуликов своя мудрость, которой не чужда определенная поэтика и шутивно-лозунговый стиль: *"Чу! Я слышу денег шелест, неужто лох идет на нерест!"*; *"Лохи не динозавры! Они не вымрут!"*; *"Пока будут лохи, будет и лохотрон!"*

Приведенные высказывания демонстрируют бытующее в российской среде недоверие к представителям сферы предпринимательства. Сегодня, по мнению большинства россиян, бизнес в современной России миновал стадию становления и является признанной экономической и политической силой, постепенно приобретая более цивилизованные формы: 40,7% опрошенных, участвовавших в исследовании ученых Института социологии РАН, отметили, что за прошедшие 10–15 лет «российский бизнес прошел путь от дикого капитализма до более или менее цивилизованного и ответственного состояния» [6]. Однако же доля пессимистически настроенных респондентов довольно высока: 32,1% опрошенных считает, что бизнес каким был десять лет назад – таким и остался, 12,5% участников опроса убеждены в том, что бизнес если и изменился за эти годы, то скорее в худшую сторону. Исследователи убеждены, что «нынешнюю позицию населения обусловило господство в России на протяжении 90-х гг. преимущественно "варварского" и "безответственного" предпринимательства».

В отдельную группу выделены высказывания, касающиеся гендерной стороны взаимоотношений между людьми: *"В одном вопросе мужчины и женщины, безусловно, согласны между собой: и те, и другие не доверяют друг другу"* (Г. Менкен, АиФоризмы); *"Не верь девичьим слезам: крокодилы тоже плачут"*; *"Не верь жене и тормозам"*; *"Мужчины больше обманывают, женщины лучше обманывают"*; *"Нет ничего хуже, чем обманывать женщину, но нет ничего приятней, когда это получается"*; *"Лучший способ провести выходные – провести жену и тещу"* и др.

Как видно, современные афористичные высказывания, бытующее в современном языковом обороте россиян, описывают элемент обмана в качестве атрибута как брачных, так и добрачных отношений между мужчиной и женщиной, которым присущ игровой контекст. Классический же пословицный подход обозначал элемент обмана как составляющую именно брачной жизни: *"Не всяку правду муж жене рассказывает, а рассказывает, так обманывает"*.

Солидным массивом высказываний об обмане представлена группа афористичных высказываний, характеризующих отношение людей к власти, государству, политике и общественному неравенству: *"О власти или хорошо, или правду"* (Г. Малкин, *democrasy.ru*); *"Никогда столько не лгут, как во время войны, после охоты и перед выборами"* (О. фон Бисмарк); *"Нельзя все время обманывать всех, да и не нужно: одного раза в четыре года вполне достаточно"*; *"Если вы лжете людям, чтобы получить их деньги, это мошенничество. Если вы лжете людям, чтобы получить их голоса – это политика"*; *"Может, и родится тот, кто обманет государство, но оно уже обмануло тех, кто еще не родился"* (С. Ардашев, АиФоризм); *"Демократия есть одурачивание народа при помощи народа ради блага народа"* (О. Уайльд); *"Министерство по налогам и сборам предупреждает: по мелочам обманывать государство опасно!"* (А. Лебедев, АиФоризмы); *"Сколько государство не обманывай, своего все равно не вернешь"*; *"Социальное расслоение – это когда на одних ушах золото, а на других – лапша"* (Б. Коньшин, АиФоризмы); *"Те, кого скромность украшает, живут честно, кого нет – красиво"* (В. Сумбатов, АиФоризмы) и др.

Первое из приведенных высказываний данной группы – шутивный трансформ пословицы «О мертвых либо хорошо, либо ничего». Прочие же высказывания данной группы представлены

шутливыми сентенциями, чье авторство не установлено, и апофегмами, имеющими народное происхождение. Ироничное отношение россиян к политике и власти, выражаемое в шутливых афоризмах данной группы, подтверждается данными официальной статистики: как показали последние социологические исследования, сегодня Правительству не доверяет едва ли не половина россиян – 44%. Региональным руководителям и местной власти не верят соответственно 51% и 66% опрошенных. Нижнюю позицию рейтинга традиционно занимают политические партии – им доверяет только 17% граждан [7].

Таким образом, проведенный анализ неопаремиологического фонда современной коммуникативной среды, принятой в исследовании за диагностическую, позволяет заключить, что в нынешнем российском обществе наблюдается кризис доверия людей по отношению друг к другу. За обилием шуток-индикаторов, фиксирующих широкую укорененность социокультурного феномена лжи и обмана в нынешней общественной жизни, ощущается выраженный критический настрой, зыбкость морально-нравственной опоры. Данный вывод не противоречит официальной статистике: исследования Института социологии РАН показывают, что уровень лояльности современных россиян по отношению сознательному обману других людей для достижения корыстных целей довольно высок: 6% признались, что сами нередко к нему прибегают, 27% обманывают «редко», а 16% заявляют, что хотя сами они никого не обманывают, но и не осуждают такого поведения со стороны других людей. Однако же последовательные противники такого обмана все же составляют большинство: среди опрошенных их оказалось немногим меньше половины (48%) [8].

Выраженный иронический и даже саркастический тон большинства изученных афоризмов задает отчетливое направление вектору общественного неодобрения, направленного против лжи и обмана. Семантическое сходство современных афоризмов с традиционными пословицами позволяет говорить о социокультурной и ценностно-коммуникативной преемственности русских моральных традиций. Об этом же свидетельствует и современный феномен вышучивания социальных явлений как таковой – Д.С. Лихачёв называл смех мировоззрением русского народа, подчеркивая, что «... функция смеха – обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета, церемониальности, искусственного неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества» [9].

Современная шутливая мораль для этой цели превращается в антимораль, поскольку «... существо смеха связано с раздвоением. Смех делит мир надвое, создает бесконечное количество двойников, создает смеховую "тень" действительности, высмеивает эту действительность» [там же]. Уже в древнерусском мире существовала традиция «выворачивания мира наизнанку» для изобличения его пороков: недаром ряженые и скоморохи выворачивали мехом наружу свои тулупы, надевали задом наперед шапки – все это знаменовало собой изнаночный мир, которым жил древнерусский смех. Нынешнее же «выворачивание наизнанку» морали, «стёб» посредством создания комических афоризмов, именуемых в народе «приколами», – ничто иное, как современный способ продолжения социокультурных русских традиций высмеивания изъянов общественного устройства, в том числе бытования в нем феномена лжи и обмана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Константинова А.А. Оказиональная трансформация англо-американских паремий в свете когнитивно-дискурсивного подхода в лингвистике. [Электронный ресурс] URL: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/861/files/348-024.pdf> (дата обращения 25.05.2015)
2. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). – СПб.: Нева, 2008.
3. Дамм Т.И. Комические афоризмы в современной газете // Русская речь. – № 5. – 2002. – С. 48-56
4. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. – Петрозаводск: ПТУ, 1999.
5. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. [Электронный ресурс] URL: <http://iknigi.net/avtor-vladimir-dal/19875-poslovicy-i-pogovorki-russkogo-naroda-vladimir-dal/read/page-1.html> (дата обращения 26.05.2015)
6. Социальная ответственность крупного российского бизнеса (опыт социологического анализа РАН). [Электронный ресурс] URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=yaserp%3A%2F%2Ffederalbook.ru%2Ffiles%2FFS%2FSoderjanie%2FFS17%2FV8%2FGorshkov.pdf&lang=ru&c=556a134cb7e0> (дата обращения 27.05.2015)
7. Поверь, не бойся, не грусти (публикация итогов опросов Института социологии РАН). [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2015/01/30/issledovanie.html> (дата обращения 28.05.2015)
8. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад Института социологии РАН. [Электронный ресурс] URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=yaserp%3A%2F%2Fntpp.biz%2Fupload%2Fiblock%2F03%2F20_years_reform_vlfbsonfhkxvop.pdf&lang=ru&c=556a12fb3a74 (дата обращения 28.05.2015)
9. Лихачёв Д.С. Смех как мировоззрение. [Электронный ресурс] URL: <http://philologos.narod.ru/smeh/smeh-lihach.htm> (дата обращения 29.05.2015)

REFERENCES

1. Konstantinov A.A. *Occasional transformation of Anglo-American proverbs in light of the cognitive-discursive approach in linguistics* Available at: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/861/files/348-024.pdf> (accessed 05.25.2015)
2. Walter X., Mokienko V.M. *Cool Dictionary (antiproverbs and antiaphorisms)*. St. Petersburg. Publishing house "Neva". 2008. (in Russ.)
3. Damm T.I. Comic aphorisms in modern newspaper. *Russian language*, № 5. 2002. Pp. 48-56. (in Russ.)
4. Tarlanov Z.K. *Russian proverb: syntax and poetics*. Petrozavodsk: PTU. 1999. (in Russ.)
5. Dal V. *Proverbs of the Russian people*. Available at: <http://iknigi.net/avtor-vladimir-dal/19875-poslovicy-i-pogovorki-russkogo-naroda-vladimir-dal/read/page-1.html> (accessed 05.26.2015)
6. Social Responsibility of Russian big business (the experience of socio-logical analysis of RAS) Available at: <https://docviewer.yandex.ru/?url=yaserp%3A%2F%2Ffederalbook.ru%2Ffiles%2FFS%2FSoderjanie%2FFS17%2FVIII%2FGorshkov.pdf&lang=ru&c=556a134cb7e0> (accessed 05.27.2015)
7. Believe me, do not be afraid, do not be sad (publication of the results of surveys of the Institute of Sociology of RAS). Available at: <http://www.rg.ru/2015/01/30/issledovanie.html> (accessed 05.28.2015)
8. Twenty years of reform through the eyes of Russians (the experience of many years of sociological measurements) Analytical report of the Institute of Sociology. Available at: https://docviewer.yandex.ru/?url=yaserp%3A%2F%2Fntpp.biz%2Fupload%2Fiblock%2Ff03%2F20_years_reform_vlfbsonfhkxvop.pdf&lang=ru&c=556a12fb3a74 (accessed 05.28.2015)
9. Lihachev D.S. *Laughter as a worldview*. Available at: <http://philologos.narod.ru/smeh/smeh-lihach.htm> (accessed 05.29.2015)

Информация об авторе

Рябинская Татьяна Сергеевна, аспирант кафедры «Социальные технологии» Института сферы обслуживания и предпринимательства, г. Шахты, Россия

ejik_90@mail.ru

Получена 17.09.2015

Information about the author

Ryabinskaya Tatiana Sergeevna, Postgraduate student at the Chair of "Social Technologies" Institute of the service sector and entrepreneurship,

Shakhty city, Russian

ejik_90@mail.ru

Received 17.09.2015

УДК 37.013.78

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-199-203

СЕРЕБРЯКОВА Татьяна Александровна,
кандидат психологических наук, доцент

SEREBRYAKOVA Tatyana Alexandrovna,
Candidate for Doctorate in Psychology, Associate Professor

ФАЗЛЫ Елена Петровна,
магистрант

FAZLY Elena Petrovna,
Postgraduate

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ ЦЕННОСТНОГО
ОТНОШЕНИЯ К СЕМЬЕ И БРАКУ У
СТУДЕНТОВ ВУЗА**

**EMPIRICAL STUDY OF THE VALUE-LADEN
ATTITUDE TO FAMILY AND MARRIAGE IN THE
COURSE OF MATURING IN STUDENTS OF
GRADUATE SCHOOLS**

В статье находят отражение результаты эмпирического исследования, ориентированного на изучение феномена ценностной культуры личности, в частности ценностного отношения к семье и браку. Актуальность разработки в области данной проблематики объективно обусловлена такими негативными тенденциями, типичными для современного общества, как нивелирование ценностей семьи, стремление современной молодежи к браку неофициальному и т.д. Методологическую основу исследования составили: концепция Л.С. Выготского о культурно-историческом развитии личности, в частности идея о влиянии социальной ситуации развития на полноценное развитие субъекта; концепция деятельности, разработанная А.Н. Леонтьевым и С.Л. Рубинштейном, в частности идея ученых о роли сознательной деятельности в формировании личности; конкретизированные с позиций современного уровня социокультурной ситуации развития идеи Д.С. Бурлаченко о влиянии социокультурной среды на развитие ценностных ориентаций личности. Итогом эмпирического исследования стал вывод об объективном влиянии социальной ситуации развития общества как на ценностную культуру личности в целом, так и на ценностное отношение к браку и семье как ее неотъемлемым составляющим.

The paper presented the outcomes of empirical research focused on the study of a phenomenon of a value-related cultural identity of an individual, in particular, of the value-laden attitude to family and marriage. Urgency to elaborate the scope of this issue was reasonably conditioned by some negative trends typical of the contemporary society, namely amputation of family values, nowadays intention of young people to enter into a common-law marriage (an unregistered one), etc. Following conceptions have constituted the conceptual grounds of the survey: the Vygotsky' concept of culture' timespan in personal maturing, and particularly the point about impact that advancement of the social setup exerts on the full-scale shaping of the self; the concept of operation elaborated by Leontiev A.N. and Rubinstein S.L., in particular the point about contribution made by conscious activity to the shaping of an individual self that the scientists have found out; the concepts produced by Burlachenko D.S. (and particularized in the paper, in terms of the current level of social and cultural medium' advancement) on impact exerted by the social and cultural medium on the shaping of value orientations in individuals. An inference from the outcomes of empirical study specified an independent impact the circumstances of society' advancement exert on both the value-related cultural identity of an individual in a whole, and the value-laden attitude to marriage and family being integral constituents of it.

Ключевые слова: ценности, ценностная культура личности, ценностные ориентации.

Key words: set of values, value-related cultural identity of a person, value orientation.

1. Введение

Проблема факторов, обуславливающих развитие личности, является значимой психологической проблемой практически с момента возникновения психологии как науки.

Не отрицая роли наследственного (биологического) фактора, особое внимание ученые обращают на то, как влияют на личностное становление социальные факторы. И это не случайно. Являясь существом социальным, человек не в состоянии полноценно жить и гармонично развиваться вне социума, перенимая и интериоризируя общественные идеалы, нормы, ценности. Как отмечают исследователи (работы Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина и др.), именно социальная ситуация развития во многом детерминирует развитие как интеллектуального, так и личностного потенциала человека, системы его ценностей.

Особый интерес и озабоченность у современных исследователей (работы В. Билски, М. Вебера, В. Виндельбанда, Э. Дюркгейма, Л.Б. Шнейдер; И.А. Антонова, В.А. Геодакяна, Ф. Знаецкого и др.) вызывает типичная для современности тенденция к нивелированию ценностей семьи (по данным социологических исследований, статистика расторжения браков свидетельствует о том, что в течение первых четырех лет распадается около 40% от общего числа заключенных браков), а также стремлению современной молодежи к независимости (в том числе и в семейных отношениях), что естественно приводит к увеличению количества неофициальных браков. Данный негативный факт, на наш взгляд, может быть связан в том числе и со значительными социокультурными изменениями, характерными для современной действительности и вносящими свои коррективы во все сферы человеческой жизни и деятельности (в том числе и в ценностные ориентиры личности).

2. Постановка задачи

Цель нашего исследования – изучение влияния социальной ситуации развития общества на ценностное отношение к семье и браку у студентов вуза.

К данному аспекту обозначенной проблематики мы обратились не случайно. Мы полагаем, что именно социальная ситуация развития общества, в частности уровень экономического развития, политическая ситуация и стабильность, не могут не влиять на ценностные ориентиры личности, в том числе и на отношение к семье и браку. Данное предположение мы приняли в качестве **гипотезы** нашего исследования.

Исследование проводилось на базе НГПУ им. К. Минина (г. Нижний Новгород, Россия) и Славянского университета (г. Кишинев, Республика Молдова). Возраст респондентов – от 17 до 23 лет.

3. Результаты эмпирического изучения ценностного отношения к семье и браку у студентов вуза

Обращаясь к осуществленному нами анализу работ зарубежных и отечественных ученых в области интересующей проблематики, мы выделили следующие базовые факторы, обуславливающие формирование ценностного отношения к семье и браку:

- Антагонизм ценностей профессии и карьерного роста, с одной стороны, и ценности семьи и брака – с другой (исследования В.Н. Дружинина, Н.В. Поправко и т.д.).

- Ценностное отношение к семье и браку объективно обусловлено и гендерными особенностями развития (результаты исследований В.А. Геодакяна, В.А. Куц и т.д.). Так, с точки зрения В.А. Геодакяна [1], в основе их различий в отношении к семье и браку лежит специфическая роль полов в эволюции человеческого вида: женщины больше, нежели мужчины, «созданы» для семьи и уюта. Данную идею определенным образом подтверждает и В.А. Куц [3], подчеркивая, что различия в ценностном отношении к семье между мужчинами и женщинами фиксируются уже в детском возрасте, то есть задолго до вступления в брак и образования собственной семьи (об этом свидетельствуют предпочтения девочек и мальчиков дошкольного возраста к ролевым играм. Игры в «семью» являются типичными для девочек. Мальчики же в них играют неохотно).

- Наконец, фактором, обуславливающим становление системы семейных ценностей, является и отношение к родительству и рождению детей, направленность на родственные узы, формируемое именно в семье.

Вместе с тем, говорить о том, что к этапу юности система ценностей уже сформировалась и скорректирована быть не может, нельзя. Именно этап юношеского возраста является тем периодом жизни, когда процесс формирования системы ценностных ориентаций личности активизируется. Как отмечает В.Н. Дружинин [2], именно в юношеском возрасте семья как объект, вызывающий особое отношение личности, занимает особое место в иерархии ее ценностей. Проблемы, связанные с созданием собственной семьи, выдвигаются на первый план, формируется модель добрачного поведения, которая впоследствии и окажет влияние на семейные ценности.

Таким образом, основываясь на имеющихся исследованиях по проблеме ценностного отношения к семье и браку, мы делаем вывод о том, что именно юношеский возраст является максимально сенситивным возрастным периодом, когда ценностное отношение к семье и браку может быть скорректировано, изменено. Корректорами, как мы уже отметили выше, являются в том числе и социальные условия, ситуация развития общества.

В целях подтверждения данного вывода нами было организовано экспериментальное исследование.

Первый его этап был ориентирован на реализацию авторского эссе на тему «Мое отношение к семье и браку». На наш взгляд, данное эссе позволило выявить субъективную позицию респондента относительно изучаемого нами явления (ценностного отношения к семье и браку). Также, с нашей точки зрения, данное эссе позволило, с одной стороны, оценить модальность отношения респондентов к семье и браку (положительное, отрицательное, индифферентное), а с другой – выявить факторы, оказавшие влияние на их точку зрения.

Анализ полученных данных позволяет констатировать факт, что равное количество респондентов (по 92% испытуемых) и Славянского университета, и НГПУ им. К. Минина демонстрируют **позитивное отношение к семье и браку, рассматривая их при этом лишь в отдаленной перспективе** своего жизненного пути. Данные респонденты задумываются о необходимости создания собственной семьи. Однако «откладывают» реализацию этой своей цели на неопределенный срок, считая для себя более значимым, в первую очередь, реализовать свой творческий, профессиональный потенциал, построить прочный материальный фун-

дамент для будущей семьи (например, один из респондентов в эссе пишет: «На данном этапе жизни я не планирую построение семьи и брака. Главное для меня сейчас – саморазвитие и профессиональная самореализация. Когда я буду уверена, что твердо сама стою на ногах, я подумаю о создании семьи»).

Интересен, с нашей точки зрения и тот факт, что **позитивное отношение к семье и браку, но одобрение при этом брака гражданского** демонстрируют 32% респондентов Славянского университета и 12% респондентов НГПУ им. К. Минина, отмечая необязательность регистрации официального брака в органах записи актов гражданского состояния. Они постулируют идею о том, что семья способна вполне гармонично развиваться и вне брака, отмечая, что достаточно наличия чувств, желания совместного проживания, а также наличия совместных планов на будущее. По нашему мнению, данная тенденция может указывать на наличие у респондентов (в силу определенных, в том числе и социальных, причин) некоторого страха относительно узаконивания отношений: страх ответственности за другого человека, страх потерять личную собственную свободу, страх отсутствия так называемых «отходных путей» или выбора в случае появления определенных трудностей.

И лишь по 8% испытуемых и Славянского университета, и НГПУ им. К. Минина демонстрируют в эссе **позитивное отношение к официальному браку и семье, актуальное в данный период жизни**, указывая на главенствующее положение семьи в своей жизни (что мы объясняем, в первую очередь, тем фактом, что данные респонденты на момент проведения исследования уже состояли в браке и имели свою семью). Все усилия, вся деятельность данных респондентов прямо или косвенно направлены на их семью и улучшение семейного благополучия. Для таких респондентов забота о благополучии родных и близких затмевает те трудности, которые встречаются на пути к достижению данного результата; они готовы с полной самоотдачей преодолевать возникающие трудности, что, с нашей точки зрения, и является прямым подтверждением именно ценностного отношения к семье и браку.

На втором этапе экспериментального исследования нами была реализована методика «Ценностные ориентации» М. Рокича. Данная методика непосредственно направлена на исследование ценностных ориентаций личности на основе ранжирования респондентами предлагаемого перечня терминальных и инструментальных ценностей.

Поскольку темой нашего исследования является ценностное отношение к семье и браку, из перечня предлагаемых автором ценностей особое внимание мы обратили на те, которые, по нашему мнению, непосредственно оказывают влияние на благополучие семьи и брака:

- из перечня *терминальных ценностей* особый акцент нами был сделан на следующие: активная деятельная жизнь, жизненная мудрость, любовь, материально обеспеченная жизнь, развитие, счастливая семейная жизнь, счастье других;
- из перечня же *инструментальных ценностей* особое внимание мы обратили на следующие: воспитанность, исполнительность, ответственность, терпимость, широта взглядов, честность, чуткость.

Анализ полученных после реализации этой методики данных позволяет нам сделать следующие выводы:

- если высокий ранг значимости выделенным нами ценностям присвоили 52% студентов, обучающихся в НГПУ им. Минина (г. Нижний Новгород, Россия), то среди студентов Славянского университета (г. Кишинев, Республика Молдова) высокий уровень значимости выделенных нами ценностям придают лишь 20% респондентов. Для них является типичной главенствующая позиция тех ценностей (из перечня как терминальных, так и инструментальных ценностей), которые именно свидетельствуют об их ценностном отношении к браку и семье (жизненная мудрость, любовь, счастливая семейная жизнь, счастье других; исполнительность, ответственность, терпимость, честность, чуткость). Высокие показатели по перечисленным ценностям указывают на то, что человек в своем выборе делает акцент не на свои индивидуальные предпочтения, а рассматривает их без отрыва от заботы об окружающих (в первую очередь, близких) людях. Данные респонденты, по нашему мнению, проявляют готовность взять на себя ответственность за себя и других людей, рассматривают свое личное развитие в контексте развития и благосостояния окружающих близких, что и характеризует ценностное отношение;

- средний ранг значимости ценностям, характеризующим отношение к семье и браку, присвоили 28% респондентов НГПУ им. Минина (г. Нижний Новгород) и 36% респондентов Славянского университета (г. Кишинев). Для данных респондентов ценности, характеризующие их отношение к браку и семье, в целостной системе ценностей занимают промежуточное положение. На наш взгляд, данный факт может свидетельствовать о неоднозначном, неопределенном от-

ношении данных респондентов к ценностям, определяющим успешность семейной жизни. На момент проведения данного исследования эти респонденты не могли однозначно сформулировать свое отношение к ценностям семьи и брака, что, по нашему мнению, может являться в том числе и сигналом их неготовности к созданию семьи. Большую значимость для данных респондентов представляют так называемые глорические ценности, а именно общественное признание и развлечения. Данные респонденты не готовы отказаться от собственных интересов и от собственного образа жизни, развлечений в пользу семейной жизни, так как последняя по своему роду исключает непринужденность и необременительность;

- низкий ранг значимости ценностям семьи и брака присвоили 20% респондентов НГПУ им. Минина (г. Нижний Новгород) и 44% респондентов Славянского университета (г. Кишинев), что, с нашей точки зрения, может свидетельствовать об отсутствии у этих респондентов на данном жизненном этапе ценностного отношения к браку и семье. При этом респонденты акцентируют свое внимание на ценностях самореализации (интересная работа; общественное признание; познание как возможность расширения своего кругозора; свобода, которая рассматривается как самостоятельность от чего-либо/кого-либо; независимость как склонность к принятию решительных самостоятельных действий), что, с нашей точки зрения, указывает на неготовность принять на себя ответственность за других людей (свою семью). Можно предположить, что на данный момент времени эти респонденты живут «для себя», «ради себя», ради собственного развития.

Используя метод математической обработки данных, а именно U-критерия Манна-Уитни для статистической проверки полученных по методике М. Рокича результатов, мы установили, что статистически значимые различия в ценностном отношении респондентов из НГПУ им. Минина (г. Нижний Новгород) и Славянского университета (г. Кишинев) наблюдаются при анализе следующих ценностей: жизненная мудрость, счастливая семейная жизнь, счастье других, ответственность, терпимость, честность и чуткость.

При соотнесении результатов реализации тестовой методики М. Рокича с результатами эссе нами не было обнаружено негативного отношения к самому институту брака и семьи ни у студентов НГПУ им. Минина (г. Нижний Новгород), ни у респондентов из Славянского университета. Вместе с тем студенты Славянского университета, высказывая мысли об отдаленной перспективе брака и семьи, в качестве причин отсутствия планов на семейную жизнь в ближайшем будущем называют «неустойчивое» положение страны – экономическую бедность, крайне низкий уровень заработной платы, высокие цены, что, как мы полагаем, является определенным свидетельством наличия у них чувства страха, опасения за будущее своей семьи в таких нестабильных условиях социально-экономического развития общества. Более того, данные респонденты указывают на то, что им необходимо переехать туда, где будут более благоприятные, стабильные условия для создания семьи и брака.

В отличие от студентов Славянского университета, респонденты из НГПУ им. Минина не делают акцента на трудностях, препятствующих созданию брака и семьи. Они достаточно легко принимают для себя перспективу брака и семьи, указывая лишь на то, что необходимо сначала реализовать себя и быть «подготовленными» (в первую очередь, в материальном плане) к семейной жизни.

4. Заключение

Таким образом, опираясь на результаты осуществленного нами исследования, мы делаем вывод о том, что семейные ценности имеют разное значение для людей, находящихся в разных социальных условиях развития общества. Люди, находящиеся в ситуации политической, экономической нестабильности страны (Республика Молдова) отодвигают семью и брак на дальние позиции в своих ценностных ориентациях и даже выражают некоторый страх относительно отсутствия в стране условий для гармоничного развития семьи, в то время как люди, живущие в большой и стабильной стране (Россия), демонстрируют позитивное отношение к семье и браку и рассматривают их в качестве перспективы своего развития. Следовательно, наша гипотеза о том, что семейные ценности имеют разное значение для людей, погруженных в разную социальную ситуацию развития общества, частично подтвердилась.

Вместе с тем, с нашей точки зрения, низкие показатели семейно значимых ценностей не являются объективным свидетельством негативного отношения к семье и браку, а, наоборот, могут выражать ответственное отношение и беспокойство за благополучие своей потенциальной семьи, тенденцию к проявлению ценностного к ней отношения.

Также мы полагаем, что снизить уровень тревожности по отношению к будущему своей семьи и оптимизировать процесс развития ценностного отношения к браку поможет планомер-

ная деятельность, направленная на формирование как системы ценностей личности в целом, так и ценностного отношения к семье и браку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Геодакян В.А. Два пола. Зачем и почему? Эволюционная роль разделения на два пола с точки зрения кибернетики / В.А. Геодакян // Наука и жизнь. – 1966. – № 3. – С. 99-105.
2. Дружинин В.Н. Психология семьи. / В.Н. Дружинин. – СПб.: Питер, 2006. – 176 с.
3. Куц В.А. Социально-психологические различия между мужчинами и женщинами в ценностно-мотивационных аспектах становления брачных отношений. / В.А. Куц.: Автореф. дис...канд. психол. наук. – Л., 1978. – 23 с.

REFERENCES

1. Geodakyan V.A. Two floor. Why and why not? The evolutionary role of division into two sexes in terms of cybernetics [Dva pola. Zachem i pochemu? Jevoljucionnaja rol' razdelenija na dva pola s točki zrenija kibernetiki.]. *Science and Life*. 1966. № 3. Pp. 99-105 (in Russ.)
2. Druzhinin V.N. Family Psychology [Semejnaya psihologiya]. *Sankt-Peterburg., Peter*, 2006. P. 176 (in Russ.)
3. Kuts V.A. The social and psychological differences between men and women in the value-motivational aspects of formation of marital relations [Social'no-psihologicheskie razlichija mezhd mužhčinami i ženshčinami v cennostno-motivacionnyh aspektah stanovlenija brachnyh otnoshenij]. Author. Dis. kand. psihol. Sciences. *Leningrad*, 1978. P. 23 (in Russ.)

Информация об авторе

Серебрякова Татьяна Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры, «Нижегородский Государственный Педагогический Университет им. К.Минина (Мининский университет)», ул. Ульянова, д. 1, 603950 Нижний Новгород, Россия

Фазлы Елена Петровна, магистрант, «Нижегородский Государственный Педагогический Университет им.К.Минина (Мининский университет)», ул. Ульянова, д. 1, 603950 Нижний Новгород, Россия

Получена: 03.09.2015

Information about the author

Serebryakova Tatyana Alexandrovna, Candidate for Doctorate in Psychology, Associate Professor at the Chair, Nizhny Novgorod State University of Pedagogics named after K. Minin (Mininsky University), 1, Ulyanov Str. 603950 Nizhny Novgorod city, Russia

Fazly Elena Petrovna, Postgraduate, Nizhny Novgorod State University of Pedagogics named after K.Minin (Mininsky University), 1, Ulyanov Str. 603950 Nizhny Novgorod city, Russia

Received: 03.09.2015

УДК 130.2

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-204-206

СКВОРЦОВ Дмитрий Евгеньевич,
аспирант

SKVORTSOV Dmitry Eughenyevich,
Postgraduate

РОЛЬ ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССАХ ОСМЫСЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

PART TAKEN BY THE IMAGINATIVE THINKING IN CULTURE PERCEIVING' PROCEDURES

Проведен анализ феномена образного мышления через сопоставление функционирования его составляющих – мышления и воображения. Исследованы функции образа как средства формирования культурных сред и идентичности человека. Для достижения этой цели рассмотрены специфические формы бытования образа в сознании, при которых он является единицей мыслительных практик. Эти формы – виды представления, такие как театр и теория, формирующие сознание человека. Культуру человек осмысляет через включенность в коммуникативные практики и через призму своего образного строя сознания, формирующего условия понимания и высказывания о себе. Благодаря деятельности образного мышления возникает дистанцированность человека от внешнего мира, что позволяет совершать объективирующие мыслительные практики, создающие человека как самостоятельное существо. Вместе с выявлением роли образа как средства проявления свободы человека в культуре обозначена и его ограничивающая роль. Она выражается в возможности ложных форм сознания: излишней увлеченности своей мыслью, замещения реального предмета вымышленным, ложного чувства истинности знания, а также мнимого совершенства мысли, закрывающего возможность дальнейшего познания и диалога. С другой стороны, ограничение личной свободы не всегда приводит к ложному сознанию, но означает и встраивание человека в культурную традицию посредством влияния на сознание образов прошлого.

The paper presented examination of a phenomenon of imaginative (representational) thinking by means of comparison of functioning of its components, – the thinking and imagination. The study explored some functions of an image as a means for shaping the cultural media and personal identification. In achieving this purpose, the paper considered some specific shapes of image occurring to a human mind, at which the image being a cogitative unit. These shapes are the representation patterns, such as «the theater» and «the theory», those shaping a personal mind. A human being perceives culture with involvement into communicative practices and through the lenses of a personal imaginative framework of mind that shapes provisions for understanding and statements about oneself. Owing to operation of the imaginative (representational) thinking, a human being is capable of distancing himself from the outer world that enables his making the objectifying cogitative practices that create the person as an independent being. Identifying the part an image takes as a means of manifesting personal freedom at culture, the paper either specified its bounding part. The latter shows itself in the potential for producing erroneous shapes of mind as follows: an excessive fascination with an idea somebody produced, or replacing a real item with a fictional one, or an erroneous sense of being aware as true, and the thought pretending to be perfect that stops any opportunity to further cognition and dialogue. On the other hand, restricting personal freedom does not necessarily give rise to erroneous awareness, but it means either embedding a person into cultural tradition by means of the images of the past exerting influence on the mind.

Ключевые слова: образ, культура, мышление, антропология, эстетика.

Key words: image, culture, thinking/ thought, anthropology, aesthetics.

Для осмысления феномена образного мышления необходимо обратить внимание на две его составляющие – мышление и воображение. И если история мышления представляется в значительной степени проработанной, то гносеологическая роль воображения не столь очевидна.

Ключевая идея, которая лежит в основании сопоставления мышления и воображения, состоит в том, что образ определяется как чувственно воспринимаемый объект культуры, изменяющий сознание человека с помощью специфической организации его пространства. Центральное понятие здесь – представление. По Аристотелю, воображение (создающее представления) – это «своего рода мышление» [1, с. 442]. Идея визуальности мышления находит свое развитие в сопоставлении двух понятий, одно из которых относится к чувственности, а другое – к мышлению: «театр» и «теория». Выделяются гносеологический и артистический виды понимания термина «представление». К первому относится работа сознания с результатами восприятия – образами памяти и воображения, а ко второму – «перформанс» актеров на сцене. Представление также имеет еще два смысла – как «образ» и «идея» и как «противопоставление», то есть «предмет». Есть общий смысл гносеологического и артистического понятий: «Зритель просто обязан как раз представлять в гносеологическом смысле – припоминать и воображать – ту реальность, в которой эти идеальные действия были бы наличными» [3, с. 63-64]. Театр, таким образом, оказывается «вынесенным» вовне сознанием. Понятие «теории» расширяет образ наблюдаемой сцены представления до всего мира, рождая и соответствующий образ жизни – «βίος ὡςπρεπής», который есть «совершенный способ человеческого бытия» [3, с. 102-103].

Высказанные идеи позволяют проанализировать специфику образного мышления как способности оперировать с двойственной реальностью образа и понятия с помощью своего рода «сцены» в сознании. «Сцена» как топос сознания, в котором происходит образное мышление, создается соединением мысли и чувства. В синтезе участвуют как индивидуальные про-

цессы в сознании человека, так и культурный контекст эпохи, задающей правила синтеза мыслей и чувств. Психологической характеристикой сцены представления является чувство комфорта, создаваемого оформленностью, «обжитостью» сцены мышления. Важно то, что чувство комфорта прямо связано с границами сцены (то есть метафоры сознания), а граница формирует разрешающую способность понимания. Понятийный анализ позволяет ограничить метафоризацию сознания через совершение абстрагирующих, «обнуляющих» образность практик. Это создает два полюса активности сознания в культурной среде.

Наиболее существенно характеризуют образное мышление эстетические образы, которые ценны для сознания сами по себе, а не только благодаря тому, что они отражают некоторую иную реальность. Воображение в искусстве может действовать в свободной игре, вне связи с внешними референтами. Понятие свободы существенно для определения образного мышления в связи с тем, что оно – наиболее характерная черта воображения. Однако в мышлении свобода связывается характером необходимости – логикой, формальными свойствами изучаемого предмета, целью и пр. Образ мысли представляет собой диалектику свободы и необходимости. С одной стороны, он имеет квазивещественный характер и поэтому создает своего рода вещественное измерение сознания, сопротивляющиеся формы в сознании, которые могут легко выйти из-под контроля, как это происходит в эстетической захваченности или в болезненной одержимости словом, мелодией, картиной. Однако пластифицирующая способность образного мышления позволяет эти содержания превращать, вплоть до снятия образности в абстрагировании. Образное мышление от воображения отличается постоянным наличием субъекта, отдающего себе отчет в своей активности, в отличие от воображения, которое может объективироваться в сознании человека так, что у него на время субъектность исчезает.

Отсюда можно сделать вывод, что образное мышление – это способность связывания разума и чувственности, которая дает возможность идеям, содержащимся в памяти в свернутом виде, начать разворачиваться в силу их провокации со стороны специфического образа чувств – то есть обладающего свойством некоторого соответствия идее. Образное мышление тогда возможно благодаря симпатическим связям идей и образов, раскрываемых в процессе рассуждения. Мысль, благодаря образу, получает свойство жизненности, характерное для чувства, и свойство направленности на сверхчувственную истину, характерное для разума. Искусство производит символы, указывающие на нечто, до чего разум не может «дотянуться», однако оно каким-то образом содержится в разуме. Кант делает догадку о некоей неопределенной связи между идеями разума и «эстетическими идеями» воображения. Но хотя последние и могут провоцировать мышление, у воображения нет возможности определить мысль, то есть создать концепт, адекватный идее: «под эстетической идеей я понимаю такое представление воображения, которое заставляет напряженно думать без того, чтобы ему могла быть адекватна какая-либо определенная мысль, то есть понятие; поэтому язык никогда не может полностью выразить и сделать понятным это представление» [2, с. 187].

Образ остается идеальным всегда, в отличие от реализации понятия в слове или идеи в материи. Значит, образ есть содержание сознания *par excellence*, его природный материал. Оперирование образом как содержанием сознания, отличным от перцепций и концепций [4, с. 61], позволяет получить субъективный антропологический опыт, так как образное мышление может абстрагироваться от универсальности как чувственного мира, так и мира необходимости понятий. Безусловно, этот опыт остается опытом искусства или персональных переживаний, но он позволяет выявить антропологические характеристики человека как индивидуального существа. Феноменологически понятый образ знаменует дистанцию между сознанием и миром, что обеспечивает возможность мышления. Дистанция создает предмет, представление, объект, возможность движения. Поэтому образное мышление получает здесь новое обоснование: в способности воображения отрицать внешнюю реальность и создавать вместо нее собственные значения лежит возможность установления новых связей между образами и вещами, что и подразумевает процессуальность мышления. В таком случае, активность воображения предполагает свободу для мышления, а его пассивность означает захваченность реальностью и невозможность мысли. Сознание человека свободно настолько, насколько оно может «выдвинуться» за пределы реального мира в воображаемый мир мышления.

Впрочем, необходимо выделить и несколько ограничивающих мышление свойств образа, которые могут привести к полной невозможности мысли.

Образ в мышлении может выполнять функцию замещения одной вещи другой – подобно актеру на сцене. Если применительно к эстетическому переживанию образ есть ценный обман, то в философском познании возможна увлеченность ходом своей мысли, захваченность выводами, как это часто бывает в наукообразных популярных теориях об «инопланетном разуме», «мировом заговоре» и прочих измышлениях. Другая опасность образа состоит в том, что он способствует возникновению солипсистского сознания, порождающего воображаемое вместо

реального. Образ может стать настолько доминантным в мышлении, что его заключения будут совершаться из выдуманных, но влиятельных для сознания предпосылок. Творческий потенциал образного мышления может привести также к ситуации, когда в поисках ответа на заданный в мышлении вопрос воображение дает готовый образ, притягательный для человека по причинам, не зависимым от требований логики мысли. Образ в мышлении может также стать настолько объективированным, что начинает наделяться всеми возможными совершенствами. Это останавливает мышление, так как достигнутое эстетическое, логическое, этическое совершенство делает невозможным процесс вопрошания, поиска интерпретаций, диалог.

Но не всегда «сильный» образ останавливает мышление. Реальность психики не менее сложна, чем внешний для сознания мир. Так, в аналитической психологии К.-Г. Юнга широко исследуется влияние архетипов бессознательного на мышление. Здесь пересекаются индивидуальные процессы сознания со своими культурными и историческими основаниями. Логическому мышлению, согласно автору, противостоит интуитивное [5]. Первое принадлежит европейской культурной традиции и ориентировано на технические способы освоения мира, поэтому оно искусственное и требует усилий в освоении. Образное мышление – интровертивное, свойственное традиционным культурам Востока и направлено «внутрь» сознания. Оно более естественное, требует меньше напряжения и отличается тем, что мысль воспринимается, а не производится субъективно. Оно необходимо для художественного творчества, религии, мифологии. Таким образом, человек помещен в среду двух объективностей: внешнего мира, который он преобразовывает с помощью аналитического мышления, создавая мир культуры из мира природы, и внутреннего мира коллективного бессознательного, который представляет собой интериоризированную психически культуру прошлого опыта, реализуемую через работу образного мышления.

Подводя итог, заметим, что образ выступает, во-первых, фактором внутренней организации сознания, то есть создает условия развития индивидуального сознания; во-вторых, образ выполняет функцию соединения индивидуального сознания с другим сознанием через коммуникативные практики: теоретизирование, эстетическое восприятие, иные формы диалога, требующие понимания Другого как носителя своеобразно сконфигурированной «сцены» сознания, одновременно отличающейся от моей в силу индивидуальности, но и схожей из-за универсальности культурного опыта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аристотель*. О душе. Сочинения: В 4 т. Т. 1. Ред. В.Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
2. *Кант И.* Критика способности суждения. Сочинения. В 8 т. Под общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: Чоро, 1994. Т.5. – 562 с.
3. *Павленко А.* Теория и театр. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. – 234 с.
4. *Сартр Ж.-П.* Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. Пер. с фр. М. Бекетовой. – СПб.: Наука, 2001. – 320 с.
5. *Юнг К.-Г.* Психология бессознательного. Пер. с нем. А.В. Кричевского. – М.: Канон, 1994. – 320 с.

REFERENCES

1. *Aristotle*. About the soul. [O dushe]. Works In 4 volumes Vol. 1. Ed. V.F. Asmus. Moscow: Mysl, 1976. 550 p.
2. *Kant I.* Critique of judgment. [Kritika sposobnosti suzhdenija]. Works In 8 vols Under the General editorship of A.V. Gulyg. Moscow: Choro, 1994. Vol. 5. 562 p.
3. *Pavlenko A.* Theory and theatre. [Teorija i teatr]. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 2006. 234 p.
4. *Sartre J.-P.* The Imaginary. Phenomenological psychology of the imagination. [Voobrazhaemoe. Fenomenologicheskaja psihologija voobrazhenija]. TRANS. with FR. M. Beketova. St. Petersburg: Nauka, 2001. 320 p.
5. *Jung C.G.* Psychology of the unconscious. [Psihologija bessoznatel'nogo]. TRANS. with it. A. V. Krichevsky. Moscow: Canon Press, 1994. 320 p.

Информация об авторе

Скворцов Дмитрий Евгеньевич, аспирант, «Волгоградский Государственный Университет», Волгоград, Россия
dmi-skv@mail.ru

Получена: 18.07.2015

Information about the author

Skvortsov Dmitry Eughenyevich, Postgraduate, «Volgograd State University», Volgograd city, Russia
dmi-skv@mail.ru

Received: 18.07.2015

УДК 070

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-207-210

СУЛИНА Олеся Вячеславовна,
аспирант кафедры связей с общественностью
в бизнесе Высшей школы журналистики и массовых
коммуникаций

SULINA Olesya Vyacheslavovna,
Postgraduate student, Chair for Public Relations in Busi-
ness, Higher school of journalism and mass
communication

СУБЪЕКТЫ МЕДИАДИСКУРСА БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА

THE SUBJECTS OF MEDIADISDISCOURSE OF BUDGET PROCESS

Автор рассматривает медиадискурс бюджетного процесса в его субъектно-темпоральном измерении. Место и роль субъектов медиадискурса бюджетного процесса определены на основе анализа бюджетного законодательства, практики реализации бюджетного процесса в органах исполнительной и законодательной власти и его отражения в СМИ. Публичный дискурс бюджетного процесса включает не только участников, законодательно наделенных полномочиями, но и других субъектов, участвующих в формировании информационной повестки дня относительно бюджета. Так, к субъектам медиадискурса бюджетного процесса отнесены органы исполнительной и законодательной государственной власти, контролирующие органы, получатели бюджетных средств, политические партии, профессиональное, отраслевое и экспертное сообщество, гражданские активисты. С помощью аналитического и индуктивного методов представлено социально-коммуникативное описание бюджетного процесса и его субъектов. При этом политическая журналистика выступает не только в качестве пространства для формирования и отражения медиадискурса бюджетного процесса, но и в качестве одного из индикаторов состояния политической системы в целом. Полученные выводы представляют собой методологические наброски для анализа конкретных кейсов медиадискурса бюджетного процесса и могут быть использованы при проведении научно-практических исследований.

The author highlights the media discourse of the budget process in its subject-temporal dimension. Place and role of the subjects of media discourse of the budget process are determined on the basis of the analysis of budgetary legislation, practical implementation of the budgeting process in the executive and legislative bodies and its reflection in the media.

Public discourse of budgeting process includes not only participants, who are legally empowered, but also other actors involved in the formation of the informational agenda regarding the budget. For example, the subjects of media discourse of the budget process are executive and legislative bodies, regulatory authorities, recipients of budgetary funds, political parties, professional and expert communities, civil society activists. Socio-communicative description of the budgeting process and its subjects is presented based on analytical and inductive methods. At the same time political journalism is not only a space for the formation of media discourse and reflection of the budgetary process, but also one of the indicators of the state of the political system as a whole. The conclusions present methodological aids for the media discourse analysis of specific cases of the budgeting process and may be used for scientific and practical research.

Ключевые слова: СМИ, медиадискурс, политический дискурс, бюджетный процесс.

Key words: mass media, mediadiscourse, political discourse, budget process.

В рамках государственной политики ключевым инструментом реализации полномочий является оптимальное распределение и использование бюджетных ресурсов в рамках бюджетного процесса.

Бюджетный процесс законодательно регламентирует деятельность участников бюджетного процесса в рамках закрепленных полномочий [1]. Процессуально бюджетный процесс последовательно проходит стадии составления и рассмотрения проектов бюджетов, их утверждения и исполнения, контроля за исполнением, бюджетного учета, составления, внешней проверки, рассмотрения и утверждения отчетности.

Политический дискурс функционирует в рамках системы социальных институтов и представляет собой процесс и результат принятия политических решений, связанных с борьбой за власть, распределением ресурсов и достижением общественного консенсуса. Медиадискурс бюджетного процесса включает не только участников, законодательно наделенных полномочиями, но и других субъектов, участвующих в формировании информационной повестки дня о бюджете.

Так, высшее должностное лицо определяет принципы государственной бюджетной политики, приоритеты распределения бюджетных средств и транслирует их в публичном пространстве.

Главный финансовый орган дает оценку социально-экономического состояния и формирует прогноз, аргументирует приоритеты распределения бюджетных средств, в том числе при необходимости публично, составляет отчетность с обоснованием достигнутых результатов. Иные органы исполнительной власти как распорядители бюджетных средств выступают в качестве государственных заказчиков и формируют информационную повестку в части исполнения бюджета.

Публичная деятельность законодательного корпуса отражает как консолидированную позицию по отношению к бюджетной политике исполнительной власти, так и точки зрения отдельных парламентских партий в отношении бюджета.

В качестве участников бюджетного процесса выступают также получатели бюджетных средств: органы местного самоуправления, борющиеся, в том числе в медиапространстве, за распределение субсидий; некоммерческие организации, также претендующие на бюджетные дотации; потенциальные и фактические исполнители государственных контрактов – коммерческие организации, государственные учреждения.

В области контроля бюджетного процесса соответствующие субъекты могут принимать участие в формировании медиадискурса. Наличие или отсутствие коррупционных скандалов, интерпретация в СМИ исполнения бюджета отражаются в бюджетном медиадискурсе.

Активную позицию в медиапространстве представляют политические партии, причем как представленные в законодательных органах государственной власти, так и находящиеся за их пределами. Бюджетный процесс на любой стадии является поводом для изложения партийной позиции, дискредитации политических противников.

Профессиональные и отраслевые объединения также могут участвовать в отражении бюджетного процесса, особенно в качестве субъектов лоббирования потенциальных получателей бюджетных средств. В то же время эти субъекты могут участвовать в усилении или ослаблении позиций той или иной отрасли в процессе формирования бюджета.

Экспертное сообщество не является прямым интересантом распределения или получения бюджетных средств, однако его представители постоянно привлекаются журналистами в качестве наблюдателей, оценивающих и интерпретирующих действия других субъектов, что может влиять на изменение общественного мнения.

Наконец, в качестве субъектов медиадискурса бюджетного процесса выступают общественные организации и гражданские активисты. Их цели и степень публичной активности могут быть разными: от оценки «низами» действий органов власти или выражения точки зрения определенной социальной группы до поддержки или критики тех или иных субъектов бюджетного процесса, особенно участвующих в принятии решений.

В качестве форм реализации медиадискурса в рамках бюджетного процесса каждый субъект использует соответствующие коммуникативные технологии, результат использования которых отражается в СМИ.

Так, высшее должностное лицо и финансовый орган исполнительной власти обладают высокой медийной активностью и являются иницирующей стороной на этапах составления проекта бюджета, его исполнения, составления проекта отчета об исполнении бюджета. Эта деятельность реализуется в виде официального информирования и трансляции своей позиции через официальные средства массовой информации, сайт и официальные аккаунты в социальных сетях.

На этапе контроля допустимы различные варианты: отсутствие публичной активности; официальное информирование в случаях инициирования публичных процессов по результатам внутреннего контроля; официальное информирование и разъяснительная работа в экстренных случаях, антикризисные коммуникации при выявлении нарушений со стороны органов внешнего контроля.

Законодательные органы власти являются инициаторами принятия решений на этапах рассмотрения и принятия проектов бюджета и отчетов об их исполнении, а также на этапе контроля исполнения бюджета. Законодательный орган власти как единый политический субъект осуществляет официальное информирование через свои средства массовой информации, сайт и аккаунты в социальных сетях, а также участвует в функционировании парламентской журналистики.

Получатели бюджетных средств реализуют информационную политику преимущественно на стадии исполнения бюджета в период проведения процедур государственных закупок. В рамках взаимоотношений со СМИ они могут использовать различные инструменты связей с общественностью – пресс-мероприятия, корпоративные информационные ресурсы, специальные мероприятия, взаимоотношения с органами государственной власти (как законодательными, так и исполнительными). В условиях борьбы за бюджетные ресурсы имеет место использование негативных технологий, направленных на дискредитацию конкурентов или государственно-го заказчика.

Органы государственного финансового контроля могут выступать инициаторами информационных сообщений по результатам проверок исполнения бюджета. Их присутствие в публичном пространстве в основном ограничивается официальным информированием.

Политические партии как участники бюджетного процесса могут проявлять инициативу на любом этапе бюджетного процесса, однако их активность часто находит отражение в период принятия бюджета, его исполнения и контроля. Они реализуют свои медийные возможности с

использованием технологий партийного и электорального PR. Нередко используются технологии негативных и антикризисных коммуникаций.

Профессиональные и отраслевые сообщества находят формы самореализации в медиадискурсе преимущественно на стадиях составления проекта бюджета и его рассмотрения. На этапе исполнения бюджета или в конфликтных случаях на этапе контроля реализуются возможности корпоративной защиты/обвинения. Возможно также проведение лоббистских PR-кампаний для принятия значимых для отрасли решений, продвижения конкретных персон как потенциальных субъектов бюджетного процесса, в том числе – кандидатур в органы власти.

Представители экспертного сообщества, несмотря на пассивную роль в бюджетном процессе, являются постоянными источниками сообщений медиадискурса бюджетного процесса на различных его стадиях. Комментарии, аналитические материалы, выступления на профильных мероприятиях и в СМИ помогают сформировать нужное общественное мнение и повлиять на лиц, принимающих решения.

Общественные организации и гражданские активисты, в том числе блогеры, популярные пользователи социальных сетей могут проявлять медийную активность на любом этапе бюджетного процесса, но чаще всего – на стадии рассмотрения и принятия проекта бюджета, а также на этапе его исполнения. С одной стороны, представители объединенных социальных групп, отдельные граждане через обращения в СМИ и записи в социальных сетях отмечают частные случаи, могущие служить иллюстрацией общим явлениям, выявлять отдельные промахи в работе других участников бюджетного процесса. С другой стороны, апелляция к мнению «большинства» или позиции «простого человека» – мощный ресурс политического PR и политической журналистики.

Система СМИ в своей совокупности и комплексе текстов бюджетной тематики воплощается в виде политической журналистики. Ее емкую характеристику дал профессор С.Г. Корконосенко: «СМИ – это не просто канал проведения чьей-либо политической воли. Редакции целенаправленно планируют свою работу, ведут селекцию информационных сигналов, выступают с предложениями о характере деятельности должностных лиц, вырабатывают рекомендации и социальные проекты и добиваются их реализации» [3, с. 63]. С.М. Виноградова добавляет, что в современной политической системе СМИ «отражают окружающий мир и воссоздают его, превращаясь в активных участников политического процесса» [2, с. 22].

Анализ медиадискурса бюджетного процесса позволяет выявить динамику развития и степень сбалансированности исследуемой политической системы. Имеет значение не только количественное представительство различных групп субъектов медиадискурса, но и характер их взаимодействия, равенство возможностей и влияния на бюджетный процесс. При формировании медиадискурса бюджетного процесса участвует большинство субъектов медиаполиса [4, с. 42]. Преобладание тех или иных коммуникативных инструментов, доминирование в информационном пространстве одних или других субъектов, политическая повестка дня, ее актуальность и востребованность среди массовой аудитории, влияние СМИ на принятие политических решений – в совокупности эти индикаторы также позволяют дать комплексную характеристику системе политических СМИ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации.
2. Виноградова С.М. Традиции политического анализа журналистики. Журналистика в мире политики. – СПб, 2004.
3. Корконосенко С.Г. Социальные функции прессы в политической жизни современного российского общества. Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – СПб, 1993.
4. Современный российский медиаполис: монография. – СПб, 2012.

REFERENCES

1. The budget code of the Russian Federation.
2. Vinogradova S.M. Tradition of political analysis of journalism. [Traditsii politicheskogo analiza zhurnalistiki]. *Journalism in the world of politics: St. Petersburg*, 2004.
3. Corkonosenko S.G. Social functions of the press in the political life of modern Russian society. [Sotsial'nye funktsii pressy v politicheskoy zhizni sovremennogo rossiyskogo obshchestva]. Author. dis. on the competition of graduate. step. D. SC.N. *St. Petersburg*, 1993.
4. Modern Russian mediapolis: monograph. [Sovremennyy rossiyskiy mediapolis: monografiya]. *St. Petersburg*, 2012.

Информация об авторе

Сулина Олеся Вячеславовна, аспирант 4-ого года обучения заочной формы, кафедра связей с общественностью в бизнесе, специальность «Журналистика», Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
olesya_sulina@mail.ru

Получена: 05.08.2015

Information about the author

Sulina Olesya Vyacheslavovna, Postgraduate student, Chair for Public Relations in Business, specialty «Journalism», Higher school of journalism and mass communication, St. Petersburg State University,

Saint-Petersburg city, Russia
olesya_sulina@mail.ru

Received: 05.08.2015

УДК 343.9

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-211-213

ТАРЧОКОВ Беслан Алексеевич,
кандидат экономических наук

TARCHOKOV Beslan Alexeyevich,
Candidate for Doctorate in Economics

МОТИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

MOTIVATION SPECIFIC FOR YOUNGSTERS INVOLVED INTO TERRORIST OPERATION

В статье предпринята попытка анализа предпосылок, мотивов, причин и факторов, которые могли бы способствовать вовлечению молодежи в террористическую деятельность, возникновению и распространению молодежного терроризма, в том числе: социально-экономических, идеологических, политических, психологических, правовых и т.д., в современных условиях глобализованного общества. Детализация причин и условий, которые способствуют вовлечению россиян молодого возраста в террористическую деятельность, должна базироваться на системном подходе в определении понятия терроризма. Это означает, что терроризм необходимо рассматривать как определенное социальное явление, представляющее из себя сложнейшую систему из совокупности элементов, взаимодействующих между собой, и имеющий множества связей между ними. Указанный подход является одним из самых эффективных, так как он позволяет не упустить ни один важный фактор в структуре терроризма как явления и в конечном итоге создать адекватную, а значит, и практичную модель соответствующих причин и условий.

The paper made an attempt to explore preconditions, motives, reasons and factors capable of facilitating youth' involvement into terrorist operations, emergence of youth terrorism and its spreading around, including the specifics of social and economic domains, of ideology and politics, psychology and law, etc. all of them taken on the scene of nowadays globalized society. Specifying in greater detail the causes and circumstances that contributed to involvement of young Russians into terrorist operations should be based on a systemic approach to defining the concept of terrorism. That means that one may be reasonable to consider terrorism as a certain social phenomenon, representing a highly complicated framework from a set of elements interacting with each other and a whole range of connections in-between. The approach specified in the paper seemed to be of the most effective among the existing options, as it made it possible not to miss any factor relevant to the framework of the phenomenon of terrorism, and, ultimately, to create a relevant pattern being, therefore, practical for shaping proper causes and circumstances.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, молодежный терроризм, детерминанты молодежного терроризма, мотивы молодежного терроризма, предпосылки распространения молодежного терроризма.

Key words: terrorism, extremism, terrorism in youngsters, determinants for youth terrorism, motives of terrorism in youngsters, background for spreading youth terrorism.

В настоящее время существует одна из сложнейших проблем мировой науки и практики – это всестороннее исследование понятия терроризма и причин вовлечения молодежи в террористическую деятельность.

Обращает на себя внимание тот факт, что в деятельность религиозного экстремизма все больше и больше вовлекается главным образом молодежь.

Ключевую роль в принятии решения о вступлении в организацию играют именно дружеские и родственные связи между экстремистами. Типичный сценарий присоединения к движению исламского джихада предполагает несколько этапов. На начальном этапе молодой человек, чувствуя свое одиночество в чуждом ему мире, направляется в знакомое ему еще по жизни на родине место – мечеть – в первую очередь для того, чтобы оказаться в кругу знакомых людей с близкими интересами. На втором этапе происходит вовлечение молодого человека в одну из небольших групп единомышленников и встречи переносятся из религиозных и культурных учреждений на частные квартиры.

На третьем этапе происходит интенсивная идеологическая обработка будущих экстремистов [2]. Какими бы ни были изначальные причины вступления в экстремистскую сеть, будущие экстремисты проходят длительную идеологическую подготовку в небольших группах, где формируется чувство взаимного доверия и преданности между членами группы, а также происходит принятие всеми членами группы убеждений своих экстремистами настроенных и фанатичных лидеров. Новый круг общения в сочетании с исламистской пропагандой отдаляет религиозных экстремистов от друзей и семьи, усиливая изолированность от общества и преданность новой группе, которая, в свою очередь укрепляет веру нового адепта в идеи исламского террора [3].

На этом этапе члены ячейки уже готовы принимать полноценное участие в джихаде. Критическим фактором оказывается то, что они отождествляют идеи джихада не с абстрактными постулатами исламистской идеологии, а с конкретными людьми из группы, в которой они проходили подготовку. Как бы странно это ни было, но исламский джихад в целом не имеет в своем составе отдельного подразделения, которое бы занималось вербовкой новых членов.

В отличие от привычной схемы, когда набор сотрудников осуществляется «сверху вниз», то есть руководители более высокого уровня утверждают штат сотрудников на более низком уровне, исламский джихад построен «снизу вверх» – расширение штата происходит под давлением большого числа молодых людей, желающих присоединиться к движению.

Об этом свидетельствует и тот факт, что до сих пор не было ни одного случая задержания активиста, занимавшегося целенаправленной вербовкой новых сторонников. Анализ финансовых потоков, обслуживающих международное исламистское террористическое движение также свидетельствует об отсутствии финансирования кадровых подразделений или масштабных программ по пропаганде своих взглядов среди потенциальных сторонников [3]. При изучении, в проводимых исследованиях мы основываемся на определении терроризма, которое дается в Федеральном законе РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ, где терроризм рассматривается как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Существуют объективные условия и субъективные причины, способствующие всплеску в обществе террористической деятельности. Объективным условием роста террористической деятельности в нашей стране явились сложные процессы политического, экономического и социального порядка, связанные с преобразованием российского государства, с процессами глобализации и информационных противостояний в мире [6]. Группа внешнеполитических условий связана с фактом финансирования российских террористов рядом зарубежных негосударственных организаций и фондов и недостаточной борьбой зарубежных спецслужб с этим явлением. Соответственно, эти деньги при поступлении их в Россию тратятся на пропаганду терроризма и вербовку новых членов. Перекрытие этих каналов является важным аспектом профилактики вовлечения граждан в террористическую деятельность. Одной из причин повышенной террористической активности являются внутривнутриполитические процессы в определенных регионах, связанных не только с террористическим оппонированием федеральному центру, но и с внутренней борьбой локальных элит и кланов. Такого рода причины и условия очень активно способствуют вовлечению граждан в террористическую деятельность на одной из сторон [5].

Следует отметить, что современность региональной экономики и промышленности, связанная с образованной и квалифицированной рабочей силой, служит профилактическим заграждением от пропаганды терроризма и других экстремистских и радикальных идей, а архаичность региональной экономики и промышленности провоцирует население к занятию террористической деятельностью.

Конфессионально-религиозные причины и условия, способствующие вовлечению граждан в террористическую деятельность, являются одними из самых мощных и непосредственно действующих. Существует четкая тенденция усиления именно религиозного, а не национально-сепаратистского типа терроризма, причем число жертв гораздо больше при религиозно мотивированных терактах. Территориально-региональные причины и условия, способствующие вовлечению российских граждан в террористическую деятельность, в основном рассматриваются нами как региональный аспект всех других типов нашей классификации. Коррупция, низкий уровень государственного администрирования и слабая обратная связь от населения к местным властям являются общероссийскими проблемами. Ключевым вопросом среди психологов, исследующих феномен терроризма, является вопрос о том, что приводит того или иного человека в террористическую организацию; почему некоторые предпочитают оставить карьеру и развитие в обычном обществе ради зачастую опасного для жизни членства в незаконной группировке, призывающей к насилию [7].

Главная предпосылка заключается в том, что терроризм лучше всего будет понят сквозь призму психологической интерпретации материальных условий и возможностей преодолеть кажущуюся несправедливость, особенно несправедливость в процессах принятия решений. Исследователи, интересующиеся глубинной мотивацией террористов, указывают на большое значение положительной привлекательности ощущения принадлежности к тайной могущественной организации, способствующее успешному решению задачи самоидентификации при сохранении самого высокого уровня самооценки.

Таким образом, основной задачей противодействия информационно-психологическому воздействию на молодежь в современных условиях является осуществление комплекса мероприятий, проводимых в целях минимизации пагубных пропагандистского-психологических воздействий, достижения морально-психологической устойчивости, готовности к сопротивлению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бураева Л.А. Технологический и информационный аспекты компьютерного терроризма // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. – Том 15. – № 1. – С. 115-118.
2. Карданов Р.Р. Роль судебно-криминалистических экспертиз в антитеррористической деятельности // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. – 2014. – Т. 16. – № 1. – С. 92-96.

3. Тарчоков Б.А. Технологии манипуляционного воздействия, используемые террористическими организациями в вербовочной деятельности / Б.А. Тарчоков, З.Л. Шагапсоев // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 14. – С. 100–102.
4. Тарчоков Б.А. Мотивация преступных проявлений экстремистского характера // Наука и бизнес: пути развития. – 2013. – № 6 (24). – С. 77–81.
5. Тарчоков Б.А. Криминологическая характеристика причин распространения молодежного экстремизма // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 3. – С. 271–274.
6. Шагапсоев З.Л. Современные контуры системы противодействия различным проявлениям терроризма: учеб. пособие / З.Л. Шагапсоев, Б.А. Тарчоков. – Нальчик: СКИ(Ф) КрУ МВД России, 2012. – 136 с.
7. Голяндин Н.П., Ардавов М.М., Машекуашева М.Х. Взаимодействие органов внутренних дел с представителями религиозных конфессий: Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 16. – С. 127–131.

REFERENCES

1. Buraeva L.A. Technological and informational aspects of computer terrorism. [Tehnologicheskij i informacionnyj aspekty komp'yuternogo terrorizma]. *Reports Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences*. Vol. 15. no 1. Pp. 115–118. (in Russ.)
2. Kardan R.R. Role of forensic expertise in anti-terrorist activities. [Rol' sudebno-kriminalisticheskikh jekspertiz v antiterroristicheskoy dejatel'nosti]. *Reports of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences*. 2014. Vol. 16. No. 1. Pp. 92–96. (in Russ.)
3. Tarchokov B.A. Technology manipulation effects used by terrorist organizations in recruiting activities. B.A. Tarchokov, Z.L. Shhagapsoev. [Tehnologii manipuljacionnogo vozdejstvija, ispol'zuemye terroristicheskimi organizacijami v verbovochnoj dejatel'nosti. B.A. Tarchokov, Z.L. Shhagapsoev]. *Theory and Practice of Community Development*. 2014. No. 14. Pp. 100–102. (in Russ.)
4. Tarchokov B.A. Motivation criminal extremist manifestations. [Motivacija prestupnyh projavlenij jekstremistskogo haraktera]. *Science and business: ways of development*. 2013. No.6(24). Pp. 77–81. (in Russ.)
5. Tarchokov B.A. Criminological characteristics of reasons for the spread of youth extremism. [Kriminologicheskaja harakteristika pricin rasprostranenija molodezhnogo jekstremizma]. *Gaps in Russian legislation*. 2014. No. 3. Pp. 271–274. (in Russ.)
6. Shhagapsoev Z.L. The modern contours of countering the various manifestations of terrorism: Proc. benefit. Z.L. Shhagapsoev, B.A. Tarchokov. [Sovremennye kontury sistemy protivodejstvija razlichnym projavlenijam terrorizma: ucheb. posobie / Z.L. Shhagapsoev, B.A. Tarchokov.]. *Nalchik: SRS(f) Crewe Russian Interior Ministry*, 2012. 136 p. (in Russ.)
7. Golyandina N.P., Ardavov M.M., Mashekuasheva M.H. Interaction of Internal Affairs with representatives of religious denominations. [Взаимодействие органов внутренних дел с представителями религиозных конфессий]. *Theory and practice of social development*. 2014. No. 16. Pp. 127–131. (in Russ.)

Информация об авторе

Тарчоков Беслан Алексеевич, кандидат экономических наук, начальник кафедры действия ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета УВД России, полковник полиции, г. Нальчик (Кабардино-Балкарская Республика), Россия

mashekuasheva@mail.ru

Получена: 23.06.2015

Information about the author

Tarchokov Beslan Alexeyevich, Candidate for Doctorate in Economics, Head of the Chair of Police Actions in Exceptional Circumstances at the Northern Caucasian Institute for the Advanced Vocational Training (branch), Krasnodar University under the Russian Ministry of Interior, Colonel at the Police Dept, Nalchik city, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia

mashekuasheva@mail.ru

Received: 23.06.2015

УДК 351.74

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-214-216

ЧЕЧЕНОВ Амур Мухамедович,
преподаватель Северо-Кавказского института

CHECHENOV Amur Muhamedovich,
Lecturer of Northern Caucasian Institute

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ДЕЙСТВИЙ ОВД ПО
ОСВОБОЖДЕНИЮ ЗАЛОЖНИКОВ**

**ASPECTS OF ARRANGEMENT AND TACTICS
IN THE OPERATION OF ANTI-TERRORIST
FORCES UNDER THE MINISTRY OF
INTERIOR TO FREE HOSTAGES**

Случаи массовых беспорядков в учреждениях уголовно-исполнительной системы, как правило, сопровождаются захватом заложников из числа персонала этих учреждений. Так, с 1986 по 1990 г. в ИТУ и СИЗО было совершено 160 захватов заложников, захвачено 347 человек. В этих захватах принимали участие 635 осужденных и заключенных. При этом погибли двое заложников, трое сотрудников мест лишения свободы и 50 участников захвата.

В России, как и в странах СНГ, в последние годы (особенно в начале и середине 90-х) захват заложников становится нередким явлением. К числу многих факторов, существенно осложняющих оперативную обстановку, связанную с захватом заложников в Российской Федерации, относятся: политическая и социально-экономическая нестабильность, общее обострение криминальной ситуации, а также религиозный экстремизм на Юге России, межнациональные конфликты, продолжение антитеррористической операции федеральных сил, крайне тяжелое экономическое положение, массовая безработица, особенно в Чечне, Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии – Алании, близость государственной границы и т. д.

The paper considered the cases of mass disturbance in penal system' institutions generally followed by seizure of hostages from among the staff of these institutions. So far, from 1986 to 1990 160 hostage seizures have been committed in the ITU (i.e. corrective labor prison camps) and SIZO (i.e. pre-trial prisons) while 347 people have been captured; 635 convicts and detainees have taken part in these seizures, besides two hostages, three employees of the institutions of confinement and 50 participants in seizure of hostages have perished.

In Russia, as in the CIS countries seizure of hostages in recent years (especially in the early and mid-1990s) became a spread phenomenon. The factors the study should mention among the multiple ones (having significantly complicated the operational situation in Russian Federation with regard to hostage' taking) are as follows: political and social economic instability, generally worsened criminal situation and religious extremism in Southern Russia as well, ethnic conflicts, recurrent anti-terrorist operation the federal forces performed there, and extremely hard economic situation, widespread unemployment, particularly in Chechnya, Dagestan, Ingushetia, Northern Ossetia - Alania, and proximity of State borders, and so forth.

Ключевые слова: сотрудники полиции, массовые беспорядки, захват заложников, тактические действия, антитеррористические операции.

Key words: police officers, mass disturbance, seizure of hostages, tactic actions, anti-terrorist operation.

Основным объектом захвата заложника выступает общественная безопасность, а дополнительным – жизнь и здоровье людей, собственность, порядок управления. Почему же основным объектом захвата не является личность? Ведь именно на нее осуществляется посягательство, именно ее свободе, жизни, здоровью угрожает преступник? И все-таки основная опасность деяния заключается в том, что оно наносит ущерб жизненно важным интересам всего общества, неопределенно большего круга лиц. На это указывает цель совершения захвата – понуждение государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения как условие освобождения заложника [5]. Сам же захват или удержание заложника являются лишь средством достижения основной цели. Поэтому посягательство на свободу человека, а также иные общественные отношения, за исключением общественной безопасности, в данном преступлении следует отнести к дополнительным, или факультативным, объектам. Разработка плана начинается с получения исходной информации, ее анализа с учетом опыта проведения аналогичных мероприятий, рекогносцировки местности, обследования объектов проведения мероприятия, изучения маршрутов движения и путей подхода к остановкам общественного транспорта и т.д. В целом план должен предусматривать содержание мероприятий, время и место, состав и количество участников, оптимальный расчет сил и средств ОВД, то есть количество и виды нарядов, а также иных сил и средств, задействованных на мероприятии, границы оцепления, количество зон, секторов, участков, расположение пунктов управления, нормы выделения сил и средств от соответствующих подразделений, закрепление ответственных лиц за конкретными участниками и объектами и постановку задач перед ними, порядок введения режимов ограничений, организацию связи и взаимодействия, проведение комплекса противопожарных мероприятий, организацию материально-технического и медицинского обеспечения [1]. Следует кратко описать схему проведения спецоперации по освобождению заложников. А именно рассмотрим случай удержания заложников в здании. Прежде всего, когда поступает информация о заложниках, район здания оцепляется, для того чтобы террористы не ушли, не получили подкрепление. Далее формируется штаб спецоперации для координирования действий всех групп. Как правило, формируются следующие группы:

- захвата,
- огневой поддержки,
- оцепления,
- применения спецсредств.

Кроме того, специальная группа занимается сбором информации о террористах, переговорами с ними и т.д.

Далее следуют моменты психологического давления с целью избегания штурма. Это демонстрация силы:

- передвижение боевой техники и войск в зоне видимости,
- стрельба по крыше здания,
- давление посредством громкоговорящей техники и т.д.

Группа захвата находится в это время на позициях в ожидании команды на штурм. При этом они уже имеют описание внешности, одежды как заложников, так и террористов, а также, по возможности, их местоположение. Снайперы находятся на возвышенностях и перекрывают секторами обстрела все здание. Если переговоры не дали результатов, дается команда на штурм. Далее уже дело техники: проводятся отвлекающие маневры (производятся взрывы, запускаются собаки в здание, применяются дым, слезоточивый газ, светозумовые устройства) и сам штурм [3]. При этом необходимо помнить, что группа захвата отвечает за жизнь заложников. Следует четко обозначить: вышесказанное – это типичная схема.

В заключение можно сказать, что XX в. оказался особенно богатым как на количество случаев захвата заложников, так и на многообразие целей, которые при этом ставились. Все это обусловлено как влиянием двух мировых войн, так и значительным количеством локальных войн и конфликтов в разных частях планеты. Причем тяжесть последствий таких действий постоянно увеличивается, что связано в определенной степени с захватом заложников на воздушном и водном транспорте [2]. Такие же меры стали активно предприниматься и отдельными государствами в рамках собственных правовых систем. Следует вывод, что захват заложника, совершенный из корыстных побуждений, и похищение человека, совершенное из тех же побуждений и сопряженное с предъявлением требований к третьей стороне, на самом деле являются одним составом, который должен расцениваться как захват заложника [4]. Наиболее четким критерием разграничения захвата и других смежных составов является выдвижение определенных требований к государству, организациям или гражданам как условие освобождения потерпевшего. Отсутствие этого признака означает отсутствие состава захвата заложника [6].

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

- уголовная ответственность за захват заложников, лишение свободы и другие подобные действия существует с античных времен и в настоящее время имеется в УК большинства стран мира;
- система понятий, связанных с действиями, сопровождающимися захватом заложников, в мировом законодательстве окончательно не сформирована, на что указывают различия в квалификации отдельных преступных действий при трактовке конкретных составов в законодательствах различных государств;
- современное состояние проблемы захвата заложников и подобных преступных действий в УК РФ находится в стадии совершенствования и требует глубокого изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Тактико-специальная подготовка: Учебник / В 2 ч. 4.1. – М.: ДКСК МВД России, 2011.
2. Бондаревский И.И. Специальная тактика: Учебник. – М.: ЦОКР МВД России, 2005.
3. Арипшев А.М., Машекуашева М.Х. Спекулятивный экстремизм или ложный патриотизм // Черные дыры в Российском законодательстве. – № 5. – М.: Юр-БАК, 2014.
4. Машекуашева М.Х. Терроризм как угроза национальной безопасности / В сб.: Современные проблемы уголовной политики. Материалы международной научно-практической конференции. Под ред. А.Н. Ильяшенко. МВД РФ, Краснодарский университет МВД России, 2012. – С. 107-112.
5. Карданов Р.Р., Шагапсоев З.Л. Меры безопасности сотрудников ОВД при осмотре мест скрытого пребывания членов незаконных вооруженных формирований в горно-лесистой местности // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 1(28). – С. 169-172.
6. Тарчоков Б.А., Кочесокова З.Х. О некоторых закономерностях экстремальных факторов особенностями оперативных действий правоохранительных органов в ситуациях захвата заложников // Пробелы в Российском законодательстве. – 2014. – № 4. – С. 243-244.

REFERENCES

1. Tactical and special training: Textbook / 2h. 4.1. Moscow: State Commission Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011.
2. *Bondarevskiy I.I.* Special Tactics: Textbook. Moscow: TSOKR the Russian Interior Ministry, 2005.
3. *Aripshv A.M., Mashekuasheva M.H.* Speculative extremism or false patriotism. Black Holes in the Russian legislation. № 5. Moscow: Publishing House "IOP-WAC", 2014.
4. Terrorism is a threat to national security. Mashekuasheva MH In: Modern problems of the materials of the criminal policy of the international scientific-practical conference. Edited by A.N. Ilyashenko; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia. 2012. Pp. 107-112.
5. Safety of Police Officers during the inspection of places of stay hidden members of illegal armed groups in forested mountainous terrain Kardanov R.R., Shhagapsoev Z.L. Bulletin of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry. 2014. № 1 (28). Pp. 169-172. (in Russ.)
6. Some patterns of extreme factors the operational features of law enforcement actions in situations of hostage taking. Tarchokov B.A., Kochesokova Z.H. Gaps in Russian legislation. 2014. № 4. Pp. 243-244. (in Russ.)

Информация об авторе

Чеченов Амур Мухамедович, преподаватель кафедры ДОУ Северо – Кавказского института (филиал Краснодарского университета МВД России),
полковник полиции.
Нальчик (Кабардино-Балкарская Республика), Россия

Получена: 23.06.2015

Information about the author

Chechenov Amur Mukhamedovich, Lecturer at the Chair of Northern Caucasian Institute (Branch) Krasnodar University under the Russian Ministry of Interior,
Colonel at the Police Dept,
Nalchik city, (Kabardino-Balkarian Republic), Russia

Received: 23.06.2015

ЭМИРБЕКОВА Елена Эмирбековна,
кандидат юридических наук, доцент

EMIRBEKOVA Elena Emirbekovna,
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

ПРАКТИКИ ВЛАСТИ В ЯЗЫКОВОМ ПОЛЕ ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ

PRACTICES OF AUTHORITY IN THE FIELD OF LANGUAGE SPACE OF THE INDIVIDUAL

В статье в процессе социально-философского анализа выявляются практики власти в языковом поле пространства личности. Определяется главное назначение практик власти в языковом поле пространства личности. Указываются свойства языка, используемые в практиках власти, направленных на формирование языкового поля пространства личности. Языковое поле пространства личности, формируемое через насыщение его нормами и правилами, предстает как инструмент власти, при помощи которого создается основа любой исторической эпохи. В статье определено главное назначение практик власти в языковом поле пространства личности, заключающееся в языковой организации пространства личности через формирование ее повседневного мышления. Автор показывает, что практики власти в языковом поле пространства личности позволяют власти формировать мировоззренческие установки, исходя из которых впоследствии личность осуществляет свою жизнедеятельность.

The article, in the process of socio-philosophical analysis, highlights the practices of authority in the field of language space of the individual. The author defines the main purpose of authority practices in the field of language space of personality, gives characteristic features of the language used in the practice of the authorities aiming at the formation of linguistic space of personality. Linguistic field of personality space, formed through saturating it with rules and regulations, is presented as an instrument of power, with the help of which is formed the basis of any historical epoch. The article defines the main purpose of authorities' practices in the language field of personality space, which is in linguistic organization of personality space through the formation of its everyday thinking. The author shows that the practices of power in the language field of personality space allow authorities to shape worldviews, on the basis of which the person lives.

Ключевые слова: личность, пространство личности, языковое поле, власть, практики власти.

Key words: personality, personality space, linguistic field, authority, practices of the authorities.

Актуальность обозначенной темы. Практики власти в языковом пространстве личности основываются на системе «означающих» и «означаемых»: означаемое, репрезентируя, репрессивует представленное в нем означаемое. То есть, трансцендентальное означаемое фактически прекращает свое существование в реальности, означающее же, напротив, продолжает свое существование, но в другом измерении. Таким образом, формируется практически тотальное господство означающих как неких «атомов формирования реальности», а репрезентирующий знак оказывается в роли центра мифологического мира смысловой и логической упорядоченности. То есть личность, чтобы обозначить себя как существующую, вынуждена вписаться в заданную вербальную конструкцию при помощи высказывания, встав на позицию означаемого и тем самым принести свое собственное бытие в жертву социуму: «"Язык – фашист, понуждающий говорить..."» [1, с. 548] на определенные темы и по установленным языковым полям правилам.

В данном контексте практики власти, организующие языковое поле пространства личности, формируют неизбежность последовательного самоотчуждения личности в языке, что неизбежно приводит к подчинению означающему, то есть власти.

Таким образом, базовыми понятиями, определяющими логику раскрытия темы – практики власти в языковом поле пространства личности – выступают такие понятия, как: «язык», «языковое поле», «языковое поле пространства личности».

Понятие «язык». Представления о языке как знаковой системе, соотносящей понятийное содержание и типовое звучание/написание, прошли три стадии формирования: язык и мир вещей тождественны; язык есть связка между мыслительными представлениями; язык есть феномен, обладающий самостоятельным бытием. Последнее является преобладающим в современном научном знании. Однако рассмотрение языка как некоего ключа к пониманию мышления и знания о бытии и собственном бытии, также взаимоотношений между языком, бытием, мышлением всегда неоднозначно трактовалось в лингвофилософских концепциях как независимые друг от друга (дуализм), частично тождественные, тождественные (монизм).

Кроме того, соотношение языка, бытия, мышления рассматриваемых как «первоначал» бытия и «первозлементов» реальности в процессе их изучения может сводиться к исследованию: слова (имени, языкового знака, предложения, синтаксиса, грамматической категории); мысли (понятия, логического суждения, знания, логической категории); вещи (свойства, отношения). Начиная с исследований К. Леви-Стросса, Ф. Соссюра, М. Фуко, язык начинает рассматриваться как самодостаточное непроницаемое, но всепроницающее по отношению к социальной реальности явление, а акцент переносится с исследования собственно языка на его «имманентную реальность» – языковое поле.

Языковое поле представляет собой один из тех механизмов, при помощи которого, исходя из концепции Лакана, происходит формирование социальной реальности и функционирова-

ние личности как вербальных явлений. Он объясняет это тем, что «Эго» личности представляет собой продукт языка и культуры. Проходя процесс социализации, личность создает для социального окружения в пространстве языка свою вербальную конструкцию – «фантазматическое Я», «Себя Другого» в символическом контексте культуры как «...поле трансиндивидуальной реальности», поскольку именно «символ появляется раньше человека и дает ему возможность быть человеком» [2, с. 47]. Социальная же реальность формирует и поддерживает в личности желания так, что для их удовлетворения они должны быть признаны в символе, а символизация желаний, в свою очередь, вынуждает искать вербального согласия. Таким образом, вся многогранность личности сводится к вербальной конструкции, которую она репрезентует социуму, вызывая у окружающих представление о себе, закрепляемое также в вербальной конструкции, но уже трансформированной через чужое восприятие и закрепленное в вербальных конструкциях других.

Данная констатация личности, по своей сути, есть одно из проявлений власти, поскольку вербальные конструкции, помещая личность в рамки языкового поля, закабаляют ее, лишая свободы (свободы выражения, свободы быть собой). При этом даже бессознательно с этой позиции предстает как поработанное, поскольку так же, как и сознание, организовано в языке. И эти множасьщиеся конструкции формируют представления о реальности, мифологизируя ее и не давая возможности личности не только высказать, но и осознать правду о ней. Примерно в том же русле размышлял М. Фуко, полагавший, что в европейской культуре не существовало никогда вытеснения, как трактует это психоаналитическая традиция, а только разработанная и хорошо организованная система вербальных конструкций: «У каждой эпохи свой способ сборки языка, зависящий от корпуса ее высказываний, ... где историческая формация есть ... специфическое проявление функционирования культурного бессознательного в конкретную историческую эпоху в виде различных дискурсивных практик, характерных для данного времени» [3, с. 78-97].

Таким образом, *языковое поле пространства личности*, формируемое при помощи насыщения его нормами и правилами, предстает как практика власти, при помощи которой создается основа любой исторической эпохи. Данный тезис находит подтверждение в фукольдской концепции, где язык рассматривается как «воплощение социальной реальности, область приложения социальных сил ... и транслятор социальных механизмов власти, поскольку бытие языка ... сходно с бытием власти ... исходя из глубины социального организма, пронизывает все и скорее закладывает основы общества, чем упорядочивает его» [4, с. 42-43].

Понятия «производство знаний о мире» и «тавтология» отдельной проработки не требуют, однако понятие «симулякр» требует пояснения в силу определенной трансформации в его трактовке в рамках научного знания. Понятие «симулякр» ввел Платон для обозначения неверной копии эйдоса. Позднее данная концепция была преобразована Ж. Делёзом в контексте «освобождения симулякра» через включение его в игру на основе различия, а не сходства, как некой системы (симулякр), «где различное соотносится с различным посредством самого различия» [5, с. 161] и включает в себя глубину; поля индивидуации, формируемые интенсивностями, образующимися на глубине; связывающий их «темный предшественник»; соединения («внутренние переклички»); субъекты в формирующиеся пространственно-временные динамизмы; качества и пространства (формируют двойную дифференциацию системы и перекрывают все предыдущие факторы); центры «упаковки» в пространстве. Таким образом, данные системы (симулякры), по Делезу, предстают как то место, где актуализируются идеи. Впоследствии Бодрийяр упростил данное понятие, сведя его к «копии реальности» и применяя его при анализе массовой культуры. То есть, симулякр, стремясь соответствовать натуральному знаку, который отсылает воспринимающего к означаемому им, вынужден к чему-то «отсылать», но в силу того, что является копией реальности, единственное, к чему он может «отослать», это к самому себе. Как следствие, для того чтобы обеспечить себе жизнеспособность, он должен создавать иллюзию многомерности.

Развивая данную тему, С. Жижек представляет идеологию как некое погружение в иную реальность, дающую возможность бегства от реальности невыносимой, где доминирующая идеология не предполагает серьезного к ней отношения и данная игра, заданная властью, симулируя сама себя, осуществляет экспансию пространства личности.

То есть, основываясь на фукольдской традиции в современной социальной философии, можно сделать вывод, что *практики власти через языковое поле пространства личности приобретают контроль над сознанием личности. Этот контроль основывается на том, что языковой характер знания обуславливает восприятие сознания личности как исключительно языковое. Кроме того, поскольку язык предопределяет мышление и те формы, которые оно в нем обретает («мыслительные формы»), то и порождающие их практики власти одновременно формируют поле сознания, своим воздействием постоянно расширяя его и тем самым осу-*

существовая функцию контроля над сознанием личности. То есть, власть производит знание в силу того, что власть и знание изначально предполагают существование друг друга: не может быть власти без соответствующего знания о власти и нет знания, которое не образует некоторым образом отношений власти, так как знание, по сути, есть не продукт деятельности познающей личности, а власти, которая задает области и формы знания. И, следовательно, любая официальная истина всегда есть продукт определенного типа власти, легитимирующего ее интерпретацию. Данная монополия власти в области знания определяется тем, что мышление протекает в «зазоре» между видением и говорением (как внутренним, так и внешним), который задает, актуализируя нечто в виде проблемы, требующей решения, а значит, говорения о ней. И именно власть и определяет впоследствии «правильное решение» в виде официальной «истины», (являющейся на самом деле практикой власти), закрепляя ее в сознании личности при помощи мифа «свобода есть признание официальной истины, ее отвержение есть проявление заблуждения ума или духа» [6, с. 78].

Формируемый таким образом мир повседневности определяет повседневное мышление как отдельную категорию мышления личности, через которую личность воспринимает повседневный мир как мир организованный его самостью и оттого являющийся его частным миром, сформированным из совокупности проинтерпретированных им значений и оттого дающий ему опору. Однако в силу того, что пространство повседневности формируется речью и «повседневность рождается в деятельности проговаривания себя» [7, с. 176], личность социализируется, самоидентифицируясь с универсальным дискурсом власти, выступающей в роли субъекта через заданные параметры повседневного мышления, детерминирующего пространство личности. Однако, как отмечал Б. Вальденфельдс, в силу того, что повседневность стремится к рациональности, а власть к формированию псевдорациональных установок, предотвращение конфликта столкновения данных противоположных тенденций происходит через латентные мифы современности, которые, по сути, становятся теми скрытыми языковыми стержнями, на основе которых возникают, по терминологии Р. Барта, «социолекты». При этом форма в мифе заслоняет смысл, и в результате, достигая сознания личности, мифологическое сообщение замыкается на себя, приобретая тем самым статус всеобщности. Таким образом, миф, перерабатывая историческую реальность, придает ей видимость естественного и необходимого, убирая проблему, лишая ее глубины и успокаивая повседневное мышление. Стержнем, на который опираются в большинстве случаев данные метафорические построения, выступает так называемый «здоровый смысл», преподносимый в виде истины и воспринимаемый как таковой, поскольку, лишенный автора, предстает как всеобщее достояние и оттого непререкаемое, некая универсальная конструкция в руках того, кто ее использует.

Исходя из сказанного выше, констатируем, что мифологизация реальности, а точнее многочисленные и разнонаправленные мифологизации реальности представляют собой следствие практик власти в языковом поле пространства личности. При этом практика производства истины представляет собой вертикаль, собирающую вокруг основной силовой линии все общество и тем самым формирующую стержень этой всеобщей истины, о которой говорят на всеобщем языке для данного общества, а мифы расходятся по горизонтальным плоскостным отражениям граней сформированной властью истины. Собственно же источником корректировок истины или введения новой является существующая в данную историческую эпоху система «власть – знание»: власть как инициатор трансформаций реальности, знание как способ истолкования преобразованной реальности.

Систематизированное истолкование искаженной / трансформированной / преобразованной реальности, организованное вокруг центральной истины, можно назвать идеологией. В данном контексте язык предстает как субстанция, порождающая модусы различных идеологий, а официально закрепленная истина – как практика власти в языковом поле пространства личности, внедряемая в ее (личности) сознание при помощи мифологизации повседневного мышления. При этом идеология, находясь в позиции вовне относительно данного лингвистического универсума, во многих параметрах его определяет. Таким образом, *идеология предстает как практика власти в языковом поле, определяющая и трансформирующая пространство личности.* Применение практик власти в языковом поле пространства личности направлено на актуализацию однопорядковых коннотативных значений, в совокупности создающих заданный вид мифологизированной реальности, и основано на том, что «...последовательность слов по отношению к одновременности представлений является искусственной, и язык противостоит мышлению, как обдуманное – непосредственному» [8, с. 128]. Таким образом, формирование и закрепление официальной истины в сознании личности происходит при помощи идеологии, стержнем которой и является официальная истина.

Авторская новизна решения обозначенной темы. Выявлены практики власти в языковом поле пространства личности, к которым относятся языковое поле, официальная истина, идеология. Языковое поле пространства личности, формируемое через насыщение его нормами и правилами, предстает как инструмент власти, при помощи которого создается основа любой исторической эпохи. Определено главное назначение практик власти в языковом поле пространства личности, заключающееся в языковой организации пространства личности через формирование ее повседневного мышления. Указаны свойства речи, используемые в практиках власти, направленных на формирование языкового поля пространства личности, а именно следующее: производство знаний о мире (формирование этого знания), тавтологии (пересказывание известного), симулякры (знаков, отсылающих к самим себе) формирует знание, трактуемое как официально закрепленная истина, но служащее на самом деле интересам власти, признание которой детерминирует пространство личности. Непризнание личностью предложенного знания, даруя духовную свободу, помещает ее в ситуацию неопределенности и риска. То есть официально закрепленная истина предстает как практика власти в языковом поле пространства личности. Официально закрепленная истина выступает в качестве стрелы идеологии, которая через языковое поле задает и трансформирует пространство личности. Исходя из этого, в контексте данного исследования язык как социальный феномен в процессе своего функционирования (практики власти) создает языковое поле (бытие), которое предопределяет направление повседневного мышления личности, детерминируя тем самым пространство личности. В современном обществе практики власти в языковом поле пространства личности активно применяются на внутриличностном и межличностном уровнях, то есть там, где возможно наиболее эффективное функционирование двух взаимодополняющих процессов: самовнушения и группового внушения. Практики власти в языковом поле пространства личности позволяют власти формировать мировоззренческие установки, исходя из которых впоследствии личность осуществляет свою жизнедеятельность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Барт Р. Актовая лекция / Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс; Универс, 1994. – 616 с.
2. Лакан Ж. Функция и поле речи языка в психоанализе. – М.: Гнозис, 1995. – 101 с.
3. Делез Ж. Фуко. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. – 172 с.
4. Михель Д. Мишель Фуко в стратегиях субъективации: от «Истории безумия». – Саратов, 1996. – 136 с.
5. Делез Ж. Различие и повторение. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
6. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда. – М: Русское феноменологическое общество/Логос, 1997. – 184 с.
7. Тесля С.Н. Опыт аналитики повседневного. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 229 с.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб., 1994. – 408 с.

REFERENCES

1. Bart R. Lecture of act. Selected Works: Semiotics. Poetics. [Aktovaja lekcija. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika] Moscow: Progress; Univers, 1994.
2. Lacan J. Function and field of speech in the language in psychoanalysis. [Funkcija i pole rechi jazyka v psihoanalize]. Moscow: Gnosis, 1995.
3. Deleuze J. Foucault. Moscow: Publishing house of humanitarian literature, 1998.
4. Michael D. Michel Foucault in the subjectivation strategies: from "History of Madness". [Mishel' Fuko v strategijah sub#ektivacii: ot «Istorii bezumija»]. Saratov, 1996.
5. Deleuze J. Difference and Repetition. [Razlichie i povtorenie]. Sankt-Petersburg: TOO TK Petropolis, 1998.
6. Lacan J. Instance of the letter in the unconscious mind, or fate after Freud. [Instancija bukvy v bessoznatel'nom ili sud'ba razuma posle Frejda]. Moscow: Phenomenological Russian society. Logos, 1997.
7. Teslya S.N. Experience of analyzes of everyday life. [Opyt analitiki povsednevnogo]. Moscow: Moscow University Press, 1995.
8. Foucault M. Words and things. Archaeology of Humanities. [Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk]. Sankt-Petersburg., 1994.

Информация об авторе

Эмирбекова Елена Эмирбековна, кандидат юридических наук, доцент, Махачкала, Дageстан,
elena_1980@mail.ru

Получена: 27.08.2015

Information about the author

Emirbekova Elena Emirbekovna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Makhachkala city, (Dagestan), Russia
elena_1980@mail.ru

Received: 27.08.2015

***Образование
и педагогические науки***

***Education
and Pedagogical Sciences***

УДК 37.03

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-223-226

АВДЕЕВА Татьяна Ивановна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры
естественнонаучных и социально- гуманитарных дис-
циплин

AVDEEVA Tatiana Ivanovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Chair for Natural Sciences and Humanities

ВЫСОКОС Мария Ивановна,
кандидат физико-математических наук, доцент
кафедры математики и физики

VYSOKOS Maria Ivanovna,
Candidate in Physics and Mathematics, Associate
Professor, Chair for Physics and Mathematics

ЗЫКОВА Светлана Ивановна,
кандидат химических наук, доцент кафедры химии

ZYKOVA Svetlana Ivanovna,
Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor,
Chair for Natural Sciences and Humanities

КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

THE FORMATION OF SPIRITUAL-AESTHETIC VALUES IN THE CLASSES ON «CONCEPTS OF MODERN NATURAL SCIENCE»

В статье рассмотрена проблема формирования духовно-эстетических ценностей на занятиях «Концепции современного естествознания». Отмечается, что эстетический подход к освоению «Концепций современного естествознания» способствует формированию целостности, единства и взаимосвязи знаний, в представлениях студентов складывается единая естественнонаучная картина мира, в которой духовно-эстетическое начало играет объединяющую роль. Особое внимание уделено определению ценностных установок для формирования духовно-эстетических ценностей у студентов. Показано, что ценностные установки коррелируют со следующими факторами учебного процесса: с формированием у студентов знаний конкретного естественнонаучного характера; с направленностью процесса восприятия на актуализацию личностного смысла учебного материала с целью приобретения умений анализа и самоанализа как высших факторов развития духовно-эстетических ценностей. Раскрывается специфика формирования духовно-эстетических ценностей на занятиях. В связи со спецификой сформулированы специальные методы формирования духовно-эстетических ценностей различных этапов развития естествознания; метод анализа духовно-эстетической позиции ученого; метод ассоциативного соотнесения духовно-эстетического в науке с жизненной позицией студента; метод сопоставления разных наук (химии, физики, биологии) по принципу сходства и различия духовно-эстетических ценностей. Делается вывод о том, что духовно-эстетическое развитие личности – результат длительной, глубокой творческой работы по освоению прекрасного в действительности.

The article highlights the problem of formation of spiritual-aesthetic values in the classroom «Concepts of modern natural science». It is noted that the aesthetic approach to the development of «Concepts of modern natural science» promotes integrity, unity and interrelation of knowledge, enhances the formation in the minds of students of an integral scientific picture of the world in which spiritual-aesthetic principles have a unifying role. Special attention is given to the determination of value orientations of students for the formation of their spiritual-aesthetic values. It is shown that value orientations correlate with the following factors of educational process: the formation of students' knowledge of specific scientific character; orientation of perception processes towards actualization of personal meanings of learning materials improving the skills of analysis and introspection as the highest factors in the development of spiritual-aesthetic values. The article highlights the specifics of formation of spiritual-aesthetic values in the classroom. In the context of these specifics the author defines the *ad hoc* methods of the formation of spiritual-aesthetic values during the classes on «Concepts of modern natural sciences»: method of identifying the spiritual-aesthetic values of different stages of natural science development; method of analyzing the spiritual-aesthetic position of the scholar; method of associative correlation of spiritual-aesthetic aspects in science with the viewpoints of the student; method of comparing different sciences (chemistry, physics, biology) based on similarities and differences of spiritual-aesthetic values. It is concluded that the spiritual-aesthetic development of personality is a result of long and profound creative work enhancing the perception of beautiful in reality.

Ключевые слова: духовно-эстетические ценности, концепции современного естествознания, ценностные установки.

Key words: spiritual-aesthetic values, concept of modern natural science, values orientation.

Прекрасное в жизни – и средство, и результат формирования духовно-эстетических ценностей личности. Они концентрируются в искусстве, художественной литературе, неразрывно связаны с природой, общественной и трудовой деятельностью, бытом людей, их взаимоотношениями. Система духовно-эстетического воспитания в целом использует все духовно-эстетические явления действительности. Особое значение при этом придается восприятию и пониманию прекрасного в окружающем мире, развитию у человека способности вносить красоту в жизнь.

В процессе освоения дисциплины по выбору «Концепции современного естествознания» (далее КСЕ) продолжается овладение более сложными закономерностями таких областей естествознания, как физика, химия, биология. Процесс развития естествознания как науки, ее история дают нам возможность показать величие и благородство в стремлении человека проникнуть в таинственный мир природы, помочь человечеству создать совершенные формы существования на земле и в космическом пространстве. История развития естествознания, био-

графии деятелей науки имеют огромную духовно-эстетическую ценность. Рассказывая на занятиях «КСЕ» о жизненном и научном пути таких ученых, как М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, К.Э. Циолковский, К.А. Тимирязев, С.П. Королев, преподаватель показывает, что увлечение наукой пробуждает в человеке благородные мысли и чувства, формирует характер и мировоззрение, что оно неотделимо от романтического отношения к жизни и в самой науке есть поэтичность, есть духовно-эстетическое.

Таким образом, интерес к знанию складывается во многом тогда, когда в личности заложено духовно-эстетическое отношение к действительности. Духовно-эстетические ценности формируются не только благодаря изучению истории естествознания и биографии деятелей науки. Сами по себе физические, химические закономерности гармоничны и красивы и удовлетворяют требованиям формирования духовно-эстетических ценностей. Например, законы физики, формулы химических реакций, классификации животных и растительных форм оставляют впечатление органичности, так как они в своей предметной области отражают духовно-эстетическую ценность и содержание.

Для того чтобы сформировать духовно-эстетические ценности, необходимо научить студентов понимать и находить духовно-эстетическое в науке, научить наблюдать красоту природных форм. Например, рассматривая тему «Законы природы и законы социума», преподаватель акцентирует внимание студентов на пропорциональности строения листьев, цветов, окраске птичьих перьев, соразмерности и красоте тела животных, человека, отмечая, что особым совершенством формы отличается человек.

Рассматривая тему «Химическая картина мира», преподаватель рассказывает о разнообразии кристаллов в неживой природе, отмечает гармонию и пропорциональность их граней, своеобразие кристалла каждого элемента, их неповторимость. Необходимо так же отметить эстетические свойства самой химии: красоту ее строгих понятий и представлений, законов и систем. В этом отношении ярчайшим примером может служить периодическая таблица Менделеева с удивительно гармоничным, красивым движением в ней элементов, четким, определенным нарастанием одних их свойств и убыванием других. В образном плане о ней можно говорить как о ритмичной «музыкальной картине» материальных основ нашего мира. Таблица, созданная гениальным ученым, вызывает духовно-эстетическое чувство, родственное переживанию какого-либо музыкального образа.

При изучении темы «Человек как предмет естествознания и философии» можно рассмотреть еще один источник красоты – историю научных открытий, возбуждающую не только чувства прекрасного, удивительного, но и переживание героического, драматического, возвышенного, трагического. Таким примером может послужить эпизод мужества ученого Л. Пастера, испытавшего на себе результаты сделанных открытий (привил себе возбудителей опасной болезни).

Обращаясь к теме «Космологическая картина мира», преподаватель демонстрирует студентам карту звездного неба, имеет возможность объяснить им, как звездные скопления, сама Вселенная оказывают духовно-эстетическое воздействие на наблюдателя.

Таким образом, поставив цель формирования духовно-эстетических ценностей на занятиях «КСЕ», мы демонстрировали духовно-эстетические стороны изучаемой естественнонаучной проблемы, внимательно анализировали учебный материал и разработали последовательные шаги в достижении нашей цели на разных этапах обучения. Так, в зависимости от темы занятия мы в изучаемых явлениях выделяли такие признаки духовно-эстетического, как пропорциональность, разнообразие, красота формы, декоративность, гармония и единство целого.

Формирование духовно-эстетических ценностей на занятиях «КСЕ» протекает более эффективно, если в процессе восприятия учебного материала задействован психологический механизм установки.

При формировании духовно-эстетических ценностей у студентов в процессе изучения дисциплины по выбору «КСЕ» влияние установки выражается в направленности этого процесса на духовно-эстетические особенности естествознания. Таким образом, предваряя восприятие учебного материала, перед студентами необходимо выдвинуть конкретные цели и задачи, которые направят их деятельность в оценочное русло.

Мы условно назвали данный вид установок «ценностными», так как их содержание отражает смысл восприятия в контексте формирования духовно-эстетических ценностей на занятиях «КСЕ». Ценностные установки актуализируют духовно-эстетическую значимость учебного материала, направляют внимание студентов по необходимому руслу и существенно корректируют их восприятие в названном направлении.

Ценностные установки корреспондируют со следующими факторами учебного процесса: во-первых, с формированием у студентов знаний конкретного естественнонаучного характера;

во-вторых, с направленностью процесса восприятия на актуализацию личностного смысла учебного материала с целью приобретения умений анализа и самоанализа как высших факторов развития духовно-эстетических ценностей.

Можно констатировать, что большое значение в успешном приобщении к красоте науки и познания имеет выбор наиболее эффективных методов изложения учебного материала и правильное сочетание этих методов с особенностями духовно-эстетического развития студентов. Методы преподавания «КСЕ» должны быть адекватными поставленной цели и способствовать воздействию на внутренний мир студентов.

Подробно останавливаться на общих методах изложения материала мы не будем, отметим лишь специальные, применяемые нами в ходе преподавания. К ним относятся: во-первых, метод выявления духовно-эстетических ценностей различных этапов развития естествознания. Во-вторых, метод анализа духовно-эстетической позиции ученого. В-третьих, метод ассоциативного соотнесения духовно-эстетического в науке с жизненной позицией студента. В-четвертых, метод сопоставления разных наук (химии, физики, биологии) по принципу сходства и различия духовно-эстетических ценностей.

Отметим, что применение выделенных методов, связанных с формированием духовно-эстетических ценностей у студентов в процессе освоения дисциплины по выбору «КСЕ», не должно ограничивать инициативу преподавателя, который может опираться и на любые другие методы, целенаправленно способствующие достижению воспитательного эффекта и позволяющие педагогу сконцентрировать внимание студентов на духовно-эстетических ценностях в окружающей жизни.

Духовно-эстетическое развитие личности – результат длительной, глубокой творческой работы по освоению прекрасного в действительности. Конечно же, духовно-эстетическое воспитание не ограничивается сферой прекрасного, оно формирует в человеке творческое отношение к труду, окружающему миру. Постоянное и вдумчивое общение человека с миром прекрасного закладывает привычку мыслить, сравнивать, сопоставлять.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Зыкова Т.И. Методы формирования духовно-эстетических ценностей у студентов технического вуза // Вопросы культурологии. – № 6. – 2007. – С. 49-51.
2. Кампанелла Т. О превосходстве человека над животными и о божественности души. Эстетика Ренессанса: Антология. Том 1. – М.: Искусство, 1981. – С. 422, 424.
3. Киященко Н.И., Лейзеров Н.Л. Эстетическая культура и эстетическое воспитание. – М., 1983. – С. 59-62.
4. Концепции современного естествознания: учебник для бакалавров. Под. ред. В.Н. Лавриненко. 5-е изд., перераб. и дополн. – М.: Юрайт, 2013. – 462 с.
5. Смольянинов И.Ф. Природа в системе эстетического воспитания. – М.: Просвещение, 1984. – 207 с.
6. Dewey Y. Art as Experience. New-York, 1934. P. 192.

REFERENCES

1. Zykova T.I. Methods of formation of spiritual and aesthetic values of students of technical University. [Metody formirovaniya dukhovno-esteticheskikh tsennostey u studentov tekhnicheskogo vuza]. *Issues of cultural studies*, No. 6, 2007. P. 49-51. (in Russ.)
2. Campanella T. About the superiority of man over animals, and of the divinity of the soul. [O prevoskhodstve cheloveka nad zhyvotnymi i o bozhestvennosti dushi.]. The Aesthetics Of The Renaissance: An Anthology. Volume 1. *Moscow: Iskusstvo*, 1981. P. 422, 424. (in Russ.)
3. Kiyashchenko N.I., Lazarov N.L. Aesthetic culture and aesthetic education. [Esteticheskaya kul'tura i esteticheskoe vospitanie]. *Moscow*, 1983. p. 59-62. (in Russ.)
4. The concept of modern science: a textbook for bachelors. [Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya: uchebnik dlya bakalavrov]. Under. ed. by V.N. Lavrinenko. 5th edition, revised and enlarged. *Moscow: Urait*, 2013. 462 p. (in Russ.)
5. Smolyaninov I.F. Nature in the system of aesthetic education. [Priroda v sisteme esteticheskogo vospitaniya]. *Moscow: Education*, 1984. 207 p. (in Russ.)
6. Dewey Y. Art as Experience. *New-York*, 1934. p. 192.

Информация об авторе

Авдеева Татьяна Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры естественнонаучных и социально-гуманитарных дисциплин, Московский

Information about the author

Avdeeva Tatiana Ivanovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Chair for Natural Sciences and Humanities, Moscow State University of Technologies and Manage-

Государственный Университет Технологий и Управления имени К.Г. Разумовского, филиал в г. Орехово-Зуево, г. Орехово-Зуево (Московская область), Россия
avdeeva-t-i@mail.ru

Высокос Мария Ивановна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математики и физики, Государственный гуманитарно-технологический университет», Орехово-Зуево, Московская область, Россия

Зыкова Светлана Ивановна, кандидат химических наук, доцент кафедры химии, «Государственный гуманитарно-технологический университет», Орехово-Зуево, (Московская область), Россия

Получена: 07.08.2015

ment named after K. G. Razumovsky, branch in Orekhovo-Zuyevo,
Orekhovo-Zuyevo city, (Moscow region), Russia

avdeeva-t-i@mail.ru

Vysokos Maria Ivanovna, Candidate in Physics and Mathematics, Associate Professor, Chair for Physics and Mathematics, State Humanitarian and Technological University, Orekhovo-Zuyevo city, (Moscow region), Russia

Zykova Svetlana Ivanovna, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Chair of Chemistry, State Humanitarian and Technological University, Orekhovo-Zuyevo city, (Moscow region), Russia

Received: 07.08.2015

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-227-231

БОЛОКОВА Нуриет Кадырбечевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка как иностранного

BOLOKOVA Nuriet Kadirbechevna,
Candidate of Philology, Assistant Professor, Chair of
Russian as a Foreign Language

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ КОНЦЕПТА «ВРАЧ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

TRANSFORMATION OF AXIOLOGICAL OPTIONS OF THE CONCEPT 'DOCTOR' IN MODERN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

Статья посвящена важному и актуальному вопросу трансформаций ценностных параметров концептов, в частности концепта «врач», в современной лингвокультуре. Материалами для исследования послужили современная литература, журналы, газеты, пословицы и афоризмы, отображающие языковую картину современного русского языка. Проводя наблюдения над изменением аксиологических параметров концепта «врач» в современной лингвокультуре, автор отмечает наличие двух противоположных тенденций: 1) усиление положительной оценки и 2) разрушение положительной оценки данного концепта. Концепт «врач» включает в себя культурные общечеловеческие ценности, которые обуславливают аксиологию данной лингвокультурной единицы. В статье также говорится о стереотипах и их репрезентировании посредством концепта; и в тех, и в других аксиологическая составляющая значима. По большому счету, врач (не какой-то конкретный, а обобщенный образ) у большинства людей ассоциируется с положительным результатом – улучшением здоровья, спасением жизни.

The article is devoted to important and topical issues of transformation of value-parameters of concepts, in particular, the concept 'doctor' in the modern linguistic culture. The study is based on such materials as modern literature, magazines, newspapers, proverbs and sayings, reflecting the linguistic picture of the modern Russian language. After observation of the transformation of axiological parameters of the concept "doctor" in modern linguistic culture, the author states that there are two opposite trends: 1) strengthening of positive evaluation, 2) destruction of positive evaluation of this concept. The concept 'doctor' includes universal cultural values that form axiology of this linguistic-cultural unit. The article also tells about stereotypes and their representation through concepts; for both of them axiological component is significant. By and large, most of people associate a doctor (not a particular one but a generalized image) with positive results - improving health, saving lives.

Ключевые слова: поверхностные стереотипы, глубинные стереотипы, аксиологические параметры, концепт, положительная аксиология, врач, русская языковая культура, национальный характер, афоризм, пословица.

Key words: superficial stereotypes, inner stereotypes, axiological parameters, concept, positive axiology, doctor, Russian language culture, national character, aphorism, saying.

Аксиология лингвокультурного концепта «врач/медик» обусловлена включением в те культурные ценности, которые являются вечными: это жизнь каждого человека, биологическое выживание социума, человечества в целом.

В ряде концептов, особенно культурно значимых, отпечатались определенные культурные стереотипы, а стереотипы, в свою очередь, могут быть репрезентированы посредством концептов; и в тех, и в других чрезвычайно значима аксиологическая составляющая. В стереотипах некоторые исследователи выделяют две категории: глубинные и поверхностные. **Поверхностные стереотипы** – это те представления о том или ином народе, которые обусловлены исторической, международной, внутривнутриполитической ситуацией или другими временными факторами. Эти стереотипы меняются в зависимости от общественной ситуации. Продолжительность их бытования зависит от общей стабильности в обществе. **Глубинные стереотипы**, как правило, неизменны, они не меняются с течением времени. Они чрезвычайно устойчивы и именно они представляют наибольший интерес для исследования особенностей так называемого национального характера [1, с. 98].

Так или иначе, стереотипные представления подвергаются различного рода трансформациям, ведь без изменений невозможен никакой прогресс, никакое развитие научной мысли.

Проводя наблюдения над изменением аксиологических параметров концепта «врач» в современной лингвокультуре, можно отметить, как это ни парадоксально, наличие двух противоположных тенденций: 1) усиление положительной оценки и 2) разрушение положительной оценки данного концепта.

Поясним это следующим образом.

Усиление положительной оценки объясняется рядом факторов. Значимость медицины как таковой и, соответственно, медиков в настоящее время повышается, так как люди гораздо большее внимание стали уделять своему здоровью; актуальным и даже модным стало понятие «здоровый образ жизни». Темп и нагрузки современного образа жизни вынуждают поддерживать здоровье на должном уровне, поэтому возросло внимание не только к лечению заболеваний, но и к их профилактике. Улучшение условий жизни в связи с развитием научно-технического прогресса и просветительской ролью средств массовой информации заставляют шире обращать внимание масс на понятия, связанные с гигиеной. Развитие медицины, появление новых препаратов и медицинской аппаратуры, технологий проведения операций, распространение медицинских знаний, появление аптек и пунктов медицинской помощи даже в самых

отдаленных и глухих поселениях, снятие запрета на народную медицину изменяют сознание масс, и поэтому распространенная некогда поговорка «Бог дал, Бог и взял», обычно употребляющаяся по отношению к серьезным болезням, смерти, постепенно вытесняется в сознании людей пониманием необходимости обращения за медицинской помощью вместо смиренного ожидания и бездействия во время болезни. Излечение ряда недугов, считавшихся ранее безнадежными, облегчение страданий больных людей безусловно заставляют испытывать благодарность к врачам, даже восхищение и преклонение перед ними, что повышает положительную оценку, содержащуюся в концепте «врач/медик».

Кроме того, ценностно-оценочный компонент концепта «врач/медик» повышается также в связи с тем, что на вопросы этического характера стали обращать внимание в ряде других профессий, что отражается и в соответствующих институциональных дискурсах, например в журналистском, в рекламном и т.д. Так, в целом ряде принятых 38-142.налиста: Документы и справочные материалы. нанести моральную травму людям с физическими или умственными недостатками- 228 -- 228 -кодексов профессии журналиста содержатся пункты этического характера, затрагивающие медицинские аспекты.

Приведем ряд примеров: «Журналист обязан не допускать пренебрежительного предвзятого отношения к человеку или группе лиц по признаку пола, возраста, расы, религии и социального статуса, а также к людям, имеющим физические недостатки или умственные отклонения... Следует также воздерживаться от выражений, могущих нанести моральную травму людям с физическими или умственными недостатками» [2, с. 140]; «журналист не должен публиковать непроверенную информацию медицинского характера... Журналист должен быть особенно чутким и внимательным по отношению к детям и подросткам с физическими или умственными недостатками» [3, с. 159]; «при выполнении профессионального долга журналист обязан уважать право граждан на справедливый и беспристрастный суд, достоинство, частную жизнь и здоровье» [4, с. 162].

Все это повышает внимание общества и каждого конкретно человека к медицинской деятельности, способствует усилению положительной оценки концепта «врач/медик» на современном этапе его существования.

Что касается усиления второй из отмеченных тенденций – отрицательных оценок, приводящих даже к разрушению положительной аксиологии рассматриваемого концепта, – приведем следующие факты.

Как известно, в русской лингвокультуре издавна имели место отрицательные оценки, имеющие отношение к концепту «врач/медик» (см., например: Лейбович 1926; Лейбович 1928; Лозинский 1911; Маслов 1928). В русских пословицах, имеющих отношение к здоровью, к лечению, наряду с положительнооценочными, хотя и в незначительном количестве, но все же имеются и отрицательные, например:

«Где много лекарей, там много и больных»;

«Кто лечит, тот и увечит».

В довольно большом количестве современных изречений, афоризмов содержится ироническое отношение к медикам, подтрунивание над ними, например:

«Если больной очень хочет жить, врачи бессильны» [5, с. 136].

В современном русском языке распространены такие метафорические переносы, приемы языковой игры, «народного словотворчества» по отношению к медикам, как, например, *мясник*, *резака* (о плохом хирурге), *абортмахер* (акушер), *зубодер*, *зубодрал* (стоматолог), *неврипатолог* (невропатолог), *псих*, *психичка*, *психушник*, *шизик*, *душегуб* (психиатр, психолог, психотерапевт), *костолом* (костоправ, ортопед), *кровопийца* (лаборант, гематолог), *инфекция*, *зараза* (инфекционист), *косметичка* (косметолог), *дерматолог* (дерматолог), *веник* (венеролог), *педик* (педиатр), *пастух* (главный врач), *бухгалтер* (медстатистик), *мертвятник* (патологоанатом), *глист*, *глистятник* (паразитолог), *аллергичка* (аллерголог), *голодомор* (диетолог), *не врач*, *а рвач* и другие (не всегда приличные). Все они применяются в речи с коннотацией неодобрения, осуждения, презрения, часто сопровождаются эмоциями злобы, раздражения, агрессивности, страдания.

В основном недобросовестность медиков объясняется снижением престижности этой специальности в России и плохим финансированием медицины в последние десятилетия, что порождает мздоимство:

«Врачи удивляются, как при таком лечении больные еще живы. Больные удивляются, как при такой зарплате врачи еще живы» [6, с. 137].

«Дашь мало врачу – хуже больному, дашь много – лишний убыток, ничего не дашь – всем худо» [7, с. 138].

«Бесплатной бывает медицина, но не лечение» [8, с. 138].

Существуют афоризмы о плохом качестве лечения, о низкой квалификации врачей:

«Если вовремя не обратиться к врачу, болезнь может пройти сама!» [9, с. 137].

«Больной нуждается в уходе врача. И чем дальше тот уйдет, тем лучше» [10, с. 138].

Помимо низкой квалификации, писатели отмечают также и некультурность врачей, что, впрочем, взаимосвязано:

«У врача, который меня лечил, на руке была татуировка: "Не забуду мать родную!" - и говорил он: "Это наш гланный терапевт". А чем его наказать, кроме как умереть у него на столе?.. Сколько нас должно умереть, чтобы он перестал поступать в медицинский институт?» [11, с. 351].

В этой фразе практически всего две вещи характеризуют врача – наличие пошлой наколки и безграмотная речь. Автор завершает этот контекст обобщением, типизированием. На синтаксическом уровне выражено противопоставление больных и врачей, причем для больных выбирается множественное число (нас), а для плохого врача – единственное (он). Очевидно, таким способом подчеркивается безликость, серость, однообразность данного типажа медика.

К субъективным факторам, имеющим отношение к оценочной стороне концепта «врач/медик», относятся также несовершенство современной системы амбулаторного приема (запись по талонам, очереди) и плохая дисциплина среди медиков:

«Мало записаться на прием к врачу, надо до него еще дожить!» [12, с. 137].

К современному медицинскому фольклору относятся и афоризмы, имеющие хождение в профессиональном кругу медиков. Например:

«Толку в общем-то немного, но не мрут – и слава богу» (о терапии).

«Хирургия – это терапия, доведенная до отчаяния».

«Возможности медицины безграничны – ограничены возможности больных».

«Хирург умеет все, но ничего не знает. Терапевт знает все, но ничего не умеет. Психиатр кое-что знает и кое-что умеет. Патологоанатом все знает и все умеет, но уже поздно».

Как известно, в настоящее время многие привычные пословицы, поговорки и крылатые выражения подвергаются переделке. Так, например, отмечает Г.А. Абрамова, «традиционные слова в них заменяются медицинской лексикой для достижения комического эффекта, иногда с элементами черного юмора: *«Лучше синица в руке, чем "утка" под кроватью»*. Амбивалентность восприятия медицины в народе зафиксировали также частушки, где, как правило, врачи представляются отрицательно:

Бабка стонет по ночам,

Но не ходит по врачам.

«Не пойду-ка я к врачу:

Я еще пожить хочу!»

Врач – профессия из разряда «помогающих», где человек должен тратить себя для помощи другим. Зачастую это приводит к эмоциональному перенапряжению, к нервному «выгоранию», как в таких случаях говорят специалисты-психологи. Их исследования показали, что особенно быстро такое выгорание наступает при чрезмерной нагрузке у врачей, медсестер, учителей, психологов, пожарных, спасателей. Для таких медиков оценка со стороны пациентов однозначно негативная:

«В любом сообществе пенсионеров найдется масса недовольных действиями и поведением врачей. То ли среди докторов наблюдается волна выгорания, то ли человеческое отношение к пациентам вдруг стало им чуждо.

– Профессия медика так или иначе сопряжена с болезнью, с душевными переживаниями больных людей, – говорит Григорий Пенжоян, главный врач МУЗ "Городская больница № 2" КМЛДО. – Не каждый человек в силу своих личностных качеств способен сталкиваться с такими проявлениями людей изо дня в день. Неспроста на первых курсах медуниверситета происходит значительный отсев студентов. Врач не имеет права на жестокость, хамство, и проявления этих чувств берут начало отнюдь не в его физических супернагрузках, не в бытовых проблемах. Все зависит от того, как его, врача, воспитали родители, как они сумели научить его принимать жизнь. Врач не просто должен, а обязан уметь сострадать. Не зря светило медицины академик Бехтерев любил повторять: "Если после общения с врачом пациенту не стало легче, грош цена такому врачу"» [13, с. 9].

Об этом же свидетельствуют и многие другие врачи, например П. Воробьев, профессор, доктор медицинских наук, завкафедрой гематологии и гериатрии Московской медицинской академии им. Сеченова:

«Профессиональное выгорание врачей, когда медик становится равнодушен к страданиям больных, – тоже огромная проблема, которую наше здравоохранение обходит

стороной. Она особенно актуальна в реанимациях, отделениях по уходу за стариками, педиатрических структурах» [14, с. 15].

Разумеется, падение престижности профессии медиков, их проблемы и ухудшение к ним отношения со стороны населения страны во многом спровоцировано социальными условиями, позицией правительства. Не случайно подборка материалов о современном состоянии медицины и чаяниях российских медиков на страницах самой популярной газеты «Аргументы и факты» называется «Или вылечат, или зарежут» и имеет характерный остросоциальный подзаголовок «Как не погибнуть в больнице и почему медикам все труднее спасать людей». Внимание заострено на том, что опытные врачи перегружены работой, а молодежь не идет работать в больницы, где мало платят; переняв американскую систему подхода к лечению по строгому графику, врачей заставляют лечить людей по шаблону, иначе «шаг влево, шаг вправо – штрафы»; «несмотря на весь чиновничий абсурд, на равнодушие властей», «медики делают все, что могут. Но против системы они бессильны». Там, в частности, говорится:

«Российский врач сегодня унижен, нищ и бесправен. Что можно от него требовать? Кто те судьи, которые могут осудить врача, если он вымогает деньги у больных? Обществу вместо осуждения следует подумать об обеспечении достойного существования врача. Ведь вы, граждане, вручаете ему самое дорогое – свою жизнь» [15, с. 15].

«Вот почему если нам плохо, мы до последнего будем терпеть боль, без рецепта глотать таблетки, втирать народные снадобья, но только не к врачу! Потому что мы возвращаемся от него в лучшем случае оскорбленные, в худшем – ограбленные и искалеченные!» [16, с. 14].

По отношению к аксиологическим параметрам русской языковой медицинской культуры отметим также и то, что прослеживается снижение общей культуры, уменьшение фоновых знаний у молодых медиков, студентов, в том числе и иностранных, изучающих медицину в российских вузах. Это снижает эффективность постижения ими художественных текстов медицинской тематики, изучение которых необходимо для развития умений устной речи, в том числе профессиональной. Преподаватели медицинских вузов констатируют у большинства иностранных студентов отсутствие практики чтения литературных произведений на родном языке, недостаточность на 1-3-х курсах фоновых медицинских знаний у студентов [17, с. 101].

В заключение отметим, что ломка положительных стереотипов, как это ни парадоксально, имеет и хорошую сторону, поскольку, как заметил знаменитый русский кардиохирург,

«Только через грустный опыт отстаивается золотой фонд медицины» [18, с. 137].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Павловская А.В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 1998. – № 1. – С. 98.
2. Деонтологический кодекс профессии журналиста 2002. – С. 140.
3. Этический кодекс литовских журналистов // Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы. – М., 2002. – С. 159.
4. Этический кодекс // Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы. – М., 2002. – С. 162.
5. Мудрость России: Афоризмы / Авторы-составители А.Ю. Кожевников, Т.Б. Линдберг. – СПб.: Нева, 2005. – С. 136.
6. Там же. – С. 137.
7. Там же. – С. 138.
8. Там же. – С. 138.
9. Там же. – С. 137.
10. Там же. – С. 138.
11. Жванецкий М.М. Семидесятые. Собр. соч. Т. 2. – С. 351.
12. Мудрость России: Афоризмы. Указ. соч. – С. 137.
13. Краснодарские известия. – 2007. – 7 дек. – С. 9.
14. Аргументы и факты. – 2008. – № 10. – С. 15.
15. Там же. – С. 15.
16. Там же. – С. 14.
17. Кривонос Л.Н. Трудности в работе с художественным текстом в иноязычной аудитории // Современная лингвистика: теория и практика. Мат-лы VIII Межвуз. научно-методич. конф. – Краснодар: КВВАУЛ, 2008. Ч.1. – С. 101.
18. Мудрость России: Афоризмы. Указ. соч. – С. 137.

REFERENCES

1. Pavlovskaja A.V. Ethnic stereotypes in the light of intercultural communication [Etnicheskiye stereotipi v svete medzhkul'turnoj kommunikaziji]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication*. Moscow, 1998. № 1. P. 98.
2. Journalist Deontology Code [Deantologicheskij kodeks professiji zhurnalista]. 2002. P. 104.
3. Lithuanian Journalist Code of Ethics [Eticheskij kodeks Litovskih zhurnalistov]. *Professional Ethic of Journalist. Documents and reference materials*. Moscow. 2002. P. 159.
4. Code of Ethics [Eticheskij kodeks]. *Professional Ethic of Journalist. Documents and reference materials*. Moscow. 2002. P. 162.
5. The Wisdom of Russia: Aphorisms. [Mydrost' Rossiji. Aforizmi]. A.U. Kozhevnikov, T.B. Lindberg. *Saint-Peterburg. Neva*, 2005. P. 136.
6. Ibid. P. 137.
7. Ibid. P. 138.
8. Ibid. P. 138.
9. Ibid. P. 137.
10. Ibid. P. 138.
11. Zhvanetskij M.M. Seventies. Works [Semidesjatie. Sbornik sochinenij]. V. 2. P. 351.
12. The Wisdom of Russia: Aphorisms [Mydrost' Rossiji. Aforizmi]. A.U. Kozhevnikov, T.B. Lindberg. *Saint Peterburg. Neva*, 2005. P. 137.
13. 'Krasnodar News' [Krasnodarskiye novosti]. 2007. December, 7. P. 9.
14. 'Arguments and Facts' [Argumenti i facti]. 2008. № 10. P. 15.
15. Ibid. P. 15.
16. Ibid. P. 14.
17. Krivososova L.N. Difficulties of working with literary text in foreign audience [Trudnosti v rabote s hudozhestvennim tekstom v inozachnoj auditorii]. Modern Linguistics: Theory and Practice. *Materials of the VIII Interuniversity Science and Methodical Conference. Krasnodar*. 2008. Part 1. P. 101.
18. The Wisdom of Russia: Aphorisms [Mydrost' Rossiji. Aforizmi]. A.U. Kozhevnikov, T.B. Lindberg. *Saint Peterburg. Neva*, 2005. P. 137.

Информация об авторе

Болокова Нуриет Кадырбеcheвна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, факультета международного образования, федеральное бюджетное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Майкопский государственный технологический университет. Майкоп, Россия

Получена: 28.08.2015

Information about the author

Bolokova Nuriet Kadirbechevna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Chair of Russian as a Foreign Language, Faculty of International Education, Federal Budget State Institution of Higher Professional Education Maykop State Technological University, Maykop, Russia.

Received: 28.08.2015

УДК 378.02

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-232-235

БУКРЕЕВА Оксана Михайловна,
ассистент кафедры английской филологии

BUKREEVA Oksana Mikhailovna,
assistant of the chair of English philology

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО ОВЛАДЕНИЯ
ИНТОНАЦИОННОЙ СЕМАНТИКОЙ КАК
СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**PEDAGOGICAL CONDITIONS OF
EFFECTIVE INTONATION SEMANTICS
ACQUISITION AS A COMPONENT OF
PROFESSIONAL COMMUNICATION OF
FUTURE BACHELORS OF PEDAGOGICAL
EDUCATION**

В данной статье рассматриваются основные педагогические условия, способствующие эффективному овладению интонационной семантикой будущими бакалаврами педагогического образования. Автор подчеркивает необходимость создания особой системы, которая будет способствовать более быстрому и качественному овладению интонационной семантикой, как важнейшей составляющей профессионального иноязычного общения, а также акцентирует внимание на необходимости соблюдения комплекса педагогических условий, представленных в данной работе. Овладение интонационной семантикой происходит на основе решения профессионально значимых проблем сферы профессионального иноязычного образования. В ходе работы автором была выявлена система условий, обеспечивающих эффективность процесса овладения средствами интонационной семантики, основными из которых являются следующие: погружение студентов в педагогический контекст деятельности; погружение студентов в профессионально значимую среду; развитие профессионального мышления будущих бакалавров педагогического образования; обеспечения проблемного характера образовательной деятельности; поэтапное выполнение системы заданий; формирование положительной мотивации у студентов к овладению средствами интонационной семантики. Процесс преподавания должен базироваться на вовлечении студентов в профессионально-ориентированную коммуникацию, что способствует развитию профессионального мышления будущих бакалавров педагогического образования и требует выполнения профессиональных педагогических задач. При этом неотъемлемое значение придается семантическим функциям интонации, реализующимся в профессионально ориентированной педагогической речи.

This article reflects the basic pedagogical conditions ensuring effective mastering of intonation semantics by future bachelor of pedagogical education. The author emphasizes the need to create a special system, which will facilitate a more rapid and qualitative intonation semantics acquisition, as an important component of professional communication in a foreign language, and focuses the attention on the need to comply with the complex of pedagogical conditions presented in this paper. Mastering intonation semantics should deal with the solution of professionally significant problems in the sphere of foreign language education. While working on the research, the author determined the system of conditions to ensure the effectiveness of the process of intonation semantics acquisition, the main ones are as follows: involvement of students in the context of teaching activities; immersion students in professional environment; development of professional thinking of the future bachelors of pedagogical education; providing the problem the nature of educational activity; evaluated implementation of tasks; the formation of positive motivation of students to master the means of intonation semantics. The process of teaching should be based on the involvement of students in professionally-oriented communication that contributes to the development of professional thinking of the future bachelors of pedagogical education and requires professional teaching tasks. At the same time much importance is devoted to the semantic features of intonation, realized in professionally-oriented pedagogical speech.

Ключевые слова: бакалавр педагогического образования, интонация, мотивация, семантика, педагогические условия, преподавание иностранных языков, профессиональное общение.

Key words: bachelor of Pedagogics, intonation, motivation, semantics, pedagogical conditions, foreign language teaching, professional communication.

Овладение интонационной семантикой как объектом профессиональной подготовки будущего педагога является одним из важнейших направлений в современной профессиональном иноязычном образовании. Актуальность овладения средствами интонационной семантики как объектом профессиональной подготовки подчеркивается такими учеными, как Е.Н. Митрофанова, Р.М. Тихонова, С.В. Павлова, Н.А. Тарасюк, а также зарубежными исследователями O'Connor, A.Ch. Gimson, R. Kingdom.

Интонационная семантика, которая рассматривается в данном исследовании как целостное интегративное образование, включающее лингвистические, социокультурные, психологические и профессиональные компоненты, служащие для установления личностного и профессионального социально-ориентированного взаимодействия учителя иностранного языка с субъектами образовательного процесса, обеспечивает эффективность профессионального общения будущих бакалавров педагогического образования. Таким образом, целью овладения интонационной семантикой является обучение передаче смысла высказывания на иностранном языке с помощью применения интонационных средств в соответствии с коммуникативным намерением, которое реализуется в процессе выполнения профессиональной задачи в сфере иноязычного образования.

Эффективность процесса овладения средствами интонационной семантики обеспечивается комплексом педагогических условий. Сущность понятия «условие» трактуется следующим образом: «среда, обстановка, в которой пребывают и без которой не могут существовать предметы и явления» [7, с. 519]. Применительно к данной работе содержание понятия «условия» предполагает систему взаимоотношений между субъектами образовательного процесса, обеспечивающими эффективность достижения поставленной цели и решения основных педагогических задач.

В процессе овладения средствами интонационной семантики особое внимание уделяется *погружению студентов в педагогический контекст деятельности*.

Погружение студентов в педагогический контекст деятельности происходит на всех этапах овладения средствами интонационной семантики, а именно в ходе анализа, закрепления, а также в процессе ситуативной и творческой актуализации изучаемых семантических средств.

К основным стадиям овладения средствами интонационной семантики в профессионально значимых контекстах деятельности относятся следующие: стадия восприятия – ознакомления; стадия дифференциация – осмысление; стадия репродукция; стадия продукция.

Следующим важным условием является *погружение студентов в профессионально значимую среду* в процессе овладения средствами интонационной семантики, что позволяет решать следующие задачи: 1) развивать умения логически верно выстраивать устную речь с целью решения учебных задач в типичных профессиональных ситуациях; 2) развивать умения использовать средства интонационной семантики для решения задач воспитания и духовно-нравственного развития личности обучающихся; 3) развивать умения создавать образовательную среду с помощью средств интонационной семантики; 4) формировать способности разрабатывать современные педагогические технологии, основанные на использовании средств интонационной семантики; 5) развивать умения воздействовать на личность обучающегося с помощью адекватного использования средств интонационной семантики.

Еще одним условием, обеспечивающим эффективность овладения средствами интонационной семантики, является *развитие профессионального мышления будущих бакалавров педагогического образования*. В данной работе профессиональное педагогическое мышление рассматривается как одна из стержневых характеристик личности будущего бакалавра педагогического образования. В профессиональном педагогическом мышлении особое место отводится творческому мышлению, которое определяется как особая форма мышления, составная часть творчества, результаты которого отличаются оригинальностью и социальной значимостью [4, с. 15].

Профессиональное мышление бакалавра педагогического образования (профиль Иностранный язык) – это профессионально значимое качество, имеющее многомерно сложную структурную организацию и качественные особенности, ориентированные на решение задач, связанных с обучением, воспитанием и развитием личности будущего педагога сферы иноязычного образования.

Развитие педагогического мышления возможно лишь при условии *обеспечения проблемного характера образовательной деятельности* в процессе овладения средствами интонационной семантики. Обучающиеся должны постоянно погружаться в проблемные ситуации. Разрешение проблемных ситуаций происходит путем анализа будущим педагогом причин возникновения проблемной ситуации и поиском средств и способов ее решения.

Средства интонационной семантики являются средствами решения проблемных ситуаций лишь в том случае, если студент обладает необходимым уровнем профессионального мышления, обеспечивающим эффективное использование средств интонационной семантики для решения образовательных задач.

Значимым условием успешной реализации предлагаемой системы обучения является *поэтапное выполнение системы заданий*, направленных на овладение средствами интонационной семантики, на их анализ, закрепление, ситуативную и творческую актуализацию при постоянной концентрации внимания будущих бакалавров педагогического образования на значимых интонационных параметрах речи, выполняющих семантическую функцию.

Целью указанной системы заданий является формирование представления об интонационной семантике как важнейшей составляющей профессионального общения будущего бакалавра педагогического образования.

Особое место уделяется заданиям, демонстрирующим образцы функционирования фонетически вариативных образов в деятельности будущего бакалавра педагогического образования и особенности их использования в зависимости от специфики профессионально ориентированной ситуации.

Приведем примеры наиболее типичных видов упражнений, направленных на овладение интонационной семантикой:

- *Посмотрите диалог учителя и ученика и определите, какими средствами интонационной семантики оперирует учитель для оказания эмоциональной поддержки ученику?*
- *Как звучит речь учителя: а) монотонно, б) равнодушно, в) дружелюбно, г) нейтрально?*
- *Прослушайте реплики учителя и подчеркните слова, обозначенные логическим ударением в отмеченных предложениях. Почему акцент сделан именно на этих словах?*
- *Прослушайте реплики учителя одну за другой, подчеркните слова, отмеченные логическим ударением, расставьте логические паузы. Какова функция средств интонационной семантики в данной ситуации?*
- *Прочитайте разговор учителя с учеником. Повторите фразы учителя, имитируя интонационно-ритмический рисунок фраз. Скажите, насколько вам удалось реализовать семантическую функцию искомым интонационных параметров?*
- *Озвучьте немой диалог учителя и ученика. Насколько адекватно вам удалось использовать средства интонационной семантики?*
- *Обсудите, насколько удачно вам удалось реализовать цель высказывания с помощью средств интонационной семантики? Что нужно изменить, улучшить?*

Эффективность предлагаемой педагогической модели обеспечивается реализацией такого важного условия, как *формирование положительной мотивации у студентов к овладению средствами интонационной семантики* как составляющей профессионального общения. Наличие положительной мотивации и соответствующих ценностных установок обеспечивает эффективность образовательного процесса.

Следует отметить, что на младших курсах языковых факультетов не у всех студентов сформирована установка на ценность овладения иностранным языком как инструментом решения профессиональных задач в области педагогического образования. Приобщение будущих бакалавров педагогического образования к системе осмысленных профессиональных ценностей в контексте профессиональной деятельности происходит через содержание процесса обучения, который демонстрирует преимущества овладения средствами интонационной семантики в условиях современного поликультурного общения, не только в личностной, но и в профессиональной сфере.

В ходе обучения студенты были вовлечены в проблемные профессионально направленные ситуации, которые нацеливали их на актуализацию полученных теоретических знаний, демонстрировали необходимость получения новых знаний, создавали постоянное интеллектуальное напряжение, побуждая к творческой активности, базирующейся на вовлечении студентов в профессионально направленную деятельность в сфере педагогического образования.

Следующим важнейшим условием обучения семантике было *погружение студентов в реальное общение с различными социальными партнерами* в процессе учебно-профессиональной деятельности. Особое место в предлагаемой системе уделялась микропреподаванию на занятиях по дисциплине «Практический курс первого иностранного языка», что предполагало вовлечение студентов в квазипрофессиональную деятельность, связанную с использованием средств интонационной семантики.

Немаловажное значение в предлагаемой системе обучения отводилось *созданию благоприятного психологического климата на занятиях*, что оказывает благотворное влияние на средствами интонационной семантики.

Итак, эффективный процесс овладения интонационной семантикой предполагает учет комплекса вышеописанных педагогических условий и осуществление тесной связи аудиторной и внеаудиторной работы с целью развития творческой самостоятельности студентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология: учебник для вузов. – М.: Логос, 2001.
2. *Митрофанова Е.Н.* Интонационный инвариант и стилистическая вариативность английской интонации. Электронный ресурс: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/003-10.pdf>
3. *Павлова С.В.* Возможности гармоничного развития иноязычной коммуникативной компетенции на основе управляемой интеграции сознательных и подсознательных процессов. Сборник научных статей: Голос культуры в иноязычном образовании. – Курск, 2009.
4. *Рошка А.* Творческое мышление. Пути его определения и развития. – М.: Наука, 1971.

5. Тарасюк Н.А. Формирование профессиональной готовности учителя к иноязычному дошкольному образованию: Дис... д-ра пед. наук. – М., 2002.
6. Тихонова Р.М. Некоторые особенности просодической организации чтения монологического текста и спонтанного монолога рассказа: на материале английского языка. Дис... канд. филол. наук. – М., 1980.
7. Абрамов А.И. Философский словарь. Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001.
8. Gimson A. Ch. Pronunciation of English. – London, 2008.
9. Kingdon R. *The Groundwork of English Intonation* Longmans. – London, 1958.
10. O'Connor J. D., Arnold G. F. Intonation of colloquial English. – London, 1973.

REFERENCES

1. Zimnyaya I.A. Pedagogical psychology [Pedagogicheskaya psikhologiya]: textbook for universities. Moscow: Logos, 2001.
2. Mitrofanova E.N. Intonation invariant and stylistic variation in English intonation [Intonatsionny invariant i stilisticheskaya variativnost' angliyskoy intonatsii]. Available at: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/003-10.pdf>
3. Pavlova S.V. Opportunities for harmonious development of foreign language communicative competence on the basis of the controlled integration of conscious and subconscious processes [Vozmozhnosti garmonichnogo razvitiya inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii na osnove upravlyaemoy integratsii soznatel'nykh i podsoznatel'nykh protsessov]. Collection of scientific articles: the Voice of culture in foreign language education. Kursk, 2009.
4. Roshca A. Creative thinking. The way its definition and development [Tvorcheskoe myshlenie. Puti ego opredeleniya i razvitiya]. Moscow: Nauka, 1971.
5. Tarasiuk N.A. The formation of professional readiness of the teacher to foreign language early childhood education [Formirovanie professional'noy gotovnosti uchitelya k inoyazychnomu doshkol'nomu obrazovaniyu]: Dis. d RA PED. Sciences. Moscow, 2002.
6. Tikhonova R.M. Some features of prosodic organization monologic reading of the text and spontaneous monologue of the story: on a material of English language [Nekotorye osobennosti prosodicheskoy organizatsii chteniya monologicheskogo teksta i spontannogo monologa rasskaza: na materiale angliyskogo yazyka]. Dis. Cand. doctor of Philology. Sciences. Moscow, 1980.
7. Abramov A.I. Philosophical dictionary. Under the editorship of I. T. Frolov. Moscow: Republic, 2001.
8. Gimson A. Ch. Pronunciation of English. London, 2008.
9. Kingdon R. The Groundwork of English Intonation Longmans. London, 1958.
10. O'Connor J. D., Arnold G. F. Intonation of colloquial English. London, 1973.

Информация об авторе

Букреева Оксана Михайловна, ассистент кафедры английской филологии Курского государственного университета,
Курск, Россия
okbukr@yandex.ru

Получена: 07.09.2015

Information about the author

Bukreeva Oksana Mikhailovna, assistant of the chair of English philology, Kursk State University,
Kursk city, Russia
okbukr@yandex.ru

Received: 07.09.2015

УДК 159.923.5

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-236-238

ВАСИЛЕЦ Нина Витальевна,
аспирант кафедры общей и клинической психологии

VASILETS Nina Vitalyevna,
Postgraduate student, Chair of General and Clinical
Psychology

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ОТЦА И МАТЕРИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНО- ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ

THE IMPACT OF FATHER'S AND MOTHER'S VALUES ON THE FORMATION OF VALUES OF ADOLESCENTS

Радикальные изменения в современной семье делают особенно актуальными исследования роли родителей в формировании ценностного ядра – ценностно-потребностной сферы личности их детей-подростков. Исследование позволило выявить особенности гендерного влияния ценностей родителей на общественную и родовую подструктуры ценностно-потребностной сферы личности подростков, а также рассмотреть взаимосвязь ценностных профилей каждого из родителей и их детей подросткового возраста. Для выявления иерархий ценностей подростков и их родителей применялся комплекс экспериментально-психологических методик, интегрированный в «Систему психологической диагностики ценностно-потребностной сферы личности», разработанный В.Г. Морогиним. В результате эмпирического исследования было установлено, что большее влияние на ЦПСЛ подростков оказывают ценности отцов. Ценности подростков мужского пола больше связаны с ценностями родителей, нежели ценности подростков женского пола. Ценностные профили общественной подструктуры подростков и их родителей практически совпадают, тогда как родовые профили более вариативны. В целом родовая подструктура дочерей-подростков больше связана с ЦПСЛ отцов, а сыновей-подростков – с ЦПСЛ матерей. Результаты исследования могут быть использованы при разработке конкретных мер поддержки семейного воспитания, а также в практической работе специалистов, работающих с семьей.

Ключевые слова: личность, подросток, сфера, родители, родовые профили, отец, мать, сын-подросток, ценностно-потребностная сфера личности, ценности подростков, формирование ценностно-потребностной сферы личности подростков.

Radical changes in the modern family attach special importance to the studies of the role of parents in the formation of value-need sphere of their children-teenagers. The study allowed to reveal the peculiarities of gender influence of parents on social and generic value-need sphere of personality (VNSP) of the adolescent, as well as to consider the interconnection of value profiles of each of the parents and their adolescent children. To identify the hierarchy of values of adolescents and their parents the study used a complex of experimental psychological methods, integrated into the «System of psychological diagnosis of value-need sphere of the personality» developed by V.G. Morogin. As a result of the empirical research it was found that values of fathers make a greater impact on the VNSP of adolescents. Values of male adolescents are more connected with values of their parents than values of female adolescents. Value profiles of social substructure of teenagers and their parents are practically the same, while generic profiles are more variable. In general, the generic substructure of adolescent daughters is more related to VNSP of fathers and adolescent sons - with VNSP of mothers. The results of the study can be used to develop specific measures to support family education, as well as in the practical work of professionals working with families.

Key words: personality, teenager, sphere, parents, generic profiles, father, mother, adolescent son, value-need sphere of personality, values, adolescents, the formation of value-need sphere of personality of adolescents.

Исследования последних десятилетий констатируют серьезную трансформацию межпоколенческих взаимодействий в российском социуме, и в первую очередь, – в семье. Тот факт, что именно семья является основным институтом социализации детей, подтвержден многими исследованиями, однако проблема изучения роли каждого из родителей в формировании ценностного ядра личности ребенка остается не решенной. Научные исследования в области семьи и семейного воспитания очень актуальны еще и потому, что в современной семье происходят радикальные изменения, отражающие социально-экономические преобразования в российском обществе. О.М. Здравомыслова [1], например, указывает на усиление роли личностной автономии в современной семье. Н.Г. Марковская [2] отмечает, что супруги все больше нацелены на саморазвитие за пределами своей семьи.

Подростковый возраст является важным этапом формирования личности, так как в этот период происходит критическая переработка содержания усвоенных в прежние годы ценностей и их внутреннее согласование с неосознаваемыми врожденными потребностями, в результате чего формируется индивидуальная ценностно-потребностная сфера личности. Очень важно, чтобы в этот период подростку были доступны ориентиры, которые заложены, в первую очередь, в семье и родителях. Только в этой ситуации развития подросток сможет безболезненно выстроить свою индивидуальную систему ценностей и пройти процесс идентификации.

Наиболее целесообразным в исследовании роли родителей в формировании ценностей подростков представляется опора на концепцию ценностно-потребностной сферы личности (ЦПСЛ), разработанную В.Г. Морогиним. В структуре ценностно-потребностной сферы личности выделяется две подструктуры: общественная, отражающая требования общества и государства, предъявляемые к любому человеку, и родовая, представляющая собой комплекс цен-

ностных архетипических форм коллективного бессознательного, передающихся от родителей к детям. Обе подструктуры представлены восемью ценностно-потребностными зонами: Гедонистическая (Гед), Безопасности (Без), Эго (Эго), Экзистенциальная (Экз), Аффiliationная (Афф), Когнитивная (Ког), Ритуальная (Рит), Трансцендентальная (Тра). Содержание этих зон различно в силу того, что оно определяется характером общественных ценностей и родовых архетипов [3]. Операционализацией этой концепции служит компьютерный комплекс методик для психологической диагностики общественных и родовых ценностей, которая осуществляется на бессознательном уровне, что в значительной степени увеличивает достоверность получаемых данных.

Одной из задач эмпирического исследования родительского фактора в формировании ЦПСЛ подростков, воспитывающихся в полных семьях, являлось изучение влияния пола родителей на формирование общественной и родовой подструктур ЦПСЛ детей обоего пола. Исследование проводилось в республике Хакасия в 2011–2014 гг., в нем приняли участие 40 подростков в возрасте 11–16 лет (17 – мужского пола и 23 – женского), а также их родители: 40 матерей и 40 отцов. Анализ полученных данных производился с помощью программы Статистика 10.

Дисперсионный анализ иерархий ценностей родителей и подростков не выявил статистически достоверных различий в общественной и родовой подструктурах ЦПСЛ, что позволяет говорить о том, что они сходны. Ценностные профили общественной подструктуры ЦПСЛ подростков и их родителей практически совпадают, за исключением Гедонистической зоны, в которой содержание ценностей дочерей ближе к родительскому, нежели подростков-сыновей. Более выраженная значимость потребностей, реализующих принцип удовольствия, вообще присуща подростковому возрасту, но у мальчиков-подростков она значительно выше, чем у девочек-подростков (Рис. 1). Учитывая, что у отцов значимость ценностей этой зоны значительно ниже, можно говорить о том, что высокая значимость потребностей, реализующих принцип удовольствия, является возрастной особенностью подростков мужского пола.

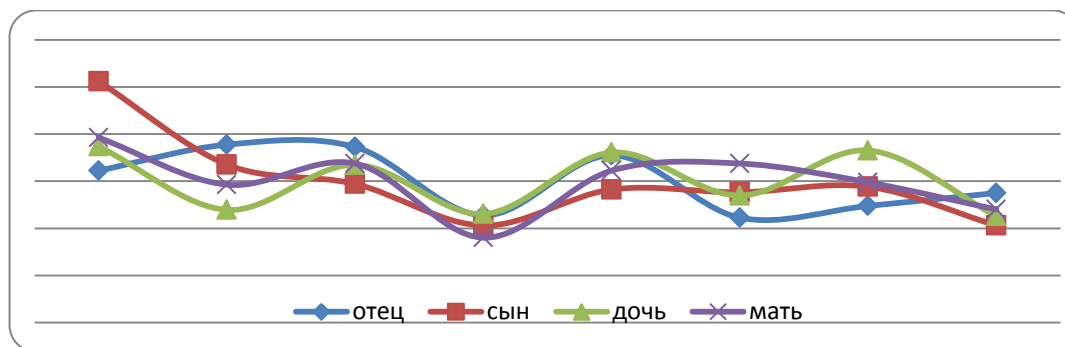

Рис. 1. Результаты однофакторного дисперсионного анализа общественной подструктуры ЦПСЛ подростков и их родителей

Fig. 1. The results of univariate analysis of variance of social substructures CPSL Teens and their parents

Анализ родовой подструктуры ЦПСЛ показал значительно более сильную вариативность ценностно-потребностных профилей подростков и их родителей (Рис. 2).

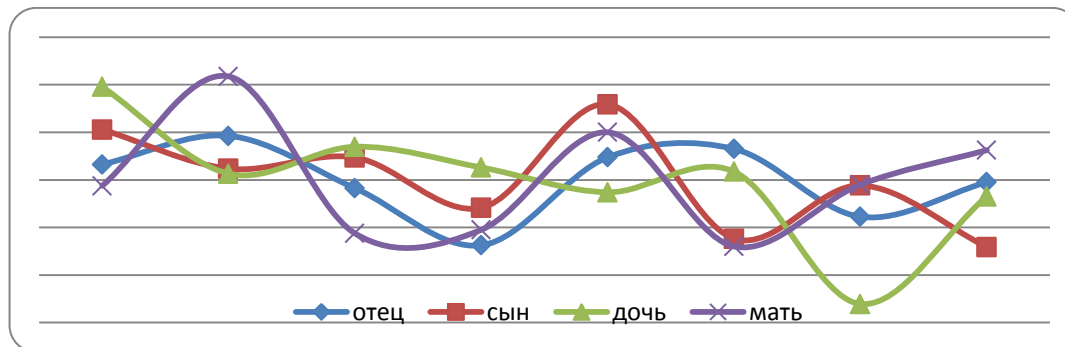

Рис. 2. Результаты однофакторного дисперсионного анализа родовой подструктуры ЦПСЛ подростков и их родителей

Fig. 2. The results of univariate analysis of variance generic substructures CPSL Teens and their parents

Родовая подструктура ЦПСЛ сыновей и отцов практически идентична во всех зонах, кроме Когнитивной. В ценностно-потребностных профилях матерей и сыновей – заметные различия в значимости зоны Безопасности, Эго зоны и Трансцендентальной зоны. Ценностные профили дочерей оказались гораздо ближе к профилям отцов, нежели к профилям матерей.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование показало, что ценностно-потребностные профили родовой подструктуры ЦПСЛ подростков и их родителей более вариативны, чем общественные. Это можно объяснить тем, что содержание ценностей родовой подструктуры ЦПСЛ в процессе онтогенеза остается неизменным и осознается лишь во второй половине жизни человека, а социализация имеет своей целью формирование как можно более одинакового потребностного содержания общественной подструктуры, что выравнивает даже изначально имевшиеся различия.

Результаты исследования свидетельствуют, что потребностное содержание общественной и родовой подструктур ЦПСЛ подростков сходно с ценностями обоих родителей, но в большей степени с ценностями отцов. С позиций концепции детерминированности родительской любви этот факт объясняется следующим образом: в отличие от безусловной материнской любви отцовская любовь имеет обусловленный характер. Условность отцовской любви побуждает ребенка соответствовать определенным требованиям и критериям, что является мощным стимулом для его личностного развития. Учитывая очевидно большую значимость отца в формировании личности ребенка, становлении его индивидуальной ЦПСЛ, ситуация в современной семье катастрофична: по неофициальным данным, не больше трети подростков воспитываются в полных семьях родными родителями, а значит, имеют возможность бесконфликтного формирования содержания ценностно-потребностной сферы личности. Следовательно, особое внимание должно быть уделено разработке мер по укреплению института семьи в целом и повышению социального статуса отцовства в частности. Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке конкретных программ работы с родителями и детьми.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Здравомыслова О.М.* Психологические и социально-культурные функции семьи. Психология семьи: хрестоматия. Ред. Д.Я. Райгородский. – Самара: Бахрах-М, 2007. – С. 82-91.
2. *Марковская Н.Г.* Место семьи в системе ценностных ориентаций личности. Автореф. дис. канд. социол. наук. – М., 1990.
3. *Морогин В.Г.* Теория и методы исследования ценностно-потребностной сферы личности / Сб. науч. тр. Гуманитарные науки и образование в Сибири. № 3. – Новосибирск, 2009. – С. 12-28.

REFERENCES

1. *Zdravomyslova O.M.* Psychological and socio-cultural functions of the family [Psikhologicheskie i sotsial'no-kul'turnye funktsii sem'i]. Psychology of the family: a reader. Ed. D. J. Raygorodskaya. Samara: Bakhrah-M, 2007. P. 82-91.
2. *Markovskaya N.G.* The family within the system of value orientations of personality [Mesto sem'i v sisteme tsennostnykh orientatsiy lichnosti]. Avtoref. dis... Cand. doctor. Sciences. Moscow, 1990.
3. *Morogin V.G.* Theory and methods of value-need sphere of personality [Teoriya i metody issledovaniya tsennostno-potrebnostnoy sfery lichnosti]. Sat. scientific. Tr. Humanities and education in Siberia. No. 3. Novosibirsk, 2009. P. 12-28.

Информация об авторе

Василец Нина Витальевна, аспирант кафедры общей и клинической психологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан (Хакасия), Россия
nina.vasilets@mail.ru

Получена: 21.08.2015

Information about the author

Vasilets Nina Vitalyevna, Postgraduate student, Chair of General and Clinical Psychology, Khakass State University named after N. F. Katanov, Abakan city, (Khakassia), Russia
nina.vasilets@mail.ru

Received: 21.08.2015

УДК 377.5

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-239-247

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Виталиевна,
аспирантка кафедры социальной и семейной педагогики

VASILIEVA Tatiana,
Postgraduate student of the Chair of Social and Family

ГРЕБЕННИКОВ Олег Владимирович,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
педагогике и психологии

GREBENNIKOV Oleg,
Candidate for Doctorate in Pedagogics, Associate Pro-
fessor at the Chair of Pedagogy and

НИКИШИНА Ирина Николаевна,
аспирантка кафедры социальной и семейной педагогики

NIKISHINA Irina,
Postgraduate student of the Chair of Social and Family

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СИСТЕМЕ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ В
ССУЗЕ ЮРИСТОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА**

**CULTUROLOGICAL APPROACH IN THE
SYSTEM OF ETHODOLOGICAL
APPROACHES TO TRAINING IN COLLEGES
OF MID-LEVEL LAWYERS**

В статье рассмотрена сущностная взаимосвязь культурологического подхода к профессиональной подготовке в ссузе будущих юристов среднего звена с компетентностным, квалиметрическим и квалитологическим, прогностическим подходами к профобразованию. Авторы статьи раскрывают сущность понятия «профессиональная культура юриста среднего звена», приводят характеристику отдельных составляющих данной культуры; рассматривают факторы и условия, которые влияют на эффективность процесса формирования и развития в колледже основ профессиональной культуры будущих выпускников по специальности «Право и организация социального обеспечения». Также в статье раскрывается содержательное наполнение, функциональное назначение профессиональной культуры специалистов юридического профиля социальных служб. Авторы статьи констатируют, что профессиональная культура специалиста социально-гуманитарного профиля имеет два уровня (два плана, контура саморазвертывания): внутренний и внешний, приводят развернутые характеристики каждого из названных уровней. Особое внимание в статье уделено взаимосвязи понятий «профессиональная культура» и «профессиональная компетентность» специалиста социально-гуманитарного (в том числе и юридического) профиля. В статье доказывается тезис, что синтез культурологического, компетентностного, квалиметрического, прогностического подходов к развитию системы профобразования специалистов юридического профиля обеспечивает полифункциональную подготовку специалистов на перспективу в рамках научно-обоснованного прогноза востребованности данных кадров на современном рынке труда и для решения конкретных профессиональных (в том числе и регионально-обусловленных) проблем повышения качества правозащитных, юридических услуг, предоставляемых российским гражданам.

The article describes the essential relationship of culturalological approach to vocational training in secondary vocational education of mid-level future lawyers and competence-based, qualitative and quality oriented, prognostic approaches to vocational education. The authors reveal the essence of the concept of "professional culture of a mid-level lawyer", present the characteristics of some components of this culture; consider the factors and conditions that affect the efficiency of the process of formation and development of College foundations of professional culture of future graduates majoring in "Law and organization of social security". Also the article reveals the content and functionality of the professional culture of lawyers' profile of social services. The authors state that the professional culture of a socio-humanitarian profile specialist has two levels (two "plans", self-unfolding circuit): internal and external, give detailed characteristics of each of these levels. Special attention is paid to the relationship of the concepts of «professional culture» and «professional competence» of the specialist of social sciences and humanities (including law) profile. The article proves the thesis that the synthesis of cultural, competence, qualitative, and predictive approaches to the development of professional training of law profile specialists ensures multifunctional training of future specialists in the context of scientifically based prediction of their future employability at the modern labor market and to address specific professional problems (including the regional ones) of improving the quality of human rights and legal services provided to Russian citizens.

Ключевые слова: культурологический подход, профессиональная подготовка, юристы, ссуз.

Key words: culturological approach, professional training, lawyers, colleges.

**Статья подготовлена в рамках государственного задания
Министерства образования и науки РФ №2014/601; код проекта 3106**

***This article was prepared within the framework of the state task Ministry of Education
and Science of the Russian Federation №2014 / 601; Project Code 3106***

С изменением и развитием социально-экономических, общественно-политических, информационно-технологических, социально-психологических и других аспектов жизнедеятельности современного российского общества существенно модифицировались содержание и технологии юридической, правозащитной работы как особого вида социомической («помогающей») профессиональной деятельности, и, как следствие, это повлекло за собой необходимость изменений в сфере содержательно-технологического базиса процесса профессиональной подготовки специалистов юридического профиля, в том числе и в условиях колледжа. Следует заме-

тить, что в современной России профессиональную подготовку по специальности «Право и организация социального обеспечения» осуществляют достаточно большое число колледжей. В круг основных задач профессиональной деятельности юристов со средним профобразованием, работающих в учреждениях социальной защиты населения, входят: участие юриста в подготовке нормативно-правовых актов в сфере пенсионного обеспечения и социальной защиты граждан; составление юридических документов; консультирование по вопросам права граждан, нуждающихся в социальной поддержке и защите; выполнение государственных полномочий по пенсионному обеспечению, по социальной защите населения [10; 14]. Для качественного и высококвалифицированного выполнения вышеозначенного функционала и задач профессиональной деятельности выпускника ссуза по специальности «Право и организация социального обеспечения» ему необходимо обладать высоким уровнем проявления профессиональной культуры, основы которой формируются в период обучения в колледже [9].

В современном обществе профобразование специалистов социального профиля (социальных работников, юристов, психологов, социальных педагогов и др.) следует считать одной из стратегических областей социально-экономического развития Российской Федерации, поскольку именно эти высококвалифицированные специалисты (обладающие высоким уровнем профессиональной и личностной культуры) позволяют оперативно и рационально решать (а также предупреждать и профилировать) локальные и региональные социальные проблемы в условиях серьезных (и, к сожалению, негативных) изменений современного рынка труда, демографического кризиса, миграционных процессов и др.

С 90-х гг. XX в. в отечественной системе профессионального образования постепенно осуществлялся (и к началу второго десятилетия XXI в. осуществился) перенос акцента с «ЗУ-Новой» образовательной парадигмы на «компетентностную» [2]. Однако на протяжении последних двух десятилетий не снижался интерес и ученых-исследователей, и специалистов-практиков, и представителей профессиональных сообществ к проблеме реализации культурологического подхода в процессе профобразования кадров социальной сферы, в том числе и юридического профиля.

Современный рынок труда предъявляет высокие и разносторонние требования к содержанию наполнения, функциональному назначению культуры профессиональной деятельности специалистов юридического профиля социальных служб.

Последние два десятилетия в научных исследованиях, посвященных анализу, систематизации концептуальных и парадигмальных оснований отечественной системы профессионального образования специалистов социально-гуманитарного (в том числе и юридического) профиля, активно развивается идея о культурологической парадигме профессиональной подготовки кадров социальной сферы (О.И. Воленко и Н.И. Никитина [2], И.А. Зимняя [8], В.А. Сластенин и др.).

Действительно, к началу XXI в. перед отечественной системой профобразования встала задача подготовки в ссузах и вузах таких специалистов социально-гуманитарного (в том числе и юридического) профиля, которые обладали бы как высоким уровнем личностной культуры (другими словами, высоким уровнем базовой культуры личности: Л.П. Буюева, Б.З. Вульф [3], О.С. Газман, Н.Б. Крылова и др.), так и высоким уровнем сформированности культуры профессиональной, которая проявлялась бы в повседневных ситуациях личностно-деловых коммуникаций специалиста с различными категориями клиентов социальных служб, с коллегами и социальными партнерами, отражала бы высокий уровень овладения юристом системой междисциплинарных интегрированных (полинаучных) знаний, умений, навыков, компетенций, характеризовалась бы наличием совокупности профессионально важных качеств и способностей.

К настоящему моменту создано большое число научных исследований, в которых достаточно подробно раскрыта сущность культурологического подхода к профобразованию кадров социальной сферы. Поэтому мы считаем целесообразным в данной статье сконцентрировать свое внимание на взаимосвязи культурологического подхода к профобразованию специалистов юридического профиля с другими методологическими подходами, поскольку в современных реалиях профессионально-образовательного процесса ссуза ни один из методологических подходов не реализуется изолированно от других.

В докторском диссертационном исследовании А.Н. Галагузова «Культурологический подход в профессиональной подготовке специалистов социальной сферы» культурологический подход трактуется как неотъемлемая часть методологического обеспечения профобразования, реализация которого направлена на решение социально значимой задачи, состоящей в создании условий для устойчивого развития общества и социально-профессионального сообщества на основе культурной преемственности (например, в части сохранения традиций), а также в создании условий для гармонизации взаимодействия человека как субъекта культуры с социумом

(социокультурной средой). В своем исследовании А.Н. Галагузов отмечает, что культурологический подход в профессиональной подготовке специалистов социальной сферы взаимосвязан с компетентностным. Однако наиболее тесные взаимосвязи культурологический подход в системе профобразования кадров социально-гуманитарного профиля имеет с аксиологическим и личностно-ориентированным подходами. По мнению А.Н. Галагузова, результатом реализации культурологического подхода в целостном педагогическом процессе вуза является воспитанность (сформированность, развитость) у его выпускников (специалистов социальной сферы) профессиональной культуры [4].

По нашему мнению, профессиональная культура специалистов юридического профиля представляет собой социокультурное явление (особый социокультурный феномен), в котором находят отражение и качественное состояние конкретного общества в целом (например, качество духовно-нравственной, правовой, этноконфессиональной, толерантной, социально-психологической и других составляющих общественной жизнедеятельности), и качественное состояние взаимосвязанных профессиональных групп (профессиональных сообществ специалистов правоохранительных, социальных, медицинских и других служб), и качественное состояние системы профессионального образования кадров социальной сферы, в котором должны быть интегрированы достижения современной науки в сфере антропологических, юридических (правоведческих), социологических, культурологических, психолого-педагогических и других научных отраслях, достижения в сфере современных технологий правозащитной деятельности [13].

На основе проведенного анализа разнообразной научной литературы по проблеме взаимосвязи методологических подходов к профессиональной подготовке кадров социальномического профиля можно утверждать, что культурологический подход к профобразованию обучающихся в ссузе по специальности «Право и организация социального обеспечения» в определенной мере находится во взаимосвязи с компетентностным подходом.

Компетентностный подход предполагает, что профессионально-личностный рост обучающегося ссуза (будущего юриста социальной службы) в значительной степени обеспечивается развитием у него в целостном учебно-воспитательном процессе колледжа системы общекультурных и профессиональных компетенций, которые определены (зафиксированы) в ФГОС СПО по специальности «Право и организация социального обеспечения» (квалификация – юрист среднего звена) [5; 10; 12; 14; 15].

В ряде работ по компетентностному подходу к профобразованию (В.И. Байденко, В.А. Болотов, А.А. Деркач, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, В.Д. Шадриков и др.) отмечается, что уровень развития профессиональной компетентности специалиста (в том числе и специалиста юридического профиля) в определенной мере находится во взаимосвязи (и даже во взаимозависимости) с уровнем развития у этого же специалиста уровня профессиональной культуры.

В работах Н.И. Агропиной и Н.И. Никитиной [1], В.М. Гребенниковой [6], Л.П. Илларионовой, В.А. Сластенина отмечается, что понятие «профессиональная культура» шире понятия «профессиональная компетентность специалиста», а высокий уровень развития профессиональной культуры предупреждает (профилактирует) излишнюю узкую профессиональную специализацию специалиста, которая может привести к снижению его трудового кругозора, что негативно отразится на продуктивности его профессиональной деятельности. Между тем в ряде работ ученых-исследователей подчеркивается, что в содержательный базис (в сущностную составляющую) профессиональной культуры специалиста социальной сферы могут быть включены (и даже должны быть включены) отдельные общекультурные и профессиональные компетенции, профессионально важные качества, которые составляют «стержень» тех или иных проявлений профессиональной культуры в различных ситуациях трудовой деятельности и личностно-деловых коммуникациях специалиста [5; 10; 12; 14; 15 и др.].

В процессе подготовки (написания) данной статьи ее авторы проанализировали значительное количество отечественных и зарубежных исследований по проблематике реализации в колледже культурологического подхода к профессиональной подготовке кадров социального (в том числе и юридического) профиля. Практически во всех проанализированных нами научных трудах по вышеуказанной проблеме отмечается, что в период обучения в колледже в той или иной степени (в зависимости от многих факторов, в том числе и от индивидуальных особенностей студента) развиваются следующие инвариантные составляющие профессиональной культуры будущего специалиста социально-гуманитарного (в том числе и юридического) профиля:

- мотивационно-ценностная составляющая профессиональной культуры (включает в себя, в частности, понимание будущим специалистом значимости, социальной ценности высокого качества своего труда и др.),

- интеллектуальная (или профессионально-познавательная) составляющая профессиональной культуры, которая отражает наличие у обучающегося системы знаний о требованиях к

условному «эталону профессионала», освоенность базовых правовых, профессионально-этических и других норм, которые регламентируют профессиональную деятельность специалиста;

- деятельностьная составляющая профессиональной культуры, которая проявляется в умениях, компетенциях, готовностях и способностях молодого специалиста повседневно в реальных условиях трудовой деятельности качественно реализовывать освоенную им систему профессиональных действий, технологий и др., соблюдая требуемые нормы, правила.

В трудах Н.И. Агропиной и Н.И. Никитиной [1], В.М. Гребенниковой [6], И.А. Зимней [8], Л.В. Мардахаева, А.К. Марковой, В.А. Сластенина и др. делается акцент на том моменте, что профессиональная культура специалиста социально-гуманитарного профиля имеет два уровня (два плана, контура саморазвертывания): внутренний и внешний. В период обучения в вузе или вузе оба этих уровня могут претерпеть изменения под воздействием целого комплекса факторов, условий профессионально-образовательной среды.

Внутренний уровень профессиональной культуры взаимосвязан с индивидуально-значимой системой ценностей специалиста (эта система ценностей в ходе профессиональной подготовки может уточняться, корректироваться), базируется на так называемом профессиональном мышлении специалиста, причем процесс развития профессионального мышления имеет многофазный и многофакторный характер. Также внутренний уровень профессиональной культуры взаимосвязан с мировоззрением и духовно-нравственной, этической культурой молодого специалиста (и эти составляющие внутреннего уровня профессиональной культуры могут изменяться в процессе профобразования).

Внешний уровень профессиональной культуры взаимосвязан с такими понятиями, как культура внешнего облика специалиста, коммуникативная культура, культура поведенческих реакций (в общем плане: культура профессиональных коммуникаций) [13].

На сегодняшний день в практике вузов накоплен колоссальный багаж методического обеспечения различных форм и видов занятия (тренингов, практикумов, мастер-классов, профессиональных мастерских и др.), в ходе которых развиваются отдельные составляющие внешнего уровня проявления профессиональной культуры специалиста социально-гуманитарного (в том числе и юридического) профиля.

Культурологический подход к профессиональной подготовке будущих юристов среднего звена в определенной мере находится во взаимосвязи с квалитологическим и квалитетрическим подходами к оценке качества профобразования.

Квалитологический подход разрабатывает методологию, концептуальные основы, а квалитетрический подход – методы и технологии, инструментарий вариативных контрольно-оценочных, диагностико-измерительных процедур, которые позволяют с достаточно высокой степенью объективности определить качественный уровень сформированности у выпускника вуза или вуза основ профессиональной культуры, основ профессиональной компетентности, основ профессионализма (молодого специалиста) в целом. Для этого в рамках, например, квалитетрического подхода разрабатываются специализированные шкалы и диагностируемые (количественно и качественно) параметры, измерив (в том числе и с применением математических) и оценив которые можно составить персонализированный профиль сформированности (развитости) у конкретного выпускника вуза или вуза отдельных составляющих основ его профессиональной культуры как специалиста, в связи с чем специалисты (ученые-исследователи) в сфере квалитетрического подхода обращаются к научным изысканиям (разработкам) в области культурологического подхода к профобразованию специалистов соответствующего профиля для поиска ответов на вопросы:

- каковы сущностные составляющие профессиональной культуры молодого специалиста (выпускника вуза, вуза) конкретного направления подготовки;

- по каким конкретным параметрам (показателям), которые можно в той или иной форме диагностировать, можно судить о том, что эти сущностные составляющие профессиональной культуры молодого специалиста (выпускника вуза, вуза) у него сформированы (или не сформированы);

- насколько объективно можно сделать вывод о сформированности тех или иных составляющих профессиональной культуры молодого специалиста (выпускника вуза, вуза) на основе использования тестовых заданий, решения кейс-стади или качественного анализа результатов преддипломной практики, защиты выпускной квалификационной работы или же объективно оценить уровень сформированности отдельных составляющих профессиональной культуры молодого специалиста (выпускника вуза) можно только в процессе его самостоятельной трудовой деятельности по специальности, а не в процессе квазипрофессиональной деятельности в период учебы даже на старших курсах вузовской подготовки?

В рамках квалиметрического подхода [7; 11 и др.] к профобразованию были разработаны следующие рекомендации для специалистов служб менеджмента качества ссузов, которые ориентированы на оптимизацию процесса формирования в условиях колледжа основ профессиональной культуры будущего юриста среднего звена:

- первоначально необходимо разработать (создать, спроектировать) так называемый «эталонный образец», «идеальную модель» сформированности у выпускника ссуза основ профессиональной культуры юриста среднего звена (образец или модель основ профессиональной культуры юриста среднего звена создается на основе максимального учета всевозможных требований, зафиксированных в нормативно-правовых документах, регламентирующих сферы его профессиональной деятельности, а также учет требований профессиограмм юриста среднего звена, которые разработаны учеными-исследователями и представлены в научной литературе); данный образец или модель должны включать в себя совокупность объективно диагностируемых характеристик профессиональной культуры юриста среднего звена; с данной моделью (или образцом) профессиональной культуры юриста среднего звена следует познакомить всех субъектов целостного профессионально-образовательного процесса ссуза; четко определить иерархическую и логическую последовательность этапов формирования отдельных составляющих профессиональной культуры юриста среднего звена по семестрам и годам обучения;

- необходимо установить (выявить) функционально-зависимые связи (взаимодействия) между всеми звеньями целостного профессионально-образовательного процесса в ссузе, которые так или иначе влияют на обеспечение качества формирования профессиональной культуры юриста среднего звена (в частности, необходимо обеспечить в деятельности преподавателей ссуза учет специфики контингента конкретной учебной группы (учет психовозрастных особенностей обучающихся; учет их стартового (первоначального) в период обучения в вузе уровня развития базовой культуры личности, учет имеющихся представлений о сущности, составляющих и проявлениях профессиональной культуры юриста среднего звена и др.); специалистам службы менеджмента качества ссуза необходимо обеспечить в своей работе и в работе подведомственных им подразделений учет профессиональных и личностных особенностей коллектива преподавателей, поскольку уровень профессиональной культуры каждого их преподавателей и уровень их личностной культуры являются одним из важнейших факторов, влияющих на качество процесса формирования в ссузе профессиональной культуры юриста среднего звена.

В целом же, согласно современным позициям квалиметрического подхода к профобразованию юриста среднего звена, высокий уровень качества сформированности у выпускника вуза профессиональной культуры синтезируется из следующих «субкачеств»:

- «субкачество» образовательного (учебно-познавательного, информационно-аналитического) и личностно-профессионального потенциала обучающихся в системе среднего профобразования по специальности «Право и организация социального обеспечения»;

- «субкачество» профессиональной и субъектно-личностной культуры профессорско-преподавательских кадров ссуза;

- «субкачество» содержания (образовательного контента) и учебно-методической базы ссуза (в частности качество представленности в содержательно-методическом обеспечении учебных дисциплин проблематики процессов формирования, развития, саморазвития профессиональной культуры будущего юриста среднего звена);

- «субкачество» материально-технической, учебно-практической базы ссуза (в частности качественный уровень профессиональной культуры специалистов и администраторов баз практики);

- «субкачество» профессионально-образовательных технологий, педагогических технологий профессионально-ориентированного обучения, реализуемых в учебно-воспитательном процессе ссуза (в частности интерактивные, проблемно-эвристические, имитационно-игровые, тренинговые и др. технологии профессионально-ориентированного обучения, которые способствуют развитию отдельных составляющих основ профессиональной культуры юриста среднего звена);

- «субкачество» контрольно-оценочных, измерительно-диагностических процедур, направленных на выявление сформированности у студента тех или иных отдельных составляющих основ профессиональной культуры юриста среднего звена;

- «субкачество» содержательно-методического базиса процесса профессионального вос-

питания будущих молодых специалистов в системе среднего профобразования (заметим, что система профессионального воспитания обучающихся в колледже обладает значительными педагогическими возможностями в части формирования и развития основ профессиональной культуры юриста среднего звена);

- «субкачество» профессиональной культуры управления (руководства) ссуза, культуры административного менеджмента в системе среднего профобразования.

Анализ ряда работ по проблеме взаимосвязи квалиметрического подхода к профобразованию кадров социальной сферы с другими методологическими подходами (в том числе и с культурологическим) позволил утверждать, что возможно некоторые положения квалиметрического подхода адаптировать к культурологическому. Так, например, по нашему мнению, постулаты процесса управления качеством Дж. Джурана можно адаптировать к процессу управления формированием и развитием в ссузе основ профессиональной культуры будущего юриста среднего звена:

а) не существует так называемого «чуда возникновения» (сформированности) у выпускника ссуза основ профессиональной культуры юриста среднего звена, то есть для того, чтобы у выпускника ссуза были сформированы основы профессиональной культуры юриста среднего звена, необходимо целенаправленно и системно интегрировать колоссальные усилия всех субъектов целостного учебно-воспитательного процесса ссуза (и в первую очередь принципиально важны усилия, желания, стремления, мотивированная активность самого обучающегося в деле основания содержательного базиса профессиональной культуры юриста среднего звена);

б) процесс формирования в ссузе основ профессиональной культуры будущего юриста среднего звена имеет прямое и непосредственное отношение к людям, то есть к вопросам проявления инициативно-творческого подхода преподавателей (методистов и специалистов баз практики, кураторов студенческих групп, руководителей курсовых и дипломных работ и др.) к разнообразию форм, методов, приемов, технологий, которые они будут использовать в целостном профессионально-образовательном процессе ссуза для становления основ профессиональной культуры юриста среднего звена (иными словами: процесс формирования в ссузе профессиональной культуры юриста среднего звена требует фокусирования усилий всех субъектов данного процесса на конкретном студенте – будущем молодом специалисте юридического профиля в системе соцзащиты населения);

в) необходимо систематически (например, в рамках корпоративных курсов повышения квалификации) проводить обучение всех преподавателей ссуза (а по возможности – методистов и специалистов баз практики, кураторов студенческих групп) теоретическим и прикладным (содержательно-методическим) основам процесса формирования в колледже основ профессиональной культуры юриста среднего звена; руководителям структурных подразделений ссуза необходимо использовать «командный подход» (Дж. Джуран) для непрерывного поиска наилучших путей повышения качества процесса формирования в ссузе основ профессиональной культуры юриста среднего звена;

г) для успешного достижения цели процесса формирования в ссузе основ профессиональной культуры юриста среднего звена данным процессом необходимо управлять, то есть в ссузе должны систематически коллегиально разрабатываться, обсуждаться, реализовываться, обновляться с учетом изменений внешней и внутренней среды жизнедеятельности ссуза вариативные программы по формированию основ данной культуры, необходимо проведение мониторинговых процедур (то есть уровень сформированности у обучающихся колледжа основ данной культуры должен объективно оцениваться, диагностироваться) с целью в дальнейшем произвести корректировку действий всех субъектов учебно-воспитательного процесса ссуза по повышению качества формирования и развития основ профессиональной культуры юриста среднего звена.

По нашему мнению, культурологический подход к профессиональной подготовке в колледже будущих юристов среднего звена в определенной мере находится во взаимосвязи и с прогностическим подходом к развитию системы непрерывного многоуровневого профобразования специалистов социальной сферы.

Представители различных научных отраслей по-своему раскрывают сущность понятия

«прогнозирование». Так, например, в философии прогнозирование обычно трактуется как: а) результат размышлений, основанных на многофакторном анализе массивов достоверной информации о возможном развитии в будущем тех или иных событий (процессов, явлений); б) многоступенчатый процесс переработки информации, осуществляемый на различных уровнях функционирования психики человека, с использованием различных конструктов, хранящихся в памяти (в частности категориальных, интеллектуальных, перцептивных схем и их интерпретаций).

Б.С. Гершунский педагогическую прогностику рассматривает как составную часть социального прогнозирования. По мнению ученого, педагогическая прогностика включает в себя вариативную совокупность прогнозов (например, демографического, социально-психологического, медицинского, экологического, культурологического и другого характера), которые могут повлиять на тенденции развития образовательных процессов, явлений, систем [цит. по 13].

С точки зрения теории и методики профессионального образования прогностический подход к развитию системы непрерывной профподготовки специалистов социономического (в том числе и юридического) профиля заключается в ориентации целостного профессионально-образовательного процесса на подготовку не только высококвалифицированного профессионала (специалиста-практика), но и на создание условий для развития личности специалиста как субъекта будущего, то есть человека, который осознает и принимает неизбежность усложнений и в профессиональных рамках, и в его жизнедеятельности в целом, понимает необходимость перспективных дел по организации нового социокультурного пространства. Если же по каким-либо причинам прогностический подход к развитию системы непрерывного профобразования не будет реализовываться, то возможно возникновение ситуации, которую Э. Тоффлер называл «футурошок» (страх человека перед непонятным будущим, страх перед неопределенностью и неожиданностью возникновения тех или иных событий, а главное, неспособность человека справиться как с этими страхами, так и неспособность адаптироваться к новым условиям труда и жизни).

Таким образом, реализация прогностического подхода к развитию системы среднего специального профобразования кадров юридического профиля предполагает, что в процессе обучения студент ссуза должен находиться в ситуациях ориентации на будущее в его соотносении с настоящим состоянием, а также в ситуациях постоянного предвидения (прогнозного проектирования) своих собственных перспектив профессионального и индивидуально-личностного роста.

Следует заметить, что анализ проводимых в Великобритании, Германии, Франции, Швейцарии, США, Канаде, Японии и других высокоразвитых странах реформ системы непрерывного профобразования специалистов «помогающих» (в том числе и юридических) профессий позволяет констатировать, что они (реформы) ориентированы на реализацию прогностического подхода, то есть не только на актуальные, но и на перспективные потребности общества (различных категорий граждан) в новых видах социономических услуг.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, констатируем, что синтез культурологического, компетентностного, квалиметрического, проектно-технологического, прогностического подходов к развитию системы профобразования специалистов юридического профиля обеспечивает полифункциональную подготовку специалистов на перспективу в рамках научно-обоснованного прогноза востребованности данных кадров на современном рынке труда и для решения конкретных профессиональных (в том числе и регионально-обусловленных) проблем повышения качества правозащитных, юридических услуг, предоставляемых российским гражданам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Агронина Н.И., Никитина Н.И. К вопросу о формировании профессионально-этической культуры будущих специалистов по социальной работе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (108). – С. 149-153.
2. Воленко О.И., Никитина Н.И. К вопросу о педагогических парадигмах современного профессионального образования специалистов социальной сферы // Инновации в образовании. – 2010. – № 6. – С. 4-15.
3. Вульфоз Б.З., Иванов В.Д. Основы педагогики. – М.: Университет РАО, 1999.
4. Галагузов А.Н. Культурологический подход в профессиональной подготовке специалистов социальной сферы: дисс. ... д-ра пед. наук. – М.: РГСУ, 2012.
5. Гребенникова В.М., Гребенников О.В. Компетентностный подход в образовании // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 6 (22). – С. 75-78.
6. Гребенникова В.М., Никитина Н.И. Профессионально-коммуникативная культура менеджера образования: сущность, структура, уровни проявления // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 2 (24). – С. 128-133.

7. Жукова Г.С., Комарова Е.В., Никитина Н.И. Квалиметрический подход в системе дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы: моногр. – М.: Изд-во РГСУ, 2012. – 185 с.
8. Зимняя И.А., Кривченко Т.А., Морозова Н.А. Общая культура человека в системе требований государственного образовательного стандарта. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1999. – 67 с.
9. Иванова Т. Юрист со средним образованием – кто он? [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный: <http://www.rabota42.com/help/?id=1&p=3> (дата обращения: 14.02.2015).
10. Курочкина М.Н. Формирование профессиональной готовности будущих юристов к работе в учреждениях социальной защиты населения: дисс. ... канд. пед. наук. – М.: РГСУ, 2006. – 188 с.
11. Никитина Н.И., Васильева Т.В., Никишина И.Н. Некоторые аспекты оценки качества непрерывного профобразования специалистов социологического профиля // Человеческий капитал. – 2015. – № 3 (75). – С. 27-34.
12. Никитина Н.И., Рудько Е.А. Компетентностный подход к профессионально-математическому образованию будущих юристов // Образование и саморазвитие. – 2012. – Т. 3. – № 31. – С. 60-65.
13. Никишина И.Н., Васильева Т.В., Никитина Н.И. Теоретико-методические основы формирования в вузе культуры профессионально-проектной деятельности специалистов социологического профиля: Коллективная монография. – М.: Ритм, 2015.
14. Приказ Минобрнауки РФ от 13.07.2010 г. №770 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 030912 Право и организация социального обеспечения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный: ГАРАНТ.РУ: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/99291/#ixzz3czKUXJO5> (дата обращения: 14.02.2015).
15. Федякина Л.В., Никитина Н.И. Теоретико-методические основы формирования профессиональной готовности будущих юристов к работе в учреждениях социальной защиты населения // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2009. – № 13. – С. 138-141.

REFERENCES

1. Agronina N.I., Nikitina N.I. To the question of professional and ethical culture formation of the future specialists in social work. [K voprosu o formirovanii professional'no-jeticheskoy kul'tury budushhih specialistov po social'noj rabote]. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanitarian Sciences*. 2012. No. 4 (108). P. 149-153. (in Russ.)
2. Volenko O. I., Nikitina N.I. To the question of pedagogical paradigms of modern vocational training of social sphere experts. [K voprosu o pedagogicheskikh paradigmah sovremennogo professional'nogo obrazovaniya specialistov social'noj sfery]. *Innovation in education*. 2010. No. 6. pp. 4-15. (in Russ.)
3. Wulfov, B.Z., Ivanov V. D. Basics of pedagogy. [Osnovy pedagogiki]. Moscow: University of Russian Academy of Education, 1999. (in Russ.)
4. Galaguzov A.N. Culturological approach in professional training of social sphere specialists. ... Ph. D. [Kul'turologicheskij podhod v professional'noj podgotovke specialistov social'noj sfery: diss. ... d-ra ped. nauk.]. Moskva: the University. 2012. (in Russ.)
5. Grebennikova V.M., Grebennikov O.V. Expert knowledge" approach to education. [Kompetentnostnyj podhod v obrazovanii]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social Educational Ideas*. 2013. No. 6 (22). pp. 75-78.
6. Grebennikova V.M., Nikitina N.I. Vocational communication competence of a manager of education: essence, structure, levels of manifesting it. [Professional'no-kommunikativnaja kul'tura menedzhera obrazovaniya: sushhnost', struktura, urovni proyavleniya]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social Educational Ideas*. 2014. No. 2 (24). P. 128-133. (in Russ.)
7. Zhukova G.S., Komarova E.V., Nikitina N.I. Qualimetric approach in the system of additional professional education of social sphere specialists: monograph. [Kvalimetricheskij podhod v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya specialistov social'noj sfery: monogr.]. Moskva: Publishing house of RSSU, 2012. 185 p. (in Russ.)
8. Zimnyaya I. A., Krivchenko T.A., Morozova N.A. General human culture in the system of state educational standards. [Obshhaja kul'tura cheloveka v sisteme trebovanij gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta.]. Moskva: Research center of quality problems of specialists' training, 1999. 67 p. (in Russ.)
9. Ivanova T. Lawyer with secondary education – who is he? Available at: <http://www.rabota42.com/help/?id=1&p=3> (accessed: 14.02.2015). (in Russ.)
10. Kurochkina, M.N. The formation of professional preparedness of future lawyers to work in institutions of social protection: Diss. ... Ph. D. [Formirovanie professional'noj gotovnosti budushhih juristov k rabote v uchrezhdenijah social'noj zashhity naseleniya: diss. ... kand. ped. nauk.]. Moskva: the University, 2006. 188 p. (in Russ.)
11. Nikitina N.I., Vasilyeva T.V., Nikishina I.N. Some aspects of the assessment of quality of continuous professional education of sociological profile specialists. [Nekotorye aspekty ocenki kachestva nepreryvnogo profobrazovaniya specialistov sociologicheskogo profilja]. *Human capital*. 2015. No. 3 (75). p. 27-34. (in Russ.)
12. Nikitina N.I., Rudko E.A. Competence approach to mathematics education of future lawyers. [Kompetentnostnyj podhod k professional'no-matematicheskomu obrazovaniju budushhih juristov]. *Education and self-development*. 2012. Vol. 3. No. 31. Pp. 60-65. (in Russ.)
13. Nikishina I. N., Vasilyeva T. V., Nikitina N.I. Theoretical-methodological bases of formation of cultural and vocational project activities of sociological profile specialists in the University: Collective monograph. [Teoretiko-metodicheskie osnovy formirovaniya v vuze kul'tury professional'no-proektnoj dejatel'nosti specialistov sociologicheskogo profilja: Kollektivnaja monografija]. Moskva: Publishing house "Rhythm", 2015. (in Russ.)

14. Order of the Ministry of education and science of the Russian Federation dated 13.07.2010 №770 "On approval and enactment of Federal state educational standard of average vocational training on a speciality 030912 Law and organization of social security": GARANT.RU: Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/99291/#ixzz3czKUXJO5> (accessed: 14.02.2015).
15. Fedyakina L.V., Nikitina N.I. Theoretical-methodical bases of formation of professional readiness of the future lawyers to work in establishments of social protection of the population. [Teoretiko-metodicheskie osnovy formirovaniya professional'noj gotovnosti budushhih juristov k rabote v uchrezhdenijah social'noj zashhity naselenija]. *Scientific notes of Russian State Social University*. 2009. No. 13. P. 138-141. (in Russ.)

Информация об авторе

Васильева Татьяна Виталиевна, аспирантка кафедры социальной и семейной педагогики Российского государственного социального университета, старший преподаватель кафедры теории и методологии социальной работы РГСУ, Краснодар, Россия
bercan_t@mail.ru

Гребенников Олег Владимирович кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия
vmgrebennikova@mail.ru

Никишина Ирина Николаевна, аспирантка кафедры социальной и семейной педагогики Российского государственного социального университета, старший преподаватель кафедры моделирования информационных систем и сетей факультета информационных технологий и техносферной безопасности РГСУ Краснодар, Россия
ira-nik@mail.ru

Получена: 30.09.2015

Information about the author

Vasilieva Tatiana, Postgraduate student of the Chair of Social and Family Pedagogy of the Russian State Social University; Senior lecturer at the Russian State Social University, Krasnodar city, Russia
bercan_t@mail.ru

Grebennikov Oleg, Candidate for Doctorate in Pedagogics, Associate Professor at the Chair of Pedagogy and Psychology of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Kuban State University", Krasnodar city, Russia
vmgrebennikova@mail.ru

Nikishina Irina, Postgraduate student of the Chair of Social and Family Pedagogy of the Russian State Social University; Senior lecturer at Modeling of Information systems and Networks in the Faculty of Information Technologies and Technospheric Security of Russian State Social University; Krasnodar city, Russia
ira-nik@mail.ru

Received: 30.09.2015

УДК 159.947 (19.00.01)

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-248-251

ВОДЕНИЦКАЯ Жанна Викторовна,
аспирант кафедры психолого-педагогического образова-
ния

VODENITSKAYA Zhanna Viktorovna,
Post-graduate student, Chair for Psychological-
Pedagogical Education

ГЫЧЕВ Александр Витальевич,
доктор медицинских наук, профессор кафедры психоло-
го-педагогического образования

GYCHEV Alexander Vitalyevich,
Doctor. of Medical Sciences, Professor, Chair for
Psychological-Pedagogical Education

ГРИЦКЕВИЧ Наталья Константиновна,
кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой
психолого-педагогического образования

GRICKEVICH Natalya Konstantinovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Chair
for Psychological-Pedagogical Education

СНИЖЕННАЯ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ КАК ФАКТОР ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГОВ ДОО

REDUCED EFFICIENCY AS A FACTOR MANIFESTING THE EMOTIONAL BURNOUT OF TEACHERS OF PRE-SCHOOL INSTITUTIONS

В статье дается характеристика работоспособности педагогов дошкольной образовательной организации. Профессиональная деятельность педагогов является одним из наиболее напряженных в психологическом плане видов социальной активности. Отсутствие единых требований со стороны администрации, сложные взаимоотношения между коллегами, внешнее сдерживание эмоций приводит к повышению эмоционального напряжения, что негативно сказывается на здоровье. Следы нервных стрессовых переживаний педагога проявляются в негативном отношении к работе, постоянной усталости, рассеянности, снижении результатов труда, неудовлетворенности профессиональной деятельностью. В данной статье рассматривается сниженная работоспособность (утомление, монотония, психическое пресыщение, напряжение/стресс) как фактор проявления эмоционального выгорания педагогов детского сада. Анализируются причины возникновения синдрома «эмоциональное выгорание». В статье представлены результаты эмпирического исследования сниженной работоспособности педагогов дошкольной образовательной организации в условиях реализации Федерального государственного образовательного стандарта, которые позволяют не только выявить взаимосвязь и факторы проявления эмоционального выгорания педагогов детского сада, но и оказать им своевременную психологическую поддержку, направленную на сглаживание выявленных нарушений. Знание закономерностей сохранения и укрепления психологического здоровья в педагогической деятельности, умение управлять собственными негативными эмоциями и состояниями необходимы педагогам ДОО.

The article highlights the working efficiency of teachers of pre-school educational institutions. Professional work of teachers is one of the most psychologically intense social activities. Lack of uniform requirements from the administration, complex relationships between colleagues, external restraint of emotions lead to increased emotional stress, which adversely affects the health. The traces of stressful experiences of teachers manifest themselves in teachers' negative attitude to work, constant fatigue, distraction, reduced work efficiency, and dissatisfaction with professional activity. The article describes the reduced efficiency (fatigue, monotony, mental satiation, stress) as a factor manifesting the emotional burnout of teachers of kindergartens and analyzes the causes of the syndrome of "emotional burnout". The article presents the results of the empirical research of decreased performance of teachers of preschool educational institutions in the conditions of implementing the Federal state educational standards, which allow not only to reveal the interdependence of the factors of burnout symptoms of kindergarten teachers, but also to provide them timely with psychological support, knowledge of the laws of preservation and strengthening of mental health in pedagogical work, and the ability to manage their own negative emotions.

Ключевые слова: сниженная работоспособность педагогов ДОО, факторы проявления эмоционального выгорания.

Key words: reduced efficiency of teachers of pre-school educational institutions, factors manifesting the symptoms of emotional burnout.

Модернизация системы образования в России, широкое распространение инновационных технологий, введение ФГОС приводит к тому, что успешность педагога в профессиональной деятельности во многом определяется его работоспособностью. Профессиональная деятельность педагогов является одним из наиболее напряженных в психологическом плане видов социальной активности. Эффективность трудовой деятельности во многом определяется работоспособностью организма [4].

Изучению работоспособности посвящены работы М.В. Антроповой, О.И. Дорогиной, А.С. Егорова, Е.П. Ильина, Г. Лемана, К.К. Платонова и др. Изучением профессиональной работоспособности в разных видах деятельности занимались В.А. Бузунов, В.В. Крыжановская, В.И. Медведев, Е.И. Стеженская и др. Работоспособность педагогов обеспечивает своевременную адаптацию к быстро меняющимся условиям образовательной среды, объема и интенсивности труда, способствует целенаправленному профессиональному становлению личности. Уровень работоспособности зависит от многих факторов: физиологических (функциональная зрелость организма, свойства нервной системы и т.п.), психологических (эмоциональное состояние, тре-

возможность и др.), внешнесредовых (условия организации деятельности, время дня, года и т.п.) [3].

Что же такое работоспособность педагога? Это его способность стабильно, в течение длительного времени поддерживать интенсивный ритм своей деятельности в условиях высоких нервных перегрузок и возрастающей сложности труда. Длительные перегрузки ведут к снижению работоспособности, ухудшению здоровья [5].

Отсутствие единых требований со стороны администрации, сложные взаимоотношения между коллегами, внешнее сдерживание эмоций приводят к повышению эмоционального напряжения, что негативно сказывается на здоровье. Следы нервных стрессовых переживаний педагога проявляются в негативном отношении к работе, постоянной усталости, рассеянности, снижении результатов труда, неудовлетворенности профессиональной деятельностью. Такая ситуация потенциально содержит в себе увеличение нервно-психического напряжения личности, что приводит к возникновению невротических расстройств, психосоматических заболеваний. Все эти факторы могут привести к синдрому «эмоционального выгорания» [1]. Данный синдром возникает в ситуациях интенсивного профессионального общения под влиянием множества внешних и внутренних стресс-факторов и проявляется как «приглушение» эмоций, исчезновение остроты чувств и переживаний, увеличение числа конфликтов с партнерами по общению, утрата веры в собственные силы и др. [2].

Причинами эмоционального выгорания становятся монотонность и однообразие работы, отсутствие карьерного роста, профессиональное несоответствие, возрастные изменения и социально-психологическая дезадаптация. Внутренними условиями для возникновения эмоционального выгорания могут быть акцентуации характера определенного типа, высокая тревожность, агрессивность, конформность, неадекватный уровень притязаний.

В научных трудах Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченко, В.В. Бойко, Г.А. Макарова, А.А. Рывакишикова и др. представлены научные подходы к изучению эмоционального выгорания. Авторы выделяют перечень симптомов эмоционального выгорания: усталость, утомление, истощение, психосоматическое недомогание, негативное отношение к работе, негативная Я-концепция, злоупотребление алкоголем, табаком и т.д. Первая исследовательница этого явления Кристина Маслач назвала свою книгу «Эмоциональное сгорание – плата за сочувствие». По мнению Д. Гринберга, «выгорание» может характеризоваться эмоциональным, физическим и когнитивным истощением и проявляться следующими симптомами: ухудшением чувства юмора, учащением жалоб на здоровье, изменением продуктивности работы, снижением работоспособности, самооценки и др. На формирование эмоционального выгорания оказывает влияние специфика профессиональной деятельности. Решение основной задачи педагогики и психологии по здоровьесбережению – сохранение высокой работоспособности, отодвигание утомления и исключение переутомления педагога в его деятельности. Данный факт обуславливает актуальность нашего исследования.

Мы провели исследование на базе муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад № 56 "Теремок"» пгт. Краснобродский Кемеровской области. Педагогический коллектив женский, возраст от 28 до 54 лет. Почти 60% педагогов имеют стаж свыше 20 лет. Выборка составила 33 педагога. Исследование проводилось с целью исследования состояний сниженной работоспособности педагогов дошкольной образовательной организации (ДОО). Объектом исследования является педагогическая деятельность педагогов ДОО. Предметом исследования являются состояния сниженной работоспособности как фактор проявления эмоционального выгорания педагогов ДОО. При проведении исследования нами были использованы следующие методики:

1. Методика ДОРС А.Б. Леоновой и С.Б. Величковой – дифференцированная оценка состояний сниженной работоспособности (монотония, психическое пресыщение, напряженность/стресс и утомление) [6]. Развитие названных состояний ведет к снижению уровня работоспособности, влияет на качественные характеристики поведения и эмоциональный тон переживаний, провоцируя серьезные изменения в способах межличностных коммуникаций.

2. Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко [7]. Методика позволяет выделить следующие три фазы развития стресса: «напряжение», «резистенция», «истощение». Каждая фаза стресса диагностируется на основе четырех характерных для нее симптомов.

Анализ результатов исследования по методике ДОРС А.Б. Леоновой и С.Б. Величковой (дифференцированная оценка состояний сниженной работоспособности) показал:

- утомление (состояние истощения и дискоординации в протекании основных реализующих деятельность процессов, развивающееся вследствие продолжительного и интенсивного воздействия рабочих нагрузок): у 21,2% респондентов (7 чел.) – низкая и у 72,7% респондентов (24 чел.) – умеренная степень состояния сниженной работоспособности, у 6,1% (2 чел.) – выраженная степень состояния;
- монотония (состояние сниженного сознательного контроля за исполнением деятельности, возникающее в ситуациях однообразной работы с частым повторением стереотипных действий): у 30,3% респондентов (10 чел.) – низкая и у 69,7% респондентов (23 чел.) – умеренная степень состояния сниженной работоспособности;
- психическое пресыщение (состояние неприятия слишком простой и субъективно неинтересной или малоосмысленной деятельности, которое проявляется в выраженном стремлении прекратить работу): у 54,5% респондентов (18 чел.) – низкая и у 39,4% респондентов (13 чел.) – умеренная степень состояния, у 6,1% респондентов (2 чел.) – выраженная степень состояния сниженной работоспособности;
- стресс (состояние повышенной мобилизации психологических и энергетических ресурсов, развивающееся в ответ на повышение сложности или субъективной значимости деятельности): у 15,2% респондентов (5 чел.) – низкая и у 81,8% респондентов (27 чел.) – умеренная степень состояния сниженной работоспособности, у 3,1% респондентов (1 чел.) – выраженная степень состояния.

По результатам диагностики уровня эмоционального выгорания (В.В.Бойко) в коллективе доминируют фазы резистенции: неадекватное избирательное эмоциональное реагирование (35% респондентов), расширение сферы экономии эмоций и редукция профессиональных обязанностей (по 30%); фаза истощения: эмоциональный дефицит (30%), психосоматические и психовегетативные нарушения (25%). По результатам исследования выявлена сформировавшаяся фаза резистенции (35% испытуемых). Фазы напряжения и истощения находятся в стадии формирования (соответственно 35% и 40%).

Полученные данные исследования были подвергнуты статистической обработке [8] с использованием корреляционного анализа и выявлена взаимосвязь. По результатам корреляционного анализа выявлено, что существует умеренная взаимосвязь утомления с истощением (эмоциональная и личностная отстраненность, психосоматические и психовегетативные нарушения ($r=0,31\pm0,07$)) и стресса с загнанностью в клетку ($r=0,25$). Пресыщение влияет на эмоционально-нравственную дезориентацию и расширение сферы эмоций ($r=0,38\pm0,1$). Это характеризуется выраженностью стремления быть в центре внимания и добиваться своих целей. На педагогах, которые работают с детьми и честно относятся к своим обязанностям, лежит нравственная и юридическая ответственность за благополучие вверенных им детей. Особенно высока ответственность за здоровье и жизнь воспитанников. Плата высока: нервное перенапряжение – вот цена ответственности, которую платит педагог. А ведь от того, с каким здоровьем, настроением, с какими эмоциями входит воспитатель в группу, зависит успешность, здоровье и настроение воспитанников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. – СПб.: Питер, 1999.
2. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. – СПб.: Питер, 2005. – 336 с.
3. Дорогина О.И. Психологические особенности педагогов с разным уровнем работоспособности // Образование и наука. – 2012. – №1.
4. Захарова Е.А. Требования к профессиональному развитию педагогов в условиях последиplomного образования // Молодой ученый. – 2011. – № 3. Т.2. – С. 115-117.
5. Зеер Э.Ф. Психология профессий: Учебное пособие. – Екатеринбург: УГППУ, 1997.
6. Леонова А.Б., Величковская С.Б. Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности. Психология психических состояний. Под ред. А.О. Прохорова. Вып. 6. – Казань, 2006.
7. Методика диагностики эмоционального выгорания (В.В.Бойко). URL: <http://psylist.net/praktikum/19.htm> (дата обращения: 14.12.2012г.)
8. Ермолаев О.Ю. Математическая статистика для психологов. 4-е изд-е, испр. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2006.
- 9.

REFERENCES

1. Boyko V.V. the Syndrome of emotional burnout in professional communication. [Sindrom «jemocional'nogo vygoranija» v professional'nom obshhenii]. St. Petersburg: Piter, 1999. (in Russ.)
2. Vodopyanova N.E. burnout Syndrome: diagnosis and prevention. [Sindrom vygoranija: diagnostika i profilaktika]. St. Petersburg: Piter, 2005. 336 p. (in Russ.)
3. Dorogina O.I. Psychological peculiarities of teachers with different levels of efficiency. [Psihologicheskie osobennosti pedagogov s raznym urovnem rabotosposobnosti]. Education and science. 2012. No. 1. (in Russ.)
4. Zakharova E.A. Requirements for professional development of teachers in the context of postgraduate education. [Trebovanija k professional'nomu razvitiyu pedagogov v uslovijah poslediplomnogo obrazovanija]. Young scientist. 2011. No. 3. Vol. 2. P. 115-117. (in Russ.)
5. Zeer E.F. Psychology professions: a Training manual. [Psihologija professij: Uchebnoe posobie]. Ekaterinburg: PPPU, 1997. (in Russ.)
6. Leonova A.B., Velichkovsky S.B. Differential diagnosis of States of reduced efficiency. The psychology of mental States. [Differencial'naja diagnostika sostojanij snizhennoj rabotosposobnosti. Psihologija psichicheskikh sostojanij]. Edited by A.O. Prokhorov. Vol. 6. Kazan, 2006. (in Russ.)
7. The technique of diagnostics of emotional burnout. [Metodika diagnostiki jemocional'nogo vygoranija]. Boyko V.V. URL: <http://psylist.net/praktikum/19.htm> (accessed on 14.12.2012.)
8. Yermolaev O.Y. Mathematical statistics for psychologists. [Matematicheskaja statistika dlja psihologov]. 4th edition, Rev. Moscow: Moscow psychological-social Institute: Flint, 2006(in Russ.)

Информация об авторе

Воденицкая Жанна Викторовна, аспирант, кафедра психолого-педагогического образования, Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Гычев Александр Витальевич, доктор медицинских наук, профессор, кафедра психолого-педагогического образования, Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Грицкевич Наталья Константиновна, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования, педагог-психолог, Томского государственного педагогического университета, Томск, Россия
ped_ganna@mail.ru

Получена: 27.07.2015

Information about the author

Vodenitskaya Zhanna Viktorovna, Post-graduate student, Chair for Psychological-Pedagogical Education, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk city, Russia

Gychev Alexander Vitalyevich, Doctor, of Medical Sciences, Professor, Chair for Psychological-Pedagogical Education, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk city, Russia

Grickevich Natalya Konstantinovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Chair for Psychological-Pedagogical Education, Pedagogue-psychologist, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk city, Russia
ped_ganna@mail.ru

Received: 27.07.2015

УДК 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-252-254

ГАСАНОВА Рената Рауфовна,
кандидат психологических наук

GASANOVA Renata Raufovna,
Candidate of Psychological Sciences

РОМАНОВ Александр Михайлович,
доктор педагогических наук, профессор

ROMANOV Alexander Mikhailovich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

**МЫСЛИ О МОДЕРНИЗАЦИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА,
СРЕДЫ ВУЗА И ВРЕМЕНИ**

**THOUGHTS ABOUT MODERNIZATION OF
EDUCATIONAL SPACE, UNIVERSITY
ENVIRONMENT AND THE TIME**

В статье разворачиваются новые взгляды к пониманию образовательного пространства, образовательной среды вуза, методов повышения эффективности и темпов достижения уровней образовательных цензов обучающимися.

По результатам комплексных исследований делаются следующие выводы:

- информационно-образовательная среда является субъектом образовательной деятельности, а показателем эффективности информационно-образовательной среды стало время достижения обучающимся официального образовательного ценза;
- создав в среде специальные психолого-педагогические условия и применив разработанные рефлексивные механизмы деятельности и механизмы, связанные с процессами рефлексии и смыслообразования, а также средства формирования полноценной структуры осознанной саморегуляции обучающихся, можно интенсифицировать образовательный процесс и сократить время нахождения обучающегося в нормированном образовательном пространстве;
- при настоящем уровне развития общества нормированное образовательное пространство применительно к вызовам XXI в. под давлением изменившейся информационно-образовательной среды нуждается в кардинальном изменении.

В этой связи актуальность обусловлена тем, что необходимо сократить время для подготовки квалифицированных специалистов, повысив интенсивность учебного труда.

Ключевые слова: образовательная среда, образовательное пространство, образовательный ценз, обучающийся, время, образование, развитие общества, информация, изменение, саморегуляция.

The article highlights the new insights to understanding of educational space, educational environment of higher schools, methods of improving the efficiency and tempo of reaching the standards of educational qualifications of students.

As a result of the comprehensive research it has been concluded that:

- Informational-educational environment is the subject of educational activities, and indicator of the effectiveness of informational and educational environment is the time of achieving by students the official educational standards;
- By creating special psycho-pedagogical conditions and using the elaborated reflexive mechanisms of activities and the mechanisms associated with the processes of reflection and meaning-formation as well as mechanisms of building-up a full structure of conscious self-regulation of students, it is possible to intensify the educational process and reduce the time spent by students within the normed educational space;
- At the present level of development of society, in the context of the challenges of the twenty-first century, under the pressure of the changed educational environment, the normed educational space needs a radical change.

In this regard, the topicality is due to the fact that it is necessary to reduce the time for training qualified specialists by intensifying academic work.

Key words: educational environment, educational space, educational qualification, student, time, education, development of society, information, change, learning, self-control.

По сути, все развитие современной цивилизации – это постоянное увеличение динамичности времени, совершенствование способов его использования.

Д.И. Фельдштейн

Важной задачей системы образования в новых условиях является повсеместное внедрение последних научных достижений педагогической науки, направленных на интенсификацию обучения, позволяющих ускорять достижение уровней требований установленных образовательных цензов. Для этого необходимо новое осмысление базовых представлений об образовательной среде в ее современном облике, то есть среде информационно-образовательной, ее развитии и решающем влиянии на достижение целей образования [5]. В этой связи, актуальность такого подхода обусловлена тем, что необходимо сократить время для подготовки квалифицированных специалистов, повысив интенсивность учебного труда.

Время человека в системной целостности является особым феноменом, вбирающим в себя историческую, социальную, физическую, биологическую, психологическую составляющие. Важнейшим моментом в функционировании времени человека является отношение к нему людей, полагающее потребность в его организации, как на общественном, так и на индивидуальном уровне, необходимость такой организации и способность к ней. В данном случае встает проблема структурирования как времени, так и пространства образования человека [6].

Становится очевидным необходимость четкого осмысления тенденций прогрессивного развития общества, человека, образовательной среды.

По мнению В.С. Аванесова, модернизация – это приведение сферы образования к современным требованиям личности, граждан, общества и государства. Она достигается посредством создания современной электронной учебной среды, умелого сочетания прежних и новых технологичных форм, активизации самостоятельного изучения интересующих учебных дисциплин в доступном для личности объеме [1].

В своих работах А.М. Романов неоднократно подчеркивает, что современная образовательная среда высшего учебного заведения трансформировалась в среду информационно-образовательную, то есть в инфраструктурное и психодидактическое содержание образовательного пространства, функционирующее в рамках государственных образовательных стандартов, созданное интегрированным комплексом средств, инструментов, устройств, носителей и проводников знаний, а также обучающихся, связанных функциональными многосторонними взаимосвязями. Взаимодействие между субъектами обучения (студентами, слушателями и преподавателями, консультантами и т.д.) обеспечивается такими комплексами средств, инструментами, устройствами, как компьютеры, средства телекоммуникации, Интернета, программные, видео-, аудио-, проекционные средства, установленные в аудиториях и других помещениях, контрольно-измерительные инструменты (тесты), образующие единство уровня и качества образовательного процесса, независимо от места пребывания обучающегося [2].

Информационно-образовательная среда неразрывно связана с образовательным нормированным пространством, где ее основная миссия является достижением целей образования. И если считать, что образовательная среда субъектна, то объектом считается время достижения обучающимся уровня соответствующего образовательного ценза [3].

Д.И. Фельдштейн в статье «Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI в.» также выделяет время и пространство потому, что они объективно являются значимыми факторами в организации жизнедеятельности человека, когда речь идет о степени и характере насыщенности времени, его естественно осуществляемых и целенаправленно структурируемых ритмах в пространствах функционирования человека, и что приобретает особый смысл при понимании структуры и содержания всей вертикали онтогенеза, то есть осмыслении пространственно-временного континуума организации образования [6].

В частности, реляционная типологическая концепция, предложенная С.В. Мейеном, рассматривает время как основной параметр образовательного пространства, в котором время выступает как изменчивость индивидов, регистрируемая по положению объектов в пространстве, их состояниям или признакам [7]. Вполне допустимо и оправданно, что именно время становится основным критерием эффективности образовательного пространства, если приобретение новых знаний, умений и компетенций рассматривается как изменение признаков и состояний среды.

Полезность информационно-образовательной среды необходимым для формирования знаний, умений и компетенций индивида определяется периодом, в ней находящимся. Чем меньше времени находится в информационно-образовательной среде отдельный индивид до достижения им уровня соответствующего образовательного ценза, тем больше ее «пропускная способность» и эффективность. Предметом здесь будут являться педагогические механизмы и средства, воздействующие на время достижения обучающимся уровня образовательного ценза. Таким образом, время достижения образовательного ценза становится основным параметром воздействия на него педагогическими механизмами и средствами, которое одновременно служит критерием оценки информационно-образовательной среды.

В таком случае появляется задача необходимости создания педагогических механизмов и средств, действующих в среде, которые позволили бы сократить временной период достижения обучающимся уровня образовательного ценза. Например, по мнению В.С. Аванесова, предстоит концентрация усилий на разработку новых образовательных технологий, включающих систему педагогически обоснованных, кратко написанных учебных текстов и систему технологичных заданий возрастающей трудности к ним, позволяющих каждому учащемуся добиваться больших результатов в усвоении учебных материалов за меньшее время [1].

В результате комплексных исследований были разработаны и апробированы рефлексивные механизмы деятельности и механизмы, связанные с процессами рефлексии и смыслообразования, обеспечивающие их формирование и повышающие образовательную мотивацию обучающихся, трансформируя ее в мотивацию смыслообразующую, а также психолого-педагогические средства «формирования полноценной структуры осознанной саморегуляции, неразрывно связанной с ее мотивационными детерминантами» [4]. Все это позволяет сократить время для достижения обучающимся уровней образовательного ценза.

Итак, мы резюмируем:

1) информационно-образовательная среда является субъектом образовательной деятельности, а показателем эффективности информационно-образовательной среды стало время достижения обучающимся официального образовательного ценза;

2) создав в среде специальные психолого-педагогические условия и применив разработанные рефлексивные механизмы деятельности и механизмы, связанные с процессами рефлексии и смыслообразования, а также средства формирования полноценной структуры осознанной саморегуляции обучающихся, можно интенсифицировать образовательный процесс и сократить время нахождения обучающегося в нормированном образовательном пространстве;

3) при настоящем уровне развития общества нормированное образовательное пространство применительно к вызовам XXI в. под давлением изменившейся информационно-образовательной среды нуждается в кардинальном изменении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Аванесов В.С.* Основные направления модернизации образования. URL: <http://obrazovanie.viperson.ru/wind.php?ID=425098>
2. *Романов А.М.* Психологические условия формирования смыслообразующей мотивации студентов вуза в информационно-образовательной среде. – М.: Элит, 2009. – 344 с.
3. *Романов А.М.* Размышления об образовательном пространстве, среде, времени, их единстве и изменении. – М., 2009. – 13 с.
4. Романов А.М., Романова Е.А., Гасанова Р.Р. Ценности и смыслы личностного и профессионального развития обучающихся: монография / Под ред. А.М. Романова. – М.: Институт научной информации и мониторинга РАО, 2010. – 208 с.
5. Теория развивающего образования в дискурсе психодидактических образовательных систем / Под ред. В.Е. Усанова. – М.: ИНИМ РАО, 2010. – С. 49.
6. *Фельдштейн Д.И.* Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI в. Современное образование. – М.: URSS, 2013. – С. 9-33.
7. *Шаров А.А.* Анализ типологической концепции времени С.В. Мейна. Конструкции времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени. Часть 1. Междисциплинарное исследование. – М., 1996. – С. 96-111.

REFERENCES

1. *Avanesov V.S.* The Main directions of modernization of education [Osnovnye napravleniya modernizatsii obrazovaniya]. Available at: <http://obrazovanie.viperson.ru/wind.php?ID=425098>
2. *Romanov A.M.* Psychological conditions of formation of the semantic motivation of students in educational environment [Psikhologicheskie usloviya formirovaniya smysloobrazuyushchey motivatsii studentov vuza v informatsionno-obrazovatel'noy srede]. Moscow: *Elites*, 2009. 344 p.
3. *Romanov A.M.* Reflections on the educational space, environment, time, their unity and change [Razмышleniya ob obrazovatel'nom prostranstve, srede, vremeni, ikh edinstve i izmenenii]. Moscow. 2009. 13 p.
4. Romanov A.M., Romanova E.A., Gasanova R.R. The values and meanings of personal and professional development of students [Tsennosti i smysly lichnostnogo i professional'nogo razvitiya obuchayushchikhsya]. Monograph. Edited by A.M. Romanov. Moscow: *Institute of scientific information and monitoring RAO*, 2010. 208 p.
5. The theory of developmental education in the discourse psychodidactic educational systems [Teoriya razvivayushchego obrazovaniya v diskurse psikhodidakticheskikh obrazovatel'nykh sistem]. Ed. by V.E. Usanova. Moscow: *the BODY RAO*, 2010. P. 49.
6. *Feldstein D.I.* Problems of psychological and pedagogical Sciences in the spatial-temporal situation of the twenty-first century of Modern education [Problemy psikhologo-pedagogicheskikh nauk v prostranstvenno-vremennoy situatsii XXI v.]. Moscow: *URSS*, 2013. P. 9-33.
7. *Sharov A.A.* Analysis of the typological concept of time S. V. Mein. Constructions of time in natural science: towards the understanding of the phenomenon of time [Analiz tipologicheskoy kontseptsii vremeni S.V. Meyn. Konstruktsii vremeni v estestvoznanii: na puti k ponimaniyu fenomena vremeni.]. Part 1. Interdisciplinary study. Moscow., 1996. P. 96-111.

Информация об авторе

Гасанова Рената Рауфовна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования», Москва, Россия
renata_g@bk.ru

Романов Александр Михайлович, доктор педагогических наук, профессор, Москва, Россия

Получена: 21.08.2015

Information about the author

Gasanova Renata Raufovna, Candidate of Psychological Sciences, Senior researcher, FSBI Institute of Management Education of the Russian Academy of Education», Moscow, Russia
renata_g@bk.ru

Romanov Alexander Mikhailovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow, Russia

Received: 21.08.2015

УДК 82

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-255-259

ГЕРЦИЙ Виталий Михайлович,
соискатель на ученую степень кандидата философских наук, кафедры этики

GERCIY Vitaly Mikhailovich,
Applicant for academic degree of Candidate of Philosophical Sciences, Chair of Ethics

**ВИНА И СТРАДАНИЕ В СТРУКТУРЕ
«ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ» Ф.М.
ДОСТОЕВСКОГО**

**THE GUILT AND SUFFERING IN THE
STRUCTURE OF "CRIME AND
PUNISHMENT" BY F. DOSTOEVSKY**

Данная статья - результат исследования понимания Ф.М. Достоевским вины как элемента человеческой личности. Автор обосновывается уникальностью подходов Достоевского к такому человеческому пороку, как девиантное поведение, и одновременно предпринимает попытку поиска истоков такого подхода к человеческой вине в личности самого русского писателя. В основу исследования легли романы Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы». Новизна подхода автора статьи к исследуемому вопросу заключается в том, что впервые предпринята попытка на основе сюжетных линий указанных романов показать связь вины индивида в совершенных преступлениях и страданий, которые налагаются на преступника, вне причинно-следственных связей юридического категориального универсума. Онтический характер такого представления вины в творчестве Достоевского связан непосредственно с личностью самого писателя и нервного расстройства, каковым страдал Ф.М. Достоевский на протяжении своей жизни. Эта личная трагедия самого Достоевского и одновременно его человеколюбие огромной, невообразимой силы, его интерес к «детективным» сюжетам в своем творчестве, по мнению З. Фрейда, были тесно связаны и взаимно обуславливали друг друга. В то же время напряжению в личности Достоевского, создаваемому столь разнонаправленными мощными и отчасти деструктивными силами, мы обязаны возникновением уникального концепта Ф.М. Достоевского: справедливого воздаяния за грех или преступление, понимания страдания как способа снятия вины за совершенное зло.

This article is a result of the study of understanding by F. Dostoevsky of guilt as an element of human personality. The author substantiates the unique approaches of Dostoevsky to such human vice as a deviant behavior and at the same time makes an attempt to identify the origins of such approach to human fault in the personality of the Russian writer himself. The author's study was based on the novels by Dostoevsky «Crime and Punishment», «The Karamazov Brothers». The novelty of the author's approach to the studied issue is that it is the first attempt based on the these novels to show the link between the guilt of the individual in the committed crimes and the suffering imposed on the offender beyond the cause-and-effect relations of the juridical categorical universum. The ontic character of such presentation of guilt in Dostoevsky's works is directly linked with the personality of the writer himself and the nervous disorder, which Dostoevsky suffered throughout his life. This personal tragedy of Dostoevsky and at the same time his great love for humanity, his interest to «detective» plots in his work, according to Freud, were closely inter-related and mutually shaped one another. At the same time, the tension in the personality of Dostoevsky, caused by powerful multidirectional and partially destructive forces, gave impact to the creation of the unique concept by F. Dostoevsky: just retribution for a sin or a crime, understanding of suffering as a way of releasing from the evil committed.

Ключевые слова: вина, справедливость, ответственность, Достоевский, Семенов-Тянь-Шанский.

Key words: guilt, fairness, responsibility, Dostoevsky, Semenov Tian-Shansky.

Вина человека и страдание, связанное с ней, искупление вины за причиненную жестокость или унижение человеческого достоинства, мотив преступления и психология человека, преступившего закон, не важно какой - юридический ли, божеский ли - ярко высвечены во многих романах русского писателя и философа Ф.М. Достоевского. Так, герой романа «Преступление и наказание» Родион Раскольников совершает убийство старухи-процентщицы не только для того, чтобы проверить свою решимость и готовность преступить евангельскую заповедь «Не убий!». «Тварь дрожащая» или все-таки «право имеет» преступить - задается он вопросом накануне убийства. Но Раскольников решает еще и социальную дилемму: «... с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая больная старушонка,.. которая сама не знает, для чего живет...С другой стороны, молодые свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это повсюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь».

Здесь внутренний мотив героя переплетен с внешними «благими целями». Экзистенциальный тупик, в котором жил Раскольников, «безысходность» его жизненной ситуации на тот момент, когда у него возникла идея убийства, «подсказывают» ему, казалось бы, простой выход... (Эти условия жизни Ницше назовет «рессентиментом»). И он решает! И он убивает!..

Другой герой этого романа, следователь Порфирий Петрович, тонко играя на чувстве вины Раскольникова, подводит Его Совесть к Признанию, а затем и Раскаянию. Искупление вины наступает в конце романа, когда Раскольников переболел тяжелой болезнью уже на каторге. Его отчужденность от людей исчезает. Он вновь обращается к людям. Вероятно, в этом и видится автору цель искупления.

В другом романе, «Братья Карамазовы», казалось бы, несправедливо осужденный за убийство своего отца к двадцатилетней каторге старший из братьев, Дмитрий Карамазов, не

совершал этого убийства. Но если вспомнить, что унижения, которым он подверг мелкого чиновника Соловьева, привели к гибели его малолетнего сына, то так ли уж «несправедливо» кажется это наказание, возложенное на Карамазова автором романа? Бесспорно, с юридической точки зрения в основе драматического сюжета романа - судебная ошибка. Да, осужден не за то, но ответственен за смерть ребенка. Ф.М. Достоевский, сам приговоренный к смертной казни, которая была в последний момент заменена четырехлетней каторгой и пятью годами службы рядовым в военном гарнизоне, очень хорошо понимал значение слова «пострадать», впрочем, как и психологию каторжанина. Именно на каторге Ф.М. Достоевский обрел столь обостренное чувство справедливости. Думается, что смысл, который он нашел в этом каторжном страдании, помог ему выжить, привнес этот мистицизм воздаяния за грех в его мироощущение и породил надежду на эту иррациональную силу человеческого бытия. Интересно, что спустя более ста лет после этих событий, австрийский психиатр В. Франкл (1905-1997), сам оказавшийся в концентрационном лагере и чудом переживший его, напишет, что страдание, вина и смерть - трагическое триединство человеческого существования, а право становиться виновным и преодолевать вину - привилегия человека. В человеке нужно видеть не только стремление к удовольствию, волю к власти, но и волю к смыслу, последнее и помогает человеку пережить все невзгоды, в том числе и годы каторжных работ [1].

Смысл - вот главное, что рождает человеческая воля в бытийственной «безысходности».

Достоевский тоже отмечает желание героев этих двух романов «пострадать»: в первом - когда пишет о маляре Николае, первоначально взявшем на себя вину Раскольникова; во втором - когда Дмитрий Карамазов оказывается в арестантском доме по подозрению в убийстве отца и тоже собирается «пострадать» за то, что в припадке бешенства унизил маленького, несчастного человека - чиновника Соловьева. Он «понимает» это, как пишет Ф.М. Достоевский, и после этого «понимания», то есть только после обретения смысла, рождается «Новый человек» - Дмитрий Карамазов.

Страдание и вина - это очень личные переживания самого Ф.М. Достоевского. До ареста кружка петрашевцев, в который формально входил и сам Достоевский, свет увидел только его роман «Бедные люди». Он сходится с Некрасовым, Белинским, входит в круг «ударников литературы» того времени. До ареста увидят свет еще два его произведения.... Но они уже не будут приняты с таким восторгом читающей публикой. Они окажутся откровенно слабы и с литературной точки зрения. Новый взлет литературного гения Достоевского будет ждать его только после каторги и рутинной гарнизонной службы, то есть почти десятилетнего несправедливого страдания. Только роман «Записки из Мертвого дома» вновь вернет его имя на литературный олимп.

Отмечу, что в «Преступлении и наказании» и «Братьях Карамазовых» пересечение юридических, этических и религиозных сюжетных линий вины героев создает то драматическое напряжение, которое вызывает интерес к романам и до сего дня, спустя почти 150 лет после их появления на свет. И дело здесь не только в глубоком психологизме автора, но и в том философском подстрочнике, который сопровождает читателя через все страницы произведения, - воздаяние за несправедливость. Санкции настигают героев романов как за преступления, так и за грех, то есть за простые нарушения этических норм, хоть и не являющиеся преступными по уголовному уложению, действовавшему в тот период в Российской империи, но за действия, унижающие достоинство Другого в его существовании. Справедливость в романах Достоевского торжествует объективно, независимо от людского суда. Какая-то космическая сила, внешняя для самого человека, восстанавливает справедливый порядок в мире. Юридический универсум рушится, отсутствует рациональная причинно-следственная связь между преступлением и наказанием, следующим за ним. Справедливость восстанавливается сама, и виновный актер обязательно несет наказание в виде страдания. Зло повержено... Раскольников после убийства находится на грани душевного помешательства, Смердяков заболевает и кончает жизнь самоубийством, Иван Карамазов, внутренне давший санкцию на убийство своего отца, также к концу романа сходит с ума. Та же конструкция, что и у Ницше: за виновный проступок неминуемо должно следовать наказание субъекта. Но у Достоевского это наказание, это страдание виновного как бы ниспадает извне, помимо человеческой воли самого виновного, оно накладывается на виновного самой жизнью. Сам миропорядок восстанавливает свою гармонию, обрекая виновных на роль жертвы. Муки совести сводят их с ума.

Санкции за преступления филигранно отмерены автором: в конце романа «Преступление и наказание» Достоевский повествует, что мать Раскольникова также умирает, не прожив и года после его осуждения. Очевидно, что справедливость восстановлена и здесь: Раскольников, убивший старуху-процентщицу, «случайно» лишает жизни и ее сестру Лизавету. Око за око? Принцип Талиона? Напомню, что суд проявил снисхождение к Раскольникову, определив ему

восемь лет каторжных работ: суд учел некую странность характера Раскольникова, его явку в следственную часть и пр., и пр.

Прокурор в романе «Братья Карамазовы» Ипполит Кириллович, так пламенно требовавший осуждения Дмитрия Карамазова, по сюжету романа тоже умирает через девять месяцев после суда. Невольно возникает вопрос: может, этот герой романа, прокурор, столь исступленно требовавший осуждения Дмитрия Карамазова, не виновного в этом конкретном преступлении - убийстве отца, сам преступил человеческие и божеские законы справедливости, тогда как настоящий преступник Смердяков им был отвергнут? Двадцать лет каторги, которые определил суд присяжных старшему Карамазову в результате следственной ошибки, это уже новая, ничем не заслуженная жестокость. Тем более, что «Новый человек» Дмитрий Карамазов уже родился, смысл им был обретен, как только он понял в арестантском доме, за что он, Дмитрий Карамазов, «страдает».

В романах нет места человеческой мести. Справедливое выводится Достоевским во внешний план. Герои его романов ответственны за действия, которые разрушают эти нормы справедливости: божеские, человеческие, юридические... Справедливость есть ответственность за свою вину перед своей собственной совестью. Мечь, как справедливое или несправедливое, но жестокое человеческое воздаяние за преступление - это уже пафос французских романов. Сравните, например, роман «Граф Монте-Кристо» А. Дюма, где наслаждение от возмездия за несправедливость к узнику замка Иф оправдывает в глазах читателя любые злодеяния Эдмона Дантеса к своим обидчикам. В романах Достоевского нет этого наслаждения от страданий, а есть Безумие креста, следование своей Судьбе, путь на Голгофу за свою вину героев романов.

Гений Достоевского касается и такого очень сложного вопроса, как этика наказания. Когда должно произойти «снятие вины» с совести преступника? Это новое. Этого не было ни в философской литературе до Достоевского, ни впоследствии. Сошлюсь на «дневники старца Зосимы», опубликованные в конце второй части романа «Братья Карамазовы». В них упоминается некий незнакомец, добропорядочный житель провинциального городка, богатый и много жертвовавший на благотворительность гражданин, который из ревности много лет назад убил свою возлюбленную. За это преступление был схвачен один из слуг этой девушки, но судим не был, так как после ареста заболел и в горячке умер. Тем дело и кончилось, упоминает Ф.М. Достоевский. Мучимый угрызениями совести, спустя четырнадцать лет после убийства незнакомец приходит к старцу, тогда еще молодому человеку, только вознамерившемуся постричься в монахи, и делает признание в совершенном убийстве. Будущий старец, отец Зосима, просит его не носить грех на душе, открыться людям, сказать об этом убийстве. Таинственный гражданин, чье имя так и не выведено в романе, долго не решается это сделать, даже, наоборот, решает убить отца Зосиму - так тяжело ему открыться в совершенном преступлении и осознать, что уже появился свидетель его преступления (молодой человек еще не постригся в монахи, он не связан тайной исповеди, он не священнослужитель, а простой свидетель). Но незнакомец решает... и объявляет о своем преступлении. Последующие события больше относятся к развитию драматического сюжета романа, и вряд ли их уместно подробно описывать на страницах данной работы. Отмечу лишь то главное, что подметил Ф.М. Достоевский: необходимость открыться людям, сообщить о своем грехе, в данном случае преступлении.

Искупление за грех Достоевский видит в преодолении разрыва ткани человеческого существования, в основе которой лежит библейское «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Поэтому и нужно это выговаривание своего внутреннего греха, дискурс в осуждении и об осуждении преступления, решимость принять санкцию извне, налагаемую уже другими людьми, снятие со своей души тяжести за совершенное преступление, готовность верить свою судьбу в руки Другого - это то новое, что стало предметом этического осмысления вины только во второй половине XX в. [2], и огромная роль здесь принадлежит именно русской философской мысли.

Каковы истоки этой философии - справедливого воздаяния за преступление, взыскующего с человека независимо от юридического универсума? Что это за нравственная сфера человеческого сосуществования? Как сам Ф.М. Достоевский смог достичь глубин понимания воздаяния за человеческий грех?

По мнению большинства современников, Ф.М. Достоевский был осужден на каторгу несправедливо. Вот что пишет граф Семенов (Тянь-Шаньский): «...революционером Достоевский никогда не был и не мог быть, но, как человек чувства, мог увлекаться чувствами негодования и даже злобою при виде насилия, совершаемого над униженными и оскорбленными... Только в минуты таких порывов Достоевский был способен выйти на площадь с красным знаменем, о чем, впрочем, почти никто из кружка Петрашевского и не помышлял» [3, с. 145]. Примерно та же оценка «революционных» взглядов писателя содержится и в воспоминаниях Н.Н. Страхова, правда, уже в послекаторжный период творчества писателя: «...в практической области мы

останавливались на чистом либерализме, то есть на таком учении, которое менее всего согласно с мыслью о насильственном перевороте, и если настаивает на каких-нибудь изменениях существующего порядка, то добивается этих изменений одним лишь убеждением и вразумлением...Что либерал, по сущности дела, должен быть в большинстве случаев консерватором, а не прогрессистом и ни в каком случае не революционером, это едва ли многие знают и ясно понимают» [4, с. 241].

Первый роман Достоевского «Бедные люди» вызвал оглушительный успех у публики и прогрессивной критики. Достоевский сходится с Белинским, Некрасовым становится желанным гостем в кругах литераторов. Однако следующие его повести вызывают разочарование. То ли виновато болезненное честолюбие Достоевского, то ли личные свойства его характера, но он порывает с этим кружком писателей и литературных критиков и попадает в кружок к Петрашевскому, где с удовольствием проводит время, так как, по воспоминаниям современников, тот был фигурой яркой, а хозяином гостеприимным. «Его (Достоевского) любовь, с одной стороны, к обществу и к умственной деятельности, а с другой - недостаток знакомства в других сферах, кроме той, в которую он попал, оставив Инженерное училище, были причиной того, что он легко сошелся с Петрашевским» [5, с. 111].

Невротические черты характера Достоевского были предметом анализа и З. Фрейда. Правда, сам основоположник психоанализа отмечал нехватку материала для того, чтобы прийти к окончательному выводу о причинах невроза великого писателя. Но Фрейд отмечает связь сюжетов Достоевского с преступниками и преступлениями, сюжет отцеубийства в романе «Братья Карамазовы» с «Эдиповым комплексом». Известно, что для самого Фрейда «Эдипов комплекс» являлся фундаментальным положением его психоаналитической теории, из которого он выводил зарождение у человека совести и вины, как, впрочем, и все последующее формирование полноценной личности. «Сильная деструктивная устремленность Достоевского, которая могла бы сделать его преступником, была в его жизни направлена, главным образом, на самого себя (вовнутрь - вместо того, чтобы изнутри) и, таким образом, выразилась в мазохизме и чувстве вины», - пишет Фрейд, обосновывая невротические свойства Достоевского и причины его падучей болезни. Говоря о понимании вины Достоевским, Фрейд отмечает: «Преступник для него - почти спаситель, взявший на себя вину, которую в другом случае несли бы другие. Убивать больше не надо, после того, как он уже убил, но следует ему быть благодарным, иначе пришлось бы убивать самому...

Чувство вины, как это нередко бывает у невротиков, нашло конкретную замену в обремененности долгами, и Достоевский мог отговариваться тем, что он при выигрыше получил бы возможность вернуться в Россию, избежав заключения в тюрьму кредиторами... Игра была для него также средством самонаказания.... Если он своими проигрышами доводил себя и ее (свою жену - Г.В.) до крайне бедственного положения, это служило для него еще одним патологическим удовлетворением. Он мог перед нею поносить и унижать себя, просить ее презирать его, раскаиваться в том, что она вышла замуж за него, старого грешника, - и после всей этой разгрузки совести на следующий день игра начиналась снова... Когда его чувство вины было удовлетворено наказаниями, к которым он сам себя приговорил, тогда исчезала затрудненность в работе, тогда он позволял себе сделать несколько шагов на пути к успеху» [6].

Фрейдом очень точно подмечен момент, связанный с ощущением вины Достоевским. Н.Н. Страхов, лично знавший Достоевского и даже приятельствовавший с ним некоторое время, также отмечал, что больной Достоевский «терял память и дня два или три чувствовал себя совершенно разбитым. Душевное состояние его было очень тяжело; он едва справлялся со своею тоскою и впечатлительностью. Характер этой тоски, по его словам, состоял в том, что он чувствовал себя каким-то преступником, ему казалось, что над ним тяготеет неведомая вина, великое злодейство» [7, с. 157].

Выдвину предположение, что переживание вины через страдание, искупление греха через покаяние, человеческое смирение в страдании - вот тот пласт психологических паттернов, которые лежат в основе мироощущения Ф.М. Достоевского. И как чувство компенсации этого мученического невротического характера, что было подмечено многочисленными биографами Ф.М. Достоевского и его современниками, - огромная душевная щедрость, его безграничное человеколюбие, готовность помочь ближнему, отдав последнее, что у него есть. Воздаяние за грех есть божеский промысел, но никак не человеческий умысел, и прояснение этого промысла возможно было только в результате невыносимого напряжения в душе Ф.М. Достоевского, разрываемой этими двумя половинами его личности. Увидеть Божью искру любви в самом падшем и извращенном человеке, проследить за малейшей вспышкой этой искры и прозреть черты душевной красоты в тех явлениях, к которым обычный человек привык относиться с презрением, насмешкой или отвращением. За проблески этой красоты, открываемые им под безобразной и

отвратительной внешностью, он прощает людей и любит их. Он сам выстрадал это понимание себя и Другого, который такой же, как он, тоже страдающий человек, ищущий утешения, надеющийся на Благодать.

Думается, именно в этих глубинах личности Достоевского и кроется исток его гениальности. Две бездны в душе самого автора: трагедия проживания собственной вины и греха и вторая, как антитеза первой, - безмерная любовь к ближнему, к такому же грешному, к падшему, уже пережившему свою вину, свое преступление, низвергнутому с человеческих высот существованию. Он потому так смело выводит на сцену жалкие и страшные фигуры, всякого рода душевные язвы, что умеет или признает за собою умение понять их и не судить. Эта нежная и высокая гуманность может быть названа его музой, и она-то дает ему то мерило добра и зла, с которыми он спускается в самые страшные душевные бездны. Он крепко верит в себя и в человека, и вот почему он так искренен, так легко принимает свою субъективность за вполне объективный реализм.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Франкл В. «Сказать жизни "Да!"»: психолог в концлагере. - М.: Альпина Нон-фикшн, 2009. - С. 239.
2. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Пер. с фр. И.С. Вдовиной. - М.: Академический Проект, 2008. - 695 с.
3. Семенов (Тянь-Шанский) П.П. Из «Мемуаров». Воспоминания о Достоевском. Т.1 «Детство и юность» 1827-1855 гг. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников / под ред. В.В. Григоренко и др. - М.: Худ. литература, 1964.
4. Страхов Н.Н. Избранные труды. Сб. под ред. Н.И. Цимбаева. - М.: РОССПЭН, 2010.
5. Яновский Д.. Воспоминания о Достоевском. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников / под ред. В.В. Григоренко и др. - М.: Художественная литература, 1964. - С. 111.
6. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство. URL: [www. http://psychoanalysis.pro/lib.html](http://psychoanalysis.pro/lib.html)
7. Страхов Н.Н. Литературная критика. К первой вершине. Сб. стихов. - СПб: Русс. Христианский гуманитарный ин-т, 2000.

REFERENCES

1. Frankl V. «Say to life "Yes!"»: psychologist in a concentration camp. [«Skazat' zhizni «Da!»: psiholog v konclagere]. Moscow: Alpina Non-fiction, 2009. P. 239.
2. Ricoeur P. The Conflict of interpretations. [Konflikt interpretacij]. Tr. I. S. Vdovina, Moscow: Academic Project, 2008. 695 p.
3. Semenov (Tien-Shansky) P.P. From «Memoirs». Memories of Dostoevsky. Vol. 1 «Childhood and youth» 1827-1855, F.M. Dostoevsky in the memoirs of contemporaries / under the edit. of V.V. Grigorenko. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1964.
4. Strakhov N.N. Selected works. Sat. edited by N.I. Tsimbaeva. Moscow: ROSSPEN, 2010.
5. Janowski D. Memories of Dostoevsky. F.M. Dostoevsky in the memoirs of contemporaries / under the edit. of V.V. Grigorenko et Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1964. With.111
6. Freud Z. Dostoevsky and patricide. URL: [www. http://psychoanalysis.pro/lib.html](http://psychoanalysis.pro/lib.html)
7. Strakhov N.N. Literary criticism. To the first vertex. A collection of poems. Saint-Petersburg: Russ. Christian humanitarian Institute, 2000.

Информация об авторе

Герций Виталий Михайлович, соискатель ученой степени кандидата философских наук, Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Кафедра Этики, Москва, Россия
xdxt@yandex.ru

Получена: 27.07.2015

Information about the author

Gerciy Vitaly Mikhailovich, Applicant for academic degree of Candidate of Philosophical Sciences, Chair of Ethics, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow city, Russia
xdxt@yandex.ru

Received: 27.07.2015

УДК 821.133.1:635.9

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-260-262

ГОРБОВСКАЯ Светлана Глебовна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка

GORBOVSKAYA Svetlana Glebovna,
Candidate in Philology, Associate Professor, Chair of French Language

**АНАЛИЗ ФЛОРООБРАЗА «ЛИЛИЯ» В ПОЭМЕ
А. РЕМБО «ЧТО ГОВОРЯТ ПОЭТУ О
ЦВЕТАХ»**

**THE ANALYSIS OF «LILY-IMAGE» IN A.
RIMBAUD'S POEM «TO THE POET ON THE
SUBJECT OF FLOWERS»**

В статье осуществляется попытка проанализировать флорообраз поэмы А. Рембо «Что говорят поэту о цветах» – лилия. В поэме в какой-то степени Рембо подхватывает идею Бодлера о «цветах зла», то есть об иной, субъективно-ассоциативной риторике, о риторике «сверхнатурализма», выводящего флорообраз за рамки существующей реальности. Рембо через образы цветов призывает поэтов своего времени писать иначе, чем это было принято в романтизме и «Современном Парнасе». За каждым из «цветов» риторики, имеющих первоначальный коннотативный фундамент, должна открываться бесконечная анфилада значений. Лилия как литературно-художественный символ раскрывается в творчестве Рембо с новых, самых неожиданных сторон: то она интерпретируется как Офелия, то как Венера, то как утопленница, наконец, Рембо сопоставляет лилию с клистиром, приглашая поэтов своего времени превратить устойчивые фигуры речи в нечто иное, самостоятельное, индивидуальное.

The article makes an attempt to analyze the image of Lily in the poem by Rimbaud «To the Poet on the Subject of Flowers». In the poem, to some extent, Rimbaud picks up Baudelaire's idea of «The Flowers of Evil», i.e. a different, subjective-associative rhetoric, the rhetoric of «vernacularism», displaying flora-image beyond the existing reality. Through the images of flowers Rimbaud encourages poets of his time to write differently than it was done in romanticism and «Modern Parnassus».

Each of the «flowers» of rhetoric, having original connotative foundation, should open an infinite series of meanings. Lily, as a literary-artistic symbol, is revealed in the works of Rimbaud from new, most unexpected aspects: it is interpreted as Ophelia, as Venus, as drowned, finally, Rimbaud compares lily to enema, inviting poets of his time to convert sustainable units of speech into something else, independent and individual.

Ключевые слова: флорообраз, поэзия Артюра Рембо, символизм, Современный Парнас.

Key words: flower image, poetry of Arthur Rimbaud, symbolism, contemporary Parnassus.

Одним из центральных примеров флорообразности в творчестве Рембо является поэма «Что говорят поэту о цветах» («Ce qu'on dit au poète à propos de fleurs», 1871) [7, с. 105-109]. Прежде всего, это произведение представляет собой поэтический трактат о том, как надлежит писать «новому» поэту. Фитонимы, которые распределены по всем пяти главам поэмы, – не просто флорообразы, это фигуры, посредством которых Рембо выражает свое представление о том, как нужно писать «по-новому», и указывает на «ошибки» прошлого. Флорообразы в данном случае – условность, под ними подразумевается образность вообще. Рембо призывает поэтов нового времени (а именно периода «Современного Парнаса») писать иначе, писать сложнее, писать сквозь себя, быть провидцами, волшебниками поэзии, а не создавать банальную поэзию, подкрепленную цепочкой художественных штампов (в данном случае – цветов и растений). По сути, «Что говорят поэту о цветах» является дополнением к письмам о «Поэте-ясновидце» [8].

Большое внимание в поэме уделено *лилии*. Рембо считает лилию как распространенный образ «сонетов 1830-х гг.» («Le Sonnet de mil huit cent trente») безнадежно устаревшей традицией. Из современников Рембо к нему прибегали Ф. Коппе («Лилия») в первом выпуске журнала «Le Parnasse contemporain», Т. Готье («Симфония в белом мажоре»), С. Малларме («Цветы») – «la blancheur sanglotante des lys» («щемящая белизна лилий») [7, с. 106]. Чтобы усилить впечатление от архаичности образа, Рембо дает ряд сопоставлений. К примеру, он сравнивает лилию «сонетов 1830-х гг.» с цветком королевского герба, на что указывает имя политического деятеля, сторонника легитимной монархии В. де Кердреля (1815–1889) («Les lys de monsieur de Kerdrel»). Также Рембо упоминает старомодный обычай преподносить букеты или цветы на поэтических турнирах. У Рембо идет речь, как это известно из разных комментариев (М.В. Толмачева, Н.И. Балашова, И.С. Поступальского, Л. Форестье), о Празднике флоралий («Jeux Floraux») в Тулузе, где наградой победителю были разнообразные цветы, в зависимости от формы произведения. Рембо имел в виду букет из лилий, амаранта и гвоздик, который вручали за лучший сонет: «Le Lys qu'on donne au Ménestrel / Avec l'œillet et l'amarante!» (Лилия, которую вручают менестрелю с гвоздикой и амарантом) [7, с. 108]. Рембо считал старомодной как лилию, так и эту традицию, которая зародилась примерно тогда же, когда в средневековой Франции возник *fleur-de-lis*, один из самых знаменитых символов христианства и французской монархии.

Лилия – один из самых важных флорообразов в творчестве самого Рембо. К нему в качестве образного двойника можно отнести введение в текст автором *водяных лилий*, *кувшинок* и других *водных цветов*. Во французском языке «le lis» (или «le lys») также водяное

растение – *lis d'eau* или *lis d'étang*, что значит – «кувшинка». Водная семантика этого знака очень важна. Благодаря ей Рембо уходит от лилии-штампа, стереотипа, создает свой, новый образ. Это, прежде всего, образ из стихотворения «Офелия» (1870), где основной флоросимвол – «большая лилия», а также кувшинки («*les nénuphars froissés...*») символизируют воду, речную холодную тишину, принимающую утопленницу. Сама Офелия – царственная лилия, «более тысячи лет» плывущая по воде – символ многовековой печали, текущей бесконечно, как само время, ведь чашечка цветка напоминает циферблат. Н.И. Балашов говорит о восприятии Рембо в этом стихотворении сюжета IV акта сцен 7 и 5 «Гамлета» Шекспира, а также отмечает связь «Офелии» Рембо со стихотворением Банвиля «Млечный путь» («Кариатиды») [1, с. 185-301; 2, 3, 5, 6, 9]. К этому списку можно добавить эпизод с юношей, который сравнивается с Офелией в «Фонтане с лианами» Леконта де Лиля. Возможна также параллель со стихотворением Ламартина «Лилия залива Санта-Реститута», так как у Ламартина утопленница тоже сравнивается с лилией. Кроме того, Н.И. Балашов упоминает о самой распространенной версии – о связи образа Офелии Рембо с картиной Дж. Э. Миллеса «Офелия» (1852).

Французский исследователь П. Брюнель предполагает, что «Офелия» Рембо – это пастиш [4, с. 32] (вторичная версия произведения) на картину английского художника. Это не стилизация, не подражание, а именно своя версия. Рембо по-своему видит идею картины, он улавливает в ней взаимосвязь времен (истории), природы, человека и искусства. Он пытается создать «свою Офелию».

Если для Миллеса понятие «его Офелии» было выражено в идее связи персонажа картины с реальным человеком (поэтессой и художницей Элизабет Сиддал) и реальной природой, то для Рембо Офелия трансформируется в лилию, в образ или символ, который бесконечен в своей семантике. Выбор цветка в качестве образа Офелии возможно исходит из символичности цветов и растений (ива, лютики, крапива, ромашки, плакун-трава, розы, таволга, незабудка, адонис), среди которых лежит Офелия Миллеса, а также венка из цветов, который Офелия Шекспира держит в руках, произнося свой предсмертный монолог. Нужно отметить, что у Рембо присутствуют свои фитонимы: это лилии, тростник, кувшинки. Таких фитонимов нет ни у Шекспира, ни на полотне Миллеса. Цветок наделен символическим или атрибутивным смыслом. У Шекспира атрибутивное значение каждого растения точно названо Офелией; Рембо же не раскрывает его семантику, а делает его тайным, многоуровневым. Он отражает новую идею образа — символичность, то есть расплывчатость, бескрайность, неопределенность. Сама лилия, а также цветы, которые «срывает ночь» на берегу реки, сопоставляются Рембо со словами, которые ищет поэт в момент создания произведения. Эти слова «улюлюкает», «шепчет», «чуть слышно произносит» Природа, они неотчетливо кружат вокруг лилии. Лилия-Офелия – отражение вечного Слова, сказанного гением, знак вдохновения, символ творчества, который «плывет по реке», передающей, в свою очередь, идею непрерывного хода времен. Сопоставление образа *цветка* со *словом* характерно также для поэзии Бодлера, Верлена, для прозы Гюисманса. Это сравнение происходит из выражения «цветы риторики» и подразумевают, прежде всего у символистов, «новую риторику». У Рембо это выливается в понятие «новые цветы» («Пора в аду»).

В «Что говорят поэту о цветах» лилии («сонета 1830-х гг.») Рембо противопоставляет «саговое (или хлебное) дерево», сопоставляет лилию с «клизмой», провоцирующей «экстаз» («*Les Lys, ces clysters d'extase*») (форма клистира, помимо груши, напоминает и нераспустившуюся лилию). Это противопоставление заставляет вспомнить о некоторых образах поэзии Рембо 1870 г., а именно о «кресс-салате» из стихотворения «Уснувший в ложбине», о фитониме из реальной жизни, передающем дух французской глубинки, указывающем на натуралистическую связь природы и человека. Сам Рембо называет свое время «эпохой сагового дерева», «эпохой трудовых (полезных) растений». Он говорит о неуместности старой лилии в новой литературе.

Итак, флорообразы поэмы Рембо «Что говорят поэту о цветах», в частности лилия, помимо важнейшей иносказательной роли, передают концептуально важную идею поэзии раннего символизма. Они говорят о «цветах новой риторики», «новых цветах», то есть о новом подходе к передаче образа в целом. В какой-то степени Рембо подхватывает идею Бодлера о «цветах зла», то есть об иной, субъективно-ассоциативной риторике, о риторике «сверхнатурализма» («*surnaturalisme*»), выводящего флорообраз за рамки существующей реальности. За каждым из этих «цветов», имеющих первоначальный коннотативный фундамент, должна открываться бесконечная анфилада значений, позволяющая интерпретатору додумывать каждый образ согласно своим ассоциативным возможностям, а не упираться в стену определенных семантических ограничений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Balachov N.I.* Rimbaud i sviaz dvuch vekov poesii. Rimbaud A. Poésies. Moscow: Nauka, 1982.
2. *Bienvenu J.* Arthur Rimbaud-Alcide Bava, in *Parade sauvage*, n°12, décembre 1995, mentionné par André Guyaux, Pléiade.
3. *Bienvenu J.* Ce qu'on dit au poète à propos de Rimbaud et Banville. *La Revue des Ressources*, 2 novembre 2009.
4. *Brunel P.* Rimbaud. Paris: Le livre de poche, 2002.
5. *Guyaux A.* Ce qu'on dit au poète... Quelques remarques sur l'ironie chez Rimbaud. *La Revue des Ressources*, 20 septembre 2009.
6. *Murphy S.* Stratégies de Rimbaud, Champion, Essais, 2009.
7. *Rimbaud A.* Poésies. Paris: Gallimard, 1999.
8. *Rimbaud A.* Lettre du Voyant. Correspondance classée par ordre chronologique, d'après les Œuvres complètes. Paris: Gallimard, La Pléiade, 1972.
9. *Sangsue D.* Pour un Rimbaud parodiste, in *Europe* n°966, novembre 2009.

REFERENCES

1. *Balachov N.I.* Rimbaud i sviaz dvuch vekov poesii. Rimbaud A. Poésies. Moscow: Nauka, 1982.
2. *Bienvenu J.* Arthur Rimbaud-Alcide Bava, in *Parade sauvage*, n°12, décembre 1995, mentionné par André Guyaux, Pléiade.
3. *Bienvenu J.* Ce qu'on dit au poète à propos de Rimbaud et Banville. *La Revue des Ressources*, 2 novembre 2009.
4. *Brunel P.* Rimbaud. Paris: Le livre de poche, 2002.
5. *Guyaux A.* Ce qu'on dit au poète... Quelques remarques sur l'ironie chez Rimbaud. *La Revue des Ressources*, 20 septembre 2009.
6. *Murphy S.* Stratégies de Rimbaud, Champion, Essais, 2009.
7. *Rimbaud A.* Poésies. Paris: Gallimard, 1999.
8. *Rimbaud A.* Lettre du Voyant. Correspondance classée par ordre chronologique, d'après les Œuvres complètes. Paris: Gallimard, La Pléiade, 1972.
9. *Sangsue D.* Pour un Rimbaud parodiste, in *Europe* n°966, novembre 2009.

Информация об авторе

Горбовская Светлана Глебовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, vard_05@spbu.ru

Получена: 15.09.2015

Information about the author

Gorbovskaya Svetlana Glebovna, Candidate in Philology, Associate Professor, Chair of French Language, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg city, Russian vard_05@mail.ru

Received: 15.09.2015

УДК 376.42

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-263-272

ГРЕБЕННИКОВА Вероника Михайловна,
доктор педагогических наук, доцент

GREBENNIKOVA Veronika,
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate professor

НИКИТИНА Наталья Ивановна,
доктор педагогических наук, профессор

NIKITINA Natalia,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

АГРОНИНА Наталья Иосифовна,
кандидат педагогических наук, доцент

AGRONINA Natalia,
Candidate for Doctorate in Pedagogics,
Associate Professor

**СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТИВНОСТЬ МОЛОДЫХ
ЛЮДЕЙ С МЕНТАЛЬНОЙ ИНВАЛИДНОСТЬЮ
К САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ В СОЦИУМЕ:
СУЩНОСТЬ, СПЕЦИФИКА, УРОВНИ
ПРОЯВЛЕНИЯ, КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ
ИХ ОЦЕНКИ**

**SOCIAL ADAPTABILITY OF YOUNG PEOPLE
WITH MENTAL DISABILITIES FOR
INDEPENDENT LIFE IN SOCIETY: ESSENCE,
SPECIFICITY, LEVELS OF EXISTENCE,
CRITERIA AND INDICATORS FOR THEIR
EVALUATION**

В статье авторы обосновывают сущность и содержание социальной адаптивности выпускников психоневрологических интернатов (молодых инвалидов 24–27 лет с легкой формой умственной отсталости) к самостоятельной жизни в социуме; констатируют, что данная адаптивность характеризуется уровнем владения выпускником интерната нормами социального поведения, профессиональной ориентированностью и социально-нравственным опытом проявления самореализации в различных жизненных ситуациях. Раскрывают содержательное наполнение основных компонентов (мотивационного, когнитивного, деятельностного), определяющих социальную адаптивность выпускника психоневрологического интерната (ПНИ); приводят характеристики уровней сформированности социальной адаптивности выпускников ПНИ к самостоятельной жизни (минимально-базовый уровень; социально-стабильный уровень; социально-перспективный уровень). Также авторы статьи рассматривают принципы реализации социально-педагогического сопровождения адаптации выпускников психоневрологического интерната к самостоятельной жизни в социуме (в частности, принцип гуманистического характера взаимоотношений специалистов ПНИ с молодыми инвалидами; принцип индивидуального подхода; принцип вариативности и комплексности форм, методов, средств сопровождения; принцип приоритетности интересов профессионально-личностного развития молодого инвалида в процессе осуществления социально-педагогического сопровождения его адаптации к самостоятельной жизни в социуме и др.).

This article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of education and science of the Russian Federation No. 3307

In the article the authors explain the nature and content of social adaptability of graduates psycho-neurological boarding schools (young people with disabilities from 24 to 27 years old with mild mental retardation) to independent life in society; note that this adaptability is characterized by the level of proficiency of graduate boarding norms of social behavior, professional orientation and socio-moral experience of self in different situations. Reveal the content of main components (motivational, cognitive, activity) that determine the social adaptability of the graduate psycho-neurological boarding school; lead characteristics of the levels of formation of social adaptability of graduates of psycho-neurological boarding schools for independent living (minimal-basic level; socially stable level; social perspective level). Also, the authors consider the principles of implementation of socio-pedagogical support of adaptation of graduates of the boarding school to independent life in society (in particular, the principle of the humanistic nature of the relationship specialists of psycho-neurological boarding schools with young people with disabilities; the principle of individual approach; the principle of variability and complexity of forms, methods, means of support; the principle of the priority of the interests of professional and personal development of a young disabled person in the implementation of socio-pedagogical support of its adaptation to independent life in society, etc.).

Ключевые слова: социальная адаптивность молодых инвалидов, психоневрологический интернат, социально-педагогическое сопровождение, социализация лиц с умственной отсталостью.

Key words: social adaptability of young people with disabilities, psycho-neurological boarding, socio-pedagogical support, socialization of persons with mental retardation.

Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ № 3307

This article was prepared within the framework of the state task the Ministry of Education of the Russian Federation № 3307

Одной из важных проблем, стоящих практически перед каждым российским психоневрологическим интернатом (ПНИ), является проблема подготовка его выпускников (молодых людей в возрасте 24–28 лет с ментальной инвалидностью) к самостоятельной жизни в социуме. Такая подготовка должна носить интегрированный социально-педагогический, медико-социальный, психологический, социокультурный, физкультурно-адаптивный, профориентационный характер. Она должна являться неотъемлемой составляющей социально-педагогической деятельности ПНИ, стимулирующей целенаправленную социализацию его выпускников, формирование у них определенного позитивного опыта

социального поведения и самостоятельной трудовой (профессиональной) деятельности.

Одной из актуальных проблем, возникающих у выпускников психоневрологических интернатов (в данной статье – это молодые люди в возрасте 24–27 лет с легкой степенью умственной отсталости), является проявление ими самостоятельности в сфере самообслуживания и успешная адаптация (в том числе и трудовая) в обществе.

Сформированная в период пребывания в ПНИ социальная адаптивность молодых инвалидов с легкой степенью умственной отсталости (с третьей группой инвалидности) выступает важнейшим условием успешности их социализации (и в определенной мере их самореализации) в различных сферах жизнедеятельности.

ПНИ как государственный институт комплексной реабилитации инвалидов обладает значительным социально-педагогическим потенциалом по развитию у выпускников умений, навыков, необходимых для социальной адаптации.

В ряде исследований [1; 2; 3; 5; 6; 11; 12 и др.] достаточно убедительно доказаны положения о том, что для молодых инвалидов в возрасте 23–28 лет с легкой степенью умственной отсталости, которые являются выпускниками ПНИ, характерны определенные личностно-типологические особенности, так или иначе, но в целом все же негативно сказывающиеся на их адаптации к самостоятельной жизни в современном обществе: в частности низкий уровень коммуникативной культуры, инфантилизм, стихийная подчиняемость дурным влияниям, низкий уровень саморегуляции своих поведенческих и эмоциональных реакций на те или иные события, ситуации, недостаточная самостоятельность. В определенной мере это обусловлено самой режимной организацией жизнедеятельности ПНИ, поскольку в большинстве своем для системы функционирования ПНИ характерно однообразие форм общения, жесткая регламентация дисциплинарных моментов и режима проживания, отсутствие «свободных зон личностного развития» пациента ПНИ.

В науке сложились определенные теоретические предпосылки для разработки технологии социально-педагогического сопровождения развития социальной адаптивности у будущих выпускников психоневрологического интерната к самостоятельной жизни в социуме. Еще в СССР проблемам разработки и внедрения в практику теоретико-методических основ процессов трудовой адаптации и социальной интеграции инвалидов с умственной отсталостью были посвящены труды Н.Ф. Дементьевой [5]. В своих работах ученый подробно анализирует варианты трудового прогноза при умственной отсталости и вопросы преемственности между детскими и взрослыми психоневрологическими интернатами, вопросы социально-трудовой реабилитации инвалидов-ментальников (лиц с ментальными нарушениями), особое внимание уделяет возможностям, роли и потенциалу социально-развивающей среды в психоневрологических интернатах в сфере социальной и трудовой адаптации умственно отсталых лиц.

Особенности социализации лиц молодого возраста с умственной отсталостью в условиях интернатного учреждения исследованы О.Х. Бегметовым, Н.С. Голубевой [2], Н.Ф. Дементьевой, Н.М. Доценко, В.В. Болтенко, Е.С. Ивановым, В.Н. Николаевым, В.Н. Поповой, М.В. Филипповой, П.С. Федоровой, Н.В. Шиповой, Н.А. Яковлевой [12]. Медико-социальные и социально-психологические проблемы адаптации лиц с инвалидностью (в том числе и с ментальной) к самостоятельной жизни в обществе изучались Ф.Б. Березиным и Т.В. Барлас [1], А.В. Гордеевой, Н.Ф. Дементьевой, Т.А. Добровольской, Н.В. Дудыкиной, Е.В. Морозовой, Н.Б. Шабалиной и др. Правовые аспекты защиты лиц с инвалидностью (в том числе и с ментальной инвалидностью) отражены в работах Н.В. Антипьева, Д.И. Бартенева [4], С.Н. Кавокина и др.

Особую важность для данного исследования представляют положения, выдвинутые в монографии И.А. Коробейникова [6], в содержании которой ученый на основе междисциплинарного подхода уточняет и конкретизирует значение органико-психофизиологических, психолого-педагогических и социальных факторов, обуславливающих специфические особенности процессов социальной адаптации (и социализации в целом) лиц с легкой формой умственной отсталости. И.А. Коробейников подчеркивает, что многие десятилетия в отечественной дефектологической науке и практике доминировал клинический (сугубо медицинский) подход к развитию личности молодых инвалидов с легкой степенью умственного недоразвития, преобладал гипертрофированный подход к диагностике различных видов негативных характеристик личностного развития олигофренов, что приводило к узкому (в основном, медикаментозному, психоневрологическому) подходу к коррекционным воздействиям на личность молодых людей с ментальной инвалидностью. Тем самым существенно недооценивались реальные возможности позитивных социально-педагогических и социокультурных влияний на положительную динамику коррекционно-развивающего процесса индивидуального развития молодого инвалида.

Вопросы коррекционно-развивающего обучения и воспитания лиц с нарушением интеллекта рассмотрены в трудах Е.А. Екжановой, К.С. Лебединской, В.М. Маховой, В.Ф. Мачихиной,

Е.А. Стребелевой, Дж. Шелли, М. Френсис. Проблемы педагогического сопровождения социально-трудовой реабилитации инвалидов представлены в работах В.З. Кантор, А.В. Кораблева и др. Социально-педагогические и социально-психологические аспекты работы по интеграции молодых людей с инвалидностью в современное общество представлены в исследованиях Л.И. Аксеновой, М.А. Галагузовой, С.Н. Маслиевой [7], Н.И. Никитиной [9; 10], М.В. Шауровой, Е.Р. Ярской-Смирновой [13] и др.

Учитывая, что данное исследование выполнено в условиях ПНИ, мы с особой тщательностью изучали имеющийся в научной литературе теоретико-методический базис социальной адаптации инвалидов с умственной отсталостью. Так, для нас были важны положения: работ О.Х. Бегметова, в которых рассматриваются медико-социальные и организационно-методические аспекты реабилитации инвалидов вследствие психических заболеваний в условиях психоневрологического интерната; работ Ф.Б. Березина, раскрывающих сущность социально-психологической адаптации при невротических и психосоматических расстройствах; работ Н.В. Дудыкиной, рассматривающих вопросы создания и развития социально-терапевтической среды для инвалидов в условиях психоневрологических интернатов. Существенный вклад в отечественную науку в части развития теоретико-методических основ процессов социальной реабилитации и интеграции инвалидов вследствие психических заболеваний внесли труды И.Я. Гуровича [3], в которых детально раскрыта сущность и технологии психосоциальной терапии и психосоциальной реабилитации в психиатрии, междисциплинарные и полинаучные механизмы интеграции инвалидов-ментальников в общество.

Значительный интерес представляют труды М.М. Айшервуд, Н. Вайзман, Т.С. Brugha [14], W. Momm, A. König, H. Enns & A. Neufeldt [15], в которых осуществлен анализ изучения проблем зарубежной практики психолого-педагогической, социокультурной, социально-педагогической работы с молодыми людьми с инвалидностью (в том числе и с ментальной).

Обычно в социальной психологии и педагогике под адаптацией (от лат. сл. *adaptatio* – приспособление) понимают процесс и результат взаимодействия индивида (группы) с изменившейся средой; процесс, в ходе которого постепенно согласуются и приводятся в равновесную систему требования, ожидания обеих сторон, составляющих процессно-средового взаимодействия [8; 9].

Понятие «социальная адаптация» относится к категории так называемых междисциплинарных понятий, то есть ее исследованием активно занимаются представители различных научных областей (отраслей). Феноменология социальной адаптации как полинаучной категории включает разные виды адаптивных процессов (бытовая, производственная/профессиональная, социально-экономическая и др. виды адаптации; адаптация к вариативным формам общественного сознания: религия, искусство, мораль, наука и пр.).

Характер и степень социальной адаптации личности во многом зависит от биофизиологических, психических свойств человека, от уровня (например, высокий, средний, низкий) его социального развития, а также от уровня развития у индивида определенной системы знаний, способностей, социально значимых (востребованных обществом) умений и навыков.

В работах Л.В. Мардахаева отмечается, что социальная адаптация представляет собой процесс приспособления индивида к изменившейся социальной среде. По мнению ученого, средством социальной адаптации является принятие индивидом норм, требований, условий функционирования, ценностей новой социальной среды (например, школы-интерната, ПНИ), а также принятие индивидом сложившихся в данной среде форм социального взаимодействия, видов и форм деятельности.

Анализ различных научных исследований по проблеме социальной адаптации выпускников ПНИ к условиям самостоятельной жизни в современном социуме позволил выделить следующую совокупность групп требований, которые предъявляются к выпускникам данных интернатных учреждений (молодым инвалидам в возрасте 25–28 лет с легкой степенью умственной отсталости) для их успешной адаптации в социуме:

- *группа требований социально-бытового характера* (включает требования сформированности у выпускника ПНИ знаний, умений и навыков, которые необходимы для осуществления самообслуживания в различных областях бытовой жизнедеятельности; например, умения самостоятельно вести домашнее хозяйство с учетом имеющихся финансовых средств; навыки, необходимые для взаимодействия с обществом и окружающей средой при осуществлении бытовых потребностей; создание и поддержание оптимальных бытовых санитарно-гигиенических условий и т.д.);

- *группа требований социального характера* (то есть молодому инвалиду с легкой степенью ментальных нарушений, выпускнику ПНИ, необходимо иметь элементарно-базовые представления об общественных взаимоотношениях, например в системах «покупатель – продавец», «врач – пациент», «пассажир общественного транспорта – другие пассажиры – води-

тель», «гражданин – представители власти (например, полицейские)», «наемный работник – начальник производства, работодатель», «житель конкретной квартиры – соседи – представителя органа власти местного самоуправления» и др. В эту группу требований входят и требования к сформированности умений более или менее правильно (адекватно) оценивать ситуацию, участником которой является молодой инвалид, умения вести себя сообразно требованиям ситуации и др.);

- *группа требований мотивационно-эмоционального характера* (то есть молодому инвалиду с легкой степенью ментальных нарушений, выпускнику ПНИ, для успешной социальной адаптации необходимы развитые, хотя бы в минимально-базовой степени, умения и навыки в сфере познавательной деятельности, в области реализации конкретного трудового функционала достаточно простых видов профессий, которые доступны для лиц с легкой степенью умственной отсталости (например, швея, озеленитель, горничная, сборщик жалюзи, укладчик готовой продукции и др.);

- *группа требований правового характера* (то есть молодому инвалиду с легкой степенью ментальных нарушений, выпускнику ПНИ, необходимы базовые знания в сфере защиты своих прав как представителя особой категории граждан – «лиц с инвалидностью», которая находится под активной социально-правовой защитой государственных органов власти, общественных организаций, региональных общественных организаций инвалидов и др.).

Необходимо отметить, что требований, предъявляемых к выпускникам ПНИ, молодым инвалидам с легкими ментальными нарушениями для их успешной адаптации в современном социуме, значительно больше. Изложенное выше характеризует наиболее важные из них. Характер и количество этих требований определяется, прежде всего, своеобразием социума (например, живет молодой инвалид в городской или сельской местности), условиями жизни в нем, его возможностями, системой взаимоотношений между различными категориями людей, а также от специфики контингента выпускников ПНИ.

Социальная адаптивность выпускников ПНИ представляет собой интегративное качество их личности, которое определяет способность и готовность молодого инвалида применять освоенный в период пребывания в интернате социальный и трудовой опыт (социально значимые умения, навыки) для успешного приспособления к различным средам самостоятельной жизнедеятельности. Данная адаптивность характеризуется уровнем владения выпускником ПНИ нормами социального поведения, профессиональной ориентированностью и социально-нравственным опытом проявления самореализации в различных жизненных ситуациях.

Основными компонентами, определяющими социальную адаптивность выпускника ПНИ, являются:

- *мотивационный компонент* (стремление к полноценной самостоятельной жизни вне стен интернатного учреждения, желание улучшить, развить имеющиеся у него социально значимые навыки, модели адаптивного поведения);

- *когнитивный компонент* (знание основных норм социального поведения; сформированность основ самопонимания себя как социально-значимой личности; осознание (на возможно доступном уровне) перспектив своего личностного роста, трудоустройства и, возможно, профессиональной и творческой самореализации и др.);

- *деятельностный компонент* (наличие определенного позитивного опыта социально-значимого поведения в ситуациях самообслуживания, соблюдения режима дня, выполнения трудового распорядка и конкретных профессиональных функций в период пребывания в ПНИ, сформированность умений ставить перед собой социально-значимые цели в сфере организации своего досуга и обеспечивать их достижение, сформированность умений взаимодействовать с членами творческого коллектива, в котором он занимается в досуговое время).

Уровнями сформированности социальной адаптивности выпускников ПНИ к самостоятельной жизни являются:

- *минимально-базовый уровень* (включает в себя следующие составляющие: сформированность необходимых социальных навыков, наличия которых достаточно для начального этапа самопроявления в самостоятельной жизни; однако у выпускника недостаточно развиты навыки в сфере общения с незнакомыми людьми, низкий уровень профессионального самоопределения. Такой выпускник нуждается в значительном внимании и сопровождении после выпуска из ПНИ);

- *социально-стабильный уровень* (характеризуется следующими составляющими: сформированность необходимого для общения в стандартных и малознакомых ситуациях уровня коммуникативной культуры, ориентированность на трудовую самореализацию, осознание ценностей социально одобряемого образа жизни; однако у него затруднено общение с представителями разных возрастных и социальных групп, осложнены перспективы формирования семьи

и семейных взаимоотношений; такой выпускник ПНИ нуждается в определенной поддержке и сопровождении в самостоятельной жизни);

- *социально-перспективный уровень* (данный уровень характеризуется тем, что у выпускника ПНИ сформирована на максимально возможном и доступном для его личностного развития и социально приемлемом уровне культура полоролевого поведения, коммуникативная культура, профессиональное самоопределение; имеющиеся навыки самоконтроля эмоциональных состояний и саморегуляции поведения достаточны для успешной адаптации в самостоятельной жизни, а также для успешной профессиональной и творческой самореализации).

Экспериментальная работа в рамках данного исследования проводилась на базе ряда ПНИ г. Москвы, Краснодарского края, г. Курск в период с 2013 по 2015 гг. Основными задачами эксперимента являлись: а) выявление уровня сформированности основ социальной адаптивности у 18-летних выпускников интернатных учреждений для несовершеннолетних с умственной отсталостью, которые стали пациентами (клиентами) ПНИ городов Москвы, Краснодара, Курска; б) реализация технологии социально-педагогического сопровождения формирования социальной адаптивности у молодых инвалидов 20–28 лет (будущих выпускников ПНИ); в) оценка эффективности реализации технологии социально-педагогического сопровождения формирования социальной адаптивности у молодых инвалидов 20–28 лет к самостоятельной жизни в условиях современного социума.

В эксперименте принимали участие 68 человек – пациентов ПНИ с легкой степенью умственной отсталости (38 чел. – пациенты ПНИ г. Москвы; 15 чел. – пациенты ПНИ г. Краснодара, 15 чел. – пациенты ПНИ г. Курска) в возрасте от 18 до 30 лет (38 мужчин и 22 женщины), которые проживали в интернатах на полном государственном обеспечении. Для диагностики использовался комплекс психодиагностических методик, беседы, наблюдения. Причем из 68 человек были выделены подгруппы по продолжительности лет пребывания в ПНИ (все пациенты прибыли в ПНИ в возрасте 18 лет после окончания срока своего пребывания в специализированной школе-интернате): 13 чел. проживали в ПНИ от 1 года до 3 лет, 15 чел. – от 3 до 5 лет; 25 чел. – от 5 до 10 лет; 15 чел. – более 10 лет.

В первый год пребывания в ПНИ молодые инвалиды с умственной отсталостью (более 64% из участников экспериментальной работы) боялись неизвестности, у них повышался уровень личностной тревожности, были замкнуты, не проявляли (или редко проявляли) инициативу в общении, испытывали трудности в адаптации к новым условиям жизни. Однако у определенной части молодых инвалидов (около 35%), которые провели в ПНИ от 3 до 5 лет уровень тревожности снижался (нормализовался), появлялся интерес к работе (трудотерапии), появлялись дружеские связи, расширялись межличностные контакты, появлялся интерес к различным формам досуговой деятельности (спортивной, театральной, танцевальной, художественному, декоративно-прикладному творчеству и др.). Вместе с тем, была группа молодых инвалидов (около 47%), которая так и не смогла *полностью* адаптироваться к условиям жизни в ПНИ.

Интересны данные эксперимента по группе молодых инвалидов, которые прожили в ПНИ от 5 до 10 лет. У той их части, которая имела надежды выйти в самостоятельную жизнь после 5–7 лет, проведенных в ПНИ, и не смогла начать жить самостоятельно (по разным причинам), фиксируется (диагностируется) чувство подавленности, бесперспективности жизни, ненужности. Однако среди участников экспериментальной работы (среди молодых инвалидов в возрасте 23–27 лет), которые прожили в ПНИ от 5 до 10 лет, есть лица, которые в период с 6-го по 7-ой год пребывания в интернате (их возраст 24–26 лет) начинают активно участвовать во всех программах, ориентированных на развитие навыков социальной адаптации, стремятся доказать свою способность к самостоятельной жизни и на 8-ом году пребывания в ПНИ по решению соответствующей комиссии добиваются (получают) право на выход из ПНИ для самостоятельной жизни в социуме.

По данным эксперимента Н.С. Голубевой и Е.С. Иванова [2], инвалиды (возраст 28–30 лет), которые живут в ПНИ более 10 лет, говорят о существенной неудовлетворенности условиями проживания в интернате (83% от общего числе учеников эксперимента в одном из ПНИ Санкт-Петербурга). По нашим данным (на примере экспериментальных ПНИ г. Москвы, Курска, Краснодара), есть группа молодых инвалидов (38% от общего числа участников эксперимента, возраст 28–30 лет), которые живут в ПНИ более 10 лет и довольны своей жизнедеятельностью в условиях интерната. Следует особо подчеркнуть тот момент, что в данном исследовании мы рассматривали только пациентов ПНИ с легкой степенью умственной отсталости и не рассматривали пациентов ПНИ с шизофренией и другими ментальными заболеваниями.

В экспериментальной проверке технологии социально-педагогического сопровождения адаптации выпускников психоневрологического интерната к самостоятельной жизни кроме самих молодых пациентов ряда ПНИ г. Москвы, Курска, Краснодарского края принимали участие практически все их специалисты. Доминирующими характеристиками выборки специалистов

ПНИ являются: преобладание лиц женского пола (73%) в возрасте от 33 до 56 лет. В период экспериментальной проверки технологии социально-педагогического сопровождения адаптации выпускников психоневрологического интерната к самостоятельной жизни были проведены многочисленные интервью с трудинструкторами ПНИ с целью изучения особенностей их взаимодействия с молодыми инвалидами.

В период экспериментальной проверки (2013–2015) технологии социально-педагогического сопровождения адаптации выпускников психоневрологического интерната к самостоятельной жизни в ПНИ каждый год избирался его актив: староста интерната, старосты палат, назначались дежурные в вечернее время. В результате заметно улучшилась дисциплина, порядок, психологический микроклимат в коллективе пациентов ПНИ в целом. На общих собраниях, в дни праздников чествовали победителей проведенных конкурсов «На лучшую палату», «Лучший работник в мастерских», для них организовывались поездки и экскурсии. Вся информация о тех, кто добился позитивных результатов в различных видах трудовой, социокультурной, физкультурно-спортивной, театральной и других видах деятельности, и тех, кто активно стремился к достижению успехов, размещалась на специальных информационных стендах. Это являлось весомым стимулом для активизации многих пациентов ПНИ к работе по саморазвитию, имело достаточно сильное морально-психологическое воздействие на их мотивационную составляющую.

При проведении различных мероприятий по трудотерапии мы учитывали показания общего заболевания инвалида, показания к трудотерапии, желание молодого инвалида участвовать в занятиях по трудотерапии. При проведении занятий в досуговое время образовались подгруппы по интересам: творческие мастерские (плетение из лозы; гончарное дело и др.), занятия танцами, вокально-музыкальные занятия, занятия физическим трудом (посадка цветов, кустарников, благоустройство территории, в частности изготовление их деревянных предметов (скамеек и др.) для ландшафта озеленяемой территории, и др.), занятия на тренажерах в кабинете ЛФК.

За время реализации экспериментальной программы молодые инвалиды приобрели навыки личной гигиены, самообслуживания, ответственности за порученный им объект, успешно развивались дружественные отношения в группе. При проведении мероприятий в группах по интересам отмечается взаимопомощь и взаимовыручка среди пациентов ПНИ.

За время проведения занятий по трудотерапии, арт-терапии у молодых инвалидов расширился словарный запас, развились память, мышление, мелкая моторика рук, речь стала более связной. Также многие молодые инвалиды поверили в свои собственные силы, возможности, почувствовали свою значимость, могли понять важность систематических занятий для достижения определенных результатов.

Процесс развития в условиях ПНИ социальной адаптивности молодых людей с ментальной инвалидностью к самостоятельной жизни в социуме включал в себя также программу специализированных тренинговых занятий, разработанных на основе интерактивных методик. Она включала в себя такие методы и упражнения, которые позволяли молодым инвалидам (будущим выпускникам ПНИ) самостоятельно делать те или иные выводы. В основе программы лежит решение комплекса жизненно-ориентированных проблем поведения и самореализации личности молодого инвалида в жизненно важных ситуациях. Каждая проблема в ходе тренинга решалась через: а) организацию коллективного обсуждения различных точек зрения на тот или иной аспект проблемы; б) моделирование ситуаций и осмысление места и роли человека в ней; в) выработку определенных умений, навыков, необходимых в моделируемой ситуации, определяющих необходимое для приемлемого поведения и адекватного восприятия себя в ней пациента ПНИ; г) организацию ролевых игр, накопление опыта приемлемого поведения; д) анализ полученного опыта, как положительного, так и отрицательного, и его причины.

Все занятия построены таким образом, чтобы каждый участник имел возможность высказать свое мнение на тот или иной вопрос, выслушать и оценить точки зрения других участников, обсудить с другими участниками ту или иную проблему и сделать необходимые для себя выводы, а также получил возможность усвоить необходимые для проявления в жизненно важной ситуации навыки и проявить их в условиях ролевой игры.

В последние 20 лет во многих ПНИ для развития навыков социальной адаптивности лиц с умственной отсталостью достаточно активно используются различные виды арт-терапии (в том числе, изотерапия, музыкотерапия, эстетотерапии, театротерапия, песочная терапия и др.). Инициатива и первый опыт применения в психолого-педагогической практике элементов театральной деятельности с целью развития тех или иных качеств, навыков и способностей людей с ограниченными возможностями принадлежит академику А.Е. Штеренгерцу. Театральная деятельность объединяет такие специализированные методы, как арттерапия (терапия посред-

ством изобразительной деятельности пациента), музыкотерапия, драматерапия, терапия движением и танцем, эстетотерапия (лечение путем воздействия на пациента произведениями искусства), а также их разнообразные сочетания в виде так называемого «мультимедиального» творчества.

В современной педагогической и психологической практике достаточно прочно укоренилось понятие «игровые тренинги». Игры-тренинги, обладая системой правил, табу, игровых условий, дают участникам возможность развивать навыки самоконтроля эмоционального состояния, саморегуляции поведенческих реакций. Обязательным элементом таких игр является «обратная связь» – обсуждение итогов, результатов игры, что расширяет возможности личности в самопознании, самооценки и оценки других. Основные функции игр-тренингов: *диагностическая* (выявление личностных особенностей участников, внутригрупповых взаимоотношений); *терапевтическая* (преодоление различных трудностей, возникающих в других видах деятельности, раскрытие позитивного потенциала личности); *коммуникативная* (развитие навыков общения); *коррекционная* (приобретение социально полезного опыта, внесение позитивных изменений в структуру личности); *функция межнациональной коммуникации* (усвоение единых общечеловеческих социально-культурных ценностей); *развлекательно-развивающая* функция.

Компьютерные игры являются существенным фактором воспитывающего воздействия на личность пациента ПНИ. Компьютер обладает уникальными возможностями самовключения пациента ПНИ в процесс взаимодействия в системе «человек – техника», при котором он становится не просто поглотителем информации, но и активным соучастником взаимодействия. Компьютерные игры представляют возможность использовать позитивный потенциал компьютерных технологий по различным направлениям: овладение навыками взаимодействия с современной электронной техникой; получение широкой и разносторонней информации пациентом ПНИ, ограниченным в возможностях взаимодействия со средой; направленное развитие личности пациента ПНИ с использованием специальных обучающих игровых программ информационного и развивающего воздействия; профориентационная работа с пациентом ПНИ, то есть подготовка его к последующей профессиональной деятельности с использованием компьютерных технологий.

Анализ многолетней реализации в условиях ряда ПНИ технологии социально-педагогического сопровождения адаптации выпускников психоневрологического интерната к самостоятельной жизни в социуме позволил утверждать, что эффективность социально-педагогического сопровождения была обеспечена тем, что: а) содержание социально-педагогического сопровождения базировалось на учете индивидуальных особенностей (половозрастных, психофизиологических и др.) и потребностей личности каждого будущего выпускника, на учете актуальных проблем, существующих у пациентов ПНИ, на основе выявления потенциальных рисков, существующих в основных сферах жизни молодых инвалидов; включает формирование у выпускника интернатного учреждения умений по самоорганизации своей жизнедеятельности, профессиональному самоопределению, самоорганизации свободного времени; б) сопровождение носило системный и поэтапный характер, обеспечивало формирование у выпускников ПНИ адекватного, позитивного отношения к самим себе, окружающему обществу и своему месту в нем; выработку навыков уверенного самостоятельного поведения; в) технология социально-педагогического сопровождения строилась с учетом индивидуального своеобразия выпускника и реальных проблем, которые возникают у него в адаптивности к различным жизненным ситуациям; г) обеспечивались индивидуальный и дифференцированный подходы к выпускникам ПНИ; органично сочетались индивидуальные, групповые, коллективные формы и методы интерактивной работы с молодыми инвалидами; д) реализовывалось социально-педагогическое партнерство всех специалистов ПНИ с учреждениями социума (учреждения социальной защиты населения, образования, здравоохранения, культуры и спорта, правоохранительных органов, общественных организаций и др.) в сфере формирования навыков социальной адаптации выпускников ПНИ.

В ходе исследования были выявлены уровни сформированности социальной адаптивности у выпускников ПНИ 25–28 лет. Результаты отражают динамику уровней сформированности адаптивности – от исходного, базового, к среднему и социально-перспективному (высокому), что свидетельствует о сформированности идентичности, самосознания, мотивации к трудовой деятельности, о развитии навыков самоконтроля, ответственности, потребности в коммуникативности и эмпатии, социальной активности, о профессиональном самоопределении (табл. 1).

Таблица 1 Динамика сформированности уровней социальной адаптивности выпускников ПНИ (в %)**Table 1** Dynamics of formation levels of social adaptability of graduates PNI (in%)

Тип группы	Уровни сформированности социальной адаптивности					
	Выпуск 2013 г.			Выпуск 2015 г.		
	минимально-базовый	социально-стабильный	социально-перспективный	минимально-базовый	социально-стабильный	социально-перспективный
Возраст 22-24 года (11 чел.)	8,3	69,1	22,6	7,8	59,3	32,9
Возраст 25-27 лет (12 чел.)	15,7	68,4	14,9	14,5	62,1	23,4

Анализ данных методики Махони, которые выполнили пациенты ряда ПНИ, показал, что среди молодых инвалидов с легкой степенью умственной отсталости есть 68% «добро-совестных исполнителей» (от общего числа участников эксперимента, n=83 чел.), которые могут достаточно качественно выполнять порученный им стандартный функционал.

В ходе экспериментальной работы были реализованы основные принципы социально-педагогического сопровождения адаптации выпускников психоневрологического интерната к самостоятельной жизни в социуме, коими являются: принцип индивидуального подхода; принцип гуманистического характера взаимоотношений специалистов ПНИ с молодыми инвалидами; принцип вариативности и комплексности форм, методов, средств сопровождения; принцип пропедевтического, опережающего характера процесса формирования социальной адаптивности будущих выпускников ПНИ; принцип приоритетности интересов профессионально-личностного развития молодого инвалида в процессе осуществления социально-педагогического сопровождения его адаптации к самостоятельной жизни в социуме; принцип соответствия социально-реабилитационной, социокультурной, образовательно-развивающей среды ПНИ адаптивным (компенсаторно-адаптационным) возможностям молодого инвалида.

В целом же процесс развития в условиях ПНИ социальной адаптивности его будущих выпускников включал в себя систематическую, целенаправленную высококвалифицированную помощь многопрофильной команды специалистов ПНИ будущим выпускникам в следующих сферах их жизнедеятельности: а) в сфере медицинской реабилитации (в частности общее оздоровление и физическое развитие пациентов ПНИ, преодоление различного рода соматических нарушений, контроль за состоянием уже имеющихся заболеваний и профилактика их хронических осложнений, формирование умений и навыков в сфере самостоятельного выполнения рекомендуемых для конкретного инвалида комплексов ЛФК и др.); б) в социально-бытовой сфере (развитие гигиенических навыков, совершенствование культуры взаимоотношений в микрогруппах молодых людей, в том числе разнополых и разновозрастных по составу, формирование и развитие навыков самообслуживания и др.); в) в образовательной сфере (создание необходимой учебно-познавательной мотивации, формирование и развитие умений и навыков познавательной деятельности, содействие, в тех случаях, когда это возможно по состоянию здоровья, в получении профессионального образования и др.); г) в досуговой сфере (организация рационального и разнообразного по содержанию, видам, формам досуга, взаимообогащение интересов пациентов ПНИ в сфере социокультурной, физкультурно-оздоровительной, художественно-творческой деятельности, развитие навыков самоорганизации досуга и др.); д) в сфере возможной семейной социализации (формирование культуры поведения в будущей семейной жизни); е) в профориентационной сфере (формирование адекватной стратегии профессионального будущего в соответствии с возможностями выпускника ПНИ и др.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Березин Ф.Б., Барлас Т.В. Социально-психологическая адаптация при невротических и психосоматических расстройствах // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1994. – Т. 94. – № 6. – С. 38-43.
2. Голубева Н.С., Иванов Е.С. Психоневрологический интернат: качество жизни умственно отсталых молодых людей [Электронный ресурс] // Сайт psyhodic.ru. – Режим доступа свободный: <http://www.psyhodic.ru/arc.php?page=2147> (дата обращения: 17.05.2015).
3. Гурович И.Я., Шмуклер А.Б. Интеграция психически больных-инвалидов в общество // Интеграция людей с инвалидностью в российское общество: теория и практика: коллектив. монограф. / Под ред. Шаповалова В.К. – М.: Муравей, 2006. – С. 144-164.

4. Дееспособность людей с ментальной инвалидностью: законодательные изменения (19 января 2015) / Д.И. Бартенев [Электронный ресурс] // Сайт Региональной общественной организации людей с инвалидностью «Перспектива». – Режим доступа свободный: <http://perspektiva-inva.ru/protec-rights/articles/vw-2171/> (дата обращения: 23.02.2015).
5. Деметьева Н.Ф. Трудовой прогноз при умственной отсталости и вопросы преемственности между детскими и взрослыми психоневрологическими интернатами // Актуальные вопросы врачебно-трудовой экспертизы (ВТЭ) и социально-трудовая реабилитация инвалидов. – М.: ЦИЭТИН, 1986. С. 132-137.
6. Коробейников И.А. Нарушения развития и социальная адаптация личности: монограф. – М.: ПЕРСЭ, 2002. – 192 с.
7. Маслиева С.Н. Интеграция и инклюзия: парадигмальная характеристика // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 2 (24). – С. 159-165. doi: 10.17748/2075-9908.2014.0.2.159-165
8. Мещеряков А.В., Левушкин С.П. Перекрестные эффекты адаптации к стрессорным ситуациям // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 3. – С. 122.
9. Никитина Н.И. Методика работы социального педагога с инвалидами // Никитина Н.И., Глухова М.Ф. Методика и технология работы социального педагога. – М.: Владос, 2007. – 405 с.
10. Никитина Н.И., Рыбакова А.И., Комарова Е.В. Технологии социальной работы. – М.: Изд-во РГСУ, 2012.
11. Филиппова М.В. и др. Социальные технологии в реабилитационной деятельности Красноперекопского психоневрологического интерната / М.В. Филиппова, П.С. Федорова, М.В. Пчелкина, Л.В. Виноградова, С.Ю. Громова [Электронный ресурс] // Сайт Красноперекопский психоневрологический интернат Ярославской области. – Режим доступа свободный: <http://kpni76.ru/text/socialnye-tehnologii-v-reabilitacionnoj-deyatelnosti-krasnoperekopskogo-psihonevrologicheskogo-internata/> (дата обращения: 17.05.2015).
12. Яковлева Н.А. Реабилитация умственно отсталых лиц молодого возраста, находящихся в стационарных учреждениях психоневрологического профиля системы социальной защиты (на примере Нижегородской области): авторефер. дисс. ... канд. мед. наук. – М., 2004. – 25 с.
13. Ярская-Смирнова Е.Р. и др. Социальная работа с инвалидами. – СПб.: Питер, 2005. – 313 с.
14. Brugha T.S. Social support and psychiatric disorder: Recommendations for clinical practice and research // Social Support and Psychiatric Disorder, Research Findings and Guidelines for Clinical Practice / Brugha, T. S. (eds). – Cambridge Univ. Press, 1995. – Ch 14. – Pp. 295-334.
15. Enns H. & Neufeldt A. In pursuit of equal participation: Canada and Disability at Home and Abroad. – Toronto: Captus Press, 2003.

REFERENCES

1. Berezin F.B., Barlas T.B. Socio-psychological adaptation in neurotic and psychosomatic disorders. S. S. Korsakov. [Social'no-psihologicheskaja adaptacija pri nevroticheskix i psihosomaticheskix rasstrojstvax. S. S. Korsakov]. *Journal of neurology and psychiatry*. 1994. V. 94. No. 6. P. 38-43. (in Russ.)
2. Golubeva N.S., Ivanov E.S. Psycho-neurological boarding school: the quality of life of mentally handicapped young people. Website psyhodic.ru. Available at: <http://www.psyhodic.ru/arc.php?page=2147> (accessed: 17.05.2015). (in Russ.)
3. Gurovich I. Ya., Shmukler A. B. Integration of mentally ill people with disabilities into society. Integration of people with disabilities in Russian society: theory and practice: the team. monograph. Ed. Shapovalov V. K. [Integracija psihicheski bol'nyh-invalidov v obshhestvo. Integracija ljudej s invalidnost'ju v rossijskoe obshhestvo: teorija i praktika: kolektiv. monograf. Pod red. Shapovalova V.K.]. Moskva: Publishing house "Muravej", 2006. P. 144-164. (in Russ.)
4. The legal capacity of persons with mental disabilities: legislative changes (19 January 2015). D. I. Bartenev Website of the Regional public organization of disabled people "Perspektiva". Available at: <http://perspektiva-inva.ru/protec-rights/articles/vw-2171/> (accessed: 23.02.2015).
5. Dementieva N. F. Labor prognosis of mental retardation and the question of continuity between pediatric and adult psycho-neurological boarding schools. Actual problems of medical labor examination (VTE) and socio-labour rehabilitation of invalids. [Trudovoj prognoz pri umstvennoj otstalosti i voprosy preemstvennosti mezhdju detskimi i vzroslymi psihonevrologicheskimi internatami. Aktual'nye voprosy vrachebno-trudovoj jekspertizy (VTJe) i social'no-trudovaja reabilitacija invalidov]. Moskva: LATIN, 1986. P. 132-137. (in Russ.)
6. Korobeynikov I. A. Developmental disorders and social adaptation of the personality: monograph. [Narushenija razvitiya i social'naja adaptacija lichnosti: monograf.]. Moskva: PERSE, 2002. 192 p. (in Russ.)
7. Maslieva S. N. Integration and inclusion: paradigm characteristics [Integracija i inkluzija: paradigmal'naja harakteristika]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l' = Historical and Social Educational Ideas*. 2014. no. 2 (24). Pp. 159-165. (in Russ.)
8. Mescheryakov A. V., Levushkin S. P. Cross-effects of adaptation to stress situations. [Perekrestnye jeffekty adaptacii k stressornym situacijam]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l' = Historical and Social Educational Ideas*. 2015. V. 7. No. 3. Pp. 122-125. Doi: 10.17748/2075-9908.2015.7.3.122-125 (in Russ.)
9. Nikitina N.I. Social teacher method of work with disabilities. Nikitina N.I., Glukhova, M. F. Technique and technology of social educator. [Metodika raboty social'nogo pedagoga s invalidami // Nikitina N.I., Glukhova M.F. Metodika i tehnologija raboty social'nogo pedagoga.]. Moskva: Vlados, 2007. 405 p. (in Russ.)
10. Nikitina N.I., Rybakov A.I., Komarov E.V. Technologies of social work. [Tehnologii social'noj raboty.]. Moskva: Publishing house of RSSU, 2012. (in Russ.)
11. Filippova M. V., etc. Social technologies in rehabilitation activities of Krasnopereopsk psychoneurological boarding school. M. V. Filippova, P.S. Fedorova, M.V. Pchelkina, L.V. Vinogradova, S.Y. Gromova. Website Krasnopereopsk

- psychoneurological boarding school in Yaroslavl region. Available at: <http://kpni76.ru/text/socialnye-tehnologii-v-reabilitacionnoj-deyatelnosti-krasnoperekopskogo-psihonevrologicheskogo-internata/> (accessed: 17.05.2015). (in Russ.)
12. Yakovleva N.A. Rehabilitation of mentally retarded young people in stationary institutions of psychoneurological profile of the social protection system (on the example of Nizhny Novgorod region): Sciences. [Reabilitacija umstvenno otstal'nyh lic molodogo vozrasta, nahodjashhihsja v stacionarnyh uchrezhdenijah psihonevrologicheskogo profilja sistemy social'noj zashhity (na primere Nizhegorodskoj oblasti): avtorefer. diss. ... kand. med. nauk.]. Moskva. 2004. 25 p.
 13. Yarskaya-Smirnova E.R., etc., Social work with disabled people. [Social'naja rabota s invalidami]. Sankt- Peterburg: Publishing house "Peter", 2005, 313 p. (in Russ.)
 14. Brugha T.S., Social Support and Psychiatric disorder: Recommendations for Clinical Practice and Research. Social Support and Psychiatric Disorder, Research Findings and Guidelines for Clinical Practice. Brugha, T. S. (eds). Cambridge Univ. Press, 1995. Ch 14. pp. 295-334.
 15. Enns, H. & Neufeldt, A. In Pursuit of Equal Participation: Canada and Disability at Home and Abroad. Toronto: Captus Press, 2003.

Информация об авторе

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, доцент, декан факультета педагогики, психологии и коммуникативистики, заведующая кафедрой педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»,

г. Краснодар, Россия
vmgrebennikova@mail.ru

Никитина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной и семейной педагогики ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет»,
Москва, Россия
NN0803@mail.ru

Агронина Наталья Иосифовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет»
(филиал в г. Курске),
Курск, Россия
NN0803@mail.ru

Получена: 29.09.2015

Information about the author

Grebennikova Veronika, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate professor, Dean of the Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Head of the Department of Pedagogy and Psychology of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Kuban State University",
Krasnodar city, Russia
vmgrebennikova@mail.ru

Nikitina Natalia, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Social and Family Pedagogy of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Russian State Social University", Moscow city, Russia
NN0803@mail.ru

Agronina Natalia, Candidate for Doctorate in Pedagogics, Associate Professor at the Chair of Social Work, Psychology and Pedagogy of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Russian State Social University" (branch in Kursk),
Kursk city, Russia
NN0803@mail.ru

Received: 29.09.2015

УДК 81

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-273-276

ДАЛГАТОВ Имамурза Хасулбегович,

DALGATOV Imamurza Khasulbegovich,

ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический институт»

Federal State-funded Educational Institution of the Advanced Vocational Training the Dagestan State Institute of Pedagogy

**СИВУХСКИЙ ГОВОР В СИСТЕМЕ
ДИАЛЕКТОВ АВАРО-АНДО-ЦЕЗСКОЙ
ГРУППЫ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ**

**SIVUKH VERNACULAR WITHIN THE SETUP
OF DIALECTS OF THE AVAR-ANDI – TSEZ
GROUP OF DAGESTAN LANGUAGES**

Статья посвящена одной из актуальных проблем лингвистики в свете современного процесса нивелирования языков и глобализации культур – изучению и сохранению на диалектологической карте дагестанских языков сивухского говора каратинского языка; определено место сивухского говора в системе аваро-андо-цезсской группы дагестанских языков, приведена историко-этнографическая информация, характеризующая факторы его развития и изменения. Автор обращается к фонетическим, морфологическим и другим языковым особенностям различных дагестанских языков и диалектов, сопоставляя их с сивухским говором и выявляя факты совпадения или несоответствия. На примерах из каратинского, тукитинского, андийского, сивухского и других языков и диалектов показывается, что процесс обособления и дифференциации многочисленных диалектов и говоров родственных языков андийской и цезсской подгруппы является результатом распада относительно однородных языковых единиц; отмечается, что сивухский говор наиболее приближен к каратинскому языку и значительно отдален от других.

The paper considered one of the urgent challenges of areal linguistics arisen on a contemporary scene of leveling languages, and cultures undergoing globalization, – i.e. studying the Sivukh vernacular of the Karatin language, and drawing its isoglosses on the map of dialects for Dagestan languages. The study specified a position the Sivukh vernacular has taken in the set of Avar – Andi – Tsez group of Dagestan languages, and provided the data from history and ethnography specifying the factors capable of contributing to its development and alteration. The author referred to phonetic and morphological features and other language-related features of various Dagestani languages and dialects, when comparing them with the Sivukh vernacular and specifying details on their similarity or discrepancy. Taking for instance the Karatin and Tukitin, and Andy and Sivukh languages and dialects, the study has shown that numerous dialects and vernaculars within the language affinity group of Andy and Tsez sub-groups undergo isolation and differentiation owing to disintegration of language units that once being relatively homogenous. The study has noted that the Sivukh vernacular is mostly similar to the Karatin language and significantly distanced from other dialects.

Ключевые слова: диалект, аваро-андо-цезсская группа, каратинский язык, тукитинский диалект, сивухский говор, диалектологическая карта.

Key words: dialect, Avar – Andi – Tsez dialect group, Karatin language, Tukiti dialect, Sivukh vernacular, dialect isogloss map.

Лингвистические данные диалектов и говоров заключают в себе наглядный материал, являющийся ценным источником при воссоздании картины исторического развития языков. Одна из самых спорных проблем лингвистики – вопрос, является ли определенная языковая разновидность языком или диалектом. Внутри самого языка даже между несколькими диалектами и наречиями наряду могут иметь место совпадения и различия на всех грамматических уровнях и формах. Необходимость детального изучения фонетических и морфологических особенностей сивухского говора и уточнение его места на диалектологической карте дагестанских языков – одна из актуальных проблем лингвистики в свете современного процесса нивелирования языков и глобализации культур.

Говор как единица диалектного членения языка является частью диалекта, представляющего собой совокупность нескольких наиболее однородных, родственных между собой, говоров. В отличие от диалекта для говора обязательным характерным признаком является его территориальная непрерывность. Если исходить из того, что диалект – это устная форма речи, имеющая собственный словарный запас и нормы грамматических правил, а говор – иное ударение, иногда значение слов, то язык жителей селения Сивух можно отнести к диалекту; если же считать, что говор (субдиалект) – это «разновидность языка, используемая жителями одного или нескольких соседних, обычно сельских населенных пунктов и обладающая некоторыми специфическими чертами на разных уровнях языковой структуры» [3], то речь сивухцев имеет основные признаки говора. В научной литературе однозначного подхода к данной проблеме пока не выработано, и в дальнейшем будем называть язык сивухцев говором, поскольку он ограничен пределами поселения.

Исследование разных говоров и диалектов народов Дагестана, которые в лингвокультурологическом отношении представляют собой уникальную многоязычную картину, дает необходимый материал для характеристики фонетических и морфологических языковых особенностей региона и для восстановления ряда факторов исторического развития.

Историко-этнографический материал, в котором содержится информация о процессе отделения сивухцев от современных аулов в горном Дагестане, позволяет проследить этимологию многих слов данного говора. В селении Сивух (Сиух от аварского «си» - башня) проживает более 3,5 тыс. чел., считающих себя аварцами. История селения и, соответственно, его языка указывает на интересное этническое происхождение. По преданию, первоначально одноименное селение располагалось в западной части Дагестана, на территории современного Ахвахского района, и его жители являлись каратинцами. Правдоподобность этой версии можно аргументировать тем, что каратинцы и сивухцы понимают язык друг друга сравнительно лучше и легче, чем представителей других малых народов андо-дидойской подгруппы.

Воинственные сивухцы под напором соседних сел были вынуждены покинуть обжитые места, и основная масса сивухцев обосновалась сначала на границе современных Ботлихского и Гумбетовского районов, а затем уже собственно в Гумбетовском районе, в котором речь сивухцев никто не понимал. С соседними селами сивухцы общались на аварском языке, причем достоверные сведения о том, знали ли они аварский язык до переселения или были вынуждены осваивать его на новом месте жительства, почти отсутствуют.

В настоящее время основная масса сивухцев проживает в Хасавюртовском районе. После обоснования жители долгое время не разрешали поселиться у себя чужакам, и до сравнительно недавнего времени в Сивухе число неместных было очень незначительно. Поэтому в языке существенных изменений, на наш взгляд, не произошло. В пределах селения сивухцы общаются на своем языке, вне – на русском или аварском.

Представители каратинского этноса, к которому относятся сивухцы, проживают в селах Анчих, Арчо, Маштада, Карата, Рацитль, Рачабулда, Верхнее Инхело (Шабакьоро), Тукита – Ахвахского района, Нижнее Инхело – Ботлихского района, Сивух - Гумбетовского района, а также переселенческих селах Тукита, Сивух и прикутаных поселений Хасавюртовского района. По мнению Р.Ш. Халидовой, каратинский язык, принадлежащий к андийской подгруппе аваро-андо-цезской группы дагестанских языков, делится на два диалекта: собственно каратинский и тукитинский. В каратинский диалект входят говоры: анчихский, арчийский, каратинский, маштадинский, нижнеэнхелинский, рацитлинский, рачабалдинский, чабакоринский, причем анчихский говор выделяется наиболее сильно [3, с. 23]. В диалектах каратинского языка, с одной стороны, сохранились наиболее архаичные черты (в большей части в тукитинском), а другой стороны, они претерпели значительные изменения. Так, на уровне каратинского и ахвахского языков наблюдаются существенные различия, тукитинский настолько обособился, что его носители не могут свободно общаться с носителями других диалектов и т.д.

Этнограф Е.М. Шиллинг, в 1940-х гг. занимавшийся изучением этнографических групп аварского народа, отмечает: «На вопрос о национальном самоопределении современные люди отвечают так: "Если посторонние нас спросят – какой нации, ответим – аварцы. Если они спросят – откуда, скажем – каратины. На своей же земле друг друга называем по аулам, жители селения Арчо будут арчоль и т.д.". Ко всему этому мы слышали от стариков, что каратины – "не отдельный народ" и "не отдельное племя"» [6, с. 98]. Ученый также указывает, что жителей селения Тукита нельзя с уверенностью считать каратинцами, поскольку «язык этого аула то трактуется как отдельный (родственный каратинскому), то как наречие каратинского». Жители Анчиха также отстаивают наличие у себя отдельного языка [6, с. 100].

Даже при достаточно поверхностном сопоставительно-сравнительном анализе сивухского говора и других наречий и диалектов аваро-андо-цезской языковой группы можно отметить, что, несмотря на близкородственное происхождение, он наиболее приближен к каратинскому языку и значительно отдален от других. Существенные отличительные черты между каратинским, тукитинским и сивухским в области фонетики, морфологии и лексики заключаются и в наличии материально разных словесных ресурсов, способов словообразования, грамматических категорий, и в неодинаковости их применения.

Например, в ахвахском языке словосочетание «заставить рассказывать» звучит как *мачу-нульа т1бнульа*, а в сивухском – *баса т1амед*; «заставить показать» на ахвахском языке – *гьаригбрульа т1бнульа*, на сивухском – *гьан/а т1амед*; «заставить ходить» на ахвахском – *хьвадилбрульа т1бнульа*, на сивухском – *хьвадия т1амед*; «заставил совершить» на ахвахском – *гурульа битлари*, на сивухском – *гегьа т1амед* и т.д.

При обращении к морфологическим особенностям образования числительных каратинского и тукитинского диалекта налицо существенные различия: в собственно каратинском десятичная (десятичная), в тукитинском – вегизимальная (двадцатеричная) [5, с. 20]. Так, в тукитинском количественные числительные передаются без ауслаутной частицы -да: *kleklu* «два», а

в каратинском, как и в сивухском говоре - *к1еда*. Образование названий десятков в тукидинском диалекте отличается от собственно каратинского. В каратинском они образуются от основы числительного, обозначающего единицы и плюс слово: *гъац1ада* «десять», при этом начальное *гъ* опускается, ср.: *лъабац1ада* «тридцать», *гъач1вац1ада* «девятисто». В сивухском говоре частица *-да-* не употребляется: *лъабац1а* (тридцать), *боац1а* (сорок), *гъач1вац1а* – (девятисто) и т.д.

В сивухском говоре числительные до десяти звучат как *цебе*, *к1еда*, *лъаби*, *боо*, *инцду*, *инлълъи*, *гъакъу*, *бикъи*, *гъач1ва*, *гъац1а*. Числительное «одиннадцать» образуется прибавлением суффикса *-л-* к десяти – *гъац1а/л* - и числительного «один» - «цеб» - *гъац1ал* *цеб*; числительное «двенадцать» - *гъац1а/л* + *к1еда* (один); числительное «двенадцать» - *гъац1а/л* + *лъаби* и т.д. При образовании порядковых числительных (первый, второй, третий и т.д.) используется *-яс-* или *-вас-*: *цебеяс*, *к1едаяс*, *лъабияс*, *боовас*, *инцдувас*, *инлълъияс*, *гъакъувас*, *бикъияс*, *гъач1ваяс*, *гъац1аяс*.

При сравнении сивухского говора с андийским языком можно отметить значительные совпадения в основах слов, меньше – в словообразовании. Так, анд. *ума* (отец) > *ума-лъир* (отцовство) почти идентично сивухскому *ума-лъер*; анд. *бигъа*(легко) > *бигъа-лъир* (облегчение) – сивухскому *бигъа-лъер*; анд. *адлу* (порядок) > *адлу-ссуб* (беспорядочный, невоспитанный) – сивухскому *гладлу гъач1ельер*; анд. *орси* (деньги) – сивухск. *гларце* (аварск. *гларц*). Наряду с совпадением встречаются и коренные различия в основах слов: анд. *гъакъкъу* (комната) > *гъакъкъу-ссуб* (бездомный) – сивухск. *эше* – *эше гъач1ов* (в данном случае *гъач1ов* – вспомогательный глагол) и т.д. Или же при склонении местоимений в сивухском говоре и тукидинском диалекте меняются гласный основы и аффиксы личных местоимений, но в сивухском местоимение «ты», «я» склоняется как *мен* (ты) - *мена* (тебя), *ден* (я) – *дена* (тебя), а в тукидинском - *ден* - *дини* (я), *мен* - *мини* (ты).

Заметное влияние на лексико-грамматические и фонетические особенности сивухского говора изначально оказывал аварский язык, через посредство которого проникали многочисленные заимствования не только аварского. Как и в аварском языке, в речи сивухцев характерно прибавление гласной в начале некоторых заимствованных слов («*истакан*» - «стакан»), старожилам свойственно произношение «п» вместо «ф» («*зефир*» - «зефир») и т.п. В последнее время заметно усилилось количество слов арабского, персидского и тюркского происхождения, в частности понятий религиозного характера: *дин*, *джамаат*, *даваат*, *мажгит* (мечеть) и др. В говоре обнаруживается и значительное количество заимствованных в последние годы русизмов.

Таким образом, обособление многочисленных диалектов и говоров родственных языков андийской и цезской подгрупп, их дифференциация является результатом распада одной более или менее однородной языковой единицы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Андийские языки среди языков народов Дагестана. Материалы научно-практической конференции 6-8 июня 2011 г. – Махачкала, 2011.
2. Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков: сопоставление основной лексики. - М.: Восточная литература, 2003.
3. Словари и справочники на Академике [<http://dic.academic.ru>]
4. Толковый словарь (сборник электронных словарей) [<http://slovo.ru>].
5. Халидова Р.Ш. К проблеме изучения фразеологии каратинского языка // Языкознание в Дагестане. Лингвистический ежегодник. – Махачкала, 1997. - С. 22–27.
6. Шиллинг Е.М. Малые народы Дагестана. - М., 1993. - С. 98

REFERENCES

1. Andian languages among the languages of the peoples of Dagestan. Materials of scientific – practical conference 6-8 June [Andijskie yazyki sredi yazykov narodov dagestana]. *Makhachkala*, 2011 (inRuss.)
2. Klimov G.A., Khalilov M.Sh. Dictionary Caucasian languages: a comparison of basic vocabulary [Slovar kavkazskix yazykov: sopostavlenie osnovnoj leksiki]. *Moscow*, 2003 (inRuss.)
3. Explanatory dictionary (collection of electronic dictionaries) [Tolkovyj slovar (sbornik elektronnyx slovarej)]. [Available at: <http://slovo.ru>] (inRuss.)
4. Dictionaries and reference books on the Academician [Slovari i spravochniki na akademike]. [Available at: <http://dic.academic.ru>] (inRuss.)

5. *Khalidova R.Sh.* To the problem of studying phraseology baratynskogo language. Linguistics in Dagestan. Linguistic Yearbook [K probleme izucheniya frazeologii karatinskogo yazyka. yazykoznanie v dagestane. lingvisticheskij ezhegodnik]. *Makhachkala*, 1997. - pp. 22-27 (inRuss.)
6. *Schilling E.M.* Small nations of Dagestan [Malye narody Dagestana]. *Moscow*, 1993. p. 98 (inRuss.)

Информация об авторе

Далгатов Имамурза Хасулбегович, ФГБОУ
ВПО «Дагестанский государственный педаго-
гический институт»

katiba@yandex.ru

Получена: 07.08.2015

Information about the author

Dalgatov Imamurza Khasulbegovich, Federal
State-funded Educational Institution of the Ad-
vanced Vocational Training the Dagestan State
Institute of Pedagogics

katiba@yandex.ru

Received: 07.08.2015

УДК 378.124

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-277-280

ДОНДОКОВА Римма Батомункуевна,
кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой
педагогики

DONDOKOVA Rimma,
Candidate of Pedagogical Sciences, Head of Chair of
Pedagogy

ПОСХОДИЕВА Дулгар Васильевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры
педагогики

POSHODIEVA Dulgar,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

DEVELOPMENT OF CREATIVE POTENTIAL OF STUDENTS IN THE STUDYING PROCESS IN A PEDAGOGICAL UNIVERSITY

В статье отражены идеи развития творческого потенциала студентов в процессе их профессионально-педагогической подготовки. В процессе развития творческого потенциала студентов нами выделены этапы, в логике основных тенденций. Проведено анкетирование первокурсников и второкурсников профиля «Начальное образование» Бурятского государственного университета. Данные анкетирования позволили авторам сделать вывод, что не всем студентам ясна суть понятия творческого потенциала, но они считают необходимым его развитие у будущих учителей в качестве ступеньки к профессиональной компетентности и понимают важность работы по реализации собственного творческого потенциала.

Рассмотрены аспекты развития творческого потенциала студентов, выделены педагогические условия его формирования: создание креативной среды; побуждение к рефлексивной деятельности; диалогизация образовательного процесса.

Ключевые слова: творческий потенциал, гуманистическая парадигма, профессиональная подготовка студентов, креативность, структура креативности.

The article reflects the ideas of the creative potential of students in the course of their professional teacher training. In the development of students' creative potential we have identified the steps in the logic of the main trends. A survey of freshmen and sophomores Profile "Primary education" Buryat State University. Survey data allowed the authors to conclude that students do not understand the essence of all the concepts of creativity, but find it necessary to its development in the future teachers, considering it a stepping stone to professional competence, as well as consider the necessary work to implement their own creative potential.

Aspects of the development of the creative potential of the students and highlighted the pedagogical conditions of its formation: the creation of a creative environment; reflexive urge to activity; dialogization of educational process.

Key words: creativity, humanistic paradigm, training students, creativity, structure of creativity.

I. Введение

Развитие современного профессионального образования акцентирует внимание на подготовке компетентных специалистов, особенно, в сфере образования. Эта проблема является актуальной на протяжении длительного времени. Значение профессионального педагогического образования неуклонно возрастает и требует творческого подхода на практике. Изменения затрагивают вузовскую систему педагогического образования, которая должна обеспечить образовательные учреждения высококвалифицированными, компетентными учителями. От них требуются в новых условиях способности к инновациям в практической деятельности, готовность к диалогу и сотрудничеству, информационная и коммуникативная культура, педагогическое мастерство и высокий творческий потенциал для решения педагогических задач.

II. Основная часть

В свете современной гуманистической парадигмы образования творческий потенциал педагога представляет собой развитые возможности его профессионально-личностных качеств, искусство организации общения с окружающими, инициативу в организации ценностных отношений детей в различных сферах, познавательную и общественную активность в деятельности и способности к неустанному профессиональному совершенствованию.

Мы согласны с мнением И.В. Давыдовой, что содержание понятия «творческий потенциал личности» можно рассматривать «как структурное личностно-деятельностное и общественно-значимое образование, включающее скрытые (резервные) возможности личности, ее актуализированные (реализованные) способности к творческой деятельности, а также совокупность знаний, умений, навыков, которые обуславливают формирование и развитие профессиональных компетенций личности. Развитие творческого потенциала личности студентов обусловлено наличием внутренних (интеллект, творческое мышление, способности, внутренняя мотивация) и внешних (психологический микроклимат в группе в процессе межличностного взаимодействия, подходы в учебном процессе) условий» [1].

Проведенное анкетирование первокурсников и второкурсников профиля «Начальное образование» Бурятского государственного университета показало, что работа в данном направ-

лении имеет огромный потенциал. Студентам были предложены вопросы, которые представлены ниже.

1. Считаете ли вы необходимым формирование у вас творческого потенциала?

2. Знакомы ли вы с литературой по проблеме развития творческого потенциала будущего учителя?

3. Получали ли вы какие-либо полезные сведения по развитию творческого потенциала будущего учителя в процессе изучения курса педагогики?

Анализ ответов анкеты показал, что студенты считают необходимым формирование у них творческого потенциала. Хотя большинство студентов не понимает сути творческого потенциала, и поэтому им трудно судить о процедурах его реализации, однако выполнение данной работы 79% студентов считают необходимым.

Анализ ответов на второй вопрос анкеты показал, что студенты мало знакомы с соответствующей литературой: только 35% студентов вспомнили, что на занятиях по педагогике упоминалась данная проблема; студенты получали задания, способствующие реализации их творческого потенциала, недостаточно часто.

На третий вопрос анкеты студенты ответили, что необходимые знания они получают на практических занятиях по педагогическим дисциплинам, на педагогических практиках, различных конкурсах и олимпиадах (56%).

Итак, данные анкетирования позволяют сделать вывод, что не всем студентам ясна суть понятия творческого потенциала, но они считают необходимым его развитие у будущих учителей в качестве ступеньки к профессиональной компетентности и понимают важность работы по реализации собственного творческого потенциала. Полученные ответы заставляют задуматься о необходимости актуализации проблемы развития творческого потенциала студентов педагогических специальностей.

По мнению Н.А. Токаревой, *педагогическая деятельность всегда носит творческий характер*, адекватным субъектом которой выступает педагог как творческая личность. Ее положение обуславливает необходимость формирования готовности будущего педагога к творческой деятельности, включающего в себя следующие компоненты: мотивационный, содержательный и технологический. В этом процессе исключительную роль играет образовательная среда, которая должна быть не только благоприятной для развития творческого потенциала субъекта учения, но и подкреплять креативность поведения, предоставлять образцы творчества, развивать потребность к творческому труду [2].

Н.А. Токарева утверждает, что основу процесса формирования готовности студента к творчеству в процессе подготовки в вузе должны составить *самоопределение личности, творческий потенциал, творческая активность*. Это придает продуктивному процессу выполнения учебных заданий свойство личностно и профессионально значимой сопричастности, приводящей к состоянию мотивационной готовности, эмоционально-волевой устойчивости, способности к самоуправлению и т.п. [2]

В преподавание педагогических дисциплин были внесены изменения, которые бы способствовали более эффективному формированию готовности студентов к творчеству в педагогической деятельности. При организации учебной деятельности учитывались следующие условия: создание творческой среды за счет тщательного отбора методов, приемов и средств, способствующих творческой активности студентов в учебной деятельности и предоставляющих возможность проявлять себя как субъекта творческой деятельности; сочетание разнообразных форм для осуществления творческой деятельности; учет личностного потенциала студентов в процессе обучения и творческой деятельности; выделение технологий активного обучения, ориентированных на развитие творческой направленности будущих педагогов; использование балльно-рейтинговой системы и разноуровневых видов самостоятельной работы в развитии творческих способностей будущих учителей.

В процессе развития творческого потенциала студентов нами выделены этапы в логике основных тенденций: мотивационно-ценностный (овладение студентами ценностями педагогического труда, ориентация студентов на развитие творчества и саморазвития); творческий (включение в самостоятельное решение творческих педагогических задач в процессе обучения, связанных с различными формами и видами реальной профессиональной деятельности, участие в выездных семинарах, творческих конкурсах и олимпиадах); рефлексивный (анализ собственной деятельности; формирование самооценки и готовности к творчеству в разнообразных видах педагогического труда) [3].

С.С. Савельевой были выделены некоторые педагогические условия, обеспечивающие развитие творческого потенциала студентов в их профессиональном становлении, которые с успехом применяются нами в образовательном процессе [4]. К ним относятся следующие:

- *Создание креативной среды*, в которой образовательная микросреда оказывает формирующее воздействие на субъекта деятельности, только если она обладает помимо предметно-информационного содержания образцами креативного поведения [4].

Процесс подготовки студентов к творческой деятельности можно разделить на ряд направлений: 1) развитие личностных качеств и теоретических знаний студентов в процессе обучения в педагогическом вузе; 2) освоение педагогических приемов, методов, технологий; 3) овладение педагогической профессией в собственной практической деятельности [4]. И, по нашему мнению, необходимо добавить направление: развитие творческого воображения, самоопределения в творческой деятельности. Данное направление помогает определиться будущим педагогам в профессии, разработать основные подходы к организации собственной творческой деятельности, имиджа, принципов.

- *Побуждение к рефлексивной деятельности*. Развитие умений к рефлексии у студентов в образовательном процессе вуза является важнейшим условием развития будущего педагога как субъекта собственной профессиональной деятельности, развития готовности к этой деятельности, ведущим фактором саморазвития личности через следующие формы рефлексивной деятельности: анализ и самоанализ ответов на семинаре, воспитательных мероприятий, посещенных в школе уроков, конспектов, а также диспуты, дебаты, конференции, доклады, рефераты, эссе, решение педагогических ситуаций и т.д., которые пользуются большим успехом у студентов и помогают им в профессиональном становлении.

- *Диалогизация образовательного процесса*. В педагогическом процессе вуза важно придерживаться режима диалога, так как он позволяет формировать у студентов собственную позицию и отношение к творчеству в профессиональной деятельности. На практике преподавателями вуза создается психологически благоприятная среда на занятиях, действует принцип уважения ко всем участникам учебного процесса. Создаются условия для выражения собственных взглядов, альтернативных точек зрения, дискуссионных площадок. Работа в данном направлении не всегда успешна, так как отмечается тенденция: все больше детей не хотят публично выступать, высказывать свое мнение. Этот тревожный симптом свидетельствует о монологизации школьной среды.

III. Заключение

Таким образом, выбор педагогических условий развития творческого потенциала студентов обусловлен тем, что их практическая реализация способствует раскрытию творческого потенциала личности студента, учету его интересов, способностей, возможностей, развитию субъектной позиции. Все это создает фундамент для эффективного формирования профессиональной компетентности будущих учителей в образовательном процессе вуза, а также возможность для овладения различными способами получения новых знаний: изучение теоретических основ педагогики по отдельным разделам; обучение в курсе педагогики отдельным элементам педагогической техники и педагогической технологии; техника работы с учебной и научной литературой; включение студентов в различные виды профессионально-педагогической деятельности: ролевые игры, обсуждение ситуаций, анализ принятия решений в различных педагогических задачах, тренинги, деятельность по самовоспитанию и самосовершенствованию, педагогическая практика в лагере и школе; участие студентов в профессиональных конкурсах, олимпиадах межвузовского, регионального и международного уровня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Давыдова И.В.* Развитие творческого потенциала студентов педвуза в процессе их совместной учебной деятельности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 /И.В. Давыдова. – СПб., 2009. – 24 с.
2. *Токарева Н.А.* Педагогические условия формирования готовности будущего педагога к творчеству в профессиональной деятельности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 /Н.А. Токарева. – Астрахань, 2009. – 21 с.
3. *Дондокова Р.Б.* Развитие творческого потенциала учителя в условиях гуманизации образования // Вестник БГУ. – Улан-Удэ. – № 4. – 2014. – С.35-38.
4. *Савельева С.С.* Педагогические условия формирования профессиональной компетентности учителя в образовательном процессе вуза. – Воскресенск: Позитив, 2012. – 220 с.

REFERENCES

1. *Davydova I.V.* Development of creative potential of students of teacher training University in the process of their co-curricular activities: author. dis. ... candidate, [Razvitie tvorcheskogo potentsiala studentov pedvuza v processe ih sovmestnoj uchebnoj dejatel'nosti] PED. Sciences: 13.00.01, St. Petersburg, 2009. p. 24 (in Russ.)

2. Tokareva N.A. Pedagogical conditions of formation of readiness of future teacher to be creative in their professional activities: author. dis. ... candidate [Pedagogicheskie uslovija formirovanija gotovnosti budushhego pedagoga k tvorchestvu v professional'noj dejatel'nosti]. PED. Sciences: 13.00.08, Astrakhan, 2009, p. 21(in Russ.)
3. Dondokova R.B. Development of creative potential of teachers in humanities education [Razvitie tvorcheskogo potenciala uchitelja v uslovijah gumanizacii obrazovanija], *Ulan-Ude, Vestnik BGU*, # 4, 2014, p. 35-38 (in Russ.)
4. Saveliyeva S.S. Pedagogical conditions of formation of professional competence of the teacher in the educational process of the University [Pedagogicheskie uslovija formirovanija professional'noj kompetentnosti uchitelja v obrazovatel'nom processe vuza], *Voskresensk: Publishing house "Positive"*. 2012, p. 220.

Информация об авторе

Дондокова Римма Батомункуевна, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой педагогики начального и дошкольного образования ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ, (Бурятия), Россия
dondokova64@mail.ru

Посходиева Дулгар Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики начального и дошкольного образования «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ, (Бурятия), Россия
dulgarp@mail.ru

Получена: 03.09.2015

Information about the author

Dondokova Rimma, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of Chair of Pedagogy of Primary and Preschool Education "Buryat state University", Ulan-Ude city, (Buryatia) Russia
dondokova64@mail.ru

Poshodieva Dulgar, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Chair of Pedagogy of Primary and Preschool Education, "Buryat state University", Ulan-Ude city, (Buryatia) Russia
dulgarp@mail.ru

Received: 03.09.2015

УДК: 801.7:81'42

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-281-287

ЕРОХИНА Анна Михайловна,
соискатель кафедры русского языка и стилистики

EROKHINA Anna,
Applicant for Candidate degree, Chair of Russian
Language and Stylistics

ЛЕКСИЯ – ТЕКСТОВАЯ ЕДИНИЦА РИТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

LEXIE AS A TEXTUAL UNIT OF RHETORICAL POETICS

Риторическая поэтика – поэтика воздействующего образа – как область языкознания сформировалась в конце XX в. в концепции отечественной школы неоклассической риторики, в частности в исследованиях А.К. Михальской [1], Ю.В. Рождественского [2], А.А. Волкова [3].

В настоящее время терминологический и понятийный аппарат риторической поэтики продолжает расширяться и совершенствоваться.

К основным воздействующим на восприятие единицам риторической поэтики – таким как «символическое слово», «имидж», «бренд», «мифологема» [1, с. 263] – следует добавить введенное Роланом Бартом в его исследовании "S/Z" [4] понятие «лексия».

Вопрос о лексии до настоящего времени не подвергался тщательной разработке в научных исследованиях, хотя, на наш взгляд, сущность этого понятия определяет почти все основные формы и способы риторического воздействия в художественных текстах.

Целью данной статьи является выявление основных признаков лексии как единицы плана содержания текста.

The Rhetorical poetics, image affecting poetics, as an area of linguistics has been formed in the late 20th century in the concept of the national school of neoclassical rhetoric, in particular, in the researches of AK Mikhalskaya [1], Yu.V.Rozhdestvenskiy [2], A.A. Volkov [3].

At the present time, the terminological and conceptual apparatus of the rhetorical poetics continues to expand and improve.

It is considered important to add the term "lexie" to the major affecting units of the rhetorical poetics such as «symbolic word», «image», «brand», «mythologem» [1,263]. The term "lexie" was introduced by Roland Barthes in his study "S \ Z"[4].

The concept of "Lexie" has not yet been developed in researches, however in our opinion the essence of this concept defines almost all main forms and methods of rhetorical effects in literary texts.

The aim of the article is to identify the major features of Lexie as a unit of text content.

Ключевые слова: риторическая поэтика, коннотация, лексия, подтекст, имплицитная семантика, бартовский код, категоризация, художественный текст, высокохудожественный текст, текст массовой литературы.

Key words: rhetorical poetics, connotation, lexie, sub-text, implicit semantics, Barthes code, categorization, fiction, classical text, popular literature text.

Появление риторической поэтики в конце XX столетия – явление не случайное. Оно обусловлено всей историей развития общей риторики, которая эволюционировала от классического варианта (в определенной степени догматического и прикладного изложения правил построения речи) до современного системного анализа воздействия речевых структур (анализа механизмов воздействия поэтических элементов, в том числе текстовых значений) на получателя речи.

Другими словами, развитие риторики происходило в направлении от изложения строгих правил структурирования речи адресанта к анализу форм и способов воздействия речи на непосредственного ее адресата.

Следует отметить, что в лингвистике неоднократно предпринимались попытки обнаружения универсальной структуры построения литературного произведения. Многие исследователи пытались найти или создать формулу воздействия на смысловое восприятие потребителя текста.

Так, благодаря исследованиям «группы – μ» [5] новая риторика обрела понимание механизмов создания новых – воздействующих – смыслов в топике и синтагматике языковых единиц. В исследованиях А.А. Волкова [2] и Ю.В. Рождественского [3] определены содержание и функции основных риторических категорий – этоса, логоса, пафоса – универсальных составляющих любого воздействующего текста. В работах А.К. Михальской разработана и определена структура парадигмы «символическое слово» – «имидж» – «бренд» – «мифологема» [1, с. 263], а также выявлено содержание каждой категории в отдельности.

Однако воздействующий механизм **художественного текста** до сих пор остается нераскрытым.

Ближе всего к решению данной проблемы, на наш взгляд, подошел Роллан Барт в своем позднем исследовании «S/Z» [4], которое привело его к выявлению неких смысловых образований, скрытых от поверхностного взгляда.

Термин «лексия» до Барта не существовал. Дальнейшее развитие этого понятия связывалось исключительно с читательским восприятием [6] и читательским симеозисом [7]. Отчасти это представляется целесообразным, поскольку и сам Барт говорит о своем исследовании как об анализе текста-чтения, то есть текста, возникающего в сознании читателя, и, соответственно, о семиологии этого вида текста. «Мы станем членить исходное означающее (текст – А.Е.)

на ряд коротких, примыкающих друг к другу фрагментов, которые назовем лексиями, имея в виду, что они представляют собой единицы чтения» [4, с. 57].

Нам представляется (и мы постараемся это доказать), что термин «лексия» можно рассматривать не только со стороны читательского восприятия и декодирования, но и со стороны выражения авторской интенции, которая, возможно, не всегда осознается автором, но безусловно присутствует в тексте.

Лексия, следуя своей имплицитной семантике, и со стороны адресата, и со стороны адресанта является, таким образом, инструментом воздействия на восприятие и коннотацию представленного в художественном тексте содержания.

Применяя определенную степень образности, сам Барт говорит о *лексиях* как о единицах (размер которых колеблется от одного слова до нескольких предложений и которые являются «оболочкой семантической емкости») [4, с. 64], в которых воплощено содержание определенных кодов. Эти коды, с одной стороны, являются способом отображения действительности, но, с другой стороны, всецело подчинены риторическим целям и задачам **художественного** текста.

Следует отметить еще одну особенность художественного текста, которую рассматривал Ю.М. Лотман: «... художественное сообщение создает художественную модель какого-либо конкретного явления – художественный язык моделирует универсум в его наиболее общих категориях, которые, будучи наиболее общим содержанием мира, являются для конкретных вещей и явлений формой существования» [8, с. 30]. С точки зрения того, что текст – это модель, одним из главных качеств его, как и у всякой модели, должна быть наглядность (то есть видимое впечатление, основанное на образном восприятии и некоем пространственном представлении, не нуждающемся (или мало нуждающемся) в дополнительных пояснениях и определениях). И в той же мере, в какой принцип моделирования не требует словесного (языкового) определения явлений и понятий, в такой и модель действительности, созданная с помощью художественного текста, не применяет метаязык описания и разъяснений. Главной задачей модели является не непосредственное определение предмета или явления в понятиях метаязыка и даже не номинация явлений действительности. Главная задача модели – наглядность, то есть способность, вызывая некие «образные» представления, демонстрировать их с минимальным количеством дополнительных пояснений.

Область бартовского кода всецело принадлежит именно этой стороне текстовой действительности. Значение кода, если рассматривать его с точки зрения когнитивной лингвистики, определяется способом категоризации действительности, сложившимся в определенной культуре. В данном случае (в западноевропейском способе категоризации) имплицитное значение текста выражено в наборе пяти кодов: «*пять кодов, пять голосов — Голос Эмпирии (проайретизмы), Голос Личности (семы), Голос Знания (культурные коды), Голос Истины (герменевтизмы) и Голос Символа*» [4, с. 69]. Или по-другому: акциональный (проайретический) – код некоего действия (события), продвигающего повествование, семный – код усложненного значения, наиболее соответствующий определению собственно подтекста, референциальный – код знания (научного, обыденного, культурного и пр.), герменевтический – код загадки (имеет в своем составе элементы тематизации, формулирования, отсрочки и ответа), символический – код, который переводит конкретное содержание лексии в зону обобщенности, то есть символа.

Если рассматривать художественный текст в качестве **многомерной эвристической динамической функциональной модели человеческого универсума** [9, с. 211], то можно предположить, что система кодов является в данном случае одним из методов моделирования. Другими словами, с помощью пяти универсальных бартовских кодов происходит воплощение всех когнитивно-коннотативных, культурных, мировоззренческих, ассоциативных и абстрактных объектов действительности.

Кодирование и декодирование – процесс выбора эквивалентных элементов, имеющих общее значение и одинаковое содержание в двух (и более) разных по природе образования значений системах. Это определение относится как к пониманию языкового знака по Соссюру («языковая сущность (языковой факт) существует лишь в силу ассоциации между означающим и означаемым» [10, с. 105]), так и к формулировке способов кодирования в определении Ю.М. Лотмана [8, с. 47-48]. Из четырех способов кодирования, предложенных Ю.М. Лотманом, для лексии подходит лишь один: **значение образуется путем множественной внутренней перекодировки ($a+b+v+g+d = O$)**. Множество единиц языка, объединяясь в смысловое целое, образует некоторое общее, но единичное значение.

То есть, лексия – понятие расширительное в плане усложнения семиологического значения. Эта определенная зона смысла больше, чем лексема, но меньше, чем текст (в понимании текста как единицы информации). Можно говорить о качественном скачке семантического зна-

чения лексии как единицы кода по отношению к слову как мельчайшей единице смысла. Во многих исследованиях это называется «подтекстом» [11] или «затекстом» [12].

Итак, любой отрезок текста, в котором возникает некий вторичный – неназванный – смысл, мы, вслед за Р. Бартом, станем называть **лексией**.

В лингвистических исследованиях, посвященных подтексту, наиболее близким к лексии понятием можно назвать «диктему», определяемую в исследованиях М.Я. Блох как *«элементарная тематическая и стилеоформленная единица текста, формируемая предложениями»* [13, с. 4]. Ориентируясь на выявление дополнительного смысла в некотором законченном фрагменте текста или звучащей речи (связывая и обосновывая термин диктема с просодическими элементами речи), внешнее, фактическое строение диктемы М.Я. Блох определяет в зависимости от синтагматической членимости текста в парадигме «слово – словосочетание – предложение – сверхфразовое единство – **диктема** – текст».

Отличие понятия лексии от термина диктемы заключается в принципе определения структурной единицы. Лексия, на наш взгляд, не столь зависима по своей природе от формальной синтагматики и уж тем более от включенности значения подтекста в соотношение с единицей «предложение». Лексия может состоять из любого количества слов – начиная от одного (где подтекст выражен коннотативно – дополнительным значением, например, значением оценки) до множества – вплоть до имплицитного (неноминированного) значения всего текста. То есть, в отношении лексии можно выстроить парадигму интенсивной расширительной структуры смыслового содержания или, другими словами, структуры определенной степени преобразования и усложнения значения «слово – лексия – текст».

Таким образом, если текст – это *«большое слово»* [8, с. 416], а слово – *«мельчайшая единица смысла»* [14], то лексии кода – это некая срединная форма передачи значения, это «слова текста», вернее некие «сверхслова», носители смысла более высокого уровня.

Подводя предварительные итоги, можно сделать следующий вывод: лексия является основной единицей плана содержания категории «код».

Приведем пример вычленения лексий в тексте Ф.М. Достоевского. Методика определения лексии в данном случае может быть определена как «медленное чтение» и опирается на последовательное выявление в процессе чтения прямого и скрытого значения текстовых единиц. Появление имплицитного значения (соответствующего определенному коду) указывает на наличие лексии.

(Предваряя наш дальнейший анализ, отметим, что наличие или отсутствие в тексте значения лексии, безусловно, определяется степенью пронизательности и подготовленности читателя. Наш анализ, возможно, для другого восприятия покажется неполным или не вполне оправданным, но это свойство любого прочтения, и в тексте каждый сможет вычленишь лишь те значения, которые ему доступны. Объективность нижеприведенного исследования базируется на выделении количества подтекста (и его кодовых значений) в восприятии разных текстов одним и тем же адресатом).

Так, например, в названии романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» сконцентрировано и сжато до двух слов глобальное содержание (феномену концентрации смысла текста в названии посвящено диссертационное исследование П.В. Смородиной «Название как бифункциональная единица текста») [15, с. 37], и в сознании читателя сразу же возникает вопрос, вернее, два вопроса: «какое преступление?» и «какое наказание?». То есть, дополнительный смысл возникает в форме подсознательного вопроса – следовательно, эта лексия принадлежит области герменевтического кода (Герм.).

«В начале июля» – подтекста нет – простое указание на время, «В чрезвычайно жаркое время, под вечер» – для большинства современных читателей подтекста нет, описание погоды, времени суток, но для знатоков творчества Ф.М. Достоевского и для его современников здесь содержится прямое указание на конкретный период времени – июль 1865 г., который был необычайно жарким, запомнившимся – то есть, в авторской интенции здесь был подтекст общекультурного знания – то есть референциальный код (Реф.). Итак, мы можем выделить лексию референциального кода.

«один молодой человек» – в подсознании появляется вопрос «кто таков?» (Герм.2), следовательно, это лексия герменевтического кода.

«вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-ком переулке, на улицу» – здесь наблюдается подтекст семантического значения: «каморка», которую нанимают (?) – вряд ли человек богат, скорее беден – это значение дополнительного смысла «бедность» – следовательно, здесь мы имеем дело с лексией семного кода (Сем.); здесь же присутствует и значение акционального кода – «начало движения героя к некоторому событию» (Акц.). Кроме того, возникает продолжение вопроса, сформулированного заглавием: «что за преступление?», «что случится с этим молодым человеком?», вернее, «что случится с этим небоатым молодым че-

ловеком?», «жара как-то повлияет на последующие события?» – это элемент герменевтического кода – тематизация загадки (Герм.1). Таким образом, в данной лексии мы наблюдаем сочетание трех кодов – акционального, семного и герменевтического.

«...и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту» – описание состояния героя «медленно», «как бы в нерешимости» – явно указывает на некое особое психологическое состояние, причину которого мы пока еще не знаем – то есть в этом отрывке присутствует значение двух кодов – семантического «некое психологическое состояние» и герменевтического «какое психологическое состояние?». Но здесь есть и третье значение, которое при повторном прочтении (зная, что события происходят в конкретном городе) могут вычленили лишь читатели, хорошо знакомые с топонимикой Петербурга. «С-кий переулок» и «К-н» мост – по данным литературоведческих исследований, это могут быть Кокушкин мост и Столярный переулок, в котором жил Достоевский. Для большинства читателей этот код отсутствует, но стоит его все-таки отметить – это лексия референциального кода – кода культурного знания (Реф.), вслед за которой, для знатоков, возникает еще одно дополнительное значение: Столярный переулок во времена написания романа – одно из самых «питейных» мест Петербурга – то есть, возможность преступления в нем гипотетически гораздо выше, чем в любых других переулках – следовательно, мы можем говорить о семантическом (коннотативном) значении усиления возможности преступления (Сем.). В данной лексии определяется значение трех кодов – герменевтического, референциального, семного. Но здесь особенность референциального кода в том, что над ним надстраивается еще одно дополнительное семиологическое значение. Схему распределения кодов в данной лексии можно представить в виде: Герм., Семн., Реф (+семн.).

«Он благополучно избежал встречи с своей хозяйкой на лестнице» – в этой лексии возникает вопрос «зачем ему избегать встречи с хозяйкой?», следовательно, это лексия герменевтического кода (происходит тематизация присутствующего в названии вопроса).

«Каморка его находилась под самою кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру» – в данной лексии мы можем определить код некоего знания (авторского?), который сообщает нам о расположении квартиры, но здесь присутствует и еще одно – семиологическое – значение, которое можно номинировать одним словом «бедность». И «каморка», и «под самою кровлей», и «походила ...на шкаф» (т.е. очень маленькая) – свидетельства стесненности ее обитателя (как пространственной, так и материальной). Кроме того, некое общечеловеческое знание говорит нам о том, что человек стремится к просторному и удобному жилью, если это позволяют его финансовые возможности, следовательно, это – надстраиваемый над первичным (семным) кодом – референциальный код.

Подобное сочетание и надстраивание друг над другом нескольких кодов в романе Ф.М. Достоевского позволяет говорить об особенностях авторского стиля писателя: референциальный и акциональный коды очень часто имеют еще одно дополнительное значение (чаще всего семного кода). Можно предположить, что подобное специфическое усложнение подтекста (в математической терминологии это можно определить как подтекст в квадрате) является ярко выраженной характеристикой авторского стиля Ф.М. Достоевского. Так, для того чтобы вычленили надстраиваемый подтекст второго уровня, следует вначале определить скрытый от прямого значения подтекст первого уровня. Например:

«На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу» (глава 1, 6-й абзац) – первичный код – референциальный, код изобразительности, который возвращает восприятие читателя к живописным картинам жизни или искусства; надстраиваемый код – семный, номинировать изображенное в данной лексии можно словосочетанием «отвратительный город».

«Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытие, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать». Первичный код – акциональный: герой задумался и продолжил движение (часть события «прогулка»). Надстраиваемый код – семный: «отстраненность».

«В эту же минуту он и сам сознавал, что мысли его порою мешаются и что он очень слаб: второй день как уж он почти совсем ничего не ел». Первичный код – акциональный: осмысление собственного состояния (часть действия в событии «прогулка»). Надстраиваемый код – семный: «бедность».

«Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посоветился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу». Первичный код – референциальный: обыденное знание «приличествующее в обществе». Надстраиваемый код – семный: «бедность».

Проведенный анализ текста «Преступления и наказания» объемом 40 108 знаков позволил выявить 757 лексий с распределением по кодам: акциональный – 164, герменевтический – 54, референциальный – 285, семный – 248, символический – 6.

Дальнейший анализ основывался на сравнении оригинального произведения Ф.М. Достоевского и фрагмента текста Б. Акунина, где он предлагает читателю имитацию неизвестной публике первоначальной редакции «Преступления и наказания».

Для сравнения мы взяли примерно по 40 000 знаков (останавливая анализ в границах лексий) из каждого текста.

Так, у Акунина в объеме текста 40 134 знака можно выделить всего 360 лексий. Распределение по кодам происходит следующим образом: акциональный – 135, герменевтический – 59, референциальный – 194, семный – 68.

Следовательно, можно предположить, что и количество, и качество подтекста в произведениях массовой и классической литературы сильно разнятся. Малое количество в массовой литературе подтекста семного кода (наиболее явно обнаруживаемого в качестве подтекста) соответствует определению массовой литературы, приведенному во многих исследованиях [16, с. 27; 17, с. 12] – передаче в массовое сознание упрощенных вариантов высокохудожественных литературных произведений.

Кроме того, следует отметить и тот факт, что в массовой литературе происходит упрощение и схематизация сложных как по структуре, так и по смыслу литературных произведений, которые именно в силу этой сложности и приобретают право называться классическими или высокохудожественными литературными произведениями. На это указывает разница в количественном соотношении единиц подтекста: 360 у Б. Акунина против 757 у Ф.М. Достоевского.

В процессе выявления подтекста в художественном тексте – следует учитывать степень образованности адресата и его способность вычленять подобные значения. В этом плане, безусловно, лексии должны рассматриваться как единицы чтения. В случае с неискушенным читателем подтекст может остаться неосознанным и читателю может показаться, что подтекста вовсе нет. Например, неискушенное в перипетиях сложной литературной жизни XIX в. сознание современных читателей не воспринимает «Повести Белкина» как произведение, пародирующее современные А.С. Пушкину бульварные романы и, в силу присущей гению Пушкина художественной содержательности, воспринимает их как высокохудожественные тексты, (каковыми они и являются).

Но, с другой стороны, со стороны адресанта – автора, безусловно, должна быть направленная внутренняя авторская интенция, которая позволяет закодировать в тексте не прямые значения. Примерами подобной интенции могут служить литературные произведения советской эпохи, в которых лишь с помощью подтекста возможна была передача определенного смысла, запрещенного идеологией и цензурой. (Небезызвестные пьесы Е.Л. Шварца, произведения М.А. Булгакова, В.С. Гроссмана, А.И. Солженицына и многих других).

Если автор не ставит своей риторической целью передачу подобных значений, то в тексте этих значений может и не быть. Исключение составляют тексты, авторы которых в стремлении передать модель действительности в наибольшем приближении к истинности произвольно включают подобные значения, помимо осознанной интенции. То есть, отображая действительность в ее «натуральном» виде, стараясь сделать это как можно точнее и детальнее, авторы произвольно передают смыслы, которые ими не осознаются. Именно такие произведения впоследствии, как правило, становятся «классическими». Отраженные в них многочисленные не осознаваемые автором смыслы становятся основой разнообразных трактовок классических произведений, которые возникают в связи с изменениями мировоззрений социума или личности (например, многочисленные изменения трактовок значения в пьесах В. Шекспира и т.п.).

Здесь прослеживается прямая взаимосвязь между риторическим заданием и его воплощением. При осознанном риторическом воздействии, особенно в риторических текстах манипулирующего дискурса, практически все значения, в том числе и подтекст, контролируются автором.

В случае неосознанной авторской интенции подтекст чаще всего оказывается одним из способов передачи внетекстовой действительности (с помощью кодировки подтекстового значения моделируется ее неноминированность).

Безусловно, определение границ лексии – априори субъективно. В этом плане лексия – иррациональная текстовая единица. Но нельзя отрицать ее наличия в любом художественном тексте в силу того, что и автор, и читатель, каждый по-разному и каждый со своей стороны, могут вычленить «свои» лексии, то есть подтекст.

Резюмируя вышесказанное, делаем следующие выводы:

1. **Лексия - единица подтекста**, произвольного размера (как правило, больше, чем одно слово, но меньше, чем текст), представляющая собой определенную зону смысла, образованного путем множественной внутренней перекодировки значения, и соотносимая с одной или несколькими областями внетекстовой действительности (бартовским кодом).

2. Лексия является одним из основных способов моделирования действительности в художественном тексте. Эффект моделирования при этом осуществляется с помощью языка как вторичной моделирующей системы. Лексия **изображает предмет или явление, не называя его**, тем самым моделирует в восприятии адресата лакуны определений, одновременно совмещающая их с наглядным изображением «как в жизни».

3. **Лексия – единица риторической поэтики**, поскольку выбор и прагматическая направленность смыслового и языкового выражения подтекста всецело связаны с риторическим заданием художественного текста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Михальская А.К. Сравнительно-историческая риторика: учебное пособие/ А.К. Михальская. – М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2013. – 320 с.
2. Рождественский Ю.В. Теория риторики: учеб. пособие/ Ю.В. Рождественский; под ред. В.И. Аннушкина. – 4-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 512 с.
3. Волков А.А. Основы риторики: уч. пособие. – М.: Академ. проект, 2003. – 301 с.
4. Барт Ролан. S/Z. Пер. с фр. 2-е изд., испр. Под ред. Г.К. Косикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
5. Дюбуа Ж. Общая риторика: Пер. с фр. / Ф. Пир, А. Тринон и др.; Общ. ред. и вступ. ст. А.К. Авеличева. – М.: Прогресс, 1986 – 392 с.
6. Брудный А.А. Психологическая герменевтика: уч. пособие. – М.: Лабиринт, 1998. – 336 с.
7. Валгина Н.С. Теория текста: уч. пособие. – М.: Логос, 2003. – 278 с.
8. Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: Искусство–СПб, 1998. – 704 с. Структура художественного текста (с. 14-287).
9. Ерохина А.М. Художественный текст как модель универсума человека (метод моделирования и проблема разграничения массовых и художественных текстов) // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар. – Т. 7. – № 5, ч. 2. –2015.
10. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики. Пер с фр./ под ред. и с прим. Р.О. Шор. Изд. стереотип. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 256 с.
11. Ветошкин А.А. Подтекст как выразительное средство языка. Дисс... канд. филол. наук. – Саранск, 1999.
12. Сермягина С.С. Подтекст в прозе М. Булгакова: лингвистический аспект. Дисс... канд. филол. наук. – Кемерово, 2007.
13. Блох М.Я., Великая Е.В. Просодия в стилизации текста. – М.: Прометей, 2012. – 148 с.
14. Цит. По: В.В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове) – М.: Высшая школа, изд. 2-е, 1972. – 884 с.
15. Смородина П.В. Название как бифункциональная единица текста (на материале ряда произведений В. Шекспира). Дисс... канд. филол. наук. – М., 2009.
16. Купина Н.А. Массовая литература сегодня: учеб. пособие / Н.А. Купина, М.А. Литовская, Н.А. Николина. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 424 с.
17. Черняк М.А. Массовая литература XX века: учеб. пособие / М.А. Черняк. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 409 с.
18. Лотман Ю.М. Об искусстве. – С.-Петербург: Искусство–СПб, 1998. – 704 с. Риторика (стр. 404 – 423).

REFERENCES

1. Mihalskaya A.K. Comparative-historical rhetoric: textbook. [Sравnitelno-istoricheskaya ritorika: uchebnoe posobie] Moscow. FORUM INFRA-M, 2013. P. 320.
2. Rozhdestvenskij Ju.V. Rhetoric theory. [Teoriya ritoriki: uchebnoe posobie] Moscow. Flinta: Nauka, 2006. P. 512. (in Russ.).
3. Volkov A.A. Basis of rhetoric: textbook.[Osnovy ritoriki: uchebnoe posobie] Moscow. Akadem. Proekt, 2003. P.301. (in Russ.).
4. Bart Rolan. S/Z. Translation from French, 2nd edition/ editor G.K. Kosikov [S/Z.Per. S fr. 2-e izd., ispr. pod red. G.K. Kosikov. Moscow. Jeditorial URSS, 2001. P. 232. (in Russ.).
5. Dubua G. General Rhetoric [Obshhaya ritorika]. Moscow. Progress, 1986. P. 392. (in russ.)
6. Brudnyi A.A. Psychology of Hermeneutics: textbook. [Psihologicheskaya germenevtika: uchebnoe posobie] Moscow. Labirint, 1998. P. 336. (in Russ.).
7. Valgina N.S. Text theory: textbook. [Teoriya teksta: uchebnoe posobie] Moscow.Logos, 2003. P. 278. (in Russ.).
8. Lotman Ju.M. About an art. Fiction text structure. [Ob iskusstve. Struktura hudozhestvennogo teksta] Sankt-Peterburg. Iskustvo . Sankt- Peterburg 1998. Pp. 14-287. (in Russ.).

9. Erokhina A.M. Fiction text as a model of personal universum, (metod of modeling in the problem of fiction and other text types differentiation) [Hudozhestvennyi tekst kak model universuma cheloveka (metod modelirovaniya i problema razgraniichenia massovyh i hudozhestvennyh tekstov)]. *Krasnodar. «Historical and Social education ideas»* 2015. T 7. no 5 part 2. P. 272. (in Russ.).
10. Sossur Ferdinand de. General linguistic cours. [Kurs obshhei lingvistiri. Izdaniy Sh. Balli] *Moskow. LIBROCOM.* 2013. P. 256. (in Russ.).
11. Vetoshkin A.A. Subtext as an expressive means of language [Podtekst kak vyrazitelnoye sredstvo yazyka]. Diss. kand. filol. nauk. *Saransk. 1996.* (in Russ.).
12. Sermyagina S.S. The subtext in the prose of M. Bulgakov: The lingvostilistic aspect [Podtekst v proze M. Bulgakova] Diss. kand. filol. nauk. *Kemerovo. 2007.* (in Russ.).
13. Bloh M.Ya., Velikaya E.V. Prosody in the text's stylization. [Prosodia v stilizacii teksta]. *Moscow. Prometei.* 2012. p. 148. (in russ.)
14. Cit. of: V.V. Vinogradov. Russian language (grammatical theory of the word) [Russkiy yazyk (grammaticheskoye ucheniye o slove)] *Moscow. Vysshaya shkola. 1972.* P. 784. (in russ.)
15. Smorodina P.V. The name of the text as a bifunctional unit (Based on the number of works by William Shakespeare). [Nazvaniye kak bifunkcionalnaya edinica teksta na material ryada proizvedeniy V. Shakespeare] Diss. kand. filol. nauk. *Moscow. 2009.* (in Russ.).
16. Kupina N.A. Current Mass Literature: textrbook. [Massovaya literature segodnya: uchebnoye posobiye]. *Moscow. Flinta: Nauka.* 2010. P. 424.
17. Chernyak M.A. XX centure mass literature: textbook [Massovaya literature XX veka: uchebnoye posobie] *Moscow. Flinta,* 2009. P.409. (in Russ.).
18. Lotman Ju.M. About an art. Rhetoric. [Ob iskusstve. Ritorika]. *Sankt-Peterburg. Iskustvo , Sankt- Peterburg.* Pp. 404-423. (in Russ.)

Информация об авторе

Ерохина Анна Михайловна, соискатель кафедры русского языка и стилистики Литературного института им. А.М. Горького, Москва, Россия

Получена: 20.08.2015

Information about the author

Erokhina Anna Mikhailovna, Applicant for Candidate degree, Chair of Russian Language and Stylistics, Literary Institute named after Maxim Gorky, Moscow city, Russia

Received: 20.08.2015

УДК 376, 371, 612.829.3

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-288-291

ЕФИМОВА Виктория Леонидовна,
кандидат педагогических наук

EFIMOVA Victoria Leonidovna,
Candidate of Pedagogical Sciences

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДИКИ «ЛОГО-БАТУТ»
В ПРОЦЕССЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
СОПРОВОЖДЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ
С УЧЕБНЫМИ ЗАТРУДНЕНИЯМИ**

**USING THE METHODOLOGY OF "LOGO-
TRAMPOLINE" IN PEDAGOGICAL SUPPORT
OF CHILDREN WITH LEARNING
DIFFICULTIES**

В статье анализируется опыт изучения центральных процессов обработки зрительной, вестибулярной и проприоцептивной информации у детей, имеющих затруднения в учебной деятельности. Исследование окуломоторной активности проводилось с помощью «Eyegaze Analysis System», с программным обеспечением «NYAN 2.0»^{ХТ} компании «Interactive Minds». Состояние сенсорной интеграции, необходимой для поддержания баланса, изучалось с помощью теста «Modified Clinical Test Sensory Integration for Balance» системы цифровой постурографии «Balance Master®» «NeuroCom International, Inc» (США). У большинства детей, имеющих учебные затруднения, были выявлены дефициты функционирования систем нервной системы, обеспечивающих интеграцию ощущений разной модальности. В первую очередь зрительных, проприоцептивных и вестибулярных. Было замечено, что вестибулярная стимуляция создает оптимальные условия формирования многих учебных навыков. Авторами разработана и апробирована методика «Лого-батут», предполагающая сочетание тренировки навыков чтения с интенсивной вестибулярной и проприоцептивной стимуляцией. Тренинг учитывает уровневый принцип формирования навыка, предложенный Н. Бернштейном. Тренировки «Лого-батут» направлены на активизацию уровня В. Занятия могут быть рекомендованы детям, имеющим дислексию и трудности в процессе автоматизации навыка чтения. В результате проведения пилотного эксперимента получены весьма обнадеживающие результаты.

The article analyzes the experience of studying the central processing of visual, vestibular and proprioceptive information by children having learning disorders. The study of oculomotor activities was carried out using the "Eyegaze Analysis System" (USA) software "NYAN 2.0", "Interactive Minds" Company (Germany). The status of sensory integration, needed for maintaining the balance, was studied with "Modified Clinical Test of Sensory Integration for Balance", "Balance Master®" "NeuroCom International, Inc" (USA). It was revealed that most children with learning disorder had deficit functioning of the segments of the nervous system, which ensure integration of different sensory modalities, such as visual, proprioceptive and vestibular senses. It was observed that vestibular stimulation creates optimal conditions for the formation of many learning skills. The authors have developed and tested the method "Logo-trampoline", combining training of reading skills with intense vestibular and proprioceptive stimulation. The training takes into account the multilevel principle of skills formation proposed by N. Bernstein. Training "Logo-trampoline" is aimed at enhancing the B level according to N. Bernstein. The lessons can be recommended to children with dyslexia and difficulties in reading skills. The pilot experiment had very encouraging results.

Ключевые слова: дислексия, трудности в обучении, учебные затруднения, сенсорная интеграция, межсенсорное взаимодействие.

Key words: dyslexia, learning difficulties, learning disorder, sensory integration, sensory interaction disorder.

По разным данным от 20 до 60% детей младшего школьного возраста в России и за рубежом испытывают учебные затруднения. Несмотря на то, что изучением данного феномена занимаются представители различных научных дисциплин, количество таких детей в школах, к сожалению, не уменьшается.

В настоящее время стал очевиден тот факт, что дети с нормальным уровнем интеллекта, которые испытывают трудности при освоении чтения, письма и математики, как правило, имеют ряд нейрофункциональных дисфункций. Хотя в отечественной науке распространена точка зрения, что в данном случае несовершенными оказываются высшие психические функции, в последние годы в научной литературе опубликовано множество доказательств тому факту, что причину учебных затруднений необходимо искать на «нижних этажах» головного мозга, а именно в функционировании следующих подкорковых структур: ствола головного мозга и мозжечка. Среди дисфункций, которые могут стать причиной возникновения учебных затруднений, описанных в научной литературе, чаще всего фигурируют следующие: нарушения центральной переработки слуховой информации [6]; нарушения центральной переработки зрительной информации [7]; нарушения центральной переработки вестибулярной и проприоцептивной информации [5]. Представляется важным сделать акцент на том, что речь идет именно о дисфункциях в работе головного мозга, а не периферических органов зрения или слуха.

В настоящей статье будет представлено обоснование методики «Лого-батут» и проанализирован опыт применения данной методики в работе с младшими школьниками, имеющими учебные затруднения, в условиях центра дополнительного образования «Логопрогноз».

Известно, что дети с учебными затруднениями часто испытывают трудности в процессе автоматизации навыка чтения. Данные трудности могут иметь различный характер. Например, младшие школьники, описывая свои ощущения во время чтения, сообщают, что иногда слова

«прыгают у них перед глазами», «крутятся», «строка убегает или теряется», такие дети часто пытаются читать справа-налево, особенно короткие слова. Школьникам, имеющим подобные трудности, приходится прилагать дополнительные усилия для того, чтобы удерживать свое внимание на читаемом тексте. Несмотря на это им не удается научиться читать настолько быстро, насколько это требуется в соответствии с нормативными показателями, приведенными в методической литературе. При этом «техническая» часть чтения вызывает у части детей настолько выраженные трудности, что это мешает пониманию содержания текста.

С помощью исследования, предполагавшего использование специальной аппаратуры, нам удалось выяснить, что достаточно часто данные трудности связаны с дисфункциями мозговых механизмов, управляющих движениями глаз. В ходе проведенного нами исследования проводилось изучение особенностей движений глаз испытуемых во время чтения и рассматривания изображений посредством метода видеорегистрации. Траектория движения взгляда регистрировалась на установке «Eyegaze Analysis System» (Система анализа движений глаз), разработанной «LC Technologies, Inc.» (США) и снабженной программным обеспечением «NYAN 2.0»^{ХТ} компании «Interactive Minds» (Германия). Запись осуществлялась в монокулярном режиме с частотой дискретизации $F_d = 60$ Гц. Перед началом исследования производилась калибровка видеорегирующей аппаратуры, позволяющая прибору учитывать анатомические особенности глаза испытуемого. Затем предъявлялся стимульный материал. Испытуемому предлагалось сосчитать звездочки, которые встречались среди различных значков, расположенных на экране в виде четырех строк; «пройти» взглядом по лабиринту; прочитать два коротких текста (один из них вслух, другой про себя). Полученные данные обрабатывались и анализировались программой «NYAN». Анализ результатов продемонстрировал, что у детей с учебными затруднениями имеются выраженные особенности организации контроля движений глаз, которые выражаются в наличии так называемого «шума фиксации» – лишних, нецелесообразных неосознаваемых движений в процессе выполнения заданий [2]. Причем эти особенности были выявлены не только при чтении, но и при выполнении невербальных заданий, например при подсчете звездочек или при «прохождении» взглядом лабиринта. Полученные нами данные согласуются с достаточно популярной в настоящее время научной теорией, объясняющей возникновение некоторых типов дислексии (стойких нарушений чтения) дефицитом функционирования магно-целлюлярной системы головного мозга [7].

Однако следует учитывать, что центральные процессы переработки зрительной информации не происходят изолированно, они тесно связаны с работой вестибулярной системы. Информация, поступающая в мозг только с помощью зрения неполна, поэтому, например, стоя неподвижно на железнодорожной платформе, мы можем испытывать ощущение, что движется платформа, а не отъезжающий поезд. Вестибулярная система – это первый пункт, куда поступает информация о том, что происходит с телом и что происходит вокруг. Если системы головного мозга, обрабатывающие вестибулярную информацию, работают некорректно, может нарушаться и дальнейшая обработка информации, поступающей от всех органов чувств. Так, во время чтения вестибулярная система работает наподобие «подставки», обеспечивающей контроль движений глаз, необходимый для совершения глазами сканирующих движений (саккад) и фиксаций на значимых для понимания смысла прочитанного элементах. Состояние зрительной системы, в свою очередь, может влиять на наши представления о положении тела в поле гравитации Земли. Это возможно ощутить, например, надев очки с неподходящими линзами. Таким образом зрительная система, которая направлена вовне, и «внутренние» сенсорные системы (вестибулярная и проприоцептивная) в норме работают в условиях тесного взаимодействия, так как мозг для получения точной информации о событии должен интегрировать различные виды информации, поступающие от разных сенсорных систем.

Нам удалось получить весьма интересные данные о том, каким образом взаимодействуют зрительная, вестибулярная и проприоцептивная система у детей, имеющих учебные затруднения. Данное исследование проводилось с помощью системы цифровой постурографии «Balance Master®» «NeuroCom International, Inc» (США), которая предназначена для выполнения объективной количественной оценки нарушений баланса и постуральной функции, а также для тренировки этих функций с помощью стабилметрической биологической обратной связи. Для проведения исследования был использован «Modified Clinical Test Sensory Integration for Balance» – «mCTSIB» (Модифицированный Клинический Тест Сенсорной Интеграции для Баланса). Данный тест валиден для детей, начиная с возраста 5,5 лет [5]. В нашем исследовании большинство испытуемых из экспериментальной группы продемонстрировали затруднения в использовании зрительной информации для сохранения баланса в положении стоя. Возможно, у значительного количества детей с учебными затруднениями имеется визуально-проприоцептивный конфликт, но это предположение требует дальнейшего изучения [3].

В результате проведения описанных выше исследований нами была создана методика «Лого-батут», которую мы используем для обучения чтению детей, имеющих учебные затруднения. В процессе тренировок с помощью данной методики решается следующая задача: совершенствование навыков чтения на фоне интенсивной вестибулярной и проприоцептивной стимуляции.

Тренировки проходят следующим образом. Ребенку предлагается прыгать на небольшом батуте и одновременно читать вслух буквы, слоги или слова, которые ритмично проецируются на экране. Перед началом тренировок определяются оперативные единицы чтения обучающегося (А.Н. Корнев, 1995) [4], то есть тот уровень сложности стимульного материала, который доступен ребенку на данный момент. Существенным элементом тренинга является то, что ребенок должен начинать с тех единиц чтения, которые не вызывают у него затруднения, так как тренировать и автоматизировать действия, являющиеся для мозга новыми, нецелесообразно. Таким образом, в тренинге учитывается уровневый принцип формирования навыка, предложенный Н.А. Бернштейном. Тренинг предполагает работу с подкорковыми структурами головного мозга, являющимися анатомическими субстратами уровня В [1]. Уровень сложности предлагаемого стимульного материала возрастает по мере совершенствования навыка чтения следующим образом: буквы; обратные слоги, например «АМ»; прямые слоги, например «МА»; закрытые слоги или односложные слова, например «МАК»; слоги или односложные слова со стечением согласных, например «СТОЛ»; двусложные слова и т.д.

Объединение прыжков на батуте с процессом чтения достаточно быстро продемонстрировало свою эффективность. Во-первых, известно, что наличие вестибулярной стимуляции автоматически приводит к тому, что человеку легче сфокусировать свое внимание на учебной задаче. Это наблюдение уже давно учитывается в работе с детьми, имеющими учебные затруднения. В связи с чем детям, имеющим проблемы с произвольным вниманием, рекомендуют читать или писать, сидя на неустойчивой поверхности. Это может быть стул с сиденьем в виде упругого мяча или так называемый Т-стул, имеющий только одну ножку. Таким образом, как это ни парадоксально звучит, мозг ребенка, который прыгает на батуте, в большей степени настроен на освоение нового, чем мозг ребенка, сидящего неподвижно за партой. Во-вторых, имел место положительный эмоциональный эффект. Дети, имеющие проблемы с чтением, как правило, отказываются читать или делают это весьма неохотно, чего не наблюдалось во время предлагаемых нами тренировок. Мотивация к процессу тренировки навыков чтения резко возросла. В-третьих, происходила интенсивная тренировка мышц глаз, а соответственно и мозговых механизмов, которые ими управляют. Известно, что «заставляя работать» те части мозга, которые остаются функционально незрелыми, мы можем способствовать их функциональному «доразвитию». Стимульный материал был расположен в виде строк, поэтому ребенку приходилось дополнительно контролировать движения своих глаз, подавляя движения глазных яблок в вертикальной плоскости и заставляя глаза двигаться слева-направо. В-четвертых, во время таких занятий происходил интенсивный дыхательный тренинг, так как дети предпочитали выкрикивать слова, которые прочитывали.

Данный тренинг был включен в интенсивный курс занятий с детьми. В апробации данной методики приняли участие 32 ребенка в возрасте от 7 до 10 лет. Занятия проходили ежедневно в течение 14 дней, тренировки «Лого-батут» проводились ежедневно по 15 минут. Результаты оценивались после анализа анкетирования родителей. Использование методики «Лого-батут» в работе с детьми, имеющими учебные затруднения, помогло добиться следующих результатов: у 86% учащихся исчез негативизм по отношению к процессу чтения; навыки чтения улучшились у 95% детей; у 35% детей родители отметили также заметное улучшение почерка.

Проведенный пилотный эксперимент продемонстрировал весьма обнадеживающие результаты. В настоящее время проводится исследования эффективности применения данной методики с использованием программно-аппаратных методов диагностики «Eyegaze Analysis System» и «Balance Master®». По нашему мнению, данное направление организации педагогического сопровождения младших школьников, имеющих учебные затруднения, является весьма перспективным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений. Избранные психологические труды. –М.; Воронеж, 2008. – 687 с
2. Ефимов О.И., Ефимова В.Л., Рожков В.П., Трифонов М.И. Оценка возможности использования функций плотности распределения амплитуд саккад и «шума фиксации» для диагностики неврологических расстройств у детей. «Нейронаука для медицины и психологии»: 11-й Международный Междисциплинарный Конгресс (Судак, Крым,

Россия, 2-12 июня 2015 г.). Труды Конгресса. Под ред. Лосевой Е.В., Крючковой А.В., Логиновой Н.А. – М., 2015. – С. 394

3. *Ефимова В.Л., Николаев И.В., Зартор А.С.* Использование постурографической оценки в процессе организации педагогической помощи детям с трудностями в обучении // Сенсорные системы: научный журнал ВАК. – М., 2014, том 28. – № 3. – С. 45-51.
4. *Корнеев А.Н.* Дислексия и дисграфия у детей. – СПб.: Гиппократ, 1995. – 224 с.
5. *Horak F., Shumway-Cook A., Crowe T., et al.* Vestibular function and motor proficiency of children with impaired hearing or with learning disability and motor impairments // *Dev Med Child Neurol.* – 1988. – № 30. – P. 64-79.
6. *An Introduction to Auditory Processing Disorders in Children.* Edited by T.K. Parthasarathy. Lawrence Erlbaum Associates. – NY, London, 2006. – P. 292.
7. *Zeki Z.A.* Vision of the brain. 1993. Blackwell Scientific Publications. – Oxford, London. – 366 p.

REFERENCES

1. *Bernstein N.A.* Biomechanics and physiology of movement [Biomehanika i fiziologija dvizhenij]. Selected psychological works. Moscow, Voronezh, 2008. 687 p. (in Russ.)
2. *Efimov O.I., Efimova, V.L., Rozhkov V.P., Trifonov, M.I.* Evaluation of the possible use of the density distribution functions of the amplitudes of saccades and "noise fixations" for the diagnosis of neurological disorders in children [Ocenka vozmozhnosti ispol'zovaniya funktsij plotnosti raspredeleniya amplitud sakkad i «shuma fiksacij» dlja diagnostiki nevrologicheskikh rasstrojstv u detej]. "Neuroscience for medicine and psychology": the 11-th international Interdisciplinary Congress (Sudak, Crimea, Russia, 2-12 June 2015). Proceedings of the Congress. Edited by Loseva E.V., Kryuchkova, A.V., Loginova N.I. Moscow. 2015. P. 394(in Russ.)
3. *Efimov, V.L., Nikolaev I.V., Sartor A.C.* Use polarographically evaluation in the process of organizing pedagogical assistance to children with learning difficulties [Ispol'zovanie posturograficheskoy ocenki v processe organizacii pedagogicheskoy pomoshhi detjam s trudnostjami v obuchenii]. Sensory systems: the scientific journal the WAC. Moscow, 2014, volume 28, No. 3, pp. 45-51. (in Russ.)
4. *Kornev A.N.* Dyslexia and dysgraphia in children [Disleksija i disgrafija u detej]. St. Petersburg: Hippocrates, 1995. 224 p. (in Russ.)
5. *Horak F., Shumway-Cook A., Crowe T., et al.* Vestibular function and motor proficiency of children with impaired hearing or with learning disability and motor impairments. *Dev Med Child Neurol.* 1988. No. 30. P. 64-79.
6. *An Introduction to Auditory Processing Disorders in Children.* Edited by T. K. Parthasarathy. Lawrence Erlbaum Associates. NY, London, 2006, p. 292
7. *Zeki Z.A.* Vision of the brain. 1993. Blackwell Scientific Publications, Oxford, London, 366 p.

Информация об авторе

Ефимова Виктория Леонидовна, кандидат педагогических наук, научно-методический центр «Логопрогноз», руководитель, Санкт-Петербург, Россия
prefish@ya.ru

Получена: 31.08.2015

Information about the author

Efimova Victoria Leonidovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Scientific-Methodical Center "Logoprognosis", Saint-Petersburg, Russia
prefish@ya.ru

Received: 31.08.2015

УДК 37.011.33

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-292-295

ЗОЛОТУХИН Сергей Александрович,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры непрерывного педагогического образования

ZOLOTUKHIN Sergey Alexandrovich,
Candidate of Pedagogical Science, Associate Professor,
Chair of Lifelong Professionals Education

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПИСАНИЮ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

THEORETICAL APPROACHES TO THE DESCRIPTION OF PERSONAL LEARNING ENVIRONMENT

Персональная образовательная среда – сравнительно новая концепция, которая появилась под влиянием все нарастающей популярности приложений Веб 2.0 и критического осмысления иерархических систем дистанционного обучения. В центре данной концепции – эффект персонализации, согласно которой деятельность актора является важным фактором развития личности, усиления субъектности обучения, развития обучения посредством социального и иных видов взаимодействия. В статье рассматриваются общие теоретические основы построения персональной образовательной среды как одного из направлений построения современных моделей обучения, ее основные характеристики. Большое внимание уделяется рассмотрению одного из вариантов построения персональной образовательной среды – институциональной персональной образовательной среды, которая сочетает в себе как преимущества систем дистанционного обучения, так и преимущества гибких, адаптивных, открытых образовательных сред. В более широком смысле институциональная персональная образовательная среда является механизмом интеграции формальной и неформальной образовательных сред.

Personal learning environment is a relatively new concept that emerged under the influence of the increasing popularity of Web 2.0 applications and critical understanding of hierarchical systems of distant learning. In the center of this concept is the effect of personalization, according to which the activity of the actor is an important factor of personal development, strengthening of subjectivity of learning, development of learning through social and other types of interaction. The article highlights general theoretical basics of building a personal learning environment as one of the directions of development of modern models of learning, its basic characteristics. Special attention is paid to consideration of one of the variants of constructing personal learning environment – institutional personal learning environment, which combines the benefits of distance learning and the advantages of flexible, adaptive, open educational environments. In a broader sense, an institutional personal learning environment is a mechanism for the integration of formal and informal educational environments.

Ключевые слова: персональная образовательная среда, информационно-коммуникационная образовательная среда, индивидуализация процесса обучения, формальное обучение, неформальное обучение.

Key words: personal learning environment, information and communication educational environment, individualization of learning, formal learning, informal learning.

Персональная образовательная среда (персональная учебная среда, персонализированная образовательная среда) – достаточно молодая концепция, которая возникла вследствие критических осмыслений информатизации образования, основные направления которых можно обозначить следующим образом:

1. Жесткая модель систем дистанционного обучения (СДО). Модели СДО основаны главным образом на передаче готового знания, а не на совместном обучении.

2. Отношение между формальными, неформальными и информальными образовательными контекстами. В дискуссиях соотношение между данными стратегиями обучения варьируется от полного отрицания информального обучения до признания его наиболее важным видом обучения. Однако в последнее время появилось новое толкование термина «смешанное обучение» как интеграция указанных видов образовательной практики [5, 9]. В этом отношении персональная образовательная среда выступает единым пространственным конструктом интеграции формального и информального обучения.

3. Увеличение значимости совместной работы посредством социальных сетей как инструмента, в котором объединяются акторы, технологии и контент.

4. Потребность в развитии новых моделей, формах и средствах обучения, основанных на учете индивидуальных характеристик обучающихся и увеличивающих долю автономного обучения. Подобные новые модели обучения стоят на основе интеграции систем дистанционного обучения, социальных сетей и иных гибких, временных образовательных сред; связующим элементом в данной интеграции выступает персональная образовательная среда.

Персональная образовательная среда может пониматься как некий конструкт, лежащий на пересечении формальной и неформальной составляющих обучения. Другой особенностью ПОС является предоставление возможности учащимся взять под контроль свой процесс обучения и адаптировать его к своим потребностям и ритмам. Учащиеся могут планировать собственный путь к достижению результатов обучения. Поэтому и ответственность за достижение своих целей обучения также принимают сами обучающиеся. При этом управление подобными

системами происходит посредством гибкой системы поддержки, основными компонентами которой являются:

- конструирование собственных учебных целей;
- управление своим собственным обучением: его содержанием, процессом и другими аспектами;
- коммуникация с другими участниками образовательного процесса, в том числе и средствами ИКТ;
- управление другими аспектами процесса обучения, например мотивацией.

Несмотря на то, что понятие персональной образовательной среды является относительно новым, сама педагогическая идея ПОС не является новаторской. Она связана с личностно ориентированным обучением, с идеей построения для каждого индивида построения особой индивидуальной среды, которая будет функционировать на протяжении всей жизни и сопровождать повсеместное обучение.

На сегодняшний день можно выделить два аспекта, с позиций которых дается определение ПОС. С точки зрения технологического направления ПОС представляет собой виртуальную образовательную среду, где каждый обучающийся имеет свою коллекцию программных и иных средств для обучения [5, 8, 15].

С педагогической точки зрения ПОС включает в себя ресурсы (в том числе и человеческие ресурсы), инструменты и материалы, с помощью которых обучающийся обогащает свое знание [7].

Оба подхода могут быть объединены, так как ПОС можно рассматривать как подход с характерными педагогическими чертами (автономия процесса обучения, его самоконтроль обучающимся, саморегулирование), подкрепленный определенной технологической базой [6]. Поэтому ряд авторов [4, 5] рассматривают ПОС как социо-технологическую систему, которая использует некоторые преимущества, предоставляемые технологическими средствами в целях построения новых сценариев педагогического взаимодействия.

В общем, ПОС является конструктом, призванный помочь организовать индивидуальную траекторию обучения и опосредованно управлять им. В результате ПОС служит инструментом приобретения новых знаний посредством индивидуального набора услуг, инструментов и приложений, персональной сети знаний, обменом между узлами явного и неявного знаний [7].

Как мы указывали выше, ПОС включает в себя технические средства, которые можно условно разделить на три группы: инструменты для доступа к информации, инструменты для создания и редактирования информации и инструменты для осуществления социальных интеракций [14]. ПОС тесно связана с понятием Веб 2.0, в том смысле, что акторы более не являются пассивными потребителями информации. Способность создавать и воссоздавать информацию, распространять ее влечет за собой усиление субъектности личности в процессе обучения, индивидуализации и персонификации. В этом отношении широкое внедрение и развитие веб-инструментов повлияли на возникновение и развитие концепции ПСО, позволяющей расширить круг источников образовательного опыта, в том числе и в неформальном контексте [13].

Еще одно направление в определении персональной образовательной среды появилось сравнительно недавно в ряде отечественных исследованиях [1, 2, 4]. Данное направление связано с рассмотрением ПОС как совокупности объектов образовательного процесса (содержание, формы, методы, средства обучения и учебных коммуникаций), полученная из информационно-коммуникационной образовательной среды (ИКОС) путем адаптации в соответствии с целями, содержанием и планируемыми результатами обучения, потребностями и способностями обучаемого и выступающая средством персонализации его личности [1]. В ПОС обучающийся может управлять собственной познавательной деятельностью и управлять самой средой, что сводится к тому, что он сам выбирает структуру и характеристики ИКОС. При этом содержательные компоненты ИКОС не теряются, а переходят в ПОС со всеми своими свойствами, целевым назначением и возможностями применения. ПОС, по мнению ряда авторов [1], становится частным случаем ИКОС, и имеет дидактические возможности и функциональные свойства, ориентированные на особенности конкретного обучаемого.

Хотя такой взгляд несколько противоречит первоначальным идеям ПОС (как некоего противовеса жестко иерархизированной СДО), такой подход более удобен для теоретического осмысления концепции персональной образовательной среды. При этом выявленные закономерности развития ПОС в ИКОС могут быть экстраполированы на закономерности развития ПОС в широком смысле.

Подобное направление в зарубежной литературе рассматривается как вариант развития ПОС, которое получило название институциональной ПОС или иПОС. Данная конструкция представлена с одной стороны СДО, с другой – различными приложениями Веб 2.0. Первые

представляют собой структурированные иерархические системы, вторые – гибкие инструменты развития персональной образовательной среды. С точки зрения авторов, подобная конструкция может рассматриваться как адаптивная, динамическая, самоорганизующаяся среда, поддерживающая и благоприятствующая обучению. Подобное направление совпадает с концепцией гибридной ПОС [11] и моделью открытой сети обучения [10], в которой также подчеркивается важность связи между личными элементами и институциональной средой.

иПОС объединяет ряд технологических платформ:

1. Система дистанционного обучения. Даже если применение СДО в определенной степени противоречит философии ПОС, она предоставляет удобную модель представления контента, управления задачами и проектами, а также управления профилями обучающихся. Помимо СДО, сюда можно отнести и другие компоненты информационно-образовательной среды вуза: электронную библиотеку, репозиторий, личные кабинеты и т.д.

2. Массовые открытые онлайн курсы (МООС). МООС могут служить как источником содержания обучения, например xMOOC предоставляют контент ведущих университетов мира, так и определенной образовательной технологией, например в модели cMOOC [3]. В целом МООС предоставляет как ресурсы (в том числе и человеческие), так инструменты и технологии для создания ПОС.

3. Инструменты Веб 2.0, которые предоставляют дополнительные инструменты для достижения целей обучения, в том числе и за счет включения неформального и информального обучения посредством социальных сетей и других интерактивных инструментов.

4. Электронное портфолио (е-портфолио) или цифровое портфолио. Е-портфолио может быть важным элементом в развитии иПОС, так как оно представляет собой электронный набор результатов обучения и демонстрации процесса обучения актора. Фактически на основании е-портфолио можно судить о качестве развития ПОС и ее содержательной основе. Ряд авторов выделяют следующие основные характеристики е-портфолио, которые используются в ПОС [12]:

- защита как демонстрация контроля студента над своей публикацией;
- представление контента как демонстрация управления нематериальными элементами, такие как цели обучения, содержание обучения, технологии обучения и т.д.;
- пространственная характеристика, которая демонстрирует присутствие персональной образовательной среды в течение некоторого времени.

Таким образом, концепция персональной образовательной среды представляется перспективным направлением рассмотрения неформальных образовательных сред, становления теоретических основ интеграции формального и неформального обучения, а теоретическое и практическое изучение институциональной персональной образовательной среды является важным направлением подобных исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Васильченко С.Х. Формирование персональной образовательной среды на основе информационных технологий для реализации индивидуальных траекторий обучения (на примере корпоративного обучения): автореф. дис...канд. пед. наук. М., 2012.
2. Золотухин С.А. Преимущества и недостатки массовых открытых онлайн-курсов //Дискуссия. Екатеринбург: Изд. дом «Ажур», 2015. №4 (56). С. 97-103.
3. Слепухин А.В. Использование персональной образовательной среды в процессе индивидуализации смешанного обучения студентов // Педагогическое образование в России. 2014. №11. С.195-205.
4. Стародубцев В.А. Создание персональной образовательной среды преподавателя вуза: учебное пособие. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2012.
5. Attwell G. (2007). Personal learning environments – the future of eLearning? *eLearning Papers*, vol. 2 no. 1. Retrieved Jan 15, 2008, from <http://www.elearningpapers.eu/en/article/Personal-Learning-Environments---the-future-of-eLearning%3F>
6. Attwell G., Castañeda L. & Buchem I. (2013). Guest Editorial Preface: Special Issue from the Personal Learning Environments 2011 Conference. *International Journal of Virtual and Personal Learning Environments*, 4(4), iv–vii.
7. Chatti M.A. (2009). *PLE - PKN*. Mohamed Amine Chatti's ongoing research on Knowledge and Learning. Retrieved April 5, 2010, from <http://mohamedaminechatti.blogspot.com/2009/04/ple-pkn.html>
8. Chatti M.A., Agustawan M.R., Jarke M. & Specht M. (2010). Toward a Personal Learning Environment Framework. *International Journal of Virtual and Personal Learning Environments*, 1(4), 66–85. doi:10.4018/jvple.2010100105
9. Liber O. (2005). Cybernetics, eLearning and the education system. *Educational Cybernetics: Journal Articles*. Retrieved April 8, 2008, from http://digitalcommons.bolton.ac.uk/iec_journalspr/2/
10. Mott J. & Wiley D. (2009): Open for Learning: The CMS and the Open Learning Network. *Technology & Social Media Education* 15(2). Retrieved from <http://ineducation.ca/article/open-learning-cms-and-open-learning-network>

11. Peña-López I. (2010). Personal Learning Environments: blurring the edges of formal and informal learning. An experiment with Anthologize. *ICTlogy*, #86. Barcelona: ICTlogy. Retrieved July 01, 2014, from <http://ictlogy.net/review/?p=3602>
12. Rodríguez Ilera J.L., Rubio M.J., Galván C. & Barberà E. (2014). Diseño de un entorno mixto e-portfolio/ple centrado en el desarrollo de competencias transversales. *EDUTEC, Revista Electrónica de Tecnología Educativa*, (47). Retrieved from http://edutec.rediris.es/Revelec2/Revelec47/n47_Rodriguez-Rubio-Galvan-Barbera.html
13. Salinas J., Marín V.I. & Escandell C. (2013). Exploring the possibilities of an Institutional PLE in higher education: Integration of a VLE and an E-Portfolios System. *International Journal of Virtual and Personal Learning Environments*, 4(4), 1–15. doi:10.4018/ijvple.2013100101
14. Wheeler S. (2009). *It's Personal: Learning Spaces, Learning Webs*. Retrieved Jan 5, 2010, from <http://steve-wheeler.blogspot.com/2009/10/its-personal-learning-spaces-learning.html>
15. Wild F., Modritscher F. & Sigurdarson S. (2008). Designing for change: Mash-up Personal Learning Environments. *eLearning Papers*, 9, 1–15. Retrieved from www.elearningeuropa.info/files/media/media15972.pdf

REFERENCES

1. Vasil'chenko S.H. Formirovanie personal'noy obrazovatel'noy sredy na osnove informatsionnykh tekhnologiy dlya realizatsii individual'nykh traektoriy obucheniya (na primere korporativnogo obucheniya): avtoref. dis...kand. ped. nauk. M., 2012.
2. Zolotukhin S.A. Preimushchestva i nedostatki massovykh otkrytykh onlayn-kursov //Diskussiya. Ekaterenburg: Izd. dom «Azhar», 2015. №4 (56). S. 97-103.
3. Slepukhin A.V. Ispol'zovanie personal'noy obrazovatel'noy sredy v protsesse individualizatsii smeshannogo obucheniya studentov // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2014. №11. S.195-205.
4. Starodubtsev V.A. Sozdanie personal'noy obrazovatel'noy sredy prepodavatelya vuza: uchebnoe posobie. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 2012.
5. Attwell G. (2007). Personal learning environments – the future of eLearning? *eLearning Papers*, vol. 2 no. 1. Retrieved Jan 15, 2008, from <http://www.elearningpapers.eu/en/article/Personal-Learning-Environments---the-future-of-eLearning%3F>
6. Attwell G., Castañeda L. & Buchem I. (2013). Guest Editorial Preface: Special Issue from the Personal Learning Environments 2011 Conference. *International Journal of Virtual and Personal Learning Environments*, 4(4), iv–vii.
7. Chatti M.A. (2009). PLE - PKN. Mohamed Amine Chatti's ongoing research on Knowledge and Learning. Retrieved April 5, 2010, from <http://mohamedaminechatti.blogspot.com/2009/04/ple-pkn.html>
8. Chatti M.A., Agustian M.R., Jarke M. & Specht M. (2010). Toward a Personal Learning Environment Framework. *International Journal of Virtual and Personal Learning Environments*, 1(4), 66–85. doi:10.4018/ijvple.2010100105
9. Liber O. (2005). Cybernetics, eLearning and the education system. *Educational Cybernetics: Journal Articles*. Retrieved April 8, 2008, from http://digitalcommons.bolton.ac.uk/iec_journalspr/2/
10. Mott J. & Wiley D. (2009): Open for Learning: The CMS and the Open Learning Network. *Technology & Social Media Education* 15(2). Retrieved from <http://ineducation.ca/article/open-learning-cms-and-open-learning-network>
11. Peña-López I. (2010). Personal Learning Environments: blurring the edges of formal and informal learning. An experiment with Anthologize. *ICTlogy*, #86. Barcelona: ICTlogy. Retrieved July 01, 2014, from <http://ictlogy.net/review/?p=3602>
12. Rodríguez Ilera J.L., Rubio M.J., Galván C. & Barberà E. (2014). Diseño de un entorno mixto e-portfolio/ple centrado en el desarrollo de competencias transversales. *EDUTEC, Revista Electrónica de Tecnología Educativa*, (47). Retrieved from http://edutec.rediris.es/Revelec2/Revelec47/n47_Rodriguez-Rubio-Galvan-Barbera.html
13. Salinas J., Marín V.I. & Escandell C. (2013). Exploring the possibilities of an Institutional PLE in higher education: Integration of a VLE and an E-Portfolios System. *International Journal of Virtual and Personal Learning Environments*, 4(4), 1–15. doi:10.4018/ijvple.2013100101
14. Wheeler S. (2009). *It's Personal: Learning Spaces, Learning Webs*. Retrieved Jan 5, 2010, from <http://steve-wheeler.blogspot.com/2009/10/its-personal-learning-spaces-learning.html>
15. Wild F., Modritscher F. & Sigurdarson S. (2008). Designing for change: Mash-up Personal Learning Environments. *eLearning Papers*, 9, 1–15. Retrieved from www.elearningeuropa.info/files/media/media15972.pdf

Информация об авторе

Золотухин Сергей Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра непрерывного педагогического образования Федерального бюджетного государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Курской государственной университет», Курск, Россия
moodlefree@yandex.ru

Получена: 09.04.2015

Information about the author

Zolotukhin Sergey Alexandrovich, Candidate of Pedagogical Science, Associate Professor, Chair of Lifelong Professionals Education, Federal Budget State Educational Institution of Higher Professional Education "Kursk State University".
Kursk city, Russia
moodlefree@yandex.ru

Received: 09.04.2015

УДК 801.73+372.882

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-296-299

ЗОТОВ Сергей Николаевич,
доктор филологических наук, профессор кафедры
литературы

ZOTOV Sergey Nikolaevich,
Doctor in Philology, Professor, Chair for Literature,

**ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ (К ЭПИСТЕМОЛОГИИ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК)**

**THE PROBLEM OF STUDYING BELLETRISTIC
LITERATURE (HUMANITIES EPISTEMOLOGY)**

В статье анализируется главный недостаток современного образования в изучении литературы, связанный с пониманием подражательности словесности. Традиция обучения гуманитарным дисциплинам складывается на основе представлений античности о мимесисе, утрачиваемом в последующие эпохи аристотелевскую креативность. Гуманитарные дисциплины осознаются преимущественно в качестве инструмента познания или как отражение проблем действительности. При этом забывается, что слово не столько отражает мир, сколько обнаруживает человеческое существование. В статье рассматриваются некоторые аспекты возникающей новой научной дисциплины, гуманитарной эпистемологии, дающей возможность осмыслить гуманитарное знание и, в частности, – знание о художественной литературе, диалогически, в соответствии с некоторыми положениями теории М.М. Бахтина. В результате изучение художественной литературы должно стать действенной формой постижения исторической жизни.

The article analyzes the main flaw of modern education in the study of belletristic literature associated with the understanding of imitative nature of literature. The tradition of teaching the humanities is based on the ancient view on the concept of mimesis, which in the sequel lost its Aristotelian creativity. Humanities are apprehended mainly as an instrument of cognition or reflection of the problems of the reality. At the same time, it is forgotten that the word not only reflects the world, but discovers the specificity of human existence. The article discusses some aspects of the newly emerging scientific discipline, called humanitarian epistemology, which allows comprehending the humanitarian knowledge, in particular knowledge of literature, dialogically, according to certain provisions of Bakhtin's theory. As a result, the study of literature should be an effective form of comprehension of historical life.

Ключевые слова: изучение литературы, эпистемология, диалогизм, экзистенциальный смысл, жизнетворчество, самоопределение личности.

Key words: study of literature, epistemology, dialogism, an existential meaning, life-creation, self-identification of personality.

Европейская традиция непосредственно указывает на первостепенность занятий языком и литературой, начиная со школьного образования в античности. Эллинистическая античная грамматика, переходившая в старших классах в занятия риторикой, включала в себя уроки литературы, предполагавшие изучение крупнейших поэтов (Гомер, Еврипид, Менандр, оратор Демосфен). «В задачу общеобразовательной средней школы не входило научить молодого человека конкретной профессии и дать ему связанные с ней фактические знания. Основное требование сводилось к раскрытию духовных способностей человека, к созданию предпосылки для его высшего образования или для дальнейшего выбора специальности» [8, с. 641].

На античной почве возникает *тривиальность* последующей ситуации европейского образования. «Тривиум (лат. Trivium – трехпутье), с IX в. один из циклов учебных предметов, включающий в себя три науки о слове – грамматику, диалектику и риторику... [8, с. 587]. Тривиум представлял собой низший цикл дисциплин в обучении. Причем в Средние века подчеркивается и упрочивается инструментальность языка–литературы–риторики в качестве определяющего образования свойства, которое культивировали уже античные софисты. Понятие инструментальности языка (в широком смысле) противоположно представлению о языке как об исключительном способе обнаружения бытия и существования, обстоятельств человеческой жизни – в ее предметности и смысловом многообразии. При этом бытийно-познавательный аспект гуманитарного знания постепенно предавался забвению, поглощался общественной практикой, прагматикой «пользователей» языка в противоположность креативному эзотеризму слова и знания, который продумывался и сохранял смысл даже у плодovitых авторов отчуждающих текстов – Платона и Аристотеля. Не напрасно считалось, что знание передается только в эзотерическом взаимодействии познающих, в процессе которого и происходит образование смысла. Известен ответ Аристотеля Александру Македонскому о возможностях книжного учения: «тот, кто не слышал философа, ничего не поймет в его трудах» [9, с. 18]. Аристотель же пытается аналитически уловить и текстуально закрепить диалектику образовательных мотивов, например, учения об артистическом мимесисе (подражании), представляющем собой «форму активности, которая вновь создает изображаемые объекты в новом измерении» [7, с. 166]. Речь идет об особенном подражании – как созидании пространства смысла, о креативности художества, которое дает жизни обнаружить глубинные свои возможности, ибо «задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости... Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории» [1, с. 655]. Однако по-

степенно произойдет абберрация понимания, знаменательная подмена, сводящая смысл мимесиса к так называемому «отражению действительности», которая существует объективно, помимо искусства и служит критерием его достоверности.

Позднейшая традиция господства технологий и простого подражательного понимания языка (в широком смысле – всей гуманитарной проблематики) привели к «забвению забвения» (Хайдеггер) – нивелировке различия познавательного и практического, бытийно-антропологического и социально-прагматического: рациональное и полезное стало сознаться истинным и существенным. Был утрачен своеобразный предмет познающей мысли – открывающее мир слово, забыта исходная антропная инициатива слова. Ницше писал, что филология «стремится исследовать глубочайший инстинкт человека – инстинкт речи» [5, с. 5,6].

Дело не в многоаспектности изучения языка и литературы, а в антропологической укорененности самой проблемы *филологического* в образовании: это не только и не столько конкретное знание о языке и литературе, сколько предпосылка и возможность всякого гуманитарного знания, своеобразный «прообраз» смысла, – возникающий в контакте со словом невербальный источник нравственно-психологического нарастания личностных качеств человека в широкой познавательной перспективе.

Образовательная практика может и должна преодолеть *тривиальное* в изучении художественной литературы, существуют предпосылки придания образованию новой познавательной интенции, которая, как нам кажется, связана с гуманитарной *эпистемологией* [См. об этом, в частности: 3, с. 19-32].

«Гуманитарная эпистемология» – рабочий термин, обозначающий философское осмысление гуманитарного знания в социально-онтологическом измерении его, в единстве так называемой духовной истории (Geistesgeschichte), "большого времени" – единстве реальной преемственности...» [4, с. 7]. В.Л. Махлин имеет в виду особую научную философскую дисциплину, которая бы придала последовательность герменевтическому взгляду на историю в противоположность традиционным научным «методам». Основания для учреждения такой дисциплины философ видит, в частности, в учении М.М. Бахтина. «Герменевтический опыт взаимодействия между "героем" истолкования (с его историческим миром жизни) и "автором" истолкования (исследователем, интерпретатором с его уже другой исторической ситуацией), – этот опыт, собственно, и образует специфический предмет гуманитарной эпистемологии, т.е. философии исторического опыта...» [4, с. 8]. В. Махлин использует здесь понятия и термины М. Бахтина и констатирует необходимость артикуляции диалогического смысла того, что эпистемолог называл «выразительное и говорящее бытие». «Вненаходимость» понимающего (творящей личности исторического «сейчас») по отношению к понимаемому («герой», личность, всякий определенный внутри себя смысл, самоосмысленность эпохи, самосознание человека, коллектива и т.п.) обуславливает необходимость плодотворного диалога, в котором заново рождаются обе его стороны: «я существую для другого и с помощью другого» – вот своеобразная формула взаимодействия на почве общей культурной (литературной) традиции, внутри которой, меняясь в связи с условиями понимания, взаимодействуют культурообразующие смыслы истории. Придавая смысл «другому», «я» не «присваиваю» его с помощью «генерализующего» метода, но продумываю историческую дистанцию, преодолеваю «чуждость чужого без превращения его в чисто свое» [2, с. 203 – 206].

По существу, гуманитарная эпистемология представляет собой исследовательскую практику, преодолевшую ограниченность методологизма на почве диалогических представлений герменевтики М. Бахтина. Не умножая терминологические сложности, постараемся рассмотреть некоторые аспекты взаимодействия жизни – искусства – писателя – читателя в конечной отнесенности к образовательной ситуации, к пониманию филологического образования.

Изучение языка и литературы представляет собой сферу образования человека, – в смысле конституирования личности, «человекообразования», а не государственной аттестации, – место встречи человека с самим собой, пространство нравственно-психологического возрастания человека в создаваемом им одновременно мире-культуре, по мере его освоения и претворения. Во всей «тривиальной» системе образования, как нам кажется, утрачено отчетливое представление о том, что такое литература и чтение.

Со времен уклонившихся к методу последователей перипатетика Аристотеля вопрос «что такое литература» решается в категориях подражательности. Эта теория исходит из основополагающего различия первичной объективной действительности (природно-культурных, экономических, социально-нравственно-психологических обстоятельств определенной эпохи исторической жизни человека) и творческого сознания (субъективно определенного воплощения историко-культурного процесса) как отражения этой действительности. Искусство, по распространенному утверждению, представляет собой «субъективный образ объективного мира». Но творческое сознание также «действительно» и существенно, – по крайней мере, не менее, чем

физическое существование человека и другие явления, принадлежит *этому* миру, в *этом* его состоянии, самосознании и исторической определенности. С этой точки зрения, искусство, литература (творческое сознание) могут быть поняты в качестве формы самовыявления человеческой действительности, ее самовысказывания; можно сказать, что жизнь как бы свидетельствует о себе самой, *говорит художником* о своей характерности, в полной мере присущей как обстоятельствам, так и человеку эпохи. И одновременно литература есть форма самоопределения, самообнаружения, самопознания человека в мире: выявляя живую историческую проблематику, человек-творец обнаруживает себя в качестве понимающего, оценивающего и претворяющего сущее. Таков двуединый смысл литературного творчества.

Социально-исторические характеристики жизни обнаруживаются в литературном произведении интеллектуальным переживанием человека-художника, детерминированного, «образованного» культурным развитием эпохи, возникшего благодаря обстоятельствам, к которым он обращен творчески, познавателью. Претворяя эстетически обстоятельства жизни, он сбывается в качестве человека культуры, литературное творчество имеет экзистенциальный смысл, заново творит мир и самого человека (писателя), являемого этой созидательной деятельностью, уясняющего свои собственные черты благодаря воссозданию конкретной исторической жизни.

Чтение литературного произведения, переживание художественных образов также может быть понято как экзистенциальное событие: волнуемый вымыслом благодаря искусству писателя, чувственно и интеллектуально погруженный в проблематику художника, читатель не перестает оставаться самим собой, конкретно-исторической личностью определенного миропонимания, нравственно-психологических и волевых установок «сейчас» и т.п. Диалогическое отношение читателя к смыслу искусства заключается не столько в сознательном выборе, рациональных оценках и предпочтениях, которые, разумеется, могут иметь место, но скорее в напряженности вовлечения в проблему жизни, которая волнует одновременно художника и читателя и так или иначе обнаруживается в произведении.

По Пастернаку, «Искусство не просто описание жизни, а выражение единственности бытия... Значительный писатель своего времени... – это открытие, изображение неизвестной, неповторимой единственности живой действительности» [6, с. 354]. Мир всегда существует как «этот» мир, данный творческому переживанию художника и узнаваемый диалогическим участием читателя, обретающего благодаря искусству пространство собственного опыта и возникающего в качестве человека данной культурной традиции. Так изучение литературы вновь приобретает житнетворческую инициативу, которую так ценили античные авторы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Аристотель*. Поэтика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. – М., 1984.
2. *Бахтин М.М.* К методологии литературоведения // Контекст-1974: Литературно-теоретические исследования. – М., 1975. – С. 203-206.
3. *Зотов С.Н.* Поэтическая практика русского модернизма (Основы экзистенциальной исследовательской практики). – Таганрог, 2013.
4. *Махлин В.Л.* Второе сознание. Подступы к гуманитарной эпистемологии. – М., 2009.
5. *Ницше Ф.* Философская проза; Стихотворения: Сборник. – Минск, 2000.
6. *Пастернак Б.* Об искусстве. – М., 1990.
7. *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. – СПб., 1994.
8. Словарь античности. – М., 1989.
9. *Шифман И.Ш.* Александр Македонский. – Л., 1988.

REFERENCES

1. *Aristotle*. Poetics [Poetika]. Aristotle. The compositions in four volumes. Vol. 4, Moscow, 1984
2. *Bakhtin M.M.* To the methodology of literary studies [K metodologii literaturovedenija]. *Moskva*, 1975. pp. 203-206.
3. *Zotov S.N.* Poetry of Russian modernism (existential Foundations of research practice) [Poeticheskaja praktika russkogo modernizma (osnovy ekzistencijalnoj issledovatel'skoj praktiki)], *Taganrog*, 2013.
4. *Makhlin V.L.* Second consciousness. The approaches to humanitarian epistemology [Vtoroje soznaniye Podstupy k gumanitarnoj epistemologii], *Moscow*, 2009.
5. *Nietzsche F.* Philosophical prose; Poems: a Collection [Philosophskaja prosa; Stikhotvorjenja: Sbornik], *Minsk*, 2000.
6. *Pasternak B.* About art [Ob iskusstve], *Moscow*, 1990.
7. *Reale G, Antiseri D.* Western philosophy from the beginnings to the present day. I. Antiquity. *Sankt-Peterburg*, 1994.
8. Dictionary of antiquity [Slovar antichnosti], *Moscow*, 1989.
9. *Shifman I.S.* Alexander of Macedon [Alexandr Makedonskij], *Leningrad*, 1988.

Информация об авторе

Зотов Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Таганрог, Россия

Получена: 12.09.201

Information about the author

Zotov Sergey Nikolaevich, Doctor in Philology, Professor, Chair for Literature, Anton Chekhov Taganrog Institute, branch of the Rostov State University of Economics.

Taganrog city, Russian

Received : 12.09.201

УДК 8,81:25

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-300-303

КАНИНА Светлана Юрьевна,
доцент кафедры английского языка

KANINA Svetlana Yurjevna
Associate Professor

ЕРМОЛАЕВА Елена Владимировна,
доцент кафедры английского языка

YERMOLAYEVA Elena Vladimirovna
Associate Professor

**МНОГООБРАЗИЕ СТИЛЕВЫХ
ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В
ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖЕРОМА ДЭВИДА
СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»**

**THE DIVERSITY OF THE ENGLISH
LANGUAGE STYLE IN THE BOOK BY
JEROME DAVID SALINGER "THE CATCHER
IN THE RYE"**

Статья начинается с описания, как зарождался американский английский язык и в силу своего исторического развития отличается своим многообразием. В статье объясняются причины многообразия американского английского языка. Далее говорится о том, что язык делится на формальный и неформальный (разговорный язык), к которому относится сленг. В статье дается определение сленга. Сленг – это один из примеров многообразия английского языка, который часто писатели используют в литературе. Сленг – это отражение современной действительности и пример изменения языка, который особенно распространен в молодежной среде. В частности, книга Джерома Дэвида Сэлинджера «Над пропастью во ржи» является значительным вкладом в литературу, которая характеризуется многообразием американского сленга. Речь главного героя очень разнообразна и дает представление о целом поколении. Главный герой откровенно рассказывает о среде, в которой живет он и его друзья. Сленг подчеркивает особенности той эпохи и раскрывает многообразие языка.

The paper began with a description of the way the American English emerged and differed by its variety owing to a particular course of shaping in history. The survey explained the factors having involved diversity of the American English, and further has shown that the language is divided into formal and informal (colloquial) styles; the slang (the paper provided with the definition of it) to be referred to the latter. Slang being part to the colloquial language presents an example of diversity of (variety in) the English language style, and writers often made use of it in their fiction pieces. Slang is a reflection of actuality being an example of language' alteration. Moreover, slang is particularly popular among young people. The author took as an example the book by Jerome David Salinger "The Catcher in the Rye" being the best contribution to literature for its being filled with the diverse American slang. The discourse by the main character while being diverse provided insight into the whole generation. The main character frankly narrated about the social medium inhabited by him and his friends. Slang underlined the peculiarities of that period of history and discovered the diversity of language.

Ключевые слова: многообразие языка, официальный язык, разговорный язык, американский английский, сленг, молодежный сленг, вульгаризмы, многообразие единиц языка.

Key words: diversity of language, official language, colloquial language, American English, slang, youth slang, vulgarisms, diversity of (variety in) language units.

Жизнь, как быстрая река, которая бежит, меняется и ее не остановить: эпохи сменяют друг друга, меняются люди, их отношение к событиям, происходящим, как в прошлом, так и в настоящем. Язык, как отражение человеческой деятельности, тоже претерпевает изменения. Он изменяется так быстро, что мы, живущие в данном отрезке времени, не успеваем за его изменениями. Жизнь очень многогранна и язык, впитывающий в себя особенности всех граней жизни, тоже очень многообразен.

Много лет назад в мире был всего один вариант английского – тот английский, на котором говорили в Британии. Позднее британцы привезли этот язык в новые земли – колонии или просто оккупированные территории, такие как Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Азия и Африка. И все эти страны и даже континенты заговорили по-английски. На каждом континенте, в каждой отдельной стране английский язык развивался по-своему, при этом обогащаясь языком, на котором говорили в той или иной стране, и, впитывая все, тем самым, эволюционируя, язык изменялся и приобретал новый вид. А затем возвращался, уже «обновленным», обратно на родину – с эмигрантами, товарами, технологиями.

Американский английский многие все еще считают упрощенным вариантом английского языка. В основу американского варианта лег разговорный английский, язык торговцев. Но, как известно, не только британцы и ирландцы осваивали Америку. Туда потянулись народы со всей Европы: французы, испанцы, скандинавы, немцы, славяне, итальянцы. Преобразованный английский язык, который неизбежно впитал в себя элементы других языков, стал языком Америки. Появился так называемый американский английский язык, который отличается своим многообразием.

Не секрет, что язык изменяется не только под воздействием различных культур. Сам язык склонен к преобразованиям в процессе его использования людьми внутри одной страны. Если говорить о языке, то существует две группы, на которые он делится. Прежде всего, это формальный язык (литература, пресса, ораторское выступление, официальный разговор), к

которому относят стиль научной литературы, газетный стиль, публицистический. Здесь используется литературная лексика, к которой относятся: книжные слова, стандартные и нейтральные. Формальный язык более статичен и меньше подвержен влиянию извне. Особенности стилей речи, безусловно, находят свое отражение в текстах. Художественные и нехудожественные тексты, как известно, различаются между собой внутриязыковыми признаками, а именно особенностями отбора и употребления языковых средств. Нехудожественные тексты представляют систему языка ограниченно. В таких текстах преобладает отвлеченная и терминированная лексика, слова, тяготеющие к однозначности. Лексика художественных текстов, в отличие от нехудожественных, тесно соприкасается с общеупотребительным словарем разговорного языка [3].

В жизни мы часто сталкиваемся с неформальным языком, к которому относится разговорный язык и который динамичен настолько, что люди, живущие вместе, и, как кажется, говорящие на «одном» языке, не понимают друг друга. Разговорный язык очень многогранный и разный, изобилует нелитературной лексикой. Но хотелось бы отметить, что между общелитературной разговорной лексикой и некоторыми группами нелитературной лексики нет четких граней. Общелитературная разговорная лексика почти незаметно переходит в разряд слов, которые уже не включаются в нормы литературного употребления. Особенно близко к разряду общеупотребительной литературной разговорной лексики подходят слова так называемого сленга.

Если говорить о сленге, то понятие сленга вызывает множество противоречий среди лингвистов. В англоязычной лингвистике принято использовать термин «сленг» для обозначения некодифицированного языка, то есть территориальных диалектов, просторечий, жаргонов. Современные толковые словари и энциклопедии дают также еще одно значение термина «сленг»: «Совокупность слов и выражений, употребляемых представителями определенных групп, профессий и т.п. и составляющих слой разговорной лексики, не соответствующей нормам литературного языка (обычно применительно к англоязычным странам)» [1]. «Сленг – разновидность языка, прежде всего лексика, модная в отдельных социальных группах, чаще молодежных. Сленг использует ресурсы других языков, так, современный сленг изобилует американизмами» [4].

Исследователь И.В. Пеллих также отмечает, что современные толкования термина «сленг» можно разделить на две подгруппы: особая речь подгрупп или субкультур общества и лексика широкого употребления для неформального общения [5].

Сленг – явление международное. В каждом языке есть своя «сленговая прослойка». Сленг появляется в языке, широко распространяется и бытует некоторое время, а затем исчезает, уступая место новым словам и выражениям, вместе с новой модой и новыми веяниями и реалиями. Но английский сленг своеобразен и неповторим. Он родился и рождается в недрах самого английского языка, в разных социальных сферах и возрастных группах как стремление к краткости, выразительности. Сленг заметно украшает английскую речь своей живостью, гибкостью и неожиданным остроумием. За многие века своего существования сленг стал частью литературного английского языка.

Известно, что особенно распространено появление сленга в молодежных кругах. То, что сегодня называется молодежным сленгом, завтра может попасть в общий словарь. Сленг зависит от реалий сегодняшнего дня. Компьютеры, интернет, новые профессии и все то, что интересует молодежь, становится источником для пополнения сленговых выражений. Неизвестно, что будет модно завтра, но это наверняка будет отражено в словаре молодежи. Особенностью сленга является то, что его используют представители разных профессий, разного социального и образовательного статуса и различного возраста. Только у каждой из категории будет «свой» специфический сленг.

Сленг является одной из интереснейших языковых систем современной лингвистики. К тому же, сленг является ярчайшим примером многообразия любого языка, и в особенности, английского. В частности, в литературе большую роль, например, для описания эпохи и людей играет культура речи и ее стилистика. Именно сленг лучше всего характеризует как стилистику речи, так и людей, и их культуру в целом.

Именно поэтому множество произведений англоязычной литературы характеризуется богатейшим разговорным английским языком. И произведения американских писателей не исключение. Одним из произведений, читая которое знакомишься с разговорным английским языком, является роман Джерома Дэвида Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

Главный герой романа, от лица которого ведется повествование, 16-летний подросток конца 40-х – начала 50-х гг. по имени Холден Колфилд. Он в весьма откровенной форме рассказывает о своем обостренном восприятии американской действительности и неприятии общих канонов и морали современного общества. Автор произведения широко использует

молодежный сленг, что на наш взгляд является вполне обоснованным как временными рамками романа, так и особенностями главного героя, который в данном случае является основным источником неформальной лексики. СтилЮ речи главного героя, Холдена Колфилда, кажущемуся столь индивидуальным и своеобразным, присуща та универсальность, которая дает нам возможность составить представление о речевой характеристике всего поколения. При внимательном рассмотрении произведения видно, что речь Холдена Колфилда характеризуется употреблением просторечных слов, разговорных повторов (таких как *dough*, *buddy*, *to stink*, а также встречаются выражения типа *to give somebody a buzz*, *to shoot the bull*, *to hit the ceiling*). Читая текст, мы замечаем отклонение от грамматических норм языка. Приведем несколько примеров. Во-первых, употребление личной формы глагола после *on account of*, требующего герундия (*on account of I was flunking four subjects and not applying myself and all*; *on account of I wasn't coming back*; *on account of it was Sunday*). Во - вторых, употребление неправильных форм глагола: *I'd woke him up*; *she's been laying here all night* и т.п. В-третьих, неправильное употребление личных местоимений в косвенном падеже. Речь подростка изобилует нарушением синтаксических норм и употреблением сленговых выражений. Он очень эмоционально выражается, используя большое количество восклицаний. Нельзя не заметить, что речь героя очень эмоциональна. Прилагательные, используемые многократно, как бы расширяют семантические рамки слова, и оно приобретает в речи, в зависимости от контекста, целый ряд дополнительных значений. Вульгаризмы, встречающиеся в повести чаще всего, также придают разговорной манере достоверность и делают ее более эмоциональной. «Вульгаризмы – определенная группа слов и фразеологизмов, для которых характерны грубости, граничащие с непристойностью. К вульгаризмам относят слова с уничижающим значением, презрительные национальные и другие клички, например, *spate*, *scits*, *psycho*; бранные слова *bloody*, *damn*, *bitch*. Их назначение – выражение сильных эмоций, главным образом гнева» [2]. Так, например, Холден Колфилд часто употребляет в речи эпитет *goddam* (= *god-damned*), который, наряду с *damn*, выступает в сочетании с существительными любого характера. Это и *subway*, *place*, *map*, *tie*, *prince*, и *head*, *blood*, и *Cadillac*, *Elkton Hills* и многие другие существительные.

Попутно следует отметить, что Холден Колфилд ни разу на протяжении всей книги не говорит языком автора, не сбивается на «взрослый» язык, хотя и употребляет иногда почерпнутые из книг обороты (*I was a little premature in my calculations* или *I am still recuperating*) и хвастает умными словами и даже модными специальными терминами.

Стиль романа Дж. Сэлинджера представляет большой интерес для лингвистических исследований. Многообразие единиц языка и речи, в основном относящихся к неформальному, разговорному стилю, как нельзя точно передают общее состояние и натуру персонажа – подростка середины XX века, показывает речь не только одного, взятого в отдельности человека, а многих молодых людей того времени. Речь главного героя, который в основном использует сленг, помогает нам понять современный мир того времени. Сленг в его многообразии дает богатый материал для исследования эволюции не только разговорного языка, но и целой эпохи.

Роман «Над пропастью во ржи», несмотря на то, что он был предназначен для взрослых читателей, имел огромную популярность среди молодежи и оказал существенное влияние на мировую культуру второй половины XX в. Для нас это еще один показательный пример многообразия языка. Может быть, слова из сленга того времени не стали общеупотребительной литературной лексикой, но сделали речь более эмоциональной и дали толчок для дальнейшего развития английского языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Большой современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Том 3. Р-Я / [под ред. Т.Ф. Ефремовой]. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. – 976 с.
2. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка / И.Р. Гальперин. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1999. – 316 с.
3. Ермолаева Е.В. Роль художественного текста в обучении чтению на иностранном языке / Е.В. Ермолаева, Д.Р. Насырова // Актуальные проблемы образования в России и за рубежом: лингвистический, методический, педагогический аспекты: материалы IV Международной научно-практической заочной конференции: сб. науч. тр. – Ульяновск, 2011. – С. 37–43.
4. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / [под ред. проф. А.П. Горкина]. – М.: Росмэн, 2006. – 1682 с.
5. Пеллих И.В. Молодежный сленг как социальная разновидность речи / И.В. Пеллих // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – Вып. 1 (29). – С. 106–108.

REFERENCES

1. Great dictionary of Russian language. In 3 parts. Part 3 / in edition by T.F. Efremova, Astrel, Harvest, 2006. 976 p.
2. *Galperin I.R.* The stylistic of the English language. – 3-d edition, Moscow, High school, 1999. 316 p.
3. *Ermolaeva E.V.* The role of the text while teaching reading in English// Actual problems of education in Russia and abroad: linguistic, methodological and pedagogical aspects: the materials of the 4th science conference, Ulyanovsk, 2011. p. 37-43.
4. Literature and language. Modern illustrated encyclopedia / in edition by prof. A.P. Gorkin. Moscow, 2006. 1682 p.
5. *Pellih I.V.* Youth slang as social kind of speech// Bulletin of the Adygei State University. № 2. Philology and art criticism. 2008. 1 (29). P. 106-108.

Информация об авторе

Канина Светлана Юрьевна, доцент кафедры английского языка, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова
kmasu@yandex.ru

Ермолаева Елена Владимировна, доцент кафедры английского языка, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова;
e_jermolajeva@mail.ru

Получена: 15.08.2015

Information about the author

Kanina Svetlana Yuryevna, Associate Professor at the Chair of English Language, Ulyanovsk State University of Pedagogics named after Ulyanov I.N., Lenin V.I
kmasu@yandex.ru

Yermolayeva Elena Vladimirovna, Associate Professor, at the Chair of English Language, Ulyanovsk State University of Pedagogics named after Ulyanov I.N.,
e_jermolajeva@mail.ru

Received: 15.08.2015

УДК 159.962

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-304-306

КАРМАНОВА Марина Валерьевна,
магистрант кафедры дефектологии и специальной психологии

KARMANOVA Marina Valerievna,
master of science candidate, department of defectology
and special psychology,

**ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
СУГГЕСТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СКАЗОК
НА СЦЕНАРИЙ ЖИЗНИ РЕБЕНКА**

**THE PSYCHO-LINGUISTIC ASPECT OF FAIRY
TAILS' SUGGESTIVE INFLUENCE ON THE
CHILD'S LIFE SCENARIO**

В данном исследовании рассматриваются: методы и инструментальный суггестивного воздействия на человека, отдельные аспекты формирования сценариев жизни у детей. Автором выдвинута гипотеза о суггестивном механизме как ключевом элементе в решении проблемы эффективной коррекции личности ребенка в условиях формирования у него родителями неблагоприятного сценария жизни. В работе сформулировано определение механизма внушающего воздействия фольклорного произведения на личность ребенка, выявлены и описаны основные суггестивные факторы влияния сюжетов сказки на развитие его жизненного сценария. В исследовании рассмотрены психологический и лингвистический аспекты суггестивного воздействия сказок. Особенности модальности, семантических и коммуникативных признаков текста фольклорного произведения разобраны на примере субсценария – заговора. Сделаны выводы о ведущей роли в суггестивном воздействии на детское восприятие родительской оценки фольклорного произведения. Отмечена приоритетная значимость этого фактора при формировании личности, установок и жизненного сценария ребенка. Автором на основании анализа роли психолого-лингвистических суггестивных средств сказок в процессе развития личности ребенка сделаны выводы о значении развития коррекционной педагогики в дошкольных учреждениях и просвещении родителей детей дошкольного возраста.

The study considers methods and instruments of suggestive influence on a person and some aspects of children's life scenario development. The author puts forward the hypothesis about suggestive mechanism as a key element in addressing the effective correction of the child's personality under the conditions of parental negative life scenario formation. The article formulates the definition of the mechanism of suggestive influence of folklore on the child's personality, describes psychological and linguistic aspects of fairy tails' suggestive effect. In terms of linguistic aspect, modality, semantic and communicative features of the text are described on the example of subscenario – the magic plot. It is concluded that the leading role in suggestive influence on children's perception belongs to the parental assessment of the folklore. This factor is accepted as a key one for the process of child's personality development. Based on the analysis of the role of psycho-linguistic suggestive influence of fairy tales on the development of children, the author emphasizes that the better effect can be achieved if scientific methods of personal development correction are cultivated and expanded in preschool institutions and children's parents are better educated.

Ключевые слова: суггестия, психология, внушение, сценарий, модальность, коммуникативная стратегия, волеизъявление, суггестопедагогика.

Key words: suggestion, psychology, scenario, modalities, communicative strategy, declaration of will, suggestopedagogy.

В современной психотерапии и психологии широко применяются методы суггестивного воздействия. К наиболее распространенным психотерапевтическим суггестивным техникам относятся: гипнотерапия (например, гипнотическая техника М. Эриксона), методы аутогенной тренировки Д. Шульца, метод словесно-образного эмоционально-волевого управления состоянием Г.Н. Сытина и прочие. Существует также множество психологических и парапсихологических (не признаваемых академическим сообществом в силу отсутствия достаточной научно-методологической базы и достоверных экспериментальных подтверждений) направлений, таких как нейролингвистическое программирование, основным принципом которых является внушающее воздействие. Механика такого воздействия на человека является объектом данного исследования и представляет огромный интерес для личностно-коррекционной работы с детьми разного возраста. Гипотеза автора заключается в том, что именно суггестивный механизм является ключевым элементом в решении проблемы эффективной коррекции личности ребенка и изменения вектора его развития как в процессе, так и после завершения этапа формирования неблагоприятного жизненного сценария родителями [3].

Согласно теории сценариев [3], важным источником внушающего воздействия для ребенка являются сюжеты фольклорных произведений, например сказок, предлагаемых ему родителями. Из этих сюжетов в соответствии с родительскими директивами ребенку впоследствии предстоит скомпоновать свой сценарий и неосознанно использовать его на протяжении всей жизни, фактически предопределив личностное развитие, а вместе с ним и свою судьбу [6].

Следует подчеркнуть, что воздействие сюжета конкретной сказки на сценарий ребенка обусловлено одновременным влиянием сразу нескольких суггестивных факторов, к которым следует относить: сценарий сюжета как таковой; родительские интерпретации сюжета (пояснения, выделения, интонации); авторский стиль (расставленные писателем акценты, детали, уточнения); субсценарии.

Таким образом, механизм внушающего воздействия на ребенка обыкновенной сказки, предлагаемой его родителями, представляет собой сумму степеней влияния всех этих факторов (автор предполагает, что в процессе такого комплексного воздействия также имеет место синергетический эффект, но его действие будет рассмотрено в отдельной работе). Дадим описанному явлению определение. Итак, механизм внушающего воздействия фольклорного произведения на личность ребенка – это совокупность психологических и лингвистических факторов, оказывающих сильное влияние на психоэмоциональное состояние ребенка и формирующих его первичный жизненный сценарий, а также (с точки зрения психоаналитической теории З. Фрейда) комплекс устойчивых бессознательных реакций, закрепляющихся на всю последующую жизнь человека, определяя направление и устанавливая ограничения на развитие его личности.

Психологический аспект наиболее полно раскрыт в работах Эрика Берна. В них он формулирует и на примерах демонстрирует возможность извлечения из всем известных фольклорных произведений глубокой архаичной подоплеки. На примере сказок «Красная шапочка» и «Золушка» Э. Берн подробно разбирает значение родительских предписаний и разрешений в формировании сценария ребенка. Эту теорию и правильность раскрытия ученым содержания психологического фактора в механизме внушающего воздействия фольклорного произведения, предложенного ребенку родителями, в данной работе мы принимаем за основу.

Лингвистический аспект суггестивного воздействия в фольклорных произведениях рассмотрим на примере субсценарного элемента сюжета – заговора, который очень часто встречается в сказках разных народов мира. Такой элемент является сюжетом в сюжете, создавая структуру из нескольких уровней сценариев. Анализируя модальность, семантические и коммуникативные признаки заговоров, выявляем несколько важных особенностей, присущих и характерных также и многим целостным сюжетам фольклорных произведений. Например, общая модальность волеизъявления в заговоре выражается в просьбе-пожелании [2]. То есть имеет место недирижабельное воздействие. Следует отметить, что под модальностью мы подразумеваем «понятийную категорию со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношение содержания высказывания к действительности, выражаемую различными лексическими и грамматическими средствами» (формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т.п.) [8]. В результате работы с множеством фольклорных произведений (преимущественно сказками разных народов мира) составлен перечень тех языковых явлений, которые относятся к модальности: утверждение, вопрос, побуждение; реальность, достоверность, вероятность, нереальность; утверждение, отрицание; необходимость, возможность, намерение [5, 8].

Таким образом, важной особенностью заговора является характеристика «уклончивого» волеизъявления: это и не приказ, и не просьба, а (в инварианте) нечто вроде «Пусть будет так, чтобы...».

Размытая модальность сочетается в заговоре с более общей коммуникативной неопределенностью: заговор – это не вполне умопостигаемое пожелание, неизвестно к кому и непонятно на каком основании обращенное. Однако за этой уклончивостью и невразумительностью стоит более глубокий коммуникативный смысл: представить произносящего заговор как часть потустороннего и, следовательно, умонепостижимого мира. В фольклорном произведении все это создает атмосферу фасцинации (чародейства, колдовства). В реальной жизни, с точки зрения ученых психоаналитических направлений [1, 7], такими средствами может достигаться эффект угрожающей неопределенности у ребенка, что будет способствовать запуску психодинамического механизма тревоги. В такой момент человек (не без подкрепления со стороны родителей) склонен обратиться к определенной стратегии психологической защиты, выбор которой с высокой долей вероятности окажет решающее воздействие на его дальнейший жизненный сценарий.

Коммуникативная стратегия заговора состоит в том, чтобы творящий заговор ощутил себя причастным сверхъестественному миру, внушил это другим, включая неземные силы, и каким-то чудесным образом помог человеку. Таким образом, для заговора характерна принципиальная неопределенность (неясность, туманность, загадочность) основных компонентов заговорного речевого акта – то есть его участников (адресанта и адресата), самой ситуации заговора, его языка и, наконец, собственно содержания заговорного текста. Неопределенность адресата заговора иногда совершенно очевидна: произносящий заговор обращается к разным, в том числе «несовместимым», высшим силам, например к христианским заступникам и одновременно – к «малым высшим» силам, вера в которых сохранялась с языческой поры.

Такое количество лингвистических элементов суггестивного воздействия на ребенка в фольклорных произведениях, произносимых, кроме того, его родителем вслух, способствует беспрепятственному принятию и закреплению в его подсознании предписаний, разрешений и запретов, множество из которых формулируются родителями прямо в процессе разбора сюже-

тов сказки, героев и их поступков путем произнесения комментариев, замечаний, а часто и прямых директив.

Рассмотренный психолого-лингвистический контекст суггестивного воздействия фольклорных произведений с фидеистическими субсценарными элементами позволяет сделать вывод о том, что вне зависимости от комбинаций факторов суггестивного воздействия ведущую роль здесь занимает выраженная родительская оценка в различных формах. То есть элемент родительской интерпретации сюжета является базовым в суггестивном воздействии сказок или иных фольклорных произведений на сценарий дальнейшей жизни ребенка.

Необходимо отметить, что, с точки зрения автора, для целей наиболее эффективного развития коррекционной педагогики основной фокус должен быть направлен на дошкольные учреждения и работу с родителями. Процесс формирования установок ребенка и его стремлений действовать по шаблонам начинается еще в раннем детстве, задолго до стадии осознанного использования суггестопедагогических методов в учебных заведениях. Фактически со сложными психолого-лингвистическими суггестивными средствами впервые ребенок сталкивается в текстах сказочных сюжетов. Это оказывает значительное влияние на формирование внутренних установок личности ребенка. На этом этапе коррекционная работа автору видится наиболее эффективной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. – М.: Прогресс, 1995. – 296 с.
2. Ахмедов Т.И. Практическая психотерапия: внушение, гипноз, медитация. – М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2005. – 447 с.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих отношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы. Пер. с англ. общ. ред. М.С. Мацковского. – М.: Прогресс, 1988. – 499 с.
4. Гончаров Г.А. Суггестия: теория и практика. – М.: КСП, 1995. – 320 с.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем., общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
6. Литвак М.Е. Если хочешь быть счастливым. Учебное пособие по психотерапии и психологии общения. 29-е изд. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2013. – 419 с.
7. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. – М.: Наука, 1991. – 456 с.
8. Linguistische Textanalyse. Grundlagen der Germanistik, Band 24, Erich Schmidt Verlag, 2005. – 179 p.

REFERENCES

1. Adler A. The practice and theory of individual psychology [Praktika i teoriya individual'noy psikhologii]. Moscow: Progress Publ., 1995. 296 p.
2. Akhmedov T.I. Practical psychotherapy: suggestion, hypnosis, meditation [Prakticheskaya psikhoterapiya: vnushenie, gipnoz, meditatsiya]. Moscow: AST; Kharkov: Torsing, 2005. 447 p.
3. Berne E. Games people play: the psychology of human relationships. People who play games: the psychology of human destiny [Igrы, v kotorye igrayut lyudi: psikhologiya chelovecheskikh otnosheniy. Lyudi, kotorye igrayut v igrы: psikhologiya chelovecheskoy sud'by]. Trans. angl. ed. by M.S. Matskovsky. Moscow: Progress, 1988. 499 p.
4. Goncharov G.A. Suggestion: theory and practice [Suggestiya: teoriya i praktika]. Moscow: LTR, 1995. 320 p.
5. Humboldt V. Selected works on linguistics [Izbrannye trudy po yazykoznaniyu]. TRANS. with it. ed. by G. V. Ramishvili; afterw. A. V. Gulyy and V. A. Zvegintseva. Moscow: JSC IG «Progress», 2000. 400 p.
6. Litvak M.E. If you want to be happy [Esli khochesh' byt' schastlivym]. Textbook on psychotherapy and the psychology of communication. 29th ed. Rostov-on-don: Publishing house «Phoenix», 2013. 419 p.
7. Freud Z. Introduction to psychoanalysis [Vvedenie v psikhoanaliz]. Lectures. Moscow: Nauka, 1991. 456 p.
8. Linguistische Textanalyse. Grundlagen der Germanistik, Band 24, Erich Schmidt Verlag, 2005. 179 p.

Информация об авторе

Карманова Марина Валерьевна, магистрант кафедры дефектологии и специальной психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия
Marina.Karmanova@bk.ru

Получена: 15.08.2015

Information about the author

Karmanova Marina Valerevna, Master's degree student, Chair for Defectology and Special Psychology, Kuban State University, Krasnodar city, Russia
Marina.Karmanova@bk.ru

Received: 15.08.2015

УДК 81

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-307-310

КОВАЛЕВСКАЯ Наталья Владимировна,
кандидат политических наук, доцент

Kovalevskaja Natalia Vladimirovna,
Candidate in Political Sciences, Associate Professor

ТИМЧЕНКО Надежда Михайловна,
кандидат филологических наук, доцент

TIMCHENKO Nadezhda Mikhailovna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

ТАГВОРЯН Маргарита Погосовна,
аспирант факультета международных отношений

Tagvoryan Margarita Pogosovna,
Postgraduate student of the Chair of World Politics

МНОГОГРАННОСТЬ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К РОЛИ ЯЗЫКА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

THE MULTI-SIDEDNESS OF LINGUA- ACADEMIC APPROACHES TOWARDS THE ROLE OF LANGUAGE IN WORLD POLITICS

Данная статья посвящена возрастающему значению лингвистического фактора в мировой политике. В статье представлен комплексный подход к проблеме языка как феномену жизни общества. Все эти подходы лейтмотивом проходят через наше исследование, помогая выделить многогранную суть сложного процесса влияния языков на область мировой политики в современном мире. Язык как выразитель менталитета; как проводник культуры; источник противоречий в межнациональной коммуникации; элемент, влияющий на экономические отношения; инструмент политического влияния в мире – все эти характеристики учитываются государствами в планировании внешней и внутренней языковой политики. Также в статье приводится анализ того, что многие события на мировой арене, во взаимодействии государств, в деятельности международных правительственных и неправительственных организаций, во взаимопроникновении и взаимопреплетении многообразных мирополитических акторов, во внутристрановых связях-противоречиях, региональных конфликтах и их разрешении или, наоборот, обострении в значительной степени обусловлены характером межъязыковых отношений, институализацией процессов объединения стран и народов, говорящих на одном и том же языке, использующих его в выстраивании механизмов языковой политики, осуществляемой в глобальном, региональном или внутригосударственном масштабе.

The relevance of the following article is determined by the increasing value of the linguistic factor in global politics. The given part of the article introduces a complex approach to language as social phenomenon. All of these approaches find application in this research, thus helping to point out the complexity of it in the modern world. The article explores languages as a means to express the mindset of nations in the world, language as a conductor of cultures; language as a source of contradictions in international relations between countries; language as an element that influences economic relations, language as a tool for global political influence used by countries. This article explores various global events, international relations, activity of international governmental and non-governmental organizations, interaction and intertwining of diverse global political actors, national relations and contradictions, regional conflicts and their settlement or, on the contrary, their escalation are rather dependent upon the nature of cross-language relations and the institutionalization of unification processes for countries and peoples who share the same language and use it to establish global, regional or national language policies. Many global events implement the ideas of monoculturalism, multilingualism, linguistic genocide, lingua-political misbalance of public forces, national interests related to its language and its role in the world, as well as the presence or absence of lingua-political tension in multilingual countries.

Ключевые слова: лингвонаучный подход, лингвистический фактор, мультилингвизм, глобализация мировой политики, языковая глобализация, лингвистическое измерение мировой политики.

Key words: lingvo-scientific approach, multilingualism, globalization of world politics, linguistic globalization, linguistic dimension of world politics.

Актуальность темы данной статьи определяется тем, что на сегодняшний день значение языкового фактора в мировой политике возрастает. Многое из происходящего в современном мире тесно связано с идеями мультилингвизма, национальными интересами государства в таком аспекте, как язык. Все больше рассматривается такой феномен, как язык глобализации, который также диктует тенденции развития языка в современном мире. При изучении лингвистических подходов, в центре которых фигурирует человек и его восприятие мира, необходимо также выделить и области, которые по своему характеру являются междисциплинарными, и вносят свой вклад в формирование понятия лингвистического измерения мировой политики. Сейчас в число таких научных течений входит социолингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, эколингвистика, лингвоэкономика и прочие. Они, по своей сущности, являются отдельными течениями и изучают фактор влияния языка в той или иной области знания. Исходя из этого, общей целью данной статьи становится определение роли языка в мировой политике в рамках того или иного подхода современной науки.

«Мирополитические (международные) отношения – совокупность экономических, политических, правовых, дипломатических, военных, культурных и других связей и отношений между государствами, социальными, политическими, экономическими силами (субъектами), действующими на мировой арене» [10, с. 51]. Лингвистический аспект является составной и неотъемлемой частью культурной взаимосвязи субъектов международных отношений. Язык является важнейшим средством общения между людьми, а также средством формирования и выражения мыслей и чувств. Первая строчка Нового Завета Евангелие от Иоанна гласит: «В начале было Слово» [3]. Многие ученые, исследовавшие роль языка в жизнедеятельности человека, прихо-

дили к такому выводу, что наши действия и наше мышление зависят от конкретного языка. Такие предположения заложили основу теории лингвистического детерминизма. Любой конкретный язык формирует у человека определенную «картину мира», понимание реальных событий, свое представление о других народах, их жизни и менталитете. В свою очередь, язык – «исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе» [6, с. 235]. Из этого определения следует, что именно язык является средством формирования мыслей человека и менталитета определенного народа. Наряду с менталитетом с помощью языка формируется и национальная культура. Именно она вбирает в себя не только наиболее развитые формы освоения окружающей действительности в различных видах деятельности (политика, наука, философия, искусство и т.д.), но и постоянно воспроизводит элементы архаичности в сфере обыденной жизни: быт, различные обряды и верования, фольклор, мифы и т.д. [1]. С. Хантингтон строит свою теорию на культурном и цивилизационном многообразии, при этом он не отождествляет их, а наоборот, делает акцент на их различии, так называемом столкновении цивилизаций. Язык выступает в качестве одного из факторов мировой политики, поскольку он лежит в основе или, по меньшей мере, неизбежно сопровождает большинство «жестких» конфликтов современности. Исходя из теории Сепира-Уорфа, разные языки обуславливают формирование различных картин мира [14, с.18]. Именно эта непохожесть языков (картин мира) провоцирует конфликт цивилизаций по терминологии С. Хантингтона. Помимо цивилизационного подхода к изучению языка, огромную роль играет и философский. В этой области мы рассмотрим позднюю работу Людвиг Витгенштейна «Философские исследования», которую можно полностью отнести к такому научному течению, как логический позитивизм. «Логический позитивизм – направление философии, основывающееся на том, что для познания устройства мира требуются наблюдаемые доказательства, опирающиеся на рационализм, то есть познание через разум. Логический позитивизм утверждает, что мир можно познать, но для этого необходимо стать наблюдателем и поэтому его еще называют логическим эмпиризмом. В позитивизме все знания должны проверяться опытом и экспериментом; мир такой, каким мы его воспринимаем с помощью чувств» [2, с. 158]. Философские проблемы лежат в основе всего. В XX в. произошел лингвистический переворот в философии. Философия языка включает в себя широкую область исследований, направленных на изучение взаимоотношений между языком, бытием (реальностью, действительностью, миром) и мышлением, а также сами теоретико-методологические знания, выражающие и интерпретирующие эти взаимосвязи. Эти сферы – язык, бытие и мышление – могут трактоваться при этом в различных лингвофилософских концепциях. Мир полностью отражается в языке. Л. Витгенштейн в своей работе «Философские исследования» рассматривает обыденный язык человека. Основное понятие – языковая игра: язык представляется совокупностью языковых игр. Значение слова есть его употребление в рамках языковой игры, а правила такой игры есть практика. Философские проблемы в этом утверждении являются следствием неправильного словоупотребления. Автор считает, что, если человек представляет себе какой-нибудь язык, значит, он представляет некоторую форму жизни. Термин «языковая игра» нужен для того, чтобы подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни. Цель языка выражать мысли, поэтому цель каждого предложения – выражать какую-то мысль. Язык как инструмент. Его понятия и ведут нас к исследованиям. Проблема в том, что разнообразие всех языковых игр не осознается человечеством, но каждое новое действие, слово – это всегда языковая игра.

При изучении влияния языка на деятельность человека была разработана концепция лингвистического детерминизма, сторонники которой рассматривают язык в качестве важнейшего признака этноса. Здесь хотелось бы подробнее остановиться на гипотезе Сепира-Уорфа, которая, по его мнению, является одной из самых важных в учении о языке. Концепция, разработанная в 30-х гг. XX в., согласно которой структура языка определяет мышление и способ познания реальности, предполагает, что люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают мир и по-разному мыслят. В частности, отношение к таким фундаментальным категориям, как пространство и время, зависит в первую очередь от родного языка индивида. Из приведенного выше утверждения также становится ясно, что различные языки должны оказывать различное влияние на мышление и опыт человека. Таким образом, Сепир вводит понятие лингвистического детерминизма (язык может детерминировать мышление) и лингвистической относительности. Э. Сепир полагал, что языки – это способы выражения социальных миров разных социальных групп. «Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками» [7, с. 51]. Можно выделить две основные тенденции, которые часто называют «сильным» и «слабым» вариантом гипотезы Уорфа. Сильный вариант, которого, как правило, придерживался и сам Уорф, утверждает, что язык определяет характер мышления и поведения; что язык представляет собой как бы почву

для мышления и философии. «Формирование мыслей – это не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка и различается у различных народов в одних случаях незначительно, в других – весьма существенно, так же как грамматический строй соответствующих языков. Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [12, с. 27]. Слабый вариант, который в той или иной форме популярен и в наше время, просто утверждает, что некоторые аспекты языка могут predispose к выбору человеком определенного способа мышления или поведения, но этот детерминизм не является жестким, мы не находимся полностью в плену у своего языка, он просто указывает нам линию мышления или иного вида поведения [9]. Сепир и Уорф утверждают, что невозможно найти два абсолютно разных языка, которые бы одинаково отражали действительность. Язык – это «путеводитель в социальной действительности» [7, с. 21]. Существует ряд ученых, которые придерживаются противоположных взглядов и считают, что язык не определяет язык нации, а просто является его отражением [5]. Такие выводы можно увидеть в работах Г.В. Колшанского.

В рамках лингвистических исследований нам бы хотелось осветить еще одну теорию, представленную американским лингвистом Аврамом Ноам Хомским, которая называется «Теория универсальной грамматики». Универсальная грамматика – термин, которым в ряде лингвистических теорий обозначается предполагаемый набор правил или принципов, присущих каждому человеческому языку. Подобные правила не определяют язык полностью: они допускают значительную вариантность, но ограничивают ее некоторыми конечными рамками. В современной когнитивной науке универсальная грамматика понимается как встроенное на генетическом уровне знание о языке [4, с. 135]. Аргументами в пользу существования данной теории являются: наличие определенных языковых универсалий (таких как, к примеру, части речи, гласные и согласные звуки и т.п.), присутствующих во всех языках; данные исследований усвоения языка; доводы в пользу существования отдельного языкового модуля – независимой когнитивной системы в составе человеческого разума, предназначенной для обработки языка [15]. В теории универсальной грамматики должны быть сформулированы принципы организации языка, которые в рационалистической концепции считаются обусловленными универсальными свойствами разума. Хомский исходит из того, что мыслительные процессы одинаковы у всех «нормальных» людей, а это означает, что на универсальную грамматику накладываются очень сильные ограничения, обусловленные конститутивными особенностями человеческого мышления как врожденной способности, поэтому варьирование языковых структур оказывается отнюдь не беспредельным. Таким образом, универсальная грамматика и «врожденные идеи», если воспользоваться традиционным философским термином в концепции Хомского, оказываются взаимосвязанными, и эта связь обусловлена зависимостью языковой деятельности от мыслительной, определяемой, в свою очередь, принципами нервной организации человека, сложившейся в ходе длительной эволюции. Наличие специфических речевых центров в мозге подтверждает предположения Хомского о врожденном характере языка и наличии универсальной грамматики. Существует одно отклонение от этой теории, найденное американским академиком Дэниэлом Эвероттом в ходе его путешествия по Южной Америке. Он обнаружил народ под названием пирха, который говорит на этом языке, и в нем отсутствует прием, называемый рекурсией.

Подводя итог, можно сказать, что в современной науке существует огромное количество теорий, концепций и направлений, связанных с изучением языка и его влияния на природу человека, на его мировоззрение. В данной статье подробно рассмотрены лишь некоторые из них, которые доказывают, что изучение лингвистики играет немаловажную роль в формировании правильного представления о мире, о процессах, происходящих в нем. У носителей определенного языка существует свое восприятие, так называемые «картины мира». Прослеживается некая взаимосвязь между языком и мышлением, способом и методом познания реальности. В подтверждение этому была рассмотрена теория лингвистического детерминизма Сепира-Уорфа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бабаков В.Г., Семенов В.М.* Национальное сознание и национальная культура. <<http://iph.ras.ru/page49656809.htm>>. 12.09.2015
2. *Гемпель К.Г.* Логика объяснения / пер. с англ. – М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998.
3. Евангелие / пер. с др.-греч. свящ. Православной Церкви о. Л. Лутковского. – М.: Дружба народов, 1991.
4. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. 5-е изд. испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010.

5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Российская АН; Российский фонд культуры: 9-е изд., испр. и доп. – М.: Оникс, 2008.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993.
8. Сепир Э. Статус лингвистики как науки / Языки как образ мира. – СПб.: Terra Fantastica, 2003.
9. Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1976.
10. Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба. – М.: Луч, 2006.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. <<http://ecocrisis.wordpress.com/miscellanea/clash-civilization>>. 12.09.2015
12. Уорф Б.Л. Наука и языкознание / Языки как образ мира. – М.-СПб.: Terra Fantastica, 2003.
13. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. – М., 1960.
14. Kovalevskaja N. Linguistic Dimension of Global Politics: Hispanophone. – Berlin: Golden Mile GmbH, 2013. – p. 18.
15. Pesetsky D. Linguistic Universals and Universal Grammar. Available at: <http://web.mit.edu/linguistics/people/faculty/pesetsky/Pesetsky_MITECS_Universals_UG.pdf>. 12.09.2015

REFERENCES

1. Babakov V.G., Semenov V.M. [Nacional'noe soznanie i nacional'naya kul'tura]. Available at: <<http://iph.ras.ru/page49656809.htm>>. 12.09.2015
2. Gempel' K.G. [Logika ob'yasneniya. per. s anglijskogo]. Moskva: Izd-vo Dom intellektual'noj knigi; Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1998.
3. [Evangeliye. per. s drevnegrecheskogo svyashchennika Pravoslavnoj Cerkvi o. L. Lutkovskogo]. Moskva: Izd-vo Druzhba narodov, 1991.
4. Zhrebilo T.V. [Slovar' lingvisticheskikh terminov. 5-e izdanie ispr. i dopoln]. Nazran': Izd-vo "Piligrim", 2010.
5. Kornilov O.A. [Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov. 2-e izdanie, ispr. i dop.]. Moskva: CheRo, 2003.
6. Ozhegov S.I. [Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Rossijskaya AN.; Rossijskij fond kul'tury: 9-e izd., ispr. i dop.]. Moskva: Izd-vo Oniks, 2008.
7. Sepir Eh. [Izbrannye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii]. Moskva: Izd-vo «Progress», 1993.
8. Sepir Eh. [Status lingvistiki kak nauki. Yazyki kak obraz mira]. Sankt- Peterburg: Terra Fantastica, 2003.
9. Slobin D., Grin Dzh. [Psiholingvistika. per. s anglijskogo]. Moskva: Izd-vo Progress, 1976.
10. Halipov V.F., Halipova E.V. [Vlast'. Politika. Gosudarstvennaya sluzhba]. Moskva: Luch, 2006.
11. Hantington S. [Stolknovenie civilizacij]. Available at: <<http://ecocrisis.wordpress.com/miscellanea/clash-civilization>>. 12.09.2015
12. Uorf B.L. [Nauka i yazykoznanie. Yazyki kak obraz mira]. Moskva- Sankt- Peterburg: Terra Fantastica, 2003.
13. Uorf B.L. [Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku. Nauka i yazykoznanie. Lingvistika i logika. Novoe v lingvistike]. Moskva, 1960.
14. Kovalevskaja N. Linguistic Dimension of Global Politics: Hispanophone. Berlin: Golden Mile GmbH, 2013. p. 18
15. Pesetsky D. Linguistic Universals and Universal Grammar. Available at: <http://web.mit.edu/linguistics/people/faculty/pesetsky/Pesetsky_MITECS_Universals_UG.pdf>. 12.09.2015

Информация об авторе

Ковалевская Наталья Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
blinova@postulat.com

Тимченко Надежда Михайловна, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета, заведующая кафедры английского языка факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
timchenko@sir.edu

Тагворян Маргарита Погосовна, аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
ritatagvoryan@gmail.com

Получена: 14.09.2015

Information about the author

Kovalevskaja Natalia Vladimirovna, Candidate in Political Sciences, Associate Professor, Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University,
Saint -Petersburg city, Russia,
blinova@postulat.com

Timchenko Nadezhda Mikhailovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of Chair of English Language of the School of International Relations, St. Petersburg State University,
Saint -Petersburg city, Russia,
timchenko@sir.edu

Tagvoryan Margarita Pogosovna, Postgraduate student of the Chair of World Politics, School of International Relations, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg city, Russia
ritatagvoryan@gmail.com

Received: 14.09.2015

УДК 81

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-311-318

КОДОЛА Наталья Валерьевна,
кандидат педагогических наук, доцент

KODOLA Natalia Valeryevna,
Candidate of Pedagogical Science, Associate Professor

КОДОЛА Валерий Григорьевич,
доктор педагогических наук, почетный профессор РАЕН

KODOLA Valery Grigoryevich,
Doctor of Pedagogical Science, Honorary Professor,
Russian Academy of Natural Sciences

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ СУТЬ ПРЕДМЕТА ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ

TRANSCENDENTAL ESSENCE OF THE SUBJECT OF THE THEORY OF JOURNALISM

Человек не для того, чтобы быть геологическим придатком биосферы или ноосферы, а для того, чтобы действительность «могла созерцать» свое существование упорядоченным и оформленным взаимодействием предметов с точки зрения «взгляда» как со стороны ее предмета мыслящего существа, обладающего способностью сознавать существование действительности. Человека как предмета мыслящего существа, изменения состояний и свойств которого упорядочены и оформлены в конкретную личность индивидуума, целесообразно представить как бы в роли «катализатора» проявления признаков существования данной области действительности, созерцание которых с точки зрения как со стороны самого мыслящего существа может создавать условия для представления о данной области действительности как существующей действительно в признаках взаимодействия изменений состояний и свойств неопределенно большого множества предметов данной области действительности. Теория журналистики должна достоверно обосновывать и отчетливо излагать принципы целенаправленного общения людей во всей совокупности их взаимосвязи, взаимодействия, взаимопонимания, проявляемых в процессах совместной жизнедеятельности и познавательно-преобразовательной активности в данной области действительности. В связи с тем, что принцип общения распространяется на всю совокупность предметов данной области действительности, то очевидна целесообразность представления общения между предметами мыслящих существ данной области действительности как феномена филологии общения, в предмете которой отражаются свойства человеческих способов взаимосвязи, взаимодействия, взаимопонимания, основанных на способности мышления, представления идей в понятиях и образах, и передачи их сути друг другу посредством знаков и эмоций.

The human is not to be just geological appendage of the biosphere or noosphere, the human is to enable the reality to "contemplate" its existence through orderly and arranged interaction of subjects, in terms of the "view" of its subjects - thinking human beings who have the ability to be conscious of the existence of the reality. It is expedient to present the role of a man (a thinking human being, whose features and characteristics are ordered and arranged into a concrete individual personality) as a "catalyst" of signs manifesting the existence of this sphere of reality, contemplation of which from the point of view of the thinking human can create the conditions for understanding this sphere of reality as the reality existing in interaction of changes of modes and features of many objects in this sphere of the reality. Theory of journalism must ground substantially and outline clearly the principles of purposeful communication of people in the totality of their relationship, interaction, mutual understanding, manifested in the process of joint activities and cognitive-transformational activity in certain area of reality. Due to the fact that the principle of communication applies to the whole set of objects of a given area of reality, it is obviously expedient to present communication between objects-minded creatures in a certain field of reality as a phenomenon of philology of communication, the subject of which reflects the features of human ways of interconnection, interaction and mutual understanding, based on the ability of thinking, presenting ideas in concepts and images, and communicating their essence to each other through signs and emotions.

Ключевые слова: предмет, интеллектуальное, физическое, изменение, форма, состояния, свойства, существование, действительность, филология, общение, теория, журналистика, феномен.

Key words: subject, intellectual, physical, change, shape, state, features, existence, reality, theory, communication theory, journalism, phenomenon.

Созерцание не зрительное, слуховое, тактильное ощущение, а представление о предмете вне чувств, страстей, эмоций, как мыслимом вне его связи с чувственными образами, воспроизводящими восприятия ощущений взаимодействия изменений состояний и свойств предметов действительности, доступных при «взгляде» на них с точки зрения мыслящего существа. При этом, если представить предмет, созерцаемый как при «взгляде» с точки зрения как бы со стороны действительности, элиминированной от предмета мыслящего существа, то взаимодействие изменений состояний и свойств предметов действительности станет невозможно представить как упорядоченное и оформленное целое или как неопределенно большое множество их частей. В неупорядоченном и неоформленном изменении состояний и свойств не существует возможности представить ни частей, ни целого. Поэтому оба представления о понятии «материального» и «идеального» как противоположностей относятся к конкретному представлению о заблуждении.

В действительности не может существовать ни «предмет» материя, ни предмет «идея», которые могут быть представлены как состояния свойства существования «в действительности» и состояния свойства существования «в возможности». Перевоплощение существования из состояния «в возможности» в состояние «в действительности» и наоборот

может быть представлено как «изменение», которое по наивности определяют как «движение». В действительности понятие «движения» заблуждение, которое связано с тем, что при «взгляде» с точки зрения как со стороны предмета мыслящего существа «изменение», при перевоплощении свойства существования из состояния «в возможности» в состояние «в действительности» и наоборот зрительные, звуковые, осязательные ощущения создают «иллюзию перемещения» пространства и времени.

Представления о «формах движения» приводят к заблуждению о возможности их «низших и высших форм», что создает иллюзию приоритета предмета мыслящего существа над всеми другими предметами данной области действительности, форма и содержание которого может точно также «исчезнуть», как и у других предметов, при «взгляде» на них с точки зрения как со стороны самой действительности. Настоящее рассуждение целесообразно ограничивать данной областью действительности, о существовании которой мне, как предмету мыслящего существа данной области действительности, может быть «достоверно известно» из опыта сознания мной, как моего собственного существования, так и существования ее других предметов. Поэтому в данной области действительности ее существование может проявляться как «процесс» изменения состояния свойств из существования «в возможности» в существование «в действительности» и наоборот, который может быть представлен как неопределенно большое множество циклов мгновенного перевоплощения состояний свойств существования. Однако такое множество перевоплощений не может не иметь искажений, которые могут способствовать созданию условий для «концентрации искажений» в некоторых областях действительности, которым целесообразно предоставить «статус предметов действительности», взаимодействие изменений состояний и свойств неопределенно большого множества которых могут создавать условия для проявления свойств существования данной области действительности. При этом в неопределенно большом разнообразии изменений состояний свойств взаимодействующих предметов могут создаваться условия для разнообразных форм проявления свойств и состояний предметов.

Для предмета данной области действительности, сознающего себя мыслящим существом, и в предмете организма личности которого проявляются свойства созерцать взаимодействия изменений состояний и свойств предметов данной области действительности с точки зрения как со стороны самого мыслящего существа, упорядоченными и оформленными в конкретные формы предметов и содержащих конкретные свойства, становится не только доступно, но и смыслом его существования проявлять познавательно-преобразовательную активность во взаимосвязи, взаимодействии, взаимопонимании со всей совокупностью предметов данной области действительности. Чрезвычайно бурное проявление этой активности привело предмет мыслящего существа к противоречивому представлению о сущности существования и мышления, разграничив представления об этих феноменах в понятиях «физического» и «интеллектуального» субстрата. Поэтому для рассуждения о сущности «наивных» представлений о понятиях «жизни» и «мышления» целесообразно словом «физическое» обозначить состояние свойств существования «в действительности», а словом «интеллектуальное» – состояние свойств существования «в возможности». Причем именно в предмете мыслящего существа циклы взаимодействия изменений состояний «интеллектуальных» и «физических» свойств существования достигают такой концентрации, при которой в нем проявляются свойства феноменов «жизни» и «мышления».

Поиски «конкретных» причин феноменов «жизни» и «мышления» могут приводить только к заблуждениям, основанным на применении методологии эмпирического уровня представлений к созерцанию предмета на мировоззренческом уровне представления. Предмет только тогда «предмет данной области действительности», когда он созерцается как «целое неделимое»; всякий предмет, созерцаемый в частях как система, становится совокупностью предметов, в состояниях и свойствах которых «исчезает» основное свойство и состояние «предмета данной области действительности». Человек, созерцаемый как «предмет мыслящего существа», это целое состояние и свойство, человек при «взгляде» как на «систему» организма и личности, в которых проявляются множество состояний и свойств в виде отдельных явлений и феноменов, перевоплощается в неупорядоченную совокупность взаимодействующих состояний и свойств множества предметов данной области действительности. Человек как «целое» – это простой предмет, человек как «система» – это сложный предмет, поэтому благоприятным условием существования для него целесообразно представить взаимосвязь, взаимодействие, взаимопонимание со всей совокупностью состояний и свойств других предметов данной области действительности с точки зрения представления о них как о простых предметах.

Между «простыми предметами» возможны «простые отношения», а между «сложными предметами» – «сложные». В связи с тем, что представления о «движении» создает условия

для иллюзии пространства и времен, то признаки существования предмета могут проявляться по-разному для различных по проявлению своей формы и содержания предметов, обладающих свойствами и состояниями мыслящих существ, проявляемых в разных областях действительности. Причем понятия о «разных областях действительности» могут проявляться только при их сознании теми предметами мыслящих существ, которые проявляются как таковые именно в данной области действительности. Потому что при созерцании с точки зрения как со стороны самой действительности признаки понятия «область» не имеют ни упорядоченности, ни оформленности в представлениях о пространстве и времени. При этом все области действительности для их созерцания с точки зрения как со стороны самой действительности могли бы существовать и «здесь», и «сейчас» одновременно.

Данный взгляд на сущность существования действительности дает повод утверждать, что предмету мыслящего существа предоставлена возможность выполнить некоторую феноменальную миссию в каждой определенной области признаков существования действительности. Причем для выполнения этой миссии у предмета мыслящего существа имеется феноменальное свойство «жизни» и «мышления», а также способность проявлять состояние сознания своего существования среди неопределенно большого множества взаимодействующих изменений состояний и свойств такого же множества других предметов данной области действительности. Поэтому целесообразно представить факт того, что свою миссию предмет мыслящего существа способен осуществить не в опыте проявления познавательно-преобразовательной активности, а в мысленном созерцании идей, проявляемых в мыслях на основании воспринятых ощущений от признаков взаимосвязи, взаимодействия, взаимопонимания с изменениями состояний и свойств других предметов данной области действительности.

Необходимо признать факт того, что для предмета мыслящего существа «удобно» сознать признаки феноменов «жизни» и «мышления», проявляемые вследствие взаимодействия изменений состояний «интеллектуальной» и «физической» форм изменения свойств существования действительности, протекающих как процесс в организме предмета личности мыслящего существа. Потому что «неуловимые» «виртуальные процессы» можно представить как никак не зависящие от «желаний», «страстей», «эмоций» и «представлений» предмета мыслящего существа, как о своем организме, так и своей личности, «временной» или «вечной», потому что при «взгляде» с точки зрения как со стороны самой действительности во всяком данном предмете невозможно представить ни конкретного организма, ни конкретной личности.

Сама действительность могла бы «созерцать» только неопределенно большое множество циклических актов взаимодействия изменения состояний «интеллектуальной» и «физической» форм изменения состояний существования действительности. Возможность проявления признаков осмысленного созерцания становится актуальной вследствие того, что в мгновение перевоплощения существования из состояния «интеллектуальной» формы его свойств в «физическую» форму происходит «запоминание» изменения состояния «интеллектуальной» формы в изменении состояния «физической» формы изменения свойств действительности. При этом цикл завершается актом перевоплощения изменений состояния «физической» формы в изменение «интеллектуальной» формы изменения свойств действительности, которое проявляется как процесс «вспоминания» изменений предшествующего состояния «интеллектуальной» формы в состояние «физической» формы изменения свойств существования действительности. Поэтому неопределенно большое множество циклических актов «запоминания»–«вспоминания» создают условия для проявления существования признаков феноменов «жизни» и «мышления» в тех предметах данной области действительности, в содержании которых «концентрация» признаков этих феноменов достигла некоторого критического состояния, обеспечивающего возможность проявления признаков феноменов «жизни» и «мышления».

Целесообразно представить, что возможность «запоминания» и «вспоминания» в условиях неупорядоченного и неоформленного взаимодействия изменений состояний «интеллектуальной» и «физической» форм изменения свойств существования действительности создает условия для «хаоса» в этом взаимодействии, допускающего взаимосвязь «непарных» циклов, в актах «запоминания» и «вспоминания» которых взаимодействуют «новые», а не те, которые «участвовали» в предыдущих циклах изменения состояний «интеллектуальной» и «физической» форм. Причем в области циклического акта начинают взаимодействовать «разнородные» признаки изменений состояний «интеллектуальной» и «физической» форм изменения свойств существования действительности, что целесообразно представлять как причину «стремления» предметов данной области действительности к взаимосвязи, взаимодействию, взаимопониманию, на

принципе которых возможно создание условий для проявления признаков феноменов «жизни» и «мышления».

Таким образом, на основании неопределенно большого множества циклов перевоплощения существования из состояния «в возможности» в состояние «в действительности» могут создаваться условия для проявления признаков существования взаимодействия изменения состояний и свойств неопределенно большого множества предметов, представления о которых могут давать повод, что в них проявляются признаки представления о существовании самой данной области действительности. При этом в понятии предмета целесообразно представить феномены проявления признаков взаимодействия изменений состояний «интеллектуальной» и «физической» форм изменения свойств существования данной области действительности. Изменяются не предметы как целое, а формы состояния и содержания свойств предметов данной области действительности. Суть каждого конкретного предмета целесообразно представить как совокупность изменений неопределенно большого множества состояний и свойств, которые в данной конкретной совокупности могут проявляться как состояния и свойства конкретного предмета данной области действительности, при созерцании этой совокупности с точки зрения как со стороны предмета мыслящего существа. Предмет мыслящего существа в мгновение «исчезновения» признаков осмысленного созерцания взаимодействия изменений состояний и свойств предметов действительности, как тот индивидуум и личность человека, который проявляется в состоянии сознания своего существования и существования действительности с точки зрения как со стороны самого мыслящего существа, то в признаках данного предмета может проявляться такая же неупорядоченная и неоформленная область действительности, как и вся совокупность ее предметов, представляемых созерцаемыми с точки зрения как бы со стороны самой действительности. Поэтому только факт мышления может предоставлять повод представления взаимодействия изменений состояний и свойств предметов действительности как упорядоченных и оформленных в признаки некоторых определенных и конкретных образов и понятий.

С феноменом созерцания нецелесообразно «связывать» воспоминание признаков изменения зрительных, слуховых, тактильных ощущений, потому что в акте созерцания может быть представлено только воображаемое как бы трансцендентально состояние и свойство предмета, признаки которых проявляются как бы при «взгляде» на них с точки зрения как бы со стороны самой действительности. Предметом мыслящего существа запоминаются и вспоминаются признаки изменений его состояний и свойств в мгновения зрительных, слуховых, тактильных ощущений признаков изменения состояний и свойств предметов данной области действительности, проявляемых в мгновение взаимосвязи, взаимодействия, взаимопонимания и изменения их состояний и свойств данного предмета мыслящего существа. В акте созерцания целесообразно представить возможность проявления таких признаков взаимодействия изменений состояний и свойств предметов данной области действительности, которые не могут быть представлены на основании ощущений взаимодействия с изменениями состояний и свойств предметов действительности. Поэтому для предмета мыслящего существа может быть доступно запоминание и воспоминание созерцаемых признаков только в виде неотчетливых представлений, воплощаемых в какие-либо ему известные понятия о признаках изменений состояний и свойств ему известных предметов.

Если бы в действительности предметы были бы так упорядочены и оформлены, как это представляется в признаках ощущений изменения их состояний и свойств, созерцаемых с точки зрения как со стороны предмета мыслящего существа, то глупее действительности представить невозможно. Потому что неопределенно большое множество воплощений предметов ограничено конечным множеством возможных изменений их состояний и свойств. Поэтому все изменения состояний и свойств предметов данной области действительности, признаки ощущений которых доступны для представления мыслящих существ, невозможно понять как упорядоченными и определенно оформленными из-за их хаотического и не целеустремленного воплощения в предметах познавательно-преобразовательной активности «биологически» и «интеллектуально» активных предметов данной области действительности.

В связи с этим целесообразно представить, что в действительности может существовать неопределенно большое множество областей, в которых проявляются признаки неопределенно большого множества родов предметов мыслящих существ, изменения состояний и свойств которых или тождественны, или противоположны друг другу. Причем предметы мыслящих существ различных областей действительности могут представляться как «участники» акта «естественного отбора», в котором «фаворитом» может стать тот род предметов мыслящих существ некоторой области действительности, который наиболее отчетливо сознает суть и цель

своего существования, достигший в созерцании способности проявлять познавательно-преобразовательную активность именно в «интеллектуальном» взаимодействии с изменениями состояний и свойств предметов данной области действительности.

Однако целесообразно представить, что суть созерцания не может ограничиваться пределами изменения состояний интеллектуальной формы изменений свойств существования действительности, потому что «интеллектуально» проявляемая идея в то же мгновение воплощается в запомненное в изменении физической формы изменение состояния интеллектуальной формы изменения свойств действительности. Потому что само представление о существовании действительности может проявиться только вследствие воплощения идей об изменении состояний интеллектуальной формы в понятия изменений физической формы изменений свойств действительности, воплощением «идей» в запоминании и представлении «понятий» во вспоминании. Существование действительности может проявляться в циклических актах запоминания и вспоминания, воплощения и представления, проявления существования в возможности и существования в действительности.

Признаки филологии общения как предмета теории журналистики отчетливо проявились в настоящий период существования данной области действительности, однако их существование может быть выявлено во всю эпоху проявления признаков познавательно-преобразовательной активности предметов мыслящих существ данной области действительности. Вся совокупность палеологических следов, признаков познавательно-преобразовательной активности человека, может предоставить достоверное представление о путях генезиса сущности филологии общения как предмета теории журналистики.

Действительную суть всякого предмета в данной области существования целесообразно представлять как следствие общения, признаки которого проявляются во взаимосвязи, взаимодействии, взаимопонимании с изменениями состояний и свойств неопределенно большого множества предметов данной области существования действительности. Причем признаки общения как упорядоченные и оформленные взаимодействия изменений состояний и свойств предметов представляются только при наличии в данной области действительности предметов мыслящих существ, проявляющих феномен созерцания этих изменений с точки зрения как со стороны самого мыслящего существа. При этом изменения состояний и свойств предметов могут представляться как вступившие между собой в отношения взаимосвязи, взаимодействия, взаимопонимания. Отношения взаимосвязи целесообразно представить как признаки «отражения» изменений состояний одного предмета в изменениях состояний другого предмета. Отношения взаимодействия целесообразно представить как признаки «воплощения» изменений свойств одного предмета в изменениях свойств другого предмета. Отношения взаимопонимания целесообразно представить как «перевоплощение» изменений состояний и свойств одного предмета в изменениях состояний и свойств другого предмета. Таким образом, принцип общения целесообразно представить как невозможность взаимосвязи без взаимодействия изменений состояний и свойств предметов и как невозможность их взаимодействия без их взаимосвязи. При этом взаимопонимание невозможно без взаимосвязи и взаимодействия изменений состояний и свойств предметов.

Общение целесообразно представить как основной принцип проявления признаков существования неопределенно большого множества предметов данной области действительности. Причем суть признаков общения и существования взаимодействия изменений состояний и свойств предметов данной области действительности становится доступной только в представлении предмета мыслящего существа, основное свойство которого проявляется в феномене, в состоянии сознания своего существования среди множества других предметов данной области действительности, способности созерцания признаков взаимодействия изменений состояний и свойств неопределенно большого множества других предметов действительности с точки зрения взгляда как со стороны самого мыслящего существа, упорядоченными и оформленными, а не тех неупорядоченных и неоформленных, которые могли бы созерцаться при «взгляде» с точки зрения как бы со стороны самой данной области действительности.

Целесообразно представить, что факт проявления феноменов «жизни» и «мышления» связан не столько с «особенностями» организмов предметов «живых» и «мыслящих» существ, а, вероятно, является следствием неопределенно большой совокупности взаимосвязей, взаимодействий, взаимопонимания изменений состояний и свойств неопределенно большого множества предметов данной области действительности. Причем представление о понятии данной области действительности может содержать все те признаки взаимодействия изменений состояний и свойств совокупности неопределенно большого множества предметов, проявления которых доступны для созерцания и ощущения как адекватных изменений состояний и свойств самого предмета мыслящего существа.

В процессе «общения» с другими предметами данной области действительности, изменения свойств предмета мыслящего существа проявляют состояния страстных стремлений выразить свои «мысли» о представлениях о воспринятых в процессе общения сведениях, признаки которых проявляются как изменение состояний организма личности мыслящего существа в словесной речи и актах эмоционального поведения. В связи с этим целесообразно представить, что содержанием предмета филологии общения может быть исследование признаков проявления феноменов общения людей, как предметов мыслящих существ данной области действительности. Причем целесообразно представить, что форму проявления этих признаков может отражать словесная речь и акты эмоционального поведения каждой конкретной личности человека. При этом задачей исследования для филологии общения целесообразно представить решение научной проблемы выявления устойчивых повторений сочетания определенных признаков для конкретных сюжетов словесной речи с признаками проявления определенных актов эмоционального поведения.

Представления о сущности феноменов журналистики становятся неотчетливыми вследствие противоречивых подходов к определению предмета теории журналистики, принципы и методы которой могли бы обеспечить вскрытие причин основных противоречий журналистики и продемонстрировать направления исследований для преодоления этих противоречий. С точки зрения филологии общения к наиболее распространенному виду человеческого общения целесообразно отнести диалог, в котором могут проявляться наиболее отчетливые признаки взаимосвязи феноменов словесной речи и феноменов актов эмоционального поведения, в своей совокупности демонстрирующие страсти личности конкретного человеческого индивидуума. Поэтому для теории журналистики в качестве наиболее информативного с точки зрения предмета исследования целесообразно рассматривать жанр интервью.

С точки зрения филологии общения целесообразно отчетливо представлять факт того, что для того, чтобы отчетливо представлять и понимать суть предмета, целесообразно, прежде всего, сущность данного предмета мыслить, воспроизводя в воображении признаки феноменов данного предмета на основе их умозрительного созерцания, и затем осуществлять попытки ощутить воплощения тождественных признаков во взаимосвязи, взаимодействии, взаимопонимании с изменениями состояний и свойств конкретных предметов данной области действительности. Таким образом, становится очевидным факт, что феноменологический метод журналистики может быть основан на принципе приоритета умозрительного созерцания над опытом познавательно-преобразовательной активности предмета теории журналистики. Поэтому разрешение противоречий журналистики целесообразно искать в свойствах предмета филологии общения, на основании выбора путей феноменологического исследования, направленного на расширение феноменов мышления, созерцанием не только человеческого индивидуума как предмета мыслящего существа, но и созерцанием сообществ людей с точки зрения как со стороны самой действительности.

К основному филологическому феномену журналистики целесообразно отнести феномен стремления к общению путем создания условий для формирования в представлениях людей конкретных причин проявления эмоций и страстей. Основными признаками филологического феномена журналистики могут быть признаки проявления конкретных эмоций и страстей человеком в процессе общения, при котором проявляются признаки свойств общения в состоянии мышления и организма индивидуума, выражающие его конкретную взаимосвязь, взаимодействие, взаимопонимание с личностью, выступающей в роли выразителя журналистской активности. И феномен и противоречие журналистики могут быть связаны с проблемой того, что предмет журналистики как проявление познавательно-преобразовательной активности людей не может быть определен в границах отдельной определенной научной темы, науки, а люди сами пытаются рассматривать его в ряде предметных направлений, связанных с социальной, политологической, психологической, лингвистической, педагогической, исторической, естественнонаучной методологией исследования. Основным заблуждением целесообразно считать представления о том, что в основе познавательно-преобразовательной активности журналиста может быть некоторое поверхностное представление о совокупности сведений, основанных на всех направлениях познавательно-преобразовательной активности, для того чтобы выявить в формах состояний происходящих событий некоторые «сенсационные» сведения, которые могли бы создать условия для проявления неотвратимого интереса большинства людей к изложению этих сведений журналистом в какой-либо форме соответствующих средств массовой информации.

Сущность предмета журналистики целесообразно представить в проявлении людьми познавательно-преобразовательной активности, направленной на создание условий взаимосвязи, взаимодействия, взаимопонимания в процессе общения между различными

индивидуумами, на основе выработки таких форм и способов передачи эмоциональных состояний, адекватное понимание содержания которых может быть доступным для всей совокупности других разнообразных индивидуумов данного человеческого сообщества, независимо от особенностей их этических, национальных, теологических представлений. В содержании филологии общения, как предмете журналистики, целесообразно представить возможность исследования проблем при создании условий для взаимосвязи, взаимодействия, взаимопонимания между различными индивидуумами, демонстрирующие друг другу свои страсти, отражающие впечатления от воспринятых новых сведений о сущности изменений условий как своего существования, так и существования других предметов данной области действительности в форме совокупности словесных текстов и актов эмоционального поведения. В границах предмета филологии общения существует возможность создания условий для выбора направления поиска пути проявления такой познавательно-преобразовательной активности людей, при которой становится возможным определение языковых и неязыковых средств взаимосвязи, взаимодействия, взаимопонимания с другими индивидуумами данной области действительности.

Созерцанием с точки зрения как бы со стороны самой материальной действительности можно представить, что вся совокупность предметов данной области действительности стремится к общению. Изменения состояний и свойств неопределенно большого множества предметов данной области действительности вступают во взаимосвязь, взаимодействие и стремятся достичь взаимопонимания. Феноменологический метод может создавать условия для проявления признаков среды общения людей как предметов мыслящих существ, при взаимовлиянии которой с каждым индивидуумом могут проявляться признаки феноменов взаимосвязи, взаимодействия, взаимопонимания, раскрывающих представления предметов мыслящих существ о сущности сознания своего существования в обществе себе подобных других индивидуумов как предметов мыслящих существ и в условиях проявления признаков существования других предметов данной области действительности. Средства массовой информации создают условия для «подмены» непосредственно «естественного» удовлетворения стремлений и страстей людей к общению, «искусственно» создаваемыми условиями «абстрактной иллюзией» общения с «иллюзией» «других людей», в качестве которых выступают авторы материалов печатных текстов средств массовой информации. Таким образом, феноменологический метод филологии общения основан на представлениях о сущности личности человека, как предмете организма мыслящего существа, обладающего феноменами состояний эмоций, проявляемых в свойствах страстных стремлений к выражению этих эмоций в феноменах общения с изменением состояний и свойств других предметов мыслящих существ данной области действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Кодола В.Г.* Интеллектика: интеллектуальная форма движения материи. – Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 617 с.
2. *Кодола В.Г.* Трансцендентальный материализм. – Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. – 692 с.
3. *Кодола Н.В.* Феноменологический метод журналистики. – Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. – 559 с.
4. *Кодола Н.В.* Интервью. Методика обучения. Практические советы: Учеб. пособие для студентов вузов / Н.В. Кодола. – 2-е изд. испр., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 174 с.
5. *Кодола Н.В.* Журналистика как филологический феномен // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 7. – № 4. – 2015. – С. 153–159. DOI: 10.17748/2075-9908.2015.7.4.153-159
6. *Кодола Н.В.* Феноменологический метод филологии // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 5. Том 2. – М.: Наука, 2014. – С. 242-248.
7. *Кодола Н.В.* Феноменологический метод филологического исследования // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии XXXV МНПК вопросы филологии, искусствоведения и культурологии (Новосибирск 16.04.2014). – Новосибирск: СибАК, 2014.
8. *Кодола Н.В.* Феноменологический метод филологического исследования жанра интервью // Русский язык в контексте национальной культуры («Современные языковые процессы в СМИ»): материалы III Международной научной конференции (Саранск 21-23.05.2014). – Саранск: Мордов. гос. ун-т, 2014. – С. 312-323.
9. *Кодола Н.В.* Феноменологический подход к филологическому исследованию журналистики / Современные научные исследования: методологии, теория, практика: материал II Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 2.06.2014). – Нижний Новгород: ЦСРНИ, 2014. – С. 128-135.
10. *Кодола Н.В.* Новые технологии диалога для новых медиа // Журналистика в 2014 году. СМИ как фактор общественного диалога: международная научно-практическая конференция (Москва 6-8.02.2015). – М.: МГУ, 2015. – С. 116-117.

REFERENCES

1. Kodola V.G. *Intellectica: an intelligent form of motion of matter*. [Intellektika: intellektual'naja forma dvizhenija materij]. Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 617 p. (in Russ.)
2. Kodola V.G. *Transcendental materialism*. [Transcendental'nyj materializm]. Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. 692 p. (in Russ.)
3. Kodola N.V. *Phenomenological method of journalism*. [Fenomenologicheskij metod zhurnalistiki]. Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. 559 p. (in Russ.)
4. Kodola N.V. *Interview. Training technique. Practical advice: Proc. A manual for students of universities*. N. In. Kodola. 2nd ed. Rev., revised And enlarged extra. [Interv'ju. Metodika obuchenija. Prakticheskie sovety: Ucheb. Posobie dlja studentov vuzov. N.V. Kodola. 2-e izd. Ispr., pererab. I dop.]. Moskva: Aspect Press, 2011. 174 p. (in Russ.)
5. Kodola N.V. *Journalism as a philological phenomenon*. [Zhurnalistika kak filologicheskij fenomen] *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social Educational Ideas*. Tom. 7. No 4. 2015. Pp. 153-159. DOI:10.17748/2075-9908.2015.7.4.153-159 (in Russ.)
6. Kodola N.V. *Phenomenological method of Philology*. [Fenomenologicheskij metod filologii]. *European Social Science Journal (European journal of social Sciences)*. Moskva: Nauka 2014. No. 5. Volume 2. Pp. 242-248. (in Russ.)
7. Kodola N.V. *Phenomenological method of philological study*. [Fenomenologicheskij metod filologicheskogo issledovaniya.]. In the world of science and art: issues of Philology, art history and cultural studies XXXV International scientific conference. Questions of Philology, art history and cultural studies (Novosibirsk 16.04.2014). Novosibirsk: Sibak, 2014. (in Russ.)
8. Kodola N.V. *Phenomenological method of philological study of the genre of the interview. Russian language in the context of the national culture* ("Modern language processes in the media"). [Fenomenologicheskij metod filologicheskogo issledovaniya zhanra interv'ju. Russkij jazyk v kontekste nacional'noj kul'tury] («Sovremennye jazykovye processy v SMI»); proceedings of the III International scientific- practical conference (Saransk 21-23.05.2014). Saransk: Mordovian state University, 2014. Pp. 312-323. (in Russ.)
9. Kodola N.V. *A phenomenological approach to the philological study of journalism. Current research: methodology, theory, practice*. [Fenomenologicheskij podhod k filologicheskomu issledovaniju zhurnalistiki. Sovremennye nauchnye issledovaniya: metodologii, teorija, praktika]: materials of II International scientific-practical conference (Nizhny Novgorod, 2.06.2014). Nizhny Novgorod: CSRN. 2014. Pp. 128-135. (in Russ.)
10. Kodola N.V. *New technologies of dialogue for new media. Journalism in 2014. The media as a factor of social dialogue*. [Novye tehnologii dialoga dlja novyh media. Zhurnalistika v 2014 godu. SMI kak faktor obshhestvennogo dialoga]: the international scientific-practical conference (Moscow 6-8.02.2015). Moskva: Moscow state University, 2015. Pp. 116-117. (in Russ.)

Информация об авторе

Кодола Наталья Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
nvkodola@mail.ru

Кодола Валерий Григорьевич, доктор педагогических наук, почетный профессор РАН, Москва, Россия
vkodola@mail.ru

Получена: 10.08.2015

Information about the author

Kodola Natalia Valeryevna, Candidate of Pedagogical Science, Associate Professor, of the Chair of journalism and media communications, Moscow State Pedagogical University Moscow city, Russia
nvkodola@mail.ru

Kodola Valery Grigoryevich, Doctor of Pedagogical Science, Honorary Professor, Russian Academy of Natural Sciences, Moscow city, Russia
vkodola@mail.ru

Received: 10.08.2015

УДК 81'27, 811.111

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-319-321

КОРЛЯКОВА Алла Фирсовна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры ан-
глийского языка профессиональной коммуникации

KORLYAKOVA Alla Firsovna,
Candidate for Doctorate in Philology, Associate Profes-
sor, Chair of the English Language in Occupation-
Specific Communication

ШУСТОВА Светлана Викторовна,
доктор филологических наук, профессор

SHUSTOVA Svetlana Viktorovna,
Doctor in Philology, Professor

**К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ
СПЕЦИФИКЕ ОЦЕНКИ («ГОРДОСТЬ» В
АНГЛИЙСКОМ СОЦИУМЕ)**

**AN APPROACH TO THE ISSUE OF
NATIONALLY (ETHNOCULTURALLY)
SPECIFIC VALUATION ('PRIDE' IN ENGLISH
SOCIETY)**

В настоящей статье рассматриваются вопросы актуа-
лизации национальной специфики оценки, которая
входит в общую систему ценностей общества и лич-
ности. Категория оценки является одной из важных
составляющих языковой картины мира и объективи-
руется в единицах языка. Не случайно в связи с этим
выделение наряду с языковой картиной мира цен-
ностной. Данная категория репрезентирует смыслы,
совокупность которых образует определенный тип
культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке. В
предлагаемой статье представлены результаты линг-
вистического эксперимента, целью которого было
выявление национально-специфических особен-
ностей значений и личностных смыслов, закрепленных
за словом «гордость» в морально-этических пред-
ставлениях в английском социуме. Анализ результа-
тов эксперимента позволил реконструировать фраг-
мент картины мира представителей английской куль-
туры и выявить оценочный аспект данного явления.

The paper considered the issues of actualizing the na-
tional/ethno-cultural specifics of (verbal) valuation, which
takes part to the common set of values shared in society
and among individuals. The category of valuation being
one of the most important components to the language-
reflected picture of the world objectifies in language
units. It is no accidental that in this respect an axiological
picture of the world emerges along with the language-
reflected picture of the world. This category represents
the purports, and the latter in their turn create, in the ag-
gregate, a certain type of culture which is maintained by
and kept in the language. The present paper has shown
the outcomes of a linguistic experiment which was aimed
at revealing national / ethno-cultural specifics of mean-
ings and personal purports referred to the word 'pride' in
moral and ethical conceptions in English social medium.
Examination of outcomes of the experiment made it pos-
sible to revitalize the fragment of the picture of the world
shaped by English culture' agents and bring to light a
valuation aspect of this phenomenon.

Ключевые слова: языковая оценка, национальная
специфика, языковая картина мира, значение, англий-
ский социум, слово, лингвистический эксперимент.

Key words: verbal valuation, national specifics, language-
reflected picture of the world, meaning, English social
medium, word, linguistic experiment.

Исследованию языковой оценки посвящены работы многих лингвистов [1, 2, 3, 4]. Изучаются вопросы формирования оценочного значения на разных языковых уровнях (морфологическом, лексическом, синтаксическом), функционирование оценочных единиц в тексте и дискурсе, ведется поиск связей языковой оценки и различных характеристик личности (гендерных, национальных, психологических). Тем не менее национальная специфика оценки до сих пор недостаточно изучена. Поскольку оценочные компоненты значения в картине мира являются теми координатами, на базе которых строится мировоззрение человека и конфликт которых приводит к невозможности или сложности понимания друг другом представителей разных культур, исследование оценочного компонента значения и его варьирования в разных социумах представляется актуальным. В аспекте поставленной задачи особый интерес вызы-
вают морально-этические представления и ценностные установки социума, а также их за-
крепление в лексических значениях отдельных слов. В статье рассматриваются результаты лингвистического эксперимента, целью которого было выявление национально-специфических особенностей значений и личностных смыслов, закрепленных за словом *гордость* в морально-этических представлениях в английском социуме.

Гордость определяется как моральное чувство, в котором отражается внутреннее досто-
инство, самодостаточность и независимость личности. Гордость – моральное чувство, в кото-
ром отражаются высокая оценка человеком своих или чьих-либо достижений и заслуг, осозна-
ние соответствия высоким ценностям и стандартам [5, с. 62]. В христианской этике *гордость*
как общая установка осуждается: она представляет один из смертных грехов, и для того чтобы
подчеркнуть это, иногда используется книжное слово *гордыня*. Отрицательная окраска имеет
место в тех случаях, когда в абсолютном *гордиться* на первом плане не высокомерное пове-
дение, а самопревозношение, которое может до поры до времени никак не проявляться [6,
с. 406]. В Collins, H. Cobuild English Dictionary: *pride* – a feeling of honor and self-respect; a sense
of personal worth [7]. Oxford English Dictionary дает следующие определение: *pride*: 1) A feeling of
deep pleasure or satisfaction derived from one's own achievements, the achievements of one's close
associates, or from qualities or possessions that are wildly admired; The faces of children's parents

glowed with pride; 2) *Consciences of one's own dignity*; a) *The quality of having one excessively high opinion of oneself or one's importance* [8].

В английской группе информантов выделено 83 реакции. Рассмотрим распределение сем, полученных в ходе толкования слова *гордость* английскими информантами, по семантическим зонам. В первой зоне выделена только одна сема 'чувство удовлетворения от сознания достигнутых успехов' (20 реакций). Во второй зоне определены следующие семы: высокомерие (10 реакций), положительное (6 реакций), отрицательное (9 реакций), высокая самооценка (6 реакций), самоуважение (7 реакций). В третьей зоне находятся семы: за других (5 реакций), завышенная самооценка (5 реакций), через качество (4 реакции), градация (4 реакции), желание признания (3 реакции), превосходство (2 реакции), качество (2 реакции), самооценка (1 реакция), умеренность (1 реакция). Анализ реакций показывает, что для англичан гордость, прежде всего, чувство удовлетворения от сознания достигнутых успехов (20 реакций из 32). В зоне актуальных смыслов представлена как положительная (6 реакций из 12), так и отрицательная оценка (9 реакций из 14) с использованием определений 'отрицательное' и 'положительное'.

Отрицательное отношение отражается и в использовании семы 'высокомерие' (10 реакций из 16): *An arrogant sense of superiority*. Присутствует сема 'завышенная самооценка' (5 реакций из 9): *unduly high opinion of oneself; Overestimation of the importance of oneself and one's accomplishments*. Положительное отношение проявляется через сему 'высокая самооценка' (6 реакций из 8): *A high opinion of oneself or one's work; Healthy self-esteem*. Дается определение гордости через выделение каких-либо качеств (чаще в противопоставлении) (4 реакции из 5): *reverse (of modesty); Opposite of modest; Not humble*. Анализ реакций, полученных в ходе эксперимента от информантов английской группы, показал, что основной тип оценки – эмоциональная, выраженная в 39 случаях. Например: *гордость – чувство удовлетворения, успеха, отрицательное, положительное*. Нормативная оценка выражена в 24 реакциях: *гордость – градация, самоуважение, завышенная самооценка*. Этическая оценка определена в 17 случаях: *гордость – высокомерие, превосходство, за других*. Интеллектуальная оценка нашла отражение в 3 реакциях: *гордость – желание признания*.

Гордость – моральное чувство, связанное с высокой самооценкой своих или чьих-либо достижений, оно ориентировано на высокие ценности и стандарты. Проявляется и негативная оценка этого чувства с точки зрения этики, норм морали, то есть в том случае, когда гнев понимается как высокомерие и чувство превосходства над другими. Таким образом, языковая картина мира приобретает гносеологическую ценность, так как может рассматриваться как база данных, на основании которых можно делать выводы об особенностях мировидения. Анализ национальной специфики оценки и, шире, картины мира культурных сообществ позволяет понять, чем они различаются и как гармонизируют пространство мировой культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1988. – 341 с.
2. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 277 с.
3. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 144 с.
4. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте. – СПб., 1999. – 437 с.
5. Этика: Энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.
6. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с. (Язык. Семиотика. Культура).
7. Collins H. Cobuild English Dictionary [Электронный ресурс] // Электронный словарь ABBY Lingvo ×3. – URL: <http://www.lingvo.ru/>
8. Oxford English Dictionary. Электронный словарь ABBY Lingvo ×3. – URL: <http://www.lingvo.ru/>

REFERENCES

1. Arutjunova N.D. Types of linguistic meanings: Assessment. Event. Fact [Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt]. Moscow, 1988. 341 p. (in Russ)
2. Markelova T.V. Semantics of assessment and means of its realization in Russian: monograph [Semantika ocenki i sredstva ee vyrazhenija v russkom jazyke: monografija]. Volgograd: Peremena, 2002. 277 p. (in Russ)
3. Telija V.N. Connotative aspect of nominative units' semantics [Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic]. Moscow: Nauka, 1986. 144 p. (in Russ)
4. Tripol'skaja T.A. Emotive attitudinal vocabulary in the anthropocentric aspect [Jemotivno-ocenocnaja leksika v antropocentricheskom aspekte]. Saint-Petersburg., 1999. 437 p. (in Russ)

5. Ethics: Encyclopedia [Jetika: Jenciklopedicheski slovar'], eds. R.G. Apresjana, A.A. Gusejnova. Moscow: Gardariki, 2001. 671 p. (in Russ)
6. Zaliznjak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Core issues of the Russian linguistic world-image: collected works [Kljuchevye idei russkoj jazykovoj kartiny mira: sb. st.]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 544 p. (Language. Semiotics. Culture. (in Russ)
7. Collins H. Cobuild English Dictionary. ABBY Lingvo ×3. Available at: <http://www.lingvo.ru/> (accessed 23.08.2015)
8. Oxford English Dictionary. ABBY Lingvo ×3. Available at: <http://www.lingvo.ru/> (accessed 25.03.2015)

Информация об авторе

Корлякова Алла Фирсовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка профессиональной коммуникации Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия
southstar@inbox.ru

Шустова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и гуманитарных дисциплин Пермского института экономики и финансов, Пермь, Россия
lanaschust@mail.ru

Получена: 28.08.2015

Information about the author

Korlyakova Alla Firsova, Candidate for Doctorate in Philology, Associate Professor, Chair of the English Language in Occupation-Specific Communication, Perm State National Research University, Perm city, Russia
southstar@inbox.ru

Shustova Svetlana Viktorovna, Doctor in Philology, Professor, Chair of Advertising, Public Relations and Humanities Department, Perm Institute of Economics and Finance, Perm city, Russia
lanaschust@mail.ru

Received: 28.08.2015

УДК 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-322-326

КОТЛЯРОВА Татьяна Сергеевна,
аспирант Омского государственного педагогического
университета

KOTLYAROVA Tatiana Sergueyevna,
Postgraduate Student

**ТЕХНОЛОГИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЕМ
УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ
УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ И
КРИТЕРИИ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ**

**PROCEDURES (TECHNIQUES) OF
EDUCATIONAL GUIDANCE IN SHAPING THE
GENERAL-PURPOSE LEARNING
OPERATIONS PERFORMED BY PRIMARY
SCHOOL PUPILS, AND PERFORMANCE
CRITERIA FOR THESE PROCEDURES
(TECHNIQUES)**

Изучение проблемы формирования УУД младших школьников, сущности влияния педагогического управления на данный процесс приводит нас к осознанию необходимости разработки технологии педагогического управления.

Педагогическое управление формированием универсальных учебных действий рассмотрено с позиций личностно-деятельностного, аксиологического подходов, которые позволили определить его как многомерный процесс взаимодействия учителя и учащихся, имеющий сценарные основания, направленный на развитие универсальных учебных действий младших школьников.

Деятельность педагога как субъекта управления формированием УУД учащихся наполняется управленческо-педагогическим содержанием, которое реализуется через совокупность действий и операций в определенной последовательности, оптимально предполагающей выход на результат.

Ключевые слова: универсальные учебные действия (УУД), управление, технология, логико-смысловая модель, критерии эффективности, показатели.

The paper presented the study of the issue of shaping the general-purpose learning operations (GPLO) in junior school children, and the entity of influence exerted by the educationalist' guidance on the progress that resulted in awareness of the necessity to elaborate guidance procedures (techniques) for educationalists.

The study considered guidance by the educationalist in shaping the general-purpose learning operations from the standpoint of personal involvement and axiological approaches that made it possible to specify it as a multi-dimension procedure of interaction between teacher and students having on the grounds a scenario, aimed at shaping the general-purpose learning acts/ operations in junior schoolchildren.

Operation of the teacher being the agent guiding in the shaping of the general-purpose learning operations in students shall be filled with guidance' and upbringing' content, which shall be implemented in cumulative actions and operations in certain sequence, all of them assuming an optimal attainment of results.

Key words: general-purpose learning operations (GPLO), guidance, procedures (techniques), logic-and-semantic model, performance criteria, indices.

Отечественное образование на современном этапе диктует школе новые парадигмы образования «от определения цели обучения как усвоение знаний, умений и навыков к определению цели обучения как формирование личностных, социальных, познавательных и коммуникативных способностей, обеспечивающих у учащихся умение учиться» [7]. Знания, умения и навыки при этом формируются в тесной связи с действиями самих учащихся и поэтому рассматриваются как следствие соответствующих целенаправленных действий, называемых универсальными учебными действиями (УУД).

В отличие от общеучебных умений и навыков, универсальные учебные действия носят не только надпредметный, метапредметный, но и ценностный характер, что позволяет учащемуся легко ориентироваться не только в учебной, но и в любой жизненной ситуации.

Для представления технологии педагогического управления формированием УУД учащихся начальной школы, характеризующейся нелинейностью и многогранностью, была выбрана логико-смысловая модель, предложенная В.Э. Штейнбергом [8]. Выбор логико-смысловой модели для представления теоретических оснований обусловлен тем, что она позволяет проанализировать структуру управленческой деятельности педагога; реализовать многомерность и нелинейность исследуемой проблемы в логически удобной и компактной форме – форме координатно-матричного каркаса опорно-узлового типа.

Разработанная технология предоставляет преподавателям возможность вариативности и дифференциации в процессе управления формированием УУД, что является необходимым условием осуществления личностного подхода в обучении и позволяет выстроить личностную образовательную траекторию для каждого ученика.

Реализация содержательного и деятельностного этапов технологии осуществляется на основе сценарного подхода. Использование сценариев позволяет учитывать вариативность ситуации, предугадать возможные ее изменения, обеспечить личностный характер обучения.

Приведем пример сценария возможного варианта осуществления технологии.

Сценарий № 8 «Управление-соуправление»

Характеристика учебной ситуации

- по наличию проблемы – проблемная;
- по степени оригинальности – нестандартная;
- по приближенности к жизненным ситуациям – квазизизненная;

Форма организации учебного процесса – урок.

Этапы урока	Возможные приемы (подробно содержание приемов расписано в пособии)	Формируемые УУД
Формирование целей	Формирование проблемы на основе жизненного опыта;	Личностные: понимание личностного смысла учения; ценностные ориентации Регулятивные: принятие познавательной цели Коммуникативные: учим учитывать ситуацию общения, взаимодействовать в групповом диалоге, слушать точку зрения других Познавательные: поиск и выделение необходимой информации, определение основной и второстепенной информации
	Использование незаконченного наглядного образа (схемы, объекта)	Личностные: внутренняя мотивация Регулятивные: принятие познавательной цели Познавательные: анализ объекта. синтез, классификация
	Решение отсроченной загадки на основе жизненной ситуации	Личностные: познавательная мотивация Регулятивные: принятие познавательной цели
	Нахождение скрытой ошибки в данных	Личностные: познавательная мотивация Регулятивные: принятие познавательной цели Познавательные: анализ, синтез, классификация
	Решение кроссворда	Личностные: познавательная мотивация Регулятивные: принятие познавательной цели Познавательные: анализ, синтез, классификация
Этап планирования	Путем поискового диалога проговаривание плана учениками, фиксация плана на доске словами, опорной схемой или условными цветами	Регулятивные: сохранение учебной задачи и своего отношения к ней; планирование своей деятельности совместно с учителем
Сбор информации, формулировка проблемы	Опрос учеников по алгоритму	Личностные: понимание личностного смысла учения, переход из внешней мотивации во внутреннюю Регулятивные: принятие учебной задачи Познавательные: поиск и выделение необходимой информации, выбор наиболее эффективных способов решения, анализ, синтез
	Задача с практической направленностью, не имеющая решения Необычный вопрос «Домино» Вопрос по иллюстрации	
Прогнозирование	«Корзина вопросов»	Личностные: понимание личностного смысла учения Регулятивные: прогнозирование (умение высказывать свое предположение на основе работы с материалом) Познавательные: анализ, синтез, выбор основной и второстепенной информации, постановка и формулирование проблемы
	«Дерево идей» Мастер вопросительный знак	
Принятие решений	«Открытие» нового знания	Личностные: понимание личностного смысла учения Регулятивные: принятие учебной задачи Познавательные: поиск и выделение необходимой информации, применение методов информационного поиска, определение основной и второстепенной информации, самостоятельное создание алгоритмов деятельности при решении проблем творческого и поискового характера
Организация исполнения, коммуникация	Использование различных форм работы: фронтальная, индивидуальная, парная, групповая, работа в парах сменного состава	Личностные: уважение личности, ее достоинства, выполнение моральных норм в отношении сверстников, знание основных моральных норм: справедливое распределение, взаимопомощь, справедливость, честность, ответственность; адекватная самооценка Регулятивные: сохранение учебной задачи Познавательные: применение методов информационного поиска, выбор наиболее эффективных способов решения задач в зависимости от конкретных

		условий, определение основной и второстепенной информации, свободную ориентацию и восприятие текстов художественного, научного, публицистического и официально-делового стилей, умение адекватно, осознанно и произвольно строить речевое высказывание в устной и письменной речи, передавая содержание текста в соответствии с целью (подробно, сжато, выборочно) и соблюдая нормы построения текста (соответствие теме, жанру, стилю речи и др.)
Контроль и оценка	Оценка учителя (отметка и речевая сентенция) Взаимооценка Самооценка: Таблица «Х-З-У» Бортовой журнал Синквейн	Личностные: адекватная самооценка Регулятивные: ориентируется на правило контроля и успешно использует его в процессе решения задач Познавательные: рефлексия способов и условий действия, контроль и оценка процесса и результатов деятельности
Коррекция	Ученик осуществляет работу над ошибками по алгоритму самостоятельно	Регулятивные: внесение исправлений по наводящим вопросам учителя Познавательные: рефлексия способов и условий действия

Последние три этапа могут несколько раз циклично повторяться в течение учебного занятия, в зависимости от замысла учителя и содержания материала.

Для получения объективной информации об эффективности технологии необходимо опираться на систему критериев и показателей результативности формирования универсальных учебных действий.

При выделении уровней мы опирались на работы Л.С. Выготского, В.В. Давыдова, А.Н. Леонтьева [2], П.Я. Гальперина [5], С.Л. Рубинштейна [3] и др. Согласно их подходу, любая деятельность связана с содержательным познанием и эффективной реализацией, что возможно на определенном уровне. Опираясь на системный, компетентностный и аксиологический подходы, мы распределили личностные новообразования младшего школьника в формировании универсальных учебных действий по уровням: репродуктивному (действие по образцу, алгоритму), продуктивному (поиск и нахождение нового способа действия) и творческому (самостоятельное выдвижение гипотез, рефлексия). На любом из этих уровней цель учителя сделать учебную задачу важной для ученика, личностно-принятой и осознанной. Объем статьи позволяет нам привести пример только одной группы универсальных учебных действий.

Критерии сформированности регулятивных УУД:

1. Целеполагание (личностная функция, обеспечивающая процесс построения мысленного образа будущего результата деятельности – цели), осознание и субъективное принятие этого образа, а также регуляция собственной деятельности субъекта, направленной на достижение этой цели [4]):

а. На репродуктивном уровне ученик определяет и формулирует цель деятельности на уроке с помощью учителя; принимает учебную задачу. Принимает простейшие цели (не предполагающие промежуточные цели-требования). Может ответить на вопросы о том, что он собирается сделать или что сделал. Принимает и выполняет практические задачи;

б. На продуктивном уровне ученик сохраняет учебную задачу и свое отношение к ней. Принятая познавательная цель сохраняется при выполнении учебных действий и регулирует весь процесс их выполнения;

с. На творческом уровне ученик самостоятельно формулирует тему и цели урока; умеет различать объективную трудность задачи и субъективную сложность. Столкнувшись с новой практической задачей, самостоятельно формулирует познавательную цель и строит действие в соответствии с ней.

2. Планирование (в соответствии с концепцией ориентировочной деятельности П.Я. Гальперина субъект начинает планировать свои действия при попадании в новую ситуацию, где «наличных механизмов недостаточно и нужно или заново наметить действие или приспособить, подогнать его к наличным условиям» [5]):

а. На репродуктивном уровне ученик понимает и проговаривает последовательности действий; умеет работать по предложенному учителем плану;

б. На продуктивном уровне ученик составляет план работы совместно с учителем;

с. На творческом уровне ученик может сам четко распланировать свою деятельность; работать по плану, сверяя свои действия с целью и задачами.

3. Прогнозирование (предвосхищение результата и уровня усвоения, его временных характеристик) [1]:

а. На репродуктивном уровне ученик умеет высказывать свое предположение на основе субъектного опыта;

б. На продуктивном уровне ученик высказывает свое предположение на основе работы с материалом;

с. На творческом уровне ученик умеет различить важную и неважную информацию; вычленить суть; высказывает свое предположение на основе работы с материалом; строит гипотезы.

4. Контроль (заключается в определении соответствия других учебных действий условиям и требованиям учебной задачи. Он помогает ученику, меняя операционный состав действий, выявлять их связь с теми или иными особенностями условий решаемой задачи и свойствами получаемого результата):

а. На репродуктивном уровне ученик умеет обнаружить свои ошибки и недочеты с помощью учителя, осознает правило контроля, но затрудняется одновременно выполнять учебные действия и контролировать их, исправляет и объясняет ошибки;

б. На продуктивном уровне при выполнении действия ученик ориентируется на правило контроля и успешно использует его в процессе решения задач, почти не допуская ошибок. Решая новую задачу, применяя старый, неадекватный способ, с помощью учителя обнаруживает это и пытается внести коррективы;

с. На творческом уровне в диалоге с учителем вырабатывает критерии оценки и определяет степень успешности своей работы и работы других в соответствии с этими критериями. Самостоятельно обнаруживает ошибки, вызванные несоответствием усвоенного способа действия и условий задачи, вносит коррективы.

5. Коррекция (внесение необходимых дополнений и корректив в план и способ действия в случае расхождения эталона, реального действия и его продукта):

а. На репродуктивном уровне ученик вносит соответствующие исправления с помощью эталона;

б. На продуктивном уровне вносит исправления по наводящим вопросам учителя;

с. На творческом уровне ученик умеет в ходе работы корректировать свою деятельность.

6. Оценочные действия (выделение и осознание учащимися того, что уже усвоено и что еще подлежит усвоению, осознание качества и уровня усвоения (констатация достижения поставленной цели или меры приближения к ней и причин неудачи, отношение к успеху и к неудаче):

а. Умеет адекватно воспринимать оценки и отметки, осуществлять самооценку по алгоритму. Умеет самостоятельно оценить свои действия и содержательно обосновать правильность или ошибочность результата, соотнося его со схемой действия;

б. Приступая к новой задаче, может с помощью учителя оценить свои возможности для ее решения, учитывая изменения известных ему способов действий;

с. Умеет адекватно воспринимать оценку, оценивать свою работу и работу других, критическое отношение. Актуально-адекватная прогностическая оценка: приступая к решению новой задачи, может самостоятельно оценить свои возможности в ее решении, учитывая изменение известных способов действия.

7. Волевая саморегуляция (произвольность – это сознательная, преднамеренная, опосредствованная регуляция действия в соответствии с изменяющимися условиями ситуации (Н.Г. Салмина, О.Г. Филимонова) [1].

а. На репродуктивном уровне: произвольность поведения, умения следовать плану, выполнение требований учителя;

б. На продуктивном уровне: способность принимать, сохранять цели и следовать им в учебной деятельности;

с. На творческом уровне: целеустремленность и настойчивость в достижении цели; готовность к преодолению трудностей, формирование установки на поиск способов разрешения трудностей.

Итак, разработанная нами логико-смысловая модель технологии педагогического управления формированием УУД младших школьников, применение сценарного подхода в осуществлении педагогического управления позволяет осуществлять гибкое вариативное управление развитием всех компонентов универсальных учебных действий в зависимости от лично-

сти и индивидуальности ребенка, конкретной педагогической ситуации. Применение данного подхода обеспечит проведение качественного и количественного анализа возможных «развилки» и альтернатив развития универсальных учебных действий обучающихся, определение наиболее вероятных сценариев их формирования, а также программы действий педагога, направленных на реализацию наиболее выгодных сценариев для положительной динамики формирования УУД (от репродуктивного уровня – к продуктивному и далее к творческому) и снижение рисков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Карабанова О.А.* Программа универсальных учебных действий в начальной школе // Управление начальной школой. – 2010. – № 1.
2. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. Избранные психологические произведения. Т.2. – М., Педагогика, 1983. – 304 с.
3. *Рубинштейн С.Л.* Принципы творческой самостоятельности // Вопросы психологии. – 1989. – № 4. – С.89-95.
4. *Сивова И.С.* Развитие целеполагания младших школьников в учебной деятельности: Дис.... канд. пед. наук. – Владимир: ГПУ, 1999.
5. Управление познавательной деятельностью учащихся / Под ред. П.Я. Гальперина, Н.Ф. Талызиной. – М.: МГУ, 1972. – 262 с.
6. *Усова А.В.* Учись самостоятельно учиться / А.В. Усова, В.А. Беликов. – М.: Просвещение, 2003. – 126 с.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования / редакторы И.А. Сафронова, М.П. Антонова. – М.: Просвещение, 2014 г. – 48 с.
8. *Штейнберг В.Э.* Дидактические многомерные инструменты: теория, методика, практика (монография). – М.: Народное образование, 2002. – 304 с.

REFERENCES

1. *Karabanova O.A.* The program is universal educational actions in primary schools.[Programma universal'nyh uchebnyh deystvij v nachal'noj shkole]. *Upravlenie nachal'noj shkoloi*.2010. no. 1. (in Russ.)
2. *Leontiev A.N.* Activities. Consciousness. Personality. Selected psychological works.[Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya.]. V.2. *Moscow. Pedagogy*. 1983. 304 p. (in Russ.)
3. *Rubinstein S.L.* The principle of creative initiative [Principy tvorcheskoj samodejatel'nosti].*Questions of psychology*. 1989. No.4. P.89 -95. (in Russ.)
4. *Sivova I.S.* The development of goal-setting younger schoolboys in educational activities: Dis cand. of ped. sciences. [Razvitie celepolaganija mladshih shkol'nikov v uchebnoj dejatel'nosti: Dis.... kand. ped. nauk]. *Vladimir: Gosudarstvennyj Pedagogicheskij Universitet*. 1999. (in Russ.)
5. Management of informative activity of pupils. Ed. by Galperina P.Y., Talyzina N.F. *Moscow. MGU*. 1972. 262 p. (in Russ.)
6. *Usova A.V.* Learn self-study. *Usova A.V., Belikov V.A.* [Uchis' samostojatel'no učit'sja. A.V. Usova, V.A. Belikov]. *Moscow. Education*. 2003. 126 p. (in Russ.)
7. The federal state educational standard of primary education editors. *Safronova I.A., Antonova M.P.* *Moscow. Education*. 2014. 48 p. (in Russ.)
8. *Steinberg V.E.* Didactic multidimensional tools: theory, methodology, practice (monograph).[Didakticheskie mnogomernye instrumenty: teorija, metodika, praktika (monografija)]. *Moscow. Education*. 2002. 304 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Котлярова Татьяна Сергеевна, аспирант Омского государственного педагогического университета, учитель начальных классов г.Омска «Гимназия № 115», Омска, Россия
katiatania@mail.ru

Получена: 21.092015

Information about the author

Kotlyarova Tatiana Sergueyevna, Postgraduate Student, Omsk State University of Pedagogics, Primary School Teacher of Elementary School Institution "Grammar School № 115", Omsk city, Russia
katiatania@mail.ru

Received: 21.092015

УДК 81

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-327-330

КРУЗЕ Ирина Игоревна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков

KRUZE Irina Igorevna,
senior lecturer in German

**К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛЕТНИХ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ
ЯЗЫКОВЫХ ШКОЛ В КОНТЕКСТЕ
НЕФОРМАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ
РОССИЙСКОГО ВУЗА**

**THE ROLE OF PROFESSIONAL LANGUAGE
SUMMER SCHOOLS IN THE CONTEXT OF
INFORMAL EDUCATION OF RUSSIAN
UNIVERSITY STUDENTS**

В данной статье рассматривается роль российско-австрийских Летних профессионально-ориентированных языковых Школ как неформального компонента в системе профессионально-языковой подготовки будущих специалистов в области юриспруденции. Возможность включиться в программу двойного дипломирования в рамках академической мобильности, которая успешно реализуется в РУДН с момента вхождения вузов России в Болонский процесс, предполагает разработку каждым обучающимся индивидуальной образовательной траектории. Это способствует тому, что обучающиеся самостоятельно ставят конкретную цель, планируют пути ее достижения и отслеживают этапы, внося необходимые корректировки, объективно оценивая достигнутые результаты, подтверждая концепцию современной образовательной парадигмы «от обучения на всю жизнь к обучению на протяжении всей жизни». На конкретных примерах автор показывает возможности программ Летних профессионально-ориентированных языковых школ в ориентации на конкретные образовательные запросы студентов-юристов, в формировании ответственности обучающихся за результат образовательной деятельности, самооценки получаемых результатов на основе индивидуальных значимых критериев, что способствует повышению активности обучающихся и формированию компетенций работы в команде на принципах уважения и взаимопонимания.

The article highlights the role of Russian-Austrian Summer Language Schools as an informal component in the system of professional language training for future specialists in the field of law. The possibility to join the double diploma program in the frame of academic mobility which is successfully realized in the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR) since the Russian Federation joined the Bologna process implies that each student should develop an individual educational trajectory. It enables students to set concrete objectives of the training, to control the training stages, to introduce the necessary corrections, to assess objectively the achieved results and to support the concept of the modern educational paradigm "from learning for life to lifelong learning". The examples given in the article prove the potential of Summer Language Schools for future lawyers enhancing their responsibility for the results of the educational activity, their self-assessment based on individual significant criteria, motivating the learners to build up their competencies of team activities on the principles of mutual respect and understanding.

Ключевые слова: Летние профессионально-ориентированные языковые Школы, неформальный компонент, профессионально-языковая подготовка, программа двойного дипломирования, концепция современной образовательной парадигмы, «от обучения на всю жизнь к обучению на протяжении всей жизни», Болонский процесс, индивидуальная образовательная траектория, результат образовательной деятельности.

Key words: Russian-Austrian Summer Language Schools for specialists, an informal component, professional language training, double diplomas program, the modern educational paradigm, "from learning for life to lifelong learning", the Bologna process, an individual educational trajectory, individual significant criteria.

Базисом социально-экономического прогресса общества стали знания. Это легло в основу концепции современной системы образования «от обучения на всю жизнь к обучению через всю жизнь» и отражает потенциал и задачи неформальной составляющей образования. Именно эта составляющая становится важным компонентом реализации концепции образования на протяжении жизни [1].

Исходя из задач и реалий подготовки специалистов в области юриспруденции, кафедра иностранных языков юридического института Российского университета дружбы народов участвует в работе российско-австрийских Летних профессионально-ориентированных языковых Школ. На протяжении 15 лет занятия Школы проходят в июле на юридическом факультете университета им. Париса Лодрона в городе Зальцбург (Австрия). Отбор претендентов на поездку в Зальцбург начинается с начала I семестра. Первокурсники получают информацию о возможности участия в работе Летней Школы на первых занятиях по немецкому языку и через электронный кабинет преподавателя на учебном портале РУДН [2]. Родители также имеют доступ к этой информации. Бесплатные занятия Летних Школ предоставляют каждому студенту юридического института возможность включиться в программу двойного дипломирования в рамках академической мобильности, которая успешно реализуется в РУДН с момента вхождения вузов России в Болонский процесс.

Участие в программе российско-австрийских Летних профессионально-ориентированных языковых Школ предполагает прежде всего владение немецким языком на уровне не ниже A2. Именно этот уровень позволяет обучающимся не только понимать основные положения лекций и семинарских занятий, проводимых специалистами – носителями языка, но и участвовать (по-

сле предварительной языковой подготовки) в обсуждении вопросов, связанных с профессиональными проблемами [3].

Полученная информация способствует тому, что каждый желающий проектирует собственный «образовательный маршрут» подготовки к участию в работе Летней Школы, что впоследствии становится основой вхождения в программу двойного дипломирования. Моя задача как педагога проконсультировать при необходимости и оказать помощь в работе с Контрольными листами самооценки Языкового Портфеля в ходе реализации составленного «образовательного маршрута». Те, кто начинает изучение немецкого языка в группах с 0, имеют возможность в конце I семестра сдать международный экзамен Start Deutsch 1, а к концу II семестра обучения Start Deutsch 2. Количество аудиторных часов по программе обучения немецкому языку (формальный аспект обучения) не позволяет провести эффективную подготовку к овладению необходимыми компетенциями понимания иноязычной речи на слух, при чтении, во время письменной коммуникации и говорении на данных уровнях без использования потенциала самостоятельных занятий во внеаудиторное время (неформальный аспект обучения). Для этого в электронном кабинете преподавателя на сайте университета существуют разделы „Wiederholung A1“, „Wiederholung A2“, „Wiederholung B1“, „Vorbereitung auf die Prüfung Start Deutsch 1“, „Vorbereitung auf die Prüfung Start Deutsch 2“, „Vorbereitung auf die Prüfung Zertifikat Deutsch“ [2].

Мотивировка разработки с первых занятий индивидуальной образовательной траектории способствует тому, что обучающиеся самостоятельно ставят конкретную цель, планируют пути ее достижения и отслеживают этапы достижения цели, внося необходимые корректировки, объективно оценивая достигнутые результаты. Это пример того, как студенты-правоведы учатся расширять и продуцировать новые знания и ценности, а не только воспроизводить накопленный опыт и, не менее важное, на наш взгляд, брать ответственность за процесс обучения на себя. Это первые шаги на пути полноценной самореализации личности в жизни, культуре и будущей профессии.

Российско-австрийская Летняя профессионально-ориентированная языковая Школа это часть проекта совместной научно-педагогической деятельности кафедры иностранных языков юридического института РУДН и юридического факультета университета им. Париса Лодрона (Зальцбург, Австрия), программа подготовки специалистов в области юриспруденции, способных конкурировать на международном рынке труда. Обе стороны тщательно обсуждают тематику лекционных и семинарских занятий, а также кандидатуры лекторов, стараясь привлечь к работе со студентами не только профессорско-преподавательский состав обоих вузов, но и ведущих специалистов Еврокомиссии и практикующих юристов Австрии и Германии. За последние годы спектр обсуждаемых тем охватывал различные правовые проблемы от «Подготовки Олимпийских Игр в Сочи и решения проблем сохранения окружающей среды», «Международных аспектов спортивного права», «Европейских ценностей, демократии и правового государства» до «Взаимоотношений России с Евросоюзом: проблем и способов их решения»:

1. Olympische Spiele in Sotschi und Umweltschutzprobleme
2. Russland, Österreich und die Europäische Union im ersten Jahrzehnt des 21. Jahrhunderts
3. Internationaler, europäischer und vergleichender Menschenrechtsschutz
4. Internationales und vergleichendes Sportrecht und Sportschiedsgerichtsbarkeit
5. Europäische Werte, Rechtsstaat und Demokratie
6. Russland-EU Beziehungen: rechtliche und politische Aspekte
7. Aktuelle Herausforderungen der EU-Russland Politik

В рамках программ российско-австрийских Летних профессионально-ориентированных языковых Школ будущие специалисты в области юриспруденции знакомились с ключевыми моментами российского и австрийского права по вопросам охраны окружающей среды; анализировали международные, европейские и сравнительные аспекты защиты прав человека и обсуждали деятельность Европейского суда по правам человека; имели уникальную возможность на конкретном примере включения в списки участников Олимпийских Игр спортсмена одной из Олимпийских сборных познакомиться с аспектами спортивного права, существующего на стыке конституционного, международного, административного и гражданского права; занимались такими проблемами, как допинг, отбор спортсменов на международные соревнования, решение споров между спортсменами и клубами на уровне федерации и на международном, трансфер спортсменов и правовые нормы, соблюдение трудовых договоров в спортивных клубах. За последние два года студенты отработали ключевые понятия европейских ценностей; сравнивали австрийское и российское конституционное право; занимались проблемами Европейской дипломатической службы, правовыми аспектами отношений Евросоюза и России по вопросам энергетики, экономики, визового режима; обсудили правовые подходы решения проблемы

Крыма, познакомились с основными аспектами взаимодействия в рамках Восточного партнерства.

Для того, чтобы быть активным участником лекционных и семинарских занятий, на достойном уровне подготовить презентации по предложенным темам, необходимо владение немецким юридическим языком. В программы Летних Школ обязательной составляющей входят практические занятия коммуникативным и юридическим немецким языком, которые проводят специалисты лингвисты из Зальцбурга, владеющие русским языком. В первый день занятий студентам предлагается написать тест (Einstufungstest), по результатам которого формируются три группы на уровне A2, B1 и B2-C1. Языковые занятия проходят в течение двух недель с 9 часов утра до обеда. Материал, который отрабатывается на этих занятиях, соответствует основной тематике лекций, семинарских занятий и дискуссий, запланированных во второй половине дня. Каждый обучающийся имеет возможность формировать компетенцию понимания языка профессии на слух, при чтении, в письменной коммуникации и устном общении, прежде всего, с носителями языка. С сокурсниками организована работа в парах и мини-группах. Выделено время и для индивидуального выполнения коммуникативных заданий. Так как группы распределены по уровням, то и подходы к отработке языкового материала, и объем предъявляемого материала соответствуют уровням языковой подготовки, но, одновременно, унифицированы. Предоставлена возможность перехода из одной группы в другую. Для всех желающих и тех, кто испытывал затруднения в работе с языковым материалом на занятиях, каждый вечер проводятся консультации в общежитии и дополнительный материал вывешивается в электронном кабинете преподавателя [2]. Каждый участник программы имеет неограниченный бесплатный доступ к Интернету. После обеденного перерыва во второй половине дня проводятся лекции, семинарские занятия, дискуссии, подготовка презентаций и заключительного саммита. Перед участниками программы выступают ведущие эксперты Еврокомиссии, практикующие юристы и руководители различных структурных подразделений, профессора университетов из России и Австрии, руководители Ландтага федеральной земли Зальцбург. Эта часть программы предоставляет каждому участнику уникальную возможность задать вопрос специалисту носителю языка, вступить в дискуссию, высказать свою точку зрения и выслушать противоположную сторону. Необходимо особо подчеркнуть роль неформального компонента в предоставлении возможности воплощения на практике профессиональной компетенции, столь важной для общения, взаимодействия, сотрудничества и межкультурного диалога – основной составляющей участия в демократических процессах.

Завершением работы традиционно становятся групповые презентации в рамках итоговой конференции или саммита. Подготовка презентаций проходит в смешанных группах: австрийские и российские студенты разрабатывают по желанию одну из обсуждаемых тем. Участники других групп внимательно следят за презентацией, задают вопросы, дают комментарии, высказывают замечания и дополнения. Такая совместная деятельность направлена на формирование компетенции работы в международной команде. Вот темы некоторых презентаций: „Olympische Spiele und Umweltschutzprobleme“, „Recht im Sport“, „Ambush Marketing im Sport“, „Doping Sanktionen“, „Spielertransfer und Sponsoring“, „Mobilität“, „Visaprobleme“, „Europäisches Parlament“, „Menschenrechte“, „EU und Beziehungen zu den Nachbarländern“, „Energiepolitik“, „Europäische Kommission, europäisches Parlament und europäischer Rat“. Заключительный саммит 2015 г. был посвящен теме „Russland EU Beziehungen“. В течение нескольких часов студенты из России и Австрии не только обсуждали основные проблемы взаимоотношений на современном этапе, но и предложили конкретные правовые решения многих проблем. Эти предложения были оформлены в пресс-релизе и отправлены г-ну М. Мартино, эксперту Европейской службы внешнеполитической деятельности Еврокомиссии, выступившему с лекцией перед студентами [2].

Участие в программе российско-австрийских Летних профессионально-ориентированных языковых Школ основано на активности и мотивации обучающихся, характеризуется внутренней ответственностью каждого участника за результат образовательной деятельности и формированием компетенции самооценки получаемых результатов на основе значимых для каждого критериев. В ходе этого процесса активизируется аналитическая работа, инициатива, формирование собственной позиции внутри учебного процесса. Все вышеперечисленное способствует воспитанию взаимопонимания, основанного на уважении и толерантности, а также мобильности в изменяющихся условиях современного мира. Это и служит доказательством социального признания (одной из форм валидности неформального обучения), направленного на закрепление статуса и самооценки каждого участника добровольной деятельности российско-австрийской Летней профессионально-ориентированной языковой Школы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Report of Committee on Culture and Education: Non-Formal Education, 15 December 1999. Available at: <http://assembly.coe.int/ASP/Doc/XrefViewHTML.asp?FileID=8807&Language=en> (accessed of 27. June 2015)
2. Учебный портал РУДН. Личный кабинет преподавателя. Режим доступа: <http://web-local.rudn.ru/web-local/rep/rj/index.php?id=3303>
3. Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen: lernen, lehren, beurteilen. Available at: <http://www.goethe.de/z/50/commeuro/i0.htm> (accessed of 20. July 2015)

REFERENCES

1. Report of Committee on Culture and Education: Non-Formal Education, 15 December 1999. Available at: <http://assembly.coe.int/ASP/Doc/XrefViewHTML.asp?FileID=8807&Language=en> (accessed of 27. June 2015)
2. The International Office PFUR Personal Area teacher [Uchebnyy portal RUDN lichnyy kabinet prepodavatelya] Available at: <http://web-local.rudn.ru/web-local/rep/rj/index.php?id=3303>. (in Russ, Ger.).
3. Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen: lernen, lehren, beurteilen. Available at: <http://www.goethe.de/z/50/commeuro/i0.htm> (accessed of 20. July 2015).

Информация об авторе

Крузе Ирина Игоревна, старший преподаватель кафедры иностранных языков юридического института Российского университета дружбы народов, Москва, Россия
kruseirina@rambler.ru

Получена: 05.08.2015

Information about the author

Kruze Irina Igorevna, Senior lecturer, Chair of Foreign Languages, Institute of Law, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow city, Russia,
kruseirina@rambler.ru

Received: 05.08.2015

УДК 8

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-331-334

КРУПЕНИНА Мария Игоревна,
аспирантка кафедры литературы

KRUPENINA Maryia Igorevna,
Postgraduate student, Chair of Literature

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА «РОМАН
СТАНОВЛЕНИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ Ч.
ДИККЕНСА**

**TRANSFORMATION OF THE NOVEL
DEVELOPMENT GENRE
(ENTWICKLUNGSROMAN) IN THE NOVELS
BY CHARLES DICKENS**

В статье рассматривается проблема становления личности в романах Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста» и «Большие надежды» в контексте переосмысления традиции романа становления. С учетом концепций «субъектного» романа, а также художественных особенностей прозы писателя, герой рассматривается как субъект-в-становлении, а авторский вариант «романа становления» интерпретируется как роман инициации. Статья рассматривает романы Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста» и «Большие надежды» с перспективы архетипов героя и «инициации» К.Г. Юнга с дополнительной ссылкой на современную критику романа. Названные произведения Ч. Диккенса рассматриваются здесь с точки зрения «символического представления», соглашаясь с тем, что литература приобретает свою повествовательную силу благодаря древним и бессознательным символам, которые составляют природу видов, отвечающих архетипическим образам и повествовательной структуре, затрагивающей фундаментальные экзистенциальные темы и интересы. Творческое достижение автора, таким образом, становится результатом напряженности между коллективным бессознательным и личностным развитием или эго.

The article highlights the problem of individual identity formation in the novels "Oliver Twist" and "Great Expectations" by Ch. Dickens in the context of rethinking the tradition of the novel's formation. Taking into consideration the concepts of "subjective" novel and artistic features of the writer's prose, the hero is seen as a subject-in-formation, and the author's version of "novel of formation" is interpreted as a novel of initiation. The article considers the novels by Dickens "Oliver Twist" and "Great Expectations" from the perspective of the archetypes of the hero and "initiation" expressed by K. G. Jung with an additional reference to the contemporary criticism of the novel. These works by Charles Dickens are considered here in terms of "symbolic representation", agreeing that literature gets its narrative strength through ancient and unconscious symbols that make up the nature of the species relevant to the archetypal images and narrative structure, touching upon fundamental existential themes and interests. Thus the creative achievement of the author becomes the result of tension between the collective unconscious and the ego or personal development.

Ключевые слова: Ч. Диккенс, роман становления, инициация, субъект-в-становлении.

Key words: Ch. Dickens, Entwicklungsroman, initiation, subject-in-the development.

Дж. Кэмпбелл, американский исследователь мифологии, утверждает, что достаточно одного повествования, чтобы герой двигался к своей цели, преодолевая препятствия, чтобы реализовать свой потенциал. Он назвал это мономифом, где выделил стадии отделения, инициации и возвращения, наблюдаемых в повествовании рассматриваемых нами романов. В книге «Тысячеликий герой» он образно суммирует схему обряда инициации: «Путь мифологического приключения героя обычно является расширением формулы всякого обряда перехода: уединение – инициация – возвращение, которую можно назвать центральным блоком мономифа. Герой отправляется из мира повседневности в области удивительного и сверхъестественного, где встречается с фантастическими силами и одерживает решающую победу. Исполненный таинством приключения, герой возвращается наделенный способностью нести благо своим соплеменникам» [2, с. 37-38].

Для современных критиков и литературоведов стало привычным делом рассматривать путешествие литературного героя, такого, например, как Одиссей (как гомеровский, так и джойсовский), с мифологической точки зрения. Вся литература, согласно Н. Фраю, канадскому филологу, имеет дело с мифологическими путешествиями, в которых есть конфликт смерти, исчезновения, появления героя. Все героические поиски «имеют общую форму снижения в темноту и риск после возрождения» («has the general shape of a descent into darkness and peril followed by a renewal of life») [8, с. 135-136] Он отмечает популярность интеграции «мифической структуры в реалистическую литературу», где происходит «замена на, по существу, маскирующие мифические элементы – для того, чтобы достичь убедительности» («displacement, essentially deemphasizing and disguising the mythic elements in order to achieve plausibility») [8, с. 136]. Именно рассмотрение того, каким образом приключение, пережитое главными героями рассматриваемых нами произведений, обобщает в «маскирующей» и «неподчеркивающей» форме опыт архаичного обряда инициации, и является целью нашего анализа.

Мотив страданий и преодоление трудностей маленьких героев Ч. Диккенса был, возможно, вдохновлен концепцией Ж.Ж. Руссо об изначальной невинности ребенка, а также поэтами романтиками, в особенности творчеством Вордсворта, воспевавшего высшую природу детства. Идея, что именно детство конструирует будущего взрослого, кульминируется в викторианских идеях Фрейда о детстве как источнике испорченных взрослых [5]. Диккенс связывает эту кон-

цепцию детства с темными мотивами и темами. Оливер Твист, таким образом, рассматривается как 'puer aeternus' и 'senex' архетипы [6, ч. 1]. Многие из его романов начинаются с детства и затем омрачаются различными видами тюрем, контрастируя с невинностью и свободой, коррупцией и контролем [9, с. 14]. «Неизменная привлекательность Оливера превращает его в агента искупления в падшем мире» («unchanging grace make him an agent of redemption in the fallen world») [7, с. 14]. Оливер – святой, «образцовая священная сущность, статический значок в падшем мире» («an exemplary sacred essence, a static icon in a violently fallen world») [7, с. 15]. Иными словами, цель героя в романах Ч. Диккенса приобретает форму созидательного, творческого и по сути своей «фаустовского» стремления к высшей истине, доступной лишь посвященным.

Это, в свою очередь, позволяет интерпретировать роман становления Диккенса как роман «инициации». Таким образом, герой романов Диккенса, находясь на пути познания, изобилующем разнообразными мировыми духовными практиками, подводит читателя к программному для писателя тезису о первооснове всего сущего. Это соответствует также еще одному критерию романа – определенной степени автобиографичности: путь героя отражает духовные поиски самого писателя. Символический процесс инициации находится в тесной связи с мотивом пробуждения. Согласно М. Вюнш, герой из «жизни в биологическом смысле», являющейся при этом состоянием «не-жизни в метафорическом смысле», идет по пути поиска себя к «жизни в эмфатическом смысле» [10, с. 228-229]. Следовательно, инициация героя подразумевает не только эмансипацию его истинного «я», но и его пробуждение к истинной жизни. Мотив бодрствования как один из ключевых в романах Диккенса становится приметой жизни, в то время как сон уподобляется небытию, смерти. Однако процесс «пробуждения» является поэтапным. Так, Кэмпбелл выделяет три стадии инициации: уединения, состоящую в откреплении личности от группы, а также «лиминальный», или пороговый, период перед будущей переменой; затем происходит процесс инициации, в результате чего происходит стадия возвращения «нового» героя. Данные этапы инициации имеют место в романах Диккенса. Героя Диккенса мы всегда видим примерно в одной и той же ситуации: покинутая всеми, одинокая, исключенная из социума фигура. Лиминальность, или «пороговость», субъекта отражается, согласно В. Тэрнеру, в его неоформленности [4, с. 169]. Так Оливер Твист, без воспоминаний о прошлом и собственном «я», живет в работном доме миссис Манн. Мотив сиротства как априорного одиночества особенно отчетливо актуализируется в романах «Приключения Оливера Твиста» и «Большие надежды». Пип, герой романа «Большие надежды» – сирота под опекуном своей тиранической сестры. «Неоформленность» главного героя «до раскрытия его истинного характера» является латентным периодом перед будущей переменой и выражается в безымянности: лишь в конце романа читатель узнает истинную идентичность героев, которую невозможно обрести без истинного имени.

Тем не менее, в своей «неопределенности» герой оказывается избранным для пути инициации, готовым к пробуждению. Началом его путешествия служит так называемый «зов к странствиям» или «пробуждение Самости». Д. Кэмпбелл утверждает, что «зов к странствиям» означает, что судьба позвала героя и перенесла центр его духовного тяготения за пределы его общества, в область неизвестного» [2, с. 68]. Однако «зов» всегда имеет «предвестника приключения» [2, с. 64]. Оливеру был брошен вызов о необходимости путешествия, которое обещает духовное возрождение через смерть и воскрешение. Таким образом, для Оливера «зовом» является жестокость окружающих, для Пипа – известие о богатстве. Последователь К.Г. Юнга К. Нойманн объясняет психологическую сущность этого процесса следующим образом: «Сражение с драконом первого периода [начало полового созревания – К.М.] начинается со встречи с бессознательным и заканчивается героическим рождением "эго"» [3, с. 400]. Принимая вызов, Оливер приступает к выполнению задания, которое, в отличие от существования в Лондоне, жизнеутверждающе и морально однозначно.

В романе «Приключения Оливера Твиста» «зов» к поиску Самости субъекта расщеплен на две параллельные инкарнации (алхимика Фейджина и самого Оливера) и проявляется во взаимонаправленных импульсах: для Фейджина – это шкатулка с драгоценностями, где он хранит и прячет информацию об истинной идентичности Оливера, то есть прошлого мальчика; для Оливера Твиста – видения Фейджина в состоянии полусна. Для Пипа в романе «Большие надежды» «зов» оборачивается зовом разочарования в джентельменских идеалах и Лондонском свете. Кроме того, это единственный роман, в котором автор отклоняется от общей схемы динамики образа и делает лейтмотивом произведения крах субъекта. В романах также представлен образ наставника как «проводника», помогающего преступить порог посвящения. Художественная миссия учителя, как подчеркивает С. Гайжюнас, заключается «не в том, чтобы предотвратить заблуждение, а в том, чтобы руководить заблудившимся, помочь найти самого

себя» [1, с. 28]. В романе «Большие надежды» таким проводником предстает каторжник Мэгвич, помогающий Пипу деньгами. В «Приключениях Оливера Твиста» это образ мистера Браунлоу, предлагающий герою две опоры – знание и веру. В других же романах Диккенса, растворяясь в фантазмагорическом изображении реальности, проводник героя становится также проводником фантастического начала. К примеру, в романе «Приключения Оливера Твиста» катализатором событий и, соответственно, динамики субъекта выступает фигура «зловещего» Фейджина – трикстера, имя которого кодифицирует «зеркальность» как принцип существования в целом и пути субъекта в частности: он «отражает» кровожадность предков, а в лондонских волнениях – события Англии: создание рабочих домов и законов о бедных.

Состояния полусна и кошмар пробуждения характерны для героев, подвергающихся процессу обряда инициации. Криминальная преисподняя, в которой обнаруживает себя герой-сирота Диккенса, – это «зловещий лабиринт, вечно окутанный мраком», который функционирует наряду с верхним миром джентльменов и доброты, а также христианских добродетелей. Майкл Слейтер демонстрирует, как ночное вхождение Оливера в город читается, будто он ввергается в «опасный лабиринт». Напротив, в романе «Большие надежды» извращенный пороками Лондон представляет для Пипа «черным и грязным», также в образе «зловещего лабиринта».

Таким образом, странствие героя к себе отражается в ключевом для поэтики Диккенса образе лабиринта, преодоление которого связано с познанием истины. С одной стороны, этот образ раскрывается в блужданиях героя по лабиринту художественного пространства, актуализирующему образ города как пространства инициации. С другой – он лежит в основе странствий героя «вглубь» себя, по «Царской дороге к познанию бессознательного» [4, с. 468] – по лабиринту сновидения (что является композиционной особенностью, прежде всего, романов «Приключения Оливера Твиста» и «Большие надежды»). Инициация как утверждение зрелости героя для самопознания подразумевает в философской парадигме Диккенса готовность осознать свое мужское и женское начало – *animus* и *anima* по К.Г. Юнгу [6, с. 467]. Обретение «своей попутчицы» или «попутчика» – необходимый элемент становления субъекта в романах Диккенса. Символика имен «попутчиц» и «попутчиков» героя (Браунлоу – имя добродетельной и благотворительной личности, Абель (Мэгвич) – библейское имя, Роза, Ноз, Агнес) актуализирует, соответственно, библейские, алхимические, шекспировские и древнекитайские аллюзии и раскрывает жертвенность женского начала, что отражается в неизбежной и необходимой гибели героини: «Тонкий женский инстинкт подсказывал, что высшее предназначение женщины заключается в самопожертвовании». Иными словами, любовь как трансцендентная гармония, к которой стремится субъект, возможна лишь через смерть, что, несомненно, коррелирует с эстетикой декаданса.

Завершение же пути героя Диккенса созвучно традиционной схеме романа становления: преодолев все препятствия и доказав свою зрелость для постижения Истины, герой выходит из «лабиринта» Мастером. «Ученик становится учителем, мастером, способным к творчеству» и, приобщившись «к глубинам культуры», «вместе с тем и сам включается в создание культуры» [1, с. 28], что в художественной парадигме Диккенса выражено через трансцендентную фигуру «помощника человечества», через которого «изливается благодатная эманация вечной жизни».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Gajzhyunas S. Roman vospitaniya. Dinamika zhanrovoj struktury. – Vil'nyus, 1984.
2. Kehmpbell Dzh. Tsyachelikij geroj. – M., 1997.
3. Nojmann EH. Proiskhozhdenie i razvitie soznaniya. – M., 1998. – P. 421.
4. Tehrner V. Simvol i ritual. – M., 1983.
5. Frejd Z. Tolkovanie snovidenij. – SPb., 2009.
6. Yung K.G. Psihologiya i alhimiya. – M., 2008.
7. Bayley J. Oliver Twist: "Things As they Really Are". Oliver Twist: Charles Dickens, Queens College and Graduate Centre, 1993.
8. Frye Northrop. Anatomy of Criticism. – Princeton, 1957. – P. 136.
9. Locke R. Critical Children. Columbia University Press, 2011. – P. 14.
10. Wunsch M. Die Fantastische Literatur der Frühen Moderne (1890–1930): Definition. München, 1991.

REFERENCES

1. Gajzhyunas S. Roman vospitaniya. Dinamika zhanrovoj struktury. Vil'nyus, 1984.
2. Kehmpbell Dzh. Tsyachelikij geroj Moskva. 1997.
3. Nojmann EH. Proiskhozhdenie i razvitie soznaniya. Moskva. 1998. – P. 421.

4. *Tehrner V.* Simvol i ritual. Москва. 1983.
5. *Frejd Z.* Tolkovanie snovidenij. Sankt- Peterburg, 2009.
6. *Yung K.G.* Psihologiya i alhimiya. Москва. 2008.
7. *Bayley J.* Oliver Twist: "Things As they Really Are". Oliver Twist: Charles Dickens, Queens College and Graduate Centre, 1993.
8. *Frye Northrop.* Anatomy of Criticism. – Princeton, 1957. – P. 136.
9. *Locke R.* Critical Children. Columbia University Press, 2011. – P. 14.
10. *Wünsch M.* Die Fantastische Literatur der Frühen Moderne (1890–1930): Definition. München, 1991.

Информация об авторе

Крупенина Мария Игоревна, аспирантка кафедры литературы Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия
j.s.y.zero4@mail.ru

Получена: 15.09.2015

Information about the author

Krupenina Maryia Igorevna, Postgraduate student, Chair of Literature, Moscow State Linguistic University,
Moscow city, Russian
j.s.y.zero4@mail.ru

Received: 15.09.2015

УДК 37: 796.015

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-335-338

КУЛИЕВ Балоглан Сары оглу,
доктор педагогических наук, доцент

GULIYEV Baloglan Sari oglu,
Doctor of Philosophy in Education, Assistant Professor

ПРОБЛЕМЫ ОПТИМАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ УРОКОВ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

PROBLEMS OF OPTIMUM PHYSICAL EDUCATION CLASSES IN ELEMENTARY SCHOOL

В статье характеризуются педагогические особенности оптимизации уроков физического воспитания в младших классах, опора содержания физического образования на последние научные достижения, сочетание с социально-экономическими достижениями, обосновывается значимость их реализации системно и последовательно, на основе новых педагогических технологий. Отмечается положительное влияние вышеуказанных факторов на активность, собранность и самостоятельность детей во время выполнения физических упражнений, а также в целом на повышение эффективности преподавания уроков физического воспитания. В заключении автором делается вывод о том, что для эффективной организации обучения младших школьников на уроках физкультуры и повышения качества важное значение имеет реализация нижеследующих оптимальных технологий: 1) конкретизация основных задач по каждой теме; 2) интерактивизация содержания принципов, методов и форм организации обучения; 3) интенсификация выполнения игр и физических упражнений; 4) применение игр и физических упражнений, повышающих познавательную активность и двигательные действия; 5) вовлечение всех учеников в учебный процесс; 6) приоритет комплексного планирования; 7) учет компетентности учителя, региональных, национальных и общечеловеческих нравственных ценностей, климатических условий и оборудования системы учебного спортивного комплекса.

Ключевые слова: начальная школа, физическое воспитание, оптимизация физического воспитания, методы и методика физического воспитания, критерии и условия обучения в начальной школе.

The article characterized by pedagogical features to optimize physical education lessons in elementary grades, suspension content of physical education in the latest scientific achievements, combined with socio-economic achievements, substantiated the importance of their implementation systematically and consistently on the basis of new educational technologies. It notes the positive effect of the above factors on the activity, discipline and independence of children during physical exercise, as well as a whole to improve the effectiveness of teaching physical education lessons. Finally author concludes that for the efficient organization of training of younger schoolboys at lessons of physical education and improve the quality of implementation it is important for Appropriate Technology to follow: 1. The specification of the main objectives for each topic; 2. Interactive content of the principles, methods and forms of organization of education; 3. intensification of the implementation of games and physical exercise; 4. The use of games and physical exercises that improve cognitive activity and physical actions; 5. The involvement of all students in the educational process; 6. Priority to integrated planning; 7. Accounting teacher competence, regional, national and universal moral values, climatic conditions and equipment of school sports complex.

Key words: elementary school, physical education, optimization of physical education, methods and technique of physical training, criteria and conditions of primary school.

Введение. В современный период всестороннее развитие подрастающего поколения и его нравственное обогащение стало жизненно важным фактором, поскольку в условиях глобализации дело подготовки всесторонне развитых граждан для общества, укрепление их здоровья, приобретение ими при этом высоких морально-нравственных качеств и силы воли имеет определяющее значение. Все это должно реализовываться через преподавание необходимых предметов, начиная с начальной школы. Предмет «Физическое воспитание» имеет особое значение в привитии этих качеств. В связи с этим оптимизация уроков физического воспитания также очень важна. Исходя из этого, целью данного исследования является выявление путей поиска и применения оптимальных методов на уроках физического воспитания в начальных классах.

Постановка задачи. В процессе исследования методов оптимизации уроков физкультуры преследовались следующие задачи:

1) учебно-воспитательное значение оптимизации, определение целей и основных задач при этом; 2) оптимизация основных факторов, то есть эффективное использование методов и форм организации методов; 3) интенсификация процесса обучения и привлечение внимания школьников к этому процессу; 4) воспитание личности и определение направления планирования по необходимым приоритетам обучения.

Оптимальная организация и проведение уроков физического воспитания играет основную роль в повышении их эффективности. Повышение эффективности урока, его оптимизация связаны с рядом педагогическо-психологических факторов. Нельзя говорить о повышении качества учебного процесса без их учета. Как и у других предметов, на уроках физического воспитания оптимизация обуславливается научностью содержания образования, тесной связью с современными условиями его организации, систематическим и последовательным претворением его в жизнь. В то же время оптимальная организация уроков характеризуется активным, творческим, сознательным изучением учениками теоретических и практических материалов по физи-

ческому воспитанию. Это означает, что если изучается какое-нибудь движение или игра, то ученикам разъясняется цель их выполнения и изучения, их социально-экономическое значение. Кроме этого, главным условием в оптимальной организации занятий является изучение движений и игр с высокой активностью и сознательностью, оптимальное согласование устного, наглядного и практического, а также репродуктивного и исследовательского методов.

Наряду с общими особенностями имеются и особенности оптимальной организации уроков физического воспитания. Комплексный подход к учебно-воспитательным задачам по физическому воспитанию является одним из основных средств его оптимизации. И с этой точки зрения комплексный подход к урокам физического воспитания должен всегда быть в центре внимания учителя.

Какие основные педагогическо-психологические и воспитательные условия должны здесь учитываться? В этом вопросе важное место занимает комплексное планирование физических задач в начале учебного года, которые формируют знания, умения и навыки учеников, повышают их нравственно-этический уровень, а также развивают их эмоционально-нравственные чувства и способности. Наблюдения показывают, что комплексный подход в организации уроков физического воспитания играет важную роль в претворении в жизнь поставленных задач. Во-первых, в это время ученики нормально нагружаются физически. Во-вторых, ученики готовятся к труду и обороне. Кроме этого, комплексный подход к делам по физическому воспитанию, наряду с предотвращением перегрузки учеников, готовит почву для выполнения учебных норм большинством учеников.

Постановка конкретных и ясных задач перед уроками физического воспитания, дополнение друг друга в решении этих задач и направление их на претворение в жизнь общей цели являются одним из главных условий оптимизации. При определении предстоящих задач занятий надо обратить особое внимание на три вопроса. Дело в том, что каждое занятие имеет образовательную, воспитательную и развивающую задачу. Поэтому, правильно определяя стоящие перед занятием задачи, учитель создает первичную почву для его оптимизации.

Как выясняется из бесед с передовыми учителями физического воспитания города Баку, из наблюдений над уроками, из анализа учебных документов, оптимизация нашла свое отражение в педагогической деятельности передовых учителей. При составлении плана урока общие цели и задачи более конкретизируются. От начала до конца учебного процесса решение этих задач держится в центре внимания. В преподавании уроков физического воспитания детей обучают устными и наглядными методами на основе фактических материалов, взятых из жизни. В этом процессе, при обучении учеников правильному выполнению движений, проводится и объяснительная работа воспитательного характера. В результате ученики подходят к урокам сознательно, с высокой активностью, творчески, с большим интересом и любовью выполняют задания. Иногда при выполнении этих задач допускаются ошибки. В процессе физического воспитания по отдельным видам спорта ученики получают соответствующие умения и навыки. На занятиях уделяется мало места физическим задачам, развивающим умственные, психологические чувства и способности.

Потому занятие проходит утомительно, без активности учеников. Уменьшается интерес к занятиям, обеспечение посещаемости усложняется. Конечно, учитель должен стараться обеспечить на уроке принцип активности и сознательности, их единство. Для этого на каждом уроке должны быть поставлены, в первую очередь, образовательные, воспитательные и развивающие задачи. Эти задачи должны претворяться в жизнь не вслепую, а в зависимости от специфики темы, возможности содержания, интересов и склонностей учеников.

Оптимизация обучения не завершается только комплексным определением целей и задач. В оптимальной организации учебы, во время урока учет особенностей учеников тоже имеет особое значение. С этой точки зрения в педагогическом процессе для повышения эффективности преподавания физического воспитания возрастные и индивидуальные особенности должны глубоко изучаться и учитываться.

Обеспечение планомерности содержания. После учета физической подготовленности, развития ученика учитель начинает выбирать методы для объяснения нового материала, направленного на определение содержания урока, и выбирает физические задания, определяет темп их выполнения, последовательность выполнения и уровень самостоятельности учеников в этом процессе.

Я.К. Бабанский высоко оценил правильное планирование содержания занятия и говорил о его значении, что, во-первых, определение содержания должен обеспечивать не только знания и умения, но и все предусмотренные задачи урока. Во-вторых, в содержании надо выделить главное, суть, основное. Выделение главного и показывает необходимость оптимизации процесса обучения. Ведь когда не выделено главное, при передаче знаний, умений и навыков идет поверхностное усвоение знаний. А потом все это завершается выделением дополнительного времени, что становится дополнительной нагрузкой для учителя и учеников при их обуче-

нии. В-третьих, при определении содержания урока надо не просто увеличивать количество терминов, надо выбирать такие, чтобы кратчайшим путем прийти к формированию соответствующих умений и навыков.

Обеспечение интенсивности урока. При оптимизации уроков физического воспитания одним из основных условий является тесная связь с повышением его интенсивности. Здесь надо стараться, чтобы в короткий срок выполнялось больше движений, причем на качественном уровне. В это время полностью должны соблюдаться правила выполнения движений. В противном случае учебный процесс завершится повторением различного рода физических движений.

Активное вовлечение учеников в занятия физкультурой. Для оптимизации урока физического воспитания в первую очередь надо организованно вовлекать учеников в учебный процесс. Для этого учитель заранее должен подготовиться к уроку, глубже изучать технику тех действий, которым будет обучать детей, выбрать методы, средства и приемы, соответствующие им, правильно применять их и воспользоваться энергией активных учеников. Практика показывает, что использование одного и того же учебного метода для всех учебных материалов уменьшает эффективность занятий, отрицательно влияет на интерес учеников к занятиям. Использование одного и того же учебного метода в обучении всем движениям становится причиной уменьшения внимания и интереса. Именно поэтому каждый учитель для повышения уровня учебы должен использовать методы и приемы в соответствии материалу. Например, если учитель комментирует материал по обучению метанию, прыжку, бегу и т.д. методом повествования, то в целенаправленной форме должен использовать и методы объяснения и показывания.

При определении содержания занятия учитель должен обращать особое внимание на два методических вопроса. Во-первых, для каждого раздела занятия должны быть предусмотрены специальные учебные материалы, во-вторых, эти материалы должны быть подобраны в соответствии друг другу и должны дополнять друг друга. Это имеет большое значение как с педагогической, так и психологической точки зрения. То есть целесообразность выполняемых на занятиях движений по влиянию, косвенно или непосредственно дополняющих друг друга, создают почву для правильного выполнения этих движений учениками, поднимают настроение учеников, повышают эмоциональный уровень учебной деятельности. С другой стороны, ученики не боятся выполнять сложные движения, выполняют их уверенно. А все это положительно влияет на повышение эффективности учебы.

В эффективности уроков физического воспитания в средних общеобразовательных школах правильное разделение занятия на разделы имеет большое значение. Это необходимо для укрепления здоровья, для гармоничного развития тела.

Одним из факторов повышения эффективности уроков является повышение идейно-политического уровня этого процесса, вернее акцентирование в его содержании патриотизма, выдвигание на первый план задач научного мировоззрения. Ученики должны ознакомиться с некоторыми вопросами, связанными с ролью физического воспитания в жизни и деятельности выдающихся людей на основе материала, изучаемого в отдельных классах. Учителя должны показывать, что изучение отдельных проблем, связанных с физическим воспитанием, в произведениях выдающихся азербайджанских писателей и поэтов, в учебных целях создает почву для воспитания учеников в духе патриотизма, интернационализма, любви к труду и физическому воспитанию.

Творческий, а не стандартный подход к структуре занятий считается одним из необходимых условий в оптимизации учебы. Конечно, и здесь не должна нарушаться общая гармония занятий, вся деятельность «учитель–ученик» должна направляться и на общие цели, и на выполнение конкретных задач.

Индивидуальный подход к ученикам на уроках физического воспитания имеет большое значение. Планирование играет важную роль в успешном выполнении индивидуального подхода. В планировании современного урока следует обращать особое внимание на спортивную базу, предусмотреть движения и для одаренных учеников в области физического воспитания, и для слабых учеников. Все это, с одной стороны, обеспечивает активное, творческое, сознательное выполнение отдельных физических движений и игр учениками начальных классов, с другой – повышает эффективность преподавания физического воспитания, создает оптимальные предпосылки для этого процесса.

Заключение. Для эффективной организации обучения младших школьников на уроках физкультуры и повышения качества важное значение имеет реализация нижеследующих оптимальных технологий: 1) конкретизация основных задач по каждой теме; 2) интерактивизация содержания принципов, методов и форм организации обучения; 3) интенсификация выполнения игр и физических упражнений; 4) применение игр и физических упражнений, повышающих познавательную активность и двигательные действия; 5) вовлечение всех учеников в учебный

процесс; 6) приоритет комплексного планирования; 7) учет компетентности учителя, региональных, национальных и общечеловеческих нравственных ценностей, климатических условий и оборудования системы учебного спортивного комплекса.

Оптимальная организация уроков физического воспитания на ступени начального образования обусловливается научностью содержания обучения, систематичностью и последовательностью, тесной связью с обстановкой в реализации поставленных задач. Одновременно оптимальность урока характеризуется и сознательным, творческим, активным изучением учениками теоретических и практических учебных материалов. И поэтому оптимальное согласование методов и приемов, их ведение в тесной связи в присваивании, с какой целью выполняются игры и движения, их социально-экономическое значение являются важным условием в обеспечении оптимальности обучения.

Выводы и рекомендации. Очень важно сочетание принципов, методов и форм организации обучения при оптимизации и повышении эффективности уроков физического воспитания; ясно, что приоритет комплексного планирования в выполнении физических упражнений, развивающих познавательные чувства и двигательные действия, способствует устранению перегрузки учащихся и эффективному выполнению учебных заданий в течение короткого времени, применению минимума сил.

Ясно, как велика необходимость определения основных задач, обеспечивающих эффективность факторов, обуславливающих оптимизацию уроков физического воспитания и физических упражнений, а также преимущество организации интерактивного обучения, выбора оптимального варианта при обучении, в процессе межпредметной и внутрипредметной интеграции, выбора посильных учебных заданий, соответствующих содержанию, условиям занятий, оснащенности спортивного зала и площадок школы, что устраняет простой на уроках физического воспитания, повышает интерес учащихся к занятиям, обеспечивает целенаправленность деятельности учащихся. Известно, что компетентность учителя и обеспечение интерактивности учебного процесса являются оптимальными средствами. Реализация целенаправленного реального планирования (годового, полугодового) при интенсификации уроков расценивается как важная цель оптимизации. Необходимо учитывать, с одной стороны, этнические, национально-культурные и общечеловеческие ценности, с другой – знания, умения и навыки региональных особенностей, климатические условия, которые оказывают положительное влияние на всестороннее развитие учащихся. Все это обогатит теорию и практику физического воспитания младших школьников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Мехрабов А. Современные проблемы азербайджанского образования. – Баку: Мутерджим, 2007.
2. Кулиев Б. Актуальные проблемы физического воспитания учеников начальных классов. – Баку: АГПУ, 2013.
3. Бабанский Ю.К. Оптимизация учебно-воспитательного процесса. – М.: Просвещение, 1982.
4. Шукина Г.И. Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе. – М.: Просвещение, 1979.

REFERENCES

1. Mehrabov A. Modern problems of Azerbaijani education [Sovremennyye problemyi azerbaydzhanskogo obrazovaniya], Baku: Muterdzhim, 2007 (in Russ.)
2. Kuliev B. Actual problems of physical training of elementary school students [Aktualnyie problemyi fizicheskogo vospitaniya uchениkov nachalnyih klassov], Baku: AGPU, 2013 (in Russ.)
3. Babanskiy Yu.K. Optimized education-training process [Optimizatsiya uchebno-vospitatelnogo protsesssa] Moscow: Prosveschenie, 1982 (in Russ.)
4. Schukina G.I. The intensification of conscious activity in teaching process [Aktivizatsiya poznavatelnoy deyatel'nosti uchashchisya v uchebnoy protsesse], Moscow: Prosveschenie, 1979 (in Russ.)

Информация об авторе

Кулиев Балоглан Сары оглу, доктор педагогических наук, доцент Азербайджанского государственного педагогического университета, Азербайджан, г. Баку

Получена: 23.07.2015

Information about the author

Guliyev Baloglan Sari oglu, Doctor of Philosophy in Education assistant professor of Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Azerbaijan

Received: 23.07.2015

УДК 811.134.2'42

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-339-342

КУЧЕРЯВЫХ Владимир Сергеевич,
аспирант кафедры испанского языка

KUCHERYAVYKH Vladimir Sergeyevich,
Post-graduate student, Chair of Spanish Language

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА “ESPAÑA” В ПРОГРАММЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ “PODEMOS”

LINGUISTIC MEANS OF VERBALIZATION OF THE CONCEPT “SPAIN” IN THE PROGRAMME OF THE SPANISH POLITICAL PARTY “PODEMOS”

В данной работе рассматриваются языковые средства, с помощью которых представлен концепт “España” в официальных документах испанской политической партии “Podemos”, анализируются синтаксические и семантические средства, при помощи которых вербализуется актуальный образ Испании, выявляются отрицательные и положительные характеристики концепта “España”. Данная работа строится на анализе современного политического дискурса в Испании, представляющего актуальный материал для исследования, что позволяет проследить текущую динамику изменения семантического компонента вариативной части концепта “España”, являющегося составляющей более широкого концепта «Родина», при-сущего каждой культуре в силу своей универсальности и обладающей этнокультурной маркированностью. В работе представлены синтаксические модели, используемые в официальных текстах партии “Podemos” для передачи характеристик актуального образа Испании, а также анализируются существительные, выступающие референтами топонима “España”, исследуется семантика сказуемых, выраженных глаголами, и лексем, создающих образ страны в зависимости от обладания положительной или отрицательной коннотацией. Данная работа, представляющая лингвистический анализ политического дискурса, позволяет выявить позицию партии “Podemos” к современным условиям жизни страны и, как следствие, понять особенности политики, проводимой партией.

The article highlights the linguistic means used to present the concept “España” (“Spain”) in official documents of the Spanish political party “Podemos”, analyzes the syntactic and semantic means used to verbalize the contemporary image of Spain, identifies positive and negative features of the concept “España”. The work is based on the analysis of the contemporary political discourse in Spain, topical material for research, it helps to follow the dynamic changing of the semantic component of the variative part of the concept “Spain”, which is a component of the more general concept of “Homeland”, that is an integral part of every culture due to its universal character and is ethnically and culturally marked. The article presents the syntactic models used in official documents of the “Podemos” party to reflect the features of the contemporary image of Spain, analyzes the nouns that are referents of the toponym “España”, explores the semantics of verbs and lexemes creating the country's image depending on their positive or negative connotations. This research, being a linguistic analysis of political discourse, helps to understand better the Party's attitude to contemporary conditions of life in Spain and the specific features of its policy.

Ключевые слова: концепт, политический дискурс, когнитивная лингвистика, испанский язык, вариативная часть концепта, политическая лингвистика, образ Испании.

Key words: concept, political discourse, cognitive linguistics, Spanish, variative part of the concept, political discourse, image of Spain.

В настоящее время в силу глобализации возрастает интерес к концепту «Родина», отражающему культуру народа и одновременно обладающему культуроформирующей функцией, поскольку он универсален [1, с. 17], но тем не менее обладает этнической и культурной маркированностью [2, с. 41]. Данный концепт сопряжен с концептом названия страны, в данном случае “España”. Как и любой концепт, он состоит из инвариантной и вариативной части, которую можно четко проследить в политическом дискурсе, поскольку в нем отражаются текущие социальные и исторические события.

В данной работе была проанализирована программа партии 2015 г. и три официальных документа, представляющих позиции партии по вопросам экономики, культуры и равенства, в которых Испания номинируется как *España* (139)¹, *nuestro país* (24), *el país* (15), *este país* (3).

В текстах партии Podemos характеристики образа Испании в настоящее время передаются при помощи глагола «*ser*» в настоящем времени (Presente de Indicativo) в качестве связки в составном именном сказуемом. В именной части референтом названия страны «España» выступает существительное «*país*», особенности образа Испании передаются при помощи предлога *de*, выполняющего функцию принадлежности («*España es un país de clases medias*»), а также развернутых определений в виде придаточных предложений, в которых характеристики представлены употреблением глагола *envejecer*, существительного *pobreza*, прилагательного *moderado* («*España es el país de la Unión Europea que está envejeciendo a mayor ritmo*», «*España es uno de los países donde se ha generado más pobreza infantil desde 2008*», «*España es el país en el que menor porcentaje de la población proporciona cuidado informal a personas fuera de su hogar*», «*España es un país en que las mayorías sociales son moderadas*»).

¹ Количество употреблений

Среди предложений с составным именным сказуемым в текстах партии Podemos встречаются те, в которых подлежащее выражено существительным *economía* и словосочетанием *tasas de pobreza infantil*, а характеристики передаются при помощи прилагательных *insostenible* и *improprio*: «**La economía de nuestro país ya es una de las más insostenibles del mundo**»; «**las tasas españolas de pobreza infantil son impropias de un país desarrollado**».

В текстах партии Podemos характеристики образа Испании реализуются в рамках двусоставных предложений с глагольным сказуемым, которое можно отнести к нескольким типам:

- глаголы с семантикой обладания *tener, disponer*, сопровождающиеся прямыми дополнениями, выраженными словосочетаниями *tasa de fecundidad, déficits sociales, instrumentos de política monetaria, presencia del sector público*, существительным *instrumentos* и определяемыми прилагательными *enorme, bajo*, прилагательным в сравнительной степени *menor*, причастием *limitado* («**España tiene una tasa de fecundidad alarmantemente baja**»; «**los enormes déficits sociales que tiene España**»; «**España no dispone de instrumentos de política monetaria**»; «**España tiene instrumentos limitados para generar crecimiento del ingreso**»; «**España sigue teniendo una presencia del sector público en la economía menor que la de economías más potentes de nuestro alrededor**»);

- глагол с семантикой местонахождения *encontrarse* («**España se encuentra en el punto en el que rectifica o pierde tres generaciones de bienestar, derechos sociales y democracia**»; «**España se encuentra en un “secuestro democrático”**»);

- глаголы с семантикой необходимости *necesitar, precisar* с дополнениями, выраженными существительными *apuesta, cambio, proyecto* с определениями, выраженными прилагательными *ético, urgente, profundo, económico, democrático, nuevo*, а также придаточным дополнительным предложением («**La “apuesta ética” que España necesita para democratizar y regenerar la economía es enfrentarse a todas las dificultades que puedan aparecer**»; «**Lo que España necesita es que las decisiones económicas se tomen democráticamente**»; «**Partimos de la convicción de que nuestro país precisa de un urgente y profundo cambio económico**»; «**lo que aquí hacemos es abordar la concreción de ese nuevo proyecto económico democrático que necesita este país**»);

- глагол с семантикой долженствования *deber* с инфинитивом *prepararse*, за которым следует существительное *coyuntura* с прилагательным *europea* («**España debe prepararse para una coyuntura europea** que sin lugar a dudas va a darse en los próximos años») и глагольная конструкция «*tener que* + инфинитив» с инфинитивом *afrontar* и дополнением, выраженным существительным *agotamiento* и зависимым существительным *modelo*, определяемым прилагательными с негативной коннотацией *ineficiente, descompensado* и *caduco* («**España tiene que afrontar el agotamiento de un modelo productivo ineficiente, descompensado y caduco**»);

- глагол состояния *vivir*, за которым следует дополнение *situación* с зависимым существительным с негативной коннотацией *emergencia* («**Nuestro país vive una situación de emergencia**»);

- глагол изменения состояния *convertirse* с дополнением, выраженным существительным *sociedad* с определением *dual*, за которым следует предлог *de*, обслуживающий семантику принадлежности, и субстантивированные прилагательные *ricos, pobres* («**España se ha convertido en una sociedad dual de ricos y pobres**»);

- глагольная конструкция «*llegar a* + инфинитив» с семантикой достижения, употребленная в форме 2 лица множественного числа с глаголом *ser*, за которым следует референт *país*, определяемый порядковым числительным *segundo* и прилагательным с негативной коннотацией *desigual* в превосходной степени («**en los últimos años hemos llegado a ser el segundo país más desigual de Europa**»);

- глагол с семантикой потери *perder* с дополнением, выраженным существительным *puestos* с количественным числительным *19* («**España ha perdido 19 puestos en el ranking de igualdad de género del Foro Económico Mundial respecto a la posición que ocupaba en 2007**»);

- глагол состояния *poder*, сопровождающийся инфинитивом *lograr* с дополнением, выраженным существительным *alivio* с определением *presupuestario* и *importante*, и инфинитивом *crecer* с наречиями степени и способа действия *más, mejor* («**España puede lograr un alivio presupuestario muy importante en sus cuentas públicas si se lleva a cabo una reforma fiscal como la que hemos señalado anteriormente**»; «**Nuestro país puede crecer más y mejor**»);

- глагол с семантикой отдачи *dedicar* с прямым дополнением, выраженным числительным с аббревиатурой *0,6% del PIB*, и косвенным дополнением, передающимся при помощи существительного *cuidados* («**España dedica a cuidados de larga duración solo el 0,6% del PIB, mientras Holanda dedica el 3,8% y Suecia el 3,7%**»);

• глагол *proporcionar*, употребленный с отрицанием, за которым следует дополнение, выраженное существительным *datos* с зависимым существительным *presupuesto* («España **no proporciona datos del presupuesto de educación infantil** desagregado por ciclos»).

Характеристики образа Испании встречаются в предложениях, в которых референт страны употребляется в составе обстоятельства места с предлогом *en*, для обозначения действий используются: глаголы *aumentar* и *generarse* с существительным *desigualdad* («**La desigualdad ha aumentado** en España»; «**la gran desigualdad se ha generado** en España»), возвратный глагол *tirarse* с существительными *compras* («Solo en España **se tira** el 30% de nuestras **compras**»), глагол *tener* с существительным *personas*, определяемым прилагательным в превосходной степени *rico* («En España, **el 1% de las personas más ricas tienen tanto como el 70% de toda la población**»), существительное *crisis* с глаголами *estallar* и *producirse* с характеристикой действия, представленной предлогом *con* и существительными *durez* и *perjuicio* («**La crisis ha estallado con tanta dureza** en España»; «**la crisis se ha producido** en España **con un perjuicio** mucho mayor que en otras economías»; «las sucesivas **crisis bancarias se han producido** en España en la reciente etapa democrática»), глагол *llegar* с отрицательной частицей и существительным *democracia* («**La democracia no ha llegado** a la economía en España»), глагол *perder* и существительное *salarios* («En España, **los salarios han perdido 15 puntos** en su participación en el PIB español desde mediados de los años setenta»), глагол *existir* и существительное *desigualdad* с определением, выраженным прилагательным *elevado* («**la elevada desigualdad de género existe** en España»), глагол *proporcionar* и подлежащее, выраженное существительным *ayuntamientos* и словосочетанием *comunidades autónomas*, а также дополнение, выраженное существительным *oferta*, распространенное придаточным определительным предложением, в котором употребляется глагольная конструкция «alcanzar a + infinitivo», обслуживающей семантику достижения, с отрицательной частицей *no* и глаголом *satisfacer* с дополнением, выраженным существительным *demanda* («En España **los ayuntamientos y comunidades autónomas proporcionan una oferta de educación infantil que no alcanza** ni de lejos **a satisfacer la demanda**»). Характеристики образа страны также передаются при помощи глагола *estar* с причастием *desarrollado* и наречием меры *poco*, употребленными с подлежащим, выраженным существительным *servicios* с определением *públicos* («**los servicios públicos** de atención a la infancia y a la dependencia **están muy poco desarrollados** en España»), глагольной конструкции «seguir + gerundio» с глаголом *bajar* и подлежащим, выраженным существительным *tasa* с зависимым существительным *fecundidad* («en nuestro país **la tasa de fecundidad sigue bajando**»). В текстах встречаются характеристики, передаваемые существительными *riqueza*, *poder*, *degeneración*, *corrupción*, глаголом *anegar* («La gran concentración de **riqueza y poder** existente en nuestro país es la causa principal de la **degeneración** de la democracia y de la **corrupción** que **anega** a la vida política»).

Среди предложений, где референты Испании употребляются в качестве обстоятельства места, есть те, в которых употребляются составные именные сказуемые, передаваемые при помощи глагола *ser*, подлежащими выступают существительное *democracia*, словосочетания *sector empresarial*, *falta de democracia*, *lucha social y feminista*, *déficit de recursos*, в именной части сказуемого употребляются прилагательные *débil*, *dual*, *fuerte*, *intenso*, *clamoroso*, прилагательное в превосходной степени *el mayor* с порядковым числительным *segundo* («**la democracia** en su conjunto **es débil** en la España actual»; «**el sector empresarial** en España **es muy dual**»; «**la falta de democracia** en asuntos económicos **es especialmente fuerte** en España»; «En nuestro país, **la lucha social y feminista ha sido intensa**»; «**la tasa de pobreza infantil** en España **es la segunda mayor** de la UE»; «**El déficit de recursos** dedicados a la atención a la dependencia en España **es clamoroso**»).

Следует отметить предложения, в которых употребляется безличный глагол *haber* и подлежащие, выраженные числительным *2 millones*, за которым следует предлог *de* с существительным *personas*, определяемым прилагательным *necesitado*, и существительным *mayoría* с определением, выраженным прилагательными *social* и *moderado* («en España **hay 2 millones de personas necesitadas de ayuda alimentaria**»; «En España **no hay una mayoría social moderada**»).

В текстах партии Podemos встречаются предложения, в которых топоним «España» используется в качестве дополнения, при этом характеристики передаются при помощи подлежащего, выраженного существительным *ley*, сказуемого, выраженного глаголом *convertir*, и дополнением, выраженным существительным *país* с определением, выраженным прилагательным в превосходной степени *homóforo* с наречием меры *poco* («la ley del matrimonio igualitario **ha convertido a España en el país menos homóforo del mundo**»), а также подлежащего, выраженного инфинитивом *aceptar*, сказуемого *convenir* и дополнения, выраженного существитель-

ным *condiciones* («**a España no le conviene** de ninguna manera **aceptar** con pasividad **las condiciones actuales de funcionamiento del euro**»).

В текстах партии Podemos встречается придаточное дополнительное предложение, в котором характеристики образа Испании выражены при помощи глагольной конструкции «*pasar a ser*» со значением изменения и глагола *aumentar*, существительного *sociedad*, определяемого прилагательным в превосходной степени *desigual* с порядковым числительным *segundo*, а также существительного *índices* с дополнениями, выраженными существительными с негативной коннотацией *insatisfacción*, *pobreza* и *exclusión* («Es lo que ha provocado, como ya hemos señalado, que **España haya pasado a ser la segunda sociedad más desigual** de Europa y que **hayan aumentado todos los índices de insatisfacción, pobreza y exclusión**»).

Таким образом, актуальный образ Испании, создаваемый в текстах партии Podemos, представлен исключительно с негативной точки зрения. Отрицательные характеристики образа Испании передаются при помощи использования слов с негативной коннотацией: существительных *crisis*, *dureza*, *perjuicio*, *falta*, *pobreza*, *desigualdad*, *insatisfacción*, *déficit*, *degeneración*, *corrupción*; прилагательных *insostenible*, *fuerte*, *bajo*, *obsoleto*, *débil*, *impropio*, *desigual*, прилагательных в превосходной степени для создания максимального негативного восприятия *la tasa más baja*, *una de las más insostenibles*, причастий *necesitado*, причастия *desarrollado* с наречием меры *poco*, причастия *elevado* как определения к существительному *desigualdad*, наречий *especialmente*, *alarmantemente* для усиления отрицательных характеристик, глаголов *perder*, *bajar*, *agravar*, *envejecer*, *anegar*, *sufrir*, глагольных конструкций *pasar a + infinitivo*, *llegar a + infinitivo*, *no alcanzar a + infinitivo*.

Актуальный образ Испании характеризуется экономическими, социальными и политическими проблемами – Испания предстает страной экономически нестабильной, переживающей последствия кризиса, осложненного неэффективной политикой управления, коррупцией, отсутствием «истинной» демократии, а также обладающей рядом социальных проблем, таких как неравенство населения, нищета, отсутствие качественного доступного образования и социальной защиты, а также проблемы рождаемости и вызванного вследствие этого старения населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и область бытования. - ВолГУ; под общ. ред. проф. С.Г. Воркачева. – Волгоград: ВолГУ, 2007.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.

REFERENCES

1. Vorkachev S. Linguocultural concept: typology and area of functioning. Volgograd, VolGU, 2007.
2. Stepanov Y. Constants. Dictionary of Russian culture. Moscow, 1997.

Информация об авторе

Кучерявых Владимир Сергеевич, аспирант, кафедра испанского языка, факультет иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М.В.Ломоносова,

vladimir_ffl@mail.ru
Москва, Россия

Получена: 15.08.2015

Information about the author

Kucheryavykh Vladimir Sergeevich, Post-graduate student, Chair of Spanish Language, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.
Moscow city, Russia
vladimir_ffl@mail.ru

Received: 15.08.2015

УДК 811.161.1'276.6
ББК 81.411.2-55
Б 79

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-343-347

КУШУ Сулета Алиевна,
кандидат филологических наук, доцент, заведующая
кафедрой арабского и вторых иностранных языков

KUSHU Suleta Aliевна,
Candidate of Philology, Assistant Professor, Head of the
Chair of Arabic and second foreign languages,

БОЛОКОВА Нуриет Кадырбечевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры рус-
ского языка как иностранного

BOLOKOVA Nuriет Kadirbechevna,
Candidate of Philology, Assistant Professor, Chair of
Russian as a Foreign Language

КОНЦЕПТ «ВРАЧ/МЕДИК» В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

MANIFESTATION OF THE CONCEPT "DOCTOR/PHYSICIAN" IN CULTURAL AND INTERCULTURAL ASPECTS

Данная статья посвящена концепту «врач/медик» и его проявлениям в лингвокультурных аспектах. Актуальность темы определяется тем, что она затрагивает проблемы установок культуры, национально-культурных стереотипов, лингвокультурных концептов, с которыми так или иначе связано все население любой страны, понятия «социум», «ценность», «ролевые отношения». Все эти аспекты рассматриваются через призму языка, что, в свою очередь, позволяет понять национальный язык более глубоко и полно. Определение традиционно сформировавшихся аксиологических параметров значимых для социума концептов и их преобразования в современных лингвокультурах имеет высокую когнитивную значимость, так как изучение лингвокультурных концептов является расширением области интересов лингвистики и направлено на выявление способов интерпретации мира, проявившегося в языке.

Изучение концепта «врач/медик» в лингвокультурном аспекте позволяет выявить в нем универсальное и этноспецифичное, неизменные и варьирующиеся составляющие. Данные, полученные в ходе исследования, призваны способствовать постижению языка, культур, ментальности и окружающей действительности.

Цель исследования – провести анализ концепта «врач/медик» в лингвокультурологическом аспекте. Объект исследования – концепт «врач/медик» в лингвокультурном аспекте.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, стереотип, аксиология, единицы культуры, культурная традиция, репрезентация, коммуникативный ряд, культурные аксиомы, ценностные установки.

This article highlights the concept 'doctor/physician' and its representation in cultural and intercultural aspects. The theme is actual as it affects the problems of cultural settings, national and cultural stereotypes, lingual-cultural concepts, as they relate to all people in every country this way or another, ideas of 'society', 'value', 'role relations'. All these concepts and ideas are considered through the prism of the language, what in its turn enhances more deep and full understanding and knowledge of the national language. Determination of traditionally formed axiological parameters of important for the society concepts and their transformation in modern lingual cultures has high cognitive importance, since studies of lingual-cultural concepts expand the linguistics area of interest and are aimed at identifying the ways of interpreting the world, reflected in language.

Studying the concept of "doctor/physician" in cultural and intercultural aspects reveals universal and specific ethnic, constant and varying components. The data obtained as a result of the study contribute to deeper comprehension of language, culture, mentality and reality. The purpose of the study is to make the analysis of the concept "doctor/physician" in lingual-cultural aspect. The object of the study is the concept "doctor/physician" in cultural and intercultural aspects. Cross-cultural research of the concept as a linguistic unit is not only justified, but also necessary, as it allows to reveal general and purely national in their content.

Key words: lingual-culturology, concept, stereotype, axiology, cultural units, cultural tradition, representation, communicative unit, cultural axiom, value-based orientations.

Выявление традиционно сложившихся аксиологических параметров значимых для социума концептов и их трансформации в современных лингвокультурах имеет высокую когнитивную значимость. «Изучение лингвокультурных концептов является развитием содержательно ориентированной лингвистики и направлено на выявление способов интерпретации мира, обозначенного в языке» [1, с. 155], потому что «культурные установки – своего рода идеалы, в соответствии с которыми личность квалифицируется как "достойная/недостойная". Они отделяют нас от бездны хаоса, упорядочивают нашу жизнь, отличают нас от животных» [2, с. 248].

Известно, что представители медицины создают свою внутреннюю культуру (медицинская этика и деонтология) и влияют на общенациональную культуру (создание художественных, драматургических, публицистических произведений, радио- и телепередач, художественных и научно-популярных фильмов, афоризмов), символику; в профессиональной речи медиков употребляется множество терминов, которые пришли туда из обыденной жизни, и много слов пришло в обиход (подверглось детерминизации) из медицинской речевой практики. Ряд профессиональных кодексов содержит ссылки на аспекты, связанные с врачебной деятельностью. Таким образом, концепт «врач/медик» должен быть подвергнут всестороннему исследованию, в том числе и средствами лингвистики.

Изучение концепта «врач/медик» в культурном и межкультурном аспектах позволяет выявить в нем универсальное и этноспецифичное, неизменные и варьирующиеся составляющие.

Такие данные призваны способствовать постижению языков, культур, ментальности и окружающей действительности.

В силу своей значимости для социума концепт «врач/медик» является концептом культуры. Аксиология лингвокультурного концепта «врач/медик» обусловлена включением в те культурные ценности, которые являются вечными, – это жизнь каждого человека, биологическое выживание социума, человечества в целом. Концепт «врач/медик» является коллективным лингвокультурным социальным концептом. В языковом сознании он представлен как многомерная сеть значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, афоризмами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками. Он характеризует не только определенную отрасль знания, но также и специфику культуры практически во всех сферах жизни. Концепт «врач/медик» также относится к регулятивным концептам, ибо в нем, в отличие от нерегулятивных концептов, главное место занимает ценностный компонент.

По большому счету врач (не какой-то конкретный, а обобщенный образ) у большинства людей ассоциируется с положительным результатом – улучшением здоровья, спасением жизни.

В числе устойчивых представлений о медиках фигурируют, в основном, **стереотипы социокультурные (институциональные) и речемыслительные**. Они репрезентированы в устойчивых речевых единицах – пословицах, поговорках, фразеологизмах, крылатых словах, в нарицательных именах (Эскулап, Гиппократ, Склифосовский, Айболит). **Символы**, которые традиционно сопровождают деятельность медиков, – белый халат, красный крест (и красный полумесяц), чаша со змеей. Стереотипы занимают важное место среди способов и приемов отражения реальной действительности в картине мира какого-либо народа или человека. Обычно стереотипизации подвергается наиболее значимая для социальной группы информация, однако в выделенном фрагменте действительности могут фиксироваться лишь некоторые, иногда несущественные ее черты, этим объясняется такое свойство стереотипов, как *избирательность* [3, с. 357]. Стереотип является неизменным на протяжении относительно продолжительного промежутка времени и в силу этого характеризуется высокой степенью *устойчивости*. Стереотипы отличаются также *обобщенностью и стандартностью* содержания.

В противовес этому многие ученые, особенно лингвокультурологи, считают, что стереотипы могут быть отнесены к полновесным фактам культуры, они отражаются в языке посредством единиц всех уровней. В.А. Маслова приравнивает стереотипы к такому весомерному явлению, как культурная традиция, и определяет ее как «интегральное явление, выражающее социально стереотипизированный групповой опыт, который аккумулируется и воспроизводится в обществе» [4, с. 49]. Более того, культура проникает в языковые знаки через ассоциативно-образные основания их семантики и интерпретируется через выявление связи образов со стереотипами, эталонами, символами, мифологемами, прототипическими ситуациями и др. знаками национальной культуры [5, с. 54-55]. Поэтому строго разграничивать концепты и стереотипы, как нам представляется, не следует, ведь в ряде концептов, особенно культурно значимых, отпечатались определенные культурные стереотипы, а стереотипы, в свою очередь, могут быть репрезентированы посредством концептов; и в тех, и в других чрезвычайно значима аксиологическая составляющая.

Обратимся к примерам, извлеченным из художественных и публицистических (написанных медиками) произведений о медиках, в которых отражены стереотипные представления о медиках, чтобы составить «лингвокультурный портрет» рассматриваемого концепта, выявить его ценностные характеристики.

«...и занялась другими ранеными – ловко, споро и ласково, так ласково, как может это делать врач, стосковавшийся по работе, да еще в тех условиях, когда можно оказать действенную помощь» [6, с. 78].

Благодаря гуманистическому началу медицинской профессии, высокой учености (студенты-медики и учатся дольше прочих, и самообразованием обязаны заниматься на протяжении всей жизни) стереотипно сохраняется представление о медиках как о **высококонраваственных людях**. Часто можно встретить с особым, трепетным отношением окружающих к эскулапам, выделению их из ряда прочих специальностей. Примеры:

«...ибо "профессор" – это не только понятие о ранге в науке, но и понятие нравственное...» [7, с. 239].

Сюда же включаются как необходимые составляющие доброта, чуткость, внимательность. Однако и они для медиков несколько отличаются от общепринятых, распространенных в быту канонов.

«– Доброта бывает разная, – сказал он, обводя пристальным и упрямым взглядом собрание. – И мы, медики, разбираемся в этом не хуже, а лучше людей иных профессий. Разве желает зла бабушка внучонку, когда, не понимая, что такое "острый живот", кладет ребенку грелку, предопределяя роковой исход? И разве не добр тот юный, неопытный, непрофессиональный хирург, который, вняв просьбам раненого, сохраняет ему, допустим, некротизированную ногу, а потом теряет человеческую жизнь?» [8, с. 359-360].

Безусловно, испытывать сопереживание, сострадание – нелегкий труд, иногда его даже называют «проклятием профессии» медиков:

«Еще в пору войны он умел **яростно сострадать**, и нередко его рот кривился под марлевой маской от **сочувствия** к мукам тех, истерзанных ранами, которых клали к нему на операционный стол. Он и ругался грубыми словами, срывал сердце на своем окружении только потому, что **сострадал**, и его сестры понимали это, и когда он пускал свои "фиоритуры" – не обижались, а жалели его в равной мере с тем раненым, которого он старался "вытащить", по всегдашнему его выражению... Проклятие его профессии – **сострадание** состарило его раньше, чем потеря жены и дочери...» [9, с. 374-375].

Однако без сострадания, как бы тяжело оно ни было, немыслимо представить настоящего, хорошего, добросовестного врача. Ведь если не станет в медицине сострадания, на этом месте образуется пустота или возникнет черствость, бездушность, а это уже страшно, недопустимо – недаром медицинские сестры в приведенном выше отрывке ни в коей мере не обижались на страдающего хирурга, а жалели его наравне с его больными, сопереживая также и ему. Вероятно, именно умение сострадать больному, наряду с профессиональными знаниями и умениями, и является главной ценностной составляющей понятия «медик», представляет собой критерий, мерило настоящего врача.

«– Ну не забавно ли, – заговорил Гебейзен (патологоанатом) по-немецки, – молодежь ко мне не ходит. И очень редко ходила. Чем меньше опыта, тем меньше они боятся неожиданностей во время операции. Недаром геттингенский Иоганн Франк жаловался: "Когда я был молод, больные **боялись** меня, а теперь, поседев, я сам **боюсь** больных..."» [10, с. 377].

Такой страх позитивен: это, в действительности, не боязнь самих больных, а боязнь за них, боль за их жизни, здоровье, страх опытного врача ненароком причинить ущерб, обостренное осознание собственной ответственности. (Кстати, ответственность для медиков также является повышенной, нежели у большого ряда других профессий. Ср., например, высказывание актрисы Эллины Быстрицкой, работавшей в годы войны во фронтовом эвакогоспитале, как и вся ее семья: «Я окончила медтехникум, но в медицинский институт не пошла. Потому что во время практики поняла, что не могу стать врачом. Я поняла меру ответственности, которая оказалась для меня слишком высокой» [11, с. 20-21].

Именно осознание ответственности стимулирует врача к постоянному самосовершенствованию и является его «профессиональной совестью»:

«**Равнодушных к исходу операции хирургов я не встречал, все мечтают только о выздоровлении больного. Самый большой подарок для врача этой специальности – когда, уходя, пациент пожимает ему руку и говорит "спасибо". Но в хирургии есть и неудачи, каждая из которых остается зарубкой на сердце. О них врачи помнят дольше, чем о взлетах. Сделайте крупным хирургам ЭКГ – да у них все сердце в рубцах**» [12, с. 15].

Умение слушать также является неотъемлемым свойством хорошего врача, поскольку подчеркивает такое качество, как человечность:

«...Врачу... надо научиться **слушать** других. В умении **выслушать** других часто сказывается весь характер человека. **Многим хочется, чтобы их выслушали, и иногда это для них важнее конкретной помощи**» [13, с. 91].

Таким образом, проявление **человечности** врача является специфическим лекарством, реально улучшает состояние здоровья больного.

Человечность медиков традиционно распространяется также и на их непрофессиональную деятельность: сильны представления о том, что нельзя быть в одной сфере жизни гуманным, а в другой – черствым и злым. Бытует мнение о том, что если врач нехорош как человек, то и специалист он никудышный. В следующем примере герой, от имени которого ведется повествование, это ощущает (видимо, на подсознательном уровне), поэтому относится к коллеге заранее неприязненно, что отражается в отрицательной коннотации определения «толстогубый»:

«...И никакого гостеприимства толстогубый, не в пример всем известным Володе **докторам**, не проявил. Он ответил на вопросы этого бледного от усталости майора медицинской службы – и только» [14, с. 368].

Ошибки и небрежность медиков, пожалуй, как ни в одной другой специальности, не обходятся так дорого – за ними стоит человеческая судьба, жизнь. Поэтому столь высока планка

понятия «хороший врач», требования к нему практически абсолютны: во многом благодаря стереотипным представлениям, их многочисленным репрезентациям во врачебной этике, в языке художественных и публицистических произведений, во внутрикорпоративном и бытовом общении идеал медицинского работника охраняется многими поколениями людей и, в конечном итоге, сводится к следующему:

«...если идти во врачи, то не в простые, а в золотые!», «– Ну разумеется, впоследствии пробудился у меня к медицине интерес – если уж что делаешь, то делай не иначе, как великолепно...» [15, с. 48].

Все эти аксиологические параметры и стереотипные представления в силу их чрезвычайной важности для всего социума можно также назвать **культурными аксиомами (ценностными установками)**, сформировавшимися в русской лингвокультуре по отношению к концепту «врач/медик».

Профессиональные качества медика в подавляющем большинстве случаев напрямую коррелируют с общечеловеческими качествами в соответствии с той же шкалой «хорошо – плохо». Как бы ни стремился врач повысить свой профессиональный уровень, какие бы открытия и изобретения ни делал он в науке, они ничего не стоят и могут даже причинить вред, если за всем этим упущено главное – личность пациента, индивидуальный подход к каждому страждущему.

Для концепта «врач/медик» существуют также и **антиценности** – это равнодушие, черствость, бездушность, недостаточно высокая культура медиков, грубость, оскорбления, неровность характера, проявления нервозности, сословные и национальные предубеждения. Нежелание советоваться с коллегами, нетерпимость по отношению к чужому мнению, завышенная самооценка и амбициозность, стремление к первенству любым путем характеризуют плохого врача. Понятие сильной языковой личности для врача не предполагает излишнюю разговорчивость, пафосность, громкое оповещение о своих благородных поступках, речевое самолюбование, злоупотребление речевыми штампами, иначе происходит разрыв между словом и делом в пользу первого в ущерб второму.

Стереотипные представления о медиках и их положительные качества, представленные в русской лингвокультуре XX–XXI вв., сводятся к следующему перечню: гуманность, профессионализм, самоотдача, самоотверженность, бережное отношение к больному, способность утешить и даже скрыть жестокую, убийственную правду о состоянии здоровья больного, смелость, ум, быстрота и точность действий, высокая нравственность, доброта, благородство, чуткость, спасение, улучшение здоровья и жизни, трудолюбие, моральность, этичность, профессиональный долг – перед больным, его родственниками, перед коллегами, перед обществом, гуманность, порядочность, теплота, добросовестность, самообладание, знание человеческой натуры, честность, ответственность, авторитетность у коллег и больных, опытность, повышенная требовательность к себе, уважение к своим учителям, отзывчивость, сострадание, терпение, вежливость, мягкость обхождения, отсутствие зависти, харизматичность, умение советоваться с коллегами, внимательность, сопереживание, сострадание, продуманность действий, боязнь причинить ущерб, стремление к самосовершенствованию, умение слушать, человечность. Человечность медиков традиционно распространяется и на их бытовую, непрофессиональную деятельность. Допустима свобода творчества и возможность отхода от некоторых жестких медицинских правил во имя сохранения здоровья и жизни пациентов, стремление работать без ошибок, корпоративная этика и поддержка. При необходимости выбора между строгим следованием инструкции и человечностью, состраданием обычно побеждает последнее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: Подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. Сер. Теория и история языкознания. – М., 2004. – С. 132-162.
2. Тхорик В.И., Фанян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие / Под ред. Г.П. Немца. – Краснодар: КубГУ, 2003. – С. 248.
3. Психологический словарь 1983. – С. 357.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие. – М., 2001. – С. 49.
5. Там же. – С. 54-55.
6. Герман Ю.П. Дорогой мой человек. – Л.: Лениздат, 1988. – С. 78.
7. Там же. – С. 239.
8. Там же. – С. 359-360.
9. Герман Ю.П. Я отвечаю за все. – Л.: Лениздат, 1989. – 768 с. – С. 374-375.

10. Там же. – С. 377.
11. Интервью, люди и события. – 2008. – № 4. – С. 20-21.
12. М. Давыдов, президент РАМН, руководитель Онкологического научного центра им. Блохина, академик РАН и РАМН // Аргументы и факты. – 2008. – № 10. – С. 15.
13. Углов Ф.Г. Человек среди людей: Записки врача. 2-е изд. – М., 1979. – С. 91.
14. Герман Ю.П. Дорогой мой человек... – С. 368.
15. Герман Ю.П. Дело, которому ты служишь. – Л.: Лениздат, 1987. – С. 48.

REFERENCES

1. Karasik V.I. Cultural Linguistics Concepts. Studying Ways. [Lingvokulturnije konsepti. Puti izuchenija] Sociallinguistics yesterday and today. Center of Humanity Scientific-Information Researches. Department of Linguistics. *Series Theory and History of Linguistics*. Moscow, 2004. PP. 132-162.
2. Tkhorik V.I., Fanjan N.U. Cultural Linguistics and intercultural communication [Lingvokulturologiya i mezhkulturnaja kommunikacija] Teacher's book. Krasnodar: Kuban State University, 2003. P. 248 (inRuss).
3. Psychological Dictionary 1983. P. 357 (inRuss).
4. Maslova V.A. Cultural Linguistics [Lingvokulturologiya], *Teacher's book*. Moscow, 2001, P. 49 (inRuss).
5. Ibid. P.54-55 (inRuss).
6. German U.P. My Dear Man [Dorogoj moy chelovek]. Leningrad, Leningrad Edition, 1988. P. 78 (inRuss).
7. Ibid. P. 239 (inRuss).
8. German U.P. Ibid. PP. 359-360. (inRuss).
9. German U.P. I'm Responsible for Everything [Ya otvechau za vse] Leningrad. Leningrad Edition, 1989. PP. 374-375 (inRuss).
10. Ibid. P. 377 (inRuss).
11. «Interviews, people and events» [Intervjuz, ljudi i sobitija]. 2008. No. 4, april. PP. 20-21 (inRuss).
12. Davidov M., the President of Russian Academy of Medicine Sciences, the Head of Cancer Scientific Center им. Блохина, the Academician of Russian Academy of Science and Russian Academy of Medicine Sciences. «Arguments and Facts». 2008. No. 10. P. 15 (inRuss).
13. Uglov F.G. A Man among People. Doctor's Notes. 2nd edition [Chelovek sredi ludey. Zapiski vracha. 2-e izdanie]. Moscow, 1979. P. 91 (inRuss).
14. German U.P. My Dear Man [Dorogoj moj chelovek] P.368
15. German U.P. Job you are living for [Delo kotoromu ti sluzhish] Leningrad. Leningrad Edition, 1987. P. 48 (inRuss).

Информация об авторе

Кушу Сулета Алиевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедры арабского и вторых иностранных языков факультета иностранных языков, федеральное бюджетное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Адыгейский государственный университет. Майкоп, Россия

Болокова Нуриет Кадырбеcheвна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, факультета международного образования, федеральное бюджетное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Майкопский государственный технологический университет, Майкоп, Россия

Получена: 04.09.2015

Information about the author

Kushu Suleta Alievna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Head of the Chair of Arabic and second foreign languages, Faculty of Foreign Languages, the Federal Budget State Institution of Higher Professional Education Adygeya State University, Maykop, Russia.

Bolokova Nuriyet Kadirbechevna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Chair of Russian as a Foreign Language, Faculty of International Education, Federal Budget State Institution of Higher Professional Education Maykop State Technological University,

Maykop, Russia.

Received: 04.09.2015

УДК 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-348-351

ЛАПИЦКАЯ Екатерина Владимировна,
аспирант кафедры педагогики

LAPITSKAYA Ekaterina,
Postgraduate student, Chair of Pedagogy

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА СУБЪЕКТНОГО ОПЫТА СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

CONTENT AND STRUCTURE OF SUBJECT EXPERIENCE OF STUDENTS IN EDUCATIONAL ACTIVITY

В статье рассматривается проблема исследования субъектного опыта личности в образовательном процессе. Дан анализ понятий «опыт», «субъект», что позволяет автору определить понятие «субъектный опыт личности в образовательной деятельности». На основании проведенного анализа выявлены структура и содержание субъектного опыта студентов в образовательной деятельности.

Последние десятилетия отмечены для системы высшего образования в Беларуси целым спектром преобразований. Так, сокращен срок обучения по ряду специальностей, введена рейтинговая система оценки учебных достижений студентов, идет оптимизация образовательного процесса, возрастает доля самостоятельной работы студентов, активно применяются новые информационные и коммуникационные технологии, внедряется дистанционное обучение.

В данных условиях студент белорусского вуза оказывается в совершенно новой ситуации и становится активным участником образовательной деятельности, который предопределяет достижение образовательных целей и уровней. Современный студент должен уметь определять цели и задачи образовательной деятельности, выбирать направление и индивидуальную образовательную траекторию, организовывать собственную учебную деятельность, контролировать ее ход и результаты, выбирать адекватные способы и приемы осуществления, решать возникающие сложности, объективно оценивать полученные результаты, быть способным к творческому восприятию и преобразованию окружающей деятельности. В этой связи особенно актуальной становится проблема формирования у студентов субъектного опыта образовательной деятельности.

The article addresses the problem of studying the subjective experience of students in educational processes. The article analyzes the concepts of "experience" and "subject" that allows the author to define the term "subjective experience in educational activities". Based on the analysis, the author identifies the structure and content of subject experience of students in educational process.

The last decades in Belarus are marked by a whole range of reforms in the higher education system, such as: reduced period of study for a number of specialties, introduction of the rating system of academic achievements of students, optimization of the educational process, increased proportion of independent work of students, active use of new information and communication technologies, distance learning development.

Under such conditions, Belarusian university students are in a completely new situation and become active participants in educational activities, determining the achievement of educational goals and levels. Modern students should be able to determine the goals and objectives of the educational activities, to choose the direction and individual educational trajectory, organize their own learning activity, monitor its progress and results, choose the appropriate ways and means of its implementation, solve the emerging difficulties, evaluate objectively the results obtained, be ready for creative perception and transformation of environmental activities. In this context, the problem of formation of students' individual experience in educational activities acquires special importance.

Ключевые слова: субъектный опыт, структура субъектного опыта, содержание субъектного опыта.

Key words: subjective experience; structure of subjective experience; content of subjective experience.

Изучению субъектного опыта личности, его механизмам уделяется большое внимание в современных исследованиях. Однако, несмотря на большое количество исследований, до сих пор дискуссионными остаются вопросы определения самого понятия, структуры и содержания субъектного опыта.

Определение и уточнение понятия «субъектный опыт студентов в образовательной деятельности» представляется возможным на основе анализа его составляющих, а именно, «субъект», «субъектность», «опыт», а также обобщения имеющегося опыта исследования данного феномена.

Понятие «опыт» прочно вошло в современное научное знание и используется в философии, педагогике, психологии. Однако вместе с тем, как отмечает философ Г.-Г. Гадамер, категория «опыта относится... как бы парадоксально это ни звучало, – к числу наименее ясных понятий, какими мы располагаем» [3, с. 409]. В самом общем определении, данном в толковом словаре С.И. Ожегова, опыт трактуется как отражение в сознании людей законов объективного мира и общественной практики, полученное в результате их активного практического познания; совокупность знаний и практически усвоенных навыков, умений [5, с. 483].

В философии в традиционном понимании опыт есть основанное на практике чувственно-эмпирическое познание (отражение) действительности; результат взаимодействия человека и мира, которое передается от поколения к поколению; единство знаний и умений [9, с. 462]. В немецкой классической философии опыт характеризуется «как главный продукт нашего рассудка» [9, с. 463]. По мнению Г. Гегеля, опыт является итогом самодвижения и самопознания сознания. Так, достигнутый результат деятельности не полностью совпадает с поставленной целью, в процессе чего происходит преобразование взглядов на предмет и появляется новое уникальное знание о предмете [9, с. 463]. Поэтому можно утверждать, что опыт представляет со-

бой не пассивное содержание сознания, а постоянно переосмысливается, подвергается критике и тем самым преобразуется. Переосмысление и преобразование опыта происходит в процессе активного взаимодействия человека с окружающим миром, то есть можно говорить о социальной детерминации опыта.

В психологии опыт рассматривается в качестве структурного компонента личности. Данное психологическое образование является важным источником информации как о внешнем объективном мире, так и о психической жизни субъекта и является результатом взаимодействия человека с объективным миром, который включает формы и результаты теоретической и практической деятельности общества, разнообразные знания, умения и навыки, приобретенные в процессе жизни и хранящиеся в памяти [1, с. 567].

В педагогике опыт, как пишет Л.С. Выготский, выступает единственным воспитателем, способным образовывать новые реакции в организме [2, с. 89]. В педагогических исследованиях опыт рассматривается как совокупность знаний, имеющих для человека личностное значение, на основе которых он относится к своей деятельности и поведению [7, с. 85].

Таким образом, относительно категории «опыт» можно заключить следующее: опыт человека является результатом работы рефлексизирующего сознания, в результате чего у личности появляется особое знание о способах осуществления деятельности, комплекс различных навыков и умений, потенциальных возможностей; опыт является основой самоидентификации личности и играет важную роль в обучении и социализации личности; опыт всегда собственный и не может быть передан в знаниевой форме, источником приобретения опыта является практическая деятельность; опыт является динамически развивающимся образованием, следовательно, возможным является формировать и обогащать опыт.

Понятие «опыт» используется в современных исследованиях со множеством атрибутов: личный, индивидуальный, конкретный опыт личности, жизненный, фактический, прошлый, субъектный. Данные определения не противоречат друг другу и выступают понятийными аналогами. Обратимся к толкованию атрибута «субъектный».

В соответствии со структурной моделью деятельности А.Н. Леонтьева деятельность соотносится с мотивом, действие – с целью, операция – с условием [4, с. 79]. Следовательно, субъект – это носитель мотива и способа осуществления деятельности, заинтересованный в ее результатах и несущий за них ответственность. Таким образом, субъектность отражает активное, инициативно-ответственное, деятельностно-преобразующее отношение личности к себе, к людям, к миру [8, с. 251]. Субъект деятельности осознает свои состояния и цели, выбирает средства осуществления деятельности, оценивает полученные результаты, на основе чего корректирует свои действия, определяет первоочередность решаемых задач. Становление субъекта есть процесс овладения индивидом собственной душевной жизнью, родовыми способностями, формирования цельного мировоззрения, ценностных ориентаций. С.Л. Рубинштейн связывал становление человека субъектом жизнедеятельности с появлением рефлексии, которая делает возможным для индивида определенным образом относиться к разнообразным событиям жизни. Человек в субъектных проявлениях всегда обращен сознанием к более полному выявлению и развитию своих возможностей, реализации потенций, проявлению своей авторской позиции, поиску и определению, проектированию задач, поиску средств их успешного решения и поиску согласования собственных устремлений с усилиями других людей. На этом уровне человек предельно индивидуализирован, проявляет особенности своей мотивации, обладает определенными убеждениями, принципами, мировоззренческими позициями, способен совершить волевые усилия над собой. Таким образом, определение «субъектный» подчеркивает осознанность, осмысленность, уникальность знания, получаемого субъектом в предметной деятельности, и подчеркивает роль внутренних ресурсов личности. На основании данного анализа составляющих мы можем заключить, что субъектный опыт представляет собой совокупность имеющихся у субъекта деятельности мотивов, ценностных ориентаций, норм и предпочтений, умений и навыков в самостоятельном осуществлении, корректировке, стимулировании, рефлексии своего учения, своей учебно-познавательной активности; способность индивида к анализу и осмыслению своих собственных действий и возможностей в успешном осуществлении и достижении целей учебно-познавательной деятельности; адекватная самооценка своих возможностей в осуществлении учебно-познавательной деятельности; комплекс практически усвоенных способов мыслительной деятельности, навыков сотрудничества, взаимодействия с другими для успешного решения образовательных задач.

Это подчеркивается и в определениях, предложенных рядом ученых. Так, по определению И.С. Якиманской, субъектный опыт – опыт пережитого и переживаемого поведения, в котором сам человек может дать себе отчет о своих возможностях, в которых он хотя бы приблизительно знает правила организации собственных действий и собственного отношения, в котором зафиксированы значимые для него ценности, существует определенная иерархия предпочте-

ний, о которых он способен дать себе отчет, что ему самому нужно и что он хочет [10, с. 74]. А.К. Осницкий рассматривает регуляторный (субъектный) опыт как определенным образом структурированную систему знаний, умений и навыков, переживаний, определяющую успешность деятельности и поведения. Субъектом в деятельности, в общении и своих переживаниях человек становится, только обретая регуляторный опыт: опыт умений саморегуляции и опыт управления той деятельностью, в которую он либо включен обстоятельствами своей жизни, либо организует сам по своему усмотрению [6, с. 12].

Из вышесказанного очевидно, что основным признаком субъектного опыта можно выделить осознание человеком своих возможностей в жизнедеятельности и правил организации собственных действий. В этой связи мы можем определить сущность субъектного опыта индивида в образовательной деятельности как осознание индивидом своих возможностей и правил успешного осуществления собственных учебно-познавательных действий. Под формированием субъектного опыта образовательной деятельности мы понимаем процесс раскрытия субъектом своих способностей в учении, приобретение новых качеств, формирование новых смыслов, преобразование ценностей в образовательной деятельности.

Особые возможности для формирования субъектного опыта образовательной деятельности представляет студенческий возраст. Для данного периода характерным является становление устойчивого самосознания личности и стабильного образа «Я», открытие своего внутреннего мира, формирование мировоззрения, определение своей позиции относительно общественно выработанной системы ценностей и выяснение на этой основе смысла собственного существования. По мере приобретения опыта деятельности и общения складывается более реалистичная оценка собственной личности и возрастает независимость, появляется желание нести ответственность за себя, воздействовать на объективные условия и обстоятельства собственной жизнедеятельности, что приводит к постановке задач самосовершенствования.

Системный подход к изучению психологических феноменов делает возможным рассматривать субъектный опыт в качестве интегративного целостного образования, компоненты которого взаимосвязаны и взаимообусловлены. В современных исследованиях предложен ряд моделей компонентной структуры субъектного опыта. Анализ и обобщение психолого-педагогических исследований позволяет в качестве компонентов субъектного опыта образовательной деятельности определить:

Мотивационно-ценностный компонент ориентирует и направляет усилия личности, обуславливает умения соотносить поступки с принятыми нормами и требованиями, делает возможным систематизировать влечения, мотивы и умения, совершить нравственный выбор, волевое усилие с целью реализации своих желаний в деятельности. Содержание данного компонента составляют мотивы и цели познания, ценностные ориентации, убеждения, принципы, интересы, потребности и идеалы личности.

Содержательно-процессуальный компонент отражает предметность деятельности и ее процессуальные особенности. Основопологающим при этом выступает познавательная активность личности, что проявляется в отношении учащихся к содержанию и процессу деятельности, в стремлении к эффективному овладению знаниями и способами деятельности. Содержание данного компонента составляют понятия, различные мыслительные операции (анализ, синтез, сравнение, обобщение, классификация, категоризация и др.), способы и приемы выполнения учебных действий и организации образовательной деятельности, решения возникающих задач, методы познания, способы работы с информацией.

Коммуникативный компонент отображает степень взаимопонимания, успешность взаимодействия субъекта с другими участниками образовательного процесса, восприятие студентами себя и других участников образовательной деятельности в качестве субъектов, заинтересованное отношение студентов к вопросам взаимоотношений и взаимодействия между субъектами образовательной деятельности. Данный компонент аккумулирует коммуникативные умения, стереотипы поведения, средства установления отношений и согласования усилий с другими субъектами образовательной деятельности, культуру речевого общения.

Содержание **рефлексивного компонента** составляют умения и навыки осуществлять анализ хода и результатов образовательной деятельности, участие свое и других субъектов образовательной деятельности, определять причинно-следственные связи, исправлять допущенные ошибки, вносить коррективы в организацию образовательной деятельности. выделяют положительные и отрицательные качества, оценивают самоизменения и преобразования своей личности в ходе образовательной деятельности.

Согласованность данных компонентов делает возможным самостоятельное осуществление образовательной деятельности, в которой индивид осознает свои реальные и потенциальные возможности, руководствуется определенными нормами и правилами, объективно оцени-

вает участие свое и других субъектов, активно усваивает и использует способы мыслительной деятельности, конструктивно взаимодействует с другими для успешного решения образовательных задач.

Таким образом, из вышесказанного можно заключить следующее. Субъектный опыт является условием реализации субъектности, обеспечивает активность и целенаправленность личности, подготовленность к осуществлению деятельности, самостоятельность и инициативность студентов в образовательной деятельности. Формирование субъектного опыта студента происходит в образовательной деятельности. Данный процесс обусловлен, в первую очередь, активностью личности и ее личностными характеристиками. С другой стороны, формирование субъектного опыта происходит благодаря организованным условиям, в которых задача преподавателя заключается в выявлении индивидуального опыта и личностных особенностей каждого обучающегося, наделении личностным смыслом получаемой информации. Для педагога сегодня важно не столько овладеть новыми формами, средствами, приемами воспитания, сколько найти индивидуальный способ их применения, максимально индивидуализировать образовательный процесс. Опора на субъектный опыт обучающихся способствует становлению студента нового типа, готового к успешному самостоятельному осуществлению образовательной деятельности, принятию нововведений, их объективной оценке и способного получить качественное образование в изменяющихся условиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Большой психологический словарь / ред.-сост. Мещеряков [и др.]. – М., 2003. – 840 с.
2. *Выготский Л.С.* Психология развития ребенка / Л.С. Выготский. – М.: Эксмо, 2003. – 507 с.
3. *Гадамер Г.Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики / Г.-Г. Гадамер. – М., 1988. – 409 с.
4. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
5. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологич. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд. – М., 1997. — 944 с.
6. *Осницкий А.К.* Проблемы исследования субъектной активности / А.К. Осницкий // Вопросы психологии. – 1996. – № 1 – С. 5-19.
7. Российская педагогическая энциклопедия / редкол.: В.В. Давыдов [и др.]. – М.: Большая рос. энцикл., 1993. – 608 с.
8. *Рыжухина И.Ю.* Использование субъектного опыта учащихся при проектировании индивидуальных образовательных программ: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / И.Ю. Рыжухина. – М., 2000. – 205 л.
9. *Слободчиков В.И.* Психология человека. Введение в психологию субъектности / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.
10. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Л.Ф. Ильичёв [и др.]. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
11. *Якиманская И.С.* Личностно-ориентированное обучение в современной школе. – М.: Сентябрь, 1996. – 96 с.

REFERENCES

1. Big psychological dictionary. Ed. by Meshcheryakov [etc.]. Moscow. 2003. 840 p.
2. Vygotsky L.S. *Psychology Child Development*. Vygotsky L.S. Moscow. Eksmo. 2003. 507 p.
3. Gadamer G.G. *Truth and Method. Fundamentals of philosophical hermeneutics*. Gadamer. G.G. Moscow. 1988. 409 p.
4. *Leontev A.N. Activity. Consciousness. Person*. Leontiev. Moscow. Politizdat. 1975. 304 p.
5. *Ozhegov S.I. Dictionary of Russian language: 80 000 words and idiomatic expressions*. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y.. - 4th vol. Moscow. 1997. 944 p.
6. *Osnitsky A.K. Problems of research subject activity*. Osnitsky A.K. *Questions of psychology*. 1996. № 1. P. 5-19.
7. *Russian educational encyclopedia*. Ed.: Davydov V.V. [etc.]. Moscow. Big Rus. Enc., 1993. 608 p.
8. *Ryzhuhina I.Y. Use of subjective experience of the students in designing individual educational programs: dis... cand. ped. sciences: 13.00.01*. I.Y. Ryzhukhina. Moscow. 2000. 205 p.
9. *Slobodchikov V.I. Human psychology. Introduction to the psychology of subjectivity*. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. Moscow. School Press. 1995. 384 p.
10. *Encyclopedic dictionary of philosophy*. Ed. Lichev L.F. [etc.]. Moscow. Sov. Encyclopedia. 1983. 840 p.
11. *Yakimanskaya I.S. Personality-oriented education in modern school*. Moscow. September. 1996. 96 p.

Информация об авторе

Лапицкая Екатерина Владимировна, аспирант кафедры педагогики УО «Минский государственный лингвистический университет», Минск, Беларусь
katarina_lap@mail.ru

Information about the author

Lapitskaya Ekaterina, Postgraduate student, Chair of Pedagogy, Minsk State Linguistic University, Minsk city, Belarus
katarina_lap@mail.ru

Получена: 21.09.2015

Received : 21.09.2015

УДК: 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-352-354

ЛАРИН Олег Сергеевич,
кандидат педагогических наук, доцент

LARIN Oleg Serghyeyevich,
Candidate for Doctorate in Pedagogics, Associate Professor

ГАВРИЛОВ Алексей Николаевич,
студент 5 курса Московской государственной академии физической культуры

GAVRILOV Alexey Nikolayevich,
5th year student, Moscow State Academy of Physical/Corporeal Culture

АНАЛИЗ ПРИРОСТА СИЛОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ У ПАУЭРЛИФТЕРОВ В УПРАЖНЕНИИ «ЖИМ ШТАНГИ ЛЕЖА» С УЧЕТОМ ОСОБЕННОСТЕЙ БЛОКОВОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ НАГРУЗОК

EXPLORING INCREMENT TO WEIGHTLIFTING PERFORMANCE IN POWER LIFTERS SHOWN IN EXERCIZING «BENCH PRESS» WITH REGARD TO SPECIFICS OF BLOCK-PERIODIZATION' IN EXERTION

Статья содержит анализ эффективности программ для упражнения «жим штанги лежа». Авторы анализируют динамику прироста силовых показателей спортсменов высшего спортивного мастерства с учетом специфики трансформирующего мезоцикла блоковой периодизации нагрузки в упражнении «жим штанги лежа». В исследовании принимали участие спортсмены, выступающие в весовой категории до 82,5 кг, принимающие участие в соревнованиях федерации AWPC (Amateur World Powerlifting Congress) и имеющие звание МС. Авторы анализируют динамику прироста силовых показателей спортсменов с учетом особенностей тренировочных программ, предложенных Заслуженным тренером России Аскольдом Евгеньевичем Суровцевым. Результаты исследования наглядно показывают, что средние результаты экспериментальной группы занимающихся по программе № 2 выше, чем у группы спортсменов, занимающихся по программе № 1. На основании исследования авторы делают вывод, что тренировочная программа для упражнения «жим штанги лежа» № 2 обладает большим тренирующим эффектом, чем программа № 1.

The paper presented examination of performance efficiency of the programs of bench press' exercise. The authors explored the dynamics of increment to powerlifting/ weightlifting performance in athletes of exquisite sportive mastery in consideration of the specifics of transforming meso-cycle of block periodization in exertion while exercising bench press. The study involved the athletes performing in the weight category «up to 82.5 kg of» who took part in the competitions held by the Federation AWPC (Amateur World Powerlifting Congress), being awarded with the title of MS (Master of Sports?). The authors examined the dynamics of increment to weightlifting performance by the athletes, taking into account the specifics of training programs suggested by the Honored Trainer of Russia Askold Yevgenyevich Surovetsky. The study' outcomes have clearly shown that the average records at the experimental group engaged in the program №2 being better than at the group of athletes involved in the program №1. On the basis of the study, the authors have inferred that the training program for the «bench press» exercise №2 has shown a greater training effect than the program №1.

Ключевые слова: жим штанги лежа, блоковая периодизация, динамика прироста силовых показателей.

Key words: bench press, block-periodizing (in exertion), dynamics of increment of weightlifting performance.

С целью дозирования нагрузки на этапе трансформирующего мезоцикла в пауэрлифтинге было проведено исследование динамики прироста результатов в упражнении «жим штанги лежа» троеборцев, имеющих звание МС. В исследовании принимали участие 10 спортсменов, выступающих в федерации AWPC (Amateur World Powerlifting Congress) «до 82,5 кг». Исследование проводилось на базе фитнес клуба «Марк Аврелий».

В соответствии с концепцией блоковой системы периодизации, трансформирующий мезоцикл содержит самые напряженные специфические по виду спорта рабочие нагрузки. Основная задача мезоцикла – преобразование накопленного потенциала базовых способностей в специальную физическую и технико-тактическую подготовленность. По сравнению с другими мезоциклами характеризуется следующими особенностями:

- а) «качеств-мишени» более специализированы, и ключевые упражнения тесно связаны с соревновательной деятельностью;
- б) интенсивность развивающих нагрузок относительно выше, объем упражнений с увеличенной интенсивностью также более значительный;
- в) нагрузка в этом мезоцикле вызывает наибольшее утомление, следовательно, применение средств восстановления и контроль напряженности тренировочного процесса приобретают первостепенную важность.

Содержание микроцикла формируется определенным количеством последовательно включаемых микроциклов, что позволяет разделить мезоцикл на три периода:

Название периода	Задача периода	Примечание
Начальный	Постепенное увеличение нагрузки	Продолжительность – 1неделя
Ударный	Преобразование накопленного потенциала в качественно новый уровень функциональной готовности	Может длиться меньше 1 недели
Восстановительный	Профилактика перетренированности	Может продолжаться 2-4 дня

Некоторое количество соревновательных выступлений может серьезно изменить программу. Часто соревновательная нагрузка ниже обычной тренировочной, так что спортсмены воспринимают соревнование как снижение нагрузки. Включение восстановительного микроцикла может планироваться заранее или по мере необходимости индивидуально для спортсменов, по мере приближения последних к верхним пределам адаптационных возможностей [2].

Контроль предназначен для предотвращения чрезмерного накопления утомления и перетренированности. Кроме этого, ключевые тренировки, выполненные в последовательных микроциклах, можно сравнить по объемам выполненных упражнений (сумме поднятых весов), по результатам выполнения соревновательного упражнения, а также по измеряемым реакциям на тренировочные нагрузки (ЧСС, лактату крови и т. д.). Также очень важно иметь в виду, что напряженная силовая тренировка способствует увеличению мышечной массы, что обусловлено рабочей гипертрофией мышц. Поэтому антропометрические измерения также могут послужить информативными показателями при оценке эффективности мезоцикла. Нужно подчеркнуть, что доза нагрузки и верхний предел адаптации – самые большие сложности трансформирующего мезоцикла. Даже оценка гормонального статуса и других маркеров крови не гарантирует точного и своевременного диагностирования состояния перетренированности. Это указывает на то, что необходимо четко отслеживать следующие явления: 1) увеличение ЧСС в покое более чем на 5 ударов в минуту в течение 3-5 дней; 2) постоянное или резкое уменьшение массы тела; 3) постоянно увеличенная скорость наступления общего утомления; 4) постоянно увеличенная болезненность мышц; 5) постоянно нарастающие признаки нарушения сна.

Исходя из концепции блоковой периодизации нагрузок для улучшения показателей в упражнении «жим лежа» были подобраны следующие программы [1]:

Для спортсменов контрольной группы (программа № 1)

Жим лежа	165											
	50	75	100	117,5	135	142,5	147,5					
	8	6	6	5	4	3	3					
%	92%	96%	100%	92%	90%	88%	86%					
тренировки\ веса	155	157,5	162,5	155	152,5	147,5	145	пауза			дожим	
1								84%	82%	80%	105%	
2	2	2						142,5	137,5	135	177,5	
3	3							2x4		2x2		
4	2	1	1					2x3	2x5	2x2	3x2	
5	3							2x4	2x6	2x3		
6	2	2						2x5		2x3	3x3	
7	2	2	1			2x3				3x3		
8	3	2				2x4				3x3		
9	3	2	1		2x3				2x2		3x4	
10	3	2	1	2x3					2x3			
11	50	x10		77,5	x8		102,5		3x3			
12	60	x8	90	x6	115	x5	127,5	2x2			3x5	
								x6		120	x3x5	
								x4	142,5	155	170	
									x3	x2	x1	

Для спортсменов экспериментальной группы: (программа № 2)

1.	127,5	/2	(5 сек)	140	/2	(5 сек)	150	/2	(5 сек)				
2.	127,5	/2	(2 сек)	140	/2	(2 сек)	150	/2	(2 сек)	160	/1	167,5	/1
3.	127,5	/2	(5 сек)	140	/2*2	(5 сек)	150	/2*2	(5 сек)				
4.	127,5	/2	(2 сек)	140	/2*2	(2 сек)	150	/2*2	(2 сек)	160	/1	167,5	/1
5.	127,5	/3	(5 сек)	140	/2*2	(5 сек)	150	/3*2	(5 сек)				
6.	127,5	/2	(2 сек)	140	/3*2	(2 сек)	150	/3*2	(2 сек)	160	/1	167,5	/1

7.	127,5	/3	(5 сек)	140	/2*3	(5 сек)	150	/2*3	(5 сек)				
8.	127,5	/3	(2 сек)	140	/3	(2 сек)	150	/3	(2 сек)	160	/1	167,5	/1
9.	127,5	/4	(5 сек)	140	/2*3	(5 сек)	150	/3*3	(5 сек)				
10.	127,5	/3	(2 сек)	140	/2*3	(2 сек)	150	/2*3	(2 сек)	160	/1	167,5	/1
11.	127,5	/4	(5 сек)	140	/2*4	(5 сек)	150	/2*4	(5 сек)				
12.	127,5	/3	(2 сек)	140	/3*3	(2 сек)	150	/3*3	(2 сек)	160	/1	167,5	/1
13.	117,5	/3*5											
14.	Проходка												

Тестирования были проведены с промежутком в два микроцикла и заключались в выполнении соревновательного упражнения «жим штанги лежа». На этапе промежуточного тестирования средний результат спортсменов контрольной группы составил 165 кг. Средний результат спортсменов экспериментальной группы – 167,5 кг. На итоговом тестировании спортсмены контрольной группы показали результат 167,5 кг. Спортсмены экспериментальной группы – 170 кг.

На основании исследования можно заключить, что программа № 2 для упражнения «жим штанги лежа» обладает большим тренирующим эффектом, чем программа № 1.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аксенов М.О. Управление тренировочным процессом спортсменов старших разрядов в пауэрлифтинге на основе современных методов моделирования. – М.: Советский спорт, 2003. – С. 48-51.
2. Верхошанский Ю.В. Основы специальной силовой подготовки в спорте. 3-е изд. – М.: Советский спорт, 2013. – 216 с.

REFERENCES

1. Aksekov M.O. Management of training process of sportsmen senior level in powerlifting based on modern simulation methods. [pravlenie trenirovochnym protsessom sportsmenov starshikh razryadov v pauerliftinge na osnove sovremennykh metodov modelirovaniya]. Moscow, Soviet sport, 2003. P. 48-51.
2. Verkhoshansky, Y. V. Fundamentals of special strength training in sport. [Osnovy spetsial'noy silovoy podgotovki v sporte]. 3th ed. Moscow, Soviet sport, 2013. 216 p.

Информация об авторе

Ларин Олег Сергеевич, кандидат педагогических наук, доцент, Московская государственная академия физической культуры (МГАФК п. Малаховка), Москва, Россия

Гаврилов Алексей Николаевич, студент 5 курса, Московская государственная академия физической культуры (МГАФК п. Малаховка), Москва, Россия
bakzbannyld@mail.ru

Получена: 15.08.2015

Information about the author

Larin Oleg Serghyevich, Candidate for Doctorate in Pedagogics, Associate Professor, Moscow State Academy of Physical/ Corporeal Culture (MGAFK), Malakhovka settlement, Moscow city, Russia

Gavrilov Alexey Nikolayevich, 5th year student, Moscow State Academy of Physical/ Corporeal Culture (MGAFK), Malakhovka settlement, Moscow city, Russia
bakzbannyld@mail.ru

Received: 15.08.2015

УДК 37.02

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-355-359

ЛИТВИНОВ Кирилл Александрович,
соискатель

LITVINOV Kirill Alekandrovich,
Applicant for academic degree

РУДАКОВА Ирина Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор кафедры педаго-
гики и психологии

RUDAKOVA, Irina Alekseevna,
Doctor of Pedagogical Science, Professor, Chair of
Pedagogy and Psychology

**РАЗРАБОТКА ТЕХНОЛОГИЙ
СМЫСЛОИНИЦИИРУЮЩЕГО ТИПА НА
ОСНОВЕ ЦВЕТООБРАЗОВ**

**DEVELOPMENT OF TECHNOLOGIES OF
SENSE-CREATING TYPE ON THE BASIS
OF COLOR IMAGES**

В рамках нового психолого-педагогического направления – смысловой дидактики – возникает потребность в исследовании феномена цветообраза, как средства актуализации личностных смыслов учащихся. Вместе с тем в педагогике недостаточно исследований, раскрывающих технологии «включения» личностно-значимого отношения обучающихся к учебному содержанию посредством цветообразов. Основанием для разработки представленных в нашем исследовании технологий, инициирующих смыслообразование обучающихся в учебном процессе, послужили уточненные и характеризованные нами три группы цветообразов, имеющих множество подгрупп (неустойчивые, заимствованные, цветообразы-свойства и др.), которые зависят от специфики их восприятия личностной интерпретации и презентации обучающимися в учебном процессе. Так, нами были выявлены технологии актуализации и проектирования цветообразов, сочетаемости/несочетаемости цветообразов, фасилитации и фасцинации. Данные технологии, которые будут рассмотрены в представленной статье подробнее, обеспечивают переход от неустойчивых цветообразов в устойчивые.

In the context of the new psycho-pedagogical direction – semantic didactics - there is a need to study the phenomenon of a color image as a means of actualization of students' personality senses. However, there are not enough studies in pedagogy highlighting the technologies of "inclusion" of personally important attitudes of students to the educational content through the color images. The development of the presented in our study technologies, initiating sense creation of students in the learning process, is based on the specified and characterized by us three groups of color images which have many subgroups (unstable, borrowed, color images etc.) that depend on the specifics of their perception, personal interpretation and presentation by students in the learning process. So, we have identified the technologies of actualization and design of color images, compatibility/ incompatibility of color images, facilitation and fascination. These technologies, which will be discussed in this article in detail, provide a transition from unstable color images to sustainable ones.

Ключевые слова: технологии «актуализации и проектирования цветообразов», технологии «сочетаемости и несочетаемости компонентов», технологии «фасилитации – фасцинации».

Key words: technology of "updating and designing color images", technology of "compatibility and incompatibility of components," technology of "facilitation-fascination".

**Результаты работы получены при поддержке проекта № 2873
«Теория, методика и технологии профессионального образования по направлениям
подготовки, соответствующим приоритетным направлениям модернизации
и технологического развития российской экономики, выполняемого
в рамках базовой части государственного задания № 2015/143».**

В психолого-педагогических исследованиях последних пяти лет отмечается, что реализация стратегической цели образования в педагогической практике все еще затруднена: цели обучения не «сдвигаются» в сторону обучающихся, а ведущий метод обучения – педагогическая поддержка – слабо структурирован [О. Грауманн, М.Н. Певзнер (2014), G. Matthes, (2006)].

В этой связи смысловая дидактика по праву является перспективным психолого-педагогическим направлением, поскольку в фокусе ее внимания – ресурсы смыслового развития обучающихся и технологии, обеспечивающие их сопровождение.

Один из таких ресурсов – цветообразы. Используемые активно в современном отечественном и зарубежном образовании, цветообразы выполняют множество функций: стилиобразующую, здоровьесберегающую, регулятивную, коммуникативную и смыслообразующую.

Вместе с тем психолого-педагогические исследования и педагогическая практика свидетельствуют о противоречивости личностной и социальной ситуации развития обучающихся. С одной стороны, у старшеклассников актуализируется потребность в означивании самого себя через значимого другого [Т.А. Кубрак (2009), Е.Н. Лебедева (2010), Ж.Ю. Кара (2008), Е.А. Колтунова (2013)]. С другой стороны, современные подростки не осознают ценности субъективного отношения к учебному содержанию, они не склонны прислушиваться к своему актуальному эмоциональному состоянию и опыту, у них утрачивается привычка «работать» с цветовыми образами, и как результат – «открывать» свой внутренний мир для себя и других [А.А. Адашкина (2000), И.К. Арсеньев (2011), А.А. Астахова (2014)].

Кроме этого, учителя, использующие в учебном процессе различные цветообразы как средства наглядности, не всегда осознают их смыслообразующий ресурс, как способ «включения» личностно-значимого отношения обучающегося к учебному содержанию [(И.В. Абакумова (2012), С.Н. Пивненко (2014), И.А. Рудакова (2014))].

Одно из объяснений этого факта кроется в рассогласованности компонентов цвета и образа, обусловленной особенностями восприятия, интерпретации и презентации цветообразов обучающимися. В условиях реального учебного процесса заложенные в цветообразах смыслы в их ситуативных и устойчивых проявлениях также «гасятся». «Корневая система» интеграции цвета и образа в общей структуре цветообраза (опыт, символическая природа, переживание, смысловая модальность) в учебном процессе не получает дидактической «подпитки» в силу отсутствия адекватных технологий обучения, «включающих» механизмы смыслообразования этими же средствами.

К сожалению, приходится констатировать, что к началу 21 века отсутствует комплексная идея цвета в творческой деятельности человека. Отчасти это объясняется историческими предпосылками «параллельного» изучения цвета и образа в естественнонаучном и гуманитарном знании (И. Гете, К. Юнг, Е.М. Гуделева, Е.В. Матвеева).

В психологических исследованиях «корни» интеграции цвета и образа обоснованы в эмоциях (Б.А. Базыма, П.В. Яншин, И. Иттен), символе (Л.Т. Потанина, А.Н. Гусева, Е.А. Колтунова) и смысле (В.В. Драгунский, Ж.Ю. Кара, Сазонов В.Ф., Р.В. Сальный, М.А. Семенова).

Заметен интерес к цветообразам как педагогической категории в художественном, валеологическом образовании, а также в компьютерной дидактике (Г.А. Лобанова, В.С. Кукушин, А.С. Кутькова, А.Б. Савченко, В.П. Сабадашев, О.Ю. Солопанова, и др.).

Выход на общедидактический уровень проблемы смыслообразования средствами цветообразов открывается в исследованиях Н.Г. Тищенко, В.Т. Фоменко с идеей построения процесса обучения на образно-эмоциональной основе, в работах И.В. Абакумовой, П.Н. Ермакова, И.А. Рудаковой с идеей многомерной классификации методов обучения, в концепции смысловой коммуникации Л.Ц. Кагермазовой и др.

Вместе с тем в педагогике недостаточно работ, в которых содержатся ответы на вопросы, как включается функция самонастройки на смыслы другого через цветообразы, можно ли ее «удержать» и какими дидактическими средствами в условиях учебного процесса?

Отсюда возникают противоречия

- между признанием наукой значимости использования в учебном процессе технологий, инициирующих смыслообразование обучающихся, и ограничением в реальном образовательном процессе права учащихся на самораскрытие и самовыражение;

- между природой обучающегося использовать цветообразы в контексте их субъективной значимости, и явной недостаточностью дидактического инструментария, инициирующего смыслообразование в учебном процессе;

- между потребностью общества в смыслообразующем и смыслотворческом образовании и недостаточной профессиональной готовностью педагогов к использованию в учебном процессе технологий самораскрытия цветообразов в учебном процессе.

Недостаточная разработанность проблемы обуславливает выбор темы исследования «Технологии инициации смыслообразования в учебном процессе средствами цветообразов».

Объект исследования – образовательный процесс.

Предмет исследования – технологии «включения» личностно-значимого отношения обучающихся к учебному содержанию посредством цветообразов.

Цель исследования состоит в разработке технологий инициации смыслообразования обучающихся средствами цветообразов.

В соответствии с объектом, предметом и целью исследования были поставлены следующие задачи:

1. Выделить и кратко охарактеризовать основные типы цветообразов, используемые обучающимися в учебном процессе.
2. Систематизировать и обобщить группы технологий смыслоиницирующего типа на основе цветовых образов.

Цветообразы представляют собой интегративную (смыслообразующую) категорию, «сплав» компонентов которой обеспечен актуальным и прошлым опытом обучающихся, их знаково-символической системой и эмоциональными переживаниями.

В зависимости от особенностей восприятия обучающимися цветообразов, их личностно-смысловой интерпретации и презентации, цветообразы обладают различным смыслообразу-

ющим потенциалом. Особенности восприятия цветообразов обучающимся раскрываются через содержание его опыта: количество воспринимаемых компонентов в общей структуре цветообраза и характер ассоциативных связей, что дает возможность выделить неустойчивые и устойчивые (ситуативные, спонтанные, операциональные и др.) цветообразы и зафиксировать их как первый тип, используемый обучающимся в учебном процессе – по критерию «длительности их запечатлений». Неустойчивые (ситуативные, спонтанные, операциональные и др.) цветообразы инициируют разнонаправленное движение мысли обучающегося [1].

Особенности личностной интерпретации цветообразов раскрываются через знаково-символическую систему (специфику понимания содержания цветообразов, уровни обобщения, соотношение значения и смысла в процессе использования в учебном процессе) обучающегося как своеобразного индикатора, ориентированного на их значимость, что обуславливает выделение второго типа цветообразов (цветообразы-свойства, цветообразы-композиции, цветообразы-метафоры – по критерию «глубины личностно-смысловой интерпретации»). Цветообразы-метафоры в большей степени способствуют проникновению смыслов во все подструктуры личности обучающегося [3].

Особенности презентации цветообразов раскрываются через выбор типа переживания (гедонистическое, реалистическое, ценностно-творческое), побуждающего к определенной деятельности, что позволяет выделить третий тип цветообразов (самостоятельно созданные обучающимся, созданные с использованием средств компьютерной поддержки, заимствованные у других) – по критерию «средств презентации». Заимствованные у других и созданные (авторские) цветообразы позволяют «замкнуть» отношения на себя [2; 6].

В соответствии с особенностями активности личности диагностированы группы обучающихся с разным уровнем развития перцептивных, интерпретационно-метафорических и презентативных способностей (низкий, средний и высокий), раскрывающих специфику их смыслового развития.

Обучающиеся, воспринимающие какой-либо один компонент (цвет или образ) в общей структуре цветообраза, выражающие неустойчивые эмоциональные отношения, и не наделяющие смыслом цветовые образы, а также использующие шаблонные схемы ассоциаций, визуализирующие лишь отдельные их свойства, характеризуются низким уровнем развития перцептивных, интерпретационных и презентативных способностей, и, следовательно, низким уровнем развития смысловой сферы.

Умения обучающихся представить цветные образы, «увидеть» и сформулировать свою смысложизненную концепцию (перспективу жизни), самостоятельно использовать творческие средства самостроительства с помощью цветообразов, представить целостность цветообраза через гармонизацию компонентов цвета, образа, эмоции и смысла, умения понять ценностные установки другого и др. – характеризуют высокий уровень развития смысловой сферы обучающихся.

Типы цветообразов, используемые обучающимися в учебном процессе, обуславливают выбор трех групп технологий, инициирующих смыслообразование обучающихся и реализующихся определенными группами методов и приемами обучения (нарративные методы, цветообозначения, цветовая доминанта, цветовой фон и др.).

Их функциональное назначение в учебном процессе – способствовать самораскрытию различных типов цветообразов, что позволяет прояснить истинные и ложные представления личности о себе и других; гармонизировать компоненты цвета и образа для уточнения соотношения Я-идеального и Я-реального в общей структуре Я-концепции обучающегося; создать условия для демонстрации способа его самовыражения, подчеркивающего полноту объективирования своего Я в выборе средств презентации цветообразов («чужих» репродукций, средств компьютерной поддержки, авторских разработок).

Самораскрытие цветообразов в учебном процессе обеспечивается тремя группами технологий, инициирующих смыслообразование обучающихся, включая специфические методы и приемы обучения, среди которых: технологии актуализации и проектирования цветообразов (1 группа); технологии сочетаемости и несочетаемости компонентов цвета и образа в общей структуре цветообраза (группа 2) и технологии фасилитации и фасцинации цветообразов.

Первая группа технологий обучения способствует самораскрытию неустойчивых (ситуативных, спонтанных, прагматических, операциональных) и устойчивых цветообразов в учебном процессе. Гармонизацию компонентов цвета и образа как основы формирования целостного образа восприятия (жизненного, познавательного и художественного) себя и других, обеспечивает вторая группа технологий обучения. Глубина переживания отношения к себе и миру через цветообразы и их презентация различными способами самовыражения обучающихся, в которых раскрываются их истинные и ложные представления, поддерживается третьей группой технологий обучения.

В свою очередь, каждая группа технологий, инициирующих смыслообразование обучающихся, раскрывается специфическими методами обучения. Технологии «актуализации и проектирования цветообразов» реализуется методами цветообозначений, реминисценций, нарративными методами (ретроспективы и перспективы), цветовой детали и др.

Цветообозначения обладают огромными возможностями в выражении безграничного разнообразия значений и смыслов, в изображении самых широких диапазонов человеческих мыслей, чувств и стремлений обучающихся. Актуализация цветowych названий образов, активизация ассоциативных рядов приводит к тому, что цветообозначения становятся своеобразным «средоточием значимости», своеобразным смысловым центром, при помощи которого обучающийся акцентирует внимание на наиболее лично-значимой для него информации.

Реминисценции намекают на глубокий смысл используемых цветообразов и, кроме того, конкретизируют этот смысл, ибо отсылают обучающегося к конкретным «первоисточникам», уже столкнувшимся данным образом в конкретном ключе.

Нарративные методы (ретроспективы и перспективы) характеризуют процесс развертывания цветообраза. Процесс обнаружения смыслового единства, смысловой целостности всех задействованных в нем компонентов реализуется в двух направлениях: перспективе, когда изначально предполагаемый смысл цветообраза задает направление восприятию последующих событий, связанных с жизненным миром обучающегося, и ретроспективе, когда смысл цветообраза обретается им «с конца», т.е. уже в рамках целостности его «готового» цветообраза.

Технологии «сочетаемости и несочетаемости компонентов» раскрываются многочисленными методами обучения, среди которых: контраст цветообразов (антитеза); кольцевая композиция; смысловой повтор цветообразов; цветовой тон (приглушение тона, затушевывание цвета); цветовая доминанта; Цветовая деталь; параллельное действие и др.

Антитеза выделяет свойства образа, противоположные свойствам противопоставляемого ему образа, т.е. те, на которых, собственно, и строится оппозиция. Кольцевая композиция актуализирует символику кольца, круга, которая обнаруживает себя в самой философии образа, определяет символику некоторых ключевых в этом отношении образов. Смысловой повтор рассматривается в качестве необходимого условия становления символики цветообраза, характеризует также процесс развертывания смыслов.

Эмотивная составляющая педагогической коммуникации, связанная с проявлением и восприятием эмоций и чувств в ходе самовыражения личности обучающегося, использующего цветообразы в учебном процессе, реализуется технологиями «фасилитации–фасцинации», которые, в свою очередь, поддерживаются методами аутофасцинации, фокусинга, кооперации и др.

Фасцинация рассматривается как дополнительный фон преодоления недоверия обучающегося по отношению к другим. Фасилитация осознания смысла на уровне поведения других способствует самораскрытию чувств и эмоциональных переживаний, снятию психологических зашит и барьеров отчужденности между участниками педагогического взаимодействия [5]. Коучинг акцентирует внимание на мельчайших изменениях в личности, которые способствуют достижению глобальных целей обучения. Демонстрируемые цветообразы на этапе их презентации, ставшие жизненно значимыми для обучающегося, вызывают резкое изменение в его поведении.

Каждая группа технологий, инициирующих смыслообразование в учебном процессе средствами цветообразов, реализуется в традиционных и нестандартных организационных формах обучения. В частности, целесообразно использовать технологии обучения на уроках объяснения нового учебного материала и итоговом повторении. В рамках нестандартных уроков рекомендовано применять специфические технологии обучения на следующих уроках: спонтанного творчества («выброса» цветообразов); с использованием неопределенных цветообразов (типа «сожженная рукопись» или «недописанная повесть» и др.); с характерными и нехарактерными цветами; разгадывания смысла цвета; достраивания образа цветом (погружение в смысл) и др.

Предложенные технологии, направленные на создание условий самораскрытия цветообразов в учебном процессе, гармонизацию компонентов цвета и образа в общей структуре цветообраза и поддержки самопрезентационных умений обучающихся – это общий алгоритм «запуска» и развития смысла, дидактический инструментарий его обеспечения.

Научная новизна и теоретико-практическая значимость исследования:

1. Дополнено понимание специфики цветообразов как способа самонастройки личности на постижение смыслов учебного содержания.

2. Выделены и охарактеризованы типы цветообразов, используемые обучающимися в учебном процессе по трем критериям.

3. Обоснован выбор трех групп технологий обучения, обеспечивающий условия самораскрытия цветообразов в учебном процессе; гармонизации компонентов цвета и образа и средств их презентации для обеспечения самовыражения обучающихся.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Абакумова И.В., Ермаков П.Н., Рудакова И.А.* Смыслоцентризм в педагогике: новое понимание дидактических методов. [Текст] / И.В. Абакумова, П.Н. Ермаков, И.А. Рудакова. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2006. 256 с.
2. *Абульханова-Славская К.А.* О путях построения типологии личности. [Текст] / К.А.Абульханова-Славская // Психологический журнал. Том 4. № 1. 1983.
3. *Адашкина А.А.* Художественное восприятие действительности у детей и взрослых. [Текст] / А.А. Адашкина // Психологический журнал. Том 21. № 4. 2000.
4. *Бессонова Н.М.* Образы воображения как средство регуляции психических состояний [Текст]: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук / Н.М. Бессонова Новосибирск, 2007.
5. *Шахматова О.Н.* Педагогическая фасилитация: особенности формирования и развития [Текст] / О.Н. Шахматова // Научные исследования в образовании. Выпуск № 3. 2006. С. 199-2001.
6. *Шкуратова И.П.* Самовыражение личности в общении. Психология личности [Текст] / И.П. Шкуратова: Учебн. пособие под ред. П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской. М.: ЭКСМО, 2007. С.241-265.

REFERENCES

1. Abakumova I.V., Ermakov P.N., Rudakova I.A. Meaning centrism in pedagogics: new comprehension of didactic methods [Smyslotsentrizm v pedagogike: novoe ponimanie didakticheskikh metodov]. Rostov-na-Donu, Rostov Univ. Publ., 2006. 256 p. (in Russ.).
2. Abul'khanova-Slavskaya K.A. About ways of constructing a typology of personality [O putyakh postroeniya tipologii lichnosti.]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological journal*. Volume 4. No. 1. 1983. (in Russ.).
3. Adaskina A.A. Artistic perception of reality by children and adults [Khudozhestvennoe vospriyatie deystvitel'nosti u detey i vzroslykh]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological journal*. Volume 21. No.4. 2000. (in Russ.).
4. Bessonova N.M. Images of the imagination as a means of regulation of mental states [Obrazy voobrazheniya kak sredstvo regulyatsii psikhicheskikh sostoyaniy]. Novosibirsk, 2007. (in Russ.).
5. Shakhmatova O.N. Pedagogical facilitation: peculiarities of formation and development [Pedagogicheskaya fasilitatsiya: osobennosti formirovaniya. *Nauchnye issledovaniya v obrazovanii* – Scientific research in education. Issue No. 3. 2006. p. 199-2001. (in Russ.).
6. Shkuratova I.P. The expression of personality in communication. Personality psychology [Samovyrazhenie lichnosti v obshchenii. *Psikhologiya lichnosti*]. Moscow, 2007, p.241-265. (in Russ.).

Информация об авторе

Литвинов Кирилл Александрович, соискатель г. Краснодар, Россия

Рудакова Ирина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии федерального государственного бюджетного профессионального образования «Кубанский государственный университет». г. Краснодар, Россия,

Получена: 15.05.2015

Information about the author

Litvinov Kirill Alekcandrovich, Applicant for academic degree, Krasnodar, Russia.

Rudakova, Irina Alekseevna, Doctor of Pedagogical Science, Professor, Chair of Pedagogy and Psychology, Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education - Kuban State University, Krasnodar, Russia. irina_rudak@mail.ru

Received: 15.05.2015

УДК 81

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-360-363

ЛООВ Руслан Азретович,
аспирант кафедры публицистики и журналистского
мастерства

LOOV Ruslan Azretovich,
Postgraduate of the Chair publicism and Journalistic
Skills

**ЭПИЗОДЫ ЖУРНАЛЬНОГО ПРОЦЕССА
ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ:
ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЖУРНАЛОВ
«КОНТИНЕНТ» И «СИНТАКСИС»**

**EPISODES OF JOURNALISTIC PROCESS OF
THE THIRD WAVE OF RUSSIAN
EMIGRATION: IDEOLOGICAL AND
AESTHETIC OPPOSITION OF JOURNALS
«CONTINENT» AND «SYNTAX»**

Статья посвящена противостоянию «Континента» и «Синтаксиса» – двух ярких журналов третьей волны русской эмиграции. Оба издания вели многолетнюю активную полемику.

В основе конфликта между журналами лежит эстетическое и идеологическое расхождение их основателей: А. Синявского и В. Максимова. «Континент» создавался для того, чтобы объединить всю русскую эмиграцию третьей волны, однако этого не вышло. Понадобилось альтернативное издание.

В статье проводится сравнение идейно-эстетических установок «Синтаксиса» и «Континента» как часть общего анализа журнальной политики русской эмиграции третьей волны. Особое внимание уделено проблеме творческой свободы в условиях отсутствия внешней цензуры.

Актуальность данной работы заключается в том, что при наличии достаточно обширных работ о «Синтаксисе» и «Континенте» отношения между ними малоизучены.

Ключевые слова: третья волна русской эмиграции, русский журнал, Синявский, Максимов, Абрам Терц, журнал, эстетика, писатель, искусство, ирония, альтернативное издание, журнальная полемика.

The article analyzes the confrontation between two magazines of the third wave of Russian emigration – «Continent» and «Syntax». These journals have been competing for many years.

The conflict between these magazines is based upon ideological and aesthetic differences of their founders: A. Sinyavsky and V. Maximov. The «Continent» magazine was founded to unite all third wave of Russian emigration, but this aim was not reached. An alternative edition was needed.

The author makes the comparison of ideological and aesthetic attitudes of «Syntax» and «Continent» as a part of general analysis of journalistic policy of the third wave of Russian emigration. Particular attention is paid to the problem of freedom of creativity in the absence of external censorship.

The significance of this article is determined by the fact, that, in spite of numerous works about «Syntax» and «Continent», the relations between them are little-studied.

Key words: the third wave of Russian emigration, Russian Journal, Sinyavsky, Maksimov, Abram Tertz, magazine, aesthetics, writer, art, irony, alternative edition, magazine polemics.

Противостояние «Континент» – «Синтаксис» стало символом журнального процесса русской эмиграции третьей волны. Оба журнала отличал свой, обособленный взгляд на культурные и социально-политические процессы эмиграции и метрополии. Разрыв А. Синявского с «Континентом» явился не просто формальной ссорой с главным редактором В. Максимовым, а нарастающим мировоззренческим конфликтом между обоими. Е. Скарлыгина видит причину этого конфликта в «противостоянии либерально-демократической и национально-почвеннической традиции в развитии русской общественной мысли» [6, с. 4]. Максимов уважал и ценил Синявского и не хотел терять одного из значимых авторов, но разрыв произошел. И он не случаен. В одном из интервью Д. Глэду Н. Горбаневская (заместитель главного редактора «Континента») рассказывает, что Максимов после выхода Синявского из редколлегии «Континента» предлагал ему «выделить в каждом номере "Континента" 50 страниц как "Свободную трибуну"», но Синявский отказался [1, с. 156]. Одна из главных претензий Синявского к журнальной политике «Континента» – зарождающиеся тенденции воспроизведения в миниатюре советской власти, со своими верхами и низами. То есть той самой власти, от которой и бежали эмигранты. По мнению Синявского, «Континент», борясь с советским авторитаризмом, сам становился авторитарным изданием. Приведем слова З. Зиника из статьи «Подстрочник», которыми можно объяснить позицию всех недовольных журнальной ситуацией в русском зарубежье на момент создания «Синтаксиса»: «Люди говорят за всю Россию от имени и поручению неизвестно кого, имеют в действительности в виду позицию своего круга, что и здесь проявляется в неприязни к посланникам других кругов» [2, с. 99]. Здесь можно усмотреть и тонкий намек на канонизацию А. Солженицына, чьи идеи превалировали в «Континенте» долгие годы. У Синявского был свой взгляд на то, каким должен быть журнал, он понимал, что единый журнал, удовлетворяющий пожелания всех и каждого, – это утопия. С этой целью и был создан «Синтаксис». С первого номера «Синтаксис» обозначил поле своих интересов: публицистика, критика, полемика. И поскольку с советской печатью полемика быть не могло, главным оппонентом новообразованного журнала стал «Континент».

Следует понимать, что перед любым новым журналом всегда возникают два насущных творческих вопроса: что писать и как писать. И если в первом вопросе «Континент» и «Синтак-

сис» зачастую сходились (оба издания волновала социально-политическая и культурная ситуация в эмиграции и метрополии), то в вопросе «как» возникали существенные расхождения. «Синтаксис» опирался на эксперимент и эстетический вызов. А «Континент», как справедливо отмечает В. Калмыкова, «был предан русской литературной традиции XIX века, со свойственным ему "комплексом героической жертвенности" русского писателя. В ситуации гибели за истину недопустимы улыбки, ирония, наслаждение существующей в мире красотой и вообще жизнью» [3, с. 131]. «Синтаксис» отделял этику от эстетики, отвергал концепцию служебного искусства, говоря о том, что прекрасное не всегда несет добро, также как добро не всегда прекрасно. «Континент» же трактовал эстетику в христианских традициях, не отделял ее от этики. Для «Континента» писатель есть учитель, советник. Главный редактор «Континента» В. Максимов как писатель признавал литературное родство с Л. Толстым, в то время как Синявский указывал в числе своих ориентиров Гоголя, Достоевского, Лескова. Синявский продолжал развивать концепцию «фантастического реализма», Максимов – русского реализма XIX в. Все это достаточно ясно характеризует и направленность журналов, возглавляемых обоими.

«Континент» в эмиграции (за редким исключением) позволял себе не больше, чем тот же «Новый мир» в СССР. То есть многие художественные произведения, попадавшие на страницы журнала, могли вписаться в концепцию социалистического реализма, если бы их авторы жили в советском союзе. Публикации же «Синтаксиса» зачастую носили провокативный характер. С одной стороны, в этом можно увидеть прямой вызов Синявского и Розановой консервативным изданиям и достаточно осторожному «Континенту», с другой – станет понятно, что и сам круг авторов «Синтаксиса» (не нашедших себе места на страницах журнала Максимова) естественным образом сформировал его лицо. Стоит отметить, что среди авторов «Синтаксиса» были ученики А. Синявского, поэтому их эстетическая позиция так или иначе уже содержала взгляд Синявского и даже в большей степени – А. Терца. В. Максимов стремился окружить себя известными именами и политическими сторонниками, в большей степени друзьями и ровесниками. В редколлегию «Континента» входили такие значимые фигуры, как А. Солженицын, И. Бродский, А. Сахаров, А. Галич, Н. Коржавин, В. Некрасов и др. «Синтаксис» в основном работал с молодыми литераторами экспериментального и эстетического крыла, авторами, сложившимися уже за границей.

«Континент» с самого начала создавался для того, чтобы быть главным действующим лицом новой литературной эмиграции. Название журналу было придумано А. Солженицыным (стоит отметить, что А. Синявский тоже предлагал Максиму вариант названия – «Процесс», но редактор склонился к варианту Солженицына). Само название сообщало изданию основательность, неподвижность, бескомпромиссность, но на компромиссы журнал не мог не пойти как раз по причине роли, которую он должен был играть, то есть роли главной трибуны третьей русской эмиграции.

Говоря о «Континенте» важно понимать, что он не являлся консервативным журналом. Подобную категорию составляли, например, такие издания, как газета «Новое русское слово», журнал «Вестник РХД» и др., сформированные первой и второй волной русских эмигрантов. «Континент» же являлся современным журналом, затрагивающим актуальные проблемы не только политического, религиозного, но и эстетического содержания. Однако заметим, что, несмотря на то, что журнал был не чужд эксперименту и эстетике, роль, отведенная этим явлениям, была незначительной. Так, например, в 15-м номере журнала появляется рубрика «Мастерская», посвященная поэтическим экспериментам, открывающаяся стихами Э. Лимонова с предисловием И. Бродского. Но несмотря на достаточно доброжелательную оценку, сделанную состоявшимся поэтом – начинающему, само ее присутствие указывает на то, что публикация подобного рода литературного материала – исключение из правил, а не некая новая концепция. Позже это подтвердит своей вступительной статьей к стихам молодых авторов Н. Горбаневская, не разделяющая энтузиазма И. Бродского в вопросе целесообразности подобных рубрик. Причину компромиссов в отношении сомнительных для репутации журнала авторов со стороны «Континента» можно объяснить его центристской политикой. «Континент» должен был охватить все литературные процессы в русской эмиграции, но, как часто случается с теми, кто желает угодить многим, не всегда справлялся с поставленной задачей.

Говоря о конфликте между «Континентом» и «Синтаксисом», нельзя не отметить их отношение к иронии, а точнее, разницу в понимании роли данного явления в рамках литературного журнала. Для «Синтаксиса» ирония по большей части явление эстетическое, часть литературной игры. Для «Континента» ирония, как и эксперимент, всего лишь элемент, не всегда приятный и уместный, способный создать и резонансную ситуацию, которую любили авантюристы А. Синявский и М. Розанов, но определенно избегал В. Максимов. Хорошо иллюстрирует позицию «Континента» статья А. Сопровского «Конец прекрасной эпохи», где автор рассматривает иронию как явление, захватывающее всю литературу. Самое страшное, по мнению Сопров-

ского, что «ирония восхваляется в ... политической публицистике!» [7, с. 340]. Автор ссылается на статью Г. Померанца «Сон о справедливом возмездии», опубликованной в «Синтаксисе», в которой Померанц размышляет о значении иронии в литературе. Не случайно статья посвящена А. Солженицыну, которому, как отмечает автор, «ирония ни к чему». Статья же И. Померанца хорошо иллюстрирует позицию «Синтаксиса»: «Ирония помогает мне понять: все, что высказано, не может быть совершенной истиной; все, что есть, не может быть совершенной ложью...» [5, с. 81]. И наконец, Померанц высказывает мысль, которую трудно представить опубликованной в «Континенте»: «Даже в сфере святого много доступно иронии (в этой области она называется юродством)» [там же]. Юродство – явление, тесно вошедшее в христианскую культуру, уравнивающее строгий институт церкви шутовством, и есть позиция «Синтаксиса» в отношении ставшего каноническим журнала В. Максимова. А. Терц и есть главный юродствующий, он и олицетворяет дух журнала, способного смеяться над всем и над всеми: не только над советской властью, как тот же «Континент», но и над ее ярыми противниками. И смех этот носит роль некоего очищения [4, с. 143-145].

Безусловно, противостояние Синявского и Максимова, с одной стороны, стало причиной разлада всей третьей эмиграции, разрушило миф о единстве эмигрантов, с другой – способствовало развитию нормальной журнальной ситуации в русском зарубежье последней трети века. Периодика первых двух волн стояла особняком и практически не принимала участия в делах нового поколения эмигрантов. Поэтому серьезной поколенческой полемики не вышло. Как оказалось, больше разногласий у новых эмигрантов возникло не с «отцами», а с представителями своего поколения.

Благодаря центристской политике «Континента» Синявский и Розанова создали свой журнал и смогли донести до читательской аудитории в полной мере свои либеральные эстетические взгляды, а не довольствовались отведенными рамками внутри «Континента». Наличие же оппозиционного «Синтаксиса» позволило «Континенту» избавиться от либерального радикального меньшинства, мешавшего установить монолитное единство внутри журнала, представляющего лицо эмигрантской периодики. В то же время наличие оппозиции добавляло весомости «Континенту».

Многолетнее противостояние журналов закончилось в 1993 г., когда Синявский и Максимов выступили с осуждением расстрела Белого дома и опубликовали совместную статью в «Синтаксисе», посвященную этому событию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Глэд Д. Беседы в изгнании – Русское литературное зарубежье. – М., 1991.
2. Зиник З. Подстрочник // Синтаксис. – 1980. – № 8. – С. 73-110.
3. Калмыкова В. Харизма русского писателя и свобода выбора: к постановке проблемы // Андрей Синявский – Абрам Терц: облик, образ, маска. Первые международные историко-литературные чтения, посвященные жизни и творчеству Андрея Синявского (Абрама Терца) / сост. Н. Рубинштейн. – М., 2011.
4. Лоов Р., Бугаенко Н. А. Синявский и А. Солженицын: эстетический конфликт в контексте противостояния классической и модернистской парадигм // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 1. – С. 143-145.
5. Померанц И. Сон о справедливом возмездии // Синтаксис. – 1980. – № 6. – С. 13-88.
6. Скарлыгина Е. Журналистика русской эмиграции: 1960-1980-е годы: учеб. пособие. – М., 2010.
7. Сопровский А. Конец прекрасной эпохи // Континент. – 1982. – № 32. – С. 335-355.

REFERENCES

1. Gled D. Besedy v izgnanii – Russkoe literaturnoe zarubezh'ye. Moscow, 1991.
2. Zinik Z. Podstrochnik. Sintaksis. 1980. № 8. Pp. 73-110.
3. Kalmykova V. Kharizma russkogo pisatelya i svoboda vybora: k postanovke problemy. Andrey Sinyavskiy – Abram Terts: oblik, obraz, maska. Pervye mezhdunarodnye istoriko-literaturnye chteniya, posvyashchennyye zhizni i tvorchestvu Andrey Sinyavskogo (Abrama Tertsy). sost. N. Rubinshteyn. Moscow, 2011.
4. Loov R., Bugayenko N. A. Sinyavsky i A. Solzhenitsyn: estetichesky konflikt v kontekste protivostoyaniya klassicheskoy i modernistskoy paradigm. Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. № 1. Pp. 143-145.
5. Pomerants I. Son o spravedlivom vozmездii. Sintaksis. 1980. № 6. Pp. 13-88.
6. Skarlygina E. Zhurnalistsika russkoy emigratsii: 1960-1980-e gody: ucheb. posobie. Moscow, 2010.
7. Soprovskiy A. Konets prekrasnoy epokhi. Kontinent. 1982. № 32. Pp. 335-355.

Информация об авторе

Лоов Руслан Азретович, аспирант кафедры публицистики и журналистского мастерства Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия
af03@mail.ru

Получена: 23.08.2015

Information about the author

Loov Ruslan Azretovich, Postgraduate student, Faculty of Journalism, the Kuban State University, Krasnodar city, Russia
af03@mail.ru

Received: 23.08.2015

УДК 378.046.4

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-364-366

ЛОРЕНЦ Вероника Викторовна,
кандидат педагогических наук, доцент

LORENZ Veronika Viktorovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

**МОДЕЛИРОВАНИЕ АКМЕОГРАММЫ КАК
СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ПЕДАГОГОМ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
МАСТЕРСТВА**

**MODELING OF ACMEOGRAMME AS A WAY
FOR TEACHERS TO ACHIEVE THE HIGHTS
OF PROFESSIONALISM**

Актуальность акмеологического подхода обусловлена инновационными процессами в современном образовании, реализацией условий Болонской декларации, повышением требований к компетенциям педагога. От умения педагога выстроить акмеограмму и достичь высокого уровня профессионального мастерства зависит сегодня качество образовательного процесса. При моделировании и реализации акмеограммы решаются задачи личностного и субъектно-деятельностного развития педагога-профессионала. Акмеограмма помогает педагогу осуществлять инновационную деятельность, повышать педагогическое мастерство, мобильность, активность в научно-исследовательской деятельности. Уровень конкурентоспособности специалиста оценивается сегодня наличием сформированных профессиональных компетенций, которые должны носить междисциплинарный, личностный и рефлексивный характер. Компетентностный подход предполагает наличие не только знаний, но и умений применять эти знания на практике. В связи с этим, акмеологический подход поддерживает и развивает идею развития профессиональных компетенций педагога. В данной статье уделяется особое внимание построению акме педагога, так как это позволяет выстроить программу саморазвития и совершенствования на основе предъявляемых требований к современному специалисту. В статье обращается внимание на структуру акме, которая предполагает самоанализ, постановку целей, разработку программы профессионального развития с учетом профессиональных компетенций, рефлексивный компонент.

The topicality of acmeological approach is pre-conditioned by the innovative processes in modern education, the implementation of the Bologna Declaration, the increased requirements to the competences of the teacher. Today, the quality of education depends on the ability of teachers to make the acmeogramme with the aim to reach the heights of their professionalism. Modeling and implementation of acmeogramme helps to solve the tasks of personal and subjective-operational development of the teacher-professional.

Acmeogramme helps the teacher to innovate activities, to improve pedagogical skills and to enhance mobility and activity in research work. Today, the level of competitiveness of a specialist is estimated based on his/her professional competencies that must have interdisciplinary, personal and reflexive character. Competence-based approach implies not only the knowledge but also the skills to apply this knowledge in practice. In this regard, acmeological approach supports and develops the ideas enhancing professional competences of the teacher. The article pays special attention to building up the Acme of the teacher, as it allows to develop a program of self-improvement and self-development according to the requirements to modern specialists. The article pays attention to the structure of the acme which implies self-analysis, goal setting, elaboration of program of professional development taking into consideration professional competences, and reflexive component.

Ключевые слова: акмеология, акмеограмма, акме, профессионализм, мастерство педагога.

Key words: Acmeology, acmeogramme, Acme, professionalism, teaching skills.

В Концепции развития непрерывного образования в РФ до 2012 г. указано, что «Уровень конкурентоспособности современной инновационной экономики все в большей степени определяется качеством профессиональных кадров, уровнем их социализации и кооперационности. Необходимым условием формирования инновационной экономики является создание системы постоянного обновления знаний и компетенций работников. В настоящее время все развитые государства мира реализуют программы формирования систем непрерывного образования (обучения на протяжении всей жизни – Life Long Learning)». Данное направление в области образовательной политики продолжает развиваться и сегодня, от педагогов требуется уже не только решение профессиональных задач, а также и инновационная деятельность, научно-исследовательская работа, активность в участии на конференциях, написании статей, профессиональное мастерство и уникальность, технологизация педагогического процесса. Как решить все эти задачи и соответствовать требованиям времени? Проблема профессионального роста человека, его успешность являются центральной для акмеологии, которая начала формироваться как самостоятельная научная дисциплина в 90-е гг. XX столетия. Подготовка специалиста-профессионала основывается на стремлении к осмыслению и прогнозированию будущего, как результат достижения максимального профессионального мастерства.

Акмеологический подход в настоящее время является одним из прогрессивных и перспективных для современной школы. По мнению А.А. Деркача, сущность акмеологического подхода заключается в осуществлении комплексного исследования и восстановления целостности субъекта, когда его индивидуальные, личностные и субъектно-деятельностные характеристики изучаются в единстве, для того чтобы содействовать его достижению высших уровней, на которые может подняться каждый [2].

Социальный заказ на образование изменяет требования к качеству и уровню подготовки педагога, в связи с этим, сущность профессионализма педагога рассматривается сегодня следующим образом:

- как владение деятельностью в целом, удержание профессионалом ее предметности в многообразных практических ситуациях, способность к построению деятельности, ее изменению и развитию (А.А. Деркач) [2];
- как владение признанными в научном сообществе, апробированными методами, приемами деятельности (Л.И. Анищева) [1];
- как степень владения знаниями, умениями и навыками, с одной стороны, и способность производить новое – с другой (Н.В. Кузьмина) [5];
- как единство и взаимообусловленность умений квалифицированно выполнять тот вид деятельности, который является ведущим, способность предложить увлекательную программу деятельности (А.А. Бодалев) [3].

В связи с этим, педагогический профессионализм является центральным понятием педагогической акмеологии как науки. Профессионализм, по мнению А.К. Марковой, понимается как интегральная характеристика личности педагога, предполагающая владение им видами профессиональной деятельности и наличие у педагога сочетания профессионально важных психологических качеств, обеспечивающих эффективное решение профессиональных педагогических задач [6].

Педагогическая акмеология способствует достижению педагогом вершин профессионализма, проявляющегося не только в высокой результативной деятельности, но и в гуманистической ориентации на развитие личности обучающихся средствами отдельных учебных предметов, в выборе педагогом способов своей деятельности с учетом мотивов, ценностных ориентаций, целей учащихся; в подготовке учащихся к реализации индивидуально-образовательного маршрута. В педагогической акмеологии выявляются уровни профессионализма педагога: овладение профессией; педагогическое мастерство; самоактуализация педагога в профессии; педагогическое творчество [4].

Педагогическая акмеология способствует определению педагогом траектории роста индивидуально выбранного пути достижения профессионализма, пути преодоления профессиональных деформаций личности педагога (эмоционального «выгорания» и «профессионального насыщения и истощения»). Неоспоримым является тот факт, что для современного педагога чрезвычайно важно эффективно выстроить свой путь достижения *акме – наивысшего уровня профессионального мастерства*. Данный подход, развивая достижения современной профессиографии, дает возможность описать труд педагога как целостный феномен, который включает в себя вполне определенную совокупность компонентов объективного и субъективного характера, и представить их в виде акмеограммы. Акмеограмма (по мнению А.А. Бодалева) – это всестороннее описание профессиональной деятельности специалиста, включая устойчивые индивидуальные, субъектно-деятельностные и личностные качества, являющиеся для данной деятельности профессионально важными, обеспечивая ее успешность [3]. Это документ, отражающий возможную индивидуальную траекторию продвижения человека к его профессиональному акме (наивысший уровень профессионального мастерства). Акмеограмма состоит из трех блоков: 1) объективные характеристики труда педагога, включая задачи, функции и результаты; 2) субъективные характеристики личности педагога, отражающие деятельностно-ролевые характеристики и субъектно-деятельностные качества; 3) психологические характеристики: противопоказания: социальные, личностные, профессиональные. Акмеограмма представляет собой модель педагога как профессионала и отражает систему предъявленных к нему требований, соблюдение которых обеспечивает продуктивное выполнение им своих функций, а также способствует постоянному развитию и реализации его творческого потенциала. В современной системе образования педагог должен обладать высоким уровнем профессиональных компетенций, то есть быть компетентным специалистом и конкурентоспособным педагогом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Анищева Л.И. Акмеологическая концепция развития инновационной профессионально-образовательной системы / Акмеология. – 2007. – № 3. – С. 44-47.
2. Акмеология: учебник под ред. А.А. Деркача. – М.: РАГС, 2002.
3. Бодалев А.А. Акмеология: учебник. – М., 2002.
4. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология. Теория самоорганизации индивидуума и социума. – СПб.: 2001.
5. Кузьмина Н.В. Акмеология качества профессиональной деятельности специалиста. – СПб.; Коломна; Рязань: 2008.

6. Маркова А.К. Акмеология: учебник под общ. ред. А.А. Деркача. – М.: Изд-во РАГС, 2004.

REFERENCES

1. Anischeva L.I. Acmeological concept of development of innovative vocational education system [Akmeologicheskaja koncepcija razvitija innovacionnoj professional'no-obrazovatel'noj sistemy]. *Acmeology*. 2007. No. 3. P. 44-47. (in Russ.)
2. Acmeology [Acmeology]. The textbook under the editorship of A.A. Derkach. *Moscow: RAGS*, 2002. (in Russ.)
3. Bodalev A.A. Psychology: a textbook [Akmeologija: uchebnik]. *Moscow*, 2002. (in Russ.)
4. Bransky V.P., Pozharsky S.D. Social synergetics and psychology. The theory of self-organization of individual and society [Social'naja sinergetika i akmeologija. Teorija samoorganizacii individuuma i sociuma]. *St. Petersburg*: 2001. (in Russ.)
5. Kuzmina N.V. Psychology of quality of professional activity of a specialist [Akmeologija kachestva professional'noj dejatel'nosti specialista]. *St. Petersburg, Kolomna, Ryazan*: 2008. (in Russ.)
6. Markova A.K. Psychology [Akmeologija]. The textbook under the editorship of A.A. Derkach. *Moscow: Publishing house of the Russian Academy of public service*, 2004. (in Russ.)

Информация об авторе

Лоренц Вероника Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, Омский Государственный педагогический университет, , Омск, Россия
v.lorents@yandex.ru

Получена: 31.08.2015

Information about the author

Lorenz Veronika Viktorovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Omsk State Pedagogical University, Omsk city, Russia
v.lorents@yandex.ru

Received: 31.08.2015

УДК 373.1

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-367-370

МЕШЕВ Ислам Хасанбиевич,
аспирант Армавирской государственной педагогической академии

MESHEV Islam Hasanbievich,
Postgraduate student, Armavir State Pedagogical Academy

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА
ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ВУЗОВ В ПРОЦЕССЕ ПОВЫШЕНИЯ
КВАЛИФИКАЦИИ**

**MODELLING OF THE PROCESSES FORMING
SCIENTIFIC-METHODOLOGICAL COMPETENCIES
OF UNIVERSITY TEACHERS IN THE COURSE
OF UPGRADING THEIR QUALIFICATION**

В статье анализируются противоречия между потребностями современного вузовского учебного процесса в реализации задач его модернизации и уровнем научно-методической компетентности преподавателей высшей школы, систематизированы характерные методические затруднения и специфика методической деятельности преподавателя вуза; обоснованы компоненты и показатели моделирования процесса формирования научно-методической компетентности преподавателей вузов в ходе повышения квалификации. С учетом существующей объективной реальности очевидна потребность в создании условий поддержки преподавателей высших учебных заведений в системе повышения квалификации. Прежде всего, это обеспечение качества подготовки педагогических кадров, повышение методической компетентности преподавателей вузов МВД России, что осуществляется на уровне частных условий: организации методико-ориентированных процессов обучения на основе реализации систем проектирования и мониторинга; определения критериальной базы и методологии оценок методической компетентности преподавателя вуза. Сейчас, когда разрабатываются системы оценки качества образования, научно-методический уровень кадров – один из базовых критериев качества.

The article analyses the contradictions between the requirements of a modern higher educational process in its modernization and the level of scientific and methodical competences of teachers of higher schools, systemizes typical methodical difficulties and specific methodological activities of lecturers; grounds the components and indicators of modeling the processes forming scientific and methodical competences of teachers during their training. In the context of the current objective reality, there is a need to create conditions to support teachers of higher educational institutions within the system of qualification upgrading. First of all, it is necessary to ensure the quality of teachers' training, improvement of methodical competence of teachers of the universities of the Interior Ministry of Russia, what is carried out at the level of particular conditions: organization of methodical-oriented learning processes based on planning and monitoring; determination of criteria and methodology for assessment of methodical competence of the teacher of high school. Today, when education quality assessment methods are developed, the scientific and methodical level of teachers is one of the basic criteria of quality.

Ключевые слова: научно-методическая компетентность, моделирование компоненты, показатели, повышение квалификации.

Key words: scientific-methodical competence, modeling, components, indicators, training, upgrading of qualification.

Современная организация процесса повышения квалификации научно-педагогических кадров МВД России ориентирована на развитие профессионального мастерства, ключевые факторы его развития и, прежде всего, научно-методическую компетентность. Следует подчеркнуть, что система подготовки кадров в системе МВД России не ориентирована на формирование научно-методической компетентности в контексте практико-ориентированной подготовки, что предопределяет необходимость синхронизации внешнего стимулирования с непрерывным динамичным развитием профессионального ведомственного образования.

Необходимо отметить ряд аргументов, свидетельствующих о значимости научно-методической подготовки кадров в системе повышения квалификации [5]. Следующим показателем научно-методической компетентности является изменение содержания и характера профессиональной деятельности специалиста МВД, изменение технологий обучения. В современных условиях необходимо развитие профессионального мышления преподавателя, обуславливающего готовность к профессиональной деятельности в условиях инновационной среды [4]. Вместе с тем краткосрочное повышение квалификации преподавателей вузов МВД России ориентирует на такие технологии, которые оптимизируют и интенсифицируют процесс освоения основных образовательных программ в условиях обмена педагогической практикой и результатами апробаций инновационных педагогических технологий [3].

Опрос слушателей повышения квалификации в системе МВД России показал, что значительные затруднения вызывают виды научно-методической деятельности, связанные с инновациями и модернизацией учебного процесса (78%); испытывают затруднения при внедрении инновационных методов и технологий обучения 89% ре-

спондентов; научно-методическая деятельность вызывает затруднения у 70% преподавательского состава [2].

Тестирование свидетельствует о недостаточном уровне операционально-деятельностного и рефлексивно-оценочного компонентов в структуре научно-методической компетентности преподавателей вузов: 62% опрошенных отметили, что испытывают трудности в организации и проведении научно-методической работы, в выполнении мониторинга методического обеспечения и сопровождения образовательной деятельности.

Моделирование является частью системного анализа и отражает различные его аспекты, что приводит к разнообразию подходов осуществления формирования научно-методической компетентности [1]. В результате анализа научной литературы и практического опыта формирования научно-методической компетентности преподавателей вузов в процессе повышения квалификации были определены следующие компоненты: мотивационный, операционально-деятельностный, рефлексивно-оценочный. Соответственно компетенциям определяются показатели научно-методической компетентности:

- мотивационно-ценностный показатель: готовность и интерес к научно-методической работе; постановка и осознание целей научно-методической деятельности, наличие мотива достижения цели; повышение квалификации, достижение педагогического мастерства;

- операционально-деятельностный показатель: наличие научно-методических знаний, умений и навыков, применение их в новых условиях; умения классифицировать и систематизировать научно-методические явления, анализировать и решать их; способность осваивать передовой опыт в области методики преподавания частных дисциплин; владение активными методами обучения; применение на практике новых методик, педагогическое взаимодействие на уровне сотрудничества;

- рефлексивно-оценочный показатель: готовность к осуществлению аналитической и оценочно-информационной деятельности; методическая рефлексия, способность к саморазвитию, самореализации, самоконтролю и самооценки; способность к осуществлению методической деятельности, созданию авторских методик (рис. 1).

Рисунок 1. Модель формирования научно-методической компетентности преподавателя вуза в процессе подготовке в системе МВД России

Figure 1. The model of formation of scientific-methodical competence of the teacher in the preparation process in the Ministry of interior of Russia

СУБЪЕКТ СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ – ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ВУЗА			
ЦЕЛЬ: создание организационно-педагогических условий для формирования научно-методической компетентности преподавателей вузов в процессе повышения квалификации			
ЗАДАЧИ			
Разработка и создание необходимых организационно-педагогических условий, направленных на формирования научно-методической компетентности преподавателей вузов в процессе повышения квалификации.	Образование личностной заинтересованности слушателей системы повышения квалификации в формировании научно-методической компетентности, являющейся важнейшей составляющей педагогической деятельности.	Накопление у слушателей научно-методических знаний, умений и навыков, формирование готовности к их использованию в процессе педагогической деятельности в вузе.	
ПРИНЦИПЫ			
Целостности, непрерывности, преемственности, открытости и доступности.	Интеграции фундаментального научного и практического знания и опыта; единства методологического, педагогического, психологического и предметного знания.	Ситуативности и мобильности в организации научно-методической деятельности на основе ситуаций и проблем оптимизации и интенсификации учебного процесса.	Новизны и позитивности, учитывающих эффективность научно-методической деятельности в различных компонентах и подбора инновационных средств обучения.

НАПРАВЛЕНИЯ			
Разработка структуры и содержания спецкурса «Научно-методическая деятельность педагога вуза».		Стимулирование и развитие мотивации к научно-методической деятельности.	Мониторинг эффективности формирования научно-методической компетентности преподавателя вуза.
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ			
Активность и содержательность процесса формирования научно-методической компетентности преподавателей вузов в процессе повышения квалификации.	Стимулирование, создание обстановки, ориентированной на формирование научно-методической компетентности преподавателей вузов в процессе повышения квалификации.	Оказание индивидуальной и дифференцированной помощи в формировании научно-методической компетентности преподавателей вузов в процессе повышения квалификации.	Разработка методического обеспечения (спецкурс «Научно-методическая деятельность педагога вуза»).
КОМПОНЕНТЫ И КРИТЕРИИ			
Мотивационный компонент включает такие показатели, как: обучаемость; осознание значимости научно-методической деятельности; понимание смысла и значимости педагогической деятельности, социальные, познавательные, рефлексивные мотивы.	Операционально-деятельностный компонент включает такие показатели, как: теоретическая подготовленность к научно-методической педагогической деятельности; применение усвоенных знаний, умений и навыков на практике; умения самостоятельно осуществлять разработку научно-методического сопровождения образовательной деятельности.	Рефлексивно-оценочный компонент включает такие показатели, как: стремление к самостоятельному осуществлению научно-методической деятельности, пополнению знаний; сформированность качеств самооценки своей научно-методической компетентности; владение способами рефлексивной оценки собственной научно-методической самореализации; видение перспектив овладения научно-методической компетентностью.	

Учитывая приведенные аргументы, констатируем, что моделирование указанного процесса представляет собой интеграцию видов научно-методической деятельности, проводимых преподавателем в вузе с последующей проверкой их эффективности с включением таких компетенций, как: владение методическими знаниями; готовность к диагностированию результатов достижения цели обучения; проектирование методики и технологии обучения; освоение инновационных технологий; систематизация инновационного содержания обучения; мониторинг результатов обучения и качества образовательной деятельности [6].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Никитин А.В., Романкова Л.И. Квалификационные характеристики специалистов с высшим образованием. – М.: НИИВШ, 1981.
2. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. – М.: Просвещение, 1983. – 230 с.
3. Уемов А.И. Логические основы метода моделирования. – М.: Мысль, 1971. – 210 с.
4. Машекуашева М.Х. О вопросе организации и методах исследования смысловой регуляции в обучении / В сб.: Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 10 частях. – Тамбов, 2013. – С. 94-96.
5. Скрипкина А.В., Мешев И.Х. Формирование индивидуального педагогического стиля преподавателя вуза в процессе повышения квалификации // Культурная жизнь Юга России. – 2014. Т. 55. – № 4. – С. 46-48.
6. Мешев И.Х. Научно-методическая компетентность преподавателей вузов МВД России как проблема педагогического исследования // Общество и право. – 2014. – № 4 (50). – С. 305-308.

REFERENCES

1. Nikitin A.V., Romankova L.I. qualification characteristics of specialists with higher education. [Kvalifikacionnye harakteristiki specialistov s vysshim obrazovaniem]. Moscow: NIIVSH 1981. (in Russ.)
2. Afanasiev V.G. Company: consistency, knowledge and management. [Obshchestvo: sistemnost', poznanie i upravlenie.]. Moscow: Prosveshcheniye, 1983. 230 p. (in Russ.)
3. Uyomov A.I. Logical foundations of the modeling method. [Logicheskie osnovy metoda modelirovaniya.] Moscow: Mysl, 1971. 210 p. (in Russ.)

4. Mashekuasheva M.H. On the question of organization and methods of the study of meaning in training regulation. In: Science, education, society: challenges and prospects for the collection of scientific papers of the international scientific-practical conference in 10 parts. [O voprose organizacii i metodah issledovanija smyslovoj reguljacji v obuchenii. V sb.: Nauka, obrazovanie, obshhestvo: problemy i perspektivy razvitija. Cbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 10 chastjah.]. Tambov, 2013. P. 94-96. (in Russ.)
5. Skripkina A.V., Meshev I.H. Formation of individual style of pedagogical high school in the teacher training. [Formirovanie individual'nogo pedagogicheskogo stilja prepodavatelja vuza v processe povyshenija kvalifikacij]. *Cultural life in the South of Russia*. 2014. T. 55. № 4. С. 46-48. (in Russ.)
6. Meshev I.H. Scientific-methodical competence of university teachers as a problem of the Russian Interior Ministry of pedagogical research. [Nauchno-metodicheskaja kompetentnost' prepodavatelej vuzov MVD Rossii kak problema pedagogicheskogo issledovanija]. *Society and Law*. 2014. № 4 (50). Pp. 305-308. (in Russ.)

Информация об авторе

Мешев Ислам Хасанбиевич, аспирант
Армавирской государственной педаго-
гической академии?
Армавир, Россия

Получена: 23.06.2015

Information about the author

Meshev Islam Hasanbievich, Postgraduate
student, Armavir State Pedagogical Academy,
Armavir city, Russia

Received: 23.06.2015

УДК 37.035: 316.477

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-371-375

МИКЕРОВА Галина Георгиевна,
доктор педагогических наук, профессор

MIKEROVA Galina Georgievna,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЧНОСТНО-СОЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА В ВОСПИТАНИИ

BASIC CONCEPTS OF PERSONAL-SOCIAL APPROACHES IN EDUCATION

В статье раскрываются концептуальные положения личностно-социального подхода в воспитании учащихся, показываются основные отличия от общеизвестного личностно ориентированного подхода. Личностно-социальный подход в воспитании учащихся осуществляется благодаря синтезу антропоцентрического и социоцентрического подходов. Сущностью такого интегративного воспитания является объединение в воспитании двух механизмов воспитательного процесса: 1) персонализированные (личностные) отношения (микроуровень), в которых характер и интенсивность развития субъектов воспитания (педагога и воспитанников) зависит от их личностных особенностей и от вида отношений (они должны быть «помогающими»); 2) система социально ориентированных отношений (макроуровень), формой организации которых является коллектив (гуманное организованное сообщество), связанный с социумом разнообразными зависимостями. На основе определения целей воспитания уточняются общечеловеческие ориентиры и понятие «коллектив», описываются закономерности и принципы, приводятся правила организаторской работы педагогов.

The article describes the conceptual provisions of personal-social approach in education of students, shows its main differences from generally known personality-oriented approach. Personal-social approach in education of students is carried out through the synthesis of anthropocentric and socio-centric approaches. The essence of such integrative education is the integration in education of two mechanisms of educational process:

1) personalized (personal) relationships (micro level), in which the nature and intensity of development of subjects of education (teacher and pupils) depend on their personal characteristics and the type of relationships (they should be "supportive");
2) system of socially-oriented relations (macro-level), the form of organization of which is the collective (organized humane community) associated with the society by various dependencies. Based on the determined goals of education, the article specifies the universal guidelines and the concept of "community", describes the patterns and principles, rules for the organizational work of teachers.

Ключевые слова: воспитание, личностно ориентированный подход, личностно-социальный подход, коллектив воспитанников, синтез антропоцентрического и социоцентрического подходов.

Key words: education, person-oriented approach, personal-social approach, collective of pupils, synthesis of anthropocentric and socio-centric approaches.

В условиях реализации требований федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) в процессе воспитания должны происходить определенные изменения. В настоящее время в образовательной практике педагоги ориентированы на личностно ориентированный подход, так как получение личностных планируемых результатов – стратегическая цель ФГОС.

Между тем реальный процесс воспитания человека происходит целостно, личностный подход (первый механизм) и включение субъектов воспитания в систему социальных отношений (второй механизм) осуществляются одновременно, дополняя друг друга. Абсолютизация только одного фактора в развитии личности не способствует целостному развитию личности. Любая теория имеет сильные и слабые стороны, а разнообразие педагогических задач, психологических особенностей воспитанников, их субъектного опыта так велико, что нельзя решить все задачи успешно и адекватно с помощью односторонне ориентированных психологических и педагогических средств. Отсюда, цель статьи – показать главные концептуальные основы личностно-социального подхода в воспитании, который, на наш взгляд, наиболее адекватно отвечает требованиям современного процесса воспитания в условиях ФГОС. Для этого использовался метод исследования – анализ и синтез теоретических источников.

Известный специалист в области личностно ориентированного воспитания академик Е.В. Бондаревская [1] выявила, что общение и интересы воспитанников укладываются в простейшую поведенческую модель людей, замкнутых на самих себя, потребителей. Но, к сожалению, при этом был отброшен прогрессивный принцип воспитания и развития личности в гуманном сообществе – коллективе. В концепции Е.В. Бондаревской не просматривается главный мотив образованного (культурного, интеллигентного) человека – проявление интереса к другим людям, процессам, происходящим в обществе, в стране, способность к сопереживанию, заинтересованному диалогу, соучастию, то есть все то, что составляет истинную духовность личности [2]. Отсюда, можно утверждать, что одной из причин негативных результатов воспитания учащихся на основе личностно ориентированных концепций является *односторонний подход*, свойственный в свое время советской школе. Только направленность тогда была социально ориентированной: она сводилась к технологии управления воспитанниками в коллективе, в котором их личность часто нивелировалась.

В современной отечественной психологии В.А. Петровский [3] установил, что без другого человека никакое собственное развитие индивида не происходит. Соответственно двойственной (социально-биологической) природе человека процесс воспитания должен строиться на основе *интеграции антропоцентрического и социоцентрического подходов*. Антропоцентрический подход основывается на том, что воспитанник – саморазвивающаяся система, его внутреннее, импульсивные, неосознаваемые устремления, его внутренняя потребность в саморазвитии сами подскажут, как, в каком темпе и в каких направлениях необходимо развиваться. Социоцентрический подход основан на том, что решающее значение в развитии личности придается внешним факторам, социуму.

Концепцию воспитания, построенную на основе конструктивного синтеза подхода, исходящего из природных данных человека, с одной стороны, и подхода с приоритетом внешних социальных параметров – с другой, называется *личностно-социальной*. Личностно-социальный подход в воспитании восходит к традиции отечественной педагогики, провозглашенной С.Т. Шацким, К.Д. Ушинским, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинским и др. В своей воспитательной практике и теории они исходили из целостной природы человека (которая характеризуется единством социального и природного) и целостной природе воспитательного процесса.

Конструктивный синтез предполагает, что интеграция различных элементов (в том числе и противоположных) происходит осознанно и системно, а результатом ее выступает новое качество. Сущностью такого интегративного воспитания является объединение в воспитании двух механизмов воспитательного процесса:

1) персонализированные (личностные) отношения (микроуровень), в которых характер и интенсивность развития субъектов воспитания (педагога и воспитанников) зависит от их личностных особенностей и от вида отношений (они должны быть «помогающими»);

2) система социально ориентированных отношений (макроуровень), формой организации которых является коллектив (гуманное организованное сообщество), связанный с социумом разнообразными зависимостями. Система отношений коллектива обеспечивает приобретение каждым его членом опыта «быть личностью» того или иного общества или общности [4].

Двойственность механизма воспитания позволяет развивать личность педагога или воспитанника в единстве выявления ее индивидуальности (персонализированные отношения) и социального становления (система социально значимых отношений).

Личностно-социальная (интегральная) концепция воспитания предполагает, что человек осуществляет самого себя (свою биолого-генетическую природу) в ходе реализации ценностей, лежащих во внешнем мире. Общество придает смысл существованию человека, высвечивает его неповторимость и своеобразие. В системе ценностей этой концепции определяются два ряда ведущих ориентиров: основополагающий ряд, в центре которого *человек, любовь, творчество, духовность, свобода, ответственность, долг как смысл жизни* (ценности-цели) и второй, производный от первого, ряд, включающий те ценности, которые необходимы для развития человека, – *гуманное сообщество, активная деятельность (труд, игра, учеба), красота, идея гармонии человека и сообщества (общества)* (ценности-средства). Эти ряды ценностей-ориентиров являются основаниями гуманистического подхода в воспитании, ориентированного на личность, находящуюся в гармонии со своей природой и обществом. Благодаря этому возможно индивидуальное развитие каждого воспитанника, так как сообщество (воспитательный коллектив) поддерживает все положительное в его биологической природе и дает средства и возможности для развития на этой основе личностных качеств, неповторимость и своеобразие проявления которых базируются на гуманистических педагогических ценностях.

Фундаментальным вопросом личностно-социальной концепции воспитания является проблема *целей* воспитания. Разработка педагогических целей должна осуществляться в двух аспектах: с точки зрения объективно заданного социального заказа, отражающего общественные потребности в определенной личности, заданной ФГОС, и с точки зрения субъективно заданного, диктуемого особенностями и потребностями развития собственно человека (аспект существования). Общественные программы, воспринимаемые человеком, пройдя через субъективность человеческого бытия, сомкнувшись с неповторимым мотивационно-ценностным миром личности, с его возможностями, личностными установками, превращаются в собственные программы жизнедеятельности.

Общественное программирование превращается в самопрограммирование. Человек не просто приспособливает программы общества к своей судьбе, но вносит в эти программы нечто свое, нечто такое, что связано именно только с его собственной жизнью. *Самопрограммирование* – это всегда созидание новой программы. Таким образом, «стандарт – ФГОС» «программы» является ориентиром, координатой для самопрограммирования педагога и воспитанника, для проявления ими своего творчества, свободного выбора, для «оппонирования». Инвариант-

ной абсолютной ценностью человечества, выступающей в виде идеальной цели воспитания, является самоактуализирующаяся личность. Эта цель представляет собой реализацию потенциальных возможностей человека, всего, чем только может стать человек, то есть превращение его в полноценную личность. Исходя из концептуальных основ личностно-социального воспитания, выделяются следующие общечеловеческие ориентиры:

- гражданственно-гуманистическая направленность как системообразующее свойство личности, определяющее ее потребности, мотивы, установки, ценностные ориентации;
- открытый внутреннему и внешнему опыту человек умеет слышать себя и других, для него характерен внутренний монолог, он не скрывается за маской, он естественен, а потому люди ему доверяют;
- принимающий себя и доверяющий себе человек, живущий ценностями, которые открыл в себе, осознающий свои истинные чувства, а потому способный выражать себя своим собственным уникальным образом;
- понимающий и принимающий других, человек умеющий встать на позицию другого, эмпатически воспринимать чувства другого;
- свободный человек, который в любой ситуации спонтанно, свободно и добровольно выбирает свои действия и чувства, при том, что этот выбор определен всем тем, что ему предшествовало;
- ответственный человек, который отвечает за последствия любых своих действий, умеет уравновесить свои потребности, выбирая варианты поведения, наиболее полно удовлетворяющие его, но оставаясь при этом в гармонии с другими людьми и окружающим миром;
- творчески рефлексивный человек, саморазвитие и самоактуализация которого возможна именно на основе потребности рефлексии своих чувств, мыслей, деятельности и т.д., человек, умеющий не только усваивать культуру, но и творчески ее обогащать, развивать благодаря собственной уникальности и умению использовать окружающие материалы, обстоятельства;
- духовный человек, обладающий жадой познания и самопознания, потребностью к преобразующей деятельности, умеющий нести добро, понимающий и создающий красоту окружающей среды, отношений;
- компетентный человек, имеющий интеллектуальные умения и фундаментальные знания по основным научным дисциплинам, которые позволяют ему овладеть любой профессией с научной глубиной и совершенствовать свое профессиональное мастерство в течение всей жизни;
- практико-ориентированный человек, отличающийся трудолюбием, ориентирующийся в современных социальных и экономических реалиях общества, умеющий использовать современные научно-технические средства в своей деятельности, умеющий организовывать здоровый образ жизни, свой быт, семейные отношения.

Важнейшее значение для выявления и развития индивидуальных особенностей каждой личности воспитанника имеет организация педагогами в коллективах учащихся *гармоничного комплекса разнообразных видов жизнедеятельности* [5], создание определенного образа (уклада) жизни. При этом обеспечиваются условия, при которых каждый член коллектива может обрести смысл своей жизни, осознать свою «миссию», поставить перед собой собственную жизненную задачу, проявить субъектную активность, то есть активность, развиваемую самим субъектом, организуемую и контролируемую им самим.

Условием, обеспечивающим реализацию субъектной активности, является *субъектный опыт*, позволяющий ему самому строить свои отношения и в конечном счете – жизнь. Субъектный опыт – это опыт пережитого и переживаемого поведения, в котором сам человек может дать себе отчет о своих возможностях, в котором он хотя бы приблизительно знает правила организации собственных действий и собственного отношения, где зафиксированы значимые для него ценности, существует определенная иерархия предпочтений, о которых он способен отчитаться перед собой, уяснив, что ему нужно, чего он хочет [6]. Именно формирование субъектного опыта воспитанников является основой воспитания в данной концепции. Вне коллектива приобрести этот опыт невозможно. При этом под коллективом в данной концепции понимается *«открытое гуманное сообщество людей с демократическим самоуправлением и гуманистическими отношениями, которые опосредуются социально ценным и личностно значимым содержанием совместной деятельности»* [3].

Личностно-социальный подход воспитания основывается на определенных закономерностях и принципах. Ведущей системообразующей закономерностью является *диалектическая целостность*. Это означает, что суть любого принципа в том, что это рекомендация, ориентир в способах достижения меры, гармонии, продуктивного взаимодействия в сочетании каких-то противоположных сторон, начал, тенденций воспитательного процесса. Ниже, в таблице 1, представлены закономерности и принципы личностно-социального воспитания [3, с. 112-131].

Обоснованием каждого принципа может выступать не только отдельная закономерность воспитания, но и вся гуманно-личностная педагогическая теория и практика.

Принципы реализуются в процессе практики воспитания через определенные методы и приемы, главным из которых, на наш взгляд, является создание воспитывающих ситуаций.

Таблица 1 Закономерности и принципы личностно-социального воспитания

Закономерности воспитания	Принципы воспитания
Социальная обусловленность воспитания реалиями современного общества (человек – главная ценность, гуманизация образования, воспитания)	Принцип личностного подхода Принцип опоры на положительное Принцип требования к человеку и уважения к нему
Развивающий характер воспитания целостной личности (единство развития интеллектуальной, волевой и чувственной сфер)	Принцип рефлексии Принцип опоры на красоту и чувства
Единство деятельности педагога и воспитанников Зависимость воспитательных результатов от особенностей взаимодействия педагога и воспитанников	Принцип законосообразной мотивации, стимулирование «встречной» активности воспитанников Принцип диалогичности

Приведем *правила организаторской работы* [7], которыми должен руководствоваться педагог в рамках личностно-социальной концепции воспитания:

1. Выясни условия выполнения организаторской задачи и свои полномочия:
 - выдели в задаче главное и второстепенное;
 - выясни время выполнения задачи;
 - уточни свои права и обязанности, кому подчиняешься ты, кто подчиняется тебе;
 - определи место выполнения задач и материальные средства, которые тебе необходимы для ее выполнения;
 - повтори задание.
2. Подготовься к выполнению задания:
 - изучи опыт других, посоветуйся с педагогами;
 - сделай предварительную расстановку людей;
 - исходя из реальных возможностей, составь план.
3. Подготовь к выполнению задания своих товарищей:
 - обсуди план со всеми участниками выполнения организаторской задачи;
 - учти поправки и замечания, высказанные твоими товарищами, прими коллективное решение действовать.
4. Расставь людей, учитывая их возможности:
 - распредели работу между товарищами с учетом их способностей, имеющихся у них знаний и умений;
 - за каждый участок, каждую часть работы должен отвечать один человек, даже если эту часть работы выполняют двое;
 - каждый должен знать свои права и обязанности.
5. Согласовывай свои действия:
 - постоянно получай информацию о ходе работы на всех участках от своих помощников – младших организаторов;
 - поддерживай связи с теми, кому ты подчиняешься, получай от них информацию обо всех изменениях в задании;
 - интересуйся опытом других, выполняющих подобные задания, используй этот опыт для внесения изменений в ход выполнения задания.
6. Обучай и инструктируй своих помощников:
 - подробно объясняй своим помощникам их задачу на определенный период работы;
 - указывай своим помощникам на их ошибки, оказывай помощь в преодолении трудностей, но не подменяй их;
 - подготавливай своих товарищей к выполнению роли организаторов в дальнейшем.
7. Учитывай и контролируй работу и расход материальных средств:
 - привлекай к учету и контролю за работой и расходом материальных средств своих помощников;
 - осуществляй учет времени, отведенного на выполнение частей работы;
 - давай оценку работе своих товарищей только на основе достоверных данных;
 - старайся выполнить задачу при наименьшем расходе материальных средств, требуй от своих помощников их экономного расходования.

8. Будь внимателен в период завершения работы:

- требуй отчета о работе от своих помощников;
- при возникающих затруднениях на отдельных участках организуй помощь;
- организуй сдачу неиспользованных материальных средств.

9. Экономно расходуй свое время и силы:

- осуществляй руководство выполнением задания через своих помощников;
- решай самые главные вопросы, не отвлекаясь на мелочи, которые могут решить твои помощники;
- оказывай помощь в работе на самом трудном участке.

Выполнение этих правил приведет в желаемому результату современного воспитания личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кукушин В.С. Теория и методика воспитательной работы: уч. пособ. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: МарТ; Ростов н/Д: МарТ, 2004. – 353 с.
2. Кульневич С.В., Лакоценина Т.П. Воспитательная работа в современной школе. Воспитание: от формирования к развитию: Учеб.-мет. пос. для учителей, студ. – М., Ростов н/Д: Учитель, 2000. – 192 с.
3. Лишин О.В. Педагогическая психология воспитания: учеб. пос. / Под ред. Д.И. Фельштейна. – М.: Академкнига, 2003. – 332 с.
4. Гриценко Л.И. Теория и методика воспитания: Личностно-социальный подход: уч. пособие для студ. – М.: Академия, 2005 – 240 с.
5. Лузина Л. Воспитание как со-бытие //Воспитание школьников. – № 8, 9. – М.: Наука, 2004.
6. Рожков М.И., Байбородова Л.В. Организация воспитательного процесса в школе. Учеб. пос. для студ. – М.: Владос, 2001. – 256 с.
7. Микерова Г.Ж. Психология и педагогика организаторской деятельности: учебное пособие для магистрантов / Г.Ж. Микерова. Краснодар: Кубан. гос. ун-т; ОАО Кубанское полиграфическое объединение, 2013. – 80 с.

REFERENCES

1. Kukushin V. S. Theory and methods of educational work: educational manual. [Teorija i metodika vospitatel'noj raboty: uch. posob]. Ed. 2nd, Rev. and extra. Moskva: MarT; Rostov na:Donu. MarT, 2004. 353 p.
2. Kulnevich S. V., Lucienne Etc Educational work in contemporary school. Education: from formation to development: Studies-met. textbook for teachers, students. [Vospitatel'naja rabota v sovremennoj shkole. Vospitanie: ot formirovanija k razvitiyu: Ucheb.-met. pos. dlja uchitelej, stud.]. Moskva, Rostov na:Donu: Teacher, 2000. 192 p.
3. Lishin O. V. Pedagogical psychology education: teaching village, ed. by D. I. Felstein.[Pedagogicheskaja psihologija vospitanija: ucheb pos. Pod red. D.I. Fel'shtejna.]. Moskva: Akademkniga. 2003. 332 p.
4. Gritsenko L. I. Theory and methodology of education: the Personal-social approach: textbook for stud. [Teorija i metodika vospitanija: Lichnostno-social'nyj podhod: uch. posobie dlja stud]. Moskva: Academy, 2005. p. 240
5. Luzina L. Education as co-existence. [Vospitanie kak so-bytie]. Vospitanie shkol'nikov. Moskva: Nauka. No. 8, 9. 2004.
6. Rozhkov M. I., Bayborodov L. V. Organization of educational process in the school. Textbook textbook for the stud. [Organizacija vospitatel'nogo processa v shkole. Ucheb pos. dlja stud]. Moskva: Vlados, 2001. – 256 p.
7. Mikerova G. J. Psychology and pedagogy of organizational activity: a textbook for undergraduates.. G. J. Mikerova. [Psihologija i pedagogika organizatorskoj dejatel'nosti: uchebnoe posobie dlja magistrantov. G.Zh. Mikerova.].Krasnodar: Kuban. State University; JSC Kuban printing Association, 2013. 80.

Информация об авторе

Микерова Галина Георгиевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и методики начального образования Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия
mykerova8@mail.ru

Получена:10.08.2015

Information about the author

Mikerova Galina Georgievna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Chair for Pedagogy and Methodology of Primary Education, Kuban State University, Krasnodar city, Russia
mykerova8@mail.ru

Received:10.08.2015

УДК: 159.9

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-376-378

МИХАЛЬСКИЙ Алексей Владимирович,
кандидат педагогических наук, доцент

MIKHALSKI Alexey Vladimirovich,
Candidate for Doctorate in Pedagogics, Associate
Professor

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ ПСИХОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО

PSYCHOLOGY OF CONSTRUCTING THE FUTURE: HISTORICAL LANDMARKS

Психология конструирования будущего зародилась на стыке наук – нейрофизиологии, эволюционной психологии, психологии личности и социальной психологии, истории, культурологии, социологии, кросс-культурной психологии, риторики, психолингвистики. В статье предпринята попытка раскрыть всю историю исследований в области психологии конструирования будущего в едином и связном теоретико-концептуальном ключе, от истоков – философско-теоретических концепций начала XX в. – и до современных научных исследований. Все живые существа с разной степенью успешности и осознанности используют определенные способы конструирования будущего для выживания и адаптации, а наиболее разумные – для повышения собственной эффективности, для решения проблем и творческих задач, улучшения личной жизни и активности. Психологии в наше время необходимо найти такое концептуальное решение, которое позволит понять, что именно является сущностью психологического потенциала отдельной личности, малой или большой социальной группы, а возможно, и человечества в целом.

Ключевые слова: конструирование образа будущего, пространство будущего в психологии, образ будущего, исследования, прогнозирование, методы.

The psychology of designing the future originated at the intersection of disciplines - neuroscience, evolutionary psychology, psychology of personality and social psychology, history, cultural studies, sociology, cross-cultural psychology, rhetoric, psycholinguistics.

The paper attempts to reveal the entire history of research in the field of psychology of constructing the future in a single and coherent theoretical-conceptual line, from its origins - the philosophical and theoretical concepts of the early 20th century - to modern scientific research. All living creatures, with varying degrees of success and awareness, use certain methods for the construction of the future - for the survival and adaptation, and the most intellectual ones - for improving their own efficiency, solving problems and creative tasks, improving their personal life and activity. Today, psychology needs to find a conceptual solution that will enhance understanding of the essence of the psychological capacities of the individual, small or large social group, and perhaps – the humanity in general.

Key words: design vision of the future, the space of the future in psychology, vision of the future, research, forecasting, methods.

Психология конструирования будущего – научная дисциплина, возникшая на стыке наук: нейрофизиологии, эволюционной психологии, психологии личности и социальной психологии, истории, культурологии, социологии, кросс-культурной психологии, риторики, психолингвистики.

В трудах И.М. Сеченова (1829–1905), в самой его известной работе 1863-го г. «Рефлексы головного мозга» [9], сформулированы первые предположения о существовании и роли особого механизма конструирования и прогнозирования. Пожалуй, в истории психологии это первое зафиксированное в научных трудах упоминание прогнозирующего поведения. В. Вундту принадлежит важнейшая роль в определении направления исследований психологических механизмов предвосхищения. Одним из первых на проблему «предупредительной» функции условных сигналов обратил внимание И.П. Павлов при исследовании особенностей формирования динамического стереотипа. По мнению И.П. Павлова, любой прогноз – это и есть динамический стереотип образа будущего, а дезадаптация – невозможность реализации динамического стереотипа [6].

Понимание целесообразных актов поведения, понятие результата действия получило развитие, начиная с теории функциональной системы, предложенной П.К. Анохиным. Вводя механизм акцептора результата действия, П.К. Анохин предугадал его роль как самого существенного из механизмов предвосхищения. Изучение механизмов конструирования будущего на нейрофизиологическом уровне было продолжены замечательными учеными начиная с первой трети и середины XX в., среди которых: П.К. Анохин, Е.В. Соколов, Н.А. Бернштейн, К. Прибрам, И.М. Фейгенберг и многие другие. Н.А. Бернштейн предполагает наличие «свернутого» образа пространства в психике, а также и наличие модели ближайшего будущего, которое связывает собственно моторику и репрезентируемый образ пространства – вот гипотетические составляющие поведенческого акта [3].

Любое предсказание имеет обе стороны медали, будущее может быть возможным либо не возможным, писал Дж. Келли. Джордж Келли в своей книге «Психология личности. Теория личностных конструктов» (1955) подчеркивает основной постулат: «Процессы конкретного человека, в психологическом плане, направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события» [2]. Дж. Брунер также являлся одним из основателей теории психологического конструктивизма. По Брунеру, субъект познающий постоянно конструирует

новые идеи, концепты на основе своего опыта. Дж. Брунер во многом ссылается на работы Ж. Пиаже (1896–1980). Для психологии конструирования будущего принципиально важно то, как Пиаже связывает развитие представлений и образов в психике, иными словами, общее развитие интеллекта, с развитием способности к предвосхищению [1].

Способность к экстраполяции является, вероятно, базовым нейрофизиологическим механизмом антиципации (предвосхищения) и в целом – всей психологии конструирования будущего. Серьезные исследования экстраполяции у животных были начаты Л.В. Крушинским (1911–1984). Наличие и проявление способности к экстраполяции является, по Крушинскому, единицей элементарной рассудочной деятельности [3].

В конце XX – начале XXI в. изучение конструирования будущего занимает, не побоимся преувеличить, одно из центральных мест в науке. Жозеф Нюттен рассматривает пространство будущего в психологии личности как место осмысления потребностей, постановки целей и формирования поведенческих проектов [5]. Подход Нюттена часто называют когнитивно-динамическим или мотивационно-динамическим. В 1999 г. Зимбардо, психолог, наиболее известный своими исследованиями застенчивости, экспериментами в области социальной психологии, представил свой опросник ZTPI – Zimbardo Time Perspective Inventory, в котором предлагается определенная структура ориентаций личности на ту или иную временную перспективу [12]. Зимбардо предлагает следующие факторы: «Негативное прошлое», «Позитивное прошлое», «Гедонистическое настоящее», «Фаталистическое настоящее» и «Будущее», в определенном варианте возможен еще один фактор – «Трансцендентное будущее». Замечательные исследования временной перспективы человека (в русле подхода Ф. Зимбардо) проводит А. Сырцова с соавторами. Проведена огромная работа по сбору и сравнению данных по более чем 20 странам, что переводит изучение временной перспективы в русло кросс-культурной психологии [10]. В исследовании подтверждается релевантность теоретической модели временной перспективы Ф. Зимбардо, указывается на возможность изучения взаимосвязи временной перспективы и социально-экономических факторов, благополучия и социальных особенностей общества.

Работа Е.В. Разгоняевой посвящена исследованию личностных характеристик, детерминирующих процесс построения образа будущего [7]. Идею о пространственно-временном (хронотопическом) развитии личности углубляет и исследует Н.Н. Толстых: проблеме развития индивидуального хронотопа в детско-юношеском периоде и проблемам развития временной перспективы личности (культурно-исторический подход) посвящены многочисленные и интереснейшие исследования автора [11]. Работы В.Д. Менделевича [5] и последователей его научной школы, представителей клинического подхода к антиципации, представляют большую важность для изучения механизмов конструирования будущего. Над темой прогнозирования, в особенности прогнозирования в обучении, и развития прогнозирования работает и Л.А. Регуш [8]. Прогнозирование и принятие решений рассматривается как один из видов опережающего отражения. Речь в работе идет, в частности, о прогнозировании в педагогической деятельности, в управлении, о стадиях развития прогнозирования на различных возрастных этапах, о развитии и диагностике прогностических способностей.

Поле поисков в области конструирования будущего от личности постепенно смещается к социальным феноменам: изучается отношение к времени в группах, социальному конструированию будущего [3].

Таким образом, исследованиям психологии конструирования посвящены труды как отечественных, так и зарубежных исследователей. В конце XX – начале XXI в. изучение конструирования будущего занимает одно из центральных мест в науке. Как видим, изучение психологии конструирования будущего начиналось и продолжается в совершенно разных аспектах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Брунер Дж. Психология познания. – М., 1977.
2. Келли Дж. Теория личности. Психология личных конструктов. – СПб., 2000.
3. Михальский А.В. Психология конструирования будущего. – М.: МПГУ, 2014. – 289 с.
4. Менделевич В.Д. Антиципационные механизмы неврозогенеза // Психологический журнал. – 1996. Т. 17. – № 4. – С. 107-115.
5. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. – М., 2004.
6. Павлов И.П. Избранные произведения. – Ленинград, 1949.
7. Разгоняева Е.В. Личностная обусловленность процесса построения образа будущего : дис... канд. психол. наук : 19.00.01. – Барнаул, 2004.

8. *Резуш Л.А.* Психология прогнозирования: способность, ее развитие и диагностика. – Киев, 1997.
9. *Сеченов И.М.* Избранные философские и психологические произведения. – М., 1947.
10. *Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В.* Адаптация опросника по временной перспективе Ф. Зимбардо на русскоязычной выборке // Психологический журнал. – 2008. – № 3. – С. 101-109.
11. *Толстых Н.Н.* Варианты временной перспективы. Формирование личности старшеклассника. Под ред. И. В. Дубровиной. – М., 1989. – С. 41-56.
12. *Zimbardo P.G., Boyd J.N.* Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – № 77. – P. 1271-1288.

REFERENCES

1. *Bruner J.* Psychology of cognition [Psikhologiya poznaniya]. Moscow, 1977.
2. *Kelly J.* Theory of personality. The psychology of personal constructs [Teoriya lichnosti. Psikhologiya lichnykh konstruktov]. St. Petersburg, 2000.
3. *Michalski A.V.* Psychology of constructing the future [Psikhologiya konstruirovaniya budushchego]. Moscow: Moscow state pedagogical University, 2014. 289 p.
4. *Mendelevich V.D.* Anticipation mechanisms neuronogenesis [Antitsipatsionnye mekhanizmy nevrozogeneza]. *Psychological journal*. 1996. T. 17. No. 4. P. 107-115.
5. *Nuttin J.* Motivation, action and future prospects [Motivatsiya, deystvie i perspektiva budushchego]. Moscow, 2004.
6. *Pavlov I.P.* Selected works [Izbrannye proizvedeniya]. Leningrad, 1949.
7. *Razgonyaeva E.V.* Personal conditionality of the process of building the image of the future [Lichnostnaya obuslovlennost' protsessa postroeniya obraza budushchego]. Dis. ... candidate. psychol. Sciences : 19.00.01. Barnaul, 2004.
8. *Regush L.A.* the Psychology of prediction: ability, its development and diagnostics [Psikhologiya prognozirovaniya: sposobnost', ee razvitie i diagnostika]. Kiev, 1997.
9. *Sechenov I.M.* Selected philosophical and psychological works [Izbrannye filosofskie i psikhologicheskie proizvedeniya]. Moscow, 1947.
10. *Syrtsova A., Sokolova E.T., Mitina O.V.* Adaptation of the questionnaire on the time perspective F. Zimbardo on Russian sample [Adaptatsiya oprosnika po vremennoy perspektive F. Zimbardo na russkoyazychnoy vyborke]. *Psychological journal*. 2008. No. 3. P. 101-109.
11. *Tolstykh N.N.* Options time perspective. The formation of the personality of high school [Varianty vremennoy perspektivy. Formirovanie lichnosti starsheklassnika]. Ed. by I. V. Dubrovina. Moscow, 1989. P. 41-56.
12. *Zimbardo P.G., Boyd J.N.* Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. No. 77. P. 1271-1288.

Информация об авторе

Михальский Алексей Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии факультета педагогики и психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия
amikhalsky@gmail.com

Получена: 15.09.2015

Information about the author

Mikhalski Alexey Vladimirovich, Candidate for Doctorate in Pedagogics, Associate Professor, Chair of Psychology, Faculty of Pedagogy and Psychology, Moscow State Psychological-Pedagogical University, Moscow city, Russia
amikhalsky@gmail.com

Received: 15.09.2015

УДК:37

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-379-382

НИКОЛАЕВА Анастасия Юрьевна,
старший преподаватель кафедры психологии и
педагогики

NIKOLAEVA Anastasiya Yurievna,
Senior teacher, Chair of Psychology and Pedagogy

СУБЪЕКТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ ВЗРОСЛОСТИ В ДИСКУРСЕ ЭГО-СОСТОЯНИЙ

THE SUBJECTIVE STATE OF ADULTHOOD IN THE DISCOURSE OF EGO-STATES

В статье с позиций субъектного подхода анализируется взаимодействие субъективного состояния взрослости с эго-состояниями «Взрослый, Родитель, Ребенок». Взрослость рассмотрена как субъективное состояние взрослости. Применено понятие «индекс субъективного состояния взрослости», диагностированное с помощью авторской методики. Выявлено наличие субъективного состояния взрослости у хронологически взрослых респондентов независимо от доминирующего эго-состояния. Выявлены ядерные субъектные свойства, поддерживающие состояние взрослости при доминировании любого из трех эго-состояний: общий фон настроения, положительная оценка себя и собственных поступков, согласованность между поставленными и достигнутыми целями, интерес к жизни, самооценочность. Определены субъективные характеристики и типы взрослости (состоявшаяся, озабоченная, защищающаяся) по критерию доминирующего эго-состояния. Тип состоявшейся взрослости, кроме общих свойств, отличает наличие последовательности в достижении целей, активности, целостности, общей интернальности, интернальности в области достижений и неудачи интернальности в семейных отношениях. Само эго-состояние Взрослый отделено от субъективного состояния взрослости, включено в другой фактор. Автор предполагает, что это факт автономного функционирования эго, способного присоединяться к своим различным субъективным состояниям. Тип озабоченной взрослости, связанный с доминированием эго-состояния Родитель, наряду с общими свойствами, определен положительным отношением к себе, ориентированностью на внешнюю оценку, уязвимостью, связанной с проблемным отношением к защита, соединенным с автономией, все три эго-состояния смешаны в одном факторе. Эта субъективная взрослость, вынужденная пробиваться сквозь родительские заботы. Тип защищающейся взрослости, при доминировании эго-состояния Ребенок, наряду с типичными свойствами включает опосредованность, субъективную оценку взрослости, интернальность в производственных и межличностных отношениях, высокую общую напряженность защит, контаминацию всех трех эго-состояний. Взрослость, отмеченная положительными свойствами субъекта (креативность, позитивный настрой), вынуждена пробиваться через батарею психологических защит, недифференцированность эго-позиции.

The article, from the standpoint of the subjective approach, analyzes the interaction of the subjective state of the adulthood with ego-states of "adult, parent, child". Adulthood is considered as a subjective state of adulthood. The author uses the concept of «index of subjective state of adulthood», diagnosed with the help of the author's methodology, and reveals the presence of subjective state of adulthood in chronologically adult respondents, regardless of their dominant ego-state.

The article identifies the nuclear subjective features that support the state of adulthood with the predominance of any of the three ego-states: general background of the mood, positive self-evaluation and of own actions, correlation of the stated and achieved goals, interest in life, the intrinsic value. The author also identifies the subjective characteristics and types of maturity (effective, anxious, defensive) according to the criteria of the dominant ego-state.

The type of effective adulthood, besides the general features, is distinguished for the consistency in achieving the goals, activity, integrity, and internality, internality in the field of achievements and unsuccessful internality in family relations. The ego-state "Adult" itself is separated from the subjective state of adulthood, it is included in another factor. The author suggests that this is the fact of autonomous functioning of ego, which is able to join its different subjective states. The type of anxious adulthood, associated with the dominance of the ego-state of the Parent, along with the general features is marked with positive attitude to oneself, orientation to the external evaluation, vulnerability associated with problematic attitude towards protection connected with autonomy; all three ego-states are mixed in one factor. This is subjective adulthood, which has to break through the parental care.

The type of defensive adulthood, with the dominance of the ego-state of the Child, along with typical features, includes mediation, subjective evaluation of the maturity, internality in professional and interpersonal relations, high general tension of protection, contamination of all three ego-states. Adulthood, marked with positive features of the subject: creativity, positive attitude, necessity to fight the way through a battery of psychological protections, non-differentiative ego-position.

Ключевые слова: субъективное состояние взрослости, эго-состояние, состоявшаяся взрослость, озабоченная взрослость, защищающаяся взрослость.

Key words: subjective state of adulthood, the ego-state, effective adulthood, anxious adulthood, defensive adulthood.

Идея рассмотрения личности как «мультисубъектного» (В.А. Петровский) образования, семейства субличностей (Р. Ассаджоли), средоточия феноменологически различных эго-состояний – «Родитель», «Взрослый», «Дитя» (Э. Берн) содержит в себе потенциал психологической поддержки личности, путей осмысления феномена личности.

Эго-состояния Э. Берн определяет как доступные наблюдению психологические позиции, принимаемые человеком. Эго-состояние Взрослого не зависит от возраста личности. Оно ориентировано на восприятие текущей реальности и на получение объективной информации. Оно является организованным, хорошо приспособленным, находчивым и действует, изучая реальность, оценивая свои возможности [1]. Во взгляде на эго-состояние взрослого доминирует рационализм и логоцентризм, что, на наш взгляд, необоснованно редуцирует феномен взрослости.

М.М. Гулдинг и Р.Л. Гулдинг различают критикующего и воспитывающего «родителя», свободного и адаптированного ребенка. Авторы считают, что эго-состояния находятся в постоянном развитии и росте, как общая сумма всех впечатлений, которые получены в прошлом и имеются в настоящем. Эго-состояние, ощущая, копируя информацию, встраивает ее в себя. Никто ничего не сделает, если сам субъект не захочет сделать с тем, что он хранит и ощущает. Состояние, таким образом, меняется, перестраивается в соответствии с собственными решениями. Эго-состояние есть нечто большее, чем серия интроектов. Это активный выбор, становление в течение всей жизни. В становлении состояния используется как материал реальных родителей, значимых людей, так и исправляются предыдущие искажения, создается тип состояния в соответствии с идеалом. Специфика эго-состояния Взрослый основывается на способности на основе собственного и чужого опыта и проверенной информации вербально оценить данные, проверить их, отделить реальность от вымысла. Патологию эго-состояния Взрослый авторы связывают с контаминацией, проникновением одного эго-состояния в другое [3].

Е.Е. Сапогова определяет взрослость как протяженное стационарное состояние, характеризующее стабилизацией функций и свойств сложившейся личности, образовавшегося интеллекта, определившихся ценностных ориентаций и картины мира [2].

Субъективная взрослость – осознание себя взрослым, самоопределение собственной человеческой сущности, переживание самого себя как субъекта отношений с внутренними объектами, субъекта состояния взрослости. Состояние взрослости представляет собой аффективно-когнитивный комплекс, включающий образы, переживания, отношения, символы собственной взрослости.

На основе разработанной автором методики «Рельеф субъективного состояния взрослости» были выявлены показатели индекса субъективного состояния взрослости.

Для исследования субъекта взрослости были выбраны методики: тест индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ), адаптация Н.В. Паниной (опросник общего психологического состояния человека), модифицированная автором методика Л.В. Алексеевой, М.А. Щукиной, О.В. Кудрявцевой, направленная на исследование субъектности человека; тест-опросник уровня субъективного контроля (УСК) Е.Ф. Бажина, А.М. Эткінда; опросник Плутчика Келлермана Конте – методика Индекс жизненного стиля (Life Style Index, LSI); тест Трансактный анализ Э. Берна (Тест ребенок, взрослый, родитель).

В основном исследовании приняли участие 110 человек: бакалавры, магистры, обучающиеся очно и заочно, преподаватели и сотрудники Новомосковского филиала университета Российской Академии образования, сотрудники различных предприятий города и района. Возраст испытуемых от 20 до 60 лет.

Наиболее распространенным является доминирование эго-состояния Взрослый (64,5%). Доминирование эго-состояния Родитель обнаружено в 19,1% случаев, эго-состояния Ребенок – в 16,4% случаев.

Состояние взрослости обнаружено нами у хронологически взрослых респондентов с доминированием в поведении различных эго-состояний. Фактор, включающий компоненты состояния взрослости у респондентов с доминированием эго-состояния Взрослый, является первым и охватывает 26,7% дисперсии; при доминировании эго-состояния Родитель компоненты состояния взрослости включены во второй фактор, который охватывает 36,7% дисперсии; при доминировании эго-состояния Ребенок компоненты состояния взрослости включаются в первый фактор, который охватывает 51,9% дисперсии. Все выявленные факторы являются биполярными. Фактор состояния взрослости наиболее компактен при доминировании эго-состояния Взрослый и наиболее расширен при доминировании эго-состояния Ребенок.

Выявлены ядерные субъектные свойства, поддерживающие состояние взрослости при доминировании любого из трех эго-состояний. Таковыми являются общий фон настроения, положительная оценка себя и собственных поступков, согласованность между поставленными и достигнутыми целями, интерес к жизни, самооценочность. Регрессия является либо принимаемой защитой в эго-состоянии Ребенок, либо отвергаемой, и тем самым выделенной в эго-состояниях Родителя и Взрослого. Эти субъектные свойства являются контекстом существования состояния взрослости.

Тип «состоявшейся взрослости» соединяет в себе субъективное состояние взрослости и эго-состояние Взрослый. Его отличает наличие последовательности в достижении целей, активности, целостности, общей интернальности, интернальности в области достижений и неудачи интернальности в семейных отношениях. Интересным фактом является отделенность эго-

состояния Взрослый от субъективного состояния взрослости, оно включено в другой фактор. Мы предполагаем, что это факт автономного функционирования эго, способного присоединяться к своим различным субъективным состояниям.

Субъективное состояние взрослости при доминировании эго-состояния Родитель отличается автономностью, последовательностью в достижении целей, значимость субъективного возраста. Субъективная оценка взрослости, хронологический возраст включены в фактор со знаком минус. Противоположный полюс фактора составляют также общая интернальность, интернальность в области достижений, в межличностных отношениях, а также защитные механизмы: регрессия, рационализация, при этом напряженность психологических защит имеет положительный знак. Все три эго-состояния контаминированы в этом факторе. Эго субъекта связано, не имеет достаточной свободы присоединения к разным состояниям, что может приводить к внутренним конфликтам, противоречиям, не решаемым с помощью собственного ресурса. Свидетельством этого являются проблемы детско-родительских отношений, борьба мотивов родительства и взрослости, семьи и дела, заботы и работы.

Таким образом, эго-состояние Родитель связано с принятием состояния взрослости, положительным отношением к себе, ориентированностью на внешнюю оценку, уязвимостью, связанной с проблемным отношением к защитам, соединенным с автономией. Это субъективная взрослость, вынужденная пробиваться сквозь родительские заботы. Этот тип взрослости мы назвали «озабоченная взрослость».

При доминировании эго-состояния Ребенок, мы наблюдаем еще больший процент охвата дисперсии фактором, включающим состояние взрослости. Субъектная оснащенность взрослости наряду с типичными свойствами включает опосредованность, субъективную оценку взрослости, интернальность в производственных и межличностных отношениях. Очень высока общая напряженность защит, при этом включены практически все диагностировавшиеся защитные механизмы: вытеснение, регрессия, замещение, отрицание, проекция, компенсация, гиперкомпенсация, рационализация. Здесь же наблюдается контаминация всех трех эго-состояний. Противоположный полюс фактора составили такие свойства, как интерес к жизни, интернальность в области неудач. Взрослость в этом случае, отмеченная положительными свойствами субъекта, такими как креативность, позитивный настрой, вынуждена пробиваться через батарею психологических защит, недифференцированность эго-позиции. Этот тип взрослости мы назвали «защищающаяся взрослость».

Таким образом, субъективное состояние взрослости является психологической реальностью. Состояние взрослости присутствует у хронологически взрослых респондентов с доминированием в поведении различных эго-состояний.

Доминирование эго-состояния Взрослый создает более дифференцированные внутренние субъектные образования, субъективное пространство взрослости является более структурированным, предположительно более зрелым, оно характеризуется автономным функционированием эго, способного присоединяться к различным субъективным состояниям. Сочетание субъективного состояния взрослости и эго-состояния Взрослый характеризует состоявшуюся взрослость.

Доминирование эго-состояния Родитель создает противоречивое сочетание между субъективным состоянием взрослости и смешением эго-состояний, субъективная взрослость вынуждена пробиваться сквозь родительские заботы. Сочетание субъективного состояния взрослости и эго-состояния Родитель характеризует озабоченную взрослость.

При доминировании эго-состояния Ребенок субъективное состояние взрослости соединено с защитными механизмами, что значительно отягощает и утяжеляет функционирование состояния взрослости. Сочетание субъективного состояния взрослости и эго-состояния Ребенок характеризует защищающуюся взрослость.

Внешне наблюдаемые паттерны эго-состояний в психологической практике предполагают концентрацию на решении проблем собственной взрослости при работе с родительским паттерном и неадекватной защищенности при работе с паттернами детскости у взрослых клиентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Берн Э. Трансакционный анализ и психотерапия. – М., 1992. – 224 с.
2. Сапогова Е.Е. Взгляд на взрослость изнутри: психологический дивертисмент // Психология зрелости и старения. – 2001. – № 1(13). – С. 5-27.

3. *Goulding M.M., Goulding R.L.* Changing lives through redecision therapy. NewYork: Brunner/Mazel, 1979.

REFERENCES

1. *Berne E.* Transactional analysis and psychotherapy [Transaktsionnyy analiz i psikhoterapiya]. Moscow, 1992. 224 p.
2. *Sapogova E. E.* Look at the adulthood from the inside out: psychological Divertissement [Vzglyad na vzroslost' iznutri: psikhologicheskiy divertissement]. *Psychology of maturity and aging*, 2001. No. 1(13). Pp. 5-27.
3. *Goulding M.M., Goulding R.L.* Changing lives through redecision therapy. NewYork: Brunner/Mazel, 1979.

Информация об авторе

Николаева Анастасия Юрьевна, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, «Университет Российской академии образования», филиал в г. Новомосковске, Новомосковск, Россия
nastyaniknov@yandex.ru

Получена: 15.09.2015

Information about the author

Nikolaeva Anastasiya Yurievna, Senior teacher, Chair of Psychology and Pedagogy, Novomoskovsk Branch of the University, Russian Academy of Education.
Novomoskovsk city, Russia
nastyaniknov@yandex.ru

Received% 15.09.2015

УДК 378

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-383-389

ОСКОЛОК Кирилл Владимирович,
кандидат химических наук, доцент кафедры аналитической химии

OSKOLOK Kirill Vladimirovich,
Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor,
Chair for Analytical Chemistry

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА НА ХИМИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ УНИВЕРСИТЕТОВ СССР

IMPROVEMENT OF QUALITY OF EDUCATIONAL PROCESSES AT THE FACULTIES OF CHEMISTRY OF THE UNIVERSITIES IN THE USSR

В статье изложены основные результаты исследования по проблеме повышения качества учебного процесса на химических факультетах советских университетов. Показан передовой опыт вузов по повышению качества учебной работы профессорско-преподавательского состава. Даны примеры использования результатов научных исследований в учебном процессе со студентами. Сделан вывод о целесообразности использования лучшего советского опыта организации учебного процесса при подготовке студентов-химиков в университетах Российской Федерации. Совершенствование содержания и структуры университетского химического образования, подготовка новой учебной литературы составляли одно из центральных направлений в работе профессорско-преподавательских коллективов. Опыт построения учебных планов, курсов и программ по химическим дисциплинам, организации лабораторной работы и производственной практики, а также комплекс учебной и учебно-методической литературы, созданной в рамках советской университетской химии, требует глубокого изучения.

The article describes the main results of the research on the problem of improving the quality of educational processes at the chemical faculties of the Soviet universities. It highlights the best practices of universities in improving the quality of academic work of university professors and teachers, gives the examples of using results of scientific researches in educational processes of the students, and makes the conclusion about the advisability of using the best Soviet experiences in organization of educational processes for training students-chemists at the universities of the Russian Federation.

Improvement of the content and structure of university chemical education, preparation of new textbooks and learning materials was one of the central directions in the work of university professors and teachers. It is necessary to study the experience of preparing curricula, courses and programs on chemical disciplines, organization of laboratory work and practical work, learning aids and methodical aids created in the framework of Soviet university education in the field of chemistry.

Ключевые слова: химические факультеты советских университетов, организация учебного процесса, учебно-методическая документация, качество образования студентов.

Key words: chemical faculties of the Soviet universities, organization of educational processes, learning-methodical documentation, quality education of students.

Автор статьи ставит перед собой задачу показать читателям журнала динамику процесса повышения качества учебного процесса со студентами на химических факультетах университетов СССР с конца 1920-х по конец 1980-х гг. С этой целью им проведено комплексное историческое исследование, основанное на архивных и опубликованных источниках, а также на анализе специальной литературы. В своей работе над темой автор публикации использовал сравнительно-исторический, статистический, аналитический и другие методы исследования.

Проблемы качества образования становятся все более актуальными для ученых, специалистов и практиков, работающих в учебных заведениях. Основная часть публикаций по этой важной теме относится к проблемам повышения качества школьного образования. Реже встречаются работы по вопросам качества образования студентов высшей школы. Проблемы повышения качества университетского химического образования в историческом плане до сих пор специально не рассматривались. Начнем с определений основных понятий, использованных в исследовании. Автор статьи согласен с приведенными ниже определениями специалиста по систематизации образовательной терминологии В.М. Полонского.

Качество образования – комплексная характеристика, отражающая диапазон и уровень образовательных услуг, предоставляемых населению (различного возраста, пола, физического и психического состояния) системой начального, общего, профессионального и дополнительного образования в соответствии с интересами личности, общества и государства. Качественное образование должно давать возможность каждому индивиду в зависимости от его интересов и возможностей получать полноценное непрерывное образование соответствующего уровня в очной, заочной или дистанционной форме.

Качество образования выпускников – определенный уровень знаний и умений, умственного, физического и нравственного развития, которого достигли выпускники образовательного учреждения в соответствии с планируемыми целями обучения и воспитания [1, с. 109].

Рассмотрим изменение качества университетского химического образования в СССР по мере его исторической эволюции в контексте действовавшей нормативно-правовой базы.

В рамках эволюции концепций советского высшего естественного образования в 1920-е – 1980-е гг. неоднократно подвергалось изменениям содержание университетских программ по

химии, корректировалось соотношение объемов и порядок преподавания различных учебных дисциплин на протяжении курса обучения в университете.

В 1920-х – начале 1930-х гг. вновь организованные химические отделения и факультеты советских университетов должны были работать по «втузовской» программе, которая отражала господствовавшую в советской образовательной политике этого периода идею технизации химического образования [2, с. 57-58]. Учебные программы и планы часто корректировались в соответствии с приоритетными задачами образовательной системы СССР по подготовке квалифицированных кадров химиков для промышленности и сельского хозяйства.

В 1923 г. на физико-математическом факультете Московского университета были введены так называемые практические уклоны – специализации, ориентированные на работу выпускников в различных отраслях промышленности, в том числе химической. На химическом отделении 1-го МГУ появились уклоны: аналитико-технический, по химии редких металлов, электрохимии, химии нефти и ее перегонки, химии красок и текстильной промышленности. Тем самым должна была решаться задача пополнения корпуса кадров инженеров и специалистов [3, с. 142].

В этот период осуществлялось введение большого количества достаточно узких специализаций химиков и сокращение теоретических курсов за счет практических занятий и производственной практики. В Объяснительной записке к плану преподавания химического факультета 1-го МГУ 1930 г. говорилось: «Химический факультет Университета имеет целью подготовку квалифицированных лабораторных работников для нужд различных химических производств и научно-исследовательских институтов. В связи с этой установкой Химфак ставит себе задачу сообщить своим студентам ряд теоретических сведений по основным вопросам химии и по необходимым для их усвоения ряду других дисциплин (математика, физика); дать необходимые лабораторные навыки и умение экспериментально решать поставленные теоретические задачи; и, наконец, пользуясь методом непрерывной производственной практики, подготовить их к непосредственной работе в связи с производством по избранной специальности» [4, л. 1]. Химическим факультетом МГУ был намечен выпуск работников следующих специальностей: 1) по циклу физической химии – электрохимия, катализ, фотохимия, коллоидная химия, термохимия; 2) по циклу неорганической химии – химия редких элементов, галургия (учение о солях), химия радиоактивных элементов; 3) по циклу органической химии – химия полупродуктов и красителей, химия нефти и химия белковых веществ, химия целлюлозы; 4) по циклу биологической химии – биохимические процессы, химия пищевых продуктов, переработка сельскохозяйственных продуктов.

Против наименования каждой специальности указывались не только предполагаемые промышленные отрасли для будущей профессиональной деятельности выпускников, но и в ряде случаев – конкретные предприятия и учреждения. Так, окончивших химфак по специальности «фотохимия» предлагалось использовать в лабораториях Фотохимического треста, по специальности «химия редких элементов» – в лабораториях Горнохимического треста, выпускников цикла биологической химии – на пивоваренных, консервных, хлебопекарных, крахмально-паточных и других предприятиях пищевой промышленности.

Объем и характер подготовки выпускников по каждой специальности определялся теми производственными функциями, которые им предстояло выполнять. Несколько особняком в программе стоял цикл аналитической химии, план преподавания на котором формально был также увязан с развитием промышленного производства. Его задачей являлась «подготовка высококвалифицированных работников для ведения научно-исследовательских работ по разработке стандартов по химическим продуктам и реактивам, ведения контрольно-аналитических работ в самых разнообразных химических и физических лабораториях» [5, л. 1-2]. С 1926 г. в МГУ действовала военная кафедра, на которой студенты химического факультета получали военную подготовку по химическому профилю.

В контексте приоритета практической подготовки студентов по сравнению с их теоретическими знаниями приходилось сокращать или исключать из университетской программы некоторые курсы для «более напряженной целеустремленности всего преподавания». Некоторые вспомогательные предметы (минералогия, кристаллография) исключались из учебного плана, однако наиболее важные компоненты отмененных дисциплин включались в базовые химические курсы. Энциклопедический курс химической технологии был распределен в виде технологических примеров в соответствующих дисциплинах, которые должны были стать более конкретными и увязанными с программами производственной практики и военно-химическими предметами [6, л. 3].

Во второй половине 1930-х гг. профессорско-преподавательскими коллективами химических факультетов и кафедр создавались обновленные курсы лекций, лабораторные практику-

мы, учебные пособия, соответствовавшие задачам формирования классических университетских программ по химическим наукам. Ряд образцов учебной литературы этого периода был широко востребован в СССР и за рубежом на протяжении нескольких последующих десятилетий. Например, знаменитый «Курс общей химии» Б.В. Некрасова к 1962 г. выдержал 14 переизданий.

В годы Великой Отечественной войны в университетах СССР осуществлялась подготовка химиков-исследователей и химиков-практиков для различных отраслей промышленности. Несмотря на трудности того времени, формировались и внедрялись новые учебные планы и программы университетов по химическим наукам [7, с. 23-30].

После войны ситуация быстро улучшалась. Одной из новаций в университетском химическом образовании второй половины 1940-х гг. стало повышенное внимание к изучению истории химии. Слабые знания студентов в данной области были зафиксированы в отчетах некоторых университетов еще в военные годы [8, л. 96]. Так, ректор МГУ профессор И.С. Галкин охарактеризовал отсутствие курса истории химии как большой пробел в научно-педагогической работе университетов. В конце 1940-х гг. курсы по истории науки, в том числе химии, были введены в учебные планы университетов СССР [9, с. 93-99]. В 1948 г. на химическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова начала работу кафедра истории химии во главе с профессором Н.А. Фигуровским [10, с. 77-80].

В течение периода 1950-х – начала 1970-х гг. происходило изменение и расширения спектра специальностей химических факультетов, в том числе развитие межфакультетских образовательных программ. Неоднократно осуществлялось обновление учебных планов, в которых была увеличена доля практической подготовки студентов в лабораториях и НИИ, расширено привлечение студентов к научно-исследовательской работе. Началось внедрение в учебный процесс методов математического анализа с применением ЭВМ, укреплялась материально-техническая база химических факультетов и кафедр.

Во второй половине 1950-х гг. учебный план химического факультета был самым насыщенным в Московском университете, причем происходило это не по указанию сверху, а по инициативе кафедр. «Не Министерство навязало вам такой план, и не ректорат, а вы такой план предлагали. Я старался по возможности ужать этот план, а вы возражали», – заявлял по этому поводу на заседании Совета МГУ его ректор, академик АН СССР И.Г. Петровский [11, л. 112].

Химический факультет МГУ являлся лидером в области внедрения в университетский образовательный процесс ряда перспективных направлений химической науки и по развитию междисциплинарных специализаций. Так, с 1959 г. на химфаке Московского университета были организованы спецгруппы физико-химиков с усиленной подготовкой по физике и математике. Была усилена общетеоретическая подготовка студентов химфака МГУ с учетом наиболее актуальных направлений развития химической науки с распространением этого опыта на всю систему университетского химического образования. Например, по предложению члена-корреспондента АН СССР В.А. Каргина с 1958 г. курс химии высокомолекулярных соединений читался для всех студентов химических факультетов университетов страны.

Появление новых лабораторных помещений и современного оборудования во второй половине 1950-х гг. оказало существенное позитивное воздействие на темпы и качество научно-исследовательской и учебно-методической работы химиков Московского университета. За последующие 25 лет число публикаций сотрудников химического факультета МГУ увеличилось в семь раз при росте их общей информационной насыщенности. Химический факультет готовил специалистов-химиков широкого профиля. Его выпускник представлял собой «химика-исследователя и лабораторного работника, владеющего теоретическими основами современной химической науки, современными методами химического и физико-химического исследования, основами технологии главных отраслей химической и металлургической промышленности и знакомый с организацией производства» [12, л. 5].

Представляют интерес архивные документы, раскрывающие специфику образовательного процесса на химическом факультете МГУ в начале 1960-х гг. Во втором полугодии 1961 г. педагогическую и научно-исследовательскую работу на его химфаке вели 163 профессора, доцента и ассистента, научной работой занимались 187 старших и младших научных сотрудников. В профессорско-преподавательский состав университета входили девять академиков и пять членов-корреспондентов АН СССР. Послевузовскую подготовку проходили 163 аспиранта-химика.

Таблица 1. Структура химического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 1961 год [13, л. 2-4]

Table 1. The structure of the Chemical faculty of the Lomonosov Moscow state University. 1961 [13, L. 2-4].

Отделение неорганической химии	
1. Кафедра неорганической химии	Лаборатории: неорганической химии и солевых равновесий, химии редких элементов, химии комплексных соединений, рентгенографии
2. Кафедра аналитической химии	Лаборатории: микроанализа, химических методов анализа, физико-химических методов анализа, радиометрических методов анализа
3. Кафедра химической технологии	Лаборатория химической технологии
Отделение физической химии	
1. Кафедра физической химии	Лаборатории: химической термодинамики, кинетики и катализа, адсорбции, термохимии имени М.Ф. Лугинина, молекулярной спектроскопии, катализа и газовой электрохимии, электрографического исследования строения молекул
2. Кафедра коллоидной химии	Лаборатория коллоидной химии
3. Кафедра высокомолекулярных соединений	Лаборатория физики и химии высокомолекулярных соединений
4. Кафедра электрохимии	Лаборатории: электрохимии, коррозии металлов
5. Кафедра химической кинетики	Лаборатории: химической кинетики, химии свободных радикалов
6. Кафедра физики и химии высоких давлений	Лаборатория физики и химии высоких давлений
7. Кафедра радиохимии	
8. Межкафедральная лаборатория кристаллографии	
Отделение органической химии	
1. Кафедра органической химии	Лаборатории: элементоорганических соединений, химии белка, химии нуклеопротеидов, химии гетероциклических соединений, органического микроанализа, органического синтеза, теоретических проблем органической химии, специального органического синтеза, физико-химических методов исследования органических соединений
2. Кафедра органического катализа	Лаборатории: органического катализа, каталитического синтеза
3. Кафедра химии нефти	Лаборатории: химии нефти, химии искусственного жидкого и газового топлива, химии высокомолекулярных углеводов и смазочных масел

Учебным планом химического факультета было предусмотрено пять специализаций: неорганическая химия, органическая химия, физическая химия, аналитическая химия, радиохимия. В рамках общих направлений существовали углубленные специализации, по которым профессора и преподаватели факультета вели 59 спецкурсов [14, с. 19-20].

По направлению неорганической химии на факультете велась учебная и научная работа в области изучения и использования минерального сырья, химии редких металлов, химии комплексных соединений и применения их в промышленности, химии металлов и их сплавов, изыскания новых производственных методов получения неорганических веществ. Большое внимание уделялось подготовке химиков-аналитиков, основной задачей которых являлась разработка новых рациональных методов анализа на физико-химической основе. Студенты, специализировавшиеся по аналитической химии, изучали новейшие методы анализа (оптический, электрохимический и микрохимический), анализ минералов, руд, металлов и сплавов.

По направлению органической химии подготовка специалистов осуществлялась по разделам: органический синтез, исследование строения органических природных и синтетических веществ, химия металлургических соединений, органический катализ. Кафедра физической химии готовила специалистов для работы в научно-исследовательских учреждениях и химической промышленности, при ней действовало семь лабораторий, оборудованных первоклассными приборами для разнообразных физико-химических исследований. Студенты и аспиранты кафедры имели возможность специализироваться по молекулярной спектроскопии, химической кинетике и катализу, теоретической электрохимии, газовой электрохимии, фотохимии, физико-химии изотопов, химической термодинамике, термохимии, адсорбции, физико-химии растворов, химии процессов при высоких давлениях. На кафедре радиохимии велась подготовка специалистов, владеющих методами получения радиоактивных элементов и применения меченых атомов в различных областях химических исследований.

Новые образовательные направления и специализации вводились в 1950-е – 1960-е гг. и в других университетах страны, как правило, с учетом региональных потребностей в научных и производственных кадрах, а также структуры их химических факультетов.

В марте 1964 г. начались занятия со студентами Университета дружбы народов (УДН) в рамках курсов атомной физики, физической химии, минералогии. Учащиеся из Аргентины, Бразилии, Индонезии, Индии, стран Африки проявляли интерес к химии редких и цветных металлов, поскольку специалисты данного профиля были востребованы в промышленности этих государств. У студентов и аспирантов УДН большой популярностью пользовалась кафедра агрохимии: в 1965–1968 гг. по ней специализировалось более 20 человек [15, л. 37].

В послевоенный период все более рельефной становится проблема трансформации базовых основ советского университетского образования: стремительное нарастание объемов специальной информации, входившей в учебные программы, неизбежно вело к тому, что идея подготовки «образованного человека» заменялась формированием «профессионала», что нивелировало уникальную образовательную миссию университетов. При этом возникла тенденция противопоставления университетского химического образования химико-технологическому, которое выглядело более эффективным и актуальным в контексте политики химизации народного хозяйства.

Увлечение практической химией было характерно для советской университетской молодежи. Так, на совещании химического факультета МГУ еще в 1956 г. отмечалось, что студенты, в том числе хорошо подготовленные теоретически, не хотят заниматься чисто теоретическими проблемами. «Они настолько проникнуты экспериментальными навыками, что даже студентов III курса невозможно уговорить заниматься – так же, как и аспирантов – только теоретической работой» [16, л. 92].

Критика университетских программ нередко исходила от педагогического сообщества самих университетов, особенно в тех регионах, где выпускники химических факультетов трудоустраивались на предприятия химической промышленности. «Химик – выпускник университета, как правило, не имеет даже элементарных знаний в области инженерных дисциплин, не умеет читать чертежи, не подготовлен к технико-экономическому анализу процессов, слабо владеет технической терминологией, – утверждал заведующий кафедрой неорганической химии Иркутского государственного университета, доктор технических наук, профессор А.С. Черняк. – Это снижает плодотворность его сотрудничества с инженером-химиком, затрудняет в первые годы работы активное участие в решении производственных задач» [17, с. 89].

Советскими специалистами в области теории и методики изучения химии предлагались различные модели решения данной проблемы. Для химического факультета МГУ и других ведущих центров университетской химии в 1960-е – 1970-е годы было характерно дальнейшее расширение спектра учебных дисциплин и создание новых специализаций в соответствии с тенденциями развития химической науки, что позволяло обеспечивать академические учреждения и научно-производственную систему химической отрасли кадрами специалистов для работы по наиболее актуальным проектам. Уделялось внимание и усилению подготовки будущих химиков по математике и электронике, необходимых для эффективного использования молодыми учеными современных исследовательских методов и технологий. Так, в 1959 г. на химическом факультете МГУ были созданы специальные группы физико-химиков с усиленной подготовкой по физике и математике, в 1971 г. – спецгруппа студентов с расширенной подготовкой по математике. Развивалось и междисциплинарное взаимодействие естественных факультетов. В частности, кафедра общей химии химфака вела курсы для студентов биологического, геологического, географического факультетов и факультета почвоведения университета.

В 1970-е гг. на химическом факультете МГУ была расширена подготовка по новым специальностям, усовершенствован учебный план в целях достижения оптимального соотношения теоретических дисциплин с технологической и производственной практики. С 1971/72 учебного года началась подготовка в спецгруппе студентов с дополнительной математической подготовкой, включавшая обучение современным методам моделирования химических процессов и методам обработки экспериментальных результатов с применением ЭВМ [18, с. 25, 43].

С 1974 г. химический факультет МГУ начал работу по новым учебным планам [19, с. 514]. В течение первых двух семестров обучения студенты изучали неорганическую химию, третий и четвертый семестры посвящались аналитической химии, пятый и шестой – органической химии, шестой и седьмой – физической химии. Во втором и восьмом семестрах проводилась технологическая практика, в шестом семестре – ознакомительная производственная практика на профильных химических предприятиях. В восьмом семестре начинались теоретические спецкурсы и работа в спецпрактикумах. Девятый семестр отводился на преддипломную практику, участие в научно-исследовательской работе кафедр, в ходе которой студенты выполняли функции лаборантов. В течение десятого семестра обучения шла подготовка дипломной работы.

В 1960-х – начале 1970-х гг. существенно возросло количество часов, отводившихся на специализацию. В 1971/72 учебном году на химическом факультете МГУ студентам читалось 135 специализированных и факультативных курсов. В 1974/75 учебном году для изучения сту-

дентами были добавлены 44 новых факультативных спецкурса и введены 100 задач в лабораторные практикумы, в том числе по химии полимеров, фосфорорганических соединений, по методике концентрирования и определения примесей в высокочистых веществах [20, с. 23-25]. В середине 1970-х гг. на химическом факультете действовало 15 кафедр, 5 проблемных и 60 кафедральных лабораторий. От каждого структурного подразделения требовалось повышать качество образования студентов.

В 1960-е – 1970-е гг. общественная жизнь в высшей школе стала более демократичной, но идеологический компонент сохранял существенное значение в методологии образовательного процесса, в том числе в преподавании естественных наук. Так, учебный план химического факультета МГУ начала 1960-х гг. включал 220 часов курса истории КПСС, 150 часов – политэкономии, 120 часов – марксистско-ленинской философии [21, л. 12]. Аналогичную структуру имели учебные планы химических факультетов других университетов СССР.

13 марта 1987 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по коренному улучшению качества подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве». Министерству высшего и среднего специального образования СССР было поручено осуществить коренную перестройку учебного процесса и структуры подготовки кадров, обеспечить переход к подготовке специалистов широкого профиля на основе сочетания фундаментальных общенаучных, общепрофессиональных знаний и направлений практической подготовки, для более полного учета интересов отраслей народного хозяйства в процессе обучения студентов проводить специализацию их подготовки с участием предприятий и организаций.

Отмечалось, что содержание и сроки подготовки специалистов нужно дифференцировать в зависимости от характера их будущей профессиональной деятельности – технологической, эксплуатационной, управленческой, конструкторской, исследовательской и другой. Требовалось организовать подготовку кадров для научных учреждений, конструкторских и проектных организаций, наукоемкого производства и научных подразделений предприятий по их заявкам, в том числе путем перевода студентов, проявивших склонности к научному и техническому творчеству, на индивидуальные научные планы с продлением общего срока обучения до 6 лет, а также в форме научной стажировки.

Учебным заведениям предоставлялось право использовать, по их усмотрению, до 15% учебного времени для оперативного отражения в учебных планах и программах новейших достижений в соответствующих областях науки и техники, а также характера будущей работы специалиста [22, с. 246-247]. Это способствовало, в том числе, повышению качества университетского химического образования. Однако новые политические реалии конца XX в. привели к ломке отечественной системы высшей школы.

В целом, на протяжении всего рассматриваемого периода вектор развития химических факультетов и кафедр университетов СССР был направлен на разработку наиболее актуальных проблем химической науки и технологий, внедрение их в учебный процесс. Совершенствование содержания и структуры университетского химического образования, подготовка новой учебной литературы, составляли одно из центральных направлений в работе профессорско-преподавательских коллективов. Опыт построения учебных планов, курсов и программ по химическим дисциплинам, организации лабораторной работы и производственной практики, а также комплекс учебной и учебно-методической литературы, созданной в рамках советской университетской химии, требует глубокого изучения. Этот опыт целесообразно использовать для повышения качества университетского химического образования в Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Полонский В.М. Словарь по образованию и педагогике. – М.: Высшая школа, 2004. – С. 109.
2. Саратовский университет. 1909–1959. – Саратов: Саратовский университет, 1959. – С. 57-58.
3. Андреев А.И., Змеев В.А., Ильин И.В. История студенчества Московского университета. Том II. 1905–1955. – М.: Изд-во МГУ, 2013. – С. 142.
4. Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 1609. Оп. 1. Д. 1485. Л. 1.
5. ЦГАМ. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 1485. Л. 1-2.
6. Там же. Л. 3.
7. Осколок К.В. Химические факультеты университетов СССР в годы Великой Отечественной войны // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 6 (23). – С. 23-30.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-8080. Оп. 2. Д. 476. Л. 96.
9. Лунин В.В., Богатова Т.В., Зайцева Е.А., Зефирова О.Н. Преподавание истории химии в Московском университете: лекторы и их курсы. Ч. 2. (К 100-летию профессор Н.А. Фигуровского) // Вестник Московского университета. Серия 2. Химия. 2002. Т. 43. – № 2. – С. 93-99.
10. Профессора Московского университета. 1755-2004: Биографический словарь. Том II: М-Я. / Авторы-составители А.Г. Рябухин, Г.В. Брянцева. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – С. 561-562.

11. ЦГАМ. Ф.1609. Оп. 2. Д. 412. Л. 112.
12. Там же. Л. 5.
13. Там же. Л. 2-4.
14. Химический факультет / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1977. – С. 19-20.
15. ЦГАМ. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 891. Л. 37.
16. ЦГАМ. Ф.1609. Оп. 2. Д. 412. Л. 92.
17. Черняк А.С. Об университетской специализации по химии // Вестник высшей школы. – 1978. – № 11. – С. 89.
18. Химический факультет / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1977. – С. 25, 43.
19. Луценко И.Ф. Химический факультет МГУ за годы Советской власти // Вестник Московского университета. Серия 2. Химия. – 1979. – № 6. – С. 514.
20. Химический факультет / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1977. – С. 23-25.
21. ЦГАМ. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 588. Л. 12.
22. Народное образование в СССР. Сборник нормативных актов. – М., 1987. – С. 246-247.

REFERENCES

1. Polonskij V.M. The Dictionary of education and pedagogy.[Slovar' po obrazovaniju i pedagogike] Moskva: Higher school, 2004. Pp. 109.
2. Saratov University. 1909-1959. – Saratov: Saratov University, 1959. Pp. 57-58.
3. Andreev, A. I., Serpents, V. A., Ilyin I. V., The History of the students of Moscow University.[Istorija studenchestva Moskovskogo universiteta.]. Vol. II. 1905-1955. Moskva.: Publishing house of Moscow state University, 2013. P. 142.
4. Central state archive of Moscow (CHAM). F. 1609. Op. 1. D. 1485. L. 1.
5. CHAM. F. 1609. Op. 1. D. 1485. L. 1-2.
6. Ibid. L. 3.
7. Oskolok K.V. DEPARTMENTS OF CHEMISTRY AT UNIVERSITIES OF THE USSR IN THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR. [Himicheskie fakul'tety universitetov SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys' = Historical and Social Educational Ideas. 2013. no. 6 (23). Pp. 23-30.
8. State archive of the Russian Federation. F. P-8080. Op. 2. D. 476. L. 96.
9. Lunin V. V., Bogatova T. V., Zaitseva E. A., Charges O. N. Teaching the history of chemistry at Moscow University: lecturers and their courses. Part 2. (To the 100 anniversary of Professor N. And. Figurovskogo [Prepodavanie istorii himii v Moskovskom universitete: lektory i ih kursy. Ch. 2. (K 100-letiju professor N.A. Figurovskogo)] Bulletin of Moscow University. Series 2. Chemistry. 2002. T. 43. No. 2. Pp. 93-99.
10. Professor of Moscow University. 1755-2004: a Biographical dictionary. Volume II: M-Ya / Authors-authors: A. G. Ryabukhin, G. V. Bryantseva. [Professora Moskovskogo universiteta. 1755-2004: Biograficheskij slovar'. Tom II: M-Ja. Avtory-sostaviteli A.G. Rjabuhin, G.V. Brjanceva.]. Moskva.: Publishing house of Moscow state University, 2005. pp. 561-562.
11. CHAM. F. 1609. Op. 2. D. 412. L. 112.
12. Ibid. L. 5.
13. Ibid. L. 2-4.
14. Chemistry Department. MSU M. V. Lomonosov. Moskva., 1977. pp 19-20.
15. CHAM. F. 1609. Op. 2. D. 891. L. 37.
16. CHAM. F. 1609. Op. 2. D. 412. L. 92.
17. Chernyak, A. S. On University specialization in chemistry. [Ob universitetskoj specializacii po himii]. Bulletin of the higher school. 1978. No. 11. P. 89.
18. Chemistry Department. MSU M. V. Lomonosov. Moskva, 1977. pp. 25, 43.
19. Lutsenko, I. F. Chemical faculty of Moscow state University during the years of Soviet power [Himicheskij fakul'tet MGU za gody Sovetskoj vlasti]. Bulletin of Moscow University. Series 2. Chemistry. 1979. No. 6. p. 514.
20. Chemistry Department. MSU M. V. Lomonosov. Moskva., 1977. Pp. 23-25.
21. CHAM. F. 1609. Op. 2. D. 588. L. 12.
22. Public education in the USSR. Collection of normative acts. Moskva, 1987. Pp. 246-247.

Информация об авторе

Осколок Кирилл Владимирович, кандидат химических наук, доцент кафедры аналитической химии
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
k_oskolok@mail.ru

Information about the author

Oskolok Kirill Vladimirovich, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Chair for Analytical Chemistry, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
k_oskolok@mail.ru

Received: 28.07.2015

Получена: 28.07.2015

УДК 811.111

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-390-392

ОШЕВА Елена Анатольевна,
кандидат филологических наук

OSHEVA Elena Anatolyevna,
Candidate for Doctorate in Philology

КОНЦЕПТ «ДЕНЬГИ» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

CONCEPT 'MONEY' IN THE ENGLISH AMERICAN PROVERBS

В настоящей статье объектом исследования является концепт «деньги», который рассматривается на материале англо-американских пословиц и поговорок. В статье приводится этимология лексемы «money», проводится анализ пословиц и поговорок, выбранных из словаря В. Мидера. Данный материал классифицирован на девять семантических групп: деньги-ценность, деньги-зло, отсутствие денег, легкие деньги, деньги-мотивация, актуальность денег, деньги – это не главное, деньги – это труд, отношение к деньгам с юмором. В статье акцентируется внимание на выявлении культурно-специфических компонентов концепта «деньги», учитываются английская и американская лингвокультуры. В американской культуре с детства приучают к добросовестной работе, поощряется желание детей подработать, высоко ценится профессионализм. В английской культуре существует табу на разговоры о деньгах, некоторые родители внушают своим детям, что это дурной тон и признак «низкого происхождения».

The present paper explored the concept 'money' observed upon the data from the English American proverbs and sayings. The paper adduced the etymology of the lexical unit 'money', and observed the proverbs and sayings taken from the dictionary written by W. Mieder. The material has been sorted out into nine semantic groups: «money means value», «money means evil», «lack of money», «easy money», «money means motivation», «importance of money», «money is no object», «money means work», «money when treated with humor». The study focused on revealing culture-specific components of the concept 'money' while taking into account both English and American language-reflected cultures. People in American culture since childhood are accustomed to work hard, children are encouraged to make some pocket money, and occupation-specific expertise is highly appreciated. Talking about money is tabooed in English culture, some parents instill into their children's minds that talking about money means bad manners and implies someone being «lowborn».

Ключевые слова: концепт, деньги, пословица, поговорка, семантическая группа, культурный компонент, этимология, метод сплошной выборки.

Key words: concept, money, proverb, saying, semantic group, cultural component, etymology, continuous sampling technique.

Ряд исследований, посвященных изучению концепта «деньги», демонстрируют различные подходы (см. работы Ю.С. Денисенковой (2013) [1], Е.А. Камышанченко, Н.В. Нерубенко (2012) [2], Е.В. Палеевой (2010) [3]).

Концепт «деньги» отражает сложную систему не только материально-денежных отношений, но и затрагивает систему духовно-нравственных и морально-этических ценностей человеческого общества в целом и духовного мира отдельной личности [2, с. 78].

Обратимся к этимологии лексемы 'money' в английском языке. Слово 'money' появилось в середине XIII в. со значением «монета, металлическая валюта». Слово произошло от старофранцузского 'monnaie' – «деньги, монета, валюта, мелочь» (совр. франц. – monnaie), которое, в свою очередь, было образовано от латинского 'moneta' – «место для чеканки монет, монетный двор; металлические деньги». Интересно отметить, что последнее произошло от имени римской богини Боны Монеты (Juno Moneta), рядом с храмом которой находился монетный двор [4].

Толковый словарь Cambridge Advanced Learner's Dictionary дает следующую дефиницию слова 'money' – *the coins or notes which are used to buy things, or the amount of these that one person has* [5, p. 816]. Анализ данной дефиниции показывает следующие семы: форма существования (монеты и банкноты), функция (средство платежа).

Анализ репрезентации концепта «деньги» позволяет выявить национальную специфику, проявляющуюся в разных способах вербализации концепта, в степени обобщенности его репрезентаций, в количестве и наборе лексем.

Проведенное нами исследование 100 пословиц и поговорок из словаря 'A Dictionary of American Proverbs' (1992) [6] известного паремиста В. Мидера дало возможность классифицировать примеры с компонентом *деньги* на девять семантических групп.

1) Деньги – ценность

В данной группе деньги определяются как сила, как ресурс, который нужно тратить, а не делиться: 'Money is power', 'Money is better spent than spared'. Деньги отвечают на все вопросы 'Money answers all things'. Наличие денег дает уверенность в том, что человек справится с болезнями, например 'Ready money is ready medicine'. Также характерным является процесс накопления заработанных денег 'Money saved is money earned'. Отмечается важность сохранения денег во избежание бедной старости 'Save your money and die rich'.

2) Деньги – зло

Деньги определяются как бездонное море, где исчезают честь, сознание и правда, например *'Money is a bottomless sea in which honor, conscience, and truth may be drowned'*. К деньгам относятся как к корню зла, чем больше денег, тем больше грехов: *'Money is the root of all evil', 'More money, more sin'*. Деньги могут быть яблоком раздора в дружбе: *'Never loan money to a friend unless you wish to lose him', 'Lend money and you get an enemy'*. Деньги создают проблемы: *'Those who have money have trouble about it'*.

3) Отсутствие денег

Не следует превращать деньги в единственный источник дохода, как отмечено в пословице *'Money isn't everything in life', 'Money isn't worth a thing except to use in buying something'*.

4) Легкие деньги

Деньги, взятые в долг, легче тратить, например *'Money borrowed is money spent'*. Деньги, как обещание, легче заработать, чем сохранить: *'Money, like promises, is easier made than kept', 'Money has wings'*. С деньгами легко расставаться: *'Money burns a hole in the pocket'*. Деньги не так важны для хозяина, как для других людей: *'Money has little value to its possessor unless it has value to others'*.

5) Деньги - мотивация

Деньги поднимают настроение *'Money makes a man laugh'*, приводят в движение мир *'Money makes the world go round', 'Money makes the ball roll', 'Money makes the pot boil', 'Money greases the axle', 'Money greases the machine in the long run'*.

6) Актуальность денег

В английском языке существуют пословицы, демонстрирующие актуальность денег, например: *'Money never comes out of season', 'Money in the purse will always be in fashion', 'Money doesn't get dirty'*; с помощью денежных средств можно сделать все что угодно *'Money will do anything'*; деньги могут быть рабом и хозяином *'Money will be a slave or a master'*. Не выходи замуж из-за денег, но и не без них, например *'Don't marry for money, but don't marry without money'*.

7) Деньги – это не главное

Примеры демонстрируют тот факт, что деньги не являются составляющей человеческой души: *'Money doesn't make character', 'Money doesn't make the man'*.

8) Деньги – это труд

Необходимость приложить усилия, чтобы заработать деньги, которые не растут на деревьях, показана в примере *'Money doesn't grow on trees'*. Заработок денег важнее, чем их трата демонстрирует пример *'Earn money before you spend it'*.

9) Отношение к деньгам с юмором

Пример *'People are funny about money'* показывает, что люди с юмором относятся к деньгам. Только деньги слаще, чем мёд *'Nothing but money is sweeter than honey'*. Отметим шуточную строчку про деньги в форме короткого стишка: *'Money is honey, my little sonny, and a rich man's joke is always funny'*.

В современной Америке много людей, которых называют *'workaholics'*. Возможно, по этой причине в Америке не получила такого распространения система блата. Когда кто-то просит устроить на работу родственника или знакомого, в ответ часто можно услышать: «А какова его квалификация и личные качества как работника»? У американца с детства сформировано убеждение, что каждый человек, благодаря настойчивости, таланту и, главным образом, добросовестной работе, может достичь в жизни необычайно многого. Именно поэтому поощряется желание детей подработать, высоко ценятся такие качества, как аккуратность, пунктуальность и профессионализм [7].

У англичан существует табу на разговоры о деньгах, что имеет некую «внутреннюю логику». В какой-то мере оно соотносится с основными правилами «английской самобытности», регулирующими установки на скромность, неприкосновенность частной жизни, вежливый эгалитаризм и прочие формы лицемерия. Табу на разговоры о деньгах – это исключительно английская поведенческая норма, но не все англичане ее соблюдают. Например, южане, говоря о деньгах, как правило, смущаются сильнее, чем северяне, а верхушка и средние слои среднего класса более щепетильны в этом отношении, чем рабочий класс. По сути, представители верхушки и

средних слоев среднего класса зачастую внушают своим детям, что говорить о деньгах – это дурной тон и признак «низкого происхождения» [8].

Все примеры отражают влияние денежных средств на общество и дифференцируются по принципу оценочной коннотации. Большое число пословиц и поговорок демонстрирует важную роль денег в жизни социума в целом и в жизни каждого человека. Положительная оценка этой роли обнаруживается во многих примерах, приведенных выше. Исследование концептов через средства их вербализации можно считать одним из способов реконструкции картины мира в целом и языковой картины мира в частности.

Сокращения:

DAP – Dictionary of American Proverbs

CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary

OED - Online Etymology Dictionary

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Денисенкова Ю.С. Развитие концепта «деньги» в историческом аспекте // Вестник МГИМО – Университета. – 2013. – № 5. – С. 227-231.
2. Камышанченко Е.А., Нерубенко Н.В. Сопоставительный анализ пословиц и поговорок английского и немецкого языков, репрезентирующих концепт «деньги» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2012. – № 1 (12). – С. 78-80.
3. Палеева Е.В. Концепт «деньги» в сознании носителей русского языка // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – Курск, 2010. – № 3(15). URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/015-019.pdf>.
4. Harper D. Online Etymology Dictionary. 2001. [Электронный ресурс] / URL: <http://www.etymonline.com/>
5. Cambridge Advanced Learner's Dictionary, second edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 1592 p.
6. Mieder W. A Dictionary of American Proverbs / W. Mieder. – New York, Oxford : Oxford University Press, 1992. – 710 p.
7. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М.: СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2004. – 336 с.
8. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. Рипол Классик, 2008. – 512 с. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/149596/Foks_-_Nablyudaya_za_anglichanami.html

REFERENCES

1. Denisenkova Yu.S. The development of the concept 'money' in historical aspect [Razvitiye kontsepta «dengi» v istoricheskoy aspekte]. Bulletin MSUFA – University. 2013. № 5. P. 227-231. (inRuss)
2. Kamyshanchenko Ye.A., Nerubenko N.V. Comparative analysis of English and German proverbs, representing the concept 'money' [Sopostavitelnyy analiz poslovits i pogovorok anglyskogo i nemetskogo yazykov, reprezentiruyushchikh kontsept «dengi», Philological science. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota. 2012. № 1 (12). P. 78-80. (inRuss)
3. Paleyeva Ye.V. Concept 'money' in the mind of the Russians [Kontsept «dengi» v soznanii nositeley russkogo yazyka]. Scientific notes. Electronic scientific journal Kursk State University. Kursk, 2010. № 3(15). Available at: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/015-019.pdf>. (inRuss)
4. Harper D. Online Etymology Dictionary. 2001. Available at: <http://www.etymonline.com/>
5. Cambridge Advanced Learner's Dictionary, second edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 1592 p.
6. Mieder W. A Dictionary of American Proverbs / W. Mieder. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. 710 p.
7. Oshchepkova V.V. The language and culture of Great Britain, USA, Canada, Australia, New Zealand [Yazyk i kultura Velikobritanii, SShA, Kanady, Avstralii, Novoy Zelandii]. Moscow; Sankt-Peterburg: GLOSSA/KARO, 2004. 336 p. (in-Russ)
8. Foks K. Nablyudaya za anglichanami. Skrytye pravila povedeniya. Ripol Klassik. 2008. 512 p. Available at: http://www.e-reading.club/bookreader.php/149596/Foks_-_Nablyudaya_za_anglichanami.html

Информация об авторе

Ошева Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Институт иностранных языков и лингвокоммуникаций в управлении, Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Получена: 24.08.2015

Information about the author

Osheva Elena Anatolyevna, Candidate for Doctorate in Philology, Master Teacher, Institute of Foreign Languages and Linguistic/ Language-Related Communication in Management, State University of Management, Moscow city, Russia

Received: 24.08.2015

УДК 372.881.111.1

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-393-401

ПОПОВА Татьяна Петровна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры
иностранных языков

POPOVA Tatiana Petrovna,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Foreign
Languages Chair

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ИНТЕРАКТИВНОСТИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ

USE OF VARIOUS INTERACTIVE FORMS IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES AT UNIVERSITIES

Новая концепция обучения студентов иностранным языкам (ИЯ) в вузе направлена на создание единой академической среды, на соответствие международным и отечественным требованиям к уровню иноязычной коммуникативной компетенции, предполагающему возможность реализации принципа международной академической мобильности. Для достижения поставленных целей предусматривается введение ряда инновационных преобразований, к которым можно отнести модульное построение курса обучения, широкое использование интерактивных форм обучения ИЯ. Модуль рассматривается как учебная базовая единица структурированной программы по определенной дисциплине, которая имеет самостоятельные разделы лекционного и практического курсов, учебно-технологические карты, литературу, контрольные блоки. Автор работы дает определение интерактивного обучения, которое предполагает взаимодействие учащегося с учебной средой как источником усваиваемого опыта. В отличие от традиционного, интерактивное обучение имеет иной характер взаимодействия преподавателя со студентами, когда инициатива в обучении передается студенту. В статье также раскрывается понятие автономии как способности к самостоятельному овладению и использованию иностранного языка, описывается опыт использования интерактивных форм обучения английскому языку в НИУ ВШЭ.

The new concept of teaching foreign languages at universities aims to establish a new academic environment, compliance with international and national requirements to the level of foreign language competency, presupposing feasibility of international mobility principle. To reach these goals implementation of some innovative conversion is envisaged, to which modular training and extensive application of interactive forms of teaching foreign languages pertain. Module is considered as a basic training unit of structured program on a certain subject, which has its own section of lectures and tutorials, educational and technological maps, literature, assessment blocks. The author gives a definition of interactive education, which requires students' interaction with educational environment as a source of teachable experience. In comparison with the traditional method, interactive learning has a different character of communication between teacher and students, when initiative is given to students. The paper also considers autonomy as an ability to independently master and use a foreign language; it describes experience of implementation of interactive forms of teaching English at NRU HSE.

Ключевые слова: интерактивное обучение, модульное обучение, автономия обучаемого, интеракционизм, академическая мобильность.

Key words: interactive learning, module education, autonomy of students, interactionism, academic mobility

Современное состояние системы образования характеризуется инновационными изменениями, которые идут по различным направлениям. Это касается формирования нового содержания образования, разработки и реализации новых технологий обучения, использования методов освоения новых программ, создания условий для самоопределения личности в процессе обучения, изменения в стиле мышления как преподавателей, так и студентов, изменение взаимоотношений между ними, создание и развитие творческих инновационных вузов [1].

Целью настоящей работы является рассмотрение особенностей интерактивных форм обучения иностранным языкам (ИЯ) в вузе на примере их применения в учебном процессе Национального Исследовательского Университета – Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ).

Новая концепция обучения студентов ИЯ в системе непрерывного образования НИУ ВШЭ направлена на создание единой академической среды, а также на соответствие международным и отечественным требованиям к уровню владения ИЯ, предполагающий возможность реализации принципа международной академической мобильности.

В НИУ ВШЭ особое внимание уделяется владению английским языком, одним из основных международных языков академического, общекультурного и профессионального общения. Свободное владение английским языком является обязательным требованием НИУ ВШЭ для всех студентов по завершении второго курса, что подтверждается результатами независимой аттестации, проводимой по единой логистике во всех кампусах университета.

В новой концепции университета указывается, что на уровне бакалавриата «целью обучения ИЯ является формирование и дальнейшее развитие иноязычной коммуникативной компетенции студентов в устной и письменной речи на уровне, минимально необходимом и достаточном для решения социально-коммуникативных задач в различных областях научной, академической, профессиональной, социально-культурной и бытовой сферах деятельности при общении с зарубежными партнерами, а также для дальнейшего самообразования» [2].

Для английского языка минимально допустимым уровнем коммуникативной компетенции определен уровень B2 (пороговый продвинутый). Считается, что владение английским языком в

диапазоне уровней В2-С1 (уровень профессионального владения) лежит в основе реализации принципа академической мобильности в мировом образовательном пространстве, обеспечивает возможность осваивать любые образовательные программы, включая самостоятельное овладение языком в рамках дистанционной формы обучения. Для других иностранных языков минимально допустимым уровнем может считаться уровень В1 (пороговый).

Успешное освоение курса обучения в НИУ ВШЭ обеспечивает возможность получения международного сертификата, подтверждающего готовность и способность к обучению на международных программах высшего профессионального образования.

Для достижения поставленных целей предусматривается введение ряда инновационных преобразований. К ним относятся такие как

Модульное построение курса обучения.

НИУ ВШЭ является одним из немногих вузов России, применяющих технологию модульного обучения, которая призвана повысить эффективность процесса обучения. В данном случае под модулем понимается учебная базовая единица структурированной программы по определенной дисциплине, которая имеет самостоятельные разделы лекционного и практического курсов, учебно-технологические карты, литературу, контрольные блоки и форму отчетности.

В каждом модуле выделяются блоки, которые сочетаются с этапами формирования различных компетенций в курсе определенной дисциплины.

Применение технологии модульного обучения меняет роль преподавателя как элемента педагогической системы. Следует отметить, что студенту предоставляется самостоятельность в выборе целей, содержания, форм, методов и средств учебной деятельности, что, однако, не снижает ответственности преподавателя за результат обучения студентов. Осуществляя обратную связь, преподаватель имеет возможность оценить уровень подготовленности студентов, наблюдать за качеством и темпом усвоения учебных блоков, корректировать и направлять студента в процессе обучения.

Таким образом, модульное обучение связано с применением инновационных, прежде всего, интерактивных форм обучения. Оно отличается высокой технологичностью, которая обеспечивает гибкость внутренней структуры курса, позволяет изменять его трудоемкость и содержание с учетом реальной учебной ситуации. При этом тематические блоки могут изучаться в различной последовательности [3].

Использование различных форм интерактивности

В отличие от традиционных методов обучения ИЯ, предлагающих усвоение знаний в искусственных ситуациях, интерактивная модель способствует повышению мотивации общения на ИЯ и позволяет задействовать возможности произвольной памяти.

Разделяя мнение Е.Н. Солововой, которая отмечает, что «не исполнительность, а инициативность выдвигается на первый план условиями современной жизни», мы полагаем, что такие качества личности, как гибкость, мобильность, творческий подход, могут помочь в выборе оптимального способа выхода из трудного положения, обеспечить успех в любом виде деятельности [4].

Интерактивное общение на фоне эмоционально благоприятной среды и выявление условий развития и реализации творческих способностей студентов призваны способствовать достижению целей обучения. основополагающими принципами в этой связи являются принципы взаимодействия, активности обучаемых, опоры на коллективный опыт, принцип осуществления обратной связи между преподавателем и студентами.

Приведем одно из определений интерактивного обучения, которое гласит, что интерактивное обучение – это обучение, построенное на взаимодействии учащегося с учебной средой, которая служит источником усваиваемого опыта. В отличие от традиционного, интерактивное обучение имеет иной характер взаимодействия преподавателя со студентами, инициатива в обучении передается студенту, при этом наблюдается более тесная связь между обучаемым и обучающим [5].

Интерактивное обучение понимается нами как определенная форма организации познавательной деятельности студентов, способ познания, осуществляемый в форме совместной деятельности обучаемых, где все участники взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, моделируют ситуации, оценивают речевое поведение других и свои собственные достижения, погружаются в реальную атмосферу делового сотрудничества в целях решения поставленных задач.

В Новом словаре методических терминов и понятий дается достаточно подробная характеристика интерактивных методов преподавания, к которым относится группа современных ме-

тодов, базирующихся на *интеракционизме*. В рамках этой психологической концепции важнейшей особенностью межличностной коммуникации считается способность человека принимать роль другого, видеть себя глазами партнера и на этой основе конструировать собственные действия. Одной из главных задач таких методов является развитие у обучаемых критического мышления. Эти методы применимы и в рамках традиционного обучения, прежде всего на занятиях ИЯ. Критическое мышление понимается как сложный ментальный процесс, включающий стадию вызова, смысловую стадию и стадию рефлексии, на которой учащиеся размышляют над полученной информацией и таким образом произвольно закрепляют учебный материал. К таким методам можно прежде всего отнести кластерный метод (метод карты понятий), метод сравнительной диаграммы, метод пазла, метод целенаправленного чтения, метод двухчастного дневника и др. [6].

К основным задачам интерактивных форм обучения можно отнести следующие:

- вызвать интерес к материалу с целью его эффективного усвоения;
- инициировать самостоятельный поиск учащимися путей и вариантов решения поставленной учебной задачи;
- культивировать терпимость к любой точке зрения;
- стимулировать командное взаимодействие;
- формировать профессиональные навыки общения;
- обеспечить выход на уровень осознанной компетентности студента.

Современные требования к выпускникам вузов, способным самостоятельно совершенствоваться в сфере профессиональной деятельности, вызывают необходимость усиления внимания со стороны ученых к вопросам организации самостоятельной работы студентов и развития автономии в процессе обучения в вузе. Следует заметить, что вопросами формирования автономии обучаемых занимается широкий круг ученых (например, Н.Ф. Коряковцева, Л. Порше, О.А. Сергеева, Е.Н. Соловова, Б. Синклер, Е.А. Цывкунова и др.). Принцип автономии в процессе овладения ИЯ признается одним из основополагающих в процессе реализации личностно-ориентированного и социокультурного подходов в обучении [7].

Понятие автономии как способности к самостоятельному овладению и использованию ИЯ включен в современный стандарт языкового образования в качестве цели и компонента содержания обучения ИЯ. Для успешной коммуникации на ИЯ необходимо обладать не только учебной автономией, но и другими видами автономии, позволяющими человеку ставить цели и задачи общения, намечать пути их решения, брать на себя ответственность за их реализацию и оценивать результат в процессе независимого использования языка в реальной жизни. По мнению исследователей в области теории и методики профессионального образования, использование технологии интерактивных форм обучения способствует эффективному формированию иноязычной коммуникативной компетенции студентов за счет развития ключевых умений, входящих в состав автономии. При этом отмечается, что мотивирующие и развивающие возможности интерактивных форм работы в целях развития автономии студентов реализуется посредством:

- стимулирования коммуникативной активности и речевой инициативы;
- позитивного настроения на успешность выполнения задания;
- развития навыков социальной перцепции, умений более объективно оценивать себя;
- усиления контроля и самоконтроля [8].

Интерактивный характер обучения проявляется в коммуникативных заданиях речевого взаимодействия, которые носят деятельностный характер, лежащий в основе коммуникативного подхода в обучении ИЯ. При этом преследуется цель создать условия для максимальной самореализации студентов в процессе иноязычного общения.

Для решения поставленных задач в учебном процессе НИУ ВШЭ основное внимание уделяется использованию разнообразных форм взаимодействия между:

- преподавателем и всей группой студентов;
- преподавателем и отдельными студентами группы;
- каждым студентом и преподавателем;
- студентами группы между собой в рамках аудиторной и самостоятельной работы по курсу с использованием информационно-коммуникационных технологий и без таковых.

При этом аудиторная работа включает:

- введение и активизация нового языкового и речевого материала;
- отработку эффективных стратегий выполнения различных типов заданий, в том числе используемых в международных экзаменах;

- формирование умений пользоваться шкалами оценивания различных типов заданий, сопоставимыми с требованиями международных экзаменов;
- контроль и обсуждение результатов выполнения самостоятельной работы;
- проведение устных опросов, дискуссий, диспутов, ролевых игр и т.д.;
- выполнение единых/индивидуальных тестовых заданий и т.д.

Самостоятельная работа включает:

- выполнение заданий по чтению, переводу, письму, а также грамматических и лексических упражнений, предлагаемых в учебном пособии/системе LMS для самостоятельного выполнения;
- работу с двуязычными и толковыми словарями;
- поиск информации (публицистические материалы по темам раздела);
- выполнение заданий на создание письменных текстов: реферирование прочитанного материала, написание писем (личного, официального);
- подготовка монологов-сообщений и монологов-рассуждений по указанной проблематике (презентаций) и т.д.;

Проектная/научно-исследовательская работа предполагает:

- поиск и отбор достоверной информации по заданной проблеме;
- реферирование и систематизацию информации;
- работу в команде;
- использование информации для создания различных типов устных и письменных текстов;
- представление основных результатов исследования/проектной работы в устной и письменной формах;
- рецензирование собственных и чужих академических дискурсов;
- само- и взаимоконтроль, оценивание полученных продуктов исследовательской/проектной деятельности с использованием предложенных параметров и критериев оценивания [9].

В рамках инновационного подхода процесс обучения английскому языку в НИУ ВШЭ имеет личностно-развивающую ориентацию и строится на основе коммуникативного взаимодействия преподавателя и студентов.

На занятиях предусмотрено регулярное использование мультимедиа-ресурсов, в частности аудиоматериалов для тренировки всех основных видов речевой деятельности и погружения студентов в реальную языковую среду.

Студенты учатся технике презентации на английском языке и сопровождению своих выступлений мультимедиа-презентациями.

Процесс обучения английскому языку организуется в системе управления LMS (learning management system), обеспечивающей реализацию следующих инновационных форм и активных методов обучения:

- доступ студентов к различным тематическим группам обсуждения разделов курса, проблем, проектов в режиме on-line;
- текстовый диалог и коммуникации между участниками процесса обучения;
- компьютерная конференция данных – автоматический синхронный и асинхронный обмен данными и файлами;
- групповая работа студентов над единым сетевым документом;
- групповое использование единого сетевого приложения или разработка одного и того же документа в реальном масштабе времени [10].

Перейдем к рассмотрению примеров интерактивных форм работы, используемых на факультете права НИУ ВШЭ.

В курсе изучения профессионального английского (ESP) в разделе «Корпоративное право» проводится разбор юридического дела (Case study).

Разбор кейса. Основная литература: Amy Krois-Lindner. Introduction to International Legal English by and Translegal Student's book. Cambridge University Press 2012. pp.50-59

На уроке студенты разбирают иск о возмещении ущерба из-за потери стоимости приобретенной компании. На основании изучения документов и юридических актов выдвигают идеи

по поводу возможных путей разрешения конфликта. Затем встречаются юристы обеих конфликтующих сторон. Преподаватель распределяет роли, следит за процессом речетворчества, оказывает помощь в выборе языковых средств. Сюжет: *созывается собрание членов исполнительного комитета компании для обсуждения ответа на иск; совместно с юристами вырабатываются варианты, выгодные для компании.*

Распределяя роли, преподаватель напоминает студентам о необходимости использовать лексику по теме «Корпоративное Право» и следовать технике ведения переговоров из предыдущего цикла, дает студентам 10 минут на подготовку и осуществляет контроль устной речи. Тема основана на тексте для чтения из этого цикла. Установка:

- The meeting of the Executive Committee was called to discuss Baggers' response to Pippa Solloway's letter. Four options suggested:

1. Write a short response with the company's view of the issue.
2. Write an explanation of why Baggers failed to disclose the issue
3. Outline Baggers' plan to mitigate the issue.
4. Promise to write a full response after a reasonable period.

The CEO must now discuss the advantages and disadvantages of each of these with Baggers' lawyer and decide which would be in the best interests of the company.

Work with the partner. One of you is the lawyer, the other is the CEO. Use the WASP approach.
CEO

Prepare for the meeting by considering the advantages and disadvantages of each option. Which do you think is the company's best solution? Why?

Prepare questions to ask the lawyer in order to get the most out of your meeting and to ensure the best result for Baggers. Make sure that the lawyer explains everything clearly.

Lawyer

Prepare for the meeting by considering the advantages and disadvantages of each option. Which do you think is in the company's best interests? Why?

Advise the CEO with reference to section 172 of the Companies Act 2006, and explain your reasoning.

Дебаты (проводятся на 3-м курсе по теме «Международное право»).

Преподаватель выясняет что знают и помнят студенты о дебатах. Напоминает студентам о том, что в дебатах участвуют две стороны, спорящие об одном и том же ходатайстве. В конце судья объявляет победителем более убедительную сторону. Необходимо адресовать все аргументы назначенному преподавателем председателю, ни при каких обстоятельствах не вступая в споры лично с оппонентом. Структура дебатов схожа с ведением дела в суде. Тема основана на тексте для аудирования из этого цикла. Установка:

- In groups, choose one of the following motions to debate.

1. The decision in Laval unjustly interferes with trade unions' ability to promote the equal treatment and protection of workers.

2. The decision in Laval represents a necessary restriction on the power of unions.

3. The decision in Laval was best for both business and workers alike.

Split your group into two. One-half of the group prepares the arguments and defences for its motion, the other prepares arguments against. Decide how you will present your case, using every member of the group.

One person will act as a chairperson. The chairs familiarize themselves with the arguments for both sides and ensure that the debate is carried out in a structured fashion.

Обсуждение. Академический английский. 4 –й курс. Раздел 18. Презентация.

Цель – развитие коммуникативных умений устной монологической речи.

Задача – научить конструировать презентацию для защиты проекта ВКР.

Студенты обсуждают структуру презентации проекта ВКР, предлагают свои варианты шагов, транзиттеров, форм поведения, жестов, работы со слайдами. Работа в группах. Сначала проводится соревнование (какая группа больше соберет полезных советов по конструированию речи). Время ограничено (10 мин.) Затем советы обсуждаются. На доску записываются советы, наиболее приемлемые для академических целей. Конечный результат может выглядеть как инструкция для докладчика под названием «Конструирование публичного выступления на юридическую тему». Выдается раздаточный материал, содержащий образец конструирования речи.

Установка:

1. Today we are going to participate in a competition and then choose the best version of tips on how to make a successful speech on a legal topic.

2. Work in groups. Write down as many tips as you can. Time limit is 10 min.

3. Discuss the given statements. Choose the best ones.

4. In the sample that follows, see how the speech includes the following **components: Attention-getting opener, Introduction, Preview, Body, Summary, Memorable concluding remarks.**

Also, notice how **transitions** are used to connect the components. Present your own variant.

До занятия студенты получают через систему LMS необходимый дополнительный материал.

Tips on constructing a speech

Sample of Presentation

ATTENTION-GETTING OPENER

Everyone is somehow interested in the sphere of taxes since we are all taxpayers. The current situation in the Russian legislation provides taxpayers with a huge leeway to conduct different types of abusive practice and speculations in order to avoid tax payment. Today, I'll tackle upon the critical tasks of legal regulation in this area.

INTRODUCTION

The study aims to conduct a complex analysis of legislation and judicial practice concerning the legal status of the interdependent persons and reveal crucial problems of the legal regulation in this field. Within this purpose, the following questions should be discussed:

- What are the legal grounds for the recognition of persons as interdependent?
- How does Federal Tax Service (FTS) conduct this procedure?

In our view, the model of the legal regulation, proposed in this work will serve as a basis for further development of the Tax law regarding the transfer pricing in the Russian jurisdiction, thus, this investigation might be a useful provision in law-making process and protection of fiscal state interests.

PREVIEW

So, in discussing my topic, which sounds as "Interdependent persons in tax legal relations: specific features of legal status", I will cover four major points.

1. Practical implication of the newly promulgated amendments to the Tax Code related to the status of interdependent persons.
2. The analysis of current legislation on the issue.
3. Theoretical studies concerning the legal regulation of 'interdependent persons'.
4. 'Interdependent persons'.

TRANSITION. Ok. Let's get started by first looking at the existing rules concerning transfer pricing which implies the setting of price for goods and services sold between interdependent legal entities within an enterprise.

BODY

1. Practical implication of the newly promulgated amendments to the Tax Code.
- A. Amendments to the Tax Code on the matter of transfer pricing. (expand)
- B. Lack of legal settlement of the complex corporative structures in the Russian jurisdiction.
- C. ...

TRANSITION. Now we understand the character of the newly promulgated amendments to the Tax Code. It's time to (Let's...) continue our investigation by examining current legislation and departmental regulations.

2. The analysis of current legislation and departmental regulations.
- A. Federal statutes that stipulate general provisions concerning the rights and obligations of interrelated entities.
- B. Rules, regulations and instructions, adopted by the single governmental authorities (e.g. Instructions of FTS).
- C. ...

TRANSITION. Now we are aware of the existing legislation in the discussed area.

Let's continue our inquiry into the matter by looking at Governmental regulation and controlling measures over the activity of interdependent entities.

3. Theoretical studies concerning the legal regulation of 'interdependent persons'.

- A. Core elements of interdependent persons' taxation.
- B. Key definition of interdependence in tax area.
- C. ...

TRANSITION. Now we are able to realize how many researchers had this problem in focus. Now we are ready to evaluate the reasons for amendments to the current legislation of the RF.

4. Problems in practical implication of section V.1 of the Tax Code regarding the 'inter-dependent persons'

- A. Contradictory decisions of courts.
- B. Lack of legal regulation over the complex corporate structures such as holdings.
- C. ...

TRANSITION. Now that you are familiar with the notion of Interdependent persons in tax legal relations and the features of their legal status, our investigation is complete.

SUMMARY

To summarize we would like to indicate briefly the main aspects of the research. The problem of the study concerns the practical implication of the newly promulgated amendments to the Tax Code related to the status of interdependent persons in our jurisdiction. We explored the main drawbacks in the current legislation and we considered judicial and administrative practice that prevents normal exercise of the state fiscal interests.

MEMORABLE CONCLUDING REMARK

In conclusion, the essence of the study bases mainly on the idea that amendments to the Russian current legislation were premature and unreasoned.

В программе учебной дисциплины факультета права НИУ ВШЭ (Нижний Новгород) обозначено, что преподавание дисциплины «Английский язык» предполагает использование преподавателем всего многообразия форм и методов работы по формированию и развитию иноязычной коммуникативной компетенции студентов, включающих:

(в области развития устной речи) составление и воспроизведение диалогических и монологических высказываний; реферирование статей из аутентичных источников, сжатые изложения услышанного и прочитанного; творческое развитие идей, тем; презентации, интервью, переговоры, дебаты, телефонные разговоры, соревнования, ролевые игры, разбор дел по искам и т.д.; (в области письменной речи) написание деловых писем (совет, приглашение, выдвижение обвинений или опровержение выдвинутых обвинений, подача заявлений на участие в зарубежной стажировке и пр.), служебных записок, отчетов, тестов, эссе, докладов и пр.

Самостоятельная работа студента может носить как индивидуальный, так и групповой характер. Студентам предъявляются стратегии самообучения, необходимые для формирования автономного пользователя ИЯ. Для этого в учебнике имеются специальные разделы, содержащие инструкции по самостоятельной работе над языком, кроме того, многие коммуникативные задания творческого характера направлены на формирование автономной личности.

Студентам объясняется важность и необходимость ежедневных упражнений в языке (в силу специфики предмета), предлагается осуществлять контакты на изучаемом языке через современные средства связи, поиск информации, а также поощряется инициатива самостоятельного поиска необходимого учебного материала с использованием современных технических средств коммуникации (Интернета) [11].

Приведем пример домашнего задания.

Проект. Цель – научить представлять результаты своей профессиональной деятельности устно, в том числе в рамках публичных выступлений и дискуссий; проводить аналитические исследования в области права. Студенты выбирают тему по международному праву и готовят проект сначала в письменной форме, а потом в устной форме защищают его.

Задание:

- выбрать тему
- провести исследование и сделать презентацию
- использовать рекомендованные ресурсы библиотеки НИУ ВШЭ и Интернет
- написать эссе 1 500–1 800 слов
- приготовить устную презентацию и визуальное сопровождение

Project work on International Law. Choose a topic.

1. Amnesty International
2. Violation of Human Rights
3. Rights of Citizens
4. Child care under the British Legislation
5. The Challenge of Globalizing Crime
6. Civil Rights Movement
7. Economic integration (European Law)

Type of task: research and Power Point presentation
Form: individual
Resources: library, newspapers and journals, the Internet
1. Leedy, P.D. Practical Research. Planning and Design / P.D. Leedy, J.E. Ormrod. – Pearson, 2010. – 384 p.
2. Cançado Trindade, A.A. The Access of Individuals to International Justice [Электронный ресурс] /
3. Cançado Trindade; БД Oxford Scholarship Online. - Oxford University Press, 2012. – 511 p.
4. Cretney, S. Family Law in the Twentieth Century: A History [Электронный ресурс] / S. Cretney; БД Oxford Scholarship Online. – Oxford University Press, 2010. – 284 p. –
End product: Power Point presentation + essay

В заключение следует заметить, что реализация компетентностного подхода в процессе обучения предусматривает широкое использование активных и интерактивных форм проведения занятий (симуляций, деловых и ролевых игр, разбора кейсов, психологических и иных тренингов) в сочетании с большим объемом внеаудиторной работы. Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах в учебном процессе, должен составлять не менее 20% аудиторных занятий [12].

Закономерным можно считать тот факт, что на пути преобразований встречаются различного рода вызовы. К числу трудностей применения преподавателями ИЯ интерактивных форм обучения можно отнести незнание содержания метода, отсутствие опыта применения его на практике, непонимание места метода в структуре занятия, недооценка эффективности применения интерактивных форм работы в процессе обучения.

Необходимо осознать, что качественно новая подготовка выпускников вузов, включающая развитие их творческих возможностей, самостоятельного активного мышления, новаторских способностей, является основным показателем качества профессиональной подготовки специалистов [13].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Хуторской А.В. Теоретико-методологические основания инновационных процессов в образовании // Интернет-журнал «Эйдос». – 2005. – 26 марта. <http://www.eidos.ru/journal/2005/0326.htm>
2. Концепция развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов НИУ ВШЭ в системе непрерывного образования. 1 ступень Бакалавриат. Департамент ИЯ НИУ ВШЭ, 2015.
3. Там же.
4. Соловова Е.Н. Методика обучения ИЯ: базовый курс лекций. Пособие для студентов педагогических вузов и учителей. 4-е изд. – М.: Просвещение, 2006.
5. Шукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. – М.: Астрель, 2006. – 750 с.
6. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.
7. Щепилова А.В. Когнитивный принцип в обучении второму иностранному языку: к вопросу о теоретическом обосновании // Иностранные языки в школе. – 2003. – № 2. – С. 4-11.
8. Путистина О.В. Развитие коммуникативно-когнитивной автономии студентов на продвинутом этапе обучения иностранному языку через использование интерактивных форм. Дисс... канд. пед. наук. – Петрозаводск, 2008. – 206 с. <http://www.dissercat.com/content/razvitiye-kommunikativno-kognitivnoiavtonomii-studentov-na-prodvinutom-etape-obucheniya-inos#ixzz3j4r2m9TU>
9. Концепция ... Указ. соч.
10. Программа дисциплины «Английский язык» для направления 40.03.01 – Юриспруденция. ФГАОУ высшего профессионального образования НИУ ВШЭ. Авторы: Э.Н. Меркулова, Т.А. Ненашева, Т.П. Попова. – Нижний Новгород, 2014.
11. Там же.
12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования, раздел «Требования к условиям реализации основных образовательных программ», п. 7.3. – М., 2007.

13. *Попова Т.П.* Использование инновационных технологий в обучении иностранным языкам // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: сб. м-лов международной научной конференции «Скребневские чтения» 16-17 апреля 2014 г. – Н. Новгород: ФГБУ ВПО «НГЛУ», 2014. – С. 151-161.

REFERENCES

1. *Hutorskoy A.V.* Theoretical and methodological grounds of innovative processes in education [Teoretico-metodologicheskiye osnovaniya innovatsionnikh protsessov v obrazovanii] *Internet zhurnal 'Eidos'*. 2005. – March 26. Available at: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0326.htm> (ru)
2. *Concept of development of foreign language communicative competence of HSE students in the system of continuing education. 1 Bachelor's level* [Kontseptsiya razvitiya inozhitchnoy kommunikativnoy kompetentsiyi studentov NIU VSHE v sisteme neprerivnogo obrazovaniya. 1 stupen' Bakalavriat]. *Department of foreign languages HSE*, 2015 (ru)
3. Ibid.
4. *Solovova E.N.* Metodika obucheniya IJA: bazovyi kurs lektsiy. [Methods of teaching foreign languages: basic course of lectures]. Textbook for students of pedagogical universities and teachers, 4th issue. *Moscow, Prosveshenie*, 2006.
5. *Shukin A.N.* Lingvodidakticheskiy slovar' [Lingvodidactic encyclopedic dictionary] *Moscow, Astrel'*, 2006.
6. *Azimov E.G., Shukin A.N.* Noviy slovar' metodicheskikh terminov i poniaty (teoriya i praktika obucheniya jazikam) [New dictionary of methodic terms and notions (theory and practice of teaching languages)]. *Moscow, Ikar*, 2009
7. *Shepilova A.V.* Cognitive principle in teaching second foreign language: to the question of theoretical grounding [Kognitivniy printsyp v obuchenii vtoromu inostrannomu jaziku: k voprosu o teoreticheskom obosnovanii] *Inostrannyye jaziki v shkole*, 2003 № 2 (ru)
8. *Putistina O.V.* Development of cognitive communicative autonomy of students on advanced stage of learning foreign language with the help of interactive forms: dis. On soisk. scholar step. cand ped. sciences. *Petrozavodsk*, 2008 (ru), Available at: <http://www.dissercat.com/content/razvitiye-kommunikativno-kognitivnoi-avtonomii-studentov-na-prodvinutom-etape-obucheniya-inos#ixzz3j4r2m9TU>
9. Concept...ibid.
10. *Program of discipline 'English language' for direction 'Jurisprudence'*. HSE, Authors : Merkulova E.N., Nenasheva T.A., Popova T.P. *Nizhny Novgorod*, 2014 (ru)
11. Ibid.
12. *Federal State Education Standard of Higher Professional Education*. P. 7. 3. *Moscow*, 2007 (ru)
13. *Popova T.P.* The use of innovative technologies in teaching foreign languages [Ispol'zovaniye innovatsionnikh tekhnologiy v obuchenii inostrannim jazikam] *Teoriya i praktika lingvisticheskogo opisaniya razgovornoy rechi*. *NGLU, Nizhny Novgorod*, 2014 (ru)

Информация об авторе

Попова Татьяна Петровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, НИУ ВШЭ «Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Россия
tatpop@list.ru

Получена: 24.08.2015

Information about the author

Popova Tatiana Petrovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages Chair, National Research University Higher School of Economics,
Nizhny Novgorod city, Russia
tatpop@list.ru

Received: 24.08.2015

УДК 378.172

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-402-404

ПОПОВИЧ Алексей Петрович,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания и спорта

POPOVICH Aleksey Petrovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Chair of Physical Education and Sport

МЕХОВИЧ Галина Ивановна,
профессор кафедры игровых видов спорта

MEHOVICH Galina Ivanovna,
Professor, Chair of Sports games

ВЕЛИКОЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СПОРТЕ - ГАРАНТ УСПЕШНОГО БУДУЩЕГО

GREAT THEORETICAL LEGACY IN THE SPORT - THE GUARANTEE OF A SUCCESSFUL FUTURE

В статье рассматриваются вопросы концепции тренировочного процесса, периодизации спортивной тренировки, ее рациональное построение, последовательность в рамках годичной подготовки. Показана необходимость использования теоретического наследия российских ученых для открытия новых, современных путей развития спортивной науки.

Периодизация спортивной тренировки рассматривается как ключевая тема в диспутах и научных спорах специалистов. Затрагиваются вопросы противостояния взглядов советских и зарубежных теоретиков спорта. Приведен анализ трудов великих российских, советских теоретиков в самом разнообразном формате. Рассматривается необходимость взаимосвязи современных технологий с усвоением фундаментальных теорий, законов, основоположниками которых были великие российские, советские ученые-практики.

Сделаны выводы о неизбежности использования в спорте совокупности таких знаний, симбиоза прошлого и современности.

The article discusses the concept of training-process of sports training periodization, rational in structure, sequence as part of a yearlong training. Shows the necessity of the use of the theoretical heritage of Russian scientists for the discovery of new, modern ways of development of sports science.

The periodization of athletic training is seen as a key theme in debates and scientific disputes specialists. Raise issues Proto vostoyaniya views of Soviet and foreign theorists sport. The analysis of the works of the great Russian and Soviet theorists in the diverse st different format. The necessity of modern – relationship technologies with the assimilation of the fundamental theories, laws, hostages who were great Russian and Soviet scientists-practice.

The conclusions about the inevitability of using the sport together ta- cal knowledge, the symbiosis of past and present.

Ключевые слова: теория спорта, концепция тренировочного процесса, периодизация спортивной тренировки.

Key words: sports theory, the concept of the training process, periodization of sports training.

Введение

Современный спорт третьего тысячелетия богат на разного рода сенсации, новые виды введены в программу Олимпиад, а некоторые с трудом отстояли свое олимпийское представительство. Давно уже не популярен лозунг «главное – участие...». Баснословные гонорары, получаемые спортсменами, и вращающиеся в индустрии спорта финансы являются важнейшими сторонами внутренней государственной политики практически всех развитых стран мира. К великому сожалению, многие виды спорта, где доминирующие позиции были за российскими спортсменами, утрачены и, наоборот, казалось бы, нетрадиционные, непопулярные для нас виды вызывают повышенный интерес у тысяч и миллионов российских мальчишек. Действительно, «все течет – все меняется...», такова философия жизни. Неизменным является только одно: тот вклад, который внесли в создание и развитие теории спорта великие российские ученые на разных этапах ее становления. Можно привести далеко не полный их перечень, не умаляя достоинств иных. Это П.Ф. Лесгафт, Л.П. Матвеев, Ю.В. Верхошанский, Н.Г. Озолин, В.И. Алексеев и многие, многие другие.

К написанию этой статьи нас подтолкнуло обилие в СМИ, интернет-изданиях лекционных курсов из области теории спорта, физического воспитания, физической культуры, в которых лекторы недвусмысленно подвергают сомнению исследования и устоявшиеся прописные истины вышеназванных светил. Нет никакого сомнения, что работы Матвеева, Озолина, Верхошанского и др. не нуждаются в защите, но лекции, читаемые известными господами перед молодыми людьми, не имеющими базовой, фундаментальной подготовки, могут восприниматься как неоспоримая аксиома, незыблемый фундамент научных знаний [2]. Сотни и тысячи специалистов в области физической культуры и спорта будут впитывать односторонние знания, тем самым лишая молодежь глубоко научных, подтвержденных на многолетней практике достижений теоретиков спорта прошлого столетия.

В этой связи, хотелось бы еще раз коснуться великого наследия российских и советских ученых, благодаря которым были покорены многие Олимпийские вершины, мировые и континентальные первенства, подчеркнуть, что современный специалист, прекрасно владеющий

теорией спорта, модернизировав их к современным требованиям, обязательно добьется успеха.

Основная часть

Конечно, основной темой, вызывающей споры, диспуты у специалистов, была проблематика периодизации спортивной тренировки, ее рациональное построение, последовательность в рамках годичной подготовки [1]. Особенно в циклических и скоростно-силовых видах спорта, которые были в центре спорта высших достижений.

И появление такого труда, как «Проблема периодизации спортивной тренировки», вышедшая в 1964 г. под авторством российского специалиста Л.П. Матвеева, была крайне востребована спортсменами и тренерами во многих странах. Подчеркиваем, что выходу этого издания предшествовали три Олимпиады – в Мельбурне, Токио и Риме, на которых советские спортсмены выступили успешно, и нельзя отрицать большого вклада автора издания при планировании подготовки спортсменов к участию в главном спортивном форуме [1]. Исследования коллег и самого автора углубляли знания на основе медико-биологического цикла дисциплин, давали прекрасный результат. Безусловно, теория периодизации, предложенная Л.П. Матвеевым, имела также недостатки, вне ее поля зрения оказались теория периодизации тренировочного процесса в спортивных играх, длящийся соревновательный период в которых превышал шесть месяцев и более в календарном году. Также не была отражена сложность совокупности знаний, относящихся к многолетней подготовке в спорте. В дальнейшем вышеуказанные проблемы получили более полное толкование. Можно согласиться с оппонентами, что проблемой периодизации занимались еще в Древней Греции при подготовке к Олимпиадам, которые проходили в четырехлетнем цикле. Но к участию в Пифийских, Истимийских, Дельфийских Играм, которые проходили через год или два, спортсмены готовились по иной периодизации. И мы не можем упустить из виду тот факт, что за тридцать дней до начала Олимпиады все участники должны проходить централизованный этап подготовки. Разделение процесса подготовки в течение года на самостоятельные периоды было крайне необходимо для успешной подготовки спортсмена к соревнованиям [3]. Необходимо отметить большой вклад в разработку данной проблемы В.И. Шувалова, А.Н. Крестовникова, Н.Г. Озолина.

Понимание планомерной подготовки в течение года находило отражение в работах зарубежных специалистов. Среди них хочется выделить Фреда Уилта, Артура Лидьярда. Многие специалисты использовали также разработки Л.П. Матвеева. Целесообразным и уместным было бы напомнить, что после участия советских спортсменов на Олимпиаде в Хельсинки в 1952 г. именно по инициативе Л.П. Матвеева активизированы разработки в области теории спорта, что дало необходимый результат уже на последующих олимпийских играх. Целенаправленно не вдаемся углубленно в наследие ученого. Уверены, что специалистам они хорошо знакомы [2].

В спортивной науке XX в., пожалуй, не было столь принципиального противостояния антитипов, как между Л.П. Матвеевым и Ю.В. Верхошанским. Особую активность критики взглядов Л.П. Матвеева проявляли еще А.Н. Воробьев и А.П. Бондарчук. Отметим, что на совместную научно-практическую конференцию, где участвовали эти «гиганты», съезжались со всех пятнадцати республик, потому что обсуждаемые вопросы, их аргументы и доводы многих и многих присутствующих наводили на открытия и новизну в своей тренерской работе, говоря более детально о концепции тренировочного процесса, взгляды, отстаиваемые Ю.В. Верхошанским, как и его оппонентами, которые воплощали и реализовывали свои творческие идеи на практике. То есть, тренировочные программы многих спортсменов основаны на теоретическом базисе этих ученых, и находили прямое отражение в медальном блеске самой высокой пробы [1].

Наряду с критикой, высказываемой Ю.В. Верхошанским в адрес Л.П. Матвеева, стоит обратить внимание на разработки, предлагаемые критиком: построение годового тренировочного процесса (макроцикла) на основе блоков одной направленности с целью создания адаптационных основ для отставленного скачкообразного эффекта. Да, этой проблематикой занимались и зарубежные специалисты Д. Каунсилмен, Д. Харре, но именно в тех видах спорта, которые предъявляют высокие требования к скоростной выносливости. А именно новизна, предлагаемая в скоростно-силовой подготовке Верхошанским, выглядела интересно и, как показало будущее, явилась продуктивной. Анализируя работу сторонников этой идеи, мы находим много существенных изъянов. Одним из них являются ссылки по анатомо-физиологическим параметрам на работы Г. Селье, который в своей профессиональной деятельности не был связан со спортом и его выводы требовали дополнительного изучения [1].

В этой статье авторы публикации хотели остановиться на более детальном и тщательном анализе трудов великих российских, советских теоретиков в самом разнообразном формате. Аргументы о том, что это «устаревшие» данные, «прошлое», «вчерашний день», считаю несущ-

ществленными. Ведь именно в рамках конференций, посвященных наследию трудов Матвеева, Верхошанского, Озолина, появятся новые идеи, новые имена в спортивной науке, молодые ученые в этой сфере обменяются информацией, и ни в коем случае нельзя допускать огульного отрицания и некорректных высказываний в адрес теоретиков прошлого тысячелетия. На примерах анализа их теорий, поиска ошибок возможно открытие новых, современных путей развития спортивной науки [4]. Специфика спорта такова, что, победив сегодня, добившись успеха, невозможно почивать на лаврах, высока угроза быть свергнутым с пьедестала. Необходимо готовиться, применяя, апробируя инновации. Совершенствование без этого невозможно. Иного пути нет.

Заключение

Современный спорт в высшей степени интегрирован, его невозможно скрыть, завуалировать. Соревнования являются главным смотром колоссального труда всего коллектива, спортивного клуба, команды, включая и научно обоснованную программу подготовки, тренировки, главных участников спортивного действия. Но, чтобы шагнуть в ногу со временем, необходимы не только знание современных технологий, но и усвоение фундаментальных теорий, законов, основоположниками которых были великие российские, советские ученые–практики Л.П. Матвеев, Н.Г. Озолин, Ю.В. Верхошанский, А.Н. Воробьев, В.И. Алексеев, А.П. Бондарчук и многие другие. Именно такой симбиоз прошлого и современности, совокупность таких знаний, а не отрицание всех и вся будет способствовать триумфу российского спорта на соревнованиях самого высокого уровня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Платонов В.Н.* Периодизация спортивной тренировки. Общая теория и практическое применение / В. Н. Платонов. – К.: Олимпийская литература, 2013. – 624 с.
2. Современные проблемы теории и практики физической культуры: Научно-практическая конференция, посв. 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ Н.И. Пономарева : Сб. науч. тр. – СПб. : Изд-во Политех. ун-та, 2012. – 317 с.
3. *Голощапов Б.Р.* История физической культуры и спорта. – М.: Академия, 2013. С. 37-45.
4. *Евсеев Ю.И.* Физическая культура / Ю.И. Евсеев. Изд. 5-е. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. – 378 р.

REFERENCES

1. *Platonov V.N.* The periodization of athletic training. The general theory and practical application" [Periodizacija sportivnoi trenirovki. Obshaja teorija i prakticheskoe primenenie], Kiev: *Olimpijskaja literatura*, 2013, 624 p.
2. Modern problems of the theory and practice of physical culture: Scientific-practical konferentsiya dedicated to the 90th anniversary of Over-the ministry of science of the Russian Federation N.I. Ponomarev [Sovremennye problemy teorii i praktiki fizicheskoi kul'tury: Nauchno-prakticheskaja konferencija, posvjashennaja 90-letiju so dnja rozhdenija Zasluzhennogo dejatelja nauki RF N.I. Ponomareva], *Sankt-Petersburg: Izd-vo Politeh. university*, 2012, 317 p.
3. *Goloshapov B.R.* History of Physical Culture and Sports [Istorija fizicheskoi kul'tury i sporta], *Moscow: Akademija*, 2013, p. 37-45.
4. *Evseev Yu.I.*, Physical Education [Fizicheskaja kul'tura] / Yu.I. Evseev., Izd. 5, *Rostov on Don: Feniks*, 2008, 378 p.

Информация об авторе

Попович Алексей Петрович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания и спорта Уральского государственного лесотехнического университета, Екатеринбург, Россия

Мехович Галина Ивановна, профессор кафедры игровых видов спорта Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия

Получена: 31.07.2015

Information about the author

Popovich Aleksej Petrovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Chair of Physical Education and Sport, Ural State Forestry University, Yekaterinburg city, Russia

Mehovich Galina Ivanovna, Professor, Chair of Sports games, Ural Federal University, Yekaterinburg city, Russia

Received: 31.07.2015

УДК 37.01

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-405-408

РОЗОВА Ирина Николаевна,
аспирант кафедры психологии и педагогики

ROZOVA Irina Nikolaevna,
Postgraduate student, Chair of Psychology
and Pedagogy

**ОСОБЕННОСТИ ОТБОРА СОДЕРЖАНИЯ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ 5-7
ЛЕТ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО
ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ (На примере программы «Эмо-
циональные шедевры»)**

**SPECIFICS OF SELECTION OF THE
CONTENT OF 5-7 YEAR OLD CHILDREN'S
EMOIONAL DEVELOPMENT IN THE
CONDITIONS OF CONTEMPORARY
PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTION
(by the example of the program «Emotional
Masterpieces»)**

В статье рассматривается проблема эмоционального развития дошкольников в содержании дошкольного образования. На основе анализа современных подходов к определению содержания дошкольного образования выделяются приоритетные направления в нем: ориентация на развитие личности; самореализация и саморазвитие ребенка в деятельности; формирование индивидуального мировосприятия; воспитание эмоционально-ценностного отношения к окружающему; становление субъектной позиции у детей и другое. Представлены четыре положения, сформулированные Н.С. Ежковой в своей монографии, на которые автор опирается при проектировании и конструировании содержания программы эмоционального развития детей 5–7 лет в дошкольном образовательном учреждении «Эмоциональные шедевры». Описаны три «ступени мастерства» освоения детьми художественной импровизации как средства, характеризующего и фиксирующего эмоциональное развитие старших дошкольников: 1) когнитивно-подражательная ступень (импровизация-подражание художественно-эстетическому эталону); 2) инициативно-подражательная ступень (импровизация с элементами творческой инициативы); 3) продуктивно-личностная ступень (импровизация – личностная история).

The paper considers the problem of emotional development of preschool children in the content of preschool education. Based on the analysis of modern approaches to definition of the content of preschool education, the author highlights the priorities. They are focused on personal development, self-realization and self-development of the child in the activities, formation of individual perception of the world, education of emotional and value-based attitude towards the environment, formation of the child's individual position. Designing and constructing the content of the «Emotional masterpieces» program that describes the emotional development of 5-7 year old children in preschool educational institution, the author used 4 statements presented by N.S. Ezhkova in her monograph. The author describes 3 stages of children's mastering the artistic improvisation as the means characterizing and fixing the emotional development of senior preschool children: 1) cognitive and imitative stage (improvisation and imitation of the artistic and aesthetic etalon); 2) initiative and imitative stage (improvisation with elements of creative initiative); 3) efficiently personal stage (improvisation as a personal story).

Ключевые слова: эмоциональное развитие, содержание дошкольного образования, конструирование содержания эмоционального развития детей 5–7 лет, формы эмоционального реагирования, художественная импровизация, три «ступени мастерства» в программе «Эмоциональные шедевры».

Key words: emotional development, content of preschool education, designing of the content of 5-7 year old children's emotional development, forms of emotional reaction, artistic improvisation, three stages of skills in the program «Emotional masterpieces».

Проблема эмоционального развития детей, как важная сторона личностного развития, в последние годы приобретает все большую актуальность в связи с введением новых стандартов обучения, с одной стороны, и, с другой – в связи с трудностями эмоционального развития в детском возрасте, на которые указывают современные ученые и практики В.В. Лебединский, В.В. Давыдов, Н.С. Ежкова, А.В. Запорожец, Е.И. Изотова, И.О. Карелина, А.Д. Кошелева, С.И. Маслов, Л.П. Стрелкова и другие.

В сфере педагогического знания проблема эмоционального развития личности ребенка занимает значительное место и является одной из самых дискуссионных. Это связано с неоднозначностью понимания сущности и содержания процесса эмоционального развития, его механизмов, а также условий, влияющих на него.

Для нас важно, что под развитием принято понимать процесс последовательного движения, изменения в организме, психике, интеллектуальной и духовной сфере человека. К наиболее характерным чертам данного процесса относятся: возникновение качественно нового объекта (или его состояния), направленность, необратимость, закономерность, единство количественных и качественных изменений, взаимосвязь прогресса и регресса, противоречивость, спиралевидность формы (цикличность), развертывание во времени. Поскольку основным источником развития выступают внутренние противоречия, то данный процесс, по существу, является саморазвитием (самодвижением). Современная наука (в частности, синергетика) подтверждает глубинную необратимость развития, его многовариантность и альтернативность, а также то, что «носителем» развития оказываются сложные, открытые, самоорганизующиеся системы [1, 2, 3, 4].

В связи с этим педагоги должны предвидеть будущее, завтрашний день развития ребенка и знать, что с чем он еще сегодня справляется только при помощи взрослых, то завтра уже он должен делать сам. Это справедливо и для эмоционального развития личности.

В «Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования» (2014 года; п. 1.6) сосредоточено внимание на охране и укреплении эмоционального благополучия детей, развитии у них эстетических чувств, эмоционально-нравственной отзывчивости, доброжелательности, понимания и сопереживания чувствам других людей. Решение указанных задач должно способствовать повышению уровня эмоционального развития детей. Это позволяет говорить о том, что эмоциональному развитию должно отводиться важное место в содержании дошкольного образования.

Анализ современных подходов к определению содержания дошкольного образования, представленных в трудах Н.С. Ежковой, Л.М. Клариной, В.В. Краевского, М.В. Крулехт, В.Т. Кудрявцева, В.А. Петровского, Н.Н. Поддъякова, М.Н. Скаткина, позволяет выделить приоритетные направления в нем: ориентация на развитие личности; самореализация и саморазвитие ребенка в деятельности; формирование индивидуального мировосприятия; воспитание эмоционально-ценностного отношения к окружающему; становление субъектной позиции у детей и другое.

Проектирование содержания должно носить открытый характер, что создает простор для творческого использования педагогических технологий, выбора вида совместной деятельности детей, педагогов и родителей (Т.И. Алиева, Т.В. Антонова, Л.А. Парамонова).

Н.С. Ежкова в своей монографии выделяет положения, которые необходимо учитывать при проектировании и конструировании содержания эмоционального развития дошкольников:

1 – учет закономерности изменений эмоциональной сферы в дошкольном возрасте, позволяющий выделить четыре основных направления: развитие опыта эмоционального реагирования, развитие эмоциональной экспрессии, обогащение представлений об эмоциях, обогащение словаря эмоциональной лексики; 2 – ориентация на изменение форм эмоционального реагирования, что предполагает последовательное усложнение образовательного материала: от кратких эмоциональных реакций до эмоционального обособления или самобытных оригинальных форм эмоциональных проявлений. «Отсюда, в младшем дошкольном возрасте основное место должен занимать образовательный материал, направленный на развитие кратких эмоциональных реакций и начальных форм эмоциональной дифференции; в среднем дошкольном возрасте – на развитие эмоциональной дифференциации и эмоциональной идентификации; в старшем дошкольном возрасте – на становление и поддержку эмоционального обособления или самобытных индивидуально-неповторимых форм эмоциональных проявлений» [5, с. 83]; 3 – ориентация на системность организации психики ребенка: учет единства «аффекта и интеллекта» (Л.С. Выготский); взаимовлияние эмоциональной и сенсорной сфер (А.В. Запорожец); взаимосвязи мотивов и эмоциональных процессов (Я.З. Неверович). При проектировании образовательного материала необходимо учитывать его «воздействие на другие психические процессы: ощущение, мышление, воображение, т.д. и регуляция их тонуса» [5, с. 84];

4 – содержание педагогической работы строится с учетом естественного, нормального онтогенеза ребенка. «Так, при отборе содержания на каждом этапе личностного становления дошкольников (младший, средний, старший дошкольный возраст) должны учитываться особенности отношений между педагогом и ребенком (детьми), степень освоенности всех видов деятельности, возможности вербального обозначения эмоций, основные психологические достижения детей и т.п.» [5, с. 84].

Опираясь на положения, разработанные Н.С. Ежковой, и на принципы, представленные в программах эмоционально-эстетического развития В.Г. Ражникова («Школа настроений», «Маленький Эмо»), мы разработали программу эмоционального развития детей 5–7 лет в дошкольном образовательном учреждении «Эмоциональные шедевры», учитывая приоритетные направления в содержании дошкольного образования.

При создании любой программы необходимо раскрыть концептуальные основы, являющиеся своеобразным «фундаментом» и логикой образовательного содержания. Основными принципами программы «Эмоциональные шедевры» выступили: а) принцип гуманизации, ориентирующий родителей и педагогов на главную общечеловеческую ценность – личность каждого ребенка и взрослого, их свободу и достоинство, индивидуальную логику развития личности в художественно-эстетической деятельности, необходимой в процессе эмоционального развития детей 5–7 лет посредством художественной импровизации; б) принцип полноты, предусматривающий вхождение детей 5–7 лет во все доступные виды искусства (литература, художественно-изобразительное искусство, музыка, театр, искусство хореографии), объединенные на основе одного эмоционального источника – художественного настроения в процессе эмоционального развития ребенка; в) принцип культуросообразности, заключающийся в последовательном освоении красоты разнообразных направлений музыкального искусства (народного, классиче-

ского и современного); г) принцип учета возрастных и индивидуальных особенностей детей, объясняющий использование тех или иных методов, приемов и средств в единстве с возрастными новообразованиями ребенка в процессе эмоционального развития в дошкольном образовательном учреждении посредством художественной импровизации; д) принцип сотрудничества, означающий субъект-субъектные отношения всех участников процесса (музыкального педагога и воспитателя, семьи ребенка, специалистов и самого ребенка).

Последовательность выстраивания образовательного материала, направленного на эмоциональное развитие дошкольников, обусловлена тем, что понимание произведений (музыки, живописи, поэзии) может происходить спонтанно, в ходе игры, где явление с настроением-образом не всегда соотносится при помощи слова, а с полученным знанием ребенок может играть, преобразая его.

Содержание программы эмоционального развития детей 5–7 лет в дошкольном образовательном учреждении «Эмоциональные шедевры», занятия и другие формы работы с дошкольниками и взрослыми (педагогами, родителями) построены на основе учета психологических закономерностей проявления эстетических эмоций. В данную программу включены: а) адаптированные для детей 5–7 лет упражнения и некоторые формы работы из концепции музыкально-рациональной психотерапии В.И. Петрушина [6, с. 63-122]; б) практические способы и средства, обучающие и развивающие художественное сознание и эмоциональный мир детей, разработанные В.Г. Ражниковым [7, с. 70-71, 101-107]. Также мы опирались в работе на метод создания композиций (Л.В. Горюнова, Д.Б. Кабалевский), который предусматривает объединение разных форм общения ребенка с музыкой при исполнении одного произведения [8, с. 43].

Художественный репертуар (музыка, живопись, поэзия), позволяющий успешно осуществлять эмоциональное развитие детей 5–7 лет, проходил отбор по следующим критериям: а) художественность и выразительность; б) яркость образа, захватывающего ребенка, вызывающего у него интерес и побуждающего к раскрытию индивидуальности; в) соответствие эмоционального содержания произведения жизненному опыту ребенка; г) жанровое разнообразие музыки (народной, классической, духовной, современной), живописи (жанровой, портретной, пейзажной, натюрморта и др.), поэзии (русской, зарубежной, народной, детского фольклора), способствующее эмоциональному развитию, а также личностной чувственной и духовной ориентации в искусстве.

Кроме того, при конструировании программного материала учитывались возрастные особенности дошкольников. Так, по мнению М. Монтессори, ребенок в данный возрастной период является «исследователем окружающего мира», находится в поиске образа мира, себя самого как человека, своего места и своей индивидуальной роли в природе и культуре [9]. Индивидуализация обучения выстраивалась на основе того, что ребенок взаимодействует с окружающей его предметной и социальной средой в соответствии с глубоко индивидуальным и присущим только ему «строительным планом» (М. Монтессори, В.Г. Ражников).

С учетом совпадающих точек зрения у ряда ученых (Н.Н. Гилярова, Н.С. Лейтес, О.П. Радынова, В.Г. Ражников, К.В. Тарасова, В.О. Усачева, Б.Л. Яворский) о готовности ребенка 5–7 лет к импровизированию, как спонтанной детской игре, мы в содержании программы последовательно раскрыли ее возможности в процессе эмоционального развития детей. Понятие «художественная импровизация» применяется в содержании программы в общеэстетическом плане, а не в конкретном искусствоведческом.

Разные виды художественной импровизации (цветовой, моторно-двигательной, пластической, темброво-инструментальной, звукоречевой, вокальной, синтеза импровизаций) способствуют активизации процесса эмоционального развития и визуализации эмоционального познания детей 5–7 лет. С учетом генезиса творческого процесса нами разработаны три «ступени мастерства» освоения детьми художественной импровизации как средства, характеризующего и фиксирующего эмоциональное развитие старших дошкольников: 1) когнитивно-подражательная ступень – импровизация выступает как подражание художественно-эстетическому эталону. На этом уровне у детей формируется понимание содержания обыденных и эстетических эмоций, художественных настроений, эмоциональной выразительности и смысла произведений искусства в процессе соисполнения. «Импровизация-подражание художественно-эстетическому эталону» позволяет ребенку прочувствовать и открыть для себя эмоциональное содержание через действие-игру, при этом эмоциональное реагирование его проявляется в форме эмоциональной идентификации. На данной ступени у детей развивается первоначальное понимание «словаря эмоций»; 2) инициативно-подражательная ступень – импровизация включает элементы творческой инициативы как адекватное сопереживание художественному настроению и образу. «Импровизация с элементами творческой инициативы» подразумевает более уверенное, свободное комбинирование действий и общения на элементарном, художественном языке видов искусства, ярко выраженное личностное отношение, эмпатию к художественному образу. В эмоциональном реагировании детей появляется форма

эмоционального обособления. На этой ступени активно расширяется «словарь эмоций» и увеличивается тезаурус детей; 3) продуктивно-личностная ступень – импровизация способствует самовыражению детей в виде собственных эстетических продуктов, построенных на детских настроениях-образах. В «импровизации – личностной истории» ребенок начинает осознавать, понимать и чувствовать себя состоявшимся партнером эмоционального общения. Предметом общения и обсуждения в диалоге становится его личностная эмоциональная история, созданный им художественный образ-настроение. Эмоциональное обособление, в данном виде импровизации, является основной формой эмоционального реагирования детей. На этой ступени старшие дошкольники свободно используют «словарь эмоций» в различных ситуациях.

Итак, особенностями отбора содержания эмоционального развития детей 5–7 лет в условиях современного дошкольного образовательного учреждения (на примере программы «Эмоциональные шедевры») являются: во-первых, учет приоритетных направлений и особенностей эмоционального развития старших дошкольников, во-вторых, отбор принципов, отражающих концептуальные основы и логику содержания образования, в-третьих, использование готовности ребенка 5–7 лет к импровизированию, как спонтанной детской игре, опираясь на разработанные нами три «ступени мастерства» освоения детьми художественной импровизации как средства, характеризующего и фиксирующего эмоциональное развитие старших дошкольников. Учет данных особенностей будет способствовать решению всех основных задач, представленных в Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Выготский, Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте: психологический очерк / Л.С. Выготский. – СПб.: Союз, 1996. – 96 с.
2. *Большая советская энциклопедия.* – 3-е изд. – Т.10. – М., 1972. – 591 с.
3. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 568 с.
4. *Цукерман Г.А.* Психология саморазвития / Г.А. Цукерман, Б.М. Мастеров. – М., 1995. – 208 с.
5. *Ежкова Н.С.* Дошкольное образование и мир детских эмоций: теоретико-методические основы взаимовлияния / Н.С. Ежкова. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2014. – 159 с.
6. *Петрушин В.И.* Музыкальная психотерапия / В.И. Петрушин. – М.: Владос, 2000. – 175 с.
7. *Ражников В.Г.* Практика эстетической антропологии. Новая профессия: детский рат-психолог / В.Г. Ражникова. – М., 2006. – 185 с.
8. *Праслова Г.А.* Теория и методика музыкального образования детей дошкольного возраста / Г.А. Праслова. – СПб.: Детство-Пресс, 2005. – 250 с.
9. *Монтессори М.* Помоги мне сделать это самому / М. Монтессори; сост. М.В. Богуславский, Г.Б. Корнетов. – М.: Карапуз, 2000. – 358 с.

REFERENCES

1. *Vygotskiy L.S.* Imagination and creativity during childhood: psychological sketch [Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste: psichologicheskii ocherk]. *Sankt-Peterburg: Sojuz*, 1996, 96 p. (inRuss.).
2. *Great Soviet Encyclopedia* V.10 [Bolshaya sovetskaya enciklopedia T. 10]. *Moscow*, 1972, 591 p. (inRuss.).
3. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Y.* Dictionary of the Russian language [Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Tolkoviy slovar russkogo yasika]. *Moskva: Azbukovnik*, 1999, 568 p. (inRuss.).
4. *Tsukerman G.A., Masterov B.M.* Psychology of self-development [Tsukerman G.A., Masterov B.M. Psichologiya samorazvitiya]. *Moscow*, 1995, 208 p. (inRuss.).
5. *Ezhkova N.S.* Preschool education and the world of children's emotions: theoretical and methodological foundations of mutual influence [Ezhkova N.S. Doshkolnoe obrazovanie i mir detskih emotziy: teoretiko-metodicheskie osnovy vzaimovliyaniya]. *Tula: Publishing house of TSPU named after L.N. Tolstoy*, 2014, 159 p. (inRuss.).
6. *Petrushin V.I.* Musical therapy [Petrushin V.I. Muzikalnaya psichoterapiya]. *Moskva: Vlados*, 2000, 175 p. (inRuss.).
7. *Razhnikov V.G.* Practice of esthetic anthropology. New profession: Children's rat-psychologist [Razhnikov V.G. Praktika esteticheskoy antropologii. Novaya professiya: detskiy art-psycholog]. *Moscow*, 185 p. (inRuss.).
8. *Praslova G.A.* Theory and methodology of music education of preschool children [Praslova G.A. Teoriya i metodika muzikalnogo obrazovaniya detey doshkolnogo vozrasta]. *Sankt-Peterburg: Detstvo-Press*, 2005, 250 p. (inRuss.).
9. *Montessori M.* Help my do it myself [Montessori M. Pomogi mne sdelat eto samomu]. *Moscow: Publishing house "Karapuz"*, 2000, 358 p. (inRuss.).

Информация об авторе

Розова Ирина Николаевна, аспирант кафедры психологии и педагогики, «Череповецкий государственный университет», Череповец, Россия
rozovain@gmail.com

Information about the author

Rozova Irina Nikolaevna, Postgraduate student, Chair of Psychology and Pedagogy, Cherepovets State University, Russia.
Cherepovets city, Russia
rozovain@gmail.com

Получена: 20.07.2015

Received: 20.07.2015

УДК 81

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-409-411

СОПКИН Петр Терентьевич,
кандидат филологических наук, профессор

SOPKIN Pyotr Terentievich,
Candidate of Philology, Professor

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ БАЛАНСА ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE BALANCE OF INFORMATIONAL SOURCES

Освещается многомерная соотнесенность трех типов СМИ, выделяемых по каналу информации: печати, радио, ТВ. Выявляются принципы их взаимодополнения как источников информации в современных информационных условиях.

Систематизируются традиционные и новые возможности каждого из типов СМИ в аспекте баланса источников информации. Объясняются опасности абсолютизации ТВ и риски непрофессионального использования каналов информации. Их системное развитие мотивируется функциональной динамикой медиа в русле концепции Я. Засурского. Соотносятся теоретические и практические импликации баланса источников.

Специально обосновывается содержательная емкость современной газеты. Отмечается специфика информационных возможностей радио и ТВ в различные периоды их развития. Выявляется взаимосвязь позитивной динамики медиа и социального прогресса России в ХХI в.

The multiple correlation of three mass media types by informational channel is described. The principles of conjoint between informational sources in the modern situation are characterized.

Traditional and new potential of media types are systematized in aspect of informational balance. The threaten of TV- absolute and non-professional using of informational channels are explained. It's system evolution is motivated by functional dynamics according with conception of Ya. Zasurskiy. The theoretical and practical implications of balance of informational sources are correlated.

The content capacity is determined especially. The peculiarities of radio and TV in different periods are mentioned. Positive media dynamics is conceptually connected with social progress of Russia in XX1 century.

Ключевые слова: информационные источники, баланс, средства массовой информации, пресса, радио, телевидение, емкость содержания, динамика, современная газета, социальный прогресс

Key words: informational sources, balance, mass-media, press, radio, TV, content capacity, dynamics, modern newspaper, social progress.

В современном мире средства массовой информации (далее – СМИ) ежедневно обрушивают на человека лавину всевозможных сведений. В то же время его возможности к усвоению информации ограничены. И этот разрыв – между предложением и потреблением – все более увеличивается.

В данной статье делается попытка, выразимся так, сбалансировать обращение высокообразованного человека к трем типам СМИ – печатным, аудио и видео. Исходим из того, что по определению он не может принизить какой-то из них или вовсе его игнорировать.

По нашему глубокому убеждению, дискуссия на тему «Какой из трех типов СМИ – печать, радио, телевидение – важнее?», ведущаяся в обществе – то вяло, то активно – последние два-три десятилетия, бессмысленна. В то же время она оказала свое пагубное влияние на людское сознание. Ведь многие поверили в пресловутое «Телевидение затмит вся и всех». Как согласились с не менее пресловутым «Газета непременно умрет».

Ущербные точки зрения родились в недрах телевидения. Это случилось еще тогда, когда оно, перейдя на цвет, картинно вошло в нашу жизнь. Нарекли его «пупом бытия» как бы походя. Вспомните, в широко известном художественном фильме Владимира Меньшова «Москва слезам не верит» один из героев, кинооператор, тупо твердит, что только за телевидением будущее. Образно говоря, джинн был выпущен из бутылки.

По прошествии времени стало ли телевидение уделом если не всех, то большинства людей? Как бы не так. Повышенный интерес к нему, некогда вызванный переходом на цветное изображение, как свидетельствуют последние статистические данные, ослабевает. Вот как на это указывает профессор В.В. Тулупов, один из признанных исследователей современных СМИ: «Еще недавно телевизионщики свысока посматривали на газетчиков, а сегодня реальный факт, что практически вся их аудитория до 40 лет ушла в Интернет» [1].

По большому счету, сегодня каждый высокообразованный человек (именно его запросы должны быть в приоритете СМИ) «балансирует» между источниками информации – в зависимости от жизненных обстоятельств, в которых находится. Мы хотим верить в то, что он одинаково ценит и уважает каждый тип СМИ. Уважает, понимая и признавая их специфику – природное предназначение, возможности каждого. Обходиться без какого-то – быть в чем-то ущербным...

Выскажемся теперь об особенностях каждого из трех типов СМИ. Полагаем, что именно их специфика органична с так называемым социальным заказом высокообразованного человека на информацию. Если надолго окажется в ситуации, когда даже один тип СМИ недоступен, значит, его жизнь в этот период времени будет не вполне состоявшейся, чем-то обделенной.

Содержание написанного – печатные СМИ (газеты, журналы, бюллетени, альманахи...) – всегда более продумано (в сравнении со сказанным в микрофон, перед телекамерой), выверено, ответственно. Напечатанная информация, если она абсолютно точна, сравнима с документом. Ее содержание прочно, ибо зафиксировано на бумаге – ни убавить, ни добавить. Не случайно же в народе утвердилось меткое, с глубоким смыслом выражение: «Что написано пером – не вырубишь и топором!».

Важно и то, что по форме газетные тексты более разнообразны. У них, как правило, более общее содержание. Действительно, газета значительно полнее представляет многообразие мира. В материалах, предназначенных для печати, есть возможность качественнее выразить буквально все, что связано с жизнедеятельностью людей – опыт, проблемы, недостатки и прочее. Нередко именно материал в газете побуждает что-то уточнить, домыслить, изучить. Можно прервать чтение, чтобы обдумать возникший вопрос. К прочитанному можно сколько угодно возвращаться, если в этом возникает необходимость. Номер газеты, в котором содержатся важные для человека сведения, можно отложить, сберечь. Печатные СМИ для каждого из нас являются своеобразными хранилищами информации.

Радио тоже имеет ярко выраженные особенности, преимущества. Например, по такому качеству, как оперативность, с ним не в состоянии соперничать не только газеты, но и телевидение. Только радиосигнал можно передать на безграничное расстояние. Сегодня данное СМИ наиболее доступно для людей. И разве не показатель, что радио наименее затратно для пользователей?

У телевидения свои неоспоримые козыри. Так, его исключительность в том, что сочетает в себе несколько качеств: звук (присуще изначально радио), живую картинку (кино), абсолютно точную передачу происходящего (фотография). Только телевидение способно представить событие в реальном времени. Коль так, усиливается значимость прямого эфира. На телевидении добиваются наиболее полного, часто абсолютного, жизнеподобия передаваемого.

Кстати, по этой возможности (показателю) печатные СМИ телевидению сильно проигрывают. Точно передать действительность – одна из сложнейших задач всей журналистики. Далеко не всем газетчикам удается с нею справиться.

Если сравнивать характеристики, данные выше трем типам СМИ, то нетрудно прийти к выводу: преимуществ у печатных больше. И вовсе не потому, что нам хочется более пространно, например, выделить значимость газеты. Она, помимо чьего-то субъективного желания, по объективным признакам – так ее наделила природа – дает человеку больше пользы.

В этом абсолютно уверен, например, Я.Н. Засурский – непререкаемый авторитет в журналистике (признанный в мире ученый, более 40 лет был в МГУ деканом факультета журналистики, ныне – его президент). В интервью «Российской газете» Ясен Николаевич подчеркнул: «Газета – институт, который учит думать...» [2].

Углубляясь в проблему, ученый закономерно приходит к выводу о том, что от газеты люди ждут помощи в понимании того, что сейчас происходит. Ни радио, ни телевидение тут не помощники. Они этим не занимаются, в силу специфики перед данной задачей бессильны.

Любой номер газеты, в зависимости от ее ранга, обычно оптимально представляет содержание того, что происходит в действительности – в мире, в стране, в регионе, в муниципальном образовании... В ее материалах отражается все то, что связано с жизнью и деятельностью людей.

В подтверждение вновь процитируем Я.Н. Засурского: «Посмотрите на верстку газеты, на первую полосу номера – и вы уже получите представление о карте основных событий в мире. Газета имеет уникальную роль в жизни человека, поэтому с утра ее нужно читать» [3].

Верно подмечено: с утра каждый нормальный человек настраивается на работу, на дела. Именно газета в этом ему союзник – предлагает деловую информацию с ее анализом, включает в размышления, подсказывает рекомендации... Все это связано с главным в жизни человека – с его профессией, совершенствованием в ней, добычей, в конце концов, средств к существованию... Названное – первично в трудоспособном возрасте людей.

А телевизор человеку, обремененному трудом, уместно смотреть по вечерам, что, собственно, и подтверждает его бытие. Как выражаемся в обиходе, голубой экран позволяет нам расслабиться, снять напряжение трудового дня. Логично же! Да и на самом деле так происходит. Утром человек, читая газету, включается в ритм жизни. Вечером, смотря в телевизоре развлекательную передачу, позволяет себе расслабиться, отдохнуть, чтобы поутру вновь быть готовым к делам.

Если так рассуждать, где же черед радио? Скорее всего, время для него, когда человек находится в некоем пространстве, в движении, то есть за пределами рабочей или домашней обстановки. Скажем, за рулем автомобиля, на туристической тропе... Конечно, в подобных

условиях ему удобнее включить радиоприемник. Собственно, на такую данность и ориентировано нынешнее радио.

По нашей теории выходит, что деловой человек (он же – высокообразованный) услугами СМИ пользуется оптимально. Но возможно ли такое, когда какой-то из их типов его целиком не устраивает? Скажем, радиоканалов десятки, но ни один из них не соответствует по содержанию, качеству его запросам?

Такое положение вещей – сплошь и рядом. Почему? Ответ очевиден: например, большинство так называемых телерадиокомпаний весьма упрощенно, если не сказать примитивно, подходят к определению содержания своего вещания. Чаще всего оно состоит из таких блоков: скучненькие выпуски новостей, «смачная» реклама, прогноз погоды... Между всем этим – музыкальные заставки. В их репертуаре нередко безвкусица – песенки без смысла.

Конечно, интеллект такой канал включать не станет. И надо его отцам задуматься над вопросом – какие ценности они предлагают людям?

Между тем, о подлинных информационных ценностях, о поиске резервов, с ними связанных, стоит подумать многим, в границах (рамках) всех типов СМИ. На том же радио есть на кого ориентироваться. Например, радиоккомпания «Казак-FM» очень ответственно подходит к содержанию своего вещания. Такие его блоки, как «Народные традиции», «Благовест», «По городам и весям», «Ваше здоровье», «Дела домашние» несут много новой познавательной информации, которая будет полезна любому человеку. В том числе – высокообразованному, самому взыскательному.

На российском телевидении тоже есть программы, отвечающие высоким запросам наиболее образованной части общества. Одна из них – «Культурная революция», которую ведет Михаил Швыдкой. В целом телеканал «Культура» стремится множить именно те ценности, которые повышают интеллектуальный уровень людей.

Немало достойных примеров и в практике печатных СМИ, ориентированных на то, чтобы поднимать образованность общества. Важна ли данная задача? Ответ однозначен: только при ее реализации государство российское может стать сильным, подлинно передовым. В чем все мы, его граждане, кровно заинтересованы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Тулулов В.В. Медиаотрасль в России: от Москвы до самых до окраин... // Информационное пространство: проблемы теории и практики. – Краснодар, 2012. – С. 76.
2. Засурский Я.Н. Газета учит думать // Засурский Я.Н. Вселенная журналистики: Избранные труды. – М., 2012. – С. 128 (на основе интервью «Российской газете» в 2009 г.).
3. Там же.

REFERENCES

1. Tulupov V.V. Mediasphere in Russia: at Moscow to regions. Informational sphere: the problems of theory and practice. Krasnodar, 2012. P. 76.
2. Zasurskiy Ya.N. Newspaper teaches to think. Zasurskiy Ya.N. Universe of journalistic. Moscow, 2012. P. 128.
3. Ibid.

Информация об авторе

Сопкин Петр Терентьевич, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой публицистики и журналистского мастерства факультета журналистики Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия
af03@mail.ru

Information about the author

Sopkin Pyotr Terentievich, Candidate of Philology, Professor, Head of the Chair of publicism and journalistic skills of the Kuban State University, Krasnodar city, Russia
af03@mail.ru

Received: 23.08.2015

Получена: 23.08.2015

УДК 821:111(091)

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-412-419

СОСНИН Алексей Владимирович,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

SOSNIN Alexey Vladimirovich,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
CHAIR of Foreign Languages

АПОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО КАНОНА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

AN APOLOGY OF THE LITERARY CANON IN A LINGUISTIC STUDY

В статье излагаются принципы отбора практического материала для лингвистического исследования, претендующего на объективность; отмечается, что в таком исследовании установка на литературный текст абсолютно необходима, поскольку солидный корпус таких текстов незаменим для описания сложных лингвистических феноменов и стоящих за ними ментальных структур. В статье выдвигается положение о том, что исследователю-англисту следует ориентироваться на английский литературный канон – глобальный корпус текстов, на основе которых формируется значительная часть концептосферы образованных носителей языка. При этом в статье рассматриваются проблемы, связанные с ориентацией исследователя на литературный канон: его дефиниция, границы, центральные и периферийные авторы, критерии каноничности литературного произведения, аргументы противников любой канонизации в литературе, реконструкция канона в других культурах. В статье также анализируется когнитивный аспект и говорится о ключевой трансформации английской ментальности, давшей начало мышлению в терминах времени, причинности и вероятности и канонической литературе. В статье делается принципиально важный вывод: ориентация на литературный канон в лингвистическом исследовании позволяет «примирить» языкознание с литературоведением и учитывать в анализе неязыковые знаковые системы, а также идиолектные системы концептуализации мира в литературных произведениях.

The article highlights the principles of selecting practical material for a linguistic study aspiring to objectivity and states that in such a study orientation to the literary text is absolutely essential, as a solid corpus of literary texts is indispensable for describing complicated linguistic phenomena and mental structures standing behind them. The article puts forward the postulate that any serious study into the English language should be constructed on the English literary canon – a global textual corpus on the basis of which the greatest part of the educated speakers' conceptual sphere is formed. At the same time, the article considers certain problems related to the Anglicist's orientation towards the canon – its definition, limits, central and peripheral authors, the criteria of a literary work canonic status, arguments of those opposing any canonicity in literature, reconstruction of the canon in other cultures. The article also analyzes the cognitive aspect and tells about the key transformation of the English mentality, which gave rise to thinking in the terms of the time, cause-and-effect, and probability in canonic literature. The author of the article comes up with a principal conclusion: orientation to the literary canon in a linguistic study allows reconciling of linguistics and literature studies and including into the analysis non-linguistic semiotic systems as well as idiolectal systems of conceptualizing the world in literary works.

Ключевые слова: английский литературный канон, английскость, английская ментальность, сверткостекстовые единства, триада «текст-дискурс-культура», лондонский текст.

Key words: English literary canon, Englishness, English mentality, supertextual entities, “text-discourse-culture” triad, London text.

Работая в русле чистого дескриптивизма (описание языковых элементов от лексемы включительно, индуктивно выводимых из текстов), который главенствует в лексикологических исследованиях последних лет, будь то анализ вербализаций / архитекста какого-либо концепта, изучение лингвокультурного типажа, исследование паремиологического фонда и т.п., исследователь-англист всегда сталкивается с двумя проблемами, решить которые в рамках существующей лингвистической парадигмы крайне сложно. Это выбор более или менее объективных методов и процедур лингвистической интерпретации (не субъективных, типа: «в данном контексте я встретил такое-то явление и на основе подходящего к данному случаю метода или обычного понимания делаю такое-то заключение относительно его дистрибуции, аксиологической и социокультурной ценности»), а также выбор объективного и исчерпывающего материала для исследования. Остановимся подробнее на последнем аспекте. Очевидно, отбор источников на основе их доступности, иллюстративности, немедленной (по мнению исследователя) референции к исследуемому феномену, на основе «современности» или, наоборот, «литературности», «чистоты» языка и т.п. не может претендовать на объективность из-за крайней ограниченности перечисленных критериев. Публицистические статьи не дают представления обо всем богатстве выразительных средств языка на силу ограниченной стилиевой отнесенности и, как правило, идеологической ангажированности. Основным источником материала для анализа не могут служить и социолингвистические опросы, даже нескольких разнородных групп населения, так как «на выходе», как правило, получается усредненно-обывательское ассоциативное представление об исследуемом лингвистическом феномене (ср. *Лондон – королева – парламент – Биг Бен – красные автобусы*).

Вообще, в лексикологическом исследовании установка на литературный текст абсолютно необходима, поскольку в изучении, например, аксиологической лексики она позволяет выявить

тот факт, что у ключевых ценностных концептов имеются не только объективно истинные признаки: референция, не будучи прямой, опосредуется в художественном тексте различными социальными нормами, в том числе законами жанра, а «истинное» значение текста релятивизируется относительно конкретного набора интерпретирующих критериев. Для изучения фразеологии в коммуникативно-прагматическом аспекте или для описания вербализаций сложных концептов абсолютно необходимы обширные контексты, в первую очередь литературные. Наконец, ориентация на литературный текст в лингвистическом исследовании позволяет восстановить традиционные связи лингвистики с литературоведением и другими гуманитарными дисциплинами и, таким образом, вовлечь в орбиту анализа прагматические установки и аксиологические нормы, а также учесть «вторичные» семиотические системы наравне с языком.

Соответственно, возникает вопрос: какой литературный материал должен служить основой для лингвистического исследования, претендующего на объективность? Представляется, что таковым будет так называемый «литературный канон», то есть совокупность произведений, изучаемых в средней и высшей школе в стране исследуемого языка. Именно на основе литературного канона формируется значительная часть концептосферы образованных носителей языка (ср.: «The Empress of the Northern Clime» – для англичан отсылка однозначна: это Лондон, так его называет Джон Драйден в поэме «Чудесный год»). Рассматривая британский вариант английского языка в синхронии, мы говорим о литературном каноне новоанглийского языка, то есть о совокупности литературных произведений, созданных на Британских островах на более или менее стандартизированном языке с XVI века по настоящее время. Период достаточно большой, и такое понимание синхронии может показаться спорным, однако на его протяжении наблюдается существенная преемственность, «изотопичность» признаков, метафор, фреймов и сценариев, использовавшихся представителями английского социума при структурировании действительности, а также языковых средств их выражения. Так, исследователями-когнитивистами и литературоведами было отмечено [1, с. 38], что структура пьес Шекспира (и отчасти Марло) такова, что намерения героев становится понятными зрителю еще до основного действия, то есть автор помогает читателю выработать ожидания. В предшествующей английской литературной традиции такого не наблюдается. Как поясняет В.З. Демьянков, «формирование ожиданий – не независимая психологическая способность, а сопутствующий продукт интерпретации, когда между событиями выявляются причинные и временные отношения» [2, с. 26]. Далее исследователь заключает, что в шекспировскую эпоху произошла своего рода «когнитивная революция», когда механизмы познания изменились у целого поколения. «Очевидно, где-то между двенадцатым и серединой семнадцатого веков английская ментальность вступила на новый путь мышления: мышления в терминах времени, причинности и вероятности» [Там же].

Значение Шекспира как канонообразующего автора четко определил Р.У. Эмерсон в цикле своих лекций «Representative Men»: «Шекспир принадлежит к народу ровно настолько же, насколько он принадлежит к категории выдающихся авторов. Он непостижимо мудр, а все другие авторы – уже постижимо» [3]. Развивая мысль Эмерсона, известный американский литературовед Гарольд Блум отмечает в своем фундаментальном труде «Западный канон», что без Шекспира канона не существует, поскольку без него не сформировалась бы идентичность англо-саксонской культуры в том виде, в каком виде мы ее имеем сейчас. Блум также пишет, что в произведениях Шекспира не просто отражены когнитивные механизмы англосаксов – именно этому автору они обязаны современной способностью к познанию [4, с. 40]. По мнению Блума, Шекспир является центром канона и превосходит других канонических писателей по сложности механизмов познания и структурирования действительности, по максимальному использованию ресурсов языка и лингвистическому новаторству, по изобретательности и способности к выдумке [4, с. 46]. Герои Шекспира способны к развитию и самосовершенствованию на основе анализа своих поступков, чего не было в литературе предыдущих эпох; его персонажи настолько неисчерпаемы, что, без преувеличения, становятся инструментами читательского самоанализа [4, с. 48]. Наконец, Шекспир практически уникален в соединении сложного и популярного искусства (вот у кого должны поучиться постмодернисты!), а герои его пьес нередко игнорируют законы жанра. Можно сказать, что Шекспир является родоначальником «когнитивной иронии двойственного переживания», когда каждая психологическая установка персонажа уравновешивается своей противоположностью [4, с. 74].

В качестве второй апологии нашего понимания литературной синхронии отметим, что структурный анализ текстов в отношении сверхтекстовых структур (и наоборот) предполагает смещение акцентов с традиционной трехчастной последовательности «автор-произведение-традиция» на последовательность «текст-дискурс-культура». В результате эволюционная модель литературы замещается синхронной моделью «литература-как-знаковая-система» [5, с.

34-35]. Вопрос «кто раньше сказал» становится здесь гораздо менее существенным по сравнению с выявлением всех потенциальных направлений влияния одного текста на другой.

В соответствии с такой моделью также представляется возможным поставить в один ряд литературные тексты, где Лондон¹ не является прямым объектом описания, но играет существенную роль, и тексты собственно о Лондоне или о британской столице в этих литературных трудах – тексты литературоведческие, исторические, краеведческие, публицистические. Еще А.А. Реформатский, например, предложил теорию дискурсивной защиты. Он выделял так называемую «взаимодополнительную защиту текстов», когда «текст защищает текст» [6, с. 156]. Так, мы можем сравнить лондонские тексты Пеписа, Дефо и Диккенса и тексты Акройда о них². В этом случае возникают сложные читательские проекции текстов Пеписа, Дефо и Диккенса, а в лондонский текст привносятся новые признаки. Вслед за Реформатским Ю.А. Сорокин определяет смысловую защиту текстов следующим образом: «Взаимодействие читателя с конкретным набором текстов и построение им своих проекций <...> этих текстов может вести к тому, что в читательской проекции фиксируются элементы, ранее для него нерелевантные. Это может быть вызвано постоянным воспроизведением ряда строго определенных текстов, что вызывает их фразеологизацию или клишированность, а также эволюцией канонов конструирования художественного текста, обусловленной экстенсификацией и интенсификацией информационных процессов в социуме» (курсив мой – А.С.) [7, с. 72-73]. В соответствии с таким подходом, лондонский текст можно определить как национально ограниченное *прецедентное* сверткостовое единство.

При определении литературного канона, тем не менее, возникает ряд проблем. Первая – это размытые границы канона, ведь количество авторов огромно и растет постоянно: каких из них следует читать и считать каноническими? Очерчивая границы канона, необходимо иметь в виду, что речь идет о некоем аппроксимированном абстрактном конструкте, у которого, тем не менее, есть относительно постоянное ядро – это книги, которые входят в обязательную программу образовательных учреждений. Здесь необходимо сделать две важные поправки: «классические» программы «классических» университетов (что сразу же делает ряд авторов периферийными или даже неканоническими), и не «входят», а «до недавнего времени входили». Ведь в последнее время при главенстве идеологии мультикультурализма и толерантности ценность классического канона все чаще ставится под вопрос и он может рассматриваться как один из механизмов угнетения масс и форм притеснения различных групп населения. По мнению английского литературного критика Фрэнка Кермоуда, изложенного им в книге «Forms of Attention», в которой систематизированы его лекции, канон формируется так, чтобы обеспечивать преемственность в обществе и противостоять времени. Вместе с тем это литературный конструкт, в котором, естественно, различия между «бытийным» знанием и мнением нивелируются, поэтому его всегда можно опровергнуть, что, по сути, и произошло. Защитить канон официальная власть больше не может, он более не является обязательным, хотя без него и сложно представить нормальное функционирование образовательных учреждений [8, с. 67].

Противники любой стандартизации в литературе утверждают, что канон навязывается сверху различными образовательными департаментами и комиссиями, в которых право решающего голоса принадлежит преуспевшим в жизни белым мужчинам англосаксонского происхождения, которые занимаются литературой профессионально. Это не совсем так: литературный канон создается не учеными-литературоведами, а широкими слоями образованного читающего населения (которые читают и, что важно, перечитывают книги для того, чтобы получить интеллектуальное удовольствие), и произведение, которое не выдерживает проверку временем, неизбежно из него выпадает. По этому поводу английский писатель и лексикограф Сэмюэл

¹ Автором статьи исследуется лондонский текст, который эмпирически обобщает произведения, в которых фигурирует концепт «Лондон». Это семантический конструкт, включающий в себя потенциальную сумму признаков британской столицы, актуализуемых в корпусе текстов, которые входят в литературный канон.

² Современный английский писатель Питер Акройд тонко улавливает оттенки диккенсовского Лондона в современном мегаполисе, а со времени публикации его первого романа «Большой лондонский пожар» (*The Great Fire of London*, 1982), названного критиками “*twentieth-century gloss on Dickens*”, за писателем закрепилось определение “*Dickensian*”. В произведениях Акройда Лондон предстает как историко-литературная реконструкция: писатель делает художественные зарисовки Лондона, которые носят аллюзивно-реминисцентный характер и отсылают читателя к описаниям британской столицы, например, у Диккенса; герои же Акройда прямо цитируют Диккенса, ходят в кино, чтобы посмотреть экранизации Диккенса, ставят экранизации его романов и пр.

Джонсон (1709–1784), который первым поднял вопрос о качестве и упорядочении английской литературы, заметил в жизнеописании английского поэта Томаса Грея следующее: «Я рад согласиться с обыкновенным читателем; ибо поэтическая ценность в конечном итоге определяется здравым смыслом читателей, которые не испорчены литературными предрассудками, берущими начало в чрезмерной учености или изящности вкуса» (перевод мой – А.С.) [9, с. 485].

Противников классического канона Г. Блум объединяет в так называемую «школу неприятия» (*School of Resentment*), включающую ряд течений: феминисты, афроцентристы (и, шире, мультикультуралисты), марксисты, деконструктивисты, семиотики, представители лаканианского психоанализа и сторонники нового историзма, вдохновленного теориями Мишеля Фуко [4, с. 20]. Под знаменем эмансипации всевозможных меньшинств представители школы неприятия пытаются противопоставить классическому канону популярную культуру, которая еще недавно рассматривалась как форма стандартизации и рыночного нивелирования искусства. Текст же индивидуальный и уникальный требует имманентного изучения, а, например, социологическому или психологическому как будто «сопротивляется», поскольку это сокращает его интерпретативный потенциал. По Блуму, шекспировское прочтение Фрейда не только открывает в текстах Фрейда новые грани и делает их более понятными, но и «растворяет» Фрейда в шекспировской бесконечности¹. Обратно, фрейдистское прочтение Шекспира неизбежно делает последнего ограниченным и односторонним до абсурда [4, с. 25]. Действительно, лингвистический и литературоведческий анализ должен в первую очередь ориентироваться на текстовую последовательность, а не на затекстовую социально-нормированную и энциклопедическую информацию. В противном случае интерпретация произведения превратится в увлекательную культурологическую прогулку.

Различие между литературой «настоящей» и коммерческой, то есть написанной по заведомо успешному шаблону, очевидно. В первом случае автор использует ресурсы языка максимально, оперируя тончайшими оттенками значения языковых единиц. С позиций интерпретации, любая синтагма в таком произведении становится многоуровневым интеллектуальным лабиринтом с огромным количеством выходов. Во втором случае набор средств выражения, сюжетных ходов и уровней интерпретации (которые обыкновенно сводятся к линейному сюжету) крайне лимитирован.

В качестве примера возьмем «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте и любой современный псевдо-викторианский роман. Если открыть каждую из этих книг на любой странице и прочитать по отрывку, то станет ясно: «Джейн Эйр» – это великий роман с практически необъятным спектром затрагиваемых тем и смысловых уровней. Для своего времени он отличается крайней прямолинейностью экспрессии: в нем ставятся под вопрос традиционные ценности и порицается безропотная покорность; целостность личности и честность по отношению к себе оказываются выше классовой иерархии и общественного порицания; поднимается проблема эмоциональной прямооты и искренности в личной жизни... Данный перечень можно с легкостью удвоить. Второй роман является чем-то вроде лубочной картинки или сентиментального сожаления об ушедшей эпохе, которая в действительности никогда не соответствовала описанию, которое предлагается читателю.

На утверждение феминистов о том, что канон официально формируется мужчинами, литературный критик и популяризатор английской культуры Кэрен Хьюитт возражает, что, во-первых, основную массу читателей всегда составляли женщины и что, во-вторых, главным критерием включения произведения в литературный канон все-таки должно служить его качество, «перечитываемость» несколькими поколениями, а не пол автора. Такие авторы, как Джейн Остин, Джордж Элиот (Мэри Энн Эванс), Элизабет Гаскелл или Вирджиния Вулф занимают в

¹ О «неисчерпаемости» шекспировского текста ярко свидетельствует следующий отрывок из третьего действия трагедии «Макбет»: But let the frames of things disjoint, both the worlds suffer, / Ere we will eat our meal in fear, and sleep / In the affliction of these terrible dreams / That shake us nightly... [10, с. 870]. Главный герой произносит эти слова после того, как он подстроил убийство Банко. Ужас, который он испытывает, исходит не от внешних факторов, а находится внутри него. Его сны настолько страшны, что он предпочел бы стать свидетелем распада земли и небес (*the frame of things disjoint, both the worlds suffer*), чем перенести еще одну ночь пытки. Метафора, которая заложена в слове *disjoint*, связана со строительством. Многие английские дома того времени имели деревянный каркас (*frame*), подобный русскому срубу, части которого, однако, соединялись с помощью специальных креплений или клиньев (*joints*). При удалении этих креплений вся конструкция разрушалась. Образ рушащегося дома – аналогия болезненного сознания Макбета, то есть выбор автором слова *disjoint* отнюдь не случаен и наполнен глубинным смыслом.

каноне ключевые позиции, а утверждать, что, например, «Франкенштейн» Мэри Шелли затмевает все литературные достижения ее мужа Перси Биши Шелли, попросту нелепо [11, с. 83].

Блумом выделяются следующие критерии каноничности литературного произведения:

- следование традиции и противодействие ей: только развив или опровергнув традицию и утвердив свою оригинальность в процессе длительной «борьбы» с другими текстами, то есть с другими мнениями, произведение может занять место в каноне¹; это не имеет отношения к классовой борьбе, текст не является ее инструментом: он пишется, в первую очередь, для себя и затем для неопределенного читателя² – не обязательно участника каких-либо социальных отношений, а человека, глубоко рефлексизирующего, полемизирующего сквозь призму литературы с самим собою³; всякий честолюбивый писатель «стоит сам за себя» и ради собственных интересов «предаст» свой класс не задумываясь;

- абсолютная вневременная эстетическая ценность, не сводимая к идеологии и, опять же, не проистекающая из классовой борьбы или претензии отдельных групп / дискурсов на власть, как то хотели бы видеть сторонники школы неприятия;

- не инструмент насаждения общественной морали⁴ и идеологии (образно говоря, не произведение должно служить общественному движению, а общественное движение может ассоциироваться с каноническим текстом, который будет неизмеримо шире него) [4, с. 18-23].

Можно ли объять всю литературу новоанглийского периода в учебной программе? На это в Великобритании претендуют лишь несколько университетов, в том числе Оксфорд. От студента потребуются знание следующих авторов и направлений: поэты начала XVI в. Томас Уайет и Генри Серрей; поэзия елизаветинского периода, представленная Эдмундом Спенсером, Филиппом Сидни и Майклом Драйтоном; великие драматурги елизаветинского периода: Уильям Шекспир (все пьесы!), Кристофер Марло, Бенджамин Джонсон и Джон Уэбстер; поэты-метафизики Джон Донн, Джордж Герберт и Эндрю Марвел; проза XVI и XVII вв. (Томас Нэш, Фрэнсис Бэкон, Томас Браун); Джон Мильтон (поэмы «Потерянный рай», «Возвращенный рай», «Самсон Борец», лирика и проза); Джон Драйден, Александр Поп, Джонатан Свифт, Даниель Дефо, Сэмюэл Ричардсон, Генри Фильдинг, Лоренс Стерн, Сэмюэл Джонсон, Джейн Остин; поэты-романтики: Уильям Вордсворт, Уильям Блейк, Сэмюэл Тейлор Кольридж, Перси Биши Шелли, Джон Китс, Джордж Гордон Байрон, Вальтер Скотт; викторианские романисты: Чарльз Диккенс, Джордж Элиот, сестры Бронте, Уильям Мейкпис Теккерея, Энтони Троллоп, Элизабет Гаскелл, Томас Гарди; викторианские поэты: Альфред Теннисон, Роберт Браунинг, Кристина Россетти, Джерард Мэнли Хопкинс, Мэтью Арнольд, Томас Гарди (как поэт) и так далее в XX век... [Ср.: 11, с. 77] Мы перечислили здесь авторов, чьи произведения составляют ядро литературного канона (до XX в.). Однако существует очень много других авторов и направлений,

¹ Об этом забывают радикальные мультикультуралисты, наивно полагая, что они свободны от каких бы то ни было влияний и что они полностью сами себя создали в ответ на «засилье» в литературе «мертвых белых мужчин». «Но они не «мертвые!» – восклицает Блум. – А канон – это показатель их жизненной силы» [4, с. 39]. Старая метафора бессмертности писателя уместна здесь как никогда. Об уединенном диалоге с великими предками написал Ф. де Кеведо в сонете «Наслаждаясь уединением и учеными занятиями»: «Здесь у меня собрание небольшое / Ученых книг, покой и тишина; / Моим очам усопших речь внятна, / Я с мертвыми беседую душою. / И мудрость их вседневно правит мною, / Пусть не всегда ясна – всегда нужна; / Их стройный хор, не ведающий сна, / Сон жизни полнит музыкой немою» [12, с. 229].

² Эту мысль высказала Гертруда Стайн в романе «Становление американцев» (*The Making of Americans*, 1925) – в одном из многочисленных отступлений о том, как писателем создается текст: «Я пишу для себя и посторонних. <...> Каждый для меня реален, и каждый похож на остальных» [13, с. 99].

³ Таким образом, канон, по Блуму, – это не столько набор обязательных для прочтения произведений, сколько «образ индивидуального мышления, внутреннего диалога с писателями, способствующего духовному росту» [4, с. 35]; его функция – организация и систематизация того, что человек будет читать на протяжении всей своей жизни [4, с. 39]. Вдумчивый, искушенный читатель будет при погружении в мир писателя принимать «правила его игры» и не будет ассоциировать себя с социальной группой или общественным начинанием (или, по крайней мере, искать им однозначное оправдание в произведении). В этой связи вспоминаются известная сентенция О. Уайльда: «Красота, подобно Мудрости, любит, когда ей поклоняются в одиночестве» [14].

⁴ Опять вспоминается О. Уайльд, заметивший, что «нет книг нравственных и безнравственных, а есть книги, хорошо написанные или написанные плохо» [15, с. 13].

которые более или менее удалены от центра. Вот лишь некоторые из них: драматургия эпохи реставрации, литературная критика XVIII в., готический роман, викторианская юмористическая и сатирическая поэзия...

Из огромного корпуса английской литературы, написанной в первой половине XX в., в литературный канон прочно вошли произведения следующих авторов: в прозе – Джеймс Джойс, Дэвид Герберт Лоуренс, Джозеф Конрад и Вирджиния Вулф; в поэзии – Уильям Батлер Йейтс и Томас Стернз Элиот. Отдельные критики и многие читатели добавляют к ним поэтов «потерянного поколения», особенно Уилфреда Оуэна. Безусловно каноническим поэтом с ярким неповторимым стилем письма англичане считают Уистена Хью Одена. Среди романистов имен с таким же безусловным статусом нет. Ивлин Во, например, творчество которого хорошо известно в России, является важным, но не центральным писателем [Ср.: 11, с. 89]. В последнее время в Великобритании возрос интерес к романам английского писателя и критика Эдварда Моргана Форстера (*Howard's End*, *A Passage to India*), который был современником Вирджинии Вулф и разделял ее творческие принципы. Однако, несмотря на всю неожиданную актуальность затрагиваемых им тем, которые связаны с осмыслением колониализма, Форстер по-прежнему остается в каноне периферийным автором.

Для отечественного исследователя, занимающегося реконструкцией сверхтекстов / моделированием концептов на основе английского канона, обозначенные проблемы, связанные с его определением и очерчиванием его границ, еще более осложняются недоступностью источников и, соответственно, асинхронностью его формирования. Сверхтексты и вербализуемые ими ключевые концепты, без сомнения, культурно-специфичны, и всегда будут существовать различия в наборе признаков, характеризующих один и тот же концепт у различных народов, противоречия между «своими» и «чужими» представлениями о культурно-значимом фрагменте действительности. М.В. Никитин выделяет пять причин, по которым у различных народов отличаются концептуальные тезаурусы и наличествует содержательное различие в денотатно тождественных или близких концептах: (i) различия в среде обитания и истории; (ii) разная степень обобщения / детализации при отражении языками фрагментов мира; (iii) различное распределение концептов по языковым единицам и значениям; (iv) различная сочетаемость когнитивных компонентов с компонентами оценочно-прагматическими; (v) своеобразная комбинаторика концептов при их «привязке» к знакам (16, с. 58).

Распространение в России английских письменных источников, необходимых для формирования канона и конструируемого на его основе сверхтекста, их критическое осмысление и, наконец, перевод – все это требует времени, и, в любом случае, нельзя быть уверенным, что эти источники получат такое же распространение в принимающей культуре¹. Неудивительно, что, по полшутливому замечанию К. Хьюитт, российская версия английского литературного канона близка к английской версии 1900 года! [11, с. 87].

Более того, русский читатель склонен воспринимать английскую литературу сквозь призму европейской или своей собственной литературной традиции, в то время как англичане в первую очередь ориентируются на сугубо английские, «островные» переживания и конфликты (*domestic joys and sorrows*). В этом смысле, величайшими романистами XIX в. будут не Диккенс и Теккерея, как это полагают русские, а Джордж Элиот, Диккенс и Гарди (именно в таком порядке). Томас Гарди одним из первых поставил вопрос о сомнительности викторианских ценностей. Это едва ли не самый популярный классический автор в Великобритании, а его романы – энциклопедия «английскости». Русскому читателю, тем не менее, Гарди зачастую просто скучен.

Байрон, который так важен для русского и европейского читателя как певец мятежного индивидуализма и разочарования в эпоху крушения идеалов французской революции, считается в Англии менее значимым поэтом-романтиком, чем Вордсворт, Блейк или Китс, «культивировавшими» романтизм, так сказать, на английской почве. Об отношении к Байрону в Англии свидетельствует, хотя и с некоторой долей преувеличения, следующий отрывок из романа «Будда из пригорода» (*The Buddha of Suburbia*, 1990) английского писателя пакистанского происхождения Ханифа Кудайши: «And when dad tried to discuss Byron in local [East End] pubs no one warned him that not every Englishman <...> wanted tutoring by an Indian on the poetry of a pervert and a madman» [18, с. 24-25].

¹ Это может быть связано, в частности, с литературными вкусами людей, ценностными нормами, существующими в обществе или, как это было до недавнего времени, цензурой. Как писал А.С. Пушкин еще в 1822 г. в «Послании цензору», «Что нужно Лондону, то рано для Москвы» [17, с. 188]. Советская же цензура возвела в ранг абсолюта XIX век и нехотя, с опаской, очень избирательно давала читателям то, что было написано в Англии позже. Неудивительно, что для многих советских читателей Англия однозначно ассоциировалась с викторианством.

Джон Голсуорси, несомненно, ближе русскому читателю, воспитанному на классике «дворянских гнезд», чем английскому читателю, который достаточно далек от сочувствия переживаниям привилегированного меньшинства. Представитель отживающего реализма, представивший, тем не менее, в эпопее о нескольких поколениях одной буржуазной семьи весьма субъективный взгляд на панораму лондонской жизни английского общества 1890-1920-х гг., Голсуорси никогда не воспринимался англичанами с восторгом. Бытует шутка, что Голсуорси стал бы великим писателем, если бы не начитался Тургенева и Толстого! Как бы там ни было, англичане вспоминают о нем исключительно как об «авторе толстых томов».

В любом случае, солидный корпус литературных текстов абсолютно необходим для описания сложных лингвистических феноменов и стоящих за ними ментальных структур. В литературных текстах речь идет не только о том, что имеет место в реальном мире, но и о том, что могло бы быть в некотором возможном мире – ассумптивном универсуме, зависящем от личности автора, интертекстуальной рамки, стилиевой отнесенности, аксиологических установок (например, Форсайты у Голсуорси не ищут путей получить титул и не стремятся породниться с аристократией, что, по меньшей мере, странно). Предметом анализа, соответственно, становится не мир как таковой, а его концептуализация в рамках некоторой системы мнения.

Итак, в данной статье нами был обозначен ряд проблем, связанных с дефиницией английского литературного канона, возможностями его использования в современном лингвистическом исследовании, а также с реконструкцией канона в других культурах. Представляется, что канон – это идеальный аппроксимирующий конструкт или значение, которое никогда не достигается. В связи с реконструкцией канона в другой культуре возникает ряд трудностей, которые ведут к асинхронности восприятия исходной культуры и ее ключевых текстов представителями культуры принимающей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. LePan D. The Cognitive Revolution in Western Culture: Vol. 1. The Birth of Expectation. – London: Houndmills, 1989.
2. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.
3. Emerson R.W. Shakspeare; or, the Poet // Representative Men: Seven Lectures. 1850. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/6312/pg6312.txt> (дата обращения 03.09.2015).
4. Bloom H. The Western Canon: The Books and School of the Ages. – New York: Harcourt Brace & Company, 1994.
5. Morgan Thais E. Is There an Intertext in This Text?: Literary and Interdisciplinary Approaches to Intertextuality // American Journal of Semiotics. – 1985. – No. 3. – Pp. 1-40.
6. Реформатский А.А. Техническая редакция книги (в извлечениях М.В. Панова) Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1987. – С. 141–179.
7. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М.: Наука, 1985.
8. Kermode F. Forms of Attention: Botticelli and Hamlet. – Chicago: The University of Chicago Press, 1985.
9. Johnson S. Gray // The Lives of the Most Eminent English Poets; with Critical Observations on their Works. Vol. IV. – London, 1791. – Pp. 461-485.
10. Shakespeare W. // The Complete Works of William Shakespeare. – Wordsworth Editions, 1994. – Pp. 858-884.
11. Hewitt K. Understanding English Literature. – Perspective Publications, 1997.
12. Кеведа Ф., де. Наслаждаясь уединением и учеными занятиями, автор сочинил сей сонет [Пер. с испанск. А. Косс] // Испанский Парнас, двуглавая гора, обитель девяти кастильских муз. – Л.: Художественная литература, 1980. – С. 229.
13. Stein G. The Making of Americans (Excerpt) // Selections [Edited and with an introduction by Joan Retallack]. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2008. – Pp. 99-104.
14. Уайльд О. Молодой король [Пер. с англ. В. Орла] // Избранное. – М.: Просвещение, 1990. URL: http://www.lib.ru/WILDE/wild_king.txt (дата обращения 03.09.2015).
15. Уайльд О. Портрет Дорина Грея [Пер. с англ. М. Абкиной]. – Ташкент: Ўқитувчи, 1987.
16. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53-64.
17. Пушкин А.С. Послание цензору // Стихотворения. Т.3. – Л.: Советский писатель, 1955. – С. 188-191.
18. Kureishi H. The Buddha of Suburbia. – London: Faber and Faber, 1990.

REFERENCES

1. LePan D. The Cognitive Revolution in Western Culture: Vol. 1. The Birth of Expectation. London: Houndmills, 1989.
2. Demyankov V.Z. Cognitive linguistics as a kind of interpretative approach [Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podhoda]. Voprosy yazykoznanija. 1994. No. 4. Pp. 17-33. (in Russ.).
3. Emerson R.W. Shakspeare; or, the Poet. Representative Men: Seven Lectures. 1850. Available at: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/6312/pg6312.txt> (accessed 3 September 2015).
4. Bloom H. The Western Canon: The Books and School of the Ages. New York: Harcourt Brace & Company, 1994.

5. *Morgan Thais E.* Is There an Intertext in This Text?: Literary and Interdisciplinary Approaches to Intertextuality. *American Journal of Semiotics*. 1985. No. 3. Pp. 1-40.
6. *Reformatskij A.A.* Technical editing of the book (extracts of M. V. Panov.) Linguistics and poetics. [Tehnicheskaya redakciya knigi (v izvlecheniyah M.V. Panova.) Lingvistika i poetika]. *Moskva: Nauka*, 1987. Pp. 141-179. (in Russ.).
7. *Sorokin Yu.A.* Psycholinguistic aspects of studying the text. [Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya teksta]. *Moskva: Nauka*, 1985. (in Russ.).
8. *Kermode F.* Forms of Attention: Botticelli and Hamlet. *Chicago: The University of Chicago Press*, 1985.
9. *Johnson S. Gray.* The Lives of the Most Eminent English Poets; with Critical Observations on their Works. Vol. IV. *London*, 1791. Pp. 461-485.
10. *Shakespeare W.* The Complete Works of William Shakespeare. Wordsworth Editions, 1994. Pp. 858-884.
11. *Hewitt K.* Understanding English Literature. Perspective Publications, 1997.
12. *Kevedo F., de.* Enjoying privacy and academic practice, the author wrote this sonnet [TRANS. with the Spanish. A. Koss]. Spanish Parnassus, the double-headed mountain, the abode of the nine Castilian muses. [Naslazhdayas' uedineniem i uchenymi zanyatiyami, avtor sochinel sej sonet (Per. s ispansk. A. Koss). Ispanskij Parnas, dvuglavaya gora, obitel' devyati kastil'skih muz]. *Leningrad: Hudozhestvennaya literatura*, 1980. P. 229. (in Russ.).
13. *Stein G.* The Making of Americans (Excerpt). Selections [Edited and with an introduction by Joan Retallack]. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2008. Pp. 99-104.
14. *Uajl'd O.* Wilde the Young king (TRANS. angl. V. Eagle) Favorites. [Molodoj korol' (Per. s angl. V. Orla). Izbrannoe]. *Moskva: Prosveschenie*, 1990. (in Russ.). Available at: http://www.lib.ru/WILDE/wild_king.txt (accessed 3 September 2015).
15. *Uajl'd O.* The Portrait Of Dorina Gray [TRANS. angl. M. Akinai]. – Tashkent: Kitabchi, 1987. [Portret Dorina Greya (Per. s angl. M. Abkinoy)]. *Tashkent: Ukutuvchi*, 1987. (in Russ.).
16. *Nikitin M.V.* developed arguments about the concepts. [Razvernutyte tezisy o konceptah]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2004. No. 1. Pp. 53-64. (in Russ.).
17. *Pushkin A.S.* The Epistle to the censor. the Poem [Poslanie cenzoru. Stihotvoreniya]. Vol.3. *Leningrad: Sovetskij pisatel'*, 1955. Pp. 188-191. (in Russ.).
18. *Kureishi H.* The Buddha of Suburbia. *London: Faber and Faber*, 1990.

Информация об авторе

Соснин Алексей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков национального исследовательского университета «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ», Нижний Новгород, Россия

Получена: 09.09.2015

Information about the author

Sosnin Alexey Vladimirovich, Candidate of philological Sciences, associate professor, department of foreign languages, national research university higher school of economics, nizhny novgorod city, russia

Received: 09.09.2015

УДК 1.17. 37.014

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-420-422

СУХОРУКИХ Алексей Викторович,
кандидат философских наук

SUHORUKHIN Alexey Viktorovich,
Candidate for Doctorate in Philosophy

**СВОБОДА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ТВОРЧЕСТВА КАК КРИТЕРИЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ПАРАДИГМЫ**

**FREEDOM OF EDUCATIONALIST CREATIVITY
BEING A CRITERION FOR UPDATING THE
LEARNING PARADIGM**

В статье дан обзор ряда негативных социокультурных тенденций, затрудняющих модернизационные процессы в современном российском образовании, а также обоснована важность плодотворного ценностно-акцентированного педагогического творчества в реализации инновационных методик существующих воспитательно-образовательных практик.

Уделяется первостепенное внимание раскрытию педагогического таланта, харизматичности учителя и ученика, в процессе взаимодействия субъектных форм образовательного творчества. Подчеркивается важность «творческой среды» в процессе формирования условий для начала качественно новых социальных процессов.

Ключевые слова: образование, модернизация, педагогическое творчество, экспериментальные программы обучения.

The paper presented a survey of the range of negative social-cultural trends that hinder updating attempts in the contemporary Russian education, and justified as well importance of a fruitful value-focused educationalist creativity in implementing the innovation-targeted techniques in the existing practices of training and upbringing pupils. The survey has given a particular attention to discovering of a gifted educationalist, of charismatic features in both the teacher and student, in the course of interaction between the subject-related forms of educationalist' creative work. The paper emphasized importance of a «creative medium» in the course of shaping conditions for beginning the qualitatively new societal making.

Key words: learning, updating, educationalist creativity, pilot training programs.

Одной из центральных продекларированных сегодня задач педагогики остается формирование высококультурной личности, обладающей независимой нормативно-ценностной мировоззренческой шкалой. Постулируется необходимость создания образовательной системы, школы, в которой бы генерировалась и реализовалась на практике целостная система ценностей – важное требование современности, причем именно учитель выступил бы в такой образовательной системе активным субъектом, примером для подражания ученику и осознания им значения сказанного слова, совершенного поступка.

В этой связи, казалось бы, весьма своевременны и обнадеживают обозначенные перспективы модернизации собственно педагогического образования. В основу проекта, как известно, взята аналитика истории отечественной школы в контексте становления и развития российской педагогики. И тем не менее, определенный скепсис присутствует. Учителя, непосредственные участники учебного процесса, разброс базовой части зарплат которых по стране разнится на порядок, констатируют, что при всей по большей части имитации заявленных методически-инновационных перемен и при значительном снижении уровня реальной свободы педагогического творчества, так или иначе, состоялся общий «консервативный поворот» отечественной школы – причем, еще не наполненный смыслами, он уже опасно становится «ведущим трендом» для «чиновников от образования». В целом же российское образование продолжает быть подчинено прямой экономической конъюнктуре («продуктивность») и, начиная с идеи о том, чтобы школа не была затратной, сегодня фактически закончено тем, что механизмы модернизации и оптимизации «включили» ни больше, ни меньше – процесс «расчеловечивания» вне всяких моральных приоритетов, тем более что, «по умолчанию» приняв западный образ жизни, максимально нивелирующий нравственный фактор, российский социум, так или иначе, культивирует массовый стандарт: человек хочет все и сразу.

Долгожданным оазисом творческой свободы, способным предложить в существующих стандартах максимальную вариативность программ обучения, ряду педагогов видится разработанная новая концепция дополнительного образования. Причем финансирование именно программ, а не учреждений, уравнивание государственного и частного секторов дополнительного образования при федеральных бюджетных дотациях, отказ от госстандарта дополнительного образования и независимая система оценки его качества, как ожидается, должны привести к тому, что многоплановое педагогическое мастерство выплеснется, наконец, в «кружковую среду», уйдя от методической унификации обязательных стандартов знаний. Действительно: ряд факультативов-«творческих мастерских», занятия трудом, спортом, языками, искусством – заметим, частные школы здесь менее ограничены в средствах и предоставляют экспериментальные программы обучения, выходящие за рамки привычного образовательного компонента, – не просто восполняют развитие «нетипичных» детских навыков, они помогают и реализации «не-

типичных» педагогов, как правило, высококвалифицированных специалистов, авторов оригинальных программ и методик, которым не нашлось места в стандартной школе. Думается, как раз таким, креативным и, по сути, экспериментальным началом, способным возродить свободу детского творчества с учетом всех рисков взросления, хотя бы частично нивелируется постоянная угроза качеству обучения, когда из-за роста информационно-методической нагрузки, большую часть времени которой занимает отчетность, у педагога в принципе не остается возможности плодотворного досуга для личностного развития и даже для освоения новых образовательных программ.

Свобода творческого самовыражения обуславливает харизматичность педагога: его самодостаточность в образовательной системе, его личностную силу, умение быть и оставаться самим собой – учителем, а не только госслужащим с соображениями конъюнктуры. Смысл образования не сводим к ретрансляционным практикам, в его системном оформлении незаменим постоянный научно-творческий поиск, важны идеи, не получившие статуса устойчивых педагогических норм. Ограничение образовательного процесса лишь рамками учебного планирования несет опасность исключить весьма значимое, если не основное в формировании гностического контента личности: мир развивающегося содержания. С творчески-мотивированным подходом к профессии учителя связана и неоднозначность профессиональных результатов, тогда как педагогическое сообщество на местах постоянно вынуждено решать «корпоративную дилемму»: отказаться от рисков или отказаться от творчества.

Напомним: история широко известного педагогического проектного поиска в 20-е гг. XX в. и последующего реформирования «пролетарского образования» «по стандарту», связанная с «принципиально новыми» для того времени «находками» методик «воспитания коллективом» с его ориентацией на трудовую учебу как средство ускоренной интеграции подрастающего поколения в советское общество, – обнаруживает поистине «вечные» проблемные вопросы и педагогические риски. Так, выдающийся педагог и психолог, теоретик первой советской школьной реформы П.П. Блонский был весьма озабочен тем, что «школа сейчас в слишком малой степени является мастерской человечности, в ней слишком мало говорят человеку о человеке, в ней совсем не слышать о братстве людей. Испытываешь чувство тоски по поводу оскудения наших педагогических идеалов: неужели идеал школы – воспитание квалифицированного рабочего? Неужели даже в школе человек не самоцель?» [1, с. 101.] В то время как практический исследователь «сопротивления личности, когда ее начнут воспитывать», А.С. Макаренко «очень знакомо» пояснял: «Люди в известной степени представляют собой очень разнородный материал для воспитания, и выпускаемый нами "продукт" обязательно будет тоже разнообразен» [2, с. 43].

В критериях современной продуктивности отметим: воспитательный фактор не менее значим для развития образовательных технологий – только разнообразие субъективных форм личностного выражения и многообразие проявления творчества ведет к обновлению. Причем обновление, если мы говорим о подлинной инноватике, не исключает риски: здесь нет проторенных путей и очевидных «опор», часто движение по наитию, эксперименты с методами и формами. Важно помнить, что всякая модернизация в своей основной характеристике создает реальную динамику развития, формируя качество системы, работающее на опережение социальных вызовов, а по большому счету обуславливает экспериментальную базу для кардинально новых форм созидательной деятельности и мышления. А значит, имеющуюся на сегодняшний день ситуацию целесообразно использовать в качестве «плодородной почвы» для прогрессивного обновления образовательной парадигмы в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Козлова Н.Ю. Исторический подход и проблема гражданственности в отечественной теории // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития. – Книга 17. – Воронеж, 2008.
2. Макаренко А.С. Воспитание гражданина. – М.: Просвещение, 1988.

REFERENCES

1. Kozlova N.Y. The historical approach and the problem of citizenship in the domestic theory, Philosophy, faith, spirituality: origins, position and trends, [Istoricheskij podhod i problema grazhdanstvennosti v otechestvennoj teorii. Filosofija, vera, duhovnost': istoki, pozicija i tendencii razvitiya.]. *Kniga 17, Voronezh*, 2008.
2. Makarenko A.S. Education of the citizen, [Vospitanie grazhdanina] .*Moskva: Prosveshhenie*, 1988.

Информация об авторе

Сухоруких Алексей Викторович, кандидат философских наук, научный секретарь Воронежского филиала РФО,
Воронеж, Россия
sukhorukikh.al@yandex.ru

Получена: 18.05.2015

Information about the author

Sukhorukhih Alexey Viktorovich, Candidate for Doctorate in Philosophy, Academic Secretary of the Voronezh Branch of Russian Philosopher Society, Voronezh city, Russian Federation
sukhorukikh.al@yandex.ru

Received: 18.05.2015

УДК81

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-423-426

ТИХАНОВА Ольга Владимировна,
аспирант

TIKHANOVA Olga Vladimirovna,
Postgraduate Student

О НУЛЕВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ

AN APPROACH TO ZERO CATEGORIES IN SYNTAX

В данной статье рассматривается одна из наименее изученных тем русистики – синтаксический нуль. Синтаксический нуль следует четко отличать от других незамещенных позиций в предложении, например, таких как эллипсис, неполнота и др. К сожалению, в настоящее время не существует работ, посвященных этой теме, где бы синтаксические нули были описаны и разграничены в полной мере. Ведется много споров о том, что признавать нулями, нет классификации нулей. Мы проанализировали значимые работы лингвистов, фиксировали нулевые категории для русского языка, выделили основные признаки синтаксического нуля. Мы предполагаем, что нулевых синтаксических категорий можно выделить гораздо больше, например рассмотреть нулевые подлежащие в так называемых односоставных предложениях (неопределенно-личных, обобщенно-личных, безличных). Но, чтобы не перегружать изложение, мы попытались для начала разобраться с самыми основными и общепризнанными нулями, по нашему мнению – это нулевая форма связки и нулевой бытийный глагол. Главный принцип выделения синтаксического нуля – это изоморфность нулевым категориям других языковых уровней, ведь понятие нуля традиционно на любом уровне языка выводится из системы элементов, построенной по принципу оппозиции (парадигмы).

The paper examined one of the least explored issues of the Russian philology, namely a syntactic zero. One should accurately differentiate the syntactic zero from other positions being not substituted in the sentence, such as ellipse, incompleteness, etc. Actually, one could hardly find the papers having considered this issue, with proper description and comprehensive differentiation for syntactic zero instances. Experts carried multiple debates on what one should recognize for a zero, and nobody arranged zero instances into classification. The authors made a review of the papers of academic significance the linguists have produced, and specified zero categories for the Russian language, and have sorted out the main features typical of the syntactic zero.

The authors assumed that the experts could sort out much more null syntactic categories, for example, in considering the null subject in the so-called single-constituent clauses (indefinite personal or generalized personal clauses, or impersonal ones). The authors tried, in order to escape overburdening of the presentation, to start with looking into the most fundamental and universally recognized zeros, in their opinion, namely a zero form of the copula and a zero of any verb of existence. The main principle of differentiating a syntactic zero means it being isomorphic to zero categories at other levels of language, because at any level of language the concept of zero is derived by tradition upon the set of elements drawn up in compliance with the principle of oppositions (i.e. paradigm).

Ключевые слова: нулевые категории, синтаксический нуль, нулевая связка, парадигма.

Key words: zero category, syntactic zero, zero copula, paradigm.

Введение

При изучении синтаксических конструкций чаще всего мы рассматриваем только те синтаксические единицы, которые обладают фонологической формой, или означающим. Однако в разное время в рамках разных синтаксических концепций было обнаружено значимое отсутствие ряда синтаксических компонентов предложения. В данной работе мы попытаемся проанализировать фонологически пустые, или нулевые, единицы (их еще называют скрытыми и невыраженными). Эти единицы обладают значением и селективными признаками, но не имеют означающего.

Основная часть

Впервые нули описал в своей работе «Введение в языкознание» (1917) российский языковед И.А. Бодуэн де Куртене: «...dom-0, stol-0, voz-0, prud-0, где 0 символизирует собой морфему «нуль» [2, с. 282–283].

Значимая работа по нулевому знаку была написана одним из крупнейших лингвистов XX в. Р.О. Якобсоном в 1939 г. Наибольшая ее ценность в том, что, поскольку анализируемые явления должны рассматриваться в связи со всей системой какого-то языка, он пользовался в этой работе примерами из своего родного языка, то есть русского. Значительная часть его работы посвящена нулю в морфологии, но также имеется и описание нуля в синтаксисе. Он рассматривает конструкцию с опущением связки, которая является единственно возможной, как, например, в русском языке: *изба деревянная*, которой противопоставлены *изба была деревянная* и *изба будет деревянная* «как нулевой знак связки по форме и настоящее время глагола по функции» [7, с. 227].

В 1962 г. в журнале «Русский язык в школе» появилась статья под заголовком «О нулевых формах в синтаксисе» Е.М. Галкиной-Федорук. Первой формой, которую она рассматривает очень подробно, является нулевая связка в предложениях с именным сказуемым. «Видимо, предложения с нулевой связкой когда-то были предложениями с наличествующей связкой из

глагольных слов *есмь, еси, есть*. При разложении сложной глагольной формы выпадение началось с глагольной связки *еси, есмь*. Затем под влиянием исчезновения *есмь, еси* стала выпадать и связка *есть*, которая держалась в языке гораздо дольше, а в научно-публицистической речи держится и до настоящего времени», – считает Е.М. Галкина-Федорук [3, с. 9].

Второй нуль, который выделяет Е.М. Галкина-Федорук, – нулевая форма глагола-сказуемого, то есть нулевые глаголы бытия, экзистенции, глаголы движения в простых глагольных сказуемых. Вместо предложения *Отец находится (пребывает) в городе* появляется конструкция в живой речи *Отец в городе*.

Она считает, что нулевые формы сказуемого создаются также посредством эллипсиса глаголов движения, например: *Татьяна – в лес, медведь – за нею; Беду такую видя, Сокол – на воздух, Кошка – в лес*.

По мнению Е.Н. Ширяева, «в синтаксисе различаются парадигмы противопоставления, в составе которых имеет место нулевая связка и нулевой бытийный глагол, и парадигмы подобия, в составе которых имеет место нулевой полнозначный глагол» [6, с. 14]. В предложениях типа *Татьяна – в лес, медведь за нею; Да про что ты? А мы ее по толстым ляхам* и подобных он усматривает синтаксический нуль на том основании, что такие предложения могут рассматриваться как члены соответствующих рядов (парадигм подобия), другие члены которых имеют эксплицитное глагольное сказуемое. Так, ряд типа *Татьяна идет в лес, Татьяна бросается в лес, Татьяна в лес* «дает парадигму с нулевым глаголом, значение которого (движение) восполняется всем рядом» [6, с. 3–8].

А.П. Сковородников в работе «К вопросу о синтаксическом нуле» (1971) считает, что в современной русистике существует тенденция к расширению понимания синтаксического нуля, и оно представляется неправомерным по следующим соображениям. Во-первых, считает он, понятие нуля традиционно на любом уровне языка выводится из системы элементов, построенной по принципу оппозиции. Иными словами, «нуль означающего усматривается там, где есть противопоставление функционально разграниченных и в одинаковой позиции взаимно исключающих друг друга элементов системы», то есть парадигмы [4, с. 135].

По мнению А.П. Сковородникова, когда пытаются обосновать понятие нулевого полнозначного глагола как «синтаксического нуля», ссылаясь на выделяемую В.Г. Адмони «парадигму подобия», то тем самым проблему нуля переводят из плоскости собственно грамматической в плоскость синонимических замен, то есть в плоскость стилистики, причем по сути дела, стилистики лексико-семантического характера, поскольку в этом случае сопоставляются не формы предложения и грамматические значения, а синонимические глаголы с отсутствием таковых, возможных в синтагматическом ряду. Причем сопоставление производится по лексическому признаку, то есть учитываются изменения лексических значений при переходе от одного члена ряда к другому.

То, что Е.Н. Ширяев обобщенное лексическое значение глагола (например, значение движения) включает в «формулу» предложения, не делает его «нулевой полнозначный глагол» синтаксической нулевой формой, потому что лексическое наполнение в данном случае никак не связывается с парадигматикой предложения в грамматическом смысле, с системой его форм.

Общепризнанным можно считать положение о том, что понятие синтаксического нуля должно быть изоморфно нулевым категориям других языковых уровней: «...самый термин «синтаксический нуль» будет оправдан только в том случае, если явления, характеризующие им, будут изоморфны тем явлениям, которые объединяет этот термин на других уровнях языка», – справедливо замечает по этому поводу Е.Н. Ширяев [6, с. 3].

Исходя из всего вышесказанного, сделаем вывод, что отсутствие глагола в предложениях типа *Татьяна – в лес, медведь – за нею; Да про что ты? А мы ее по толстым ляхам* и т.п. – явления иного порядка, чем нулевая форма связки или нулевая форма бытийного сказуемого.

В предложениях типа *Брат – учитель* и *Отец в городе* отсутствие абстрактной связки и знаменательного бытийного глагола грамматически значимо, так как служит для выражения значения настоящего времени индикатива, обусловленного внутрипарадигматическими оппозициями, то есть, это нулевая грамматическая (синтаксическая) форма.

В предложениях же типа *Татьяна – в лес, медведь – за нею* и т.п. отсутствие знаменательного глагола-сказуемого не сигнализирует о каком-либо синтаксическом значении, например значении настоящего времени индикатива, поскольку не обусловлено внутрипарадигматическими оппозициями. Отсутствие глагольного сказуемого характеризует здесь не отдельную форму предложения, а парадигму в целом. Предложения этого типа в зависимости от условий микро- и макроконтеста могут выражать значение любого наклонения, а для индикатива – значения всех синтаксических времен.

Отсутствие глагола в предложениях этого типа имеет семантико-стилистическое значение (обозначает обобщенное, в пределах какой-либо лексико-семантической группы глаголов, значения и действия – в данном случае значение перемещения – и является признаком экспрессивной речи), вытекающее из противопоставления внешнего по отношению к парадигме самого безглагольного предложения, а именно из синонимической оппозиции («парадигмы подобия») двух соотносительных типов предложения – глагольного и безглагольного. Поэтому отсутствие глагола в предложениях указанного типа не является нулем в грамматическом смысле.

Существует мнение, что нулевыми формами в синтаксических конструкциях могут быть лишь формы сказуемого, но не какого-либо иного члена предложения, так как только формы сказуемого являются выразителями грамматического значения объективной модальности и синтаксического времени.

С этим вряд ли можно согласиться, если рассматривать различие между двусоставными и односоставными предложениями как грамматическое.

Неверно ограничивать понятие синтаксического нуля только формами сказуемого, так как при наличии соответствующей оппозиции (парадигмы) нулевое выражение возможно и по отношению к синтаксическому значению лица. Однако признание, наряду с нулевой формой связки и нулевой формой бытийного сказуемого, нулевого подлежащего обязывает поставить вопрос о своего рода иерархии или типологии синтаксических нулей в зависимости от характера парадигмы, которой этот ноль обусловлен.

Так, в одном типе объединяются нулевая форма связки и нулевая форма бытийного глагола-сказуемого, поскольку однотипны обуславливающие их парадигмы: обе парадигмы представляют собой совокупности модально-временных форм одного предложения. Нулевое подлежащее являет собой синтаксический ноль иного порядка, обусловленный не парадигмой форм одного предложения, а парадигмой нескольких предложений, противопоставленных по признаку синтаксического лица.

Заключение

Итак, мы рассмотрели и проанализировали наиболее значимые работы, посвященные синтаксическому нулю в простом предложении, и фиксировали для русского языка следующие нулевые категории:

1. *Обыты* со значением «являться» (связка): *Эта девушка как праздник; Жизнь прекрасна и удивительна.*

2. *Обыты* со значением «находиться»: *Федор в соседней комнате; Отец в городе.*

Мы выяснили, что для синтаксического нуля характерны следующие признаки:

1) понятие нуля традиционно на любом уровне языка выводится из системы элементов, построенной по принципу оппозиции, то есть противопоставления функционально разграниченных и в одинаковой позиции взаимно исключающих друг друга элементов (парадигмы);

2) не следует обосновывать понятие нулевого полнозначного глагола как синтаксического нуля, ссылаясь на «парадигму подобия», так как проблему нуля переводят из плоскости грамматической в плоскость синонимических замен, то есть в плоскость стилистики;

3) понятие синтаксического нуля должно быть изоморфно нулевым категориям других языковых уровней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Введение в языковедение // Избранные труды по общему языкознанию. – 1963. – Т. 2 – С. 246–293.
2. Галкина-Федорук Е.М. О нулевых формах в синтаксисе // Русский язык в школе. – 1962. – № 2. – С. 6–12.
3. Сковородников А.П. К вопросу о синтаксическом нуле // Проблемы русского языка и его методики. – 1971. – С. 134–142.
4. Чиркина И.П. Проблема неполноты предложения и ее изучение в вузе // Вопросы синтаксиса русского языка. – 1969. – С. 17–20.
5. Ширяев Е.Н. Нулевые глаголы как члены парадигматических и синтагматических отношений (на материале современного русского языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М., 1967. – 15 с.
6. Якобсон Р.О. Нулевой знак // Якобсон Р.О. Избранные работы. – 1985. – С. 222–230.

REFERENCES

1. Baudouin de Courtenay I.A. Introduction to linguistics [Vvedenie v jazykovedenie], *Selected works on general linguistics*, 1963, pp. 246–293. (in Russ.)
2. Galkina-Fedoruk E.M. Zero forms of syntax [O nulevyh formah v sintaksise], *Russkiy yazik v shkole*, 1962, № 2, pp. 6–12. (in Russ.)

3. Skovorodnikov A.P. On the question of the syntactic zero [K voprosu o sintaksicheskom nule], *Problemy russkogo jazyka i ego metodiki*, 1971, pp. 134–142. (in Russ.)
4. Chirkina I.P. The problem of incomplete deals and studying it in high school [Problema nepolnoty predlozhenija i ee izuchenie v vuze], *Voprosy sintaksisa russkogo jazyka*, 1969, pp. 17–20. (in Russ.)
5. Shiryayev E.N. Zero verbs as members of the paradigmatic and syntagmatic relations (on a material of modern Russian language), [Nulevye glagoly kak chleny paradigmaticeskikh i sintagmaticeskikh otnoshenij (na materiale sovremennogo russkogo jazyka)], *based on auth. diss.*, 1967, p. 15. (in Russ.)
6. Jacobson R.O. Zero mark [Nulevoj znak], *Jacobson, Selected works*, 1985, pp. 222–230. (in Russ.)

Информация об авторе

Тиханова Ольга Владимировна, аспирант
ФГБОУ ВПО «Государственный институт рус-
ского языка им. А.С. Пушкина»,
ул. Академика Волгина, д. 6,
Москва, Россия

Получена: 04.08.2015

Information about the author

Tikhanova Olga Vladimirovna, Postgraduate
Student, Federal State-Funded Education Insti-
tution of Graduate Vocational Training, State
Institute of Russian Language named after
Pushkin A.S., 6, Academician Volgin Str.,
Moscow, Russia

Received: 04.08.2015

УДК 378.046.4; 331.101.39

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-427-429

ФЕДОСЮК Ян Владимирович,
аспирант кафедры Социологии и управления

FEDOSYUK Yan Vladimirovich,
Postgraduate student, Chair for Sociology and Management

**ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТРЕНИНГА И СПОСОБЫ
ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ЕГО
ПРОВЕДЕНИЯ**

**FACTORS EXERTING IMPACT ON LEARNING
EFFICIENCY, AND TRAINING PERFORMANCE'
EVALUATION TECHNIQUES**

В данной статье основное внимание уделено вопросам эффективности тренинга, проводимого с целью повышения деловой эффективности команды. В условиях нехватки внутренних идей особенно актуальным становится проведение тренингов, нацеленных не на улучшение межличностных отношений и общего настроения в команде, а на рост практической ценности каждого сотрудника, снижение количества различных барьеров в решении рабочих задач. Автором определены критерии результативности, способы их просчета, выявлена важность отдельных составных частей, таких как тренер, заказчик и сами участники. От их действия или бездействия напрямую зависят результаты обучения и, соответственно, оценка этого обучения. На основе работ отечественных и зарубежных авторов выделены два ключевых вопроса перед проведением тренинга, а затем использована ROI-модель Филлипса как основной способ оценки эффективности. В заключении определены основные этапы оценки вместе с уточнениями.

The paper generally focused on the learning efficiency aspects at the training carried out with the purpose of improving practical efficiency of business team' performance. While shortage of ideas the personnel should have produced, some training shall be particularly urgent, provided that the sessions to be aimed at contributing to practical merits of every employee, and at reducing numerous barriers the employees face while solving problems at work, rather than improving interpersonal relations and enhancing the cognitive tuning of the team. The author specified the criteria of performance' efficiency, and measurement procedures in their evaluation, and has brought to light significance of some individual components as the coach, or the client or the participants. Their active involvement or inertness shall directly impact on the learning outcomes and, accordingly, the score of that training. Having made a review of the papers by the Russian and foreign writers, the study has sorted out two key issues (to solve) prior to starting the training, and then used the ROI model by Phillips as the principal procedure of efficiency' evaluation. In conclusion, the paper defined the main stages of assessment, jointly with some refinements.

Ключевые слова: тренинг, командообразование, ROI.

Key words: Training, team building, ROI.

Введение

В ситуации, когда личных навыков участников и лидера команды недостаточно для успешной деятельности, логично прибегнуть к помощи внешних инструментов, таких как различные тренинги и командообразующие мероприятия. Однако задача определения необходимого в конкретной ситуации тренинга – будь то веревочный, ситуационный или любой другой – нередко ставит в тупик даже самого искушенного руководителя.

При определении задачи тренинга логично ставить такие вопросы:

- 1) Каким образом определить результативность тренинга?
- 2) Каким образом измерить результативность?
- 3) Как окупить затраты?
- 4) Как закрепить результаты?

Большинство командообразующих мероприятий направлено исключительно на повышение межличностных отношений, укрепление доверия внутри коллектива и к лидеру в частности, изменение психологических качеств членов команды. Разнести критерии результативности на объективные и субъективные видится довольно сложной задачей. Например, по мнению Р. Бакли, они заключаются [1]:

- в изменении личностных показателей работы членов команды;
- как следствие, в изменениях в функционировании организации в целом;
- в повышении оперативности решения текущих задач.

Иначе говоря, оценивать результаты тренинга можно через отслеживание последствий его проведения. Взяв за основу подход В.Ю. Большакова, можно предложить такой подход [2]:

1. Определение системы критериев, привязанных к конкретным действиям членов команды (как изменилось время реагирования на входящие задачи, как изменились показатели продаж, проектов и т.п.);
2. Отслеживание изменений в индивидуальном поведении сотрудников.

Основная часть

Для начала определим ключевых участников тренинга. Принято считать, что основа – это тренер. Однако немаловажную роль также играют сами участники и сам заказчик тренинга. Со стороны заказчика основные моменты заключаются в том, что формат тренинга следует использовать в парадигме обучения 70-20-10, где 70% - обучение сотрудника непосредственно на

рабочем месте, 20% - работа с наставником, ментором, коучинг, консультирование с экспертами, 10% - практика краткосрочного обучения (тренинги и мастер-классы). Если заказчик сводит весь процесс обучения к третьему шагу, то, как понятно, эффективность от такого обучения будет минимальной. Обучение должно быть системным.

От тренера требуется профессиональный опыт в той области, в которой он проводит обучение. Если речь идет о продажах, то важно понимать, каков он сам был и есть продавец. Если речь идет об управлении, поищите в его резюме соответствующие позиции. Как оценить качество позиций? Ведь в резюме написать можно все, что угодно. Спросите. Задайте тренеру два-три вопроса (кейса) и узнайте, как он поступил бы в тех или иных ситуациях. Конечно, такой «экзамен» следует проводить при личной встрече под видом просьбы дать вам совет.

Со стороны участников важный момент заключается в мотивации к обучению: если ее нет или они вынуждены отвлекаться на удовлетворение каких-либо иных потребностей, им будет не до учебы. Есть категория слушателей, которая очень внимательна на тренингах и ловит каждое слово тренера, а есть такие, кто приходит на тренинг с установкой «отсидеть» [3].

В ряде источников, касающихся проблематики развития персонала, описан метод, созданный американским специалистом в сфере технологий развития персонала Дж. Филиппсом и дающий вполне определенные ответы на вышеуказанные вопросы.

Данный подход, призванный оценивать окупаемость вложений в развитие персонала, называется ROI – Return on Investment (возврат инвестиций). Метод был одобрен Американской ассоциацией тренинга и развития. Согласно многочисленным опубликованным данным, этот подход взят на вооружение значительным числом крупных коммерческих компаний и представляет собой основу точного измерения окупаемости вложений в обучение работников, в том числе административного профиля. Использование данного подхода позволяет со значительной мерой точности определить отдачу от инвестиций, вложенных в развитие персонала, формирование управленческих команд, выявить неэффективные и полностью затратные технологии развития персонала [4]. Метод Дж. Филиппса основывается на простой и традиционной технологии измерения объективных показателей. Для его реализации:

- выявляются индикаторы, на которые может повлиять развитие персонала, например объем продаж, прибыль, затраты, производительность труда по отдельным операциям, трудозатраты;
- данные индикаторы измеряются (в финансовом выражении) до проведения мероприятия по развитию персонала;
- они же измеряются после проведения мероприятия на определенном временном отрезке;
- измеряются затраты на проведение мероприятия;
- рассчитывается индекс ROI: $ROI = ((\text{доход от мероприятия} - \text{затраты на мероприятие}) / \text{затраты на мероприятие}) \times 100\%$.

Заключение

Обобщая все вышесказанное, обозначим этапы определения эффективности проведения тренинга:

1. Измерение бизнес-показателей – способом ROI, формированием параллельных контрольных групп, сравнительным анализом воздействия на динамику бизнес-показателей иных факторов, помимо проведенного тренинга.

2. Оценка субъективного отношения к тренинговому мероприятию путем опросов и анкетирования, в том числе:

- оценка заинтересованности участников, оценка прагматической значимости для исполнения своих обязанностей;
- оценка доступности тренинговой программы;
- оценка влияния программы на личностные качества и поведение;
- оценка влияния программы на профессиональные качества, эффективность в плане формирования новых навыков, развития знаний.

3. Внешняя оценка изменений профессиональных и личностных качеств членов команды, прошедших тренинг [5].

В целом применение комплексной системы оценки результативности тренинговых мероприятий позволяет в значительной мере снизить неопределенность, неизбежно возникающую при принятии решения о проведении подобного рода мероприятий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бакли Р., Кэйпл Дж. Теория и практика тренинга. - СПб.: Питер, 2002. - 352 с.
2. Большаков В.Ю. Психотренинг. Социодинамика. Упражнения. Игры. - СПб.: Служба доверия., 1996. - 380 с.
3. Устьянцев Д. Как измерить эффективность тренинга?
<http://www.e-xecutive.ru/knowledge/announcement/1839873/index.php?page=0>
4. Манолова О.Н. Методы обучения и развития персонала предприятия // Кадровый менеджмент. - 2003. - № 4. - С. 28-48.
5. Фролов С.С. Социология. - М.: Наука, 1994. Эффективность управленческих команд и лидерство: Аналитический отчет / Компания RosExpert. - М., 2005.

REFERENCES

1. Buckley R., Keypl J. Theory and practice of training, p. 352 [Teoriya i praktika treninga], Sankt- Peterburg: Piter, 2002. (in Russ.)
2. Bolshakov V.Y. Psycho. Sociodynamics. Exercises. Games [Psihotrening. Sociodinamika. Uprazhneniya. Igry], p. 380 Sankt- Peterburg: Helpline., 1996. (in Russ.)
3. Ustyantsev D. How to measure the effectiveness of the training? [Kak izmerit' jeffektivnost' treninga]. Available at: <http://www.e-xecutive.ru/knowledge/announcement/1839873/index.php?page=04>. (in Russ.)
4. Manolov O.N. Methods of staff training and development of the enterprise [Metody obuchenija i razvitija personala predpriyatija], Staff management, pp. 28-48, №4, 2003 (in Russ.)
5. Frolov S.S. The effectiveness of leadership and management teams: Analytical Report [Jeffektivnost' upravlencheskih komand i liderstvo: Analiticheskij otchet], Sociology Moskva: Science, 1994. (in Russ.)

Информация об авторе

Федосюк Ян Владимирович, аспирант, кафедры Социологии и управления Белгородского Государственного Технологического Университета им. В.Г.Шухова, Белгород, Россия

Получена: 30.05.2015

Information about the author

Fedosyuk Yan Vladimirovich, Postgraduate student, Chair for Sociology and Management, Belgorod State Technological University named after Shukhov. Belgorod city, Russia

Received: 30.05.2015

УДК: 811.124

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-430-435

ХАРАЕВА Лариса Ханбиевна,
профессор, доктор филологических наук,

KHARAIEVA Larisa Khanbievna,
Doctor of Philology, Professor

ХАМУРЗОВА Аминат Газалиевна,
кандидат педагогических наук, доцент

KHAMURZOVA Aminat Gazalievna,
Candidate of pedagogical Sciences, Associate Professor

ОРДОКОВА Майя Ахмедовна,
кандидат филологических наук, доцент

ORDOKOVA Mayya Akhmedovna,
Candidate of Philology, Associate Professor

**АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
СЕМАНТИКИ УСТОЙЧИВЫХ
СЛОВСОЧЕТАНИЙ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА
ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В
УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА**

**THE ANALYSIS OF NATIONAL-CULTURAL
SEMANTICS OF LATIN SET EXPRESSIONS IN
TEACHING A FOREIGN LANGUAGE UNDER
THE CONDITIONS OF BILINGUALISM**

В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ кабардинских, французских и латинских устойчивых словосочетаний, выражающих типологически сходные культурные концепты. Такой анализ помог выявить сходства и различия в процессе интерпретации явлений окружающей действительности, который имеет национально-культурную детерминацию. Результаты исследования могут послужить формированию новых методических установок, способствующих изучению иностранного языка. В еще большей степени этому способствует ситуация двуязычия, так как оно имманентно предполагает наличие, по крайней мере, двух концептуальных систем, как в данном рассматриваемом случае, в группах обучающихся, представленных билингвами, владеющих кабардинским и русским языками в полном объеме.

The presented paper is focused on comparative and contrastive analysis of Kabardian, French and Latin set expressions which express typologically similar cultural concepts. Such analysis is aimed at revealing similarities and differences in the process of interpretation of phenomena occurring in the surrounding world, which has national-cultural determination. The results of the research can contribute to the formation of new methodological guidelines enhancing the process of learning a foreign language, which is even more enhanced in the situation of bilingualism, because bilingualism immanently implies at least two conceptual systems, as in this particular case, in groups of students represented by bilinguals who know Kabardian and Russian equally well.

Ключевые слова: концепт, фразеология, лингвокультурология, паремиология, билингв, родной язык, иностранный язык.

Key words: concept, phraseology, bilingualism, bilingual, cross-cultural communication, ethno-cultural specificity, semantics, mentality.

В духовной и материальной сфере каждый народ постепенно формирует свою языковую картину мира, создает собственную культуру. Национальные культурные ценности, национальная специфика воплощается в лексике, в национальной фразеологии, а также в известной степени в грамматической структуре соответствующего языка, в которой отражается национальный менталитет.

Сопоставительный анализ каких-либо значимых явлений культуры разных народов позволяет выявить сходства и различия в особенностях художественного мировосприятия. В результате такого анализа можно обнаружить, какие темы и проблемы являются узловыми в мировосприятии этих народов, а также насколько сходны и различны образы, составляющие основу мировосприятия каждого народа.

Сравнительный анализ кабардинских, французских и латинских устойчивых словосочетаний, выражающих типологически сходные культурные концепты, поможет установить сходства и различия в процессе интерпретации и опредмечивания явлений окружающей действительности, который имеет национально-культурную детерминацию.

Под культурным концептом, как основной единицей лингвокультурологии, В.И. Карасик понимает многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны. Под наличием имен концептов понимается наличие области, концептуализируемой в языковом сознании и получившей обозначение. Концепт – это единица коллективного сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой. Различают три аспекта концептуализации: обозначение, выражение и описание. Под обозначением следует понимать определение и выделение фрагмента действительности наиболее значимого в ценностном отношении для носителей определенной лингвокультурной традиции и присвоение этому фрагменту языкового знака [6, с. 107].

Концепт, выраженный как отдельным словом, так и устойчивым словосочетанием, нами рассматривается как языковая единица. Концептуальная система каждого языка обладает уникальными свойствами, обусловленными всем процессом культурно-исторического развития. Но вместе с тем непреложным фактом является общечеловеческий код мышления, человеческое

познание, основанное на общечеловеческих логических категориях, и можно говорить об универсальной концептуальной системе, которая, преломляясь в каждом языке, дает свой набор концептов, характерных для каждого этноса. Как пишет Л.Х. Хараева: «Концептосферы, образовавшиеся в разных языках, в значительной степени покрывают друг друга. Но вместе с тем, несмотря на "генеральную" линию эволюционного развития, наблюдаются и различия» [10, с. 217]. Сопоставляя разные концептуальные системы, конкретно отдельные концептуальные блоки, как они отражаются в языках, можно и нужно вырабатывать новые методические установки, способствующие изучению иностранного языка. В еще большей степени этому будет способствовать ситуация двуязычия, так как оно имманентно предполагает наличие, по крайней мере, двух концептуальных систем, как в данном рассматриваемом случае, в группах обучающихся, представленных билингвами, владеющих кабардинским и русским языками в полном объеме.

Устойчивые словосочетания, как никакой другой уровень языка, хранят идиозмические черты, характеризующие образ мышления на конкретном естественном языке, реально существующем, пусть даже, как в данном конкретном случае, лишь в виде письменных памятников.

Латинский язык представляет особый лингвистический случай, потому что он активно используется в различных областях науки, права, общечеловеческой культуры, а также активно участвует в словообразовании. И, наконец, романские языки и романская культура, в целом, весь романский мир, базовой составляющей которого является, как известно, латинский язык и древнеримская культура, и по сей день вносят свой неоценимый вклад в развитие общечеловеческой цивилизации. С одной стороны, латинский язык был и остается неиссякаемым источником заимствования, лежащим в основе современного терминопольного производства, а с другой, знание общекультурных ценностей, зафиксированных латинским языком в виде устойчивых словосочетаний (фразеологизмов, сентенций, афоризмов, паремий), проникших путем прямого заимствования в другие языки, влияет на развитие поликультурной личности, потенциально более подготовленного партнера реальной межкультурной коммуникации.

Большим подспорьем в изучении латинского языка играют устойчивые словосочетания фразеологического и паремиологического уровней, отражающие общекультурные цивилизационные ценности, составляющие сегмент традиционного тезауруса всех известных современных языков благодаря процессу постоянного заимствования. В ситуации кабардино-русского двуязычия изучение латинского языка способствует вхождению в русскую и мировые культуры, остается одним из многих путей приобщения к мировой цивилизации через язык-посредник (русский язык), соответственно, обогащая при этом родную культуру, родной язык, углубляя процесс их понимания и восприятия.

За основу лингвистического анализа берется классификация базовых культурных концептов, предлагаемая в издании «Система гуманитарного и социально-экономического знания» под редакцией Г.А. Хмелевской.

Концепты, анализируемые в нашей работе, являются основополагающими для разных культурных традиций. Знание концептов *humanitas* – человечность, гуманизм, *fides* – верность, анализ их интерпретативных полей, их языкового выражения способствуют росту межкультурной компетенции, так как они несут знание чужой ментальности, чужой культуры, сквозь призму своих собственных ментальности и культуры. В процессе усвоения этих концептов и их экспонентов в культуре и языке параллельно идет процесс познания, то есть активизируются когнитивные процедурные механизмы, которые в конечном счете способствуют развитию фоновых знаний, необходимых как в процессе обучения иностранному языку, так и в процессе становления человеческой личности в целом.

Сопоставление культурных языковых экспонентов, отражающих моральные нормы и принципы, способствует их более глубокому пониманию и освоению, что приводит к общему повышению уровня межкультурной и социокультурной компетенции.

За исходную точку подобного лингвокультурологического анализа можно взять концепцию идеального человека в древнеримской культуре.

С XI в. до н.э. под влиянием греческой философии стал распространяться идеал всесторонне развитой личности. С I в. до н.э. идеал человека стал прочно связываться с термином *humanitas*, которым Цицерон обозначал идеал греческого образования, образ мыслей, достойный человеческой жизни. При этом идеал представлялся не тем, что было бы желаемо, но тем, что обязательно для жизнестойкости. Во времена Империи *humanitas* все больше приобретает значение разумного человеческого поведения по отношению к другим людям, независимо от уровня образования. Разумное человеческое поведение, по всей видимости, предполагало адекватное отношение к окружающему миру и адекватную оценку человеческих поступков, желаний, намерений, умений. В латинско-русском словаре И.Х. Дворецкого имеются следующие

щие определения *humanitas*, которые можно сгруппировать следующим образом:

человеческая природа, человеческое достоинство;
человеколюбие, гуманность, доброта;
обходительность, образованность, духовная культура;
утонченный вкус, тонкость обращения, изящество манер;
изысканность речи, учтивость, воспитанность;
человеческий род, человечество.

Вот несколько выражений, подтверждающих это мнение и показывающих, насколько глубоко и полно древние знали человеческую психологию, взаимосвязь человека с природой, а также ценили и воспитывали гуманизм.

Fac id, quo lest humanitatis – поступай так, как велит тебе долг человека.

Omnem humanitatem exuere – отказаться от всего человеческого (потерять облик человека).

Errare humanum est – человеку свойственно ошибаться.

Acta probant se ipsa – поступки говорят сами за себя.

Homo sapiens – человек мыслящий.

Dum spiro, spero! – пока дышу, надеюсь!

Cogito ergo sum – я мыслю, следовательно, существую.

Римляне полагали, что человек ответственен за себя, за свою судьбу.

Faber est quisque suae fortunae – каждый кузнец своего счастья.

Nosce te ipsum – познай самого себя.

E fructu arbor cognoscitur – дерево узнается по плодам.

Felix, qui potuit cognoscere rerum causas – счастлив, кто смог познать природу вещей.

Omnis ars imitatio est naturae – всякое искусство есть подражание природе.

В русском языке встречаются выражения со сходной семантикой, например:

О человеке судят не по словам, а по делам.

Не родился еще тот человек, который никогда не ошибается.

Каждый должен о себе заботиться.

Французский язык богат на фразеологизмы, в которых отразились душа и характер народа, долгая, насыщенная яркими событиями история Франции.

Умение и готовность поступать так, как предписывают долг и моральные нормы, отражены в следующих выражениях:

Travailler d'arrache-pied – работать, трудиться до седьмого пота.

Suer sang et eau – работать, лезть из кожи.

Chacun est artisan de sa fortune – каждый кузнец своего счастья.

Voler de ses propres ailes – стать самостоятельным.

Conduire seul sa barque – решать все самостоятельно.

Prendre quelque chose en main – взять на себя ответственность за что-л., взять в свои руки.

Prendre quelque chose sous son bonnet – взять что-либо на себя.

Saisir l'occasion par les cheveux – не упустить случая.

Battre le fer pendant qu'il est chaud – куй железо, пока горячо.

Saisir la balle au bond – немедленно воспользоваться благоприятным моментом.

Couper le noeud gordien – разрубить gordиев узел.

Avoir le pied à l'étrier – иметь все возможности для успеха.

В кабардино-черкесском языке *humanitas* соответствует термин, обозначающий культурный типологически сходный концепт *цыхугъэ*.

Как пишет Бжажников Б.Х., «Человечность – система позитивных, объединяющих чувств и реакций. Во всем мире они ассоциируются с любовью, состраданием, пониманием... Но, пожалуй, прежде всего с любовью, как наиболее полным и точным выражением полноценной внутренней связи между людьми, но в адыгской культурной традиции отчетливо выделяется еще необходимость эмпатического восприятия или видения другого» [2, с. 6]. Обычно по этому поводу говорят:

цыхур фыуэ лъагъун хуейщ – нужно любить людей;

цыхур фыуэ зымылъагъур цыхукъым – человек, не любящий (не видящий хорошими) других людей, не человек.

В качестве модальной категории предстает само понятие «человек». Оно обязывает быть верным своей социальной природе – быть человеческим. Отсюда формула сохранения моральной идентичности:

Уцыхумэ цыху хуэдэу щыт – если ты человек, то ве́ди себя как человек, то есть в соот-

ветствии с нравственной ступенью, на которую поднялись люди в процессе эволюции.

В процессе обучения французскому языку проанализированные когнитивные признаки, отражающие основное содержание устойчивых единиц, являются рекуррентными и презентативными для соответствующих лексических единиц во французском языке. Во французском языке понятие «человек» представлено следующими фразеологизмами:

Homme fort – умный, рассудительный человек.

Homme de conscience – честный, добросовестный человек.

Homme de bel air – человек с хорошими манерами.

Bon homme – превосходный, добрый человек.

Homme bronzé – бесстрашный, испытанный, закаленный боец.

Homme de parole – человек слова, человек на которого можно положиться.

Homme de peu – ничтожный, жалкий человек.

Homme en baudruche – пустомеля, дутая личность.

Идеал человека в античности можно выразить латинским словосочетанием *vir bonus dicendi peritus*. Что означает это выражение? В Древнем Риме довольно рано сложилось представление о том, что как на войне римлянин служит своему отечеству с оружием в руках, так в мирное время его служение – речи в сенате и народном собрании. Катон-Старший определил идеал римского оратора формулой *vir bonus dicendi peritus* – муж достойный, в речах искусный, для которого высшим благом является благо государства, а высшей добродетелью – служение «народу Рима». Это положение эксплицируется следующими крылатыми выражениями:

Pro bono publico – ради общественного блага.

Salus rei publicae – suprema lex – благо государства – высший закон.

Publicum privato est preferendum – общественное следует предпочитать частному.

Voluntas populi suprema lex – воля народа – высший закон.

Homo locum ornat, non locus hominem – человек красит место, а не место человека.

Labor recedet, bene factum non abscedet – трудности уйдут, а благое дело останется.

Как было сказано выше, большим достоинством считалось умение красноречиво выражать свои мысли. Поэтому особое значение придавалось искусству речи, высказанному слову. К оратору предъявлялись высокие требования, такие как образованность, правдивость, ответственность за свои слова.

In recto virtus – в правде добродетель.

Verba animi proferre et vitam impendere vero – высказать слова своей души и правде отдать жизнь.

Nescit vox missa reverti – сказанное слово не может вернуться.

Идеалом человека у адыгов является индивидуум, которому присуще такое качество, как адыгство – адыгагъэ, которое включает такие понятия, как адыгэ хабзэ – общеадыгский морально-правовой кодекс поведения и адыгэ щэн – адыгские нравы. При наличии высокого национального самосознания стремление к идеалу адыгства воспринимается как высший долг – долг чести.

Исследователь адыгской этики Б.Х. Бгажноков так характеризует адыгагъэ: «Адыгство включает в себя лучшие черты, присущие адыгам. Это не только моральный идеал, но и специфическое выражение жизненного мира, национального духа черкесов. При наличии высокого национального самосознания стремление к идеалу адыгства воспринимается как высший долг – долг чести. "Адыгагъэ, – говорят в связи с этим, – долг человека перед людьми, перед самим собой, перед Богом". Через призму данной идеологии осуществляется самооценка личности, воспринимаются вещи, явления, события, а также – и пожалуй, в первую очередь – другие люди, их действия и поступки. Адыгство превращается в один из важнейших компонентов практического сознания, определяя во многом восприятие мира, стиль жизни, ориентировку конкретных, в том числе и проблемных ситуациях. Обладающий адыгством (адыгагъэ зыхэлъ) – суть человек чувствующий, мыслящий и поступающий в соответствии с заповедями адыгской этики, человек, в котором жив природный дух адыгов» [2, с. 15]. Очень важно подчеркнуть, что именно это анализируемое качество является базовым для определения идеала человека, человечности и для характеристики человека является основополагающим.

Это же качество считается главным этническим признаком, наряду с происхождением. Это положение иллюстрируется языковыми фактами.

Адыгагъэ хэлъщ – адыгством обладает.

Адыгагъэ хэлъкъым – адыгством не обладает.

Адыгагъэ щагъуэ яхэлъыжкъым – в них уже мало адыгства.

Адыгагъэ къыдахакъым – адыгства не проявили.

Адыгагъэ хузэрахъэр – адыгство проявляют.

У римлян издавна *fides* – верность – воплощалась в образе богини, олицетворявшей вер-

ность договору. Храм Верности на Палатине служил местом заключения договора: церемония прикосновения закутанной правой рукой освящала договор и делала его нерушимым.

Нами найдены следующие латинские крылатые выражения, доказывающие это положение:

Bona fides – добросовестность.

Bona fide – добросовестно, чистосердечно.

Semper immota fides – всегда непоколебимая верность.

Punica fides – пунийская верность.

С распространением христианства fides стала обозначать веру в единого бога (религию).

Что касается кабардино-черкесского языка, то в нем латинскому fides соответствует слово пэжагъ. Это слово имеет такие значения, как: правдивость, истинность; честность, преданность, верность; точность, правильность.

Ныбжьэгъум и пэжагъыр гъэунэхун – быть верным в дружбе.

Прилагательное пэж «верный, преданный» употребляется в таких свободных словосочетаниях, как:

Цыху пэж – честный человек, (франц. яз.) – homme honnête.

Ныбжьэгъу пэж – преданный, верный друг, (фран. яз.) – ami fidèle.

Щхъэгъусэ пэж – преданный, верный супруг.

Можно привести также фразеологизмы, в которых слово пэжагъ употребляется в значениях «правдивость», «честность», «преданность», «верность»:

Пэжым нэр ирещ! – правда глаза колет, (фран. яз.) – il n'y a que la vérité qui blesse.

Пэжыр макъкIэ къахьыркъым – правду горлом не берут

Пэжыр зи гъуазэм насыпыр и гъуэгущ – кто живет правдой, тот пройдет дорогой счастья.

Пэжыр дыщэм нэхърэ нэхъ лъапIэщ – правда дороже золота.

Пэжыр, шы щIакъуэм тесми, къос – (досл.) хоть и на хромом коне, правда приедет (рано или поздно восторжествует).

Пэжыр гъуджэщ – правда – зеркало.

ГукIи псэкIи хуэпэжщ – преданный душой и телом.

Цыхум я нэхъ лъапIэр жумарт пэжщ – верность (правдивость) – лучшая человеческая добродетель.

Можно привести также старинный адыгский застольный тост.

ЩауэфIхэм я ныбжьэгъу пэжу...

Дахашэхэр куэдрэ ирепсэу! Дословный перевод звучит следующим образом: «Пусть долго живут красавицы, верные подруги хорошим женихам».

Приведенные языковые факты подтверждают мысль, высказанную З.Х. Бижевой о том, что концепт «пэжагъ» «непосредственно связан с нравственным обликом человека. Более того, это одна из важнейших национальных установок, закрепленная в адыгском этикете» [3, с. 70].

Латинскому fides и кабардино-черкесскому пэжагъ соответствуют во французском языке fidèle (верный), fidélité (верность), vérité (правда), dévouement (преданность), honneur (честь), honnêteté (честность), intégrité (порядочность). Преданность – положительное качество личности, характеризующее уважение, верность.

Tendre la perche à qn – протянуть кому-л. руку помощи.

Faire la courte échelle à qn – помочь кому-л. добиться успеха.

Tirer qn d'un mauvais pas – уберечь кого-л. от неверного шага.

Etre amis à la vie et la mort – быть неразлучными друзьями.

Renvoyer l'ascenseur à qn – ответить услугой на услугу.

Mettre le pied à l'étrier à qn – помочь кому-л. преуспеть.

Se jeter dans le feu pour qn – пойти в огонь и в воду.

Etre dévoué corps et âme à qn – быть кому-л. преданным душой и телом.

Как видно из приведенных примеров, любой лингвокультурный концепт оживает только после наполнения его языковым материалом. Концепт выражается словами и их сочетаниями, поэтому нам представляется, он должен быть не только объектом изучения, но и методом обучения лексике, идиоматике, грамматике иностранного языка. Поскольку одни и те же лингвокультурные концепты в разных языках выражаются по-разному, их сопоставление в содержательном, структурном и языковом планах способствует выявлению и классификации тончайших смысловых нюансов при их изучении, а также в процессе их понимания, в процессе адекватной передачи с одного языка на другой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. – М., 1986. – С. 581.
2. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик, 1983. – С. 3-6.
3. Бижева З.Х. Культурные концепты в кабардинском языке. – Нальчик, 2000. – С. 70.
4. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 70.
5. Емусов А.Г. Лексико-семантический и грамматический анализ фразеологии кабардино-черкесского языка. – Нальчик, 1986.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гносис, 2004. – С. 390.
7. Карданов Б.М. Фразеология кабардинского языка. – Нальчик, 1973. – С. 35.
8. Маслова В.А. 87 // Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – С. 208.
9. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В.Г. Гак, Л.А. Мурадова и др. – М., 2005.
10. Хараева Л.Х. Когнитивное моделирование этимологических гнезд в разносистемных языках (на материале французского и кабардино-черкесского языков). – Нальчик, 2007. – С. 238.
11. Хмелевская Г.А. Система гуманитарного и социально-экономического знания. – М.: ПЕРСЭ, 2002.

REFERENCES

1. Babichev N.T., Borovsky J.M. Dictionary of winged words of Latin, Moscow, 1986. P. 581.
2. Bgazhnokow B.H. Essays on the Ethnography of communication of the Circassians. Nalchik, 1983r. PP. 3-6.
3. Bizheva Z.H. Cultural concepts in Kabardian. Nalchik, 2000. P.70.
4. Vorkachev S.G. Cultural linguistics, linguistic personality, concept: formation anthropocentric paradigm in linguistics. [Lingvokulturologija, jazykovaja lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii]. Philological Sciences. 2001 № 1. P. 70.
5. Emusov A.G. Lexico-semantic and grammatical analysis of the phraseology of the Kabardino-Circassian language. Nalchik. 1986.
6. Karasik V.I. Linguistic circle: personality, concepts, discourse. Moscow. Gnosis, 2004. P 390.
7. Kardanov B.M. Phraseology of the Kabardian language. Nalchik, 1973. P. 35.
8. Maslova V.A. 87. Cultural Linguistics, Moscow, Academy, 2001.
9. Gak V.G., Muradova L.A. and other. New large French-Russian phraseological dictionary. Moscow. 2005.
10. Kharaeva L. K. Cognitive modeling of etymological nests in development languages (on the material of French and Kabardino-Circassian languages). Nalchik, 2007. P. 238.
11. Khmelevskaya, G. A. The System of humanitarian and socio-economic knowledge. Moscow. PERSE. 2002.

Информация об авторе

Хараева Лариса Ханбиевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой романских языков Института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

Хамурзова Аминат Газалиевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры романских языков Института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова, заместитель директора Института филологии по учебной работе, г. Нальчик, Россия

Ордокова Майя Ахмедовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков Института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

Получена: 09.09.2015

Information about the author

Kharaeva Larisa Khanbievna, Professor, Doctor of Philology, Chair of Romance Languages, Institute of Philology, Kabardino-Balkarian State University named after Berbekov, Nalchik city, Russia

Khamurzova Aminat Gazalievna, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Chair of Romance Languages, Vice-Rector, Institute of Philology, Kabardino-Balkarian State University named after Berbekov, Nalchik city, Russia

Ordokova Mayya Akhmedovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of Romance Languages, Institute of Philology, Kabardino-Balkarian State University named after Berbekov. Nalchik city, Russia

Received: 09.09.2015

УДК: 159.9.075

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-436-438

ХЛЕБОДАРОВА Ольга Борисовна,
аспирантка психолого-педагогической кафедры

KHLEBODAROVA Olga Borisovna,
Postgraduate student, Chair for Psychology
and Pedagogy

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМПАТИИ У ПСИХОЛОГОВ И СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

CHARACTERISTIC FEATURES OF THE MANIFESTATION OF EMPATHY OF PSYCHOLOGISTS AND PSYCHOLOGY STUDENTS

Профессия «Психолог» предъявляет к личности особые требования: понимать эмоциональное состояние клиента, уметь в отношениях с клиентом быть искренним, отражать и передавать переживаемые в настоящий момент чувства. Без практического овладения такой психической реальностью, как эмпатия, невозможно достижение эффективности в профессиональной деятельности. В подходах к проблемам эмпатии изобилуют десятками определений, предполагаются модели эмпатического процесса, стадии, этапы, уровни, механизмы. Многозначность термина «эмпатия» порой заставляет исследователей использовать более однозначные, по их мнению, понятия, такие как «идентификация», «сопереживание». Эмпатия (от греч. *empathia* – сопереживание) – категория современной психологии, означающая понимание эмоционального состояния другого человека, непроизвольное испытание сходного с ним чувства, переживание за него. Проблема изучения эмпатии всегда актуальна для психологии. Особенно важна проблема исследования и развития эмпатии в профессиональном становлении студента-психолога. Проявить эмпатию по отношению к собеседнику – значит посмотреть на ситуацию с его точки зрения, испытать сходные с ним чувства, понимать и принимать его актуальное эмоциональное состояние. Быть в состоянии эмпатии означает воспринимать внутренний мир другого точно, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков, что дает возможность достижения эффективности в профессиональной психологической деятельности.

Profession of psychologist requires from the individual special abilities: to understand the emotional state of the client, to be sincere in the relationship with the client, to reflect and convey the feelings experienced at the moment. It is impossible to achieve efficiency in the professional activities without practical mastering of such psychic reality as empathy. The approaches to the problems of empathy abound with dozens of definitions, models of empathic process, stages, levels, and mechanisms.

The polysemantic character of the term «empathy» often causes researchers to use rather monosemantic, in their opinion, concepts such as «identification», «sympathy». Empathy (from GK. *empathia* – empathy) is a category of modern psychology, which means understanding of the emotional state of another person, involuntary experiencing similar feelings, sympathizing with him. The problem of studying empathy is always topical in psychology. The problem of research and development of empathy is especially important for the professional development of students-psychologists. To show empathy towards the person means to look at the situation from his point of view, to experience similar feelings, to understand and accept his current emotional state. To be in the state of empathy means to perceive the inner world of another person accurately, maintaining the emotional connotations, what enhances efficiency in professional psychological activity.

Ключевые слова: эмпатия, каналы эмпатии, общие эмпатические тенденции, уровень эмоционального отклика.

Key words: empathy, channels of empathy, general empathic tendencies, the level of emotional response.

С целью изучения уровня эмпатии студентов психологических факультетов и педагогов-психологов было проведено диссертационное исследование, в котором приняли участие 174 человека: педагоги-психологи РФ и ближнего зарубежья – 74 чел., студенты социально-психологических факультетов вузов РФ очной и заочной формы обучения – 100 чел. Их возраст варьировался от 17 до 46 лет. Из них 17% мужчин, 83% женщин. В исследовании были использованы методики: «Диагностика уровня эмпатии» (В.В. Бойко) [1], Опросник «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна [2].

Под словосочетанием «педагоги-психологи РФ» понимаются практические психологи, имеющие высшее психологическое образование, опыт работы (не менее одного года), проживающие на территории Российской Федерации и ближнего зарубежья (в частности – Астрахань, Апатиты, Волгоград, Воркута, Владикавказ, Владимир, Воронеж, Екатеринбург, Железнодорожный, Жуковский, Иваново, Йошкар-Ола, Казань, Кемерово, Киров, Кострома, Краснодар, Красноярск, Курск, Люберцы, Махачкала, Минск, Москва, Мурманск, Нижневартовск, Нижний Новгород, Раменское, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Саратов, Сочи, Ставрополь, Ставропольский край, Сургут, Таганрог, Тюмень, Ульяновск, Хабаровск, Череповец).

Под словосочетанием «студенты-психологи» понимаются юноши и девушки из разных городов РФ, получающие высшее психологическое образование в Московском городском областном социально-гуманитарном институте (МГОСИ, г. Коломна), Современной гуманитарной академии (СГА, Раменский филиал), Московском социально-психологическом университете (МПСУ, Люберецкий филиал), Московском государственном психолого-педагогическом университете (МГППУ, Москва), Санкт-Петербургском государственном педиатрическом медицинском

университете (СПбГПМУ, Санкт-Петербург), Новгородском государственном университете (НовГУ, г. Великий Новгород).

Из группы испытуемых были сформированы две подгруппы, по следующему признаку:

Первая подгруппа – педагоги-психологи: 74 человека в возрасте от 21 до 46 лет, в дальнейшем «группа № 1». Из них 7% мужчин, 93% женщин.

Вторая подгруппа – студенты социально-психологических факультетов: 100 человек в возрасте от 17 до 25 лет, в дальнейшем «группа № 2». Из них 10% мужчин, 90% женщин.

Диагностика общей степени эмпатических способностей и проявлений эмпатии, то есть постижение эмоционального положения другого человека в форме сострадания и сочувствия в результатах нашего исследования, приведены ниже. При суммарном уровне, в результатах «Диагностика уровня эмпатии» (В.В. Бойко), по всем шкалам: 30 баллов и выше у 4 чел. в подгруппе 1 (педагоги-психологи) – очень высокий уровень эмпатии; 29–22 балла – средний уровень у 38 чел.; 21–15 – заниженный уровень эмпатии имеют 29 чел.; менее 14 баллов – очень низкий – был выявлен у 3 чел.

Рациональный и эмоциональный канал эмпатии находится по показателям на среднем уровне – 3 балла из 6 возможных, остальные 4 шкалы, такие как интуитивный канал эмпатии, установка, способствующая эмпатии, проникающая способность эмпатии, идентификация в эмпатии, показали уровень выше среднего – 4 из 6. Суммируя все показатели, получили общий результат уровня эмпатии на подгруппу 1 – 22 балла, что говорит о среднем показателе. Показатель высокого уровня эмпатии получился у 1 человека подгруппы 2 (студенты-психологи); средний балл – 29–22 – у 14 участников; 38 человек имеют заниженный уровень эмпатии; 8 человек – менее 14 баллов – очень низкий уровень; 39 участников не до конца ответили на вопросы теста, не захотели отвечать, испортили бланки.

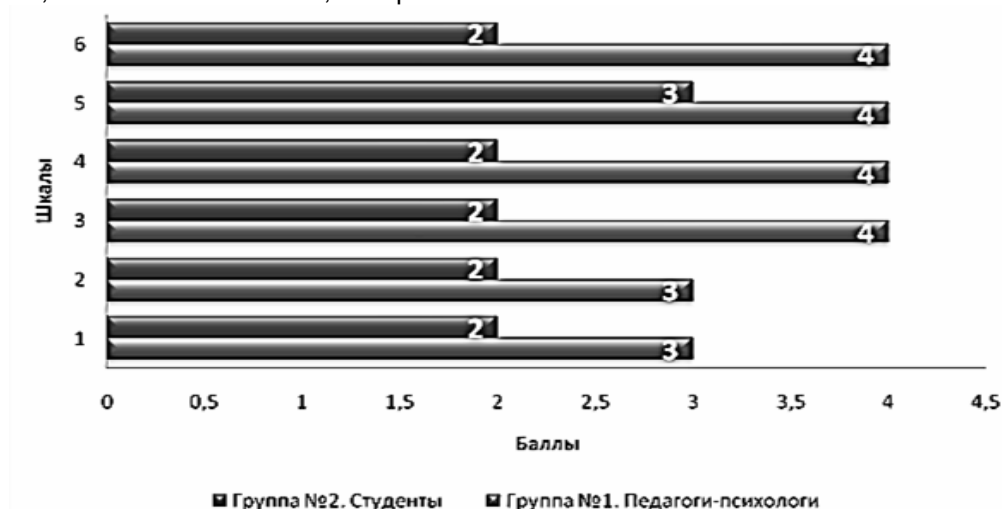

Рисунок 1. Сравнительный результат диагностики уровня эмпатии (В.В. Бойко) среди двух групп

Figure 1. Comparative results of diagnosing the level of empathy (VV Boyko) among the two groups

Пять каналов – рациональная и эмоциональная, интуитивная эмпатия, установка, способствующая эмпатии, идентификация в эмпатии – находятся по показателям на уровне ниже среднего, 5-я шкала, проникающая способность в эмпатии, – на среднем уровне, 3 балла.

Общий результат уровня эмпатии в группе – 14 баллов, что говорит о низком уровне показателя. При наложении результатов двух групп получается, что у подгруппы № 1 (педагоги-психологи) уровни каналов эмпатии выше результатов подгруппы № 2 (студенты-психологи).

Приведенные ниже результаты двух подгрупп по опроснику «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна дают возможность отследить отношения ситуации общения и позволяют проанализировать общие эмпатические тенденции испытуемых, такие ее параметры, как уровень выраженности способности к эмоциональному отклику на переживания другого и степень соответствия/несоответствия знака переживаний объекта и субъекта эмпатии.

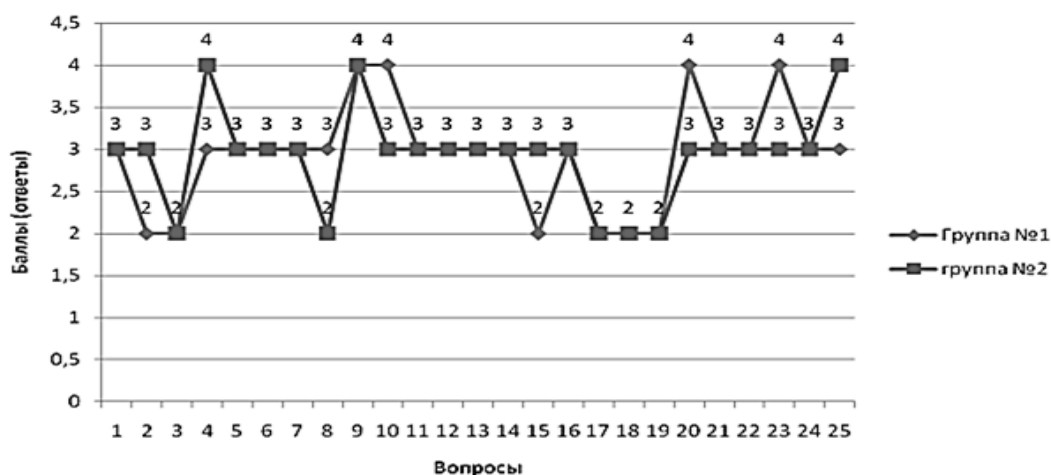

Рисунок 2. Шкала эмоционального отклика, сравнительный анализ (по ответам в опроснике, в баллах)

Figure 2. Scale of emotional response, comparative analysis (the responses in the survey-nick in points)

Уровни выраженности способности личности к эмоциональному отклику на переживания других людей (эмпатии) составили:

Подгруппа 1 (педагоги-психологи): 82–90 баллов – очень высокий уровень – 16 чел.; 63–81 балл – высокий уровень – 56 чел.; 37–62 балла – средний уровень – 2 чел.; 36–12 баллов – низкий уровень – 0 чел.; 11 баллов и менее – очень низкий уровень – 0 чел.

Подгруппа 2 (студенты-психологи): 82–90 баллов – очень высокий уровень – 7 чел.; 63–81 балл – высокий уровень – 31 чел.; 37–62 балла – средний уровень – 8 чел.; 36–12 баллов – низкий уровень – 0 чел.; 11 баллов и менее – очень низкий уровень – 0 чел.; 54 чел., заполняя бланки ответов, осознанно или нет, были необъективны, и эти протоколы не были засчитаны.

Суммируя ответы каждого и получив средний результат – 75, $405577 = 75$ баллов, мы увидели высокий уровень эмоционального отклика в группе № 1. Произведя аналогичные подсчеты в группе № 2, обобщив ответы студентов, получили средний результат – 72,847826 = 73 балла, что также показывает высокий уровень эмоционального отклика. При сравнительном анализе мы видим, что у студентов-психологов результат ниже на 2 единицы.

Таким образом, исходя из полученных данных, мы сделали вывод, что у педагогов-психологов уровень эмпатии выше, чем у студентов психологических факультетов, что может быть связано с жизненным и профессиональным опытом. Чем старше человек становится, тем выше проявляет вчувствование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. – М.: Филинъ, 1996. – 472 с.
2. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. – Самара: Бахрах, 1998. – 672 с.

REFERENCES

1. Boiko V.V. the Energy of emotions in communication: a look at ourselves and others. [Energiya emotsiy v obshchenii: vzglyad na sebya i na drugikh]. Moscow: «Filin», 1996. 472 p.
2. Raigorodskii D.J. Practical psychodiagnostics. Methods and tests. Training manual. [Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy. Uchebnoe posobie.]. Samara: «Barakh», 1998. 672 p.

Информация об авторе

Хлебодарова Ольга Борисовна, аспирантка, Психолого-педагогическая кафедра, Московский областной социально гуманитарный университет, Москва, Россия
i0116892@yandex.ru

Information about the author

Khlebodarova Olga Borisovna, Postgraduate student, Chair for Psychology and Pedagogy, Moscow Region Social and Humanitarian University, Moscow city, Russia
i0116892@yandex.ru

Получена: 07.08.2015

Received: 07.08.2015

УДК 81

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-439-442

ХУСИХАНОВ Ахмед Мусаевич,
доктор филологических наук, профессор,

KHUSIKHANOV Akhmed Musaevich,
Doctor in Philology, Professor,

ТЕМАЕВА Хава Нохаетна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
Отечественной и мировой литературы

TEMAEVA Khava Nokhaevna,
Candidate for Doctorate in Philology, Associate Professor
at the Chair of Russian and World Literatures

**ПОЭТИКА АБСУРДА В РАССКАЗАХ
ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ**

**POETIC STYLE OF THE ABSURD SHOWN IN
THE SHORT STORIES BY TATYANA
TOLSTAYA**

Данная статья посвящена особенностям поэтики «малой прозы» одного из лучших современных писателей России Татьяны Толстой. Творчество Татьяны Толстой следует рассматривать в контексте постмодернистских идей. В книгах постмодернистов, провозгласивших новые художественные и эстетические ценности, мир предстает как хаос, абсурд, хотя каждый из писателей вкладывает свой смысл в понятие «абсурдность». Татьяна Толстая представляет абсурдность как разлад между «мечтой» и «действительностью». С точки зрения обывателя, мечта – это абсурдность, поэтому «абсурдные» герои Т. Толстой не могут найти себя, теряются в мире, где все логично и правильно, но где нет места сказке и фантазии.

The paper examined the specifics of a poetic style of «short story prose» proper for one of the best contemporary Russian novelists Tatiana Tolstaya. One should consider the creative pieces by Tatiana Tolstaya in the framework of the concepts generated by the Postmodernism. In the books written by Postmodernists who had proclaimed new values of art and aesthetics, the world represents a mess and absurdity, although every writer put his/her meaning to the notion of “absurdity”. Absurdity for Tatiana Tolstaya means discord between “dream and reality” taken for an antithesis. Petty-minded individuals perceive dreams as absurdity, that is why the «absurd» characters described by Tatiana Tolstaya are incapable to discover their calling and lost in the world where everything looks reasonable and correct, but no place is given to fairy-tales and fantasy/imagination.

Ключевые слова: Татьяна Толстая, постмодернизм, мечта, действительность, абсурдность, абсурдный, сомнамбулизм, сомнамбула.

Key words: Tatyana Tolstaya, Postmodernism, dream, actuality, absurd, absurd, sleepwalking, sleepwalker.

80-е гг. XX в. принято считать началом постмодернизма – нового философско-культурного и литературно-эстетического направления, ставшего совокупностью «теоретических и художественных движений, которым свойствен принципиальный эклектизм и фрагментарность, отказ от больших, всеохватывающих мировоззрений и повествований» [7]. **Постмодернизм стал переходом к новому «модусу мышления»,** в основе которого лежат новые принципы мировосприятия, исключающие, прежде всего, всякое подавление или ограничение. Раскрепощение, открытость, размытость границ, отрицание прежней иерархии ценностей и канонов свойственны постмодернистскому сознанию, анализирующему мир с точки зрения иных философских и эмоционально-эстетических представлений, смыслов, оценок.

Постмодернизм отвергает реалистическое представление о характере и обстоятельствах. Мир постмодернисты воспринимают как хаос, абсурд, лишенный причинно-следственных связей и ценностных ориентиров. Но, моделируя «иную реальность», в основе которой лежит индивидуально-личностное восприятие мира, постмодернист не живет иллюзиями и не погружается в пессимистическое отчаяние, а приходит к выводу, что «мир надо воспринимать таким, каков он есть, со всей его мерзостью и жестокостью. Человеку не дано сделать его лучше, т.к. его природа несовершенна, и он неизбежно будет продуцировать то негативное, что изначально ему присуще» [1].

Исследователи постмодернизма говорят сегодня о двух его модификациях – западной и восточной, рассматривая в рамках последней и русскую его ветвь [4]. Но в России постмодернизм пошел по совершенно иному пути. В отличие от западного, постмодернизм в России носил ярмарочно-праздничный характер. Но вся эта калейдоскопическая пестрота и яркость «клочков», «осколков», «лоскутьев» бессмысленного, абсурдного мира, эта «прелесть хаоса», демократическая вольность с общепризнанными идолами и святынями, проходившая в форме «веселой игры», веселила читателя, хотя, дойдя до финала произведения, он начинал понимать, что все это веселье, сопровождаемое искрометным юмором и меткими сатирическими оценками на всем протяжении повествования, есть не что иное, как «смех сквозь слезы», «пир во время чумы».

Размышляя о литературе русского постмодернизма, мы хотим остановиться на особенностях абсурдного мира, созданного Татьяной Толстой, признанной одним из самых ярких авторов нового, постмодернистского, поколения.

Т. Толстая не раскрывает «правду о мире», поскольку в абсурдном мире как «хаотическом конгломерате... идеологий, традиций, стереотипов» [2] не может быть единой правды. Она

заменяет единую, универсальную правду множеством интерпретаций существующих в этом мире «правд», о которых рассуждает как она сама, так и ее герои, которые, неудовлетворенные убожеством своего существования, стремятся создать свой, абсурдный, мир, который станет противовесом «правильному миру», продиктованному реальной жизнью. Но в итоге их фатальное несовпадение мечты и реальности заканчивается конфликтом между реальным и выдуман- ным мирами, что заставляет автора горько иронизировать над «бытом» и «бытием» своих героев.

На страницах рассказов Татьяны Толстой живут «абсурдные» люди. Такова, к примеру, Соня, героиня одноименного рассказа. Соня – слабоумная или, говоря православно- христианским языком, юродивая, но на таких, как она, земля держится.

Все находящиеся рядом с Соней – люди «правильные», они живут в соответствии с зако- нами жизни. Но мгновение – и превращаются они в «тряпичных кукол» с «голубыми стекляни- стыми глазками» и «пустым черепом». Соня для них – «дура», разбрасывающая «восхити- тельные в своей непредсказуемости» «кристаллы глупости» по всему «порядочному» обще- ству. «Глупостью» это общество называет не только непорочность тела героини (Соня – старая дева), но чистоту ее души, доброту сердца и – главное – никогда не сбывшуюся мечту о свет- лой любви. Стерев грань между мечтой и реальностью, Соня идет навстречу своей мечте, при-думанной для нее шутки ради членами людского «правильного» коллектива, и... находит свою несостоявшуюся, вымышленную, любовь: «*Николай лежал под горой пальто, в ушанке, с чер- ным страшным лицом, с запекшимися губами, но гладко побритый. Соня опустила на ко- лени, прижалась глазами к его отекавшей руке со сбитыми ногтями и немножко поплакала. Потом она напоила его соком с ложечки, подбросила книг в печку, благословила свою счаст- ливую судьбу и ушла с ведром за водой, чтобы больше никогда не вернуться*» [5]. Так, «пра- вильному» по всем законам человеческого понимания миру Соня предпочитает мир «абсурда», где отсутствует логика и здравый смысл, но зато в нем есть место чувствам и «белому эмале- вому голубю», ставшему символом мечты, которая может жить только в «абсурдном» мире.

Соня – одна из тех «сомнамбул», от которых, по слову молодой писательницы Валерии Нарбиковой, «осталась только видимость» [3]. Сомнамбулы, как отмечает М.Н. Эпштейн, яв- ляются преобладающими персонажами литературы русского постмодернизма. По мысли дан- ного литературоведа, прототипами «сомнамбул» в русской литературе являются «лишние лю- ди» XIX века, «чуждые миру полезной однородности» [7]. Но, в отличие от своих предшествен- ников, «лишние люди» конца XX столетия уже не могут «выделиться и облагородиться этой лишностью среди неприкаянных вещей, неокупаемых денег, неприспособленных жилищ, не- проезжих дорог...» [7]. Сам окружающий мир сделался для них лишним и «лишние люди», «еще недавно гордые своей непричастностью, обособленностью от всего, разделили это свойство с окружающим миром – и растворились в нем. Лишние люди стоят в очередях и сбиваются в стаи, но от этого не укореняются в бытии – напротив, само бытие становится призрачно- безлюдным» [7].

Сомнамбулизм и есть последняя фаза развития «лишних» людей. Сомнамбулы – «лица, не успевшие ничего совершить и обдумать, сразу же тонущие в апокалиптическом тумане» [7]. Это и Денисов, герой рассказа «Сомнамбула в тумане», идущий против течения и заменивший свою реальную жизнь мечтой – о далеких странах, неоткрытых островах, несовершенных по-двигах; и Петерс, герой одноименного рассказа, так и не нашедший себя в жизни, которая про-неслась мимо него, словно «*стремительный поток*», и Светлана, героиня рассказа «Огонь и пыл» – «*полуодетая, или одетая не с того конца: на босу ногу – детские задубелые боти- ночки среди зимы*» [5].

Такова и Наташа из рассказа «Вышел месяц из тумана», которая через всю свою жизнь пронесла детские впечатления о «*желтом рогатом Месяце*», вышедшем, «*глухо бряцая до- спехами*», «*из синего, черного, клубящегося тумана*».

Можно также вспомнить рассказы «Круг», «Река Оккервиль» и многие другие, повествую- щие о судьбах не просто людей-неудачников, а людей, «выпавших» из этой жизни, отсутствую- щих в ней: «троньте их за плечо, потрясите хорошенько – не заметят. Слово бы вся их актив- ность – от лунных чар, а на земле они давно уже спят, блаженно или тревожно» [7]. «*Ночь дует в спящее лицо*» – это сказано про ученого-биолога из рассказа «Сомнамбула в тумане», кото- рый, лишившись работы из-за того, что мыслил «не как все», стал наяву сомнамбулой. Но, живя в своем «перевернутом» мире, он не собирается возвращаться к реальности, преодолев свою болезнь, а убегает от тех, которые собрались помочь ему покинуть «абсурдный» мир. «*Он бе- жит по бездорожью, смежив вежды, вытянув руки, с тихой улыбкой, словно видит то, что не видят зрячие, словно знает то, что они забыли...*» [6]. Этот бег по бездорожью есть бег в пу- стоту, бег туда, откуда нет возврата, потому что впереди – пропасть, обрыв. «*Неужели он не*

добежит до света?». Этим риторическим вопросом заканчивается рассказ «Сомнамбула в тумане». «Какой свет здесь подразумевается, после тумана и черного провала, не нужно и пояснять. Умиравшему грезится воскресение...» [7].

«Умер сам – научи товарища» [6] – горько иронизирует автор в рассказе «Сомнамбула в тумане». Все «сомнамбулы» Т. Толстой подвержены смерти, потому что законы их «абсурдного» мира не совпадают с законами реальности, в которой они вынуждены существовать.

Правда, бегут герои Татьяны Толстой не сразу «в смерть». Первым этапом такого «побега» является «побег в детство». Детство – это «сад», «без конца и края, без границ и заборов, в шуме и шелесте, золотой на солнце, светло-зеленый в тени, тысячеярусный – от вереска до верхушек сосен» («На золотом крыльце сидели») [5]. В мировой культурной традиции сад, именуемый, согласно библейской книге Бытия, Эдемом, – классическая универсалия, являющаяся образом мироздания. Совершив замену «сада» на «детство», автор закрепляет за ребенком божественное начало. «Будьте как дети ибо их есть Царство Небесное» (Мк. 10: 14).

Но бегство героев Т. Толстой в детство-сад – это своего рода протест, несогласие с прозаичностью жизни. Этим объясняется постоянное стремление героев к выдумкам как средству выхода из обыденности жизни и преодоление серости, причем у некоторых персонажей это стремление осуществляется стихийно, на подсознательном уровне. Однако детство, хотя и является «лицом сказки», всегда сталкивается у Т. Толстой с другой реальностью – со страшной действительностью, в результате чего «праздник жизни» оказывается неотделим от «пропасти небытия», то есть от смерти. Поэтому многие герои Т. Толстой, не сумев преодолеть конфликт сказки (мечты) с действительностью, гибнут (одни – физически, другие – духовно).

Бегство героев Т. Толстой из реального мира в свой особый, иллюзорный (с позиций «нормального» человека – абсурдный) мир не всегда можно рассматривать как выход из круга бытовых страданий. В этом мире с точки зрения абсурдной логики, которой придерживаются «сомнамбулы» Т. Толстой, мало красок, он беден, убог и скучен. Но и богатый оттенками абсурдный мир не дает ответа на вопрос: что ценнее для человека – жизнь реальная или вымышленная; мир правильный, где все «по полочкам», или мир «абсурдный», мир детского сознания, воображения? Борьба за мечту оказывается непосильной для многих героев Татьяны Толстой, поэтому многие из них отказываются от мечты в пользу «уютной скорлупы», какую им предлагает жизнь. Так, слабоумный Алексей принимает «правду жизни», реально существующую действительность: «... страшные карлики снова провалились под землю, жизнь торжествует» (рассказ «Ночь») [5]. Но счастлив ли он? Отказ от «своего мира» приводит к раздвоенности героя, к двум «Я», сидящим внутри одного и того же тела: один Алексей, подняв голову к «черному куполу», небу, тянется к звездам, которые, словно «маленькие сияющие бисеринки», повисли «в черной пустоте», от чего тот кажется исполином. Другой Алексей «съеживается» и превращается в микроба, живущего либо в «маковом зернышке», либо на «остром кончике иголки» [5]. Синтез реального и идеального, жизнеподобного и гротескного, логического и абсурдного пронизывает все творчество Татьяны Толстой. Можно даже сказать, что в ее произведениях происходит формирование нового типа поэтики, преобразующего элементы всех традиционных и нетрадиционных систем в «новое химическое соединение», – поэтики абсурда. При этом абсурд культивируется писательницей как течение мысли, идей и образов. В целом же «малую прозу» Т. Толстой нельзя назвать абсурдистской, она в высшей степени реалистична как по форме, так и по содержанию: в основе рассказов писательницы лежит социальный контекст и внутренний, смысловой, стержень. Но именно «абсурдность» поведения героев Т. Толстой, «абсурдность» их мышления и бытия помогают заострить внимание автора на проблемах личности и общества, на противоречиях современной действительности. Формы игры, карнавала, фантазийного коллажа способствуют более глубокому осознанию несовершенства того мира, в котором живет заблудшее и погибающее человечество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дуркина Г.Г. Литература постмодернизма. – Минск, 2010. – 89 с.
2. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950– 1990-е годы: В 2 т. –Т. 2: 1968–1990. – М.: Академия, 2003. – 688 с.
3. Нарбикова В. Равновесие света дневных и ночных звезд. URL: <http://novostiliteratury.ru/excerpts/valeriya-narbikova-ravnovesie-sveta-dnevnyx-i-nochnyx-zvezd/>
4. Прохорова Т.Г. Постмодернизм в русской прозе. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – 96 с.
5. Толстая Т.Н. Не Кысь: рассказы, статьи, эссе. http://www.imwerden.info/belousenko/books/tolstaya_ne_kysj.htm.
6. Толстая Т.Н. Сомнамбула в тумане. URL: http://lib.rnvoz.ru/bigzal/tolstaja_somnambula

7. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. – М.: Высшая школа, 2005. – 495 с.

REFERENCES

1. Durkina G.G. *Literature of postmodernism*. Minsk, 2010. 89 p.
2. Leidermann N.L., Lipovetsky M.N. *Modern Russian literature*. 1950 - 1990. Intwovolumes. Vol. II: 1968 – 1990. Moscow. Academia, 2003. 688 p.
3. Narbikova V. *Light balance of the day and night stars*. URL: <http://novostiliteratury.ru/excerpts/valeriya-narbikova-ravnovesie-sveta-dnevnyx-i-nochnyx-zvezd/>
4. Prokhorova T.G. *Postmodernism in Russian prose*. Khazan: Khazan State University. 2005. 96 p.
5. Tolstaya T.N. *Kyss is out: stories, articles, essays*. http://www.imwerden.info/belousenko/books/tolstye/tolstaya_ne_kysj.htm.
6. Tolstaya T.N. *Sleepwalker in the fog*. URL: http://lib.rmvoz.ru/bigzal/tolstaja_somnambula
7. Epstein M.N. *Postmodern in Russian literature*. Moscow. Vysshaya shkola, 2005. 495 p.

Информация об авторе

Хусиханов Ахмед Мусаевич, доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Ингушского государственного университета, г. Магас (Республика Ингушетия), Россия
kh.akhmed@mail.ru

Темаева Хава Нохаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры Отечественной и мировой литературы Чеченского государственного университета, Грозный. (Чеченская республика), Россия
temaeva25@mail.ru

Получена: 14.09.2015

Information about the author

Khusikhanov Akhmed Musaevich, Doctor in Philology, Professor, Acting Head of the Chair of Russian and Foreign Literatures, Ingush State University, Magas city, (Ingushetia), Russian
kh.akhmed@mail.ru

Temayeva Khava Nokhaevna, Candidate for Doctorate in Philology, Associate Professor at the Chair of Russian and World Literatures of the Chechen State University, Grozny city, (Chechen Republic), Russia
temaeva25@mail.ru

Received: 14.09.2015

УДК 129

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-443-448

ШИРЯЕВА Екатерина Вадимовна,
аспирант кафедры философии

SHIRYAEVA Ekaterina Vadimovna,
Postgraduate, Chair of Philosophy

ИДЕЯ БЕССМЕРТИЯ В ТЕОЦЕНТРИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ И В РЕЛИГИОЗНОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ

THE IDEA OF IMMORTALITY IN THE THEOCENTRICAL IDEOLOGICAL SYSTEMS AND IN A RELIGIOUS WORLDVIEW

В статье рассматривается идея человеческого бессмертия, по-разному преломляющаяся в различных формах религиозного мировоззрения. Анализируются культурно-исторические и индивидуально-личностные особенности существования этой идеи. Доказывается, что решающее значение для преобладания мягких либо жестких форм идеи загробного воздаяния имеют индивидуально-личностные особенности субъекта религиозного сознания. Проводится сравнение христианства, ислама и буддизма, а также западноевропейской и православной версий бессмертия в рамках христианской религии. Более подробно рассматриваются представления о бессмертии в русской философии (в наследии Н.Ф. Федорова, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Льва Шестова). Сделан вывод о том, что нравственные причины неприятия смерти русскими мыслителями – это особое их внимание к ценности телесно-духовного единства человеческой индивидуальности.

Утверждается, что две основные социальные функции, осуществляемые религией как социальным институтом, – это репрессивная и компенсаторная функции. Последние существуют и взаимодействуют как диалектическое противоречие. Рассматриваются типичные взгляды на проблему смерти и бессмертия православных богословов XIX–XX вв. Отмечается как закономерность тенденция к снижению репрессивного компонента в моделях загробного воздаяния в их трудах. В то же время дисциплинарная функция для официальной церковной религиозности остается важнейшей, так как церковь сохраняет свое влияние преимущественно за счет реализации именно этой функции.

Делается вывод, что в представлениях о посмертном существовании человека выражаются национально-культурные и субъективно-личностные особенности понимания справедливости как этической категории, а также о том, что идея бессмертия в религиозном сознании принимает различные формы не столько в соответствии с типом религии, сколько с типом личностного отношения к проблеме смерти.

The article addresses the idea of human immortality, reflected in different ways in different forms of religious outlook, analyzes cultural, historical and individual-personal traits of the existence of this idea. It is proved that individual-personal characteristics of the subject of religious consciousness have crucial significance for the predominance of soft or rigid forms of retribution beyond the grave. The article makes comparison of Christianity, Islam and Buddhism and Western and Orthodox versions of immortality within the Christian religion. Detailed attention is paid to the ideas of the immortality in Russian philosophy (the heritage of N.F. Fedorov, N.A. Berdyaev, S.L. Frank, Lev Shestov). It is concluded that the moral reasons for rejecting the death by Russian thinkers are in their special attention to the value of the bodily-spiritual unity of the human personality.

It is stated that two main social functions performed by religion as a social institution are repressive and compensatory functions; the latter exist and interact as a dialectical contradiction. The author considers the typical approaches to the problem of death and immortality by Orthodox theologians of the 19th and 20th centuries; it is noted that in their works there is a tendency towards decreasing the repressive component in the models of the underworld retribution. At the same time, the disciplinary function of the official church religiosity is important, as the church retains its influence mainly through the implementation of this function.

It is concluded that the perceptions of the human post-mortem existence reflect the national-cultural and subjective-personal features of understanding the justice as an ethical category, as well as the fact that the idea of immortality in religious consciousness takes different forms not only in accordance with the type of religion but rather with the type of personal attitude to the problem of death.

Ключевые слова: идея бессмертия, социальные функции религии, русская философия, богословие, теоцентрическое мировоззрение.

Key words: the idea of immortality, social functions of religion, Russian philosophy, theology, theo-centric worldview.

Идея бессмертия человека по-разному проявляется в различных типах общества. Ее формы и социальные последствия во многом зависят от того, какая картина мира или мировоззренческая парадигма преобладает в той или иной конкретной культурной системе. Попытаемся уяснить значение идеи бессмертия для общественных систем, ориентированных на веру в трансцендентное начало. Рассмотрим также, каким образом в зависимости от типа религии и особенностей проявления религиозного компонента в конкретных культурных системах меняются формы идеи бессмертия человека.

К теоцентрическим идеологическим системам мы относим идеологии традиционного общества, в которых система ценностей выстраивается на основе религии в ее господствующей, санкционированной институтом государства форме. Примером таких систем служат идеология средневековой западноевропейской культуры (христианство), идеология современных арабских государств, декларирующих ислам, интерпретированный в духе фундаментализма, а также идеологии большинства древних цивилизаций.

Религия всегда предлагает определенную модель бессмертия человека. При этом конкретные модели весьма разнообразны, не похожи одна на другую. Однако вся история религии демонстрирует следующую закономерность: несходство в формах идеи бессмертия не определяется той или иной религиозной системой. Эти различия зачастую оказываются более суще-

ственными внутри одной религии, нежели межрелигиозные различия. Так и в христианстве, и в исламе можно найти идею чистилища, то есть некоего промежуточного уровня движения грешной души от наказания к искуплению и прощению. В то же время как в христианстве, так и в мусульманстве существуют и более «жесткие» версии посмертного существования души как вечного блаженства или вечного наказания.

Вероятно, такую закономерность следует объяснить индивидуальными особенностями людей, их моральными качествами, мерой гуманности и толерантности, их личными представлениями о справедливости. С другой стороны, названная закономерность раскрывает диалектику социального значения религии как формы культуры. С одной стороны, господствующая в обществе религия всегда выполняет дисциплинарную, репрессивную функцию, а с другой – является средством утешения, компенсации за страдания человека от социальной несправедливости, неустроенности жизни.

Наиболее оптимальную с точки зрения функции управления обществом форму идеи бессмертия предлагает, на наш взгляд, древнеиндийская религия. Основная ее идея, касающаяся нашей темы, была сформирована еще в брахманизме, задолго до появления буддизма. Это идеи реинкарнации и сансары. Однако буддизм в полной мере воспринял их и на сегодня органически в себя включает. Сансара – это вечное колесо (цепь) перерождений, воплощений души в новых и новых телах. Здесь «ад» и «рай» не трансцендентны земному существованию человека, а являются частью этого существования, его этапами, преходящими моментами. Поэтому смерть рассматривается как хотя и важное, но не исключительное событие индивидуальной человеческой жизни. Однако и здесь мы встречаем проявление упомянутой закономерности: в рамках одного религиозного учения можно обнаружить различные представления о бессмертии. Так в традиционном (в период до возникновения буддизма) индуизме процесс перевоплощения души понимался то как случайный, стихийный, не зависящий от поведения человека на протяжении отдельной жизни, то как детерминированный морально значимыми поступками. Также в исторических модификациях буддизма постепенно появляется идея некоего эквивалента рая как промежуточной ступени между земным существованием и состоянием нирваны [14, с. 80-81].

По всей видимости, все эти и подобные им представления отражают степень рефлексии той или иной культурной системы над вопросами смерти, справедливости мироустройства, могущества и милосердия Творца, а также специфику региональных менталитетов и вытекающие из нее особенности утилитарного, эстетического и этического подходов к факту нашей смертности. Так, отвращение к смерти, сочетающееся с когнитивным, исследовательским интересом к ней, весьма характерно для культуры западной Европы. Возможно, идея чистилища в католицизме вытекает именно из интуитивного неприятия окончательного приговора душе за дела краткой земной жизни. Понимание справедливости как меры, восходящее к Аристотелю, определенное, в частности, высокое правовое сознание людей европейской культуры, явно преломляется в этом случае в сознании религиозном.

Существенный интерес для уяснения связи темы смерти с моральной и религиозной проблематикой представляет статья современного исследователя русской философии В.В. Варава «Становление и развитие нравственной философии смерти в России» [3, с. 105-125]. Отдавая должное западным философам, осмысливавшим тему смерти в различных аспектах, В.В. Варава показывает важность именно отечественной традиции освещения этой проблемы для мировой философии. Он подчеркивает: «Не будет преувеличением сказать, что именно в этом вопросе русская мысль действительно явила миру нечто значимое и важное; в нем открыты те трагические изломы души страдающего человека, которые проливают свет на тайну человека, на его антропологическую неизведанность. Поэтому так притягателен для мира Федор Достоевский и Андрей Платонов, так значима русская музыка и поэзия, так перспективна и обнадеживающая философия "общего дела" Федорова и нравственная философия Владимира Соловьева». [3, с. 106]. Представляется, что осмысление темы смерти и бессмертия человека с нравственных позиций для русской традиции вполне закономерно. Оно обусловлено такими общепризнанными ее особенностями, как преимущественно религиозный характер, внимание к антропологической и этической проблематике. Кроме того, в русской философии можно усмотреть особое бережное внимание к духовно-телесной целостности индивидуального человека (эту черту, ссылаясь на творчество В.С. Соловьева, В.В. Розанова, Н.Ф. Федорова, С.Н. Булгакова, А.Н. Бердяева, отмечает К.Л. Ерофеева в статье «Тема любви в русском идеализме») [5, с. 72-75]. Поэтому трагизм гибели живой и целостной человеческой индивидуальности особенно ощущается такими мыслителями, как А.Н. Радищев, В.В. Розанов, Н.Ф. Федоров – теми, кто особенно ценил человека как нерасторжимое единство тела и духа. В русском религиозном сознании долгие века «нравственное восприятие жизни и переживание смерти не ослабляет свое-

го накала» [3, с. 109]. Отсюда строгая дихотомичность рая и ада, добра и зла. В то же время именно на русской почве появляется тенденция наиболее радикального отвержения, неприятия смерти. Кульминацией ее становится, безусловно, учение Н.Ф. Федорова о всеобщем воскрешении. Как представляется, подобный подход к теме смертности человека также прочно коренится в особенностях русского душевно-духовного строя. Здесь проявляется русский максимализм, сострадательность, душевность, вера в достижимость идеала (чудо). В начале XX в. представитель русской эмиграции в Харбине Всеволод Никанорович Иванов в посвященной идеям Н.Ф. Федорова статье «Воскресение и жизнь» подчеркивал: «Характерно, что именно русский философ заговорил о бессмертии. Нам, русским, близка эта идея. Родна. Понятна» [12, с. 818]. Будучи сам православным, Иванов связывает специфику воззрений Федорова со спецификой православия в сравнении с другими религиями и конфессиями.

Что касается западноевропейской традиции, то, как отмечает В.В. Варава, «в западной Европе с ХП века появляются тенденции дехристианизации и деморализации смерти, связанные с усилившимся признанием самоценности земной жизни» [3, с. 109].

По мере нарастания тенденций персонализма в культуре, тема смерти истолковывается все с большим трагизмом. При этом не имеет принципиального значения, стоит ли мыслитель на религиозных позициях либо он ближе к скептицизму и атеизму. В философии XX в. трагическое видение проблемы нашей смертности унаследовали многие философы-экзистенциалисты, как русские, так и западноевропейские, как религиозные (Шестов, Бердяев), так и нерелигиозные (Сартр, Камю). В своей статье «Лев Шестов, Лев Толстой и откровения смерти» исследователь из Болгарии Н.И. Димитрова отмечает пристальное внимание к теме смерти у Льва Шестова, его интерпретацию смерти как самого большого зла для человеческой индивидуальности. Она пишет: «Вопреки Платону, смерть для Шестова – это нечто безумно мучительное и безобразное» [4, с. 154]. Даже сама философская рефлексия для мыслителя является «борьбой со всеми ужасами, подстерегающими человека в жизни, самый ужасный среди которых – смерть, страшный враг человека» [4, с. 157]. И хотя Н.И. Димитрова не проводит здесь непосредственной аналогии с учением Н.Ф. Федорова, объективно она убедительно демонстрирует близость позиций двух мыслителей по поводу закона человеческой смертности, близость, доходящую порой до тождества. «Нужно только приучиться к свободе мыслить без всяких *a-priori* и не думать, что только то есть истина, что для нашего разумения кажется возможным» [2, с. 2, 93-307]. Как видим, религиозное мировоззрение отнюдь не освобождает Льва Шестова от воинствующего неприятия смерти.

Другой отечественный религиозный мыслитель, С.Л. Франк, так выражает неустрашимый трагизм человеческой смертности: «А вечная жизнь – что это, как не мечтательно-утопическое, по самому своему смыслу неосуществимое понятие? Легко говорить и проповедовать о "вечной жизни", а попробуйте-ка на деле, в подлинной жизни, справиться с неумолимым и неотвязным фактом роковой краткотечности и нашей собственной жизни, и жизни нам близких людей, и всего вообще, что живет и движется в мире. Ваши мечты разлетаются как дым, ваши слова обличаются как лицемерные или сентиментальные "слова, только слова" перед ужасной логикой смерти, перед плачем над телом дорогого покойника, перед тленностью, гибелью и бессмысленной сменой всего живого на свете» [13]. Показательно, что, даже оставаясь на позициях христианской веры, предполагающей оптимистическое отношение к смерти, русские философы остро осознавали ее как трагедию.

Первостепенное значение проблеме смерти и бессмертия придает Н.А. Бердяев – вероятно, самый последовательный персоналист, защитник и апологет личностного начала во всей русской философской мысли. В своем труде «О назначении человека» он утверждает: «Человек ведет двоякую борьбу: за жизнь и за бессмертие». Там же он указывает на место вопроса о бессмертии в нашем существовании: «Проблема бессмертия – основная, самая главная проблема человеческой жизни, и лишь по поверхности и легкомыслию человек об этом забывает. Иногда, впрочем, он хочет убедить себя, что забыл, не позволяет себе думать о том, что важнее всего» [1, с. 331]. «Только смерть личности трагична», – утверждает он далее. Поэтому философ отмечает любые представления о безличном бессмертии – будь то материалистический «социальный пантеизм» [1, с. 332] либо спиритуалистические учения о бессмертии души, либо идеи реинкарнации. Бердяев весьма высоко ценит учение Н.Ф. Федорова о всеобщем воскрешении. Судя по всему, именно федоровская позиция представляется ему наиболее близкой к его собственной. Он пишет: «Наиболее персоналистический и человеческий, человеческий характер носит учение Н. Федорова о воскрешении» [1, с. 337]. Но далее Бердяев критикует философа общего дела за «умаление творческой силы духа» и преувеличение «силы технических знаний» [1, с. 338]. Примечательно, что воскрешение тела вместе с духом представляет для Бердяева не меньшую ценность, чем для самого Федорова. Однако, он подчеркивает, что возвращена бытию должна быть лишь форма, а не материя тела, ибо именно форма связана «с

образом человеческой личности» [1, с. 339]. В главном же, в убежденности, что дело воскрешения есть сотрудничество человека и Бога, Бердяев полностью согласен со своим предшественником: «Неточно думать, что человек есть по природе натурально бессмертное существо, и также неточно думать, что человек лишь сверху, от божественной силы получает свое бессмертие» [1, с. 340].

Чем больше внимание философа к личностному, индивидуальному началу, тем острее воспринимается им смертность, конечность человеческой жизни. Эту же тенденцию можно проследить и в культуре в целом: чем больше в ней индивидуалистических тенденций, тем сильнее страх смерти, отвращение к ней, и наоборот – чем выше ценностный статус трансцендентного, или надличностного, коллективного начал, тем спокойнее воспринимается смерть. Как отмечает в названной выше статье В.В. Варава, «в древнерусской культуре отсутствует тот страх смерти, который инициировал гиперрефлексию по поводу человеческой конечности, свойственной позднейшим эпохам» [3, с. 108].

Современные религиозные мыслители, как правило, рассуждают о бессмертии либо в духе традиционной для церковного истолкования парадигме бессмертия души, либо в духе пантеизма. Именно в таком пантеистическом духе решает проблему С. Культин в своей книге «Бессмертие: иллюзия или реальность?». В аннотации к ней сказано: «Истинное бессмертие заключается не в наивной мечте о вечном существовании ограниченного индивидуального "я", но в глубоком понимании своей причастности "жизни божеско-всемирной", в осознании себя неотъемлемой частью Универсума» [9].

Но более близкая к церковному канону версия бессмертия усиливает в этой теме репрессивный момент. Она подчеркивает идею возмездия за грехи, традиционно присутствующую в историческом христианстве. Известный православный богослов XX в. иеромонах Серафим Роуз в своей знаменитой книге «Душа после смерти» анализирует результаты исследований современных ученых, касающихся опыта умирания и посмертного существования. Он подробно останавливается на выводах по данному вопросу Э. Моуди и Э. Кублер-Росс. Как отмечалось выше, книги этих американских медиков стали чрезвычайно популярны в 70-е гг. XX в. Они оказали заметное воздействие на массовое сознание в западных странах, в том числе на сознание верующих. Роуз подчеркивает: «То, что доктору Кублер-Росс и ее единомышленникам кажется известным о жизни после смерти на основании "посмертного" опыта, находится в явном противоречии с тем, во что верят православные христиане на основании учения Христова и также "посмертных" опытов, описанных в православной литературе. Весь христианский "посмертный" опыт подтверждает существование Неба, ада и суда, необходимость покаяния, подвига и страха вечной гибели души, а современные опыты, подобно опытам шаманов, языческих посвященных и медиумов, похоже, говорят о том, что в потустороннем мире существует "курорт" с приятными впечатлениями, где нет суда, а только "рост" и что не надо бояться смерти, а только приветствовать ее как "друга", вводящего в удовольствия "жизни после смерти"» [10].

Серафим Роуз категорически отвергает утверждения тех своих критиков, также стоящих на позициях христианства, которые не признают активного существования души после смерти. Они утверждают, что состояние души до Страшного Суда – это сон, небытие. Роуз стремится показать, что вся традиция православия противоречит такому истолкованию священного Писания. Ссылаясь на православных богословов разных эпох, он жестко отстаивает точку зрения, «что душа по освобождении от тела "более деятельна"», что она «все помнит» по выходе из тела, и притом лучше и яснее, как освободившаяся от «земного тела», что души после смерти «еще живее становятся» [10].

Учение о посмертном «сне души» религиозный мыслитель называет антиправославным и подчеркивает, что оно «тем более опасно, что оно взывает к самым тонким страстям современного человека. Православное учение о загробной жизни довольно сурово и требует от нас трезвого отклика, полного страха Божия. Но современное человечество очень изнежено и эгоистично и не желает слышать о таких суровых вещах, как суд и ответственность за грехи. Куда более удобно возвышенное учение "исихазма", которое говорит нам, что Бог на самом деле не так строг, как описывает Его православная аскетическая традиция; что нам на самом деле не следует бояться смерти и следующего за ней суда; что, если только мы занимаемся возвышенными духовными идеями вроде идей "Добротолубия" (отбрасывая как аллегорию все отрывки о мытарствах), мы уже будем в безопасности под кровом "любящего Бога", который не потребует ответа за наши грехи, даже забытые или неведомые... Эти возвышенные размышления кончатся состоянием, которое мало чем отличается от состояния тех "харизматиков" и прочих, кто уже уверен в своем спасении, или тех, кто следует оккультному учению, утверждающему, что в смерти нет ничего страшного» [10]. Следует учесть, что Серафим Роуз, в свою очередь, является популярным автором, авторитетным не только для православных христиан, но и для мно-

гих верующих западного мира. Его точку зрения можно рассматривать как наиболее адекватное выражение позиции современной православной церкви.

Если мы сравним рассуждения С. Роуза на тему посмертного воздаяния за грехи с подобными рассуждениями православных богословов более раннего периода, то увидим, что и здесь налицо некоторый прогресс религиозного сознания. Оно становится менее авторитарным, более терпимым. Вот как рассуждает о загробном воздаянии епископ Игнатий Брянчанинов, живший в XIX в. и являющийся одним из наиболее авторитетных богословов для современного церковного православия (в том числе для самого С. Роуза): «Христиане, одни православные христиане, и притом прошедшие земную жизнь благочестиво или очистившие себя от грехов искренним раскаянием, исповедью пред отцом духовным и исправлением себя, наследуют вместе с светлыми Ангелами вечное блаженство. Напротив того, нечестивые, т.е. неверующие во Христа, злочестивые, т.е. еретики, и те из православных христиан, которые проводили жизнь в грехах или впали в какой-либо смертный грех и не уврачевали себя покаянием, наследуют вечное мучение вместе с падшими ангелами» [7].

Еще более устрашающую картину рисует другой церковный автор XIX в., Протоиерей Григорий Дьяченко. Он утверждает и считает вполне естественным, «что всякий нераскаявшийся грешник будет опаляться в геенне огнем своей страсти, опаляться настолько, насколько органы страсти уклонялись от естественного употребления их к неестественному, от простого к искусственному, от нормального к ненормальному, от законного к незаконному; эта ненормальность, эта незаконность и будут очагом адского огня, который мог бы быть погашен только тем, что составляло простой, безыскусственный, нормальный, законный способ удовлетворения грешивших органов, но поздно» [8].

Как видим, у православных авторов наблюдается постепенное смягчение формы, в которой они излагают учение о посмертном воздаянии. Но содержательно церковные воззрения на посмертное существование души человека в целом остаются неизменными. Это не удивительно: если принять версию пантеизма или иные, более мягкие трактовки посмертного существования, репрессивная функция религии нивелируется. Церковь же как социальный институт сохраняет в обществе свое влияние преимущественно за счет именно этой функции. Напротив, функция компенсаторная в полной мере может реализоваться в религии и без каких-либо институтов, как это и происходит, например, в даосизме или в многочисленных и разнообразных неканонических религиозных представлениях современности. Не случайно С. Роуз помещает в кавычки понятие «любящий Бог». Такое понятие никак не может удовлетворить церковных мыслителей без дополнения его понятием «Бог карающий».

Тем не менее, в современном церковном истолковании грядущего воскресения встречаются и самые светлые мотивы, близкие философии общего дела. Так, священник Даниил Сысоев, убитый во время своего богослужения в Москве в 2009 г., следующим образом живописует картину воскресения: «Именно так и будет: наши могилы процветут жизнью, и мы выйдем из могилы во плоти в возрасте тридцати трех лет без очков, без клюшек, без костылей, без генетических недостатков, и наши тела будут в точности отражать наши души» [8]. В этом утверждении не содержится прямого обещания всеобщего воскрешения и прощения, но сам его тон говорит в пользу идеи апокатастасиса.

Аврелий Августин в трактате «О бессмертии души» говорит: «Если же кто-нибудь скажет, что душе следует бояться не той смерти, вследствие наступления которой бывшее нечто обращается в ничто, но той, что лишает живущее жизни, тот пусть обратит внимание на то, что никакая вещь не лишается самой себя. Душа есть известного рода жизнь; поэтому все, что одушевлено, живет, а все неодушевленное, что могло бы быть одушевлено, считается мертвым, т.е. лишенным жизни. Следовательно, душа не может умереть. Ибо, если бы она могла лишиться жизни, она была бы не душой, а просто чем-то одушевленным. Если же это нелепо, то душе еще гораздо менее следует бояться этого рода смерти, который вовсе не должен быть страшен для жизни. Ведь, если бы душа умирала тогда, когда оставляла бы ее эта жизнь, то тогда душою следовало бы признавать саму жизнь, которая в данный момент ее оставляет. Так что душой будет не то нечто, что оставляется жизнью, а сама жизнь, оставляющая то, что умирает, но себя саму, разумеется, не оставляющая. Следовательно, душа не умирает» [6].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- идея бессмертия в религиозном сознании принимает различные формы не столько в соответствии с типом религии, сколько с типом личностного отношения к проблеме смерти;
- в представлениях о посмертном существовании человека выражаются национально-культурные и субъективно-личностные особенности понимания справедливости как этической категории;

- идея бессмертия обеспечивает преимущественно две социальные функции религии, образующие диалектическое противоречие: дисциплинарную (репрессивную) и компенсаторную функции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика. 1993. – 383 с. / Библиотека этической мысли.
2. Бердяев Н., Шестов Л. Переписка и воспоминания / публикации Н. Барановой-Шестовой // Континент. – 1981. – № 30. – С. 293-314. – С. 307.
3. Варава В.В. Становление и развитие нравственной философии смерти в России / Соловьевские исследования. – Вып. 3 (31). – 2011. – С. 105-125.
4. Димитрова Н.И. Лев Шестов, Лев Толстой и откровения смерти // Соловьевские исследования. – Вып. 4(40). – 2013. – С. 154.
5. Ерофеева К.Л. Тема любви в русском идеализме // Философский альманах. – № 1-2. – Иваново, 1998.
6. Блаженный Аврелий Августин. О бессмертии души [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://azbyka.ru/otechnik/Avgustin/o-bessmertii-dushi> (дата обращения: 18.10.2014).
7. Брянчанинов Игнатий. Слово о смерти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.pravoslavnaya-biblioteka.ru/ignatiy-bryanchaninov/slovo-o-smerti> (дата обращения: 18.11.2014).
8. Дьяченко Г. Тайная жизнь души после телесной смерти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Djachenko/tajnaja-zhizn-dushi-posle-telesnoj-smerti=7_3(дата обращения: 11.01.2015).
9. Культин С.Е. Бессмертие: иллюзия и реальность? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.co.ua/esoteric/kultinse/bessmertieillyzijairealnost.jsp> (дата обращения: 24.12.2014).
10. Иеромонах Серафим (Роуз). Душа после смерти. Глава 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Rouz/dusha-posle-smerti (дата обращения: 18.10.2014).
11. Сысоев Д. Инструкция для бессмертных, или что делать, если вы все-таки умерли. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/zhizn_posle_smerti/sysoev_instrukcija_dlja_bessmertnyh-all.shtml. С.26. (дата обращения: 18.11.2014).
12. Федоров Н.Ф. Pro et contra. В 2 кн. Книга вторая. – СПб., РХГИ, 2008. Серия «Русский путь». – С. 1216.
13. Франк С.Л. Смысл жизни // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fanread.ru/book/5597267/?page=1> (дата обращения: 23.11.2014).
14. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. – М.: Высшая школа. 1981. – 374 с.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka. M.: «Respublika». 1993. – 383 p. Biblioteka eticheskoy mysli. (inRuss.)
2. Berdyaev N., Shestov L. Perepiska i vospominaniya. publikatsii Natalii Baranovoy-Shestovoy. Kontinent. 1981. No.30. p. 293-314. p.307(inRuss.)
3. Varava V.V. Stanovlenie i razvitie нравstvennoy filosofii smerti v Rossii. Solo'evskie issledovaniya. No.3 (31). 2011. p.105-125(inRuss.)
4. Dimitrova N.I. Lev Shestov, Lev Tolstoy i otkroveniya smerti. Solovevskie issledovaniya. No.4 (40). 2013. p. 154. (in-Russ.)
5. Erofeeva K.L. Tema lyubvi v russkom idealizme. Filosofskiy almanakh. No. 1-2. – Ivanovo. – 1998. (inRuss.)
6. Blazhennyy Avreliy Avgustin. O bessmertii dushi. Available at: <http://azbyka.ru/otechnik/Avgustin/o-bessmertii-dushi> (accessed 18 October 2014) (inRuss.)
7. Bryanchaninov Ignaty. Slovo o smerti. Available at: <http://www.pravoslavnaya-biblioteka.ru/ignatiy-bryanchaninov/slovo-o-smerti> (accessed 18 November 2014) (inRuss.)
8. D'yachenko G. Taynaya zhizn dushi posle telesnoy smerti. Availableat: http://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Djachenko/tajnaja-zhizn-dushi-posle-telesnoj-smerti=7_3 (accessed 11 January 2014) (inRuss.)
9. Kul'tin S.E. BESSMERTIE: ILLYUIYA I REALNOST? Available at: <http://lib.co.ua/esoteric/kultinse/bessmertieillyzijairealnost.jsp> (data obrashcheniya (accessed 24 December 2014) (in-Russ.)
10. Ieromonakh Serafim (Rouz). Dusha posle smerti. Glava1. Availableat: http://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Rouz/dusha-posle-smerti (accessed 18 October 2014) (inRuss.)
11. Sysoev D. Instruksiya dlya bessmertnykh, ili chto delat', esli Vy vse-taki umerli. Availableat: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/zhizn_posle_smerti/sysoev_instrukcija_dlja_bessmertnyh-all.shtml. S.26 (accessed 18 November 2014) (inRuss.)
12. Fedorov N.F. Pro et contra. V 2 kn. Kniga vtoraya. SPb., 2008. – 1216 p. Seriya «Russkiy put'». pp. 1216. (inRuss.)
13. Frank S.L. Smysl zhizni. Availableat: <http://fanread.ru/book/5597267/?page=1> (accessed 23 November 2014) (inRuss.)
14. Chanyshev A.N. Kurs lektsiy po drevney filosofii. M. Vysshaya shkola. 1981. p. 374. (inRuss.)

Информация об авторе

Ширяева Екатерина Вадимовна, аспирант кафедры философии Ивановского государственного университета, Иваново, Россия
Shiryaevak@yandex.ru

Получена: 30.08.2015

Information about the author

Shiryaeva Ekaterina Vadimovna, Postgraduate, Chair of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo city, Russia
Shiryaevak@yandex.ru

Received: 30.08.2015

УДК 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-449-452

ЯКУНЧЕВ Михаил Александрович,
доктор педагогических наук, профессор

YAKUNCHEV Mikhail Alexandrovich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

МАМАЕВ Абдулахат Рашидович,
аспирант

MAMAEV Abdulahat Rashidovich,
Postgraduate student

**К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ДВИГАТЕЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ПОДРОСТКОВ В
УЧРЕЖДЕНИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ**

**THE PROBLEM OF FORMATION OF MOTOR
SKILLS OF ADOLESCENTS IN
INSTITUTIONS OF SUPPLEMENTARY
EDUCATION OF CHILDREN**

В статье указывается актуальность развития в современных условиях двигательных качеств подростков в учреждениях дополнительного образования детей сферы физической культуры и спорта. Раскрываются потенциальные возможности этих учреждений для реализации обозначенного процесса. Обосновываются и предлагаются различные условия усвоения подростками двигательных качеств в избранном виде спорта, состоящие из взаимосвязанных и взаимодополняющих компонентов – целевого, методологического, содержательного, организационно – процессуального и критериально-диагностического.

Изменение состояния здоровья людей происходило и происходит сейчас из-за хрупкости мира, резкого изменения различных параметров окружающей среды, недостаточного количества и некачественного состава пищи и воды, возникновения инфекций, невысокой культуры медицинского обслуживания и нездорового образа жизни.

Приходится констатировать, что обозначенные категории изменений в первую очередь касаются подрастающего поколения. Общеизвестно, что оно представляет собой основной трудовой и популяционный потенциал любой страны, от качества которого зависит будущее отдельного индивидуума и человечества в целом. Не является исключением в этом отношении и Россия.

Ключевые слова: дополнительное образование детей, физические качества, формирование двигательных качеств, современные условия формирования двигательных качеств в избранном виде спорта подростков.

The article addresses the necessity to develop motor skills of adolescents in institutions of additional education of children in the sphere of physical education and sports, highlights the potential of these institutions for implementing this process, justifies and proposes different conditions of training adolescents' motor skills in the chosen kind of sport consisting of interrelated and mutually reinforcing components – purposeful, methodological, conceptual, organizational-procedural and criteria-diagnostic components.

Changes in the health status of people are caused by the fragility of the world, drastically changed parameters of the environment, inadequate quantity and quality of food and water, infections, low culture of health care and unhealthy way of life.

We have to admit that the above mentioned categories of changes primarily relate to the young generation. It is well known that young generation is the main human and labor resource and potential of any country, the quality of which influences the future of the individual and humanity as a whole. In this regard, Russia is not an exception.

Key words: additional education of children, physical qualities, the formation of motor skills, modern conditions for the development of motor skills of teen-agers in the chosen kind of sport.

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Государственного задания ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева» на 2015 год. Проект № 1846 «Теоретико-методические основы разработки модели вуза как базового центра педагогического образования».

The work was supported by the Ministry of Education of the Russian Federation in the framework of the government task to the Mordovian State Pedagogical Institute named after M.E. Evseyev for 2015. Project № 1846 "Theoretical and methodological basis for the development of the model of university as a basic center of pedagogical education."

В условиях интенсивного социально-экономического и технологического развития современного общества четко проявились глобальные проблемы, имеющие планетарный характер и отражающие интересы всего человечества. Разные исследователи в основном выделяют одни и те же проблемы, среди которых приоритетными являются экологическая, продовольственная, демографическая, обеспечения производства сырьем и энергией, преодоления отсталости социумов, сохранения здоровья и культивирования здорового образа жизни [6, с. 218].

Признавая ситуацию ухудшения состояния здоровья, игнорирование установок на ведение здорового образа жизни, Министерством здравоохранения Российской Федерации проведено комплексное исследование, выявившее негативные тенденции в структуре соответствующей проблемы. Так, за период в десять последних лет общая заболеваемость детей и подростков увеличилась на 55%, в то время как взрослого населения – на 26%. Максимальные темпы прироста отмечены по болезням костно-мышечной системы – в 3,8 раза (у взрослых – в 1,3 раза), болезням эндокринной системы – в 3,2 раза (у взрослых – в 1,6 раза), болезням репродук-

тивной сферы – в 3,1 раза (у взрослых – в 1,8 раза). В структуре общей заболеваемости первое место занимают болезни органов дыхания, доля которых составляет 44,7%, на втором – находятся болезни нервной системы и органов чувств (12,7%). В последние годы значительно возросло число болезней эндокринной и мочеполовой систем, значимость которых для молодого организма особенно велика в связи с их влиянием на становление репродуктивной функции [7, с. 340].

Результаты сравнительного анализа показателей заболеваемости взрослых с аналогичными показателями детей и подростков свидетельствуют о том, что у них во всех возрастных группах темпы прироста показателей заболеваемости значительно выше. Это характеризует большую вероятность осуществления неблагоприятного прогноза здоровья россиян на ближайшее десятилетие.

Специалисты разных сфер отечественной науки отмечают, что одной из причин сложившейся ситуации является низкая двигательная активность и несформированность культуры движения. Не вызывает сомнений наличие тесной связи между первичной суточной двигательной активностью и заболеваемостью сердечно-сосудистой системы у различных групп населения, включая детей и подростков. Организовав собственное социологическое исследование среди детей среднего школьного возраста, мы установили, что большую часть свободного времени они проводят перед компьютером за играми, общаясь в социальных сетях (76%) или выполняя домашние задания (24%). Лишь некоторые респонденты (15%) утверждают, что регулярно самостоятельно или в ходе секционных занятий занимаются физическими упражнениями. Остальные опрошенные либо игнорируют занятия физической культурой, либо делают это бессистемно.

Для большинства обучающихся, особенно в период посещения занятий, проблемой является дефицит движений, иначе гипокинезия. Именно она снижает функциональные возможности организма в целом, нарушает функциональность опорно-двигательного аппарата и вегетативные функции. Проведенное еще в 2000–2001 гг. НИИ Гигиены и охраны здоровья детей Научного центра здоровья детей РАМН по Европейской программе стандартизированного опроса исследование образа жизни обучающихся старшего подросткового возраста выявило низкую двигательную активность у каждого третьего юноши и половины девушек 8–11 классов московских школ. Обозначенные выше социологические данные позволяют утверждать, что гипокинезия как бы предопределяется самой образовательной программой общеобразовательной организации.

Обязательный ежедневный объем времени, затрачиваемый обучающимся любого класса на двигательную активность, по требованию СанПиН равен двум часам. Однако этот норматив не выполняется. Так, для общеобразовательной организации традиционно характерна дисциплинарная модель обучения по принципу «удобно для учителя», а не «хорошо для обучающихся».

По данным ранее проведенных исследований, даже обычная образовательная программа в настоящее время под силу лишь одной трети учащихся, а сочетание избыточной умственной нагрузки и недостаточного уровня физической активности способствует нанесению значительного ущерба их здоровью. За период обучения в образовательной организации с первого по девятый класс число здоровых детей уменьшается примерно в четыре раза; количество детей, страдающих близорукостью, увеличивается до 50%; нарушения осанки диагностируются у 65% детей, а нервно-психические расстройства – у 40%. Чрезмерные умственные нагрузки, связанные с выполнением учебной деятельности, способствуют возникновению хронических заболеваний у каждого второго ребенка [4, с. 185].

Наряду со снижением двигательной активности, на состояние здоровья подростков также оказывает негативное влияние несбалансированное питание, неэффективное образование в области здоровьесбережения, слабое психологическое сопровождение образовательного процесса, бессистемная работа по предупреждению разных форм девиантного поведения детей [7, с. 430].

Представим краткие характеристики и наши комментарии к обозначенным суждениям.

Несбалансированное питание. В целом организация питания в общеобразовательных организациях характеризуется своей неупорядоченностью. С одной стороны, в последние годы во многих регионах страны осуществляются специальные программы по организации рационального питания в форме бесплатного для детей из многодетных, малоимущих семей и организации горячего питания. С другой стороны, массовое питание обучающихся является несбалансированным. При удовлетворительной энергетической обеспеченности, к сожалению, наблюдается острый недостаток белков животного происхождения, витаминов и минеральных элементов. В содержании питания также проявляется дефицит мяса, яиц, рыбы, свежих овощей

и фруктов и в то же время избыток хлебобулочных и макаронных изделий, равно как и полисахаридов. Практически полностью отсутствует дифференциация рационов питания по возрастным группам обучающихся. При такой организации питания трудно утверждать о здоровье подрастающего поколения, его сохранении и укреплении при обеспечении необходимого объема двигательной активности и соблюдении оздоровительных мер.

Неэффективное образование в области здоровьесбережения. Общий смысл образования в обозначенной области заключается в формировании устойчивой мотивации, убеждений в необходимости поддержания в течение длительного времени здоровья, выполнении соответствующих видов деятельности, обеспечивающих здоровый образ жизни для полноценной жизнедеятельности. Однако остается непонятным, кто из педагогов должен обеспечивать весь комплекс соответствующих форм и методов образования в области здоровьесбережения. Несмотря на то, что многие общеобразовательные организации заявляют об успешной здоровьесберегающей деятельности, заболеваемость обучающихся в них остается на уровне среднестатистических показателей по нашей стране, в том числе по болезням опорно-двигательной системы, связанным с недостаточной двигательной активностью.

Слабое психологическое сопровождение образовательного процесса. В последние годы во многих общеобразовательных организациях в штатном расписании удалось сохранить ставки психологов. Однако те задачи, которые стоят перед ними, им явно не под силу. В лучшем случае психологам удается наладить работу по психодиагностике или работу с явно «запущенными» детьми. Что же касается организации системной коррекционной работы с обучающимися, нуждающимися в психологической помощи, то она в большинстве случаев остается нерешенной [2, с. 35].

Особенно это касается коррекции психического, эмоционального, интеллектуального и духовного здоровья, в совокупности обусловленного физическим состоянием человека, сопряженным с оптимальными затратами энергетических ресурсов, отсутствием болезней и телесных повреждений, обеспечением полноценной работоспособности и выносливости.

Бессистемная работа по предупреждению разных форм девиантного поведения детей. К ним относят табакокурение, употребление алкогольных напитков, наркотических средств, агрессивное поведение и ранний секс. Установлено, что к 15 годам около 60% подростков пробовали курить (57,9% юношей и 56,8% девушек), а 20,8% юношей и 12,4% девушек курят ежедневно. К 15-летнему возрасту практически все подростки пробовали алкогольные напитки; около половины хотя бы раз испытывали чувство алкогольного опьянения, а 12,9% юношей и 3,8% девушек бывали по-настоящему пьяными более десяти раз. В последние годы большое количество обучающихся приобщается к употреблению наркотиков, существует даже определенная молодежная мода на них. Так, около 60–65 % 15-летних подростков считают, что «употребление слабых наркотиков является абсолютно безвредным для их здоровья». Поэтому имеется объективная необходимость в предупреждении девиантного поведения, отвлечении от вредных привычек, а самое главное, включение в разные виды деятельности, среди которых одной из приоритетных является двигательная.

Таким образом, можно констатировать, что общеобразовательные организации, на которые государством и обществом возложена миссия по формированию у обучающихся устойчивой потребности в ведении здорового образа жизни, их приобщению к практической здоровьесберегающей деятельности, в том числе проявлению двигательной активности, с ней справляются недостаточно эффективно. При этом потенциальные возможности других социальных институтов, таких как семья, организации системы здравоохранения, средства массовой информации, государство, в деле сохранения и укрепления здоровья подрастающего поколения, по нашему мнению, могут выступать лишь в качестве второстепенных, осуществляя деятельность по пропаганде здорового образа жизни, профилактике и лечению заболеваний детей, а также созданию инфраструктуры, позволяющей культивировать двигательную активность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Амосов Н.М. Физическая активность и сердце / Н.М. Амосов, Я.А. Бендет. – Киев: Здоровье, 1989. – 216 с.
2. Андрюхина Л.М. Дополнительное образование: возможности развития личности / Л. М. Андрюхина // Дополнительное образование. – № 9. – 2000. – С. 60–64.
3. Аршавский И.А. Физиологические механизмы и закономерности индивидуального развития / И. А. Аршавский. – М.: Наука, 1982. – 270 с.
4. Бальсевич В.К. Онтокинезия человека: монография / В.К. Бальсевич. – М.: Теория и практика физической культуры, 2000. – 275 с.
5. Бальсевич В.К. Физическая культура: молодежь и современность / В.К. Бальсевич, Л.И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. – № 4. – 1995. – С. 5–12.

6. Бобылев С.Н. Индикаторы устойчивого развития России: эколого-экономические аспекты / С.Н. Бобылев, П.А. Макеенко. – М.: ЦПРП, 2001. – 220 с.
7. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
8. Валиулина Л.И. Физическая культура как базис полноценной жизнедеятельности человека / Л.И. Валиулина // Проблемы развития физической культуры и спорта в новом тысячелетии: матер. 2-ой междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 7 марта 2013 г. / ФГАОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». – Екатеринбург: РГППУ, 2013. – С. 120–122.

REFERENCES

1. Amosov N.M. *Physical activity and heart*. Amosov N.M, Bendet J.A. Kiev. *Health*, 1989. 216 p.
2. Andryukhina L.M. *Additional education: Opportunities development of personality*. Andryukhina L.M. *Additional education*. № 9. 2000. P. 60–64.
3. Arshavskiy I.A. *Physiological mechanisms and patterns of individual development*. Arshavskiy I.A. Moscow. *Nauka*. 1982. 270 p.
4. Balsevich V.K. *Ontokineziya chelovekamonografiya*. Balsevich V.K. Moscow. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2000. 275 p.
5. Balsevich V.K. *Physical education: youth and modernity*. Balsevich V.K., Lubysheva L.I. *Theory and Practice of Physical Culture*. № 4. 1995. P. 5–12.
6. Bobylev S.N. *Indicators for sustainable development of Russia: ecological and economic aspects*. Bobylev S.N., Makeyenko P.A. Moscow. *CPPI*. 2001. 220 p.
7. Bozovich L.I. *Personality and its formation in childhood*. Bozovich L.I. Moscow. *Education*. 1968. 464 p.
8. Valiulina L.I. *Physical education as the basis of a full human life*. Valiulina L.I. Problems of development of physical culture and sport in the new millennium: mater. 2nd Intern. scientific and practical. Conf. Ekaterinburg. March 7. 2013. FSAEI HVE Rus. state. prof.-ped. Univ. Yekaterinburg. RSVPU. 2013. P. 120–122.

Информация об авторе

Якунчев Михаил Александрович, доктор педагогических наук, профессор

Мамаев Абдулахат Рашидович, аспирант Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева, преподаватель кафедры спортивных дисциплин и безопасности жизнедеятельности, Саранск, Республика Мордовия, Россия
axat7777@yandex.ru

Получена: 17.09.2015

Information about the author

Yakunchev Mikhail Alexandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

Mamaev Abdulahat Rashidovich, Postgraduate student, Lecturer, Chair for Sports Disciplines and Safety, the Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E Evseyev.

axat7777@yandex.ru

Received: 17.09.2015

Хроника, события, факты

В Испании состоялся XIII Конгресс МАПРЯЛ

*По материалам
Международной ассоциации преподавателей
русского языка и литературы*

В испанской Гранаде завершил свою работу тринадцатый Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры», проведенный МАПРЯЛ при поддержке фонда «Русский мир».

В рамках конгресса, проходившего с 13 по 20 сентября 2015 года, состоялось 35 заседаний по научным направлениям и 8 круглых столов. В работе конгрессных мероприятий приняло участие около 1200 делегатов из 60 стран мира – преподавателей-русистов, лингвистов, литературоведов, методистов, руководителей учебных заведений всех уровней образования, представителей органов власти, общественных организаций.

На церемонии открытия выступили президент МАПРЯЛ, президент Российской академии образования, президент Санкт-Петербургского университета Л.А. Вербицкая, мэр Гранады Хосе Торрес Уртадо, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Королевстве Испания Ю.П. Корчагин, руководитель Россотрудничества Л.Н. Глебова, ректор Гранадского университета Пилар Аранда Рамирес.

Выступая с докладом «Роль языка в жизни общества» на пленарном заседании, Л.А. Вербицкая рассказала о положении русского языка в мире, привела оценки различных исследовательских центров, согласно которым, русским языком владеет от 200 до 300 миллионов жителей планеты, рассказала о деятельности национальных ассоциаций и российских организаций, занимающихся поддержкой русского языка. В докладе были проанализированы результаты реализации ФЦП «Русский язык», в числе которых – увеличение объема информационных ресурсов по русскому языку в 2,7 раза и шестикратный рост числа участников мероприятий по популяризации русской культуры за рубежом.

«Русский язык и порожденная им культура сегодня выступают в качестве значимого фактора мироустройства хотя бы потому, что в мире мы фиксируем устойчивый рост интереса к русскому языку», — отметила президент МАПРЯЛ.

Людмила Вербицкая одобрила идею создания международной гуманитарной организации, которая объединила бы «зарубежных друзей России на основе единых цивилизационных ценностей, вне зависимости от страны проживания, национальности, вероисповедания, профессиональной деятельности, гражданства. Эта организация, помимо вопросов расширения границ «русскоязычного мира», стала бы мощным инструментом защиты интересов русскоязычных сообществ на международном политическом уровне».

Насыщенной была и культурная программа конгресса, включавшая концерты фортепианной музыки, концерт знаменитого исполнителя романсов, народного артиста России Олега Погодина, а также серию выставок, посвященных культурному сотрудничеству России и Испании. Внимание не только русистов, но и всех жителей Гранады привлекла церемония открытия памятника Пушкину, выполненного петербургским скульптором Б.А. Петровым и установленная в парке «Фуэнте Нуэва» Гранадского университета. Участие в этом торжественном мероприятии принял министр образования и науки России Д.В. Ливанов.

На церемонии закрытия конгресса выступил почетный гость, политолог, Председатель Комитета Государственной Думы по образованию, председатель Правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов. Обращаясь к участникам конгресса, он сослался на результаты научных исследований, доказавших, что знание иностранных языков способствует долголетию. «Именно поэтому все вы, распространяя русский язык в мире, продлеваете жизнь всему человечеству», — отметил В.А. Никонов.

В Москве успешно завершился IV Международный парламентский форум

*По материалам
Российского исторического общества*

1 октября – в Москве успешно завершился IV Международный парламентский форум – традиционная дискуссионная площадка, входящая сегодня в ряд самых значимых и представительных евразийских политических клубов.

На этот раз депутатов, экспертов и представителей международных организаций из 43 стран мира объединил поиск путей решения сложной проблемы неподконтрольной миграции и общей внешнеполитической напряженности.

Исторический вектор дискуссии задал выступивший перед парламентариями Председатель Государственной Думы Федерального Собрания и Российского исторического общества Сергей Нарышкин. Упомянув о незаметно пролетевшем 40-летнем юбилее Хельсинкского Заключительного акта, закрепившего «ключевые принципы общеевропейской безопасности», и грядущем 20-летию членства России в Совете Европы, спикер с сожалением описал тот международный контекст, в котором нам приходится встречать эти знаковые даты. Всевозрастающее недоверие, взаимные обвинения стран-участниц ОБСЕ и агрессивная риторика в адрес России, достигшая «пиковых значений со времён холодной войны», по словам Сергея Нарышкина, омрачают сегодня радость от прежних достижений российско-европейского сотрудничества. «Повторю: поле для диалога парламентов сужается. При том, что вопросов, требующих нашего обсуждения, становится с каждым годом все больше и больше», - подчеркнул он.

Под конец выступления Председатель Российского исторического общества особо упомянул о глобальном значении победы во Второй мировой войне, которая «далась очень дорогой ценой – десятками миллионов жизней». Сергей Нарышкин заявил, что «россияне никогда не забудут тех жертв и исторических уроков», а потому не смогут, по примеру западных коллег, «стыдливо закрывать глаза на истоки украинской трагедии и умалчивать о роли в ней неонацистских сил».

Вслед за спикером к символическому образу боевого братства времен Второй мировой войны обратился и бывший премьер-министр Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро. Парламентарий напомнил о колоссальном вкладе России в уничтожение фашизма и рассказал участникам встречи о том, как во время Гражданской войны 1936-1939 годов Советский Союз принял к себе четыре тысячи испанских детей. Политик обратился к России с искренним призывом и сегодня «играть ту роль, которая отведена вам историей».

На Кубани обсудили вопросы стабильности и порядка в современном обществе

*По материалам
Департамента молодежной политики
Краснодарского края*

В Краснодаре 15 сентября состоялась краевая научно-практическая конференция «Стабильность и порядок в современном обществе. Вызовы и угрозы». Участники конференции собрались, чтобы поднять проблемы экстремизма и найти практические подходы к профилактике распространения экстремистских идей и учений среди молодежи. Мы живём в многонациональном, многоконфессиональном государстве и недооценивать, а тем более игнорировать проблемы обострения межнациональных, межэтнических и межрелигиозных отношений недопустимо и крайне опасно.

Конференция структурно представляла собой пленарное и секционные заседания обучающего характера, которые открыла заместитель главы администрации Краснодарского края Анна Минькова.

Вице-губернатор обратила внимание, что сегодня к трём факторам влияния на молодёжь – семья, школа, улица – добавился ещё и интернет, откуда идет основная угроза.

В рамках конференции обсуждались вопросы формирования в молодежных кругах четко выраженной гражданской позиции по вопросам противодействия экстремизму и терроризму, профилактики асоциальных проявлений в молодежной среде. По мнению руководителя департамента молодежной политики Краснодарского края Сергея Килина многие проблемы кроются в непонимании сути вещей и понятий. Так же спикерами на пленарном совещании стали Александр Трубилин, ректор КубГАУ, Евгений Шендрик, председатель комитета Законодательного Собрания Краснодарского края по военным вопросам, безопасности, воспитанию допризывной молодежи и делам казачества, Герой Российской Федерации, Александр Рюмин, старший помощник прокурора Краснодарского края, Алексей Резник, начальник управления по делам несовершеннолетних, Темура Хагуров, профессор КубГУ, доктор социологических наук, Протоиерей Александр Игнатов, Сергей Любин, начальник отдела по взаимодействию с институтами гражданского общества управления информации и общественных связей ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Каждое выступление раскрывало суть проблемы с новой стороны и помогало найти пути её решения.

В секции №1 обсудили проблемы взаимоотношений и источники конфликтов в полиэтничном и поликонфессиональном регионе. Участники прослушали доклады о поводах и причинах этнических и религиозных конфликтов, поговорили о взаимоотношениях национальных общин и диаспор с местным населением.

Для заместителей директоров и проректоров по воспитательной работе образовательных организаций, а так же для молодежного парламента города Краснодара была организована секция «Воспитательные возможности образовательных организаций в формировании межнационального и межконфессионального согласия в среде молодежи».

Формы и методы информационного противодействия экстремистской и террористической идеологии, а так же вопросы противодействия радикальным группам молодежи в сети Интернет были подняты в рамках работы третьей секции.

Острая тема молодежного экстремизма, причин его роста и способов противодействия была раскрыта начальниками отделов по делам несовершеннолетних администраций муниципальных образований Краснодарского края.

«Формирование общероссийской идентичности в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений» - на эту тему шла речь в секции № 5.

Также прошло совещание заместителей глав муниципальных образований Краснодарского края на тему организации работы по профилактике экстремизма и терроризма на территории муниципальных образований Краснодарского края.

По завершении работы тематических секций были подведены итоги. Конференция стала первым заседанием подобного масштаба в Краснодарском крае на тему противодействия терроризму и экстремизму. Участники встречи попробовали ответить на конкретные вопросы, рассмотрели назревшую проблемную ситуацию глубже и продумали шаги дальнейших действий.

ИНФОРМАЦИЯ для авторов журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, философии, психологии, методики и методологии преподавания гуманитарных и педагогических дисциплин.

Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо на надежном оптическом носителе (только CD-R) почтой (простым письмом или бандеролью) по адресу: **350080, Россия, г. Краснодар, пос. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.** редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль».

Редколлегия журнала принимает материалы, присланные по электронной почте файлами, прикрепленными к электронному письму. Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и тщательно вычитаны.

Отдельным файлом с расширением **.doc** или **.rtf** прилагается заявка на публикацию работы, в которой обязательно должны быть отображены следующие сведения о каждом из авторов: фамилия, имя, отчество (полностью) в именительном падеже, ученая степень, ученое звание, место работы (с указанием конкретного подразделения), должность, город проживания, контактный телефон/факс, E-mail, почтовый адрес для отсылки бесплатного авторского экземпляра, наименование страны (для иностранных авторов).

Отдельным файлом с расширением **.doc** или **.rtf** на английском языке дублируются: фамилии имена и отчества авторов **ПОЛНОСТЬЮ**, (без сокращений), название статьи прописными буквами, ученая степень и звание, если имеется, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, аннотация и ключевые слова. Файл именуется следующим образом: **«summary.фамилия первого автора, напр. Иванов Иван Иванович»**.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором работы, статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

Для авторов, не имеющих ученой степени, необходимо представить рецензию научного руководителя и выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации к публикации. Рецензии, а также выписки и справки об обучении в аспирантуре, заверенные согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылаются простым письмом на адрес редакции. Отсканированные копии всех документов прилагаются к электронному письму отдельными файлами с расширением **.jpg** или **.pdf**.

Авторы, имеющие ученую степень, должны приложить 2 рецензии к своей работе авторитетных специалистов в изучаемой области (как правило, имеющих ученую степень кандидата или доктора наук), подписанные и заверенные печатью по месту основной работы рецензентов. Наличие рецензий на статью увеличивает шансы автора на положительное решение редколлегии и скорую публикацию статьи. Рецензия составляется в произвольной форме, обязательным является заключение **«данная статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК»**, а также наличие подписи и печати.

К статье, написанной в жанре рецензии, в обязательном порядке прилагается рецензируемое издание.

Члены редколлегии знакомятся со статьей [журнал осуществляет редакционный контроль качества, поэтому статья проходит, помимо внешних рецензий, обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знают рецензентов)] и в месячный срок принимают решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Отзывы членов редколлегии автору не сообщаются, в обсуждение достоинств и недостатков статьи редакция с автором не вступает. Мнение и выводы автора могут не совпадать с мнением редакции и членов редколлегии.

Статьи соискателей степени кандидата наук не должны превышать **0,5 п.л. (20 000 знаков)**, кандидатов, докторов наук и соискателей степени доктора наук – **1 п.л. (40 000 знаков)**. В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема.

Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор. Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации. Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала без выплаты авторского вознаграждения. В случае наличия каких-либо ограничений авторского права на присланные материалы, автор обязан письменно уведомить об этом редакцию.

Поступление статьи в редакцию подтверждает полное согласие авторов с настоящими требованиями, материалы, оформленные с нарушением настоящих требований, отклоняются, и авторам предлагается доработать текст.

Перепечатка опубликованных в журнале материалов разрешается только с письменного согласия редакции.

Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов.

Требования к оформлению авторских материалов

Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word или в функционально идентичном альтернативном ПО, в формате A4 с полями 25 мм. Файл должен иметь расширение .doc или .rtf. Выравнивание по левому краю, первая строка – отступ 1 см, междустрочный интервал – полуторный, шрифт Times New Roman, размер 14, **автоматические переносы не допускаются.**

Последовательность изложения материала (каждый из пунктов начинается с новой строки):

1. **Индекс УДК;**
2. **Авторы статьи.** ФИО авторов статьи следует указывать **полностью**, без сокращений (Сидоров Иван Петрович) через запятую указываются ученая степень и звание, должность, полное (без сокращений) название кафедры, организации, (необходимо привести официальное ПОЛНОЕ название учреждения - без сокращений), если авторов несколько, фамилия каждого следующего автора начинается с новой строки;
3. **Название статьи**
4. **Аннотация.** Характеризует основную тему, актуальность, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну. Объем текста аннотация (резюме) должен быть не менее 100-250 слов.
5. **Ключевые слова.** (не менее 10-и слов) способствуют индексированию статьи в поисковых системах. Они должны попарно соответствовать на русском и английском языках.

Англоязычная аннотация:

- **Article title.** Название на английском языке должно быть по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию и грамотно составлено с точки зрения английского языка
- **Author names** ФИО необходимо писать латиницей, как в заграничном паспорте,
- **Affiliation.** Необходимо указывать официальное англоязычное название учреждения. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ <http://elibrary.ru>
- **Abstract и Key words:** Англоязычная версия аннотации статьи (резюме) должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка.

«Аннотации на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты оценивают публикацию по аннотации и если проявляют интерес к работе, то могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, от-

крыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Аннотация к статье должна выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология»

Информация о спонсорстве. Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском, английском или обоих языках)

Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например: [1, с. 290-316, 344] [2, л. 290-316. Л л. 2-22, 23-30, 208-212] [7, л. 29-31, 31 об.]

Количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 4. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия. Заголовки граф должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения. Цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются.

Иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать **без полутонов**. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты либо отдельными файлами с расширением .TIFF и .JPG с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название и даны на русском и английском языках

В тексте статьи годы указываются только в цифровой форме: 1920-е гг.; XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в., вв.; г.; гг.

Буква **ё** ставится только в тех случаях, когда замена на **е** искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только **е**.

Сокращения: *др., пр., т.п., т.д.* даются только в конце предложения. Слова *так как, в том числе, потому что* не сокращаются.

При цифрах используется знак процента или промилле: 30 %; 15‰.

В цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами: *млрд; млн; тыс.* После слов *млрд* и *млн* точка не ставится.

Названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: *долл., фр., р., ф. ст.*, остальные денежные знаки пишутся полностью.

В цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания: « “ ” ».

Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию; после текста перед концевыми сносками по центру малыми прописными дается рубрика

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

либо

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой

их последовательности:

1. фамилия автора, его инициалы (набираются курсивом);
2. название источника;
3. по ГОСТу вид издания, если он указан (монография; учеб. пособие; сб. науч. тр.; материалы Междунар. конф.; тезисы докладов и т.д.);
4. место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);
5. издательство или издатель (например: Наука; Мысль; Просвещение; Кубанский гос. ун-т);
6. год издания;
7. при ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается: URL: электронный адрес первичного источника информации и дата обращения.

При ссылке на архивные данные полное название архива пишется только при первом упоминании, затем сокращенное. После названия архива указывается номер фонда, номер описи, номер дела, номер листа (все именно в такой последовательности).

При повторной ссылке на ту же книгу вместо полного ее названия пишется: Указ. соч. Если повторная ссылка следует сразу же за первой, ее оформляют словами: Там же.

В оригинальных статьях желательно не более 15 источников, в обзорных – до 50. Шрифт сносок: Times New Roman размер 12.

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25].

REFERENCES (пристатейные списки литературы на английском языке и транслитерация названия статьи)

Название статьи в ссылках должна быть дублирована на английский язык и транслитерирована (написана латинскими буквами) в квадратных скобках []. Для транслитерации можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bgn>.

Следует обратить внимание на то, что в **REFERENCES** название статьи и журнала **НЕ** следует разделять знаком «//» и «-», а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, **НЕ** следует разделять знаком «-»,

Названия отечественных журналов сокращать нельзя.

Язык. Необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи. В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (например, [ru; en])

Пристатейный список литературы должен быть оформлен в соответствии с «**Правилами оформления пристатейных списков литературы**», разработанными в соответствии с рекомендациями Scopus (стандарт U.S. National Information Standards Organization NISO Z39.29-2005 [R2010]).

«Список литературы (References) для SCOPUS и других зарубежных БД приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 5.0.7. Библиографическая ссылка. Разделительные знаки российского ГОСТа не понятны создателям БД. Излишни также слова «электронный ресурс», особенно если эти слова даются в транслитерации.

При составлении списков литературы для зарубежных БД важно понимать, что чем больше будут ссылки на российские источники соответствовать требованиям, предъявляемым к иностранным источникам, тем легче они будут восприниматься системой. И чем лучше в ссылках будут представлены авторы и названия журналов (и других источников), тем точнее будут статистические и аналитические данные о них в системе в международных базах данных.

Структура библиографической ссылки для русскоязычных статей из журналов должна выглядеть так:

- авторы (транслитерация),
- перевод названия статьи на английский язык,
- название статьи в транслитерированном варианте в квадратных скобках,
- название источника (транслитерация и курсивом),
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые, указание на язык статьи в скобках.

Пример ссылки на статью из российского журнала:

Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing [Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta]. *Neftyanoe khozyaistvo – Oil Industry*, 2008, no.11, pp. 54-57. (in Russ.).

Примеры описания статей из SCOPUS, имеющих DOI:

Yang, S.Y., Ryu, I., Kim, H.Y., Kim, J.K., Jang, S.K., Russell, T.P. Nanoporous membranes with ultrahigh selectivity and flux for the filtration of viruses (2006) *Advanced Materials*, 18 (6), pp. 709-712. Cited 89 times. doi: 10.1002/adma.200501500

Ссылка на Интернет-ресурс:

APA Style (2011), Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (accessed 5 February 2011).

Требования к предоставлению сведений на английском языке (**REFERENCES**) *взяты из статьи:*

«ПОДГОТОВКА РОССИЙСКИХ ЖУРНАЛОВ ДЛЯ ЗАРУБЕЖНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДАННЫХ SCOPUS: РЕКОМЕНДАЦИИ И КОММЕНТАРИИ»

О.В. Кириллова, к.т.н., заведующая отделением ВИНТИ
РАН, член Экспертного совета (CSAB) БД SCOPUS

Историческая
и социально-образовательная мысль
2015. Том 7 № 6 часть 1

Подписной индекс **26187**
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Сдано в набор 27.09.2015
Подписано в печать 29.09.2015
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать RISO. Уч.-изд. 461 ст.
Тираж 550 экз.

**Тираж изготовлен на полиграфической базе
Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института**

г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»